

ТРУДЫ
IX АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА.

ТРУДЫ

1895 г.

ДЕВЯТАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ ВИЛЬНѢ

1893

Подъ редакціей графини Уваровой и С. С. Слущаго.

Томъ II

МОСКВА.

Типографія Э. Лиснера и Ю. Романа, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лиснера.

1897.

ТРУДЫ

ИЗДАНИЕ ВЪ ВЪНЬШНЕЙ

ВЪ ВЪНЬШНЕ

1881

Печатается на основании постановления Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Председатель Графиня Уварова.

Издательство Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества

Издатель

81

1950 г.

БИБЛИОТЕКА
ИИ Имп. Александра II
в Музейной работе

В-299

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стран.
М. Н. Бережковъ. Елена Ивановна, великая княгиня литовская и королева польская	1
Л. Х. Штида. О различных именахъ сортовъ мѣха въ ганзейское время	45
А. И. Соболевскій. Особенности русскихъ переводовъ до-монгольского періода	58
Е. О. Карскій. Что такое западно-русское нарѣчіе	62
Н. И. Петровъ. Кулятицкая икона Богородицы, въ связи съ древне-русскими энколпіонами	71
С. В. Люба-Радзиминскій. Памятники каменнаго вѣка части западной Вольни (табл. I—III)	79
Г. В. Пичъ. Замѣтки о чешской археологiи (табл. IV—VIII)	83
С. Тамченко. Городище и могильники р. Корчеватый	89
О. В. Покровскій. Къ изслѣдованію кургановъ и городищъ на восточной окраинѣ современной Литвы (табл. IX—XIII)	138
Е. Ф. Орловскій. Основаніе г. Гродны и его исторія до 1241 г.	197
С. В. Люба-Радзиминскій. Нѣсколько словъ по поводу статьи А. В. Логинова: „Князь Любарть Ольгердовичъ и его потомки князя Сангушки“	201
Ксендзъ В. Фронцкевичъ. Краткое описаніе римско-католическихъ костеловъ г. Вильны (табл. XIV—XVII)	204
„ Въ ризницахъ римско-католическихъ костеловъ Вильны и Трокъ (табл. XXI—XXII)	217
Ю. О. Крачковскій. Православныя святѣни города Вильны (табл. XVII—XX)	223
Баронъ I. А. де-Бай. Ковчегъ Асторгскаго собора (табл. XXIII)	251
В. И. Сизовъ. Дьяково-городище, близъ Москвы (табл. XXI ^a — XXVIII ^a)	256
А. Н. Харузинъ. Черепа изъ раскопокъ В. И. Сизова въ Московскомъ уѣздѣ	268
Г. Е. Богусловскій. Вольнскія рукописныя евангелія и апостолы (табл. XXIV—XXVIII)	277
П. В. Владиміровъ. Новыя данныя для изученія литературной дѣятельности князя Андрея Курбскаго	308
„ Древне-русское Слово о лѣнливомъ и о сонливомъ	317
„ Рукопись „Апостола Толковаго“ 1500 г., принадлежащая И. Л. Силину	323
Н. П. Авенариусъ. Еще нѣсколько словъ о дрогичинскихъ пломбахъ	325

П Р О Т О К О Л Ы.

Засѣданія Совѣта Съѣзда	3, 119
Составъ Съѣзда	5
Общія засѣданія Съѣзда	19, 37, 54, 73, 79, 107, 120
Засѣданія отдѣлений:	
I. Древностей первобытныхъ	48, 69, 83, 98, 114
II. Древностей историческихъ, географическихъ и этнографическихъ	45, 59, 100
III. Памятниковъ искусствъ и художествъ	41
IV. Памятниковъ быта юридическаго, общественнаго и военнаго	56, 83, 111
V. Церковныхъ древностей	50, 104
VI. Памятниковъ языка и письма	66, 102
VII. Древностей классическихъ и византійскихъ	91
VIII и IX. Древностей литовскихъ, славянскихъ и восточныхъ	64
X. Памятниковъ археографическихъ	81
Пожертвованія: Государя Императора, Наслѣдника Цесаревича, Великаго Князя Сергѣя Александровича	
Участіе Ихъ Императорскихъ Высочествъ въ Съѣздѣ	19, 125
Участіе Ихъ Императорскихъ Высочествъ въ Съѣздѣ	19, 73, 79

Доклады:

Стран.

<i>Авенариусъ, Н. П.</i> О дрогичинскихъ пломбахъ	62
<i>Антоновичъ, В. Б.</i> Погребальный типъ могилъ Радимичей	48
— Бронзовый вѣкъ въ бассейнѣ Днѣпра	74
— О крашенныхъ скелетахъ	118
<i>Анучинъ, Д. Н.</i> Слѣды трепанациі черепа въ доисторическую эпоху Россіи	98
<i>Бай, бар. Г. А.</i> Привѣтственная рѣчь	87
— Асторжскій ковчежець	54
— Новые французскіе труды по готскимъ древностямъ	91
— Изображенія мухъ и цикадъ въ искусствѣ Готовъ (съ таблицей)	92
<i>Бережковъ, М. Н.</i> Елена Ивановна, вел. княгиня литовская	106
<i>Беценбергеръ, Адальб.</i> Доисторическія древности восточной Пруссіи	87
<i>Ботородицкій, В. А.</i> О смѣшанныхъ языкахъ	109
✓ <i>Бьялець, А. Д.</i> Обь устройствѣ археолого-этнографическихъ музеевъ	82 ✓
<i>Василевъ, И. И.</i> Архивъ упраздненнаго рижскаго генераль-губернаторства	—
<i>Васильевскій, В. Г.</i> Когда жилъ Романъ Сладкопѣвецъ	104
— Гдѣ находился виленскій Кривой замокъ	120
<i>Веселовскій, Н. И.</i> Татарское вліяніе на русскій посольскій церемоніаль до Петра Великаго	113
<i>Владиміровъ, П. В.</i> Новыя данныя по литерат. дѣят. князя Курбскаго	68
— Два памятника русской литературы XVI вѣка	104
<i>Виссендорфъ, Г. А.</i> О мѣстонахожденіи варяжской Руси	46
<i>Гуковскій, К. П.</i> Древности города Ковны	111
<i>Довнаръ-Запольскій, М. В.</i> Къ вопросу о Лелѣ	112
<i>Ефименко, А. Я.</i> О копныхъ судахъ	56
— Къ вопросу о феодализмѣ въ зап. Руси и Литвѣ	88
<i>Житыинскій, Л. К.</i> Могильникъ въ с. Б. Рыкань, Дубенскаго уѣзда	70
<i>Завитневичъ, В. З.</i> Форма погребальнаго обряда въ 3-хъ уѣздахъ, Минской губ.	47
<i>Истоминъ, М. П.</i> Къ исторіи живописи въ Киево-Печерской лаврѣ въ XVIII вѣкѣ	50
<i>Карелинъ, М. С.</i> Первые шаги классической археологіи	120
<i>Карскій, Е. Ѳ.</i> Что такое древне-русское западное нарѣчіе?	103
<i>Кирпичниковъ, А. И.</i> Палладіумъ Константинополя	60
<i>Кочубинскій, А. А.</i> Литовскій языкъ и наша старина	65
<i>Крачковскій, Ю. Ѳ.</i> Отчетъ Виленскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета	32
— Къ исторіи старой Вильны	74
<i>Кулаковскій, Ю. А.</i> Керченскія катакомбы съ фресками	111
<i>Линиченко, И. А.</i> Общины на валашскомъ правѣ въ юго-зап. Руси	59
— Городъ Глинскъ и его древности	119
<i>Лончиновъ, А. В.</i> Князь Любарть-Ѳеодоръ Ольгердовичъ и князя Сангушки	60
— Родственныя связи русскихъ князей съ угорскимъ королевскимъ домомъ	101
<i>Львовъ, А. Н.</i> Архивъ греко-уніатскихъ митрополитовъ	81
<i>Люба-Радзимицкій, С. В.</i> Памятники каменнаго вѣка въ зап. Волыни	69
<i>Маркевичъ, А. И.</i> Къ вопросу о народностяхъ, жившихъ въ древности по Черноморью	41
<i>Мельникъ, Е. Н.</i> Мастерскія каменнаго вѣка въ бассейнѣ Днѣпра	98
<i>Миржинскій, А. Ѳ.</i> Надровскій жрецъ огня Криве	64
<i>Орловскій, Е. Ф.</i> Начало города Гродна	62
<i>Павинскій, А. И.</i> Поляшское воеводство въ географ. и статист. отношеніи въ XVI ст.	40
<i>Паевскій, о. Л.</i> Исторія города Бреста	107
<i>Петровъ, Н. И.</i> Монеты вел. князя Изяслава Ярославича	44
— Новыя археологическія открытія въ Киевѣ и Софійскомъ соборѣ	53
— Купятицкая икона Б. М. въ связи съ древнѣйшими энколпіонами	106
<i>Пичъ, Г. В.</i> Замѣтки по чешской археологіи	100
<i>Платоновъ, С. Ѳ.</i> Обь огнищанахъ	90
<i>Плоцанскій, В. М.</i> Гродскія книги г. Холма	110
<i>Покровский, Н. В.</i> Фрески Спасо-Преображенскаго собора въ Мирожскомъ монастырѣ	42
<i>Поповъ, Х. И.</i> Гдѣ находилась хазарская крѣпость Саркель	102
<i>Пурьяковъ, А. Е.</i> Московскіе лѣтописные своды	103
<i>Путятинъ, кн. П. А.</i> Къ дѣленію предметовъ каменнаго вѣка въ Россіи	55
— Каменный ножъ и его измѣненія	69
<i>Редакція.</i> Свинцовыя вѣслы печати Смоленскаго музея (въ примѣчаніи)	44

	Стран.
<i>Самоквасовъ, Д. Я.</i> Центральные архивы древнихъ актовъ въ западныхъ губерніяхъ	79
<i>Селивановъ, А. В.</i> Борковскій могильникъ	84
<i>Сизовъ, В. И.</i> Дьяково городище подь Москвой	88
<i>Слуцкій, С. С.</i> Каменные бабы	99
<i>Соболевскій, А. И.</i> Особенности русскихъ переводовъ домонгольского періода	68
— Названія населенныхъ мѣстъ въ исторической этнографіи	101
<i>Созоновичъ, И. П.</i> Къ вопросу о происхожденіи великорусскихъ былинъ	66
<i>Соколовъ, М. И.</i> Славянскіе тексты апокрифической книги Еноха	102
<i>Спицынъ, А. А.</i> Общій обзоръ восточно-славянскихъ курганныхъ древностей	114
<i>Сторожевъ, В. Н.</i> Московское управленіе въ Вильнѣ въ XVII в	40
<i>Сусловъ, В. В.</i> О Спасо-Преображенскомъ соборѣ въ Мирожскомъ монастырѣ	41
<i>Татуръ, Г. Х.</i> Курганы Минской губерніи	115
<i>Тиховскій, П. И.</i> Паденіе народной пѣсни	107
<i>Троицкій, Н. И.</i> Пѣснь пѣсней въ фрескахъ Тульского Успенскаго собора	52
<i>Уварова, граф. П. С.</i> Отчетъ Предварительнаго Комитета	21
— Заключительное слово	122
<i>Успенскій, Ѳ. И.</i> Вопросъ о Готахъ	96
— Отчетъ объ ученой дѣятельности Съѣзда	122
<i>Филевичъ, И. П.</i> Угорская Русь и научные вопросы съ нею связанные	100
<i>Флери, графъ Людовикъ.</i> Неолитическая стоянка въ Кемпѣ	54
— Церковь св. Михаила въ Ломжѣ	55
— Ятвяжскія кладбища	99
<i>Фурсовъ, М. В.</i> Курганныя раскопки въ пяти уѣздахъ Могилевской губ. въ 1890 году	49
— По поводу бѣлорусскаго праздника „Свѣча“	113
<i>Чижовъ, Н. Я.</i> Черты брачно-юридическихъ символовъ Ярославской губ.	89
<i>Штернъ, Э. Р. фонъ.</i> Замѣтки по исторіи Ольвіи	96
<i>Штида, Л. Х.</i> Наименованія мѣховъ въ ганзейской торговлѣ	45
<i>Ящуржинскій, Х. И.</i> Превращенія въ бѣлорусской сказкѣ	47

Елена Ивановна, великая княгиня литовская и королева польская.

М. Н. Березжковъ.

I.

Взаимныя историческія отношенія двухъ великихъ славянскихъ государствъ восточной Европы, т.-е. Московскаго и Польскаго, соединеннаго съ Литовскимъ Западно-русскимъ государствомъ, по справедливости характеризуютъ, какъ отношенія тяжбы. Межъ обоими государствами дѣйствительно происходила тяжба, длинная и упорная, различными способами и силами: война болѣе или менѣе крупная прерывается небольшими только перемиріями; оба государства стараются установить, исправить свои границы, но не могутъ точно размежеваться; берутъ себѣ съ перемѣннымъ успѣхомъ пограничныя волости и города, перетягиваютъ служилыхъ людей и всякій людъ, который почему-нибудь не уживается у себя дома. Въ то же время, — въ мирное и военное, — оба государства воздѣйствуютъ другъ на друга идеями религіозными-церковными, политическими, литературными, воздѣйствуютъ также въ области правовъ, обычаевъ, учрежденій, въ виду чего и племенного родства по временамъ слышатся рѣчи о прочномъ вѣчномъ мирѣ, о союзѣ, даже объ уніи двухъ государствъ. Но на дѣлѣ выходило гораздо больше розни и борьбы, чѣмъ единенія: оба государства стремились выработать каждое свой типъ, сколь можно болѣе опредѣленный, особый; оба государства возрастали, мѣшая другъ другу и всячески противодѣйствуя.

Въ исторіи этой длинной, этой несчастливой тяжбы, ослаблявшей силы обоихъ государствъ къ выгодѣ „латинства и бесерменства“ (говоря стариннымъ русскимъ выраженіемъ), важно слѣдить не только за государственными отношеніями собственно, да за крупною такъ сказать политикой; весьма интересно также наблюдать дѣятельность единичныхъ лицъ, слѣдить за тѣмъ, какъ онѣ исполняютъ свое дѣло при данныхъ житейскихъ условіяхъ, сообразно понятіямъ и силамъ cadaго, въ духѣ общенародныхъ и государственныхъ стремленій вѣка.

Я имѣлъ честь представить Вашему благосклонному вниманію мою записку объ одномъ замѣчательномъ историческомъ лицѣ, именно объ Еленѣ Ивановнѣ, урожденной великой княжнѣ московской, ставшей послѣ великой княгиней литовской и королевою польскою.

Ровно почти четыре вѣка тому назадъ она вѣзжала въ Вильну, въ качествѣ невѣсты великаго князя литовскаго, неся наилучшія надежды — свои лично и многихъ русскихъ людей Московской и Литовской Руси: на нее смотрѣли, какъ на залогъ мира между царствующими домами, межъ обоими государствами. Въ Вильнѣ и въ западной Руси онѣ прожила безъ малаго 18 лѣтъ; здѣсь она и упокоилась вѣчнымъ сномъ послѣ жизни трудной и дѣятельности полезной для православныхъ жителей края. На настоящемъ Археологическомъ Сѣздѣ считаю благовременнымъ представить поминку объ этой личности для насъ, русскихъ, дорогой памяти; постараюсь намѣтить существенныя черты дѣятельности Елены Ивановны и главные моменты ея жизни, въ общей связи съ отношеніями государствъ Московскаго и Польско-Литовскаго¹⁾.

Нѣсколько словъ впередъ объ источникахъ для жизнеописанія Елены Ивановны. Главный источникъ суть первыя посольскія книги польско-литовскихъ дѣлъ въ Главномъ Московскомъ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ. Дѣло о сватовствѣ великой княжны московской, ея сговорѣ и обрученіи; ея поѣздка въ Вильну для вѣнчанія, ея переписка изъ Литвы съ родителями и родственниками — все это вставлено на соотвѣтственныхъ мѣстахъ въ посольскія книги, въ ряду прочихъ дѣлъ; великая княгиня и королева — лицо высокопоставленное, официальное; ея бракъ — политическій, и потому все, до нея касающееся, записано въ официальныхъ посольскихъ книгахъ. Эти книги представляютъ собой довольно полный источникъ для біографіи Елены Ивановны, впрочемъ, имѣющій своего рода недостатки: нѣкоторыя стороны дѣла изложены въ книгахъ съ излишней дипломатической тонкостью; иныя письма, напримѣръ, изъ Москвы рассчитаны на то, чтобы онѣ читались и посторонними лицами; другія письма, напротивъ, должны были оставаться тайными, извѣстными только самой государынѣ литовской: такія письма вполне искренни, но ихъ немного; притомъ и секретныя письма разглашались; поднимались преувеличенные и невѣрные толки, которые отразились по мѣстамъ и въ посольскихъ нашихъ книгахъ. Все это слѣдуетъ имѣть въ виду при чтеніи посольскихъ документовъ, для того, чтобы межъ разныхъ дипломатическихъ рѣчей угадать настоящую правду; но вообще говоря, посольскія книги суть важный источникъ, современный и дѣловой. Въ настоящее время древнѣйшія посольскія книги польско-литовскихъ дѣлъ печатно изданы сполна²⁾. Часть дѣла, именно поѣздка вел. княжны Елены Ивановны въ Вильну и вѣнчаніе ея тамъ, была издана печатно еще въ прошломъ вѣкѣ Новиковымъ³⁾. Въ началѣ статьи въ изданіи Новикова стоитъ краткое полулѣтописное, полуофициальное въ приказномъ родѣ изложеніе, подъ заглавіемъ:

¹⁾ Краткій рефератъ-поминка представляется здѣсь въ дополненномъ и нѣсколько исправленномъ видѣ.

²⁾ Сборникъ Имп. Рус. Истор. Общ. т. XXXV, подъ редакціей Г. О. Карпова, С.-Пб. 1882; 2-е изд. въ 1892 году. Сравни. Н. Бантышъ-Каменскаго „Переписку между Россією и Польшею“, т.-е. изложеніе содержанія посольскихъ дѣлъ польскихъ, въ „Чтеніяхъ М. Общ. И. и Др. за 1860—62 г. Есть нѣкоторыя указанія на то, что дьякъ Данило Мамыревъ вѣдалъ особый столъ въ Посольскомъ приказѣ, гдѣ была сосредоточена переписка великаго князя съ его дочерью и зятемъ. Сборн. И. Р. И. О. XXXV, стр. 227; 487; 490; 495.

³⁾ Древн. Росс. Вивліюэ. изд. 2-е, часть XIV, стр. 4—21. Кстати отмѣтимъ здѣсь же, что въ подлинной посольской книгѣ подъ статьей, содержащей въ себѣ отпускъ въ Вильну великой княжны, слѣдуетъ на

„Отпускъ великія княжны Елены Ивановны“; откуда оно заимствовано, въ изданіи не объяснено, но можно догадываться, что оно взято не изъ посольскихъ документовъ, судя по слѣдующей отмѣткѣ: „а кто отпущенъ съ великою княжною бояръ и дворянъ, и всякихъ чиновъ людей, и того не написано. А что даровъ отпущено отъ великаго князя къ великому князю Олександру Литовскому, и что у великіе княжны казны и платья, и даровъ, и то записано на Казенномъ дворѣ“⁴⁾. Между тѣмъ въ посольской именно книгѣ находится списокъ бояръ и дѣтей боярскихъ, провожавшихъ въ Литву великую княжну⁵⁾; наоборотъ, въ посольской книгѣ нѣтъ росписи приданого великокняжеской невѣсты, ни подарковъ жениху ея: роспись приданого Елены Ивановны есть особый документъ, внѣ посольской книги находящійся⁶⁾. Ниже въ настоящемъ очеркѣ мы должны будемъ обратить особое вниманіе на это отсутствіе въ посольской книгѣ росписи приданого великой княжны московской: оно можетъ наводить на нѣкоторыя, какъ намъ кажется, немаловажныя соображенія.

Московскіе посольскіе документы объ Еленѣ Ивановнѣ отчасти дополняются Литовскою Метрикой: нѣсколько документовъ о ней за 1507—1513 годы напечатаны изъ этой именно Метрики во II-мъ томѣ Актовъ, относ. къ истор. Западной Россіи; эти документы тѣмъ болѣе интересны, что наша посольская книга польскихъ сношеній за 1505—1514 годы не сохранилась до настоящаго времени и замѣняется въ печатномъ изданіи польскихъ дѣлъ такъ называемою „Выпискою изъ посольскихъ книгъ“ польскаго двора⁷⁾. Что же касается документовъ, напечатанныхъ въ I томѣ Акт. зап. Россіи подѣ № 192-мъ, то они суть не что иное, какъ московская же посольская книга 1501—1505 годовъ, случайно попавшая въ Литовскую Метрику: оказывается, что древнѣйшія посольскія книги по сношеніямъ нашимъ съ Польшей были увезены изъ Москвы поляками въ Смутное время, и долго пробыли такъ сказать въ плѣну польскомъ; оказывается, что Россія и Польша тягались между прочимъ и по документамъ, и за эти самые документы⁸⁾.

Неизвѣстно, какого происхожденія статья подѣ слѣдующимъ неточнымъ заглавіемъ, въ Актахъ, относ. къ исторіи южной и зап. Россіи, въ томѣ II, подѣ № 79-мъ: „Описаніе заключенія мира между великимъ княземъ литовскимъ Витовтомъ-Александ-

особомъ приклеенномъ листѣ такая замѣтка: „съ сего копія въ Высокій Кабинетъ отправлена, при доношеніи асессора Семена Иванова, 13 декабря 1739“. (Сборн. И. Р. И. О. XXXV, 162). Такая же точно отмѣтка подѣ статьей, описывающей поѣздку и вѣчаніе въ Вильнѣ Елены Ивановны: тамъ же, стр. 182. О другихъ печатныхъ изданіяхъ тѣхъ же статей въ прошломъ и нынѣшнемъ вѣкѣ смотри указанія у В. С. Иконникова, Опытъ рус. исторіографіи: справ. въ Указателѣ, подѣ словомъ „Елена Ивановна“.

⁴⁾ Древ. Рос. Вивлію. XIV, 3.

⁵⁾ Сборн. И. Р. И. О. XXXV, 163—164. Древ. Рос. Вивл. XIV, 19—21. Списокъ очень интересный въ смыслѣ чиновъ и должностей московскихъ XV-го вѣка.

⁶⁾ Мы встрѣтили эту роспись въ портфеляхъ Малиновскаго, въ Главномъ Архивѣ М. И. Д. въ Москвѣ. Не знаемъ, была ли она гдѣ печатана. Въ своемъ мѣстѣ мы воспользуемся этой росписью, которой списокъ у насъ имѣется. Повидимому, документъ хранился именно въ Приказѣ Казеннаго двора.

⁷⁾ Акт. Зап. Рос. II, №№ 8, 22, 58, 80—81, 83. Сборн. И. Р. И. О. XXXV, 479—499; сравн. въ предисловіи стр. V. Сравн. также въ „Сборникѣ кн. Оболенскаго“ подѣ № 1-мъ „Книгу посольскую в. княж. Литовскаго 1506 года“, гдѣ есть рѣчи и про королеву Елену Ивановну, на стр. 60—61.

⁸⁾ Книга перепечатана въ Сборн. И. Р. И. О. въ томѣ XXXV-мъ, ради полноты сборника. Мы будемъ цитовать ее по этому сборнику, гдѣ исправный текстъ и весьма дѣльные примѣчанія редактора-издателя въ предисловіи и подѣ строками текста.

ромъ и великимъ княземъ московскимъ Иваномъ III, сватовства Витовта на дочери Ивановой Еленѣ, путешествія ея въ Литву и бракосочетанія въ Вильнѣ“. Эта статья написана западно-русскимъ языкомъ, въ видѣ лѣтописнаго разсказа, какъ будто бы очевидцемъ или участникомъ брачнаго обряда, съ различными подробностями, напри- мѣръ съ описаніемъ якобы застольныхъ рѣчей, которыя велись межъ московскимъ государемъ и литовскими послами, и т. под. Она напечатана по списку новаго письма, какъ говоритъ примѣчаніе редакторское. Прочтя ее, мы убѣдились, что она не есть собственно лѣтописный разсказъ, ни документъ посольскій, а позднѣйшее разукра- шенное сказаніе, которымъ слѣдуетъ пользоваться съ осторожностью; возможно впро- чемъ, что въ основѣ его лежитъ либо краткое современное извѣстіе, либо устное преданіе; нѣкоторыя черты его годны и для настоящей исторіи.

Наконецъ есть нѣсколько отрывочныхъ данныхъ біографическихъ объ Еленѣ Ива- новнѣ въ лѣтописяхъ русскихъ и польскихъ, въ сборникахъ актовъ, въ нѣкоторыхъ памятникахъ литературныхъ, коими мы также воспользуемся для очерка.

Въ „Исторіи Русской Церкви“ преосвященнаго Макарія (томъ IX, гл. I—II) до- статочно полно и весьма сочувственно представлена дѣятельность Елены Ивановны въ литовской Россіи на пользу православной церкви, при чемъ авторъ хорошо вос- пользовался грамотами римскихъ папъ, касающимися до семейной жизни Александра Казимировича съ Еленою Ивановной, напечатанными во II томѣ изданія Августина Тейнера „*Vetera Monumenta Poloniae et Lituaniae*“. Тѣми же важными документами пользовался п. Пирлингъ въ книжкѣ „*La Russie et L'Orient; Mariage d'un Tsar au Vatican, Iwan III et Sophie Paléologue. Paris 1891*“ (Книжка переведена и по-русски). Послѣдняя въ ней глава, называемая „Смѣшанный бракъ“, посвящена именно браку Александра Казимировича съ православною русской княжной: глава не безынтересная, какъ и вся вообще книга трудолюбиваго автора, давно и съ пользою занимающагося русскою исторіей, хотя и не свободнаго отъ крайнихъ католическихъ воззрѣній да излишнихъ общихъ сужденій, вредящихъ точному историческому изложенію.

Обращаемся къ нашему очерку.

II.

У московскаго государя, великаго князя всея Руси, Ивана III Васильевича, и второй его супруги Софьи Ѳоминышны Палеологъ было многолюдное семейство: пять сыновей и столько же дочерей. Сначала родились дочери: Елена, Ѳеодосія и вторая Елена; первая скончалась по рожденіи Ѳеодосіи; вторая Елена родилась въ маѣ 1476 г.: она и есть лицо нашего разсказа, будущая королева польская. Далѣе по рожденію слѣдовали: Василій (будущій московскій государь Василій III), Юрій и Димитрій; дочь Ѳеодосія, другая этого имени; потомъ еще два сына, Симеонъ и Андрей. Годы рожденія всѣхъ ихъ отмѣчены въ лѣтописяхъ; не отмѣчено только рожденіе самой младшей дочери, Евдокии, по свѣдѣніямъ историографа Карамзина⁹⁾.

⁹⁾ Ист. Гос. Росс. VI, прим. 204—206 и соотв. текстъ на стр. 88, по издан. Эйлеринга. Исторіо- графъ кн. Щербатовъ считалъ первую Елену за великую княгиню литовскую и королеву польскую. Истор.

О ранних годах жизни дочерей великокняжеских, о воспитании их в московских теремах — нет почти никаких сведений; исторические источники начинают говорить о них снова лишь тогда, когда они стали приходить в возраст невесты, когда к ним стали свататься знатные иностранные женихи.

Супруг царственной Софии Палеолог, сокрушитель татарского ига, энергичный и счастливый соперник Польско-Литовского государства, истинно великий государь по уму и характеру, обратил на себя особенное внимание и Рима, и Цесарского двора, и разных европейских государей: отдаленная Московия с XV века становится все больше известною и интересною для Европы страной; в частности для Австрии она была даже не столь отдаленная страна, интересная, как в виду взаимных тяжёлых отношений Москвы и Польско-Литовского государства, так и в видах фамильной политики Габсбургов и Ягеллонов. В 1488 году в Москву приехал австрийский рыцарь Поппель с предложением между прочим брачного родства; то же предложение было повторено через два года новым, еще более важным послом, Юрием Делятором (иначе Деляторре, Георг фон-Турн). Московский государь был не прочь выдать одну из своих дочерей за цесарева сына Максимилиана, короля римского, но ставил непреклонным условием брака то, чтобы дочь его оставалась в полной свободе исповедовать православную греческую веру. В 1490 году в наказ своим послам, греку Юрию Траханиоту и дьяку Василию Кулешину, великий князь поручал следующие речи касательно сватовства. „А се речь говорити Юрию: Государь всеа Руси велел тебе (т. е. королю Максимилиану) говорити: говорил нам от тебя твой посол Юрий о сватовстве, чтобы нам дать за тебя своя дочка, и мы с Божиею волею то дело хотим делать, свою дочку хотим за тебя дать, еже Бог того захочет. Государь всеа Руси велел тебе говорити: христиане есмь обои, но вѣдаешь самъ — мы греческого закона, а ты римского закона, и ты бы нам далъ утверждение на то, взвелить Богъ нашей дочкѣ быти за тобою, ино бы наша дочка была в греческомъ законѣ неподвижно и до живота“. Послы в этомъ смыслѣ имѣли требовать особой грамоты, утвержденной печатью; они должны были записать в нее и то условие, чтобы для дочери великаго князя была выстроена греческая православная церковь¹⁰⁾. На это и на другія требованія русскаго государя не согласился цесарскій дворъ; — и дело о бракѣ не состоялось.

В 1493 году в Москву прибылъ посол отъ Конрада, удельнаго князя мазовецкаго, с предложениемъ союза противъ Казимировыхъ детей, и с просьбою руки

России отъ древн. врем., т. IV, часть 2, оглавление. Но Карамзинъ, конечно на основаніи известныхъ ему летописей, утверждаетъ, что первая Елена умерла в младенчествѣ: мы принимаемъ его указанія и беремъ назадъ сказанное у насъ въ изложеніи реферата въ „Извѣстіяхъ IX Археол. Съѣзда“ № 13. Сравни. Строева, ключъ къ Истор. Гос. Росс. подъ словомъ „Елена младшая дочь в. кн. Иоанна Васильевича“; но ошибочно примѣчаніе того же Строева къ Софійск. Временнику подъ 1484 годомъ, во II части, на стр. 229-й; тамъ ошибка либо издателя, либо в томъ спискѣ Воскресенской летописи, который у него цитируется: несомненно, что первая Елена родилась в 1474 году, а вторая — в 1476 году; только день рождения второй Елены Ивановны показывается различно: в летописяхъ Воскресенской и Никоновской — 19 мая: Полн. Собр. Рус. Лѣт. VIII, 182; Рус. Лѣтоп. по Никонову сп. VI, 69; Щербатова Исторія Россіи IV, кн. X, стр. 105; Карамзина И. Г. Р. VI, прим. 204.

¹⁰⁾ Памятники дипломат. снош. древней Россіи съ державами иностранными, изд. П. Отд. Собств. Е. В. Канцеляріи, I, стр. 44.

одной из великокняжеских дочерей для князя. Великий князь Иванъ Васильевичъ, вездѣ искавшій себѣ союзниковъ противъ Польско-Литовскаго государства, — этого главнаго объекта его политики, — не отвергнулъ предложенія удѣльнаго польскаго князя, и съ своей стороны отправилъ къ нему посольство навести справки о положеніи Мазовіи, о средствахъ князя мазовецкаго, объ его отношеніяхъ къ Польшѣ и къ Прусскому Ордену, наконецъ о томъ, какіе города онъ можетъ дать во владѣніе своей будущей супругѣ. Дѣло о бракѣ обусловливалось, по наказу посольскому, слѣдующимъ образомъ. „И коли, господине, грамоту свою утвержденую на то запишешь, и печать свою къ ней привѣсишь, что ти государю нашему на его непріятелей, на Казимировыхъ дѣтей на королевыхъ, помогати, а имъ быти не послушну; да и на тѣ города велишь грамоту свою записать, и печать свою къ ней привѣсишь, которые города имѣти государя нашего дчери, а тѣ, господине, города велишь намъ явити, и мы ихъ увидимъ, да тѣ, господине, свои грамоты съ своими печатми ко государю къ нашему пошлешь съ своимъ посломъ, съ нами вмѣстѣ: и государь нашъ, господине, тѣ твои грамоты видѣвъ, да будутъ ему любы, и онъ съ Божіею волею хочетъ съ тобою то дѣло дѣлати, и дочку свою за тебя дати“. Что отвѣчалъ князь мазовецкій русскимъ посламъ, неизвѣстно: единственный посольскій документъ, говорящій о пріѣздѣ мазовецкаго посла и отправкѣ нашего посольства въ Мазовію, не сообщаетъ дальнѣйшихъ свѣдѣній. И это дѣло о сватовствѣ не состоялось, хотя, быть можетъ, послужило косвенною причиною, ускорившей сватовство съ новой стороны, именно отъ литовскаго великаго князя Александра Казимировича, который дѣйствительно сталъ зятемъ московскому государю, супругомъ его дочери, Елены Ивановны¹¹⁾.

Александръ Казимировичъ, иначе Андреевичъ по русскимъ лѣтописямъ, вступилъ на литовскій престолъ по кончинѣ своего отца, Казимира Ягелловича, короля польскаго и великаго князя литовскаго, весной 1492 года; одновременно съ нимъ старшій братъ его, Янъ Альбрехтъ, вступилъ на польскій престолъ; старшій ихъ обоихъ братъ Владиславъ Казимировичъ былъ въ то же время королемъ чешскимъ и венгерскимъ: фамилія Ягеллоновъ была тогда въ силѣ и въ счастье! Личность новаго государя литовскаго изображаютъ такими чертами: „получивъ гуманистическое образованіе отъ Бонаккорси, Александръ, несмотря на свои посредственныя дарованія, былъ вполне человѣкомъ временъ Возрожденія; онъ не сдѣлался ни страстнымъ ученымъ, ни великимъ полководцемъ, ни искуснымъ администраторомъ; но вкусъ къ изящному и наклонности къ умственной жизни остались въ немъ навсегда. Какъ было ему — разсуждаетъ отецъ Пирлингъ, котораго позволяемъ себѣ здѣсь цитовать — любить московскую княжну, оберегаемую отъ нескромныхъ взоровъ въ глубинѣ терема, чуждую высокой духовной культуры? Но въ XV вѣкѣ государственныя соображенія одерживали верхъ надъ чувствами, имѣли рѣшающее значеніе въ брачныхъ вопросахъ; а такъ какъ славянскій міръ уже тогда страдалъ отъ ранъ, ослабляющихъ его и теперь, то въ качествѣ послѣдняго средства, чтобы исцѣлить ихъ, мудрецы хотѣли испытать дѣйствіе Гименея. Зло отъ того только увеличилось“¹²⁾. Что московская княжна была оберегаема

¹¹⁾ Сборн. И. Р. И. О. XXXV, № 21.

¹²⁾ Mariage d'un Tsar au Vatican, pag. 159—160. Въ русскомъ пер. стр. 179.

въ теремъ отъ нескромныхъ взоровъ, въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего худаго: старинный русскій теремъ приносилъ даже свою долю пользы для воспитанія; а чтобы великая княжна была „чужда высокой духовной культуры“, съ этимъ безусловно согласиться нельзя: она была хорошо воспитана въ православномъ христіанскомъ законѣ; всю жизнь она была вѣрна ему, по убѣжденію въ его истинѣ, что есть несомнѣнно важный признакъ „культурности“ ея. По всей вѣроятности она была обучена грамотѣ и письму; во всякомъ случаѣ она пользовалась книжнымъ чтеніемъ, судя по тому, что родители не разъ посылали ей въ послѣдствіи книги въ Вильну. Но что сватовство Александра Казимировича къ московской великой княжнѣ было дѣломъ расчета съ его стороны, въ этомъ нельзя не согласиться съ авторомъ цитованной книги.

Въ первый же годъ вступленія на престолъ великій князь литовскій очутился въ очень затруднительномъ положеніи. Іоаннъ объявилъ ему войну; московскіе воеводы брали литовскіе города и волости; литовскіе служебные князья переходили въ Москву и были принимаемы съ волостями ихъ; противъ Литвы дѣйствовали крымскій ханъ Менгли Гирей и волошскій воевода Стефанъ. Тогда Александръ Казимировичъ, терпя постоянныя неудачи и пораженія, рѣшилъ мириться съ московскимъ государемъ и открыто просить руки его дочери. Рѣчи о сватовствѣ начали изъ Литвы еще до перваго посольства въ Москву съ официальнымъ извѣщеніемъ о восшествіи на престолъ новаго литовскаго государя; сколько видно изъ посольской книги, впервые эти рѣчи пошли между Яномъ Юрьевичемъ Забережскимъ, воеводой полоцкимъ, и Иваномъ Юрьевичемъ Патрикѣевымъ, воеводою московскимъ, первымъ бояриномъ великаго князя, даже еще до вступленія Александра на престолъ, въ бытность пана Забережскаго посломъ въ Москвѣ отъ короля Казимира; частнымъ образомъ, въ пріятельской бесѣдѣ на пиру у московскаго боярина, литовскій гость вспоминалъ родство московскаго великокняжескаго дома съ литовскимъ чрезъ дочь Витовта; оба собесѣдника говорили, что хорошо-де было бы и теперь породниться обоимъ царствующимъ государямъ¹³). Лѣтомъ 1492 года тотъ же полоцкій намѣстникъ панъ Забережскій снова повелъ рѣчь о сватовствѣ съ новгородскимъ нашимъ намѣстникомъ Яковомъ Захарьевичемъ, который и сообщилъ предложеніе въ Москву. Сначала Іоаннъ, подумавъ съ боярами, не хотѣлъ было давать отвѣта, считалъ неудобнымъ сватовство во время войны; но потомъ передумалъ и послалъ позволеніе новгородскому намѣстнику поддерживать сношенія по этому дѣлу съ намѣстникомъ полоцкимъ, да вмѣстѣ наказъ, какъ именно вести дѣло¹⁴). Въ Москвѣ ясно поняли, что изъ Литвы очень желаютъ брака, и не отказывали; отвѣчали, что согласны будутъ начать дѣло о сватовствѣ открытымъ официальнымъ образомъ, но не раньше какъ по прекращеніи

¹³) Сборн. И. О. XXXV, 71. Явъ Забережскій припоминаетъ это обстоятельство въ письмѣ къ боярину Патрикѣеву отъ сентября 1492 г. — Софія Витовтовна приходится троюродною сестрой Казимиру Ягелловичу, а Іоанну III-му бабушкой. Припомнимъ, что бояринъ Патрикѣевъ самъ былъ по происхожденію Гедиминовичъ и вмѣстѣ родственникомъ Іоанну.

¹⁴) Тамъ же стр. 69: „и мы нынѣ приговорили то, что пригоже тебѣ къ нему, т.-е. полоцкому намѣстнику, противъ тѣхъ рѣчей послати съ отвѣтомъ, занеже и межи государей ссылка бываесть, хотя бы и полки сходилися“.

войны да по заключеніи мирнаго государственнаго договора; обнадеживали, что дѣло брачное совершится, если его поведутъ „великіе люди“ и проч.¹⁵⁾

Итакъ сначала миръ, а потомъ бракъ, — такъ ставили дѣло въ Москвѣ; наоборотъ въ Литвѣ желали сначала устроить бракъ, чтобы извлечь изъ того выгоды при заключеніи мирнаго договора. Однако Литвѣ эта комбинація не удалась.

Въ теченіе всего 1493 года дѣло о сватовствѣ подвигалось мало, хотя попрежнему поддерживалось; война также продолжалась, — и опять съ значительнымъ перевѣсомъ въ пользу Москвы; наконецъ въ январѣ 1494 года изъ Литвы пріѣхало великое посольство: панъ Петръ Яновичъ, воевода троцкій и маршалокъ земскій; его товарищъ Станиславъ Яновичъ Гастольдъ, староста жмудскій, да съ ними Войтко Яновичъ и писарь Ѳедоръ Григорьевъ. Послѣ двухъ недѣль переговоровъ съ московскими боярами и дьяками, миръ былъ заключенъ очень выгодно для Россіи; тогда приступлено было и къ брачному договору.

Въ воскресенье и въ день Срѣтенія Господня, 2 февраля 1494 года, литовскіе послы еще разъ представлялись великому князю съ вѣрующею грамотой отъ своего государя. Старшій посоль говорилъ рѣчь: „Александръ Божьей милостью великій князь всказалъ до тебе, великого князя Ивана Васильевича; коли на то Божіа воля, приняли есмо межи собою любовь и докончанье, по тому какъ наши отцы мѣли межи собою любовь и братство, ино хотѣли быхомъ съ тобою лѣпшого пожитья, была ль бы на то Божіа воля, абы далъ еси за насъ дочку свою, абыхмо у вѣчной пріязни и въ кровномъ связаньи съ тобою были нынѣ и на вѣки“.

Въ отвѣтъ на это предложеніе самъ Іоаннъ сказалъ посламъ: „Слышали есмь ваши рѣчи. И мы, съ Божіею волею, хотимъ съ вашимъ государемъ то дѣло дѣлати: какъ Богъ захочетъ, такъ то дѣло будетъ“. Великій князь позвалъ пословъ на обѣдъ этого дня; послѣ обѣда ихъ угощали напитками („поили“), на ихъ подворьѣ, особо назначенные придворные государя московскаго.

Самый существенный вопросъ съ предстоящемъ брачнымъ дѣлѣмъ былъ вѣроисповѣдный: будущій супругъ, великій князь Александръ Казимировичъ, — римско-католическаго исповѣданія; но его супруга должна оставаться въ православномъ греческомъ законѣ: на этомъ существенномъ условіи Іоаннъ съ перваго разу и всегда рѣшительно настаивалъ. 5 февраля его бояре имѣли разговоръ съ литовскими послами.

— „Государь нашъ велѣлъ вамъ говорити: говорили есте намъ отъ своего государя, отъ великаго князя Александра, чтобы намъ за него дати своя дочка. И мы, съ Божьею волею, хотимъ за него дати свою дочку“.

Послы молвили: „Боже то дай!“

„И бояре говорили о законѣ о греческомъ и о римскомъ, чтобы великой княжнѣ въ томъ отъ ихъ государя неволи не было, была бы въ своемъ греческомъ законѣ. И они молвили, что той неволѣ не быти, а наши головы въ томъ; а какъ будутъ

¹⁵⁾ Переписка нашихъ бояръ, Ивана Юрьевича Патрикѣва и Якова Захарьевича съ чоловцами наместникомъ паномъ Забережскимъ по этому дѣлу, веденная въ тонѣ полуофициальномъ, во вѣчно съ вѣдома государей, находится подъ №№ 18—20. Сравн. также № 17.

послы отъ государя великаго князя у нашего государя, и онъ на то и крѣпость учинить, что неволѣ не быти“.

Бояре передали этотъ отвѣтъ великому князю. Довольный отвѣтомъ, Іоаннъ велѣлъ сказать посламъ, что завтра они могутъ представиться великой княгинѣ и великой княжнѣ-невѣстѣ. 6 числа дѣйствительно произошло это представленіе: съ Софьей Ооминишною была и ея дочь, Елена Ивановна; второй посолъ, панъ Станиславъ Гастольдъ, передалъ „поклонъ“ великой княжнѣ отъ великаго князя Александра; со своей стороны великая княжна велѣла окольному спросить пословъ объ ихъ здоровьѣ, „а о великаго князя здоровьѣ не спрашивала“, — замѣчаетъ посольская книга. Какъ видно, этикетъ не позволялъ большаго. Того же дня происходило обрученіе. Въ особой наряженной палатѣ засѣдалъ Іоаннъ съ своей супругой и дочерью; съ ними находились бояре; дано было знать посламъ, что все приготовлено къ торжественному обряду. Когда послы вошли, то священники стали читать молитвы, послѣ чего обмѣнивали кресты съ цѣпочками и перстни; особу великаго князя-жениха представлялъ второй посолъ, панъ Станиславъ Яновичъ, а не первый, по той причинѣ, что онъ былъ женатъ во второмъ бракѣ. 7 числа были читаны грамоты мирнаго договора въ окончательной редакціи, при чемъ Іоаннъ впервые назвалъ литовскаго государя своимъ „зятемъ“; когда грамоты были заслушаны, и съ обѣихъ сторонъ одобрены, снова обратились къ брачному дѣлу: потребовали, чтобы литовскій великій князь далъ письменное обязательство въ томъ, что не будетъ принуждать своей супруги къ принятію римскаго закона. Послы выслушали проектъ самаго обязательства и дали отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что государь ихъ дастъ письменное обязательство за своей печатью.

Приведемъ подлинный текстъ обязательства, какого потребовалъ московскій государь отъ своего зятя, государя литовскаго; прислушаемся къ тону Іоанна.

„А се списокъ, каковѣ быти грамотѣ“.

„Мы Александръ, Божіею милостію великій князь Литовскій, и Русскій, и Жомойтскій и иныхъ, дали есмя сей нашъ листъ брату своему и тѣстю, Іоанну, государю всеа Русіи, и великому князю Володимерскому, и Московскому, и Новгородскому, и Псковскому, и Тферскому, и Югорскому, и Пзмскому, и Блгарскому и иныхъ, на то: что за меня далъ дочь свою Елену, и намъ его дочери не нудити къ римскому закону, держитъ свой греческій законъ. А на большее утверженіе къ сему нашему листу и печать нашу привѣсили есмя“.

Въ воскресенье 9 февраля, въ недѣлю сыропустную, литовскіе послы были приглашены во дворецъ къ обѣду, причемъ великій князь „дарилъ ихъ на пиру сватовства дѣля“, далъ имъ по собольей шубѣ, отласы на нихъ съ золотомъ, да по ковшу по серебряному по великому; а отъ великой княгини по шубѣ горностайной голой, а отъ великой княжны по шубѣ собольей голой. На завтра, въ чистый понедѣльникъ, великій князь прислалъ новые подарки литовскимъ сватамъ „противъ ихъ поминковъ, да что имъ свыше надавалъ“; во вторникъ послы откланялись государю, получили порученіе передать поклоны литовскому великому князю отъ всего великокняжескаго московскаго семейства, а въ среду оставили Москву.

Такъ произошло обрученіе Елены Ивановны! Но до поѣздки ея въ Вильну къ вѣчанію прошелъ еще цѣлый годъ¹⁶⁾.

Причина такой медленности дѣла лежала въ томъ, что великій князь Александръ Казимировичъ далъ требуемую отъ него грамоту не слово въ слово по московскому списку, а съ прибавкою новой статьи важнаго значенія; возникли новые переговоры и пересылки чрезъ пословъ; брачное дѣло могло совсѣмъ даже разстроиться, еслибы Іоаннъ былъ менѣе твердъ и настойчивъ въ данномъ случаѣ.

Въ мартѣ того же 1494 года въ Литву было наряжено торжественное посольство, во главѣ бояре: князь Василій Ивановичъ Патрикевъ и князь Семень Ивановичъ Ряполовскій; нужно было подтвердить мирный договоръ; нужно также получить отъ литовскаго великаго князя обязательство на счетъ свободы вѣроисповѣданія будущей супруги его; и мирная грамота, и брачный контрактъ должны быть написаны слово въ слово по предварительнымъ спискамъ московскимъ, „ни приложити, ни уложити на одного слова“; въ самомъ крайнемъ случаѣ, если государь литовскій не пожелалъ бы дать письменнаго обязательства на счетъ своей супруги, посламъ предписано было не настаивать о грамотѣ, а довольствоваться словесными увѣреніями государя, что онъ не будетъ чинить неволи своей великой княгинѣ, которая будетъ содержать свой греческій законъ. Александръ ратификовалъ мирный договоръ, выдалъ и обязательство о своей будущей супругѣ: „что за мене далъ свою дочку Елену, и намъ его дочки не нудити къ римскому закону, держати свой греческій законъ; а коли похочетъ своею волею приступить къ нашему римскому закону, то ей въ томъ воля“. Московскіе бояре-послы протестовали противъ такой прибавки и не приняли грамоты: они готовы были, по наказу, довольствоваться словесными увѣреніями великаго князя литовскаго о свободѣ православнаго исповѣданія его будущей супруги, готовы были не требовать у него никакой грамоты; но разъ эта грамота была выдана съ прибавкою новой важной „строки“, то они уже не могли принять ея. Впрочемъ Александръ Казимировичъ принялъ и отпустилъ московскихъ пословъ очень ласково, очень почетно; онъ поручилъ имъ выразить свою благодарность великому князю московскому, своему тестю, за то, что онъ согласился выдать за него дочь и жить съ нимъ въ вѣчной пріязни; поручилъ сказать свои поклоны великому князю, княгинѣ и всѣмъ дѣтямъ, также внуку великаго князя, при чемъ говорилъ посламъ „стоя, и руку далъ боярамъ“¹⁷⁾. Очевидно, литовскій великій князь надѣялся уладить все дѣло, а не обрывать его; можетъ быть искренно онъ полагалъ даже, что выданная имъ грамота не противорѣчитъ требованію его будущаго тестя, не стѣсняетъ его будущей жены; онъ говорилъ впоследствии Іоанну: „посылали есмо до тебя такой списокъ, и того есмо не надѣялися, чтобы былъ противень списку твоему: бо есмо положили были то на волѣ княжны твоее римскій законъ и грецкій“¹⁸⁾. Но Іоаннъ ясиѣе и прямѣе смотрѣлъ на дѣло. Онъ ни коимъ образомъ не допускалъ той мысли, чтобы дочь его и Софіи Ооминишны когда нибудь могла перемѣнить вѣроисповѣданіе по своей ли

¹⁶⁾ Тамъ же дѣло подъ № 24, на стр. 111—137.

¹⁷⁾ Тамъ же дѣло № 25; текстъ грамоты съ прибавочною статьей на стр. 143.

¹⁸⁾ Тамъ же стр. 158; вообще пересылки по дѣлу въ теченіе 1494 года — подъ №№ 25, 28 и 30.

волѣ, или по внушеніямъ мужа и родныхъ его, или иныхъ постороннихъ людей. Онъ снова потребовалъ отъ Александра грамоты по прежнему своему списку, грозилъ въ противномъ случаѣ порвать все дѣло, отвѣтственность за что складывалъ на самого же Александра.

Литовскій государь уступилъ, далъ грамоту Іоанну въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, какія ему предписывались.

III.

Тогда, именно на Крещеніе Господне, 6 января 1495 года въ Москву прибыли новые великіе послы литовскіе за невѣстою своего государя; въ числѣ пословъ былъ троцкій панъ, намѣстникъ полоцкій Янъ Юрьевичъ Зоберезенскій, извѣстный намъ давній свать. На завтра послы представлялись великому князю, правили поклоны, вручили поминки. 11 января вторичное представленіе, при чемъ самъ великій князь говорилъ посламъ слѣдующія рѣчи. „Молвите отъ насъ брату и зятю нашему, великому князю Александру: на чемъ намъ молвилъ и листъ свой далъ, на томъ бы и стоялъ, чтобы нашѣ дочери некоторыми дѣлы къ римскому закону не нудилъ; а и похочетъ наша дочи приступити къ римскому закону, и мы своей дочери на то воли не даемъ, а князь велики Александръ на то ей воли не давалъ же, чтобы межъ насъ про то любовь и прочная дружба не порушилася, доколѣи дастъ Богъ, дръжала бы наша дочи свой греческой законъ. Да молвите отъ насъ брату нашему и зятю, великому князю Александру, чтобы учинилъ насъ дя, велѣлъ бы нашей дочери, а своей великой княгинѣ поставить церковь нашего греческаго закона на переходѣхъ у своего двора, у еѣ хоромъ, чтобы ей близко къ церкви ходити; а его бы жалованье къ нашей дочери намъ добро слышети“. Наконецъ Іоаннъ вручалъ свою дочь особому попеченію мужа, чтобы тотъ жаловалъ ее и держалъ ее, какъ Богъ указалъ мужьямъ держать своихъ женъ, а панамъ раднымъ съ виленскимъ бискупомъ во главѣ также поручалъ сказать, чтобы они съ своей стороны настраивали великаго князя, своего государя, жаловать и чтить великую княгиню.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней былъ поставленъ вопросъ, кому вѣнчать великаго князя и княжну. Приговорили, чтобы великаго князя вѣнчать бискупу, а великую княжну митрополиту или иному владыкѣ¹⁹⁾.

Посольская книга отмѣчаетъ, что и на этотъ разъ литовскіе послы представлялись великой княгинѣ Софіи Ѳоминишнѣ, правили ей поклонъ отъ своего государя, равно также великой княгинѣ Еленѣ Стефановнѣ, невѣсткѣ Іоанна, и великой княжнѣ Еленѣ Ивановнѣ, со врученіемъ имъ поминковъ; были ли двѣ послѣднія на половинѣ Софіи Ѳоминишны при этомъ представленіи, изъ книги не видать; вѣроятнымъ кажется предположить, что были²⁰⁾.

¹⁹⁾ Тамъ же стр. 162. Книга посольская прибавляетъ: „да о томъ они тогда жъ и грамоту послали къ великому князю напередъ себя“. Срав. стр. 168, въ наказѣ нашимъ посламъ о томъ же предметѣ и о церкви, гдѣ вѣнчать. Оказывается, что на этотъ счетъ не успѣли уговориться съ надежащей точностью.

²⁰⁾ Тамъ же, стр. 161.

День 13 января былъ назначенъ для отъѣзда великокняжеской невѣсты, вмѣстѣ съ литовскими послами и съ большою свитою московскихъ бояръ и дѣтей боярскихъ. Рано утромъ Иоаннъ съ супругой, съ дѣтьми и съ боярами слушалъ обѣдню; прямо изъ церкви невѣсту проводили до ея повозки („тапканы“), стоявшей у церковнаго помоста²¹⁾; прощаясь съ дочерью и съ панами литовскими, Иоаннъ повторилъ прежнія рѣчи къ своему зятю, при чемъ подалъ панамъ руку. Былъ 3-й часъ дня по старинному времячисленію, по нынѣшнему 11-й часъ утра, когда выѣхала изъ Кремля великая княжна съ посольскою свитою литовцевъ и москвичей, да еще въ сопровожденіи брата Василя Ивановича. Однако родители не окончательно простились съ любимой дочерью: въ этотъ день она доѣхала только до села Дорогомилова, гдѣ имѣла обѣдъ и ночлегъ; братъ ея Василій Ивановичъ въ другомъ помѣщеніи угощалъ обѣдомъ литовскихъ пановъ. На другой день послы выѣхали въ дальнѣйшій путь, а княжна еще дневала въ Дорогомиловѣ: сюда къ ней пріѣхали изъ Кремля отецъ и мать; переночевали у нея; наконецъ въ слѣдующій день, въ четвергъ 15 января, отслушавши еще разъ обѣдню вмѣстѣ съ родителями и братомъ, она выѣхала изъ-подъ Москвы, напутствованная благословеніями и совѣтами ихъ, особенно же совѣтомъ содержать въ чистотѣ православную вѣру. Иоаннъ счелъ нужнымъ дать своей дочери слѣдующую „память“ на письмѣ: „къ латынской божницѣ не ходити, а ходити ей къ своей церкви; а похочеть посмотрѣти латынскіе божницы, или монастыря латынскаго, ино ей посмотрити одинова, или двожды, а болѣ того ей къ латынской божницѣ не ходити; а будетъ королева въ Вильнѣ, мати вел. кн. Александра, свекры еѣ, и коли поидетъ къ своей божницѣ, а ей велитъ съ собою ити, и великой княгинѣ Оленѣ еѣ провожати до божницы, да отпрашиватися ей у ней вѣжливо къ пѣтью къ своей церкви, а въ божницу ей не ходити“²²⁾. Такъ приказывалъ Иоаннъ своей дочери, любя ее и заботясь о ея благополучіи, о соблюденіи ея достоинства, о спокойствіи ея религіозной совѣсти въ средѣ новыхъ родныхъ католическаго исповѣданія. Впрочемъ эта „память“ на письмѣ должна была имѣть значеніе не для одной только Елены Ивановны, но также для будущаго ея супруга, да и для всѣхъ родныхъ ея, если бы тѣ вздумали употребить неумѣренное вліяніе на прибывшую къ нимъ, еще не опытную, православную великую княгиню: она въ такомъ случаѣ могла прямо сослаться на письменную инструкцію отца, если не сама отъ нихъ отговориться.

Тѣмъ же характеромъ заботливости о дочери отличается инструкція великаго князя, данная посламъ, провожавшимъ ее въ Вильну, — боярину князю Семену Ивановичу Ряполовскому и боярину Михаилу Яковлевичу Русалкѣ съ ихъ боярынями, назначенными состоять временно при Еленѣ Ивановнѣ. Ниже мы обратимся къ этой инструкціи, равно и къ отчету пословъ о виленской поѣздкѣ; теперь же остановимся

²¹⁾ Въ росписи приданаго тапкана описана такъ: „да тапкана, поволочена сукномъ искимъ черленымъ, а подъ сукномъ подложена собольми, а по сукну подернуто полстью бѣлою япанечною Бурскою; а въ тапкану два зголовья, одно камка венецицкая, на зеленѣ желтѣ, а другое камка червчатая венецицкая, да три ковры, да постелька хвосты собольи, да бархатъ червчатъ гладкой Бурской по чему вглядѣ великой выйти изъ тапканы противъ великаго князя“.

²²⁾ Сборн. И. О. XXXV, 160—163. Въ подгородномъ себѣ Дорогомиловѣ упоминаются посольскія подворья въ посадѣ, да еще особый владыченъ дворъ: стр. 163; 327. Былъ тамъ, конечно, и княжій дворъ.

на двухъ документахъ не посольскихъ, немного дополняющихъ наши свѣдѣнія о поѣздкѣ въ Вильну великой княжны.

Въ концѣ росписи приданаго Елены Ивановны обозначены тѣ подарки, которые сдѣланы были ей при прощаньѣ въ Москвѣ и въ Дорогомиловѣ со стороны родителей, описаны вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдніе дни пребыванія ея дома. „А изъ церкви Пречистые изборные (т.-е. соборной въ Кремлѣ) отпуская благословилъ князь великій дочь свою великую княжну Олену: икона, образъ Пречистые съ Младенцомъ рѣзанъ на сизу²³⁾, обложена золотомъ, а въ ней 8 червцовъ да 8 зеренъ гурмыскихъ, а вѣсу въ ней пол 10 золотника²⁴⁾. А великая княгиня Софья, отпуская изъ церкви, благословила дочь свою в. княжну Олену: икона, рѣзанъ образъ Спасовъ на лалѣ, а въ ней 4 лалы, да 2 яхонта, да 8 зеренъ гурмыскихъ, а вѣсу въ ней 17 золотникъ. А генваря 15 день былъ князь великій и великая княгиня Софья у дочери своей у в. кн. у Олены на Дорогомиловѣ, далъ князь великій дочери своей в. к. Оленѣ рогъ изъ новыхъ роговъ, окованъ серебромъ, позолоченъ, да горшокъ серебрянъ, вѣнецъ у него писанъ и золоченъ, а вѣсу въ немъ 4 гривенки безъ четверти. А в. княгини Софья дала дочери своей в. к. Оленѣ жиковину золоту, а въ ней яхонтъ, да 7 зеренъ жемчугу гурмызского“. Таковы были гостинцы, данные Еленѣ Ивановнѣ на прощаньѣ. Что же касается собственно приданаго, то оно, по росписи, состояло изъ слѣдующихъ вещей: посуды серебряной и золоченой; изъ шелковой рухляди — бархатовъ, камокъ, атласовъ, тафты, шелку въ ниткахъ; изъ мѣховъ и денегъ; изъ дорожнаго экипажа и лошадей. Отмѣчены также въ росписи золотыя вещицы, подаренныя великой княжнѣ ея женихомъ, да еще одна вещь, поднесенная ей литовскимъ посломъ Лютаворомъ. Изъ иконъ названа, на ряду съ драгоценными золотыми вещами, только одна: „икона рѣзана на сердоликѣ, обложена золотомъ, съ олмазы, и съ лалы, и съ жемчуги, да чепъ золота, а вѣсу въ иконѣ и въ чепи полгривенки безъ золотника“. Такъ какъ роспись сохранилась не въ полномъ видѣ, ибо у ней недостаетъ начала, то можно предполагать, что она начиналась именно описью иконъ. Роспись помѣчена 15-мъ днемъ генваря 1495 года, т.-е. днемъ отъѣзда Елены Ивановны изъ-подъ Москвы²⁵⁾. Здѣсь естественно возникаетъ вопросъ: почему роспись не внесена въ посольскую книгу? И было ли отпущено приданое по этой росписи? Насколько съ обѣихъ сторонъ считали обязательнымъ это приданое?

Въ свое время, по случаю сватовства цесарева сына короля Максимилиана, Иоаннъ выставлялъ слѣдующій общій принципъ касательно приданаго. „А спросить о приданомъ король, и Юрью и Василью (т.-е. посламъ московскимъ къ Цесарскому двору) говорити: дастъ Богъ межи вами, Великими государями, то дѣло състанется, и государю нашему, своего для имени и своею дѣля дочери, давати казна съ своею дочерью, какъ есть Великимъ Государемъ пригоже; а того не слышали есмя нигдѣ, чтобы

²³⁾ Не перламутръ ли?

²⁴⁾ Если вѣрны цифры въ спискѣ, то это выходитъ, что это былъ маленькій образецъ на дорогу собственно.

²⁵⁾ Роспись находится въ дѣлахъ Гл. Архива М. И. Д. въ Москвѣ, въ портфеляхъ Малиновскаго, картонъ 2-й, № 27. Списокъ — новый.

межи государи великими о приданомъ ряда была²⁶⁾). Очевидно такого же принципа Иоаннъ держался и теперь: въ посольскихъ книгахъ польско-литовскихъ дѣлъ нѣтъ никакого упоминанія о приданомъ для его дочери; есть много рѣчей о всякихъ другихъ сторонахъ брака, но ни одного слова насчетъ приданаго: ясно, что московскій государь считалъ это дѣло подлежащимъ только своему доброму усмотрѣнiю, дѣломъ только своей доброй воли. Понятно, почему роспись приданаго не вошла и въ составъ посольскихъ документовъ: ни съ великимъ княземъ литовскимъ, ни съ его послами вовсе не было официальной рѣчи о приданомъ. Въ дѣйствительности приданое было отпущено съ великою княжной, — въ этомъ нельзя сомнѣваться; но вѣрно также и то, что Елена Ивановна считала свое приданое только очень умѣреннымъ. Въ 1503 году она писала государю-отцу между прочимъ слѣдующее: „ино господине и государю отче вспомяни, что жъ еси служебница и дѣвка твоа, а даль мя еси за такова жъ брата своего, каковъ самъ еси; а вѣдаешь ты, государь и отецъ мой, что еси ему по мнѣ даль, и что пакъ еси ему съ собою принесла: а однакъ же государь и мужъ мой, король и великiй князь Александръ, ничего того не жалуючи, взялъ мя его милость отъ тебѣ, отца моего, съ доброю волею“ и проч.²⁷⁾. Возможно, впрочемъ предполагать, что знаменитое письмо королевы Елены Ивановны отъ 1503 года было писано отчасти подъ диктовку ея супруга, и въ такомъ случаѣ выражаетъ взгляды ихъ обоихъ на умѣренность приданаго.

Послѣ сказаннаго понятно, что преданiе о нѣсколькихъ будто бы тысячахъ повозокъ съ имуществомъ великой княжны Елены Ивановны, отпущеннымъ изъ Москвы, совсѣмъ не заслуживаетъ вѣроятiя, какъ и весь вообще источникъ, объ этомъ говорящiй, подъ заглавiемъ „Описанiе сватовства Витовта Александра на дочери Ивана III Еленѣ, путешествiя ея въ Литву и бракосочетанiя въ Вильнѣ“: это — позднiй и ненадежный источникъ съ большими идиллическими прикрасами. Мы однако приведемъ главныя черты „Описанiя“: оно интересно въ своемъ родѣ, представляя образчикъ того, какъ въ послѣдующiя времена смотрѣли на бракъ Елены Ивановны въ нѣкоторыхъ кружкахъ литовской Руси. Передадимъ „Описанiе“ современной рѣчью, а немногiя примѣчанiя свои сдѣлаемъ подъ строкой²⁷⁾.

„Окончивши счастливо дѣло о мирѣ, тѣ же послы отдали подарки московскому великому князю, его княгинѣ и дочери Еленѣ отъ вел. кн. Александра Литовскаго, — весьма дорогiе подарки, за которые Московскiй князь благодарилъ, привставъ на тронѣ, а княжна благодарила особо чрезъ боярина, приближеннаго къ государю²⁸⁾. И когда ихъ угощаль самъ царь и великiй князь Московскiй обѣдомъ, то, вспомя о подаркахъ, онъ выпилъ романи за здоровье в. кн. Александра, а выпивши молвилъ: чѣмъ-то можно будетъ отплатить за подарки? Послы, вставши, низко ударили челомъ ему, какъ

²⁶⁾ Пам. диплом. снош. древн. Россiи съ держав. иностр., томъ I, стр. 46.

²⁷⁾ Сборн. И. О. XXXV, 369.

²⁸⁾ Акты относ. къ истор. южной и зап. Россiи, II, № 79. Прежде всего замѣтимъ, что Описанiе не различаетъ, а смѣшиваетъ въ одно два посольства литовскiя: одно въ январѣ 1494, а другое въ январѣ 1495 года.

²⁹⁾ „Презъ боярина и полечника царского дяковала“ (панна, а не пани). Но ниже изъ разсказа выходитъ, что послы впервые увидали великую княжну какъ будто позже, а не теперь.

царю, и сказали: подарки потребуютъ любви вашего царскаго величества къ нашему великому князю и королевичу польскому Александру. — „Какой? Не знаю“, — отвѣчалъ в. князь. Тогда послы, въ другой разъ поклонившись, сказали: нашъ великій князь не имѣетъ отца; онъ проситъ твою царскую милость быть ему вторымъ отцомъ, выдать за него дочь твою Елену, которая нравится ему. — „До утра, отвѣчалъ государь; а теперь прошу васъ повеселиться въ палатахъ нашихъ“. Сказавъ это, онъ всталъ и пошелъ на свою половину, поруча боярамъ угощать пословъ; послѣ угощенія, пословъ отправили на ихъ подворье. На другой день, рано вставши, послы поѣхали въ соборную церковь къ богослуженію, которое совершалъ московскій митрополитъ³⁰⁾, а послѣ службы пошли за государемъ, по приглашенію бояръ и думнаго царскаго дьяка. По приходѣ государь спросилъ пословъ о здоровьѣ; тѣ поблагодарили съ низкимъ поклономъ и опять заговорили: „князь великій литовскій проситъ руки твоей дочери Елены; ты будешь ему вѣрнымъ союзникомъ, и онъ также будетъ готовъ на каждаго непріятели“. Тогда великій князь прослезился и сказалъ: „такъ Богу угодно; да будетъ Его воля!“ А послы съ своей стороны ударили ему челомъ до земли. Послѣ отпуска послы отправились отъ царя къ митрополиту на кушанье; торжественно были подчиваны имъ; послѣ обѣда, раскланявшись, уѣхали къ себѣ. На третій день послы снова получили приглашеніе ѣхать къ царю: по нимъ была прислана царская карета; когда они пріѣхали, самъ царь взялъ подъ руки двухъ старшихъ пословъ и ввелъ ихъ въ свои покои, въ золотую палату³¹⁾; потомъ проводилъ ихъ въ покой царицы, пришедши къ которой, послы пали въ землю и просили отъ имени своего князя великаго литовскаго, чтобы она согласилась дать дочь свою въ замужество за него. Въ отвѣтъ она сказала: „если Богъ велитъ, то это есть дѣло моего государя“. Въ это самое время открыли занавѣсъ, — и вотъ показалась молодая княжна, подошла къ своему отцу и поклонившись остановилась; послы посмотрѣли и увидали, что это настоящій ангелъ во плоти; любуясь красотой ея, они стояли нѣсколько мгновеній какъ вкопанные, пока не поклонились ей въ ноги, съ просьбою, чтобы она сохраняла въ любви князя, государя ихъ: княжна, сильно тронутая, заплакала. Тогда царь и великій князь московскій спросилъ пословъ, не имѣютъ ли они у себя нарисованнаго портрета великаго князя Александра. Тотчасъ было послано на подворье за портретомъ; его принесли и стали смотрѣть. А князь великій литовскій Александръ былъ весьма красивъ: лицо бѣлое, щеки румяныя, черные глаза и только-что пробивающійся усъ. Глядя на портретъ, великій князь московскій промолвилъ: „настоящій королевичъ польскій!“ Потомъ, обратясь къ дочери, сказалъ: „мнѣ останется нарисованный портретъ, а тебѣ, дочь моя, живой великій князь литовскій Александръ будетъ другомъ до конца жизни“. Сказавъ это, великій князь благосло-

³⁰⁾ Въ Воскресенской лѣтописи подъ 1495 годомъ въ январѣ отмѣчено: того же мѣсяца 13 отпустилъ князь великій дочь свою княжну Елену за вел. кн. Александра Литовскаго, а благословилъ княжну изъ Пречистые Симонъ, игуменъ троецкій, понеже тогда митрополита не бысть“ (П. С. Р. Л. VII, 229). Митрополитъ Зосима удаленъ съ кафедръ въ маѣ 1494 года.

³¹⁾ Представленіе дѣла фантастичное: никогда никакимъ посламъ подобной чести отъ царя не было оказываемо.

вилъ ее, а послы, ударивши челомъ до земли, цѣловали руку у царя, потомъ у царицы и царевны, послѣ чего посламъ было сказано готовиться на завтрашнее утро въ дорогу³²). Итакъ утромъ они отправились къ ранней обѣднѣ у св. Михаила, пообѣдали, получили грамоты и поминки, и выѣхали изъ Москвы, но остановились на Поклонной горѣ³³); здѣсь они пробыли до ужина, а между тѣмъ сюда прибыло нѣсколько тысячъ повозокъ съ имѣньемъ царевны, за ее печатями³⁴). Самъ царь и царица на милю проводили дочь свою Елену, цѣловали ее и благословляли; двѣ тысячи войска было назначено для проводовъ ея, со старѣйшимъ бояриномъ во главѣ; были также присоединены къ поѣзду два епископа³⁵). Далѣе авторъ Описанія распространяется о торжественной встрѣчѣ великокняжеской невѣсты въ Литвѣ (со стрѣльбой изъ пушекъ, съ выставленіемъ отрядовъ войскъ); предъ Вильной навстрѣчу выѣхали княжата и панята литовскіе въ количествѣ до четырехъ тысячъ; княжна помѣстилась въ шатрѣ о двѣнадцати золоченыхъ верхахъ³⁶); шатеръ окружили литовскіе и московскіе дворяне, богато наряженные; вскорѣ пріѣхалъ самъ князь Александръ со своимъ дворомъ, всѣ на коняхъ; сойдя съ коня, князь пѣшкомъ пошелъ къ шатру, откуда навстрѣчу ему выходила княжна съ боярами и епископами; любезно поздоровавшись, пошли въ шатеръ невѣсты, а весь народъ восклицалъ: „Слава Богу небесному за его великій даръ, за то, что Онъ такую панну московскаго монарха далъ намъ въ государыню! Да здравствуютъ наши государь и государыня!“ Послѣ завтрака въ шатрѣ, князь со свитой поѣхали верхомъ на коняхъ въ Вильну, а великая княжна ѣхала въ золотой каретѣ отцовской съ двумя епископами: всѣ жители Вильны встрѣтили поѣздъ, бросали цвѣты въ сторону княжны³⁷); изъ замковъ и съ городского валу стрѣляли изъ пушекъ; княжна съ боярами и епископами помѣстилась въ верхнемъ замкѣ, а князь великій проживалъ въ нижнемъ. На третій день была свадьба, которую совершалъ епископъ владимірскій³⁸); три недѣли продолжалось брачное торжество; по окончаніи его епископы, бояре и всѣ москвичи, одаренные отъ великаго князя, получившіе также подарки для царя и его семейства, отъѣхали въ Москву; при царевнѣ³⁹) остался священникъ съ дьякономъ и съ пѣвчими отборными голосами, всего 24 чело-вѣка, да паній московскихъ комнатныхъ пятьдесятъ. И сталъ великій князь Александръ

³²) Черта о портретѣ, привезенномъ послами, кажется вѣроятною: вспомнимъ, что Іоаннъ въ свое время также получилъ изъ Рима живописное изображеніе своей будущей жены, Софіи Ѳоминишны (Карамз. И. Г. Р. VI, 39; прим. 86). О наружности Александра Казимировича сравн. здѣсь примѣчаніе 96-е.

³³) То-есть уже дальше Дорогомилова, по Смоленской дорогѣ.

³⁴) „Зъ гербами“ — сказано въ подлинномъ текстѣ. Для сравненія замѣтимъ, что поминки въ Крымѣ царю Менгли Гирею обыкновенно посылались за печатью казначея Димитрія Володимирова.

³⁵) Свита боярскихъ дѣтей и дворцовой прислуги была гораздо меньше двухъ тысячъ; что касается двухъ архіереевъ, якобы провожавшихъ великую княжну, то это есть чистая выдумка, неизвѣстно чѣмъ вызванная.

³⁶) Черта, похожая на эпическую, былинную.

³⁷) Елена Ивановна пріѣхала въ Вильну въ половинѣ февраля: откуда бы взяли вилонны цвѣты и зелени?

³⁸) „А на третій день шлюбъ зъ собою взяли, который давалъ епископъ яко за панноу ее, Володимирскій“, такъ въ подлинникѣ, опять неизвѣстно на какомъ основаніи.

³⁹) И до сихъ поръ авторъ Описанія продолжаетъ величать Елену Ивановну „царевною“; названіе впрочемъ подходитъ къ ней по родителямъ.

жить въ великой любви съ царевною, часто посылая поминки къ царю, а тотъ присылалъ ему“.

Таково „Описаніе“ неизвѣстнаго автора. Читатели замѣтили, конечно, въ какихъ чертахъ идилическихъ, какими общими мѣстами оно написано. Обращаемся къ точному изложенію по достовѣрнымъ современнымъ документамъ, т.-е. по посольскимъ книгамъ.

Въ наказѣ посламъ, провожавшимъ великую княжну, — любопытномъ памятникѣ тогдашняго этикета, — былъ предписанъ весь порядокъ путешествія: гдѣ останавливаться, гдѣ служить молебствія, какія посѣщенія принимать и какія отклонить, какъ держаться при встрѣчѣ съ великимъ княземъ литовскимъ и при вѣнчаніи. Такъ, на примѣръ, послы заблаговременно имѣли заявить, кому слѣдуетъ, чтобы великой княжнѣ вѣнчаться въ православной церкви митрополитомъ, либо инымъ владыкою, либо архимандритомъ; если же на то не согласятся, то идти въ католическую божницу, гдѣ все-таки присутствовалъ бы митрополитъ, или владыка, или архимандритъ, кто бы благословилъ княжну по-православному и говорилъ молитвы; въ крайнемъ случаѣ вѣнчалъ бы московскій священникъ Тома, ѣдущій теперь въ Вильну. Великая княжна должна вѣнчаться въ своемъ платьѣ; но если на это не согласятся, то можетъ надѣтъ и тамошнее платье. При вѣнчаніи, на вопросъ о свободѣ брачующихся, Елена Ивановна имѣла отвѣчать про жениха: „любъ ми, и не оставити ми его и до живота, ни которые для болѣзни. Опрічь греческаго закона: держати ми свой греческой законъ, а ему меня къ римскому закону не нудити“. Если великую княжну встрѣтитъ передъ Вильной самъ великій князь, то она имѣетъ выйти изъ своего экипажа и поклониться великому князю жениху; при этомъ она имѣетъ быть „въ нарядѣ“ невѣсты. Если великій князь позоветъ ее къ рукѣ, то ей слѣдуетъ идти къ рукѣ, подать ему свою руку. Будетъ онъ приглашать ее пересѣсть въ свой возокъ, а матери его съ нимъ не будетъ, то великая княжна должна отклонить это приглашеніе, и въѣхать въ Вильну въ собственномъ дорожномъ возкѣ. Обо всемъ путешествіи и о вѣнчаніи послы должны немедленно прислать въ Москву съ особымъ гонцомъ подробный отчетъ⁴⁰⁾.

Они и представили этотъ отчетъ, — новый интересный памятникъ этикета, нравовъ и обычаевъ времени⁴¹⁾.

Путь великокняжеской невѣсты шелъ на Звенигородъ и Можайскъ, на Вязму и Смоленскъ, на Витебскъ и Полоцкъ. Какъ въ этихъ городахъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ дѣлались почетныя встрѣчи высокой путешественницѣ: во-первыхъ, на Дубровѣ предъ Вязмой ее встрѣтили всѣ князья вяземскіе, поднесшіе ей при этомъ поминки — камки и деньги; за пять верстъ до Смоленска навстрѣчу выѣхали намѣстникъ Юрій Глѣбовичъ и нѣсколько пановъ, бояръ и мѣщанъ; у посадовъ встрѣтилъ панъ Янъ⁴²⁾, а въ городѣ — владыка смоленскій, вышедшій съ крестомъ въ сопровожденіи священниковъ: великая княжна, благословясь крестомъ, пошла въ соборную церковь Богоматери пѣть молебенъ, послѣ чего поѣхала на подворье, куда провожали

⁴⁰⁾ Сборн. И. Общ. XXXV, 167—170 и все вообще дѣло подъ № 31.

⁴¹⁾ Тамъ же, № 35. Древ. Рос. Вивліое. XIV, статья № 11. Сравни примѣч. 2-е настоящ. очерка.

⁴²⁾ Вѣроятно Янъ Юрьевичъ Забережскій, намѣстникъ полоцкій. Сравни ниже, примѣч. 43-е.

ее паны и бояре: великая княжна велѣла старшему послу князю Семену Ряполовскому подчивать ихъ виномъ. На другой день Елена Ивановна слушала въ соборѣ обѣдню, которую совершалъ самъ владыка; послѣ обѣдни въ свѣтлицу княжны пришли съ визитомъ жена намѣстника съ падчерицей, да жена маршалка Ивана Кошкина, да владыка; паньи пришли безъ поминковъ, а владыка ударилъ челомъ княжнѣ, принесъ ей въ поминокъ икону золотую съ цѣпочкой — „воплощенье Пречистые во цѣклѣ“, да камку бурскую съ золотомъ: Елена Ивановна поручила князю Семену подчивать виномъ владыку, а паньямъ подавала вино сама; разливать вино помогала княгиня Марья Ряполовская⁴³⁾. Когда великая княжна поѣхала изъ Смоленска, намѣстникъ пань Юрій провожалъ ее за версту отъ города. Передъ Витебскомъ, за двѣ версты, ее встрѣтилъ намѣстникъ князь Михаилъ Ивановичъ Ижеславскій со всѣми витеблянами: князь Семень Ряполовскій явилъ (представилъ) намѣстника великой княжнѣ; въ самомъ городѣ, въ Архангельскомъ монастырѣ, встрѣчу дѣлалъ архимандритъ съ городскимъ духовенствомъ, благословилъ путницу крестомъ; по причинѣ, вѣроятно, утопленія она тотчасъ поѣхала въ приготовленное ей помѣщеніе, „въ горницу“, а обѣдню и молебень слушала на другой день. Въ Полоцкѣ подобная же церемонія: за полверсты выѣхали навстрѣчу пань со всѣми полочанами⁴⁴⁾; у Софійскаго собора ожидало духовенство во главѣ съ владыкой; благословенная крестомъ великая княжна вступила въ соборъ для совершенія молебна, послѣ чего отправилась на свое подворье, въ сопровожденіи своихъ боярь и литовскихъ пановъ, которыхъ велѣла потчевать виномъ князю Ряполовскому. Того же дня пришла съ визитомъ панья Янова съ дочерью⁴⁵⁾, ударила челомъ великой княжнѣ, поднесла въ поминокъ двѣ камки бурскихъ съ золотомъ; Елена Ивановна расцѣловалась съ ними, пригласила обѣдать съ собой, при чемъ сама подавала имъ вино въ кубкахъ. На другой день слушала архіерейскую обѣдню въ Софійскомъ соборѣ; панья Янова была вмѣстѣ съ ней; послѣ обѣдни она еще разъ посѣтила ее; тогда же былъ у великой княжны и владыка полоцкій, поднесшій въ поминокъ камку бурскую. Гости попрежнему были подчиваны виномъ⁴⁶⁾.

Чѣмъ ближе подъѣзжала къ Вильнѣ великая княжна, тѣмъ чаще встрѣчались посланцы великаго князя литовскаго съ поклонами отъ него и подарками: такъ въ Марковѣ встрѣтили ее маршалокъ Станиславъ Стромилонъ, да пань князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, да князь Иванъ и Василій Глинскіе, а съ ними чловѣкъ

⁴³⁾ Смоленскимъ владыкой тогда былъ Іосифъ Болгариневичъ, впоследствии митрополитъ западнорусскій, клонившій къ униі съ Римомъ, дѣйствовавшій въ этомъ смыслѣ и на великую княгиню Елену Ивановну (Макарій. Истор. Рус. Церкви IX, 89—132). Ниже намъ придется еще говорить объ этомъ лицѣ.

⁴⁴⁾ Эти пань, повидимому, нарочито уполномоченные для встрѣчи великокняжеской невѣсты еще со Смоленска, были слѣдующіе: Александръ Отокста, Юрій Зиновьевичъ, воевода брянскій, и Янъ, т.-е. Юрьевичъ Забережскій, намѣстникъ полоцкій, всѣ извѣстные участіемъ въ дѣлѣ сватовства Елены Ивановны, особенно же послѣдній. Изъ Смоленска они проѣхали чрезъ Витебскъ, съ тѣмъ чтобы встрѣтить великую княжну передъ Полоцкомъ.

⁴⁵⁾ Панья Янова есть, по всей вѣроятности, жена полоцкаго намѣстника Забережскаго, извѣстнаго намъ свата. Отсюда — особое вниманіе Елены Ивановны къ ней и взаимныя учтивости.

⁴⁶⁾ Полоцкій владыка именовался Лука; занималъ кафедру отъ 1488—1503 г. (Макарій, И. Р. Ц. IX, 132). Любопытно выраженіе посольскаго отчета про Софійскій полоцкій соборъ: онъ называется не „великая Софія“, какъ обычно въ Новгородѣ и другихъ городахъ, а „великой Софій“, т.-е. въ мужскомъ родѣ. Есть ли это выраженіе мѣстное? или говоръ составителей отчета?

60 свиты; они доставили отъ великаго князя возокъ для великой княжны, богато устроенный и запряженный восемью сѣрыми конями; примолвили ей, что-де князь великій предоставляетъ возокъ въ ея распоряженіе, просить ея ѣхать въ немъ до Вильны; но великая княжна предпочла оставаться въ собственномъ экипажѣ⁴⁷⁾. И се, и бояръ московскихъ озабочивало теперь важное дѣло. Согласно съ наказомъ, бояре еще въ Смоленскѣ говорили литовскимъ панамъ, чтобы великой княжнѣ вѣнчаться въ греческой церкви, а вѣнчалъ бы митрополитъ, или владыка, или архимандритъ Макарій; не разъ и позже о томъ же говорили панамъ, даже тономъ неудовольствія, потому что паны все медлили отвѣтомъ, оттягивали дѣло; наконецъ уже подъ Вильной, въ Нѣмежахъ, панъ Забережскій отъ имени великаго князя объявилъ, что вѣнчаніе имѣетъ быть въ римской церкви, а не въ греческой: тщетно бояре пробовали уговаривать пана перемѣнить рѣшеніе; да онъ и не могъ бы перемѣнить его. Пришлось покориться необходимости; зато Елена Ивановна еще разъ рѣшительно отказалась пересѣсть въ возокъ, присланный ей вторично отъ великаго князя.

За три версты отъ Вильны выѣхалъ навстрѣчу своей невѣстѣ великій князь Александръ Казимировичъ; тутъ впервые увидала его Елена Ивановна. Что почувствовали царственные женихъ и невѣста при первомъ свиданіи, или что особеннаго сказали, другъ друга привѣтствуя, неизвѣстно: офиціальная посольская книга строго дѣловито описываетъ только внѣшнюю сторону встрѣчи, по отчету московскихъ пословъ.

Великій князь сидѣлъ верхомъ на конѣ, дожидаясь, пока подъѣдетъ великая княжна. Когда экипажъ ея остановился, начали постилать червленое сукно по направленію къ экипажу, а оттуда постлали поверхъ сукна камку бурскую съ золотомъ. Великая княжна вышла изъ тапки на камку, вмѣстѣ съ боярынями; въ то же время великій князь, сойдя съ коня, направлялся по сукну навстрѣчу къ великой княжнѣ, подаль свою руку, принялъ ея руку и спросилъ о здоровьѣ; дамамъ, московскимъ боярынямъ Ряполовской и Русалкиной, великій князь также подаль руку. Затѣмъ великая княжна сѣла въ свой экипажъ, а великій князь верхомъ на конѣ поѣхалъ рядомъ съ нею; передъ самымъ городомъ, по его приказанію, вся свита спѣшилась, такъ что князя и панскія дѣти пошли пѣшкомъ съ правой стороны, а московскія дѣти боярскія — съ лѣвой стороны экипажа; великій князь поѣхалъ впереди, во главѣ процессіи. Въ такомъ порядкѣ процессія вѣхала въ городъ къ церкви „Рожества Пречистые“⁴⁸⁾: отсюда великій князь направился въ соборъ Станислава, а Елена Ивановна вошла въ Пречистенскую церковь: тутъ встрѣтилъ ее архимандритъ Макарій, нареченный митрополитъ, съ крестами, со священниками, и отпѣлъ для нея молебень (обѣдню уже отпѣли).

День вступленія Елены Ивановны въ Вильну былъ 15 февраля 1495 года; въ тотъ же день она и вѣнчалась. Описаніе вѣнчанія такъ выразительно въ отчетѣ

47) Раньше, въ Вязьмѣ, в. князю встрѣтилъ дворянинъ Андусовъ, привезшій поминки отъ в. князя: „четыре барелы вина, да три бочки изубрины“. Великая княжна велѣла подарить дворянину сорокъ соболей. Въ Кревѣ встрѣтили ее паны Мартынова Анна, да Богданова Анна же; великая княжна пригласила ихъ къ обѣду.

48) Интересны соображенія преосв. Макарія о той церкви виленской, въ которую вступила Елена Ивановна: Истор. Рус. Церкви, IX, примѣч. 75; снес. примѣч. 103.

пословъ, да и не такъ длинно, что мы позволяемъ привести его дословно: надѣмся, что читатели не поскучаютъ при чтеніи его.

„И великой княжнѣ тудо⁴⁹⁾ княгини Марья (Ряполовская) да Русалкина жена косу расплели, и голову чесали, и кичу на нее положили, да и хмѣлемъ осыпали; а попъ Оома молитвы говорилъ, да и крестомъ еѣ благословилъ. И великая княжна изъ церкви пошла къ великому князю въ его божницу, а передъ нею шоль попъ Оома со крестомъ, да и крестомъ еѣ благословлялъ; а у божницы великую княжну встрѣтилъ бискупъ съ крыжемъ⁵⁰⁾, да крыжемъ еѣ не благословлялъ, да и опять пошоль въ божницу, да сталъ на своемъ мѣстѣ; а князь велики съ великою княжною стали въ божницѣ на своемъ мѣстѣ; а подо княжну постлали бархатъ, которой было постлати у тапканы подъ ноги, да на мѣсто положили сорочекъ соболей меншой. И бискупъ великому князю говорилъ молитвы, а попъ Оома говорилъ великой княжнѣ молитвы; а княгиня Марья надъ нею вѣнецъ держала, а Кулешинъ вино держалъ въ стѣкляницѣ⁵¹⁾, и попъ Оома великой княжнѣ давалъ вино пити, да скляницу и ростоптали. И бискупъ, да и князь велики о томъ побранили накрѣпко, чтобы попъ Оома молитвъ не говорилъ, а княгини Марья вѣнца не держала: и князь Семень то у нихъ отговаривалъ, а попъ Оома таки молитвы говорилъ, а княгини Марья вѣнецъ держала; а архимандритъ Макарей тутъ же былъ въ божницѣ, да великой княжнѣ молитвъ не смѣлъ говорити великого князя“⁵²⁾.

Послѣ вѣнчанія, столь оригинальнаго, столь мало торжественнаго, новобрачный великій князь пошелъ въ свою грядню, а новобрачная съ боярынями въ другую горницу. Немного спустя слѣдовало представленіе пословъ великому князю, потомъ — брачный пиръ, на которомъ присутствовали и московскіе послы. Отчетъ оканчивается замѣчаніемъ, что великая княгиня вѣнчалась въ своемъ платьѣ, и донинѣ — вотъ уже четвертый день послѣ свадьбы — носить то же платье и кичу; но мыльни на другой день брака не было, — прибавляютъ московскіе послы.

Тономъ неудовольствія проникнуть вообще весь посольскій отчетъ. Да и въ самомъ дѣлѣ свадьба Елены Ивановны не была изъ такихъ, чтобы ее можно было назвать „веселою свадьбой“, чтобы можно говорить про нее съ удовольствіемъ.

IV.

Перейдемъ теперь къ описанію брачной жизни Елены Ивановны. Эта жизнь была исполнена для нея разнообразныхъ и серьезныхъ затрудненій; зато среди трудныхъ

⁴⁹⁾ Не видать ясно, было ли это въ самой церкви, или въ притворѣ церковномъ, или въ одномъ изъ ближнихъ къ церкви домовъ: не вѣроятнѣ ли послѣднее?

⁵⁰⁾ Виленскій католическій епископъ Войтъхъ Адальбертъ Таборъ.

⁵¹⁾ Дьякъ Василій Григорьичъ Кулешинъ — членъ посольства, можетъ-быть и авторъ отчета настоящаго. Объ употребленіи при бракѣ скляницы съ виномъ, о разбиваніи ея при этомъ и о другихъ сторонахъ обряда смотри любопытныя примѣчанія въ книгѣ А. А. Дмитриевскаго „Богослуженіе въ русской церкви въ XVI вѣкѣ“, на стр. 397 и друг.

⁵²⁾ Собрн. И. О. XXXV, 186. Въ лѣтописи также говорится: „и пришедь въ Валцу февраля 15, въ недѣлю о Блудномъ сыну, и первое приде княжна великая Елена къ церкви Пречистой Богородица нашего греческаго закона, и ту молебны пѣша, и поиде оттуда къ вѣнчанію; и вѣнчаша ихъ въ Стави-славѣ, въ римскаго закона церкви, бискупъ виленскій по латынски, а великаго князя попъ Оома по греческому закону единъ“ (П. Собр. Рус. Лѣт. VIII, 229. Сравни въ Никонов., Софійск. и др.).

условіи раскрылся и укрѣпился характеръ ея; отсель мы увидимъ въ ней замѣчательную личность, которая умѣетъ держаться въ новой средѣ съ тактомъ и достоинствомъ, подобающими ея высокому сану, знатному роду, православному представительству въ Литвѣ: не даромъ она была дочерью Іоанна и Софіи Ѳоминышны!

По наказу своего государя, послы Ряполовскій и Русалка еще разъ заявили литовскому великому князю, чтобы онъ построилъ для своей супруги церковь греческаго закона на переходахъ у своего дворца, подлѣ хоромъ великой княгини, чтобы ей близко было ходить на богослуженіе, но получили отказъ отъ литовскаго государя въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „ино князи наши и панове вся земля мають на то права отъ предковъ нашихъ, и отъ отца нашего и отъ насъ, и то въ правехъ записано, что церковей греческаго закона болши не прибавливати; ино намъ тыхъ правъ предковъ нашихъ и отца нашего и нашихъ не годится рухати; а княгинѣ нашей, еѣ милости, церковей греческаго закона въ городѣ есть близко, коли еѣ милость въсхочетъ до церкви, а мы ей того не боронимъ“⁵³⁾. Тщетно Іоаннъ впослѣдствіи возражалъ, просилъ, чтобы это было сдѣлано ради его и дочери его, ссылаясь на примѣры построения церковей православныхъ въ самой даже Вильнѣ въ недавнее время⁵⁴⁾; зять рѣшительно отказался исполнить просьбу тестя и супруги, конечно больше по внушеніямъ католическаго духовенства и пановъ, нежели по собственному нежеланію, на томъ между прочимъ формальномъ основаніи, что въ брачную запись о свободѣ вѣроисповѣданія великой княгини не была внесена статья объ особой дворцовой церкви⁵⁵⁾. Елена Ивановна такъ и осталась безъ дворцовой церкви.

Другое желаніе московскаго государя, чтобы дочь его, „пока обойдется“, т.-е. пока осмотрится и привыкнетъ къ жизни въ Вильнѣ, имѣла при себѣ московскихъ бояръ и боярынь, да дворцовую прислугу изъ Москвы — было исполнено только отчасти, на время непродолжительное: 3 февраля 1495 года, вслѣдъ за отъѣздомъ Елены Ивановны, въ Вильну былъ отправленъ князь Василій Васильевичъ Ромодановскій съ женой „на пожитье“ къ великой княгинѣ литовской; изъ прежняго посольства должны были остаться въ Вильнѣ при в. княгинѣ бояринъ Прокофій Зиновьевичъ Скуратовъ съ женой, да дворецкій Димитрій Семеновичъ Сабуровъ-Пѣшковъ, да еще немного низшаго чина людей; но уже въ августѣ того же года всѣ эти лица были отозваны въ Москву, такъ какъ въ Вильнѣ не позволяли имъ дальнѣйшаго проживанія; при великой княгинѣ остался священникъ Ѳома съ двумя крестовыми дяками, да немного низшей дворцовой прислуги, — сытниковъ, поваровъ и хлѣбниковъ⁵⁶⁾.

⁵³⁾ Сборн. И. О. XXXV, 166; 187.

⁵⁴⁾ Тамъ же, 211. Іоаннъ указывалъ на нѣкоего Салтана, который еще при королѣ Казимирѣ „церковь поставилъ въ Вильнѣ, придѣлъ къ Пречистой Благовѣщенье придѣлалъ, да и въ имѣньи деи въ своемъ при королѣ же поставилъ церковь“.

Преосв. Мазарій справедливо и на примѣрахъ доказываетъ, что постановленія о томъ, чтобы православныхъ церковей вновь не строить въ Литвѣ, на дѣлѣ не соблюдались, что количество православныхъ храмовъ въ Литовской Руси въ XV вѣкѣ и въ началѣ XVI-го даже возрастало: Истор. Рус. Ц. IX, 104—105; 120; 130; 195; 294.

⁵⁵⁾ Сборн. И. О. XXXV, 216.

⁵⁶⁾ Тамъ же, стр. 172—173 (посольство князя Ромодановскаго); 191—192; 206; 210—211. Литон. по Никонов. св. VI, 143. Пол. Собр. Р. Литон. IV, 165; VIII, 229; XV, 502 и другія литонск.

Впрочемъ, что касается священника, не разъ названнаго, то Елена Ивановна почему-то была недовольна имъ; въ концѣ 1497 года она говорила Микулѣ Ангелову, присланному къ ней родителями: „попъ Ѳома не мойской (т.-е. не по мнѣ, не нравится мнѣ), а попъ со мною ось изъ Вильны добръ добръ“. По этой причинѣ, какъ видно, Іоаннъ предлагалъ дочери другого московскаго священника, на что Елена Ивановна тому же Микулѣ Ангелову отвѣчала: „а поповъ мнѣ кого знать? вѣдаешь, кое язъ на Москвѣ не видала ни кого. Ино вѣдь о томъ великому князю (т.-е. мужу) говорить, велитъ ли прислать боярыню да попа; только жъ не говоривши о томъ батко пришлетъ, и онъ (т.-е. мужъ) отошлетъ назадъ“. Священникъ былъ отозванъ; изъ посольской книги не видно, чтобы на его мѣсто былъ присланъ другой изъ Москвы; вѣроятно великая княгиня стала имѣть духовникомъ того виленаго священника, о которомъ она отзывалась, какъ объ очень хорошемъ человѣкѣ⁵⁷⁾.

Разъ московскимъ боярамъ и боярынямъ стали препятствовать жить при дворѣ великой княгини, Іоаннъ потребовалъ отъ зятя, чтобы по крайней мѣрѣ новый штатъ великой княгини былъ набранъ изъ пановъ и паній православнаго исповѣданія, а не римско-католическаго. Но и это требованіе Московскаго государя не было уважено: еще во время проживанія въ Вильнѣ бояръ и боярынь московскихъ, отосланныхъ отъ двора Елены Ивановны, хотя пока еще не удаленныхъ изъ Вильны до формальнаго отъезда изъ Москвы, къ великой княгинѣ были приставлены новыя лица, всѣ римско-католическаго исповѣданія. Іоаннъ до времени терпѣлъ эти неучтивости, даже несправедливости своего зятя; онъ пока ограничивался напоминаніями ему держать свою супругу въ надлежащемъ почетѣ и въ свободѣ; иногда напоминанія переходили въ тонъ упрековъ, жалобъ⁵⁸⁾. Александръ Казимировичъ отвѣчалъ тестю въ томъ смыслѣ, что у него - де, по милости Божіей, довольно своихъ собственныхъ слугъ для двора его великой княгини, что онъ приставилъ ко двору ея тѣхъ лицъ, которыя ему кажутся наиболѣе годными, что отъ лицъ римскаго закона нѣтъ никакого вреда для исповѣданія греческаго закона его супругою и т. п.⁵⁹⁾.

Но вотъ весной 1499 года въ Москву пришло извѣстіе, что великая княгиня Елена Ивановна не свободна уже въ дѣлѣ религіи, что ее стали принуждать къ при-

⁵⁷⁾ Тамъ же, стр. 241; сравн. 199; 210—211. Преосв. Макарій дѣлаетъ вѣроятное предположеніе, что этотъ виленагій священникъ, духовникъ Елены Ивановны послѣ Ѳомы, сталъ впоследствии архимандритомъ Вознесенскаго монастыря, въ Минскѣ, а потомъ митрополитомъ западной Россіи съ именемъ Іоны II: Истор. Р. Ц. IX, 152. — О священникѣ Ѳомѣ Тверская лѣтопись неточно показываетъ, будто онъ воротился въ Москву вмѣстѣ съ княземъ Ромодановскимъ и товарищами его: онъ былъ въ Вильнѣ еще въ концѣ 1497 года; но то любопытно въ той же лѣтописи, что Ѳома называется въ ней съ фамиліей „Легатось“ (П. С. Р. Л. XV, 502). Не былъ ли онъ грекъ по происхожденію?

О самомъ выраженіи „попъ Ѳома не мойской“ сравн. замѣчаніе въ Исторіи Россіи Соловьева, т. V, примѣч. 186, по 4-му изданію: тамъ сопоставляется съ нимъ выраженіе „мойскіе лалы“. Но это, кажется, разные эпитеты. Въ данномъ мѣстѣ посольской книги „мойскій“ есть прилагательное отъ первообразнаго „мой“, и образовалось по образцу „свойскій“, „таковскій“ и т. п.

⁵⁸⁾ Собрн. И. О. XXXV, 192; 206. Рѣчи и пересылки по этому предмету имѣли мѣсто уже съ мая 1495 года, продолжались съ одинаковымъ характеромъ и въ слѣдующіе годы вплоть до новой войны: для примѣра стран. 240; 252; 255; 272; 285.

⁵⁹⁾ Тамъ же, стр. 190; 216. Съ неудовольствіемъ узнали въ Москвѣ, что Елену Ивановну вскорѣ заставили переимѣнить ея русское платье, положили на нее платье литовское: тамъ же, стр. 181—192 (дѣло отъ мая 1495 года). Сравн. стр. 206.

нятію римскаго закона: это важное извѣстіе сильно встревожило Іоанна и Софію Ѳомишишну; они немедленно отправили въ Вильну нарочитаго гонца узнать отъ дочери, въ чемъ дѣло, справедливъ ли слухъ, дошедшій до нихъ⁶⁰).

Въ чемъ же было дѣло? И почему Елена Ивановна ничего не писала по этому предмету? Почему родители узнаютъ дѣло по слухамъ, да по письмамъ постороннихъ лицъ, а не дочери самой?

Взглянемъ на первыя сношенія родителей съ дочерью. Эти сношенія были постоянными: чрезъ пословъ и гонцовъ, ѣздившихъ межъ Москвой и Вильной, иногда нарочито и только къ Еленѣ Ивановнѣ посылаемыхъ, они отправляли къ ней „поклоны“ и поминки, словесныя порученія и письма, болѣе или менѣе официальные, иногда совсѣмъ неофициальные, интимныя рѣчи и письма. Родители естественно желаютъ знать сколь можно больше подробностей о жизни на чужбинѣ любимой своей дочери, про ея отношенія къ мужу, къ новой роднѣ, ко всѣмъ окружающимъ ее людямъ; любя дочь, они даютъ ей совѣты, предостереженія, чтобы охранить ея благополучіе, ея достоинство. Болѣе того: Іоаннъ посвящаетъ свою дочь въ дѣла политики, даетъ ей дипломатическія порученія. Съ своей стороны Елена Ивановна посылаетъ родителямъ „челобитья“ и поминки, отвѣчаетъ по возможности на запросы ихъ, исполняетъ ихъ порученія, или сама предлагаетъ имъ новыя дѣла и просьбы частію отъ себя, частію по порученію своего супруга. Но вообще она сдержанна въ своихъ рѣчахъ: она меньше отвѣчаетъ, нежели ее спрашиваютъ. Понятно, почему она была сдержанна: за нею слѣдили въ Вильнѣ, обращали заботливое вниманіе на всѣ ея поступки, на ея переписку съ родителями. Она должна была поступать во всемъ осторожно, чтобы не навлечь подозрѣнія и неудовольствія мужа, который имѣлъ безспорное право знать, на примѣръ, о чемъ она переписывается съ отцомъ и матерью, который самъ былъ готовъ сдѣлать ее орудіемъ своей политики. Находясь въ такомъ положеніи между мужемъ и отцомъ, Елена Ивановна должна была употреблять много старанія, чтобы не разстроить добрыхъ отношеній своихъ къ тому и другому; она и умѣла поступать съ должнымъ тактомъ. Пусть родители попрекали ее за излишнюю на ихъ взглядъ скрытность, да за утайку иныхъ обстоятельствъ жизни: въ сущности это былъ вѣрный тактъ Елены Ивановны, потому что умолчаніемъ про нѣкоторыя обстоятельства своей жизни, или про отношенія къ супругу, она ничему не вредила, а скорѣе помогала смягченію натянутыхъ отношеній межъ обоими государями. Она сокращала, а не увеличивала зла этихъ отношеній.

Вотъ то убѣжденіе, которое мы вынесли, читая переписку Іоанна и Софіи съ ихъ дочерью. Приведемъ главные факты, сюда относящіеся, отсылая впрочемъ читателей

⁶⁰) Извѣстіе — въ письмѣ изъ Вильны, дошедшее въ Москву черезъ разныя руки: Сборн. И. О. XXXV, № 57. То же письмо въ Авт. Зап. Рос. I, № 155, и въ „Документахъ, объясняющ. истор. Зап. рус. края“, 26, № IV (Есть варианты въ этихъ изданіяхъ). Письмо писалъ Ѳедоръ Шестаковъ, по Бавтышъ-Каменскому — подьячій, находившійся при Еленѣ Ивановнѣ: Чтен. въ И. О. И. и Д. Р. 1860, IV, стр. 33. Но изъ посольской книги не видно ясно званіе этого человѣка; видно только, что онъ былъ знакомъ съ дьякомъ Ѳ. В. Курицынымъ, который называлъ его своимъ „пріателемъ“, и посылывалъ ему письма въ Вильну: Сборн. И. О. XXXV, 276—277. Въ указателѣ къ „Сборнику“ кажется вѣрно про него говорится, что онъ „тайно служитъ москвичамъ“.

къ подлинной посольской книгѣ: ибо трудно изложить всѣ подробности сношеній, да передать всю дипломатическую тонкость переписки, все искусство рѣчей Іоанна къ дочери и благородный тонъ отвѣтовъ со стороны послѣдней.

Въ маѣ 1495 года въ Вильну поѣхалъ гонцомъ Михайло Погожій; въ наказѣ ему значилось между прочимъ: „а спросятъ его, есть ли рѣчь къ великому князю, и Михайлу молвити: рѣчи за мною къ великому князю нѣтъ; а послалъ мя государь мой къ своей дочери, къ великой княгини, съ грамотою: слухъ ему пришоль, что дочи его не домогаетъ“. Итакъ гонецъ былъ нарочито къ Еленѣ Ивановнѣ; предложомъ пріѣзда его была болѣзнь великой княгини: на самомъ дѣлѣ она была въ добромъ здоровьѣ, а цѣль посылки гонца была въ томъ, чтобы справиться о положеніи дѣлъ великой княгини и о боярахъ, пока проживавшихъ при дворѣ ея; сообщить ей списокъ отвѣта, даннаго литовскому послу по дѣлу Елены Ивановны, т.-е. о свободѣ ея вѣроисповѣданія, о построеніи для нея дворцовой церкви, о неудаленіи отъ нея бояръ и боярынь до времени, о новомъ дворѣ ея изъ православныхъ пановъ и паній⁶¹⁾: Елена Ивановна должна была принять этотъ списокъ посольства къ свѣдѣнію, и въ смыслѣ его говорить своему супругу, чтобы все дѣлалось по отцовскому наказу; наконецъ великой княгинѣ и боярамъ рекомендовалось вести аккуратнѣе тайную переписку съ Москвой, такъ, чтобы содержаніе переписки никто кромѣ ихъ не зналъ⁶²⁾.

Почти навстрѣчу московскому гонцу ѣхалъ литовскій съ грамотою отъ Александра Казимировича къ тестю о томъ, чтобы тотъ, согласно договору, помогъ ему отразить нападеніе крымскаго хана Менгли Гирея. Тотъ же гонецъ привезъ двѣ грамоты Елены Ивановны, писанныя конечно по желанію супруга, — одна къ отцу, другая къ матери. „Государю отцу моему Іоанну, Божіею милостью государю всеа Руси и великому князю, дочи твоя, государь, Олена, челомъ бьетъ. Пожалуй, государь, не держи насъ безъ вѣсти о своемъ здоровьѣ, и о матери нашей о здоровьѣ, и о братнѣ, и о сестринѣ; а здѣсе, государь, Божіею милостью государь мой князь велики Александръ да и язъ, дочи твоя, даль Богъ по здорову. Да послалъ къ тобѣ, ко государю къ отцу моему, государь мой князь велики Александръ листъ свой съ Яномъ: и ты бы, государь мой пожаловаль, по тому листу посмотри, да того дѣла поберегль, какъ тобѣ государю, отцу моему, Богъ положить на сердце. А язъ тобѣ государю отцу своему челомъ бью“. Письмо къ матери о томъ же: и ее просить Елена Ивановна печаловаться предъ отцомъ, чтобы тотъ поберегъ дѣла, о которомъ просить ея мужъ⁶³⁾. Въ отвѣтъ на это Іоаннъ передавалъ дочери (не сразу впрочемъ, а долго спустя), что онъ готовъ содѣйствовать примиренію литовскаго великаго князя съ крымскимъ ханомъ, равно и съ волошскимъ воеводою Стефаномъ, что онъ уже „приказывалъ“ (сообщалъ) объ этомъ вел. князю Александру: „тебѣ бы то вѣдомо было“. Тогда же Іоаннъ говорилъ дочери, что ему очень досадно было, что въ Литвѣ не пропустили турецкаго посла и гостей, шедшихъ въ Москву; онъ поручаетъ дочери

⁶¹⁾ Тамъ же, № 36, Посольство отъ в. кн. Александра Казимировича съ паномъ Станиславомъ Стромиловымъ.

⁶²⁾ Тамъ же, № 37.

⁶³⁾ Тамъ же, № 38, пріѣздъ Яна Ядрова.

говорить мужу, чтобы онъ давалъ свободный проѣздъ московскимъ посламъ въ Турцію и обратно. Наконецъ еще любопытное порученіе по слѣдующему дѣлу. „Сказывали мнѣ — говоритъ Иоаннъ — послы мои Борисъ Кутузовъ съ товарищами, что ты разговаривала съ ними по дѣлу королевича Сигизмунда Казимировича, что великій князь и паны хотятъ дать ему удѣлъ въ Литовскомъ великомъ княжествѣ, на примѣръ Кіевъ, или иные города. Я слыхалъ, дочь моя, какое было нестроенье въ Литовской землѣ, когда въ ней было много государей; да и ты слыхала, каково было нестроенье въ нашей землѣ при моемъ отцѣ, и каковы были дѣла у меня съ братьями по смерти отца: ты слыхала про это, а иное и сама помнишь. Теперь, если Сигизмундъ будетъ княжить въ Литовской землѣ, то чего добраго вамъ ожидать? Поэтому я поручаю тебѣ передать своему мужу рѣчь мою: вѣдь ты — дитя мое, и мнѣ жаль, если бы это дѣло исполнилось ко вреду вашему. Впрочемъ, если пожелаешь это сказать мужу, то скажи ему отъ себя самой; да отпиши мнѣ о всѣхъ вашихъ дѣлахъ“⁶⁴). Вполнѣ ли искренно заботился Иоаннъ объ интересахъ своего зятя, или имѣлъ при этомъ какіе-нибудь свои тайные виды, не знаемъ; во всякомъ случаѣ интересенъ фактъ такого совѣта, внушаемаго чрезъ посредство дочери, которая такимъ образомъ становилась совѣтницею мужу по дѣламъ его съ родными и съ панами радными. Чрезъ это возвышалось значеніе великой княгини.

Въ ноябрѣ 1497 г. въ Вильну поѣхалъ Микула Ангеловъ, опять нарочито къ великой княгинѣ, передать поклоны отъ родителей и ото всего великокняжескаго семейства, вручить поминки, да еще отдать ей 13 книгъ, вѣроятно ея прошенныхъ⁶⁵). Попрежнему отецъ побуждаетъ дочь говорить вел. князю Александру о церкви, о панахъ и паняхъ греческаго закона при дворѣ ея, да притомъ говорить настойчиво, не потакая мужу; напоминаетъ держать крѣпко свои наказы, и быть „неподвижной“ въ своемъ греческомъ законѣ. Великая княгиня Софья Ѡминична прислала особое письмо: спрашивается, не беременна ли Елена Ивановна. Дочь отвѣчала, что она живетъ попрежнему; что она говаривала мужу о церкви и о дворѣ православномъ, но безуспѣшно: великій князь отвѣчаетъ ей то же, что и московскимъ посламъ; что она желаетъ перемѣнить священника, и готова принять къ себѣ боярыню московскую, но не иначе, какъ съ согласія мужа. Касательно наказовъ родителя Елена Ивановна торжественно свидѣтельствуетъ, что она до конца жизни не забудетъ ихъ, а о мужѣ заявляетъ, что онъ жалуется ея, исполняетъ ея просьбы и проч. Слышны впрочемъ иныя нотки въ отвѣтѣ дочери, если только вѣрно выразилъ ихъ посланецъ Микула Ангеловъ: „а боярыни ему какъ ко мнѣ прислать, какъ ее держать, какъ ей съ здѣшними сидѣти? а вѣдь мнѣ не далъ князь великій (т.-е. мужъ) еще ничего, чѣмъ кого жаловати: дву ли, трехъ ли пожаловалъ, а иныхъ язъ собою жаую: а хотѣлъ бы отецъ мой, и онъ бы толды жъ боярыню со мною послалъ“ (т.-е. при выѣздѣ изъ

⁶⁴) Тамъ же, № 43, отд. IV, въ посольствѣ Михаила Еропкина, отъ мая 1496 года. Сравни въ Антахъ, относ. къ исторіи зап. Россіи, I, №№ 135—136 (Проектъ объ удѣлѣ Сигизмунду Казимировичу въ Литвѣ дѣйствительно существовалъ).

⁶⁵) Тамъ же, стр. 239. Сравни замѣтку у преосв. Макарія, IX, 139—140. И позже бывали послышки книгъ; напр. въ 1505 году была послана Иоанномъ книга Уставъ, которой просила Елена Ивановна у митрополита Симона: тамъ же, стр. 475.

Москвы?). О приставленной ко двору своему панѣ в. княгиня замѣчаетъ: а восе которая у меня посажена, и она былъ восорка, а нынѣ уже тишаетъ“. Въ общемъ тонъ великой княгини сдержанный; она сравнительно довольна своимъ положеніемъ; она не сказала бы и этого, если бы ее не вызвали на эти рѣчи⁶⁶⁾.

Что касается впрочемъ имущественнаго положенія, то сама Елена Ивановна, желая улучшить его при помощи отца, говорила ему объ этомъ первая. Такъ въ мартѣ 1498 года, черезъ пословъ князя В. В. Ромодановскаго и дьяка В. Г. Кулешина, Иоаннъ передавалъ дочери: „приказывала еси ко мнѣ съ своимъ человѣкомъ, съ Олексѣемъ Семичевымъ, что еси била челомъ своему мужу великому князю, чтобы тебя пожаловалъ тѣми волостями, которые были за первыми великими княгинями литовскими, и онъ отвѣчалъ тебѣ то, что будто язъ у него поималъ его города и волости, и мнѣ бы ему его городовъ и волостей поступитись, и онъ толды хочеть тебя жаловати“. Въ отвѣтъ на такое ироническое замѣчаніе литовскаго государя Иоаннъ велѣлъ дочери при случаѣ сказать ему о себѣ, что чужихъ земель онъ не держитъ, а по милости Божіей держитъ только свои города и волости, земли и воды⁶⁷⁾. И позже Елена Ивановна старалась, при помощи отца, приобрести себѣ земельныя владѣнія въ Литвѣ, а именно тѣ населенныя имѣнія, которыя принадлежали ея свекрови, старой королевѣ Елизаветѣ, вдовѣ Казимировой; Иоаннъ обѣщалъ содѣйствовать дочери въ полученіи этихъ имѣній; онъ дѣйствительно поддержалъ требованія Елены Ивановны предъ мужемъ, такъ что за время послѣ войны 1500 года Елена Ивановна уже располагала не малою долей недвижимыхъ имѣній въ Литвѣ; но мы не можемъ пока сказать, какъ велики были эти недвижимыя имѣнія ея по сравненію съ ея предшественницами, первыми великими княгинями литовскими, или съ ея преемницей, королевою Боной, или сравнительно съ вдовыми московскими великими княгинями, которыя располагали недвижимыми имѣніями, называемыми „опришнины“; этотъ интересный вопросъ требовалъ бы спеціальнаго разслѣдованія⁶⁸⁾.

Возвратимся къ прерванному разсказу. Черезъ тѣхъ же пословъ, Ромодановскаго и Кулешина, Иоаннъ перечислялъ дочери всѣ несправедливыя на его взглядъ поступки Александра Казимировича относительно себя и ея самой; обвинялъ его въ неисполненіи договоровъ, даже во враждебности, напримѣръ, въ сношеніяхъ съ Золотой Ордой

⁶⁶⁾ Тамъ же все дѣло подъ № 49. — О значеніи слова „восорка“ сравн. у Соловьева, Истор. Рос. V, примѣчан. 186; смыслъ слова впрочемъ ясенъ по противоположенію съ глаголомъ „тишаетъ“. — Письмо Софій къ дочери было и раньше напечатано: С. Г. Г. и Д. II, № 24. Кстати замѣтимъ по поводу этого письма, что бракъ Александра Казимировича и Елены Ивановны оставался бездѣтнымъ.

⁶⁷⁾ Тамъ же, стр. 254.

⁶⁸⁾ Тамъ же, стр. 422. Объ имѣніяхъ, данныхъ Еленѣ Ивановнѣ мужемъ и деверемъ Сигизмундомъ I-мъ, а ею самой отчасти пожалованныхъ монастырямъ и церквамъ, смотри указанія пр. Макарія въ Истор. Р. Ц. IX, стр. 87; 110—111; 149—152; 198. Смотри также цѣльныя указанія объ имѣніяхъ Елены Ивановны въ статьяхъ профессора Леонтовича, Очерки литовско-русскаго права, въ Журналѣ М. Н. Пр., особ. въ книжкѣ за іюль 1893, на стр. 122—123; 131; 146. Впослѣдствіи имѣнія Елены Ивановны перешли къ новой королевѣ, итальянкѣ Бонѣ.

Отмѣтимъ нѣсколько сборниковъ актовъ, гдѣ есть документы отъ Елены Ивановны или о ней самой: Бѣлорусскій Архивъ древн. грамотъ, № 4. Собраніе древн. грамотъ и актовъ городовъ Минской губерніи, №№ 4 и 57. Археографическій Сборникъ докум., относ. къ истор. Сѣв.-Зап. Россіи, т. III, № 4. Акты отн. къ ист. Южн. и Зап. Россіи, I, № 45. Акты отн. къ ист. Зап. Рос. II, № 81, и проч.

и Швеціей во вредъ Московскому государству; предлагалъ дочери убѣдиться въ этомъ чрезъ документы, если она пожелаетъ ихъ видѣть, а въ заключеніе прибавлялъ такую рѣчь: „и мы, дочи, дали тебя за него того дѣля, чтобы межи насъ была сердечная любовь и опричь докончанія; и язъ къ тебѣ, дочи, то приказываю того дѣля, что ти велѣлъ Богъ отъ насъ родитися: ино бы промежи насъ любовь и свойство не рушилося, да и впередъ бы далъ Богъ промежъ насъ добро было“.

„Сердечной любви да добра“ между родственными государями было очень мало даже въ первые дни брака Елены Ивановны; теперь же этими красными дипломатическими рѣчами Іоаннъ въ сущности подготовлялъ свою дочь къ тому, что онъ вскорѣ намѣренъ объявить войну ея мужу! Отношенія обоихъ государей въ данное время изъ-за дѣлъ фамильныхъ и особенно государственныхъ были уже очень натянутыя.

Въ самомъ концѣ дѣла о посольствѣ Ромодановскаго и Кулешина находится „память“, или особый наказъ имъ по слѣдующему дѣлу. Съ турецкимъ посломъ, недавно отправленнымъ въ Москву, ѣхали нѣсколько восточныхъ купцовъ съ узорочными товарами на продажу собственно великому князю московскому; но посоль, какъ выше упомянуто было, не былъ пропущенъ въ Литвѣ, остался въ Кіевѣ, и только нѣкоторымъ изъ купцовъ, его провожавшихъ, позволено было доѣхать до Вильны поторговать своими товарами. Елена Ивановна воспользовалась пріѣздомъ ихъ, купила у турчанина Ахмата жемчугъ да каменья, да еще пріобрѣла отъ него же христіанскую святыню, именно часть Животворящаго древа. По всей вѣроятности Іоаннъ, большой любитель драгоценныхъ восточныхъ камней, желалъ теперь получить эти вещи отъ дочери для себя, и въ этомъ смыслѣ давалъ „память“ посламъ: пріобрѣгаемъ къ этой догадкѣ, потому что память не дописана въ посольской книгѣ, такъ что не видать ясно, для чего именно она была дана посламъ. Не видно также въ „памяти“, куда клонится слѣдующая замѣтка, сама по себѣ очень интересная: „да сказывалъ Кляпикъ (иначе Михаилъ Еропкинь, посоль въ Вильну), что великая княгини Елена велѣла передъ нимъ грамоту чести, которую къ ней прислалъ Менли Гирей царь о миру съ в. княземъ Александромъ, чтобы она говорила в. князю, чтобы съ Менли Гиреемъ былъ князь велики Александръ въ миру“. Итакъ, не только отецъ и мужъ, но и крымскій царь хотѣлъ имѣть себѣ пособницу въ лицѣ великой княгини литовской⁶⁹⁾.

Такова была переписка Іоанна съ дочерью до весны 1499 года, когда изъ Вильны дошло до него извѣстіе, что великую княгиню принуждаютъ къ римскому закону. Письмо Ѡ. Шестакова къ вяземскому намѣстнику князю Оболенскому, а отъ того пересланное къ великому князю, говорило: „Здѣ, господине, у насъ ся стала заматня велика межи латыны и межи нашего христьянства: въ нашего владыку смоленскаго діаволь ся вселилъ съ Сопѣгою, со отметникомъ ихъ, на православную вѣру; князь велики неволилъ государыню нашу, великую княгиню Олену, въ латынскую проклятую вѣру. И государыню нашу Богъ научилъ, да попомнила науку государя-отца своего“. Авторъ далѣе пишетъ, будто великая княгиня отвѣчала мужу въ томъ смыслѣ, что

⁶⁹⁾ Тамъ же, стр. 258, и все вообще дѣло подъ № 53. Вѣроятно Іоаннъ желалъ видѣть эту хацскую грамоту.

она безъ воли отца не можетъ этого учинить, — перемѣнить вѣру, — что она должна обослаться съ нимъ предварительно; потомъ характеризуетъ общее положеніе дѣлъ, что Русь-де и Литва очень не любятъ другъ друга, что латыняне похваляются, хотятъ перекрепцивать всѣхъ православныхъ; наконецъ авторъ добавляетъ, что онъ-де и больше бы сказалъ, да писать не смѣетъ⁷⁰⁾.

Какъ ни рѣзко письмо по выраженіямъ, но оно въ сущности вѣрно по содержанию: дѣйствительно было сдѣлано какое-то покушеніе на свободу совѣсти Елены Ивановны. Католическое духовенство Литвы, въ главѣ виленскій бискупъ Адалбертъ-Войтѣхъ Таборъ, и католическіе литовскіе паны съ неудовольствіемъ, конечно, переносили то обстоятельство, что литовская великая княгиня не одного исповѣданія со своимъ супругомъ; они естественно желали, чтобы государыня ихъ присоединилась къ римской церкви, хотя бы на началахъ флорентійской уніи. Нареченный митрополитъ западной Россіи, Іосифъ Болгаринovichъ, удерживавшій за собой и смоленскую кафедру, также клонилъ къ уніи съ римскою церковью; его родственникъ Иванъ Семеновичъ Сапѣга, писарь великаго княжества Литовскаго и канцлеръ двора в. княгини Елены Ивановны, былъ человекъ также двуличный, вѣрнѣе сказать — истый католикъ въ душѣ. Какого настроенія былъ самъ вел. князь Александръ Казимировичъ — сказать трудно; разумѣется, онъ желалъ, чтобы супруга его имѣла единеніе съ нимъ въ вѣрѣ, но онъ не имѣлъ, повидимому, особой католической ревности и вошелъ въ дѣло что называется *volens-polens*, уступая требованіямъ католическаго духовенства и пановъ. Какъ бы то ни было, тестъ его не разъ вотъ что говорилъ ему черезъ своихъ пословъ: „Къ дочери къ нашей посылалъ отметника греческаго закона владыку смоленскаго да бискупа виленскаго и чернцовъ бернардиновъ, чтобы она отступила отъ греческаго закона, а приступила бы къ римскому закону“. Александръ Казимировичъ отрицалъ это обвиненіе, говорилъ тестю, что никакихъ принужденій въ вѣрѣ своей женѣ онъ не дѣлалъ никогда; равнымъ образомъ послы его, при заключеніи мира, 1503 года, рѣшительно говорили, что в. князь ни бискуповъ, ни владыкъ, ни чернцовъ-бернардиновъ не посылавалъ до великой княгини; нашъ знакомый панъ Забережскій, теперь намѣстникъ троцкій, съ клятвою говорилъ то же въ письмѣ къ боярину Якову Захарьевичу: „ино, пане Якове, вѣрѣ мнѣ и присязѣ моей, што того николи не было, а ни пакъ нашъ государь ни въ умѣ того держалъ, штобы свою великую княгиню съ тымъ словомъ обсылалъ, а любо бы греческому закону силу чинилъ“ и пр. Но московскій бояринъ съ полнымъ убѣжденіемъ возражалъ литовскому пану: „а что еси писалъ до насъ, что будто государь вашъ ко государя нашего дочери, а къ своей великой княгинѣ, бискупа своего и владыки смоленскаго не посылывалъ, нудячи ее, чтобы она приступила къ римскому закону: ино, пане, то дѣло было не тайно, явно; вѣдомо то въ вашего государя земляхъ и въ нашего государя земляхъ всѣмъ людемъ, что посылалъ; а которые государя вашего панове родные въ нятетвѣ у государя нашего, и они то жъ оказываютъ“⁷¹⁾. Самою важною свидетельницей по

⁷⁰⁾ Тамъ же, стр. 274. Снес. примѣч. 59.

⁷¹⁾ Тамъ же, стр. 328; 330 (переписка Забережскаго съ Захарьевымъ); стр. 299, 302, 305, 318 и другія, гдѣ упреки Іоанна Александровича; замѣчаніе Александра, стр. 299, 312, 456. Объ Ив. Сем. Сапѣгѣ сравн. указанія у пр. Макарія, И. Р. Ц. IX, стр. 95—96, 148; но сравн. также стр. 128.

этому дѣлу могла бы быть сама Елена Ивановна; но, къ сожалѣнію, посольская книга подъ 1499 годомъ не содержитъ ея отвѣтовъ на запросы отца и матери. По полученіи виленаго письма 30 мая 1499 года, въ тотъ же самый день Іоаннъ и Софія отправили въ Вильну боярскаго сына, Ивана Григорьева Мамонова, узнать отъ дочери, какъ было все дѣло; они послали на имя дочери самыя строгія внушительныя письма: „ты бы, дочка, попомнила Бога и нашъ наказъ, держала бы крѣпко греческій законъ, и въ дѣлѣ вѣры не слушалась бы самого мужа; если бы даже тебѣ до крови пришлось пострадать, то и тогда не приступай къ римскому закону, дабы тебѣ не погибнуть душой, не навлечь бы на себя нашего неблагословенія и проклятія въ семь вѣкъ и въ будущемъ, да общаго порицанія отъ всякихъ людей иновѣрныхъ“. Читая такія письма, можно подумать, съ перваго раза, что родители какъ будто усумнились въ твердости своей дочери, подумали, что она и въ самомъ дѣлѣ податлива къ латинскимъ внушеніямъ; но, взглядываясь въ дѣло глубже, приходишь къ тому убѣжденію, что Іоаннъ и Софія писали строгія письма больше для зятя, чѣмъ для дочери; они навѣрное рассчитывали, что письма ихъ будутъ показаны дочерью своему мужу. Тѣмъ не менѣе они очень желали разъясненій и насчетъ письма, ими полученнаго. Вслѣдъ за Мамоновымъ, когда была получена вѣсть, что Елена Ивановна нездорова, они отправили другаго гонца, боярскаго сына Кутузова, справиться, чѣмъ она нездорова; повторяли ей и прежніе запросы. Что отвѣчала великая княгиня, изъ дѣлъ не видно: приходится предположить, что Елена Ивановна отвѣчала очень неопредѣленно и съ крайнею неохотой. Іоаннъ въ декабрѣ того же 1499 года отправляетъ въ третій разъ гонца, того же Мамонова, съ выговоромъ дочери: „приказывалъ есми къ тебѣ лѣтось, что тебя мужъ твой, князь велики Александръ, нудитъ приступити къ римскому закону, и ты бы къ намъ о томъ отказала; и ты къ намъ не отказала ничего. Ино гораздо ли, дочка, такъ дѣлаешь? Гдѣ было тебѣ и безъ наше посланки къ намъ послати, да то намъ сказати; ино мы тебя пытаемъ, а ты отъ насъ таишь, а намъ того не скажешь; гораздо ли такъ дѣлаешь? Ино мы то доплна вѣдаемъ, что тебя мужъ твой нудитъ приступити къ римскому закону“ и т. д.⁷²⁾ Такъ и не добились никакого опредѣленнаго отвѣта отъ Елены Ивановны! Мы понимаемъ такъ эту уклончивость великой княгини, что ей было очень нелегко объясняться по непріятному дѣлу; она не писала писемъ, ни на словахъ не отвѣчала родителямъ и потому еще, что не видѣла пользы въ рѣчахъ и письмахъ: вѣдь для нея довольно было того, что въ душѣ она была и оставалась искренно преданною вѣрѣ родительской: въ этомъ — главное и существенное для нея дѣло, а подходы католиковъ да уніатствующихъ, да хотя бы настойчивые запросы родителей въ глазахъ ея были второстепеннымъ уже дѣломъ. Считаемъ возможнымъ сдѣлать еще одно предположеніе: великій князь Александръ Казимировичъ и его католическіе совѣтники, прежде чѣмъ войти въ бесѣду съ великою княгиней по религіозному вопросу, могли взять съ нея обѣщаніе хранить втайнѣ предметъ бесѣды, а Елена Ивановна, давши обѣщаніе, дѣйствительно сдержала его, уклонилась

⁷²⁾ Тамъ же, №№ 58—60, 62. Макарій, Истор. Рус. Церкви, IX, 89—129; тамъ хорошо очерчена дѣятельность митр. Іосифа Болгариневича въ смыслѣ уніатства въ западной Россіи; къ частію, онъ управлялъ митрополіей недолго, 1498—1501 г.

отъ объясненій по дѣлу даже съ родителями. Она могла такъ поступить со спокойной совѣстью въ виду того именно существеннаго обстоятельства, что она вѣдь не согласилась ни на какую унію, нисколько не поступилась своею религіозною свободою. Такой поступокъ былъ бы на ея мѣстѣ довольно невиннымъ, даже тактичнымъ; въ немъ не было бы непочтительности къ родителямъ, а только молчаливая сдержанность находившейся въ трудныхъ условіяхъ женщины. Позже она заговорила по этому дѣлу, но повидимому не съ полной искренностью.

Итакъ, на основаніи изложенныхъ данныхъ приходимъ къ слѣдующему вѣроятнѣйшему выводу: въ началѣ или весной 1499 года католическіе духовные, съ вѣдома и съ согласія великаго князя, дѣлали первые, весьма осторожные, приступы къ великой княгинѣ, т.-е. вели съ ней бесѣду по дѣлу уніи, но встрѣтили отъ нея рѣшительный отказъ. Само собою разумѣется, что все дѣло хотѣли вести втайнѣ; однако „нѣтъ тайны, которая бы не объявилась“, — и виленскій житель Шестаковъ, „приятель“ московской стороны, узнавъ дѣло по слухамъ или инымъ способомъ, далъ приблизительно вѣрный очеркъ этого дѣла письмомъ въ Москву.

Затѣмъ послѣдовали важныя событія: началась война Іоанна съ зятемъ, а съ другой стороны начались серьезныя попытки склонить великую княгиню литовскую къ покорности римскому престолу, подъ угрозою расторгнуть ея бракъ съ великимъ княземъ, если бы она не согласилась на эту покорность, или все равно на унію съ римскою церковью. Для Елены Ивановны теперь наступило время тяжелыхъ испытаній.

V.

Александръ Казимировичъ обвинчался съ Еленою Ивановной, какъ было выше сказано, по благословенію виленскаго бискупа, который очевидно считалъ законнымъ по каноническимъ правиламъ своей церкви бракъ своего государя-католика съ русскою княжною греческаго исповѣданія, полугреческаго происхожденія; поэтому въ то время не находили нужнымъ обращаться за какимъ-либо благословеніемъ или разрѣшеніемъ этого брака къ римскому первосвященнику; со стороны Александра не было кажется даже простаго увѣдомленія въ Римъ о своемъ бракѣ. Раньше, лѣтъ за 20 съ небольшимъ, въ Римѣ былъ одобренъ брачный союзъ родителей Елены, т.-е. Іоанна, предполагаемаго (въ Римѣ) послѣдователя флорентійской уніи, и Софіи Палеологъ, предполагаемой — съ римской же точки зрѣнія — послѣдовательницы католической церкви. Пусть въ этихъ двухъ бракахъ, въ вѣроисповѣдномъ положеніи брачующихся лицъ есть нѣкоторая разница; но въ Римѣ, по словамъ спеціальнаго историка этихъ браковъ, ризсуждали при выдачѣ замужъ Софіи Ѳоминишны и такъ, что если бы русскіе были даже совершенными еретиками, то браки съ ними, по каноническому папскому праву, все-таки могли бы считаться законными⁷³⁾. Послѣ сказаннаго непонятнымъ представляется, почему отецъ Пирлингъ выражается о бракѣ Александра и Елены,

⁷³⁾ „Enfin, lors même que les Ruthènes seraient tout à fait hérétiques, les mariages avec eux d'après le droit pontifical, ne sont pas invalides“: La Russie et l'Orient, pag. 41. Въ русскомъ переводѣ это мѣсто извращено, передано совершенно наоборотъ, стран. 49.

какъ о дѣлѣ „деликатномъ и затруднительномъ“, за которое великій князь литовскій будто бы „безпокоился въ своей совѣсти“, и вслѣдствіе того, черезъ пять лѣтъ брачной жизни, отправилъ въ Римъ посла, чтобы „возстановить нарушенныя правила“ (Совершенно непонятно, какія правила были нарушены). По изложенію автора выходитъ, что великій князь литовскій какъ будто винился за свой бракъ предъ папою, а тотъ, признавъ вину его, да тотчасъ освободя его отъ этой вины за послушаніе апостольскому престолу, далъ ему на волю или принудить свою жену къ принятію уніи, или развестись съ нею, въ случаѣ непослушанія ея⁷⁴).

Но въ такомъ изложеніи дѣла нѣтъ ни послѣдовательности, ни внутренней правды и убѣдительности. Въ самомъ дѣлѣ, для всякаго безпристрастнаго изслѣдователя ясно слѣдующее: бракъ Александра Казимировича съ Еленою Ивановной былъ канонически правиленъ уже потому только, что его совершалъ виленскій бискупъ, высшее духовное лицо въ Литовскомъ государствѣ; о расторженіи брака, да еще спустя пять лѣтъ со-вмѣстной жизни супруговъ, не могло быть никакой рѣчи, ибо не было никакихъ законныхъ причинъ для такого расторженія; разновѣріе супруговъ не могло быть основаніемъ для развода, какъ оно не было препятствіемъ къ заключенію брака: вѣдъ Александръ зналъ, съ кѣмъ вѣнчался, и далъ торжественное обязательство на письмѣ: не принуждать своей жены къ перемѣнѣ исповѣданія; если же папа былъ готовъ расторгнуть бракъ, то это было или потому, что ему невѣрно изложили все дѣло о бракѣ, или же онъ сдался на просьбы изъ Литвы признать бракъ незаконнымъ; въ томъ и другомъ случаѣ расторженіе его было бы дѣломъ жестоко несправедливымъ.

Но послушаемъ, какъ писалъ папа Александръ VI литовскому государю въ грамотѣ отъ 8 іюня 1501 года, въ отвѣтъ на посольство его чрезъ Эразма Вителія, секретаря великаго князя и каноника виленскаго.

„Твой посоль объяснилъ намъ, что ты, когда бралъ въ замужество твою благородную супругу Елену, чрезъ пословъ твоихъ обѣщался между прочимъ отцу ея, а тѣ клятвою отъ твоего имени подтвердили обѣщаніе, что ты никогда не будешь принуждать ее къ римскому обряду, но что если сама она пожелаетъ вступить въ римскую церковь, то ты предоставляешь это на ея волю. Сіи обѣщанія, хотя довольно вредныя и съ правомъ несогласныя, ты сохранялъ въ теченіе пяти лѣтъ, всегда съ почетомъ обходясь съ твоею супругой и никогда не принуждая ее къ римскому обряду; со стороны же нѣкоторыхъ лицъ римскаго исповѣданія, свѣтскихъ и духовныхъ, она была убѣждаема спасительными увѣщаніями, дабы она, для большей любви и пріятности супружеской жизни, согласовалась съ тобою въ исполненіи обрядовъ римской церкви. Однако, не мало будучи упрашиваема, она оказалась въ дѣлѣ собственнаго спасенія весьма недоступною и неумолимою, такъ что тебѣ остается уже мало надежды на ея обращеніе. По сей причинѣ ты спрашиваешь у насъ, что бы мы считали теперь полезнымъ предпринять для общаго спасенія душъ вашихъ. Мы весьма похваляемъ тебя за преданность и почтеніе къ намъ и святому сему престолу, за то, что ты, заботясь о спасеніи себя и супруги твоей, рѣшилъ почтительно прибѣг-

⁷⁴) Тамъ же, стр. 192—196 русск. перевода; сравн. стран. 199—201.

нута къ намъ, общему пастырю; мы весьма одобряемъ то, что ты не оставилъ исполнить священный долгъ мужа относительно жены, дабы направить ее на путь спасенія, сдѣлать все, что достойно добраго и любящаго мужа, одинаково заботливаго какъ о спасеніи собственной души, такъ и супруги. Итакъ, въ отвѣтъ мы желаемъ и просимъ тебя, дабы не стѣснясь данными обѣщаніями и клятвой, отъ которыхъ мы теперь освобождаемъ тебя совершенно, ты рѣшительно попытался сдѣлать все, что тебѣ покажется необходимымъ для того, чтобы супруга, оставивши зловредную секту русскую, пришла наконецъ въ разумъ, познала бы святую христіанскую религію и сохранила ее. Если же она попрежнему будетъ отказываться прійти въ разумъ истины, и упорство ея никоимъ образомъ не можетъ быть тобою сломлено, то мы поручаемъ виленскому епископу чрезъ наше брече, копію котораго присоединяемъ, чтобы названную Елену онъ приводилъ, какими совѣтами можетъ, и увѣщаніями, а если нужно то и церковными запрещеніями и иными средствами законными принуждалъ оставить свои заблужденія и прійти къ единству вѣры католической. А если бы, наконецъ, она презрѣла и его отеческія увѣщанія, стала бы все упорствовать, то пусть онъ отлучитъ ее отъ твоего ложа, разрѣшитъ тебя ото всѣхъ обязанностей къ ней, и даже совершенно удалить ее отъ тебя. Ты же оставайся въ твоей прежней благочестивой ревности, душевное спасеніе почитай выше супружества, и ее, зараженную какъ проказой русскими заблужденіями, да притомъ не хотящую лѣчиться, удали отъ себя, когда епископъ изречетъ свое приказаніе. Сдѣлавъ такъ, надѣйся о Господѣ, что Онъ освободитъ тебя отъ всѣхъ затрудненій и безпокойствъ, коими ты удрученъ, и приведетъ тебя въ пристань спасенія; о насъ же будь увѣренъ, что мы всегда готовы усердною душою поддерживать твое достоинство⁷⁵⁾.

Въ этомъ посланіи папа умалчиваетъ, — а вѣришь сказать литовскій посоль предъ нимъ умолчалъ — о томъ существенномъ обстоятельстве, что великій князь литовскій далъ московскому государю грамоту безо всякой оговорки насчетъ возможности перехода своей супруги когда-нибудь въ римскую церковь. При наличности же такого важнаго обстоятельства не должно было быть мѣста ни пересылкамъ изъ Литвы въ Римъ для совѣтовъ съ папой, ни настоящей велерѣчивой грамотѣ папской, которая столь незаконно грозитъ расторгненіемъ брака Александра съ его супругою, ни въ чемъ неповинною.

Отъ того же дня и года грамота Александра VI къ виленскому епископу Альберту. Папа высказываетъ увѣренность, что упорство великой княгини можетъ быть побѣждено, и что его непременно должно побѣдить, въ виду той явной опасности, которая проистекаетъ отъ этого упорства для мужа и для лицъ, окружающихъ ее; слѣдуетъ сначала поговорить съ ней, въ присутствіи немногихъ лицъ, безъ шума и отнюдь не въ видѣ какого-нибудь судебного допроса, обстоятельно и ясно, о томъ какъ она разсуждаетъ о католической вѣрѣ, въ какихъ обрядахъ не согласуется съ

⁷⁵⁾ Aug. Theiner, Vetera Monumenta Poloniae et Litvaniae, t. II, № CCCX. Сравни слѣдующія двѣ грамоты: къ виленскому епископу Альберту и польскому кардиналу Фридриху. Сравни № CCCXIX — рѣчь Вителія къ папѣ отъ имени великаго князя Александра: извиняется, что поздно засвидѣтельствовалъ папѣ почтеніе чрезъ посольство; о супругѣ великаго князя въ рѣчи упоминаетъ вѣтъ.

римскою церковью, и хочет ли она слѣдовать опредѣленіямъ флорентійскаго собора; затѣмъ надобно убѣждать ее, увѣщавать; если не послушается — угрожать и наказывать разлученіемъ отъ мужа, съ конфискаціей всего имущества.

Отъ 26 октября 1501 года грамота того же папы къ польскому кардиналу Фридриху, родному брату Александра Казимировича, теперь уже и короля польскаго, по кончинѣ брата Яна Альбрехта: пусть кардиналъ убѣждаетъ брата склонять всячески свою жену къ принятію католической вѣры; теперь, когда, по милости Божіей, Александръ сталъ государемъ надъ столькими странами и народами христіанскими, ему особенно необходимо стараться, чтобы супруга его была одной съ нимъ вѣры; пусть самъ кардиналъ говорить съ ней о томъ же, а въ случаѣ сопротивленія объявить ей, что съ нею поступлено будетъ строго по закону. Такимъ тономъ, все больше требовательнымъ и угрожающимъ, говорили изъ Рима!

Здѣсь отмѣтимъ кстати, что Елена Ивановна, по случаю коронованія ея мужа польскимъ королевскимъ вѣнцомъ, ѣздила въ Краковъ; торжественное коронованіе совершалъ братъ Александровъ кардиналъ Фридрихъ, въ декабрѣ 1501 года, но до пріѣзда королевы, которая не была удостоена коронаціи, по той, дескать, причинѣ, „что, будучи предана греческой схизмѣ, она отвращалась отъ римской церкви“, какъ выражается варменскій епископъ и другіе польскіе историки ⁷⁶⁾.

Съ грамотами папы Александра VI интересно сопоставить рѣчи польскаго посла Мышковскаго, говоренныя великому князю московскому, по заключеніи мира 1503 года, въ видѣ какъ бы секретнаго признанія по дѣламъ прошлаго. По этимъ рѣчамъ выходитъ, что папа-де впередъ присылалъ къ в. князю Александру посла о томъ, чтобы онъ велѣлъ своей великой княгинѣ быть послушной папѣ, и велѣлъ бы ей ходить въ римскій костель; что это требованіе повторено было папой, когда Александръ сталъ королемъ польскимъ; что папа не хочетъ-де того, чтобы она оставила греческій законъ да приступила къ римскому: онъ хочетъ-де только того, чтобы она послушенство ему сотворила, и была въ соединеніи, на основаніи восьмого флорентійскаго собора ⁷⁷⁾. Но это — уже надуманныя, не правдивыя рѣчи. Нѣтъ сомнѣнія, что именно изъ Литвы впервые начались сношенія съ Римомъ, что папѣ невѣрно представили всю исторію брака Александра и Елены, желали заручиться его согласіемъ на разводъ, и дѣйствительно ввели его въ свои виды, послѣ чего стали увеличивать требованія относительно Елены Ивановны: когда она стала королевою, то отъ нея уже потребовали полного присоединенія къ католичеству. Ясно, что названный польскій посолъ хотѣлъ выгородить своего государя, складывая всю отвѣтственность на папу, какъ будто на зачинателя дѣла. Все это — дурная политика: когда-то

⁷⁶⁾ „Alexander XII die Decembris a Friderico fratre in basilica Cracoviensi ritu solenni inunctus et coronatus est. Nec multo post Sigismundus frater ipsi gratulaturus advenit, itemque Joannes Baduarius Venetorum legatus; mense autem Februario sequentis anni (i. e. 1502), Helena regis uxor e Lituania venit; nec tamen diadema de more reginarum ipsi impositum est, propterea quod graecorum schismati dedita ab instituto ecclesiae Romanae et catholicae abhorreret. In Lituaniam deinde rex initio mensis Maij cum ea se recepit, Friderico cardinali fratre vicario gubernatoreque regni pro se constituto“ (Martini Cromeri Polonia. Colon. Agrip. 1589, pag. 450. Сравни. Истор. Рус. Церкви преосв. Макарія, IX, 116).

⁷⁷⁾ Сборн. И. О. XXXV, 406—408. Снес. стр. 417 и 423. Сравни. инструкцію посланцу короля Александра отъ января 1503 года: Акты, относ. къ ист. Зап. Россіи, I, № 200, на стр. 348.

хотѣли бракомъ кончить и другую войну, — и оба раза жестоко просчитались: и теперь Иоаннъ не позволилъ сбить себя съ прямого пути; онъ не допустилъ безчестія своей дочери, — и угроза развода осталась только на словахъ.

Мы видѣли, какъ постепенно ухудшались отношенія тестя съ зятемъ изъ-за Елены Ивановны. Къ этому присоединялись еще болѣе важныя дѣла государственныя: безконечныя распри изъ-за границъ; наѣзды, грабежи и взаимныя обиды пограничныхъ владѣльцевъ; неисправленія съ литовской стороны относительно московскихъ пословъ и гостей; неудовольствія изъ-за Крыма, Молдавіи и т. п. Наконецъ попытки съ Литовской стороны къ введенію уніи, начиная великою княгиней, отъѣздъ въ Москву князя Бѣльскаго, поступленіе на московскую же службу съверскихъ князей Можайскаго и Шемячича — окончательно привели къ войнѣ 1500 года. Московскій государь попрежнему вѣлъ ее съ превосходнымъ успѣхомъ, который въ то же время поддерживалъ искусною, твердою политикой. Попытки короля венгерскаго и чешскаго Владислава и польскаго короля Яна Альбрехта подѣйствовать на Иоанна дипломатическими представленіями да угрозами вступить за брата; равнымъ образомъ попытка папы Александра VI поскорѣе помирить московскаго государя съ литовскимъ въ видахъ, дескать, совмѣстныхъ дѣйствій противъ турковъ и татаръ, враговъ Креста, — не достигли цѣли: Иоаннъ отвѣчалъ посламъ всѣхъ этихъ государей обвиненіями своего зятя въ нарушеніи договоровъ, въ разныхъ неисправленіяхъ; смѣло заявлялъ, что они стали бы помогать неправому дѣлу, если бы употребили военное вмѣшательство, котораго впрочемъ онъ не боится: „у насъ Богъ помочникъ и наша правда“, говорилъ онъ посламъ, а папскому послѣ прибавлялъ слѣдующее разъясненіе: „мы надѣемся, что папѣ то гораздо вѣдомо, что короли Владиславъ и Александръ отчичи Польскаго королевства да Литовскіе земли отъ своихъ предковъ, а Русская земля отъ нашихъ предковъ изъ старины наша отчина“⁷⁸). Убѣдился ли папа такой рѣчью, — это сомнительно; Иоаннъ же твердо исповѣдывалъ свое политическое начало, что русская земля есть вотчина московскихъ государей; не даромъ онъ еще съ 1493 года сталъ употреблять въ посольской перепискѣ съ Литовскимъ государствомъ титулъ „великаго князя всея Руси“⁷⁹). Онъ и на дѣлѣ слѣдовалъ своему политическому правилу: въ двѣ войны воротилъ почти всю ту часть Руси, которая назадъ тому вѣкъ была отвоевана Витовтомъ.

И вотъ зять снова покорился превосходству тестя. Онъ опять запросилъ у него мира, на этотъ разъ при посредствѣ своей супруги, — той самой супруги, противъ которой такъ малодушно позволилъ свѣдѣмъ совѣтникамъ начать недостойныя сношенія съ Римомъ. Долго молчавшая Елена Ивановна написала отцу очень длинное и очень трогательное письмо, возбуждающее однако нѣкоторыя сомнѣнія въ своей подлинности. Въ самомъ дѣлѣ: точно ли въ немъ записаны рѣчи Елены Ивановны, предполагаемая, что письмо, по ея порученію было кѣмъ-нибудь написано, на примѣръ канц-

⁷⁸) Тамъ же стр. 354. Дѣла подъ №№ 61—74, за 1499—1503 годы. Сравни также въ № 78, на стр. 460, отвѣтъ королю Александру.

⁷⁹) Тамъ же стр. 80. Въ Литвѣ, какъ извѣстно, были очень недовольны этимъ титуломъ и отказывали въ немъ: смотр. напр. въ Акт. Зап. Росс. I. № 200, въ началѣ акта.

леромъ ея Иваномъ Сапѣгой, который и доставилъ письмо въ Москву? Или не подъ диктовку ли короля оно написано? Кто былъ редакторомъ его, придавшимъ ему окончательный видъ?

Письмо, иначе „грамота“, по выраженію посольской книги, начинается официально, съ титулами. „Государю отцу моему Ивану, Божіею милостию государю всеа Русіи⁸⁰⁾, и великому князю Володимерскому, Московскому, Новгородскому, Псковскому, Тферскому, Югорскому, Пермскому, Болгарскому и иныхъ, Елена, Божьею милостию королеваа Польскаа и великая княгини Литовскаа, Рускаа, Прусскаа, Жомотская и иныхъ, дочи твоа, тобѣ государю и отцу своему челомъ біеть“. Указавши на кровопролитіе, на всѣ бѣдствія войны, королева говоритъ, что мужъ ея терпитъ несправедливую войну, по наговору лихихъ людей да измѣнниковъ, въ родѣ князя Семена Бѣльскаго, что король, мужъ ея, ни въ чемъ не выступилъ изъ договоровъ отцу. Вообще письмо желаетъ во всемъ оправдать короля: онъ никакихъ-де притѣсненій за вѣроисповѣданіе не дѣлалъ ей, а давалъ всегда полную свободу ей слушать православное богослуженіе какъ въ литовскихъ городахъ, такъ и въ польскихъ, имѣть священника и клиръ на ея дворѣ. О присылкѣ къ ней католическихъ монаховъ, или бискупа, или смоленскаго владыки Елена Ивановна вовсе умалчиваетъ въ письмѣ; можетъ-быть, по порученію ея, канцлеръ Сапѣга рѣшительно отрицалъ всякую присылку⁸¹⁾. Далѣе королева горько жалуется на свою судьбу: мужъ ея король, его мать братья и всѣ родные, литовскіе паны и вся земля надѣялись, что съ нею изъ Москвы въ Литву придетъ всякое добро — вѣчный миръ, любовь, дружба и союзъ на поганство; но вмѣсто того всѣ увидѣли, что съ нею пришло всякое лихо — кровопролитная война, плѣненія, пожары, опустошенія, всеобщій плачь жителей. Королева говоритъ далѣе, что ей крайне трудно жить съ родными мужа, которые смотрятъ на нее непріязненно и удивляются, какъ отецъ не любитъ ее и ея мужа, начавъ войну съ ними, своими дѣтьми. Всѣ говорятъ даже такія рѣчи: отецъ нарочито выдалъ свою дочь въ Литву только для того, чтобы подъ предлогомъ сношеній съ нею удобнѣе высмотрѣть землю и овладѣть ею. По всему этому, королева униженно и слезно молить отца прекратить войну, заключить миръ съ ея мужемъ. Таково вкратцѣ содержаніе письма. Въ такомъ же тонѣ — письма къ братьямъ Василию и Юрію Ивановичамъ и къ матери Софіи Ѳомииншнѣ: королева проситъ ихъ печаловаться предъ отцомъ о примиреніи съ литовскимъ королемъ, ея супругомъ⁸²⁾.

Иоаннъ заключилъ шестилѣтнее перемиріе съ Литовскимъ государствомъ на условіяхъ, кои самъ предписалъ; не слезными просьбами дочери онъ былъ побужденъ къ совершенію мирнаго договора, а государственными своими интересами, заранѣе

⁸⁰⁾ Не въ примѣръ другимъ, Елена Ивановна обыкновенно такъ титуруетъ своего отца.

⁸¹⁾ Иоаннъ впоследствии не разъ выражался такъ: „писала еси о томъ, будто тебѣ о вѣрѣ греческаго закона отъ твоего мужа посланка никакова не бывала“: Тамъ же стр. 409, 411, 417. Но такъ какъ въ данномъ письмѣ нѣтъ объ этомъ рѣчи, то приходится заключить, что или было другое письмо, или что тутъ неточное выраженіе „писала“ вмѣсто „на словахъ передавала“, т.-е. съ Иваномъ Сапѣгой. А можетъ быть этотъ послѣдній подавалъ въ Москвѣ особую записку отъ имени королевы и отъ себя вмѣстѣ.

⁸²⁾ Тамъ же стр. 368—376 въ дѣлѣ подъ № 75. Тѣ же письма, всѣ отъ 2 января 1508 года, раньше были напечатаны въ Акт. Археограф. Экспед. I, № 138.

опредѣленными, спокойно и дальновидно взвѣшенными⁸³⁾. Что же касается письма отъ имени дочери, то онъ обратилъ на него мало вниманія; въ отвѣтъ писарю Сапѣгѣ, послу королевы, да и въ грамотѣ къ ней самой онъ отозвался насчетъ письма, что въ немъ иное писано не по дѣлу (неосновательно), что вообще писать ей такое письмо было непригоже (= неприлично, безтактно), — отзывъ больше даже небрежный, нежели строгій. А черезъ пословъ, отправленныхъ въ Вильну для подтвержденія заключеннаго перемирія, Иоаннъ говорилъ дочери про минувшую войну, что это дѣло случилось не изъ-за нея, и не за князей служебныхъ, а за неисправленія ея мужа; касательно же того пункта, который все время отрицается Еленою Ивановной, что будто къ ней не бывало отъ мужа никакой посылки католиковъ и уніатовъ для бесѣды объ уніи, Иоаннъ рѣшительно отвѣчалъ дочери, что она говоритъ неправду, и дѣлаетъ ей выговоръ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „ино дочка, язъ чаялъ того, что тебѣ своеѣ для души, да и нашего для имени, и родства для нашего и своего для имени, о всемъ къ намъ правда приказывати, а лжи некоторые не приказывати: и ты, дочка, гораздо ли такъ дѣлаешь, что къ намъ неправду приказываешь, будто тебѣ о вѣрѣ посылка никаковѣ не бывала? А намъ, дочка, про то гораздо вѣдомо, что къ тебѣ о томъ посылка была“⁸⁴⁾. Судя по рѣшительному тону этого выговора, надо полагать, что Иоаннъ былъ правъ: онъ зналъ, что говорилъ. А Елена Ивановна въ данномъ дѣлѣ не была искренна съ отцомъ, понапрасну старалась до настоящаго времени замолчать фактъ прихода къ ней католическихъ монаховъ и уніатствующихъ русскихъ въ 1499 году. Вообще письмо отъ ея имени замѣтно старается во всемъ оправдать ея мужа-короля. По всей вѣроятности, въ угоду королю, его написалъ канцлеръ королевнѣ Иванъ Сапѣга, онъ же привезъ его въ Москву и дополнялъ здѣсь словесными объясненіями. Такимъ образомъ письмо отъ имени Елены Ивановны должно быть отнесено къ ряду оффиціозныхъ и даже тенденціозныхъ, хотя не совсѣмъ подложныхъ писемъ: нѣкоторыя мѣста въ немъ вѣрно выражаютъ чувства королевы; инныя же преувеличены редакторомъ письма, а инныя дѣйствительно суть „не по дѣлу и непригоже“ написанныя мѣста, принадлежащія самому королевскому писарю, онъ же королевнѣ канцлеръ. Въ общемъ составитель письма оказалъ плохую услугу Еленѣ Ивановнѣ, написавъ письмо по ея порученію, но безъ должнаго такта, за что и получилъ отъ московскаго государя надлежащую отповѣдь.

За неполную откровенность королевы съ отцомъ мы, конечно, не можемъ сколько-нибудь строго осуждать ее, если примемъ во вниманіе ея крайне трудное положеніе во время войны между мужемъ и отцомъ. Она замалчивала кое-что изъ понятнаго желанія не ухудшить отношеній государей, а скорѣе помирить ихъ. Она любила отца, а еще больше мужа. Съ своей стороны Александръ Казимировичъ не лишалъ свою супругу любви и почтенія въ известной мѣрѣ; онъ только неохотно, уступая своимъ совѣтникамъ, неумѣренно ревностнымъ и мало проницательнымъ, позволилъ завязать сношенія съ Римомъ по дѣлу своей жены; но не видать изъ источниковъ, чтобы

⁸³⁾ Тамъ же дѣло № 75. Перемиріе было заключено на срокъ отъ 25 марта 1503 года по 25 марта 1509 года.

⁸⁴⁾ Тамъ же, стр. 409, 411, 417 и проч.

Александръ сколько-нибудь поощрялъ виленскаго бискупа приводить въ скорое исполненіе папскія постановленія и угрозы: онѣ остались только на письмѣ да на словахъ! Александръ поступалъ такъ относительно своей супруги не только изъ боязни своего грознаго тестя, но полагаемъ также изъ нѣкоторой симпатіи къ Еленѣ Ивановнѣ да изъ нѣ котораго къ ней почтенія, котораго заслуживала она своимъ умнымъ, сдержаннымъ поведеніемъ.

Достойны особаго вниманія слѣдующія слова посольской книги, — слова Іоанна къ дочери черезъ пословъ. „Іоаннъ, Божіею милостію государь всеа Русіи и великій князь, отецъ твой, госпоже, велѣлъ тебѣ говорити: говорилъ ми отъ тебя твой канцлеръ Ивашко Сопѣга, что еси еще, по нашему наказу, въ нашемъ законѣ греческомъ не рухома, да и отъ мужа твоего, отъ нашего зятя, въ томъ тебѣ налога мало, а много тебѣ про нашъ законъ про греческой укоризны отъ арцибискупа отъ краковскаго отъ Фердерика, и отъ бискупа отъ виленскаго, и отъ пановъ отъ литовскихъ, а говорятъ деи тебѣ такъ, будто ты не кщена, да и иные рѣчи недобрыя на укоръ нашего закона греческаго тебѣ говорятъ, да и къ папѣ деи они жъ приказывали о томъ, чтобы папа къ мужу твоему послалъ, а велѣлъ тебя привести въ послушество римской церквѣ и папѣ“.

Этимъ рѣчамъ надобно вполне довѣрять; онѣ дѣйствительно вѣрны! Далѣе Іоаннъ продолжаетъ: „а доколѣ дастъ Богъ, зять нашъ, а твой мужъ здоровъ, и ты дотолѣ неначаешься некоторые нужи себѣ о греческомъ законѣ, а пасешься того, нѣшто, по грѣхомъ, мужа твоего, а нашего зятя въ животѣ не станеть, ино нѣшто тогда арцибискупъ и бискупы, и панове о греческомъ законѣ тебѣ силу учинять“. Въ предупрежденіе сего Іоаннъ потребовалъ, чтобы новая грамота о свободѣ вѣроисповѣданія его дочери была дана за печатію не только короля, но еще за печатями краковскаго кардинала и виленскаго бискупа⁸³⁾. Непосредственныя сношенія съ папой по семейному и вѣроисповѣдному дѣлу своей дочери Іоаннъ отклонилъ, справедливо разсуждая, что на этотъ разъ ему нѣтъ никакого дѣла до папы⁸⁴⁾.

И въ Римѣ перемѣнили тонъ. Вотъ что писалъ преемникъ Александра VI, папа Юлій II, къ королю Александру отъ 22 августа 1505 года. „Послы твоей свѣтлости, нашего любезнаго сына, къ намъ и апостольскому престолу присланные для изьявленія почтенія, изложили намъ обстоятельства твоего брака, а именно: когда московскій государь Іоаннъ опустошалъ войною твои земли литовскія и русскія, а ты не могъ равняться съ нимъ силами, то, желая поправить свои затруднительныя обстоятельства, ты заключилъ съ нимъ миръ, во имя сосѣдства и родства, взявъ въ замужество дочь его Елену, при чемъ далъ тому Іоанну черезъ пословъ твоихъ клятву, что не будешь принуждать ее къ принятію римскихъ обрядовъ, развѣ если она сама того пожелаетъ. Нашъ предшественникъ, блаженной памяти папа Александръ VI, черезъ свою грамоту освободилъ тебя отъ этой клятвы, но съ возложеніемъ на тебя обязательства стараться, какими мѣрами можешь, побуждать Елену къ тому, чтобы

⁸³⁾ Тамъ же стр. 421—422, 424—426, гдѣ и проектъ самой грамоты. Но не видно изъ посольской книги, чтобы требуемая грамота была дѣйствительно дана.

⁸⁴⁾ Тамъ же стр. 408, 417, 423.

сама она, оставя свою русскую секту, познала и приняла вѣру истинную. Ты же, разсуждая, что если разведешься съ женой, или если силой заставишь ее принять римско-католическіе обряды, то разгнѣванный отецъ ея, превосходящій тебя силами, можетъ нанести тебѣ новую войну съ разнообразнымъ вредомъ, теперь покорно просишь насъ черезъ твоихъ пословъ позволить, чтобы твоя супруга Елена оставалась при своихъ обрядахъ, до тѣхъ поръ пока не скончается ея отецъ, теперь уже наклонѣ лѣтъ находящійся, или до перемѣны вообще обстоятельствъ, когда можно будетъ иначе отнестись къ твоей супругѣ. И мы, вспоминая, что, по слову апостола, „если какой братъ имѣетъ жену невѣрующую, и она согласна жить съ нимъ, то онъ не долженъ оставлять ея“⁸⁷⁾; принимая далѣе во вниманіе, что съ перемѣною времени, по дѣйствию Духа Божія, „который дышетъ гдѣ хочетъ“, жена твоя Елена можетъ обратиться къ познанію истинной вѣры христіанской; что полезнѣе для дѣла смотрѣть на нее съ нѣкоторой снисходительностью, чѣмъ возбуждать какой-нибудь новый соблазнъ (scandalum) чрезъ принужденіе ея, — принимая во вниманіе эти и другіе доводы, твоими послами изложенные, позволяемъ твоей свѣтлости: содержи свою супругу Елену, какъ доселѣ содержалъ; пусть только она прилежно хранитъ постановленія флорентійскаго собора, не выражаетъ презрѣнія къ римскимъ обрядамъ да не покушается обращать въ свою русскую секту кого-нибудь изъ постороннихъ; пусть будетъ все это такъ до того времени, пока не представится новый благопріятный случай начать иное съ нею обхожденіе. Но если она будетъ уклоняться отъ соблюденія декретовъ флорентійскаго собора или показывать презрѣніе къ римскимъ обрядамъ, или приводить кого-нибудь въ свою секту, то настоящее наше позволеніе тотчасъ утрачиваетъ свою силу“⁸⁸⁾.

И здѣсь тѣ же существенныя недомолвки, что въ прежнихъ папскихъ грамотахъ, и все та же политика, т.-е. несправедливое смѣшеніе религіозныхъ и мірскихъ дѣлъ, при нѣкоторыхъ впрочемъ очень вѣрныхъ, вполне откровенныхъ замѣчаніяхъ насчетъ взаимныхъ отношеній московскаго и литовскаго государей. Важно однако, что изъ Рима была сдѣлана теперь уступка; она была прямымъ слѣдствіемъ твердости московскаго государя: это онъ энергически прекратилъ дѣло о замышлявшемся разводѣ его дочери съ Александромъ Казимировичемъ. Само собою разумѣется, что Іоаннъ въ особенности теперь не позволялъ дочери вступать въ какія-нибудь сдѣлки, въ родѣ признанія флорентійской уніи; попрежнему онъ строго наказывалъ ей соблюдать твердость въ православной греческой вѣрѣ: „а ты бы, дочка, памятовала Бога, да и наше родство и нашъ наказъ, а держала бы еси свой греческой законъ во всемъ крѣпко, а къ римскому бы еси закону не приступала ни которыми дѣлы, ни церкви бы еси римской, ни папѣ послушна ни въ чемъ не была, ни къ церквѣ бы еси римской не ходила, душею бы еси никому не норовила, мнѣ бы еси тѣмъ, и себѣ, и всему нашему роду нечти не чинила“ и проч. За всякое поползновеніе въ дѣлѣ вѣроиспо-

⁸⁷⁾ 1-е посл. ап. Павла къ Коринѳяи. VII, 12.

⁸⁸⁾ Aug. Theiner, Ueter. Monum. Pol. et Lituan. II, № CCCLI. Акты, относ. къ ист. Западн. Россіи, I, № 200 и примѣч. 115.

вѣданія Іоаннъ грозитъ дочери неблагословеніемъ, а зятю войной⁸⁹⁾. Нужно правильно понять такія рѣчи Іоанна. Онъ, конечно, не сомнѣвался въ твердости своей дочери; пусть онъ давалъ ей выговоры за скрытность, но онъ въ то же время вполне справедливо хвалилъ ее за твердость въ отеческой вѣрѣ и русскомъ обычаѣ; если же онъ повторялъ однѣ и тѣ же рѣчи при каждомъ случаѣ, для передачи дочери, то онъ собственно имѣлъ въ виду ея слабохарактернаго мужа да лицъ, окружавшихъ королеву, въ родѣ канцлера ея Івана Сапѣги, извѣстнаго своей двуличностью да стараніями склонить въ унию свою государыню⁹⁰⁾. И въ рѣчахъ Іоанновыхъ такимъ образомъ есть доля того, что мы называемъ смѣшеніемъ религіознаго съ политическимъ; но у него это смѣшеніе выходитъ больше непосредственнымъ, искреннимъ; оно истекаетъ у него изъ естественнаго желанія оградить достоинство дочери и свое собственное, дать ей возможность безпрепятственно исповѣдовать православный греческій законъ предковъ, и устранить замыслы на нее высокоумѣрныхъ католиковъ, съ презрѣніемъ относившихся къ „русской сектѣ“.

VI.

Докончимъ вкратцѣ рассказъ о послѣднихъ годахъ жизни и дѣятельности королевы.

Она находилась теперь въ положеніи гораздо лучшемъ противъ прежняго. Ея вѣроисповѣдная свобода была достаточно обезпечена. Она и ея отецъ становились какъ бы признанными защитниками православныхъ жителей Литовско-русскаго государства. При поддержкѣ Елены Ивановны былъ поставленъ новый западно-русскій митрополитъ Іона II, человекъ строго-православный; замышляемой униіи былъ положенъ предѣлъ на нѣкоторое время; „со времени перемирія 1503 года для западно-русской церкви настала новый, сравнительно лучший періодъ жизни“, — замѣчаетъ авторитетный церковный историкъ русскій. Къ этому же времени относится обезпеченіе королевы со стороны мужа земельными владѣніями: достаточно назвать такой значительный подарокъ короля, какъ городъ Могилевъ съ уѣздомъ, записанный за королевою въ пожизненное владѣніе⁹¹⁾. Только это сравнительно благополучное время Елены Ивановны продолжалось не долго.

Сношенія ея съ московскими родными попрежнему продолжались, но уже не съ матерью: Софія Ѳомишишна скончалась 7 апрѣля 1503 года. Своей любимой дочери она завѣщала „благословеніе и прощеніе“, а въ знакъ благословенія отказала

⁸⁹⁾ Сборн. И. О. XXXV, 411—412, 422.

⁹⁰⁾ Кстати замѣтимъ, что, вчитавшись въ приписку къ одному посольскому документу Литовской Метрики, именно къ посольской инструкціи отъ января 1503 года, мы еще болѣе утверждаемся въ догадкѣ, что именно Іванъ Сапѣга написалъ выше изложенное письмо отъ королевы отцу, равно письма къ братьямъ и матери. Вотъ эта приписка: „тежъ я Сапѣга маю зложити отъ королевое посольство вкратцѣ къ великому князю, къ великой княгини, къ молодымъ княземъ“. (Акты, относ. къ истор. Запад. Рос. I, стр. 350, замѣтка подъ документомъ № 200).

⁹¹⁾ Макарія, Ист. Рус. Церкви IX, 119, 150.— Католики съ своей стороны смотрѣли на время короля Александра, какъ на эпоху поблажки русскимъ да усилена схизмы: Памятники литературной полемики южно-рус. съ латино-униатами (Архивъ Юго-Запад. Рос. ч. I, т. VII, на стр. 716—717).

ей „крестъ золотъ съ животворящимъ древомъ и мощми“⁹²⁾. Попрежнему королева получаетъ изъ Москвы разныя порученія. Такъ, одновременно съ увѣдомленіемъ о кончинѣ матери, Іоаннъ поручалъ дочери навести справки о сосѣднихъ царствующихъ домахъ, нѣтъ ли гдѣ подходящихъ невѣстъ для ея братьевъ, Василя и Юрія Ивановичей; особенно имѣлась въ виду православная семья сербскаго деспота Георгія Стефановича, проживавшая въ Угріи. Это порученіе было вскорѣ повторено, при чемъ Еленѣ Ивановнѣ были присланы необычно богатые поминки: королеву желали какъ будто задобрить, сдѣлать ей особую любезность и одолженіе за ея услугу. Она исполнила порученіе и сообщила интересный отвѣтъ о нѣсколькихъ невѣстахъ, пригодныхъ для братьевъ, но отклоняла дальнѣйшее веденіе дѣла, находя, что самъ отецъ лучше можетъ вести его черезъ пословъ. Любопытно слѣдующее замѣчаніе Елены Ивановны, передаваемое черезъ дьяка Никиту Моклокова: „а за такова бы государя за великого кто не хотѣлъ дати? да у нихъ такъ въ латынѣ крѣпко, что у нихъ безъ папина вѣдома никакожь не дадутъ въ греческой законъ; а насъ укоряютъ безпрестани, а зовутъ насъ некрестми. И ты государю отцу моему молви: нѣчто къ маркграфью пошлетъ, и онъ бы ся велѣлъ старыя королевы таити, занъже она всѣхъ пуци греческой законъ укоряетъ“⁹³⁾. Замѣчаніе вѣрное; съ нимъ согласился и отецъ Елены, скоро переставшій искать иностранныхъ невѣстъ для своихъ сыновей. Въ мартѣ 1504 года королевѣ, по ея просьбѣ, отправлены были въ гостинецъ кречеты (очевидно охотничьи для супруга), бѣлка и сухая рыба; а соболь съ ногами и ноготками не успѣли еще добыть, обѣщали послать позже. Вообще къ королевѣ относятся изъ Москвы весьма внимательно: отецъ шлетъ „поклоны“ съ поминками, братья и сестры „челобитья“ также съ поминками; всѣ желанія исполняются, даже предупреждаются. Въ февралѣ 1505 года опять посылка къ ней: въ числѣ подарковъ на этотъ разъ была послана ей книга „Уставъ“⁹⁴⁾.

Это была послѣдняя посылка отъ Іоанна: 27 октября 1505 г. онъ скончался. Не стало крѣпкаго защитника, заботливаго отца Елены Ивановны! Новый государь московскій, Василій Ивановичъ, особымъ посольствомъ увѣдомилъ зятя и сестру о кончинѣ отца, о вступленіи своемъ на престолъ, и въ то же время напоминалъ Александру Казимировичу, чтобы онъ, по докончателной грамотѣ своего тестя, не принуждалъ своей королевы и великой княгини Елены къ римскому закону: тотъ же тонъ рѣчей, что у отца! Обоиъ Василій Ивановичъ посылалъ поклоны, а сестрѣ еще „благословеніе отцово, — крестъ золотъ съ мощми“⁹⁵⁾.

⁹²⁾ Сборн. И. О. XXXV, 415, 418, въ посольствѣ Плещеева и Заболотскаго отъ мая 1503 года, подъ № 76.

⁹³⁾ Тамъ же, стр. 453. Подробнѣе въ дѣлахъ подъ №№ 76 и 77. Елена Ивановна хвалила вторую дочь бранденбургскаго маркграфа, какъ красивую лицомъ принцессу, но совѣтовала вести дѣло тайно отъ старой королевы, т.-е. отъ своей свекрови, вдовы Казимира. О роднѣ Казимировой въ вѣмецкихъ земляхъ смотри въ письмѣ отъ имени Елены Ивановны, писанномъ Сапѣгоу: тамъ же, стр. 370.

⁹⁴⁾ Тамъ же, стр. 463—464, 475, дѣла подъ №№ 79 и 82. Сравни въ № 78 отвѣтъ великаго князя Іоанна зятю въ мартѣ 1504 года: при королевѣ-де находится только одна жонка греческаго закона, которая съ нею пришла, а всѣ павы и павьи римскаго закона; когда приходили послы наши въ Вильну, то имъ не было позволено представиться королевѣ и проч., стр. 460.

⁹⁵⁾ Тамъ же, стр. 480—481.

Вскорѣ и другое тяжелое несчастье постигло Елену Ивановну: 19 августа 1506 года скончался на ея рукахъ любимый мужъ Александръ Казимировичъ⁹⁶). Такимъ образомъ на одномъ году королева осиротѣла и овдовѣла. По случаю этого несчастья сестры, Василий Ивановичъ отправилъ въ Вильну особыхъ посланцевъ навѣстить королеву и въ то же время давалъ ей черезъ нихъ весьма важное порученіе: чтобы она того похотѣла, и говорила бы бискупу и панамъ, и всей радѣ и земскимъ людямъ, чтобъ похотѣли его государства, и служити бы похотѣли: а нѣчто учнутъ опасаться за вѣроу, и государь ихъ ни въ чемъ не порушитъ, какъ было при королѣ, а жаловать хочеть и свыше того. Въ томъ же смыслѣ порученія къ князю Войтеху, виленскому бискупу, къ пану Николаю Радзивилу, воеводѣ виленскому и ко всему литовскому сенату. Мысль, достойная московскаго государя, сына Іоаннова! Видно, что и сестру свою онъ считалъ способной для исполненія такой важной мысли. Но въ данное время эта мысль не исполнилась: великимъ княземъ литовскимъ, потомъ вскорѣ и королемъ польскимъ, былъ выбранъ Сигизмундъ I, самый способный, самый энергичный изъ Казимировичей, онъ же весьма дѣятельный противникъ московскаго великаго князя⁹⁷).

Положеніе вдовой Елены Ивановны стало ухудшаться. Правда, по наружности ей оказывали почетъ; лично король Сигизмундъ I относился къ своей невѣсткѣ съ почтительнымъ вниманіемъ: онъ далъ ей въ пожизненное владѣніе замокъ Бѣльскъ съ мѣстами Саражемъ и Брянскомъ; онъ же, по просьбѣ королевы, далъ ей „право поданья“ относительно виленскаго Троицкаго монастыря⁹⁸). Съ своей стороны Елена Ивановна попрежнему держитъ примирительный тонъ: она пишетъ брату грамоту, чтобы онъ жилъ съ королемъ Сигизмундомъ въ миру и братствѣ⁹⁹); но при всемъ томъ — говоримъ — положеніе вдовой королевы измѣнялось къ худшему: окружающіе ее люди относились къ ней холодно; на ея владѣнія смотрѣли завистливо; ей стали оказывать препятствія въ распоряженіи собственными имѣніями и даже стѣснять ее въ образѣ жизни. Зато братъ Елены Ивановны, московскій великій князь, беретъ на себя вмѣсто отца попеченіе о сестрѣ. Онъ находится въ частыхъ сношеніяхъ съ нею, справляется о ея здоровьѣ, шлетъ ей, по обычаю, поклоны съ поминками отъ себя, отъ супруги своей, великой княгини Соломонины, отъ братьевъ и отъ зятя, царевича Петра, мужа Ѳедосьи Ивановны¹⁰⁰); къ сожалѣнію, отвѣты Елены Ивановны сообщаются въ источникахъ только очень краткіе, либо вовсе не сообщаются¹⁰¹).

⁹⁶) Обстоятельства кончины короля Александра, именно во время отраженія набѣга татаръ, изложены у Мартина Кромера. Онъ же даетъ характеристику покойнаго государя: „fuit Alexander statura mediocri, facie oblonga, capillo subnigro, viribus corporis et lacertis validis, verum ingenio hebetiore, atque ob id taciturnus; liberalitate fratres omnes superavit etc. (Polonia, lib. XXX, pag. 457).

⁹⁷) Сборн. И. О. XXXV, 481—482.

⁹⁸) Акты, относ. къ исторіи Зап. Рос. II, №№ 8 и 58.

⁹⁹) Сборн. И. О. XXXV, 484. Отвѣтъ королевѣ отъ брата — въ Акт. отн. къ ист. зап. Рос. II, № 22.

¹⁰⁰) Тамъ же, стр. 487, 490, 463, 495 и проч.

¹⁰¹) Посольской книги за эти годы не сохранилось; она замѣняется только краткою выпиской изъ посольскихъ книгъ (Сборн. И. О. XXXV, № 84). Да притомъ и эта выписка не разъ свидѣтельствуетъ, что по такому-то и такому дѣлу въ посольской книгѣ не написано, что именно отвѣчала королева: смотри страницы 487, 489—490, 493, 495. Можетъ-быть, въ другихъ книгахъ и другими лицами были записаны рѣчи королевы. Сравни здѣсь примѣчаніе 1-е.

Подъ 1509 годомъ находимъ такое извѣстіе. „Приказывала королева къ государю съ бояриномъ Григоріемъ Ѳеодоровичемъ съ товарищами, что король Жигимонтъ держитъ ее не въ чести и не въ береженьѣ, что отъ короля и пановъ-рады ей чинится насиліе: ея города и волости вышустошили; воевода виленскій отнимаетъ земли; пусть государь прислалъ бы къ ней своего человѣка надежнаго, съ кѣмъ бы ей поговорить“. Великій князь отправилъ къ сестрѣ Николая Ангелова (который и прежде бывалъ посломъ къ Еленѣ Ивановнѣ, какъ мы видѣли); но пріѣзда Никулина, какъ онъ пріѣхалъ изъ Литвы къ Москвѣ, въ книгахъ не написано. Сколько правды въ этомъ извѣстіи, сказать не можемъ; но вѣроятно оно не безъ основанія¹⁰²⁾.

Подъ 1512 годомъ опять извѣстіе такого же и еще болѣе важнаго содержанія. „Сказывала королева и великая княгиня Елена послу Константину Замытцкому: хотѣла она изъ Вильны ѣхать въ свое имѣнье въ Бряславль, и напередъ себя послала людей своихъ; и воевода виленской панъ Миколай Миколаевичъ да воевода троцкой панъ Григорей Остиковъ, да Войтко Ключко, въ Бряславль королевы не пустили и сказали, что *будто она ѣдетъ къ Москвѣ, а напередъ себя казну посылаетъ*; да взявъ королеву за рукава изъ Пречистые вывели и, посадя въ сани, повезли въ Троки, а изъ Трокъ отвезли въ ея села въ Бирштаны, а изъ Бирштаны въ Стеклышки, а людей отъ нее всѣхъ порозослали“. Услыхавъ о такомъ поступкѣ съ сестрою, Василій Ивановичъ тотчасъ отправилъ пословъ, спросить короля Сигизмунда, почему паны его позволили себѣ „поймать королеву“; требовать отъ короля, чтобы онъ отдалъ всю казну и людей королевы, запретилъ бы панамъ вступаться въ ея имѣнія, и держалъ бы королеву, сестру его, въ надлежащемъ почтеніи¹⁰³⁾. Сигизмундъ Казимировичъ далъ слѣдующій отвѣтъ: ему достовѣрно извѣстно, что названные паны не отнимали у его невѣстки ни казны, ни людей, ни городовъ и волостей; они не отвозили ея насильно въ Троки или въ Бирштаны, и никакого безчестія ей не чинили: паны-рада, съ вѣдома его, короля, только молвили ей, чтобы въ данное время ея милость королева не ѣздила въ Бряславль, по причинѣ небезопасности пограничныхъ мѣстъ, а проживала бы въ другихъ своихъ имѣніяхъ. Онъ, король, удивляется, какъ великій князь, на основаніи рѣчей злонамѣренныхъ лицъ, не добившись основательно о дѣлѣ, посылаетъ къ нему говорить о томъ, чего у него и на умѣ не бывало. Съ самаго вступленія на престоль онъ, король, держалъ свою невѣстку въ великомъ почетѣ, никакого принужденія въ вѣрѣ ей не дѣлалъ и не намѣренъ дѣлать; у королевы не только не были отняты ея имѣнія, но еще приданы ей вновь отъ него, короля Сигизмунда. Для убѣжденія онъ предлагалъ московскому посланцу ѣхать къ королевѣ и переговорить съ нею обо всемъ, въ присутствіи писаря королевскаго: пусть ея милость, королева, передъ ними обоими скажетъ, правда или нѣтъ, что про нее говорили¹⁰⁴⁾. Таковъ отвѣтъ короля, по наружности очень увѣренный, убѣдительный; но мы вѣримъ больше показанію самой Елены Ивановны о стѣсненіи ея, о непочтительномъ,

¹⁰²⁾ Тамъ же, стр. 489—490. О посольствѣ Григорія Ѳеодоровича Давыдова тамъ же на стр. 487. Николай Ивановичъ Ангеловъ теперь былъ уже въ должности „печатника“.

¹⁰³⁾ Тамъ же, стр. 497—498. Сравни слѣдующее здѣсь примѣчаніе.

¹⁰⁴⁾ Акты, относ. къ исторіи зап. Рос. П., № 80. Сравни въ Сборн. И. О. XXXV, 523—524.

даже прямо оскорбительномъ поступкѣ съ нею виленскихъ пановъ. Да и самъ Сигизмундъ свидѣтельствуесть, что королеву задержали съ его вѣдома, подѣ предлогомъ небезопасности граничнаго города. Возможно, что у королевы дѣйствительно было намѣреніе возвратиться въ Москву; въ ея теперешнемъ положеніи оно было очень даже естественно; но за нею тѣмъ больше стали смотрѣть, и при первомъ же случаѣ жестко дали ей понять, что за нею хотятъ строго смотрѣть. Итакъ, мы полагаемъ, что слухъ, дошедшій въ Москву отъ самой королевы, былъ не безосновательный, хотя быть можетъ нѣсколько преувеличенный чрезъ передатчика, какъ обыкновенно это случается; видно, что королеву стали ограничивать въ ея владѣльческихъ правахъ и въ распоряженіи имуществомъ.

Вѣрно то, что въ ноябрѣ и декабрѣ 1512 года Елена Ивановна проживала не въ столицѣ литовской, а въ имѣніи Оникштахъ, гдѣ ею были выданы двѣ грамоты въ пользу ея дворянина Станковича¹⁰⁵⁾. Изъ этого имѣнія, спустя нѣсколько дней, она все-таки переѣхала въ Бряславль (виленскій), куда раньше стремилась ѣхать; но здѣсь Елена Ивановна сразу разболѣлась — и 24 января 1513 года ея не стало. На другой день, виленскій воевода и канцлеръ Николай Николаевичъ Радивиль увѣдомлялъ письмомъ митрополита Іосифа II Солтана о кончинѣ королевы, съ просьбою поспѣшить на погребеніе королевы въ Вильну, куда уже везли изъ Бряславля почившую¹⁰⁶⁾. Здѣсь, въ Пречистенскомъ митрополитанскомъ храмѣ, въ пользу котораго Елена Ивановна при жизни дѣлала земельные вклады, она нашла себѣ вѣчное упокоеніе. До начала нынѣшняго вѣка надъ ея гробницей сохранялась массивная металлическая плита со славянскою надписью, съ гербами московскимъ, литовскимъ и польскимъ; но когда Пречистенскій храмъ, памятникъ православія Ольгерда, былъ кощунственно обращенъ виленскими поляками въ анатомическій театръ, то и гробница Елены Ивановны была уничтожена, а надгробная доска была — говорятъ — перелита въ домашнюю посуду. Грустно!¹⁰⁷⁾ Но сохранился въ Вильнѣ до настоящаго времени одинъ памятникъ благочестивой королевы — икона Богоматери Одигитрии, прежде стоявшая на гробницѣ Елены Ивановны, а послѣ перенесенная въ Троицкій монастырь, гдѣ нынѣ находится въ иконостасѣ; судя по значительнымъ размѣрамъ иконы, она была предназначаема родителями королевы для ея домовою церкви, построения которой они однако тщетно домогались отъ ея супруга¹⁰⁸⁾.

Быстрая; неожиданная кончина Елены Ивановны, на 37-мъ году жизни, породила толки о насильственности этой кончины, о злодѣйскомъ будто бы отравленіи ея ядомъ. Въ 1517 г. литовскимъ посламъ и цезарскому послу, знаменитому Герберштейну, въ Москвѣ говорили, что королева скончалась въ нужѣ отъ лихихъ людей, при чемъ назы-

¹⁰⁵⁾ Акты, относ. къ исторіи зап. Рос. II, № 81. Оникшты — городъ въ Жмудской землѣ: Географ. словарь древней Жомонтской земли, составл. И. Я. Спрогисомъ. Вильна 1888.

¹⁰⁶⁾ Акты, отн. къ ист. зап. Рос. II, № 83.

¹⁰⁷⁾ Бѣлоруссія и Литва, издан. П. Н. Батюшковымъ, С.-Пб. 1890 (Объясненія къ рисункамъ №№ 62—65, на стран. 124—128). Макарій, И. Р. Ц. IX, 87.

¹⁰⁸⁾ Тамъ же, въ объясненіяхъ къ рисунку № 6. Въ Супрасльскомъ монастырѣ также есть икона Богоматери, присланная туда Еленою Ивановной: тамъ же, въ статьѣ № 73—76, о Супрасльскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ, на стр. 140.

вали поименно тѣхъ людей и указывали подробности о кончинѣ ея ¹⁰⁹⁾. Едва ли въ Москвѣ были твердо увѣрены въ томъ, что говорилось; вѣроятно, что называя поименно лицъ, якобы виновныхъ въ смерти королевы, хотѣли собственно вызвать пословъ на разговоръ, узнать нѣсколько новыхъ разъясненій объ обстоятельствахъ ея смерти; весьма также вѣроятно, что пошлую молву объ отравленіи поддерживалъ, если не впервые сочинилъ, знаменитый своими похождениями и поджигающими рѣчами князь Михаилъ Львовичъ Глинскій: обвиняемый въ Литвѣ за смерть короля Александра, онъ отплатилъ своимъ врагамъ тѣмъ, что сталъ обвинять ихъ въ Москвѣ за смерть Елены Ивановны. Все это — худая дипломатія насчетъ покойной королевы, безъ того несчастливой. Нѣтъ! Мы больше согласны съ исторіографомъ Карамзинымъ, что „королева Елена, умная и добродѣтельная, скончалась жертвой горести, а не отъ яда, какъ подозрѣвали въ Москвѣ, изъ ненависти къ литовцамъ“ ¹¹⁰⁾. Намъ гораздо пріятнѣе отмѣтить другой очень отрадный фактъ въ заключеніе нашей поминки: въ Москвѣ, въ кремлевскомъ соборномъ храмѣ Успенія, ежегодно въ недѣлю православія, какъ видно по старому Синодику, на ряду съ другими ревнителями православнаго христіанства, была возглашаема „благовѣрной и христіолюбивой великой княгинѣ Еленѣ королевѣ вѣчная память“ ¹¹¹⁾.

И намъ остается сказать объ Еленѣ Ивановнѣ то же: вѣчная память!

¹⁰⁹⁾ Сб. И. О. XXXV, 524. Др. Рос. Вивліое. XVI, 169—170. Лѣтоп. по Никон. сп. VI, 193. П. С. Р. Л. VIII, 253 и др. лѣтописи русскія. Мартинъ Кромеръ, или точнѣе сказать Бернардь Ваповскій, продолжатель его, такъ выражается о смерти Елены Ивановны: „*Helena Moscovitica, Alexandri olim Poloniae regis conjunx, in Bratislavia fatali morte absumpta est*“ (Polonia, pag. 552). Не очень ясно, что ояъ хочетъ этимъ сказать.

¹¹⁰⁾ Исторія Гос. Рос. VII, 34, Сравни Карпова, Исторія борьбы Моск. государства съ Польско-литовскимъ, стр. 145; преосв. Макарія, И. Р. Ц. IX, 162—164; Д. И. Иловайскаго, Исторія Россіи, III, 19—20.

¹¹¹⁾ Древняя Рос. Вивліое. VI, 444.

О различных именах сортов мѣха въ ганзейское время.

Л. Х. Штида.

Уже съ древнихъ временъ, въ особенности въ *ганзейскій* періодъ, мѣха играли большую роль въ торговлѣ между русскими и нѣмцами. Въ письменныхъ памятникахъ этого времени — какъ-то торговыхъ договорахъ ганзейцевъ съ русскими, въ правилахъ о пошлинахъ, которыя ганзейцы должны были платить въ фландрскихъ и нѣмецкихъ странахъ, въ правилахъ собственно для ганзейскихъ же купцовъ, въ спискахъ товаровъ (потерянныхъ при кораблекрушеніяхъ) — находятся указанія на предметы и способы мѣховой торговли. Въ высшей степени интересно было бы написать исторію мѣховой торговли; но здѣсь мы наталкиваемся на большія трудности; мы не можемъ различить теперь всѣхъ сортовъ, которыми тогда торговали, такъ какъ не знаемъ тѣхъ звѣрей, мѣха которыхъ тогда продавали. Что такое на примѣръ *дойнисы* или *попель*?

До сихъ поръ были сдѣланы попытки разъяснить различныя названія мѣховъ какъ г. *Гутцейтомъ* въ Ригѣ, такъ и моимъ братомъ, профессоромъ въ *Ростоки*; но имъ не удалось еще это.

Большая часть до сихъ поръ оставшихся невыясненными именъ — это слова русскаго происхожденія; они могутъ быть объяснены только съ помощью русскаго языка. На эти *русскія названія* сортовъ мѣха ганзейскаго времени я и хочу обратить ваше вниманіе. Я уже давно, съ 1884 года, занятъ разрѣшеніемъ этого вопроса. Много словъ удалось объяснить, много же — нѣтъ. Можетъ-быть, съ вашей помощью мнѣ удастся внести нѣкоторый свѣтъ въ этотъ темный вопросъ.

Вмѣсто введенія я скажу нѣсколько словъ собственно о *родѣ торговли*.

Западные купцы возили моремъ въ Германію купленные въ Псковѣ и Новгородѣ мѣха. Русскіе купцы продавали свой товаръ оптомъ, очень рѣдко поштучно. Десятокъ обыкновенно назывался *декеромъ*, *ботомъ* или *тенделингъ* (Deker, Bot, Tendeling); 4 декера (40) — *цимеромъ* или *тимеромъ*. Большія количества считались *тысячами* и *полутысячами*, *четвертями* и *получетвертями* (*Quartieren* и *Halbquartieren*). Большая часть шкуръ продавалась цѣликомъ, но многія также и другимъ способомъ. Продавцы разрѣзали мѣха и сшивали ихъ части по сортамъ, какъ на примѣръ: отдѣльно спинки, животы, хвосты, лапы и прочее. Такъ сшитый мѣхъ назывался *Foder* (Futter), *Tafel* — полотнище или *Sack* — мѣшокъ. Этотъ способъ сшиванія отдѣльныхъ частей былъ особенно примѣняемъ къ *соболемъ*, *бѣлымъ*,

куннымъ и лисьимъ мѣхамъ, а различно шитые мѣха имѣли, вѣроятно, на торговомъ языкѣ различныя имена.

Кожи, мѣха и шкуры были складываемы слоями, *связки* которыхъ обозначались словомъ *Kier* (Кур); затѣмъ они складывались въ *тонны* (*бочки*). Какого же происхожденія слово *кина* — нѣмецкаго, или русскаго? По моему мнѣнію это — русское слово. *Кина* по-русски означаетъ тюкъ пушистыхъ или листовыхъ предметовъ, напр. *кина* бумаги, шерсти и проч. И въ нѣмецкомъ языкѣ существуетъ слово „*Kiere*“, но оно имѣетъ совершенно другое значеніе, именно: корзина или нѣчто такое, что можетъ быть несомо на спинѣ. Также и „*Kirren*“ не имѣетъ съ этимъ ничего общаго; оно значить „перевернуться“.

Различныя наименованія мѣховъ можно сгруппировать слѣдующимъ образомъ:

- 1) Имена съ *географическимъ характеромъ*.
- 2) Имена, указывающія на *цвѣтъ мѣха*.
- 3) Имена, выражающія *качество товара*.
- 4) Имена, указывающія на *звѣря*, шкура котораго продается.

Разберемъ эти 4 разряда именъ поподробнѣе.

1-й разрядъ. *Имена географическаго характера*. Всякому очевидная ясность ихъ даетъ мнѣ право — оставить ихъ безъ особаго разъясненія.

2-й разрядъ. *Имена, указывающія на цвѣтъ*. Сюда относится пять названій:

- 1) Красный мѣхъ.
- 2) Черный мѣхъ.
- 3) Бѣлый мѣхъ.
- 4) Сѣрый, по-нѣмецки *Grauwerk*.
- 5) Пестрый, по-нѣмецки *Buntwerk*.

(Насколько извѣстно въ русскомъ языкѣ не существуетъ словъ точно соотвѣтствующихъ нѣмецкимъ *Grau-* и *Buntwerk*).

Можно съ достовѣрностью принять, что первыя три названія относятся къ *различнымъ сортамъ лисицъ*, два послѣднихъ — къ *бѣлкамъ*.

Къ болѣе подробному выясненію словъ *Grau-* и *Buntwerk* я вернусь еще впоследствии.

3-й разрядъ. Слова, выражающія *качество товара*. Изъ нихъ я приведу только два:

- 1) *Wymeteken*.
- 2) *Scarpunse*.

Вмѣсто слова *Wimeteken* встрѣчается *Winmeydeken*“ и латинское слово „*opus wimense*“. Эти слова рѣдко употребляются самостоятельно, почти всегда въ связи съ именемъ звѣря: *Lasten-Wymeteken*, *Hermelen-Wymeteken* (т.-е. горностаево). Нѣмецкіе писатели совершенно не поняли значенія этого слова; они удовольствовались тѣмъ, что приняли его за обозначеніе особаго сорта мѣха, не заботясь о точномъ значеніи его. Уже петербургскій академикъ Кругъ для объясненія этого слова указалъ на русское „выметка, выметъ“. Присоединеніе этого слова къ какому-нибудь имени мѣха, означаетъ, что это товаръ менѣе хорошаго качества. Поэтому старое правило 1603 г. требуетъ, чтобы *Wimeteken* были разсортированы и не вложены въ общія связки.

Изъ нѣмецкихъ писателей *Гутцейтъ* и *Гильдебрандъ* (въ Ригѣ) присоединились къ этому мнѣнiю, и я вполне согласенъ съ ними. Теперь второе слово: *opus scarpunse*. Насколько мнѣ извѣстно — оно встрѣчается только въ одномъ письменномъ памятникѣ. *Hildebrand* принимаетъ его за латинское слово *scarpunsure*, что значитъ *capillos vellere*, т.-е. выдергивать волосы; слѣдовательно *scarpunse* должно обозначать мѣхъ худшаго качества, въ которомъ отчасти выдернута шерсть. Я долго думалъ, что это воззрѣнiе вѣрно, но теперь пришелъ къ другому заключенiю. Слово *scarpunse* имѣетъ латинское окончанiе, отчего и кажется латинскимъ; на самомъ же дѣлѣ это слово русское, на что впервые обратилъ вниманiе г. *Гутцейтъ*. Оно происходитъ отъ русскаго глагола „скорбнуть“, одно изъ значенiй корня котораго есть *скорчиваться, сморщиваться, дѣлаться жесткимъ*; говорится „полущубокъ заскорбъ“. *Scarpunse* есть, вѣроятно, измѣнившееся слово „*скорбнувшiйся* (скоробившiйся) мѣхъ, т.-е. испортившiйся. Теперь понятно, почему въ упомянутомъ памятникѣ слова *Witetecken* и *scarpunse* поставлены рядомъ: они оба означаютъ плохой, испортившiйся мѣхъ.

4-й разрядъ. Имена, указывающiя на зѣбры, шкура котораго продается. Это очень многочисленный разрядъ, я насчитываю 46 именъ. Я не буду, конечно, говорить о всѣхъ 46 словахъ, а упомяну лишь тѣ, которыя имѣютъ связь съ русскимъ языкомъ.

Что это за мѣхъ *Schewenissen*? Съ какого онъ звѣря?

Впервые пробовали объяснить это слово *Sartorius* и *Lappenberg*. По ихъ мнѣнiю это произведено отъ нѣмецкаго глагола „*schaben*“ — скрести, скоблить, и означаетъ мѣха, шерсть которыхъ соскоблена, или же волосъ, счищенный съ мѣха и связанный въ пучки. Этого объясненiя держались до сихъ поръ всѣ ученые.

Г. *Гутцейтъ* принималъ *Schewenizen* за измѣненное русское „*северица, векша*“. Но я уже въ 1884 году въ возраженiе г. *Гутцейту* высказалъ мнѣнiе, что *Schewenissen* можно производить отъ русскаго слова „*шевня*“. *Шевня* обозначаетъ мѣхъ, сшитый изъ извѣстнаго числа бѣличьихъ ткуръ. Такимъ образомъ, нужно предположить, что подъ словомъ *Schewenissen* подразумѣвается извѣстное число сшитыхъ мѣховъ (*Sack* — мѣшокъ), а не выщипанный мѣхъ.

Schewenissen соответствуетъ русскому *шевница*. Существовали ли эти слова: *шевница* и *шевня*, на ряду одно съ другимъ, или первое было только произведено нѣмецкими купцами — неизвѣстно.

Поразительно, что въ старыхъ памятникахъ употребляется исключительно слово *Schewenissen*, а не *шевня*. Одинъ только разъ я встрѣтилъ слово *шевня*.

Въ одномъ памятникѣ, относящемся къ 1350 году и говорящемъ о пошлинахъ на *Торно-Владимирской торговой дорогѣ*, сказано:

Должны платить пошлину „за бобра полторы куны, за лисицу 9 шевень, за выдру 13 шевень“ и также извѣстное количество шевень за тысячу ягачьихъ шкуръ. Издатель памятника самъ сознается, что значенiе слова *шевня* остается ему неяснымъ. По моему мнѣнiю слово *шевня* имѣетъ здѣсь, кажется, значенiе не „сшитаго мѣха“, а монеты, соответствующей монетѣ „бѣлка“. Какъ извѣстно въ кунѣ

заклучалось 20 векшъ или бѣлокъ, которыя здѣсь и замѣняются словомъ „шевня“. *Шевня*, значитъ, есть монета очень маленькаго достоинства.

Вмѣстѣ съ *Schewenissen* встрѣчается часто слово, получавшее до сихъ поръ странное толкованіе: Это: *Reise, Roise, Resis*. Сказано напр. 1300 безъ пяти *Reisis*, 1000 *Schevenissen* и 6 *Reisis*. Что означаетъ это слово? Въ латинскихъ памятникахъ это слово, какъ видимъ, склоняется, межъ тѣмъ какъ *Schevenissen* не измѣняется. *Sattler* считаетъ слово *Reisis* за названіе мѣры, употребляемой вмѣсто декеръ или тимеръ, но только относительно *Schewenissen*. Если бы это была въ самомъ дѣлѣ мѣра, то почему она не употребляется и для другихъ мѣховъ? Если я вѣрно понялъ приведенные примѣры, то слово *Reisis* здѣсь не мѣра, а производитъ скорѣе впечатлѣніе качества. По моему мнѣнію, и это слово имѣетъ русское происхожденіе. Его можно произвести отъ глагола рѣзать: *рѣзанныя, разрѣзанныя шевеницы*. Такимъ образомъ слова *Reise Schewenissen* означаютъ разрѣзанные мѣшки: полотнища.

Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, подъ словомъ *Schewenissen* подразумѣвались нѣмецкими купцами самыя бѣлки. Я не могу разрѣшить вопроса, называли ли они такъ уже сшитые мѣха или же еще отдѣльныя шкуры; но во всякомъ случаѣ здѣсь рѣчь идетъ о *бѣлкахъ*. Нужно еще присовокупить, что въ относящихся сюда памятникахъ встрѣчаются еще слова *Grau-* и *Buntwerk*, которыя также, безъ сомнѣнія, относятся къ бѣлкамъ. Обыкновенно принимаютъ, что *Grauwerk* означаетъ мѣхъ, сшитый изъ спинокъ, а *Buntwerk* — изъ брюшковъ бѣлокъ.

Обратимся теперь къ словамъ *Doinissen* и *Troinissen*. Оба эти слова встрѣчаются въ очень различныхъ формахъ: *Doinissen* и *Troinissen*, *Dogenissen*, *Dewinisse*, *Trogenissen*, *Treugenitzen*. Многие писатели держатся мнѣнія, что слова *Doinissen* и *Troinissen* идентны, по ихъ мнѣнію, оба означаютъ *плохой мѣхъ*, но никто изъ нихъ не выяснилъ какого звѣря (*Наперскій* пишетъ: „*Doinissen* и *Troinissen* назывался мѣхъ самаго низкаго сорта“). *Кругъ* производитъ *Doinissen* отъ русскаго глагола *дойть* и ссылается на выраженіе „дойная корова“. *Гутцетъ* для объясненія этого слова приводитъ древнеславянское „дойница“, отелившаяся овца; такъ что, по его мнѣнію, нѣмецкіе купцы смѣшивали это слово съ именемъ молодого ягненка. *Тройниссенъ* онъ принимаетъ за измѣнившееся *дойниссенъ*.

Въ противоположность этимъ возрѣніямъ я предполагаю, что слова *Doinissen* и *Troinissen* не тождественны. Въ памятникахъ эти слова часто встрѣчаются рядомъ, напримѣръ 6 тимеръ дойниссенъ и 10 тимеръ тройниссенъ. Далѣе я предполагаю, что они обозначаютъ не дурной мѣхъ, а какъ разъ наоборотъ — хорошій, — именно *соболій*. Дойниссенъ есть измѣнившееся древне-русское „единецъ“, а тройниссенъ соотвѣтствуетъ русскому „тройничій“. Меня удивляетъ, какъ г. *Аристовъ* не понялъ происхожденія этихъ словъ. Онъ приводитъ одно древнее извѣстіе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Въ 1438 году въ Ругодивъ отпускали соболю тройничіи“. Оставимъ въ сторонѣ слово *тройниссенъ*; его связь съ русскимъ языкомъ всякому ясна; иное дѣло съ *дойниссенъ*; въ его происхожденіи отъ „единецъ“ могутъ быть сомнѣнія. Я самъ придерживался прежде мнѣнія, что дойниссенъ происходитъ отъ русскаго „двое“ — два и обозначало „пару“ шкурокъ, а тройниссенъ — три. Но теперь я считаю про-

изводство дойниссенъ отъ „два“ неправильнымъ. Выраженіе „одинецъ“ или „единецъ“ въ прежнее время, да и теперь еще, употребляется относительно собольихъ шкуръ и значить соболь самого высшаго разбора, не идущій въ „сорока“ или чему нѣтъ „дружки“ — пары. „Пара“ соболей должна была быть выражена тогда, вѣроятно, словомъ „дружки“, но тогда шкуры звѣриныя, кажется, не считались парами, а всегда единицами (дойниссами), тройничьими (Troinissen) и сороками.

Слѣдуетъ упомянуть еще, что въ старыхъ памятникахъ слово *Sabel* или *Zobel* (соболь) рѣдко встрѣчается. Это слово употреблялось только въ обыденной жизни, а не въ торговомъ языкѣ. Кушцы употребляли выраженіе „*Schönes Werk*“, „*Opus pulchrum*“, обозначая такъ безъ сомнѣнія высшее качество соболя, какъ напримѣръ въ одномъ памятникѣ: *Opus pulchrum Soboli*, т.-е. прекрасный сортъ соболя.

Подъ *Schönes Werk* понимались, вѣроятно, цѣлые соболя мѣха, сшитыя полотница.

Въ относящихся къ прошлому столѣтію сочиненіяхъ о русской мѣховой торговлѣ встрѣчаются еще странные слова: „*Zobelränden* и *Zobelpunten*“. Я не знаю, что они могли бы значить; это вѣроятно исковерканныя русскія слова.

Разъяснимъ теперь новое слово: „*Annuge*“, *onyghe*, *amuge*. Несомнѣнно, это шкурки, которыя продавались большими количествами и по дешевой цѣнѣ. Нѣмецкіе писатели не указываютъ имени звѣря, шкуры котораго такъ назывались. Только *Hildebrand* замѣчаетъ, что эти шкуры очень низкаго качества. Разъ убѣдившись, что всѣ не нѣмецкія слова, употреблявшіяся въ древней мѣховой торговлѣ, русскаго происхожденія, я искалъ соотвѣтствующаго объясненія и для слова „*Annuge*“. Оно, по моему, стоитъ въ связи съ древне-русскимъ словомъ „агня, агнецъ“ — ягня, ягненокъ. Уже Гутцейтъ указывалъ на связь между „*Annuge*“ и *ягня*, но мнѣ кажется, что первому еще поразительнѣе соотвѣтствуетъ слово „*агня, агнецъ*“, которое было тогда вѣроятно во всеобщемъ употребленіи; на послѣднюю мысль наводитъ употребленіе этого слова въ библіи.

Извѣстно, что торговля ягнечьими шкурами была обширна, и несмотря на это, слово „*Lammfel*“ рѣдко употреблялось нѣмецкими торговцами.

На ряду съ *Annuge* для обозначенія различныхъ сортовъ мѣха употреблялись еще выраженія „*Smashen* и *Merlitzen*“, слова несомнѣнно славянскаго характера, которыя употребляются и въ нынѣшней живой рѣчи: „Смушки и мерлушки“ — по-русски, „*Smuschen* und *Merlizen*“ — по-нѣмецки.

Другое часто употреблявшееся выраженіе — это: „*Lasteken*“. Это слово совершенно вѣрно объяснялось учеными какъ шкура звѣря вида „*Mustela vulgaris*“ — ласка или ласица. И теперь еще нѣмецкіе скорняки словомъ „*Laskerfelle*“ называютъ извѣстный родъ „*Wieselfelle*“.

Также большая торговля велась и куньими мѣхами, которые назывались только нѣмецкимъ именемъ „*Marder*“, межъ тѣмъ какъ русское „куна“ употреблялось только какъ названіе монеты. Въмѣсто русскаго выраженія „куны мордки“ говорилось по-нѣмецки „*Marthowde*“, а по-латыни: „*capita martorum*“, т.-е. головки кунь. Я позволяю себѣ поставить вопросъ, были ли въ древнее время употребляемы какъ монеты только мордки или цѣлыя головки? И теперь еще встрѣчается въ торговлѣ русская

куна, и разныя сорта ея обозначаются различными именами. Видъ „*Mustela Sibirica*“ напрымѣръ называется „*Kolinski* — Колинской“. Слово съ виду испорченное русское. Этотъ видъ куны „*Mustela Sibirica*“ называется по-русски „*кулонокъ* или *колонокъ*“. Одинъ изъ нѣмецкихъ писателей называетъ „*Mustela Sibirica*“ вѣрнѣе словомъ „*kolinka* — колинка“. Въ южной Германіи и понынѣ скорняки называютъ норичьи мѣха „*Kolitzen*“. Очевидно нѣмецкія слова „*Kolinski* и *Kolitzen*“ произошли отъ русскаго „*колонокъ*“. Въ памятникахъ ганзейскаго періода шкуры норокъ называются „*Mink*“. Теперь это слово почти вышло изъ обращенія и употребляется въ Германіи только для обозначенія американской норки.

Въ древнихъ ганзейскихъ правилахъ о торговлѣ мѣхами говорится: когда покупаются куны и норки, нужно смотрѣть, чтобы въ связкахъ не было „*Samtzeitigen*“. Это нѣмецки звучащее слово произошло очевидно отъ русскаго „самцы“; шкурки самцовъ вѣроятно были меньшаго достоинства (по запаху ли своему, или по другимъ причинамъ).

Въ близкомъ родствѣ съ кунницей стоитъ *хорекъ*, по-нѣмецки *Ittis*. Последнее слово почти никогда не встрѣчается въ торговыхъ памятникахъ; оно употреблялось только въ обыденной жизни. Имѣли ли торговцы того времени для хорьковыхъ (по-нѣмецки „*Ittis*“) шкуръ особое имя, или смѣшивали ихъ съ кунными — неизвѣстно.

Я долженъ обратить ваше благосклонное вниманіе еще на одно странное слово, употреблявшееся нѣмецкими торговцами. Это „*Berwitzky* или *Perwitzky* или *Periwaitzky*“. Такъ нѣмецкіе скорняки называютъ малозначащій сортъ хорьковыхъ или кунныхъ (*Tigeriltes Mustela Sarmatica*) мѣховъ. По моему мнѣнію, эти выраженія можно привести въ связь съ русскимъ именемъ звѣря „перевозчикъ“ (Академ. слов. ч. III). Говоря о выраженіи „*Berwitzky*“, я долженъ остановиться еще и на другомъ необъясненномъ словѣ „*Portowesk*“. Въ одномъ памятникѣ 1290 г. упоминается, что между шевениссами нашелся „*Opus portowesk*“, меньшаго достоинства, чѣмъ самыя шевениссы. Я полагаю что слово „*Portowesk*“ опять-таки не что иное какъ измѣнившееся „перевозчикъ“.

Перейдемъ теперь къ слову „*попель*“.

Нѣмецкіе писатели переводятъ его просто словомъ мѣхъ (только одинъ разъ я встрѣтилъ еще прилагательное „*спрый*“ — *grau*). Одинъ изъ этихъ писателей предполагаетъ, что попель — это мѣхъ, опепленіемъ лишившійся своей шерсти. *Аристовъ* пишетъ даже: „не знаю на какомъ основаніи подъ словомъ попель разумѣются мѣха“, по его мнѣнію попель есть „пепель, зола“.

На *попель* есть безъ сомнѣнія *сортъ мѣха*, что можно вывести изъ чтенія многихъ памятниковъ; на ряду съ другими сортами мѣха упоминаются еще, напрымѣръ, 5 тимеръ попелей. Также и въ правилахъ о мѣховой торговлѣ встрѣчается „попель“; упоминаются, впрочемъ, и платья, сшитыя изъ *попелей* — *Popelen* или *Popul*. Въ нынѣшнемъ разговорномъ русскомъ языкѣ слово *попель* не употребляется, какъ названіе мѣха или звѣря; но тогда, можетъ-быть, въ ганзейское время это слово и было въ употребленіи. Въ другихъ славянскихъ языкахъ существуютъ подходящія слова. Словомъ *попельница* (*Popelica*) называютъ на вендскомъ языкѣ *сурка*, на южно-славянскомъ *зорностая*, а на польскомъ — *соію* (сонливую бѣлку). Соня имѣетъ красивую шкурку: спинка пепельнаго цвѣта, животъ — свѣтло-сѣраго; она даетъ хорошій мѣхъ. Благодаря своей спинкѣ

пепельнаго цвѣта сонливая бѣлка и вся была названа пепломъ. Замѣчательно, что нѣмецкое имя сони — „Bilg, Bilig“, является родственнымъ русскому названію векши — „бѣлка“. Послѣднее произошло, вѣроятно отъ нѣмецкаго „Bilg; нельзя же производить „бѣлка“ отъ корня „бѣль“, такъ какъ *бѣлыя* бѣлки — рѣдкость, и не могли быть поэтому поводомъ, по которому дали имя всему роду.

Въ заключеніе я долженъ остановиться еще на двухъ нѣмецкихъ словахъ, которыя многократно и неправильно толковались. Первое изъ нихъ есть названіе мѣха: „Koninge“. Одинъ ученый переводитъ его черезъ куница, другой черезъ кроликъ.

Мнѣ не извѣстно, на чемъ основываютъ они свои объясненія. Мѣхъ, называемый „Koninge“, встрѣчается въ памятникахъ рядомъ съ кунимъ. Мнѣ кажется, что „Koningen“ есть шкура летучей бѣлки (летуха, *Sciuroptera Sibirica*). Я ссылаюсь при этомъ на одно сочиненіе прошлаго столѣтія, написанное *Кильбергеромъ*, въ которомъ говорится, что Koningen есть царь (König) сѣрыхъ мѣховъ (Grauwerk, бѣлокъ).

Второе слово — это „Helsing или Helling“; оно рѣдко встрѣчается; оно очевидно произошло отъ нѣмецкаго „Hals“ — шея; нѣтъ никакого сомнѣнія, что это сортъ мѣха. Одинъ нѣмецкій писатель предположилъ, что здѣсь рѣчь идетъ о птицѣ съ длинной шеей, другой же принялъ „Helsing“ за мѣхъ, сшитый изъ шеекъ звѣрей. Мнѣ кажется, что послѣдній правъ; Helsing соотвѣтствуетъ въ нынѣшнемъ нѣмецкомъ языкѣ слову „Marderkehle“, во французскомъ „gorge“. Нѣмецкое *Helsing* соотвѣтствуетъ русскому выраженію „душки“, означающему мѣхъ сшитый изъ шеекъ лисицъ и соболей. Припомнимъ еще, что горная куна называется также бѣлодушкой, а лѣсная — желтодушкой. Сибирскія лисицы даютъ особенно хорошія шейки, изъ которыхъ сшивается мѣхъ, называемый сиводушатнымъ, т.-е. сдѣланный изъ сивыхъ душекъ.

Одинъ изъ видовъ сибирской лисицы, *Canis crucigera, Kreuzfuchs*, называется нѣмецкими торговцами „сиводушками“, при чемъ они не знаютъ, что имя это дано по шейкѣ звѣря. Очень странно звучитъ въ одномъ нѣмецкомъ сочиненіи раздѣленіе черныхъ лисицъ по родамъ ихъ хвостовъ на сиводушки (съ черными-то хвостами!), краснодушки (съ красными!) и бѣлодушки (съ серебристыми!).

Я приведу еще одинъ примѣръ тому, какъ неправильно понимались и коверкались нѣмцами русскія слова.

Въ одномъ ганзейскомъ собраніи правилъ говорится: „Не покупай барановъ (или барановъ — *Verahnen* или *Vorahnen*) безъ осторожнаго осмотра“, чтобы не нашлось „Уроікен“. „Verahnen“ безъ сомнѣнія русское „бараны“, здѣсь въ смыслѣ бараньихъ шкуръ, а „Уроікен“ — русское *опоекъ* — кожа молодыхъ телятъ.

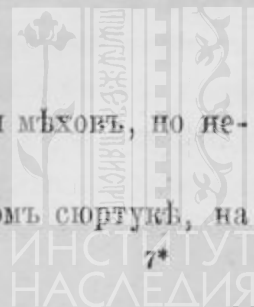
Въ заключеніе я приведу еще нѣсколько словъ, о значеніи которыхъ я ничего не могу сообщить.

1. Въ одномъ памятникѣ говорится объ *opus abewi* и *abeser*. Значеніе этихъ словъ совершенно темно.

2. Въ другомъ я нашелъ слово *Bollart*. Не менѣе темно.

3. *Klesem, Klossen*. Это, вмѣстѣ со вторымъ словомъ есть имя мѣховъ, но неизвѣстно какихъ.

4. *Rumeneie*. Въ одномъ мѣстѣ говорится о черномъ англійскомъ сюртукѣ, на

подкладкѣ изъ *Rumeneie*. Между названіями сортовъ мѣха не встрѣчается слово *Rumeneie*; такъ что можно предположить, что это только матерія.

5. *Weringe*. О нихъ мнѣ ничего не извѣстно.

6. *Bugai*. Въ одной англійской книгѣ, трактующей о сельско-хозяйственномъ положеніи этой страны въ 1395-мъ году говорится о мѣховой одеждѣ изъ бугая; но въ ней не сказано, что именно нужно понимать подъ этимъ. Бугай было платье въ родѣ епанчи и сшитое изъ собольихъ мѣховъ. На средневѣковомъ латинскомъ языкѣ слово „*bugatus*“ означаетъ платье вообще.

Изъ памятниковъ ничего нельзя вывести о точномъ значеніи этихъ словъ и отношеніи ихъ къ звѣрямъ, шкуры которыхъ продавались. Поэтому дальнѣйшее изслѣдованіе ихъ есть дѣло не естествоиспытателя, а филолога.

Особенности русских переводов до-монгольского периода.

А. И. Соболевскаго.

Начальная лѣтопись сообщаетъ, что Ярославъ I „собралъ многихъ писцовъ“ и съ ними „перекладывалъ“ книги съ греческаго языка на славянскій.

Это сообщеніе — въ своемъ родѣ единственное въ нашихъ памятникахъ. Оно позволяетъ предполагать, что переводы произведеній греческой литературы съ греческаго на славянскій дѣлались на Руси не только при Ярославѣ, но и при его преемникахъ, вообще въ до-монгольскую эпоху, такъ какъ въ эту эпоху не могло быть у насъ недостатка въ людяхъ, способныхъ переводить съ греческаго на славянскій и такъ какъ переводы на славянскій языкъ сочиненій русскихъ митрополитовъ-грековъ уже несомнѣнно принадлежать русскимъ.

Но какъ отличать переводы съ греческаго, сдѣланные въ до-монгольской Руси, отъ переводовъ, сдѣланныхъ у южныхъ славянъ, и что можно считать переведеннымъ на Руси?

Какъ извѣстно, славянская литература получила свое начало на славянскомъ югѣ и ея литературнымъ языкомъ былъ одинъ изъ говоровъ древне-болгарскаго языка — такъ-называемый церковно-славянскій языкъ. Все, что было переведено свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ, ихъ учениками и преемниками послѣднихъ у южныхъ славянъ при царѣ Симеонѣ, т.-е. всѣ обращавшіяся у грековъ богослужебныя книги и значительное количество произведеній византійской духовной литературы, послѣ крещенія Руси перешло къ намъ и легло въ основаніе древне-русской литературы. Языкъ церковно-славянскихъ книгъ, достаточно понятный русскимъ X—XI вѣковъ, подвергся сравнительно немногимъ измѣненіямъ подъ перомъ русскихъ переписчиковъ. Именно, нѣкоторые церковно-славянскіе звуки были замѣнены соответствующими русскими, одни вездѣ (Ѣ черезъ у, Ѡ черезъ я), другіе кое-гдѣ, то чаще, то рѣже (*жд* черезъ *жс*, *ш* черезъ *ч* и т. п.); нѣкоторыя церковно-славянскія формы уступили мѣсто русскимъ формамъ, однѣ вездѣ (формы сильнаго аориста, формы повелительнаго наклоненія бѣзъмъ, бѣзѣте и т. п.), другія кое-гдѣ, то чаще, то рѣже (добруму было замѣнено черезъ доброму, причастіе живы черезъ жива, ведъаше черезъ ведяше, ведяше и др.); что же касается до словарнаго матеріала, то онъ остался неприкосновеннымъ, за немногими

исключеніями¹⁾. Этотъ нѣсколько обрусѣвшій церковно-славянскій языкъ, иначе — церковно-славянскій языкъ русскаго извода, сталъ употребляться русскими авторами и переводчиками и сдѣлался такимъ образомъ русскимъ литературнымъ языкомъ. Онъ то болѣе, то менѣе чистый, т.-е. то съ бѣльшимъ количествомъ руссизмовъ, то съ меньшимъ, находится во всѣхъ памятникахъ древне-русской переводной литературы; на немъ писаны лѣтописи, житіе св. Θεодосія печерскаго, житіе свв. Бориса и Глѣба, слова Кирилла Туровскаго, Слово о полку Игоревѣ. Онъ долженъ находиться также во всѣхъ тѣхъ произведеніяхъ, которыя были переведены съ греческаго русскими переводчиками.

Итакъ, языкъ переводовъ, сдѣланныхъ у южныхъ славянъ и переписанныхъ русскими переписчиками, и языкъ переводовъ, сдѣланныхъ на Руси, въ общемъ одинъ и тотъ же — церковно-славянскій языкъ русскаго извода.

Въ виду этого мы не всегда въ состояніи отличить переводы, сдѣланные на Руси, отъ переводовъ, сдѣланныхъ на славянскомъ югѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда переведенныя произведенія имѣютъ незначительный объемъ. Но мы почти всегда имѣемъ возможность отличить переводы, сдѣланные на Руси, отъ переводовъ южно-славянскихъ тогда, когда произведенія отличаются болѣе или менѣе значительнымъ объемомъ.

Данныя, которыми мы для этого располагаемъ, относятся не къ области фонетики и морфологии, за немногими исключеніями²⁾, а къ области лексической. Переводчики, зная достаточно хорошо главныя церковно-славянскія звуковыя и формальныя особенности, не всегда находили въ своемъ запасѣ церковно-славянскихъ словъ и выраженій все, что было нужно для передачи разнообразныхъ греческихъ словъ и выраженій, и потому бывали принуждены прибѣгать къ русскимъ словамъ и выраженіямъ.

Иначе говоря, мы можемъ отличать переводы, сдѣланные въ древней Руси, отъ переводовъ, сдѣланныхъ у южныхъ славянъ, на основаніи словарнаго матеріала переводныхъ текстовъ. Въ этомъ матеріалѣ особенное значеніе имѣютъ для насъ три группы словъ:

1) Слова славянскія по происхожденію, съ спеціальными значеніями: названія должностныхъ лицъ, монетъ, мѣръ вѣса и разстоянія, судовъ, одеждъ и т. п., въ родѣ *посадникъ, гривна, кума, рязана, верста, насадъ, кожухъ*. Большая часть подобныхъ словъ совсѣмъ не встрѣчается въ церковно-славянскихъ текстахъ южно-славянскаго происхожденія; меньшая встрѣчается, но въ другихъ значеніяхъ. Такъ, *гривна* въ нихъ

¹⁾ Въ виду существованія этихъ исключеній мы не имѣемъ права основываться на одиночныхъ данныхъ, какія бы они ни были, и должны рѣшать вопросъ на основаніи ряда данныхъ, по ихъ совокупности. Должно замѣтить, что замѣнять церковно-славянскія слова русскими, безъ помощи греческаго оригинала, было нелегко: русскіе не знали точнаго значенія ряда церковно-славянскихъ словъ (т.-е. не знали, напримеръ, что церк.-слав. *бисеръ* = русск. *жемчужъ*, что церк.-слав. *потрише* = русск. *взроста*); да сверхъ того замѣна высокыхъ церковно-славянскихъ словъ простыми русскими не была во вкусѣ русскихъ книжниковъ стараго времени; мы обыкновенно наблюдаемъ замѣну простыхъ словъ высокими.

²⁾ Формы 3-го лица ед. ч. аориста въ родѣ *бы, я, взя, нача* (не обычныя церк.-слав. *бистъ, мѣтъ, взятъ, начатъ*), употребленныя сколько-нибудь послѣдовательно, по нашему мнѣнію, указываютъ на русское происхожденіе перевода. То же можно сказать о причастіяхъ на *тъ*: *битъ, мытъ, крытъ* (при церк.-слав. *биенъ, мьвенъ, крѣвенъ*).

встрѣчается лишь въ значеніи — ожерелье и не встрѣчается въ значеніи — монетной или вѣсовой единицы; или *вѣрста* въ нихъ встрѣчается лишь въ значеніи — возрастъ и не встрѣчается въ значеніи мѣры разстоянія.

2) Слова, заимствованныя русскимъ языкомъ изъ другихъ языковъ, между прочимъ изъ греческаго, съ самыми разнообразными значеніями, въ родѣ *тіунъ*, *шелкъ*, *плугъ*, *жемчугъ*, *уксусъ*, *грамота*, *корста* (ящикъ, гробъ), *пзря* (парусъ), *обезьяна*¹⁾, Подобныя слова или совсѣмъ неизвѣстны въ церковно-славянскихъ текстахъ южно-славянскаго происхожденія, или извѣстны въ другихъ значеніяхъ (такъ, *грамота* въ значеніи буква, а не въ значеніи — письмо, документъ).

3) Названія городовъ, народовъ и т. п., хорошо извѣстныхъ русскимъ и неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ южнымъ славянамъ, названія отличныя отъ названій употреблявшихся греками, въ родѣ *Корчева*, *Сурожъ*, *Судъ* = τὸ Στερόν, *мурманинъ*, *обезъ* (грузинъ).

Кромѣ словъ, принадлежащихъ къ этимъ тремъ группамъ и имѣющимъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о мѣстѣ перевода, не лишены важности многія другія слова и выраженія, которыя или совсѣмъ не встрѣчаются въ церковно-славянскихъ текстахъ южно-славянскаго происхожденія, или встрѣчаются рѣдко²⁾, и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ находятся въ памятникахъ несомнѣнно русскаго происхожденія или въ живыхъ русскихъ говорахъ, т.-е. слова и выраженія въ родѣ *хвостъ*, *шишка*, *пирогъ*, *коверъ*, *думати* (совѣтоваться), *охабитися кого* (оставить кого), *въ то чина* (въ то время), *оба полы* (по обѣ стороны) и т. п.

Если мы обратимъ вниманіе на подобныя словарныя данныя, то мы будемъ въ правѣ признать за переведенныя въ древней Руси слѣдующія произведенія.

1) *Житіе Андрея Юродиваго*³⁾, дошедшее между прочимъ въ спискѣ XIV—XV вѣка (Типографской Библіотеки, № 378), многочисленныя отрывки котораго находятся во всѣхъ русскихъ спискахъ Пролога XIII и XIV вѣковъ. Въ языкѣ его находятся слова: 1) *староста* (старшина); 2) *скава* (вѣсы), *мыскаръ* (лопата; срв. Начальную лѣтопись), *керста* (ящикъ), *жемчугъ*, *батогаъ*, *грамота* (письмо); 3) *кюка* (хитрость; срв. Слово о полку Игоревѣ), *близокъ* (родственникъ; срв. запись Остромирова евангелія),

1) Сравни церковно-славянскія *свила*, *рало*, *бисуръ*, *оцтъ*, *опица*.

2) Къ этимъ словамъ должно присоединить и тѣ немногія слова, которыхъ значенія въ несомнѣнно русскихъ текстахъ съ одной стороны и въ церковно-славянскихъ южно-славянскаго происхожденія съ другой различны: *село* (въ древне-русскомъ языкѣ въ значеніи — селеніе, въ церковно-славянскомъ — поле), *ство* (въ древне-русскомъ языкѣ въ значеніи сухая трава, въ церковно-славянскомъ въ значеніи трава вообще), *скотъ* (въ древне-русскомъ языкѣ въ значеніи не только скотъ, но и деньги, въ церковно-славянскомъ лишь въ значеніи скотъ, животное), *лаяти* (въ древне-русскомъ въ значеніи брехать (о собакѣ), бранить, въ церковно-славянскомъ въ значеніи подстергать), *страдати* (въ древне-русскомъ въ значеніи не только страдать, но и работать, въ церковно-славянскомъ въ значеніи только страдать), *пискати* (въ древне-русскомъ въ значеніи пищать, въ церковно-славянскомъ въ значеніи играть на музыкальномъ инструментѣ) и т. п.

3) Отрывки изъ этого житія — въ началѣ Киевской лѣтописи по Ипатскому списку (стр. 189, 195). Все житіе издано въ Четыхъ Минеяхъ митрополита Макарія, подъ 2-мъ октябрю. Мы пользуемся этимъ изданіемъ. Кромѣ этого перевода, у насъ широко распространеннаго, существуетъ другой, южно-славянскаго происхожденія, находящійся въ южно-славянскихъ и молдавскихъ спискахъ („избраніе мало“ отъ житія Андрея въ этомъ переводѣ — при средне-болгарскомъ хронографѣ Манассіи 1345 года).

видокъ (свидѣтель; срв. Русскую Правду), *тяжа*, *коверъ* (срв. Начальную лѣтопись), *хвостъ*, *голка* (шумъ; срв. Житіе Бориса и Глѣба), *лагодити* (быть пристрастнымъ; срв. Поученіе Мономаха), *охабитися кого* (срв. Начальную лѣтопись), *зобати* (ѣсть; срв. Русскую Правду), *возникъ* (кучеръ), *горшекъ*, *горшечекъ*, *грунь*, *груница* (бѣгъ; срв. Лѣтописецъ Переяславскій: на грунахъ 89), *кюдити* (говорить), *комара*, *лавица* (лавка), *ладенъ* (равенъ), *мошница* (кошелекъ), *мясникъ*, *налъзу* (найду), *ульзу* (уйду), *насочити* (найти), *пожаръ*, *позоровати* (смотрѣть; срв. Начальную лѣтопись), *рукавъ*, *синець* (эѳіопъ), *скрипати* (скрипѣть), *трепастокъ* (обезьяна), *тѣснутися* (стараться), *тулитися*, *улица*, *уранитися* (рано встать), *оба полы*, *дивіе* и *удобѣ* и *легко* (хорошо; срв. Слово Даніила Заточника) и друг. (очень много¹⁾).

Формы 3-го лица ед. ч. аориста (по списку макаръевскихъ Миней) почти всегда безъ *тъ*, *тъ*: *бы*, *нача*, *въз*, *зап* и т. п.

Южно-славянизмы (?) *гольмо*, формы 3-го лица двойств. ч. видѣсте, дрѣжасте.

2) *Пандекты Никона Черногорца*, дошедшія между прочимъ въ спискѣ XII—XIII в. и въ спискѣ 1296 года. Въ нихъ слова: 1) *посадникъ*, *верста* (мѣра разстоянія), *ривна* (мѣра вѣса), *ръзана*, *въверица*, *въкша* (монеты); 2) *жъньчюгъ*, *грамота*, *капу-ста*, *ларъ*, *шелкъ*, *дешевъ*; 3) *крьнути* (купить), *лагодити*, *медуша*, *объдати*, *отарица* (срв. Русскую Правду), *наволока*, *ръзъ* (процентъ), *бридокъ*, *доспѣти* (сдѣлать), *лаяти* (бранить), *хорошавъ* (величавъ), *щюпати*, *укропъ възизжъный*, въ вѣсѣ въ *полъ полу ривны*²⁾

3) *Уставъ монастырскій Студійскій*, дошедшій между прочимъ въ спискѣ XII вѣка (Синодальной библіотеки № 330), отрывки котораго находятся въ Кормчей около 1282 года и въ Требникѣ XIV вѣка (Общества Древней Письменности)³⁾. Въ немъ слова: 1) *кожухъ*; 2) *капуста*, *лоханъ*, *уксусъ*, *наполма* (срв. Слово о полку Игоревѣ), *сума*, *орницъ* (названіе ткани; срв. Кіевскую лѣтопись); 3) *рядъ* (договоръ), *урокъ* (порція; срв. Русскую Правду), *зобъ* (кормъ), *людинъ* (простолюдинъ), *коверъ*, *прибоженокъ*, *вариво*, *вежа*, *волога* (жиръ), *клии* (клей), *комара*, *муха*, *пирогъ*, *польно*, *ривифъ праженъ*, *рыба просолена*, *сьно* (сѣно), *тябло*, *чашка*, *шило*, *оба полы*.

Южно-славянизмъ: *чиститель* (священникъ)⁴⁾.

4) *Христіанская Топографія* Козмы Индикоплова, дошедшая въ спискахъ не ранѣе

1) Смори еще у *Срезневскаго*, Свѣдѣнія и Замѣтки, № LXXXVII.

2) Еще у *Срезневскаго*, Свѣдѣнія и Замѣтки, № LV, и въ „Описаніи рукописей Синодальной библіотеки“, II, 3, 23.

3) Этотъ требникъ изданъ Обществомъ древней письменности (фототипически).

4) Уставъ Студійскій въ своей окончательной редакціи принадлежитъ патріарху Алексію (1025 — 1043 г.). „Опис. рук. Син. б.“ III, 248. Относительно этого Устава мы читаемъ въ начальной лѣтописи подъ 1051 годомъ: *Ѳеодосій „нача искати правила чернеческаго, и обрѣтесе тогда Михаилъ чернецъ монастыря Студійскаго, иже бѣ пришелъ изъ грекъ съ митрополитомъ Георгиемъ. И нача у него искати устава чернеца студійскихъ, и обрѣтъ у него и списа“*... Житіе Ѳеодосія рассказываетъ, что этотъ святой послалъ одного изъ братіи въ Царьградъ къ проживавшему тамъ печерскому постриженнику *Ефрему* эвнуху, „да весь уставъ Студійскаго монастыря исписавъ (= переведя), пришетъ ему“, что тотъ и сдѣлалъ. И такъ переводъ устава на церковно-славянскій языкъ былъ сдѣланъ *Ефремомъ* эвнухомъ, вѣроятно, грекомъ по происхожденію, бывшимъ потомъ на Русь митрополитомъ. О немъ у *Макарія*, *Исторія русской церкви*, II, 55, 57, 61.

XVI вѣка, отрывки которой находятся въ Кормчей около 1282 года¹). Въ ней слова: 1) *верста* (мѣра разстоянія), *насадъ*; 2) *жемчугъ*, *лохань*, *плугъ*, *шатеръ*, *шишка*; 3) *хвостъ*, *розноличный* (срв. Начальную лѣтопись), *валъ* (въ морѣ), *гребецъ*, *дикій*, *комара*, *ладенъ* (равенъ), *попона*, *приладитися* (приравняться), *пучина* (море), *руда* золотая, *рубль* (кусокъ металла), *сырая* кожа, *тоземець* (туземець; срв. Ипатскій списокъ лѣтописи 578), *научитися* *грамотъ*.

5) *Исторія іудейской войны* Іосифа Флавія (семь „словъ“), дошедшая въ спискахъ не ранѣе XV вѣка, которыхъ языкъ сохранилъ немало архаизмовъ²). Въ немъ слова: 1) *верста* (мѣра разстоянія); 2) *керстица* (ящикъ), *пря* (парусъ; срв. Начальную лѣтопись); 3) *сватъба* (соглашеніе; срв. ту же лѣтопись), *вшанинъ* (житель деревни срв. Кіевскую лѣтопись), *наймитъ* (срв. Русскую Правду), *розноличный*, *думати*, *охабитися*, *потяти* (убить), *страдати* (работать), *дѣтинецъ* (зѣмокъ), *кашель*, *комара*, *костеръ*, *ладно* (согласно), *лаяти* (бранить), *острогъ*, *плотникъ*, *порочникъ* (метатель камней), *пъшець*, *раскатораніе*, *тулитися*, *тѣснутися*, *щепка*, *заведе ротъ* (привель къ присягѣ³).

Греческія слова съ нѣкоторыми особенностями поздняго греческаго произношенія Олумбъ, Тандалъ.

6) *Александрія Плевдо-Калисѳена*, дошедшая въ списокѣ XV вѣка, съ особенностями древняго перевода⁴) и въ рядѣ списковъ позднѣйшихъ (въ Хронографѣ). Въ ней слова: 1) *староста*, *верста* (мѣра разстоянія), *гривна* (мѣра вѣса); 2) *жемчугъ*, *керстица*, *пря* (парусъ), *шатеръ*, *грамота* (письмо); 3) *быстръ*, *вшанинъ* (житель деревни), *голка*, *дыня*, *зобати*, *клюкавъ*, *конохъ*, *кормилецъ*, *клюдити* (говорить), *лаяти* (о собакѣ), *лагодити*, *мачъ* (мячикъ), *позоровати*, *пучина* (море), *пуще* (хуже), *пъшець*, *свадъба*, *солъ* (посоль), *стопа* (чара), *скотъ* (деньги), *посумити*, *трепастокъ*, *товаръ*, *охабитися*, *хвостъ*. Южно-славянизмъ (?): форма 3-го л. дв. ч. обѣ странъ възвасте.

7) *Чудеса св. Николая Чудотворца*, дошедшія всѣ вмѣстѣ въ списокѣ XIV вѣка (Троицкой Лавры № 9)⁵), а частями въ спискахъ XII вѣка (въ такъ называемомъ Златоструѣ Публичной библіотеки)⁶) и XIV вѣка (Хлудова)⁷). Въ нихъ слова: *пря* (парусъ), *бродити* въ морѣ (плавать), *господаръ*, *доволъ* (кошель), *коверъ*, *кыдати*, *сгъгритися*, *лаяти* (о собакѣ), *мъшекъ*, *позоровати*, *пропастъ*, *товаръ*, *ушьвъг* (шапка), *ночесь* (въ эту ночь), *обрати* корабль на *нице* (срв. Слово о полку Игоревѣ), *бѣжащимъ* гостемъ по морю понетьскому.

Формы 3-го лица аориста обыкновенно безъ *тѣ*, *тѣ*: *бы*, *изя*, *поя*.

¹) Издана по списку XVI вѣка Обществомъ древней письменности. Мы пользуемся этимъ изданіемъ. Объ этомъ произведеніи смотри у Срезневскаго, Свѣдѣнія и Замѣтки, № XI.

²) Древнѣйшій списокъ съ годомъ — 1468 года — внесенъ въ Макарьевскія Минеи. — Мы пользуемся Кирилло-Бѣлозерскимъ спискомъ № 64—1303.

³) Еще у Срезневскаго, Свѣдѣнія и Замѣтки, № LXXXIV.

⁴) Издана по этому списку В. М. Истринымъ. Мы пользуемся этимъ изданіемъ.

⁵) Изданы по этому списку архим. Леонидомъ въ „Памятникахъ“ Общества древней письменности.

⁶) Два чуда изданы отсюда Срезневскимъ въ Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ, № XXXII.

⁷) Извлеченія изъ этого списка у Андрея Попова въ его описаніи Хлудовскихъ рукописей. Одно чудо, съ патріархомъ Феостирикомъ, по позднимъ спискамъ издано Х. М. Лопаревымъ въ „Памятникахъ“ Общества древней письменности.

Южно-славянизмы: *хусити* (грабить), *хусарь* (пиратъ), *войска* (женск. рода).

По списку Златоструя: *разбиямъ* (повелит. накл.), *отъ пазуху матеру*, *узъру* (1-е л. ед.), *вечеру* (вин. ед.), *князу* (дат.)¹⁾

8) *Сказаніе о перенесеніи мощей Николая Чудотворца въ Баръ*, дошедшее между прочимъ въ спискѣ XIV—XV вѣка²⁾. Въ немъ слова: *градъ мурманьскъ* нѣмцескыя области, *венедици* (венеціанцы; срв. Слово о полку Игоревѣ), *лименъ* (пристань).

9) *Житіе св. Стефана Сурожскаго*, дошедшее въ позднихъ спискахъ, съ интерполяціей изъ житія св. Іоанна Златоустаго, Георгія Александрійскаго³⁾. Въ немъ слова: *жемчюгъ*, *Керчева* (Керчь), *Сурожъ*, *горшекъ*, *думу думати*, *кисть*, *раскъпяти* (срв. Слово о полку Игоревѣ), *реть* (срв. Начальную лѣтопись), *хвостъ*.

10) Апокрифическое *Житіе Моисея* (или *Исходъ Моисеевъ*), дошедшее въ позднихъ спискахъ⁴⁾. Въ немъ слова: *верста* (мѣра разстоянія), *скалва* (*скалы?* вѣсы), *плугъ*, *шатеръ*, *думца* (срв. Слово Данила Заточника), *омутъ*, *плотъ* (на рѣкѣ), *охабитися*, *пѣстовати*, *синець*, *сочити* (искать), *стеркъ* (анстъ), *уранити* (рано встать), *въбрѣде* въ воду, *царь перея славу ихъ* (срв. Начальную лѣтопись), *достъша* полату, *оми* и до вечера.

Формы 3-го лица аориста: *поя*, *взя* и т. п.

11) Апокрифическіе *разказы о Соломонѣ* (Соломонъ и Китоврасъ, Суды Соломона), дошедшіе въ спискахъ не ранѣе второй половины XV вѣка⁵⁾. Въ нихъ слова: *тіунъ*, *верста* (мѣра разстоянія), *грамота*, *ворожити*, *ожиритися* (разбогатѣть), *жоковина* (перстень), *загадка*, *вскрутитися* (одѣться), *розквелити* (огорчить), *нелюбіе* (срв. Слово о полку Игоревѣ), *отрубанный*, *паробокъ*, *пискати* (пищать), *осочити* (найти), *чересъ* (кошелекъ), *играти свадьбу*, *пустити кровь*, *косити сѣно*, *дѣлити на полы*.

Форма причастія: *выпитъ*.

¹⁾ Повидимому, Чудеса первоначально состояли изъ двухъ группъ, смѣшанныхъ въ троицкомъ спискѣ, менѣе апокрифической (она почти вся находится въ Прологѣ) и болѣе апокрифической (находящейся въ Румянцевскомъ сборникѣ № 181) и каждая группа была переведена особо. Переводчикъ одной группы былъ современникомъ чуда 6-го (по троицкому) списку о коврѣ, случившагося въ Константинополѣ, при патриархѣ Михаилѣ (1043—1059 гг.); онъ въ свой разказъ о немъ вставилъ слова: „чудо сѣворяшееся тогда при моей худости въ Царѣградѣ“. Онъ же составилъ чудо 7-ое (по троицкому списку), въ концѣ котораго мы читаемъ: „азъ грѣшный и недостойный имени своего писанию предати написахъ чудо (одно!)... Николы...“ Русскія Чудеса св. Николая, судя по находящемуся въ нихъ особому введенію, написаны независимо отъ обѣихъ группъ греческихъ Чудесъ и лишь съ теченіемъ времени были присоединены къ переводу послѣднихъ. Архим. Леонидъ думаетъ, что переводчикомъ всѣхъ Чудесъ былъ митрополитъ Ефремъ (переводчикъ Устава Студійскаго).

Группа менѣе апокрифическая (изъ нея чудеса въ Златоструѣ XII вѣка), можетъ-быть, переведена у южныхъ славянъ и лишь исправлена въ Россіи.

²⁾ Издано И. А. Шляпкинымъ въ „Памятникахъ“ Общества древней письменности. Сказаніе обыкновенно считается оригинальнымъ русскимъ сочиненіемъ, но напрасно: подробность, что турки воевали „объ онъ полъ моря“, отъ Корсуня поля до Антиохіи, ясно показываетъ, что авторъ жилъ въ Константинополѣ. Переводчикъ вставилъ въ текстъ Сказанія русскую дату перенесенія мощей: въ княженіе Всеволода въ Кіевѣ и Владимира (Мономаха) въ Черниговѣ, въ 1087 году.

³⁾ Издано В. Г. Васильевскимъ „Русско-византійскія изслѣдованія“, II. Мы, конечно, цѣлуемся данными лишь самаго Житія (по изданію В. Г. Васильевскаго), оставляя въ сторонѣ интерполяцію.

⁴⁾ Издано Н. С. Тихонравовымъ въ „Памятникахъ отреченной русской литературы“ и въ Четвѣхъ Минеяхъ Макарія подъ 4 сент. Мы пользуемся изданіемъ Тихонравова.

⁵⁾ Изданы Тихонравовымъ въ тѣхъ же „Памятникахъ“. Мы пользуемся этимъ изданіемъ.

12) Апокрифическое *Житіе Макарія Римлянина*, дошедшее между прочимъ въ Паисіевомъ сборникѣ XIV—XV вѣка¹⁾. Въ немъ слова: *гладити*, *грозитися*, *комара*, *распрятати* (оправить), *трепастокъ*, *чреда* (стадо), *хоботъ* (о змѣѣ).

Форма 3-го лица аориста: *бы*.

13) *Повѣсть объ Акирѣ*, дошедшая въ списокѣ XV вѣка (Московского Общества исторіи и древностей росс.)²⁾. Въ ней слова: *тивунъ*, *скотъ* (деньги), *кнутъ*, *грамота* (письмо), *задница* (наслѣдство), *опъшати* (сдѣлаться пѣшимъ), *посунитися*, *прѣсный медь*, *синець* (эеіопъ), *умотчати* (замедлить), *научити грамотъ*.

Форма 3-го лица аориста: *бы*.

14) *Физиологъ* второй славянской редакціи, дошедшій въ списокѣ XVI вѣка (Царскаго = Уварова)³⁾. Въ немъ слова: *вдодъ*, *дятелъ*, *осочити*, *птаха*, *хвостъ*.

Южно-славянизмы (?): формы 3 л. дв. ч. *возопіете* оба на десяте (слона), *ослепнете* очи.

15) *Посланіе Петра Антиохійскаго* объ опрѣснокахъ, дошедшее въ списокѣ XIV—XV вѣка⁴⁾. Въ немъ слова: *ладенъ* (согласенъ), *охабитися*, *тѣснутися*.

Форма 3-го лица аориста: *бы*.

Сверхъ этихъ произведеній, должны быть признаны за переведенныя въ до-монгольской Руси также: *Житіе Варлаама и Иоасафа* (дошедшее въ Погодинскомъ списокѣ XVI в., № 765)⁵⁾, *Чудо св. Иоанна Богослова съ цусаремъ* (находящееся въ Прологахъ XIV—XV вѣковъ), *Чудо св. Димитрія Солунскаго съ двумя дѣвицами* (находящееся въ Прологахъ XIV—XV вѣковъ)⁶⁾, *Чудо св. Георгія съ бомариномъ*⁷⁾, *Толкъ священническаго чина, св. Василія* (дошедшій въ Кормчей около 1282 года)⁸⁾.

Переводы, сдѣланные у южныхъ славянъ, часто были столь буквальны, что трудно было ихъ понимать. Нѣкоторые изъ такихъ переводовъ, попавъ въ руки русскихъ книжниковъ до-монгольской эпохи, были свѣрены ими съ греческими оригиналами и болѣе или менѣе значительно исправлены. При этомъ, конечно, были сохранены разныя особенности южно-славянскихъ текстовъ, между прочимъ такія, которыя не могли быть внесены русскими переводчиками (напримѣръ, *ъ* въ *всѣкъ*), и рядомъ съ ними поставлены слова, составляющія отличительный признакъ русскихъ переводовъ. Подобные южно-славянскіе переводы, если исправленіе ихъ русскими книжни-

¹⁾ Издано Тихонравовымъ въ тѣхъ же „Памятникахъ“. Мы пользуемся этимъ изданіемъ. Былъ еще южно-славянскій переводъ этого житія, отрывокъ котораго находится въ русскомъ сборникѣ Московскаго Публичнаго Музея № 1548, XIV в.

²⁾ Отрывки изданы Ѡ. И. Буслаевымъ въ „Исторической Христоматіи“. Мы знакомы съ этимъ спискомъ XV вѣка лишь по этому изданію. Тексты повѣсти въ позднихъ спискахъ русскихъ и сербскихъ по видимому восходятъ къ древне-русскому переводу, сохранившемуся въ списокѣ XV вѣка.

³⁾ Изданъ Корнѣевымъ: „Физиологъ“.

⁴⁾ Издано Андреемъ Поповымъ, „Полемическія сочиненія противъ латинянъ“. Мы пользуемся этимъ изданіемъ. Былъ еще южно-славянскій переводъ этого произведенія, дошедшій, между прочимъ, въ сербскихъ спискахъ.

⁵⁾ Отдѣльныя повѣсти (въ сокращеніи) этого перевода въ Прологахъ XIII—XIV вѣковъ. Былъ еще южно-славянскій переводъ, дошедшій въ сербскихъ и русскихъ спискахъ (изданный Новаковичемъ).

⁶⁾ Изслѣдованное А. И. Курпичниковымъ въ *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1890 года, № 4.

⁷⁾ Издано Х. М. Лопаревымъ въ „Памятникахъ“ Общества древней письменности.

⁸⁾ Изданъ Н. Ѡ. Красносельцевымъ: „О древнихъ литургическихъ толкованіяхъ“.

ками было значительно, почти не отличаются отъ собственно-русскихъ переводовъ и о нѣкоторыхъ текстахъ трудно высказаться рѣшительно. Къ нимъ принадлежатъ:

1) *Толкованіе Никиты Ираклійскаго* на слова Григорія Богослова, дошедшее въ нѣсколькихъ полныхъ спискахъ XIV вѣка (между прочимъ Синодальной Библиотеки, № 954¹). Въ немъ слова: *лимень* (пристань), *лохань*, *пзря* (парусъ) *обезьяна*, *сабля*, *телта*, *шишка*, *грамота* (письмо), *волотъ*, *юбино*, *закупъ* (срв. Русскую Правду), *кузнецъ*, *кръсити*, *ладенъ* (равенъ), *мгота*, *морянинъ* (мореходъ), *огородникъ*, *погоничъ* (погонщикъ), *поручитися*, *потъснутися*, *пороча* (праца), *сватъба*, *стягъ* (знамя), *улица*²).

Формы 3 лица аориста: *бы* и причастія: *скрытъ*.

Южно-славянизмы: источникъ воды учащую пламень 37 об., *ръснота*, *чстительство* (священство).

2) *Пчела*, дошедшая между прочимъ въ спискахъ XIV вѣка (Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ) и начала XV вѣка (Публичной библиотеки³). Въ ней слова: *тйунъ*, *капъ* (мѣра вѣса), *грамота* (письмо), *лимень*, *ларь*, *тавлеи*, *нъмецъ* (= βάρβαρος), *близокъ*, *бридкій*, *юлка*, *удецъ*, *думати*, *думца*, *желудокъ*, *клякати* (обманывать), *кручина*, *лаяти* (бранить), *коюхъ*, *лагодный*, *отруби*, *испортити* (потерять; срв. Мстиславову грамоту 1130 года), *пучина* (море), *пуще* (хуже), *разноличный*, *ръшето*, *ръзъ*, *солъ*, *сольба*, *свадебный*, *своакъ*, *трепастокъ*, *тъснутися*, *урокъ* (порція), *урядити имънье*, *ладити гусли*, *изъ оконецъ выничюще*⁴).

Формы 3 лица аориста: *отда*, *прия*, *потя* и др.

Южно-славянизмы: *бихъ* (сослаг. накл., въ спискѣ Публичной библиотеки), *тающесе* (въ спискѣ архивскомъ; л. 20 об.), *благодѣть*.

Нѣкоторыя греческія слова переведены двумя славянскими: *рабомъ* и *слугамъ* (*οἰχέτας*), *кормильцю* и *учителю* (*παιδαγωγῶν*), *гласъ тростыный* и *терновый* (*φωνὴ ἀκανθῶν*), что могло произойти лишь при исправленіи по греческому тексту готоваго перевода⁵).

3) *Житіе Теодора Студита*, дошедшее между прочимъ въ Выголексинскомъ сборникѣ XII—XIII вѣка (Румянцевскаго Музея). Въ немъ слова: *кърчевьскъ* (керченскій), *грамота*, *грамотица* (письмо), *гълка*, *комара*, *лугъ* (поле), *мустьа*, *ножикъ*, *объдати*, *тъснутися*, *въ то чина* (тогда), *на столъ съде*.

Южно-славянизмы: *всъку* *недѣлю*, *котерый* (который).

Поздній грецизмъ: *Олумбъ*.

4) *Сказаніе о созданіи храма св. Софїи въ Царьградѣ*, дошедшее въ спискахъ

¹) Имъ мы пользуемся. Отрывки Толкованія находятся въ Сборникѣ XIII вѣка (Публичной Библ. Q. 18). *Никольскій*, О литературныхъ трудахъ м—та Климента, стр. 24 сл.

²) Еще въ „Описаніи рукописей Моск. Синодальной Библиотеки“, II, 2, 85. Слова Григорія Богослова, находящіяся при Толкованіи, также въ южно-славянскомъ, но исправленномъ въ Россіи переводѣ.

³) По послѣднему издаю *В. А. Семеновымъ*. Мы пользуемся этимъ изданіемъ.

⁴) Еще въ „Описаніи рукописей Синод. библ.“, II, 3, 540 (по Синодальному списку).

⁵) Двойной переводъ греческихъ словъ отмѣченъ и въ словахъ Григорія Богослова въ исправленномъ въ Россіи текстѣ, имѣющемъ при себѣ толкованія Никиты Ираклійскаго: *ужичнымъ* и *сроднымъ* (*ὄψο τοῦ συγγενοῦς*), *гиганты исполнины шуды* (*τοὺς γίγαντας*). „Описаніе рукописей Синод. библ.“, II, 2, 85.

не ранѣ XV вѣка¹⁾. Въ немъ слова: *женьчугъ* (рядомъ съ *бисеръ*), *мусея*, *мастеръ*, *наймитъ*, *комара*, *корыто*, *пъдокъ*.

Форма 3 л. аориста *нача*.

Южно-славянизмы: *вещь* (матеріаль), *чиститель* (священникъ), *прудъ* (свинець).

Сверхъ того, можно относить къ числу исправленныхъ въ Россіи до-монгольской эпохи южно-славянскихъ переводовъ также переводы: *хронографа Георгія Амартола* (такъ называемой „Криницы“²⁾), *житія св. Іоанна Златоуста*, Георгія Александрійскаго, изреченій *Менандра*³⁾, а равно переводы *евангельскаго* и *апостольскаго* текстовъ (о которыхъ смотри изслѣдованія *Г. А. Воскресенскаго*).

Мы отмѣтили лишь немногое изъ того, что было переведено или исправлено въ до-монгольской Руси. Дальнѣйшее изслѣдованіе словарнаго матеріала древне-русскихъ списковъ церковно-славянскихъ текстовъ, безъ сомнѣнія, дастъ болѣе цѣнные результаты, чѣмъ тѣ, къ которымъ мы пришли.

¹⁾ По Уваровскому списку XV вѣка издано архим. *Леонидомъ* въ „Памятникахъ“ Общества древней письменности, по списку XVI вѣка — *Тихомировымъ* въ его „Лѣтописяхъ“.

²⁾ Словарныя данныя у *Срезневскаго*, Свѣдѣнія и Замѣтки, № IV. — Церковно-славянскій текстъ Амартола былъ, какъ извѣстно, въ рукахъ автора Начальной лѣтописи. Южно-славянскій текстъ хронографа представляетъ переводъ греческаго текста другой редакціи, совершенно отличной отъ редакціи „Криницы“.

³⁾ Сербскій текстъ, изданный *Яичемъ* въ „Споменик'ѣ“ Бѣлградской Академіи наукъ, — восходитъ къ русскому списку.

Что такое древнее западно-русское нарѣчіе.

Е. О. Карскій.

Если когда-либо, то особенно на археологическомъ съѣздѣ въ городѣ Вильнѣ умѣстно заняться разсмотрѣніемъ судьбы того языка, который въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій былъ органомъ умственной, нравственной и политической жизни народа въ великомъ княжествѣ литовскомъ; это разсмотрѣніе особенно умѣстно теперь, такъ какъ здѣсь собрана масса вещественныхъ данныхъ этого языка, а въ наукѣ подготовлено немало интересныхъ матеріаловъ, освѣщающихъ разныя его стороны. Еще нѣкоторые постороннія побужденія заставляютъ заняться даннымъ вопросомъ: это — тѣ разнорѣчивыя мнѣнія, которыя нерѣдко приходится слышать и читать объ этомъ языкѣ.

Въ старыхъ памятникахъ это нарѣчіе обыкновенно называется „языкомъ русскимъ“; такъ, въ статутѣ 1588 года имѣется постановленіе, чтобы писарь земскій писалъ всѣ выписы и позвы русскимъ, а не другимъ языкомъ, при чемъ въ статутѣ этотъ языкъ характеризуется только „рускими литерами и словы“. Извѣстный переводчикъ библіи на западно-русское нарѣчіе, докторъ Францискъ Скорина, языкъ своихъ изданій называетъ русскимъ, противопоставляя ему языкъ словенскій. Свой переводъ св. Писанія называетъ „библія руска“, перевелъ онъ „всю библію рускаго языка“, о книгахъ переведенныхъ говоритъ: „мною на рускій языкъ выложенныхъ“. Подобнымъ же образомъ называютъ западно-русское нарѣчіе и другіе старинные писатели. Переводчикъ евангелія на западно-русское нарѣчіе 1570 г. Василій Тяпинскій западно-русскаго народъ и его языкъ называетъ „зацнымъ рускимъ“. Издатель Учительнаго Евангелія 1569 г. Григорій Александровичъ Ходкевичъ говоритъ: „Помыслилъ былъ есми, иже бы сію книгу, вырозумѣнія ради простыхъ людей, преложити на простую молву“. Въ одномъ изъ слѣдующихъ его изданій въ предисловіи прибавлено: „зась пре незнаемость и неумѣтность языка словенского многихъ... знову преложеньемъ его на языкъ нашъ простой рускій якобы змертвыхъ вскрешонъ“.

Съ другой стороны западно-русскаго писатели иногда называютъ его также литовскимъ. Такъ, Лаврентій Зизаній слово „катехизисъ“ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „по-литовски оглашеніе“; или Памва Берында въ своемъ словарѣ (1653 г.) говоритъ: „пѣтель: чesки и руски. Когутъ. Волински пѣвень. Литовски пегухъ“

(Приводимъ по книгѣ П. В. Владимірова: Докторъ Фр. Скорина, стр. XII). Вслѣдствіе этого обстоятельства и многіе русскіе изслѣдователи начала нынѣшняго столѣтія и нѣкоторые изъ позднѣйшихъ, имѣя въ виду противопоставить этотъ языкъ литературному, иногда называютъ его литовско-русскимъ языкомъ. Такое имя даютъ ему, напр., Кеппенъ, архіепископъ Филаретъ, Сахаровъ, Каратаевъ.

Есть даже изслѣдователи, которые, видя въ западно-русскомъ нарѣчій присутствіе элементовъ польскаго языка, называютъ его русско-польскимъ языкомъ, а самыя крайніе изъ нихъ — даже нарѣчіемъ польскаго языка. Такъ, Штриттеръ, разсматривая языкъ Скорины, говоритъ: „сей переводъ російской библіи нѣсколько подходитъ къ польскому языку“. (Владиміровъ: Докторъ Францискъ Скорина, стр. III). Его мысль раздѣлялъ и Гречъ. А этого послѣдняго повторилъ Линде, нѣсколько даже сильнѣе, выражаясь слѣдующимъ образомъ о западно-русскомъ языкѣ: „tak bardzo do polszczyzny zbliżony dyalekt“ (Владим. ib. X). Въ другомъ мѣстѣ (O statucie litewskim, ruskim jezykiem i drukiem wydanym wiadomość, przez M. Samuela Bogumila Linde. W Warszawie. 1816) тотъ же Линде доказываетъ, что западно-русское нарѣчіе ближе къ польскому, нежели къ русскому языку. Разсматривая лексическій составъ статута, онъ въ основу кладетъ польскій языкъ и русскія слова отмѣчаетъ лишь какъ заносныя. Такъ (на 17-й страницѣ) онъ говоритъ: „ieszcze tu nie jest koniec wszystkim słowom niepolskim, znajdującym się w Ruskim Statucie Litewskim“. За Линде послѣдовали другіе польскіе писатели, которые даже западно-русскую литературу отнесли къ польской; такъ поступилъ, напр., Вишневскій (Historya literatury polskiej. Kraków. 1851. VIII), разсматривая въ исторіи польской литературы произведенія Скорины и въ языкѣ ихъ находя особую близость къ польскому. Нѣкоторые польскіе писатели: Ярошевичъ (Obraz Litwy, t. II. 133), Нарбутъ (Histor. Nar. Litowskiego, t. III, 262—263), Рогальскій (Wielka Encyklop. t. XXIV, 25), Чечотъ (Piosnki wieśniacze znad Niemna i Dźwimy, niektóre przysłówia i idiotyzmy, w mowie Sławiano-krewickiej. Wilno. 1846) — находятъ очень удобнымъ западно-русское нарѣчіе называть кривичанскимъ или кривицкимъ.

Наконецъ, нѣкоторые ученые и писатели, какъ Бодянскій (Владиміровъ: Докторъ Франциска Скорина, стр. XII), Головацкій (ib. XVII) называютъ этотъ языкъ крайне искусственнымъ и поэтому даже не находятъ возможнымъ дать ему какое-либо названіе. „Имъ никто никогда не говорилъ и не говоритъ... (такъ какъ онъ представляеть) самую отвратительную смѣсь, какую только можно себѣ представить и какая когда-либо существовала на Руси“ (Бодянскій). То же говоритъ и Головацкій. Такъ, касаясь языка библіи Скорины, онъ пишетъ: „то языкъ ни бѣлорусскій, ни великорусскій, ни малорусскій, а языкъ книжный искусственный, якимъ никто никогда не говорилъ и не говоритъ“ (ib. XVII). Впрочемъ, относительно языка грамотъ Головацкій выражается иначе: „языкъ грамотъ (XVI в.) чистый русскій, безъ малѣйшаго вліянія польскаго языка, который въ то время еще не употреблялся въ письменности“ (Труды VI археологическаго съѣзда, стр. 424). Въ послѣднее время за крайнюю искусственность этого языка высказался Первольфъ (Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи, т. III, ч. II, въ разныхъ мѣстахъ). Наконецъ, вслѣдствіе пре-

обладанія въ этомъ нарѣчїи особенностей теперешнихъ бѣлорусскихъ говоровъ многіе ученые изслѣдователи называютъ его бѣлорусскимъ, какъ напр. Буслаевъ, Огоновскій, Житецкій, Соболевскій, Недешевъ, Владимировъ. Мы тоже склонны къ этому названію. Бѣлорусскимъ его называли отчасти и въ старину въ Москвѣ; такъ называетъ его и Крыжаничъ (Первольфъ: Славяне... т. III, ч. II, 161).

Прежде чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію указанныхъ мѣнѣй, ознакомимся сначала съ особенностями какъ стараго западно-русскаго нарѣчїя, такъ и современнаго бѣлорусскаго. Къ числу ихъ относятся:

1. Появленіе неслогового *у* (*ў*) на мѣстѣ *у* и *в*. Въ старинныхъ памятникахъ эта черта выражается въ смѣшеніи *у* и *в*. Это явленіе въ западно-русскихъ произведеніяхъ мы замѣчаемъ уже съ начала XIII вѣка, если только въ это время уже можетъ быть рѣчь о западно-русскихъ произведеніяхъ: въ договорѣ Смоленска съ Ригю 1229 г. читаемъ — *уздумаль, у Ризѣ* и т. п., въ Полоцкой грамотѣ около 1300 года: *у Полотеско* и т. д. Въ позднѣйшихъ западно-русскихъ произведеніяхъ явленіе *у* вмѣсто *в* и наоборотъ стало вполне обычнымъ дѣломъ. Значительно позже встрѣчаются случаи замѣны *л*, стоящаго въ закрытыхъ слогахъ или передъ согласными, посредствомъ того же неслогового *ў*: лишь съ конца XV вѣка (въ Западно Русской Четвѣ 1489 г. читаемъ: *невдовзѣ*, или въ грамотѣ 1497 г. [Археогр. Сборн. I, 3]: *Вовчкевичъ*) можно наблюсти это явленіе, и то спорадически. Но разсматриваемая нами примѣта западно-русскаго нарѣчїя также рано замѣчается и въ памятникахъ другихъ нарѣчїй русскаго языка, напр., новгородскихъ, галицко-волинскихъ.

2. Такою же чертою, замѣчаемою отчасти и въ другихъ старинныхъ памятникахъ, является твердое *р* вмѣсто основнаго мягкаго. Особенность эта въ западно-русскихъ памятникахъ наблюдается уже съ половины XIV вѣка, напр., въ грамотѣ 1340 г. короля Казимира читаемъ: *Дворьковичъ*, или въ грамотѣ 1395 г. (Акты изд. Виленской арх. комис. XIII, 4): *сентябра* и т. д. Но твердый *р* вмѣсто мягкаго изрѣдка встрѣчается и въ другихъ памятникахъ русскихъ (Соболевскій — Лекціи, * 122) и даже церковно-славянскихъ. Изъ позднѣйшихъ нарѣчїй русскаго языка, онъ однако утвердился только въ бѣлорусскомъ, гдѣ и распространился повсемѣстно, кромѣ самыхъ окраинныхъ, восточныхъ и южныхъ говоровъ.

3. Старому западно-русскому нарѣчїю свойственна была группа *жч* (вѣроятно искусственное написаніе *ждж*) въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ современныхъ великорусскихъ говорахъ находимъ *жж*, а въ церковно-славянскомъ *жд*: дъ*жч*внымъ Псалтирь 1262 г. (Соболевскій — Лекціи, * 39), разъ*жч*аль Грамота 1398 г. (Акты, изд. Вил. арх. ком., т. XI, 3) и т. д. Въ позднѣйшихъ памятникахъ такихъ примѣровъ масса. Но *жч* встрѣчается также и въ галицко-волинскихъ памятникахъ, самыхъ древнихъ — XII в. (Соболевскій — Лекціи, * 40); при томъ для характеристики современныхъ бѣлорусскихъ говоровъ эта черта не можетъ считаться выдающеюся, такъ какъ *ждж* хотя и свойственно имъ, но встрѣчается въ незначительномъ количествѣ случаевъ; кромѣ того, группа *ждж* принадлежитъ также малорусскому нарѣчїю и польскому языку.

4. Выдающаяся черта теперешняго бѣлорусскаго вокализма — *аканье*, принадлежащая ему вмѣстѣ съ южно-великорусскими говорами и доведенная въ немъ даже до крайнихъ предѣловъ, въ старинныхъ западно-русскихъ памятникахъ попадаетъ начиная лишь съ XIV вѣка, но и здѣсь достовѣрныхъ случаевъ встрѣчается вообще мало: Алкердь 1359 г. въ Смоленской грамотѣ, Анофрей 1399 г. въ Полоцкой грамотѣ; въ большемъ количествѣ примѣры аканья мы находимъ въ XV и особенно въ XVI вѣкѣ. Около этого же времени аканье появляется и въ южно-великорусскихъ говорахъ.

5. Вѣроятно раньше аканья бѣлорусское нарѣчіе развило проточный согласный $г = h$. Время появленія этого звука по памятникамъ точно опредѣлить довольно трудно въ виду отсутствія для него особаго знака. Очень можетъ быть, что малорусскому и бѣлорусскому нарѣчіямъ онъ свойственъ искони, но доказать это вѣскими соображеніями довольно трудно. Несомнѣнно однако, что въ эпоху выдѣленія существенныхъ особенностей стараго западно-русскаго нарѣчія онъ уже существовалъ. Это видно изъ того, что для звука противоположнаго — для $г = g$ — въ немъ было придумано даже особое начертаніе *ж*, которое по памятникамъ можно прослѣдить начиная съ XIV вѣка: Скирмайло 1387, буркмистру 1397 г. и др. (ср. наше сочиненіе: „Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. Варшава. 1893.“ стр. 232—233).

6. Непосредственно отъ глубокой старины удерживается въ бѣлорусскихъ говорахъ, старыхъ и новыхъ, переходное смягченіе гортанныхъ передъ $e = ѣ$ и отчасти передъ $e = e$ основному въ склоненіи и спряженіи. Эта черта бѣлорусскаго консонантизма принадлежитъ и малорусскому нарѣчію. Примѣры: оу сороце лѣтъ Житіе Алексѣя XV в., сѣмраце Скорина и т. д.

7. Такою же старинной особенностью является удержаніе слоговъ *ый* — *ій* при теперешнихъ великорусскихъ *ой* — *ей*: Сокрыи Скор., осмыи тамъ же, днии Познанская рук. XVI в. (Archiv für slav. Phil. IX) и т. д. Однако въ старинныхъ же западно-русскихъ памятникахъ не рѣдкость и слоги *ой* — *ей*, что отчасти въ нѣкоторыхъ случаяхъ наблюдается и теперь: жеребеи, Григорей, иней и др. у Скорины.

8. Одною изъ выдающихся примѣтъ бѣлорусскихъ говоровъ, роднящею ихъ съ малорусскимъ нарѣчіемъ, является удвоеніе согласнаго звука, если ему приходится стоять передъ *j*. По памятникамъ собственно западно-русскимъ, это явленіе можно прослѣдить начиная съ XV вѣка: Иллиничи изъ грамоты XV в., но въ копіи XVII вѣка; чѣмъ дальше, тѣмъ подобныхъ примѣровъ больше. Въ произведеніяхъ галицко-волинскихъ эта примѣта встрѣчается уже съ XIV в. (Соболевскій — Лекціи², 101).

9. Самая характерная черта теперешнихъ бѣлорусскихъ говоровъ, рѣзко выдѣляющая ихъ изъ среды другихъ нарѣчій русскаго языка — такъ называемое *дзеканье* и *цвяканье* — по памятникамъ можетъ быть прослѣжено лишь въ сравнительно позднее время: примѣры, встрѣчающіеся въ произведеніяхъ XV вѣка, легко могутъ быть объясняемы какъ полонизмы. Въ XVI вѣкѣ ихъ уже значительно больше, но вообще говоря, постановка *дз* и *ц* вмѣсто мягкихъ *д* и *т* дѣломъ обычнымъ не можетъ считаться. Причиной этого обстоятельства, несомнѣнно, служитъ стремленіе избѣгнуть необычныхъ начертаній *дз* и *ц*, составляющихъ особенность польскаго языка.

Въ XIV и XV вѣкахъ изрѣдка появляются и морфологическія особенности западно-русскихъ говоровъ; но онѣ, вообще говоря, мало характерны.

Вотъ въ общемъ главнѣйшія черты стараго западно-русскаго нарѣчія, но онѣ же, какъ можно было видѣть, являются характерными чертами и современныхъ бѣлорусскихъ говоровъ. Обстоятельнѣе этого вопроса мы касались въ сочиненіяхъ „Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи.“ Москва. 1886 г. и „Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи.“ Варшава. 1893 г.

Такъ постепенно появились особенности стараго западно-русскаго нарѣчія, ставшаго во время литовскаго господства языкомъ государственнымъ, поглотившимъ другіе говоры племенъ русскихъ славянъ, жившихъ по Западной Двинѣ, верхнему теченію Днѣпра и притокамъ его: Сожу и Припяти, а также по Нѣману. Такими племенами были: кривичи, радимичи и дреговичи. Изъ общихъ чертъ говоровъ этихъ племенъ и образовалось старое западно-русское нарѣчіе, родоначальникъ нынѣшнихъ бѣлорусскихъ говоровъ. Такимъ образомъ, восходя по отдѣльнымъ своимъ чертамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ первымъ письменнымъ произведеніямъ на русскомъ языкѣ, какъ особый организмъ оно возникло въ эпоху литовскаго владычества, преимущественно въ XIV—XV столѣтіяхъ; особенной же крѣпости достигло, какъ увидимъ, въ XVI вѣкѣ. Менѣе значительныя особенности отдѣльныхъ говоровъ, поглощенныхъ западно-русскимъ нарѣчіемъ, какъ взаимная мѣна *ч* и *ц*, своеобразная огласовка безударныхъ гласныхъ и т. п. мелочи удержались въ разныхъ окраинахъ даже до сихъ поръ лишь какъ мѣстные различія. Гранича съ юга съ малорусскими говорами, съ востока и сѣвера съ великорусскими, а съ запада съ польскимъ и отчасти съ литовскимъ языкомъ, старое западно-русское нарѣчіе, какъ и теперешніе бѣлорусскіе говоры, иногда воспринимало въ себя особенности сосѣдей, которыя въ той или другой степени и распространялись по окраинамъ. По древнимъ актамъ даже можно прослѣдить, въ какую сторону шло это движеніе. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь уже слышится малорусская рѣчь, въ XVI вѣкѣ еще пишутъ акты на чистомъ западно-русскомъ нарѣчій; наоборотъ, на сѣверѣ, гдѣ теперь господствуетъ бѣлорусская рѣчь, въ старинныхъ актахъ находимъ особенности не чисто бѣлорусскія. Такъ въ актахъ полоцкихъ, витебскихъ и смоленскихъ господствуетъ рѣчь съ отличіями полоцко-смоленскаго говора, а въ Подляшѣ (нынѣшней Сѣдлецкой и отчасти Гродненской губерніяхъ) теперь говорятъ на малорусскомъ разнорѣчій, однако въ актовомъ языкѣ этой мѣстности не замѣтно существенныхъ особенностей малорусскаго нарѣчія. „Даже въ лексическомъ отношеніи находимъ слова вовсе неупотребительныя въ нынѣшнемъ указанномъ жаргонѣ: напр. сознанье, созналъ, переписыванье, гридня, горница, клѣть, погребъ...“ (Головацкій: черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшѣ. Вильна. 1888, стр. 33). — Такимъ путемъ постепенно образовались переходные говоры — отъ западно-русскихъ (какъ заблудовскій, полѣсскій) къ малорусскимъ и къ южно-великорусскимъ (говоры юговосточной части Могилевской губерніи, Смоленской и отчасти Тверской). На сѣверѣ бѣлорусскіе говоры постепенно сливаются съ псковскими и новгородскими, теряясь далѣе на западѣ среди литовцевъ и поляковъ. Исследователю западно-русскаго нарѣчія нельзя пройти молчаніемъ и этихъ переходныхъ говоровъ; стоитъ лишь всегда выдѣлять собственно западно-русское отъ пришлого.

Мы видѣли, какія начала легли въ основу стараго западно-русскаго нарѣчія: именно, оно приняло въ себя всѣ черты, характеризующія общерусскій языкъ, да еще особенности, принадлежащія исключительно мѣстнымъ народнымъ говорамъ. Когда оно стало языкомъ литературы, въ него обильнымъ потокомъ вошли еще, съ одной стороны, стихія церковно-славянская книжная, а съ другой — при посредствѣ рѣчи образованнаго общества современемъ проникъ языкъ польскій; вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ нарѣчіе книжное западно-русское, какъ и всякій языкъ литературы, стало въ бѣльшей или меньшей степени искусственнымъ.

Остановимся нѣсколько обстоятельнѣе на значеніи западно-русскаго нарѣчія въ Литовскомъ государствѣ. На долю западно-русскаго нарѣчія выпала въ свое время завидная для другихъ русскіхъ нарѣчій роль быть языкомъ государственнымъ, органомъ умственной, нравственной и политической жизни цѣлаго народа. Когда Литва покорила сосѣднія русскія области и вслѣдъ затѣмъ въ умственномъ отношеніи сама добровольно подчинилась побѣжденнымъ, старое западно-русское нарѣчіе стало языкомъ государственнымъ не только въ восточныхъ областяхъ, но и вообще въ Литвѣ. На немъ пишутся княжескія грамоты, всякаго рода официальные и частные акты. На немъ говорятъ и пишутъ Ягайло, Витовтъ и послѣдующіе Ягайловичи вплоть до Сигизмунда Августа (ср. А. Будиловича: Общеславянскій языкъ, т. II, стр. 224; Первольфъ: Славяне, т. III, ч. II, стр. 165, 1 выноска). Мы уже говорили, что такая роль русскаго языка въ Литовскомъ государствѣ была закрѣплена даже законодательнымъ путемъ. Въ Литовскомъ статутѣ 1588 г. (стр. 122) читаемъ: „писаръ земьскіи маеть порѣскѣ литерами и словы рѣскими вси листы, выписы и позы писати, анейшимъ езыкомъ и словы“. Такое положеніе статута строго соблюдалось до 1696 г., когда сеймовымъ постановленіемъ русскій языкъ въ судебно-административной практикѣ былъ замѣненъ польскимъ: „Pisarz powinien po-Polsku, a nie po-Rusku pisać“ (Vol. leg. изданіе Огрызки, С.-Пб. 1860 г., т. V, f. 863, 418). Такое официальное признаніе русскаго языка государственнымъ было первымъ обстоятельствомъ, содѣйствовавшимъ развитію западно-русскаго нарѣчія. Но были и другія не менѣе важныя причины. Ставъ государственнымъ языкомъ, западно-русское нарѣчіе по необходимости сдѣлалось разговорной рѣчью высшаго общества, а это послѣднее, состоявши на первыхъ порахъ исключительно изъ русскіхъ и литовцевъ, впоследствии, особенно съ XVI вѣка, приняло въ себя обильный притокъ польской шляхты, говорившей по-польски; вслѣдствіе этого и въ западно-русское нарѣчіе начинаютъ входить элементы польскаго языка, къ счастью для перваго — почти исключительно въ лексическомъ отношеніи (ср. Будиловичъ: Общеславянскій языкъ, II, 227—231, гдѣ приведены примѣры полонизмовъ; а также Первольфа: Славяне, III, ч. II, 221, 223, 224, 232 и др., а также въ разныхъ мѣстахъ у насъ: „Къ исторіи...“). Такимъ образомъ западно-русское нарѣчіе еще больше обособляется отъ восточно-русскаго языка, господствовавшаго въ московской письменности. Это обстоятельство имѣло различныя послѣдствія. Принявъ въ себя много элементовъ польскаго языка и сдѣлавшись вслѣдствіе этого еще болѣе искусственнымъ и уродливымъ, западно-русское нарѣчіе стало на пути постепеннаго его вытѣсненія польскимъ языкомъ. Дѣйствительно, высшее общество, начиная съ XVII вѣка и даже

раньше, уже большею частью и употребляет польскую рѣчь, относясь къ языку „прирожденному“ русскому даже съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. Вотъ какъ говорить объ этомъ одинъ изъ тогдашнихъ патриотовъ: „кто бы не мусиль плакати, видечи такъ великихъ княжатъ, такихъ пановъ знатныхъ, такъ мног(о) детокъ невинныхъ мужовъ зжонами втакомъ зацномъ рускомъ азлаца передь тымъ довстипномъ оучономъ народомъ. езыка своего славнаго занедбане, а просто възгардоу. скоторое запокоранемъ панскимъ... (на нихъ)... такама оплаканаю неуметность пришла, же вжо некоторые и писмомъ своимъ азлаца вслове бжемъ встыдаютъ. А наостанокъ што можетъ быти жалоснейшаго... ижъ тые што се межы нами зовутъ дхъовными, иучители, ... вполскіе або винные писма... дети заправуютъ“ (Предисловіе къ евангелію Тяпинскаго около 1570 г.). То же читаемъ и въ окружномъ посланіи 1592 г. (Акты Западной Россіи, т. IV, § 32): „Ученіе св. писаній зѣло оскудѣ, пачеже словенскаго російскаго языка, — вси чловѣци приложишася простому несовершенному людскому писанію, сего ради въ различныя ереси впадоша, невѣдуще въ богословіи силы совершеннаго граматическаго словенскаго языка“. Но средній классъ и низшій не зналъ польскаго языка и поэтому старался поддерживать родное западно-русское нарѣчіе внесеніемъ въ него элементовъ чисто народнаго языка. Этому стремленію содѣйствовали еще нѣкоторыя постороннія обстоятельства, выдвинутыя временемъ. Таково было появленіе реформаціоннаго движенія въ Литвѣ и связанное съ нимъ зарожденіе разныхъ религіозныхъ сектъ, которыя, стремясь распространить свое ученіе среди народныхъ массъ, естественно избрали орудіемъ пропаганды языкъ простаго народа. Поэтому на народномъ западно-русскомъ языкѣ появляются переводы книгъ св. Писанія и богослужебныхъ, а также разныхъ догматическихъ сочиненій. Все это содѣйствуетъ обработкѣ и усиленію западно-русскаго нарѣчія. И не одни только сектанты предпринимаютъ изданія на народномъ языкѣ, къ этому стремятся и истинные христіане, движимые любовью къ простому народу, желаніемъ помочь ему уразумѣть священное Писаніе и богослуженіе. Они переводятъ и издають книги „къ наученію простыхъ людей русскаго языка“ (Скорина), „вырозумѣнія ради простыхъ людей“ (Учительное Евангеліе 1596 г.) и т. п. Это и естественно. Церковно-славянскій языкъ для простаго народа, а также для многихъ лицъ „ученыхъ и богобойныхъ“, слышавшихъ въ устахъ высшаго класса общества рѣчь полонизованную, становится въ Западной Руси малопонятнымъ; поэтому переводы св. Писанія на народный языкъ уже съ самаго начала подпаденія западно-русскихъ областей подъ власть Литвы распространяются въ изобиліи и читаются не только простымъ народомъ, но даже духовенствомъ. Вотъ какъ говорить объ этомъ переводчикъ одного Евангелія: „языка словенскаго читаючи, писмомъ рускимъ выкладу 3 словъ его не розумѣють“, вслѣдствіе этого и является необходимость въ переводахъ „на рѣчь русскую писма нашего“ (Предисловіе Валентина Негалевскаго къ переводу Евангелія 1581 года). Благодаря этимъ усиліямъ средняго и низшаго классовъ общества, а также вслѣдствіе природной живучести русскаго языка, удалось спасти его въ Западной Руси отъ поглощенія польскимъ языкомъ. — Въ нѣкоторыхъ памятникахъ западно-русскаго нарѣчія сказывается еще стихія чешская, какъ напримѣръ, въ изданіяхъ Скорины; что вполне и естественно, если имѣть въ виду его пособія, главнѣйшимъ изъ которыхъ была чешская

библія 1506 года, и мѣсто изданія его сочиненій (чешская Прага). Но нѣкоторые изслѣдователи западно-русскаго нарѣчія (какъ Головацкій: Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшьѣ... стр. 41 и слѣд.), мнѣ кажется, нѣсколько преувеличиваютъ это вліяніе: видятъ его и въ западно-русскихъ грамотахъ и актахъ. Интересно въ этомъ случаѣ соображеніе (W. A. Maciejowski: Pamiętniki o dziejach, piśmienictwie i prawodatswie Słowian, т. I, стр. 349) о томъ, что Ягайло, сдѣлавшись польскимъ королемъ, сталъ говорить по-чешски, такъ какъ по-польски не умѣлъ (дѣлаемъ эту ссылку по брошюрѣ Козловскаго: Судьбы русскаго языка въ Литвѣ и на Жмуди. Вильна. 1870 г. Оттискъ изъ Вѣстника Зап. Россіи; ср. еще Будиловича: Общеславянскій языкъ, т. II, 200 стр.). — Когда съ перенесеніемъ центра западной образованности изъ Вильны въ Кіевъ, при Петрѣ Могилѣ, литературный языкъ принялъ въ себя элементы малорусскаго нарѣчія, онъ сталъ до того силенъ, что могъ служить даже органомъ зарождающейся высшей образованности. Но это было уже не западно-русское нарѣчіе; это былъ языкъ, достигшій крайнихъ предѣловъ искусственности: кромѣ элементовъ малорусской рѣчи, въ него вошелъ еще новый притокъ польскихъ словъ, вслѣдствіе того, что защитники православія эпохи Уніи, желая дать возможно большее распространеніе своимъ произведеніямъ, обыкновенно писали ихъ на польскомъ языкѣ, а затѣмъ по привычкѣ вносили польскіе обороты и слова и въ славяно-русскую рѣчь. Въ это же время, благодаря развитію образованности на западѣ и югѣ Россіи, является стремленіе усилить церковнославянскій элементъ въ литературномъ языкѣ. Разныя формы и обороты, иногда созданные по образцу западно-русскихъ, уже канонизируются грамматиками, напр. книгой Мелетія Смотрицкаго, вышедшей въ Евѣ 1619 года, которая стремится установить точныя рамки для языка литературнаго. Ставъ до такой степени искусственнымъ, литературный западно-русскій языкъ представлялъ уже очень мало ручательствъ за возможность своего дальнѣйшаго существованія. Церковно-славянскій элементъ, нѣсколько обновившій его въ послѣднее время, началъ очищать его отъ польской примѣси и въ то же время сближать его съ общерусскимъ литературнымъ языкомъ, чѣмъ еще больше подрывалъ его самостоятельное существованіе. Естественная гибель западно-русскаго языка была еще ускорена и политическими событіями. Присоединеніе Малороссіи къ Москвѣ усилило общеніе юго-западной образованности съ сѣверовосточной, въ религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ снова связало югъ съ сѣверомъ; и хотя югозападные ученые и ихъ образованность появились въ Москвѣ и привнесли нѣкоторую долю вліянія и въ русскій языкъ Московскаго государства, однако не могли ничего противопоставить сильному, благозвучному московскому языку. Такимъ образомъ западно-русскій литературный языкъ, очистившись отъ полонизмовъ, въ концѣ концовъ вполнѣ сливается съ общерусскимъ литературнымъ языкомъ. Мѣстныя особенности остаются лишь въ устахъ простаго народа. Таковы особенности и такова судьба стараго западно-русскаго нарѣчія. Болѣе подробно объ этомъ въ нашей работѣ: „Къ вопросу о разработкѣ стараго западно-русскаго нарѣчія. Вильна. 1893“.

Подведемъ теперъ итоги всему сказанному:

1. Старое западно-русское нарѣчіе имѣетъ особыя, характерныя черты, которыя выдѣляютъ его какъ самостоятельный организмъ.

2. Эти черты не случайны, а совпадаютъ съ особенностями бѣлорусскаго нарѣчія, легшаго въ основу западно-русскаго языка.

3. Особенности бѣлорусскаго нарѣчія по своей древности почти не уступаютъ другимъ нарѣчіямъ; въ общемъ же онѣ не моложе XV вѣка.

4. Въ XIV — XV вѣкахъ западно-русское нарѣчіе было чище, нежели въ XVI — XVII столѣтіяхъ, когда оно приняло въ себя массу полонизмовъ и другихъ чуждыхъ наростовъ.

5. Однако и въ эту послѣднюю эпоху постороннія стихіи не сдѣлали западно-русскаго нарѣчія до такой степени искусственнымъ чтобы, лишить его всякой индивидуальности.

6. Полонизмы принадлежатъ болѣе лексической его сторонѣ и только отчасти звукамъ и формамъ. Въ этомъ отношеніи книжное западно-русское нарѣчіе отличается отъ русскаго литературнаго языка того времени, въ которомъ сильно сказывается церковно-славянское вліяніе, однако не только въ лексическомъ отношеніи, но также звукахъ и формахъ.

7. Вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ изученіе стараго западно-русскаго нарѣчія такъ же интересно для исторіи русскаго языка, какъ и восточно-русскаго языка.

Спрашивается послѣ этого — какъ же удобнѣе назвать старое западно-русское нарѣчіе? Называть его „языкомъ русскимъ“, безъ всякой прибавки, не удобно потому, что этимъ словомъ мы обозначаемъ лишь общее понятіе — единаго русскаго языка, подраздѣляя его на нарѣчія. Не подходитъ и названіе „языкъ литовскій“, такъ какъ съ понятіемъ литовскаго языка у насъ соединяется совершенно другое представленіе: можно бы подумать, что бѣлорусское нарѣчіе восприняло элементы литовскаго языка, чего съ нимъ въ дѣйствительности не произошло. Даже въ лексическомъ отношеніи литовскій языкъ не оказалъ на него почти никакого вліянія. Не можетъ быть рѣчи и о названіи его нарѣчіемъ польскаго языка, такъ какъ оно лишено тѣхъ чертъ, которыя выдѣляютъ польскій языкъ изъ другихъ славянскихъ языковъ. Лексическія заимствованія еще не придаютъ ему чертъ того языка, откуда они пришли: послѣднія опредѣляются исключительно звуками и формами. — По нашему мнѣнію, старое западно-русское нарѣчіе, будучи разговорнымъ въ устахъ образованнаго общества, постоянно опиралось на языкъ простаго народа мѣстнаго бѣлорусскаго племени. Вслѣдствіе указаннаго обстоятельства, по преобладанію въ немъ элементовъ бѣлорусской рѣчи, и называть его слѣдуетъ бѣлорусскимъ языкомъ, прибавляя развѣ для отличія отъ современнаго бѣлорусскаго нарѣчія названіе стараго. Бѣлорусскимъ нарѣчіемъ его называютъ Буслаевъ, Огоновскій, Житецкій, Соболевскій, Недешевъ, Владимировъ и др. новѣйшіе изслѣдователи.

Купятицкая икона Богородицы, въ связи съ древнерусскими энколпіонами.

Н. И. Петровъ.

Купятицкая икона Богородицы первоначально явилась и прославилась чудесами въ селѣ Купятичахъ, Пинскаго уѣзда, Минской губерніи, и слѣдовательно составляетъ одну изъ мѣстныхъ святынь Сѣверо-Западнаго края Россіи.

Сказаніе о явленіи и чудесахъ Купятицкой иконы Богородицы, до 1636 года, составилъ, на основаніи записокъ игумена бывшаго Купятицкаго монастыря о. Иларіона Денисовича, іеромонахъ Кіево-Печерской Лавры Аѳанасій Кальнофойскій въ концѣ своей книги „Тератургима“, напечатанной на польскомъ языкѣ въ Кіево-Печерской лаврѣ въ 1638 году.

Село Купятичи, по словамъ Кальнофойскаго, получило свое названіе отъ множества „купинъ“ (кустарниковъ), которыми усѣяны, по теченію р. Ясольды, луга, покрытые лозою и разнаго рода деревьями. Въ очень давнее время, на одномъ изъ этихъ луговъ одна крестьянская дѣвочка, по имени Анна, пасла скотъ своего отца и неожиданно увидала между деревьями необыкновенный свѣтъ. Но когда она подошла къ мѣсту чуднаго явленія, чтобы рассмотреть его, необыкновенный свѣтъ мгновенно сокрылся и, вмѣсто него, малолѣтняя постушка увидѣла на деревѣ небольшой крестъ съ изображеніями на одной сторонѣ его распятія Господня, а на другой — Богородицы съ Богомладенцемъ на лѣвой рукѣ. Это изображеніе Богоматери и получило впоследствии наименованіе Купятицкой иконы Богородицы. Снявши съ дерева драгоценную находку, дѣвочка немедленно унесла ее домой и, спрятавши въ скрыню, или сундукъ, возвратилась къ своему стаду. Но чудный свѣтъ опять засіялъ на мѣстѣ явленія креста, — и дѣвочка снова увидѣла на томъ же деревѣ висящій крестъ, который она вторично сняла и спрятала запазуху, а вечеромъ принесла домой, не предполагая, что это — тотъ же самый крестъ, который она раньше принесла домой и положила въ сундукъ. Увидѣвшись съ отцомъ, который назывался Василиемъ, Анна сказала ему: „милый батюшка, я нашла какую-то святыню!“ Но, не найдя креста ни за пазухой, ни въ сундукъ, она пустилась было одна бѣжать къ тому мѣсту, на которомъ дважды обрѣтала святой крестъ. Такъ какъ уже наступала ночь и малолѣтняя дѣвочка могла испугаться чего-либо на лугу, то отецъ и самъ послѣдовалъ за нею. Когда же они стали при-

ближаться къ лугу, то еще издалека увидѣли необыкновенное сіяніе окружавшее то дерево, на которомъ явился крестъ. Съ благоговѣніемъ подойдя къ этому дереву, они увидѣли на немъ тотъ же святой крестъ и, снявши его, принесли домой и поставили въ благопрістойномъ мѣстѣ. Но когда они спали ночью, то принесенный ими крестъ въ третій разъ сокрылся изъ дома ихъ. Тогда отецъ окончательно убѣдился въ томъ, что явившійся имъ крестъ не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ крестовъ, а есть чудотворный. Онъ извѣщаетъ своихъ сосѣдей о необыкновенныхъ явленіяхъ св. креста и вмѣстѣ съ ними отправляется на лугъ, гдѣ всѣ на томъ же деревѣ сподобляются видѣть крестъ Господень, такъ же, какъ и прежде, окруженный необычнымъ свѣтомъ. Поклонившись св. кресту, они не дерзаютъ переносить его въ свое селеніе, а единодушно рѣшаются расчистить мѣсто, поднять его низменность и устроить небольшую деревянную церковь, въ которой бы съ подобающею честію навсегда былъ поставленъ чудотворный крестъ. Церковь дѣйствительно была построена въ Купятичахъ, и Купятицкая икона Богородицы на крестѣ прославилась чудотвореніями на всю окрестность¹⁾.

Когда послѣдовало чудесное явленіе Купятицкой иконы Богородицы, на это въ сказаніи о ней есть только общее указаніе, что она явилась до нашествія татаръ на этотъ край, которое случилось въ XIII вѣкѣ. А кievскій митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ) относитъ явленіе Купятицкой иконы Богородицы къ 1182 году²⁾. Достоверность этихъ указаній на время явленія иконы подтверждается и самою Купятицкою иконою Богородицы, которая несомнѣнно относится къ древнѣйшимъ святынямъ Русской Земли, появившимся до нашествія татаръ на Россію въ XIII вѣкѣ.

Купятицкая икона Богородицы принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ „энколпіоновъ“, т. е. складныхъ металлическихъ наперсныхъ крестовъ, съ пустотою внутри, вѣроятно для вложенія святыни, и скорѣе похожихъ на панагіи, чѣмъ на шейные крестики. Такихъ складныхъ крестовъ, большею частію бронзовыхъ и мѣдныхъ, а отчасти серебряныхъ и даже золотыхъ, въ настоящее время извѣстно весьма много, и большая часть ихъ найдена въ землѣ, на югѣ Россіи, тогда какъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ ея они попадаются только изрѣдка, какъ бы случайно. Въ „Сборникѣ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ“, издаваемомъ съ 1890 года въ г. Кіевѣ Н. А. Леопардовымъ, издано 48 такихъ энколпіоновъ, найденныхъ почти исключительно въ южной Россіи³⁾. Въ церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской Духовной Академіи есть не менѣе 40 энколпіоновъ, изъ коихъ издано у г. Леопардова только 12. Большое число такихъ энколпіоновъ есть также у собирателей древностей въ г. Кіевѣ гг. Тарновскаго и Хойновскаго. Обиліе же энколпіоновъ на югѣ Россіи, при сравнительной скудости ихъ на сѣверѣ ея, одно уже и само по себѣ показываетъ, что развитіе производства этихъ энколпіоновъ должно быть относимо къ Кіев-

¹⁾ См. „Тератургиму“, Кальнофойскаго, Кіевъ, 1638 года.

²⁾ Кіевскій Мѣсяцесловъ М. Евгенія, подъ 15 ноября.

³⁾ „Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ“, — шесть выпусковъ. Кіевъ, 1890—1893 гг.

ской великокняжеской или до-татарской эпохѣ исторіи Россіи, до перехода центра русской жизни съ юга на сѣверъ, изъ Кіева въ Москву.

Кіевская или до-татарская эпоха въ исторіи русской жизни характеризуется непосредственнымъ вліяніемъ на нее Византіи въ области разныхъ искусствъ и болѣе или менѣе самостоятельными подражаніями русскихъ мастеровъ византійскимъ образцамъ. Въ настоящее время считается неоспоримымъ непосредственное вліяніе Византіи на первоначальную русскую историческую жизнь въ области церковнаго зодчества, фресковой живописи, иконнаго письма, монетнаго дѣла, въ домашнемъ убранствѣ и одеждахъ и въ церковной и отчасти въ свѣтской письменности. Даже въ трудной области такъ называемыхъ „византійскихъ перегородчатыхъ эмалей“ русскіе мастера обнаруживали, подъ вліяніемъ грековъ, значительное умѣнье и успѣхи, какъ это доказываютъ золотая діадема XII вѣка, найденная въ 1889 году въ Кіевѣ, въ Троицкомъ переулкѣ, съ полугреческими — полуславянскими надписями, и пресловутый крестъ преп. Евфросиніи Полоцкой 1161 года, сдѣланный полочаниномъ Лазаремъ Богшей. Амулеты, извѣстные подъ названіемъ „змѣвиковъ“, тоже перешли къ намъ изъ Греціи и, подъ ея вліяніемъ, получили у насъ широкое развитіе и распространеніе¹⁾. То же нужно сказать и объ энколпіонахъ, т.-е. что они явились у насъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Византіи, характеризующимъ собою кіевскій періодъ русской жизни, и одни изъ нихъ, судя по техникѣ и надписямъ, несомнѣнно византійскаго производства, а другіе представляютъ русское подражаніе византійскимъ образцамъ.

Къ энколпіонамъ византійскаго производства прежде всего долженъ быть отнесенъ бронзовый энколпіонъ, исполненный византійскою перегородчатою эмалью. Лицевая сторона этого энколпіона, находящаяся нынѣ въ Церковно-Археологическомъ музеѣ при Кіевской Духовной Академіи, представляетъ распятіе Спасителя, съ изображеніями въ медальонахъ трехъ лицъ на трехъ верхнихъ концахъ креста. На изображеніи распятаго Спасителя сохранились тончайшія серебряныя жилки или перегородки, между которыми вставлена разноцвѣтная затвердѣвшая масса. Эти жилки обозначаютъ рисунокъ тѣла, одежды и нимба Спасителя и служатъ отличительнымъ признакомъ „византійскихъ перегородчатыхъ эмалей“, къ числу которыхъ, поэтому, долженъ быть отнесенъ и настоящій энколпіонъ. Описываемая лицевая сторона энколпіона найдена въ предмѣстьи г. Полтавы, въ землѣ, на полутора-аршинной глубинѣ. Обратная сторона такого же точно энколпіона, найденная въ м. Бѣлогородкѣ, Кіевского уѣзда, находится нынѣ въ собраніи профессора Кіевскаго университета В. Б. Антоновича. Изящная работа креста и греческая на немъ надпись $\text{I} \xi \text{X} \xi$ обличаютъ въ мастерѣ грека, а мѣста находокъ обѣихъ сторонъ креста указываютъ на появленіе его въ предѣлахъ древнихъ русскихъ епархій Переяславской и Бѣлгородской, становящихся извѣстными въ XI вѣкѣ²⁾. Другой несомнѣнно византійскій бронзовый складной энколпіонъ найденъ на Княжей горѣ, близъ Канева, Кіевской губерніи. Это — собственно обратная сторона энколпіона, съ изображеніемъ Богоматери и правильною греческою надписью по концамъ

¹⁾ Тамъ же, серія 2, выпускъ 1, Кіевъ 1891 г., стр. 5.

²⁾ Тамъ же, стр. 5, и таблиц. 1, № 3; см. серіи первой выпуски III и IV, табл. 1, № 1.

поперечника: Θεοτοκος), т.-е. Богородица¹⁾). Кроме того, летом 1893 года, при выемке земли для прокладки канализационных труб в г. Киевѣ, найденъ былъ золотой энколпionъ византийской работы, къ сожалѣнію попавшій въ еврейскія руки²⁾). Эти и подобные энколпionы византийскаго издѣлія или заносились въ южную Русь изъ Херсонеса Таврическаго и другихъ древнихъ греческихъ поселеній по берегамъ Чернаго моря, или же производимы были греческими мастерами, которыхъ вызывали на Русь Ярославъ Мудрый и его ближайшіе преемники³⁾).

Но эти и другія подобныя произведенія византийскихъ мастеровъ не оставались на Руси мертвымъ капиталомъ, а получили нѣкоторое развитіе у русскихъ мастеровъ, которые подражали, какъ могли и умѣли, греческимъ мастерамъ и старались приспособить ихъ произведенія къ духовнымъ потребностямъ русскаго народа. Въ этомъ отношеніи они пытались даже болѣе или менѣе самостоятельно, хотя все же не безъ вліянія греческихъ образцовъ, выработать свои родные иконографическіе предметы, какъ напр. въ изображеніи на энколпionахъ святыхъ страстотерпцевъ русскихъ Бориса и Глѣба⁴⁾). Въ собраніи барона Н. М. Шодуара, въ м. Ивницѣ, Житомирскаго уѣзда, есть бронзовый энколпionъ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ святыхъ Бориса и Глѣба, а на другой, повидимому, св. Владимира⁵⁾). Первое же перенесеніе мощей свв. Бориса и Глѣба совершилось въ 1072 году, при великомъ князѣ Изяславѣ Ярославичѣ⁶⁾, и вскорѣ послѣ этого событія могли появиться и энколпionы, съ изображеніемъ святыхъ страстотерпцевъ. Далѣе, — въ 1892 году въ г. Васильковѣ, Киевской губерніи, найденъ былъ складной крестъ, съ изображеніями на лицевой сторонѣ распятія, а на оборотной — Богородицы съ омофоромъ на распростертыхъ рукахъ, т.-е. Покрова Пресв. Богородицы, со славянскими надписями⁷⁾). А праздникъ Покрова Пресв. Богородицы установленъ, на основаніи греческаго сказанія, въ Россіи, въ первые вѣка по принятіи ею православной вѣры; слѣдовательно, и энколпionъ съ изображеніемъ этого праздника долженъ быть считаемъ русскимъ, по замыслу и выполненію, произведеніемъ.

Извѣстную долю самодѣятельности южно-русскихъ мастеровъ можно видѣть и въ тѣхъ изображеніяхъ на энколпionахъ, которыя по типу своему ничѣмъ не отличаются, кромѣ славянскихъ надписей, отъ византийскихъ образцовъ своихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ быть считаемы воспроизведеніями такихъ священныхъ изображеній, которыя перенесены были, въ подлинникахъ или копіяхъ, изъ Византіи въ южную Русь, пользовались здѣсь особымъ почитаніемъ и сдѣлались, такимъ образомъ, какъ бы чисто русскими святынями. Таковы изображенія архангела Михаила, святителя Николая⁸⁾,

1) Тамъ же, серія 2, вып. 1, стр. 6.

2) Сообщено профессоромъ Киевскаго университета А. В. Праховымъ.

3) „Сборникъ снимковъ“, Н. А. Леонардова, серія 2, вып. 1, стр. 6.

4) Тамъ же, стр. 5.

5) „Кіевская Старина“, за августъ 1888 г., — „Документы, извѣстія и замѣтки“, стр. 35.

6) Ипатьевская лѣтопись, С.-Петербургъ 1871 г., стр. 127 и 128.

7) Къ сожалѣнію, этотъ единственный въ своемъ родѣ энколпionъ въ настоящее время потерянъ изъ виду. О судьбѣ его долженъ знать торговецъ древностями въ г. Киевѣ еврей Лемель Ильчицкій, который руководилъ находчиками, васильковскими мѣщанами, при продажѣ ими сего энколпionа.

8) „Сборникъ снимковъ“ Н. А. Леонардова, серія 2, вып. 1, стр. 5.

и особенно изображенія иконъ Богородицы Влахернской, Благовѣщенія и Одигитріи. Изъ нихъ Влахернская икона Богородицы воспроизведена, какъ извѣстно, на нерушимой стѣнѣ Кіево-Софійскаго собора, Благовѣщеніе — въ мозаикѣ на алтарныхъ столбахъ того же собора и Одигитрія — на цѣломъ рядѣ богородичныхъ иконъ и между прочимъ на Смоленской иконѣ Богородицы, которая получена изъ Греціи черниговскимъ княземъ Всеволодомъ Ярославичемъ въ концѣ XI вѣка, а по смерти его перенесена къ смоленскому князю Владимиру Мономаху¹⁾. Эти же священныя изображенія воспроизводятся и на древнихъ южно-русскихъ энколпіонахъ, на оборотной ихъ сторонѣ. Есть кресты съ изображеніями на оборотѣ архангела Михаила и святителя Николая, которыя могли представлять собою воспроизведеніе Кіевскихъ храмовыхъ праздниковъ и мѣстныхъ иконъ этихъ святыхъ²⁾. Влахернская икона Богородицы, съ воздѣтыми молитвенно руками, или, что то же, Кіевская нерушимая стѣна, воспроизведена на одномъ бронзовомъ энколпіонѣ прекрасной работы, со славянскими надписями, который найденъ былъ въ концѣ іюня 1893 года въ Кіевѣ, на Подолѣ, по Хоревой улицѣ, на глубинѣ четырехъ аршинъ, и имѣлъ быть доставленъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію³⁾. Другой энколпіонъ, съ такимъ же изображеніемъ Богородицы, изданъ въ „Сборникѣ“ г. Леопардова⁴⁾. Благовѣщеніе Богородицы, со сложенными на персяхъ руками, когда она отвѣчаетъ архангелу: „се раба Господня, буди мнѣ нынѣ по глаголу твоему“⁵⁾, воспроизводится на оборотной сторонѣ цѣлаго ряда экземпляровъ одного и того же энколпіона, со славянскою извращенною надписью вокругъ Богородицы „Сѣая Богаоце (т.-е. Богородице) помагай“⁶⁾. Повидимому, то же изображеніе Благовѣщенія Богородицы воспроизведено на энколпіонѣ изящной работы, который доставленъ былъ въ августѣ 1893 года на Виленскую археологическую выставку изъ Кизлярской станицы Войска Донскаго⁷⁾. Но Благовѣщеніе на энколпіонахъ отличается отъ мозаическаго изображенія его въ Кіево-Софійскомъ соборѣ тѣмъ, что на послѣднемъ представлены архангелъ и Богородица и послѣдняя — съ прялкою и веретенкомъ. Многочисленнѣе же всего энколпіоны съ изображеніемъ наоборотъ Богородицы Одигитріи, держащей Богомладенца на лѣвой рукѣ. Одинъ изъ нихъ серебряный, хорошей, можетъ-быть византійской работы, найденъ въ селѣ Хмельной, Черкаскаго уѣзда, Кіевской губерніи; одинъ бронзовый найденъ въ Кіевѣ; одинъ въ предмѣстьи Кіева Куреневкѣ; два въ селѣ Гороховаткѣ, Кіевскаго уѣзда; одинъ на Княжей горѣ, Каневскаго уѣзда, Кіевской губерніи; одинъ въ м. Погребищахъ, Бердичевскаго у., той же губерніи; одинъ въ деревнѣ Винцентовкѣ, Липовецкаго уѣзда, той же губерніи; два въ м. Полонномъ, Новоградволинскаго уѣзда, Волынской гу-

1) „Мѣсяцесловъ православной католической церкви“, Н. Косолапова, Симбирскъ 1880 г., стр. 351.

2) „Сборникъ снимковъ“ Н. А. Леопардова, сер. 2, вып. 1, стр. 5.

3) Авторъ лично осматривалъ этотъ крестъ, по приглашенію кіевской полиціи.

4) „Сборникъ снимковъ“, Н. А. Леопардова, сер. 1, вып. 1, табл. 1, № 3.

5) См. икону Благовѣщенія въ этомъ видѣ въ книгѣ С. Савосоревои: „Земная жизнь Пресв. Богородицы и описаніе св. чудотворныхъ ея иконъ“ и проч., С.-Петербургъ 1891 г., стр. 82.

6) „Сборникъ снимковъ“, Н. А. Леопардова, сер. 2, вып. 1, стр. 8.

7) См. указатель археологической выставки при IX археологическомъ сѣздѣ въ Вильнѣ, Вильна 1893 г.

берніи¹⁾; одинъ находится въ Холмскомъ музеѣ, Люблинской губерніи. Сравнительно обиліе такихъ энколпіоновъ въ Кіевской губерніи указываетъ на Кіевъ, какъ на источникъ ихъ распространенія. Едва ли образцомъ для нихъ могла служить Смоленская икона Богородицы Одигитріи, никогда не бывавшая въ Кіевѣ. Но въ древнемъ Кіевѣ была своя высокочтимая икона Богородицы Пирогощей, упоминаемая въ извѣстномъ „Словѣ о полку Игоревѣ“ и нынѣ считающаяся утраченною²⁾, которая и могла послужить образцомъ для изображенія Одигитріи на энколпіонахъ.

Изъ Кіева энколпіоны, безъ различія изображеній на нихъ, распространились, судя по находкамъ ихъ, по нынѣшнимъ губерніямъ Кіевской, Волынской и Полтавской и отчасти заходили въ нынѣшнюю Люблинскую губернію и даже въ Бессарабію (Оргѣвскій уѣздъ) и область Войска Донского. Въ своемъ распространеніи они захватили и всю область рѣки Припети съ ея притоками, т.-е. южную часть нынѣшняго Сѣверо-Западнаго края Россіи, стоявшую въ древности въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ г. Кіевомъ. Здѣсь, въ области р. Припети и ея притоковъ, въ первоначальную пору русской исторіи существовало княжество Турово-Пинское, которое, со времени Ярослава Мудраго, долгое время оставалось только частію кіевской великокняжеской волости. Кіевскіе великіе князья или сами непосредственно владѣли Турово-Пинскимъ княжествомъ, управляя имъ черезъ посадниковъ, или сажали здѣсь своихъ сыновей и родичей въ качествѣ своихъ намѣстниковъ или соправителей³⁾. Этою близостію Кіева къ Турово-Пинскому княжеству объясняется появленіе въ предѣлахъ послѣдняго энколпіоновъ или кіевского производства, или сдѣланныхъ по подражанію кіевскимъ энколпіонамъ. Такъ, въ кіевскомъ Церковно-Археологическомъ музеѣ есть два бронзовыхъ энколпіона изъ этого края: одинъ (собственно лицевая сторона съ изображеніемъ распятія) изъ Слуцкаго уѣзда Минской губерніи, а другой, съ изображеніемъ на оборотѣ архангела Михаила изъ села Скриголова, Мозырскаго уѣзда, той же губерніи⁴⁾. Къ числу такихъ древнихъ энколпіоновъ относится и тотъ энколпіонъ, на оборотѣ котораго изображена Купятицкая икона Богородицы съ Богомладенцемъ на лѣвой рукѣ, т.-е. Одигитріи.

Такимъ образомъ Купятицкая икона Богородицы принадлежитъ къ числу древнихъ энколпіоновъ кіевского происхожденія, относящихся, по времени, къ первому кіевскому періоду русской исторіи, и однимъ уже виѣшнимъ видомъ своимъ подтверждаетъ достовѣрность сказанія о времени явленія этой иконы. Нѣкоторую особенность Купятицкой иконы Богородицы, въ сравненіи ея съ другими древними энколпіонами, представляетъ то, что она не сохранила ни блеска, какимъ отличаются нѣкоторые изъ нихъ, ни благородной окиси, обыкновенно покрывающей древнія бронзовыя издѣлія, и имѣетъ довольно тусклый видъ. Это объясняется тѣмъ, что Купятицкая икона Богородицы была въ пожарѣ и долгое время находилась въ пепелищѣ.

1) „Сборникъ снимковъ“ Н. А. Леонардова, сер. 2, вып. 1, стр. 7 и 8.

2) „Къ вопросу о происхожденіи названія церкви св. Богородицы Пирогошею“, В. Ф. Завитязевича, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, январь 1891 года.

3) „Бѣлорусскія и Литва“, изд. П. Н. Батюшкова, С.-Петербургъ 1890 г., стр. 37.

4) Указатель Церковно-Археологическаго музея при Кіевской Дух. Академіи, приготовленный ко 2-му изданію, №№ 3900 и 3914.

По сказанію Кальнофойскаго, во время всеобщаго разоренія Россіи татарами, разорено было и село Купятичи съ его окрестностями. Татары, напавъ на это село, разграбили и сожгли его, а изъ жителей однихъ истребили огнемъ и мечомъ, а другихъ забрали въ плѣнъ. Тогда и Купятицкая церковь со всѣмъ достояніемъ своимъ была ограблена и затѣмъ сожжена. Нѣкоторые изъ жителей села Купятичи спасли отъ татаръ свою жизнь и свободу въ сосѣднихъ лозахъ и дремучихъ лѣсахъ и, по удаленіи татаръ, возвратились на родныя пепелища, но, по своей малочисленности и бѣдности, уже не въ состояніи были построить новую церковь вмѣсто сгорѣвшей. Притомъ же они увѣрены были, что, вмѣстѣ съ церковію, сгорѣлъ и чудотворный образъ Богородицы. А между тѣмъ этотъ образъ на самомъ дѣлѣ сохранился отъ пламени, но довольно долгое время оставался на пепелищѣ сожженнаго Купятицкаго храма, пока опять не явился одному благочестивому страннику, по имени Іоакиму. Когда окрестные жители узнали о вторичномъ явленіи образа Богородицы, тотчасъ стали жертвовать, кто что могъ, на постройку новой церкви въ Купятичахъ. Послѣ постройки ея, чудотворный образъ Богородицы былъ поставленъ съ лѣвой стороны царскихъ вратъ, и самое село стало быстро населяться, а икона попрежнему прославилась чудесами, которыя однако прекратились на время по слѣдующему случаю. Еще при жизни странника Іоакима, которому вторично явилась Купятицкая икона Богородицы, въ Купятицкой церкви погребена была одна изъ Пинскихъ княгинь, великая грѣшница, несмотря на предостереженіе данное Богородицею въ сонномъ видѣніи Іоакиму — не погребать княгиню въ церкви. Снова явившись благочестивому Іоакиму въ сонномъ видѣніи, Пресв. Богородица сказала ему: „такъ какъ вы преступили волю мою и рѣшились потаить праведный гнѣвъ Божій, постигшій грѣшное тѣло княгини, то отселѣ чудеса при иконѣ моей прекратятся на цѣлое столѣтіе, и самое село на долгое время останется въ неизвѣстности; потомъ, по истеченіи столѣтія, при церкви моей поселятся другіе слуги мои, которые всегдашнимъ исполненіемъ воли моей, постомъ и непрестанными молитвами опять призовутъ на образъ мой отъятый отъ него даръ чудотворенія“. Такъ и случилось, а черезъ столѣтіе поселились при Купятицкой церкви благочестивые иноки, и тогда при иконѣ Божіей Матери опять начали совершаться многоразличныя чудеса. Чудеса возобновились здѣсь съ 1624 года, а въ 1629 году при Купятицкой церкви основанъ монастырь брестъ-литовскою каштеляншею Аполлонією, урожденною Волочичъ, и сыномъ ея Василиемъ Кобцемъ, купившимъ Купятичи у помѣщика Войны. Набожная Аполлонія пригласила двухъ монаховъ изъ виленскаго Свято-Духова монастыря и въ 1629 году устроила монастырь при Купятицкой церкви¹⁾.

И въ этой части сказанія есть историческіе признаки, по которымъ можно восстановить хронологическую нить событій, касающихся Купятицкой иконы Богородицы. Когда случилось нашествіе татаръ на сѣверо-западную Русь и сожженіе Купятицкой церкви, — Кальнофойскій не указываетъ точно, но извѣстно, что общее разореніе юго-западной Руси татарами послѣдовало въ 1240 году²⁾ — и тогда, по всей вѣроятности, была сожжена и Купятицкая церковь. Въ такомъ случаѣ, Купятицкая икона

¹⁾ Тератургима Кальнофойскаго, Кіевъ, 1638 года.

²⁾ „Волынь“, изд. П. Н. Батюшкова, С.-Петербургъ 1888 г., стр. 44.

Богородицы оставалась на пепелищѣ сожженной церкви около двухсотъ пятидесяти лѣтъ, до конца XV или начала XVI вѣка, когда она вновь открыта была на пепелищѣ по указанію странника Іоакима, содѣйствовавшаго возобновленію самой церкви, при которой онъ остался пономаремъ. Въ 1503 году церковь въ Купятичахъ уже существовала¹⁾. При этомъ же Іоакимъ, и притомъ въ послѣдній годъ его жизни при церкви, погребено было въ этой церкви тѣло грѣшной княгини Пинской и прекратились чудеса отъ иконы Богородицы на цѣлое столѣтіе, до 1624 года. Слѣдовательно, Іоакимъ, содѣйствовавшій возобновленію Купятицкой церкви, жилъ при ней приблизительно до 1524 года. При его жизни въ Купятичахъ, прекратился родъ князей Пинскихъ Ярославичей, послѣдними представителями котораго, въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка, были Иванъ Ярославичъ и сынъ его Ѳеодоръ Ивановичъ, женатый на Еленѣ Олельковнѣ и упоминаемый въ документахъ по 1518 годъ. По смерти Ѳеодора Ивановича, Пинское княжество перешло, не позже 1522 года, къ польскому королю Сигизмунду I, который отдалъ его въ пожизненное владѣніе второй женѣ своей Бонѣ, дочери Медіоланскаго князя Сфорціи²⁾. Вѣроятно, Пинская княгиня, погребенная въ Купятицкой церкви, была женою или родственницею одного изъ послѣднихъ представителей княжескаго рода Ярославичей Пинскихъ.

Дальнѣйшая исторія Купятицкой иконы Богородицы, по основаніи въ 1629 году монастыря въ Купятичахъ, не возбуждаетъ никакихъ недоумѣній. Православные иноки Купятицкаго монастыря, тѣснимые католическими и униатскими монахами, въ половинѣ XVII вѣка оставили свой монастырь и удалились въ Кіевъ, куда принесли съ собою и Купятицкую икону Богородицы. Здѣсь она поставлена была въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, гдѣ находится и понынѣ. Празднованіе ей ежегодно совершается 15 ноября.

¹⁾ См. „Ревизію пушъ... въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ“, 1559 г., Вильно 1867 г., стр. 220.

²⁾ Тамъ же, стр. 219—225, 255, 316 и 350; см. „Писцовую книгу Пинскаго и Клецкаго княжествъ“, Стан. Хвальчевскаго, 1552 и 1555 гг., Вильна 1884 г., предисловіе, стр. V.

Памятники каменного вѣка части западной Волыни.

С. В. Люба-Радзиминскаго.

Съ 1876 по 1882 годъ мною произведены раскопки въ Волынской губерніи, Острожскаго уѣзда, въ имѣніи моемъ Радзиминъ-Сивки и его окрестностяхъ, отчеты о которыхъ напечатаны въ Антропологическихъ Извѣстіяхъ, издаваемыхъ Краковской Академіей Наукъ въ тт. I, II, III и VI. Желая доказать, насколько сказанная мѣстность изобилуетъ чрезвычайно интереснымъ и богатымъ по своему разнообразію и характеру матеріаломъ каменнаго періода, имѣю честь обратить вниманіе Съѣзда на добытыя при этихъ раскопкахъ многочисленныя и разнообразныя орудія (Табл. I—III), а въ особенности на почти исключительный въ нашемъ краѣ типъ кремневыхъ кривыхъ ножей (Табл. I, №№ 7, 8, 34, 40), а также и пилъ (Табл. II и III, №№ 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 28), напоминающій намъ безусловно типъ скандинавскій. Находки эти, вмѣстѣ съ прежними соображеніями, привели меня къ положительному заключенію: 1) что всѣ курганы въ этой мѣстности, мною раскопанные, числомъ около двадцати, носятъ одинъ и тотъ же характеръ и принадлежатъ къ каменному періоду, къ которому по аналогіи слѣдуетъ отнести и всѣ тѣ многочисленные курганы между рѣкою Горынью и ея притокомъ Вилією, которые донынѣ еще не изслѣдованы; 2) что этотъ уголокъ древней Волыни, расположенный на Авратынскомъ плоскогоріи, былъ въ доисторическое время сравнительно густо населеннымъ и что въ немъ, несмотря на полное отсутствіе кремня и діорита въ природномъ состояніи, кипѣла въ былое время своеобразная фабричная жизнь *долихоцефаловъ*, заготовлявшихъ для своихъ ближнихъ и дальнихъ собратьевъ цѣлыми сотнями и даже тысячами: молоты-топоры, пилы, ножи и т. п. каменные и кремневые орудія, а въ особенности эти изящныя, быть можетъ единственныя въ своемъ родѣ, закривленные ножи; 3) что обитатели сей мѣстности, похороненные въ ея курганахъ, принадлежали несомнѣнно къ *долихоцефаламъ*; у нихъ обрядъ сожиганія тѣлъ не существовалъ¹⁾; они избирали для погребенія покойниковъ

¹⁾ Рѣдкіе признаки сожиганія тѣлъ находимъ въ одномъ курганѣ при с. Корытное, въ урочищѣ „Надышень“ Острожскаго уѣзда, въ которомъ на ряду съ обычными въ другихъ могилахъ желтыми глинеными валиками, толщиной около 2 дюймовъ, найденъ былъ сосудъ изъ желтой глины, наполненный переплавленнымъ и остатками человѣческихъ костей, а также нѣсколько кусковъ угля и комокъ земли, перемѣшанной съ золой и кусочками извести; никакихъ орудій или украшеній при этомъ не найдено. Въ другомъ — при с. Плужное въ урочищѣ „Нева“, расположенномъ въ томъ же уѣздѣ, вблизи Корытнаго обнаружены

самыя возвышенныя мѣста, укладывая ихъ на уровнѣ земли, головой на западъ; подѣ голову покойника подсыпали бѣлую глину, образуя изъ нея подкладку въ родѣ подушки; ставили при трупѣ сосуды изъ разноцвѣтной глины (два — три съ явствами и питьемъ); клали при нихъ каменные или кремневые орудія, одно, два, иногда три, смотря, надо полагать, по значенію и общественному положенію покойника, иногда же въ замѣнъ орудій — просто кремневые осколки; затѣмъ прикрѣпляли трупъ къ землѣ пятью, шестью *валиками*, т.-е. цилиндрами, изъ той же бѣлой глины приготовленными, въ поперекъ параллельно между собою расположенными, и затѣмъ только насыпали надѣ покойникомъ курганъ, на которомъ иногда вновь хоронили своихъ покойниковъ, образуя такимъ способомъ двухъ-этажныя могилы-курганы²⁾.

слѣды сожженія покойника въ верхнемъ ярусѣ кургана; трупъ, находившійся въ нижнемъ ярусѣ, былъ похороненъ по общему обряду.

Исключеніе изъ общаго обряда погребенія въ этой мѣстности составляетъ *плитовой* гробъ, найденный мною въ лѣсу въ Радзиминѣ въ 1878 году, замѣчательный по своему внутреннему устройству и обстановкѣ покойника, несомнѣнно *долихоцефала*. Курганъ этотъ имѣлъ 5,5 футовъ вышины и 18 фут. поперечника; въ верхнемъ слоѣ его обнаружены обыкновенные цилиндры изъ глины, а футовъ на 4,3 ниже ихъ въ глубину кургана началъ обнаруживаться двойной слой известковыхъ камней (такіе камни находятся въ полумилѣ отъ этого мѣста, — въ Сивкахъ), не особенно толстыхъ, имѣющихъ совершенный видъ плиты, раздробленной на части наноромъ земли. Плита эта длиною 8 футовъ, шириною 2'1", толщиной 1'3", стѣнки гроба, положеннаго на материкѣ, сложены были изъ такого же камня. Покойникъ лежалъ головой на западъ, руки у него по обѣимъ сторонамъ корпуса были вытянуты, лѣвая нога тоже, правая немного согнута въ колѣнѣ, голова, придавленная частями раздробившейся верхней плиты, была уложена на двухъ обтесанныхъ въ правильные треугольники кускахъ раковистаго известняка (*lumachelle*). Около этой странной подкладки съ лѣвой стороны стоялъ уцѣлѣвшій маленькій сосудъ изъ сѣро-желтой глины съ остатками звѣриныхъ костей, перемѣшанныхъ съ землей (см. рис. 1). Лѣвой ноги колѣно опиралось тоже на четырехугольникъ изъ раковистаго известняка; при ступнѣ той же ноги внѣ гроба стоялъ другой раздавленный сосудъ съ ручкою изъ черной глины съ богатой прямолинейной орнаментацией 16,5 см. вышиною, діаметра внизу 5 см., въ отверстіи 11,5 см., въ серединѣ 17 см. — въ сосудѣ этомъ были перемѣшаны съ землею какіе-то органическіе остатки (см. рис. 2). По правой сторонѣ у ногъ покойника

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

лежалъ третій сосудъ изъ сѣро-желтой глины, чрезвычайно толстый и грубой работы, вышиною 16,5 см., діаметра внизу 7,5 см., въ отверстіи и серединѣ 12 см. (см. рис. 3); содержаніе его съ землей перемѣшанное опредѣлить было трудно. Орудій и украшеній никакихъ не обнаружено. Покойникъ по произведенному точному измѣренію черепа принадлежалъ къ *долихоцефаламъ*.

Подобный *плитовой* гробъ найденъ былъ еще только въ одномъ мѣстѣ, около с. Борытнаго.

2) При с. *Сыкъжинцахъ* распаханъ черепъ, а при произведенной на этомъ мѣстѣ раскопкѣ открытъ цѣлый скелетъ. Онъ лежалъ головой на востокъ и былъ прикрытъ, какъ и въ другихъ раскопанныхъ ранѣ могилахъ, валиками изъ бѣлой глины, расположенными чрезвычайно симметрично въ видѣ продолговатыхъ параллелограммовъ. По своей формѣ черепъ относится къ типу *долихоцефаловъ*. Въ ногахъ этого скелета съ лѣвой стороны оказались части черепа другаго скелета и обломокъ локтевой кости

Впрочемъ, изслѣдованная мною стоянка, или кремневая фабрика, не была единственною въ Волынскомъ бассейнѣ Горыни, ибо въ двадцатипятиверстномъ разстояніи отъ с. Сивокъ, по направленію къ западу, въ Кременецкомъ уѣздѣ располо-

съ дырой у локтя. Около костяковъ лежали черепки раздавленнаго глинянаго сосуда. Съ противоположной стороны у правой ноги скелета лежалъ черепъ ребенка.

Въ другой могилѣ, въ окрестностяхъ с. Корытеця, найденъ скелетъ, обращенный головой на востокъ, съ подогнутыми ногами и сложенными на груди руками. Голова лежала на подушкѣ изъ глины. Въ ногахъ найденъ глиняный сѣрый сосудъ съ слѣдами поливы, наполненный землею, смѣшанною съ просомъ.

Третья могила въ той же мѣстности оказалась двухъ-ярусною. Въ верхнемъ ярусѣ, отличающемся полнымъ отсутствіемъ глиняныхъ валиковъ, земля была черная, пережженная, съ остатками угля и обгорѣлыхъ костей. Здѣсь же найдены два глиняныхъ, грубо слѣпленныхъ сосуда, вдавленныхъ одинъ въ другой; въ меньшемъ находились остатки обгорѣлыхъ костей, а въ большемъ — остатки какой-то пищи; около нихъ лежалъ кремневый топорикъ съ красиво отполированнымъ остриемъ и кусокъ другого топорика. Въ нижнемъ ярусѣ могилы (фута на 2 ниже) найдены обычные глиняные валики на костякѣ, лежавшемъ на материкѣ, съ подогнутыми ногами и головою, обращенною на востокъ. Никакихъ сосудовъ или орудій при немъ не оказалось. Въ *Сивокѣ* въ 3 могилахъ оказались глиняные валики на костякахъ. Костяки: одинъ лежалъ на лѣвомъ боку, головой обращенъ къ западу, лицомъ къ сѣверу, ноги подогнуты, руки закинута крестъ-на-крестъ надъ головою, въ одной рукѣ кремневый ножикъ длиною въ 10 см. (обломокъ), шириною въ 35,18 мм. По лѣвой сторонѣ костяка около головы стоялъ небольшой глиняный разбитый горшокъ (рис. 4), слабо обожженный, частью внутри закопченный, и другой, тоже разбитый, болѣе крупный (25 см. въ діаметрѣ, рис. 5), болѣе сильно обожженной глины, а также обломокъ топорка крем-

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6.

Рис. 7.

неваго полированнаго. Въ другой могилѣ найдены только валики. Въ третьей (5 ф. вышиной) были два костяка. Локтевыя кости пробуравлены. Горшокъ (рис. 6) съ остатками органическаго вещества, смѣшаннаго съ землею и обломокъ кремневаго ножа.

Въ *Радзиминѣ* раскопано 3 могилы, въ томъ числѣ одна, описанная отдѣльно, съ плитовымъ гробомъ. Въ другой найденъ костякъ безъ валиковъ, но сильно обсыпанный известью. Въ третьей костякъ лежалъ на правомъ боку, головой къ западу; руки скрещены на груди, ноги подогнуты. По правой сторонѣ отъ него найденъ красивый діоритовый молотъ (рис. 7) и осколки глинянаго сосуда. Въ трехъ миляхъ отъ Радзимины, въ с. Переросломъ (около Сѣвѣжинецъ) при копавіи два работника наткнулись на человѣческія кости. Раскопанное мѣсто оказалось могилою. И здѣсь, какъ и въ другихъ могилахъ, найдены валики изъ свѣтлой глины, подъ черепомъ подсыпана была свѣтлая глина; никакихъ слѣдовъ глинянаго сосуда не найдено, но найдены по близости 3 обломка кремневыхъ ножей. По мнѣнію доктора Конерницкаго, произведшаго краниологическія измѣренія этого черепа, онъ долженъ быть приписанъ взрослому мужчине (черепные швы почти сплошь срослись); длина черепа 193 мм., ширина 140 мм., высота 138 мм.; на основаніи краниологическихъ данныхъ и общей формы, черепъ долженъ быть безусловно отнесенъ къ типу долгоголовыхъ, равно какъ и два другихъ черепа, найденныхъ въ этой же мѣстности ранѣе.

жено с. *Матвѣевцы* съ прекраснымъ *городищем*³⁾, изобилующимъ многочисленными, однородными съ Сивковскими, каменными и кремневыми орудіями, не исключая характеристическихъ закривленныхъ ножей и пилъ, богатую коллекцію которыхъ собрали мѣстный арендаторъ сего имѣнія У. Г. Бреза. Далѣе на сѣверъ отъ Сивокъ, на разстояніи около пятидесяти верстъ находится въ Дубенскомъ уѣздѣ с. б. *Мощаница*, сокровища которой изслѣдовалъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ труженниковъ на этомъ поприщѣ, высокоуважаемый профессоръ В. Б. Антоновичъ, опираясь на авторитетъ котораго, я признаю Мощаницкую стоянку однородною и одновременною съ Сивковскою.

Не называю здѣсь г. Кременца, который по изобилію природнаго кремня и камня, долженъ былъ играть важную роль въ каменномъ періодѣ, снабжая окрестныхъ жителей столь важнымъ и драгоценнымъ для нихъ матеріаломъ. Но Кременецъ, хотя и отстоитъ только на сорокъ верстъ отъ изслѣдованной мною мѣстности, лежитъ уже въ другомъ бассейнѣ, именно рѣки Иквы, притока р. Стыря.

³⁾ Городища, мною упоминаемыя, имѣютъ форму круга.

Замѣтки о чешской археологіи.

І. В. Пича, проф. въ Прагѣ.

Древняя исторія Чехіи по историческимъ даннымъ отличается простотой и ясностью: такъ, по римскимъ источникамъ первыми извѣстными обитателями Чехіи были *галльскіе Бойи*, имя которыхъ до сихъ поръ еще звучитъ въ названіи Чехіи у иностранцевъ („*Böhmen*“). Вторыми насельниками Чехіи были германскіе *Маркоманны*, которые, по извѣстіямъ Тацита, вытѣснили Бойевъ; въ послѣдній разъ Маркоманны упоминаются у хронистовъ въ 451 году, и съ этого-то только времени обыкновенно начинается славянскій періодъ исторіи Чехіи, такъ какъ и по преданіямъ народнымъ о Чехѣ — народъ чешскій является пришельцемъ въ своей странѣ.

Немного сложнѣе *археологическія свидѣтельства* о постепенномъ заселеніи Чехіи: такъ, по археологическимъ даннымъ первымъ обитателемъ этой страны былъ человѣкъ дилювіальнаго періода, современникъ сѣвернаго оленя, хотя слѣды пребыванія здѣсь этого человѣка найдены только у деревни Лубной, но связь его съ позднѣйшимъ населеніемъ страны пока еще не можетъ быть установлена. Но вмѣсто исторически извѣстныхъ Бойевъ, по свидѣтельствамъ археологіи, являются въ Чехіи первоначальными обитателями *два народа*, одновременно жившіе въ этой странѣ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ.

Въ сѣверной части Чехіи жилъ народъ, который хоронилъ своихъ покойниковъ, различнымъ образомъ: въ каменныхъ ящикахъ — *цистахъ* (въ сидячемъ или лежащемъ положеніи), подъ кучами камней, составлявшихъ вѣроятно курганы, (Табл. IV, а) въ курганахъ подъ камнемъ, также подъ камнями кромлеховъ и, наконецъ, просто въ землѣ. Народъ этотъ жилъ въ деревняхъ, расположенныхъ и на возвышенныхъ мѣстахъ и въ равнинахъ, иногда даже въ большихъ деревняхъ или городкахъ; имѣлъ домашній скотъ и, кромѣ того, сѣялъ пшеницу, ячмень, просо, ленъ и умѣлъ изготовлять орудія изъ кремня и камня, кости и бронзы. Слѣды поселеній этого народа находимъ въ ямахъ иногда до 2-хъ метровъ глубиною, съ т. н. культурными слоями, состоящими изъ земли, смѣшанной съ золой и углемъ; въ этомъ-то слоѣ и встрѣчается всегда множество разнообразныхъ предметовъ. Среди изслѣдованныхъ могильниковъ этого народа едва ли можно указать на десятокъ, гдѣ бы культура относилась исключительно къ *неолитическому* періоду каменнаго вѣка; напротивъ, въ большинствѣ случаевъ въ этихъ

могильникахъ встрѣчаются уже предметы изъ *бронзы*, притомъ же не только галльштатскаго, но даже и типа „La Tène“; а это обстоятельство даетъ право заключать, что народъ этотъ появился сюда, имѣя уже нѣкоторое знакомство съ металлами, и проживалъ въ Чехіи до начала нашего лѣтосчисленія (до Р. Х.). Нужно замѣтить однако, что гончарныя издѣлія этого народа сохраняютъ постоянно стиль неолитической эпохи. Вообще по характеру культуры этотъ народъ скорѣе всего можно сравнить съ жителями террамаръ Италіи, палафитовъ альпійскихъ озеръ и даже съ жителями эпохи долменовъ на Рейнскомъ побережьи (близъ Монгейма), а также во Франціи и Англии.

Въ южной части Чехіи въ то же самое время жило другое племя, которое сожигало своихъ покойниковъ и сожженные кости хоронило въ курганахъ, устроенныхъ изъ камней, правильно или неправильно сложенныхъ и прикрытыхъ глиной; обыкновенно пепель и кости помещались на уровнѣ земли, окруженные посудой, украшеніями и оружіемъ (Табл. IV, б); иногда же кости и пепель складывались въ пепельницу, которую ставили въ углубленіе въ землѣ. Слѣдовъ жилищъ этого племени до сихъ поръ не найдено, и нужно сказать, что скопленіе кургановъ въ значительныя группы (отъ 10—200) представляется единственнымъ свидѣтельствомъ, что племя это обитало продолжительное время на одномъ мѣстѣ. Вещи этого народа преимущественно *бронзовыя*, при чемъ характеръ ихъ указываетъ на связь съ бронзовой культурой „Галльштата“ и „La Tène“; даже иногда встрѣчаются предметы, относящіеся къ культурѣ *римской имперіи*. Изъ этихъ данныхъ можно заключить, что народъ этотъ, хоронившій своихъ покойниковъ въ каменныхъ курганахъ, пришелъ въ южную Чехію уже съ бронзовой культурой и остался въ Чехіи до *времени римской имперіи*. Находимые при этомъ сосуды изъ глины напоминаютъ сосуды альпійскіе. Должно замѣтить, что съ этими чешскими каменными курганами сходны каменные же курганы южной Баваріи до р. Леха, съ той однако разницей, что тамъ культура галльштатская нашла больше распространенія; но все-таки можно положительно сказать, что народъ, соорудившій каменные курганы въ южной Чехіи, составлялъ отрасль народа, оставившаго подобные же памятники и въ южной Баваріи. Аналогія въ этомъ отношеніи также встрѣчается и въ курганахъ по обоимъ берегамъ Балтійскаго моря (отъ Лабы — Эльбы до Вислы, въ Даніи и южной Швеціи), гдѣ они выступаютъ равнымъ образомъ съ культурой бронзоваго вѣка и могутъ быть отнесены, по мнѣнію шведскихъ археологовъ, къ народамъ германскаго племени.

Культура La Tène-ская появляется въ Чехіи съ новымъ народомъ, который поселился въ сѣверной части Чехіи, на той же территоріи, на которой до этого времени жилъ народъ, хоронившій своихъ покойниковъ *въ сидячемъ положеніи*. Отъ этихъ первыхъ обитателей новые пришельцы отличаются и въ антропологическомъ отношеніи и обрядами похоронъ: они кладутъ своихъ покойниковъ иногда еще съ сѣвера на югъ, какъ дѣлали ихъ предшественники, но кладутъ на спину съ вытянутыми членами, а не въ скорченномъ положеніи. (Табл. V, а). Изъ характера вещей этого народа видно богатство его культуры — бронзовой и желѣзной, но керамика La Tène-скаго типа здѣсь почти не встрѣчается, такъ что можно предположить, что новые пришельцы не изготовляли сами своей посуды. Всѣ эти особенности заставляютъ предположить въ новыхъ при-

шельцахъ настоящихъ Бойевъ классическихъ писателей, покорившихъ прежнихъ жителей. Всѣ три эти категоріи могилъ Чехіи находятся въ связи съ могилами западной Европы.

Но вотъ съ сѣвера проникаетъ въ Чехію *еще новый народъ*, сожигающей своихъ покойниковъ и кладущій пепель и кости въ пепельницы — обыкновенно большіе и украшенные сосуды, прикрытые иногда тарелкой или горшкомъ. Въ пепельницахъ или возлѣ нихъ находятъ украшенія *бронзовыя*. Пепельницу обставляютъ кругомъ сосудами (до 15 и 17 горшковъ) съ яствами и напитками для покойниковъ. Могилы эти находятся обыкновенно просто въ землѣ (Табл. V, б). Могильники эти извѣстны въ археологіи подъ названіемъ *похоронныхъ полей съ пепельницами лужицко-силезскаго типа*. Въ Чехію они проникаютъ съ отѣнкомъ, встрѣчаемомъ только въ Лужицахъ и въ Силезіи, вслѣдствіе чего можно судить о двойной эмиграціи съ сѣвера въ Чехію — одинъ разъ изъ Силезіи на окраину, лежащую на сѣверъ отъ рѣки Лабы до горъ Крконоши (Исполиновыя горы), а во второй разъ изъ Лужиць — главнымъ образомъ на оба берега Лабы. Время этихъ могилъ опредѣляется, какъ характерной по своей технике посудой, такъ и бронзовыми предметами. По технике посуды можно бы утверждать, что керамика чешскихъ могильниковъ принадлежитъ къ концу галльштатскаго и началу La Tène-скаго періода, особенно если мы примемъ во вниманіе, что во всякомъ могильникѣ Чехіи встрѣчаются горшки грубой работы съ двумя ушками; а съ другой стороны находки изъ могильниковъ Познани показываютъ, что эта керамика встрѣчается тамъ еще во время римской имперіи, ибо въ Познани вмѣстѣ съ посудой подобнаго характера находятся предметы провинціального римскаго типа. Бронзовыя украшенія чешскихъ могильниковъ этого типа указываютъ отчасти на вліяніе галльштатской культуры, но встрѣчаются фибулы и браслеты и La Tène-скаго типа. Въ настоящее же время въ археологіи общеизвѣстно, что всякая область имѣетъ особое культурное развитіе, и чужія культуры проникаютъ въ другія земли не равномерно; въ виду же того, что могильники упомянутого типа соприкасаются съ костяками сидячими и латенскими, и костяки затѣмъ исчезаютъ, а изъ сѣверной Чехіи проникаетъ сюда погребальный обрядъ сожженія, — можно предположить, что типъ могильниковъ лужицко-силезскихъ вытѣснилъ въ Чехіи предшествовавшіе ему погребальные типы, т.-е. костяки въ сидячемъ положеніи и гробницы типа La Tène.

Въ періодъ римской имперіи (II—V в. по Р. X.) появляются и въ Чехіи римскія провинціальныя издѣлія. Изъ нихъ для II вѣка: характеристичны фибула такъ называемая прежде *вендская*, т.-е. *славянская*, а также пепельницы и нѣкоторыя бронзы. Могилы съ этими вещами появляются одиночными и по всей вѣроятности представляли погребенія лишь знатныхъ людей. Такимъ образомъ въ трехъ мѣстахъ нашлись одинокіе костяки съ провинціальными римскими предметами II вѣка, — и трудно судить, слѣдуетъ ли ихъ считать костяками, представляющими послѣдніе остатки племени культуры латенскаго періода, или это костяки одинокихъ иностранцевъ, зашедшихъ сюда съ римскаго юга или съ германскаго сѣвера.

Изъ III и IV вѣковъ найдено въ Чехіи въ первый разъ у Добжрихова цѣлое кладбище, содержащее до 200 могилъ; при чемъ въ каждой могилѣ находимы были обыкновенно одна, хорошей работы, пепельница, въ которой обыкновенно помѣщались среди

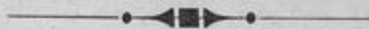
жженныхъ костей украшенія и оружіе римскаго издѣлія (Табл. VI, а). Съ того времени было открыто еще нѣсколько новыхъ, но необширныхъ кладбищъ. По своему характеру и по посудѣ въ особенности, они напоминаютъ такія же кладбища въ нынѣшней Саксоніи, Лужицахъ, Познани, Бранденбургѣ. Я думаю, что ихъ справедливо считаютъ продолженіемъ погребальнаго обычая и культуры лужицко-силезской. Трудно сказать, конечно, составляютъ ли они въ Чехіи продолженіе того же типа или представляютъ памятники новой колонизаціи съ сѣвера; но послѣднее однако вѣроятнѣе, такъ какъ пространство, занятое этимъ новымъ типомъ, очень обширно. Я позволю себѣ кромѣ того предложить гипотезу, что новый типъ представляетъ остатки городского населенія, знакомаго посредствомъ торговли съ римскими провинціями, при чемъ деревенское населеніе близъ этихъ городовъ держалось еще своей домашней культуры: по крайней мѣрѣ такой характеръ носятъ, напримѣръ, могильники рядомъ съ Добжриховымъ, Планиями и Поборами. Къ эпохѣ великаго переселенія народовъ относятся три или четыре одиноко лежащія могилы въ с.-з. Чехіи, а въ Подбабѣ (около Праги) — цѣлое кладбище. Предметы, находимые въ этихъ могильникахъ иностраннаго происхожденія и могутъ быть отнесены, на основаніи желѣзной римской провинціальной фибулы, ко второй половинѣ V или къ первой половинѣ VI вѣка (Табл. VI, б). Могилы эти представляютъ обыкновенный обрядъ погребенія, между тѣмъ какъ въ остальныхъ мѣстностяхъ Чехіи въ это же время должно предположить сожженіе. Костяки этихъ могилъ не только по культурѣ, но и по своему типу сходны съ германскими, такъ что эти могильники можно считать слѣдами временнаго набѣга или торговой колоніи самаго сосѣдняго германскаго племени — конфедерации Аллемановъ. Поздній славянскій періодъ, называемый въ Германіи періодомъ славянскихъ городищъ (Burgwalltypus), начинается въ Чехіи приблизительно 600 годомъ. Обрядъ погребенія въ то время состоялъ еще въ сожженіи; пепельницы встрѣчаются уже той формы, которая извѣстна изъ славянскихъ городищъ; онѣ помѣщены или просто въ землѣ, или въ курганахъ изъ земли (Табл. VII, а), иногда обложенныя камнями; украшения и оружіе встрѣчаются рѣдко; часто вмѣсто цѣлаго сосуда встрѣчаются только черепки. Къ концу же этого періода пепель, какъ кажется, помѣщался просто въ землѣ. Послѣдній періодъ однакоже до сихъ поръ мало изслѣдованъ. Культура этого періода распространена по всей Чехіи, что указываетъ на культурное объединеніе страны и вмѣстѣ съ тѣмъ на новое завоеваніе южной половины края — фактъ отмѣченный исторіей подъ временемъ аварскаго владычества Сама (620 — 658). Однакоже слѣдовъ этого аварскаго владычества въ Чехіи не найдено, равно какъ не найдено слѣдовъ германскаго элемента за это же время, что и составляетъ поправку къ извѣстіямъ Фредегара о владычествѣ и происхожденіи Сама, который, по археологическимъ свѣдѣніямъ становится славянскимъ княземъ, вторгнувшимся съ новымъ племенемъ въ Чехію, занявшимъ вновь южныя окраины и объединившимъ всю землю, такъ что онъ могъ побѣдоносно бороться и съ королемъ франковъ Дагобертомъ. Въ христіанскую эпоху сожженіе исчезаетъ и замѣняется обыкновеннымъ погребеніемъ. Первыми такимъ образомъ погребенными были князь Боривой, св. Людмила и св. Вячеславъ (останки ихъ — въ Прагѣ, на Градчанахъ). Кладбища этого времени опредѣляются монетами съ X — XII вѣка, найденными при костякахъ. Костяки перваго христіанскаго времени

полагались или просто на поверхности земли и надъ ними насыпался земляной курганъ (Табл. VII, б), что въ Чехіи производилось еще во время князя Бржетислава (1038—1055), или клались просто въ могилу; иногда вокругъ костяка и надъ нимъ располагались камни (Табл. VIII); иногда же костяки помѣщались въ гробу. Культура этого періода сходна съ другими славянскими землями, съ тѣмъ однакоже отличіемъ, что украшенія восточнаго и византійскаго происхожденія, какія найдены, напримѣръ, въ Колинѣ, — встрѣчаются очень рѣдко. Славянскія племена Чехіи, по свидѣтельству археологій жили, въ городахъ и селахъ, остатками которыхъ являются городища съ большими пепелищами (селища) или одни пепелища, которыя объемомъ своимъ приближаются къ пепелищамъ времени костяковъ, похороненныхъ въ сидячемъ положеніи. Тамъ, гдѣ славянскія пепелища лежатъ надъ болѣе древнимъ культурнымъ слоемъ, отъ послѣдняго отдѣляется ихъ обыкновенно небольшой слой желтой, вѣтромъ нанесенной земли. Преданія, сохранившіяся въ этихъ мѣстностяхъ о малорослыхъ людяхъ, прежде здѣсь обитавшихъ, а потомъ исчезнувшихъ, позволяютъ думать, что славяне, пришедши въ Чехію, нашли здѣсь людей прежде поселившихся, которыхъ они по всей вѣроятности поработили, чѣмъ и объясняется то обстоятельство, что многія географическія названія изъ древнихъ временъ сохранились до настоящаго времени.

Изъ славянскихъ селищъ или пепелищъ, мною изслѣдованныхъ, самое интересное въ Михлѣ (около Праги), гдѣ на слоѣ пепелистой земли съ остатками культуры скорченныхъ костяковъ лежалъ слой желтой, вѣтромъ нанесенной земли, а на этомъ послѣднемъ лежалъ непрерывный новый слой, въ нижней части котораго находились предметы (особенно посуда) времени римской имперіи; въ верхнихъ же частяхъ того же слоя оказались предметы изъ эпохи *славянскихъ* городищъ. Изъ этого можно положительно заключить, что на одномъ и томъ же мѣстѣ послѣдовательно обитали люди съ III до XI вв., люди, которыхъ можно считать представителями одного племени славянскаго происхожденія. Второе подобное селище находится въ Пржемышлени, гдѣ намъ удалось найти скорченные и La Tène-скіе костяки; здѣсь изслѣдовано было пепелище, нижній, болѣе древній слой котораго доходилъ до 1 метра толщины, а надъ этимъ пепелищемъ лежалъ тонкій слой желтой, вѣтромъ нанесенной земли, а надъ нимъ находилось еще новое пепелище толщиной 51—75 см. Въ нижней части этого верхняго пепелища я нашелъ черепки сосудовъ культуры лужицкой; въ верхней же — черепки типа славянскихъ городищъ, но черепковъ характера римской эпохи не было. Изъ данныхъ, добытыхъ нами въ Михлѣ, Пржемышлени и въ подобныхъ пепелищахъ слѣдуетъ, что Славяне чешскаго племени въ Чехіи начинаютъ свое существованіе появленіемъ лужицкой или лужицко-силезской культуры и соответственнаго типа погребенія, и что первоначальной родиной ихъ были Лужицы и Силезія; затѣмъ они заняли сначала нѣкоторыя сѣверныя окраины и впоследствии всю чешскую землю. Фактъ этотъ находитъ себѣ объясненіе и въ исторіи въ отношеніи характера могилъ: по крайней мѣрѣ историческіе источники греческіе, арабскіе, латинскіе и мѣстные свидѣлствуютъ единогласно, что съ перваго появленія Славянъ въ предѣлахъ византійской имперіи съ VI до X в. обычнымъ обрядомъ погребенія было сожженіе. Такимъ образомъ нѣтъ сомнѣнія, что первоначальныхъ Славянъ нужно искать въ могилахъ съ сож-

женіемъ. Появленіе же первыхъ Славянъ лужицко-силезскаго типа въ Чехіи объясняетъ и историческую загадку, относительно того, что въ 58 году до Р. Х. народъ Бойевъ воюетъ съ Цезаремъ въ Галліи, тогда какъ прогнавшіе ихъ, по Тациту, Маркоманы подъ начальствомъ князя Маробуда, вторглись въ Чехію лишь 50 лѣтъ спустя: дѣло въ томъ, что Бойевъ прогнали не Маркоманы, а славянскія племена, поэтому и свѣдѣнія о владычествѣ Маробуда нужно подвергнуть пересмотру.

Отожествленіе первыхъ чешскихъ Славянъ съ пришельцами лужицко-силезскаго типа въ Чехіи можно обосновать и съ точки зрѣнія антропологической: въ кладбищахъ первыхъ христіанскихъ временъ, слѣдовательно въ кладбищахъ настоящихъ чешскихъ, встрѣчаются два разные антропологическіе типа: одинъ — долихоцефалической, тождественный по типу и характеру съ типомъ череповъ племени *сидячихъ костяковъ*, второй мезо- и брахицефальный новаго типа и характера, тождественный съ типомъ современныхъ намъ Чеховъ; только, какъ исключенія, попадаются среди нихъ черепа типа La Tène и типа аллеманскаго, доходящіе до мезоцефалии. Такъ какъ типъ *сидячихъ костяковъ*, типъ La Tène, или галльскій, и типъ аллеманскій обозначены особой культурой и не имѣютъ никакой связи съ извѣстнымъ намъ міромъ славянскимъ, такъ какъ всѣ эти типы поглощаются вполнѣ до XVI в. типомъ брахицефальнымъ, то можно сказать слѣдующее: появленіе племени брахицефальнаго, такого, какимъ оно появляется въ кладбищахъ перваго христіанскаго времени, становится новымъ антропологическимъ фактомъ въ Чехіи; это брахицефальное племя — энергичное, ибо оно поглощаетъ остальные: оно тождественно съ типомъ настоящихъ Чеховъ, слѣдовательно и нужно заключить, что чешскіе Славяне при своемъ поселеніи въ Чехіи были *брахицефалы*, своего особаго, типа и нашли здѣсь уже предшественниковъ, которые остались жить въ странѣ и которыхъ Чехи поработили, а съ теченіемъ времени поглотили. Переходъ въ данномъ случаѣ отъ одного антропологическаго типа къ другому немислимъ, такъ какъ мы оба типа видимъ другъ возлѣ друга, видимъ и формы смѣшанныя, вѣроятно посредствомъ браковъ. Такимъ образомъ Чехи уже въ прародинѣ своей, которою въ настоящее время можно считать Лужицы, Силезію, Познань и Бранденбургъ, были брахицефалами и съ сложившимся короткоголовымъ типомъ пришли изъ этой прародины въ Чехію.

Городище и могильники р. Корчеватый.

Сергѣя Гамченка.

ГЛАВА I.

Географическій очеркъ и топографія мѣстности.

На южной окраинѣ восточной половины Полѣсья, въ углу, образуемомъ слияніемъ рѣкъ Верхлужи и Быстріевки, гдѣ Житомирскій уѣздъ (Волынской губерніи) небольшимъ клиномъ вдается въ Радомысльскій (Кіевской губерніи), съ запада на востокъ пролегаетъ извилистая ложбина рѣки Корчеватый¹⁾. Рѣка эта, зарождающаяся въ болотахъ д. Оедоровки, пробѣжавъ около 12 верстѣ, впадаетъ въ р. Верхлужу. Съ сѣвера и юга ложбина р. Корчеватый окаймлена грядами незначительныхъ возвышенностей, отдѣляющихъ ее отъ Верхлужи на сѣверѣ и Быстріевки на югѣ. Названныя возвышенности заполняютъ все пространство, почти кругъ, очерченный деревнями Выдборъ, Горбылевъ, Торчинъ, Каменный-бродъ, Слипчицы и двѣ Корчевки (одна житомирская, а другая радомысльская). Площадь означеннаго района, заключающаго въ себѣ около 15 квадратныхъ верстѣ, разсѣчена почти пополамъ р. Корчеватый. Отъ д. Оедоровки, на протяженіи 7 верстѣ, съ направлениемъ р. Корчеватый совпадаетъ граница Житомирскаго и Радомысльскаго уѣздовъ, далѣе круто поворачивающая на югъ къ р. Быстріевкѣ и составляющая тотъ клинъ, о которомъ говорено раньше. Характеръ мѣстности — какъ вообще на южныхъ окраинахъ Полѣсья: холмы, низины, болота и т. д. Наиболѣе болотистой является долина р. Корчеватый. Почва суглинокъ съ примѣсью ничтожнаго процента извести. Подъ культурнымъ слоемъ залегаютъ желтая и цвѣтныя глины, ниже гранитъ и мѣстами гиперитъ, называемый въ общезитіи лабрадоромъ²⁾.

¹⁾ См. карту окрестностей древняго поселка, городища и могильниковъ по р. Корчеватый рис. 8.

²⁾ Гиперитъ составляютъ минералы: гиперетень, лабрадоръ, кварцъ, роговая обманка, слюда, титанное желѣзо, апатитъ и желѣзный колчеданъ; но большой процентъ составныхъ частей приходится на долю лабрадора (разновидность полеваго шпата), который, отличаясь красивой игрой цвѣтовъ, послужилъ причиной, что гипериты стали называть въ общезитіи лабрадоромъ (по сходству съ горной породой аналогичнаго состава, открытой съ давнихъ поръ на полуостровѣ Лабрадорѣ). До 1851 года гипериты были извѣстны только въ с. Каменный-бродъ и въ его окрестностяхъ, въ настоящее же время установленъ фактъ, что гипериты распространены въ изобиліи на юго-востокѣ Волыни и въ сѣверной части Кіевской губерніи (см. „Изъ путевыхъ записокъ по Житом. и Овручск. уѣздамъ въ 1867 г.“ г. Оссовскаго, изд. 1868 г.).

По теченію рѣкъ попадаются спорадически разбросанные обломки названныхъ горныхъ породъ. Лабрадоръ встрѣчается преимущественно по берегамъ р. Быстрѣвки, и обнаженія его особенно типичны у с. Каменный-бродъ, гдѣ и устроены обширныя каменоломни на протяженіи болѣе трехъ верст³⁾. Гиперитъ вообще идетъ на различныя подѣлки и украшенія. На мѣстѣ и въ м. Коростышевѣ (Радомысльскаго уѣзда) изъ него готовятъ надгробныя памятники, плиты, вазы и проч. Въ г. Житомирѣ въ православномъ кафедральномъ соборѣ имъ обложены плитусы колоннъ. Главная же составная часть гиперита, собственно лабрадоръ, послѣ тщательной шлифовки употребляется для выдѣлки запонокъ, брошекъ, прессъ-панье и другихъ цѣнныхъ мелкихъ украшеній. Такимъ образомъ, изъ минеральныхъ богатствъ данной мѣстности главное значеніе, по справедливости, принадлежитъ лабрадору. Что же касается обильнаго распространенія болотъ, то образованіе таковыхъ слѣдуетъ приписать глинистой подпочвѣ, которая, какъ извѣстно, способствуетъ задержанію почвенныхъ водъ въ низинахъ. Растительный слой по берегамъ болотъ содержитъ въ себѣ болотную желѣзную руду, которая здѣсь никѣмъ не эксплуатируется. Во многихъ мѣстахъ, подъ болотнымъ черноземомъ, примѣтны залежи торфа, по значительному содержанію минеральныхъ веществъ, довольно низкаго достоинства. Болота и относительное обиліе почвенныхъ водъ придаютъ описываемой мѣстности характеръ полѣся; но холмы, характеризующіе Кіевское поднѣпровье, и замѣтное преобладаніе листовыхъ породъ приближаютъ ее къ черноземной полосѣ. Лѣса составляютъ: береза, дубъ, сосна, ольха и орѣшникъ. По свидѣтельству старожиловъ, здѣсь еще недавно было обиліе лѣсовъ, которые теперь, благодаря топору дровосѣка и плугу земледѣльца, значительно порѣдѣли. Тѣмъ не менѣе мѣстность сохранила и до настоящаго времени лѣсной характеръ. Обнаженіе почвы должно было, конечно, отразиться на количествѣ влаги. Р. Корчеватый, которая, по рассказамъ жителей, въ недалекомъ прошломъ была порядочной рѣчкой, нынѣ представляетъ, въ своемъ верхнемъ и среднемъ теченіи, рядъ болотъ, соединенныхъ проточными озерками. Ширина ея въ мѣстахъ проточныхъ озеръ не превосходитъ 4 сажень, а глубина не болѣе 1½ аршинъ. Берега болотистые; дно илистое. Заливные луга окаймляютъ ея побережье. Населенные пункты не особенно рѣдки (5—9 верстъ раздѣляютъ смежныя селенія) и средней густоты (30—75 дворовъ). Населеніе составляютъ малороссы. Изрѣдка попадаются нѣмцы и чехи-колонисты. Помѣщики преимущественно поляки. Торговля въ рукахъ евреевъ. Главное занятіе жителей земледѣліе. Воздѣлываются: рожь, пшеница, гречиха, просо, овесъ, ячмень, картофель и другіе предметы культуры средней полосы. Нѣкоторые изъ селянъ занимаются также щепнымъ, смолокурнымъ и извознымъ промыслами. Земледѣльческіе и лѣсные продукты сбываются на радомысльскомъ и житомирскомъ рынкахъ. Окрестныя селенія исключительно новѣйшаго происхожденія: Слипчицы и радомысльская Корчевка основаны въ XVIII столѣтіи; житомирская Корчевка — въ 30-хъ годахъ вышешаго; Слипчицкая ферма существуетъ всего нѣсколько лѣтъ; возникновеніе же Торчина и Выдыбора относится къ незапамятной старинѣ. Сохранилось смутное преданіе, будто

³⁾ Лучшія каменоломни принадлежатъ мѣстному помѣщику Корчакъ-Сивичкому.

Торчинъ былъ, въ отдаленное отъ нашихъ дней время, ключомъ окрестныхъ поселковъ. Про основаніе Выдыбора народное сказаніе гласитъ: „когда-то пришли двое людей — мужъ и жена — къ истокамъ р. Верхлужи и поселились въ дремучемъ лѣсу; жили сначала на деревьяхъ, послѣ въ землянкѣ, а когда къ нимъ присоединилась еще пара, то они построили первую избу“. Названія окрестныхъ деревень мѣстные жители объясняютъ слѣдующимъ образомъ: „Выдыборъ“ происходитъ оттого, что въ то время здѣсь былъ дремучій боръ, густой лѣсъ, т.-е. „куда ни глянешь, всюду виденъ боръ“. Корчевки построены на мѣстахъ вырубленнаго и выкорчеваннаго лѣса; поэтому за ними и сохранилось названіе, происшедшее отъ слова „корчевать“. Названіе р. Корчеватый приписываютъ тому, что на ней и смежныхъ съ нею болотахъ было много „корчагъ“. Слипчицы основаны нѣсколькими слѣпыми нищими (слипци), населенными здѣсь какимъ-то благодѣтельнымъ помѣщикомъ. На сѣверо-востокъ отъ с. Горбилева находится урочище „Дѣвичья гора“, прозванное такъ потому, что тутъ татары изнасиловали и перебили много дѣвушекъ, полоненныхъ во время набѣга. Только-что названныя деревни образуютъ какъ бы краевыя границы площади-круга, о которой было упомянуто въ началѣ этой главы; внутри же ея, кромѣ Слипчицкой фермы, нѣтъ ни одного поселенія. Много разъ мнѣ приходилось раньше слышать, что въ долину р. Корчеватый имѣются курганы и слѣды древняго поселка. Заинтересованный этими слухами, я, лѣтомъ 1889 года, предпринялъ археологическія изслѣдованія въ бассейнѣ означенной рѣки. Результатомъ моихъ изысканій и является настоящій трудъ.

ГЛАВА II.

Преданія и сказанія о городищахъ и окрестныхъ курганахъ.

Каждая мѣстность имѣетъ свое прошлое, свою исторію, обыкновенно сохраняющуюся въ народѣ въ формѣ преданій, сказаній и легендъ. Особенно много создается подобныхъ разсказовъ тамъ, гдѣ остались какіе-либо вещественные памятники старины, въ родѣ земляныхъ насыпей и проч. Эти памятники всегда служатъ для народнаго воображенія опорной точкой, ядромъ, вокругъ котораго формируется цѣлый циклъ разсказовъ, въ коихъ иногда бываетъ легко прослѣдить основную идею, хорошо освѣщающую давно минувшіе дни. Въ изслѣдуемой мѣстности⁴⁾ уцѣлѣло нѣсколько памятниковъ древности, около которыхъ и сосредоточилась народная фантазія, создавшая нѣсколько характерныхъ преданій, могущихъ пролить струю свѣта на прошлое.

Почти въ центрѣ описанной въ предыдущей главѣ площади есть старинное земляное укрѣпленіе, называемое народомъ „городищемъ“, „замчискомъ“ и „сковородою“. Въ полуверстѣ отъ него на сѣверъ, югъ и востокъ расположено по группѣ искусственныхъ холмиковъ, которые называются „курганами“ и „копцами“. Сѣверную группу, по мѣсту ея нахождения — торчинскій лѣсъ — называютъ „торчинскими курганами“.

⁴⁾ См. рис. 8.

южная известна подь названіемъ „слипчицкихъ кургановъ“, и восточная именуется „курганами въ слипчицкомъ лѣсу“. Наконецъ, около самаго городища есть одинъ большой курганъ безъ названія. Чтобы легче ориентироваться въ дальнѣйшемъ описаніи, сохранимъ народныя названія къ этимъ насыпямъ.

Все сказанія единогласно утверждаютъ, что подлѣ городища находился когда-то городъ, селеніе. Собственно же городище было не что иное какъ укрѣпленный пунктъ для защиты, крѣпостца или цитадель. По нѣкоторымъ сказаніямъ оказывается, что отъ городища, подь Корчеватый, въ сторону слипчицкихъ кургановъ, идетъ подземный ходъ. Когда приходилъ врагъ, женщины и дѣти уходили въ окрестные лѣса, а мужчины запирались частью въ городищѣ, частью же въ городѣ, за тыномъ.

На юго-западъ отъ городища, въ разстояніи 15—20 шаговъ, есть засыпавшійся колодець. По внѣшности это небольшая, круглая яма, глубиною въ $1\frac{1}{2}$ аршина и въ окружности 5—6 шаговъ, наполненная водою. Преданіе гласитъ, что этотъ колодець вырытъ очень давно, когда еще здѣсь существовалъ древній городъ и въ немъ, на днѣ, спрятанъ кладъ. На тридцать сажень, восточнѣе городища есть маленькое, полушарообразной формы, углубленіе, наполненное водою, которое называютъ „копанкой“. Въ этой копанкѣ, говорятъ, тоже зарытъ кладъ. По серединѣ пространства между д. Корчевкой и городищемъ виднѣется по обоимъ берегамъ р. Корчеватый валь, перпендикулярно вдвинутый въ рѣку. Въ этомъ мѣстѣ какъ разъ находится одинъ изъ проточныхъ прудовъ р. Корчеватый. Валь почти по серединѣ прорванъ рѣкою. Проточина здѣсь длиною около 20 сажени и шириною въ 2 сажени. Валь круто оборванъ къ проточинѣ. Ширина его вверху около сажени. Боковыя заложенія крутостей спускаются въ 45° . Длина отрѣзковъ вала, по обѣ стороны проточки, равняется десяти саженямъ. Мѣсто прорыва вверху около $1\frac{1}{2}$ сажени; внизу же не болѣе сажени. Высота вала, надъ уровнемъ воды — $1\frac{1}{2}$ сажени, подьходя къ возвышенностямъ долины, переходитъ на нѣтъ. Насыпь исключительно земляная; хворосту не видно, камней тоже. Въ общемъ этотъ валь, или насыпь, напоминаетъ плотину. Старожилы передавали мнѣ, что въ этомъ мѣстѣ была когда-то мельница и плотина; но какъ давно это было — никто изъ стариковъ не помнитъ, такъ какъ имъ самимъ приходилось объ этомъ только слышать отъ старыхъ людей. Называютъ эту насыпь также „плотиной Яненки“. На востокъ отъ городища, въ разстояніи двухъ верстъ, около дороги на Каменный-бродъ, есть небольшое возвышеніе, называемое курганомъ. Посѣтивъ это мѣсто, я пришелъ къ заключенію, что это не курганъ, а случайное возвышеніе, образовавшееся отъ корней деревьевъ.

Про большой курганъ старые люди рассказываютъ, что помнятъ, когда они были еще дѣтьми, какъ на этомъ курганѣ стояло три большихъ креста, три „фигуры“⁵⁾, впоследствии сгнившіе отъ времени.

⁵⁾ „Фигурами“ въ этой мѣстности называютъ большіе кресты, съ изображеніемъ распятія, которые такъ часто встрѣчаются на всемъ пространствѣ бывшей Рѣчи Посполитой.

ГЛАВА III.

Вѣшнее описаніе городища и кургановъ.

Почти въ центрѣ площади, образуемой деревнями Корчевкой, Свидай, Горбылевымъ, Каменнымъ-бродомъ и Слипчицами, на лѣвомъ берегу р. Корчеватый, въ SW-мъ углу пересѣченія дорогъ Корчевка — Каменный-бродъ и Слипчицы — Горбылево, есть небольшая возвышенность. Съ сѣвера, сѣверо-востока и востока къ ней подходят торчинскій и слипчицкій лѣса. Эта возвышенность отдѣляется незначительной сѣдловинкой отъ возвышенности, вершина которой находится западнѣе перекрестка дорогъ: Свида — Каменный-бродъ и Корчевка — Каменный-бродъ. Собственно первая возвышенность есть естественное продолженіе послѣдней и, если бы не вышеупомянутая сѣдловинка, трудно было бы предположить, что это отдѣльное возвышеніе. Горизонтальная проекція этого холма напоминаетъ эллипсисъ, большая сторона котораго параллельна р. Корчеватый. Высота холма надъ линіей основанія не болѣе двухъ съ половиною саженой. Окружность основанія около ста саженой. Вершину холма вѣнчаетъ квадратное земляное укрѣпленіе, съ закругленными углами и входомъ съ востока (рис. 9).

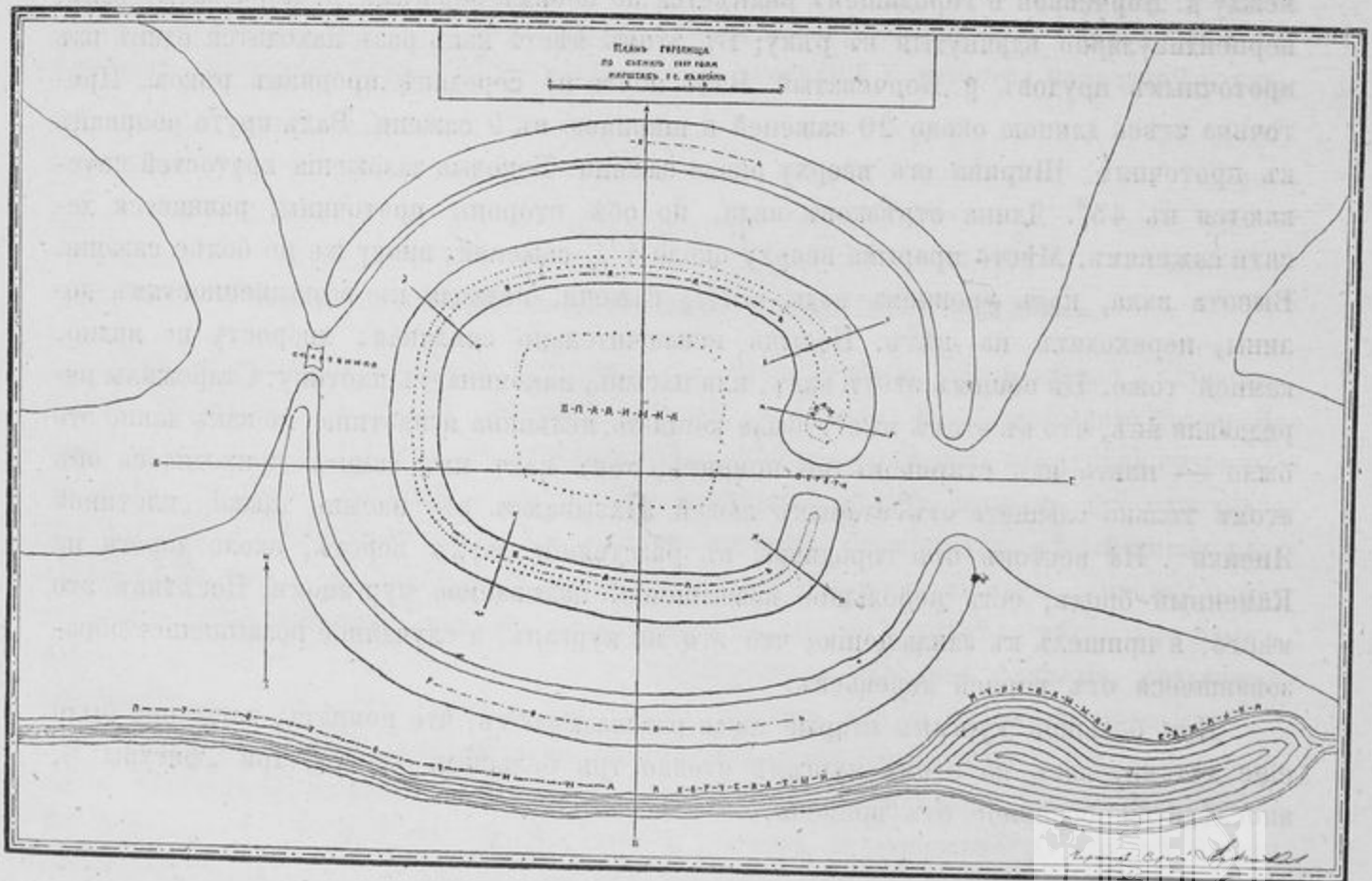

Рис. 9.

Вслѣдствіе угловыхъ закругленій, укрѣпленіе въ планѣ напоминаетъ кругъ, сдавленный слегка съ четырехъ противоположныхъ сторонъ. Внутри укрѣпленіе ограничиваетъ

котловину, края которой, сливаясь съ подошвой внутренней крутости насыпи, превышаютъ середину на полтора аршина. Ограду укрѣпленія составляютъ валъ и ровъ. Валъ насыпанъ по линіи края площадки возвышенности. Длина его 70 сажень. Съ ООС валъ прерывается, образуя входъ. Площадка входа выше середины укрѣпленія на $1\frac{1}{2}$ арш. Ширина вала различна: всего больше у восточнаго и меньше у юго-восточнаго конца. Въ разрѣзѣ $a - b = 5$ саж., по линіи $e - z = 4$ саж., въ $d - e = 3$ саж., въ $ж - з = 3$ саж. и въ $i - к = 2$ саж. Высота вала тоже неодинакова: съ востока — 2 арш. 10 в., съ сѣвера — 2 арш. 4 в., съ запада — 1 арш. 14 в. и съ юга 1 арш. 2 в. Восточный конецъ вала у входа очень широкъ и высокъ. Внутренняя окружность городища около 60 саженой. Выходъ совпадаетъ съ естественнымъ уклономъ мѣстности. Наружная крутость вала сливается съ отлогостями возвышенности. Съ сѣверо-восточной и юго-западной сторонъ, вокругъ подошвы холма находится ровъ шириною съ NO въ $1\frac{1}{2}$ сажени и съ SW въ 1 саж.; глубина его въ первомъ участкѣ — 2 арш. и во второмъ — 1 арш. Наружная крутость NO-го рва сливается съ пролегающей здѣсь дорогой Корчевка — Каменный-бродъ, а наружная крутость SW-го рва совпадаетъ съ наклономъ мѣстности къ р. Корчеватый. Отъ подошвы холма до берега рѣки около десяти саженой. Если бы не сѣдловка съ сѣверо-сѣверо-запада, оба участка рва представляли бы кольцевой ровъ, который прерывался бы только возвышеніемъ у входа въ городище. Сѣдловка, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказалась засыпанной частью рва. Углубленіе рва только на два аршина превышаетъ уровень воды въ р. Корчеватый. Есть преданіе, что ровъ наполнялся водою, отведенною изъ рѣки. Предположеніе это весьма правдоподобно и въ особенности, если принять во вниманіе, что прежде уровень воды въ р. Корчеватый былъ выше, углубленіе рва больше, такъ какъ осыпавшаяся въ ровъ земля сдѣлала его мельче. Городище въ настоящее время вспахивается подъ посѣвы и расположено на поляхъ помѣщика д. Корчевки, г. Вольскаго. Пашутъ здѣсь уже нѣсколько лѣтъ. Обработка городища подъ посѣвы сравнительно еще мало измѣнила его первобытный видъ, ибо старожилы мнѣ передавали, что и до обработки оно было такое же, — только валъ былъ выше, и ровъ глубже. Поверхностное изслѣдованіе городища позволяетъ сдѣлать заключеніе, что оно служило встарину для обороны, когда не было огнестрѣльнаго оружія, и человѣку незачѣмъ было выбирать для защиты пунктовъ возвышенныхъ, съ большимъ кругозоромъ. Съ юга и юго-востока городище защищала р. Корчеватый, съ сѣвера и сѣверо-востока болото ручейка, протекающаго по опушкѣ торчинскаго лѣса. Менѣе всего городище было защищено съ запада и сѣверо-запада: это позволяетъ предполагать, что защитники городища болѣе всего разсчитывали на нападеніе съ востока. Входъ съ востоко-востоко-юга нисколько не противорѣчитъ основной идеѣ обороны: видимо, тѣ люди, которые воздвигли здѣсь городище, были убѣждены, что болота р. Корчеватый и торчинскаго ручья непроходимы для врага и достаточно защищаютъ укрѣпленіе. Для обороны несравненно выгоднѣе было входъ сдѣлать именно съ этой стороны еще и потому, что въ случаѣ, если бы врагъ торчинскимъ лѣсомъ обошелъ болота торчинскаго ручья, то съ запада и съ сѣверо-запада онъ наткнулся бы на ровъ и валъ. Наконецъ, кромѣ перечисленныхъ причинъ, побудившихъ устроить входъ съ востоко-во-

стоко-юга, могли имѣть значеніе также: естественное пониженіе холма въ данномъ мѣстѣ и близость поселка, на существованіе коего указываетъ преданіе. Поселокъ или, какъ преданіе называетъ, „городъ“ былъ расположенъ на пространствѣ, образуемомъ съ сѣвера торчинскимъ ручьемъ и съ востока и юга болотами р. Корчеватый⁶⁾. Въ этомъ районѣ находятся въ растительномъ слоѣ въ изобиліи черепки отъ глиняной посуды древняго происхожденія. Приготовлены они изъ неотмученной желто-бѣлой глины, какъ здѣсь называютъ: „глея“, на гончарномъ станкѣ, и носятъ на своей наружной поверхности всевозможные узоры, о которыхъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Вся площадь древняго поселка или города занята полемъ, обрабатываемымъ теперь подъ посѣвы. Крестьяне намъ передавали, что при распашкѣ плугъ, углубляясь въ землю на 4—6 вершковъ, чиркаетъ о черепья глиняной посуды, при чемъ часто находятъ: кварцитовые кружочки (большіе), похожіе на грузила рыболовной сѣти; каменные молотки съ ушками; куски обдѣланнаго и необдѣланнаго кремня; какія-то фигурки изъ мѣди и камня, нѣсколько напоминающія крестикъ; мѣдные, заостренные къ одному концу, шарики съ ушкомъ съ противоположной стороны; каменные кружечки (меньшіе); мѣдные, длиною до 1½ арш., круглые, тупые съ концовъ, прутья; въ большомъ числѣ желѣзные гвозди, не мало желѣзныхъ не то ключей, не то наконечниковъ отъ стрѣлъ, съ зазубринами и т. п. Всѣ эти находки затеряны. Сохранились еще только каменные кружочки, употребляемые въ домашнемъ быту какъ лѣкарство. Крестьяне слишкомъ высоко цѣнятъ эти кружочки, и всѣ, у кого они есть, очень тщательно ихъ сохраняютъ для себя и ни за что не соглашаются переуступить кому-либо. Каменные кружочки вообще изготовлены изъ краснаго шифера и не что иное какъ пряслицы⁷⁾. Чѣмъ ближе къ торчинскому лѣсу и болотамъ р. Корчеватый, тѣмъ растительный слой больше и собственно на городищѣ онъ заключаетъ въ себѣ около 60% песку. Разсматривая наслоенія земли на городищѣ и во рву около него при посредствѣ пробныхъ ямъ, мы пришли къ заключенію, что валъ городища образовался изъ земли, вынутой съ наружнаго рва. Область распространенія черепковъ и находокъ древней культуры позволяетъ съ большою точностью указывать не только мѣсто расположенія древняго поселка или города, но и окружность его. Последняя равнялась приблизительно двумъ верстамъ и заключала въ себѣ площадь въ 2000 квадратныхъ сажени.

На сѣверо-востокъ отъ городища, въ разстояніи отъ него 20 сажени, расположенъ большой курганъ, имѣющій въ высоту около сажени⁸⁾. Это самый значительный курганъ въ данной мѣстности. Его уже нѣсколько лѣтъ распахируютъ. На вершинѣ кургана есть площадка, по срединѣ коей имѣется незначительное углубленіе.

На сѣверо-сѣверо-востокъ отъ городища, въ разстояніи $\frac{3}{4}$ версты, въ торчинскомъ лѣсу, расположена группа искусственныхъ земляныхъ насыпей, называемыхъ

6) См. рис. 8.

7) Съ меньшими изъ нихъ совершенно аналогичны пряслицы, найденныя нами при археологическомъ изслѣдованіи въ 1886 году кургановъ около г. Житомира. См. наше сочиненіе „Житомирскій могильникъ“, стр. 25.

8) См. рис. 8.

торчинскими курганами или копцами. Всѣхъ кургановъ здѣсь 58. Площадь, ими занимаемая, имѣетъ въ окружности пятьсотъ шаговъ, въ длину около 200 и въ ширину сто шаговъ. Группа нѣсколько растянута въ сѣверо-южномъ направленіи. Курганы расположены на юго-западномъ склонѣ возвышенности торчинскаго лѣса.

Внѣшнія формы кургановъ почти одинаковы. При ближайшемъ разсмотрѣніи можно однако уловить нѣкоторые отгѣнки, вполне зависящіе отъ рельефа мѣстности, состава почвы и величины той массы земли, которая составляетъ курганъ. Почва съ запада и юга курганной площади песчаная, съ незначительной примѣсью глины, а съ востока и въ центрѣ больше глинистая, съ малой подмѣсью песку. Курганъ имѣетъ полушарообразную или куполообразную форму, которая иногда даже приближается къ усѣченному конусу съ закругленнымъ срѣзомъ и расплывшимся основаніемъ.

Всякій курганъ имѣетъ вокругъ себя, внѣ линіи подошвы, весьма отчетливые слѣды кольцевого рва, не всегда замкнутой фигуры. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ровъ дѣлится, рядомъ земляныхъ горизонтныхъ перешейковъ, на нѣсколько сферическихъ ровиковъ. Внутренняя отлогость ровиковъ составляетъ продолженіе боковыхъ отлогостей кургана. Наружная отлогость постоянно имѣетъ заложеніе значительно большее въ линейномъ отношеніи, чѣмъ заложеніе внутренней отлогости. Края отлогостей ровиковъ не выражаютъ рѣзко очерченныхъ реберъ и представляютъ волнообразныя, сферически-кривыя закругленности, концентрическія окружности основанія. Возлѣ высокихъ кургановъ ровики сильнѣе выражены въ глубину, а подлѣ невысокихъ менѣе примѣтны и даже совсѣмъ сливаются съ уровнемъ мѣстности. Торчинскіе курганы очень близко расположены другъ къ другу и большинство изъ нихъ относится къ категоріи сопредѣльныхъ. Въ особенности много сопредѣльныхъ кургановъ въ восточной сторонѣ группы. Одиночно-стоячіе больше всего встрѣчаются по сѣверо-западо-южной окраинѣ. Взаимно пресѣкающіеся курганы исключительно расположены въ центрѣ. Высокіе курганы, которыхъ не больше десятка, тянутся отъ центра къ востоку. Чѣмъ далѣе отсюда удаляешься къ сѣверу, западу и югу, тѣмъ курганы меньше. Самые малые курганы находятся на сѣверной и южной окраинахъ. Съ юга на сѣверъ, заканчиваясь между самыми высокими курганами, пролегаетъ не то старая дорога, не то неглубокій оврагъ. Крестьяне намъ передавали, что, по ихъ преданіямъ, это была дорога къ курганамъ со стороны городища. При ближайшемъ изученіи, оврагъ этотъ производитъ впечатлѣніе канавы для стока грунтовыхъ водъ и черезъ то осушенія почвы этой части курганной группы. Торчинская группа, будучи расположена въ лѣсу, сохранила прекрасно свои первобытныя формы. Правда, деревья нѣсколько уродуютъ курганы, что поменьше, и кустарникъ скрадываетъ отъ наблюдателя полноту впечатлѣній; но въ общемъ и то и другое не мѣшаетъ изслѣдованію. Лѣсъ теперь здѣсь рубятъ и въ недалекомъ будущемъ предполагается курганную группу распахивать подъ посылы. Теперь всѣ курганы покрыты довольно плотнымъ слоемъ дерна.

Съ юго-юго-западной стороны отъ городища, за р. Корчеватый, въ разстояніи $\frac{1}{2}$ версты, на поляхъ помѣщика д. Слипчицы, г. Лесневскаго, расположена группа искусственныхъ земляныхъ холмиковъ, именуемыхъ слипчицкими курганами. Курганы распахиваются лѣтъ пять. Почва песчаная, съ незначительной примѣсью глины. Всѣхъ

кургановъ теперь можно запримѣтить двадцать. Распашка сильно измѣнила ихъ формы, но старожилы сообщали, что они имѣли такой же внѣшній видъ какъ и торчинскіе курганы.

На востоко-востоко-югъ отъ городища, въ разстояніи отъ него трехъ четвертей версты, находится маленькая группа искусственныхъ земляныхъ насыпей, называемыхъ по мѣсту своего нахождения — курганами въ слипчицкомъ лѣсу; расположены они на на возвышенномъ мѣстѣ, въ сорока шагахъ отъ каменно-бродской дороги. Съ юго-востока отъ нихъ замѣтно высохшее болото, поросшее лозою. Курганы сплошь покрыты дубомъ и кустами. Всѣхъ кургановъ здѣсь можно насчитать семь. Изъ нихъ три большіе расположены въ рядъ, ближе къ дорогѣ; три совсѣмъ малые, и одинъ по размѣрамъ и высотѣ составляетъ середину между большими и малыми. Курганы эти по типу можно распредѣлить въ слѣдующемъ порядкѣ: конусообразные, куполообразные и плоскіе. Конусообразныхъ три. Куполообразный одинъ. Плоскихъ три. Всѣ курганы данной группы рядовые и отдѣльно-стоячіе. Взаимно-пересѣкающихся и сопредѣльныхъ между ними нѣтъ. Размѣры кургановъ такіе: окружность основанія 10—16 саж., окружность вершинки 6—7 саж., кривая образующая 3—5 саж., и высота 10 вершк. — 1 арш. 10 вершк. Каждый курганъ имѣетъ около своей подошвы кольцевой ровикъ, прерываемый однимъ или двумя перешейками. Съ однимъ перешейкомъ три кургана, а съ двумя — четыре. Перешейки, какъ въ этой курганной группѣ, такъ точно и въ торчинской группѣ, расположены совершенно случайно и нисколько не соотвѣтствуютъ рельефу мѣстности или сторонамъ горизонта. Внутренняя крутость ровиковъ сливается съ покатостями кургановъ, а наружная крутость незамѣтно совпадаетъ съ горизонтомъ, образуя волнистую кривую, концентрическую въ своемъ общемъ направленіи съ окружностью основанія. Глубина ровиковъ выражается: 0—1 аршиномъ. Курганы покрыты густымъ слоемъ дерна со всѣхъ сторонъ, при чемъ съ сѣверной среди прочей растительности, его составляющей, преобладаетъ мохъ.

На западо-западо-сѣверъ отъ городища въ разстояніи почти версты, на распашанномъ полѣ, мы видѣли на слегка возвышенномъ мѣстѣ, въ небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, два песчаныхъ круга, рѣзко выдѣлявшіеся на фонѣ земли⁹⁾. По всѣмъ вѣроятіямъ, это площадь основанія существовавшихъ тутъ прежде двухъ кургановъ, отъ которыхъ въ настоящее время, благодаря продолжительной распашкѣ здѣсь земли подъ посѣвы, не осталось ничего.

На сѣверо-западъ отъ городища, въ разстояніи одной версты, въ углу, образуемомъ дорогами: Свида — Каменный-бродъ и Корчевка — Каменный-бродъ, есть возвышенность, называемая въ народѣ „становискомъ“.

Сохранилось преданіе, что на этой возвышенности былъ расположенъ непріятельскій „стягъ“, обошедшій городище по торчинскому лѣсу и осаждавшій городъ около р. Корчеватый. При изслѣдованіи, эта возвышенность оказалась вполне естественнымъ верхомъ довольно значительнаго холма. Старожилы передавали, что здѣсь никогда ничего имъ не встрѣчалось при распашкѣ.

⁹⁾ См. карту окрестностей древняго поселка, городища и могильниковъ по р. Корчеватый, рис. 8.

Кромѣ перечисленныхъ древнихъ земляныхъ насыпей, кургановъ или кошцовъ, вблизи городища, на р. Корчеватый, нѣтъ больше никакихъ памятниковъ старины. Дальше, въ Радомысльскомъ уѣздѣ, по рассказамъ крестьянъ, имѣются курганы, удаленные отъ даннаго городища на шесть и болѣе верстъ и расположенные за дд. Свидой, Горбылевымъ и Каменнымъ-бродомъ.

ГЛАВА IV.

Дневникъ раскопокъ.

Слипчицкіе курганы.

7-го августа 1889 г. — Курганъ № 1. По положенію своему въ группѣ онъ можетъ быть отнесенъ къ разряду отдѣльно-стоячихъ первой подгруппы. Курганъ распаивается нѣсколько лѣтъ, и потому первобытныя его формы неуловимы. Можно предположить, что его слѣдуетъ отнести къ числу большихъ. По профилю онъ совершенно плоскій и невысокій. Площадка вершинки ровная. По площади основанія широкой, сильно расплывшійся. Измѣренія дали: окружность основанія 12 сажень, окружность вершинки 5 саж., NS кривая-образующаяся 3 саж., ширина вершинки 1 саж. 2 арш, и высота 14 вершк. Кольцевые ровики примѣтны съ NW и SO. Длина перваго ровика 6 саж., а второго 2 саж. Длина перешейковъ одинакова — по 2,5 саж. Глубина ровиковъ 5 вершк., ширина до 2 арш.

Раскопка производилась послойной съемкой всей насыпи (рис. 10). Почва насыпи была

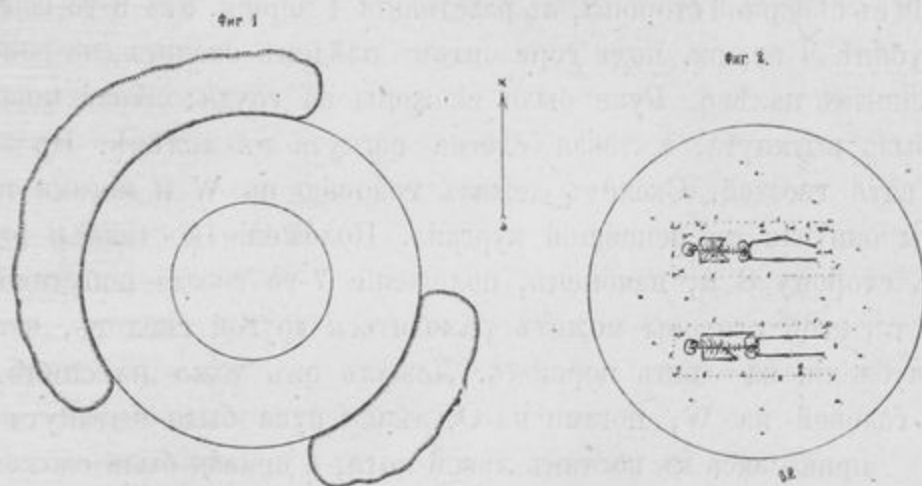

Рис. 10.

найдена въ слѣдующемъ порядкѣ залеганія. Сверху песокъ, ниже песокъ съ примѣсью желтой глины, у горизонта песокъ съ незначительнымъ % чернозема и глины, непосредственно подъ горизонтомъ песокъ съ подмѣсью желтой глины и еще ниже желтый песокъ. Подобныя ямы, вырытыя на перешейкахъ и въ кольцевыхъ ровникахъ, показали, что слои насыпи перевернуты и получились отъ выемки земли изъ ровиковъ. Насыпные слои чередуются въ курганѣ параллельно его фигурѣ, образуя сферическія

залеганія. Степень влажности уменьшается по мѣрѣ приближенія къ горизонту, а подъ нимъ нѣкоторое время увеличивается. По отлогостямъ попадались въ разныхъ направленіяхъ черепки отъ глинянаго горшка (рис. 11), приготовленнаго изъ желтой глины,

Рис. 11.

толщиною до $\frac{1}{3}$ д. и съ продольными по поверхности узенькими жолобками, параллельными и близко проведенными одинъ подлѣ другаго. Черепки эти какъ по обработкѣ матеріала, такъ и по орнаментамъ вполне похожи на черепки, находимые въ районѣ мѣстоположенія древняго поселка. На глубинѣ восьми вершковъ отъ вершинки, по срединѣ насыпи, стали замѣтны волнообразныя кривыя, ограничивавшія почти квадратъ своими очертаніями и имѣвшія по срединѣ этого пространства, въ направленіи ВО-мъ, полосу окрашиванія. Окраска кривыхъ и заключенной ими плоскости желтобурая. Въ этомъ же районѣ,

два вершка ниже, замѣчались углевая окрашиванія чернаго цвѣта: то были окрашиванія отъ трупнаго пятна и остатковъ липоваго угля. На этой же высотѣ легко было примѣтить расплывшіяся сѣроватыя зерна пепла. Чѣмъ ниже, тѣмъ цвѣтъ окрашиваній становился ярче. Уже по расположенію трупнаго пятна можно было ориентироваться относительно положенія костяка. Почва стала рыхлѣе и поздраватѣе. На глубинѣ горизонта появились первые три гвоздя съ остатками липоваго дерева. По срединѣ насыпи отысканъ черепокъ отъ глинянаго горшка, совершенно одинаковый съ найденными на отлогостяхъ. Два вершка ниже горизонта былъ найденъ четвертый гвоздь, лежавшій съ сѣверной стороны, въ разстояніи 4 вершк. отъ 3-го гвоздя, шляпкой внутрь. На глубинѣ 4 вершк. подъ горизонтомъ найденъ скелетъ, на спинѣ, съ черепомъ, повороченнымъ налѣво. Руки были сложены на груди: лѣвая поверхъ правой. Правая нога была вытянута, а лѣвая слегка согнута въ колѣнѣ. На этой глубинѣ найдено еще пять гвоздей. Скелетъ лежалъ головою на W и ногами на O съ сѣверной стороны окружности основанія кургана. Положеніе костяка и размѣры трупнаго пятна въ сторону S и, наконецъ, положеніе 7-го гвоздя побудило насъ предположить, что съ этой стороны можетъ находиться другой скелетъ, что и подтвердилось при углубленіи на одинъ вершокъ. Лежалъ онъ тоже на спинѣ, съ вытянутыми ногами, головой на W, ногами на O, лѣвая рука была вытянута вдоль тѣла,

Рис. 12.

прикасаясь къ костямъ лѣвой ноги, а правая была сложена на груди, черепъ былъ повернутъ налѣво. Въ головахъ найдены гвозди. Скелеты хотя не находились на одномъ уровнѣ, но головы ихъ отстояли отъ западной стороны окружности основанія кургана на одинаковое разстояніе — 1 арш. 10 вершк. На указательномъ пальцѣ кисти правой руки перваго скелета было найдено серебряное витое (изъ 3-хъ проволокъ) кольцо (рис. 12).

Около лѣвой ноги перваго костяка, въ разстояніи отъ нея на N. на 3 вершка и отъ ступни на 4 вершка, найденъ кусочекъ кремня продолговатой формы. Скелеты

почти одиноковыхъ размѣровъ: общая длина 2 арш. 1 вершк., длина ногъ 1 арш. 2 вершка (длина бедренной 10 вершк., длина большой берцовой 8 вершк.), ширина таза 6 вершк., ширина плечь 7 вершк., длина рукъ 1 арш. 1 вершк. Кости обоихъ скелетовъ сильно истлѣли.

По тѣмъ наблюденіямъ, которые можно было произвести по скелетамъ, можно заключить, что первый скелетъ мужской, а второй женскій. Около втораго скелета не было найдено никакихъ украшеній. Относительное взаимное размѣщеніе гвоздей вокругъ костяковъ, слѣды на нихъ липовыхъ частицъ и распространеніе гнилистаго деревяннаго окрашиванія почвы, углистые цвѣта и прямоугольное расположеніе ихъ около скелетовъ, нахожденія послѣднихъ внутри вышеупомянутыхъ кривыхъ даютъ указанія о вѣроятной формѣ гроба. Это были липовыя колоды прямоугольной формы, выжженыя или выдолбленныя изнутри. Присутствіе гвоздей съ остатками на нихъ дерева доказываетъ, что гробъ составляли двѣ колоды сбивавшіяся въ мѣстахъ соприкосновенія гвоздями. Положеніе гвоздей опредѣляетъ приблизительные размѣры гроба. Оба гроба были почти одинаковы. Длина около 2 арш. 12 вершк.; ширина 1 арш. 2 вершка; высота 1 арш. 2—4 вершк. На глубинѣ пяти вершковъ отъ горизонта земли былъ найденъ еще одинъ гвоздь. Всѣ гвозди этого кургана одного типа: четырехгранные, съ круглой или эллиптической тонкой шляпкой, длиной въ 3—5 дюйм. Дальнѣйшее изслѣдованіе подъ костяками дозволило прослѣдить распространеніе трупнаго пятна еще на глубину 3 вершк. Продолженіе раскопки вглубь дало нетронутые, уплотненные слои земли, что и привело къ заключенію о бесполезности дальнѣйшей раскопки въ этомъ мѣстѣ. Изслѣдованіе этого кургана опредѣлило, что оба покойника были положены каждый въ отдѣльный гробъ-колоду. Для погребенія была вырыта квадратная яма, имѣвшая около 1 с. въ сторонѣ, глубиною въ 4—6 вершк. Гробы поставлены были на дно ея въ разстояніи другъ отъ друга 6—8 вершковъ. Распашка кургана не позволяла сдѣлать полное заключеніе о всѣхъ деталяхъ погребенія. Присутствіе по отлогостямъ насыпи черепковъ отъ древнихъ глиняныхъ горшковъ служить доказательствомъ верхняго жертвоприношенія или тризны, или того и другаго вмѣстѣ.

Сравнительное изученіе порядка залеганія слоевъ земли въ пробныхъ ямахъ, въ насыпи и въ погребальной ямѣ, совмѣстно съ фактомъ существованія кольцеваго ровика, позволяетъ сдѣлать справедливый выводъ о характерѣ насыпки кургана. Когда гроба были поставлены въ погребальную яму, яму засыпали землею, полученною изъ нея же, а затѣмъ кругомъ, отступя отъ середины, по радіусу въ два аршина, копали землю и набрасывали на середину; такимъ путемъ образовался курганъ и его кольцевые ровики.

Курганъ № 2. По положенію своему въ группѣ онъ относится къ числу отдѣльно стоячихъ первой подгруппы. Онъ расположенъ на три шага NO кургана № 1. По размѣрамъ онъ нѣсколько меньше предыдущаго кургана; по профили совершенно плоскій и едва примѣтный надъ уровнемъ земли. Горизонтальная проекція площади основанія и вершинки — два концентрическіе круга различныхъ радіусовъ. Курганъ распаханъ.

Размѣры знаменательныхъ линій слѣдующіе: окружность основанія 10 саж., окружность вершинки 5 саж., ширина вершинки $1\frac{1}{2}$ саж., высота кургана 7 вершк., кольцевой ровикъ примѣтенъ немного съ восточной стороны. Длина его около 5 саж., ширина 2 арш., глубина 3 вершк. Изслѣдованіе пробныхъ ямъ у подошвы кургана и въ кольцевомъ ровикѣ дало наблюденія надъ наслоеніями почвы тѣ же, что въ курганѣ № 1.

Раскопка производилась колодцемъ, окружность коего равнялась 5 саженимъ. Порядокъ залеганія слоевъ въ насыпи тотъ же, что и въ первомъ курганѣ. На глубинѣ 2 вершк. по всей площади колодца встрѣчались мелкіе черепки отъ глиняныхъ горшковъ. Они были приготовлены изъ неотмученной желтой глины, съ крупинками кварца по всей толщѣ и параллельными бороздками-узорами съ поверхности. Влажность почвы отъ вершины кургана уменьшалась къ горизонту. На пять вершковъ вглубь отъ вершинки почва стала поздраватѣе и рыхлѣе. На горизонтѣ появилось трупное пятно двойныхъ очертаній, имѣвшее въ длину и въ ширину около сажени.

На горизонтѣ же изученіе почвы позволило опредѣлить размѣры погребальной ямы. Послѣдняя была расположена какъ разъ въ срединѣ колодца и имѣла въ сторонѣ почти сажень. На два вершка подъ горизонтомъ найдены первые два гвоздя, которыхъ всѣхъ собрано въ курганѣ 9 штукъ. На глубинѣ 12-ти вершковъ подъ горизонтомъ земли были открыты два скелета, лежавшіе параллельно, въ направленіи на 30° отъ W къ S въ головахъ и на 30° отъ O къ N въ ногахъ. Оба скелета лежали въ одной плоскости, при чемъ черепъ отъ черепа были удалены на 1 арш. 8 верш. Каждый скелетъ помѣщался въ районѣ прямоугольника, очерченнаго положеніемъ гвоздей. Костяки лежали по срединѣ своихъ прямоугольниковъ, на спинѣ, съ вытянутыми ногами и съ головой, повернутой налѣво. Лѣвая рука найдена у скелета, что съ S-й стороны, вытянутой вдоль тѣла, а правая была согнута и лежала на грудной кости, въ разстояніи 3 вершковъ внизъ отъ линіи плечъ, а у втораго скелета лѣвая рука лежала такъ же, какъ и у перваго, а правая была согнута подъ прямымъ угломъ и найдена лежащей на ребрахъ. Кости пальцевъ оказались вытянутыми. У скелета, что лежалъ съ N-й стороны, на указательномъ пальцѣ правой руки оказалось серебряное тонкое проволочное, неспаянное кольцо. Покойники этого кургана были погребены въ дубовыхъ колодахъ, выжженныхъ извнутри и сбитыхъ гвоздями.

Курганъ № 3. По положенію своему въ группѣ онъ относится къ числу отдѣльно стоящихъ W-й подгруппы, по размѣрамъ — къ высокимъ, по профили къ менѣе расплывшимся. На видъ плоскій, съ широкой вершинкой, онъ не широкъ въ основаніи; горизонтальная площадь основанія и вершинки — кругъ съ небольшимъ сползаніемъ къ SW, въ сторону наклона мѣстности. Первобытныя формы этого кургана не сохранились, такъ какъ онъ нѣсколько лѣтъ распаивается. Знаменательныя линіи, характеризующія его размѣры, слѣдующія: окружность основанія 8 саж., окружность вершинки 4 саж., кривая образующая 2 саж. $2\frac{1}{2}$ арш., высота 14 верш. Кольцевые ровики замѣтны съ N и S. Длина ихъ одинаковая — 2 с., ширина колеблется между 2—2,5 арш., глубина 0—4 вершка. Пробныя ямы, вырытыя на перешейкахъ и въ кольцевыхъ ровикахъ дали тѣ же наблюденія, что и въ предыдущихъ курганахъ.

Раскопка производилась круглым колодезь, окружность коего равнялась 4 саженьямъ. Безформенныя выемки, произведенныя на отлогостяхъ, дали съ поверхности черепки отъ глиняныхъ горшковъ, совершенно аналогичныя съ черепками, найденными въ курганахъ №№ 1 и 2. При углубленіи колодезь слои почвы были находимы перевернутыми относительно ихъ залеганія въ пробныхъ горизонтныхъ ямахъ. Влажность уменьшалась по мѣрѣ удаленія отъ вершинки. Чѣмъ глубже, тѣмъ почва становилась рыхлѣе. На глубинѣ горизонта появилось трупное очертаніе съ N-го края колодца, имѣвшее въ длину 2 арш. и въ ширину 1 арш., простиравшееся въ направленіи съ W на O. На вершокъ ниже найдены были два гвоздя. Три вершка ниже горизонта, по серединѣ, съ S-й стороны колодца, было замѣчено двойное трупное пятно, представлявшее два овала, соприкасавшіяся между собой и съ трупнымъ очертаніемъ открытымъ выше. Размѣры ихъ были одинаковы съ первымъ трупнымъ очертаніемъ. Нахожденіе трехъ оваловъ трупныхъ очертаній поселило въ насъ убѣжденіе, что въ этомъ курганѣ мы откроемъ три костяка. На глубинѣ четырехъ вершковъ отъ горизонта найдено еще два гвоздя и на этой же глубинѣ опредѣлилось положеніе костяка. Костякъ лежалъ на спинѣ, съ вытянутыми ногами, лѣвой рукой вдоль туловища, и правой рукой, положенной на ребрахъ. Черепъ былъ повернутъ налѣво и лобной частью къ лѣвому плечу. Костякъ имѣлъ направленіе: голова на 35° отъ W къ N и ноги настолько же отъ O къ S. Скелетъ лежалъ какъ разъ по серединѣ прямоугольника, образуемаго гвоздями.

На протяженіи линій расположенія гвоздей замѣчались мелкіе кусочки угля. Ниже горизонта на 6 вершковъ были найдены еще 3 гвоздя.

На глубинѣ девяти вершковъ отъ горизонта земли и площади основанія кургана замѣчены два костяка, изъ коихъ одинъ находился по серединѣ колодца, а другой съ S-й его стороны. На этой же глубинѣ отыскано еще три гвоздя. На 1 арш. отъ S-го костяка открыто серебряное кольцо одного типа и дѣла съ рис. 12. Костяки средній и S-й лежали на одномъ уровнѣ, ниже N-го костяка на 5 вершковъ. Оба эти костяка найдены лежащими на спинѣ, съ вытянутыми ногами. Черепъ средняго скелета лежалъ на правомъ вискѣ, нагнувшись къ правому плечу. Черепъ S-го костяка найденъ лежащимъ на затылкѣ. Положеніе рукъ у послѣднихъ двухъ скелетовъ различное. Средній имѣлъ лѣвую руку положенной на ребрахъ, а правую поднятой до высоты верхней части грудной кости. S-го скелета лѣвая рука лежала вдоль тѣла, а правая покоилась на ребрахъ. Эти скелеты были расположены каждый внутри своего прямоугольника, образуемаго положеніемъ гвоздей. Вообще, всѣ кости найдены влажными, хрупкими и рыхлыми. Измѣренія, произведенныя надъ скелетами, дали почти одинаковыя результаты съ первыми курганами. Изученіе костей побудило насъ предположить, что N-й скелетъ мужской, а остальные женскіе. Непосредственно подъ скелетами, на два вершка глубже, найдена нетронутая земля.

8-го авг. — Курганъ № 4. По положенію своему въ группѣ онъ относится къ числу отдѣльно стоячихъ и расположенъ на S-й окраинѣ SO-й подгруппы. По размѣрамъ онъ относится къ числу большихъ, по профили — къ плоскимъ, высокимъ и распывшимся, по фигурѣ площади основанія и вершинкѣ — къ круглымъ и широкимъ. Курганъ распа-

живается нѣсколько лѣтъ. Измѣренія насыпи дали: окружность основанія 11 саж., окружность вершинки 5 саж., кривая образующая — 3 саж. 1 арш., высота 13 вершк. Кольцевой ровъ примѣтенъ съ N и O, на протяженіи 6-ти саж. Ширина рва 2,5 арш., глубина 0—3 вершка. Наблюденія надъ залеганіемъ слоевъ почвы въ пробныхъ ямахъ, вырытыхъ на перешейкѣ и въ кольцевомъ рву, дали тѣ же заключенія, что и въ первыхъ трехъ курганахъ. Раскопка производилась круглымъ колодцемъ, имѣвшимъ въ окружности 5 саженой. Почва насыпи и порядокъ погребенія при одномъ костякѣ найдены въ томъ же порядкѣ, какъ и въ предыдущихъ курганахъ. На пальцѣ костяка найдено серебряное проволочное кольцо.

Курганъ № 5. Такой же какъ и предыдущій. Слои въ насыпи найдены перевернутыми. На глубинѣ 3-хъ вершковъ показались гвозди и глиняный черепокъ изъ желто-бѣлой глины, толщиной въ $\frac{1}{4}$ д., украшенный параллельными бороздками, видимо проведенными какимъ-нибудь острымъ предметомъ, на гончарномъ кругѣ, — такъ какъ жолобки двухгранные (рис. 13). Вершкомъ глубже появилось трупное пятно. Три скелета лежали на горизонтѣ земли. S-й и средній костяки имѣли направленіе: въ головахъ на 20° отъ W къ N и въ ногахъ настолько же отъ O къ S. N-й скелетъ имѣлъ направленіе: головой на W, ногами на O. Скелеты найдены на спинѣ, ноги, за

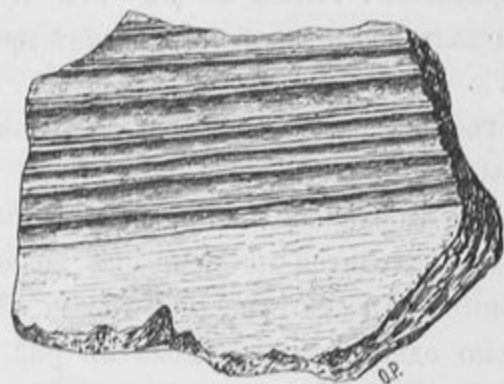

Рис. 13.

Рис. 14.

исключеніемъ N-го костяка, у коего согнуты въ колѣнкахъ, были вытянуты. Черепъ у N-го и S-го костяковъ былъ повернутъ налѣво и лежалъ на лѣвомъ вискѣ, а у средняго костяка лежалъ на правомъ вискѣ. Руки имѣли слѣдующее положеніе: N-й костякъ — руки вытянуты вдоль туловища; средній костякъ — кисти рукъ сложены на костяхъ таза, и S-й костякъ — кисти рукъ сложены, каждая съ своей стороны, на груди. Степень гніенія костяковъ одинакова. Наблюденія надъ скелетами опредѣлили, что N-й скелетъ принадлежалъ мужчинѣ, а остальные два женщинамъ. Размѣры костяковъ тѣ же, какъ и въ первыхъ курганахъ. На 6 вершк. восточнѣе отъ костей таза найдена мѣдная пряжка (рис. 14) изъ желтой мѣди, по типу близко приближающаяся къ пряжкамъ, найденнымъ въ курганахъ г. Житомира¹⁰⁾. При производствѣ выемокъ съ N, S, W и O на отлогостяхъ насыпи встрѣчались черепки отъ глинянаго горшка, совершенно одинаковые по матеріалу и бороздкамъ (съ внѣшней поверхности), съ черепкомъ, открытымъ въ насыпи.

¹⁰⁾ См. наше соч. „Житомирскій могильникъ“, изд. 1888 г., стр. 49 и 87.

Курганъ № 6-й. По положенію своему въ группѣ онъ относится къ отдѣльно-стоячимъ W-й подгруппы; по размѣрамъ изъ меньшихъ; по профили къ плоскимъ и низкимъ. Площадь основанія и вершинки — два concentрическіе круга. Вершинка ровная.

Первобытныя формы кургана не сохранились. Насыпь распаивается около пяти лѣтъ. Земля сползаетъ въ S-ъ направленіи, вслѣдствіе наклона мѣстности. Около кургана, въ двухъ мѣстахъ, сохранились кольцевые ровики съ SW и съ NO. Костякъ лежалъ въ N-й половинѣ колодца, на спинѣ, съ вытянутыми ногами, черепъ былъ повернутъ налѣво. Руки оказались слегка согнуты въ локтяхъ и кисти покоились на ложныхъ ребрахъ, — лѣвая поверхъ правой. Кости найдены сильно разрушившимися. Съ лѣвой стороны у колѣна лѣвой ноги, внутри прямоугольника гвоздей, лежалъ осколокъ кремня.

Гробъ былъ дубовая колода, имѣвшая въ длину около 2 арш. 8—10 вершковъ, въ ширину приблизительно 1 арш. 1—3 вершка и въ высоту 15 вершк. — 1 арш. 2 вершка. Выемки, сдѣланныя на отлогостяхъ кургана въ разныхъ направленіяхъ, дали нѣсколько черепковъ отъ глинянаго горшка, приготовленнаго изъ желто-бѣлой глины, на гончарномъ станкѣ. Черепки похожи на черепки, открытыя въ предыдущихъ курганахъ.

Торчинскіе курганы.

9-го авг. Курганъ № 1. (Рис. 15, 16 и 17). Расположенъ на O-й окраинѣ группы. Съ W

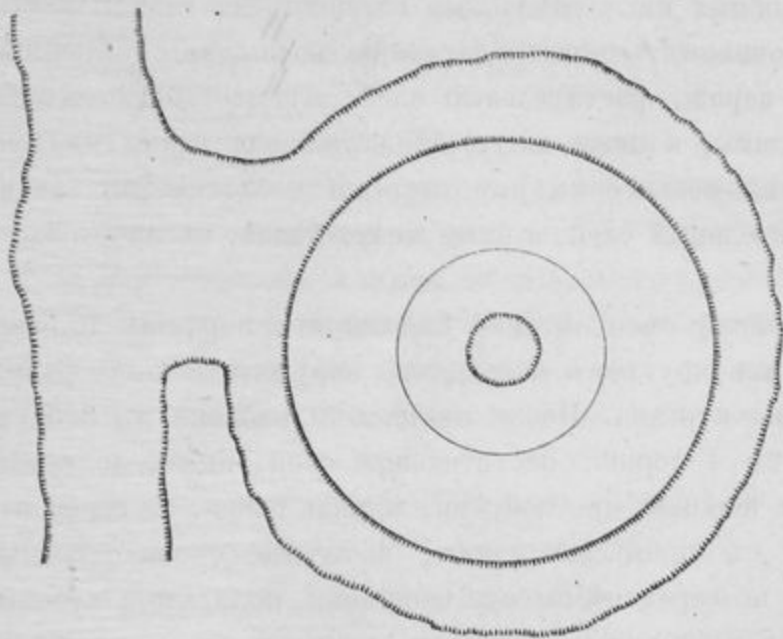

Рис. 15.

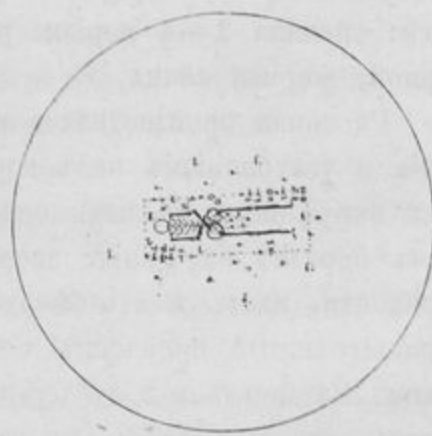

Рис. 17.

Рис. 16.

около насыпи пролегаетъ старая дорога или оврагъ, начинающійся за нѣсколько сажень N-ѣе и продолжающійся въ S-мъ направленіи, къ дорогѣ на Горбылево и по склону

возвышенности. По профили курганъ относится къ конусообразнымъ, по характеру вершинки — къ вогнутымъ, по мѣстоположенію — къ сопредѣльнымъ. Курганъ прекрасно сохранилъ свои первобытныя формы. Вся насыпь покрыта молодымъ дубнякомъ, съ N и SW растутъ старыя березы; на вершинкѣ оказалось три пня отъ срубленныхъ березъ. Судя по слоямъ древесины, березы эти имѣютъ отъ 50 до 75 лѣтъ. Вокругъ подошвы кургана находится сплошной кольцевой ровъ, сливающийся съ NW съ ложбиной оврага и кольцевымъ ровикомъ сосѣдняго кургана, расположеннаго отъ него на NW. Этотъ курганъ изъ числа самыхъ высокихъ. Отлогости его мало расплывшіяся. Больше другихъ расплылись S-я и SW-я отлогости. Насыпь покрыта сплошнымъ слоемъ дерна. Размѣры кургана слѣдующіе: окружность основанія 14 саж., окружность вершинки 5 сажень, діаметръ вершинки 1 саж. 2 арш., кривая образующая — 4 саж., высота 1 арш. 7 вершк. На вершинкѣ была впадина, располагавшаяся по серединѣ и имѣвшая въ окружности около 2-хъ сажень и въ глубину 6—8 вершковъ.

Длина кольцевого рва, взятая по дну ложбины — 16 сажень, ширина — $2\frac{1}{2}$ арш., глубина отъ 0—1 арш. Глубина оврага въ этомъ мѣстѣ (это самая глубокая его часть) 1 арш. 4—6 вершковъ. Отлогости кургана совпадаютъ съ внутренней крутостью кольцевого ровика. Наружная крутость послѣдняго незамѣтно сливается съ горизонтомъ земли. Вообще, заложеніе внутренней крутости значительно меньше заложенія наружной крутости. Пробныя ямы, сдѣланныя съ четырехъ главныхъ сторонъ горизонта, за кольцевымъ ровикомъ, открыли наслоенія почвы въ слѣдующемъ порядкѣ залеганія: сначала 2—4 вершк. растительный слой, затѣмъ столько же песокъ съ примѣсью желто-бѣлой глины, а ниже желто-бѣлая жирная глина съ прослойками черной. Пробныя ямы въ кольцевомъ рву открыли наслоенія въ такомъ видѣ: сначала 2—4 вершк. растительный слой, а ниже желто-бѣлая, съ прослойками черной, жирная глина.

Раскопка производилась послойной съемкой всей насыпи отъ вершины до основанія и углубленіемъ подъ горизонтъ круглымъ колодцемъ, окружность коего равнялась окружности площади основанія кургана. Почва въ насыпи найдена въ слѣдующемъ порядкѣ залеганія: сверху 2—4 вершк. растительный слой, ниже, до самаго горизонта, идетъ желто-бѣлая, съ черными прослойками, жирная глина, на горизонтѣ незначительный прослоекъ песку съ примѣсью глины, а глубже снова такая же глина. Въ дернѣ и подъ дерномъ, по серединѣ выемки вершинки, попадались дубовые мелкіе угли и черепки отъ глиняныхъ горшковъ, приготовленныхъ изъ желто-бѣлой неотмученной глины, на гончарномъ станкѣ, имѣвшіе на своей поверхности съ внѣшней стороны украшенія въ видѣ параллельныхъ бороздокъ. Копать этотъ курганъ, благодаря вязкой жирной глинѣ и изобилію древесныхъ корней, было очень трудно. Во многихъ мѣстахъ кирка и ломъ не помогали и приходилось дѣйствовать исключительно топоромъ. На глубинѣ аршина, по серединѣ насыпи, появилось трупное пятно, буроватаго цвѣта, овальной формы, имѣвшее направленіе WO-се. На 12 вершковъ глубже отысканы два гвоздя. На глубинѣ 1 арш. 15 вершковъ найдено девять гвоздей. По линиямъ распространенія гвоздей встрѣчались мелкіе кусочки дубоваго угля.

На глубинѣ 2 арш. 1 вершка отъ вершинки и 10 вершк. отъ горизонта земли, открытъ скелетъ и найдено три гвоздя. Скелетъ лежалъ на спинѣ, съ вытянутыми ногами, съ руками, согнутыми въ локтѣ, и кистями, покоящимися на ложныхъ ребрахъ. Кости найдены сильно разрушенными. Положеніе головы нельзя было опредѣлить, такъ какъ черепъ почти совсѣмъ оказался сгнившимъ. По причинѣ сильнаго разрушенія костяка нельзя было произвести измѣреній. Ось скелета совпадала съ линіей OW. Костякъ открытъ какъ разъ по серединѣ прямоугольника гвоздей. Вокругъ костяка находились кусочки дубоваго угля и пепель, пропитывавшіе подъ нимъ землю на 2—3 вершка. Угольный слой выходилъ изъ площади четырехугольника гвоздей и имѣлъ овальную форму. Большая ось овала равнялась 2 арш. 10 вершк., меньшая — 1 арш. 10 вершк. Изученіе почвы подъ скелетомъ, на глубину 2 арш., дало нетронутые слои. Углубленіе ниже плоскости костяка позволило опредѣлить размѣры погребальной ямы; форма ея — почти прямоугольная. Длина — 2 арш. 14 вершк., совпадала съ линіей OW, ширина — 1 арш. 12 вершк. По бокамъ погребальной ямы, начиная отъ горизонта, найдена нерушенная земля, въ которой слои залегали такъ же, какъ и въ пробныхъ горизонтныхъ ямахъ. Въ насыпи же до горизонта и въ погребальной ямѣ земля все рушенная и расположена въ обратномъ порядкѣ залеганія. Гвозди сохранились плохо: хрупкіе, попадаются трубчатые и поломанные стержни. Найдено цѣлыхъ гвоздей только одинъ; изъ 14-ти гвоздей почти $\frac{1}{3}$ имѣютъ изгибы. На гвоздяхъ замѣтны дубовыя волокна, проникнутыя желѣзною окисью. Типъ гвоздей слѣдующій: стержни четырехгранные, шляпки круглыя или овальныя. Размѣръ слѣдующій: длина 3,5 дюйма, окружность шляпки отъ $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ дюйм., толщина $\frac{1}{3}$ дюйма у шляпки.

Раскопка настоящаго кургана доказала:

- 1) Курганъ насыпанъ надъ однимъ покойникомъ.
- 2) Насыпь образовалась отъ выемки земли изъ кольцеваго рва.
- 3) Для похоронъ вырыта погребальная прямоугольная яма, имѣвшая глубину отъ горизонта земли 10 вершк. и размѣры, выше указанные.
- 4) На днѣ ямы сожженъ костеръ изъ дубоваго дерева.
- 5) Покойникъ вложенъ въ дубовый гробъ, состоявшій изъ двухъ, выжженныхъ изнутри колодъ.
- 6) Колоды гроба сбиты желѣзными гвоздями, большая часть коихъ вбита въ NO-й и SW-й части гроба.
- 7) Гробъ вставленъ на дно погребальной ямы, которая засыпана землею, образовавшейся отъ ея выемки.
- 8) Для насыпки кургана земля добывалась по кругу, радіусомъ около 1-й сажени.
- 9) По окончаніи насыпки кургана, или немного времени спустя, сожженъ костеръ изъ дубоваго дерева, при чемъ употреблялись глиняные горшки, съ цѣлю ли жертвоприношенія или для тризны — не опредѣлено.

Курганъ № 2. Расположенъ на N-й окраинѣ курганной группы. По профили онъ относится къ куполообразнымъ, по характеру вершинки — къ выпуклымъ, по относительному положенію — къ сопредѣльнымъ. По внѣшнему виду курганъ этотъ

кажется древнѣе № 1. Насыпь вполнѣ сохранила свои первобытныя формы. Вершинка и площадь основанія напоминаютъ два концентрическіе круга, растянутые въ SW направленіи. Отлогости круче съ N-й и NO-й сторонъ и болѣе расплылись къ S и SW. Около подошвы кургана есть три кольцевыхъ ровика: W-й, N-й и SO-й. Курганъ покрытъ ровнымъ слоемъ дерна, который немного рѣже съ S-й и SW-й сторонъ. Знаменательныя линіи, характеризующія размѣры насыпи, при измѣреніи дали слѣдующіе результаты: окружность основанія — 7 саж., окружность вершинки — 4 саж., кривая образующая — 2 саж., высота — 14 вершк. По размѣрамъ своимъ этотъ курганъ относится къ числу меньшихъ, какъ по высотѣ, такъ и по объему насыпи. Длина кольцевыхъ ровиковъ слѣдующая: W-го — 3 саж., N-го — 1 саж. и SO-го — 1 саж. 2 арш., ширина W-го — $1\frac{1}{2}$ саж., N-го же и SO-го — 2 арш., глубина W-го — 10 вершк., N-го и SO-го — 6—8 вершк., SO-й и N-й ровики сливаются съ ровиками сосѣднихъ кургановъ. Длина перешейковъ: SW-го — $1\frac{1}{2}$ арш., NW-го — 1 арш. и O-го — $1\frac{1}{2}$ арш. Изслѣдованіе порядка залеганія слоевъ земли въ пробныхъ ямахъ, вырытыхъ на перешейкахъ и въ кольцевыхъ ровикахъ, дали тѣ же результаты, какъ и въ курганѣ № 1-й. Почва въ насыпи найдена въ томъ же порядкѣ, какъ въ предыдущемъ курганѣ, и въ общемъ изслѣдованіе настоящаго кургана подтвердило выводы предыдущаго и разница только въ численныхъ данныхъ. Покойникъ и здѣсь погребень между двухъ дубовыхъ, выжженныхъ изнутри колодъ, и гробъ поставленъ въ погребальную яму, глубиною въ 10—12 вершк.

Курганъ № 3. Этотъ курганъ расположенъ съ WWS-го края группы. Принадлежитъ къ числу меньшихъ: по профили — къ плоскимъ, по характеру вершинки — къ ровнымъ, по взаимному положенію — къ отдѣльно-стоячимъ. Судя по формѣ насыпи предполагаемъ, что этотъ курганъ новѣе кургана № 2 и древнѣе кургана № 1. Насыпь прекрасно сохранилась. Вершинка и площадь основанія — два концентрическіе круга, растянутые въ SW-мъ направленіи.

Заложеніе отлогостей не одинаково: съ N круче и съ S и SW положе. Вокругъ подошвы кургана есть два кольцевыхъ ровика, прерванныхъ съ SW и NW перешейками. Курганъ покрытъ слоемъ дерна, который гуще съ N и рѣже по отлогостямъ большихъ заложений. Размѣры насыпи слѣдующіе: окружность основанія — 9 саж. 2 арш., окружность вершинки — 5 саж., кривая образующая — 3 саж. 10 вершк., высота 1 арш. Длина кольцевыхъ ровиковъ слѣдующая: O-го — 6 саж. 1 арш. и W-го — 2 саж. 10 вершк. Ширина ровиковъ отъ 1 до 2,5 арш., глубина — $\frac{1}{2}$ арш. Ширина перешейковъ: SW-го — 2 арш. 12 вершк., NW-го — 1 саж. Внутренняя крутость ровиковъ незамѣтно сливается съ отлогостями насыпи, а наружная, располагая большимъ заложениемъ, постепенно переходитъ въ горизонтъ земли. Перешейки совершенно горизонтальныя. Пробныя ямы были вырыты на перешейкахъ и въ кольцевыхъ ровикахъ. Въ первыхъ слои залегали такъ: растительный слой — 2—4 вершк., желтый песокъ, съ незначительной примѣсью глины — 6—8 вершк., ниже желтобѣлая, съ прослойками черной, жирная глина. Во вторыхъ, подъ растительнымъ слоемъ непосредственно залегла глина. Раскопка производилась круглымъ колодцемъ, окружность коего равнялась 5 саж. Почва въ насыпи найдена перевернутой, въ порядкѣ

залеганія обратномъ расположенію слоевъ въ горизонтныхъ пробныхъ ямахъ. Непосредственно подъ дерномъ, до глубины 4-хъ вершк., по срединѣ насыпи, встрѣчались дубовые угли, пепель и черепки отъ глиняныхъ горшковъ, совершенно схожіе съ черепками раньше описанныхъ нами кургановъ.

Костякъ найденъ на спинѣ, съ вытянутыми ногами. Черепъ лежалъ на лбу, затылкомъ вверхъ. Лѣвая рука была вытянута вдоль туловища, а правая согнута въ локтѣ, съ кистью положенною на ложныхъ ребрахъ. Ось костяка имѣла ОW е направленіе: голова на W и ноги на O. Кости скелета сохранились лучше. Размѣры скелета слѣдующіе: общая длина — 2 арш. 4 вершк., ширина таза — 6 вершк., ширины плечъ — 7 вершк., длина рукъ — 15 вершк., длина ногъ — 1 арш. 1 вершк. На костяхъ шеи, около лѣваго уха, было найдено два простыхъ серебряныхъ проволочныхъ кольца, концы коихъ спирально заходятъ другъ за друга, безъ спайки. Ширина тупой части — $\frac{5}{8}$ д., ширина острой — $\frac{3}{12}$ д., высота, взятая по внутреннему размѣру кольца — $\frac{2}{3}$ д.; толстое кольцо: ширина тупой части — $\frac{2}{3}$ д., ширина острой — $\frac{1}{2}$ д., высота — $\frac{2}{3}$ д. Яйцевидность изгиба кольца показываетъ, что оно было въ употребленіи. Мы приходимъ къ тому предположенію, что оба эти кольца носились какъ украшеніе въ лѣвомъ ухѣ, въ видѣ сережки, быть можетъ, составленной изъ колецъ продѣтыхъ одно въ другое, подобно кольцамъ найденнымъ въ правомъ ухѣ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже. Тонкое кольцо лѣваго уха покрыто фіолетовой окисью, а толстое зеленою окисью. Рядомъ съ двумя описанными колечками найдены кусочки дубовой коры, проникнутой окисью серебра. На шеѣ, около праваго уха, найдены также два серебряныхъ проволочныхъ кольца такой же формы, надѣтые одно на другое.

На указательномъ пальцѣ правой руки найдено такое же проволочное кольцо. Снаружи оно покрыто фіолетовой окисью.

Наблюденія надъ костяками доказали, что въ этомъ курганѣ была похоронена женщина, въ ушахъ коей находились составныя серьги изъ двойныхъ колецъ и на правой рукѣ кольцо-перстень. Погребальный типъ здѣсь тотъ же, что въ двухъ предыдущихъ курганахъ. Гробъ-колода былъ приготовленъ изъ дуба.

10 авг. — *Курганъ № 4.* Этотъ курганъ расположенъ на О-й окраинѣ группы и на O отъ кургана № 1. По размѣрамъ это самый большой курганъ въ группѣ. Насыпь прекрасно сохранилась. На курганѣ росло три большихъ березы и много кустовъ молодого дубняка. Березамъ около 75 лѣтъ. Курганъ покрытъ дерномъ, который гуще съ N и рѣже съ S. Насыпь немного расплзлась къ S и SW. По профили онъ относится — къ конусообразнымъ, по характеру вершинки — къ выгнутымъ, по положенію — къ отдѣльно-стоячимъ. Площади вершинки и основанія два концентрическіе круга, растянутые слегка къ S и SW, по склону мѣстности. Знаменательныя линіи, характеризующія курганъ при измѣреніи, дали такія данныя: окружность основанія — 19 саж., окружность вершинки — 8,5 саж., кривая образующая — 6—5 саж., высота — 2 арш. 6 вершк. На вершинкѣ есть впадина сферической формы, глубиною въ $\frac{1}{2}$ арш. и въ окружности — $3\frac{1}{2}$ саж. Кругомъ подошвы насыпи есть непрерывный кольцевой ровъ: длина его, взятая по дну — 25 саж., ширина со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ SO., гдѣ 3 саж., 1 саж., глубина — 1— $1\frac{1}{2}$ арш. Внутренняя кру-

тость ровика сливается незамѣтно съ отлогостями насыпи, а наружная, нечувствительно приподымаясь, совпадаетъ съ горизонтомъ.

Пробныя ямы, вырытыя на горизонтѣ земли, за кольцевымъ ровикомъ и въ кольцевомъ ровикѣ, дали наблюдѣнія надъ почвой тѣ же, что и въ курганѣ № 1. Раскопка производилась круглымъ колодцемъ, имѣвшимъ въ окружности 8,5 саж. Въ дернѣ и подъ дерномъ былъ спорадически разбросанъ дубовый уголь и пепель — вѣроятно остатки костра, устроеннаго на верху кургана послѣ погребенія.

Здѣсь же, перемѣшанные съ углемъ, находились черепки отъ глиняныхъ горшковъ, аналогичные съ раньше описанными (рис. 18). Грунтъ въ насыпи найденъ въ такомъ же положеніи, какъ въ курганѣ № 1.

Рис. 18.

(Размѣры увеличены вдвое.)

Рис. 19.

Скелетовъ было два. На указательномъ пальцѣ правой руки N-го скелета найдено серебряное проволочное, безъ спайки кольцо.

На лѣвомъ плечѣ N-го скелета, найдена серебряная буса, составленная изъ шести рядовъ серебряныхъ шариковъ и полушариковъ (рис. 19).

Гвозди, которыхъ въ этомъ курганѣ особенное обиліе, подраздѣляются на три типа по характеру шляпки: одни изъ нихъ удлиненыя, другіе круглыя и третьи почти четырехугольныя; стержни всѣ четырехгранныя.

Непосредственно подъ обоими скелетами наблюдался угольный слой и пепель. Угли были дубовые. Размѣры кострищъ приблизительно одинаковыя: длина — $1\frac{1}{2}$ арш. и ширина — $\frac{1}{2}$ арш. Длина имѣла ОW-енаправленіе. Глубина угольного слоя = 3—5 вершк. Угли и пепель были перемѣшаны съ глиной. Углубленіе колодцемъ подъ уровень скелетовъ на $1\frac{1}{2}$ аршина дало непосредственно подъ костяками перушенную землю. Углубленіе отъ горизонта до уровня скелетовъ позволило наблюдать двѣ погребальныя ямы, имѣвшія въ длину: S — 1 саж. 8 вершк., N — 1 саж. и въ ширину: S — 1 арш. 14 вершк. и N — 1 арш. 10 вершк. Погребальная яма S-го скелета имѣла въ глубину (отъ горизонта) 10—12 вершк., а N — 9—10 вершк. Промежутокъ цетро-нутой земли между погребальными ямами съ W и O = 1 арш. 4—6 вершк. По бокамъ колодца, отъ горизонта до дна погребальныхъ ямъ и затѣмъ ниже, въ районѣ погребальныхъ ямъ, шла нерушенная земля.

Выводы, сдѣланные нами на основаніи раскопки этого кургана, тѣ же, что и полученные въ предыдущихъ курганахъ этой группы. Разница заключалась только въ томъ, что здѣсь были погребены два костяка, а въ предыдущихъ по одному. Въ данномъ курганѣ тоже покойники были погребены между двухъ выжженныхъ изнутри дубовыхъ колодь и для каждаго вырыто по погребальной ямѣ. Курганъ насыпанъ общій.

Курганъ № 5. Этотъ курганъ расположенъ черезъ одинъ курганъ восточнѣе кургана № 2. Насыпь сохранила свои первобытныя формы и поросла густымъ слоемъ дерна. На отлогостяхъ росли двѣ строевыя березы. По размѣрамъ это одинъ изъ небольшихъ кургановъ: по профили курганъ можетъ быть причисленъ — къ куполообразнымъ, по характеру вершинки — къ выпуклымъ, по относительному положенію — къ отдѣльно стоячимъ. Около подошвы насыпи расположенъ кольцевой ровикъ, прерванный съ NNW перешейкомъ, длиною въ $1\frac{1}{2}$ саж.

Въ дернѣ и подъ дерномъ до глубины 4 вершк., по срединѣ вершинки, были находимы дубовые угли и черепки отъ глиняной посуды, совершенно одинаковые съ черепками, найденными раньше.

Исслѣдованіе даннаго кургана дало тѣ же заключенія, какъ и въ предыдущихъ курганахъ.

Курганъ № 6. По положенію своему въ группѣ онъ относится къ курганамъ расположеннымъ на S-й окраинѣ; южнѣе его только одинъ курганъ. Этотъ курганъ принадлежитъ къ числу самыхъ меньшихъ, по профили — къ плоскимъ, по характеру вершинки — къ выпуклымъ, по относительному положенію — къ отдѣльно стоячимъ. Насыпь великолѣпно сохранила свои первоначальныя формы.

Размѣры кургана слѣдующіе: окружность основанія — 11 саж., окружность вершинки — 5 саж. 2 арш., кривая образующая — 3 саж., высота — 14 вершк. На курганѣ, на вершинкѣ, росло два молодыхъ дуба, отъ 12—18 лѣтъ, а съ W-й стороны у подошвы старая береза. Размѣры кольцевыхъ ровиковъ: длина NW — 4 саж. 1 арш. и SO-го — 5 саж.; ширина: NW-го отъ 2,5 арш. до 1 саж. и SO-го — 1 саж.; глубина $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ арш. Ямы, вырытыя на перешейкахъ и въ кольцевыхъ ровикахъ, дали наблюденія надъ залеганіемъ слоевъ почвы, аналогичныя съ курганомъ № 3. Курганъ покрытъ дерномъ, который оказался гуще на отлогостяхъ меньшаго заложения (N) и рѣже на отлогостяхъ большаго заложения (S и SW).

Раскопка производилась круглымъ колодцемъ, окружность коего равнялась 5 саж. 2 арш. и центръ совпадалъ съ центромъ насыпи. Почва въ насыпи найдена въ такомъ же порядкѣ, какъ и въ курганѣ № 3. По срединѣ вершинки, въ дернѣ и подъ нимъ, до глубины 2—4 вершк., былъ находимъ дубовый уголь, пепель и осколки черепковъ отъ глиняной посуды, совершенно одинаковые съ раньше описанными. Размѣры кострища: діаметръ — $1\frac{1}{2}$ арш., высота отъ 2—4 вершк. Выемки, произведенныя съ четырехъ сторонъ горизонта на отлогостяхъ, дали, съ поверхности, на глубинѣ 2—3 вершк. черепки глиняныхъ горшковъ. Цвѣтъ трупнаго очертанія желто-бурый.

На глубинѣ 12 вершк. отъ вершинки, съ O-го края колодца, въ разстояніи отъ него 8 вершк., былъ найденъ кремневый ножъ (рис. 20), въ видѣ полумѣсяца,

длиной по гребню $4\frac{5}{8}$ д., шириной по срединѣ — $1\frac{1}{6}$ д., толщиной по срединѣ — $\frac{1}{2}$ д. Производство каменнаго ножа выполнено путемъ постепенныхъ, систематическихъ надавливаній, отколовъ и ударовъ камнемъ. Одинъ конецъ блестящій, другой матовый. Кремень взятъ изъ наиболѣе крѣпкихъ: цвѣтъ дымчатый, замѣтно на остромъ краѣ

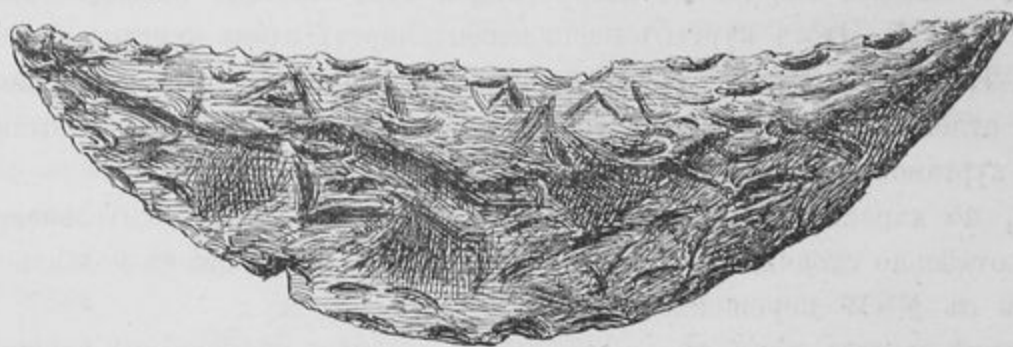

Рис. 20.

просвѣчиваніе. Острая часть имѣетъ сложеніе мелкозернистое, гребень же въ одномъ мѣстѣ крупнозернистое, съ сѣрымъ оттѣнкомъ. Тупая дуга носитъ по всему своему протяженію рядъ мелкихъ зазубринъ, а острая имѣетъ двѣ щербины раковистаго излома. Отколы съ поверхности прекрасно замѣтны, хотя ребра откосовъ сглажены. Ножъ лежалъ горизонтально, острой дугой на W.

На глубинѣ 1 арш. 1 вершк. былъ найденъ первый желѣзный гвоздь, со слѣдами угля. Глубже на 4 вершка открыто еще два гвоздя.

На глубинѣ 1 арш. 8 вершк. отъ вершинки и 10 вершк. отъ горизонта открытъ костякъ и одинъ гвоздь. Скелетъ лежалъ на спинѣ, съ вытянутыми параллельно ногамъ, руками согнутыми въ локтѣ и кистями покоющимися на ложныхъ ребрахъ. Положеніе черепа неопредѣленно, ибо таковой, такъ же какъ и всѣ кости, былъ совершенно сгнившій. Ось костяка имѣла направленіе: голова на 30° отъ W къ S и ноги на столько же отъ O къ N. Земля, благодаря удачному вскрытію насыпи и тщательному изученію остатковъ разрушенія костяка, сохранила несомнѣнные слѣды его размѣровъ. Послѣдніе оказались: общая длина — 2 арш. 4 вершк., длина ногъ — 1 арш. 2 вершк., длина рукъ — 1 арш., ширина плечъ — 8—8,5 вершк., ширина таза — 6 вершк. Костякъ найденъ какъ разъ по срединѣ прямоугольника гвоздей.

Подъ костякомъ былъ найденъ угольный слой изъ дубовыхъ углей и пепла. Черепковъ не было найдено. Размѣры кострища: большая сторона (совпадала съ направленіемъ оси скелета) — 1 арш. 4 вершка, меньшая сторона — 14 вершк., высота — 2—3 вершка. Углубленіе подъ уровень костяка до $1\frac{1}{2}$ арш. дало нетронутые слои, въ порядкѣ залеганія аналогичномъ съ расположеніемъ слоевъ въ горизонтальныхъ пробныхъ ямахъ. Изслѣдованіе земли отъ горизонта опредѣлило размѣры погребальной ямы: длина (совпадала съ направленіями костяка) — 1 саж. 1 вершк., ширина — 2 арш. Почва, внѣ района погребальной ямы, отъ горизонта найдена нетронутой. Прямоугольникъ гвоздей заключался въ горизонтальной проекціи погребальной ямы. Гвозди носятъ слабые слѣды дубовой древесины, проникнутой окисью желѣза. Типъ шляпокъ троякій: удли-

ненный, округленный и четырехугольный. Гвозди хорошо сохранились, хотя наблюдается въ стержняхъ трубчатость. Стержни тонкіе, четырехгранные. Размѣры гвоздей слѣдующіе: длина 2,5—3 д. окружность шляпки около 2-хъ д., толщина $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ д.

Нахождение каменнаго ножа въ этомъ курганѣ мы объясняемъ тѣмъ, что онъ былъ или утраченъ при насыпкѣ кургана съ О-й стороны, или положенъ съ покойникомъ.

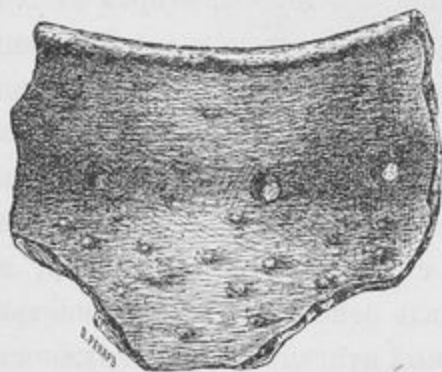
Курганы въ Слипчицкомъ лѣсу.

11-го авг. Курганъ № 1 расположенъ въ первой линіи отъ дороги, второй съ N-й окраины. Онъ принадлежитъ къ числу трехъ самыхъ большихъ кургановъ этой группы и находится между послѣдними въ центрѣ. Насыпь отлично сохранила свои первобытныя формы. Отлогости и вершина покрыты дубами, изъ коихъ одному не менѣе 50—60 лѣтъ. Курганъ покрытъ густымъ, плотнымъ дерномъ. Насыпь одинакова расплылась во всѣ стороны. По положенію въ группѣ курганъ относится къ отдѣльно стоячимъ, рядовымъ, по профили — къ конусообразнымъ съ усѣченной вершинкой, по характеру вершинки — къ вогнутымъ. Вершинка и площадь основанія — два концентрическіе круга. Знаменательныя линіи, характеризующія данный курганъ, такія: окружность основанія — 16 саж., окружность площадки — 6,5 саж., кривая образующая (NS) — 5 саж., высота 1 арш. 10 вершк. Вокругъ подошвы насыпи сохранились два кольцевыхъ ровика, облегающіе ее, одинъ съ OOS и другой NNO, N, NW, W и SW. Кольцевые ровики прерываются двумя перешейками, изъ коихъ одинъ находится съ S и другой съ OON. Длина перешейковъ: S-го — 1 саж., OON-го — 2 арш. Размѣры кольцевыхъ ровиковъ: длина OOS-го — 3 саж. 1 арш. и втораго — 13 саж. Ширина ровиковъ — 2 арш. 10 вершк.; глубина 0—1 $\frac{1}{2}$ арш. Пробныя ямы, вырытыя на перешейкахъ и въ кольцевыхъ ровикахъ, дали слѣдующія наблюденія надъ почвой: въ ямахъ на перешейкахъ растительный слой — 4—5 вершк., суглинокъ — 8—10 вершк., а ниже желтая глина съ незначительнымъ $\frac{0}{10}$ песку; въ ямахъ въ кольцевыхъ ровикахъ: растительный слой 2—4 вершка и далѣе желтая глина. Объемъ насыпи равняется объему выемки кольцевыхъ ровиковъ. Раскопка производилась по-слоиннымъ сниманіемъ земли отъ вершинки до площади основанія и углубленіемъ подъ горизонтъ коледцемъ, окружность коего равнялась окружности площади основанія. Почва найдена перевернутой: растительный слой — 2—3 вершка, желтая глина, за 4—5 вершк. отъ горизонта суглинокъ. Въ дернѣ, по серединѣ вершинки, до глубины 3—4 вершк., попадались дубовые угли, пепель и черепки отъ грубаго глинянаго горшка. Горшокъ былъ обожженъ (краснаго цвѣта снаружи), толщиною $\frac{1}{3}$ дюйма. Въ толщѣ черепковъ (желтая глина) встрѣчаются крупныя зерна кварца. Украшеній снаружи нѣтъ. Внѣшняя поверхность бугорчатая, неровная. Горшокъ былъ приготовленъ на гончарномъ станкѣ, хотя отдѣлка его крайне грубая и неумѣлая.

На глубинѣ 12 вершк. открытъ первый желѣзный гвоздь. На глубинѣ 2 арш. 3 вершк. отъ вершинки, въ глинистомъ грунтѣ, были открыты несомнѣнные слѣды гроба, двухъ дубовыхъ колодь, обожженныхъ изнутри. Горизонтальная проекція гроба прямоугольникъ съ закругленными концами, длиной 2 арш. 15 вершк., шириной — 1 арш. 2 вершка.

Съ внутренней стороны гроба наблюдался шириною въ 1 вершокъ слой дубоваго угля, съ внѣшней стороны сливающійся съ сгнившимъ деревомъ. Внутренніе размѣры гроба были: длина 2 арш. 7 вершк. и ширина 10 вершк. Крайнія внѣшнія очертанія сгнившаго дерева заключали въ себѣ остатки сгнившей дубовой коры. Мы должны сознаться, что болѣе нагляднаго доказательства факта существованія гроба — дубовой колоды намъ еще не приходилось видѣть до сихъ поръ.

На 11 вершк. ниже горизонта найдено около 40 черепковъ (рис. 21) отъ грубаго

(Размѣры уменьш. вдвое).

Рис. 21.

глинянаго горшка, приготовленнаго изъ мѣстной, желтой глины съ примѣсью массы крупныхъ зеренъ кварца. Внѣшняя поверхность неровная и бугорчатая. Цвѣтъ боковыхъ стѣнокъ извнѣ красный, а внутри черепки обугленные. Дно его ровное, имѣло приблизительно $2\frac{1}{2}$ вершка въ діаметрѣ. Вышина горшка отъ 6 до 7 вершк.; радіусъ внутренняго отверстія горшка сверху $1\frac{5}{8}$ вершка.; толщина стѣнокъ: около дна — $\frac{1}{4}$ вершка. Горшокъ украшенъ круглыми дырочками, расположенными одна отъ другой въ растояніи $\frac{1}{2}$ — $\frac{5}{8}$ вершка. Горшокъ приготовленъ хотя и грубо, но на гончарномъ станкѣ.

На глубинѣ 2 арш. 8 вершк. находился скелетъ направленіемъ съ SW на NO. на спинѣ, съ вытянутыми ногами, головой на лѣвомъ вискѣ, руками согнутыми въ локтѣ и кистями, покоющимися на ложныхъ ребрахъ. На указательномъ пальцѣ правой руки было найдено разломанное на мелкіе кусочки серебряное проволочное съ спирально заходящими концами кольцо, безъ спайки. По размѣрамъ оно одинаково съ кольцомъ кургана № 2, что на слипчицкихъ поляхъ.

Курганъ № 2. Не представилъ ничего новаго.

Раскопка кургана около городища.

11 и 12 августа посвящены изслѣдованію кургана, расположеннаго подлѣ городища, (см. рис. 8) и насыпь котораго распаивается около десятка лѣтъ. Внѣшнія первобытныя формы ея сглажены плугомъ. Кольцевого рва не видно. Въ этой мѣстности это самый большой курганъ. По мѣстоположенію онъ относится къ отдѣльно стоящимъ, расположеннымъ особнякомъ, по профили — конусообразный, по характеру вершинки — вогнутый. На вершинкѣ есть сферическая впадина, имѣющая въ окружности 3 саж. и въ глубину 12 вершк. Размѣры кургана слѣдующіе: окружность основанія — 30 саж., окружность вершинки — 14 саж., кривая образующая — 8 саж., высота — 1 саж., площадь вершинки и площадь основанія — два концентрическихъ круга. Сползанія отлогостей не примѣчалось. Кругомъ насыпи валяется множество черепковъ глиняной посуды, о которой будемъ говорить подробно ниже. Пробныя ямы, вырытыя у подошвы насыпи съ разныхъ сторонъ, дали такія наблюденія: растительный слой (черноземъ) 5—7 вершк., суглинокъ 8—10 вершк. и пестро-желтая глина дальше вглубь. Раскопка производилась круглымъ колодцемъ, имѣвшимъ въ окружности 14 саж. Въ черно-

земѣ, до глубины 6 вершк. отъ вершинки, попадались въ большомъ числѣ осколки отъ глиняной посуды, приготовленные изъ желтой глины, по внѣшней поверхности украшенные параллельными бороздками. На глубинѣ 6-ти вершк. найдены въ трехъ мѣстахъ куски красного шифера и въ одномъ мѣстѣ часть лошадиного скелета, вѣроятно новѣйшаго происхожденія.

На глубинѣ 12 вершк. отъ вершинки, въ черноземномъ слоѣ, найдено пять скелетовъ, лежащихъ на спинѣ, съ вытянутыми параллельно ногами и руками. Кости прекрасно сохранились. Цвѣтъ въ изломѣ слегка желтый, а съ поверхности — темно-желтый. Около одного черепа найдено точило изъ мелкозернистаго песчаника и кусокъ кирпича бѣловато-желтаго цвѣта. Кирпичъ древній, но находеніе его настолько случайно и настолько не соотвѣтствуетъ обстановкѣ, при которой онъ найденъ, что можно допустить, что онъ въ курганъ попалъ при насыпкѣ земли, что впрочемъ можно сказать и про точило.

Кругомъ костяковъ найдена масса черепковъ изъ бѣловатой и желтой глины отъ посуды, приготовленной на гончарномъ станкѣ и представляющей въ видѣ горшковъ, кувшиновъ, чашъ и ковшей. Горшки украшены зигзагообразными украшениями широкими и узкими бороздками.

Чашъ три, изъ которыхъ одна (рис. 22) тонкая, безъ украшеній, приготовлена изъ бѣловатой глины и сохранила свою ножку.

Другая чаша украшена извнѣ бороздками, идущими отъ верхняго края до ножки (рис. 23).

(Размѣры уменьш. вдвое.)

Рис. 22.

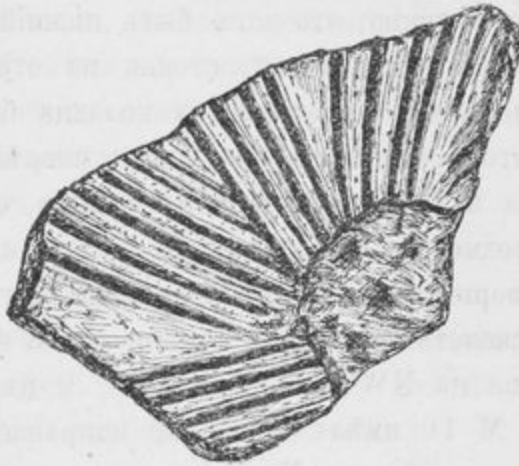

Рис. 23.

(Размѣры уменьш. вдвое.)

Рис. 24.

(Размѣры уменьш. вдвое.)

Рис. 25.

Отъ ковшей или кружекъ найдены двѣ ручки: одна круглая (рис. 24), безъ украшеній; другая болѣе широкая, покрытая выпуклыми полосками (рис. 25).

Всѣ эти предметы располагались вокругъ костяковъ совершенно случайно и, по нашему мнѣнію, попали сюда съ землею, которая была набросана на трупы въ свое время. Такихъ черепковъ мы находили множество на поверхности земли по всей площади древняго города-поселка и въ городищѣ.

На глубинѣ 1 арш., въ черноземѣ, мы открыли два костяка. № 6 лежалъ съ W-го края колодца, въ разстояніи 1 арш. 3 вершк.; найденъ на спинѣ, съ вытянутыми параллельно ногами, руками вдоль туловища и черепомъ на затылкѣ. Направленіе костяка WO-ое голова на W и ноги на O. Размѣры его слѣдующіе: общая длина 2 арш. 7 вершк., длина ногъ 1 арш. 4 вершка, длина рукъ 1 арш. 3 вершка, ширина плечъ 8,5 вершк., ширина таза 6,5 вершк. Кости намъ показались принадлежащими мужчинѣ, похороненному ранъше, чѣмъ прежніе пять покойниковъ. Костякъ № 7 найденъ съ SO-й стороны колодца, въ разстояніи 1 арш. 8 вершк. Скелетъ лежалъ на спинѣ, съ вытянутыми параллельно ногами, руками вдоль туловища и черепомъ на лѣвомъ вискѣ. Направленіе оси костяка: голова на SW, ноги на NO. Размѣры его слѣдующіе: общая длина 2 арш. 9 вершк., длина ногъ 1 арш. 4 вершка, длина рукъ 1 арш. 2 вершк., ширина плечъ 9,5 вершк. и ширина таза 7 вершк. Этотъ скелетъ оказался въ такой же степени разрушенія, какъ и предыдущій. Онъ тоже принадлежалъ мужчинѣ. Гвоздей при этихъ скелетахъ не найдено, остатковъ гроба тоже.

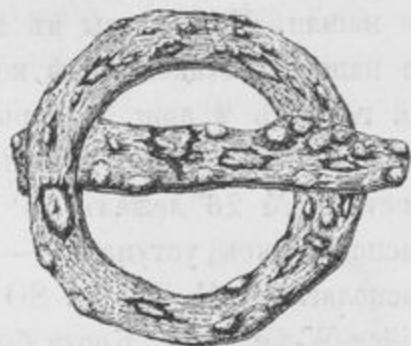
На этомъ уровнѣ были найдены разбросанными повсюду черепки, совершенно одинаковые съ вышеописанными. Съ W-го края колодца на N отъ ногъ скелета № 6, въ разстояніи 1 саж. 1 арш., найденъ маленькій желѣзный ножикъ. Съ O-й стороны колодца, въ разстояніи отъ края 14 вершк. и отъ ногъ скелета № 6 на N, на 1 саж. 2 арш. 1 вершк., открытъ желѣзный гвоздь концомъ вверхъ. Съ S-го края колодца, въ разстояніи 1 саж. 2 арш. 4 вершк., найденъ кусокъ сгнившаго дубоваго столба, стоявшаго вертикально. Окружность столба — 1 арш. 3 вершка, длина — 13 вершк. Судя по мѣстоположенію, это могъ быть нижній конецъ одного изъ тѣхъ крестовъ, которые, по рассказамъ жителей, стояли на этомъ курганѣ еще не такъ давно. На этой глубинѣ по всему пространству колодца были находимы куски дубоваго угля и полубугленнаго дубоваго дерева, почти совсѣмъ сгнившаго. Нахожденіе на данномъ уровнѣ ножика и гвоздя, по нашему мнѣнію, случайность: нѣтъ никакой причинной связи этихъ предметовъ съ костяками №№ 6 и 7.

На глубинѣ 1 арш. 6 вершк. черноземъ наполовину былъ перемѣшанъ съ пескомъ. Здѣсь было найдено три скелета. Всѣ они лежали съ W-й стороны. № 8-й въ направленіи NW — SO: голова на NW и ноги SO. № 9 въ направленіи SW — NO: голова на SW, ноги NO. № 10 имѣлъ такое же направленіе какъ и № 9. Костякъ № 10 приходился головою къ черепу № 9 и ногами около черепа № 8. Костяки лежали на спинѣ, съ вытянутыми параллельно ногами, руками вдоль туловища и съ черепомъ повернутымъ въ №№ 10 и 8 налѣво и въ № 9 направо. Изученіе костей даетъ намъ право заключить, что эти костяки принадлежали мужчинамъ, при чемъ скелетъ № 10 — юношѣ или молодому человѣку. Вокругъ костяковъ найдено три гвоздя съ остатками сгнившаго дубоваго дерева и дубовыхъ углей. Всѣ эти предметы (гвозди, сгнившее дерево и угли) образовали вокругъ костяковъ №№ 8 и 9 прямоугольники культурныхъ остатковъ, напоминавшихъ нахожденіе этихъ предметовъ въ прочихъ, уже описанныхъ нами выше, курганахъ. Размѣры этихъ прямоугольниковъ: длина — 2 арш. 14 вершк. — 1 саж. и ширина 10 — 12 вершк. Это несомнѣнно остатки отъ гроба.

До глубины 1 арш. 13 вершк. почва оказалась песчаною съ примѣсью желтой глины. На глубинѣ 1 арш. 13 вершк. найдено пять костяковъ: № 13 лежалъ въ серединѣ колодца, № 11 на S отъ него, № 14 на NW, № 12 на SO и № 15 на NO. Костяки имѣли слѣдующее направленіе: №№ 11, 12, 13 и 15 съ W на O: головы на W. и ноги на O и № 14 съ SW. на NO: черепъ на SW ноги на NO. Всѣ скелеты лежали на спинѣ, съ вытянутыми параллельно ногамъ и руками вдоль туловища. Черепы лежали: въ №№ 10, 12 и 14 направо, въ № 15 направо и въ № 13 на затылкѣ. Около скелетовъ открыто шестнадцать желѣзныхъ гвоздей.

Гвозди, окружавшіе каждый костякъ образовывали своимъ положеніемъ пять прямоугольниковъ, размѣромъ отъ 3 арш. длины и меньше и ширины приблизительно около 1 арш. Всѣ гвозди носятъ на себѣ, особенно у головки, слѣды волоконъ дуба; въ большинствѣ длинные тонкіе стержни и шляпки округленныя, плоскія и тонкія.

При костякахъ найдены: желѣзная пряжка, желѣзный ножъ и кремень. Первые два предмета отысканы внутри прямоугольника гвоздей костяка № 14, а кремень подлѣ костяка № 15. Желѣзная пряжка лежала на 1 верш. NW-ѣе костей таза. Желѣзный ножъ найденъ на $1\frac{1}{2}$ вершка лѣвѣе плечевой кости лѣвой руки, ниже ключицы на 2,5 вершк. Кремень найденъ лѣвѣе кости лѣвой руки на 1 верш. *Пряжка* (рис. 26) состоитъ изъ плоскаго кольца и плоской же перемычки. Перемычка однимъ согнутымъ овальнымъ концомъ охватывала кольцо и вращалась на этомъ загибѣ. Размѣры ея: окружность кольца по внѣшности — 10 д., ширина кольца — $\frac{1}{2}$ д., длина перемычки — $3\frac{1}{2}$ д. Намъ показалось, при разсмотрѣніи подъ увеличительнымъ стекломъ, что на пряжкѣ есть слѣды отъ кожи и шерстяной ткани. Пряжка эта несомнѣнно принадлежность пояса. Ширина пояса могла быть около 2-хъ дюймовъ. Поясъ кожанный. Черезъ дырку его на одномъ концѣ была продѣта перемычка до загиба, гдѣ поясъ былъ загнутъ и пришитъ, а другой конецъ имѣлъ дырки, въ которыя и продѣвался заостренный конецъ перемычки. *Желѣзный ножикъ* обыкновенной формы, узкій и длинный, со стержнемъ, длина $7\frac{1}{2}$ д., ширина клинка $\frac{1}{2}$ д. Осколокъ *кремня* плоскій, съ острыми ребрами, длина — $1\frac{3}{4}$ д., ширина съ широкаго конца — 1 д.

(Размѣры уменьш. вдвое.)

Рис. 26.

При продолженіи раскопки мы замѣтили, что % глины увеличился — почва оказалась суглинкомъ. Земля рыхлая поздраватая, цвѣта желто-бураго, — отъ большого избытка продуктовъ гніенія. На глубинѣ 2 арш. отъ вершинки найдено было четыре гвоздя, а на три вершка ниже открыты семь скелетовъ и еще четырнадцать гвоздей. Скелеты №№ 19 и 21 лежали въ серединѣ колодца, №№ 18 и 20 отъ нихъ на W, № 22 на NO отъ № 21, № 17 на SO отъ № 19, № 16 на SW отъ № 17. Всѣ костяки найдены на спинѣ, съ вытянутыми параллельно ногамъ, руками вдоль туловища и черепомъ: №№ 16 и 17 на правомъ вискѣ, №№ 18, 21 и 22 на лѣвомъ вискѣ и №№ 20 и 19 на затылкѣ, глазами вверхъ. Костяки имѣли направленіе WO-ое голова на W, ноги на O. Въ почвѣ встрѣчались черепки отъ глиняной по-

суды, — совершенно такіе же, какъ и описанные нами выше. Впрочемъ, здѣсь черепковъ было значительно меньше, чѣмъ мы находили выше. Гвозди располагались вокругъ костяковъ и образовывали четырехугольники. Костяки найдены довольно хорошо сохранившимися.

Изъ всѣхъ восемнадцати гвоздей извлечено цѣлыхъ только пять гвоздей; размѣры ихъ: длина — $2\frac{5}{6}$ —3 д., окружность шляпки — $2-2\frac{1}{2}$ д., толщина стержня у шляпки — $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{4}$ д. Гвозди покрыты окисью желѣза и прилипшими песчинками, склеенными желѣзной окисью между собою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть слѣды древесныхъ частицъ. На этой глубинѣ (2 арш. 3 вершка отъ вершинки) найдены: серебрянное проволочное кольцо съ спирально заходящими концами и кусокъ желѣзнаго шлака. Кольцо найдено на указательномъ пальцѣ правой руки костяка № 17. Кусокъ желѣзнаго шлака съ NW-й стороны колодца.

Дальше вглубь мы находимъ суглинокъ. Почва рыхлая, ноздреватая, желто-бураго цвѣта, — отъ обилія продуктовъ гніенія. Вся земля колодца имѣла окраску трупнаго пятна. Окраска почвы въ цвѣтъ трупнаго пятна выходила изъ района колодца. Когда были сдѣланы двѣ сквозныя траншеи на уровнѣ 2 арш. 9 вершк. съ O и S, которыя проходили поперекъ насыпи кургана насквозь, то оказалось, что трупное пятно здѣсь оканчивалось внѣ предѣловъ колодца на $\frac{3}{4}$ —1 саж. Но скелетовъ тамъ мы не нашли. Потомъ мы въ траншеяхъ сняли землю до верху кургана и все-таки нигдѣ не нашли костяковъ внѣ колодца. Черепки отъ глиняной посуды встрѣчались вездѣ. На глубинѣ 2 арш. 6 вершк. найдено было семь гвоздей; на 2 вершка ниже пять гвоздей, а на глубинѣ 2 арш. 9 вершк. открыто шесть скелетовъ и еще шесть гвоздей. Костякъ № 26 лежалъ съ W-го края колодца, № 27 на O отъ него, №№ 25 и 28 располагались уступами — первый на SO, второй на NO, SO-ѣе костяка № 27 располагался № 24, на SO отъ № 25, уступомъ, лежалъ костякъ № 23, приходившійся W-ѣе № 24. Кости были разрушены, какъ намъ казалось, больше, чѣмъ скелеты этого кургана раньше описанные. Костяки имѣли положеніе: №№ 23, 25 и 26 W — O, а №№ 24, 27 и 28 SW — NO; въ первыхъ головы лежали на W, ноги на O., а во вторыхъ головы на SW, ноги же на NO. Костяки лежали на спинѣ, съ вытянутыми параллельно ногамъ и руками вдоль туловища. Черепа лежали: у №№ 23 и 25 на лѣвомъ вискѣ, №№ 24 и 27 на правомъ вискѣ и у №№ 26 и 28 на затылкѣ. Гвозди располагались вокругъ костяковъ.

При этихъ костякахъ (2 арш. 9 вершк. отъ вершинки) найдены: серебрянное проволочное кольцо, съ спирально-сходящимися концами и желѣзный одиночный ножикъ. Серебрянное кольцо было на указательномъ пальцѣ правой руки костяка № 27; а желѣзный ножикъ найденъ непосредственно подлѣ кисти лѣвой руки скелета № 28. Желѣзный ножикъ состоитъ изъ клинка и рукоятки, изогнутой въ двухъ направленіяхъ; слѣды черенка очень ничтожны; размѣры: общая длина $4\frac{1}{2}$ д., длина клинка $2\frac{3}{4}$ д., длина рукоятки $1\frac{3}{4}$ д., ширина клинка у рукоятки $\frac{1}{2}$ д.

Далѣе вглубь почва была суглинокъ. Рыхлость и ноздреватость наблюдались по прежнему. Окраска земли тоже желто-бурая. На глубинѣ 2 арш. 13 вершк. отъ вершинки найдено семь гвоздей, а вершкомъ ниже четыре гвоздя. На глубинѣ 2 арш.

15 вершк. открыто восемь скелетовъ и девять гвоздей. Костякъ № 32 занималъ болѣе центральное положеніе по серединѣ колодца; № 31 отъ него на W, № 33 на O, № 30 на S, № 29 на S отъ № 31, № 34 на NW отъ 32, № 35 на N отъ № 33, № 36 на NNW отъ № 34. Скелеты имѣли направленіе WO-ое, голова на W, ноги на O. Всѣ костяки лежали на спинѣ, съ вытянутыми параллельно ногами и руками вдоль туловища. И здѣсь гвозди образовывали вокругъ cadaго костяка прямоугольникъ, въ серединѣ коего онъ и помѣщался.

Изъ 20 гвоздей извлечено цѣлыми шесть. 5 гвоздей дугообразно изогнуты. Всѣ гвозди имѣютъ на себѣ слѣды древесныхъ частицъ дуба. На трехъ гвоздяхъ отъ шляпки, почти до половины стержня, волокна идутъ перпендикулярно стержню, далѣе, до конца гвоздя, параллельно и наискось. Типъ гвоздей: четырехгранные, клинообразные (одинъ гвоздь), съ круглыми головками и съ узкой головкой (одинъ гвоздь).

На этой глубинѣ (2 арш. 15 вершк. отъ вершинки) были найдены: сосновые угли, черепки и узорчатое ушко отъ глинянаго сосуда, кремь и кусокъ болотной желѣзной руды.

Сосновые угли отысканы съ W-й стороны колодца, между прямоугольниками №№ 29 и 31, въ разстояніи 15 вершк. отъ края колодца. Площадь распространенія углей имѣла длины 10 вершк., ширины 6 вершк. Кругомъ валялись черепки. Видимо тутъ стоялъ горшокъ съ чѣмъ-нибудь и насыпь его раздавила. Здѣсь же найдено, среди черепковъ и узорчатое ушко, такое же какъ описанное нами выше. Черепки отъ горшковъ попадались и на остальной площади колодца на этомъ уровнѣ, но больше всего ихъ было съ W-й стороны. *Кремь* (рис. 27) находился близъ тазовыхъ костей костяка № 34; имѣетъ онъ выгнутую форму и длина его 2 д., большая ширина $1\frac{1}{10}$ д.

Около кисти правой руки костяка № 30 найденъ безформенный кусокъ болотной желѣзной руды. Далѣе въ почвѣ замѣчено большое количество органическихъ веществъ отъ гніенія труповъ и гробовъ, а на глубинѣ 1 саж. 3 вершк. найденъ желѣзный гвоздь.

На глубинѣ же 1 саж. 5 вершк. отъ вершинки или на 5 вершк. ниже горизонта открытъ скелеть и еще два гвоздя. Скелеть № 37 отысканъ почти по серединѣ колодца, въ N-й его половинѣ. Ось направленія костяка WO-я: голова на W, ноги на O. Кости сильно сгнившія; опредѣлить черепа не удалось.

Влажность почвы на этомъ уровнѣ небольшая. Грунтъ суглинокъ. Скелеть лежалъ на спинѣ, съ вытянутыми параллельно ногами и руками вдоль туловища. Около костяка располагались гвозди, образуя прямоугольникъ. Размѣры скелета: общая длина 2 арш. 6 вершк., длина ногъ — 1 арш. 1 вершк., длина рукъ — 15 вершк., ширина плечъ — 7 вершк., ширина таза — 6 вершк.

Разсматривая почву отъ горизонта внизъ, замѣтили, что земля въ колодцѣ по серединѣ рушенная, а по бокамъ нѣтъ. Размѣръ рушенной земли почти квадратъ въ горизонтальной проекціи, имѣющій въ сторонѣ около 2 саж.

Рис. 27.

Съ S-й стороны колодца, въ разстояніи 1 саж. 2 арш. отъ края, мы нашли черепки отъ горшка. Съ поверхности черепки имѣли бороздчатые прямолинейные узоры. Дна и ушка не найдено. Земля была окрашена въ черноватый цвѣтъ около черепковъ. Расположеніе черепковъ было къ S: длина 10 вершк., ширина 7 вершк., высота 2—3 вершка. Вѣроятно горшокъ при погребеніи костяка № 37 былъ поставленъ съ какими-либо яствами. Продолжая раскопку внизъ колодцемъ, мы замѣчали, что по серединѣ колодца квадратомъ (сторона квадрата около 2 саж.) земля рушенная, а по краямъ нѣтъ. Почва найдена перевернутой. На глубинѣ 1 саж. 1 арш. отъ вершинки или на 1 арш. ниже горизонта открыто по серединѣ колодца два рядомъ лежавшіе скелета и семь желѣзныхъ гвоздей. Направленіе костяковъ WO-ое; голова на W, ноги на O. Скелеты лежали на спинѣ, съ вытянутыми параллельно ногамъ и руками вдоль туловища. Кости настолько сгнили, что не было никакой возможности опредѣлить размѣры костяковъ и положеніе череповъ.

Раскопка продолжалась до глубины 1 саж. 2 $\frac{1}{2}$ арш. отъ вершинки. Ниже уровня костяковъ №№ 38 и 39 почва найдена нерушенной и дальше вглубь залегала въ порядкѣ чередованія слоевъ въ пробныхъ горизонтальныхъ ямахъ. Дальнѣйшее углубленіе, въ виду только что приведенныхъ основаній, мы нашли излишнимъ. Изслѣдованіе настоящаго кургана установило:

- 1) покойники погребены въ девять ярусовъ;
- 2) въ верхнихъ двухъ ярусахъ покойники погребены не въ гробахъ;
- 3) въ нижнихъ семи ярусахъ покойники погребены въ дубовыхъ колодахъ, выдолбленныхъ изнутри;
- 4) въ курганѣ погребены мужчины и женщины, при нѣкоторыхъ изъ коихъ были украшенія (кольца) и предметы домашняго обихода (ножики и кремни);
- 5) возлѣ покойниковъ иногда ставили горшки съ яствами;
- 6) покойники нижнихъ ярусовъ древнѣе покойниковъ верхнихъ;
- 7) культура всѣхъ ярусовъ, насколько это поддавалось наблюденіямъ, одинакова;
- 8) курганъ насыпался постепенно, при чемъ землю брали непосредственно вокругъ кургана;
- 9) кольцевой ровъ не сохранился и, можно думать, по той причинѣ, что когда вспахивали курганъ и землю вокругъ послѣдняго, то засыпали ровъ,
- и 10) древность костяковъ перваго яруса слишкомъ разнится отъ древности скелетовъ прочихъ ярусовъ, и поэтому мы предполагаемъ, что костяки верхняго яруса погребены значительно ниже. Сохранившееся въ народѣ преданіе, что на этомъ курганѣ стояли когда-то кресты или „фигуры“, порождаетъ нѣкоторыя догадки о позднѣйшемъ погребеніи костяковъ перваго яруса. Эти покойники могли быть даже христіане болѣе новыхъ временъ и надъ ними поставили кресты, которые впоследствии поддерживались мѣстными жителями, а послѣ, отъ времени, сгнили. Кресты кромѣ того могли быть поставлены еще и потому, что курганъ расположенъ на перекресткѣ дорогъ: Корчевка — Каменный Бродъ и Слипчицы — Горбылево, а въ этой мѣстности на перекресткахъ имѣли прежде обыкновеніе ставить кресты. Данный же курганъ, по своему мѣстоположенію, самое удобное для постановленія крестовъ мѣсто.

Раскопка въ городищѣ.

14-го августа было изслѣдовано городище (рис. 9). Оно помѣщено на невысокой возвышенности, превышающей площадь своего основанія на двѣ саж. Собственно валъ вѣнчаетъ верхъ возвышенности; у подошвы же послѣдней пролегаетъ ровъ, прерванный съ NNW сѣдловинкой, а съ OOS входомъ. Укрѣпленіе городища, составляютъ валъ и ровъ. Какъ валъ, такъ и ровъ въ планѣ имѣютъ видъ квадрата съ закругленными углами или круга, сдавленнаго съ четырехъ противоположныхъ сторонъ. Площадь городища, вогнутая къ серединѣ, съ боковъ постепенно сливается съ внутренней крутостью вала. Постепенность въ подъемѣ земли между площадью городища и внутренней крутостью вала можно объяснить распашкой городища подъ посѣвы. Превышеніе краевъ внутренности городища надъ серединой равняется $1\frac{1}{2}$ арш. Длина вала 70 саж. Ширина его колеблется между 2—5 саж. Выше всего и шире правый конецъ вала, что у входа. Высота вала 1 арш. 2 вершка — 2 арш. 10 вершк.

Внутренняя окружность городища около 60 саж. Валу, благодаря распашкѣ плоскіе. Наружная крутость вала незамѣтно сливается съ отлогостями возвышенности. Возвышенность городища съ NO и SW сторонъ, вокругъ подошвы окружена рвомъ. Длина NO-го рва 15—17 с. и SW-го 42—45 с. Ширина рва $1-1\frac{1}{2}$ с. Глубина 1—2 арш. Длина сѣдловинки 1 саж. $1\frac{1}{2}$ арш. Ширина входа около 1 саж.; длина его около 2 саж. NO-й участокъ рва примыкаетъ къ дорогѣ Корчевка — Каменный Бродъ, а SW-й сливается съ лѣвымъ берегомъ р. Корчеватый.

Если бы не сѣдловинка, раздѣляющая ровъ на два участка, то ровъ былъ бы кольцевой и прерывался бы только возвышеніемъ входа съ OOS.

Пробныя ямы, вырытыя на отлогостяхъ возвышенности и внѣ рва, дали такія наблюденія: сверху растительный слой, ниже песокъ съ примѣсью глины, и потомъ жирная глина.

Пробныя ямы во рву позволили наблюдать, что подъ растительнымъ слоемъ залегаетъ слой суглинка, а ниже — желтая глина. Раскопка въ городищѣ производилась слѣдующимъ образомъ:

1) вырыты послойной съемкой земли три взаимно пересѣкающіяся въ центрѣ траншеи;

2) входъ въ городище и замыкающіе его участки вала изслѣдованы квадратнымъ колодцемъ послойной съемки;

3) въ углахъ, образуемыхъ линіями пересѣченія траншей и внутренней отлогостью вала, вырыты квадратные колодцы послойной съемкой земли;

4) по внутренней отлогости вала выкопана круговая траншея послойной съемки и 5) участки рва изслѣдованы траншеями: NO-й — 2-мя и SW-й — 3-мя. Три взаимно пересѣкающіяся траншеи проведены, начиная съ наружной отлогости вала до середины внутренности городища: одна траншея съ SW, другая съ NNW и третья съ OON. Ширина траншей = 2 саж. Доведены они до глубины 1 саж. 1 арш. Колодецъ на входѣ имѣлъ въ сторонѣ 2 саж. и въ глубину 1 саж.

Колодцы въ углахъ, образуемыхъ линиями пересѣченія траншей и внутренней отлогостью вала, имѣли въ сторонѣ 1 саж. и были доведены до глубины 1 саж. Круговая траншея была шириною 2 арш. и глубиною около 2 арш. 6 вершк. Траншеи въ участкахъ рва имѣли въ ширину 2 арш. и въ глубину 2 арш. Почва въ траншеяхъ и въ колодцахъ найдена въ слѣдующемъ порядкѣ залеганія:

1) въ трехъ взаимно пересѣкающихся траншеяхъ:

а) на валу: растительный слой (черноземъ) 1—3 вершка, песокъ, суглинокъ, песокъ и суглинокъ.

и б) въ котловинѣ городища: черноземъ 5—10 вершк. (у вала черноземный слой тоньше, а къ серединѣ городища толще), песокъ, суглинокъ, желтая глина;

2) въ колодцѣ на входѣ:

а) сръзы вала: растительный слой (черноземъ) 1—3 вершк., песокъ, суглинокъ,

и б) на входѣ: растительный слой (черноземъ) 3—5 вершка, песокъ, суглинокъ, желтая глина;

3) въ колодцахъ въ углахъ: растительный слой (черноземъ) 5—8 вершк., песокъ, суглинокъ, желтая глина;

4) въ круговой траншеи: растительный слой (черноземъ) 3—5 вершк., песокъ, суглинокъ;

и 5) въ траншеяхъ во рву: растительный слой 4—6 вершк., суглинокъ, желтая глина.

При раскопкахъ городища найдены:

1) помостъ изъ желѣзнаго шлака и желѣзной болотной руды,

2) осколокъ камня-жернова,

3) брусокъ или точило,

4) кусочки кирпича,

5) осколки кремня,

6) осколки стекляннаго браслета,

7) желѣзный ножикъ,

8) желѣзное кольцо,

9) доломчатая полоска желѣза

и 10) черепки отъ глиняной посуды.

Опишемъ мѣстоположеніе перечисленныхъ предметовъ.

Непосредственно подъ растительнымъ слоемъ и подъ пескомъ у подошвы внутренней отлогости вала, а равно и на входѣ, открытъ помостъ изъ небольшихъ кусковъ желѣзнаго шлака и желѣзной болотной руды. Куски шлака и руды лежали вплотную другъ подлѣ друга, касаясь ребрами, въ одинъ рядъ. Ширина помоста вокругъ внутренней крутости вала равнялась 14—16 вершк. Толщина помоста была отъ 2—3 вершк. Длина помоста на входѣ 2 саж., ширина 1 саж. Помостъ горизонтальный, но выше середины городища на 10—14 вершк. Въ настоящее время помостъ оказался засыпанъ землею вала, отчасти отъ времени и по преимуществу отъ распахки вала. Въ котловинѣ городища, а равно и у подошвы наружной крутости вала такого помоста не найдено.

Между кусками шлака и желѣзной руды въ NW-омъ участкѣ помоста мы находили куски песчаника, а въ помостѣ на входѣ кусокъ отъ жернова.

Въ колодецѣ въ SW-омъ углу городища, въ черноземномъ слоѣ, на глубинѣ 2 вершк. отъ поверхности найдено маленькое *точило или брусокъ* изъ мелкозернистаго песчаника.

Съ поверхности вала, на NW-омъ его участкѣ, въ растительномъ слоѣ не глубже 1 вершка попадались *мелкіе кусочки красного кирпича*, который по цвѣту и составу долженъ быть новѣйшаго происхожденія и занесенъ сюда случайно, въ позднѣйшее время.

Въ SW-й траншеѣ, въ разстояніи $4\frac{1}{2}$ саж. отъ помоста внутрь городища, въ черноземномъ слоѣ, найденъ удлинненный *кусокъ кремня*, формы трехграннаго клинка, заостренный конецъ коего сломанъ.

Въ NNW-й траншеѣ, въ разстояніи $1\frac{1}{2}$ арш. отъ помоста внутрь городища, въ черноземѣ, на глубинѣ 7 вершк. найденъ осколокъ *витанаго браслета* изъ темно-зеленаго стекла, скрученный изъ трехъ круглыхъ полосокъ.

Въ пунктѣ пересѣченія трехъ траншей, на глубинѣ 9 вершк., въ черноземѣ найденъ *кусокъ клинка желѣзнаго ножика*, очень испорченнаго ржавчиной.

Въ NNW-й траншеѣ, на валу, ближе къ внутренней отлогости, на глубинѣ 6 в. въ песокѣ, найдено *желѣзное кольцо* слегка овальной формы, имѣющее въ окружности $6\frac{1}{2}$ д. и служившее вѣроятно пряжкой для пояснаго ремня.

Рис. 28.

(Размѣры уменьш. вдвое.)

Рис. 29.

Въ круговой траншеѣ, съ SO-й стороны, подъ помостомъ за 2 шкрвденаяа ан *долотчатая, узенькая полоска желѣза*.

(Размѣры уменьш. вдвое.)

Рис. 30.

(Размѣры уменьш. вдвое.)

Рис. 31.

По всему пространству городища, на валу, близъ входа и во рву мы находили множество черепковъ посуды, изготовленныхъ изъ бѣлой глины. Черепки имѣли тѣ же узоры, какъ и черепки, нами выше описанные (рис. 28—31).

Изслѣдованіе городища дало слѣдующія наблюденія:

- 1) конецъ возвышенности № 6 былъ отдѣленъ рвомъ, и образовался холмъ, на вершинѣ коего, съ краю, былъ насыпанъ валъ;
- 2) входъ былъ съ ООС, по направленію уклона возвышенности;
- 3) очень возможно, что внутренность городища была плоская и вогнутость получилась отъ обсыпки вала и вспахиванія его;
- 4) съ внутренней стороны вала, у подошвы была берма, шириною около арш., превышавшая внутренность городища приблизительно на $\frac{3}{4}$ арш. и вымощенная въ одинъ рядъ (въ глубину) кусками желѣзнаго шлака, желѣзной руды и песчаника;
- 5) принимая во вниманіе болѣе возвышенное положеніе въ прежнія времена русла р. Корчеватый подлѣ городища и степень глубины рва, можно предполагать, что городище было обведено въ свое время водянымъ рвомъ, при чемъ вода входила въ ровъ изъ Корчеватый;
- 6) сѣдловинка, раздѣляющая участки рва, насыпана позднѣе;
- 7) городище служило опорнымъ пунктомъ древняго поселка на р. Корчеватый, и
- 8) древность городища и кургановъ несомнѣнно одинакова.

Раскопки въ районѣ древняго поселка.

16-го августа изслѣдовано мѣстоположеніе древняго поселка (рис. 32). Основаніемъ для опредѣленія района древняго поселка у р. Корчеватый служила область распространенія древнихъ культурныхъ остатковъ съ поверхности земли. По личнымъ наблюденіямъ и изъ рассказовъ старожиловъ о мѣстонахожденіи древнихъ предметовъ, мы нашли, что здѣсь площадь древняго поселка была ограничена: съ S и O рѣкою Корчеватый, съ N — ручьемъ Торчинскаго лѣса, а съ W окраина поселка отстояла отъ городища приблизительно на 75—100 саж. Площадь распространенія поселка была удлиненная съ W на O.

Окружность поселка равнялась почти двумъ верстамъ и заключала въ себѣ приблизительно 2000 квадратныхъ саж. Мѣстность, гдѣ былъ расположенъ поселокъ имѣетъ наклонъ въ трехъ направленіяхъ: на S и O къ долину р. Корчеватый и на N къ ложбинѣ ручья у Торчинскаго лѣса. На W мѣстность постепенно возвышается. Пробныя ямы, вырытыя внѣ района мѣстоположенія поселка, дали такія наблюденія надъ почвой: растительный слой 2—3 вершка, песокъ, суглинокъ, глина. Съ N-й и O-й стороны слои песку и суглинка тоньше чѣмъ съ W и S и ближе пестрыя глины (по мѣстному „глей“). Районъ поселка характеризуется толстымъ черноземнымъ слоемъ, доходящимъ на NO до $\frac{1}{2}$ арш. и болѣе.

Раскопки въ области поселка производились слѣдующимъ образомъ:

1) вырыто шесть канавъ послонной съемки, длиною въ 10 саж. и глубиною 1 арш. 10 вершк.;

и 2) сдѣлано восемь безформенныхъ выемокъ въ разныхъ направленіяхъ между канавами.

Канавы вырыты: три въ WO-мъ направленіи и три въ NS-мъ направленіи.

Канавы проведены: № 1-й — на W-й окраинѣ, № 2 — на N-й окраинѣ, № 3 — на O-й окраинѣ, № 4 — въ направленіи къ городищу и №№ 5 и 6 — на W отъ городища. Выемки сдѣланы: № 1 — между канавами №№ 6 и 1, № 2 — между №№ 1 и 2 №№ 3 и 4 NO-ѣ канавы № 3, 5 и 6 SO-ѣ канавы № 3, № 7 S-ѣ канавы № 6 и № 8 — между канавой № 4 и городищемъ. Выемки доведены до глубины 2 арш. 6—10 вершк. Слой залегали какъ въ канавахъ, такъ и въ выемкахъ въ такомъ же порядкѣ какъ и въ пробныхъ ямахъ внѣ черты поселка. Разница только въ томъ,

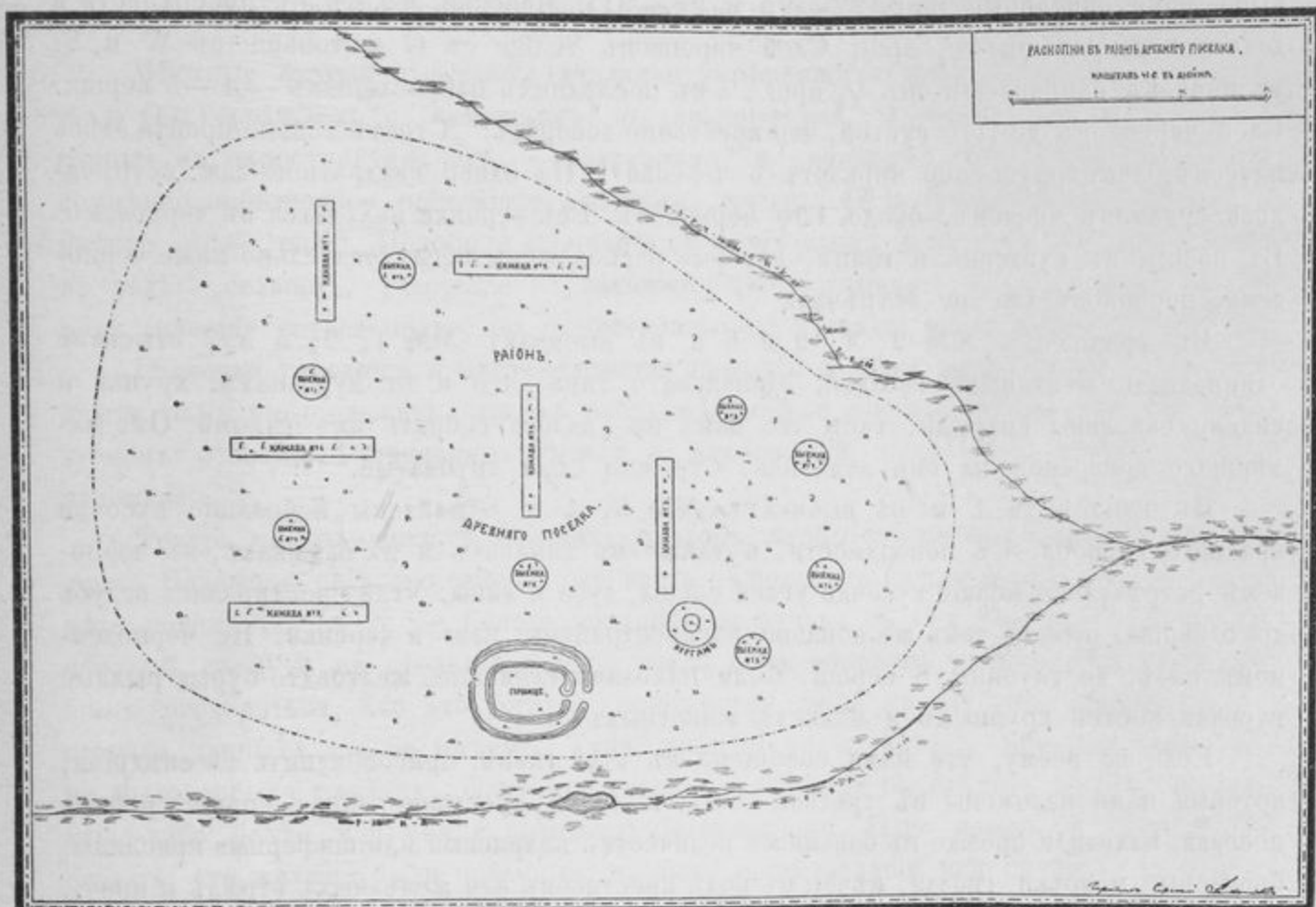

Рис. 32.

что черноземный слой въ районѣ поселка значительно толще. Около городища и подлѣ большого кургана, что возлѣ городища, растительный слой тоньше. Мы уже упомянули раньше, что черноземный слой всего больше въ NO-мъ углу. Обстоятельство это мы объясняемъ такъ:

1) въ NO-мъ углу болѣе влажная почва, слѣдовательно, здѣсь больше растительность, больше гніенія и черезъ то больше и растительный слой

и 2) мѣстность имѣетъ преимущественный наклонъ въ NO-мъ и O-мъ направленіи, естественно это могло породить явленіе сползанія чернозема, — подъ влияніемъ обработки поля подъ посѣвы, въ этомъ именно направленіи.

При раскопкахъ мы находили слѣдующіе предметы культуры:

- 1) черепки отъ глиняной посуды,
- 2) желѣзные гвозди,
- 3) куски краснаго шифера,
- 4) угли
- и 5) перегнившія кости животныхъ.

Черепки отъ глиняной посуды разбросаны по всему пространству площади поселка, но вмѣстѣ съ тѣмъ намъ не удалось найти болѣе или менѣе значительнаго осколка глиняной посуды. Черепки имѣютъ съ поверхности тѣ же узоры, что и черепки выше нами описанные (рис. 22—25 и 28—31). Черепки лежатъ съ поверхности и доходятъ до глубины $\frac{1}{2}$ арш. Слой черепковъ толще съ О и тоньше съ W и S: въ первомъ направленіи онъ $\frac{1}{2}$ арш., а въ послѣднихъ направленіяхъ — 4—5 вершк. Слой черепковъ до того густой, что крестьяне говорятъ: „Стоить только пройти здѣсь плугомъ, такъ плугъ все чиркаетъ о черепья“. На одной квадратной саж. встрѣчалось среднимъ числомъ, около 150 черепковъ. Всѣ черепки находятся въ черноземѣ. Въ пескѣ, въ суглинкѣ и глинѣ, которые расположены послѣдовательно ниже чернозема, черепковъ уже не встрѣчали.

Въ траншеяхъ №№ 2, 4, 5 и 6 и въ выемкахъ №№ 1, 2, 5 и 7 отыскано одиннадцать желѣзныхъ гвоздей, одинаковаго типа, что и въ курганахъ: хрупки и сильно окислены снаружи, такъ что намъ не удалось собрать ихъ цѣлыми. Отъ малѣйшаго прикосновенія они ломались. Стержни были трубчатые.

Въ канавѣ № 1 и въ выемкахъ №№ 3, 4 и 8 найдены небольшіе кусочки краснаго шифера. Съ поверхности, а также въ канавахъ и въ выемкахъ, въ черноземѣ встрѣчались мелкіе кусочки углей сосны, дуба и липы. Угли простирались вглубь до 6 вершк. и были такъ же обильно распространены, какъ и черепки. Въ черноземномъ слое, до глубины 8 вершк. были находимы сгнившіе, желтовато-бурые рыхлые кусочки костей крупныхъ и мелкихъ животныхъ.

Если ко всему, что нами сообщено въ этой главѣ, присовокупить тѣ свѣдѣнія, которыя нами изложены въ третьей главѣ, т.-е. что крестьяне, при распашкѣ района поселка, находили прежде въ большемъ количествѣ кварцевыя или шиферныя пряслицы, бронзовые молотки, гвозди, нѣчто въ родѣ крестиковъ или желѣзныхъ стрѣлъ и проч., то легко вообразить, какъ много предметовъ древней культуры было разбросано въ районѣ поселка прежде, пока плугъ человѣка новѣйшаго времени впервые здѣсь проходилъ. Какъ ни бѣдны въ количественномъ отношеніи находки открытыя нами при раскопкахъ въ районѣ древняго поселка, тѣмъ не менѣе мы въ правѣ сдѣлать слѣдующіе выводы:

- 1) площадь распространенія черепковъ, углей, костей животныхъ, употреблявшихся въ пищу, желѣзныхъ гвоздей, пряслицъ и проч. доказываетъ, что на W, N и O отъ городища было расположено въ сторону селеніе древняго человѣка;
- 2) характеръ жилища человѣка той эпохи остается не извѣстенъ, хотя можно допустить, что по всѣмъ вѣроятіямъ, то были какія-либо наземныя постройки;
- 3) поселокъ былъ пунктомъ болѣе или менѣе продолжительнаго заселенія человека одного племени и одной культуры;

4) судя по размѣру площади мѣстоположенія поселка можно думать, что послѣдній былъ незначителенъ, и

5) сравненіе предметовъ культуры, находимыхъ въ курганахъ, въ городищѣ и районѣ поселка, доказываютъ, что древность кургановъ, городища и поселка одинакова.

ГЛАВА V.

Основная мысль происхожденія городища и кургановъ по р. Корчеватый.

Мѣстные жители называютъ земляное укрѣпленіе и мѣсто вокругъ него на N, W и O „городищемъ“, „замчищемъ“ и „сковородою“, а земляныя насыпи, разбросанныя въ окрестностяхъ его, — „курганами“ и „копцами“. Слово „городище“ несомнѣнно производное, состоящее изъ слова „городъ“ съ измѣненнымъ окончаніемъ — вмѣсто „ъ“ — „ище“. Подобное окончаніе въ этомъ словѣ, какъ и въ другихъ словахъ, въ родѣ: „селище“, „дворище“, „замчище“, „монастырище“ и т. п., имѣетъ въ народѣ значеніе оставленнаго, но существовавшего когда-то мѣста заселенія человѣка.

Раскопки городища и мѣстоположенія древняго поселка на р. Корчеватый позволяютъ намъ предположить, что въ очень отдаленное отъ насъ время, въ углу, образуемомъ ручьемъ Торчинскаго лѣса и р. Корчеватый, находилось селеніе древняго человѣка.

Теперь не сохранилось никакихъ слѣдовъ, чтобы это селеніе было окружено валомъ. Надежное средство защиты отъ врага — поселокъ имѣлъ въ самомъ уже своемъ мѣстоположеніи: съ N — болото торчинскаго ручья, съ O и S — болота и р. Корчеватый, съ W-й же стороны селеніе могло быть обнесено тыномъ. Впрочемъ, спѣшимъ оговориться, что это догадки, основанныя лишь на изученіи мѣстности, — и гдѣ другихъ данныхъ мы не имѣемъ. Типъ жилища не извѣстенъ, ибо при раскопкахъ не было добыто никакихъ фактовъ, которые позволили бы сдѣлать по сему предмету какіе-либо болѣе или менѣе правдоподобные выводы. Одно можно съ увѣренностію сказать, что жилища были наземныя; но были ли то шалаши или срубы — не беремся пояснять. Несомнѣнно только, что селеніе располагалось внѣ городища. Что же собственно представляло собою городище въ тѣсномъ значеніи этого слова? Внутренняя площадь его равняется 380 квадр. саженьямъ. На такомъ пространствѣ могло помѣститься свободно, другъ подлѣ друга, около 200 человѣкъ. Сравнивая размѣры района поселка съ вмѣстимостью городища, мы склонны допустить, что населенность поселка почти соотвѣтствовала вмѣстимости городища. Селеніе вѣроятно имѣло жителей приблизительно 200 — 300 человѣкъ, считая въ томъ числѣ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Среди подобнаго народонаселенія лицъ, способныхъ быть защитниками, могло быть около 100 человѣкъ. Вотъ эти-то люди, въ случаѣ нападенія врага, располагались по валу въ городищѣ. Женщины же, старики и дѣти помѣщались въ серединѣ городища. Входъ въ городище заваливали землей или запирали воротами. Преданіе о томъ, что городище встарину было окружено водою, наконецъ фактъ существованія рва подтверждаютъ

наше предположеніе, что городище было пунктомъ защиты. Поселокъ съ трехъ сторонъ защищенъ, а съ W открытъ. Для защиты съ послѣдней стороны нужно было насыпать валъ и выкопать глубокой ровъ на протяженіи не менѣе 175 сажени, который бы однимъ концомъ (S-й) упирался въ рѣку, другимъ же (N-й) примыкалъ къ болотамъ торчинскаго ручья.

Возможно, что городище служило также мѣстомъ сходовъ сельчанъ для рѣшенія какихъ-либо вопросовъ общежитія; кромѣ того здѣсь могли отбываться богослуженіе и разные религіозные обряды.

Изъ дневника раскопокъ видно, что всѣхъ кургановъ вскрыто 15, изъ коихъ 6 — въ торчинской группѣ, 6 — въ группѣ на слипчицкихъ поляхъ, 2 — въ группѣ слипчицкаго лѣса и 1 большой, находившійся у городища. Слѣдовательно, % отношеніе изслѣдованныхъ кургановъ къ общему числу таковыхъ въ каждой изъ группъ равняется: въ первой — 30%, во второй — 10%, въ третьей — 28,59% и, наконецъ, большой курганъ даетъ 100%. При раскопкахъ мы обратили больше вниманія на изслѣдованіе курганной группы слипчицкихъ полей, съ цѣлью добыть факты изъ той именно группы, которая, благодаря продолжительной распашкѣ, должна въ скоромъ времени исчезнуть безслѣдно для науки. Сохранность кургановъ въ послѣднихъ двухъ группахъ служитъ ручательствомъ, что раскопки возможны здѣсь и для будущихъ изслѣдователей. Эта мысль и сознаніе, что, по мѣрѣ силъ и возможности, болѣе типичные курганы вскрыты въ этихъ двухъ группахъ, побудили насъ ограничиться здѣсь вскрытіемъ вышеприведеннаго числа насыпей. Добытые при раскопкахъ предметы, принимая во вниманіе % отношеніе изслѣдованныхъ кургановъ къ числу неизслѣдованныхъ, даютъ намъ право сдѣлать нѣсколько выводовъ, которые болѣе чѣмъ желательны во всякой самостоятельной работѣ.

Прежде всего разберемъ причину возникновенія кургановъ. Раскопки показали, что каждый курганъ насыпанъ съ цѣлью прикрыть своей толщей останки одного или нѣсколькихъ покойниковъ. Высказанное мнѣніе, въ совокупности съ наблюденіями, сдѣланными при изученіи внѣшности нераскопанныхъ еще насыпей во всѣхъ трехъ курганныхъ группахъ, наводитъ на мысль, что подобно тому, какъ каждый отдѣльный курганъ представляетъ могилу, такъ и всѣ три изслѣдованныя нами группы, въ свою очередь, должны быть отнесены къ разряду кладбищъ, могильниковъ. Большой курганъ, подлѣ городища, заключающій въ себѣ 39 скелетовъ, расположенныхъ въ девять ярусовъ, долженъ быть названъ общей могилой или, вѣрнѣе, яруснымъ кладбищемъ. Разница въ древности костяковъ этого кургана подтверждаетъ предположеніе о принадлежности данной насыпи къ типу яруснаго могильника. Далѣе, нужно рѣшить вопросъ: насыпаны ли курганы въ мирное время или же ихъ происхожденіе слѣдуетъ отнести къ военному времени? Наблюдая содержимое могилъ, мы пришли къ такому заключенію: могилы курганныхъ группъ насыпаны въ мирное время; болѣе же всего подходитъ къ типу могилъ военнаго времени большой курганъ, что возлѣ городища. Различная древность скелетовъ по ярусамъ въ послѣднемъ курганѣ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь погребены сельчане, убитые въ нѣсколькихъ разновременныхъ стычкахъ. Положеніе о насыпкѣ кургановъ въ мирное время основано на слѣдующихъ фактахъ:

1) въ каждомъ изъ кургановъ разсматриваемыхъ могильниковъ открыто по одному, по два и по три покойника (въ 9-ти курганахъ по одному скелету, въ 3-хъ — по два, въ 2-хъ — по три) и только въ 1-мъ — 39, и покойники положены при соблюденіи одного и того же погребальнаго закона;

2) несомнѣнные слѣды гроба вокругъ cadaго костяка (за исключеніемъ верхнихъ ярусовъ большого кургана);

3) отсутствіе на костяхъ механическихъ поврежденій;

4) отсутствіе оружія, — мы потому говоримъ отсутствіе оружія, что нахожденіе кремневыхъ осколковъ, имѣющихъ сходство съ наконечниками къ стрѣламъ слишкомъ проблематично;

5) нахожденіе женскихъ скелетовъ;

6) присутствіе въ могилахъ нѣкоторыхъ орудій домашнихъ работъ, напр. ножей, а равно украшеній и наконецъ

7) детальное выполненіе погребальнаго обряда.

Курганъ съ яруснымъ погребеніемъ не составляетъ никакихъ уклоненій отъ сейчасъ приведенныхъ основаній. Тотъ же обрядъ и тѣ же детали похоронъ; вся же разница въ томъ, что въ трехъ могильникахъ одноярусное погребеніе, а здѣсь многоярусное. Близость этого кургана къ городищу и многоярусность погребенія, какъ главные отличительные признаки, наводятъ насъ на мысль, что въ упомянутомъ курганѣ было послѣдовательное погребеніе покойниковъ нѣсколькихъ битвъ. Курганная же группа несомнѣнно является кладбищами мирныхъ поселенцевъ. Теперь разсмотримъ еще слѣдующіе вопросы:

1) къ одному ли поселку относятся большой курганъ и три могильника?

2) одному ли племени должно приписать насыпку кургановъ?

3) одной ли культуры всѣ курганы?

Отвѣты на всѣ поставленные вопросы находятся въ такой тѣсной связи между собою, что рѣшеніе одного изъ нихъ влечетъ за собою косвенное рѣшеніе и остальныхъ. Незначительное удаленіе кургановъ отъ мѣстоположенія древняго поселка и городища, а равно и то обстоятельство, что курганная группа находится радіально по кругу, центромъ коего служитъ городище и мѣсто древняго поселка, позволяютъ заключать, что всѣ курганы насыпаны жителями этого именно поселка. Это мнѣніе подтверждается еще тѣмъ фактомъ, что по близости отъ кургановъ больше не сохранилось никакихъ земляныхъ насыпей, и въ народѣ нѣтъ преданій о существованіи въ окрестностяхъ какихъ-либо урочищъ, которые могли бы служить мѣстомъ поселенія древняго человѣка. Такимъ образомъ, вопросъ о принадлежности кургановъ одному поселку рѣшается самъ собою. Раскопки дали намъ возможность опредѣлить, что культура какъ въ курганахъ, такъ въ районѣ поселка и въ городищѣ одинакова: тѣ же кольца, тѣ же ножики, тѣ же гвозди, та же глиняная посуда и проч. Все это въ совокупности доказываетъ, что одинаковая культура должна была принадлежать и одной народности, и нѣтъ причинъ предполагать, чтобы курганы были насыпаны не въ одну эпоху и не однимъ племенемъ. Полная аналогія между культурой поселка, городища и кургановъ и отсутствіе рѣзкихъ отлѣнковъ служатъ лучшимъ ручательствомъ правдо-

подобности сдѣланнаго вывода. Трудно допустить, чтобы въ поселкѣ, въ старину, могли быть обитатели другаго племени. Наконецъ, если бы это было и такъ, то мы могли бы, хотя случайно, открыть разницу въ погребальномъ обрядѣ. Исслѣдованіе костяковъ положительно подтвердило наше предположеніе — и о принадлежности кургановъ и поселка различнымъ народностямъ, намъ кажется, не можетъ быть и рѣчи. Вопросъ о племени мы подробно разсмотримъ въ VII-й главѣ, гдѣ будемъ разбирать данныя, полученныя при наблюденіи надъ черепами и скелетами.

Существованіе для одного поселка трехъ курганныхъ группъ и присутствіе кургана съ многояруснымъ погребеніемъ мы объясняемъ слѣдующимъ образомъ.

1) Кругомъ поселка, съ трехъ сторонъ, были болота, и жители, заботясь о покойникахъ, съ представленіемъ о коихъ находились, быть можетъ, въ связи и религіозныя вѣрованія, могли стремиться хоронить своихъ умершихъ на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ; а такихъ возвышенностей, укрытыхъ въ лѣсахъ, существуетъ по сосѣдству въ этой мѣстности только три: возвышенности торчинскаго и слипчицкаго лѣса и возвышенность слипчицкихъ полей; поэтому естественно, что сельчане послѣдовательно занимали именно эти возвышенности, подъ свои могильники, т.-е. по мѣрѣ того, какъ не хватало мѣста въ одномъ пунктѣ, переходили къ другому и т. д. На этомъ основаніи мы предполагаемъ, что прежде всего были насыпаны курганы въ торчинскомъ лѣсу, затѣмъ въ слипчицкомъ лѣсу и подъ конецъ на слипчицкихъ поляхъ.

2) Возможно, что курганы во всѣхъ трехъ группахъ насыпались въ одно время. Въ такомъ случаѣ можно допустить, что одна группа семействъ хоронила своихъ покойниковъ въ торчинскомъ лѣсу, другая, меньшая, на слипчицкихъ поляхъ и третья еще меньшая, въ слипчицкомъ лѣсу. Если это такъ было въ дѣйствительности, то болѣе богатые семейства хоронили своихъ покойниковъ на слипчицкихъ поляхъ, бѣднѣйшія же семейства насыпали могилы въ торчинскомъ и слипчицкомъ лѣсахъ.

3) Обстоятельство, что нѣтъ кургановъ съ W-й стороны, гдѣ тоже есть возвышенность¹¹⁾, мы объясняемъ тѣмъ, что съ этой стороны, быть можетъ, находились поля сельчанъ и, наконецъ, тутъ могли играть роль и еще другія, намъ неизвѣстныя причины, въ родѣ: обходъ и нападеніе врага съ этой стороны и проч.

4) Курганъ у городища насыпанъ или людьми одной семьи, въ концѣ существованія поселка, или же насыпался послѣдовательно, послѣ сраженій съ врагомъ, когда не представлялась почему-либо возможности насыпать надъ каждымъ покойникомъ курганъ. Вѣроятнѣе же всего, что этотъ курганъ былъ насыпанъ въ разное время и тамъ похоронены сельчане, убитые въ стычкахъ съ врагомъ.

Итакъ, мы приходимъ къ такому заключенію: древній поселокъ у городища питалъ всѣ могильники и большой курганъ; курганы насыпаны племенемъ одной культуры.

¹¹⁾ Слѣды какъ бы отъ двухъ кургановъ на W-й окраинѣ поселка, какъ оказалось въ дѣйствительности, не были слѣдами отъ кургановъ.

ГЛАВА VI.

Похоронный типъ и погребальные обряды.

Смерть кого-либо изъ сельчанъ встарину, какъ и теперь, быстро становилась извѣстна всѣмъ жителямъ поселка; но собственно покойникъ и въ то время, конечно, болѣе всего интересовалъ его семью, родственниковъ и друзей. На близкихъ людяхъ лежала забота о похоронахъ. Они выбирали мѣсто подь могилу. Выборъ мѣста производился въ зависимости отъ слѣдующихъ даныхъ:

- 1) покойникъ еще при жизни могъ просить о погребеніи его въ томъ или другомъ мѣстѣ, въ зависимости отъ семейныхъ причинъ или родственныхъ узъ;
- 2) общественное положеніе покойника могло давать ему право на похороны въ исключительномъ районѣ могильника;
- 3) зажиточность и богатство не могли не имѣть значенія, и
- 4) кромѣ того могли существовать еще какія-либо исключительныя причины, въ родѣ похоронъ при осадѣ поселка врагомъ и проч.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ данныхъ, по нашему мнѣнію, болѣе всего имѣли значеніе: личное желаніе покойника при жизни, родственныя связи, общественное положеніе, богатство и исключительность условій похоронъ при осадѣ поселка врагомъ. Доказательствомъ вышеприведенному служатъ факты:

- 1) существованіе трехъ отдѣльныхъ могильниковъ и кургана съ яруснымъ погребеніемъ;
- 2) нахожденіе кургановъ отдѣльно-стоячихъ, соприкасающихся и взаимно пересѣкающихся;
- 3) выполненіе погребального обряда во всей полнотѣ или въ сокращеніи;
- 4) могильникъ слипчицкихъ полей особенно богатъ украшеніями и по преимуществу украшеніями изъ серебра, и
- 5) присутствіе въ курганахъ одного, двухъ и трехъ костяковъ.

Три отдѣльные могильника вѣрнѣе служатъ доказательствомъ раздѣленій на семейства.

Ярусный курганъ, вѣроятно всего, послужилъ мѣстомъ погребенія сельчанъ, убитыхъ при осадѣ врагомъ.

Нахожденіе двухъ, трехъ скелетовъ на одной глубинѣ въ нѣкоторыхъ курганахъ объясняется тѣмъ, что здѣсь играли роль родственныя причины, напримѣръ похороны мужа и жены и проч. Относительное богатство могилъ слипчицкихъ полей украшеніями позволяетъ предположить, что въ этомъ могильникѣ хоронились болѣе богатая семья и люди болѣе зажиточные, или же что здѣсь позже всего возникъ могильникъ, когда поселокъ сталъ богаче. Употребленіе гроба подтверждается фактами описанными при раскопкахъ. Совершенно такой же гробъ употреблялся и у древнихъ поселенцевъ г. Житомира, что нами описано въ соч. „Житомирскій могильникъ“, стр. 101. На томъ мѣстѣ, гдѣ предполагали хоронить покойника вырывали погребальную яму. Но не всегда погребальную яму вырывали на новомъ мѣстѣ, иногда пользовались

курганами раньше насыпанными. Въ послѣднемъ случаѣ разрывали съ боку часть родственной насыпи, до горизонта и въ этомъ уже мѣстѣ вырывали погребальную яму. Это подтверждается находеніемъ въ одномъ курганѣ двухъ, трехъ скелетовъ, иногда лежащихъ не параллельно другъ къ другу и не въ одной плоскости. На днѣ погребальной ямы вѣроятно сожигали костеръ, доказательствомъ чего служитъ находеніе — ниже древесныхъ остатковъ отъ гроба — углей и пепла. Можетъ-быть, такимъ путемъ очищали дно погребальной ямы, умилостивляя, по религіознымъ представленіямъ тогдашняго человѣка, враждебныя силы природы. Вѣроятно, сожиганіе костра сопровождалось жертвоприношеніемъ и обрядностями, которыя для насъ, разумѣется, фактически неуловимы. Покойника одѣвали въ лучшія одежды, уши украшали серьгами и пальцы рукъ кольцами, а затѣмъ подносили въ гробу къ мѣсту похоронъ, гдѣ его и помѣщали на дно погребальной ямы. Въ гробъ подлѣ лѣвой руки умершаго клали ножикъ, камень и т. п. предметы домашняго обихода. Въ гроба, на днѣ погребальной ямы, ставили съ боку и въ ногахъ сосуды съ яствами, чѣмъ и объясняется находеніе черепковъ отъ раздавленныхъ насыпью кургана глиняныхъ сосудовъ, при чемъ подлѣ черепковъ земля пропитана органическими остатками. Погребальная яма вырывалась и гробъ ставился въ ней такимъ образомъ, что голова приходилась приблизительно на W, а ноги на O. Нижнюю колоду гроба покрывали верхней, при чемъ, дабы, при засыпаніи землею, послѣдняя не попала непосредственно внутрь гроба, верхнюю колоду прибавляли къ нижней желѣзными гвоздями, въ числѣ 3—17 и концы гвоздей, вышедшіе наружу загибали. По окончаніи всѣхъ приведенныхъ похоронныхъ церемоній засыпали погребальную яму землей, вынутой изъ нея, а затѣмъ, отступя по кругу шаговъ на 10—15 отъ середины, копали землю и набрасывали ее на то мѣсто, гдѣ былъ поставленъ гробъ. Землю насыпали до тѣхъ поръ, пока надъ покойникомъ не образовывался болѣе и менѣе значительный курганъ.

По окончаніи насыпки кургана или позже, на курганѣ и вокругъ него совершалась тризна. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ практиковалось на верхней площадкѣ насыпи устраивать костеръ, который, вѣроятно, какъ и костеръ погребальной ямы, имѣлъ какое-либо религіозное значеніе. Это подтверждается находеніемъ подъ дерномъ на вершинкѣ кургановъ и на ихъ отлогостяхъ угольнаго слоя и черепковъ отъ глиняной посуды.

ГЛАВА VII.

Человѣкъ эпохи древнихъ насыпей и поселка по р. Корчеватый и его культура.

Человѣческіе костяки, добываемые при раскопкахъ, вмѣстѣ съ сохранившимися при нихъ культурными остатками (оружіе, утварь, украшенія и пр.) всегда служатъ драгоценными находками для археолога и нерѣдко даютъ ему возможность болѣе или менѣе безошибочно опредѣлить какъ физическій типъ ископаемаго человѣка, такъ и состояніе его культуры и эпоху, въ которую онъ жилъ. О физическомъ типѣ населенія

древнихъ насыпей и поселка по р. Корчеватый добытый нами остеологическій материалъ позволяетъ сказать слѣдующее. Человѣкъ той эпохи обладалъ сильной и развитой мускулатурой, насколько можно судить о ней по формѣ костей, особенно ручныхъ и ножныхъ. Измѣренія костяковъ дали слѣдующія среднія абсолютныя величины (см. табл. № 1).

Ростъ	1640—1740 мм.
Длина рукъ	760— 800 „
„ ногъ	800— 840 „
Ширина плечъ	400— 450 „
„ таза	260— 310 „
Длина ступни	245 „
„ большой берцовой	355 „
„ бедряной	445 „
„ плечевой	335 „
„ локтевой	310 „

Что касается добытыхъ череповъ, то намъ удалось изслѣдовать изъ нихъ только 7, остальные же 53 были такъ ветхи и разрушены, что лишили насъ возможности произвести на нихъ краниометрическія изслѣдованія. На основаніи же изслѣдованія 11,66% общаго числа открытыхъ череповъ можно дать послѣднимъ нижеслѣдующую краниологическую характеристику (см. табл. № 2). По черепному указателю преимуществуютъ долихоцефалы, ихъ 43%; затѣмъ слѣдуютъ субдолихоцефалы (29%) и, наконецъ, по 14% мезотицефаловъ и настоящихъ брахицефаловъ. По носовому указателю одинаковое количество лепториновъ и мезориновъ (по 43%); платириновъ только 14%. Высотный указатель даетъ по 14% микро- и мезоземовъ, а остальные 72% — мегаземы. По вертикально-поперечному указателю также бѣльшій процентъ (58) мегаземовъ; за ними слѣдуютъ микроземы (28%) и менѣе всего (14%) мезоземовъ. Отъ наименьшаго лобнаго діаметра къ наибольшему широтному черепа расширяются умѣренно: микроземовъ — 44%, тогда какъ мегаземовъ и мезоземовъ только по 28%. Указатель затылочнаго отверстія не даетъ опредѣленной характеристики формы послѣдняго: 17% — микроземовъ, 51% — мезоземовъ и 32 — мегаземовъ. По глазничному указателю болѣе всего мезоземовъ (51%); микроземовъ — 32% и мегаземовъ — 17%. По небному указателю имѣемъ: 17% узконебныхъ, 32% — средне-широконебныхъ и 51% — широconeбныхъ. Направленіе зубовъ, по болѣеи части, прямое; степень сохранности ихъ очень хорошая, и даже у пожилыхъ особей они мало стерты. На нижней челюсти замѣчалось иногда скошеніе на сторону.

Суммируя различныя частности, добытыя при остеологическомъ и въ частности краниологическомъ изученіи имѣвшагося въ нашемъ распоряженіи матеріала, мы можемъ охарактеризовать средній типъ населенія разсматриваемой эпохи слѣдующимъ образомъ: ростъ — высокій, плечи и бедра — широкія, ноги и руки — длинны, ступня — длинная и широкая, грудь развита хорошо, форма головы удлинненная, лобъ — неширокій и невысокій, глаза небольшие, лицо — широкое, скуластое; зубы — крѣпкіе,

здоровые, носъ — умѣренный, подбородокъ — нѣсколько выдающійся, мускулатура — сильно развитая.

Предметы культуры, открытые при раскопкахъ, проливаютъ свѣтъ на описываемую эпоху и служатъ основаніемъ для нѣсколькихъ небезынтересныхъ выводовъ. Нахожденіемъ желѣзныхъ ножинокъ, желѣзныхъ пряжекъ и желѣзныхъ гвоздей устанавливается, что человѣкъ древнихъ сооруженій на р. Корчеватый жилъ въ эпоху желѣзнаго вѣка. Нахожденіе орудій домашняго обихода, приготовленныхъ изъ кремня доказываетъ, что то было время, когда для поселка только начался еще желѣзный вѣкъ и что къ послѣдному перешли непосредственно отъ каменнаго. Находки бронзовыхъ вещей, на примѣръ: пряжки, круглой полоски и мѣднаго шарика и т. п., указываютъ, что тогда употреблялись въ домашнемъ быту, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на ряду съ кремнемъ и желѣзными орудіями, и бронзовыя вещи. Круглая мѣдная полоска, найденная крестьянами при распашкѣ поля, по нашему мнѣнію, есть матеріалъ, изъ котораго имѣлось въ виду, отрѣзая по кусочкамъ, приготовить какіе-либо предметы. Найденныя при костякахъ лишь грубыя серебряныя украшенія, кольца и буса-застежка, безъ признаковъ спайки, доказываютъ, что курганы насыпаны славянами, вѣроятно, около VII—IX в. по Р. Х. Отсутствие оружія подтверждаетъ, что племя, насыпавшее курганы, было мирное, а, по аналогіи, можно допустить, что то были древяне.

Нахожденіе органическихъ остатковъ вокругъ костяковъ и характерныя окрашенія почвы побуждаютъ насъ сказать нѣсколько словъ объ одеждѣ. Тогдашній человѣкъ употреблялъ одежду изъ мѣха и полотна. На ногахъ была кожаная обувь. Мужчины подпоясывались кожанымъ поясомъ съ пряжкой. Больше объ одеждѣ ничего добавить нельзя, ибо нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ. Незначительное количество украшеній опредѣляетъ, что поселокъ на р. Корчеватый былъ населенъ небогатымъ людомъ или что въ то время не всегда практиковалось украшать покойника, или что украшенія, быть можетъ, сберегались для родственниковъ послѣдняго, какъ это дѣлается и теперь. Кольца носились на пальцахъ какъ мужчинами, такъ и женщинами. Ясныхъ указаній на оружіе мы не открыли; но по нѣкоторымъ осколкамъ кремня можно допускать, что въ то время знали употребленіе лука и что стрѣлы имѣли кремневые наконечники. Поселокъ, питавшій курганы, былъ расположенъ, какъ мы упоминали уже выше, въ W-мъ углу между р. Корчеватый и ручьемъ торчинскаго лѣса. Опорнымъ пунктомъ селенію для защиты служило городище. Это подтверждается не только раскопками, но и сохранившимися у мѣстныхъ жителей преданіями. Поселокъ окружали болота, рѣка, и, вѣроятно, онъ былъ расположенъ на полянѣ, среди дремучаго лѣса. Судя по преданіямъ, поселокъ былъ въ концѣ концовъ разоренъ врагомъ, жители частью перебиты, а часть уведены въ плѣнъ, и, такимъ образомъ, поселокъ прекратилъ свое существованіе, память же о немъ сохранилась въ народѣ, въ образѣ сказаній и въ названіи „городище“, что значитъ — мѣсто, гдѣ когда-то существовало поселеніе человѣка. Жители поселка, повидимому, занимались звѣринымъ промысломъ и пчеловодствомъ, что легко могло быть доступно человѣку, жившему въ дремучемъ лѣсу. Вѣроятно на полянахъ, среди лѣсовъ, поселяне также воздѣлывали землю, но непреложныхъ доказательствъ

существованія земледѣлія мы не открыли, за исключеніемъ осколка жернова. Поселокъ имѣлъ несомнѣнно сношеніе съ другими заселенными пунктами и сосѣдними племенами, гдѣ путемъ мѣны пріобрѣталось серебро, стекло (осколки стекляннаго браслета, найденнаго въ городищѣ) и другіе предметы первой необходимости или роскоши. Нахожденіе среди помоста въ городищѣ желѣзнаго шлака и кусковъ желѣзной руды позволяетъ намъ заключать, что сельчане были знакомы съ техникой грубой обработки желѣза и приготовленіемъ изъ послѣдняго нѣкоторыхъ вещей, нужныхъ въ домашнемъ быту. Поселенцы знали гончарное дѣло. Глиняныя издѣлія приготовлялись на гончарномъ кругѣ. Глину добывали на мѣстѣ. При обработкѣ, видимо, глину не отмучивали, ибо въ толщѣ глиняныхъ черепковъ находятся въ изобиліи мелкіе кусочки кварца. Отмучиваніе глины, очевидно, не было извѣстно. Въ зависимости отъ назначенія, глиняные сосуды имѣли форму: горшковъ, кувшиновъ, ковшей, чашъ и проч. Боковая поверхность сосудовъ украшалась параллельными, отъ руки проведенными, бороздками, иногда прямыми, а иногда въ видѣ ломаныхъ или колѣчатыхъ линій, различной глубины. Въ иныхъ случаяхъ узоры покрывали наружную поверхность сосудовъ сверху до низу. Нѣкоторые сосуды имѣли ушки, также украшенные грубыми, отъ руки проведенными узорами. На днѣ сосудовъ помѣщались всякіе значки, которые могли служить или отличительными признаками собственности, или быть значкомъ челоуѣка, приготовлявшаго сосуды, или, наконецъ, имѣть какое-либо религіозное значеніе. Обиліе черепковъ въ районѣ поселка доказываетъ, что поселокъ, быть можетъ, занимался, между прочимъ, приготовленіемъ глиняныхъ сосудовъ, которые и могли служить для сельчанъ предметомъ сбыта. Что жители занимались звѣринымъ промысломъ, — тому служить доказательствомъ нахожденіе кремневыхъ наконечниковъ къ стрѣламъ и, наконецъ, само мѣстоположеніе поселка, расположеннаго въ глуши лѣсовъ. Пчеловодство, конечно, имѣло первобытный характеръ и сельчане пользовались для сего дуплами деревьевъ, что и по сіе время въ этой мѣстности дѣлаютъ крестьяне.

Матеріалы, изъ коихъ приготовлены предметы культуры, найденные при раскопкахъ, и издѣлія распадаются на двѣ категоріи: одни — привозные, другіе — мѣстные. Къ первымъ мы причисляемъ серебряную проволоку, серебряную бусу-застежку, стеклянный браслетъ и бронзовую пряжку; ко вторымъ относимъ желѣзо, которое добывалось по сосѣдству, и глиняные сосуды, приготовлявшіеся изъ мѣстныхъ глинъ. Техника обработки матеріаловъ и издѣлій не одинакова. Серебряная буса-застежка и бронзовая пряжка сравнительно прекрасно изготовлены. Недурно приготовлены также нѣкоторые ножики. Серебряныя кольца же, гвозди и желѣзныя пряжки грубо отдѣланы. Кольца приготовлялись такъ: путемъ мѣны сельчане пріобрѣтали серебряную круглую проволоку, изъ коей, по мѣрѣ надобности, и приготовляли, отрѣзая кусочками, спиральныя, одиночныя и витыя кольца. Серебро низкопробное.

Что жители употребляли полотно для одежды и умѣли его изготовлять, подтверждается нахожденіемъ пряслицъ изъ краснаго шифера. А это уже наводитъ на мысль, что сельчане могли воздѣлывать для сего и соотвѣтствующія культурныя растенія. Детали погребальнаго обряда, выполненіе во всѣхъ могилахъ одного и того же похороннаго типа и другія подробности, открытыя путемъ раскопокъ, даютъ намъ

право заключить, что славяне (древляне) эпохи поселка на р. Корчеватый были язычники.

Далѣ, хотя мы и не имѣемъ достаточныхъ фактическихъ основаній, чтобы говорить что-либо достовѣрное по вопросу о типѣ религіи человѣка эпохи древнихъ сооружений по р. Корчеватый, но рядъ общихъ наблюдений, основанныхъ на всестороннемъ изслѣдованіи описанныхъ памятниковъ старины, даетъ намъ право съ нѣкоторой вѣроятностью предполагать, что основу религіознаго культа составлялъ политеизмъ, какъ характерное проявленіе той стадіи развитія. Предметомъ почитанія, по всѣмъ вѣроятіямъ, служили не только небесныя свѣтила, но и вообще всѣ примѣтныя для человѣка силы природы. Вѣрили, кажется, и въ загробную жизнь или вообще имѣли нѣкоторую сумму представлений о существованіи человѣка, его духа, послѣ смерти, ибо было въ обыкновеніи ставить внутри могилъ, около покойника, горшки съ яствами и проч.

Къ стр. 136.

Ширива п ¹⁰	267	333	290	310	—	—	222—490
Ширива т ⁵⁷	232	290	222	267	—	—	180—333
Пр							

ТАБЛИЦА № 2-й.

Краниологическія изслѣдованія.

МѢСТНОСТЬ.	Слицид- кія поля № 4.	Слицид- кія поля № 5 (сред.)	Слицид. поля № 5 (справа).	Торчин- скій лѣсъ № 3.	Торчин- скій лѣсъ № 4.	Курганъ ок. город. № 2. (верхн. гр.).	Курганъ ок. город. № 33 (нижн. гр.).	Пределы колебаній.
ВОЗРАСТЪ.	Около 50 л.	Болѣе 40 л.	Около 40 л.	Болѣе 50 л.	Болѣе 50 л.	Болѣе 35 л.	Около 35 л.	
ПОЛЪ.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Жен.	Муж.	Жен.	
Надпереносье	№ 3	№ 2	№ 2	№ 1	№ 3	№ 2	№ 2	№№ 1—3
Затылочный бугоръ	№ 3	№ 0	—	№ 1	№ 1	№ 3	№ 2	№№ 0—3
Spina nasalis	№ 1	№ 1	—	№ 1	№ 1	№ 4	№ 1	№№ 1—4
Степень сохранности зубовъ	№ 3	№ 1	№ 2	№ 2	№ 1	—	№ 1	№№ 1—3
Наибольшій продольный діаметръ	200	198	206	200	196	195	194	194—206
Наибольшій поперечный "	148	145	149	156	149	162	149	145—162
Высотный діаметръ	150	150	160	115	145	148	148	115—160
Наименьшій лобный	95	103	100	108	102	103	96	95—108
Наибольшій лобный	119	125	122	126	11	131	114	114—131
Длина лица	—	130	—	131	—	—	—	130—131
Щечный діаметръ	120	122	—	—	—	156	129	120—156
Ширина носа	22	30	28	32	31	26	24	22—32
Длина носа	60	60	55	58	60	55	58	55—60
Ширина затылочнаго отверстія	37	37	31	—	39	38	35	31—39
Длина затылочнаго отверстія	45	43	43	—	41	45	42	41—45
Ширина глазницъ	41	42	45	—	42	42	42	41—45
Высота глазницъ	39	37	38	37	34	32	37	32—39
Ширина нѣба	42	42	41	—	41	45	34	34—45
Длина нѣба	50	57	51	—	54	49	55	49—57
Указатель черепной	74,00	73,23	72,30	78,00	76,02	83,34	76,80	72,30—83,34
„ высотный	75,00	75,75	77,64	57,50	73,98	75,89	76,28	57,50—77,64
„ вертика.-поперечный	101,34	103,44	107,38	73,71	97,31	91,35	99,32	73,71—107,38
„ лобный	79,83	82,40	81,97	85,72	85,72	78,62	84,21	78,62—85,72
„ лобно-широтный	64,19	71,03	67,11	69,23	68,45	63,19	64,43	63,19—71,03
„ затылочнаго отверстія	82,22	86,04	72,09	—	95,12	84,44	83,33	72,09—95,12
„ лицевой	—	106,55	—	—	—	—	—	—
„ носовой	36,66	50,00	50,91	55,81	51,66	47,27	41,38	36,66—55,81
„ глазничный	95,12	88,09	84,44	—	80,95	76,19	88,09	76,19—95,12
„ нѣбный	84,00	73,68	80,39	—	71,92	91,83	61,81	61,81—91,83

Къ изслѣдованію кургановъ и городищъ на восточной окраинѣ современной Литвы.

Е. В. Покровскаго.

При производствѣ курганныхъ раскопокъ въ 1893 году намъ случайно удалось напасть на границу двухъ погребальныхъ типовъ, — трупосожженія и обыкновеннаго погребенія. Въ томъ же 1893 году граница эта изслѣдована была нами на протяженіи приблизительно сорока верстъ, начиная отъ озера Дривата, Ново-Александровскаго уѣзда, и кончая южною оконечностью Богинскаго озера, Дисненскаго уѣзда. Если крайніе пункты изслѣдованной границы соединить прямою линіею и продолжить эту линію по направленію на югъ, то по одну сторону ея (западную) оказываются прилегающими къ ней ближе другихъ курганныя группы Тверечской и Лынтупской волостей, а потомъ Михайловской и Свенцянской, по другую же (восточную) сторону ближайшими къ этой линіи должны пока считаться курганы Поставской волости, отстоящіе отъ нея не менѣе 50 верстъ къ востоку.

При рѣшеніи продолжать изслѣдованіе упомянутой границы и въ нынѣшнемъ 1894 году, мы естественнымъ образомъ и должны были остановить вниманіе на перечисленныхъ выше курганныхъ группахъ, при чемъ, въ порядкѣ величины разстоянія отъ намѣченной границы, должно было слѣдовать сначала изслѣдованіе тверечскихъ, лынтупскихъ и поставскихъ кургановъ, а затѣмъ уже свенцянскихъ, михайловскихъ и т. д. По нѣкоторымъ не зависящимъ отъ насъ обстоятельствамъ намъ не удалось добраться до кургановъ Поставской волости, и такимъ образомъ наша археологическая экскурсія въ нынѣшнемъ году должна была ограничиться осмотромъ почти совсѣмъ уничтоженныхъ кургановъ Тверечской волости и подробнымъ сравнительно изученіемъ пяти курганныхъ группъ, — одной въ Лынтупской волости и четырехъ въ Михайловской и Свенцянской.

I.

Тверечскіе курганы.

Въ районѣ Тверечской волости курганы находятся въ одномъ лишь мѣстѣ, именно въ разстояніи полуверсты на СВ отъ дер. Виляки. Расположены они на краю поля, по склону къ рѣчкѣ Орветку, притоку Дисны. Наибольшее протяженіе занимаемой курганами площади съ В. на З. По циркулирующей въ народѣ легендѣ, курганы остались отъ временъ какой-то стародавней войны, которую вела сестра съ братомъ. На

мѣстѣ кургановъ, по свидѣтельству легенды, было расположено войско сестры, мѣстоположеніе же войскъ брата указывается въ разстояніи около двухъ верстъ отсюда на В, на мѣстѣ современнаго кладбища, которое ясно различается съ мѣста кургановъ по растущимъ на немъ березамъ, и гдѣ, по словамъ крестьянъ, были прежде также курганы или, по мѣстному названію, „гураны“. Въ настоящемъ своемъ состояніи тверечскіе курганы представляютъ лишь только слѣды бывшаго здѣсь архаическаго кладбища: лишь два кургана болѣе или менѣе ясно сохраняютъ черты своей первоначальной формы, изъ остальныхъ же, съ небольшимъ десятка, меньшая часть представляетъ едва замѣтныя возвышенія, а отъ большинства сохраняются лишь едва уловимые слѣды, въ формѣ свѣтлыхъ, благодаря бѣлому песку, пятенъ, на которыхъ разсыяны мелкія жженыя кости вперемѣшку иногда съ мелкими древесными углями. На значительномъ количествѣ курганныхъ пятенъ попадаются также небольшіе черепки глиняныхъ сосудовъ то лѣпной, то гончарной работы. Преобладающей матеріалъ сосудовъ перваго рода — черная, съ примѣсью бѣлаго кварца, земля, гончарные же сосуды приготовляемы были преимущественно изъ красноватой хорошо промятой глины. На 2—3 курганныхъ пятнахъ найдено было четыре (цѣлый — одинъ) желѣзныхъ гвоздя. Всѣ гвозди изготовлены изъ четырехграннаго стержня и формою своихъ шляпокъ напоминаютъ нынѣшніе подковные. Длина уцѣлѣвшаго гвоздя — 87 мм. На одномъ, наконецъ, курганномъ пятнѣ найдены были обломки человѣческаго черепа безъ слѣдовъ на нихъ огня. Такимъ образомъ, всѣхъ кургановъ, считая за самостоятельные экземпляры и сейчасъ упомянутыя пятна, насчитывается въ описываемой группѣ не болѣе пятнадцати, но первоначальное ихъ число было, безъ сомнѣнія, гораздо больше, что подтверждается отчасти отсутствіемъ слѣдовъ кургановъ въ срединѣ занимаемой ими теперь площади, гдѣ проходятъ распахиваемые полосы, и незначительностію интерваловъ между отдѣльными курганами. Средняя величина кургановъ, въ виду ихъ почти полного поврежденія, конечно, не можетъ поддаваться опредѣленію, что же касается ихъ формы, то судя по уцѣлѣвшимъ экземплярамъ, — это были насыпи, возведенныя на четырехугольномъ основаніи, съ наибольшимъ протяженіемъ съ С на Ю.

Для цѣлей возможной характеристики тверечскихъ кургановъ мы считали достаточнымъ ограничиться сборомъ нѣкоторыхъ, валявшихся на поверхности могильника, упомянутыхъ выше, предметовъ и раскопкою одного, лучше другихъ сохранившагося, кургана. Раскопанный курганъ находился ближе къ западной оконечности могильника и представлялъ собою, какъ уже выше было замѣчено, насыпь на четырехугольномъ основаніи. Длина кургана, съ С на Ю, 14 арш., ширина 10 арш., высота кульминаціоннаго пункта надъ уровнемъ почвы 1 арш. 7 вершк., окружность около 30 шаговъ. При съемкѣ всей насыпи, до грунта, обнаружено было въ юго-западномъ углу, на самомъ грунтѣ, пятно очень черной земли, и вообще между грунтомъ и насыпью, на всемъ протяженіи кургана, наблюдалась очень темная прослойка. Въ нѣкоторомъ разстояніи на ЮЗ отъ середины, на высотѣ 10 вершковъ надъ грунтомъ, оказалась кучка пережженныхъ костей, безъ всякихъ при нихъ предметовъ¹⁾.

¹⁾ Около самой середины кургана, на грунтѣ, найдены костякъ; лежалъ онъ на лѣвомъ боку, съ поджатыми ногами, головою на сѣверъ; послѣдняя была повернута въ полъ-оборота, такъ что лицо было обра-

Тверечскіе курганы сами по себѣ, конечно, представляютъ слишкомъ мало данныхъ для какихъ бы то ни было заключеній общаго характера, тѣмъ не менѣе въ ихъ остаткахъ не трудно усмотрѣть не одну черту, сближающую ихъ съ курганами, расположенными на сѣверо-востокъ отсюда, — въ им. Богинѣ, Опсѣ и Рацкомъ бору²⁾: та же четырехугольная форма кургановъ и близость ихъ взаимнаго расположенія, та же бѣлопесочная и угольная прослойка между насыпью и грунтомъ, то же сожиганіе умершаго въ сторонѣ отъ кургана и помѣщеніе праха въ разныхъ мѣстахъ курганной насыпи, тѣ же, наконецъ, обломки лѣпныхъ горшковъ и т. д. Въ виду такихъ чертъ сходства не вполне произвольно будетъ предположеніе о принадлежности тверечскихъ кургановъ тому же времени и тому же народу, который оставилъ богинскіе, опсовскіе и т. д. курганы³⁾, именно литовцамъ X—XIII вѣка, находившимся, въ отношеніи личнаго наряда, подъ воздѣйствіемъ сродныхъ съ ними латышей.

Что касается находки на мѣстѣ кургановъ остатковъ нежженнаго черепа⁴⁾ и обломковъ желѣзныхъ гвоздей, свидѣтельствующихъ съ нѣкоторою вѣроятностью объ употребленіи гробовъ, то по поводу этого слѣдуетъ припомнить⁵⁾ факты единичныхъ обнаруженій нежженныхъ костяковъ и въ другихъ однородныхъ съ тверечскими курганахъ; а въ одномъ изъ бряславскихъ кургановъ обнаружены были и ясныя слѣды гроба.

II.

Лынтупскіе курганы.

Мѣстоположеніе м. Лынтупъ, Свенцянскаго уѣзда, опредѣляется приблизительно 43°59' вост. долготы и 55°4' сѣверной широты. Курганы находятся въ разстояніи 1—2 верстѣ на СЗ отъ мѣстечка въ сосновомъ и отчасти еловомъ лѣсу помѣщиковъ Бишевскаго и Довгялло. Тянутся они неширокою полосой по гривѣ, идущей въ направленіи съ СВ на ЮЗ. Всѣхъ кургановъ насчитывается здѣсь 48, изъ которыхъ 42 находятся на землѣ помянутаго Довгялло и 6 на землѣ Бишевскаго. У мѣстныхъ жителей⁶⁾, бѣлоруссовъ, курганы называются копцами, и происхожденіе ихъ народъ относитъ, по общераспространенному для здѣшнихъ мѣстъ взгляду, ко времени шведскихъ войнъ. Преобладающая форма кургановъ — сферическій сегментъ, и только два экземпляра, по нашимъ наблюденіямъ, обнаруживали отклоненіе отъ этой формы, пред-

щено на 3. Замѣчательная свѣжесть костяка и неестественность его положенія, а также отсутствіе признаковъ гроба заставляютъ видѣть здѣсь субъекта изъ недалекаго прошлаго, умершаго насильственною смертію.

²⁾ См. Труды IX археологическаго съѣзда, 1894 г., Т. I, стр. 166 и сл.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ При распашкѣ поля близъ кургановъ, по словамъ крестьянъ, попадались иногда и другія человѣчскія кости.

⁵⁾ Ibid.

⁶⁾ Курганы находятся какъ разъ на современной границѣ литовскаго и бѣлорусскаго варьвѣй.

ставляя собою насыпи на четырехугольном основаніи. Величина кургановъ колеблется въ предѣлахъ 30—50 шаговъ по окружности ихъ основанія: преобладаютъ въ количественномъ отношеніи курганы большихъ размѣровъ. Со стороны взаимнаго разстоянія, курганы производятъ въ большей своей части впечатлѣніе скученности. На вершинѣ всѣхъ вообще кургановъ замѣтны слѣды углубленій, а курганы, расположенные на землѣ пом. Довгялло, почти всѣ испорчены раскопками самого владѣльца имѣнія и посторонними кладонскателями. Нѣкоторые (повидимому, большая часть) изъ предметовъ, добытыхъ при раскопкѣ кургановъ, до сихъ поръ сохраняются у г. Довгялло. Здѣсь мы имѣли возможность наблюдать слѣдующіе предметы: 1) бронзовый шейный обручъ (разломанъ на двѣ части) въ обыкновенной формѣ двухъ серповидныхъ пластинъ⁷⁾; 2—5) четыре бронзовыхъ браслета, изъ которыхъ три — въ формѣ простыхъ колецъ изъ плоской неширокой пластины и одинъ остро-желобчатой формы, съ довольно сложнымъ нарѣзнымъ орнаментомъ⁸⁾; 6) спиральный бронзовый перстень съ расклепаннымъ среднимъ оборотомъ; 7, 8) двѣ глиняныхъ пряслицы; 9, 10) двѣ обыкновенныхъ желѣзныхъ пики съ коническими втулками; 11, 12) два желѣзныхъ узоклинковыхъ топора; 13—15) три ножика; 16) шило; 17) желѣзная четырехугольная пряжка; 18) желѣзное кольцо, и 19) дно глинянаго горшка лѣнной работы. Перечисленные предметы и непосредственное наблюденіе раскопанныхъ, особенно въ послѣднее время, кургановъ, гдѣ при первомъ взглядѣ ясно обнаруживались главнѣйшія черты погребальнаго обряда — чрезъ трупосоженіе, ограничивали, такимъ образомъ, задачу изслѣдованія лынтупскихъ кургановъ болѣе тщательною провѣркою добытыхъ предыдущими раскопками данныхъ, опредѣленіемъ, въ случаѣ обнаруженія, частнѣйшихъ подробностей погребенія и возможнымъ объясненіемъ другихъ бытовыхъ особенностей оставившаго курганы народа. Съ намѣченною цѣлью здѣсь и произведена была раскопка пяти кургановъ.

Курганъ № 1.

Форма — сферическій сегментъ; окружность основанія 37 шаговъ; поперечникъ (черезъ верхъ) 12 арш. 4 вершка; высота насыпи надъ грунтомъ 1 арш 2 вершка.

Вокругъ кургана кольцеобразный ровъ съ перерывами (всходами) на ЮЗ и ЮВ.

На вершинѣ кургана два небольшихъ углубленія, одновременныя, полагаемъ, съ самымъ происхожденіемъ кургана, или, точнѣе, съ погребеніемъ въ нихъ праха, обнаруженнаго (см. ниже) на самой почти поверхности кургана.

Снятіе всей курганной насыпи обнаружило подъ нею, на грунтѣ, слой черной земли съ вкрапленіемъ мелкихъ углей. Особенно густая окраска черного слоя оказалась около восточной и сѣверо-восточной периферій: въ послѣднемъ пунктѣ слой этотъ представляетъ какъ бы самостоятельное черное пятно, углубляющееся, незначительно впрочемъ, въ грунтъ. Въ самой срединѣ кургана, — на грунтѣ, находилась

7) Рисунокъ подобнаго обруча см. напр., въ Матеріалахъ по археологій Россіи, № 4, табл. V, № 5.

8) Рисунокъ подобныхъ, со стороны общей формы, браслетовъ см. Aspelin, Antiquités du Nord Finno-Ougrien, №№ 2022, 2044 и 2045.

кучка мелкихъ, жженныхъ костей, безъ всякихъ при нихъ предметовъ. Такая же кучка обнаружена была почти на самой поверхности кургана, подъ дерномъ, на СВ. отъ центра кургана.

Курганъ № 2.

Форма, по общему впечатлѣнію, сферическая; окружность 34 шага; поперечникъ 11 арш. 5 вершк.; высота 1 арш. 6 вершк.

При основаніи съ С, ЮВ и ЮЗ кривыя (дугообразныя) ямы.

При весьма слабой вообще темной прослойкѣ между грунтомъ и насыпью, въ сѣверной части кургана оказался не грунтъ угольный пластъ, въ формѣ неширокой полосы, идущей въ направленіи съ ЮВ на СЗ. На С отъ середины, также на грунтѣ, близъ угольнаго слоя, — кучка жженныхъ костей, среди которыхъ найденъ безформенный, перегорѣвшій обломокъ бронзы. Другая кучка жженныхъ костей помѣщалась въ самой насыпи, на высотѣ 8 вершковъ надъ грунтомъ, близъ середины кургана, — на восточной ея сторонѣ. Здѣсь, среди костей, оказались желѣзные топоръ и пика. Пика, длиною въ 290 мм. (190 мм. — клинокъ, 100 мм. — втулка), обыкновенной ланцетовидной формы, съ коническою втулкой. Топоръ, длиною въ 160 мм., принадлежитъ къ разряду узкоклиновыхъ. Оба предмета, вслѣдствіе дѣйствія на нихъ сильнаго огня, отличаются полною сохранностью. Жженныя кости обнаружены также и въ южной половинѣ кургана, на самой его поверхности, подъ дерномъ, на высотѣ, приблизительно, десяти вершковъ надъ грунтомъ.

Курганъ № 3.

Форма — сферическій сегментъ; окружность 45 шаговъ; поперечникъ 13 арш. 3 вершка высота; 1 арш. 3 вершка.

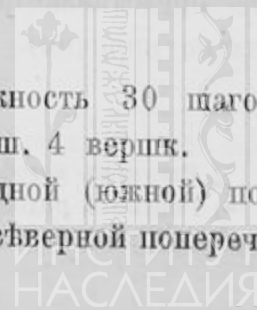
Вокругъ кургана кольцообразный ровъ, съ восемью симметрично расположенными перерывами (всходами). Въ срединѣ кургана небольшое углубленіе.

Подъ насыпью, по грунту, слой темной земли съ угольнымъ вкрапленіемъ. Угольные вкрапины наблюдаются также и въ разныхъ мѣстахъ курганной насыпи. На Ю отъ середины, на самомъ грунтѣ, обнаружено незначительное количество жженныхъ косточекъ. Какъ разъ надъ этими костями найдены были также жженныя кости и на самой поверхности кургана, подъ дерномъ. Но гораздо больше костей оказалось въ центрѣ юго-восточной четверти кургана. Слой жженныхъ костей шелъ здѣсь поперемятку съ пескомъ, въ вертикальномъ направленіи, начинаясь на самой поверхности, подъ дерномъ, онъ углублялся внутрь насыпи вершковъ на 6, не доходя, такимъ образомъ, до грунта, приблизительно, на полъ-аршина. Въ видѣ отдѣльныхъ вкрапинъ въ насыпи, попадались мелкія косточки и по сторонамъ этого слоя.

Курганъ № 4.

Форма — насыпь на четырехугольномъ основаніи; окружность 30 шаговъ; длина, съ ССЗ на ЮЮВ, 12 арш. 8 вершковъ; ширина 10 арш. 4 вершк.

У основанія кургана, съ двухъ продольныхъ сторонъ и одной (южной) поперечной — продолговатые, соответственно длинѣ сторонъ, рвы, у сѣверной поперечной

стороны — двѣ овальныхъ ямы. Раскопка этого, замѣчательно богатаго, по количеству найденныхъ вещей кургана, начата была съ южной (ЮЮВ) его стороны. При слабой вообще темной прослойкѣ между грунтомъ и насыпью, близъ южнаго угла, на высотѣ четырехъ вершковъ надъ грунтомъ, оказалась кучка древесныхъ углей. На разстояніи аршинъ полутора отъ южнаго края и на равномъ отъ обѣихъ боковыхъ сторонъ на грунтѣ, найдены были желѣзный ножикъ и наконечникъ ноженъ, по всей вѣроятности, этого ножа. Длина ножика 175 мм. (клинокъ 125 мм., втульный стержень 50 мм.), средняя ширина около 15 мм. Лезвие обработано на подобіе сточеннаго ножа. Снаружи предметъ покрытъ накипью ржавчины. Наконечникъ ноженъ (табл. IX рис. 1) состоитъ изъ девяти плоскихъ спиральныхъ оборотовъ, обматывающихъ сохраняющійся до сихъ поръ обрывокъ кожи. Длина наибольшаго оборота 23 мм., наименьшаго — 17 мм.; общая ширина 67 мм. Самая проволока въ поперечномъ разрѣзѣ имѣетъ форму равностороннаго (1 мм.) трехугольника. Какъ на вполне аналогичный съ этимъ предметомъ можно указать на наконечникъ ноженъ меча изъ люцинскаго могильника⁹⁾. Въ центрѣ всей четверти кургана, на грунтѣ, обнаружена значительная кучка жженныхъ костей; ее покрывали компактно уложенные, преимущественно бронзовые предметы, которые могутъ быть сведены къ слѣдующимъ шести группамъ: 1) шейные обручи, 2) бусы, 3) орнаментныя спирали, бляхи и т. под., 4) браслеты, 5) перстни и 6) шило.

I. *Шейныхъ обручей* въ рассматриваемомъ мѣстѣ оказалось три. Болѣе нарядный изъ нихъ сильно поврежденъ былъ дѣйствіемъ на него, предъ зарытіемъ, огня, такъ что онъ сохранился лишь въ обломкахъ, изъ которыхъ нѣкоторые утратили даже свою первоначальную форму. Благодаря значительному количеству уцѣлѣвшихъ обломковъ, является возможность возстановить не только форму, но почти вполне, и самый предметъ (табл. IX рис. 9). Обручъ этотъ былъ приготовленъ изъ круглой бронзовой проволоки, толщиной въ 4 мм., которая на концахъ ($\frac{1}{3} + \frac{1}{3}$) расклепана въ серповидныя четырехгранныя пластины, имѣющія въ поперечномъ разрѣзѣ форму ромба, съ діагоналями въ 1 мм. (поперечная) и 16 мм. (продольная). Грани пластинокъ орнаментированы надрѣзанными цѣромъ зубчатыми зигзагами. На внѣшнихъ краяхъ пластинокъ по семи сверлинъ, расположенныхъ въ разстояніи 24 мм. одна отъ другой. Черезъ каждую сверлину продѣто неспаянное колечко изъ круглой проволоки, за которое зацѣпляетъ изъ такой же проволоки петля; къ каждому ушку послѣдней, при помощи одинаковаго съ упомянутымъ сейчасъ колечка подвѣшено по двѣ одностороннихъ пластинки. Пластинки приготовлены изъ листовой бронзы и, по своей формѣ, напоминаютъ форму эллипсиса, усѣченнаго на концахъ по перпендикулярной къ продольной оси линіи. Длина каждой пластинки 65 мм., наибольшая (въ срединѣ) ширина 16 мм., наименьшая (при концахъ) 10 мм. Одинаковый для всѣхъ пластинокъ орнаментъ состоитъ изъ расположеннаго въ срединѣ пуклѣнаго сферическаго сегмента — внутри такого же колечка, съ діаметромъ около 4—5 мм., и шести рядовъ, идущихъ параллельно краямъ (по три на каждомъ), пуклѣныхъ линій, изъ которыхъ внутреннія

⁹⁾ Матеріалы по археологій Россіи, № 14, т. VIII, 17.

представляютъ собственно ряды пукленаго крапа. Съ точки зрѣнія всей совокупности детальныхъ подробностей, описанный предметъ не находитъ для себя тождественнаго прецедента, въ общемъ же, какъ пластинчатая гривна съ подвѣсками, онъ представляетъ явленіе весьма обычное для широкаго курганнаго района¹⁰⁾, а равнымъ образомъ и каждая изъ отдѣльныхъ частей находитъ для себя вполне аналогичные предметы¹¹⁾, какъ со стороны формы, такъ и подробностей орнамента. Другая гривна приготовлена изъ такой же, какъ и первая, проволоки, расклепанной на концахъ въ остро-желобчатая серповидныя пластины, заходящія одна за другую. Діаметръ обруча 140 мм.; наибольшая ширина (въ срединѣ) пластины 18 мм. Пластины слабо орнаментированы: по краямъ нарѣзною линіею, а на концахъ нарѣзною (изъ двухъ параллельныхъ линій) ромбоидальною сѣткою; самая проволока въ ближайшихъ къ пластинамъ частяхъ орнаментирована имитирующими спираль мелкими нарѣзами. Подвѣсокъ нѣтъ. Въ общемъ предметъ аналогиченъ съ предыдущимъ.

Третья гривна (табл. IX рис. 7) изготовлена изъ круглой проволоки, толщиной въ 5 мм.; ея діаметръ — 170 мм.; заходящіе одинъ за другой на 160 мм. концы ея представляютъ свободный орнаментный вариантъ застежки: одинъ конецъ, обработанный на подобіе перстня, повидимому, имитируетъ петлю, а другой своими петлевидными изгибами представляетъ свободное подражаніе крючку. За исключеніемъ задней части, весь обручъ перевитъ трехгранною проволокой. Перстневидный конецъ слабо орнаментированъ нарѣзными прямыми линіями. По классификаціи проф. Аспелина, обручи подобной формы опредѣляются, какъ предметы латышскихъ древностей, что едва ли справедливо, въ виду весьма широкаго района находокъ этихъ обручей: для примѣра можно указать Ашерадень Рижскаго у., Лабенштейнъ Верронскаго у., Двинскъ, им. Суходрево Оршанскаго у., и др.¹²⁾. Изъ позднѣйшаго времени, находки подобныхъ обручей были въ Люцинскомъ и Лядинскомъ могильникахъ¹³⁾.

II. *Бусы*. Сюда относятся пять раковинъ и двѣ глиняныя бусы. Раковины принадлежатъ къ рязряду такъ называемыхъ *сургеа moneta* и попадаются въ курганахъ на всемъ пространствѣ сѣверной половины Россіи и на Кавказѣ¹⁴⁾. Въ качествѣ пропозитокъ ожерелья и украшенія разныхъ частей костюма, *сургеа moneta* и въ настоящее время въ употребленіи у чувашъ, мордвы и ижоры. Двѣ, совершенно одинаковой формы, глиняныя бусы (табл. IX рис. 8) имѣютъ форму цилиндра, высотой въ 15 мм., и въ 25 мм. по діаметру основанія. Поверхность орнаментирована сдѣланною по сырому грунту спиралью въ 7 оборотовъ. Совершенно такой же формы бусы найдены были нами въ одномъ изъ Сержантскихъ кургановъ, на границѣ Виленскаго и Ошмянскаго уѣздовъ¹⁵⁾.

¹⁰⁾ Перечень находокъ подобнаго рода гривнъ см.: О. Покровскій, Виленскій музей древностей, табл. VIII, 1; находки позднѣйшаго времени, см.: Матеріалы по археологіи Россіи, № 10, Лядинскій и Томниковскій могильники, и № 4 — Люцинскій могильникъ.

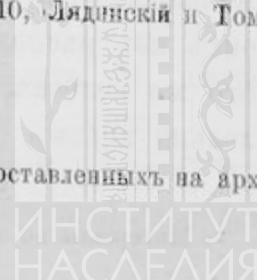
¹¹⁾ Ibid.

¹²⁾ Покровскій, Виленскій музей древностей, табл. XI, 1.

¹³⁾ Матеріалы по археологіи Россіи, №№ 10 и 14.

¹⁴⁾ Матеріалы по археологіи Россіи, № 10, стр. 47. Каталогъ предметовъ, доставленныхъ на археологическую выставку при IX арх. съѣздѣ Б и др.

¹⁵⁾ О. Покровскій, Археологическія экскурсіи по Виленской губерніи.

III. *Орнаментные предметы неопределеннаго назначенія.* Здѣсь должны быть отмѣчены, во первыхъ, четырнадцать (три — въ обложкахъ) спиралей (табл. IX рис. 4), по всей вѣроятности составныхъ частей наперсной кисти или головного жгута, какіе въ большомъ количествѣ найдены въ Люцинскомъ могильникѣ¹⁶⁾; по крайней мѣрѣ, спирали эти ни въ чемъ не отличаются отъ соотвѣтствующихъ частей упомянутыхъ предметовъ: все они приготовлены изъ трехгранной бронзовой проволоки и имѣютъ въ длину около 100 мм., а діаметръ спирального оборота 8 мм. Отъ упомянутыхъ сейчасъ отличается спираль (табл. IX рис. 3), въ десять оборотовъ, приготовленная изъ бронзовой ленты, шириною въ 9 мм.; діаметръ оборота 7 мм. Спираль эта тождественна съ наперсною привѣскою, найденною въ одномъ изъ прибалтійскихъ кургановъ. Часть, очевидно, подвѣски составляли и двѣ, соединенныя колечкомъ и извернутыя въ видѣ спирали, пластинки изъ листовой бронзы, орнаментированныя по краямъ двумя пуклѣными линиями, а въ срединѣ — тремя такими же сферическими сегментами внутри пунктированныхъ колець. Двѣ спирали, изъ полуовальной проволоки, длиною около 50 мм. и толщиною въ 3 мм., и двѣ цилиндрическія трубочки изъ листовой бронзы, длиною въ 36 и 40 миллиметровъ и съ діаметромъ въ 3 мм., представляютъ, по всей вѣроятности, остатки бахромы отъ кольчужной ткани, что слѣдуетъ сказать особенно о послѣднихъ двухъ предметахъ, вполне тождественныхъ съ трубочками, найденными, какъ мы увидимъ ниже, въ межанскихъ курганахъ, совмѣстно съ слѣдами ткани. Болѣе загадочно назначеніе двухъ послѣднихъ предметовъ этой группы (табл. IX рис. 5). Чтобы судить о формѣ этихъ, совершенно одинаковыхъ предметовъ, нужно представить себѣ ленту изъ листовой бронзы, длиною около 140 мм. и шириною въ 70 мм., сложенную въ формѣ портфеля. Лицевая сторона портфеля, величиною въ 70×55 кв. милл., орнаментирована пуклѣнымъ рисункомъ, именно: въ срединѣ, на пространствѣ четырехугольной площади въ 40×20 кв. милл., одиннадцать сферическихъ сегментовъ внутри рельефныхъ колечекъ, а по краямъ — бордюръ изъ трехъ, образующихъ концентрическіе прямоугольники, линий, промежутки между которыми заполнены, между внутренней и средней — пунктированной линіей, а между средней и внѣшней — крестчатою сѣткою. Отличающийся отъ описанныхъ лишь подробностями орнамента предметъ находится среди обломковъ Виленскаго музея. Киркоръ опредѣляетъ его какъ религіозный амулетъ, но это опредѣленіе, какъ совершенно произвольное, не можетъ быть принимаемо въ расчетъ, равно какъ не объясняетъ назначенія этого предмета и стереотипное опредѣленіе его г. Вольтеромъ въ формѣ „бронзоваго украшенія — въ видѣ портфеля“¹⁷⁾.

IV. *Браслеты.* Первый изъ этихъ предметовъ — спираль, отъ которой уцѣлѣло, и то въ поврежденномъ огнемъ видѣ, только шесть оборотовъ, остальная ея часть представлена въ видѣ мелкихъ обломковъ. Составляющая спираль бронзовая пластинка — полуовальной формы, шириною въ 8 мм.; діаметръ спирального оборота 65 мм. Въ общемъ предметъ отличается безыскусственностью работы и лишь со стороны

¹⁶⁾ Матеріалы по археологій Россіи, № 14.

¹⁷⁾ Предметъ, упоминаемый Киркоромъ, найденъ около дер. Анцулы, Виленскаго уѣзда, а г. Вольтеръ нашелъ свой предметъ въ курганѣ, близъ Помусе, Трокскаго уѣзда.

общей формы соотвѣтствуетъ многочисленнымъ однороднымъ съ нимъ спиралямъ, вообще въ большомъ количествѣ попадающимъ на всемъ пространствѣ Россіи¹⁸⁾. Два остальныхъ браслета (отъ одного лишь два обломка) приготовлены изъ довольно массивной пластины, постепенно расширяющейся по направленію къ оконечностямъ; ширина пластины 8—15 мм. Лицевая сторона — въ формѣ очень тупаго двуграннаго угла. Въ общемъ предметы отличаются простотою работы и стереотипнымъ характеромъ.

V. *Перстни*. Цѣлыхъ перстней — три, и четыре, по крайней мѣрѣ, — въ обломкахъ. Всѣ они обыкновенной спиральной формы и приготовлены изъ тонкой трехгранной проволоки. Одинъ изъ цѣльныхъ перстней (табл. IX рис. 10) состоитъ изъ пяти оборотовъ, при чемъ средній изъ нихъ расклепанъ; остальные два перстня по восьми оборотовъ каждый. Средній діаметръ оборота около 20 мм. Аналогичные съ этими перстнями предметы встрѣчаются повсемѣстно.

VI. *Шило* состоитъ изъ круглаго заостреннаго желѣзнаго стержня, толщиной въ 3 мм. Длина — 19 мм., изъ которыхъ 30-милл. падаетъ на долю четырехграннаго насада.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ центра южной четверти, по направленію къ центру всего кургана, находилось другое, однородное съ описаннымъ, погребальное пятно. Здѣсь также на грунтѣ обнаружена была кучка жженныхъ костей, поверхъ которыхъ оказались однородные съ описанными сейчасъ предметы, именно: I — *Обручи*. Изъ трехъ оказавшихся здѣсь обручей, два, до мельчайшихъ подробностей орнамента, одинаковы съ однородными предметами (вторымъ и третьимъ) предыдущаго погребальнаго пятна, третій же (табл. IX рис. 2) обручъ свитъ изъ трехъ круглыхъ проволокъ, заканчивающихся на одномъ концѣ тремя совершенно правильной конической формы пуговками, на другомъ же концѣ пуговкою заканчивается только одна проволока, а остальные двѣ переходятъ въ плоскія пластинки. Подобный свободный вариантъ застежки встрѣчается на шейныхъ обручахъ рѣже другихъ¹⁹⁾, и въ частности нашъ экземпляръ представляетъ ту особенность, что на немъ пуговики отличаются правильной коническою формою, въ противоположность гвоздевиднымъ на другихъ аналогичныхъ экземплярахъ. II — *Бусы*. Найденныя здѣсь двѣ глиняныя бусы — тождественны съ однородными предметами въ предыдущемъ погребеніи. III — *Орнаментные предметы*. Девять обломковъ бронзовыхъ спиралей изъ плоско-трегранной проволоки. Діаметръ спиральнаго оборота 3—4 миллиметра. Бляшка — въ формѣ портфеля изъ листовой бронзы (табл. IX рис. 6). Отличается отъ однородныхъ предметовъ предыдущаго погребенія величиною и подробностями орнамента: величина лицевой ея стороны 49×40 кв. милл.; орнаментъ: на окруженной бордюромъ, изъ трехъ пуклѣныхъ линій (средняя — пунктиръ), четырехугольной площади, по направленію ея длины, въ срединѣ — четыре пуклѣныхъ сферическихъ сегмента внутри такихъ же колечекъ, а по краямъ — по трипунктированныхъ треугольныхъ площади. Другая такая же пластинка въ большей своей части уничтожена

¹⁸⁾ О. Покровский, Виленскій музей древностей, табл. III, 8. Матеріалы по археологіи Россіи № 10 и 14. Чаше другихъ спирали попадаются въ прибалтійскихъ курганахъ и могильникахъ.

¹⁹⁾ Указаніе аналогичныхъ предметовъ см.: О. Покровский, Виленскій музей древностей, табл. X, 4, и Матеріалы по археологіи Россіи № 14.

огнемъ. IV — *Браслеты*. Всѣхъ браслетовъ — тринадцать²⁰⁾ и всѣ они одинаковой величины и формы, въ видѣ овальнаго, неполнѣ замкнутаго кольца, величиною по продольной оси въ 57 мм. и по поперечной въ 46 мм. Довольно массивный бронзовый стержень, изъ какого приготовленъ каждый браслетъ, въ четырехъ экземплярахъ — четырехгранной формы, а въ остальныхъ — лицевая поверхность сферическая.

Во всѣхъ экземплярахъ — замѣтное утолщеніе отъ середины по направленію къ оконечностямъ, такъ что средняя толщина задней части браслета 2×4 кв. милл., а при оконечностяхъ: 3×9 — для четырехгранныхъ стержней, и 4×8 милл. для остальныхъ. Лицевая сторона въ передней части слабо орнаментирована тонкими нарѣзными линиями и въ двухъ случаяхъ колечками, — по три при каждомъ изъ концовъ. Въ общемъ всѣ предметы отличаются стереотипнымъ характеромъ и по своимъ размѣрамъ и внѣшнему виду приближаются къ такъ-называемымъ символическимъ кольцамъ изъ Ашерадена²¹⁾. Изъ значительнаго количества браслетовъ Виленскаго музея съ описаннымъ одинаковъ всего одинъ экземпляръ, найденный при проведеніи С.-Пб.-Варшавской желѣзной дороги около Двинска²²⁾. V — *Перстни*. Какъ и въ предыдущемъ погребеніи, всѣ пять перстней представляютъ собою спирали изъ тонкой трехгранной проволоки. Въ двухъ перстняхъ оборотъ расклепанъ въ формѣ плоской пластинки, и на одной изъ нихъ есть орнаментъ въ видѣ зубчатаго зигзага. Одинаковый для всѣхъ перстней діаметръ оборота — около 20 мм.

Въ самомъ центрѣ кургана обнаруженъ слой углей въ вертикальномъ направленіи, начинающійся немного выше грунта и оканчивающійся нѣсколько ниже его; однимъ словомъ, слой этотъ производитъ впечатлѣніе вбитой въ грунтъ головы. Надъ углями, на высотѣ восьми вершковъ надъ грунтомъ, оказалось желѣзное шило и глиняная пряслица и невдалекѣ отъ нихъ — глиняные черепки. Отъ шила уцѣлѣла, повидимому, только часть; она въ формѣ круглаго, заостреннаго тонкаго стержня, длиною въ 77 мм. Пряслица — въ обычной формѣ двухъ, соединенныхъ основаніями, усѣченныхъ конусовъ, съ воронкообразными углубленіями по направленію къ сверлині. Діаметръ основаній конусовъ около 40 мм. Черепки лѣпной работы, — изъ жвироватой желтой глины.

Курганъ № 5.

Форма — насыпь на четырехугольномъ основаніи; длина, съ ССВ. на ЮЮВ., 11 арш. 4 вершк.; ширина 9 арш. высота 1 арш.

Съ ССВ, у основанія кургана, двѣ овальныхъ ямы, съ остальныхъ трехъ сторонъ, соотвѣтственно ихъ длины, прямолинейные рвы.

Верхняя часть курганной насыпи, въ формѣ блюдообразнаго углубленія, состояла изъ темной земли, остальная часть — изъ однороднаго съ сосѣднею почвою желтаго песку. Въ центрѣ восточной четверти, на грунтѣ, древесные угли, и такіе же угли находились, непосредственно подъ дерномъ, близъ южнаго угла. Въ центрѣ южной

²⁰⁾ Одинъ остался у владѣльца кургановъ.

²¹⁾ Bähr, Die Gräber der Liven, Taf. XVII, 14.

²²⁾ Каталогъ Виленскаго музея древностей, 1885 г. Отд. Б., № 96.

половины, на грунтѣ, — кучка жженныхъ костей и среди нихъ — желѣзные: пика, топоръ и ножъ. Общая длина пики 300 мм., изъ которыхъ 180 приходится на совершенно плоскій ланцетовидный клинокъ, 70 на конической формы втулку и 50 на промежуточную, цилиндрической формы, шейку. Топоръ изъ ряда обыкновенныхъ узко-клиновыхъ, длиною въ 175 мм. Ножъ длиною въ 115 (клинокъ) + 55 (насадъ) миллим. Форма лезвья какъ у сточеннаго ножа. Пика покрыта ржавчиной, клинокъ ножа и топоръ — полной сохранности.

Общія замѣчанія.

Всѣ пять изслѣдованныхъ нами кургановъ, равнымъ образомъ и наблюдение кургановъ, испорченныхъ позднѣйшими раскопками, обнаруживаютъ въ лынтупской группѣ одинъ погребальный обрядъ — трупосожженіе. Отсутствие въ курганахъ погребальныхъ костровъ доказываетъ, что сожженіе трупа производилось не на мѣстѣ кургана, а гдѣ-то на сторонѣ. Существовало ли для трупосожженія какое-нибудь опредѣленное мѣсто, или же сожиганіе трупа производилось каждый разъ на новомъ мѣстѣ — ни того, ни другого положительно утверждать нельзя. Наиболее вѣроятно, повидимому, послѣднее предположеніе: на него намекаетъ, съ отрицательной стороны, отсутствіе, по сосѣдству съ курганами, огнища, и, съ другой стороны, обнаруженіе въ нѣкоторыхъ курганныхъ насыпяхъ угольныхъ гнѣздъ. Послѣднимъ, конечно, нельзя придавать какого-нибудь ритуального значенія: появленіе ихъ въ насыпяхъ совершенно случайно, они легко могли попасть сюда въ томъ, напримѣръ, случаѣ, когда курганъ насыпался по сосѣдству съ костромъ, и когда, слѣдовательно, периферіи костра могли касаться рва, изъ котораго извлекалась земля для насыпи. Такимъ образомъ, присутствіе углей въ насыпяхъ можно объяснить еще въ смыслѣ непосредственнаго сосѣдства кургановъ съ кострами. Въ этомъ же смыслѣ едва ли не возможно объяснить и фактъ отсутствія въ курганахъ досокъ, на которыхъ, напримѣръ, въ люцинскомъ могильникѣ оказываются уложенными вещи умершаго, или горшковъ, которые, напримѣръ, въ богинскихъ, доборскихъ и въ другихъ, находящихся на С отсюда курганахъ, наблюдаются при каждомъ почти погребальномъ пятнѣ, — фактъ, однимъ словомъ, отсутствія погребальныхъ сосудовъ, безъ которыхъ (положимъ, и при отсутствіи ритуального на нихъ требованія) перенесеніе праха съ костра на курганъ, въ случаѣ значительнаго разстоянія между послѣдними, должно было сопровождаться практическими неудобствами. Въ двухъ, правда, лынтупскихъ курганахъ найдены были обломки горшковъ и, въ добавокъ, лѣпной работы, что при несомнѣнномъ знакомствѣ строителей кургановъ съ гончарнымъ кружкомъ, свидѣтельствуетъ о спеціальномъ приготовленіи сосудовъ для погребенія, но двукратный всего лишь случай находки черепковъ, съ одной стороны, а съ другой, мѣстоположеніе лично нами найденныхъ остатковъ сосуда²³⁾ вдали отъ погребальныхъ пятенъ, если и не устраняютъ вполне изъ ритуала употребленія глиняныхъ сосудовъ, то, во всякомъ случаѣ, исключаютъ ихъ значеніе въ смыслѣ погребальныхъ урнъ

²³⁾ См. курганъ № 4.

(праховмѣстилищъ): едва ли не правдоподобнѣе трактовать эти сосуды въ смыслѣ принадлежностей возможныхъ послѣ-погребальныхъ обычаевъ, вродѣ, напримѣръ, практикующагося до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ²⁴⁾ обычая окуривать могилы въ нѣкоторые дни поминовеній умершихъ.

Судя по состоянію найденныхъ въ курганахъ металлическихъ вещей, обнаруживающихъ дѣйствіе на нихъ, предъ зарытіемъ, сильнаго огня, умершіе возлагались на костеръ въ ихъ нарядномъ одѣяніи и (мужчины) съ атрибутами ихъ общественнаго служенія (топоры, пики). Остатки праха (жженныя кости) вмѣстѣ съ уцѣлѣвшими веществами, по извлеченіи ихъ изъ потухшаго костра, помѣщались, повидимому, по сосѣдству съ послѣднимъ непосредственно на поверхности почвы, и здѣсь насыпался надъ ними курганъ. Преобладающая форма кургановъ въ Лынтупахъ, какъ уже замѣчено выше, — сферическій сегментъ, и только два изъ нихъ насыпаны на четырехугольномъ основаніи. Курганы насыпались, очевидно, изъ земли, которая бралась близъ ихъ основаній, вслѣдствіе чего каждый курганъ является окруженнымъ рвомъ. Рвы, по обыкновенію, не сплошные, а съ перерывами, такъ называемыми, всходами. По отношенію къ курганамъ сферической формы не наблюдается ни правильности въ ориентировкѣ всходовъ, ни постоянства въ ихъ количественномъ отношеніи, четырехугольные же курганы, не только здѣсь, но и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ приходилось намъ наблюдать²⁵⁾, обыкновенно имѣютъ всегда опредѣленное количество рвовъ, а слѣдовательно и всходовъ, расположенныхъ въ опредѣленномъ порядкѣ. Оба четырехугольные лынтупскіе курганы, длина которыхъ въ общемъ совпадаетъ съ направлениемъ параллели, окружены съ С, В и Ю прямолинейными рвами, а съ З двумя ямами, такъ что изъ пяти всходовъ на нихъ четыре совпадаютъ съ углами кургана, а пятый лежитъ противъ середины западнаго склона. Такая правильность въ распредѣленіи всходовъ едва ли дѣло простаго случая, но какой внутренней смыслъ соединяется съ такимъ распредѣленіемъ — сказать, не прибѣгая къ чисто субъективнымъ гипотезамъ, нельзя. Неединичные факты находенія по нѣскольку погребальныхъ пятенъ въ одномъ курганѣ свидѣтельствуютъ, что возведеніе кургана надъ каждымъ прахомъ не считалось обязательнымъ: иногда прахъ помѣщался уже въ готовомъ курганѣ, для чего въ послѣднемъ вырывалась, повидимому, болѣе или менѣе глубокая ямка и потомъ, послѣ помѣщенія въ ней праха, засыпалась не только, повидимому, извлеченною изъ нея землею, но и взятою, по сосѣдству съ ней, съ поверхности кургана. Послѣднимъ, кажется, обстоятельствомъ и можно объяснить, между прочимъ, тѣ неровности (углубленія), которыя иногда замѣтны на срединѣ нѣкоторыхъ кургановъ. Но въ какой бы части насыпи ни помѣщался прахъ, вездѣ онъ полагался непосредственно на землю; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ, повидимому, просто перебрасывался небрежно съ костра на предполагаемое мѣсто кургана. — Металлическіе предметы обыкновенно помѣщаются надъ костями, и въ богатѣйшемъ изъ кургановъ (№ 4) они были компактно уложены. Постоянно одинаковая группировка по курганамъ металлическихъ вещей, выражающаяся въ присутствіи въ однихъ курганахъ лишь топоровъ и пикъ, а въ дру-

²⁴⁾ См., напримѣръ, отчетъ Императорской Археологической Коммисіи, за 1892 г.

²⁵⁾ Труды IX арх. съѣзда, т. I, стр. 166.

гихъ, при отсутствіи этихъ послѣднихъ, лишь предметовъ личнаго наряда, даетъ, съ одной стороны, критерій для различенія женскихъ и мужскихъ погребеній, а съ другой — до нѣкоторой степени свидѣтельствуемъ объ исключительномъ употребленіи нарядныхъ украшеній лишь женщинами. Украшенія, найденныя въ курганахъ, различаются прежде всего по степени различій ихъ сохранности: одни изъ нихъ сильно повреждены огнемъ, на другихъ же дѣйствія его незамѣтно. Фактъ этотъ возможно объяснить вѣроятнымъ обычаемъ зарывать съ прахомъ умершаго не только остатки того облаченія, въ которомъ онъ положенъ былъ на костеръ, но и всѣ другіе предметы украшеній, находившіеся въ личномъ распоряженіи умершаго. Вслѣдствіе того, что погребальный обрядъ разсматриваемыхъ кургановъ — трупосожженіе, предметы украшеній орнаментарнаго характера, въ родѣ поясного набора, разныхъ пронизей, матерій и шнурковъ, въ большинствѣ случаевъ, должны были уничтожиться, а если и сохранились, то въ видѣ обломковъ, безъ яснаго опредѣленія тѣхъ предметовъ, части которыхъ эти обломки составляли. Изъ этихъ предметовъ орнаментарнаго характера слѣдуетъ припомнить различной величины спирали, двѣ цилиндрическія трубочки и портфелевидныя бляшки, найденныя въ курганѣ № 4. Спирали, по своимъ размѣрамъ, весьма близко стоятъ къ тѣмъ, изъ которыхъ изготовлены фальшивыя косы (жгуты) и наперсныя кисти, напримѣръ, люцинскаго могильника, но составляютъ ли онѣ дѣйствительно остатки этихъ предметовъ — утверждать нельзя, по крайней мѣрѣ по отношенію къ жгутамъ; такъ какъ среди нашихъ спиралей недостаетъ тѣхъ болѣе широкихъ и короткихъ спиралей-колець, изъ которыхъ составляется обыкновенно кольцо жгута. Такимъ образомъ остается наиболѣе вѣроятнымъ опредѣленіе спиралей въ качествѣ остатковъ наперсныхъ кистей-привѣсокъ. Цилиндрическія трубочки въ отношеніи формы одинаковы съ такими же пронизями каймы шерстяной матеріи, найденными въ одномъ изъ межакскихъ кургановъ²⁶⁾, и если что можетъ препятствовать отождествленію ихъ съ послѣдними и въ отношеніи назначенія, то это ничтожное количество (2) находокъ подобнаго рода, хотя, съ другой стороны, вслѣдствіе слабой огнеупорности подобныхъ цилиндриковъ, и полное уничтоженіе ихъ было бы весьма естественно. Опредѣленіе назначенія портфелевидныхъ пластинокъ, до находки ихъ при цѣлыхъ костякахъ, должно оставаться вопросомъ открытымъ. По отношенію къ нимъ слѣдуетъ замѣтить лишь то, что всѣ четыре пластинки найдены попарно, — при двухъ погребеніяхъ, и сгибы всѣхъ четырехъ имѣютъ трубчатую форму. Послѣднее обстоятельство указываетъ на то, что черезъ каждую пластинку было продернуто по два шнурка, посредствомъ которыхъ она должна была, для замаскированія обратной, небрежно обработанной ея стороны, быть плотно прикрѣпляема къ матеріи. Съ полною довѣрностію опредѣляется назначеніе тѣхъ предметовъ, которые положены были, помимо костра, непосредственно въ курганъ, а также и тѣхъ, которые, вслѣдствіе сравнительной своей огнеупорности, и въ огнѣ не утерали окончательно своей первоначальной формы; это, въ противоположность орнаментнымъ, самостоятельные предметы личнаго наряда. Сюда относятся шейныя украшения и на-

²⁶⁾ См. ниже.

ручныя — браслеты и кольца. Въ числѣ шейныхъ украшеній должны быть различаемы пластинчатая гривны, обручи и бусы. Такъ какъ подробное описаніе этихъ предметовъ дано уже выше, то здѣсь, не повторяя его, достаточно ограничиться лишь нѣкоторыми дополнительными замѣчаніями. Всѣ пластинчатая гривны отличаются незначительными размѣрами ихъ діаметровъ и слабою орнаментировкою пластинъ. Болѣе парядна изъ нихъ гривна съ подвѣсками, но и та въ сравненіи, напримѣръ, съ однородною съ нею и болѣе другихъ сходною гривною изъ богинскихъ кургановъ²⁷⁾ не такъ изящна въ деталяхъ и съ слабѣе выполненнаго обработкою. Довольно характерную особенность этой гривны: составляетъ то, что пластины ея совершенно одинаково обработаны съ обѣихъ сторонъ и подвѣски сгруппированы такимъ образомъ, что она могла одинаково употребляться на обѣ стороны. Изъ трехъ шейныхъ обручей два изготовлены изъ круглой обвитой спиралью проволоки, оканчивающейся на одномъ концѣ петлевиднымъ, а на другомъ, перстневиднымъ изгибами, а третій свить изъ трехъ круглыхъ проволокъ, оканчивающихся коническими пуговками. Находя для себя полную аналогію среди однородныхъ предметовъ изъ сосѣднихъ латышскихъ и прибалтійско-финскихъ кургановъ, обручи эти, какъ и сейчасъ упомянутыя гривны, отличаются отъ нихъ и меньшими размѣрами и меньшею массивностію, и слабымъ развитіемъ орнамента, и сравнительною грубостію самаго его (орнамента) выполненія. При наличности всѣхъ этихъ отрицательныхъ качествъ, наши обручи, повидимому, ближе стоятъ къ однороднымъ восточно-финскимъ предметамъ позднѣйшаго времени²⁸⁾ хотя эта близость не должна быть истолковываема въ смыслѣ взаимнаго заимствованія, а по всей вѣроятности есть результатъ отношенія меньшихъ обручей къ большимъ, какъ копій къ одному общему оригиналу. Бусы въ курганахъ представлены пятью раковинами и четырьмя глиняными цилиндриками, орнаментированными съ внѣшней стороны начерченными спиралями. Относительно цилиндриковъ, впрочемъ, нельзя настаивать на опредѣленіи ихъ въ смыслѣ бусъ: можетъ быть это и пряслицы, хотя они отличаются необычными для послѣднихъ формою и орнаментомъ. Всѣхъ браслетъ, считая и вырытый ранѣе г. Довгялло, найдено въ лын-тупскихъ курганахъ восемнадцать; изъ нихъ одинъ — спиральной формы, одинъ широкій — острожелобчатый, два — изъ почти плоскихъ, расширяющихся по направлению къ оконечностямъ, пластинокъ, четыре изъ четырехъгранныхъ, также расширяющихся, стержней и остальные — изъ такихъ же стержней, но съ слабовыпуклою внѣшнею стороною. За исключеніемъ острожелобчатаго, всѣ браслеты отличаются стереотипностію формы и слабымъ развитіемъ или даже полнымъ отсутствіемъ орнамента; и о нихъ слѣдуетъ то же сказать, что и о шейныхъ обручахъ. Такимъ же стереотипнымъ характеромъ и безыскусственностію работы отличаются всѣ найденные въ курганахъ одинадцать перстней: всѣ они спиральной формы и приготовлены изъ тонкой трехгранной проволоки, переходящей въ срединномъ оборотѣ нѣкоторыхъ экземпляровъ въ лентовидную пластинку. Однимъ словомъ, всѣ бронзовые предметы производятъ такого рода впечатлѣніе, что мастеръ ихъ, при знакомствѣ съ однород-

²⁷⁾ Труды IX археологическаго съѣзда, Т. I, стр. 214.

²⁸⁾ Ср. напр. Лядинскій и Томниковскій могильники.

ными предметами у сѣверо-западныхъ сосѣдей и очевидно подражаніи имъ, обнаруживаетъ или небрежность, или слабое умѣнье справиться съ металломъ: онъ избѣгаетъ массивности въ вещахъ и весьма скупъ на рѣзной орнаментъ: первую онъ имитируетъ, повидимому, сложенною вдвое листовою бронзою, а рѣзецъ у него замѣняется пунзеломъ (штампа). Изъ предметовъ военного оружія въ курганахъ попадаются исключительно желѣзные топоры и пики, изъ которыхъ двѣ пары найдены при послѣднихъ нашихъ раскопкахъ и столько же ранѣе. Всѣ топоры обыкновеннаго узкоклинковаго типа, который наблюдается почти на всемъ пространствѣ Россіи, а въ районѣ современной Литвы онъ настолько является преобладающимъ, что ему вполне можетъ быть усвоено наименованіе литовскаго. Пики, за исключеніемъ одной, изъ кургана № 5²⁹⁾ отличаются безыскусственностію работы. У всѣхъ ихъ втулка конической формы. Всѣ топоры и пики, какъ видно изъ приведеннаго выше ихъ описанія, принадлежатъ, по своимъ размѣрамъ, къ разряду среднихъ. Въ заключеніе общаго перечня предметовъ слѣдуетъ упомянуть о парѣ тонкихъ желѣзныхъ шильевъ и о пяти такихъ же ножикахъ. Не повторяя описанія ножей, слѣдуетъ отмѣтить фактъ полнаго ихъ сродства съ поясными ножами, которые до послѣдняго времени были во всеобщемъ употребленіи у латышей и въ ихъ нарѣчій извѣстны подъ именемъ „тутенгъ“. Ножи эти обыкновенно привѣшивались въ футлярчикахъ къ задней части пояса. Между прочимъ, при одномъ изъ найденныхъ нами ножей, повидимому, въ курганъ попавшемъ случайно, найдена и оконечность футляра, — обвитый тонкою проволокою кусокъ кожи.

Въ виду намѣченной общей цѣли нашей экскурсіи, прослѣдить границу двухъ погребальныхъ типовъ, обнаруженныхъ нами въ прошломъ году³⁰⁾, необходимо указать въ какомъ отношеніи лынтупскіе курганы находятся къ курганамъ того же погребальнаго типа, находящимся на СВ отсюда, въ им. Богинѣ, Опсѣ и Бельмонтѣ³¹⁾. Для этого необходимо сопоставить эти курганы, во-первыхъ, со стороны самаго обряда погребенія, во-вторыхъ, со стороны формы и строенія кургановъ, и въ-третьихъ, въ отношеніи найденныхъ въ курганахъ вещей. I. При одинаковомъ для тѣхъ и другихъ кургановъ сожженіи трупа внѣ кургана и помѣщеніи праха въ разныхъ мѣстахъ курганной насыпи, плятеровскіе и лынтупскіе курганы различаются тѣмъ, что, тогда какъ въ первыхъ при большинствѣ погребальныхъ ятенъ оказываются глиняные сосуды (иногда въ очевидномъ значеніи погребальныхъ урнъ), въ послѣднихъ ни при одномъ погребеніи такихъ сосудовъ не обнаружено; хотя, съ другой стороны, въ виду двукратной находки лѣпныхъ черепковъ въ лынтупскихъ курганахъ, и для нихъ не можетъ быть вполне отвергнуто употребленіе лѣпныхъ сосудовъ при заупокойныхъ обрядахъ. II. Доминирующая форма плятеровскихъ кургановъ, если и не въ количественномъ отношеніи, то по крайней мѣрѣ со стороны характерности группъ, —

²⁹⁾ См. тамъ ея описаніе.

³⁰⁾ Труды IX Археологическаго Съѣзда, т. I, стр. 166.

³¹⁾ Для краткости мы будемъ называть послѣдніе курганы плятеровскими, потому что всѣ три упомянутыя имѣнія принадлежатъ гр. Плятеру, и довольно обширный районъ, занимаемый этими имѣніями, у окрестныхъ жителей извѣстенъ подъ именемъ Плятеровщины.

Во всѣхъ предыдущихъ курганахъ, №№ 3—6, наблюдался на грунтѣ весьма слабый слой темной земли (дернъ). Находокъ не было.

Курганъ № 7.

Окружность 43 шага; поперечникъ 12 аршинъ 4 вершка; высота 1 аршинъ 14 вершковъ.

Вокругъ кургана мало замѣтный ровъ съ четырьмя правильно ориентированными по странамъ свѣта, перерывами. Подъ насыпью, по грунту, слой темной земли съ угольными вкрапинами, которыхъ больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, наблюдается около периферій. Въ самомъ центрѣ кургана, на грунтѣ, были компактно уложены: пять бронзовыхъ бубенчиковъ, желѣзные удила, стремяна, кнутовище и серпъ. Всѣ бубенчики одинаковой, приблизительно, величины, именно около 35 мм. по діаметру. Различаются они отчасти формою и орнаментомъ. Четыре бубенчика (табл. X рис. 16) имѣютъ форму цвѣточныхъ бутоновъ, а пятый — правильной шаровидной формы. Лепестки первыхъ четырехъ бубенчиковъ имѣютъ желобчатый орнаментъ, съ тѣмъ впрочемъ различіемъ, что на двухъ изъ нихъ желобки очень широкіе, на двухъ же остальныхъ они лишь нѣсколько шире раздѣляющихъ ихъ рубчиковъ. У пятого — лепестки гладкіе: орнаментъ здѣсь, состоящій изъ рубчика и сопровождающихъ его желобковъ, идетъ по окружности, отдѣляющей лепестки отъ чашечки. Во всѣхъ бубенчикахъ сохраняются позвонки-шарики, а въ ушкахъ трехъ бубенчиковъ — обломки бронзовыхъ колечекъ. Совершенно такой же величины и формы бубенчики найдены были нами въ 1893 году въ одномъ изъ кургановъ близъ Вильны⁴¹⁾ и такіе же бубенчики доставлены были въ 1894 году въ Императорскую Археологическую Коммиссію изъ кургановъ Трокскаго уѣзда. Всѣ подобнаго рода бубенчики составляли, безспорно, украшеніе конской сбруи, по всей вѣроятности, узды, и должны быть отличаемы отъ однородныхъ съ ними предметовъ личного наряда, такъ часто встрѣчающихся въ курганахъ на всемъ пространствѣ Россіи. Удила (табл. X рис. 15) обращаютъ на себя вниманіе со стороны усиковъ мундштука. Характерную часть усиковъ составляетъ зубчатка изъ желѣзной пластинки, длиною въ 104 мм., толщиною около 1 мм. и шириною отъ 12 (при концахъ) до 18 (около середины) миллиметровъ. Зубцы, за исключеніемъ болѣе широкихъ и удлиненныхъ крайнихъ, имѣютъ квадратную форму; величина ихъ около 6×6 кв. милл. Такой же величины и формы и вырѣзки между зубцами, за исключеніемъ средняго, имѣющаго форму полукруга съ діаметромъ въ 30 мм. Удлиненными крайними зубцами зубчатка вкрѣплена въ пробойны четырехграннаго, съ закругленными углами, стержня, длиною въ 140 мм. (+ коническія пишечки на концахъ) и толщиною около 5×8 милл. Тыля зубчатки, около середины, переходятъ въ четырехугольное ушко, величиною въ 30×22 кв. милл., съ такимъ же въ немъ прорѣзомъ, величиною въ 16×11 кв. миллиметровъ. Съ лицевой стороны стержень орнаментированъ мелкою нарѣзною сѣткою, производящею впечатлѣніе крапа, а на лицевой сторонѣ зубчатки — нарѣз-

⁴¹⁾ Труды IX археологическаго съѣзда, томъ I, стр. 215.

ные, идущіе по направленію зубцовъ, желобки различной ширины. На одномъ изъ усиковъ до сихъ поръ отчетливо наблюдаются слѣды починки, именно: при употребленіи еще удиль одинъ изъ крайнихъ зубцовъ, очевидно, сломался, вслѣдствіе чего зубчатка, на одномъ концѣ, должна была отойти отъ стержня: чтобы предупредить это, конецъ зубчатки былъ прихваченъ къ стержню обоймицей, въ формѣ желѣзной ленточки, шириною въ 8 мм.; такая же другая обоймица наблюдается около середины (близъ ушка) зубчатки. Описанныя удила, во всей своей совокупности, представляютъ пока предметъ вполне оригинальный, и лишь отчасти его напоминаютъ однородные предметы изъ могилъ мордовскихъ и мерянскихъ⁴⁵⁾. Стремена обыкновенной стереотипной формы, съ закругленными боками. Подножка имѣетъ видъ овальной пластины съ загнутыми наружу краями, и съ продольнымъ бугоркомъ по срединѣ, на той же наружной сторонѣ. Ушки у стремянъ глухіе, что представляетъ, не характерное, впрочемъ, отличіе этихъ стремянъ отъ другихъ однородныхъ предметовъ. Кнутовище (табл. X рис. 17) состоитъ изъ желѣзнаго, наполовину круглаго и наполовину — восьмиграннаго, стержня, длиною въ 260 мм., съ нѣкоторымъ утолщеніемъ близъ середины, гдѣ окружность его равняется 57 мм. Одинъ конецъ оканчивается раструбомъ, шириною, по его діаметру, въ 28 мм., и другой переходитъ въ плоскій кружокъ, толщиною около 4 мм. и въ 30 мм., по діаметру. Черезъ центральный круглый пробой кружка проходитъ, съ легкимъ треніемъ, кольцо, толщиною въ 6 мм. и съ внутреннимъ діаметромъ въ 33 мм. Къ кольцу свободно подвѣшено гнѣздо для ремня, веревки и т. п., имѣющее форму четырехугольныхъ щипчиковъ, величиною въ 90 × 20 кв. миллим. Обѣ половины щипцовъ удерживаются въ постоянно параллельныхъ плоскостяхъ посредствомъ трехъ толстыхъ, укрѣпленныхъ между пластинками, гвоздей, при помощи которыхъ, очевидно, вкрѣплялся въ гнѣздо и самый бичъ. По обѣимъ сторонамъ гнѣзда, — на томъ же кольцѣ, — по три лировидныхъ подвѣски — очевидно, побрякушки. Весь орнаментъ кнутовища состоитъ изъ семи нарѣзныхъ линий, изъ которыхъ четыре опоясываютъ стержень по его срединѣ, а три на концѣ, близъ кружка. Ранѣе помѣщенія въ курганъ, кнутовище, какъ и всѣ остальные предметы, находились подъ дѣйствіемъ столь сильнаго огня, что теперь свободно двигаться по кольцу можетъ только гнѣздо, остальные же части приварились однѣ къ другимъ. Въ Виленскомъ музеѣ древностей подъ № 424, отд. Г.⁴⁶⁾ значатся: „желѣзная палочка, длиною въ 5 вершковъ, съ продѣтымъ въ нее кольцомъ, на которомъ находится шесть желѣзныхъ привѣсокъ. Предметъ неизвѣстнаго назначенія; онъ очень похожъ на тѣ амулеты и привѣски, которыхъ такъ много открыто въ курганахъ прибалтійскихъ губерній (см. Vähr, Die Gräber der Liven)“. При сравненіи съ нашимъ, этотъ предметъ обнаруживаетъ черты замѣчательнаго сходства и т. о. до нѣкоторой степени свидѣтельствуетъ объ обычности употребленія въ нашихъ мѣстахъ желѣзныхъ кнутовищъ. Къ сожалѣнію, точное мѣсто находки музейнаго кнутовища не извѣстно. Это же назначеніе, повидимому, должно быть придано и сходному, отчасти, съ описанными предмету изъ мерянскихъ древностей, рисунокъ кото-

⁴⁵⁾ Aspelin, Antiquités du Nord Finno-Ougrien, №№ 858, 856, 956.

⁴⁶⁾ Каталогъ музея, 1885 г. Отд. Г, № 424.

раго представленъ подъ № 957 въ „Antiquités du Nord Finno-Ougrien“ Аспелина. Серпъ, по своей формѣ, и отчасти по размѣрамъ, приближается къ найденному въ курганѣ № 2. Его длина, — по тылью, — 360 мм., а по направленію тетивы — 225 мм., средняя ширина около 30 мм. Зубцы, наблюдающіеся на большей части лезвія, до сихъ поръ отчетливо различаются. Втульный стержень длиною въ 125 мм., изогнуть, очевидно, съ цѣлю болѣе компактной укладки вещей въ курганѣ.

Курганъ № 8.

Окружность 53 шага; поперечникъ 17 арш.; высота 2 арш. 4 в.

Ровъ замѣтенъ только съ западной стороны, со всходами на СЗ и ЮЗ. Съ восточной стороны ровъ уничтоженъ, очевидно, вслѣдствіе распашки здѣсь поля.

Подо всей курганной насыпью, по грунту, — слой темной земли. Въ центрѣ юго-восточной части кургана, на грунтѣ, — кучка жженныхъ костей и, вмѣстѣ съ ними, желѣзный серпъ и обломки бронзы. Серпъ, сравнительно съ предыдущими, нѣсколько болѣе въ длину и меньше въ ширину: размѣры его: по тылью 390 мм., по направленію тетивы 230 мм., средняя ширина около 20 мм. Въ ближайшей къ черенку четверти лезвіе — безъ зубцовъ и совершенно тупое, такъ что здѣсь серпъ въ поперечномъ разрѣзѣ имѣетъ фигуру правильнаго четырехугольника. Втульный стержень, длиною около 100 мм., съ цѣлю наибольшаго укрѣпленія въ черенкѣ, на концѣ загнуть. Бронзовые обломки представляютъ собою остатки орнаментной пластинки какого-нибудь, по всей вѣроятности, деревяннаго предмета. Вслѣдствіе сильной поврежденности бронзы огнемъ, форма пластинки остается невыясненною, равно какъ и орнаментъ, состоящій въ общемъ изъ нарѣзныхъ очень тонкихъ и глубокихъ линий, не можетъ быть воспроизведенъ со всею подробностію. Въ двухъ обломкахъ до сихъ поръ наблюдается по бронзовому гвоздику съ круглыми гайками на ихъ свободныхъ концахъ. Длина гвоздиковъ (или, что почти то же, разстояние между пластинкою и гайками), равняющаяся 13 мм., съ полною точностію опредѣляетъ толщину предмета, на которой была набита пластинка.

Курганъ № 9.

Окружность 31 шагъ; поперечникъ 10 аршинъ; высота 8 вершковъ.

Кругомъ кургана едва замѣтные слѣды рва.

Въ юго-восточной части кургана, на грунтѣ, мелкія жженыя кости и поверхъ ихъ — задняя часть лошадинаго позвоночника, судя по направленію котораго, лошадь положена была въ направленіи съ С (голова) на Ю. Около позвоночника найдена подвергшаяся сильному окисленію желѣзная пряжка. Приготовлена она изъ круглаго стержня, толщиною около 4 мм., и имѣетъ форму четырехугольника, съ закругленными углами и вогнутыми сторонами; приблизительная величина 4-угольника 40 × 50 кв. миллим. Шпенекъ прикрѣпленъ къ кратчайшей сторонѣ. Вслѣдствіе своей обычности предметъ не нуждается въ аналогіяхъ, тѣмъ не менѣе не излишне упомянуть особенно частые случаи находокъ подобныхъ пряжекъ въ курганахъ Трокскаго уѣзда)⁴⁷.

⁴⁷) См. коллекціи Виленскаго музея.

В. Антесорскіе курганы.

Ближайшее къ курганамъ поселеніе — это деревня Ловки, Свенцянской волости. Приблизительное мѣстоположеніе деревни — $43^{\circ}43'$ в. д. и $55^{\circ}3'$ с. ш. Курганы расположены въ разстояніи 300—400 саж. на В отъ деревни; начинаются они на деревенскомъ полѣ, которое съ С и З ограничивается живою рѣчкою, и, направляясь отсюда на ЮВ, оканчиваются въ Антесорской лѣсной дачѣ. Виленско-свенцянскимъ трактомъ курганы дѣлятся на двѣ неравныхъ группы, отстоящихъ теперь одна отъ другой на 100—200 саж. и различающихся отчасти по внѣшнему виду кургановъ. Ближайшая къ деревнѣ группа состоитъ изъ 15 кургановъ, разбросанныхъ по полю на значительномъ одинъ отъ другого разстояніи. Въ этой группѣ выдѣляется среди другихъ одинъ курганъ, обращающій на себя вниманіе своими громадными размѣрами и не вполне обычною формою. Курганъ этотъ имѣетъ правильную цилиндрическую форму, высотой не болѣе аршина и въ 90 шаговъ по діаметру основанія, и весь сложенъ, повидимому, изъ большихъ камней, съ слабою лишь пересыпкою ихъ землею. При первомъ взглядѣ на курганъ невольно является мысль объ его аналогіи съ такъ называемыми каменными могильниками, которыми такъ богато гродненское Прибужье, и изъ которыхъ нѣкоторые, на дальнемъ разстояніи, производятъ впечатлѣнія обширныхъ каменныхъ кучъ; но въ виду отсутствія группировки камней въ отдѣльныя могилы и вслѣдствіе правильности общей формы кургана, вопросъ объ аналогіи упомянутаго кургана съ каменными могильниками долженъ пока оставаться открытымъ. Изъ остальныхъ кургановъ лучше другихъ уцѣлѣвшіе (не распахиваемые) имѣютъ форму довольно высокихъ сферическихъ сегментовъ, и края ихъ обложены камнями. Во второй группѣ, расположенной по восточной сторонѣ виленско-свенцянскаго тракта, въ Антесорскомъ лѣсу, насчитывается 36 кургановъ. Сравнительно съ курганами первой группы эти отличаются меньшими размѣрами и меньшими между ними интервалами; но и въ этой группѣ, какъ и въ той, все курганы имѣютъ сферическую форму и нѣкоторые такъ же, какъ и тамъ, по краямъ обложены камнями. У крестьянъ сосѣдней деревни Ловковъ курганы считаются остатками какой-то стародавней войны. Въ обѣихъ группахъ раскопано было нами 7 кургановъ: два въ первой и пять во второй.

Курганъ № 1.

Окружность 60 шаговъ; поперечникъ 23 аршина 8 вершковъ; высота 2 аршина 2 вершка.

Рвовъ кругомъ кургана незамѣтно: очевидно они уничтожены при распашкѣ непосредственно прилегающаго къ подошвѣ кургана поля. При внѣшнемъ осмотрѣ кургана можно было констатировать фактъ обкладки боковъ кургана камнями, при раскопкѣ же его оказалось, что видимые снаружи камни составляютъ лишь одну изъ сторонъ цѣлой кольцеобразной, опоясывающей курганы, ограды, построенной изъ большихъ булыжниковъ. При разборкѣ нѣкоторыхъ частей этой ограды, въ этомъ мѣстѣ, именно около юго-западной периферіи, подъ нею найдена часть кабаньей головы. При дальнѣйшей раскопкѣ кургана, въ срединѣ его обнаружена была конической формы гряда боль-

шихъ камней, которая своею вершиною лишь немного не достигала до поверхности кургана. При разборкѣ ея оказалось, что камни углублялись далеко въ грунтъ, наполняя собою цилиндрической формы яму, глубиною отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 аршинъ и отъ 3—4 арш. въ поперечникѣ. При извлеченіи камней изъ ямы, изъ которыхъ многіе, по опредѣленію рабочихъ, вѣсили не менѣе 10 пудовъ, являлись основанія предполагать нѣкоторую правильность въ укладкѣ камней, именно: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крайніе камни производили иллюзію стѣны, непосредственно прилегавшей къ бокамъ ямы. Впрочемъ, частичная правильность эта могла образоваться и сама собою, при беспорядочномъ заполненіи ямы, имѣющей правильный объемъ. Среди камней, лежавшихъ въ основаніи, на днѣ ямы, обнаруженъ былъ скелетъ лошади, головою на З. Обращаетъ на себя вниманіе положеніе нѣкоторыхъ частей лошадиного скелета, именно: берцовыя кости торчали въ вертикальномъ направленіи, ребра расположены были по обѣимъ сторонамъ позвоночника, черепъ, находившійся въ одной горизонтальной плоскости съ позвоночникомъ, обращенъ былъ лобною частью вверхъ, и, кромѣ того, на лобной кости оказалась трещина (не по шву), по которой кость и распалась при первомъ къ ней прикосновеніи. Все это съ большою вѣроятностію показываетъ, что лошадь въ могильную яму помѣщена была живою и убита была здѣсь при заполненіи ямы камнями. Около лошадиныхъ костей, близъ центра ямы (лошадь лежала на Ю отъ центра), найдено было въ беспорядкѣ нѣсколько частей человѣческаго скелета, именно: нижняя челюсть, часть берцовой, или, можетъ-быть, бедренной кости, часть, повидимому, локтевой кости и окрашенная въ зеленый (разложившаяся бронза) цвѣтъ пальцевая косточка. Локтевая кость лежала въ направленіи съ СВ на ЮЗ, бедренная, приблизительно, — съ В на З, а пальцевая кость валялась около конского позвоночника; челюсть, по отношенію къ другимъ костямъ, помѣщалась на СЗ. При всѣхъ тщательныхъ поискахъ никакихъ вещей въ курганѣ не оказалось.

Курганъ № 2.

Окружность 33 шага; поперечникъ 14 арш.; высота 1 арш.

Рвовъ вокругъ кургана незамѣтно: очевидно, они уничтожены при распашкахъ поля, которое заходитъ отчасти на самый курганъ. По бокамъ курганъ обложенъ камнями, а съ западной стороны значительное количество камней наблюдается и въ самой насыпи. Въ срединѣ кургана, на грунтѣ, обнаружены значительные остатки костяка, по положенію главнѣйшихъ частей котораго можно предполагать, что умершій лежалъ на лѣвомъ боку, съ поджатыми ногами, при чемъ голова его, лицомъ вверхъ, обращена была на З.

Курганъ № 3.

Окружность 33 шага; поперечникъ 11 аршинъ; высота 1 аршинъ 4 вершка.

Слѣды рва замѣтны съ западной, восточной и, отчасти, съ сѣверной сторонъ.

При съемкѣ всей насыпи и вырытіи ямы до глубины 2 аршинъ въ грунтѣ ничего не найдено, кромѣ бронзоваго плоско-овальнаго стержня (табл. XII рис. 33) длиною въ 85 мм. и шириною въ 4 мм. По характерному изгибу стержня, желѣзной ржавчинѣ на одномъ его концѣ и желобчатому углубленію на другомъ, стержень этотъ

безошибочно опредѣляется, какъ часть колчанной фибулы, которая такъ часто встрѣчаются въ могилахъ прибалтійской Европы⁴⁸⁾ и изъ которыхъ болѣе другихъ приближаются къ нашему предмету, если только возможна, въ виду его простоты и стереотипности, аналогія, фибула изъ Капсетена⁴⁹⁾ и такія же, простѣйшей формы, изъ древнѣйшаго желѣзнаго періода въ прибалтійскихъ провинціяхъ⁵⁰⁾.

К у р г а н ъ № 4.

Окружность 30 шаговъ; поперечникъ 11 аршинъ; высота около $\frac{1}{2}$ аршина. Слѣдовъ рва не замѣтно.

На глубинѣ двухъ аршинъ отъ поверхности грунта оказался костякъ, обращенный головою на З, лицомъ вверхъ и съ вытянутыми по направленію корпуса оконечностями, при чемъ кисти рукъ сближены между собою. Длина костяка 2 арш. 6 вершк. Размѣръ черепа $19\frac{1}{2} \times 14\frac{3}{4}$ стм. Около черепа — кучка углей, а близъ праваго локтя — изогнутый въ формѣ удильнаго крючка желѣзный наконечникъ пики (т.-е. колющее оружіе) съ обратными зубцами и съ коническою втулкою. Предметъ этотъ изготовленъ изъ круглаго стержня, толщиною въ 8 мм. и длиною 370 мм., при чемъ утолщеніе въ сторону втулки настолько незначительно, что діаметръ втульнаго отверстія равняется всего 22 мм. Зубцы отличаются значительными размѣрами и коттевидною формою. Эта послѣдняя особенность, а отчасти и общая форма предмета отличаютъ его отъ однородныхъ съ нимъ предметовъ⁵¹⁾, опредѣляемыхъ въ смыслѣ наконечниковъ то пикъ, то стрѣлъ, то дротиковъ, и сближаютъ его съ острогами⁵²⁾.

К у р г а н ъ № 5.

Окружность 39 шаговъ; поперечникъ 12 арш. 11 вершк.; высота 1 аршинъ. Рвовъ не замѣтно; по краямъ курганъ обложенъ камнями.

При снятіи курганной насыпи обнаружены были, почти на самомъ грунтѣ, остатки, по крайней мѣрѣ, трехъ человѣческихъ костяковъ. Болѣе остатковъ сохранилось отъ центральнаго костяка, черепъ котораго находился въ незначительномъ разстояніи отъ центра кургана на ЮЗ и былъ обращенъ лицомъ вверхъ; уцѣлѣвшіе остатки оконечностей опредѣляли общее положеніе костяка съ З (голова) на В. Около того мѣста, гдѣ должна была приходиться шея, найдены были два обломка спиралей (въ 7 и 4 оборота) изъ тонкой полуовальной бронзовой проволоки, съ діаметромъ спиральнаго оборота въ 5 мм. Надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ должны помѣщаться тазовыя кости, найденъ былъ разломанный серповидный желѣзный ножъ, однородный съ такимъ же ножомъ изъ межанскихъ кургановъ⁵³⁾. Другой костякъ помѣщался рядомъ почти съ первымъ и лежалъ, судя по остаткамъ, въ направленіи, съ нимъ параллельномъ. Обломки черепа этого костяка почти касались, съ юго-восточной стороны, черепа перваго. Близъ

⁴⁸⁾ Перечень находокъ см. О. Покровскій, Виленскій музей древностей, табл. IV, 1—7.

⁴⁹⁾ Hartmann, Das Vaterländische Museum, A. XIII, 124.

⁵⁰⁾ Aspelin, Antiquités du Nord Finno-Ougrien, стр. 329 и слѣд.

⁵¹⁾ О. Покровскій, Виленскій музей древностей, табл. XIV, 8, 9.

⁵²⁾ Матеріалы по археологіи Россіи, № 10, табл. 10.

⁵³⁾ См. ниже, — Антесорскій ножъ, при перенравкѣ вещей въ Вильну, исчезъ.

мѣста, совпадающаго съ оконечностями ногъ, — желѣзный топоръ типа, однороднаго съ топоромъ изъ слѣдующаго кургана⁵⁴). Остатки третьяго костяка помѣщались въ сѣверо-восточной четверти кургана; здѣсь обнаруженъ былъ черепъ, лежавшій на лѣвомъ боку, съ лицомъ обращеннымъ на ЮЗ; на З отъ него лежали локтевыя кости, а въ нѣкоторомъ разстояніи на В — пятно чернаго перегноя, повидимому, матеріи. Кромѣ того, на пространствѣ между первымъ и третьимъ черепомъ показались отдѣльныя обломки костей, составлявшіе, можетъ-быть, части перечисленныхъ костяковъ, а можетъ-быть и остатки четвертаго. Въ серединѣ кургана грунтъ состоитъ изъ земли темнаго цвѣта съ угольными вкрапинами.

Курганъ № 6.

Окружность 27 шаговъ; поперечникъ 9 арш. 9 вершк.; высота 1 аршинъ.

Съ С и ЮЗ замѣтны остатки рва. По бокамъ курганъ плотно обложенъ камнями. Въ сѣверо-западной части курганной насыпи, на высотѣ 5—6 вершковъ надъ грунтомъ, небольшое пятно темной земли съ примѣсью краснаго глея. При углубленіи раскопки въ грунтъ, на глубинѣ полу-аршина, на С отъ середины кургана, найденъ былъ обращенный вверхъ остриемъ желѣзный топоръ узкоклинковаго, однороднаго съ межанскими, типа⁵⁵). Длина топора 200 мм., длина лезвья по прямому направленію 55 мм. При насадкѣ на прямое топориче клинокъ образуетъ съ нимъ уголъ въ 70°. На глубинѣ одного аршина, подъ сѣверо-западной частью кургана, обнаруженъ лежавшій на лѣвомъ боку и съ поджатыми ногами костякъ, обращенный лицомъ на СЗ. Бедряныя кости въ моментъ раскопки оказались почти въ вертикальномъ направленіи, каковое, впрочемъ, положеніе кости могли принять безъ всякаго намѣреннаго воздѣйствія на нихъ людей, погребавшихъ умершаго.

Курганъ № 7.

Окружность 47 шаговъ; поперечникъ 16 аршинъ; высота 1 арш. 4 вершка.

Слѣды рва замѣтны съ З и Ю. По бокамъ курганъ обложенъ камнями. На вершинѣ — углубленіе.

На глубинѣ одного аршина ниже грунга, въ нѣкоторомъ разстояніи на ЮЗ отъ вертикальной оси кургана, обнаруженъ былъ распавшійся на части человѣческой черепъ, обращенный лицомъ вверхъ и теменемъ на З. Никакихъ другихъ частей костяка не оказалось. Съ восточной стороны черепа, т.-е. въ томъ мѣстѣ, гдѣ должна была находиться шея, оказались: бронзовое кольцо, такія же спирали и бусы. Кольцо согнуто изъ тонкой ленты, шириною въ 19 мм., и имѣетъ въ настоящемъ своемъ состояніи діаметръ около 16 мм. Въ одномъ мѣстѣ, въ серединѣ образующей кольцо ленты, наблюдаются рядомъ два круглыхъ прокола. По своей общей формѣ и размерамъ кольцо напоминаетъ однородные съ нимъ звенья нашейныхъ цѣпей, какія,

⁵⁴) Этотъ топоръ также былъ утерянъ при перевозкѣ вещей.

⁵⁵) Описаніе этого типа топоровъ см. ниже, — межанскіе курганы.

напримѣръ, найдены были въ люцинскомъ⁵⁶⁾, людвиковскомъ⁵⁷⁾ и нѣкоторыхъ прибалтійскихъ⁵⁸⁾ могильникахъ, но присутствіе на немъ двухъ упомянутыхъ проколовъ, повидимому, опредѣляетъ его въ смыслѣ орнаментной накладки на какой-нибудь круглый стержень. Спирали (четыре, повидимому, цѣлыхъ и двѣ въ обломкахъ) приготовлены изъ тонкой полуовальной проволоки. Длина цѣльной спирали около 25 мм., діаметръ оборота едва достигаетъ 3 мм. Въ двухъ (табл. XII рис. 36) прекрасно сохранились части шнура, сплетеннаго изъ шести пеньковыхъ или льяныхъ нитокъ. Присутствіе этихъ шнурковъ и размѣры спиралей, и мѣстоположеніе спиралей въ курганѣ безошибочно опредѣляютъ ихъ названіе въ смыслѣ звеньевъ ожерелья. Звенья того же, по всей вѣроятности, ожерелья составляютъ и пять найденныхъ вмѣстѣ съ спиралью бусъ. Изъ бусъ три (ib. рис. 31, одна въ обломкахъ) имѣютъ форму неправильнаго многогранника и приготовлены изъ полупрозрачнаго стекла, малиново-розоваго цвѣта; длина ихъ около 10 мм., а приблизительная толщина 4 мм.; одна буса (ib. рис. 32), неправильной вообще формы не то шара, не то цилиндра, — приготовлена изъ едва прозрачнаго зеленого стекла; діаметръ ея около 5 мм.; пятая, наконецъ, буса (ib. рис. 30), — въ формѣ неправильнаго также цилиндра, сдѣлана, повидимому, изъ камня краснаго цвѣта; размѣры ея: высота 5 мм., основаніе около 7 × 8 мм. Всѣ пять бусъ отличаются небрежнымъ характеромъ работы и, какъ сейчасъ было замѣчено, неправильностію формы: въ виду этого аналогія ихъ съ другими однородными предметами, какъ допускающая широкой произволь, считается безцѣльною.

Г. Межанскіе курганы.

Мѣстоположеніе деревни Межанъ, Михайловской волости, Свенцянскаго уѣзда, опредѣляется приблизительно 43°44' в. д. и 55°5' с. ш. Курганы находятся въ разстояніи одной версты на ЮЗЗ отъ деревни, въ живописной мѣстности, представляющей гармоническое сочетаніе небольшихъ сферическихъ и овальныхъ холмовъ, разбросанныхъ по склонамъ къ начинающейся на СЗ отсюда лощинѣ. На одномъ изъ такихъ холмовъ, съ котораго, между прочимъ, открывается прекрасный видъ на находящееся въ разстояніи одной версты отсюда на СВ Богуцишское городище⁵⁹⁾ и расположена большая часть кургановъ.

Кургановъ насчитывается здѣсь около десятка, да кромѣ того 2—3 кургана есть на сосѣднемъ холмѣ и столько же распаханыхъ кургановъ на сосѣднемъ полѣ: такимъ образомъ, всѣхъ, болѣе или менѣе уцѣлѣвшихъ, кургановъ въ межанской группѣ теперь можно насчитать пятнадцать. Курганы, расположенные на центральномъ холмѣ, имѣютъ форму средней величины сферическихъ сегментовъ и находятся въ очень близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи; всѣ они по бокамъ обложены камнями.

⁵⁶⁾ Матеріалы по археологій Россіи, № 14, Табл. VIII, 15 и 16.

⁵⁷⁾ Idem, Табл. IV, 12.

⁵⁸⁾ Bähr, Die Gräber der Liven, Taf V, 6—7.

⁵⁹⁾ О немъ см. ниже.

Во всѣхъ предыдущихъ курганахъ, №№ 3—6, наблюдался на грунтѣ весьма слабый слой темной земли (дернъ). Находокъ не было.

Курганъ № 7.

Окружность 43 шага; поперечникъ 12 аршинъ 4 вершка; высота 1 аршинъ 14 вершковъ.

Вокругъ кургана мало замѣтный ровъ съ четырьмя правильно ориентированными по странамъ свѣта, перерывами. Подъ насыпью, по грунту, слой темной земли съ угольными вкрапинами, которыхъ больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, наблюдается около периферій. Въ самомъ центрѣ кургана, на грунтѣ, были компактно уложены: пять бронзовыхъ бубенчиковъ, желѣзные удила, стремяна, кнотовище и серпъ. Всѣ бубенчики одинаковой, приблизительно, величины, именно около 35 мм. по діаметру. Различаются они отчасти формою и орнаментомъ. Четыре бубенчика (табл. X рис. 16) имѣютъ форму цвѣточныхъ бутоновъ, а пятый — правильной шаровидной формы. Лепестки первыхъ четырехъ бубенчиковъ имѣютъ желобчатый орнаментъ, съ тѣмъ впрочемъ различіемъ, что на двухъ изъ нихъ желобки очень широкіе, на двухъ же остальныхъ они лишь нѣсколько шире раздѣляющихъ ихъ рубчиковъ. У пятого — лепестки гладкіе: орнаментъ здѣсь, состоящій изъ рубчика и сопровождающихъ его желобковъ, идетъ по окружности, отдѣляющей лепестки отъ чашечки. Во всѣхъ бубенчикахъ сохраняются позвонки-шарики, а въ ушкахъ трехъ бубенчиковъ — обломки бронзовыхъ колечекъ. Совершенно такой же величины и формы бубенчики найдены были нами въ 1893 году въ одномъ изъ кургановъ близъ Вильны⁴⁴⁾ и такіе же бубенчики доставлены были въ 1894 году въ Императорскую Археологическую Коммиссію изъ кургановъ Троковского уѣзда. Всѣ подобнаго рода бубенчики составляли, безспорно, украшеніе конской сбруи, по всей вѣроятности, узды, и должны быть отличаемы отъ однородныхъ съ ними предметовъ личнаго наряда, такъ часто встрѣчающихся въ курганахъ на всемъ пространствѣ Россіи. Удила (табл. X рис. 15) обращаютъ на себя вниманіе со стороны усиковъ мундштука. Характерную часть усиковъ составляетъ зубчатка изъ желѣзной пластинки, длиною въ 104 мм., толщиною около 1 мм. и шириною отъ 12 (при концахъ) до 18 (около середины) миллиметровъ. Зубцы, за исключеніемъ болѣе широкихъ и удлиненныхъ крайнихъ, имѣютъ квадратную форму; величина ихъ около 6×6 кв. миллим. Такой же величины и формы и вырѣзки между зубцами, за исключеніемъ средняго, имѣющаго форму полукруга съ діаметромъ въ 30 мм. Удлиненными крайними зубцами зубчатка вкрѣплена въ пробоины четырехграннаго, съ закругленными углами, стержня, длиною въ 140 мм. (+ коническія шишечки на концахъ) и толщиною около 5×8 миллим. Тыля зубчатки, около середины, переходятъ въ четырехугольное ушко, величиною въ 30×22 кв. милл., съ такимъ же въ немъ прорѣзомъ, величиною въ 16×11 кв. миллиметровъ. Съ лицевой стороны стержень орнаментированъ мелкою нарѣзною сѣткою, производящею впечатлѣніе крапа, а на лицевой сторонѣ зубчатки — нарѣз-

⁴⁴⁾ Труды IX археологическаго съѣзда, томъ I, стр. 215.

ные, идущіе по направленію зубцовъ, желобки различной ширины. На одномъ изъ усиковъ до сихъ поръ отчетливо наблюдаются слѣды починки, именно: при употребленіи еще удиль одинъ изъ крайнихъ зубцовъ, очевидно, сломался, вслѣдствіе чего зубчатка, на одномъ концѣ, должна была отойти отъ стержня: чтобы предупредить это, конецъ зубчатки былъ прихваченъ къ стержню обоймицей, въ формѣ желѣзной ленточки, шириною въ 8 мм.; такая же другая обоймица наблюдается около середины (близъ ушка) зубчатки. Описанныя удила, во всей своей совокупности, представляютъ пока предметъ вполне оригинальный, и лишь отчасти его напоминаютъ однородные предметы изъ могилъ мордовскихъ и мерянскихъ⁴⁵⁾. Стремена обыкновенной стереотипной формы, съ закругленными боками. Подножка имѣетъ видъ овальной пластины съ загнутыми наружу краями, и съ продольнымъ бугоркомъ по срединѣ, на той же наружной сторонѣ. Ушки у стремянъ глухіе, что представляетъ, не характерное, впрочемъ, отличіе этихъ стремянъ отъ другихъ однородныхъ предметовъ. Кнутовище (табл. X рис. 17) состоитъ изъ желѣзнаго, наполовину круглаго и наполовину — восьмиграннаго, стержня, длиною въ 260 мм., съ нѣкоторымъ утолщеніемъ близъ середины, гдѣ окружность его равняется 57 мм. Одинъ конецъ оканчивается раструбомъ, шириною, по его діаметру, въ 28 мм., и другой переходитъ въ плоскій кружокъ, толщиною около 4 мм. и въ 30 мм., по діаметру. Черезъ центральный круглый пробой кружка проходитъ, съ легкимъ треніемъ, кольцо, толщиною въ 6 мм. и съ внутреннимъ діаметромъ въ 33 мм. Къ кольцу свободно подвѣшено гнѣздо для ремня, веревки и т. п., имѣющее форму четырехугольныхъ щипчиковъ, величиною въ 90 × 20 кв. миллим. Обѣ половины щипцовъ удерживаются въ постоянно параллельныхъ плоскостяхъ посредствомъ трехъ толстыхъ, укрѣпленныхъ между пластинками, гвоздей, при помощи которыхъ, очевидно, вкрѣплялся въ гнѣздо и самый бичъ. По обѣимъ сторонамъ гнѣзда, — на томъ же кольцѣ, — по три лировидныхъ подвѣски — очевидно, побрякушки. Весь орнаментъ кнутовища состоитъ изъ семи наръзныхъ линий, изъ которыхъ четыре опоясываютъ стержень по его срединѣ, а три на концѣ, близъ кружка. Ранѣе помѣщенія въ курганъ, кнутовище, какъ и всѣ остальные предметы, находились подъ дѣйствіемъ столь сильнаго огня, что теперь свободно двигаться по кольцу можетъ только гнѣздо, остальные же части приварились однѣ къ другимъ. Въ Виленскомъ музеѣ древностей подъ № 424, отд. Г.⁴⁶⁾ значатся: „желѣзная палочка, длиною въ 5 вершковъ, съ продѣтымъ въ нее кольцомъ, на которомъ находится шесть желѣзныхъ привѣсокъ. Предметъ неизвѣстнаго назначенія; онъ очень похожъ на тѣ амулеты и привѣски, которыхъ такъ много открыто въ курганахъ прибалтійскихъ губерній (см. Bähr, Die Gräber der Liven)“. При сравненіи съ нашимъ, этотъ предметъ обнаруживаетъ черты замѣчательнаго сходства и т. о. до нѣкоторой степени свидѣтельствуетъ объ обычности употребленія въ нашихъ мѣстахъ желѣзныхъ кнутовищъ. Къ сожалѣнію, точное мѣсто находки музейнаго кнутовища не извѣстно. Это же назначеніе, повидимому, должно быть придано и сходному, отчасти, съ описанными предмету изъ мерянскихъ древностей, рисунокъ кото-

⁴⁵⁾ Aspelin, Antiquités du Nord Finno-Ougrien, №№ 858, 856, 956.

⁴⁶⁾ Каталогъ музея, 1885 г. Отд. Г, № 424.

раго представленъ подъ № 957 въ „Antiquités du Nord Finno-Ougrien“ Аспелина. Серпъ, по своей формѣ, и отчасти по размѣрамъ, приближается къ найденному въ курганѣ № 2. Его длина, — по тылью, — 360 мм., а по направленію тетивы — 225 мм., средняя ширина около 30 мм. Зубцы, наблюдающіеся на большей части лезвія, до сихъ поръ отчетливо различаются. Втульный стержень длиною въ 125 мм., изогнуть, очевидно, съ цѣлю болѣе компактной укладки вещей въ курганѣ.

Курганъ № 8.

Окружность 53 шага; поперечникъ 17 арш.; высота 2 арш. 4 в.

Ровъ замѣтенъ только съ западной стороны, со всходами на СЗ и ЮЗ. Съ восточной стороны ровъ уничтоженъ, очевидно, вслѣдствіе распашки здѣсь поля.

Подо всей курганной насыпью, по грунту, — слой темной земли. Въ центрѣ юго-восточной части кургана, на грунтѣ, — кучка жженныхъ костей и, вмѣстѣ съ ними, желѣзный серпъ и обломки бронзы. Серпъ, сравнительно съ предыдущими, нѣсколько болѣе въ длину и меньше въ ширину: размѣры его: по тылью 390 мм., по направленію тетивы 230 мм., средняя ширина около 20 мм. Въ ближайшей къ черенку четверти лезвіе — безъ зубцовъ и совершенно тупое, такъ что здѣсь серпъ въ поперечномъ разрѣзѣ имѣетъ фигуру правильнаго четырехугольника. Втульный стержень, длиною около 100 мм., съ цѣлю наибольшаго укрѣпленія въ черенкѣ, на концѣ загнуть. Бронзовые обломки представляютъ собою остатки орнаментной пластинки какого-нибудь, по всей вѣроятности, деревяннаго предмета. Вслѣдствіе сильной поврежденности бронзы огнемъ, форма пластинки остается невыясненною, равно какъ и орнаментъ, состоящій въ общемъ изъ нарѣзныхъ очень тонкихъ и глубокихъ линий, не можетъ быть воспроизведенъ со всею подробностію. Въ двухъ обломкахъ до сихъ поръ наблюдается по бронзовому гвоздику съ круглыми гайками на ихъ свободныхъ концахъ. Длина гвоздиковъ (или, что почти то же, разстояніе между пластинкою и гайками), равняющаяся 13 мм., съ полною точностію опредѣляетъ толщину предмета, на которой была набита пластинка.

Курганъ № 9.

Окружность 31 шагъ; поперечникъ 10 аршинъ; высота 8 вершковъ.

Кругомъ кургана едва замѣтные слѣды рва.

Въ юго-восточной части кургана, на грунтѣ, мелкія жженыя кости и поверхъ ихъ — задняя часть лошадинаго позвоночника, судя по направленію котораго, лошадь положена была въ направленіи съ С (голова) на Ю. Около позвоночника найдена подвергшаяся сильному окисленію желѣзная пряжка. Приготовлена она изъ круглаго стержня, толщиною около 4 мм., и имѣетъ форму четырехугольника, съ закругленными углами и вогнутыми сторонами; приблизительная величина 4-угольника 40 × 50 кв. миллим. Шпенекъ прикрѣпленъ къ кратчайшей сторонѣ. Вслѣдствіе своей обычности предметъ не нуждается въ аналогіяхъ, тѣмъ не менѣе не излишне упомянуть особенно частые случаи находокъ подобныхъ пряжекъ въ курганахъ Трокскаго уѣзда)⁴⁷.

⁴⁷) См. коллекціи Виленскаго музея.

В. Антесорскіе курганы.

Ближайшее къ курганамъ поселеніе — это деревня Ловки, Свенцянской волости. Приблизительное мѣстоположеніе деревни — $43^{\circ}43'$ в. д. и $55^{\circ}3'$ с. ш. Курганы расположены въ разстояніи 300—400 саж. на В отъ деревни; начинаются они на деревенскомъ полѣ, которое съ С и З ограничивается живою рѣчкою, и, направляясь отсюда на ЮВ, оканчиваются въ Антесорской лѣсной дачѣ. Виленско-свенцянскимъ трактомъ курганы дѣлятся на двѣ неравныхъ группы, отстоящихъ теперь одна отъ другой на 100—200 саж. и различающихся отчасти по внѣшнему виду кургановъ. Ближайшая къ деревнѣ группа состоитъ изъ 15 кургановъ, разбросанныхъ по полю на значительномъ одинъ отъ другого разстояніи. Въ этой группѣ выдѣляется среди другихъ одинъ курганъ, обращающій на себя вниманіе своими громадными размѣрами и не вполне обычною формою. Курганъ этотъ имѣетъ правильную цилиндрическую форму, высотой не болѣе аршина и въ 90 шаговъ по діаметру основанія, и весь сложенъ, повидимому, изъ большихъ камней, съ слабою лишь пересыпкою ихъ землею. При первомъ взглядѣ на курганъ невольно является мысль объ его аналогіи съ такъ называемыми каменными могильниками, которыми такъ богато гродненское Прибужье, и изъ которыхъ нѣкоторые, на дальнемъ разстояніи, производятъ впечатлѣнія обширныхъ каменныхъ кучъ; но въ виду отсутствія группировки камней въ отдѣльныя могилы и вслѣдствіе правильности общей формы кургана, вопросъ объ аналогіи упомянутаго кургана съ каменными могильниками долженъ пока оставаться открытымъ. Изъ остальныхъ кургановъ лучше другихъ уцѣлѣвшіе (не распахиваемые) имѣютъ форму довольно высокихъ сферическихъ сегментовъ, и края ихъ обложены камнями. Во второй группѣ, расположенной по восточной сторонѣ виленско-свенцянскаго тракта, въ Антесорскомъ лѣсу, насчитывается 36 кургановъ. Сравнительно съ курганами первой группы эти отличаются меньшими размѣрами и меньшими между ними интервалами; но и въ этой группѣ, какъ и въ той, все курганы имѣютъ сферическую форму и нѣкоторые такъ же, какъ и тамъ, по краямъ обложены камнями. У крестьянъ сосѣдней деревни Ловковъ курганы считаются остатками какой-то стародавней войны. Въ обѣихъ группахъ раскопано было нами 7 кургановъ: два въ первой и пять во второй.

К у р г а н ъ № 1.

Окружность 60 шаговъ; поперечникъ 23 аршина 8 вершковъ; высота 2 аршина 2 вершка.

Рвовъ кругомъ кургана незамѣтно: очевидно они уничтожены при распашкѣ непосредственно прилегающаго къ подошвѣ кургана поля. При внѣшнемъ осмотрѣ кургана можно было констатировать фактъ обкладки боковъ кургана камнями, при раскопкѣ же его оказалось, что видимые снаружи камни составляютъ лишь одну изъ сторонъ цѣлой кольцеобразной, опоясывающей курганы, ограды, построенной изъ большихъ булыжниковъ. При разборкѣ нѣкоторыхъ частей этой ограды, въ этомъ мѣстѣ, именно около юго-западной периферіи, подъ нею найдена часть кабаньей головы. При дальнѣйшей раскопкѣ кургана, въ срединѣ его обнаружена была конической формы гряда боль-

шихъ камней, которая своею вершиною лишь немного не достигала до поверхности кургана. При разборкѣ ея оказалось, что камни углублялись далеко въ грунтъ, наполняя собою цилиндрической формы яму, глубиною отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 аршинъ и отъ 3—4 арш. въ поперечникѣ. При извлеченіи камней изъ ямы, изъ которыхъ многіе, по опредѣленію рабочихъ, вѣсили не менѣе 10 пудовъ, являлись основанія предполагать нѣкоторую правильность въ укладкѣ камней, именно: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крайніе камни производили иллюзію стѣны, непосредственно прилегавшей къ бокамъ ямы. Впрочемъ, частичная правильность эта могла образоваться и сама собою, при безпорядочномъ заполненіи ямы, имѣющей правильный объемъ. Среди камней, лежавшихъ въ основаніи, на днѣ ямы, обнаруженъ былъ скелетъ лошади, головою на З. Обращаетъ на себя вниманіе положеніе нѣкоторыхъ частей лошадиного скелета, именно: берцовыя кости торчали въ вертикальномъ направленіи, ребра расположены были по обѣимъ сторонамъ позвоночника, черепъ, находившійся въ одной горизонтальной плоскости съ позвоночникомъ, обращенъ былъ лобною частью вверхъ, и, кромѣ того, на лобной кости оказалась трещина (не по шву), по которой кость и распалась при первомъ къ ней прикосновеніи. Все это съ большою вѣроятностію показываетъ, что лошадь въ могильную яму помѣщена была живою и убита была здѣсь при заполненіи ямы камнями. Около лошадиныхъ костей, близъ центра ямы (лошадь лежала на Ю отъ центра), найдено было въ безпорядкѣ нѣсколько частей человѣческаго скелета, именно: нижняя челюсть, часть берцовой, или, можетъ-быть, бедражной кости, часть, повидимому, локтевой кости и окрашенная въ зеленый (разложившаяся бронза) цвѣтъ пальцевая косточка. Локтевая кость лежала въ направленіи съ СВ на ЮЗ, бедражная, приблизительно, — съ В на З, а пальцевая кость валялась около конскаго позвоночника; челюсть, по отношенію къ другимъ костямъ, помѣщалась на СЗ. При всѣхъ тщательныхъ поискахъ никакихъ вещей въ курганѣ не оказалось.

Курганъ № 2.

Окружность 33 шага; поперечникъ 14 арш.; высота 1 арш.

Рвовъ вокругъ кургана незамѣтно: очевидно, они уничтожены при распашкахъ поля, которое заходитъ отчасти на самый курганъ. По бокамъ курганъ обложенъ камнями, а съ западной стороны значительное количество камней наблюдается и въ самой насыпи. Въ срединѣ кургана, на грунтѣ, обнаружены значительные остатки костяка, по положенію главнѣйшихъ частей котораго можно предполагать, что умершій лежалъ на лѣвомъ боку, съ поджатыми ногами, при чемъ голова его, лицомъ вверхъ, обращена была на З.

Курганъ № 3.

Окружность 33 шага; поперечникъ 11 аршинъ; высота 1 аршинъ 4 вершка.

Слѣды рва замѣтны съ западной, восточной и, отчасти, съ сѣверной стороны.

При съемкѣ всей насыпи и вырытіи ямы до глубины 2 аршинъ въ грунтѣ ничего не найдено, кромѣ бронзоваго плоско-овальнаго стержня (табл. XII рис. 33) длиною въ 85 мм. и шириною въ 4 мм. По характерному изгибу стержня, желѣзной ржавчинѣ на одномъ его концѣ и желобчатому углубленію на другомъ, стержень этотъ

безошибочно опредѣляется, какъ часть колчанной фибулы, которая такъ часто встрѣчаются въ могилахъ прибалтійской Европы⁴⁸⁾ и изъ которыхъ болѣе другихъ приближаются къ нашему предмету, если только возможна, въ виду его простоты и стереотипности, аналогія, фибула изъ Капсетена⁴⁹⁾ и такія же, простѣйшей формы, изъ древнѣйшаго желѣзнаго періода въ прибалтійскихъ провинціяхъ⁵⁰⁾.

Курганъ № 4.

Окружность 30 шаговъ; поперечникъ 11 аршинъ; высота около $\frac{1}{2}$ аршина. Слѣдовъ рва не замѣтно.

На глубинѣ двухъ аршинъ отъ поверхности грунта оказался костякъ, обращенный головою на З, лицомъ вверхъ и съ вытянутыми по направленію корпуса оконечностями, при чемъ кисти рукъ сближены между собою. Длина костяка 2 арш. 6 вершк. Размѣръ черепа $19\frac{1}{2} \times 14\frac{3}{4}$ стм. Около черепа — кучка углей, а близъ праваго локтя — изогнутый въ формѣ удильнаго крючка желѣзный наконечникъ пики (т.-е. колющее оружіе) съ обратными зубцами и съ конической втулкою. Предметъ этотъ изготовленъ изъ круглаго стержня, толщиною въ 8 мм. и длиною 370 мм., при чемъ утолщеніе въ сторону втулки настолько незначительно, что діаметръ втульнаго отверстія равняется всего 22 мм. Зубцы отличаются значительными размѣрами и когтевидною формою. Эта послѣдняя особенность, а отчасти и общая форма предмета отличаютъ его отъ однородныхъ съ нимъ предметовъ⁵¹⁾, опредѣляемыхъ въ смыслѣ наконечниковъ то пикъ, то стрѣлъ, то дротиковъ, и сближаютъ его съ острогами⁵²⁾.

Курганъ № 5.

Окружность 39 шаговъ; поперечникъ 12 арш. 11 вершк.; высота 1 аршинъ. Рвовъ не замѣтно; по краямъ курганъ обложенъ камнями.

При снятіи курганной насыпи обнаружены были, почти на самомъ грунтѣ, остатки, по крайней мѣрѣ, трехъ человѣческихъ костяковъ. Болѣе остатковъ сохранилось отъ центрального костяка, черепъ котораго находился въ незначительномъ разстояніи отъ центра кургана на ЮЗ и былъ обращенъ лицомъ вверхъ; уцѣлѣвшіе остатки оконечностей опредѣляли общее положеніе костяка съ З (голова) на В. Около того мѣста, гдѣ должна была приходиться шея, найдены были два обломка спиралей (въ 7 и 4 оборота) изъ тонкой полуовальной бронзовой проволоки, съ діаметромъ спиральнаго оборота въ 5 мм. Надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ должны помѣщаться тазовыя кости, найденъ былъ разломанный серповидный желѣзный ножъ, однородный съ такимъ же ножомъ изъ межанскихъ кургановъ⁵³⁾. Другой костякъ помѣщался рядомъ почти съ первымъ и лежалъ, судя по остаткамъ, въ направленіи, съ нимъ параллельномъ. Обломки черепа этого костяка почти касались, съ юго-восточной стороны, черепа перваго. Близъ

⁴⁸⁾ Перечень находокъ см. О. Покровскій, Виленскій музей древностей, табл. IV, 1 и 7.

⁴⁹⁾ Hartmann, Das Vaterländische Museum, A. XIII, 124.

⁵⁰⁾ Aspelin, Antiquités du Nord Finno-Ougrien, стр. 329 и слѣд.

⁵¹⁾ О. Покровскій, Виленскій музей древностей, табл. XIV, 8, 9.

⁵²⁾ Матеріалы по археологіи Россіи, № 10, табл. 10.

⁵³⁾ См. ниже, — Антесорскій ножъ, при перенравкѣ вещей въ Вильну, исчезъ.

мѣста, совпадающаго съ оконечностями ногъ, — желѣзный топоръ типа, однороднаго съ топоромъ изъ слѣдующаго кургана⁵⁴). Остатки третьяго костяка помѣщались въ сѣверо-восточной четверти кургана; здѣсь обнаруженъ былъ черепъ, лежавшій на лѣвомъ боку, съ лицомъ обращеннымъ на ЮЗ; на З отъ него лежали локтевыя кости, а въ нѣкоторомъ разстояніи на В — пятно чернаго перегноя, повидимому, матерія. Кромѣ того, на пространствѣ между первымъ и третьимъ черепомъ показались отдѣльныя обломки костей, составлявшіе, можетъ-быть, части перечисленныхъ костяковъ, а можетъ-быть и остатки четвертаго. Въ серединѣ кургана грунтъ состоитъ изъ земли темнаго цвѣта съ угольными вкрапинами.

Курганъ № 6.

Окружность 27 шаговъ; поперечникъ 9 арш. 9 вершк.; высота 1 аршинъ.

Съ С и ЮЗ замѣтны остатки рва. По бокамъ курганъ плотно обложенъ камнями. Въ сѣверо-западной части курганной насыпи, на высотѣ 5—6 вершковъ надъ грунтомъ, небольшое пятно темной земли съ примѣсью краснаго глея. При углубленіи раскопки въ грунтъ, на глубинѣ полу-аршина, на С отъ середины кургана, найденъ былъ обращенный вверхъ остриемъ желѣзный топоръ узкоклинковаго, однороднаго съ межанскими, типа⁵⁵). Длина топора 200 мм., длина лезвья по прямому направленію 55 мм. При насадкѣ на прямое топориче клинокъ образуетъ съ нимъ уголъ въ 70°. На глубинѣ одного аршина, подъ сѣверо-западной частью кургана, обнаруженъ лежавшій на лѣвомъ боку и съ поджатыми ногами костякъ, обращенный лицомъ на СЗ. Бедряныя кости въ моментъ раскопки оказались почти въ вертикальномъ направленіи, каковое, впрочемъ, положеніе кости могли принять безъ всякаго намѣреннаго воздѣйствія на нихъ людей, погребавшихъ умершаго.

Курганъ № 7.

Окружность 47 шаговъ; поперечникъ 16 аршинъ; высота 1 арш. 4 вершка.

Слѣды рва замѣтны съ З и Ю. По бокамъ курганъ обложенъ камнями. На вершинѣ — углубленіе.

На глубинѣ одного аршина ниже грунта, въ нѣкоторомъ разстояніи на ЮЗ отъ вертикальной оси кургана, обнаруженъ былъ распавшійся на части человѣческой черепъ, обращенный лицомъ вверхъ и теменемъ на З. Никакихъ другихъ частей костяка не оказалось. Съ восточной стороны черепа, т.-е. въ томъ мѣстѣ, гдѣ должна была находиться шея, оказались: бронзовое кольцо, такія же спирали и бусы. Кольцо согнуто изъ тонкой ленты, шириною въ 19 мм., и имѣетъ въ настоящемъ своемъ состояніи діаметръ около 16 мм. Въ одномъ мѣстѣ, въ срединѣ образующей кольцо ленты, наблюдаются рядомъ два круглыхъ прокола. По своей общей формѣ и размѣрамъ кольцо напоминаетъ однородные съ нимъ звенья шейныхъ цѣпей, какія,

⁵⁴) Этотъ топоръ также былъ утерянъ при перевозкѣ вещей.

⁵⁵) Описание этого типа топоровъ см. ниже, — межанскіе курганы.

напримѣръ, найдены были въ люцинскомъ⁵⁶⁾, людвиковскомъ⁵⁷⁾ и нѣкоторыхъ прибалтійскихъ⁵⁸⁾ могильникахъ, но присутствіе на немъ двухъ упомянутыхъ проколовъ, повидимому, опредѣляетъ его въ смыслѣ орнаментной накладки на какой-нибудь круглый стержень. Спирали (четыре, повидимому, цѣлыхъ и двѣ въ обломкахъ) приготовлены изъ тонкой полуовальной проволоки. Длина цѣльной спирали около 25 мм., діаметръ оборота едва достигаетъ 3 мм. Въ двухъ (табл. XII рис. 36) прекрасно сохранились части шнура, сплетеннаго изъ шести пеньковыхъ или льяныхъ нитокъ. Присутствіе этихъ шнурковъ и размѣры спиралей, и мѣстоположеніе спиралей въ курганѣ безошибочно опредѣляютъ ихъ названіе въ смыслѣ звеньевъ ожерелья. Звенья того же, по всей вѣроятности, ожерелья составляютъ и пять найденныхъ вмѣстѣ съ спиралью бусъ. Изъ бусъ три (ib. рис. 31, одна въ обломкахъ) имѣютъ форму неправильнаго многогранника и приготовлены изъ полупрозрачнаго стекла, малиново-розоваго цвѣта; длина ихъ около 10 мм., а приблизительная толщина 4 мм.; одна буса (ib. рис. 32), неправильной вообще формы не то шара, не то цилиндра, — приготовлена изъ едва прозрачнаго зеленаго стекла; діаметръ ея около 5 мм.; пятая, наконецъ, буса (ib. рис. 30), — въ формѣ неправильнаго также цилиндра, сдѣлана, повидимому, изъ камня краснаго цвѣта; размѣры ея: высота 5 мм., основаніе около 7 × 8 мм. Всѣ пять бусъ отличаются небрежнымъ характеромъ работы и, какъ сейчасъ было замѣчено, неправильностію формы: въ виду этого аналогія ихъ съ другими однородными предметами, какъ допускающая широкій произволь, считается безцѣльною.

Г. Межанскіе курганы.

Мѣстоположеніе деревни Межанъ, Михайловской волости, Свенцянскаго уѣзда, опредѣляется приблизительно 43°44' в. д. и 55°5' с. ш. Курганы находятся въ разстояніи одной версты на ЮЗЗ отъ деревни, въ живописной мѣстности, представляющей гармоническое сочетаніе небольшихъ сферическихъ и овальныхъ холмовъ, разбросанныхъ по склонамъ къ начинающейся на СЗ отсюда лощинѣ. На одномъ изъ такихъ холмовъ, съ котораго, между прочимъ, открывается прекрасный видъ на находящееся въ разстояніи одной версты отсюда на СВ Богуцишское городище⁵⁹⁾ и расположена большая часть кургановъ.

Кургановъ насчитывается здѣсь около десятка, да кромѣ того 2—3 кургана есть на сосѣднемъ холмѣ и столько же распаханыхъ кургановъ на сосѣднемъ полѣ: такимъ образомъ, всѣхъ, болѣе или менѣе уцѣлѣвшихъ, кургановъ въ межанской группѣ теперь можно насчитать пятнадцать. Курганы, расположенные на центральномъ холмѣ, имѣютъ форму средней величины сферическихъ сегментовъ и находятся въ очень близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи; всѣ они по бокамъ обложены камнями.

⁵⁶⁾ Матеріалы по археологій Россіи, № 14, Табл. VIII, 15 и 16.

⁵⁷⁾ Idem. Табл. IV, 12.

⁵⁸⁾ Bähr, Die Gräber der Liven, Taf V, 6—7.

⁵⁹⁾ О немъ см. ниже.

Находящийся по срединѣ группы курганъ отличается отъ другихъ бѣльшими по окружности размѣрами. Въ настоящее время курганы находятся среди тощихъ сосновыхъ порослей и у мѣстныхъ жителей считаются остатками какой-то стародавней войны.

Курганъ № 1.

Окружность 39 шаговъ; поперечникъ 11 арш. 10 верш.; высота насыпи надъ грунтомъ 1 арш. 4 в.

Рвовъ незамѣтно. По краямъ кургана — камни. При самомъ почти началѣ раскопки, на верху курганной насыпи, подъ дерномъ, на сѣверной сторонѣ кургана найдены сферическій сегментъ изъ листовой бронзы и такой же цилиндрикъ⁶¹⁾. При снятіи курганной насыпи оказалось, что вся середина ея состояла изъ земли темнаго цвѣта съ угольными вкрапинами. Подъ курганной насыпью, на самомъ грунтѣ, на половинѣ разстоянія между центромъ и восточной периферіей найдена была бронзовая, ажурная, эмалированная подвѣска и такая же подвѣска найдена была на той же высотѣ, на половинѣ разстоянія между центромъ и сѣверо-западной периферіей кургана. Со стороны общей формы и по характеру работы обѣ подвѣски болѣе или менѣе одинаковы. Чтобы представить себѣ фигуру первой изъ нихъ (табл. XI рис. 18), надо вообразить сегментъ, высотой 23 мм. и 52 по линіи сѣченія (хордѣ), къ срединѣ и концамъ послѣдней приставить по кружку десяти-миллиметроваго діаметра, а къ кружкамъ по равностороннему треугольнику, высотой въ 17 мм., соединивъ между собою сосѣдніе углы послѣднихъ. Въ образовавшихся, при такой фигурѣ, пустотахъ слѣдуетъ помѣстить, между кружками, два обработанныхъ зигзагами стержня, а ниже — два съ вогнутыми сторонами треугольника. Въ видѣ также зигзага и двухъ трехъугольниковъ, но съ одной только вогнутой стороною, обработанъ (прорѣзанъ) и самый сегментъ. Къ срединѣ дуги сегмента припаяно ушко. Довольно точная фигура второй подвѣски (ib. рис. 19) получится, если представить три рядомъ орнаментарныхъ персидскихъ или византійскихъ креста, 92-миллиметроваго размѣра, которые своими нижними концами сливаются въ одну узкую пластину, а верхними переходятъ въ сегментъ, высотой въ 22 мм. и въ 59 мм, по длинѣ сѣченія. Ушко отличается массивностью и большими размѣрами. Въ первой пластинкѣ эмалью заполнены всѣ три кружка и четыре неправильныхъ треугольника. Вся эмаль здѣсь краснаго цвѣта, за исключеніемъ точекъ въ центрѣ кружковъ, попущенныхъ бѣлой эмалью. На второй пластинѣ эмаль заполняетъ почти всю площадь сегмента и центры (перекрестія) крестовъ, при чемъ на правой половинѣ сегмента эмаль краснаго цвѣта, на лѣвой зеленаго, а на среднемъ крестѣ — сѣраго. Въ крайнихъ крестахъ эмаль выпала и лишь по ничтожному остатку въ лѣвомъ можно судить, что и здѣсь была эмаль краснаго цвѣта. Въ обѣихъ подвѣскахъ эмаль выемчатая, при чемъ обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что бѣлая эмаль въ кружкахъ первой подвѣски попущена не въ самостоятельное гнѣздо, сдѣланное въ металлѣ, а въ углубленіе, повидимому, оттиснутое въ красной эмали.

⁶¹⁾ См. ниже, — въ этомъ же курганѣ.

При обычности эмалей среди кавказских древностей, въ нашихъ широтахъ эмалированные вещи принадлежать къ разряду весьма рѣдкихъ архелогическихъ находокъ; все, извѣстное до сихъ поръ, число ихъ не болѣе десятка. Сюда относятся слѣдующіе предметы: бронзовая узда изъ м. Венделя, въ Швеціи⁶¹⁾; бронзовыя эмалированныя кружки, крестики и т. п. наблюдаемыя на принадлежащихъ теперь Виленскому музею предметахъ конской сбруи, часть коихъ была найдена въ имѣніи Красный боръ, Минской губ.⁶²⁾; бронзовый подковообразный предметъ, найденный близъ Вильны, и такая же фибула, вырытая при проведеніи С.-Пб. Варшавской дороги между Псковомъ и Двинскомъ⁶³⁾; четыре подковообразныхъ предметовъ изъ тюрсельскихъ раскопокъ г. Висковатова и подобный же предметъ, но меньшихъ размѣровъ и болѣе грубой работы, изъ Владимірской губерніи⁶⁴⁾; наконецъ, богатая коллекція эмалей, найденная близъ мощинскаго городища, Калужской губерніи⁶⁵⁾, и нѣсколько эмалей изъ случайныхъ находокъ въ Прибалтійскомъ краѣ⁶⁶⁾. По характеру подробностей рисунка, по цвѣту эмалей и взаимному размѣщенію цвѣтовъ, первая изъ нашихъ подвѣсокъ почти тождественна съ однимъ изъ эмалированныхъ ажурныхъ кружковъ Виленскаго музея⁶⁷⁾, вторая же болѣе всего приближается къ наряднѣйшей изъ мощинскихъ эмалей. Со стороны же общей формы, или, собственно, назначенія, обѣ эмалы представляютъ повтореніе, но въ болѣе изящной и нарядной формѣ, подвѣсокъ мощинскаго клада. — Проф. Аспелинъ⁶⁸⁾ приписываетъ эмалямъ готское происхожденіе и въ находкахъ ихъ внутри Россіи видитъ доказательство интенсивнаго, въ топографическомъ отношеніи, воздѣйствія готской культуры на Русь. Крайнимъ хронологическимъ предѣломъ этого воздѣйствія пр. Аспелинъ считаетъ пятый вѣкъ нашей эры. Гг. Толстой и Кондаковъ видятъ въ эмаляхъ сѣверную (варварскую) модификацію южно-европейскаго перегородчатаго стекольнаго матеріала, которая возродившись въ первыхъ вѣкахъ нашей эры, на нѣсколько столѣтій переживаетъ прототипъ, какъ это видно, напримѣръ, на вендельской уздѣ, относящейся къ VIII—IX вѣкамъ⁶⁹⁾.

⁶¹⁾ Гг. И. Толстой и Н. Кондаковъ, Русскія древности въ памятникахъ искусства. В. III, стр. 150

⁶²⁾ О. Покровскій. Виленскій музей древностей. Табл. XII и XIII.

⁶³⁾ Ibid. Табл. IV, 13—14.

⁶⁴⁾ Труды VII археологическаго съѣзда, томъ II, стр. 903.

⁶⁵⁾ Bar. de Baye, Les bronzes émaillés de Mostchina.

⁶⁶⁾ Aspelin, Antiquités du Nord Finno-Ougrien p. 329 и сл.

⁶⁷⁾ Табл. XII, I.

⁶⁸⁾ Traces de l'influence des Goths dans le nord de la Russie.

⁶⁹⁾ Русскія древности въ памятникахъ искусства. Вып. III, стр. 150 и сл. Приведенная характеристика эмалей буквально почти повторяется и въ извѣстномъ изданіи г. Звенигородскаго (Византійскія эмалы, С.-Пб. 1894 г. стр. 29—32) гдѣ, между прочимъ, помѣщено также и три рисунка (Таблица XXIV, рис. 1, 2 и 3), принадлежащихъ Виленскому музею эмалей. Въ виду необычной импозантности изданія и перво-разрядной аттестаціи его присяжною наукою, обусловливающей, до нѣкоторой степени, его безапелляціонную авторитетность, считаемъ обязательнымъ указать на нѣкоторыя неточности изданія по отношенію къ виленскимъ эмалямъ, съ цѣлью устроенія весьма естественныхъ недоумѣній при сравненіи текста съ рисунками. Въ текстѣ по поводу рисунковъ виленскихъ эмалей, между прочимъ, говорится: „Рисунокъ № 1. представляетъ часть удила; № 3 ажурную бляху, насаженную прежде на ремень, или широкую тесьму (Примѣч. 2. Эти бляхи встрѣчаются въ Виленскомъ музеѣ подъ №№ 560—8 и 855—800, отд. В, и корознь, и въ сѣвленіи съ бронзовыми тонкими и посеребренными обручами, и бляхи и обручи по царѣ, что и составляло поясъ, укрѣпленный на ремѣ—или же на тесьмѣ), а № 2—цѣпь, составленную изъ бляхъ съ луницами (лунообразными привѣсками) и промежуточныхъ звеньевъ, прикрѣпленныхъ наглухо къ бляхамъ

При углубленіи раскопки въ грунтъ, что вызывалъ и продолжающійся въ грунтъ упомянутый выше слой темной земли, на глубинѣ 6 вершковъ, близъ сѣверо-западной перифиріи ямы найдена была третья, хотя и не эмалированная, но, по ея общему характеру, однородная съ первыми подвѣска (табл. XI рис. 20). Она представляетъ правильную фигуру четырехконечнаго (четвертый конецъ — ушко) ажурнаго византійскаго (персидскаго) креста. Детальная форма его можетъ быть представлена такъ: окружность (кольцо) — изъ тонкаго бронзоваго трехграннаго стержня, величиною, по діаметру, въ 26 мм.; площадь круга пересѣчена черезъ центръ, подь прямымъ угломъ, двумя прямыми трехгранными, какъ и въ концѣ, стержнями, выступающими на десять миллиметровъ за окружность; въ пяти точкахъ пересѣченія этихъ стержней между собою и съ окружностью — рельефные полушарики. Окружность, сливаясь съ нею, съ внѣшней стороны, сопровождается другой такой же стержень, который около нижняго и двухъ крайнихъ шариковъ изгибается и образуетъ равнобедренные треугольники, совпадающіе вершинами съ шариками, а серединою основанийъ съ оконечностями діаметровыхъ выступовъ. Во всей своей совокупности подвѣска эта представляетъ явленіе вполне оригинальное, по характеру же работы она напоминаетъ двѣ подвѣски къ одному обручу Виленскаго музея, найденному въ Таурогенѣ и совершенно тождественному съ обручемъ мощинскаго клада⁷⁰⁾, нѣсколько подвѣсокъ изъ раскопокъ въ Лифляндіи⁷¹⁾ и нѣкоторыя изъ подвѣсокъ представленныхъ у пр. Аспелина въ числѣ предметовъ древняго желѣзнаго періода въ прибалтійскихъ провинціяхъ⁷²⁾.

посредствомъ особыхъ язычковъ; такимъ образомъ, цѣпь является вполне подвижною и гибкою, и была, по всей вѣроятности частью шлеи, охватывавшей грудь лошади; по концамъ этой цѣпи находятся скобочки, захватывавшія тонкіе ремешки, которыми прикрѣплялась узда или даже самое сѣдло“.

Неточность здѣсь заключается, во-первыхъ, въ несоотвѣтствіи текста съ рисунками: то, что оказано по поводу рисунка № 2, должно быть отнесено къ рисунку № 1; замѣтка, касающаяся рисунка № 3, въ одинаковой степени можетъ и должна быть приложена и къ рисунку № 2; того, что въ текстѣ называется „удилами“ (рис. 1), въ таблицѣ рисунковъ совершенно нѣтъ: составитель текста въ данномъ случаѣ, можетъ-быть, имѣлъ въ виду, такъ называемую ранѣе ямъ (Русскія древности, В. III, рис. 181.), „узду Виленскаго музея“, или, по всей вѣроятности, ошибочно принялъ за обломокъ „узды“ предметъ, представленный на рисункѣ подь № 2. Во-вторыхъ, не отрицая возможности употребленія эмалей въ качествѣ пояснаго набора, по отношенію къ обручамъ Виленскаго музея съ эмалевыми навизями рѣшаемся настаивать уже на ранѣе высказанномъ („Виленскій музей древностей“, Вильна 1892 г. Табл. XIII) нами опредѣленіи ихъ въ качествѣ накладки на сѣдельную подпругу; точно также опредѣленіе принадлежащей Виленскому музею цѣпи съ бляхами въ качествѣ „узды“ или, еще точнѣе, „удиль“ не можетъ имѣть значенія болѣе простой, вполне произвольной, догадки. Для исправленія третей неточности, касающейся исчисления принадлежащихъ Виленскому музею эмалей, слѣдуетъ имѣть въ виду, что среди №№ 855—900 (Каталогъ музея, 1885 г. отд. Б) „фибуль, пряжекъ и обломковъ [отъ разныхъ украшеній“ только одинъ обломокъ съ эмалью, остальные же къ предметамъ этого рода (эмалямъ) не имѣютъ никакого отношенія. Съ ограниченіемъ, наконецъ, слѣдуетъ понимать и заявленіе разсматриваемаго сочиненія объ отсутствіи ранѣе его изданія виленскихъ эмалей: не говоря объ единичныхъ случаяхъ упоминанія о виленскихъ эмаляхъ и воспроизведенія ихъ рисунковъ, считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на изданный въ 1892 году фотографическій альбомъ съ объяснительнымъ текстомъ — „Виленскій музей древностей“, въ которомъ эмалямъ музея отведено двѣ таблицы величиною въ 37 × 27 кв. см. Положимъ, таблицы эти не такъ нарядны сравнительно съ изданіемъ г. Звенигородскаго, но значительные размѣры снимковъ (0,80 и 0,63) и большая сравнительно, въ количественномъ отношеніи полнота даютъ, особенно для людей, знакомыхъ вообще съ эмалями, болѣе точное и отчетливое представленіе о предметѣ, чѣмъ три, хотя бы и раскрашенныхъ, рисунка.

70) О. Покровский, Виленскій музей древностей. Табл. IX, 3. Въ слѣдующемъ курганѣ найдены и обручъ упомянутой формы.

71) Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft. 1876. В. VIII, Н. 3.

72) Antiquités du Nord Finno-Ougrien, p. 329 и сл.

Подвѣски подобнаго рода, какъ уже мы имѣли случай замѣтить ранѣе⁷³⁾, представляютъ фактъ подражанія эмалямъ, при чемъ здѣсь обнаруживается, повидимому, попытка мастера замѣнить блескъ и красоту эмалей украшеніемъ подвѣсокъ посредствомъ шариковъ. При дальнѣйшей раскопкѣ, на глубинѣ 1 арш. 4 верш. обнаружены были остатки двухъ костяковъ. Отъ одного изъ нихъ, лежавшаго въ южной половинѣ кургана, въ направленіи, судя по остаткамъ костей, съ З (голова) на В, уцѣлѣла незначительная лишь часть черепа и одна изъ берцовыхъ, кажется, костей. Кость эта лежала на кускѣ сосноваго или еловаго дерева, и около нея незначительные остатки шерстяной матеріи и соломы. Сверху кость покрывали очень тонкія бронзовыя бляшки. Лучше другихъ сохранилась бляшка, величиною въ 71×11 кв. милл. (табл. XI рис. 25), снабженная четырьмя пробоинами; остальные (ib. рис. 26) представляютъ обломки, повидимому, одной бляшки, которая имѣла въ ширину 27 мм., а по срединѣ орнаментирована была линіею изъ нарѣзныхъ завитковъ, въ формѣ буквы S. Въ четырехъ углахъ бляшки до сихъ поръ сохраняются по очень короткому гвоздику, посредствомъ которыхъ она, по всей вѣроятности, была прикрѣплена къ ремню, а на одномъ изъ обломковъ что-то въ родѣ кожи замѣтно и до сихъ поръ.

Такимъ образомъ бляшки эти не безъ основанія можно считать остатками пояснаго набора, находящаго со стороны орнамента нѣкоторую для себя аналогію въ описанной выше пряжкѣ одного изъ боровскихъ кургановъ. вмѣстѣ съ этими орнаментными бляшками найдена была, можетъ-быть, часть застежки, а можетъ-быть и подвѣска къ поясу, въ родѣ тѣхъ колець, какія нерѣдко встрѣчаются на курганныхъ поясахъ. Предметъ этотъ (ib. рис. 27) представляетъ прикрѣпленный къ обломку бляшки на шарнирѣ стержень, толщиною въ 2×4 кв. милл., переходящій на концѣ въ сегментъ, высотой въ 9 мм. и въ 28 мм. по направленію хорды. Общая длина стержня 22 мм. По своей общей формѣ предметъ этотъ напоминаетъ подвѣски, наблюдаемыя на нѣкоторыхъ изъ скандинавскихъ шейныхъ обручей⁷⁴⁾. Въ разстояніи 5—6 вершковъ на С отъ бляшекъ найдена небольшая бронзовая пряжка (ib. рис. 28) со шпенькомъ, изъ полукруглаго съ продольными гранями стержня, толщиною около двухъ милл. Форма обыкновенная — дугообразная. Величина 20×30 (по шарниру) миллиметровъ. Около того мѣста, гдѣ должны были помѣщаться оконечности ногъ, найденъ топоръ (табл. XII рис. 37) узкоклинковаго типа, представляющій, впрочемъ, нѣкоторыя не лишеныя интереса особенности: длина топора 170 мм., длина лезвья, по прямому направленію, 55 мм., толщина клинка, близъ ушка, по продольному (по отложенію къ топоричу) направленію 20 мм., а поперечному 30 мм., внутренній діаметръ ушка 35 мм. Ось ушка составляетъ съ длиною топора уголъ всего въ 60° , такъ что въ соединеніи съ топоричемъ топоръ представляетъ фигуру остроугольнаго крюка. Такая форма топора исключаетъ употребленіе его въ качествѣ мирнаго орудія и опредѣляетъ его исключительно въ смыслѣ оружія военнаго, при чемъ наибольшая сила удара рассчитана въ немъ на положеніе объекта удара высшее сравнительно

⁷³⁾ Вилеискій музей древностей, Табл. IX, 3.

⁷⁴⁾ Montelius Antiquités suédoises, №№ 624—8.

съ точкою опоры топора. Близъ остатковъ черепа, съ южной стороны, помѣщалась желѣзная пика. Общая длина ея 70 (втулка) \times 130 (клинокъ) = 200 мм., наибольшая ширина клинка 32 мм.; по срединѣ послѣдняго, во всю его длину, замѣтенъ рельефный рубчикъ. Отъ многочисленныхъ аналогичныхъ предметовъ наконечникъ пики отличается изяществомъ, насколько возможно для предметовъ этого рода формы и аккуратною обработкою. Во втулкѣ наконечника пики, равно какъ и въ ушкѣ предыдущаго топора, до сихъ поръ сохраняются остатки дерева, по которымъ, между прочимъ, можно судить, что древко пики были нѣсколько толще раструба втулки. Остатки другаго костяка, лучше сохранившіеся, находились въ сѣверной половинѣ могилы, — въ разстояніи $1\frac{1}{2}$ —2 арш. отъ перваго. Здѣсь сохранились два обломка черепа, части локтевыхъ костей, бедряныхъ и часть одной берцовой. Судя по расположенію костей, костякъ лежалъ въ направленіи съ З (голова) на В, т.-е. въ параллельномъ съ первымъ костякомъ направленіи. При этомъ костякъ найдены слѣдующіе вещи: около берцовой кости, плотно прилегая между собою, лежали, въ общемъ по направленію неправильной кривой, небольшіе бронзовые цилиндрики (табл. XI рис. 23), и незначительное количество такихъ же цилиндриковъ (около 10) оказалось близъ верхняго конца лѣвой бедряной кости. Всѣхъ цилиндриковъ, включая сюда и однородную съ ними спиральку, собрано 182. Всѣ они приготовлены изъ листовой бронзы и не спаяны; длина ихъ 28 мм. (пять, — въ меньшей группѣ, имѣютъ въ длину по 43 мм.), а толщина около 4 мм. Внутри нѣкоторыхъ изъ нихъ до сихъ поръ сохраняются шерстяныя нитки-шнурки. Въ назначеніи этихъ цилиндриковъ-трубочекъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія: это — однородныя съ спиральками пронизи, образовавшія кайму такъ называемой кольчужной ткани⁷⁵). Въ частности, имѣя въ виду расположеніе цилиндриковъ въ могилѣ, можно предполагать, что ими отороченъ былъ подолъ и, можетъ-быть, рукава платья. Подъ нѣкоторыми изъ описанныхъ цилиндриковъ сохранились слѣды шерстяной матеріи, соломы и дерева (ib. рис. 24). Въ промежуткѣ между нижними оконечностями локтевыхъ костей и верхними бедряныхъ помѣщались бронзовыя спирали — браслетъ и перстень. Браслетъ, — въ $2\frac{1}{2}$ оборота, — приготовленъ изъ четырехграннаго стержня, толщиной въ 2×2 кв. милл. и по діаметру оборота имѣетъ 45 мм. Перстень, — изъ полуовальной очень тонкой ($1 \times \frac{1}{3}$ к. м. проволоки, — состоитъ изъ пяти неполныхъ оборотовъ, съ діаметромъ въ 22 мм.; на одномъ концѣ — загибъ въ видѣ колечка. — На Ю. отъ середины костяка, на пространствѣ приблизительно $1 \times \frac{1}{2}$ кв. аршина собрано было 34 бляшки изъ листовой бронзы. Бляшки — двоякой формы: 25 — въ формѣ сферическаго сегмента (ib. рис. 21), величиною ок. 6 мм. въ высоту и ок. 20 мм. по діаметру сѣченія, и 9 — въ видѣ сферическихъ съ одной стороны кольчужекъ (ib. рис. 22), величиною въ кедровый орѣхъ. На каждой бляшкѣ перваго рода, — на двухъ противоположныхъ краяхъ, — по двѣ круглыхъ пробоины. Хотя сегментальныя бляшки, со стороны ихъ общей формы, и находятъ для себя многочисленные аналогичные предметы въ поясныхъ наборахъ, тѣмъ не менѣе ихъ вѣроятнѣе трактовать въ смыслѣ пронizei коль-

⁷⁵) См. напр. Aspelin Antiquités du Nord Finno — Ougrien № 2187.

чужной ткани; основанія для этого: значительные размѣры пробоинъ, неправильность окружности сегментальнаго сѣченія и недостатокъ у бляшекъ прочности, въ случаѣ прикрѣпленія ихъ къ кожѣ. — Въ заключеніе описанія кургана неизлишне повторить слѣдующіе вышеупомянутые факты: а) заполненіе середины кургана, почти до самаго дна могилы, землею темнаго цвѣта, уничтоженіе наибольшей средней части южнаго костяка и сравнительная цѣлость сѣвернаго, и б) находка эмалированныхъ подвѣсокъ въ беспорядочномъ положеніи, — вдали отъ костяковъ. Факты эти даютъ основаніе предполагать въ данномъ случаѣ два одновременныхъ погребенія, при чемъ при позднѣйшемъ (сѣвернаго костяка) и разрушенъ былъ южный костякъ, и тогда же, по всей вѣроятности, принадлежащія этому послѣднему костяку подвѣски попали въ насыпь.

Курганъ № 2.

Окружность 37 шаговъ; поперечникъ 13 аршинъ; высота 1 аршинъ.

Рвовъ незамѣтно. Камней по краямъ мало. Середина кургана до глубины 13 вершковъ ниже грунта состоитъ изъ земли темнаго цвѣта. Почти въ центрѣ сѣверо-западной части кургана, на самомъ грунтѣ, оказались угли и здѣсь же нижняя челюсть, два-три позвонка, части реберъ и бронзовый шейный обручъ и браслетъ. Обручъ приготовленъ изъ круглаго стержня, толщиной около 4 мм., который въ ближайшей къ оконечностямъ половинѣ орнаментированъ спиральными нарѣзами. При окончаніи орнаментированныхъ частей обручъ перехваченъ неспаянными кольчужками, съ желобками по краямъ каждой изъ нихъ. Одинъ конецъ обруча заканчивается загнутымъ наружу крючкомъ, а другой прорѣзаннымъ по срединѣ, овальной формы лотчкомъ, величиною въ 32×14 мм.; такимъ образомъ затворъ обруча представляетъ обыкновенную простую застежку. Приблизительный діаметръ обруча около 160 мм. Нѣкоторую характерность обручъ представляетъ, конечно, со стороны затвора. Въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ напоминаетъ два серебряныхъ обруча, найденныхъ въ 1878 году въ дер. Мишкиневѣ, Люцинскаго у. Застежки на послѣднихъ отличаются лишь большими, сравнительно съ нашею, размѣрами и слабымъ орнаментомъ, въ противоположность нашей, совершенно гладкой. Съ другой стороны, аналогія между мишкиневскими и нашимъ обручами дополняется присутствіемъ и на мишкиневскихъ „пуговокъ съ поясками“, однородныхъ съ упомянутыми выше кольчужками на нашихъ⁷⁶. Нѣкоторую, случайную впрочемъ, повидимому, аналогію съ нашимъ представляютъ одинъ обручъ изъ древняго періода желѣзнаго вѣка въ прибалтійскихъ провинціяхъ и одинъ — изъ мордовскихъ древностей⁷⁷). Браслетъ, въ $1\frac{1}{2}$ оборота, приготовленъ изъ четырехгранной проволоки, толщиной въ 2×2 кв. миллим. Внутренній діаметръ браслета около 43 мм. Близъ центра кургана, съ югозападной его стороны, на грунтѣ найдены были желѣзные топоръ и ножъ. Топоръ такого же, какъ и въ предыдущемъ курганѣ, типа, но зна-

⁷⁶) Матеріалы по археологіи Россіи, № 4, стр. 50.

⁷⁷) Aspelin, Antiquités du Nord Finno-Ougrien №№ 897 и 1874.

чительно большихъ размѣровъ; длина его 250 мм.; уголъ, образуемый клинкомъ и топорищемъ, 70°.

На клинкѣ и обухѣ окаменѣлыя остатки матеріи, нитки въ которой пересѣкаются подъ косыми углами. Ножъ, — самой обыкновенной стереотипной формы, — длиною въ 180 (клинокъ) + 130 (втульный, широкій и плоскій стержень) = 310 мм. Средняя ширина клинка — 27 мм. Деревянный черенокъ, судя по уцѣлѣвшему отъ него остатку былъ круглой или, можетъ-быть, овальной формы. Въ разстояніи около аршина на ЮВ. отъ описанныхъ сейчасъ топора и ножа найдены были два желѣзныхъ наконечника пики, отличающіеся своими малыми размѣрами и изящной формой. Длина наибольшаго 200 мм., изъ которыхъ 80 приходится на конической формы втулку, а остальные на овальный листовидный клинокъ; наибольшая ширина послѣдняго 31 мм. Меньшій наконечникъ (табл. XII рис. 38) длиною всего въ 135 мм. (55 втулка + 80), и края клинка его отъ самыхъ плечиковъ направляются къ оконечности почти прямолинейно; наибольшая ширина клинка 24 мм. На обоихъ наконечникахъ, во всю длину ихъ клинковъ, наблюдаются рельефныя рубчики, при чемъ на меньшемъ наконечникѣ рубчики выступаютъ на высоту 5 мм., такъ что они производятъ впечатлѣніе самостоятельныхъ перьевъ. Наконечники подобной формы встрѣчаются въ курганахъ сравнительно рѣдко и принадлежатъ, повидимому, къ древнѣйшей желѣзной эпохѣ. Какъ на аналогичные съ ними предметы можно указать на одинъ экземпляръ изъ Öland (въ Швеціи)⁷⁸⁾ на два — Эстонскаго музея⁷⁹⁾, и нѣсколько очень сходныхъ предметовъ найдено было г. Довгирдтомъ при раскопкѣ ясногорскихъ могилъ⁸⁰⁾ въ Ковенской губерніи. — На глубинѣ тринадцати вершковъ отъ поверхности грунта, около центра кургана, найдена значительная часть желѣзнаго умбо, обращеннаго выпуклостію внизъ. Умбо имѣетъ правильную форму полушара, величиною около 105 мм. по его діаметру, и такимъ образомъ отчасти отличается отъ нерѣдко находимыхъ въ нашихъ мѣстахъ умбоновъ — наполовину цилиндрической и наполовину конической формы. Совершенно одинаково съ нашимъ по величинѣ и формѣ умбо изъ Hamsta, Medelrad, Стокгольмскаго музея⁸¹⁾ и отчасти напоминаетъ его другой экземпляръ того же музея изъ Öland⁸²⁾. На внѣшней сторонѣ, около середины умбо, до сихъ поръ сохраняются остатки окаменѣвшей не особенно грубой ткани, нитки въ которой пересѣкаются подъ прямымъ угломъ. На одномъ уровнѣ съ умбомъ, въ нѣкоторомъ разстояніи на 3 отъ него, найдено было бронзовое кольцо, а на В — желѣзный топоръ. Кольцо, — въ 1½ оборота, — приготовлено изъ круглой проволоки, толщиною въ 2 мм., а внутренній діаметръ его оборота около 30 мм. Топоръ одинаковаго съ предыдущими типа. Длина его 185 мм., а уголъ, образуемый имъ съ топорищемъ, 70°. По дну могилы — эллипсоидальный пластъ темной земли съ значительнымъ количествомъ въ немъ угольныхъ вкрапинъ.

78) Montelius, Antiquités suédoises, № 272. Относится къ первому періоду желѣзнаго вѣка.

79) Hartmann, Das vaterländische Museum, XXIII, 5, 14.

80) Pamiętnik Fizyjograficzny, tom VI, VII и VIII.

81) Montelius, Antiquités suédoises № 517.

82) Ibid. № 292.

Курганъ № 3.

Окружность 30 шаговъ; поперечникъ 10 арш. 8 вершк. высота 1 арш. 1 верш.

Рвовъ незамѣтно. По бокамъ курганъ обложенъ камнями; камни есть также и на срединѣ поверхности кургана.

Въ самомъ центрѣ кургана, на грунтѣ — обломки берцовыхъ (нежженныхъ) костей, лоскутокъ кожи и, около нихъ, — клинокъ желѣзнаго серповиднаго ножа и желѣзный, длиною въ 120 мм. стержень, одинъ конецъ котораго обработанъ въ формѣ кольца. Стержень этотъ едва ли не черенокъ найденнаго вмѣстѣ съ нимъ ножа. Самый ножъ имѣетъ въ длину около 150 мм., а въ ширину около 17 мм. Отъ однородныхъ, нерѣдко попадающихся въ курганахъ⁸³⁾ кривыхъ ножей нашъ экземпляръ отличается бѣльшимъ изгибомъ у рукоятки, чѣмъ у оконечности, и въ этомъ отношеніи онъ очень близко стоитъ къ одному изъ представленныхъ у Аспелина⁸⁴⁾ финляндскихъ ножей, и отчасти напоминаетъ фигуру нѣкоторыхъ бронзовыхъ⁸⁵⁾, особенно одного изъ нихъ, найденнаго около озера Гопло⁸⁶⁾. На глубинѣ 14 вершковъ ниже грунта, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ центра къ СВ, найдены: шейный обручъ, стеклянная буса, бронзовая спиралька, дугообразный 4-гранный стержень толщиной въ 2 × 2 кв. милл. (вѣроятно, обломокъ браслета) и небольшое количество обломковъ нежженныхъ костей. Обручъ (табл. XI рис. 29), по размѣрамъ и формѣ, одинаковъ съ найденнымъ въ предыдущемъ курганѣ: отличія его орнаментарнаго лишь характера, именно: нарѣзная спираль предыдущаго обруча здѣсь замѣняется навитою, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ, на стержень четырехгранною проволокою, а челнообразная застежка орнаментирована четырьмя рядами концентрическихъ, паралельныхъ краямъ, бугорковъ, съ поперечными зубчиками, производящихъ иллюзію наложенныхъ одинъ на другой челноковъ. Благодаря этимъ особенностямъ, а также формѣ, находящихся при концахъ спиральныхъ частей, кольчужекъ, этотъ обручъ гораздо болѣе, чѣмъ первый, приближается къ упомянутой выше серебряной гривнѣ изъ дер. Мишкинева, Люцинскаго уѣзда. Буса имѣетъ форму правильной шестигранной призмы, высотой въ 11 мм. и толщиной въ 5 мм.; цвѣтъ темнобирюзовый. Одною назначенія съ бусою, очевидно, и спиралька, длиною въ 25 мм. и около 2 мм. въ поперечникѣ. И спираль, и буса однородны съ такими же предметами, найденными въ одномъ изъ описанныхъ выше антесорскихъ кургановъ (№ 8).

Непосредственно подъ описанными вещами наблюдалось темное пятно перегной, можетъ-быть матеріи, а можетъ-быть и дерева. На той же глубинѣ четырнадцати вершковъ, подъ западную половиною кургана обнаружена была верхняя часть костяка, именно: правая половина черепа, позвонки и локтевыя кости. Судя по этимъ остаткамъ костякъ лежалъ головою на СЗ, а лицомъ на З; руки протянуты вдоль

⁸³⁾ Ср. Pamiętnik Fyzjograficzny. Tom VII. Dz. IV. Tab. V, d (повидимому, такая же, какъ и у нашего, желѣзная рукоятка). Tom VIII. Dz. IV. Tab. IV, z.—Bähr., Die Gräber der Liven, Taf. XVIII, 4—7. Матеріалы по археологіи Россіи, № 14. Табл. XIV, 1—2 и др.

⁸⁴⁾ Antiquités du Nord Finno-Ougrien, № 1341.

⁸⁵⁾ Montelius, Antiquités suédoises, № 186.

⁸⁶⁾ A. Kohn, Materialien zur Vorgeschichte des Menschen im östl. Europa. B. I, S. 112.

корпуса. На шеѣ костяка оказался бронзовый обручъ, а на рукахъ по браслету. Обручъ (табл. XII, рис. 34) свить изъ трехъ круглыхъ проволокъ, которыя на концахъ расклепаны въ четырехгранные стержни, образующіе цилиндрической формы кольца, высотой въ 11 и въ 24 мм. по діам. основанія. Длина обруча вмѣстѣ съ кольцами 500 мм.; разстояніе между послѣдними 45 мм. И по характеру работы, и по формѣ обручъ этотъ одинаковъ съ двумя однородными предметами, изъ которыхъ одинъ найденъ въ Таурогенѣ, Ковенской губ., и хранится въ Виленскомъ музеѣ⁸⁷⁾, а другой — у подошвы мощинскаго городища, Масальскаго уѣзда, и теперь находится въ Историческомъ Музеѣ⁸⁸⁾: все отличіе его заключается въ томъ, что у него недостаетъ подвѣсокъ; но здѣсь интересно обратить вниманіе на слѣдующій фактъ: если ажурный крестикъ, найденный въ курганѣ № 1, привѣситъ къ рассматриваемому обручу на проволоку, то получится во всѣхъ отношеніяхъ обручъ, одинаковый съ таурогенскимъ, если же крестикъ замѣнить эмалированными подвѣсками, то получится обручъ мощинскій. Кромѣ указанныхъ сейчасъ двухъ обручей, однородный характеръ обнаруживаетъ еще одинъ обручъ, случайно найденный около Усть-Сысольска⁸⁹⁾. Оба совершенно одинаковыхъ браслета (ib. рис. 35) приготовлены изъ (едва замѣтно выпуклой съ лицевой стороны) пластины, длиной въ 160 мм., шириною въ 28 мм. и толщиной (наибольшая) въ 3 мм. Разстояніе между концами 20 мм. На лицевой сторонѣ обоихъ браслетовъ совершенно одинаковый орнаментъ, именно: при концахъ двѣ пары пунктированныхъ нарѣзныхъ поперечныхъ рубчиковъ, и такими же четырьмя рубчиками раздѣлена, по направленію длины, вся лицевая сторона на три части (пояска); въ обоихъ внѣшнихъ пояскахъ по ряду паръ концентрическихъ нарѣзныхъ колець. Среди большого количества археологическихъ браслетовъ описанная форма повторяется сравнительно рѣже другихъ, во всей же полнотѣ формы и орнамента, за исключеніемъ одного сходнаго экземпляра изъ Плотеля, Ковенской губ.⁹⁰⁾, рассматриваемые браслеты совсѣмъ не находятъ для себя аналогій. Характернѣйшая часть орнамента — нарѣзные кружки встрѣчаются вообще очень рѣдко и то, по большей части, на глинѣ, кости и т. п., какъ на предметахъ легче поддающихся рѣзцу⁹¹⁾: на металлѣ же они наблюдаются лишь на вещахъ бронзоваго вѣка и изрѣдка древнѣйшаго періода желѣзнаго⁹²⁾.

Курганъ № 4.

Окружность 40 шаговъ; поперечникъ 13 аршинъ 10 вершк.; высота 1 аршинъ 4 вершка.

Рвовъ незамѣтно; по краямъ курганъ обложенъ камнями; на верху углубленіе, ниже котораго часть курганной насыпи состояла изъ земли темнаго цвѣта.

⁸⁷⁾ О. Покровскій, Виленскій музей древностей, табл. IX, 3.

⁸⁸⁾ Рисунокъ его см. B. de Baye, Les bronzes émaillés de Mostchina.

⁸⁹⁾ Aspelin, Antiquités du Nord Finno-Ougrien, № 690.

⁹⁰⁾ Aspelin, Antiquités du Nord Finno-Ougrien, № 1899.

⁹¹⁾ Матеріалы по археологіи Россіи, № 4, табл. II, 19—20. Также № 14, табл. I, 6. Труды IX арх. съѣзда, Т. I, стр. 168 и др.

⁹²⁾ Aspelin, Antiquités du Nord Finno-Ougrien, № 1886.

На высотѣ грунта, подѣ курганной насыпью, пластъ золы вперемѣшку съ мелкими углями и бѣлымъ пескомъ. На глубинѣ одного аршина ниже грунта, противъ центра кургана, — остатки черепа, по которымъ можно судить о положеніи головы лицомъ вверхъ. Рядомъ съ остатками черепа, съ южной стороны, — пятно темнаго перегноя, по всей вѣроятности, матеріи, среди котораго оказались обломки гнилыхъ костей и бронзовая спираль въ два оборота изъ тонкой круглой проволоки, завитой, на одномъ концѣ, въ формѣ колечка. Диаметръ оборота около 15 мм. Около черепа также найденъ обломокъ конической втулки наконечника пики съ частью деревяннаго древка. На желѣзѣ — окаменѣвшіе остатки негрубой матеріи, въ которой нитки пересѣкаются подѣ косыми углами. Въ направленіи отъ черепа на ЮВ наблюдались два параллельныхъ ряда темныхъ пятенъ: это, по всей вѣроятности, перегной костей рукъ и ногъ. Близъ этихъ пятенъ, въ разстояніи $\frac{1}{2}$ аршина отъ черепа, найдена сильно заржавѣвшая желѣзная пряжка, въ формѣ четырехугольника съ закругленными внѣшними углами. Величина ея — 52×27 кв. милл. На одномъ изъ осколковъ пряжки — слѣды окаменѣлой ткани, приготовленной изъ нитокъ двойкой толщины (основа — тонкая, утокъ толстый, или наоборотъ), пересѣкающихся подѣ прямыми углами. Въ настоящемъ своемъ состояніи ткань производитъ впечатлѣніе мелкаго крапа.

Курганъ № 5.

Окружность 30 шаговъ; поперечникъ 10 аршинъ 5 вершк.; высота 1 аршинъ.

Рвовъ незамѣтно. По бокамъ курганъ обложенъ камнями; на вершинѣ углубленіе, въ которомъ также камни и ниже ихъ, на незначительную глубину, — слой темной земли. Въ юго-восточной части, вершковъ на 6—8 ниже грунта, — угольное пятно и около него желѣзные топоръ, пика и ножъ. Топоръ одинаковаго съ предыдущими типа; длина его 200 мм., уголь, образуемый клинкомъ и топоричесемъ, — 70° . Пика, длиною въ 300 мм., изъ которыхъ 190 приходится на клинокъ, остальные 110 на конической формы втулку. Клинокъ обнаруживаетъ значительное расширеніе около плечиковъ, и края его имѣютъ почти прямолинейное направленіе, такъ что во всей своей совокупности онъ представляетъ форму двухъ, соединенныхъ основаніями, равнобедренныхъ треугольниковъ, высотой въ 40 мм. и 150 мм., длина общаго основанія треугольниковъ или, что то же, наибольшая ширина клинка 60 мм. Въ своей конечной части клинокъ, очевидно въ моментъ погребенія, изогнутъ, а самый конецъ его совершенно пригнутъ къ клинку. Отъ ножа сохранилась лишь ближайшая къ черенку часть, гдѣ клинокъ достигаетъ ширины въ 30 мм. На уцѣлѣвшемъ также, втульномъ стержнѣ сохраняются остатки дерева, по которымъ можно заключать, что черешокъ состоялъ изъ двухъ полуовальныхъ, облежавшихъ втульный стержень, дощечекъ. Остатки дерева и сильная накипь ржавчины на желѣзѣ показываютъ, что всѣ (3) описанные предметы, несмотря на присутствіе около нихъ угольнаго пятна, предъ погруженіемъ въ могилу въ огнѣ не находились. На той же глубинѣ 6—8 вершковъ, подѣ сѣверо-западною частью насыпи, найденъ былъ обломокъ обуха же-

лѣзнаго топора, изъѣденный ржавчиною. По всему объему курганной насыпи и неглубокой могилы замѣтны были вкрапины мелкихъ углей, а въ периферіальныхъ частяхъ попадались нерѣдко небольшіе камни.

Курганъ № 6.

Окружность 54 шага; поперечникъ 17 арш. 6 вершк.; высота 1 арш. 5 вершк. По краямъ курганъ обложенъ камнями. Кругомъ едва замѣтный ровъ. На вершинѣ — яма, недавно, очевидно, вырытая кладонскателями.

На высотѣ грунта, подъ курганною насыпью, слабый слой золы съ угольными вкрапинами; въ немъ, въ разстояніи аршинъ двухъ на ССВ отъ центра, — дѣтскій бронзовый браслетъ. На глубинѣ одного аршина, подъ покровомъ изъ булыжниковъ, остатки двухъ погребеній. Дно могильной ямы дѣлится здѣсь на двѣ почти равныхъ части остатками обуглившагося бревна, расположенными по прямой линіи, въ направленіи съ СЗ на ЮВ. Въ сѣверной части, ближе къ юго-восточной окраинѣ, обнаружены остатки черепа; въ разстояніи полуаршина на СЗ отсюда — остатки плечевой кости; еще далѣе — двѣ пальцевыхъ косточки, и, наконецъ, въ разстояніи 1 арш. 9 вершк. отъ черепа, по тому же направленію, на сгнившей деревянной доскѣ, — остатки позвоночника и реберъ. Среди послѣднихъ остатковъ оказалась бронзовая римская фибула, а на всемъ протяженіи отсюда до черепа попадались бронзовыя цилиндрическія трубочки. Въ южной половинѣ остатки праха, въ видѣ перегноя и костей, наблюдались на протяженіи 2 арш. 3 вершк., въ направленіи также съ ЮЗ на СЗ, при чемъ въ крайнемъ юго-восточномъ пунктѣ обнаружены остатки берцовыхъ костей, а въ крайнемъ сѣверо-западномъ — части реберъ и позвоночника; въ послѣднемъ мѣстѣ оказалась также эмалированная бронзовая подвѣска. При сильномъ разрушеніи костяковъ въ обоихъ погребеніяхъ, въ послѣднемъ все-таки уцѣлѣвшія кости обнаруживаютъ болѣе правильное расположеніе; расположеніе же костей въ первомъ совсѣмъ не отвѣчаетъ положенію ихъ въ цѣльномъ костякѣ. При сравненіи этихъ двухъ погребеній невольно кидается въ глаза тотъ странный фактъ, что въ каждомъ изъ обоихъ погребеній недостаетъ для цѣльнаго костяка тѣхъ именно костей, которыя наблюдаются въ другомъ. Странный фактъ этотъ, отчасти наблюдаемый, кстати замѣтить, и въ другихъ межанскихъ курганахъ, вызываетъ не менѣе странное, тѣмъ не менѣе требующее отмѣтки, предположеніе, что предъ погребеніемъ трупъ разсѣкался на нѣсколько частей, и каждая часть помѣщалась въ могилу самостоятельно, — иногда на деревянной подстилкѣ. Для даннаго, напримѣръ, кургана, если допустить такое предположеніе, въ сѣверной половинѣ помѣщены были голова, руки и верхняя часть груди, а въ южной — остальные части корпуса.

Изъ предметовъ, этого кургана, должны быть особо отмѣчены римская фибула (табл. XI, рис. 20 а) и эмалированная подвѣска. Излучина фибулы изготовлена изъ массивнаго трехграннаго стержня шириною въ 9 и толщиною въ 4 мм., длина луки, по направленію тетивы, 60, а высота ок. 30 мм. Чрезъ одинъ конецъ излучины, заканчивающійся, кстати замѣтить, надѣтымъ на него колечкомъ изъ канцелярной проволоки, проходятъ стержни двойной спиральной пружины. Каждая изъ

двухъ совершенно одинаковыхъ спиралей приготовлена изъ круглой проволоки и имѣеть 22 оборота. Диаметръ оборота 5 мм., а длина спирали, по направленію оси, 65 мм. Концы спиралей охвачены при помощи колецъ изъ канительной проволоки, имѣющихъ фигуру цифры 8. Свободный конецъ излучины расклепанъ и согнутъ въ желобокъ, который, будучи подогнутъ внизъ, образуетъ опорный пунктъ для свободного конца иглы. Игла фибулы изъ круглой проволоки, толщиной около 2 мм.; длина ея, опредѣляющая вмѣстѣ и наибольшее протяженіе фибулы, — 133 мм. Въ четырехъ мѣстахъ кривой части излучина перехвачена колечками изъ канительной проволоки, образующими изящный орнаментъ. Изъ довольно многочисленныхъ, аналогичныхъ предметовъ ближе другихъ стоятъ къ описываемому со стороны общаго вида одинъ экземпляръ Стокгольмскаго музея изъ Dögrby, Öland⁹³⁾, а со стороны формы орнаментныхъ колечекъ — фибула изъ Роннебурга, въ Ливоніи⁹⁴⁾.

Эмалированная подвѣска (ib. рис. 19 а) луновидной формы. Наибольшая ширина составляющей ее пластинки (около вершины дуги, гдѣ, между прочимъ, находится и ушко) — 10 мм. Концы оканчиваются византійскими орнаментарными крестиками, величиною въ 20 мм. Разстояніе между крестиками, или, что то же, величина подвѣски по направленію хорды, около 50 мм. Въ перекрестіяхъ обоихъ крестиковъ — круглыя углубленія, которыя были заполнены эмалью-смальтой. Отъ эмали до настоящаго времени уцѣлѣли лишь незначительные остатки, по которымъ все-таки можно судить, что углубленіе на лѣвомъ крестикѣ было наполнено красной эмалью, а на правомъ, если наблюдаемый теперь здѣсь налетъ не патина, эмалью бирюзоваго цвѣта. По своему внѣшнему виду подвѣска эта весьма сходна съ бляшкою уздечнаго набора въ изданіи Звенигородскаго⁹⁵⁾ и отчасти напоминаетъ восемь подвѣсокъ изъ собранія г. Крюгера, въ Митавѣ.

Дѣтскій браслетъ представляетъ собою обыкновенное кольцо въ $1\frac{1}{2}$ оборота изъ четырехгранной проволоки, толщиной въ $1\frac{1}{2}$ мм. Диаметръ оборота 35 мм.

Курганъ № 7.

Окружность 55 шаговъ; поперечникъ 10 аршинъ; высота надъ грунтомъ около 12 вершковъ. Курганъ находится среди распаханной полосы, и на немъ, кромѣ камней, составлявшихъ его обложку, находится много камней, убранныхъ сюда съ полосы.

По грунту — слой золы съ мелкими углями. На глубинѣ аршина, въ грунтовой ямѣ, остатки двухъ костяковъ. Оба костяка находились ближе къ юго-восточной части кургана и лежали въ направленіи съ СЗ (голова) на ЮЗ. Отъ перваго, сѣвернаго костяка сохранились лишь части бедренныхъ и берцовыхъ костей, а отъ втораго, кромѣ тѣхъ же костей, и остатки черепа. Въ послѣднемъ костякѣ разстояніе отъ черепа до оконечности берцовыхъ костей равняется 2 арш. 4 вершка.

При остаткахъ перваго костяка оказалось: а) при вершинѣ праваго бедра — желѣзный, неопредѣленнаго назначенія, стержень; б) между концами бедренныхъ и

⁹³⁾ Montelius, Antiquités suédoises, № 3.

⁹⁴⁾ Aspelin, Antiquités du Nord Finno-Ougrien, № 1775.

⁹⁵⁾ Кондаковъ, Византійскія эмали. Табл. 24, 4.

берцовыхъ костей — желѣзный топоръ, и в) при концѣ правыхъ берцовыхъ костей — серповидный желѣзный ножъ и пика. При остаткахъ черепа втораго костяка найдены были обломки бронзоваго кольца и небольшая орнаментная спираль.

Стержень (а) сильно изъѣденъ ржавчиной, хотя и теперь на одномъ концѣ его можно наблюдать круглое расширеніе со сверлиною въ центрѣ. Длина стержня 135 мм., а общая форма его — это обычная для насадовъ серповъ, ножей и т. п. По сравненію съ однимъ изъ описанныхъ выше ножей, стержень этотъ, вѣроятно, и имѣлъ значеніе рукоятки ножа. Топоръ того же, какъ и выше описанные антесорскіе и межанскіе топоры, типа; высота его — 210 мм., длина лезвья — 55 мм.; длина овальнаго обуха, по направленію топорнища — 80 мм. По сравненію съ другими межанскими топорами рассматриваемый экземпляръ представляетъ ту особенность, что клинокъ его у одного ушка изогнуть въ сторону топорнища. Особенность эта сближаетъ его съ нѣсколькими топорами изъ кургановъ Витебской губерніи, хранящимися теперь въ Виленскомъ музеѣ. Ножъ — кривой. Длина клинка (насадъ, повидимому, уничтоженъ ржавчиной) по тылю — 250 мм., по направленію тетивы — 200 мм.; наибольшая ширина — 25 мм. Аналогичные предметы см. выше. Пика покрыта густою накипью ржавчины, и поэтому точная форма ея не вполне очевидна. Общая длина ея 300 мм.; втулка конической формы, длиною въ 120 мм. Плечики клинка были, повидимому, острые, и ширина клинка въ этомъ мѣстѣ достигала приблизительно 65 мм. Спираль приготовлена изъ овальной сверху пластинки, шириною въ 3 мм. Сохранилось отъ нея не болѣе шести оборотовъ, діаметръ оборота миллиметровъ около пяти. Отъ кольца уцѣлѣло четыре обломка, по которымъ можно судить что это былъ простой формы браслетъ, или, можетъ-быть, височное кольцо, изготовленное изъ четырехугольной проволоки, толщиной не болѣе полутора миллиметровъ.

Общія замѣчанія.

Фактъ, который прежде всего обращаетъ на себя вниманіе при изученіи кургановъ свенцянскаго района — это разнообразіе формъ погребенія не только въ отношеніи отдѣльныхъ группъ, но и въ отношеніи отдѣльныхъ кургановъ одной и той же группы. Это обстоятельство, не давая, повидимому, основаній для причисленія отдѣльныхъ кургановъ разнымъ племенамъ, должно быть объяснено въ смыслѣ продолжительности періодовъ образованія каждой группы, въ теченіе которыхъ, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ условій, могли измѣниться погребальныя формы у одного и того же народа. Если не придавать особеннаго значенія мелкимъ подробностямъ, обнаруженнымъ при изслѣдованіи каждаго отдѣльнаго кургана, то всю совокупность изслѣдованныхъ кургановъ свенцянскаго района можно подвести подъ три, характеризующіяся самостоятельными погребальными обрядами, категоріи. Къ первой категоріи можно отнести большую часть боровскихъ кургановъ (№ 2—5), ко второй — першукштовскіе курганы и, можетъ-быть, нѣкоторые изъ антесорскихъ (напр. № 1), къ третьей — всѣ межанскіе, нѣкоторые изъ боровскихъ (№ 1) и сюда же есть нѣкоторыя основанія причислить бѣольшую, южную, часть антесорскихъ кургановъ.

Общій для кургановъ первой категоріи обрядъ погребенія — трупосожженіе, частнѣйшія подробности котораго характеризуются слѣдующими чертами: сожженіе трупа въ сторонѣ отъ мѣста кургана, помѣщеніе праха въ различныхъ мѣстахъ курганной насыпи, (что свидѣтельствуетъ также о необязательномъ возведеніи кургана надъ каждымъ прахомъ), и, съ отрицательной стороны, отсутствіе погребальныхъ урнъ и вообще всякихъ слѣдовъ глиняной посуды. Всѣ курганы этой категоріи средней величины и имѣютъ форму сферическихъ сегментовъ. Нѣкоторые изъ нихъ окаймлены камнями. Число вещей, найденныхъ въ курганахъ, очень незначительно, что едвали можно объяснить уничтоженіемъ ихъ на кострѣ, такъ какъ, при этомъ условіи, въ курганахъ должно было бы оказаться большее количество безформенныхъ металлическихъ слитковъ. Во всѣхъ раскопанныхъ курганахъ найдены лишь костяной когтевидный амулетъ, одна бѣлая, яйцевидной формы, буса, двѣ пряслицы, одна поясная пряжка и желѣзные топоръ и пила. Если исключить изъ числа находокъ амулетъ и бусу, то рассматриваемые курганы, какъ со стороны ихъ формы, такъ и найденныхъ въ нихъ вещей, а главнымъ образомъ со стороны погребальнаго обряда вполнѣ сходны съ описанными выше лынтунскими курганами и, такимъ образомъ, почти безъ всякихъ ограниченій могутъ быть отнесены къ тому же, что и лынтунскіе, народу и времени. Несущественное различіе, заключающееся въ томъ, что нѣкоторые изъ боровскихъ кургановъ обложены по бокамъ камнями, въ противоположность полному отсутствію камней на лынтунскихъ, можно объяснить совмѣстнымъ нахожденіемъ боровскихъ кургановъ этого типа съ другими болѣе ранними, для которыхъ каменный боковой покровъ былъ, повидимому, явленіемъ обычнымъ, а можетъ-быть и ритуальнымъ. Подъ вліяніемъ непосредственнаго наблюденія этого обычая, вѣроятно безъ всякой предвзятой идеи, близъ Боровой оклаивались камнями нѣкоторые курганы и позднѣйшаго времени, въ Лынтунахъ же, гдѣ примѣръ старины налицо отсутствовалъ, курганы, несмотря на обиліе камней по сосѣдству, остаются всегда безъ каменнаго покрова.

Ко второй категоріи должны быть отнесены, какъ уже замѣчено выше, курганы першукштовскіе. Характеризующій ихъ обрядъ погребенія—также трупосожженіе; тѣмъ не менѣе есть нѣсколько фактовъ, которые заставляютъ отличать ихъ отъ кургановъ только-что рассмотрѣнныхъ. Факты эти: во-первыхъ, съ отрицательной стороны, почти постоянное отсутствіе въ курганахъ остатковъ праха (костей) и предметовъ личнаго наряда и, во-вторыхъ, съ положительной стороны, обычное присутствіе въ нихъ слѣдовъ лошади, — то въ видѣ костяковъ (цѣлыхъ или частей) совмѣстно съ нѣкоторыми предметами конскаго убора, то въ видѣ однихъ только послѣднихъ. Особенность этихъ, преимущественно, кургановъ составляютъ и нерѣдкія находки вообще довольно обычныхъ для литовской части нашего края желѣзныхъ серповъ. Можно, наконецъ, отмѣтить несущественную, правда, особенность этихъ кургановъ и со стороны внѣшней формы, именно: многіе изъ нихъ отличаются, сравнительно съ шириною, большими размѣрами въ вышину, такъ что ближе напоминаютъ фигуру усѣченнаго конуса, чѣмъ сферическаго сегмента.

Першукштовскіе курганы не представляютъ исключительно по своему характеру

явленія: совершенно такого-же характера курганная группа (обслѣдованная нами въ 1893 году), находится въ им. Швейцары⁹⁶⁾ близъ Вильны, и кромѣ того изъ предшествовавшей археологической практики можно указать цѣлый рядъ фактовъ, обнаруживающихъ присутствіе подобныхъ кургановъ и въ другихъ мѣстахъ Виленской губерніи. Такъ напр. при дер. Брожонѣ, Трокскаго уѣзда, въ курганѣ найдены были: урна изъ глины съ костями и пепломъ, жертвенный серпъ, колокольчикъ и шпоры. Близъ м. Евья въ 1888 году г. Вольтеромъ въ четырехъ курганахъ (отличающихся, вообще бѣдностью) найдены были на угольномъ слоѣ жженыя кости и по желѣзному серпу. Въ 1854 г. въ курганѣ, близъ села Городилова, А. Киркоръ нашелъ уздечку, вмѣстѣ съ мечомъ, двумя копьями, серебряной фибулой и глиняной урной. Тѣмъ же Киркоромъ близъ им. Ночи въ курганѣ найдены были жженыя кости, серпъ и удила. Въ той же курганной группѣ, при позднѣйшихъ раскопкахъ гг. Шукевича и Вольтера, находимы были жженыя кости и разные желѣзные предметы: стремена, удила, ножи, серпы. Въ курганахъ близъ Большихъ Солечниковъ находимы были лошадиныя кости и желѣзные мундштуки. Въ одномъ изъ ландваровскихъ кургановъ найдена была сварившаяся желѣзная масса съ явными признаками стремянъ, колець и другихъ принадлежностей конской сбруи⁹⁷⁾. Несмотря на значительный въ количественномъ отношеніи приведенный перечень однородныхъ съ разсматриваемыми кургановъ, характеристика ихъ какъ и со стороны подробностей самаго обряда погребенія, такъ и въ этнографическомъ и хронологическомъ отношеніи, не идетъ далѣе болѣе или менѣе вѣроятныхъ гипотезъ.

Во-первыхъ, относительно обряда погребенія, видно, что сожженіе праха происходило въ большинствѣ случаевъ не на самомъ мѣстѣ кургана, а на сторонѣ. На одномъ, повидимому, кострѣ съ умершимъ, въ большинствѣ случаевъ, сожигался и его конь. Присутствіе послѣдняго на кострѣ естественно вызывало потребность очень высокой температуры, что отчасти доказывается замѣчательною сохранностію (имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ вещи нашихъ раскопокъ) въ курганахъ желѣзныхъ вещей, а также и случаями находки въ курганахъ желѣзныхъ шлаковъ⁹⁸⁾ и фактомъ спайки въ одномъ изъ першуктовскихъ кургановъ (№ 7) отдѣльныхъ частей предмета, опредѣляемаго нами какъ кнутовище. Слишкомъ высокою температурою костра можно, повидимому, объяснить и отсутствіе въ большинствѣ кургановъ остатковъ праха и предметовъ личныхъ украшеній: и трупъ умершаго, и все его облаченіе подвергалось дѣйствию огня, очевидно, до полного ихъ уничтоженія и такимъ образомъ для помѣщенія въ курганахъ оставались однѣ огнеупорныя вещи, каковы разные желѣзные предметы конской сбруи и такъ часто попадающіеся въ этихъ курганахъ желѣзные серпы. Сожиганіе коня, по крайней мѣрѣ совмѣстно съ прахомъ человѣка, повидимому, впрочемъ не было исключительнымъ явленіемъ: въ курганѣ, описанномъ, какъ мы видѣли выше, Киркоромъ, конь не только не былъ на кострѣ, но, повидимому, зарытъ былъ въ кур-

⁹⁶⁾ См. Труды IX археол. съѣзда, т. I стр. 215.

⁹⁷⁾ Болѣе подробныя свѣдѣнія о всѣхъ перечисленныхъ фактахъ см. Археол. карту Виленскаго губернскаго изданія, подъ соответствующими заглавіями.

⁹⁸⁾ Швейцарскіе курганы, въ Трудахъ IX археологическаго съѣзда, т. I, стр. 215.

ганѣ живой; въ одномъ изъ раскопанныхъ нами швейцарскомъ курганѣ до цѣлаго конскаго костяка недоставало лишь оконечностей, и въ одномъ першукштовскомъ курганѣ въ цѣломъ видѣ найдена была задняя часть лошадиного позвоночника. Замѣчательно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ, гдѣ сожженію такимъ образомъ предавался одинъ личный прахъ и гдѣ, слѣдовательно, не требовалось большого огня, въ курганахъ обнаружены мелкія жженыя, по всей вѣроятности, человѣческія кости.

Къ какому времени и народу должны быть отнесены рассматриваемые курганы? Для отвѣта на первый вопросъ недостаетъ не только точныхъ хронологическихъ данныхъ, но и болѣе или менѣе характерныхъ принадлежностей личнаго наряда, по аналогіи которыхъ можно было бы, по крайней мѣрѣ, приблизительно опредѣлить время построения кургановъ. Одно несомнѣнно, что курганы эти, какъ содержащіе обрядъ погребенія — трупосожженіе, принадлежатъ дохристіанской для нашихъ мѣстъ эпохѣ; если же присоединить сюда замѣчательное сходство добытыхъ въ курганахъ предметовъ конской сбруи съ употребляющимися до сихъ поръ, то едва ли возможно будетъ относить ихъ далѣе послѣднихъ дней язычества въ нашемъ мѣстѣ. Высказаннымъ сейчасъ предположеніемъ, относительно времени сооруженія кургановъ, если присоединить къ нему фактъ мѣстонахожденія кургановъ рассматриваемаго типа въ предѣлахъ, до сихъ поръ обитаемыхъ литовцами, опредѣляется само собою и оставившій эти курганы народъ, именно, какъ литовскій. Правда, упомянутый выше городиловскій курганъ, а также фактъ находки серпа въ одномъ изъ куренецкихъ кургановъ⁹⁹⁾ и лично нами обнаруженное присутствіе конскихъ костей въ одномъ изъ хотенчицкихъ кургановъ¹⁰⁰⁾ свидѣтельствуютъ о случаяхъ погребенія рассматриваемаго типа и въ земляхъ завѣдомо славянскихъ (теперь бѣлорусскихъ), но всѣ три упомянутыхъ случая представляютъ явленіе исключительное среди преобладающаго количества кургановъ съ обычнымъ погребеніемъ, и, весьма вѣроятно, могутъ быть истолкованы въ качествѣ погребеній, принадлежащихъ также литовцамъ, оказавшимся среди иноплеменнаго населенія въ силу какихъ-нибудь, хотя бы, на примѣръ, военно-политическихъ отношеній. Въ частности, городиловскій, на примѣръ, курганъ, доставившій рѣдкія для нашего края и сравнительно цѣнныя находки, — мечъ и серебряную съ золотымъ орнаментомъ фибулу, — почти съ несомнѣнностію можетъ быть опредѣленъ въ качествѣ могилы первенствующаго въ политическомъ или военномъ отношеніи среди своихъ современниковъ лица. Такимъ образомъ фактъ мѣстонахожденія кургановъ рассматриваемаго типа среди литовскихъ поселеній можетъ оставаться во всей его силѣ, а слѣдовательно и принадлежность этихъ кургановъ литовскому именно племени должна считаться весьма вѣроятною. — Но при такомъ предположеніи естественнымъ образомъ возникаетъ вопросъ объ отношеніи рассматриваемыхъ кургановъ къ курганамъ того типа, который наблюдается напр. въ Лынтупахъ и около Боровой¹⁰¹⁾, и топографическія границы котораго почти совпадаютъ съ границами Першукштов-

⁹⁹⁾ Археологическая карта Виленской губерніи. Любань.

¹⁰⁰⁾ Ibid. Хотенчицы и подробнѣе: О. Покровскій, Археологическія экскурсіи по Виленской губерніи 1893 г.

¹⁰¹⁾ См. выше.

скаго типа кургановъ¹⁰²): обнаруживая одинаковый обрядъ погребенія — трупосожженіе и принадлежа одному и тому же племени, першукштовскіе и лынтуцкіе курганы представляютъ ли два послѣдовательныхъ момента развитія одного погребальнаго типа, или же они представляютъ два одновременныхъ явленія? Если допустить вѣроятность высказанныхъ ранѣе соображеній, то приходится утвердительно отвѣтить въ смыслѣ послѣдняго изъ вопросовъ, т.-е. считать и тѣ и другіе курганы одновременными. Но если такъ, чѣмъ объяснить разницу этихъ двухъ погребальныхъ кургановъ, выражающуюся въ присутствіи въ першукштовскихъ курганахъ слѣдовъ погребенія вмѣстѣ съ человѣкомъ коня. Для вѣроятнаго отвѣта на этотъ вопросъ слѣдуетъ упомянуть общезвѣстный фактъ (позднѣйшихъ, правда, время) объ отбываніи на Литвѣ воинскихъ повинностей натурою, — въ томъ или другомъ видѣ¹⁰³). По всей вѣроятности фактъ этотъ имѣлъ мѣсто и въ современную образованію разсматриваемыхъ кургановъ эпоху и, такимъ образомъ, возможно, что курганы съ погребеніемъ коня оставлены тѣми поселеніями, которыя отбывали военную повинность въ кавалерійскомъ¹⁰⁴) строю, курганы-же съ присутствіемъ топоровъ и пикъ принадлежать тѣмъ лицамъ, изъ которыхъ составлялось пѣхотное ополченіе. При такомъ предположеніи и присутствіе коня въ курганѣ нѣтъ надобности объяснять въ смыслѣ ритуальной жертвы: онъ могъ явиться здѣсь какъ обыкновенный бытовой предметъ въ родѣ серпа, топора, ножа и т. п. Но при опредѣленіи кургановъ съ конскимъ погребеніемъ въ смыслѣ кладбищъ кавалерійскихъ поселеній можетъ возникнуть нѣсколько второстепенныхъ вопросовъ, напримѣръ, о замѣчательномъ отсутствіи въ курганахъ этого типа военного оружія, или вопросъ о женскихъ погребеніяхъ. Если бы предполагаемое опредѣленіе получило значеніе достовѣрнаго факта, то отвѣты на подобные вопросы не представляли бы затрудненій; напримѣръ, вопросъ о женскихъ погребеніяхъ могъ бы рѣшаться указаніемъ на пустые курганы; отсутствіе оружія можно было бы объяснить вооруженіемъ кавалеріи мечами, которые не полагались въ курганы или вслѣдствіе ихъ дороговизны, или, можетъ-быть, потому, что выдавались рядовымъ кавалеристамъ только въ случаѣ военного времени. Но такъ какъ самый фактъ опредѣленія кургановъ въ смыслѣ кавалерійскихъ могилъ не идетъ далѣе простой гипотезы, то и рѣшеніе второстепенныхъ вопросовъ, во избѣжаніе излишней гипотетичности, пока должно быть оставлено.

Къ типу кавалерійскихъ кургановъ должна быть отнесена и сѣверная часть антесорской группы. На основаніи раскопки здѣсь одного, впрочемъ, кургана обрядъ погребенія представляется въ слѣдующемъ видѣ. На днѣ цилиндрической ямы, стѣны которой выложены камнями, помѣщался живой конь, а рядомъ съ конемъ, или, можетъ быть, на самомъ конѣ, — трупъ погребяемаго. Послѣ этого яма заполнялась камнями настолько, что послѣдніе образовали надъ нею небольшой, конической формы, холмикъ. Холмикъ окружался кольцеобразною, изъ камней же, оградою, и все это засыпалось нескомъ, образовавшимъ такимъ образомъ сферической формы курганъ, края котораго

¹⁰²) Топографическій указатель, по крайней мѣрѣ, въ формѣ намековъ, однородныхъ съ лынтуцкими кургановъ, см. Археологическую карту Виленской губерніи 1893 г.

¹⁰³) См. напр. XIV томъ изд. Виленск. Археол. Ком.

¹⁰⁴) Предметы сбруи доказываютъ погребеніе не рабочей лошади, а боеваго коня.

совпадали съ внѣшней стѣной ограды¹⁰⁵). Вотъ все, — что пока можно сказать о курганахъ этой части антесорской группы. Ни одного металлическаго предмета въ раскопанномъ курганѣ найдено не было, хотя окраска пальцевой косточки въ зеленый цвѣтъ свидѣтельствуетъ о возможности находки въ этихъ курганахъ бронзовыхъ предметовъ. — Если, на основаніи присутствія въ курганѣ коня, возможно этотъ видъ погребенія сближать съ предыдущимъ — першукштовскимъ, то, во всякомъ случаѣ, вслѣдствіе особаго строенія могилы и кургана, прототипа которыхъ слѣдуетъ искать у западныхъ сосѣдей древнѣйшей эпохи, и въ виду погребенія костяка въ цѣломъ видѣ, что, для нашихъ мѣстъ, предшествуетъ трупосожженію, антесорскій обрядъ погребенія принадлежитъ несомнѣнно древнѣйшему, сравнительно съ першукштовскимъ, времени.

Къ третьей категоріи, какъ уже выше упомянуто, относятся всѣ межанскіе курганы, большая (южная) часть антесорской группы и нѣкоторые (№ 1 изъ раскопанныхъ) изъ кургановъ близъ Боровой. Прежде чѣмъ представить общую характеристику этихъ кургановъ со стороны ихъ строенія, наблюдаемаго въ нихъ обряда погребенія и найденныхъ въ нихъ вещей, необходимо замѣтить, что нѣкоторые изъ этихъ кургановъ, принадлежащихъ вообще къ одной изъ древнѣйшихъ археологическихъ эпохъ, служили, повидимому, мѣстами позднѣйшихъ сравнительно погребеній. Если исключить эти послѣднія, то общая характеристика кургановъ разсматриваемаго типа можетъ быть представлена въ слѣдующемъ видѣ.

Со стороны внѣшней формы всѣ курганы имѣютъ видъ сферическаго сегмента незначительныхъ въ большинствѣ случаевъ размѣровъ, — именно: средняя величина кургана, на основаніи произведенныхъ при раскопкахъ промѣровъ, опредѣляется слѣдующими измѣреніями: окружность кургана — 34 шага, поперечникъ, черезъ верхъ, — 11 арш. 12 вершк., высота 1 арш. 1 верш. По бокамъ всѣхъ почти кургановъ наблюдается каменная обкладка, на нѣкоторыхъ же курганахъ замѣтны камни и на вершинѣ. Изъ числа всѣхъ раскопанныхъ кургановъ (15) рвы наблюдались только около трехъ изъ нихъ: при остальныхъ же курганахъ если и были рвы, то они, во всякомъ случаѣ не отличались глубиною, такъ какъ, въ виду преобладающаго погребенія — ниже грунта, большая часть курганной насыпи составлялась изъ земли, извлеченной изъ могильной ямы.

Величина и форма ямы, по отсутствію у послѣдней какой бы то ни было обдѣлки стѣнъ, не поддаются точному опредѣленію, за исключеніемъ глубины, средняя величина которой около одного аршина. Въ нѣкоторыхъ курганахъ, правда, центральная часть состоитъ изъ темнаго, иногда углубляющагося въ грунтъ, слоя съ ясно обозначающимися границами, но объемъ этого слоя не опредѣляетъ границъ главной могильной ямы: въ виду наблюдаемыхъ въ большинствѣ кургановъ двухъ, а иногда и большаго количества, погребеній темный слой если и опредѣляетъ величину, то ямы позднѣйшей, вырытой уже въ готовомъ курганѣ; вслѣдствіе же формы темнаго слоя, во всѣхъ почти случаяхъ напоминающей перевернутый усѣченный конусъ, и вслѣд-

¹⁰⁵) Ограда, впрочемъ, могла образоваться и послѣ насыпки уже кургана, какъ результатъ обложенія краевъ кургана камнями.

ствіе незначительной въ нѣкоторыхъ случаяхъ его глубины, слой этотъ едва ли не правдоподобнѣе даже объяснить въ качествѣ перегноя погруженныхъ въ курганъ остатковъ или тризны, или жертвы. Вслѣдствіе сильнаго разрушенія костяковъ, вопросы о подробностяхъ ихъ положенія разрѣшаются болѣе или менѣе лишь предположительно. Болѣе положительно обоснованнымъ можетъ считаться фактъ помѣщенія умершаго ниже уровня въ ямѣ, хотя и здѣсь наблюдаются исключительные случаи находенія почти на самомъ грунтѣ то вещей (чаще), то иногда (рѣже) и остатковъ костяковъ. Впрочемъ эти исключения могутъ объясняться фактами неединичнаго погребенія въ каждомъ отдѣльномъ курганѣ: при погребеніи уже въ готовомъ курганѣ, весьма естественно, трупъ могъ быть помѣщенъ даже и выше уровня грунта, равнымъ образомъ и вещи, принадлежащія раннему погребенію, при новомъ погребеніи въ томъ-же курганѣ, могли быть потревожены и перемѣщены изъ грунтовой ямы на поверхность грунта и даже въ курганную насыпь. Положеніе костяковъ въ могилахъ, насколько можно судить по незначительнымъ остаткамъ костей и мѣстоположенію точно опредѣляемыхъ предметовъ, въ большинствѣ случаевъ одинаково и съ приблизительно постоянною оріентировкою, именно: голова (лицомъ, безразлично, вверхъ, вправо и влево) всегда почти обращена на З (уклоненія на СЗ и ЮЗ) и оконечности вытянуты вдоль корпуса. Уклоненіе отъ положенія представляютъ три случая (два въ антесорской группѣ и одинъ въ боровской), въ которыхъ, судя по относительному положенію остатковъ черепа и бедряныхъ костей, можно предположить положеніе костяка, повидимому, въ скорченномъ видѣ, на лѣвомъ боку. — Признаковъ гроба ни въ одномъ случаѣ не обнаружено, слѣды же древесной подстилки наблюдаемы были въ двухъ межанскихъ курганахъ № 1, благодаря обилію въ немъ бронзовыхъ вещей: подъ нѣкоторыми изъ нихъ, а также подъ одною изъ бедренныхъ костей собрано было нѣсколько кусковъ довольно хорошо сохранившагося крупнослоистаго дерева; а въ курганѣ № 2 эллипсоидальный пластъ темной земли, наблюдавшійся по дну могилы, прежде всего вызывалъ аналогію его съ перегноемъ деревяннаго предмета, напоминавшаго по своей формѣ фигуру ладьи. Кромѣ того, въ курганѣ № 1, въ перегноѣ шерстяной матеріи, непосредственно прилегавшей къ кускамъ дерева, оказалось нѣсколько толстыхъ соломинъ, но служила ли эта солома могильной подстилкой, или же она представляетъ остатокъ плетенья, въ родѣ напр. того, какое обнаружено въ одной изъ люцинскихъ могилъ¹⁰⁶⁾ вопросъ, этотъ долженъ быть оставленъ безъ положительнаго отвѣта.

Что касается найденныхъ въ курганахъ предметовъ, то, въ виду подробнаго обзоренія ихъ при описаніи cadaго отдѣльнаго кургана, здѣсь достаточно будетъ ограничиться ихъ перечнемъ съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ лишь общихъ замѣчаній.

I. *Одежда.* За исключеніемъ ничтожнаго лоскута прекрасно сохранившейся ткани въ одномъ изъ боровскихъ кургановъ (№ 1), шерстяныхъ темно-бурыхъ нитокъ внутри цилиндриковъ 1-го межанскаго кургана, и шнурка изъ льняныхъ или пеньковыхъ нитокъ, найденнаго въ антесорскомъ курганѣ № 7, всѣ остатки матеріи найдены

¹⁰⁶⁾ Матеріалы по археологіи Россіи, № 14, Т. VII, 9,

были въ курганахъ или въ состояніи почти полнаго разложенія (черный перегной), или въ видѣ окаменѣлыхъ, подѣ влияніемъ желѣза, мелкихъ лоскутовъ, вполне утра- тившихъ свойства тѣхъ веществъ, изъ которыхъ они были приготовлены; такимъ образомъ свойства и качества находимыхъ въ курганахъ тканей могутъ быть опре- дѣляемы лишь предположительно. Такъ какъ въ однихъ остаткахъ тканей нитки пере- сѣкаются подѣ прямыми углами, въ другихъ подѣ косыми, то, по аналогіи этого факта съ лучше сохранившимися тканями изъ другихъ кургановъ, можно утверждать присутствіе въ курганахъ двоякаго рода тканей — шерстяныхъ и льняныхъ. Кромѣ того, въ отдѣльныхъ остаткахъ льняной ткани различіе въ толщинѣ нитокъ выра- жается настолько опредѣленно, что можно говорить о двоякаго вида льняной ткани, — болѣе грубой и менѣе. Ткань, найденная въ боровскомъ курганѣ производитъ впечатлѣніе шелковой матеріи изъ толстыхъ крученыхъ нитокъ желто-оранжеваго цвѣта. — Находки изъ перваго и шестаго межанскихъ кургановъ указываютъ на обычай укра- шать иногда шерстяныя ткани металлическими бляшками и края ихъ отдѣлывать такою же бахромою изъ цилиндриковъ. Относительно покроя платья возможно сдѣлать лишь два замѣчанія: мѣстоположеніе пряжки въ боровскомъ курганѣ (№ 1) намекаетъ на употребленіе застегивавшагося на одномъ изъ плечъ шерстянаго плаща, а располо- женіе цилиндриковъ въ межанскомъ курганѣ (№ 1) даетъ основаніе трактовать ихъ въ качествѣ отдѣлки рукавовъ и подола юбки, спускавшейся лишь нѣсколько ниже колѣнь. Чтобы покончить съ платьемъ, слѣдуетъ упомянуть объ употребленіи кожа- ныхъ, повидимому, поясовъ съ металлическимъ наборомъ (Межаны, к. № 1).

II. *Предметы украшеній.* Всѣ найденные предметы этого рода группируются около шеи, груди и рукъ. Къ шейнымъ украшеніямъ относятся бронзовые немассивные, сравнительно, обручи и бусы изъ стекла, стеклива и бронзовыхъ спиралекъ. Стек- лянныя и стекливныя бусы отличаются въ общемъ неправильною призматическою фор- мою. Нѣкоторые изъ шейныхъ обручей были снабжены эмалевыми подвѣсками. Такъ какъ, если судить по аналогіи съ другими однородными предметами, эмалевыя под- вѣски соединялись съ обручемъ при посредствѣ длинныхъ зеньевъ, то подвѣски эти служили вмѣстѣ и нагруднымъ украшеніемъ. Такимъ же нагруднымъ украшеніемъ можно считать колчанная фибулы изъ одного антесорскаго кургана (№ 3) и одного межан- скаго (№ 6) и характерную по своей четырехугольной бляхѣ застѣжку изъ перваго боровскаго кургана. Наручныя украшенія представлены въ курганахъ браслетами и кольцами (перстнями). Браслеты двоякаго рода: два изъ широкой массивной пла- стины съ довольно сложнымъ на лицевой сторонѣ орнаментомъ, остальные — изъ тонкой четырехгранной проволоки въ 2—3 оборота. Наперстныя кольца — спирали изъ очень тонкой полуовальной проволоки.

III. *Бытовые предметы.* Здѣсь преобладаютъ предметы военнаго оружія: пики, топоры и умбо. Характерныя особенности пикъ — небольшіе размѣры и изящество формы. Топоры отличаются долотовиднымъ клинкомъ и въ соединеніи съ топорницемъ даютъ фигуру остраго крюка. Умбо характеризуются сферическою формою, въ про- тивоположность цилиндрической позднѣйшихъ этого рода предметовъ. Къ пред- метамъ домашняго обихода должны быть отнесены прямыя и серповидныя ножи и

пики изъ антесорскаго кургана (№ 3), если опредѣлять ее въ значеніи остроги. Впрочемъ, въ виду не вполне обычной величины и отчасти формы ножей и нецѣлостности пики для военныхъ цѣлей, и эти послѣдніе предметы возможно трактовать въ смыслѣ военнаго оружія.

Сопоставляя курганы этой третьей категоріи съ двумя предыдущими, а также съ лынтупскими и ранѣе изслѣдованными нами¹⁰⁷⁾ богинскими, опсовскими и т. д., мы должны констатировать полное несходство ихъ, какъ со стороны обряда погребенія и найденныхъ въ курганахъ вещей, такъ, отчасти, и со стороны внѣшняго строенія кургановъ. Такимъ образомъ, если, въ виду расположенія рассматриваемыхъ кургановъ въ земляхъ исконно литовскихъ, и можно говорить о принадлежности этихъ кургановъ литовскому племени, то, во всякомъ случаѣ, они должны быть отнесены сравнительно съ курганами первыхъ двухъ категорій къ совершенно иной археологической эпохѣ. При частномъ обзорѣ добытыхъ въ курганахъ предметовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда являлась возможность аналогіи, оказывалось, что, въ большинствѣ случаевъ, аналогичные предметы находились среди тѣхъ, которые относятся вообще къ древнѣйшему желѣзному періоду¹⁰⁸⁾ и въ частности къ періоду этому въ земляхъ прибалтійскихъ и литовской; равнымъ образомъ и самый обрядъ погребенія, а отчасти и строеніе кургановъ, нигдѣ не находятъ для себя большей аналогіи, какъ въ той эпохѣ, которая съ точки зрѣнія общерусской классификаціи опредѣляется именемъ скифо-сарматской¹⁰⁹⁾. По предположенію проф. Аспелина¹¹⁰⁾ упомянутыя сейчасъ прибалтійскія и литовскія древности обнаруживаютъ явные слѣды воздѣйствія на нихъ готской или вообще германской культуры; и такъ какъ это вліяніе не могло простираться далѣе IV вѣка, около котораго готы отѣснены были на западъ двинувшимися на С славянами, то и древности эти, по словамъ того же проф. Аспелина, не могутъ быть отнесены къ позднѣйшему, чѣмъ конецъ IV вѣка, времени. Равнымъ образомъ и Д. Я. Самоквасовъ, характеризуя скифо-сарматскую курганную эпоху, конечнымъ предѣломъ ея считаетъ V вѣкъ нашей эры. Этими же (IV—V вв.) хронологическими предѣлами, на основаніи всего вышесказаннаго, должно быть опредѣлено по крайней мѣрѣ, и, возникновеніе рассматриваемыхъ кургановъ. Нельзя, положимъ, настаивать на подобномъ хронологическомъ опредѣленіи для всѣхъ вообще кургановъ третьей категоріи: возможно, что антесорскіе, на примѣръ, относятся и

¹⁰⁷⁾ Труды IX арх. съѣзда, томъ I, стр. 166—230.

¹⁰⁸⁾ См. ваур. Montelius, *Antiquités suédoises*, p. 87 и сл.

¹⁰⁹⁾ Основанія хронологической классификаціи, описаніе и каталогъ коллекціи древностей проф. Д. Я. Самоквасова. Варшава, 1892 г. стр. XVIII: «Самую обыкновенную форму могилъ скифо-сарматской эпохи съ остатками погребенныхъ покойниковъ представляетъ курганъ, покрывающій яму, вырытую въ материкѣ, разной формы и величины, съ однимъ, двумя и болѣе костяками. Въ многокурганныхъ кладбищахъ всего чаще встрѣчается вертикальная, прямоугольная могильная яма, отъ 2½ до 4 арш. длины, отъ 5 четвертей до 3 арш. ширины и отъ 1 до 4 арш. глубины, покрытая сверху деревяннымъ помостомъ и землянымъ курганомъ отъ 1 до 5 арш. отвѣсной высоты и отъ 20 до 50 въ окружности основанія. Иногда, особенно въ мѣстностяхъ, изобилующихъ камнемъ... насыпь кургана скрѣпляется слоями крупнаго и мелкаго булыжника».

¹¹⁰⁾ *Antiquités du Nord Finno-Ougrien*, p. 325 и слѣд.

къ позднѣйшей эпохѣ; что же касается межанскихъ кургановъ, по крайней мѣрѣ древнѣйшихъ изъ нихъ, то по отношенію къ нимъ намѣченную хронологическую дату возможно допустить безъ всякихъ ограниченій.

IV.

Богущишкскій пиликальнисъ.

Районъ Свенцянской и Михайловской волостей, Свенцянскаго уѣзда, представляетъ одинъ изъ живописнѣйшихъ въ Литвѣ уголковъ. Преобладающій мотивъ здѣшнихъ пейзажей — это небольшіе, иногда поросшіе лѣсомъ, холмы, группирующіеся по краямъ различной величины долинъ съ небольшими спокойно-дремлющими въ глубинѣ ихъ озерами или же съ быстро текущими ручейками. Со стороны формы, холмы обращаютъ на себя вниманіе правильностью ихъ очертаній, и, вѣроятно, благодаря этому обстоятельству, многіе изъ нихъ слывутъ у народа подъ именемъ „пиликальнисовъ“, т.-е. насыпныхъ горъ. Для большинства такихъ „пиликальнисовъ“ естественное происхожденіе не можетъ подлежать сомнѣнію, но нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно до сихъ поръ носятъ на себѣ слѣды если не вполне искусственнаго происхожденія, то, по крайней мѣрѣ, искусственной обдѣлки и пребыванія на нихъ человѣка. Два такихъ пиликальниса мы имѣли случай осмотрѣть во время археологической экскурсіи 1894 года. Первый изъ нихъ, — богущишкскій пиликальнисъ, находится въ разстояніи саженой 150 на С отъ деревни Богущишки, астрономическое положеніе которой можетъ быть опредѣлено приблизительно $43^{\circ}42'$ в. д. и $55^{\circ}5'$ с. ш. При наблюденіи горы (пиликальнисъ) издали, она производитъ впечатлѣніе вполне правильнаго усѣченнаго конуса, на самомъ же дѣлѣ вершина ея имѣетъ фигуру совершенно правильной, эллиптической формы, площади. Наибольшее протяженіе, съ С на Ю, равняется 104 шагамъ, длина поперечной оси 50 шаговъ, окружность около 240. Склоны горы очень крутые: на основаніи фотографическаго снимка они опредѣляются угломъ около 60° . Что касается высоты горы, то верхняя часть ея, которая отличается большею правильностію и которая собственно характеризуетъ самую гору, поднимается, по направленію склоновъ, до высоты 6—8 аршинъ. Начиная отсюда — внизъ гора постепенно теряетъ свою правильность, и въ этой послѣдней части высота горы надъ сосѣднею площадью для разныхъ ея сторонъ различна: такъ, на примѣръ, на южномъ склонѣ гора поднимается надъ сосѣднимъ полемъ не болѣе обыкновеннаго человѣческаго роста; на В и С послѣ 8-аршиннаго, приблизительно, обрыва наблюдается постепенный переходъ боковъ въ открывающуюся съ этихъ сторонъ обширную и низменную долину; на западѣ же гора круто спускается къ болоту, отдѣляющему ее отъ постепеннаго подъема къ расположенной въ этой сторонѣ, вообще возвышенной, мѣстности, на ЮЮЗ — огромная сухая яма, высота горы надъ дномъ которой должна измѣряться десятками аршинъ. Ни рвовъ, ни валовъ незамѣтно, да ихъ, положительно можно утверждать, и не было; не было также, въ видѣ болѣе или менѣе пологой

дороги, и въѣзда: даже теперь, несмотря на то, что вершина горы распахивается, крестьяне, по ихъ собственному заявленію, считаютъ излишнею (невозможною) попытку подняться на гору съ возомъ. Съ рассматриваемою горою, какъ вообще съ другими однородными съ ней мѣстами нашего края, соединяется у народа нѣсколько рассказовъ. Прежде всего, кромѣ обычнаго мѣстнаго названія „пиликальнисъ“, гора эта иногда называется еще то „городкомъ“ (подъ этимъ названіемъ она извѣстна у здѣшнихъ поселенцевъ-раскольниковъ изъ Великороссіи), то „Богущинскою бабкою“, то, просто, „Богущинскою горою“ (горою по преимуществу, предъ многочисленными другими сосѣдными). Изъ рассказовъ, которые соединяются съ горою, распространеннѣе другихъ, повидимому, тотъ, по которому гора образовалась оттого, что здѣсь насыпанъ землею костель. Одинъ изъ крестьянъ-рассказчиковъ, между прочимъ, настойчиво утверждаетъ, что онъ самъ нѣсколько разъ слыхалъ по утрамъ раздающійся изъ горы звонъ. По другому рассказу, гора насыпана проходившимъ здѣсь когда-то какимъ-то войскомъ, при чемъ земля для насыпи извлечена была изъ наблюдаемой до сихъ поръ близъ ЮЮЗ-го края горы, ямы. Въ передаваемомъ рассказѣ цѣль насыпи не указана, но обыкновенно подобный рассказъ для другихъ горъ дополняется указаніемъ и цѣли, которая всегда опредѣляется какъ средство указать величину войска, при чемъ въ подобныхъ рассказахъ всегда говорится, что для насыпи горы каждый солдатъ приносилъ земли только по одной лопатѣ или сапогу, или шанкѣ и т. п.¹¹¹⁾ Существуетъ также рассказъ о мѣстопребываніи на горѣ встарину нѣкоего пустельника (пустынникъ), отъ котораго, между прочимъ, остался будто бы наблюдаемый и до сихъ поръ по сосѣдству съ горою, на В, колодець. Въ другой версіи рассказъ этотъ дополняется указаніемъ въ колодецѣ клада. Одинъ изъ богущинскихъ крестьянъ рассказывалъ также о попыткахъ своего, теперь умершаго, отца отыскать кладъ въ самой горѣ. Крестьянинъ этотъ (отецъ) началъ было копать яму на юго-западномъ склонѣ горы, но на него напалъ такой страхъ, что крестьянинъ, бросивъ работу, убѣжалъ домой; возвратившись вскорѣ послѣ этого обратно, крестьянинъ былъ пораженъ, не найдя и слѣдовъ начатой ямы. Довелось намъ, во время осмотра горы, слышать много и другихъ рассказовъ, но они уже имѣли очевидный характеръ импровизированнаго крестьянскаго творчества.

Верхняя площадь горы, какъ уже замѣчено выше, въ настоящее время распахивается, при чемъ здѣшнее поле даетъ постоянно прекрасные урожаи, потому что растительная почва состоитъ изъ жирнаго органическаго перегноя. Цвѣтъ почвы совершенно черный. Соха постоянно выворачиваетъ на поверхность земли массу глиняныхъ черепковъ, осколки стекла, желѣзные шлаки, жженыя и гнилыя лошадиныя и коровьи кости и т. п. предметы, которыми въ значительномъ количествѣ усѣяно все поле. Предметовъ, болѣе цѣльныхъ, ранѣе не попадалось, за исключеніемъ нѣсколькихъ находокъ желѣзныхъ стержней, въ родѣ, по словамъ малыхъ ребятъ, штыковъ, и приобрѣтеннаго нами желѣзнаго наконечника пики, найденнаго впрочемъ не на самой горѣ, а у ея сѣверо-западнаго подножія.

¹¹¹⁾ Оба приведенныхъ рассказа для мѣстныхъ горъ могутъ считаться стереотипными: см. Археологическую карту Виленской губерніи.

При осмотрѣ горы была выкопана канава около юго-восточной периферіи верхней площади, гдѣ она (площадь) обнаруживаетъ нѣкоторую покатость къ вѣшной сторонѣ, — двѣ ямки — до грунта около фокусовъ (эллипсиса) площади, и прощупаны были, при помощи лопаты, южный край поверхности горы и часть сѣверо-западнаго ея склона. Кромѣ опредѣленія толщины культурнаго чернаго слоя, въ 9 именно вершковъ, раскопки эти вмѣстѣ съ вѣшнимъ осмотромъ поверхности горы дали возможность собрать довольно значительное количество предметовъ, къ сожалѣнію, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ, въ видѣ лишь обломковъ, вдобавокъ настолько незначительныхъ, что научный интересъ ихъ весьма проблематическаго характера. По качеству матеріала, изъ котораго изготовлены предметы, они могутъ быть сведены къ слѣдующимъ пяти группамъ.

I. Глиняные предметы.

Для глиняныхъ предметовъ можно допустить слѣдующее подраздѣленіе: а) *Черепки сосудовъ*. Матеріаль сосудовъ — желтая мѣстная глина съ незначительною (не болѣе современной) примѣсью толченаго жвиру; на нѣкоторыхъ черепкахъ верхній слой съ красноватымъ отливомъ, каковой цвѣтъ, впрочемъ, могла получить и желтая глина подѣ влияніемъ высокой температуры обжига. Меньшее количество черепковъ доказываетъ знакомство съ гончарнымъ кружкомъ, но большинство черепковъ лѣпной, хотя и неособенно грубой, работы. Судя по степени кривизны болѣе значительныхъ черепковъ, нужно предполагать значительные размѣры сосудовъ, что же касается формы ихъ, то о ней можно судить лишь отчасти по фигурѣ краевыхъ черепковъ. Одинъ изъ такихъ черепковъ даетъ приблизительно сферическую форму сосуда, въ которомъ окаймляющій отверстіе рубчикъ прилегаетъ непосредственно къ брюшку; два — три черепка принадлежали сосудамъ кубышчатой, близкой къ современной, формы, съ короткою шейкою и крутымъ отваломъ краевъ; значительно большее количество черепковъ принадлежитъ сосудамъ, напоминающимъ фигуру перевернутаго усѣченнаго конуса, съ довольно высокою (миллиметровъ около 30) и слабожелобчатою шейкою; но самая преобладающая форма сосудовъ — это, повидимому, плоска или блюдо съ развитымъ наплечнымъ рубчикомъ и высокою (37, 40, 50 и т. п. милл.) слабожелобчатою шейкою. Орнаментъ наблюдается исключительно на рубчикахъ послѣдней категоріи сосудовъ. На большинствѣ черепковъ рубчикъ обработанъ въ формѣ ряда чередующихся ямочекъ и острыхъ поперечныхъ зубцовъ (табл. XIII, рис. 39), на нѣкоторыхъ черепкахъ по рубчику выдавленъ рядъ довольно глубокихъ небольшихъ ямокъ (ib. рис. 42—43), а на одномъ рубчикъ обработанъ въ видѣ зигзагообразной рельефной линіи (ib. рис. 41). На большинствѣ черепковъ наблюдаются также неправильныя линіи, идущія въ большинствѣ случаевъ по направленію высоты сосудовъ, но линіямъ этимъ едва ли нужно усвоить значеніе орнамента: онѣ, по всей вѣроятности, образовались во время самаго изготовленія сосудовъ, — при отдѣлкѣ при помощи инструмента вродѣ голика (вѣникъ безъ листьевъ). — б) *Изразцы*. Отъ изразцовъ такъ же, какъ и отъ сосудовъ, сохранились только незначительныя обломки ихъ лицевыхъ

плитокъ и опорныхъ шеекъ. Всѣ изразцы безъ поливы и изготовлены изъ хорошо промятой глины безъ всякой примѣси жвира. Матеріаль ихъ болѣе краснаго цвѣта. Изразцы съ наружной стороны имѣли оттиснутый при помощи формы, рельефный орнаментъ, сходный съ тѣмъ, который обыкновенно характеризуется наименованіемъ *renaissance*. Вслѣдствіе незначительныхъ размѣровъ обломковъ, рисунка во всей полнотѣ возстановить нельзя. На большинствѣ (ib. рис. 44) наблюдаются лишь рельефные бугорки, по два и по три въ рядъ, идущіе по направленію паралельныхъ ломаныхъ линій. Два обломка (ib. рис. 46) обнаруживаютъ группировку бугорковъ въ фигуру мельницы (крылья); на одномъ обломкѣ замѣтка часть фигуры, напоминающая патриаршій крестъ, и только на одномъ (ib. рис. 45) можно наблюдать вполне цѣльную фигуру, — это восьмилучевая звѣзда, величиною, по направленію отъ центра до конца луча, въ 12 мм. — в) *Амулеты*. Такъ съ наибольшею, повидимому, вѣроятностію, слѣдуетъ опредѣлить попадающіеся на горѣ глиняные кружки-лепешки (ib. рис. 47). Такихъ кружковъ найдено было нами пять: два цѣлыхъ и три обломка. Всѣ они приготовлены изъ хорошо промятой, темно-сѣраго цвѣта, глины, съ примѣсью жвира, и обожжены. Около края каждаго изъ нихъ — проколъ, отъ 5 до 7 миллиметровъ въ діаметрѣ, для продѣванія шнурка. На одномъ (ib. рис. 48) изъ обломковъ — грубое начертаніе четырехъ конечнаго креста. Діаметръ большаго изъ кружковъ (цѣлыхъ) — 65 мм., меньшаго — 54. Толщина, (наибольшая, обыкновенно, около прокола) варьируетъ въ предѣлахъ 11—16 мм. — г) *Предметы неопредѣленнаго назначенія*. Сюда относится, во-первыхъ, обломокъ изъ хорошо промятой, красновато-желтаго цвѣта, глины. Чтобы представить себѣ фигуру этого обломка, слѣдуетъ вообразить кирпичъ съ продольною, по срединѣ, значительныхъ размѣровъ сверлиною. Если раздѣлить такой кирпичъ, по направленію длины, двумя перпендикулярными ударами, на четыре равныя части, и у одной изъ такихъ частей отбить неправильно концы, то получится совершенно одинаковый съ рассматриваемымъ обломкомъ. Желобокъ обломка покрытъ чернымъ маслянистымъ налетомъ, и съ этой стороны предметъ вызываетъ аналогію его съ литейными формами деревенскихъ серебряниковъ-кустарей. Другой (ib. рис. 49) предметъ аналогиченъ съ пьедесталомъ сосуда въ родѣ нашей рюмки. Это кружокъ (найдена только половина) изъ хорошо промятой, желтовато-красной, съ примѣсью жвира, глины. Его діаметръ 65 мм., а толщина — около двадцати миллиметровъ. По краю поперечныя насѣчки. Въ центрѣ — слѣды сверлины, совпадавшей съ осью (если это, дѣйствительно, остатокъ пьедестала) ножки.

II. Стекланные предметы.

Стекло было найдено на горѣ въ видѣ такихъ незначительныхъ обломковъ, что по нимъ совсѣмъ невозможно возстановить форму сосудовъ, отъ которыхъ эти обломки остались; видно только, что большинство обломковъ составляли части именно сосудовъ, а не оконныхъ стеколъ. Большинство обломковъ носить на себѣ явные слѣды огня, вслѣдствіе котораго, а также подъ влияніемъ времени, стекло получило обычный въ этихъ случаяхъ радужно-перламутровый отливъ; въ первоначальномъ же своемъ со-

стояннiи стекло по всей видимости, было прозрачное — то съ зеленоватымъ (чаще), то съ свѣтло-бирюзовымъ (рѣже), то, кажется, съ чайнымъ отливомъ.

III. Желѣзные предметы.

Желѣзо чаще всего находится на горѣ въ видѣ безформенныхъ шлаковъ, въ обработанномъ же видѣ, если не считать упомянутой выше пики, оно найдено въ количествѣ всего лишь четырехъ незначительныхъ обломковъ. Одинъ изъ этихъ обломковъ, длиною въ 87 мм. и толщиною отъ 3 до 5 мм., очевидно, — бѣльшая часть шила, два обломка, можетъ-быть, части серпа, а четвертый — совсѣмъ неопредѣленнаго назначенiя, — это тонкая четырехугольная пластинка, величиною около 35×19 кв. милл.

IV. Костяные предметы.

Если не считать большаго количества попадающихся на горѣ обломковъ жженыхъ и гнилыхъ костей разныхъ крупныхъ животныхъ, то къ этой группѣ долженъ быть отнесенъ всего одинъ предметъ, — это кодочикъ (табл. XIII рис. 51 — инструментъ, употребляющійся до сихъ поръ при изготовленiи лаптей), приготовленный изъ ребра, повидимому, крупнаго животнаго. Длина кодочика — 160 мм.; на тупомъ концѣ — сверлина для продѣванiя черезъ нее шнура.

V. Каменные предметы.

Единственный найденный на горѣ предметъ изъ камня — это точильный брусокъ. Со стороны внѣшней формы брусокъ вообще отличается неправильностью очертанiй: ближе всего онъ напоминаетъ четырехгранникъ, длиною около 65 мм. и шириною около 45. Преобладающая толщина его 14 мм.

По отсутствию на городищѣ находокъ съ точными хронологическими данными, вопросъ о возникновенiи городища и времени пребыванiя на немъ человѣка не можетъ подлежать точному опредѣленiю. Нельзя рѣшить этого вопроса и при посредствѣ аналогiи, — отчасти потому, что болѣе характерные предметы найдены въ видѣ незначительныхъ обломковъ, а цѣльные отличаются стереотипнымъ характеромъ, — главнымъ же образомъ потому, что до сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, отсутствуютъ въ археологической литературѣ необходимые для требуемой аналогiи объекты. Такимъ образомъ, сообщая о богучишкскомъ городищѣ, мы имѣемъ въ виду занести на страницы археологической лѣтописи лишь простой фактъ существованiя этого памятника, внутренняя характеристика котораго должна быть отложена до болѣе подробнаго изслѣдованiя какъ этого, такъ и вообще другихъ однородныхъ съ нимъ археологическихъ памятниковъ въ мѣстахъ литовскихъ поселенiй. Въ тѣхъ же цѣляхъ неизлишнимъ считается отмѣтить фактъ существованiя другого городища, находящагося въ разстоянiи отсюда около десяти верстъ къ востоку, — при деревнѣ Офяришки.

V.

Офяришкскій пиликальнисъ.

Мѣстоположеніе дер. Офяришекъ, Михайловской волости, Свенцянскаго уѣзда, опредѣляется приблизительно $43^{\circ}53'$ в. д. и $55^{\circ}41'$ с. ш. Деревня расположена среди холмовъ, изъ которыхъ рельефиѣ другихъ выдѣляются два на сѣверной сторонѣ деревни и два на южной. При случайномъ проѣздѣ черезъ Офяришки, когда мы обратили вниманіе крестьянъ на находящіеся около деревни холмы, то получили въ отвѣтъ, что около деревни есть четыре горы, но которая изъ нихъ пиликальнисъ, — они не знаютъ. Не располагая временемъ для болѣе подробнаго обозрѣнія всѣхъ четырехъ горъ, мы остановились на той изъ нихъ, которая отличается наибольшою правильностью очертанія. Гора эта — восточная изъ двухъ, расположенныхъ на С отъ деревни. Она имѣетъ эллипсоидальную форму, съ наибольшимъ протяженіемъ съ СВ на ЮЗ. Продольная ось верхней площади — 80 шаговъ, поперечная — 40; приближительная окружность основанія около 320 шаговъ. На верхней площади теперь находится деревенское кладбище. Искусственной обдѣлки горы незамѣтно. Культурный археологическій слой ясно наблюдается лишь на юго-западномъ склонѣ горы. Здѣсь, на поверхности тонкаго темно-сѣраго слоя земли, въ которомъ попадается не мало обломковъ жженныхъ костей, намъ удалось собрать слѣдующіе предметы:

I. Глиняные черепки. Матеріалъ черепковъ — желтая (чаще) или черная (всего два черепка) глина; работа — лѣнная. Вслѣдствіе незначительнаго размѣра черепковъ форма сосудовъ не можетъ быть указана. Орнаментъ есть только на одномъ, очень тонкомъ, гончарной работы, черепкѣ (табл. XIII, рис. 50), и состоитъ изъ ряда сдѣланныхъ тонкою иглою наколовъ по плечевому рубчику и изъ гнѣздъ такихъ же наколовъ по шейкѣ. Среди черепковъ оказался и обломокъ одного изъ такихъ кружковъ (лепешекъ), какіе попадались на Богуцишкскомъ городищѣ¹¹²⁾.

II. Желѣзные предметы. Желѣза больше всего найдено въ видѣ шлаковъ¹¹³⁾, въ обработанномъ же видѣ оно найдено въ количествѣ четырехъ слѣдующихъ предметовъ: Наконечникъ пики (острога) съ обратными зубцами (одинъ отломленъ) и съ конической втулкою. Длина наконечника 220 мм.; наибольшая толщина втулки 19 мм. 2) Обломокъ шила — круглый стержень, длиною въ 67 мм. и съ наибольшою толщиною около трехъ миллиметровъ. 3) Искривленный четырехгранный стержень, длиною около 110 мм. и съ наибольшою толщиною около 12×15 кв. миллиметровъ. 4) Пластика листоваго желѣза неправильной формы, величиною около 30×37 кв. миллиметровъ.

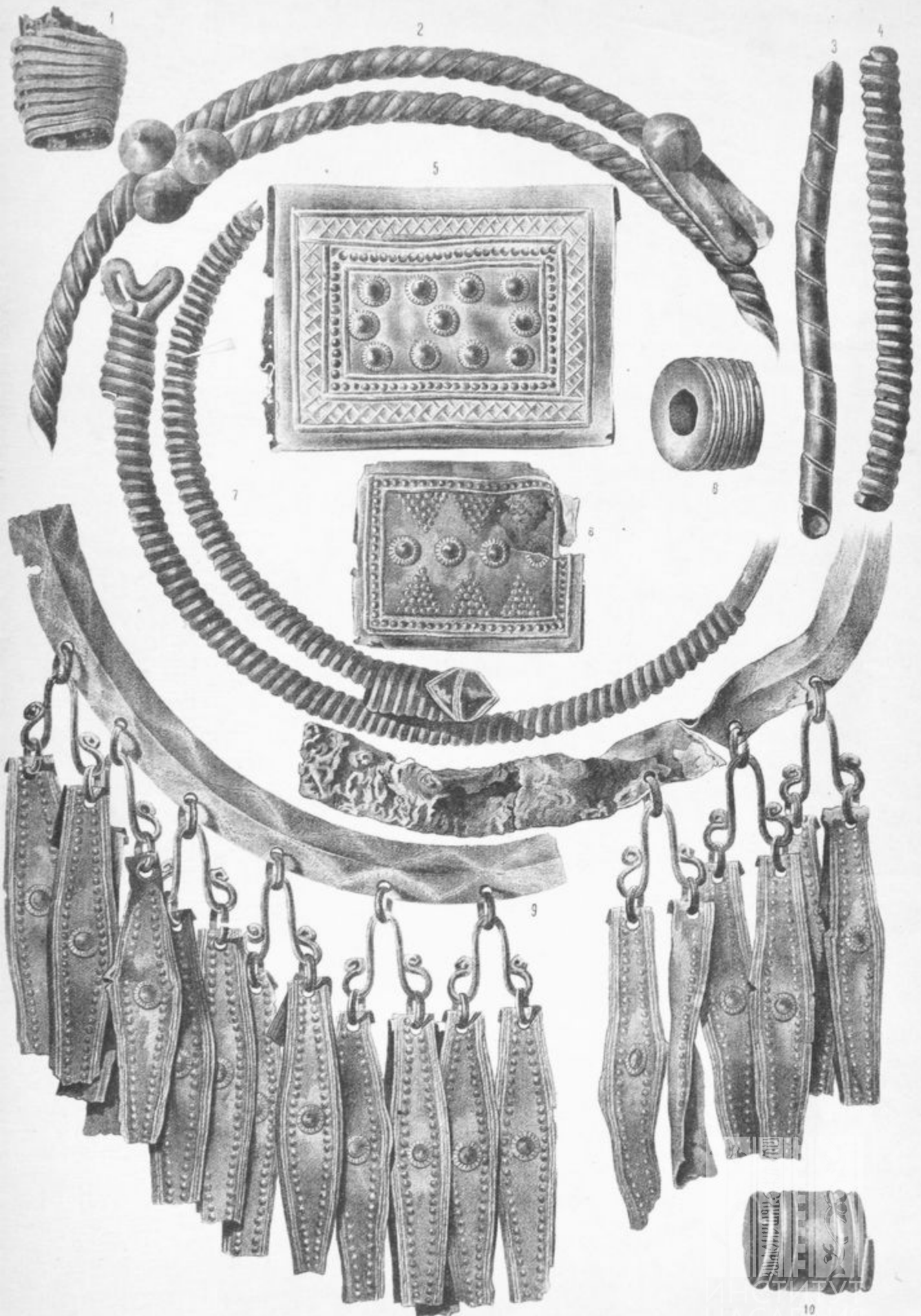
III. Единственный каменный предметъ — обломокъ точильнаго бруска призматической формы, величиною около $50 \times 25 \times 12$ куб. миллиметровъ.

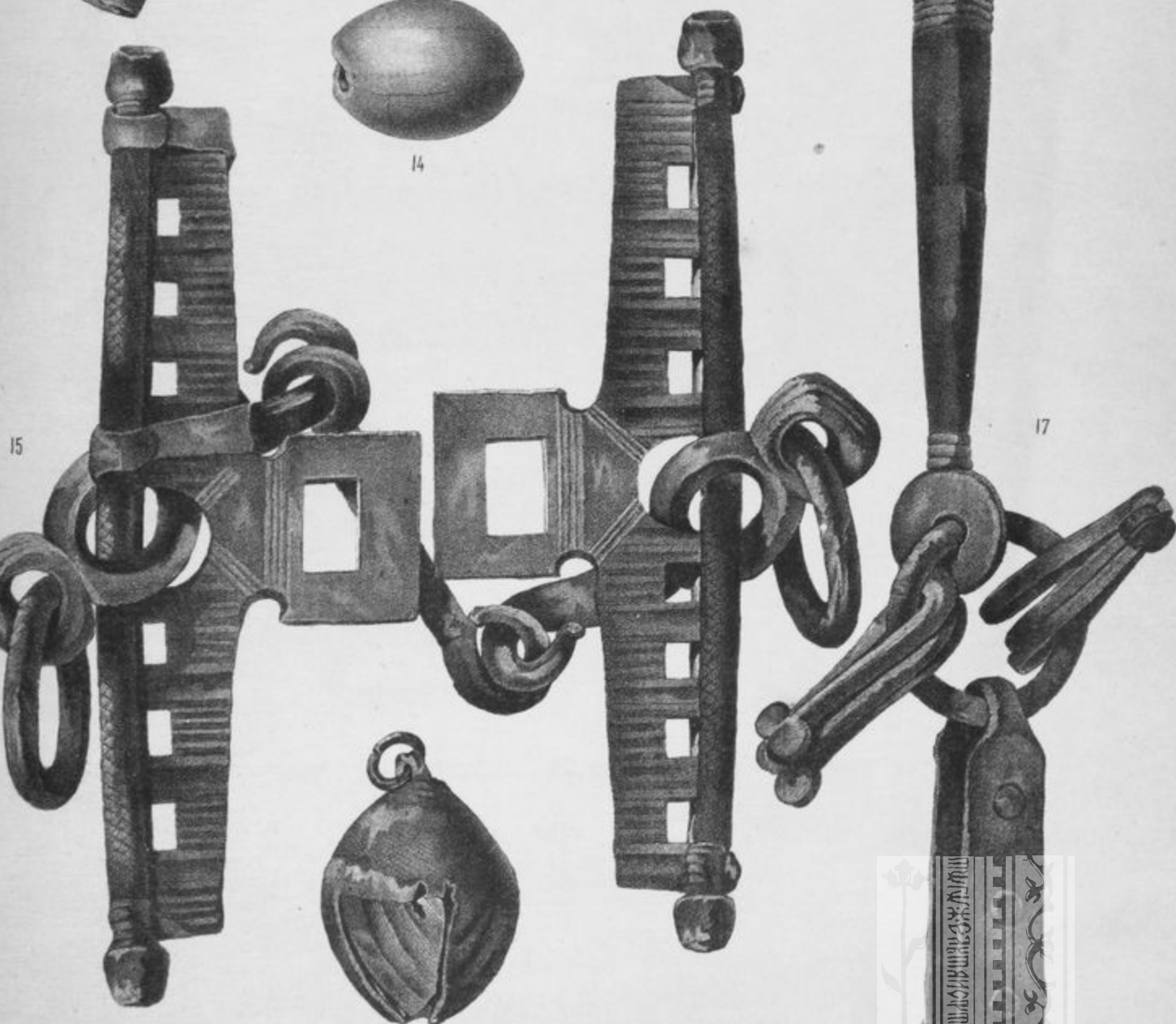
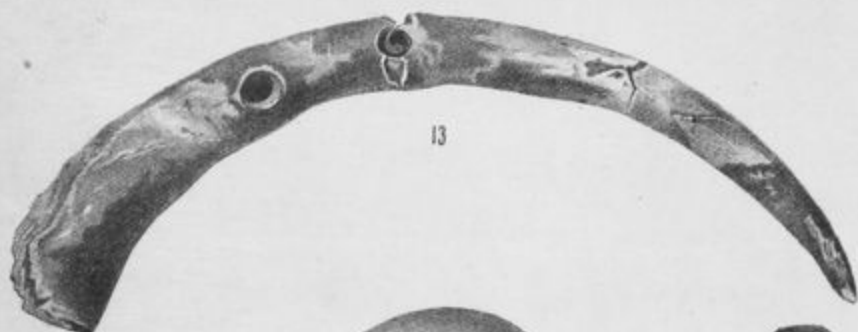
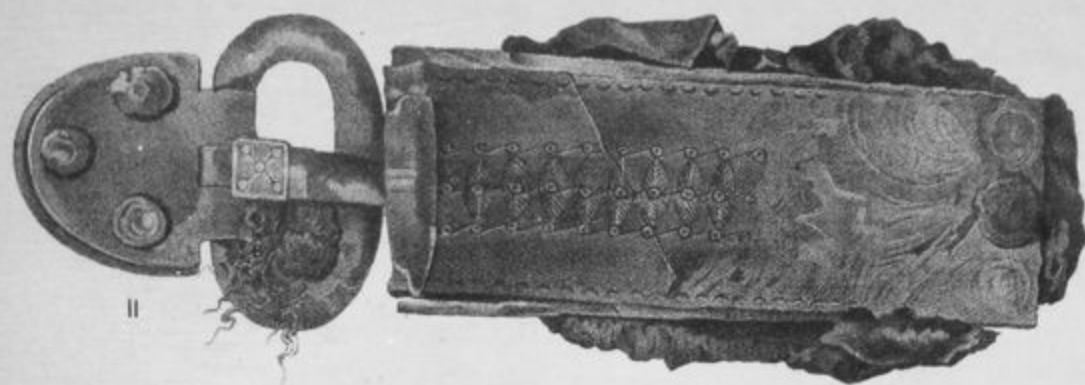
¹¹²⁾ См. выше.

¹¹³⁾ Найденъ былъ также кусокъ стекляннаго, повидимому, шлака.

Занося фактъ существованія офяришкского городища на страницы археологической лѣтописи, неизлишне замѣтить, что всѣ найденные на немъ предметы не представляютъ существеннаго отличія отъ однородныхъ съ ними находокъ богуцишкского городища, присутствіе же на обоихъ ихъ глиняныхъ кружковъ (ленешекъ), — характернѣйшаго изъ всѣхъ находокъ предмета, — даетъ основаніе предполагать близкое родство между обоими городищами — „пилкальнисами“.

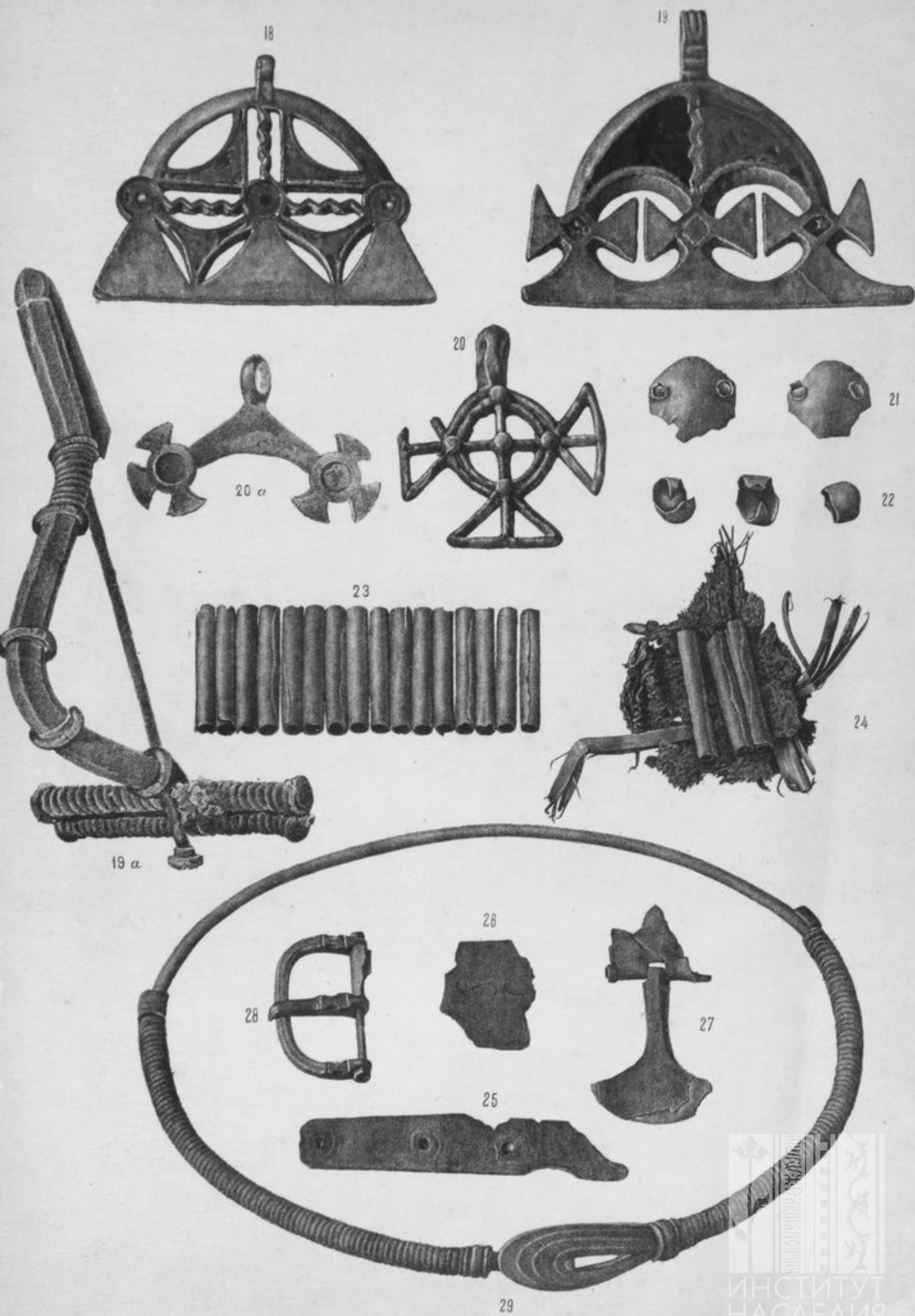

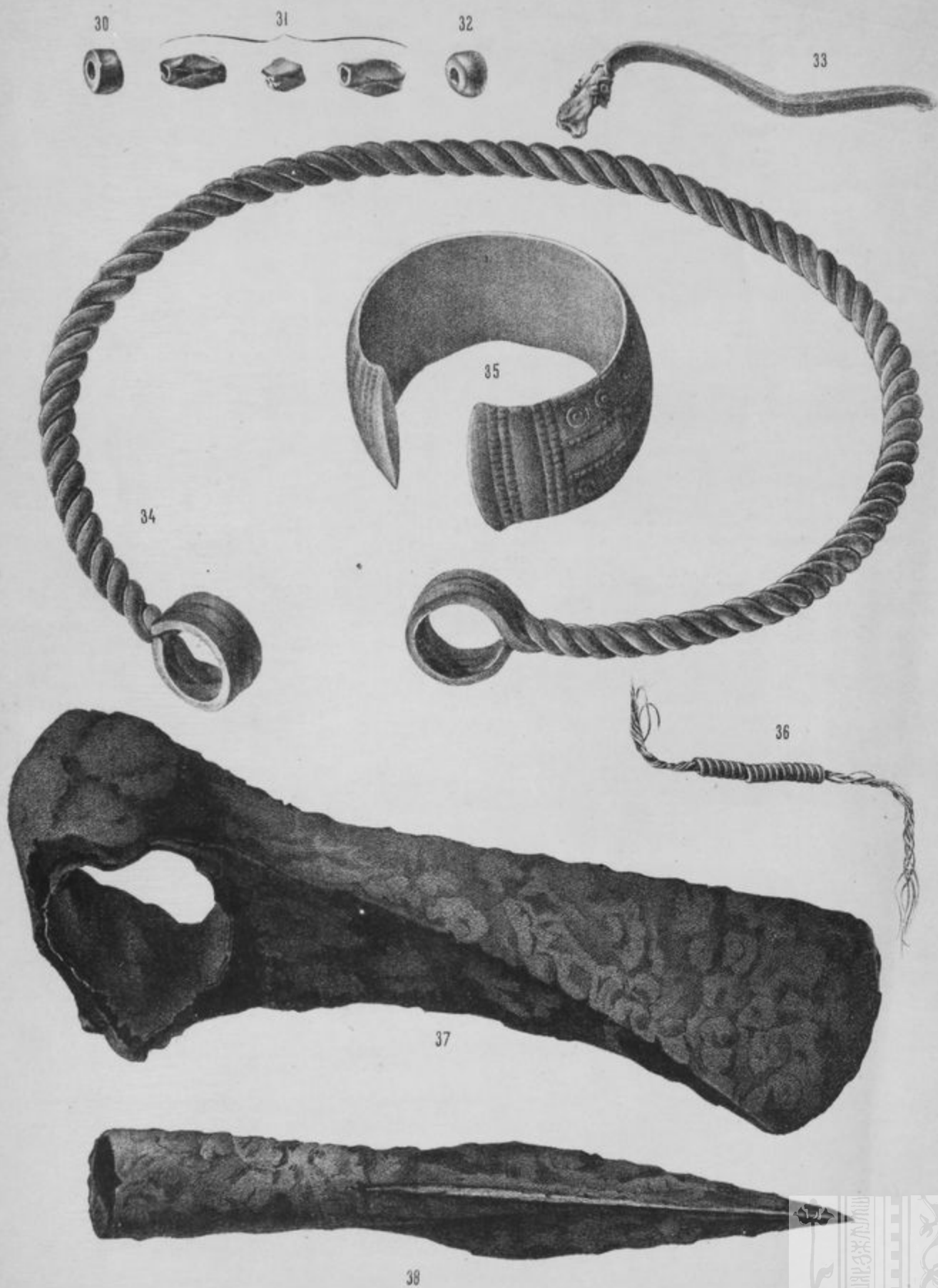
БИБЛИОТЕКА
ИИИ Ин-та Криминологии
и Мужской работы

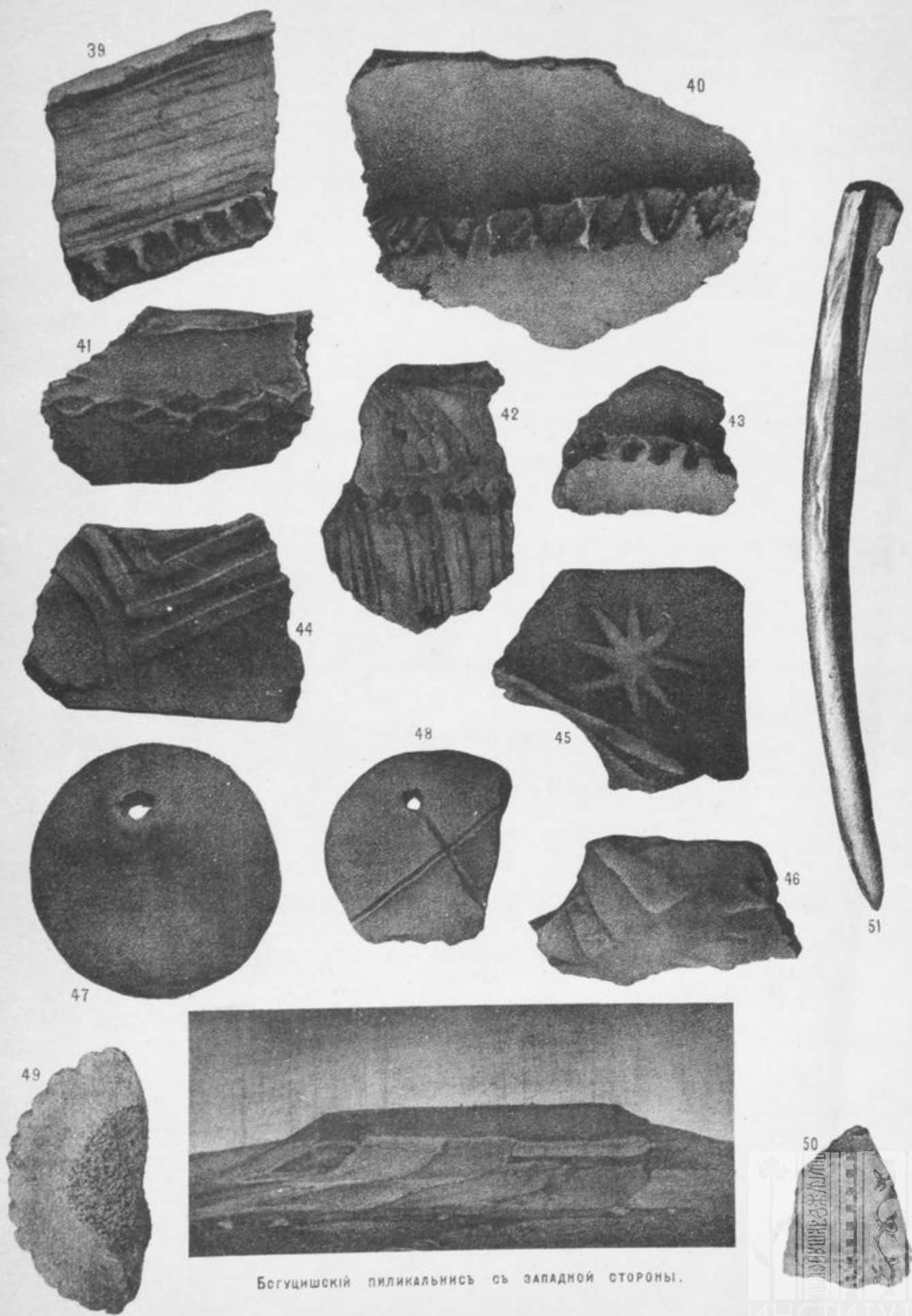

ИИ БИБЛИОТЕКА
ИИ И. П. Крайденко
и Музейной работы

Богущишский пиликальнясь съ западной стороны.

№ № 39-51 натур. велич.

Рис. съ натур. и лит. Н. Мацъ въ Вильно

Основаніе г. Гродны и его исторія до 1241 г.

Е. Ф. Орловскаго.

Г. Гродно, или, какъ его называютъ лѣтописи, „Городно“, „Городня“, „Городень“, упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ до половины XIII вѣка не особенно часто; но эти упоминанія имѣютъ весьма важное значеніе. Позволяю себѣ привести здѣсь эти мѣста нашихъ лѣтописей.

Въ Ипатіевской лѣтописи¹⁾ подъ 1116 годомъ упоминается о замужествѣ княжны Агаѣи, дочери великаго князя Владимира Мономаха, за Всеволодка (или Всеволода Давидовича, сына Давида Игоревича).

Подъ 1127 годомъ — по Ипатіевской лѣтописи²⁾ (подъ 1128 — по Лаврентьевскому списку)³⁾ упоминается походъ въ княженіе великаго князя Мстислава (Владимировича, сына Владимира Мономаха) противъ Кривичей (т.-е. противъ полоцкихъ князей); въ числѣ князей, участвовавшихъ въ этомъ походѣ, упоминается также Всеволодко изъ Городна. Затѣмъ упоминается еще походъ того же князя Всеволода Давидовича противъ Литвы — вмѣстѣ съ князьями Мстиславомъ (кіевскимъ) и Ольговичами⁴⁾. Смерть князя Всеволода относится къ 1141 году (по другимъ свѣдѣніямъ — къ 1142 году⁵⁾).

Затѣмъ упоминаются три сына Всеволода: Борисъ, Глѣбъ и Мстиславъ. Борисъ и Глѣбъ упоминаются въ числѣ князей, которые въ 1144 году ходили на Владимирка Володаревича⁶⁾; Глѣбъ упоминается еще подъ 1168 годомъ⁷⁾, Борисъ — подъ 1151⁸⁾, а Мстиславъ — подъ 1183⁹⁾. Подъ тѣмъ же 1183 годомъ упоминается¹⁰⁾ еще пожаръ г. Гродны, который попалилъ много каменныхъ церквей. Далѣе г. Гродна не упоминается до 1241 года, когда онъ былъ сожженъ полчищами татарскаго хана Кайдана.

1) Полное собр. русскихъ лѣтоп. II, 8.

2) Тамъ же, стр. 11.

3) Тамъ же, I, стр. 130.

4) Тамъ же, II, 12.

5) Тамъ же, стр. 18; Карамзинъ II, 250.

6) Тамъ же, II, 20.

7) Тамъ же, 94.

8) Тамъ же, VII, 54; II, 50; 59—60.

9) Тамъ же, II, 319.

10) Тамъ же, II, 128.

Теперь остается определить историческое положеніе г. Гродны. Названіе „Гродна“ или „Grodno“, какъ его произносятъ Поляки, „Городень“ или „Городня“ весьма распространено въ этнографіи Западнаго края. Имя это носить, прежде всего, губернский городъ Гродна или Гродно, имѣющій довольно блестящую исторію: вторая столица Литовскаго княженія, многократно разрушаемый ливонскими рыцарями, затѣмъ — повѣтовый городъ Рѣчи Посполитой. Затѣмъ существуетъ еще городъ Городня — Черниговской губерніи, мѣстечко Городная — Минской, Пинскаго уѣзда, и множество деревень и сель (главнымъ образомъ, Минской губерніи), подъ тѣмъ же названіемъ (напр. Большое Городно, Велятичской волости, Борисовскаго уѣзда; Вышнее Городно, того же уѣзда; Городно, Волынской губерніи, Луцкаго уѣзда). Затѣмъ, мнѣнія лицъ, занимавшихся исторіею Западнаго края, о положеніи древняго города Городна весьма разнорѣчивы и въ общемъ распадаются на двѣ группы:

1) Большая часть ученыхъ считаетъ г. Гродну (губернский) древнимъ городомъ Городномъ или Городнею. Сюда относятся: Бобровскій — въ его „Матеріалахъ для географіи и статистики Гродненской губерніи“¹¹⁾; профессоръ Антоновичъ — въ его „Очеркахъ исторіи Великаго княжества Литовскаго“¹²⁾; Кукольникъ — въ его „Историческихъ замѣткахъ о Литвѣ“¹³⁾; Сементовскій — въ его небольшой исторической замѣткѣ о городѣ Гроднѣ, помѣщенной въ „Памятной книжкѣ Виленскаго Генераль-Губернаторства“¹⁴⁾; Семеновъ — въ его „Географическомъ словарѣ“, I, 696; извѣстный знатокъ литовской старины (нынѣ, къ сожалѣнію, покойный — генераль-майоръ Роткирхъ (Теобальдъ) также считаетъ¹⁵⁾ лѣтописныя записи подъ годами 1128, 1132, 1142, 1183, — относящимися къ губернскому городу Гроднѣ. Другой знатокъ западно-русской старины О. Демьяновичъ также считаетъ, въ своемъ предисловіи къ Археологическому сборнику, т. IX¹⁶⁾, городъ Гродну губернский — древнимъ городомъ XII столѣтія; также Радзишевскій, авторъ небольшой, но весьма добросовѣстно составленной книжки о городѣ Гроднѣ¹⁷⁾, вышедшей въ свѣтъ еще раньше капитальнаго труда П. О. Бобровскаго; сюда же примыкаютъ всѣ польскіе историки (упомянемъ хотя бы Ярошевича¹⁸⁾; равно какъ *Starozytne Polska* — Балинскаго и Липинскаго¹⁹⁾).

Другое, совершенно противоположное, мнѣніе указываетъ древнее Городно или Городень въ Минской губерніи, Пинскомъ уѣздѣ, гдѣ существуетъ до настоящаго времени мѣстечко Городная, въ 50 верстахъ отъ Пинска. Мнѣніе это высказалъ первый, если не ошибаемся, Карамзинъ въ его Исторіи Государства Россійскаго²⁰⁾. Великій авторитетъ Карамзина былъ причиною того обстоятельства, что и другой

¹¹⁾ Гродна, 1863.

¹²⁾ „Монографіи“ I, 11.

¹³⁾ Вильна, 1864.

¹⁴⁾ Вильна, 1868. Стр. 18.

¹⁵⁾ Виленскій календарь за 1888 г., стр. 217.

¹⁶⁾ Вильна, 1870. Стр. 409.

¹⁷⁾ Г. Гродна, 1860.

¹⁸⁾ *Obraz Litwy* I, § 20.

¹⁹⁾ Варшава, 1886, т. IV, 291.

²⁰⁾ Изд. IV Смирдина, С.-Пб. 1893, II, прим. 219.

нашъ знаменитый историкъ С. М. Соловьевъ во II томѣ своей исторіи²¹⁾ безъ всякой провѣрки повторяетъ это мнѣніе. Послѣ С. М. Соловьева оно воспроизводится профессоромъ Барсовымъ въ его „Матеріалахъ для историко-географическаго словаря Россіи“; также повторяютъ его составители сборника „Бѣлоруссія и Литва“²²⁾.

Для разрѣшенія настоящаго вопроса я попрошу обратить вниманіе на Коложскую Борисоглѣбскую церковь въ губернскомъ городѣ Гроднѣ. Относительно этой церкви въ настоящее время нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что она сооружена приблизительно въ XII вѣкѣ, равно какъ самое имя „Борисоглѣбская“ преданіе безусловно объясняетъ построениемъ ея во времена князей Бориса и Глѣба Всеволодовичей. Но если мы всѣ лѣтописныя упоминанія о городѣ Городнѣ будемъ относить къ Городной, Минской губерніи, то спрашивается: какимъ образомъ на берегахъ Нѣмана, въ странѣ Ятвяговъ, народа языческаго, могла очутиться православная церковь, построенная въ византійскомъ стилѣ?..

Совершенно другое получится, если мы допустимъ, что удѣль князя Всеволода Давидовича имѣлъ своею столицею нынѣшній губернскій городъ Гродну; что онъ основалъ здѣсь русскій городъ или, по крайней мѣрѣ, поселеніе — на высокомъ и крутомъ берегу Нѣмана; а сыновья князя Всеволода, Борисъ и Глѣбъ, и основали Борисоглѣбскую (впослѣдствіи Коложскую) церковь. Допустивши такое предположеніе, мы не будемъ удивляться, если въ 1183 году въ городѣ Гроднѣ существовало уже нѣсколько православныхъ церквей, которыя и были истреблены отъ ударовъ молніи.

Въ отвѣтъ на такія соображенія намъ могутъ возразить одно: возможно ли, чтобы на такомъ далекомъ разстояніи отъ тогдашняго государственнаго центра Россіи — Кіева, могло существовать, въ странѣ дикихъ Литовцевъ, русское княженіе Городенское, на самомъ рубежѣ русской земли? Не будетъ ли, послѣ этого, болѣе естественнымъ искать городъ Городно въ области Пинской, по сосѣдству съ извѣстнымъ княженіемъ Туровскимъ?..

На это можемъ возразить одно: лѣтописи наши еще за сто лѣтъ ранѣе Гродны упоминаютъ о городѣ Брестѣ или Берестѣ, равно какъ о г. Слонимѣ, Гродненской губерніи; затѣмъ въ XII вѣкѣ упоминается городъ Дрогичинъ на Западномъ Бугѣ. Однакоже никто не усомнится въ томъ, что эти три города находились въ предѣлахъ Гродненской губерніи и находились тамъ же, гдѣ находятся носящіе въ настоящее время эти имена города...

Равнымъ образомъ основаніе здѣсь столицы княжества Городенскаго объясняется весьма выгоднымъ стратегическимъ положеніемъ городка Гродны — на высокомъ берегу Нѣмана, рѣки тогда еще глубокой и широкой и, во всякомъ случаѣ, судоходной. Тогда для насъ будетъ совершенно понятно, если въ XIII вѣкѣ здѣсь существуетъ укрѣпленный замокъ, мужественно отбивающій натиски Татаръ до тѣхъ поръ, пока сила не одолѣла силу — и самъ князь Городненскій Юрій Глѣбовичъ не палъ, защищая свой удѣль. Тѣ же стратегическія соображенія могли побудить Литовцевъ

²¹⁾ II, прим. 182.

²²⁾ Стр. 33; еще прим. 65 и 68.

возстановить сожженный въ 1241 году городъ Гродну; кромѣ того, сюда могли присоединиться еще соображенія религіознаго свойства: въ городѣ Гроднѣ сливаются двѣ рѣки, Нѣманъ и Городничанка, почему язычники-литовцы могли устроить здѣсь Ромове, т.-е. святилище для жертвоприношеній. И дѣйствительно, въ Гроднѣ до настоящаго времени сохраняется смутное преданіе, неоднократно записанное²³), — будто Коложская церковь въ литовскій періодъ была обращена въ языческое капище; неподалеку отъ алтаря указываютъ и въ настоящее время камень, на которомъ, будто бы, совершались человѣческія жертвоприношенія въ тѣни развѣсистыхъ дубовъ.

А что русскіе князья заходили въ область Гродненскую неоднократно еще задолго до XII вѣка, — въ этомъ намъ удостовѣряють лѣтописи, повѣствующія о походахъ русскихъ князей на Ятвяговъ: въ 983 году — Владимира Святаго; его сына, Ярослава Мудраго — въ 1038 году; также походы на Литву въ 1040, 1044, наконецъ — 1132. Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго, если въ одинъ изъ походовъ на ятвяговъ (т.-е. въ 983 или 1038 году) наши князья, для упроченія своего могущества на литовской окраинѣ, и построили городъ или, по крайней мѣрѣ, поселеніе Городно; тѣмъ болѣе, что, во-первыхъ, Ятвяги жили въ нынѣшней Гродненской губерніи и едва ли между рѣками Стырю и Горынью, гдѣ ихъ желаетъ видѣть Карамзинъ и его послѣдователи.

Во-вторыхъ, существованіе въ странѣ Ятвяговъ города Гродны доказываетъ намъ его русское происхожденіе: у Литовцевъ своихъ городовъ не было: *municipium nullus apud eos usus; eosdem enim urbium habent muros, quos et ferae...*²⁴).

Резюмируемъ выводы нашего доклада.

1) Лѣтописныя упоминанія о г. Городнѣ подъ годами 1127, 1132, 1142, 1144, 1183 относятся къ городу Гроднѣ — губернскому.

2) Нѣтъ ни одного вѣскаго довода въ пользу мнѣнія, будто г. Гродно, упоминаемый въ XII вѣкѣ, находился въ Минской губерніи. Только великій авторитетъ Карамзина утвердилъ это мнѣніе въ нѣкоторой части западно-русскихъ историковъ.

3) Напротивъ того, существованіе г. Городны въ XII вѣкѣ объясняется причинами, а) стратегическими, б) религіозными.

4) Основаніе г. Гродны могло произойти во время похода князя Владимира (впослѣдствіи Святаго) въ 983 г. на Ятвяговъ, или же во время похода Ярослава Мудраго на тѣхъ же Ятвяговъ въ 1038 году.

²³) Пам. кн. Гродн. губерніи за 1882, стр. 8 (въ приложеніяхъ).

²⁴) Хроника польская Кадлубека, 201—202.

Нѣсколько словъ по поводу статьи А. В. Лонгинова: „Князь Любартъ Θεодоръ Ольгердовичъ и его потомки, князя Сангушки“¹⁾.

С. В. Люба-Радзиминскаго.

Признавая всю важность интереснаго труда почтеннаго Аркадія Васильевича Лонгинова, я какъ близко стоящій къ предмету, имъ изслѣдованному, не могу согласиться съ нѣкоторыми его выводами: 1) Любартъ Гедиминовичъ жилъ еще въ 1382 г., ибо къ этому времени историки относятъ осаду и взятіе имъ замковъ: Перемышля, Городла, Лопатына, Олеска, Кременца и Снятына. Годъ его смерти опредѣлить трудно; во всякомъ случаѣ послѣдовала она до 4-го ноября 1386 года, ибо король Владиславъ Ягелло, жалуя въ тотъ день въ градѣ Луцкѣ грамоту на замокъ Острогъ съ принадлежностями князю Θεодору Острожскому на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ онъ держалъ это имѣніе „*ab antiquo*“ отъ „*olim domino Lubardo duce Wlodimiriensi patruo nostro*“, несомнѣнно подтверждаетъ, что Любартъ тогда въ живыхъ уже не находился. 2) Не подлежитъ сомнѣнію, что права Любарта на Волинскую землю, или княжество, какъ основанныя на близкихъ его родственныхъ связяхъ съ галицко-владимирскими Рюриковичами, были гораздо сильнѣе и тверже правъ его племянника, сидѣвшаго на великокняжескомъ престолѣ, Владислава Ягеллы, который, будучи занятъ тогда навязывавшимся союзомъ съ Польшей, не могъ и не имѣлъ никакого интереса устранять отъ Волинскаго удѣла (Луцко-Владимирскаго) прямаго, естественнаго наслѣдника Любартова, сына его Θεодора Любартовича, котораго существованія г. Лонгиновъ не отрицаетъ. Попытка даже на подобнаго рода устраненіе не могла бы была пройти незамѣтно, какъ не прошелъ впоследствии фактъ (по уже послѣ укрѣпленія Владислава Ягеллы) устраненія Θεодора Любартовича сначала изъ Луцка въ пользу могущаго Витовта, затѣмъ изъ Владимира путемъ замѣны на Сѣверщину въ 1393 году и наконецъ родъ заточенія, которому подвергся въ силу сложившихся обстоятельствъ Любартовъ сынъ въ скромномъ Жидачевѣ въ Галицкой Руси, гдѣ несомнѣнные слѣды его существованія до 1430 года обнаружили известный

¹⁾ Труды Виленскаго Предварительнаго Комитета IX Археолог. Съѣзда, II, 275—311.

историкъ, графъ Казимиръ Стадницкій въ серіозномъ своемъ сочиненіи „*Synowie Gedymina*“, т. II. На этомъ основаніи полагаю, что изданный нами въ Славуцкомъ Сборникѣ въ т. I, стр. 2, актъ, по которому 22 мая 1386 года въ Сандомирѣ „*Feodor Lubhard dei gracia dux Luciensis*“ подтверждаетъ обязательство, выданное имъ королевѣ Ядвига по поводу договора, заключеннаго между ней и Владиславомъ Ягеллою, приписываемый г. Лонгиновымъ Ѳеодору Любарту Ольгердовичу, былъ выданъ не симъ послѣднимъ, а Ѳеодоромъ Любартовичемъ; вмѣстѣ съ симъ документъ этотъ указываетъ на смерть Любарта, раньше его воспослѣдовавшую. 3) Далѣе г. Лонгиновъ, ссылаясь на изданную нами въ томъ же Славуцкомъ Сборникѣ грамоту (т. I, стр. 8), по которой „князь великій Ѳеодотъ з братомъ своимъ Лазаромъ и Семеномъ и зъ маткою Ольгою“ обѣщаютъ князю Ѳеодору Даниловичу (Острожскому) „не уступатися у его отчизну и у его служебныя“ доказываетъ, что упомянутый въ оной князь Ѳеодотъ есть не кто иной, какъ сынъ князя Ѳеодора Любарта Ольгердовича, княгиня Ольга — вдова сего послѣдняго, Лазарь и Семень — внуки Ольгерда и изъ нихъ: *Семень = Сеенько = Сенкушко = Санкушко* и наконецъ *Сангушко* родоначальникъ нынѣшнихъ князей *Сангушко*. Грамота эта несомнѣнно относится до Острога и была выдана князю Ѳеодору Острожскому послѣ смерти Любарта до полученія имъ грамоты отъ Ягеллы (4-го ноября 1386 года), ибо иначе не имѣла бы она никакого смысла. Почтенный референтъ утверждаетъ, что Ѳеодоръ Любартъ Ольгердовичъ владѣлъ Луцкимъ удѣломъ до конца, а по крайней мѣрѣ до половины 1386 года. Острогъ съ давнихъ временъ тяготѣлъ къ Луцку, князь Луцкій считался верховнымъ княземъ Острога, что легко даже усмотрѣть изъ грамоты Ягеллы и упоминаемой въ ней Любартовой. Ѳеодотова грамота есть не что иное какъ промежуточная между этими двумя; значить, выходитъ, что въ промежутокъ времени четырехлѣтія (1382—1386): скончался Любартъ, устраненъ былъ отъ наслѣдства сынъ его Ѳеодоръ, вмѣсто его сѣлъ на княжескомъ престолѣ Ѳеодоръ Ольгердовичъ и конечно въ скоромъ времени умеръ, верховныя же права его перешли къ его будто бы сыну Ѳеодоту, который отъ имени своего, своихъ братьевъ и матери, утверждаетъ Ѳеодора Острожскаго въ его вотчинныхъ и служебныхъ правахъ. Вдругъ переменна судьбы: въ концѣ 1386 года, а быть можетъ и раньше, князь Ѳеодоръ Даниловичъ (Острожскій) становится королевскимъ намѣстникомъ въ Луцкѣ, но вмѣстѣ съ симъ и воскресаетъ Ѳеодоръ Ольгердовичъ (называемый у г. Лонгинова Ѳеодоромъ Любартомъ), такъ какъ почтенный авторъ совершенно вѣрно указываетъ (стр. 279) на присутствіе въ Долятичахъ въ 1394 году, какъ поручителя за князя Андрея Ольгердовича, нашего Ѳеодора Ольгердовича Ратненскаго. Интересно притомъ было бы знать, на основаніи чего А. В. называетъ его тамъ „владѣтелемъ Жидачевскаго округа“, такъ какъ въ приведенномъ поручительномъ актѣ пишется онъ только: „*Fedor Ratnensi... produce Andrea etiam fratre nostro*“.

Указавъ на вышеприведенныя неточности и противорѣчія, я остаюсь при мнѣніи: 1) что князь Сангушко Ѳеодоровичъ на Ратнѣ 1433 года, у котораго Ратно было отнято и затѣмъ возвращено въ 1443 году, какъ его „отчина“, былъ сыномъ князя Ѳеодора Ратненскаго, поручителя въ 1394 году за брата своего Андрея Оль-

гердовича Полоцкаго, а не князя Θεодора Любарта Ольгердовича, по моему мнѣнію, никогда не существовавшаго; 2) что между названнымъ отцомъ Сангушки Θεодоромъ Ратненскимъ, и княземъ Θεодоромъ Любартомъ, дающимъ обязательство въ Сандомирѣ въ 1386 году, и также княземъ Θεодотомъ, утверждающимъ вотчину и службы князю Θεодору Даниловичу, ничего нѣтъ общаго; 3) что если можно отнести къ кому изъ рода Гедиминовичей, путемъ дедукціоннымъ, сказанную грамоту князя *Θеодота*, то во всякомъ случаѣ къ Θεодору Любартовичу, а ужъ ни подъ какимъ предлогомъ къ Θεодору Ратненскому Ольгердовичу.

Мнѣ кажется, что многоуважаемый изслѣдователь ввелъ себя въ заблужденіе, приписывая черезчуръ много значенія и важности помянутымъ, которымъ по отношенію къ свѣдѣніямъ генеалогическимъ можно дать вѣру развѣ только въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ велись они не по установленной какой-нибудь формѣ, а просто записывая въ нихъ достойныя помянутыя имена безъ всякой системы, о чемъ впрочемъ и самъ А. В. упоминаетъ на стр. 280—281, по отношенію помянника Кіево-Печерской лавры, истребленнаго пожаромъ и возстановленнаго по памяти иноками: „начахомъ имена писати, ихже помняще, еже исперва написано бысть“, — а и то еще въ помянникѣ этомъ записанъ: „родъ князя Сенкушковъ Θεодоровичъ“, далѣе „князь Θεодора Олкирдовичъ княг. его Олгу“ доказываетъ дѣйствительно, что жена Θεодора Ольгердовича была княгиня Ольга, изъ чего еще не слѣдуетъ, чтобы мужъ ея имѣлъ другое имя — „Любартъ“, о которомъ вовсе тамъ не упоминается. Что же касается извлеченій изъ помянника Холмскаго епископа Якова Суши, то ужъ одно то, что онъ не приводитъ его въ подлинной копіи, а только въ отрывочныхъ извлеченіяхъ, наврядъ ли можетъ свидѣтельствовать о его авторитетности въ данномъ случаѣ.

Краткое описание римско-католических костелов г. Вильны.

Кс. В. Фронцкевича.

1. Кафедральный собор св. Станислава. Табл. XVII, рис. 1.

Основанъ въ 1387 г. королемъ Владиславомъ Ягайло, въ нижнемъ замкѣ, на мѣстѣ языческаго капища бога Перкуна. Нижний ярусъ находящейся по близости колокольни, неправильной круглой формы, по преданію, составлялъ часть древней башни, съ которой жрецъ Криве-Кривейте наблюдалъ движеніе солнца и объявлялъ народу волю боговъ. Папа Урбанъ VI буллою, данной епископу познанскому Доброгосту, наименовалъ, по желанію короля, кафедральнымъ новопостроенный храмъ, основанный, по словамъ буллы, „въ нѣкоемъ людномъ мѣстѣ, Вильна называемомъ“, которое возвелъ на степень города. Освященіе храма, во имя св. Троицы, Пресвятой Богородицы Дѣвы Маріи, св. Станислава и блаженного короля Владислава, совершено архіепископомъ гнезненскимъ Боджентой, въ день 7 мая 1388 года. Въ первоначальномъ своемъ видѣ соборъ просуществовалъ недолго, и хотя былъ построенъ изъ камня, но сгорѣлъ въ 1399 г., во время пожара нижняго замка, начавшагося съ великокняжескихъ конюшенъ. Великій князь Витовтъ и вторая супруга его Анна вновь отстроили сгорѣвшій соборъ, въ готическомъ стилѣ, увеличивъ притомъ его размѣры, и въ этомъ видѣ онъ простоялъ до 1530 года, когда во время большаго пожара города, вторично былъ совершенно истребленъ огнемъ. Щедротами короля Сигизмунда I и усердіемъ виленскаго епископа Іоанна и кафедральнаго капитула, храмъ былъ снова воздвигнутъ въ 1538 г. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ соборъ св. Станислава еще неоднократно былъ жертвою пламени, но особенно памятенъ въ его лѣтописяхъ большой пожаръ въ 1610 г., послѣ котораго соборъ былъ заново отстроенъ лишь черезъ 22 года. По возобновленіи, храмъ простоялъ еще 137 лѣтъ, безъ болѣе значительныхъ перемѣнъ, именно до 1769 года. Въ этомъ послѣднемъ году, боковая башня съ часами надъ капеллой, съ южной стороны, нечаянно обрушилась съ частью свода, при чемъ было убито на мѣстѣ 5 священниковъ и 1 клирикъ. Это обстоятельство заставило, по необходимости, приступить къ капитальной перестройкѣ собора, по проекту бывшаго профессора архитектуры въ виленскомъ университетѣ, Гуцевича. Работы производились медленно, съ перерывами, и наконецъ

соборъ былъ отстроенъ въ классическомъ стилѣ извѣстнаго Андрея Палладія, въ томъ видѣ, какъ теперь существуетъ, и освященъ въ 1801 г. виленскимъ епископомъ Іоанномъ Корвинъ-Коссаковским¹⁾. Въ соборѣ, по обѣимъ его сторонамъ, насчитывается 10 капеллъ, или часовенъ, съ внутреннимъ входомъ. Особого заслуживаетъ вниманія извѣстная по многимъ описаніямъ и снимкамъ капелла св. королевича Казимира, въ которой почиваютъ, въ серебряной ракъ, надъ престоломъ мощи святаго угодника. Капелла построена иждивеніемъ королей Сигизмунда III и Владислава IV, изъ шведскаго песчаника, и стѣны ея внутри отдѣланы превосходнымъ итальянскимъ мраморомъ, трехъ цвѣтовъ, въ іоническомъ стилѣ. Замѣчательной лѣпной работы богатая орнаментовка алтаря, съ изображеніемъ Богоматери, и выше стѣнъ, кругомъ, подъ куполомъ, гдѣ по 4 угламъ виднѣются фрески и писанныя масляными красками иконы. На двухъ противоположныхъ, боковыхъ стѣнахъ часовни находятся двѣ замѣчательныя, по своему высоко-художественному исполненію и сохранившимся краскамъ, большія картины стѣнной живописи первой половины XVII столѣтія (фрески), кисти знаменитаго голландца Петра Данкерса, придворнаго архитектора и художника упомянутыхъ королей. Со времени своего основанія, кафедральный соборъ былъ усыпальницей великихъ князей литовскихъ и другихъ членовъ царствующаго дома. Въ немъ погребены: князья Казимиръ (Коригаило) и Александръ (Вигундъ) Ольгердовичи, вторая супруга Витовта великая княгиня Анна, великіе князья Витовтъ и Сигизмундъ Кейстутовичи, великій князь Болеславъ (Свидригаило) Ольгердовичъ, князь Михаилъ Сигизмундовичъ, король Александръ, обѣ супруги Сигизмунда-Августа королевы Елисавета и Варвара, — и въ часовнѣ св. Казимира покоится сердце короля Владислава IV. Въ настоящее время въ точности извѣстна и существуетъ одна только гробница великаго князя Витовта, возобновленная въ 1853 г. бывшимъ основателемъ Виленской Археологической Комиссіи и Музея, графомъ Евстаѳіемъ Тышкевичемъ. Подъ гробницей виситъ на стѣнѣ замѣчательная въ археологическомъ отношеніи небольшая икона Божіей Матери, западно-европейской живописи, на кипарисной доскѣ, присланная, въ 1386 г. въ даръ Витовту, послѣ принятія имъ христіанства, византійскимъ императоромъ Мануиломъ Палеологомъ²⁾. Въ одной изъ боковыхъ капеллъ, съ южной стороны, въ противоположныхъ стѣнахъ находятся обращающія на себя вниманіе археологовъ двѣ гробницы XVI столѣтія, высѣченныя изъ шведскаго краснаго мрамора.

1) У Przyjałgowskiego — *Życia biskupow Wilenskich* t. 3 str. 177—182 и 214—217 указано, что уже императоръ Павелъ I, будучи въ Вильнѣ и увидѣвши вмѣсто костела безобразную группу развалинъ, которыми запружена была улица, приказалъ генераль-губернатору Репнину обратить вниманіе на такіе безпорядки и привести къ окончанію постройку латинскаго кафедральнаго костела. Высочайше дарованныя средства на это дали возможность въ 1801 году явиться костелу въ его настоящемъ благообразномъ видѣ. Безъ этого костель оставался бы неустроеннымъ и неконченнымъ, такъ какъ всѣ прежніе строители — епископы Зенковичъ, Массальскій, Коссаковскій и архитекторы Гуцевичъ и Шульць — только затягивали дѣло, и все кончилось судебнымъ процессомъ между виленскимъ капитуломъ и наследниками Массальскаго о захватѣ и растратѣ большихъ костельныхъ суммъ. Эти факты записаны каноникомъ Прилговскимъ на основаніи капитульныхъ актовъ.

2) Объ этой иконѣ нѣтъ упоминанія у прежнихъ историковъ. О ней не упоминаетъ даже Вьюкъ Кояловичъ, писавшій въ половинѣ XVII в. о всѣхъ замѣчательныхъ западно-русскихъ иконахъ Божіей Матери. (См. его *Miscellanea*).

Отъ редакціи.

Отъ редакціи.

мора, совершенно схожія съ гробницами въ королевской усыпальницѣ, находящимися въ замковомъ кафедральномъ соборѣ въ Краковѣ. Одна изъ нихъ, изображающая рыцаря, лежащаго со знаменемъ въ рукѣ, покрываетъ прахъ великаго канцлера литовскаго и перваго составителя литовскаго статута, Войтеха Гаштольда, приходившагося свекромъ второй супругѣ Сигизмунда-Августа, королевѣ Варварѣ, по первому ея мужу. На второй гробницѣ изображенъ также лежащимъ епископъ, въ полномъ облаченіи, съ посохомъ въ рукѣ. Подъ нею покоится прахъ виленскаго епископа князя Павла Гольшанскаго, родственника канцлера Гаштольда. Въ ризницѣ собора хранятся многіе предметы древней церковной утвари, замѣчательныя въ церковно-археологическомъ отношеніи.

2. Костель Св. Іоанна (приходскій). Табл. XIV, рис. 1.

По величинѣ самый обширный костель въ Вильнѣ, расположенъ на углу Замковой и Іоанновской улицы. На послѣднюю изъ нихъ выходитъ боковымъ фасадомъ, главный же фасадъ приходится со двора бывшаго зданія университета, что нынѣ 1-ая гимназія. Костель основанъ королемъ Владиславомъ Ягайло, на мѣстѣ языческаго капища, въ 1388 г. и оконченъ постройкой въ 1426 году. Первоначально именовался фарнымъ (приходскимъ) костеломъ, а спустя 4 года настоятели его получили титулъ архипресвитеровъ. Въ половинѣ XVI столѣтія, съ распространеніемъ протестантизма въ Литвѣ, костель св. Іоанна сталъ постепенно приходить въ упадокъ, но съ передачей его, въ 1571 г., ордену іезуитовъ, былъ ими значительно расширенъ и перестроенъ, въ итальянскомъ стилѣ эпохи Возрожденія, въ духѣ Лоренцо Бернини. До упраздненія іезуитовъ въ 1773 г., костель принадлежалъ все время монахамъ этого ордена, которые первоначально основали при немъ коллегію, а впоследствии академію, переименованную въ послѣдніе годы ея существованія въ Главную Литовскую Школу. Въ началѣ текущаго столѣтія, костель св. Іоанна сталъ университетскимъ, и въ 1826—1829 г. по распоряженію университета и на его средства былъ внутри весь заново передѣланъ, при чемъ исчезли всѣ характерные признаки его старины, какъ-то: замѣчательная стѣнная живопись, лѣпныя украшенія и статуи святыхъ. Тѣмъ не менѣе и въ настоящемъ своемъ видѣ костель св. Іоанна принадлежитъ къ лучшимъ городскимъ храмамъ. Въ немъ, кромѣ 13 боковыхъ престоловъ, имѣется еще 7 отдѣльныхъ капеллъ, изъ которыхъ въ часовнѣ Тѣла Господня почиваютъ мощи св. мученика Теофила и находится самый большой въ Литвѣ органъ, перевезенный сюда изъ іезуитскаго костела въ Полоцкѣ. Колокольня превышаетъ всѣ самыя высокія постройки въ городѣ.

3. Костель св. Духа (приходскій).

Основаніе этого костела по историческимъ документамъ относится къ царствованію короля Казимира Ягеллона, именно къ 1441 году, но по монастырскимъ преданіямъ ордена доминиканцевъ, онъ былъ основанъ еще королемъ Владиславомъ Ягайло, вскорѣ послѣ принятія имъ христіанства. Костель первоначально находился въ вѣдѣніи свѣтскаго духовенства, и въ 1501 г. великій князь литовскій Але-

ксандръ, послѣ добровольнаго отреченія отъ настоятельства послѣдняго приходскаго священника, по фамиліи Корчака, передалъ его монахамъ ордена доминиканцевъ, для которыхъ велѣлъ построить рядомъ каменный монастырь. Въ настоящемъ своемъ видѣ костель послѣ 1655 года былъ отстроенъ усердіемъ тогдашняго пріора доминиканцевъ, ксендза Голембіовскаго, въ промежутокъ времени отъ 1679 до 1688 года. Въ половинѣ XVIII столѣтія, послѣ двухъ къ ряду опустошительнѣйшихъ пожаровъ города, въ 1748 и 1749 г., отъ костела и монастыря остались однѣ только обгорѣлыя стѣны, съ обвалившеюся штукатуркой; окончательно же онъ былъ отстроенъ и отдѣланъ внутри во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Въ костелѣ, на боковыхъ стѣнахъ, находятся два хорошо сохранившіеся, писанные масляными красками, по всей вѣроятности современные портрета, во весь ростъ, короля Александра Ягеллона, въ королевскомъ облаченіи, и его духовника, упомянутаго ксендза Корчака. Съ упраздненіемъ монашескаго ордена доминиканцевъ, костель Св. Духа переданъ въ 1844 г. въ вѣдѣніе свѣтскаго духовенства.

4. Костель св. Николая. Табл. XIV, рис. 4.

Во времена Витенеса и Гедимина католики несомнѣнно уже имѣли въ Литвѣ свои храмы и монастыри францисканцевъ и доминиканцевъ, и одинъ изъ такихъ былъ именно костель св. Николая, основанный въ Вильнѣ нѣмецкими поселенцами, выписанными изъ ганзейскихъ городовъ Гедиминомъ. Расположенный въ части города, отведенной для нѣмцевъ и другихъ иностранцевъ, по близости улицы, называемой и теперь Нѣмецкой, костель св. Николая, — по свидѣтельству графа Конрада Кибурга, совершавшаго посольство въ 1397 г. отъ крестоносцевъ къ Витовту, былъ деревянный, приходскій и весьма ветхій. Въ 1430 г. костель перешелъ въ вѣдѣніе монаховъ францисканцевъ, имѣвшихъ вблизи свой монастырь съ костеломъ во имя Богородицы Дѣвы Маріи, на Пескахъ, основанный во времена Ольгерда и упраздненный въ 1864 г. Не подлежитъ поэтому сомнѣнію, что костель св. Николая, по времени своего основанія, былъ первымъ католическимъ храмомъ въ Вильнѣ. Сущестующій каменный костель сооруженъ на мѣстѣ прежняго деревяннаго, иждивеніемъ виленскаго намѣстника Левны, и освященъ въ 1440 г. Построенъ въ готическомъ стилѣ (gotbau), съ замѣчательными внутри вѣрообразными сводами, совершенно похожими на такіе же своды въ замкѣ крестоносцевъ въ Маріенбургѣ. Въ главномъ престолѣ находится старинная икона св. Николая, въ серебряной ризѣ. Въ настоящемъ своемъ видѣ костель существуетъ болѣе 4½ столѣтій, безъ всякихъ поврежденій.

5. Костель св. Анны. Табл. XV, зданіе вправо.

Основанъ второю супругою Витовта, великою княгинею Анною въ 1392 г., и оконченъ постройкой въ теченіе 4-хъ лѣтъ. Этотъ образцовый по своей красотѣ, по легкости и изяществу очертаній, памятникъ готической архитектуры былъ сооруженъ выписаннымъ изъ Маріенбурга нѣмецкимъ мастеромъ Яномъ Пурбахомъ, и по

своему стилю напоминает внутренне фасады (со двора) рыцарского замка в этом городѣ. Народное преданіе гласитъ, что строитель-мастеръ и подмастерье, поссорившись однажды на работѣ, упали оба съ лѣсовъ, при чемъ подмастерье, изъ зависти, убилъ мастера, и затѣмъ уже самъ одинъ окончилъ постройку храма. Расположенный внутри тогдашняго нижняго замка, костель св. Анны считался приходскимъ и принадлежалъ свѣтскому духовенству, а въ 1502 г. въ немъ было введено богослуженіе общины нѣмцевъ-католиковъ, св. Мартина. Въ 1550 г., неизвѣстно откуда прибывшій монахъ Винклеръ, или Виклефъ, своими нѣмецкими проповѣдями въ костелѣ св. Анны, несогласными съ вѣроученіемъ римско-католической церкви, обратилъ на себя вниманіе духовной власти, послѣдствіемъ чего было удаленіе его изъ города и наконецъ повсемѣстное запрещеніе проповѣдей на нѣмецкомъ языкѣ. Последнее обстоятельство, въ связи съ разрастающимся ученіемъ протестантизма, было причиной совершеннаго обѣдненія прихода, и перенесенія въ 1613 году въ другое мѣсто братства св. Мартина. Для поддержанія пришедшаго почти въ упадокъ храма, онъ былъ переданъ монахамъ ордена бернардиновъ, которые еще въ 1469 г. поселились въ Вильнѣ, и рядомъ имѣли свой монастырь съ костеломъ. Въ 1796 г. община нѣмцевъ-католиковъ снова была введена въ костель св. Анны, принадлежавшій упомянутому монастырю до 1864 г., въ которомъ этотъ послѣдній былъ закрытъ. Внутренность храма въ настоящее время далеко не соответствуетъ его выдающемуся, красивому наружному виду. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ немъ была погребена третья супруга Витовта, великая княгиня Юліана, изъ рода князей Гольшанскихъ, но мѣсто ея гробницы остается неизвѣстнымъ, такъ какъ пожарами неоднократно была уничтожаема вся внутренность храма.

6. Костель св. Франциска и Бернарда (приходскій). Табл. XV.

Въ очеркѣ костела св. Анны мы упомянули, что въ царствованіе Казимира Ягеллона, братія основаннаго св. Францискомъ Ассизскимъ монашескаго ордена — той именно его отрасли, названной бернардинами, которая отличалась болѣе строгимъ уставомъ — поселилась въ 1469 г. въ Вильнѣ. Здѣсь для нихъ первоначально былъ построенъ деревянный костель съ монастыремъ, въ предѣлахъ нижняго замка, на лѣвомъ берегу р. Вилейки, вблизи королевской мельницы. Случившійся черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того пожаръ истребилъ вмѣстѣ съ обителью и костель, на мѣстѣ коего бернардины стали строить новый каменный, но и этотъ, по случаю разлива р. Вилейки, не былъ оконченъ и затѣмъ былъ разобранъ. Наконецъ, получивъ въ даръ участокъ земли отъ великаго князя Александра, отъ виленскаго воеводы Николая Радзивилла и другихъ лицъ, отцы бернардины въ 1502 г. снова начали воздвигать, рядомъ съ костеломъ св. Анны, каменный храмъ съ монастыремъ, постройка которыхъ продолжалась очень долго. Послѣ войны 1655—1661 г. костель былъ еще разъ отстроенъ, и въ этомъ видѣ просуществовалъ до 1794 года, въ которомъ значительно пострадалъ отъ пожара, возникшаго при бомбардировкѣ города. Построенный въ стилѣ переходномъ отъ готическаго къ ранней эпохѣ Возрожденія,

костель св. Франциска, въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтїя, лишился извѣстныхъ признаковъ готическаго зодчества, единственное воспоминаніе котораго сохранилось въ видѣ боковой восьмиугольной башенки, на заднемъ его фасадѣ (рис. 33); внутри же сохранилъ до сего времени свой готическій характеръ. Въ костелѣ имѣются 2 капеллы, съ внутреннимъ входомъ, и 13 боковыхъ престоловъ, изъ коихъ 11 сдѣланы изъ рѣзнаго дерева. Кромѣ того, въ храмѣ находится нѣсколько заслуживающихъ вниманія старинныхъ мраморныхъ надгробныхъ памятниковъ: великаго маршала литовскаго кн. Станислава Радзивилла († 1599 г.), обознаго литовскаго Петра Веселовскаго († 1556 г.), извѣстнаго въ свое время силача, осадившаго однажды на рогатинѣ

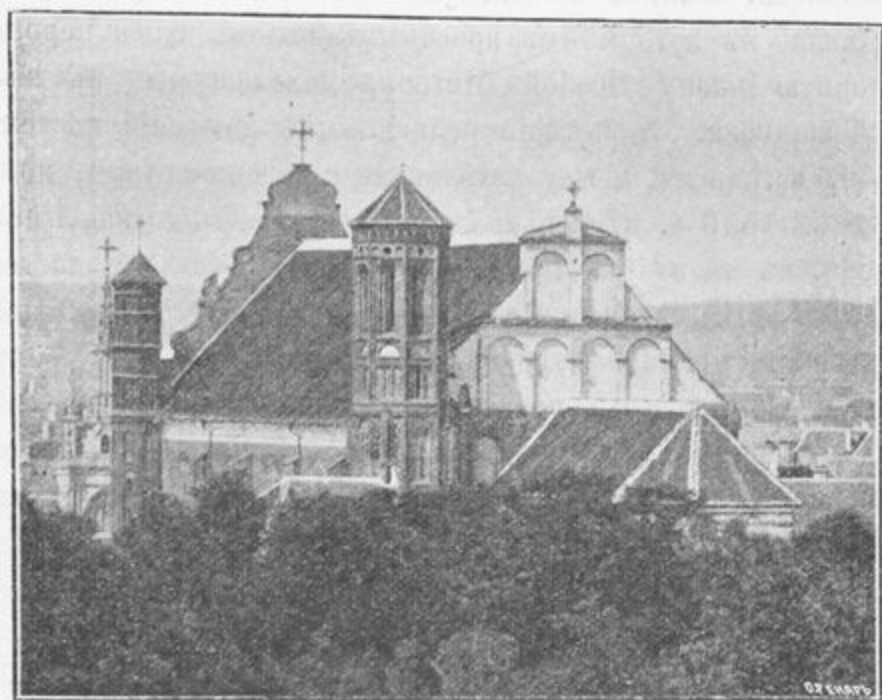

Рис. 33.

зубра, который бросился на охотѣ на короля Сигизмунда Августа, и др. Въ ризницѣ сохраняются нѣкоторые интересные предметы древней церковной утвари, но болѣе всего тамъ же заслуживаетъ вниманія археологовъ небольшая желѣзная дверь работы, современной первоначальному основанію костела, составленная изъ 70 наискось расположенныхъ квадратовъ, въ каждомъ изъ коихъ попеременно вырѣзаны изображенія государственныхъ гербовъ, архангела Гавріила, держащаго въ рукахъ развернутую надпись: „ave Maria“, и Благовѣщенія. Нѣсколько правѣе воротъ, въ церковной оградѣ находится построенная въ 1617 г. небольшая часовня, называемая „Scala Christi“, въ которой вверху имѣется престоль, съ изображеніемъ Страстей Христовыхъ. Къ нему ведетъ мраморная лѣстница, въ каждую ступень которой вставлена частица мощей изъ Святой Земли; богомольцы по лѣстницѣ поднимаются на колѣняхъ. Построенная въ послѣдніе годы надъ часовней колокольня, наподобіе готической, не отличается пропорціональностью размѣровъ. Костель св. Франциска въ прежнее время соединялся особымъ ходомъ и мостомъ съ женскимъ монастыремъ бернардинокъ, расположеннымъ на правомъ берегу р. Вилейки и занятымъ въ настоящее время подъ помещеніе

городскаго училища. Этотъ древнѣйшій женскій монастырь въ Вильнѣ, называвшійся „Зарѣчнымъ“, основанный въ 1495 г. монахинями Варварою Радзивилль и Доротою Олехновичъ, первоначально былъ деревянный, а послѣ пожара въ 1794 г. построенъ изъ кирпича. Съ упраздненіемъ его въ 1864 г., оставшіяся монахини были переведены въ сосѣдній женскій монастырь при костелѣ св. Михаила, закрытомъ въ свою очередь въ 1888 году. Основателемъ этого послѣдняго былъ канцлеръ и гетманъ великаго княжества Литовскаго Левъ Сапѣга, имѣвшій на этомъ самомъ мѣстѣ собственный дворецъ. Изъ состраданія къ „зарѣчнымъ“ монахинямъ, которыхъ онъ нерѣдко изъ оконъ своего дворца видѣлъ идущими, въ дурную погоду, въ монастырскій костелъ св. Франциска, Сапѣга воздвигнулъ для нихъ особую обитель и при ней костелъ св. Михаила, въ который съ крестнымъ ходомъ самъ перенесъ на своихъ плечахъ чудотворную икону Божіей Матери, находящуюся въ настоящее время въ костелѣ св. Франциска. Въ исторіи религиозныхъ движеній костелъ св. Михаила памятенъ борьбой, возникшей между католиками и кальвинистами, по поводу пущенныхъ послѣдними въ 1639 г. нѣсколькихъ стрѣлъ, изъ находившагося вблизи молитвеннаго ихъ дома, въ икону св. Архистратига, надъ фасадомъ костела. Украшеніе храма составляютъ замѣчательныя какъ памятники искусства, независимо отъ ихъ историческаго значенія, мраморныя гробницы самого основателя, Сапѣги, двухъ его женъ и сыновей, прахъ которыхъ покоится въ особомъ склепѣ, подъ главнымъ престоломъ. Одна мраморная плита, отчасти поврежденная, съ высѣченнымъ на ней изображеніемъ первой супруги канцлера, урожденной Фирлей, передана была на храненіе въ мѣстный музей древностей.

7. Костелъ св. Петра (приходскій). Табл. XIV, рис. 3.

Въ живописной мѣстности предмѣстья Антоколь, на темнозеленомъ фонѣ растущаго на окрестныхъ холмахъ сосноваго лѣса, стоитъ костелъ св. Петра. Въ языческія времена здѣсь, по преданію, находилось капище всѣхъ боговъ, пантеонъ, на мѣстѣ котораго при Владиславѣ Ягайлѣ былъ воздвигнутъ деревянный храмъ. Возобновленный въ княженіе великаго князя Александра, костелъ св. Петра, послѣ пожара въ 1594 году, снова былъ отстроенъ въ первоначальномъ видѣ, съ деревянною при немъ обителью, въ которой поселилась въ 1638 г. братія основаннаго св. Августиномъ, въ концѣ IV столѣтія, монашескаго ордена „канониковъ регулярныхъ“. Разоренные войной 1655—1661 г., костелъ и монастырь пришли въ совершенный упадокъ, и въ настоящемъ своемъ видѣ построены были иждивеніемъ виленскаго воеводы и гетмана литовскаго Михаила-Казимира Паца, пользовавшагося особымъ уваженіемъ своихъ современниковъ, считавшихъ его достойнымъ причисленія къ лику святыхъ. О популярности его во всѣхъ слояхъ населенія свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что послѣ его кончины виленскіе нищія, собравъ между собою добровольную складчину, заказали по немъ панихиду у отцевъ францисканцевъ. Постройка храма была начата въ 1668 г., по плану итальянскаго зодчаго Іоанна Заорѣ, въ стилѣ переходномъ отъ ренессанса къ рококо, на подобіе храма св. Карла въ Римѣ. По

богатству и разнообразію лѣпной работы, украшающей всю внутренность его, костель св. Петра составляетъ рѣдкое исключеніе, такъ какъ въ немъ насчитывается болѣе 2000 фигуръ и группъ изъ гипса. Жертвователю, не щадя издержекъ, выписалъ для лѣпныхъ работъ изъ Италіи лучшихъ мастеровъ: Петра Перетти изъ Милана, и Джіованни Галли изъ Рима, а для писанія иконъ и фресокъ — извѣстнаго въ то время римскаго художника Мартина де. Альтомонте. Постройка продолжалась болѣе 7 лѣтъ, лѣпныя же работы до 1682 г. Въ это самое именно время скончался и основатель храма, гетманъ Паць, похороненный, согласно завѣщанію, подъ порогомъ костела, въ особомъ склепѣ, въ схимническомъ одѣяніи. На камнѣ у церковнаго порога, по желанію его, были начертаны только слова: „здѣсь почиваетъ грѣшникъ“. При входѣ въ костель замѣчаются стоящіе на полу 2 большіе турецкіе барабана, отбитые гетманомъ у турокъ въ сраженіи при Хотинѣ, въ 1673 году. Въ ризницѣ сохраняются еще нѣкоторые подаренные имъ костелу предметы, какъ-то: дубовый сундукъ, въ которомъ во время хотинскаго похода хранилась войсковая казна, турецкіе ковры и пр. Въ одномъ изъ боковыхъ престоловъ находится даръ гетмана, старинная икона съ Распятіемъ Спасителя, которую онъ постоянно имѣлъ съ собою въ походахъ. Замѣчательна еще древняя чудотворная икона Божіей Матери, привезенная изъ Рима виленскимъ епископомъ Юріемъ Тышкевичемъ, во время моровой язвы, въ 1653 г., и торжественно перенесенная въ костель св. Петра, при богослуженіи о прекращеніи эпидеміи. Слѣдуетъ замѣтить еще, что послѣ упраздненія въ 1864 г. на Антоколѣ монастыря отцовъ тринитаріевъ и костела при немъ, основанныхъ въ концѣ XVII столѣтія великимъ гетманомъ литовскимъ Казимиромъ Сапѣгой, находившаяся тамъ мѣстно чтимая, чудотворная статуя Христа Спасителя, присланная въ 1700 г. папою Иннокентіемъ XII въ даръ жителямъ великаго княжества, перенесена въ костель св. Петра.

8. Костель св. Георгія. Табл. XVI, рис. 4.

Виленскій воевода и великій канцлеръ литовскій Николай Радзивилль, въ воспоминаніе одержанной въ 1506 г., при Клецкѣ, побѣды надъ татарами, въ которой самъ принималъ участіе, основалъ за городскою стѣной храмъ во имя Пресвятой Богородицы, называемой „Снѣжной“, съ монастыремъ, въ которомъ до 1514 г. въ первый разъ поселились монахи ордена кармелитовъ древняго устава. Въ 1798 г. костель и монастырь отобранны были у кармелитовъ и переданы для помѣщенія епархіальной семинаріи, существующей здѣсь до настоящаго времени. Костель прямоугольный въ планѣ, безъ башенъ, ничѣмъ особеннымъ не отличается по наружности, и внутри не содержитъ никакихъ памятниковъ старины. Отъ иконы св. Георгія Побѣдоносца, находящейся въ главномъ престолѣ, костель получилъ свое названіе, сообщивъ таковое близъ лежащей улицѣ и скверу.

9. Костель Св. Креста.

Мѣстность, въ которой находится этотъ небольшой костель, на лѣвомъ углу дворцоваго сквера, памятна въ лѣтописяхъ Вильны тѣмъ, что была запечатлѣна

кровью первых христіанскихъ мучениковъ. Въ половинѣ XIV столѣтія, приблизительно тамъ, гдѣ въ настоящее время стоитъ костель, были погребены 14 человекъ монаховъ францисканцевъ, умерщвленныхъ язычниками литовцами, въ отсутствіе великаго князя Ольгерда и намѣстника его Петра Гаштольда, который построилъ здѣсь первоначально для нихъ небольшую деревянную обитель, въ томъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии былъ садъ епископскаго двора. Приглашенные затѣмъ вторично Гаштольдомъ отцы францисканцы поселились уже на новомъ мѣстѣ, въ новопостроенномъ для нихъ каменномъ монастырѣ, при костелѣ Божіей Матери на Пескахъ, на Троцкой улицѣ. На могилѣ первыхъ мучениковъ была сооружена небольшая деревянная часовня св. Креста, сгорѣвшая въ 1533 г. во время пожара, отъ котораго уцѣлѣлъ только памятникъ, въ видѣ особой, увѣнчанной крестомъ колонны, съ надписью, гласящею имена мучениковъ и годъ ихъ кончины. Впоследствии, преосвященный виленскій, князь Павелъ Гольшанскій, въ 1543 г. построилъ въ саду своемъ, на мѣстѣ, гдѣ стоялъ памятникъ, каменную часовню. Нынѣшній костель несомнѣнно существовалъ уже въ самомъ началѣ XVII столѣтія, прежняя же каменная часовня была перестроена въ келію новой обители, въ которой нашли помѣщеніе приглашенные въ 1635 г. виленскимъ епископомъ Аврааміемъ Война монахи ордена св. Іоанна, именуемые „бонифратрами“, главную обязанность которыхъ составляло призрѣніе больныхъ. Преосвященный Авраамій учредилъ при обители госпиталь для душевнобольныхъ, которымъ бонифратры завѣдывали до 1843 года, въ коемъ онъ былъ переданъ въ вѣдѣніе попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія. Построенный въ стилѣ такъ называемомъ „рококо“, костель св. Креста въ настоящемъ своемъ видѣ не представляетъ интереснаго матеріала для археологическихъ изслѣдованій. Въ главномъ престолѣ находится древняя, мѣстно чтимая чудотворная икона Божіей Матери Милосердія, происхождение которой нѣкоторые писатели относятъ къ XIV столѣтію. Внутри храма находится колодезь чистой ключевой воды, которой народное преданіе приписываетъ цѣлебное свойство противъ глазныхъ болѣзней. Объ этомъ источникѣ сохранилось свидѣтельство въ дневникѣ графа Кибурга, посла крестоносцевъ къ Витовту, въ 1397 году.

10. Костель Вознесенія, б. Миссіонеровъ. Табл. XVI, рис. 1.

На Сиротской улицѣ, въ мѣстности, называемой „Горой Спасителя“, высятся двѣ замѣчательно легкія, изящныя башни костела Вознесенія, представляющія, какъ и самый храмъ, лучшій образецъ архитектурнаго стиля, называемаго „рококо“. Костель основанъ въ 1695 году войскимъ лифляндскимъ, Теофиломъ Плятеромъ, для братіи учрежденнаго святымъ Викентіемъ а Пауло монашескаго ордена миссіонеровъ, бывшей въ Вильну въ 1685 г., которой жена подканцлера литовскаго, княгиня Екатерина Радзивиллъ подарила на предмѣстьи Субочъ прежній дворецъ князей Сантушковъ, перестроенный потомъ въ общежитіе. Съ 1800 года костель сталъ приходскимъ, и миссіонеры основали при немъ, кромѣ существовавшей уже раньше семинаріи, училище, и сверхъ того конвиктъ для бѣдныхъ учениковъ, содержавшійся на сред-

ства, завѣщанныя епископомъ Пильховскимъ, каноникомъ Ганомъ и Игнатіемъ Слѣпцемъ, и находившійся въ вѣдѣніи бывшаго Виленскаго университета. Въ 1812 г. монастырское зданіе было разорено непріателемъ, а въ 1844 г. и самый костель закрытъ, но впоследствии возобновленъ на собранныя добротныя пожертвованія, и въ 1862 г. снова введено въ немъ богослуженіе. Въ храмѣ считается 6 боковыхъ престоловъ и 4 особыя капеллы, интересныхъ же въ археологическомъ отношеніи памятниковъ не сохранилось. Въ склепахъ, подъ костеломъ, похоронены основатель его, и другіе члены рода Плятеровъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ вѣдѣніи отцовъ миссіонеровъ одно время находился и бывший костель св. Казимира, что нынѣ православный Николаевскій соборъ, въ промежутокъ времени съ 1815 по 1832 годъ.

11. Костель св. Стефана.

Находится въ концѣ города, на Рудницкомъ предмѣстіи, недалеко отъ желѣзнодорожнаго вокзала. Построенъ въ 1660 году, при содѣйствіи бывшаго виленскаго епископа Евстафія Волловича, на добротныя пожертвованія, собранныя ксендзомъ Высоцкимъ, ордена іезуитовъ, въ вѣдѣніи которыхъ и находился одно время. При костелѣ существовалъ прежде госпиталь и состояло братство св. Лазаря. Въ 1673 году, разоренный послѣ войны костель, съ деревянною при немъ больницей, былъ снова отстроенъ, — а въ 1737 г., съ разрѣшенія виленскаго епископа Михаила Зенковича, ксендзъ Стефанъ Турчиновичъ основалъ при немъ общежитіе сестеръ, названныхъ „маріавитками“ въ честь Пресвятой Богородицы Дѣвы Маріи, и построилъ для нихъ обитель. Папа Бенедиктъ XIV изданной въ 1752 г. буллой утвердилъ уставъ этой общины, согласно которому главная обязанность сестеръ состояла въ обученіи евреекъ догматамъ римско-католическаго исповѣданія. Община существовала недолго, и обитель пришлось закрыть, такъ какъ сестры переселились въ Бѣлоруссію, но вскорѣ потомъ сестра Анжелика Потемкина, съ тремя другими сестрами, отправилась въ Римъ, въ 1770 г., и исходатайствовала у папы Климента XIV новое утвержденіе виленской общины. Вслѣдствіе этого, маріавитки вернулись въ Вильну, и старшая надъ ними, Янковская отказала все свое состояніе на постройку новой деревянной обители, которая въ 1794 г. подверглась разоренію. Наконецъ денежными усиліями сестеръ еще разъ была возобновлена обитель, въ которой въ настоящее время помѣщается тюрьма. Въ костелѣ св. Стефана нѣтъ ничего, представляющаго археологическій интересъ.

12. Костель Остробрамскій св. Терезіи (приходскій).

Находится на Островоротной улицѣ, составляющей продолженіе Большой, и примыкаетъ съ одной стороны къ б. монастырю ордена кармелитовъ босыхъ, а съ другой — къ древнимъ городскимъ воротамъ, называемымъ Острыми. Костель итальянской архитектуры, прямоугольный въ планѣ, съ одною боковой колокольней, построенъ въ 1626 г. иждивеніемъ подканцлера литовскаго Стефана Паца. Внутренность храма украшена лѣпною работою и стѣнною живописью, не отличающимся впрочемъ высокими худо-

жественными качествами; но замѣчательно изящный фасадъ костела, въ стилѣ вполнѣ выдержанномъ, позволяетъ намъ отнести его къ лучшимъ памятникамъ зодчества XVII столѣтія. Въ нижнемъ ярусѣ фасада основаніе подъ пилястрами, вышиною въ 2¹/₂ аршина, выведено во всю ширину храма, изъ шведскаго мрамора и камня; базы и капители пилястровъ изъ такого же мрамора. Главныя входныя двери украшаются двумя полированнаго гранита колоннами, съ такимъ же цоколемъ, съ капителями и базами бѣлаго мрамора. Точно такъ же виденъ шведскій мраморъ въ широкихъ оконныхъ и дверныхъ наличникахъ и фризахъ, а въ верхнемъ ярусѣ, изъ того же матеріала сдѣланы орнаменты, въ видѣ свѣтильниковъ и пирамидъ, и гербъ рода Пацовъ. Строитель этого костела, весьма напоминающаго по своей архитектурѣ костель кармелитовъ на Пескахъ, въ Краковѣ, по фамиліи неизвѣстенъ, но судя по рѣзкимъ контрастамъ цвѣта употребленнаго въ дѣло чернаго и желтоватаго мрамора, по примѣненію дорическихъ и коринтскихъ пилястръ, орнаментовъ въ видѣ раковинъ и пр., можно заключить, что храмъ построенъ въ духѣ извѣстнаго итальянскаго зодчаго, Андрея Палладія, эпохи Возрожденія. При костелѣ находятся 2 часовни или капеллы, изъ коихъ одна, „Поцѣвская“, во имя Спасителя, — внутри храма, а другая, называемая Остробрамскою, во имя Пресвятой Богородицы, — наружная, соединенная съ костеломъ крытымъ ходомъ. Поцѣвская часовня, построенная въ 1783 г., покрыта куполомъ съ богатою орнаментовкой и гербомъ Поцѣя и внутри украшена лѣпною работою, изображающею жизнь и страданія Спасителя. Остробрамская часовня построена надъ древними городскими воротами, называвшимися „Мѣдницкими“ и впоследствии Острыми. Первоначально была деревянная, но послѣ пожара въ 1715 г. построена каменная, въ стилѣ ренесансъ, съ богато декорированнымъ аттикомъ. Въ престолѣ часовни находится чудотворная икона Пресвятой Богородицы, писанная на дубовой доскѣ, масляными красками, неизвѣстнымъ художникомъ половины XVI столѣтія, подъ влияніемъ итальянской живописи, въ эпоху несомнѣнно послѣ Рафаэля³⁾. Не представляя никакихъ, въ археологическомъ отношеніи интересныхъ памятниковъ, — костель св. Терезіи сохранилъ однако нѣсколько старинныхъ портретовъ: основателя храма — Паца, и кармелитскаго при немъ монастыря — виленскаго бургомистра Игнатія Дубовича; Михаила Поцѣя, надъ могилою котораго построена часовня, и наконецъ монахини кармелитскаго ордена Маріи-Терезіи, дочери французскаго короля Людовика XV.

13. Костель Всѣхъ Святыхъ (приходскій). Табл. XVI, рис. 3.

Въ 1620 году секретарь короля Сигизмунда III, Войцѣхъ Хлюдзинскій собственнымъ иждивеніемъ построилъ на Рудницкой улицѣ костель Всѣхъ Святыхъ и

³⁾ До послѣдняго времени всѣ свидѣтельства историковъ и очевидцевъ Остробрамской иконы (русскихъ и польскихъ — въ томъ числѣ и покойнаго Киркора) согласно говорили, что эта икона древняя, византійскаго происхожденія, привезена въ Литву Ольгердомъ. Года два тому назадъ появилась брошюрка г-жи Билинской (нынѣ скончавшейся) изъ Варшавы, въ которой авторъ впервые заявила, что по надлежащемъ осмотрѣ Остробрамской иконы она находить ее такою, какъ икона описывается о. Францкевичемъ. Тогда же г-жѣ Билинской были указаны прежнія историческія свидѣтельства противъ нея. *Отъ редакціи.*

при немъ каменный монастырь для монаховъ ордена кармелитовъ древняго устава. Храмъ прямоугольный въ планѣ, съ одной боковою колокольною, въ 5 ярусовъ, имѣеть 18 боковыхъ престоловъ и 2 особыя, съ внутреннимъ входомъ часовни. Къ приходу принадлежатъ нѣкоторыя окрестныя селенія; монастырь упраздненъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Никакихъ заслуживающихъ вниманія памятниковъ старины не сохранилось.

14. Костель св. Екатерины. Табл. XVI, рис. 2.

Основаніе этого костела и существующаго при немъ женскаго монастыря бенедиктинокъ, на Вилейской улицѣ, относится къ 1622 году, въ которомъ епархіальный епископъ Евстафій Волловичъ пригласилъ въ Вильну монахинь этого ордена, отличающагося весьма строгимъ уставомъ. Костель и монастырь воздвигли для нихъ собственнымъ иждивеніемъ супруги Городыйскіе, при содѣйствіи вельможъ Ходкевича и Пацовъ. Разоренные послѣ войны, законченной въ 1661 г., монастырское зданіе и храмъ, въ томъ видѣ, какъ сейчасъ существуютъ, были возобновлены спустя много лѣтъ, именно въ 1703 г., на средства самихъ монахинь, изъ коихъ каждая еще въ то время владѣла довольно значительнымъ приданымъ. Въ 1812 году бенедиктинки принуждены были удалиться изъ монастыря, который непріателемъ былъ занятъ подъ военный госпиталь, а въ костелѣ нашель помѣщеніе аптекарскій складъ. Въ архитектурномъ отношеніи костель св. Екатерины принадлежитъ къ стилю рококо и отличается снаружи 2 высокими, стройными башнями, внутри же его украшаютъ 13 иконъ, писанныхъ извѣстнымъ художникомъ Чеховичемъ, изъ коихъ въ главномъ престолѣ заслуживаетъ особаго вниманія, по своему высокохудожественному исполненію, икона св. великомученицы Екатерины. Кромѣ боковыхъ престоловъ, въ костелѣ имѣется еще особая часовня, во имя Провидѣнія Божьяго, съ внутреннимъ входомъ.

15. Костель св. апостоловъ Филиппа и Іакова (приходскій).

Нѣкоторые изслѣдователи мѣстной старины полагаютъ, что на предмѣстіи Лукишкахъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится костель подъ этимъ названіемъ, послѣ крещенія литовцевъ въ 1387 году, было устроено кладбище, на которомъ хоронили бѣднѣйшихъ горожанъ. Въ XVII столѣтіи, смоленскій каштелянъ Юрій Хрептовичъ, имѣвшій на Лукишкахъ свой дворецъ, построилъ, въ 1632 г., на кладбищѣ, собственнымъ иждивеніемъ, деревянный костель, съ монастыремъ для отцовъ доминиканцевъ, обязавъ ихъ хоронить безвозмездно бѣднѣйшихъ жителей, костель же былъ сдѣланъ приходскимъ. Сгорѣвшіе въ 1655 году костель съ обителью были снова построены изъ дерева, а вслѣдъ затѣмъ, въ 1684 г., въ главномъ престолѣ новоотстроеннаго храма была помѣщена икона Божіей Матери, привезенная генераломъ литовской артиллеріи Матвѣемъ Корвинъ-Госевскимъ и оставленная имъ въ мѣстечкѣ Лаздѣяхъ, по близости г. Сейна. Наплывъ богомольцевъ на поклоненіе этой иконѣ, по случаю торжественнаго провозглашенія ея чудотворною, сталъ до того увеличиваться, что уже прежній храмъ оказался тѣснымъ, и поэтому было пристушено къ постройкѣ существующаго теперь, каменнаго костела, который былъ

оконченъ въ 1727 г., а спустя 12 лѣтъ и монастырь при немъ. Съ упраздненіемъ послѣдняго, костель переданъ въ 1844 г. свѣтскому духовенству. Построенъ въ стилѣ, называемомъ бароко, съ 2 высокими башнями спереди; надъ главнымъ входомъ, стѣнной живописи точная копія чудотворной иконы Лукишской Божіей Матери. На упраздненномъ въ настоящее время кладбищѣ, около костела, погребено много французовъ, погибшихъ въ 1812 г. При костелѣ существуетъ госпиталь св. Іакова, состоящій въ вѣдѣніи приказа общественнаго призрѣнія.

16. Костель св. Варооломея.

На Зарѣчьи, по Полоцкой улицѣ, на обрывистомъ берегу рѣки Вилейки, стоитъ небольшой костель подъ этимъ названіемъ, принадлежавшій нѣкогда монахамъ ордена канониковъ регулярныхъ „de poenitentia“, иначе называемыхъ „бѣлыми августіанцами“, которые, кстаті замѣтить, завѣдывали, до 1812 г. и бывшимъ поіезуитскимъ костеломъ св. Казимира, что нынѣ православный Николаевскій соборъ. Въ 1644 г., иждивеніемъ нѣкоего Якова Заламая съ супругою, построенъ деревянный костель, съ обителью при немъ, который черезъ 5 лѣтъ сгорѣлъ отъ удара молніей. Новый деревянный костель, во имя св. Варооломея, построенный въ 1664 г. на другомъ мѣстѣ, вблизи прежняго, на „Райской“ горѣ, точно такъ же былъ истребленъ въ одинъ изъ опустошительныхъ пожаровъ, а затѣмъ, вмѣсто него воздвигнуть существующій теперь — каменный, въ 1823—24 г.

17. Костель св. Рафаила (приходскій). Табл. XIV, рис. 2.

Костель св. Рафаила, за рѣкой Виліей, на предмѣстіи Снипишкахъ, былъ построенъ въ промежутокъ времени 1703—1715 г., иждивеніемъ виленскаго писаря земскаго Михаила Кошица, при содѣйствіи гетмана литовскаго кн. Михаила Радзивилла и виленскаго воеводы Казимира Сапѣги. Вмѣстѣ съ храмомъ, былъ воздвигнутъ при немъ каменный монастырь для іезуитовъ, — съ упраздненіемъ которыхъ костель и обитель, въ 1775 г., были переданы монахамъ ордена піаровъ, а въ 1791 г. устроенъ приходъ, къ которому принадлежитъ нѣсколько окрестныхъ селеній. Довольно долгое время костель былъ закрытъ, и затѣмъ снова было въ немъ введено богослуженіе, монастырское же зданіе въ 1799 г. піары продали въ казну. Храмъ св. Рафаила, точно такъ же какъ и св. Іакова, построенъ въ стилѣ бароко, съ пилястрами, и въ археологическомъ отношеніи не представляетъ интереса. Въ главномъ престолѣ находится икона св. архангела Рафаила, кисти извѣстнаго художника Чеховича.

Въ ризницахъ римско-католическихъ костеловъ городовъ Вильны и Трокъ.

Юсендза В. Фронцкевича.

Одинъ изъ древнѣйшихъ въ Виленской епархіи храмовъ, *приходскій костелъ въ г. Трокахъ* основанный въ 1409 году великимъ княземъ литовскимъ Витовтомъ, послѣ всѣхъ опустошительныхъ войнъ минувшихъ столѣтій, сохранилъ до настоящаго времени въ ризницѣ своей нѣсколько древнихъ, заслуживающихъ вниманія предметовъ. Къ сожалѣнію, за отсутствіемъ всякихъ письменныхъ свидѣтельствъ, происхожденіе ихъ остается до сихъ поръ невыясненнымъ. Въ числѣ этихъ древностей первое мѣсто занимаютъ 2 *короны-вѣнчика*, украшавшія въ прежнее время лики Божіей Матери и Младенца Иисуса на старинной иконѣ въ главномъ алтарѣ, которыя преданіе относитъ къ эпохѣ основателя храма, называя ихъ Витовтовыми коронами. Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить, что въ началѣ прошлаго столѣтія въ лѣтописи костела записано преданіе о происхожденіи самаго образа, признаннаго чудотворнымъ съ половины XVII вѣка. По словамъ лѣтописи, это тотъ самый будто бы образъ, который нѣкогда византійскій императоръ Іоаннъ Комнень, побѣдивъ Гунновъ и Персовъ, торжественно привезъ въ Царьградъ, на серебряной колесницѣ, запряженной 4 бѣлыми лошадьми; впоследствии же былъ онъ присланъ въ даръ Витовту императоромъ Мануиломъ II Палеологомъ, по случаю принятія первымъ христіанства, въ 1386 году. Самое преданіе о принесеніи въ даръ этой иконы Витовту не подтверждается никакими историческими свидѣтельствами современныхъ или позднѣйшихъ лѣтописцевъ, не имѣвшихъ обыкновенія умалчивать о подобнаго рода событіяхъ, — хотя весьма возможно было бы допустить самый фактъ даренія образа Палеологомъ, искавшимъ защиты повсюду въ Европѣ противъ угрожавшихъ ему Турокъ. Но то же самое преданіе о дарѣ императора Мануила II, какъ извѣстно, относится и къ другой небольшой иконѣ Богоматери, находящейся у гробницы Витовта, въ виленскомъ кафедральномъ костелѣ. Этотъ послѣдній образъ, изслѣдованный въ свое время б. Виленскою Археологическою Комиссіей, находился въ теченіе слишкомъ четырехъ столѣтій въ Старыхъ Трокахъ, въ костелѣ основаннаго тоже Витовтомъ бенедиктинскаго монастыря, и въ 1844 году переданъ на храненіе въ виленскій кафедральный костелъ.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что короны трокской ризницы, замѣчательныя по своему изяществу и богатымъ украшеніямъ, могли быть принесены въ даръ только высокопоставленнымъ лицомъ¹⁾.

Корона Божіей Матери (Табл. XXI, рис. 1) состоитъ изъ двухъ частей: нижняго пояса и верхней части. Поясъ изъ чистаго золота, шириною посрединѣ въ 31 сантиметръ и вышиной 21 с. дѣлится на три части: къ нижней прикрѣплены 3 золотые цвѣтка, имѣющіе каждый посрединѣ звѣздочку изъ рубина, осыпаннаго гранатами, украшающими также и лепестки. Во 2-й части — треугольныя, въ видѣ листьевъ, волнистыя украшенія черной эмали по голубой, раздѣленныя наклонными рядами мелкаго жемчуга, а въ верхней — рядъ причудливо изогнутыхъ лепестковъ лиліи, рельефной работы, бѣлой, синей и зеленой эмали, украшенныхъ крупнымъ жемчугомъ и 4 звѣздочками изъ жемчуга и рубина. Посрединѣ, между верхнимъ и 2-мъ поясомъ, 3 звѣзды изъ шлифованныхъ рубиновъ, каждая съ подвѣсками изъ двухъ крупныхъ жемчужинъ; по краямъ 2 такія же звѣздочки меньшихъ размѣровъ. Верхнее поле короны, матоваго золота, покрыто сѣткой изъ черни; края разрѣзовъ и средній поясокъ состоятъ изъ цѣпи красиво оправленныхъ въ золото рубиновъ, окаймленной мелкимъ жемчугомъ. Корона, какъ видно, была кромѣ того обведена жемчугомъ по всѣмъ своимъ очертаніямъ, что допускаетъ предположеніе, что и крестъ былъ жемчужный съ драгоценными камнями.

Вѣнчикъ Младенца Иисуса (табл. XXI, рис. 2) имѣетъ наибольшую ширину $15\frac{1}{2}$ и вышину, вмѣстѣ съ крестомъ, въ $10\frac{1}{2}$ с. Состоитъ онъ также изъ толстой бляхи матоваго золота, разукрашенной изящнымъ золотымъ узоромъ, тонкой филиграновой работы. Посрединѣ короны прикрѣплены 3 золотыя розетки, покрытыя блѣдно-голубою и бѣлою эмалью, а на пояскахъ и по краямъ 20 такихъ же меньшихъ розетокъ. Яблоко креста надъ короной темно-синей эмали, съ поперечнымъ пояскомъ желтаго цвѣта. Разсматривая характеръ очертанія бѣльшей короны и ренесансовые мотивы ея эмалевыхъ украшеній изъ растительнаго царства, является предположеніе, что это издѣліе тосканскихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ 2-й половины XV вѣка, насчитывавшихъ въ своихъ рядахъ извѣстнѣйшихъ своего времени художниковъ. Съ нѣскольکو бѣльшею зато вѣроятностью, кажется, можно заключить, что меньшая корона — произведеніе венеціанскихъ мастеровъ, пріобрѣвшихъ еще въ XII столѣтіи громкую извѣстность своими филиграновыми издѣліями весьма тонкой работы²⁾.

Старинная монстранція трокской ризницы (Табл. XXI рис. 3), произведеніе неизвѣстнаго мастера, сооруженное изъ серебра и отчасти изъ золота, имѣетъ вышину въ 74 и наибольшую ширину въ 37 сант. Средняя часть ея, та, въ которой за хрустальнымъ стекломъ помѣщаются Святые Дары, имѣетъ сердцевидную форму, украшенную снаружи брильянтами, рубинами и жемчугомъ. Отъ нея идутъ кругомъ лучи, къ которымъ прикрѣпленъ, непосредственно надъ стекляннымъ затворомъ, пеликанъ, изъ

¹⁾ На старинной гравюрѣ иконы Трокской Божіей Матери, издавннй въ Бреславѣ Вареломеемъ Страховскимъ, вскорѣ послѣ коронованія этого образа, въ 1718 году, по распоряженію папы Климента XI, изображены другія 2 короны.

²⁾ Histoire de l'Orfèvrerie par Ferdinand de Lasteyrie, membre de l'Institut. Paris 1875, p. 139, 194, 213.

литаго серебра, кормящій птенцовъ въ терновомъ гнѣздѣ, а надъ нимъ двуглавый Священной Римской Имперіи орель, усаженный весь рубинами, съ изумрудомъ по-срединѣ. На оборотной сторонѣ орель покрытъ бѣлою и черною, на подобіе перьевъ, эмалью; на груди у него поясное изображеніе Богородицы съ Младенцемъ Исусомъ на рукахъ, а на крыльяхъ — двухъ святыхъ угодниковъ. Надъ орломъ изображеніе Бога Отца, въ облакахъ, поддерживаемое двумя херувимами и оканчивающееся вверху золотымъ крестомъ въ сіяніи, имѣющимъ внутри меньшей коралловый крестъ, украшенный алмазами. На лучахъ, съ боковъ, 2 херувима держатъ орудія страстей Господнихъ, а ниже стеклянаго затвора — рельефной работы поясное изображеніе Богородицы въ облакахъ, со скрещенными на груди руками. Лицевая сторона, кромѣ того, украшена съ боковъ серебряными вѣтками съ листьями, цвѣтами и подвѣсками, въ стилѣ Возрожденія; цвѣты покрыты блѣдно-желтою, голубою и зеленою эмалью. Изображающій, какъ должно полагать, архистратига Михаила, съ поднятыми кверху руками, ангель, поддерживая монстранцію стоитъ на пьедесталѣ, имѣющемъ рельефныя изображенія: съ лица — св. евангелиста Іоанна, съ задней стороны — Трокской Божіей Матери и по бокамъ — 2 головки херувимовъ (au geroussé). Украшенія изъ цвѣтовъ и листьевъ, въ стилѣ эпохи Возрожденія, и въ особенности зображеніе двуглаваго Западной Римской Имперіи орла приводятъ къ предположенію, что имѣемъ дѣло съ произведеніемъ также итальянскаго искусства, конца XV или начала XVI столѣтія. Монстранція могла быть принесена въ даръ однимъ изъ членовъ австрійскаго императорскаго дома состоящей съ нимъ въ близкомъ родствѣ королевѣ Елизаветѣ († 1505 г.), супругѣ Казимира Ягеллона, извѣстной своими щедрыми пожертвованіями въ разные храмы¹⁾. Что монстрація была повидимому спеціально сооружена для трокскаго костела, на это обстоятельство какъ бы указываетъ точное изображеніе на пьедесталѣ Трокской Божіей Матери.

Виленскій кафедральный костелъ, по количеству сохранившихся до настоящаго времени въ ризницѣ его церковныхъ древностей, занимаетъ безспорно первое мѣсто въ епархіи. Въ XIV столѣтіи на Западѣ устройство большихъ ковчеговъ, или ракъ, для храненія мощей стало постепенно выходить изъ употребленія, такъ какъ самыя мощи угодниковъ постоянно дробились и разсылались по разнымъ храмамъ. Отсюда произошелъ обычай устраивать для храненія ихъ небольшіе особые ларцы, которые по самому наружному своему виду могли бы сразу опредѣлять содержимыя въ нихъ частицы. Едва ли не единственный примѣръ этого въ Виленской епархіи мы находимъ въ древнѣйшей святынѣ собора, *мощехранительницѣ съ частицей руки св. мученика епископа Станислава*, обрѣтенною въ концѣ XIV столѣтія, т.-е. въ эпоху основанія самаго храма. Любопытный въ археологическомъ отношеніи этотъ образецъ средневѣковаго мастерства представляетъ серебряную, частью вызолоченую, руку (Табл. XXI, рис. 4), ниже локтя, длиной въ 40 с., на внутренней сторонѣ которой,

¹⁾ Подаренные несомнѣнно самой королевой Елизаветой предметы церковной утвари всегда были отмѣчены, въ числѣ прочихъ гербовъ, фамилінымъ гербомъ австрійскаго дома: бѣлымъ поясомъ по красному полю. См. „Bazylika Litewska“ przez A. N. Kirkora, czdonka nazw. Akad. Umiejęty. w Krakowie. Kraków 1886, p. 60.

за хрустальнымъ стекломъ, видна частица кости правой руки святителя, а на большомъ пальцѣ золотой епископскій перстень съ драгоценнымъ камнемъ. Къ сожалѣнію, эта рука, извѣстная уже по инвентарной описи 1598 года, подверглась, съ теченіемъ времени, нѣкоторымъ передѣлкамъ. То именно ея мѣсто, закрытое стекломъ, къ которому прикладываются (*osculum*), первоначально имѣло форму креста, и въ 1-й половинѣ прошлаго столѣтія при основаніи руки сдѣлано было рѣзное, въ видѣ вѣнка, серебряное украшеніе, измѣнившее отчасти первоначальный ея характеръ. Находящійся въ той же ризницѣ серебряный вызолоченый *потиръ* (Табл. XXII, рис. 5) безъ сомнѣнія принадлежалъ первоначально одному изъ упраздненныхъ въ епархіи костеловъ, такъ какъ онъ вовсе не значится по прежнимъ инвентарнымъ описямъ кафедральнаго собора. Сохранившаяся на нижнемъ ободкѣ, при основаніи его, вычеканенная готическая надпись, разобрать которую не представляется возможнымъ, нисколько не разрѣшаетъ вопроса о происхожденіи этого сосуда, въ виду отсутствія на немъ какого-либо клейма. Высота потира $18\frac{1}{2}$ сант., ширина по верху — $10\frac{1}{2}$ и въ основаніи — 14 сант. Готическій его стиль, замѣтно выдающійся около украшеннаго цвѣтными камнями утолщенія ножки, даетъ право отнести это издѣліе къ концу XV или началу XVI столѣтія, несмотря на то, что кружевной орнаментъ, внизу чаши, и ажурный поясокъ, при основаніи, свидѣтельствуютъ о зарождающемся уже вліяніи послѣдующей эпохи Возрожденія. Съ другой стороны, по довольно значительному еще уширенію вверху его чаши, сравнительно съ глубиной, отличающему французскіе потиры XIV столѣтія¹⁾, казалось бы, можно отнести его къ этому именно времени, тѣмъ болѣе, что и гравированныя внизу поясныя изображенія святыхъ²⁾ свойственны болѣе ранней эпохѣ, чѣмъ конецъ XV вѣка. Но въ данномъ случаѣ рѣшающее значеніе имѣютъ готическіе мотивы украшеній ножки и вѣрообразное, въ 6 лопастей, основаніе, принятое въ подобныхъ случаяхъ съ половины XV и въ послѣдующемъ столѣтіи, такъ какъ извѣстно, что готическія формы были излюбленными у мѣстныхъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ еще въ XVI столѣтіи, а стиль Возрожденія во всей его чистотѣ явился къ намъ гораздо позже.

Достойна также вполнѣ вниманія сохраняемая тамъ же *монстрація* (Табл. XXII, рис. 6), называемая „геранонскою“ отъ графства Гераноны (въ Ошмянскомъ уѣздѣ), принадлежавшаго нѣкогда роду вельможей Гаштолдовъ, послѣдній отпрыскъ котораго, Станиславъ, сынъ великаго канцлера литовскаго Войцѣха Гаштолда, былъ, какъ извѣстно, первымъ супругомъ королевы Варвары, изъ рода Радзивиловъ, супруги Сигизмунда-Августа. По словамъ завѣщанія канцлера, эта монстрація была принесена имъ въ даръ костелу св. Николая въ Геранонскомъ замкѣ, и когда въ 1542 г., со смертью сына его Станислава, родъ ихъ пресѣкся, а Гераноны перешли въ собственность короля, она была передана въ ризницу виленскаго кафедральнаго костела. Сооруженная изъ вызолоченнаго серебра, въ строго готическомъ стилѣ, вышиною въ 1 метръ, дарохранительница по своей тяжести въ крестныхъ ходахъ не употребляется,

1) Histoire de l'Orfèvrerie, par Lasteyrie, p. 154—158.

2) Св. Іосифа Обручника, Божіей Матери, свв. Маргариты, Елисаветы, Варвары и Екатерины.

но исключительно выносятся только въ большіе годовые праздники. У основанія ея, съ боковъ, имѣются 2 гербовые щита, въ 4 поля каждый, на которыхъ рельефныя изображенія фамильнаго герба жертвователя: „абданкъ“, „ипшокентавръ“, „пломенчикъ“ и „Друцкъ“. Между щитами, спереди и сзади, такія же символическія изображенія четырехъ евангелистовъ. На уширенной нѣсколько верхней части стержня, покрытой сплошь тонкой рѣзбой, съ лицевой стороны находится небольшой щитъ, съ родовымъ гербомъ „абданкъ“, который видѣнъ также и на оборотной сторонѣ, съ помѣщеннымъ надъ нимъ числомъ 1535, означающимъ годъ пожертвованія. По бокамъ стержня, упираясь головами въ основаніе, вверхъ поднимаются 2 тонкихъ змѣя, хвосты которыхъ, завиваясь, оканчиваются двумя, въ стилѣ Возрожденія, цвѣтками, поддерживающими поперечный брусокъ. На послѣднемъ стоятъ съ обѣихъ сторонъ, между средними колонками, 2 статуэтки св. Войцѣха и св. Станислава, а надъ помѣщеніемъ для Св. Даровъ, на полукруглой, огороженной балясинками площадкѣ, находится статуэтка Богоматери, въ сіяніи, съ Младенцемъ Иисусомъ на рукахъ. Посредствомъ 6 готическихъ колонокъ, украшенныхъ каждая посрединѣ статуэткой св. угодника, площадка эта соединяется съ другою, верхней, такую же полукруглою, поддерживающею небольшую фигуру Спасителя. Верхъ монстранціи, надъ изображеніями Спасителя и епископовъ, оканчивается 3 готическими иглами, изъ которыхъ средняя увѣнчана Распятіемъ съ миниатюрными по сторонамъ его статуэтками Божіей Матери и евангелиста Іоанна, на крайнихъ же стоятъ 2 херувима съ хоругвями, отъ которыхъ сохранились одни только древка. Несмотря на строго выдержанный въ общемъ готическій характеръ монстранціи, и здѣсь точно такъ же, какъ и въ описанномъ раньше потирѣ, цвѣтовидные завитки и ажурный поясокъ при основаніи указываютъ на новое направленіе — эпохи Возрожденія.

Особый интересъ представляютъ сохраняемые въ ризницѣ б. *Побернардинскаго костела*, въ Вильнѣ, 2 старинные, оправленные въ золото, хрустальные креста, такъ какъ одинъ изъ нихъ служитъ прекраснымъ образцомъ эмальернаго искусства. Въ одномъ содержится частица Животворящаго Креста Господня, а въ другомъ — частица Крови Христа Спасителя. *Первый* изъ нихъ (Табл. XXII, рис. 7), высотой 24 с., кромѣ половины нижняго вертикальнаго бруска, имѣетъ лицевую сторону изъ горнаго хрусталя, сквозь который внутри виденъ меньшій крестъ, съ гравированнымъ изображеніемъ Распятія. Поперечный брусокъ, длиной въ $11\frac{1}{2}$ с., соединенъ съ вертикальнымъ посредствомъ особаго рода металлическаго скрѣпленія, оканчивающагося по 4 угламъ остріями, на подобіе листьевъ, съ наличникомъ, прикрѣпленнымъ 4 винтами. Нижній вертикальный брусокъ оканчивается болѣе узкою ножкой, длиной въ 7 с., съ вырѣзаннымъ на ней вверху гербомъ „лелива“ окруженнымъ начальными буквами епископа самогитскаго Георгія Тышкевича. Ножка эта вдвигается въ особый футлярчикъ, закрывающій собою упомянутый гербъ. Лицевая сторона креста украшена гравированнымъ по металлу орнаментомъ изъ цвѣтовъ и листьевъ, обратная же — металлическая, гладкая, съ латинскою надписью духовнаго содержанія. Какъ образецъ художественной эмали, весьма цѣнную рѣдкость представляетъ *2-й крестъ* (Табл. XXII, рис. 8), имѣющій высоту нѣсколько длиннѣе 25 с. и поперечный брусокъ въ 16 с.

Въ немъ вертикальная и поперечная части соединены точно такъ же съ собою посредствомъ особаго металлическаго скрѣпленія, представляющаго въ мѣстѣ ихъ пересѣченія пустоту внутри, закрытую съ обѣихъ сторонъ хрустальнымъ стекломъ, сквозь которое видѣнь внутри миниатюрный, золотой потиръ. Снаружи скрѣпленіе украшено по угламъ 4 кристаллами горнаго хрусталя, въ видѣ острія, и покрыто, точно такъ же какъ и подошва креста, тонкимъ гравированнымъ орнаментомъ, изъ мотивовъ растительнаго царства. Остальная лицевая сторона состоитъ сплошь изъ эмалированныхъ по золоту цвѣтовъ и листьевъ краснаго, голубого и бѣлаго цвѣта; оборотная же сторона — хрустальная, съ подложеннымъ подъ нею зеленымъ фономъ, на которомъ изображены орудія Страстей Господнихъ. Металлическія части обоихъ крестовъ — чистаго, высокопробнаго золота. Хотя не имѣется никакихъ указаній на художника-мастера, потрудившагося надъ сооруженіемъ послѣдняго, въ особенности, изъ описанныхъ крестовъ, тѣмъ не менѣе есть основаніе отнести ихъ къ лучшей эпохѣ процвѣтанія итальянскаго ренесанса. Вполнѣ возможно зато опредѣлить время, когда и кѣмъ эти кресты принесены въ даръ монастырю бернардиновъ. Каждый изъ нихъ хранится въ отдѣльномъ, небольшомъ помѣщеніи, въ видѣ шкафика, стоящаго на возвышеніи изъ 3 ступеней и запираемаго двустворчатыми дверцами. Шкафики обтянуты краснымъ бархатомъ, съ богатымъ внутри золотымъ шитьемъ, и наверху — вызолоченнаго серебра орнаментами, изображающими двухъ херувимовъ, поддерживающихъ сіяніе, внутри котораго, въ одномъ изъ нихъ, Воскресеніе Христово, а въ другомъ — вензелевое изображеніе имени Спасителя. Къ нижней ступенькѣ шкафика съ эмалированнымъ крестомъ прикрѣплены по бокамъ 2 вызолоченные щита, изъ коихъ на одномъ изображенъ гербъ „вадвичъ“, а на другомъ — „лисъ“, или „бзура“; на второмъ шкафикѣ — такой же щитъ съ гербомъ „пеликанъ“. Окружающія гербы начальныя латинскія буквы, въ связи съ содержаніемъ пергаменнаго документа, хранящагося въ ризницѣ упомянутаго костела, разъясняютъ вполнѣ вопросъ. Крайчій литовскій Владиславъ Тышкевичъ, унаслѣдовавъ оба креста отъ дяди своего, виленскаго епископа Георгія Тышкевича († 1656 г.), принесъ ихъ въ даръ въ 1667 г. виленскому монастырю отцовъ бернардиновъ, въ костелѣ которыхъ впоследствии похороненъ. Помѣщеніе для одного изъ крестовъ устроили своимъ иждивеніемъ вице-канцлеръ литовскій Александръ Нарушевичъ († 1668 г.), употреблявшій гербъ „вадвичъ“, и жена его, изъ дома Сапѣговъ, въ гербѣ которыхъ изображенъ „лисъ“; при чемъ, по обычаю того времени, украсили его своими родовыми гербами. На вдовѣ того же вице-канцлера Нарушевича женился потомъ самъ жертвователь Тышкевичъ († 1684 г.). Второй шкафикъ является приношеніемъ писаря скарбоваго литовскаго Самуила-Иеронима Коцелла, родъ котораго имѣлъ въ гербѣ пеликана.

Православныя святыни города Вильны*).

Ю. Е. Крачковскаго.

По историческимъ памятникамъ основаніе города относится къ первой четверти XVI столѣтія. Какъ столица великаго литовско-русскаго князя, Вильна становится извѣстною около 1323 года; но нѣтъ сомнѣнія, что поселенія въ этой мѣстности Русскихъ и Литовцевъ были гораздо ранѣе. На это между прочимъ указываетъ и извѣстная легенда объ охотѣ великаго князя Гедимина въ дремучихъ лѣсахъ тогдашнихъ виленскихъ окрестностей и о видѣнномъ имъ снѣ, истолкованіе котораго склонило якобы великаго князя основать городъ. Разнообразныя физическія богатства мѣстности, обиліе воды, лѣса и множество рыбы, дикаго звѣря, пчель, удобства пути воднаго сообщенія, естественныя природныя охраны отъ вторженія непріятеля и многое другое неотразимо привлекало въ эти мѣста разнаго рода пришельцевъ, обѣщая имъ возможныя жизненныя удобства.

Вильна расположена на исторической долиинѣ Свинторога. Городъ лежитъ въ котловинѣ, окруженной съ востока, юга и запада высокими холмами; по своей высотѣ болѣе замѣчательны Крестовая, Замковая (см. табл. XVII, рис. 3) и Бекешовая горы. Съ сѣвера городъ омывается рѣкою Виліею (въ древнихъ актахъ—Велія) въ которую впадаетъ тутъ другая рѣка — Вильна (нынѣшняя — Вилейка, см. табл. XVII, рис. 4). Правый берегъ Виліи, на протяженіи ея погородской территоріи, представляетъ песчаную равнину, постепенно переходящую въ возвышенности, извѣстныя подъ именемъ Шешкине. Окрестные холмы, изрѣзанные глубокими оврагами и покрытые лѣсами, и прихотливо-извилистое теченіе рѣкъ Виліи и Вилейки, съ шумомъ бѣгущей по каменному дну у подножія виленскихъ горъ, образуютъ красивыя окрестности, которыми такъ славится Вильна. Но эти же холмы, совершенно скрывая городъ отъ взоровъ подъѣзжающихъ къ нему, если взойти на нихъ, представляютъ чудную картину мѣстности со множествомъ церковныхъ главъ, костельныхъ куполовъ, высокихъ башенъ и разнообразной архитектуры построекъ. Болѣе возвышенная часть города южная, самая низменная — сѣверная.

Мѣстность по берегамъ Виліи и Вилейки была извѣстна русскимъ выходцамъ съ XII и даже XI вѣка. Сюда въ своихъ походахъ заходили русскіе князья и здѣсь

*) Главнымъ источникомъ для настоящей статьи послужилъ XX т. Актовъ Виленской Комиссіи и сочиненія прот. Г. Котовича и Ф. Н. Добрянскаго.

устраивали укрѣпленія для собиранія дани съ побѣжденныхъ народцевъ. Постоянныя войны между Русскими, Литовцами и нѣмецкими рыцарями были причиною того, что Русскіе и Литовцы часто объединялись между собою, шли противъ общаго врага, соглашались жить подъ управленіемъ одного и того же князя — литовскаго или русскаго — и устраивали одно княжество. При такомъ порядкѣ вещей русскимъ вольнымъ людямъ былъ совершенно свободенъ доступъ въ предѣлы литовскихъ поселеній, и если Литовцы убѣгали отъ нѣмецкихъ рыцарей въ дикія мѣстности нынѣшней Виленской губерніи, то и сосѣдніе съ Литвою Русскіе, хорошо ознакомленные съ нею съ XII столѣтія, въ XIII вѣкѣ рѣшительно стали уходить сюда отъ страшно опустошительныхъ походовъ Батыя на западную Русь. Вмѣстѣ съ русскими пришельцами проникло въ Литву и восточное христіанство, и въ западныхъ хроникахъ мы находимъ прямыя указанія, что еще въ XI стол. Русскіе впервые принесли въ Литву христіанскую вѣру.

Колонизуя мѣстность при слияніи Вилейки съ Виліей, Русскіе селились по обоимъ берегамъ р. Вилейки, занимая такъ называемое Зарѣчье, Поповщину, Сафьяники и Острый Конецъ. Послѣдній обнималъ собою все пространство отъ нынѣшнихъ Острыхъ воротъ до Бакшты съ одной стороны, и съ другой — до Хлѣбнаго рынка, Конной площади, Ратуши, по Большой улицѣ до Михайловскаго переулка и Бернардинскаго костела при р. Вилейкѣ. Здѣсь созидалась и крѣпла русская жизнь, тогда какъ въ долинѣ Свинторога (нынѣшняя такъ называемая Каѳедральная площадь) нашло себѣ пріютъ доживающее литовское язычество.

Съ первой встрѣчи Литвы съ Русью между ними устанавливается постоянная, твердая дружественная связь. Русская образованность, которая была гораздо выше литовской, невольно съ давнихъ поръ проникала въ сосѣднія области, населенныя литовскимъ племенемъ, и соотвѣтственнымъ образомъ ассимилировала ихъ. Русскіе были учителями Литовцевъ въ военномъ искусствѣ; они же въ ихъ землѣ строили города, которые потомъ и заселяли. Въ остаткахъ стѣнъ, нѣкогда окружавшихъ нижній Гедиминовъ замокъ въ Вильнѣ и сохранившихся отчасти даже до нынѣшняго времени, въ способѣ постройки древнѣйшихъ литовскихъ укрѣпленій мѣстные изслѣдователи старины находятъ большое сходство съ постройками древнѣйшихъ городовъ южной Россіи — Кіева и Овруча. Давность русскихъ поселеній въ Вильнѣ и ихъ значительность сказались и въ самомъ названіи города Вильны. Онъ названъ не именемъ долины Свинторога, мѣста поселенія язычниковъ Литовцевъ, не именемъ большой рѣки Вилии, по берегамъ которой сидѣли тоже Литовцы и которая по-литовски называется Нергисъ или Нерисъ (селеніе Понары), а Вильною, именемъ меньшей рѣки, берега которой населяли русскіе выходцы. Этимъ преимущественнымъ положеніемъ относительно культуры и объединенности русскихъ поселеній при слияніи Вильны (Вилейки) съ Виліей объясняется во всей послѣдующей исторіи Литвы громадное вліяніе здѣсь русскихъ началъ. Понятнымъ становится, почему такъ глубоко насаждены были здѣсь и роскошно цвѣли (еще въ XVII ст. писали: Польска квитне лациною, Литва квитне русчизною; той Лацина языкъ дае, та безъ Руси не вытрвае...) русской языкъ, русскіе обычаи, православная вѣра и не при дворѣ только великихъ

литовскихъ князей, женатыхъ нерѣдко на русскихъ православныхъ княжнахъ, а среди самыхъ коренныхъ Литовцевъ, въ глубинѣ Жмуди (Сурдегскій монастырь).

Съ половины XIV стол. въ Литвѣ особенно замѣтна стала развиваться русская православная жизнь. Въ лицѣ Іуліаніи Тверской, съ 1349 года супруги великаго литовскаго князя Ольгерда, русскіе люди въ Литовскомъ княжествѣ нашли для себя полную поддержку и сильную опору. Къ этому времени относится устройство многихъ православныхъ церквей, изъ которыхъ четыре, хотя въ измѣненномъ видѣ, сохранились до нашего времени; остальные не устояли среди различныхъ смуть и общаго разрушенія. Остановимся на этихъ памятникахъ былаго величія литовско-русскаго княжества; ихъ исторія есть вмѣстѣ исторія и города Вильны.

Пятницкая церковь.

Если вы будете идти по Большой улицѣ, то рядомъ съ историческимъ домомъ нынѣшняго управленія виленскаго учебнаго округа (въ этомъ домѣ проживала Софія Олельковна Слуцкая, изъ-за которой готова была вспыхнуть междуусобная война на улицахъ Вильны между Радивиллами и Ходкевичами), на небольшой площадкѣ, обнесенной оградой, увидите чистенькую небольшую церковь. Она далеко не величественныхъ размѣровъ, но самый видъ ея внушаетъ вамъ глубокое уваженіе: здѣсь чувствуется сѣдая историческая старина. До постройки церкви, на этомъ же мѣстѣ была молельня, посвященная литовско-языческому богу Рагутису. По сказанію хроники ксендза Лодзяты (около 1649—1669 г.), молельня уничтожена по повелѣнію первой супруги великаго князя Ольгерда — Маріи Витебской, и на ея мѣстѣ воздвигнута Пятницкая церковь не позже 1346 года. Къ ней былъ назначенъ особый священникъ. Въ простонародіи эта церковь именовалась Пятѣнка, по древнему якобы урочищу, получившему свое имя отъ жрецовъ Рагутиса, называемыхъ Петинники или Потиникай. „Церковь эта служитъ, по замѣчанію кс. Лодзяты, великимъ памятникомъ славы въ Вильнѣ, первымъ каменнымъ храмомъ истиннаго Бога, воздвигнутымъ въ литовской столицѣ и землѣ. Для любителей отечественной исторіи она вѣрный свидѣтель памяти благовѣрной княгини. Гробъ ея въ этой церкви былъ всегда чтимъ народомъ съ великимъ благоговѣніемъ“. По мнѣнію другихъ, названіе Пятницкой церкви получила отъ имени св. Параскевіи, что въ переводѣ съ греческаго языка означаетъ пятницу, одинъ изъ дней недѣльных. Крестоносцы въ своихъ запискахъ называютъ ее храмомъ св. Пракседы или Параскевіи, что одно и то же. Нужно замѣтить, что уваженіе къ св. Пятницѣ между православными было до того велико, что въ XVI стол. они приносили присягу не только именемъ всемогущаго Бога, но и святой Пятницы. Церкви подъ именемъ св. Параскевы или Пятницы были въ различныхъ городахъ: Полоцкѣ, напр., Владимірѣ, Львовѣ. Извѣстно, что народъ считаетъ пятницу — день недѣльный, какъ бы особенно посвященнымъ св. мученицѣ Параскевіи, и женщины въ этотъ день воздерживаются отъ нѣкоторыхъ работъ — пряденія, стирки бѣлья, тканья..., опасаясь прогнѣвить св. Пятницу. Здѣсь основаніе сильно распространенному въ народѣ сказанію о такъ называемыхъ двѣнадцати пятницахъ. Такимъ

образомъ народное названіе одной изъ виленскихъ церквей Пятницкою, Пятенкой, перешло въ официальные документы и сохранилось до послѣдняго времени. Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что король Сигизмундъ Августъ, привилегіей 1560 года, разрѣшая своему богомольцу, священнику Протасію возстановить Пятницкую церковь, которая сгорѣла въ пожарѣ 1557 года, ясно указываетъ, согласно его желанію, чтобы послѣ возстановленія Пятницкая церковь не называлась этимъ именемъ, а именовалась бы церковію св. Богоявленія Христова. Но это распоряженіе не имѣло успѣха. Привилегіей короля Сигизмунда III виленскому Троицкому монастырю передавалась въ 1611 году „церковь мурованая Богоявленія, прозываемая Пятницкая, на улицы Великой, которая идетъ отъ ратуши до замку, лежащая, зъ будованьемъ, также и цминтарь тое церкви, абы коштомъ своимъ архимандритъ и братія монастыря тую церковь оправили“. Названіе церкви Пятницкою и здѣсь удерживалось, а въ дальнѣйшемъ она извѣстна опять только подъ однимъ этимъ именемъ. Комиссія 1619 года, осматривавшая виленскія церкви и ихъ кладбища, говоритъ только о Пятницкой церкви, не прибавляя даже другого названія — Богоявленской. Изъ акта осмотра церквей этого времени мы видимъ, что Пятницкая церковь, сильно поврежденная пожаромъ 1557 года и особенно 1610 г., продолжала стоять въ запустѣніи и троицкіе базилиане не особенно заботились о ея возстановленіи; только въ началѣ XVIII стол. (между 1700 и 1702 г.) послѣдовало ея возобновленіе. Окончательно богослуженіе въ ней прекратилось около 1794—1796 года.

Встарину, по народному преданію, богослуженіе въ Пятницкой церкви совершалось по пятницамъ. Нѣкоторые догадываются, что языческіе жрецы справляли обрядъ своей вѣры въ тотъ же день недѣли, какъ посвященный Перкуну; христіане могли удержать этотъ обычай, такъ какъ при распространеніи христіанской вѣры принято было за правило, чтобы съ обращеніемъ въ христіанство края, города или селенія, воздвигать церкви въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились языческія молельни, вводя богослуженіе, торжественные обряды и праздники, по возможности, въ тѣ самые дни, въ которые это исполнялось у язычниковъ. Послы отъ крестоносцевъ, описывая эту церковь около 1357 г., называютъ ее придворною; они были въ ней во время торжественнаго богослуженія и заявляютъ, что женщины во время богослуженія въ церкви помѣщались на большой галеркѣ (хоры), закрытой зеленымъ прозрачнымъ занавѣсомъ, такъ что можно было видѣть только ихъ тѣни; внутри сама церковь была устроена по образцу кievскихъ, новгородскихъ и другихъ русскихъ церквей.

Въ Пятницкой церкви, по преданію, была погребена первая супруга великаго литовскаго князя Ольгерда — Марія Ярославовна, княжна витебская. Въ ней молился Богу великій государь земли Русской — Петръ I и подарилъ ей знамя отбитое у Шведовъ. Здѣсь же онъ крестилъ извѣстнаго Аннибала, дѣда поэта А. С. Пушкина.

Пожары и тяжелыя историческія обстоятельства уничтожили дорогіе памятники церковной старины. Въ началѣ настоящаго XIX вѣка можно было видѣть только полуразвалившіяся стѣны Пятницкой церкви, безъ крыши, застроенныя со всѣхъ сторонъ грязными домами и сдѣлавшіяся мѣстомъ свалки для нечистотъ. Послѣ соединенія униатовъ съ православною церковію въ 1839 году, западно-русскій свя-

титель покойный митрополитъ Іосифъ (Сѣмашко) задался между прочимъ рѣшительною мыслию возстановить изъ развалинъ Пятницкую церковь. Полное сочувствіе своему дѣлу онъ встрѣтилъ и у тогдашняго виленскаго губернатора Семенова. Мысль западно-русскаго святителя окончательно осуществлена въ 1867 году.

Съ возстановленіемъ древней русской святыни города Вильны окружавшіе ее сосѣдніе дома снесены; образована небольшая площадка; доступъ къ церкви открытъ и свободенъ. На наружныхъ стѣнахъ храма съ двухъ сторонъ сдѣланы мраморныя доски съ соотвѣтствующими надписями. Здѣсь же находятся изображенія плановъ Пятницкой церкви въ ея настоящемъ видѣ и въ развалинахъ.

Свято-Троицкій монастырь.

Мѣстность, гдѣ въ настоящее время находится Свято-Троицкій монастырь, около половины XIV ст. была покрыта дубовою рощею, считалась за городомъ и тамъ по временамъ совершались казни надъ преступниками; впоследствии она стала называться Троицкою горою. Около 1346—7 года здѣсь были казнены язычниками черезъ повѣшеніе на одномъ изъ растущихъ дубовъ три исповѣдника христіанства изъ литовцевъ — извѣстные нынѣ святыя Виленскіе мученики — Антоній, Іоаннъ и Евстафій. Православные жители города съ согласія великаго князя Ольгерда взяли святыя ихъ останки и погребли въ церкви св. Николая (Успенской). Усилившись черезъ нѣкоторое время при великокняжескомъ дворѣ, христіане выпросили у великаго князя священную для нихъ гору и стали собираться туда для молитвы. Въ скоромъ времени роща была вырублена и христіане, при содѣйствіи супруги князя Ольгерда построили (около половины XIV в.) церковь во имя св. Троицы, за исповѣданіе которой пострадали „Троицѣ равночисленіи“ виленскіе мученики. Молитвами святыхъ угодниковъ Божіихъ, православная вѣра стала быстро распространяться; самая мѣстность, доселѣ пустынная, своею святостію начала привлекать къ себѣ русскіхъ православныхъ, вся почти исключительно ими заселилась и получила названіе „русскаго конца“. Мало-по-малу при церкви стало устроиться небольшое общезжитіе, положившее основаніе Троицкому монастырю. Въ концѣ XV ст. отсюда вышелъ замѣчательный святитель западно-русской церкви, кievскій митрополитъ Макарій I, пострадавшій отъ татаръ и содѣлавшійся священномученикомъ.

Построенная православными на Троицкой горѣ деревянная церковь съ теченіемъ времени стала ветшать и къ началу XVI вѣка представляла собою печальныя развалины. Въ 1480 г. король польскій Казимиръ Ягайловичъ издалъ законъ, которымъ воспрещалось православнымъ строить новыя церкви и починять старыя. Въ силу его, православные не могли поддерживать разрушающуюся Троицкую церковь. Въ началѣ XVI вѣка великая княжна Елена Іоанновна, супруга великаго князя литовскаго Александра, и князь Константинъ Острожскій успѣли выхлопотать разрѣшеніе на возобновленіе Свято-Троицкой церкви и монастыря. Великая княгиня до конца своей жизни относительно Троицкой святыни пользовалась правомъ патронатства. Святыня была возстановлена и значительно расширена различными пристройками.

Послѣ перехода въ унию, Троицкій монастырь сдѣлался главнымъ пунктомъ для укрѣпленія и распространенія униі. Въ пожарѣ 1706 года между прочими зданіями города сильно пострадала и Троицкая обитель. Огонь уничтожилъ все, что находилось внутри и внѣ ея; остались однѣ стѣны. Уніатскіе монахи поспѣшили возстановить разрушенное, и монастырская церковь была возобновлена въ томъ видѣ, въ какомъ ее видѣли до 60-хъ годовъ текущаго столѣтія. Въ это время зданія монастыря были приспособлены подѣ помѣщеніе православной духовной семинаріи, пріютившейся здѣсь впрочемъ съ 1845 года.

Хотя зодчество храма нѣсколько измѣнилось послѣ многократныхъ пожаровъ, во всякомъ случаѣ остались слѣды первобытнаго его величія отъ временъ великой княгини Елены Іоанновны и князя Константина Острожскаго. Память о нихъ воскрешаетъ намъ нынѣшняя благолѣпная церковь Троицкой обители, во вкусѣ полуготическомъ-полувизантійскомъ, съ массивными столбами и стрѣльчатыми сводами, равно какъ двойная ограда и нѣкоторыя зданія монастыря.

По обѣимъ сторонамъ отъ входа въ церковь съ давнихъ временъ пристроены были двѣ часовни: одна изъ нихъ называлась Скуминовскою, по имени ея строителя — Ивана Скумина Тышкевича, воеводы виленскаго; другая принадлежала инокинямъ женскаго, первоначально православнаго, а потомъ уніатскаго монастыря. Монастырь помѣщался въ смежномъ каменномъ домѣ, принадлежащемъ нынѣ кафедральному православному собору. Инокини не имѣли своего храма и къ богослуженію ходили въ Троицкую церковь. Изъ часовни сдѣланъ былъ ходъ на хоры, откуда онѣ слушали богослуженіе. Теперь женскій монастырь закрытъ послѣ воссоединенія уніатовъ, въ 1839 году; закрытъ и самый ходъ; а въ бывшей часовнѣ помѣщается монастырскій архивъ.

Скуминовская часовня построена въ первыхъ годахъ XVII стол. и освящена во имя Покрова Пресвятыя Богородицы. Здѣсь погребенъ самъ основатель часовни и его супруга Варвара, урожденная Нарушевичъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ латинская надпись на мраморной доскѣ, вдѣланной въ алтарной стѣнѣ придѣла. Въ настоящее время часовня передѣлана въ церковь имени святаго Апостола Іоанна Богослова.

Драгоценнѣйшимъ украшеніемъ Свято-Троицкой обители служитъ чудотворная икона Богоматери Одигитріи, писанная, по преданію, св. Евангелистомъ Лукою. Она хранилась первоначально въ родѣ императоровъ греческихъ, отъ которыхъ перешла къ королямъ галицкимъ Червонной Руси. Отъ нихъ, послѣ паденія Галича, досталась московскимъ государямъ. Въ 1494 году великій князь Іоаннъ Васильевичъ III благословилъ этою иконою свою дочь Елену, при отъѣздѣ ея въ Вильну, въ замужество за великаго литовскаго князя Александра. По смерти великой княгини 1513 года благословенная икона поставлена была надъ ея гробницею въ Пречистенскомъ соборѣ. Послѣ пожара въ 1715 году, сильно повредившаго Пречистенскій соборъ, святая икона вмѣстѣ съ митрополичьей каедрою перенесена была въ обитель Троицкую. До настоящаго времени она стоитъ тамъ мѣстною въ иконостасѣ, доставляя великое духовное утѣшеніе благоговѣйному чувству православныхъ. При подновленіи въ 1864 г. иконы художникомъ Васильевымъ, передѣлана, къ сожалѣнію, бывшая на ней сере-

бряная риза, прекрасной, старинной, ажурной работы. Другою святынею Троицкаго монастыря была плащаница, шитая золотомъ и серебромъ, усыпанная драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, устроенная въ одномъ московскомъ женскомъ монастырѣ, въ 1545 году. Ее захватили Поляки въ Москвѣ въ Смутное время 1610—1611 г. Король Сигизмундъ III подарилъ эту драгоцѣнность Троицкому монастырю; но съ 1822 г. она перешла въ бывшіе Пулавы къ князю Чарторыйскому.

Въ церкви находятся двѣ замѣчательныя картины кисти извѣстнаго художника Смуглевича. Одна изъ нихъ изображаетъ св. Онуфрія, другая свв. апостоловъ Петра и Павла. Въ главномъ храмѣ вдѣланы въ стѣну двѣ каменные надгробныя плиты, съ надписями. На плитѣ, въ южной стѣнѣ, слѣдующая надпись: „Ту лежитъ рабъ Божій Оѳанасій Ѳедоровичъ Брага, бурмистръ мѣста Виленскаго. Преставился въ лѣто отъ воплощенія Спаса нашего 15.. (нельзя разобрать двухъ цифръ) мѣсяца сентября въ 5 день, а жилъ на свѣтѣ лѣтъ 57. Тутъ лежитъ и сынъ его Антоній, оже преставился въ лѣто 1580 мѣсяца Октября 3 дня“. Надпись на другой плитѣ, въ сѣверной стѣнѣ, на польскомъ языкѣ указываетъ, что здѣсь похоронены двѣ сестры изъ фамиліи Еленскихъ, умершія въ 1757 и 1758 годахъ.

Пречистенскій митрополичій соборъ. Табл. XVIII.

Трудно съ точностію опредѣлить время, когда положено основаніе храму. Его строили зодчіе изъ Кіева на подобіе Софійскаго храма Ярослава Мудраго. Мѣсто для постройки избрано на лѣвомъ берегу р. Вильны, въ центрѣ русскаго поселенія города и недалеко отъ великокняжескаго дворца. Основаніе Пречистенскаго собора лѣтописи приписываютъ великому князю Ольгерду. „И по малѣхъ днехъ преставился, говоритъ Никоновская лѣтопись объ Ольгердѣ, (1377 г.) и положиша тѣло его въ церкви Пресвятыя Богородицы въ Вильнѣ, *юже самъ созда*“. Построенный храмъ освященъ былъ извѣстнымъ впоследствии святителемъ московскимъ Алексіемъ. Съ 1415 года, когда послѣдовало раздѣленіе митрополіи русской на восточную и западную, Пречистенскій соборъ сдѣлался кафедральнымъ западно-русскихъ митрополитовъ и сталъ называться нерѣдко митрополитальнымъ.

Этотъ соборъ служитъ свидѣтелемъ всей прошлой жизни города Вильны. Онъ видѣлъ его славу, страдалъ его бѣдствіями. Онъ служилъ средоточіемъ церковной жизни сначала для православныхъ, потомъ для униатовъ. Протопопы Пречистенскаго собора нерѣдко бывали намѣстниками митрополитовъ и ихъ именемъ вершили всѣ церковныя дѣла, творили судъ и расправу. Съ настоятелями другихъ виленскихъ церквей они составляли церковный соборъ, клиросъ или, со временъ униі, — капитулу. Это была высшая мѣстная церковно-судебная инстанція въ каждой епархіи.

Пречистенскій соборъ встрѣчалъ великую княжну Елену Іоанновну, когда въ 1494 году она вступала въ Вильну невѣстою великаго литовскаго князя Александра. Онъ же принялъ ее въ свои нѣдра, когда она, осиротѣвшая въ 1506 году послѣ смерти своего мужа, изстрадавшая и измученная нравственно, отдала въ 1513 году душу свою Богу. Очевидцы рассказываютъ, что когда зданія Пречистенскаго собора

приспособляли для анатомическаго театра, то въ подвалахъ найдена была металлическая доска, бывшая при одномъ изъ гробовъ съ славянскою надписью, которая свидѣтельствовала, что здѣсь были погребены останки великой княгини литовской Елены Иоанновны. По временамъ, послѣ страшныхъ пожаровъ, положеніе собора становилось повидимому безвыходнымъ. Но тогда принимались особыя мѣры, и онъ опять являлся достойнымъ своей славы. Восемнадцатый вѣкъ наложилъ на него печать совершеннаго разрушенія. Когда, послѣ пожара 1715 года, изъ совершенно опустошеннаго собора была перенесена въ Троицкую церковь святая благословенная икона Божіей Матери Одигитрии, милость Божія какъ будто оставила это мѣсто. Однѣ величественныя столпостѣны являлись нѣмыми свидѣтелями бывшаго величія храма и просили Бога объ охраненіи ихъ для потомства. Въ 1868 году соборъ Пречистенскій возстановленъ въ прежней своей славѣ.

Корпусъ зданія, при основаніи своемъ образуетъ четырехугольникъ въ видѣ квадрата въ 16 сажень и два аршина длины и такой же ширины, кромѣ алтаря, который выдается изъ квадратнаго зданія къ востоку тремя полукружіями на четыре сажени. Внутри квадратнаго пространства, немного ближе къ алтарю, поставлены четыре громадныя, многогранныя столба; они расположены въ квадратѣ. Сверху столбы соединяются арками, которыя служили и теперь служатъ основаніемъ для главнаго купола, сдѣланнаго первоначально изъ кирпича, а теперь изъ желѣза. Превышшая высота храма неизвѣстна; нынѣ же отъ помоста до основанія креста — двадцать сажень и два аршина, а съ шаромъ и крестомъ — 23 сажени одинъ аршинъ. На юго-восточномъ углу зданія сохранилась башня для входа на чердакъ. На наружной сторонѣ этой башни уцѣлѣли старинныя архитектурныя узоры, украшавшіе храмъ Ольгерда. На другихъ трехъ углахъ зданія найдены основанія для прочихъ башенъ, которыя и воздвигнуты снова, по образцу оставшейся, и всѣ четыре завершены куполами одинаковаго стиля съ большимъ, что придаетъ храму видъ византійскихъ пятиглавыхъ соборовъ.

Иконостасъ обновленнаго собора служитъ какъ бы наглядною историческою летописью. По мысли покойнаго настоятеля собора протоіерея Антонія Пцолко на иконахъ изображены преимущественно тѣ святые, которые имѣли какое-либо историческое отношеніе къ западнорусскому краю.

Въ соборѣ устроены два придѣла: одинъ во имя священномученика Макарія, митрополита кіевскаго; другой — въ честь московскаго митрополита Алексія, святителя и чудотворца всей Русской земли.

Церковь святителя и чудотворца Николая.

Въ Вильнѣ съ древнихъ временъ были церкви и костелы, посвященные памяти великаго чудотворца Николая. Св. Николай всегда пользовался въ Литвѣ глубокимъ благоговѣніемъ и почитаніемъ со стороны всѣхъ христіанъ — и православныхъ, и латинянъ. До 1484 года онъ считался покровителемъ города Вильны; съ означеннаго времени латиняне перенесли это почитаніе на королевича Казимира, сына Казимира

Ягайловича. Понятно, послѣ этого, почему Николаевскіе церкви и костелы являются въ Вильнѣ въ числѣ первыхъ по времени основанія. До сихъ поръ существуетъ въ Вильнѣ на Жмудской улицѣ костелъ св. Николая (табл. XIV, рис. 4), и нѣтъ сомнѣнія, что это одна изъ древнѣйшихъ святынь города, современная появленію въ Вильнѣ латинства, при Гедиминѣ. Подъ покровомъ святителя и чудотворца Николая хотѣли утверждаться въ Вильнѣ первые христіане. До послѣдняго времени здѣсь сохранялось древнее обыкновеніе — ежегодно въ 6 день декабря, т.-е. въ день успенія св. Николая, совершать литургію, подъ названіемъ *маиштратской*. Нѣкоторые писатели хотятъ думать, что первоначально на мѣстѣ костела св. Николая была церковь того же святаго и что здѣсь даже были погребены свв. виленскіе мученики. Такое предположеніе явилось вслѣдствіе того, что писавшіе о древнихъ церквахъ въ Вильнѣ замѣчали, что въ древнія времена въ Вильнѣ было двѣ Николаевскихъ церкви: одна существующая до сихъ поръ на Большой улицѣ, мѣстонахожденіе другой представлялось очень труднымъ къ опредѣленію; эти писатели и думали видѣть въ костелѣ св. Николая на Жмудской улицѣ другую церковь имени святителя. Въ настоящее время, послѣ изданія многихъ архивныхъ рукописныхъ документовъ съ точностію опредѣляется мѣстонахожденіе и другой церкви св. Николая.

Это былъ уголъ переулка Лоточка (нынѣшній Пятницкій переулокъ), съ лѣвой стороны, если идти съ Большой улицы внизъ къ Пречистенскому собору, противъ гостиницы Нишковскаго. Къ этому переулку примыкала улица, нынѣшняя Бакшта, называвшаяся по временамъ то улицею Савичъ, то улицею Смилинской, почему и о самой церкви говорится, что она лежитъ то на улицѣ Савичъ, то на улицѣ Смилинской. Митрополитъ Гавріиль Коленда (вторая половина XVII стол.) считалъ эту церковь одною изъ древнѣйшихъ. Она была основана въ память успенія св. Николая, а другая — въ память перенесенія его мощей. Къ Успенско-Николаевской церкви мы относимъ слова лѣтописца, изданнаго Даниловичемъ: „Того жъ лѣта (1347) убиенъ бысть отъ великаго князя Ольгерда литовскаго Круглець, нарѣченный во святомъ крещеніи Евстафій, за правовѣрную вѣру христіанскую и положенъ бысть у святаго Николы въ Вильнѣ съ великіма мученикома Антоніемъ и Іоанномъ“. Значитъ, по справедливому замѣчанію Даниловича, Успенско-Николаевская церковь должна быть очень древняя, если уже въ 1347 году хоронили умершихъ въ ея оградѣ. Если вспомнить то уваженіе, которымъ пользовался св. Николай среди русскихъ, то нѣтъ сомнѣнія, что съ поселеніемъ ихъ въ Вильнѣ должна была явиться здѣсь и церковь его имени, какъ покровителя ихъ, а равно и самага поселенія — города. Успенско-Николаевскую церковь мы считаемъ мѣстомъ погребенія свв. виленскихъ мучениковъ потому, что въ актахъ она просто называется церковію св. Николая, тогда какъ Николо-Перенесенская церковь на Большой улицѣ всегда называется или церковію Перенесенія св. Николая, или же церковію, стоящею въ Рыбномъ концѣ, и при ней, насколько могутъ запомнить старожилы и насколько сохранились преданія о самой церкви, никогда, какъ заявили свидѣтельскія показанія XVII стол., не погребали умершихъ. Самый праздникъ памяти успенія св. Николая гораздо древнѣе празднованія перенесенія мощей его. Послѣднее установлено въ Россіи около 1092 года.

Успенско-Николаевская церковь была деревянная съ каменною при ней колокольнею. При церкви находилось большое кладбище, занимавшее всю лѣвую сторону переулка Лоточка.

Въ 1566 году священникъ изъ Клецка Прокопій Леоновичъ просилъ ходатайства виленскихъ бурмистровъ и мѣщанъ о предоставленіи ему мѣста священника при Нико-коло-Успенской церкви въ Вильнѣ, при чемъ о самой церкви говорится, что она деревянная. Въ 1609 году, при передачѣ православныхъ церквей униатамъ, упоминается о другой церкви „светого Николы, кромѣ Перенесенія светого Николы“. Послѣ пожара 1610 года, уничтожившаго и Николаевскую церковь, мы не находимъ извѣстій о ея возобновленіи, а въ 1612 году встрѣчаемся только съ дозволеніемъ митрополита виленскому мѣщанину Петру Васильевичу возобновить и держать въ арендѣ „мѣшканья при церкви деревянной светого Николы, подѣ звонницею будучые, при улицы Сумилинской“ (Смилинской). При этомъ разрѣшалось открыть тамъ „шинкѣ медовый, пивный, горѣлочный и всякого напою“. Такое запустѣніе привело къ совершенному забвенію о мѣстѣ святѣ, и уже въ 1671 году представители виленскаго магистрата въ спорѣ съ митрополитомъ о церковныхъ плацахъ и погостахъ заявляютъ полное сомнѣніе въ существованіи даже когда-нибудь церкви „светого Николы“.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ XIV столѣтіи существовала уже и Нико-ло-Перенесенская церковь. Грамотою 1514 года великій литовскій князь Сигизмундъ I позволилъ князю Константину Острожскому построить изъ камня двѣ церкви — Свято-Троицкую и Николаевскую. По замѣчанію нѣкорыхъ изслѣдователей, еще Іуліанія Тверская, вторая супруга князя Ольгерда, построила Нико-ло-Перенесенскую церковь, и хотя она была каменная, но къ началу XVI стол. сильно обветшала, почему князь Константинъ Острожскій и выпросилъ себѣ разрѣшеніе возобновить ее. Не извѣстно только, на тѣхъ ли самыхъ фундаментахъ создана новая церковь, или князь Острожскій избралъ для нея по сосѣдству другое мѣсто.

Въ пятнадцатомъ и въ началѣ XVI столѣтія по всему западно - русскому краю съ особенною торжественностію и великимъ почитаніемъ (*cum magna veneratione*) праздновали перенесеніе мощей святителя Николая въ городъ Баръ изъ Миръ Ликійскихъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ записи въ книгахъ войтовскаго виленскаго суда. Это было время паденія Византійской имперіи, и латиняне готовы были видѣть въ этомъ новое доказательство гнѣва Божія на греческую церковь за ея неправовѣріе. Перенесеніе мощей святителя Николая, совершившееся въ концѣ XI стол., латинствующіе писатели объясняли теперь какъ начавшееся удаленіе отъ грековъ Божіей милости. По ихъ сказаніямъ, святитель Николай являлся многимъ во снѣ съ просьбою перенести его изъ страны невѣрующихъ на христіанскій Западъ. Послѣ паденія Византійской имперіи въ 1453 году, празднованіе памяти перенесенія мощей святителя Николая, какъ событія, упредившаго это паденіе и громко заблаговременно о немъ свидѣлствовавшаго, должно было явиться для современниковъ, руководимыхъ латинскимъ направленіемъ, особенно сочувственнымъ и благовременнымъ. На нѣкоторое время оно затемняетъ собою память кончины святителя Николая, и князь Острожскій возстановляетъ не древнѣйшій храмъ святителя Николая на углу Пят-

ницкаго переулка (Лоточка), но другой, въ Рыбномъ концѣ, на Большой улицѣ, и притомъ во имя перенесенія мощей святителя Николая. Извѣстно, что греческая церковь не приняла этого праздника; это значительно облегчало королю Сигизмунду дать князю Острожскому грамоту на возстановленіе церкви, посвященной памяти такого событія, которое какъ будто приближало ее болѣе къ латинству.

Древнѣйшее упоминаніе о Николо-Перенесенской церкви находимъ въ грамотѣ митрополита кievскаго Іосифа Солтана виленскимъ мѣщанамъ о предѣлахъ участія ихъ въ дѣлахъ приходскихъ виленскихъ церквей отъ 1511 года. Здѣсь эта церковь называется то просто „Перенесенская церковь“, то „церковь светого Николы перенесень“. Въ 1609 году митрополиту Потѣю въ числѣ другихъ церквей передана

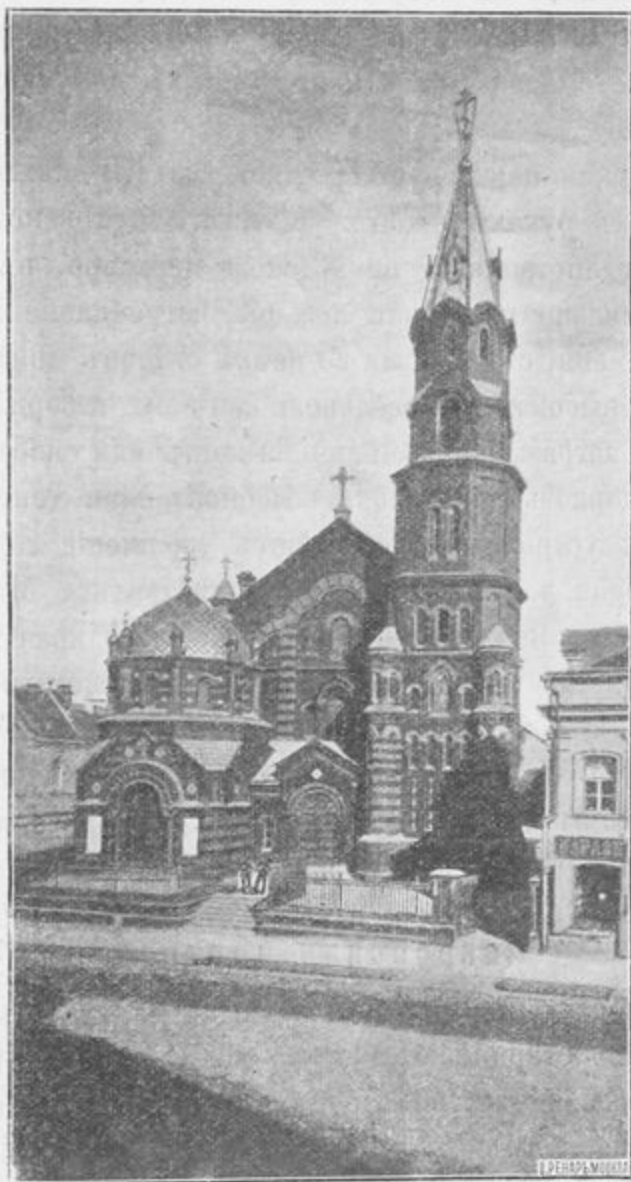

Рис. 34.

была и церковь „перенесенья светого Николы“. Комиссія, осматривавшая виленскія церкви въ 1619 году, замѣчаетъ, что члены ея въ полномъ составѣ были на погостѣ церкви Перенесенія мощей св. Николая, которая, т.-е. церковь, — находится въ рынкѣ и погостъ которой имѣетъ опредѣленныя границы, именно: онъ выходитъ главною

стороною въ рынокъ, въ Рыбномъ концѣ. Въ 1671 году упоминается о церкви Перенесенія св. Николая, что она каменная, сохраняетъ свои древнія границы и находится въ цвѣтущемъ состояніи. Напрасно представители виленскаго магистрата хотѣли доказать митрополиту Гаврилу Колендѣ въ 1671 году, что никакой другой Николаевской церкви не было, кромѣ наличной въ Рыбномъ концѣ, что это просто, по меньшей мѣрѣ, недоразумѣніе со стороны митрополита и его повѣреннаго и незаконное расширеніе митрополичьей юрисдикціи. Нѣтъ, возражалъ митрополитъ, ошибается виленскій магистратъ, указывая положеніе церкви св. Николая (успенія) въ Рыбномъ концѣ, а не возлѣ церкви св. Іліи: эту я и самъ хорошо знаю и вижу ее *in loco*, но это церковь Перенесенія св. Николая, которой и огонь — вотъ уже слишкомъ сто лѣтъ — нисколько не повредилъ, а та церковь св. Николая, не перенесенія, а успенія (*non translationis, sed sancti obitus*), не каменная, а деревянная; ея слѣды и священное мѣсто очевидны изъ подлинныхъ документовъ, приводимыхъ самимъ магистратомъ.

Николо-Перенесенская церковь была одною изъ лучшихъ приходскихъ церквей въ Вильнѣ. Находясь въ рукахъ бѣлаго униатскаго духовенства, она до 1840 года оставалась въ городѣ единственною приходскою церковію, въ которой совершалось богослуженіе. Но и ее сильно повредили пожары, истребившіе въ ней памятники старины. Впослѣдствіи времени, стѣсненная со всѣхъ сторонъ домами и различными пристройками, она только высокою колокольнею какъ бы говорила о мѣстѣ своего нахождения. Въ 1865 году заграждавшія ее лишнія постройки снесены, доступъ къ церкви сдѣлался открытымъ, церковь капитально возобновлена и теперь какъ по внѣшнему, такъ и по внутреннему устройству составляетъ украшеніе города.

При церкви устроена часовня въ честь архистратига Михаила и въ благодарное воспоминаніе о бывшемъ начальникѣ сѣверо-западнаго края Михаилѣ Николаевичѣ Муравьевѣ за водвореніе въ краѣ спокойствія и гражданскаго порядка.

Не можемъ не сказать нѣсколькихъ словъ о другихъ старинныхъ церквахъ города Вильны, которыя не сохранились до нашего времени, но которыя несомнѣнно существовали и тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ о первоначально широкомъ развитіи въ городѣ православной христіанской вѣры.

Покровская церковь.

Когда и кѣмъ основана, неизвѣстно. Очевидно то, что въ первой половинѣ XVI вѣка она считалась уже старинною. Въ это время (1546 г.) архимандритъ Кіево-Печерской лавры, Іоаннъ Матеевичъ, бывшій настоятель виленской Покровской церкви, записывая на церковь собственный каменный домъ въ Вильнѣ, для помѣщенія священнослужителей этой церкви, говоритъ, что онъ поставилъ его на мѣстѣ стараго деревяннаго дома, съ давнихъ поръ принадлежавшаго священнослужителямъ Покровской церкви. Усиленными стараніями онъ отыскалъ эту собственность Покровской церкви, которою незаконно завладѣлъ было виленскій мѣщанинъ Андрей Мацкевичъ. Въ 1529 г. король Сигизмундъ подтверждаетъ купчую, совершенную Иваномъ Горностаемъ и Настасьей Зеновичовой на плацъ „въ мѣстѣ Виленскомъ, подлѣ

церкви Покрова Пречистое Богоматери“, отъ покупки котораго еще раньше отказался Ивашко Сапѣга. До 1610 года Покровская церковь, какъ свидѣтельствуя акты, находилась въ болѣе или менѣ цвѣтущемъ состояніи. Съ этого времени она быстро начала итти къ упадку. Въ 1610 г. архимандритъ Іосифъ Веляминъ Рутскій въ своемъ дозволеніи, съ согласія митрополита Ипатія Потѣя, построить виленскому мѣщанину Липницкому домъ на землѣ Покровской церкви, заявляетъ, что до этого времени на этомъ же мѣстѣ имѣли домъ члены портняжнаго цеха и „что все ихъ будованье на кгрунтѣ церковномъ Покрова Пречистое Богородицы черезъ тую пожару (страшный пожаръ въ Вильнѣ 1610 г.) погорѣло, а по погорѣнью знову они на томъ пляцу будоватися не хотѣли, за чимъ на церковь Божую поземь звыкльый не доходилъ“. Въ актѣ осмотра въ 1619 году особою комиссіею виленскихъ церквей замѣчено, что церковь Пр. Богородицы, называемая Покровскою, стоитъ запустѣлою и выходитъ своею каменною оградою на (нынѣшнюю Покровскую) улицу, именно находится по лѣвой сторонѣ этой улицы, если идти отъ рынка мимо Кальвинскаго сбора (употребляемъ выраженіе документовъ — теперь конвиктъ гимназій) къ Бернардинскому костелу, а съ другой стороны эта церковь съ своею каменною стѣною находится въ оградѣ Кальвинскаго сбора; отъ этой церкви къ сбору идутъ большія ворота; каменная стѣна той церкви доходитъ до воротъ сбора, а погость церкви простирается до дома Раецкихъ и задней стороны каменнаго дома Сенкевичей, принадлежащаго теперь (1619 г.) доктору Шкоту. Когда въ 1640 году дозволено было отыскивать плацы и земли, захваченные кальвинистами, то сейчасъ же оказалось, что церковь св. Покрова много отъ нихъ пострадала. Митрополитъ Рафаиль Корсакъ, въ лицѣ повѣреннаго своего, архимандрита Свято-Троицкаго монастыря Алексѣя Дубовича, заявилъ суду, что кальвинисты, пользуясь слабостію и безсиліемъ греческаго духовенства и опираясь на могущественное вліяніе Радивилловъ, прежде всего построили свой громаднѣй каменный сборъ на церковной (Покровской) землѣ; послѣ нѣкотораго времени, на алтарной стѣнѣ Покровской церкви, къ востоку, они вывели башню своего сбора или колокольню, съ великимъ поруганіемъ, по замѣчанію митрополита, православной религіи; на сѣверной сторонѣ церкви погость и кладбище они обратили въ сборовый плацъ и совершенно снесли помѣщеніе священнослужителей; два каменныхъ дома, которые были построены на церковной землѣ и поземельное съ которыхъ уплачивалось всегда въ пользу покровскихъ священнослужителей, обратили на свои нужды и устроили здѣсь школу и госпиталь; они присвоили себѣ и другой еще домикъ, деревянный, принадлежавшій Покровской церкви и находящійся по сосѣдству со сборомъ. При такомъ расхищеніи собственности Покровской церкви, она неминуемо шла къ полному обнищанію и забвенію. Въ 1671 году, когда рѣшался споръ между митрополитомъ Гавріиломъ Колендою съ одной стороны и виленскимъ магистратомъ съ другой — о правѣ владѣнія нѣсколькими плацами въ г. Вильнѣ, Покровская церковь и ея колокольня находились уже въ окончательномъ запустѣніи; разваливающіяся стѣны самой церкви очутились въ срединѣ зданій евангелическаго сбора. И тутъ мы узнаемъ послѣднюю печальную повѣсть этой церкви, что *dissidentes in religione calvinistica* эту церковь и кладбище обратили въ сборъ, присвоили все себѣ, а домъ священника

сравнивали съ землею. Этого мало. Чтобы окончательно затереть всякіе слѣды о захватѣ чужого имущества, старшины сбора велѣли совершенно разбивать оставшіяся старыя стѣны Покровской церкви, разобранный кирпичь складывать въ кучу и возить въ указанныя мѣста для собственнаго употребленія. Изъ этого кирпича построены были, по заявленію митрополита Гавріила Коленды, госпиталь для кальвинистовъ, училище и нѣкоторые частныя дома, въ томъ числѣ Дунина-Раецкаго на Замковой улицѣ. Они уничтожили всякіе пограничныя знаки владѣнія Покровской церкви, а равно и старинныхъ стѣнъ, позатирали старинную церковную греческую живопись, поуничтожили и фрески и все обратили ни во что. Дунинъ-Раецкій, лидскій маршалокъ, какъ глава кальвинистовъ, велѣлъ очистить всѣ сборовыя подвалы и склады и оказавшуюся грязь и мусоръ вывозить на земли Покровской церкви. Онъ хотѣлъ позасыпать жилия помѣщенія, которыя стояли на церковной землѣ, угрожая при этомъ жизни самихъ обывателей и постоянно выказывая презрѣніе къ митрополиту. Древняя Покровская церковь не возродилась болѣе изъ своихъ забытыхъ и заброшенныхъ развалинъ.

А было славное время въ прошлой исторіи этой церкви. По своему положенію, она ближе другихъ церквей находилась къ Нижнему замку, особенно если съ Замковой улицы идти къ ней черезъ ея погостъ, какъ дѣлалось это въ свое время. Ученые соглашаются въ томъ, что именно эту церковь понималъ литовскій князь Александръ, когда писалъ къ своему тестю, великому московскому князю, что по близости замка имѣется приходская церковь, куда можетъ ходить на богослуженіе великая княгиня Елена. Въ этой церкви она раскрывала предъ Богомъ свою наболѣвшую душу; здѣсь она, одинокая, искала у Бога утѣшенія, когда „великое бѣды своею и жалости сердечное и ума къ тому (чтобы ширей писати о своихъ бѣдахъ своему отцу и государю) не могла придумать, только зъ горькими и великими своими слезами и со плачемъ низко челомъ ему била“. А тутъ ее заѣдала мысль, что, по словамъ великой княгини, „все (въ Литвѣ) надѣялись, что съ нею зъ Москвы въ Литву пришло все доброе, вѣчный миръ, любовь кровная, дружба, помочь на поганство; ино нынѣчи, государю отче, продолжаетъ княгиня, видятъ все, что же со мною все лихо къ нимъ вышло, война, рать, засѣданіе и сженіе городомъ и волостемъ, крови христіанское розлитье, жены вдовами, дѣти сиротами, полонъ, крыкъ, плачь, вопль“...

Церковь св. Іоанна Богослова иначе Ивановская.

Она находилась въ томъ же Покровскомъ переулкѣ, по правой сторонѣ, если идти къ ней съ Большой улицы. Въ представленіи Литовской Консистеріи отъ 1827 года во второй департаментъ Римско-Католической Коллегіи, въ перечнѣ церквей, которыя въ свое время отняты были базилианами у бѣлаго духовенства, значится и церковь св. Іоанна Богослова, а не Крестителя, какъ нѣкоторые ее называютъ.

Въ 1559 г. Иванъ Яхимовичъ продаетъ Кресъ домъ на церковной землѣ „межи пляцами церковными, светымъ Михаломъ и межи светымъ Иваномъ“. При этомъ продавецъ особенно настаиваетъ на одномъ, чтобы поземельное отъ того мѣста, на которомъ построенъ домъ, вносилось, какъ бывало встарину (яко ся стародавне

захватывает), въ пользу священника, который служилъ при церкви святаго Ивана. О церкви св. Іоанна Богослова встрѣчаемъ очень частыя упоминанія и въ другихъ документахъ XX тома Актовъ Виленской Комиссіи. Осмотръ церковей виленскихъ въ 1619 году говоритъ, что каменные стѣны Ивановской церкви находятся въ цѣлости, что одною стороною она выходитъ на Покровскій переулокъ, а другою на свой погостъ; часть этого погоста застроена, а часть представляетъ собою пусто-порожниє плацы. Около половины XVII ст., виленскій деканъ Пржецлавскій, безъ согласія митрополита, приобрѣлъ въ собственность каменный домъ на землѣ Іоанновской церкви. Исправляя этотъ домъ, онъ распространилъ свои постройки до самыхъ стѣнъ церкви и ея погоста. Воспользовавшись далѣе на свои надобности церковною стѣною, онъ устроилъ тутъ жилое помѣщеніе, а въ старомъ церковномъ помѣщеніи велѣлъ заложить кирпичомъ окна, которыя болѣе ста лѣтъ были тутъ и въ которыхъ находились желѣзныя рѣшетки. Черезъ это въ старыя церковныя помѣщенія былъ прекращенъ доступъ свѣта. Въ 1671 году еще видѣли въ развалинахъ какъ самую церковь св. Іоанна, такъ и старинную каменную при ней колокольню, а погостъ ея все болѣе и болѣе началъ застраиваться частными домами, владѣльцы которыхъ присвоивали себѣ мало-по-малу съ теченіемъ времени и самую церковную землю. Возбуждаемые со стороны духовенства протесты и жалобы не имѣли благоприятныхъ послѣдствій.

Неподалеку отъ церкви св. Іоанна, въ томъ же переулкѣ и на той же сторонѣ была построена *церковь св. Михаила*. Она находилась при соединеніи Покровскаго переулка съ Большою улицею. Уже въ началѣ XVI столѣтія голосъ священниковъ церковей Михайловской, Воскресенской и Ивановской считался иногда очень важнымъ, какъ бы рѣшающимъ, при обсужденіи нѣкоторыхъ церковныхъ вопросовъ.

Когда около 1511 года возникъ споръ у виленскихъ мѣщанъ съ митрополитомъ о предѣлахъ ихъ участія въ дѣлахъ своихъ приходоу, они говорили митрополиту: „пытай твоя милость старыхъ поповъ Михайловскаго, Воскресенскаго и Ивановскаго, кто имъ ключи церковныя подавалъ?“ Значить, за этими церквами были уже очень давнія преданія. Въ 1522 году священникъ Юрьевской Росской церкви Матвѣй духовнымъ завѣщаніемъ записываетъ священнику церкви св. Михаила крестъ, окованный серебромъ, номоканонъ и лисью шубу. Въ 1546 году митрополитъ Макарій рукополагаетъ къ виленской Михайловской церкви священника Павла Николаевича, который и настоятельствовавалъ здѣсь до 1557 года. Въ 1619 году, въ актѣ осмотра церковей того времени замѣчено, что „рядомъ съ погостомъ церкви св. Іоанна находится погостъ церкви св. Михаила, застроенный шляхетскими и городскими домами; главнымъ концомъ этотъ погостъ выходитъ на Большую Замковую улицу, а другимъ простирается до погоста церкви св. Іоанна; одною стороною выходитъ къ Покровскому переулку по дорогѣ къ сбору, а другою простирается до каменнаго Демеровскаго дома. Изъ этого акта видно, что уже въ 1619 году весь погостъ св. Михайловской церкви былъ застроенъ частными домами. Митрополиты униатскіе заявляли протесты противъ такого незаконнаго присвоенія церковной собственности. Въ 1620 году, по жалобѣ митрополита Іосифа Рутскаго, король Сигизмундъ III призывалъ къ суду нѣкоего Величка

„о безправное забраніе и неслухное привлащеніе кгрунту власного церковного церкви светого Михаила Архангела въ мѣстѣ Виленскомъ на улицы Великой Замковой, не дошедши костела светого Яна, на рогу, идучи уличкою ку збору евангелицкому по правое руцѣ, гдѣ церковь самая стояла и мѣшкане поповское при той церкви бывало“. Въ 1622 году возный доносилъ въ трибуналь, что, по освидѣтельствваніи цѣлою комиссією онъ нашель, что нѣмецъ Бальверъ съ другими участниками своими, „не вѣдати якимъ правомъ набывши себѣ мѣстца церковного, гдѣ передъ тымъ церковь светого Архангела Михаила была, и онъ самъ тотъ нѣмецъ, будучи геретикомъ, гвалтитъ мѣстца церковные, не даючи тѣламъ людей католицкихъ, пану Богу замерлыхъ, въ покою лежать“. Это потому, такъ доносилъ возный, что Бальверъ задумалъ строить домъ на церковной землѣ-погостѣ, и копая фундаментъ, гдѣ прже было кладбище, вырывать массу гробовъ, ломалъ ихъ, а кости складывалъ въ кучи и потомъ выбрасывалъ ихъ вонъ. Были и другія подобныя заявленія. Но въ результатѣ не получалось ничего утѣшительнаго и въ 1671 году уже не оставалось никакихъ вещественныхъ слѣдовъ отъ бывшей Михайловской церкви, и все мѣсто святое занято было частными домами. На этомъ основаніи тогда же свидѣтели противной стороны утверждали, что относительно церкви св. Михаила они никогда ничего не слышали, ничего не знаютъ и никакихъ свѣдѣній о ней не имѣютъ.

Еще болѣе печальная судьба постигла *церковь св. Екатерины*. Уже въ 1619 году она лежала въ совершенныхъ развалинахъ, а погостъ ея застроенъ былъ частными домами. Напрасно митрополитъ Гавріиль Коленда предъявлялъ въ 1671 году свои права на мѣсто и плацы церкви св. Екатерины; напрасно на основаніи подлинной ставленной грамоты онъ доказывалъ, что еще въ 1548 году митрополитъ Макарій писалъ виленскимъ мѣщанамъ, чтобы они были послушны рукоположенному имъ по ходатайству литовскаго подскарбія Горностая къ церкви св. Екатерины священнику Михаилу, что въ 1631 году со стороны суда послѣдовало распоряженіе объ очисткѣ плаца, принадлежащаго церкви св. Екатерины: противная сторона отвѣчала одно: мы ничего никогда не слышали объ этой церкви и свѣдѣній о ней никакихъ не имѣемъ. Но несмотря на такое упорное, съ задними мыслями, замалчиваніе противниковъ митрополита, судъ, убѣжденный его доводами въ истинѣ, призналъ за нимъ право на предъявляемую юрисдикцію. Церковь св. Екатерины лежала къ западу отъ погоста Пречистенскаго собора и митрополичьяго дворца и примыкала къ землѣ костела св. Михаила; на ея погостѣ до сихъ поръ стоитъ домъ такъ называемый Пузыны, фасадомъ къ площадкѣ между костеломъ св. Михаила и здапіями конвикта.

Церковь св. пророка Іліи.

Она занимала часть мѣста нынѣшней гостиницы Нишковскаго и слѣдующаго дома ближе къ нынѣшнему Спасскому переулку. Ея довольно обширный погостъ простирался по правой сторонѣ переулка Лоточекъ до Пречистенской улицы, а съ восточной стороны граничилъ съ погостомъ и плацами церкви Рождества Христова. Въ актѣ осмотра церквей 1619 года замѣчено, что погостъ церкви св. Іліи застроенъ нѣсколькими домами, что онъ находится на улицѣ Савичъ, около погостнаго переулка

(нынѣ Спасская улица — drugi Lotoczek) и однимъ концомъ выходитъ къ церкви Пречистенской, другимъ — къ погосту Христорожественской церкви. Въ 1622 году Николай Миклашевичъ, возный виленскаго воеводства, записалъ въ виленскія городскія книги, что „тутъ въ мѣстѣ Виленскомъ, за потребованьемъ намѣстника митрополитоваго пана Томаша Петровскаго, онъ ходилъ до дому Ендрыха нѣмца, муляра, на грунтѣ церковномъ будучомъ, яко давали ему справу люди околичныя многіе, же тамъ церковь св. Іліи Пророка была неподалеку соборное церкви светое Пречистое; тамъ же въ дому того муляра видѣлъ долъ глубокой на заложеноу фундаментовъ, на збудоване склепу мурованого выкопанный, въ которомъ долѣ по обудвухъ сторонахъ въ землѣ видѣлъ труны (гробы) тѣлъ змерлыхъ чотыри, а у концу долу одну труну, а съ середины долу съ пескомъ костей не мало человекчихъ накидано; знать бардзо добре, же тамъ цминтарь, або рачей самое мѣстце церковное есть“. Хотя относительно и этой церкви съ ея погостомъ противники митрополита находили возможнымъ сомнѣваться въ самомъ ея существованіи, но судъ, съ утвержденія короля, на основаніи представленныхъ доказательствъ призналъ вполне законными права митрополита на предъявляемую юрисдикцію.

Къ востоку отъ Ільинской церкви, на той же площади, ближе къ рѣкѣ Вильнѣ находилась *церковь Рождества Христова*. Погосты этихъ церквей, какъ сказано выше, соприкасались между собою. Осмотръ церквей 1619 г. свидѣтельствуетъ, что погостъ этой церкви одною стороною примыкаетъ къ улицѣ Савичъ, а другими простирается до Спасскихъ воротъ, до Пречистенской улицы и до погоста церкви св. Іліи. Въ документахъ находимъ упоминаніе о церкви Рождества Христова въ началѣ XVI ст. Въ 1510 году королевскою грамотою, Григорію Исаевичу Громыкѣ, ключнику виленскому, за его вѣрную службу дается „мѣстце городское и зъ малою улочкою на будованье двора его въ мѣстѣ Виленскомъ, подлѣ *Рождества Христова*“. Въ 1511 году священникъ Христорожественской церкви Іаковъ свидѣтельствовалъ передъ митрополитомъ Іосифомъ Болгариничемъ; „а мѣщане просили за мною митрополита, прибавляетъ о. Іаковъ, а увязалъ мене (сдѣлалъ ввездъ) пѣвецъ митрополичій Ивашко Скалзубъ, и ключи ми далъ, а мѣщанъ дей при томъ не было“. Въ документѣ 1555 года, по которому дочь Громыки отдавала дворъ *свой подъ залогъ трехсотъ копъ грошей литовскихъ, о Христорожественской церкви сказано яснѣе: „я Оникей Горностай... чиню явно тымъ моимъ листомъ, ижъ што первая жона моя небозчица Настасья Григорьевна Громычанка заставила была мнѣ дворъ свой мурованный въ мѣстѣ Виленскомъ, противъ церкви Рождества Христова“... Послѣ пожара 1557 г. Христорожественская церковь находилась въ развалинахъ, и въ 1560 году король Сигизмундъ Августъ далъ привилей на ея возстановленіе. Что она дѣйствительно была возстановлена, объ этомъ можно судить на основаніи запродажнаго акта 1592 года на церковный домъ, который стоялъ прямо *противъ дверей* церковныхъ. Въ 1619 году весь погостъ Христорожественской церкви былъ застроенъ домами частныхъ лицъ. Въ 1671 году видны были только остатки ея алтарной части: они представляли собою старинную каменную стѣну, три сажени длины и въ поперечникѣ — полторы сажени. Но и эти остатки исчезли съ теченіемъ времени.

Церковь Петро-Павловская на Зарѣчьѣ.

Часто въ документахъ она упоминается подъ именемъ св. Петра и называется то церковію св. Петра, то церковію русскою св. Петра, то просто святымъ Петромъ. Акты неоднократно упоминаютъ о ней въ XVI ст. Въ 1558 г. въ судъ представлена была конфирмація короля Сигизмунда Августа продажи нѣсколькихъ дворовъ въ г. Вильнѣ на Зарѣчьѣ, „съ ограниченъемъ певнымъ, лежащихъ за рѣкою Вильнею, на улицы Рыконтиской, противъ церкви руское светого Петра“... При церкви былъ обширный погостъ и госпиталь. Церковь находилась по лѣвой сторонѣ улицы, при выходѣ изъ города на Зарѣчье. Погостъ ея простирался дальше и былъ съ одной стороны отъ улицы напротивъ костела св. Варооломея, а съ другой граничилъ съ нынѣшнею землею братскаго дома. Въ 1609 году церковь св. Петра вмѣстѣ съ другими церквями была отнята у православныхъ и королевскимъ чиновникомъ передана митрополиту униатскому Потею. Съ этихъ поръ началось ея разрушеніе. Около половины XVII в. мы находимъ о ней упоминаніе, когда, по распоряженію митрополита Антонія Сѣлявы, виленскій протопопъ и намѣстникъ митрополиціи Евстаѳій Каминскій передавалъ для сохраненія настоятелю виленскаго Свято-Троицкаго монастыря Захаріи Ильговскому церковное серебро отъ нѣкоторыхъ виленскихъ церквей, въ томъ числѣ и отъ церкви св. Петра и Павла на Зарѣчьѣ. Это происходило въ 1653 году 5 марта, когда въ Вильнѣ начинали уже опасаться войны съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Въ 1667 г. виленскій бурмистръ Николай Кличевскій по духовному завѣщанію отъ 8 января записалъ извѣстную сумму между прочимъ и на госпиталь церкви св. Петра на Зарѣчьѣ. Но въ 1671 году мы встрѣчаемся уже съ такимъ печальнымъ заявленіемъ, что Петро-Павловская церковь, какъ и погостъ ея, хотя сохраняютъ свои граничные знаки, но находятся въ сильнѣйшемъ запустѣніи.

Церковь св. Козьмы и Даміана.

Это была деревянная церковь и находилась на правой сторонѣ улицы, если итти по Бакштѣ вверхъ, при соединеніи ея съ нынѣшнею Андреевскою улицею. Въ настоящее время здѣсь находится домъ духовнаго мужскаго училища, съ церковію св. апостола Андрея. Объ этой старинной церкви находимъ упоминаніе въ 1503 году въ уступочной записи Федьки Ивашковича и брата его Богуша матери своей Аннѣ Мицовичъ на половину Сапѣжинскаго двора въ г. Вильнѣ, которую она подарила своему сыну: „а тотъ дворъ, гдѣ отецъ нашъ самъ жилъ, (лежалъ) подле светыхъ Козьмы и Дамьяна“. Отъ нихъ и прилегающая улица называлась по временамъ Козьмо-Демьянскою, тоже Смилинская-Савичъ. Въ 1594 году „Янъ Григорьевичъ Остикъ, посполу з малжонкою своею, сами добровольне... сознали, ижъ ихъ милость zostали винни... за каменицу мурованую, въ мѣстѣ здѣшнемъ Виленскомъ на улицы Савичой, за церковкою русскою Кузмо-Демьяна лежащую“... Такия указанія находятся и въ другихъ актахъ. Нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что эта цер-

ковь не была возобновлена послѣ пожара 1610 года, или же совершенно разрушена послѣ взятія Вильны нашими войсками въ 1655 году. Комиссія, осматривавшая церкви въ 1671 году, относительно церкви св. Козьмы и Даміана замѣчаетъ, что гдѣ была деревянная церковь во имя названныхъ святыхъ на Савичъ улицѣ, тамъ теперь пустое мѣсто; въ совершенномъ запустѣніи и погость этой церкви, хотя граничные знаки и церкви и ея погоста остаются ненарушими. Пользуясь этимъ, митрополитъ уніатскій Кипріанъ Жоховскій, слишкомъ мирволившій латинянамъ, отдалъ имъ все мѣсто, принадлежавшее Козьмо-Демьянской церкви. Они поспѣшили выстроить здѣсь костель и монастырь ордена св. Августина Пустынника. Въ зданіи Августинскаго монастыря помѣщалась потомъ главная семинарія — своего рода богословскій факультетъ при виленскомъ университетѣ, гдѣ оканчивали свое образованіе кандидаты изъ уніатскаго и латинскаго духовенства. Отсюда вышелъ и покойный митрополитъ литовскій Іосифъ и другіе дѣятели по воссоединенію уніатовъ съ православною церковію. Теперь, въ большихъ зданіяхъ Августинскаго монастыря помѣщается мужское духовное училище; прекрасная церковь училища посвящена памяти святаго апостола Андрея Первозваннаго.

Церковь Воскресенія Христова.

Воскресенская церковь находилась на углу Стеклянной улицы, на правой ея сторонѣ отъ Ратуши. Священники Воскресенской церкви почти всегда находились въ составѣ старшаго виленскаго духовенства и пользовались особымъ почетомъ. Въ 1619 году Комиссіею по осмотру виленскихъ церквей замѣчено, что Воскресенская церковь съ ея погостомъ находится въ рынкѣ, на Стеклянной улицѣ, противъ соляныхъ рядовъ и примыкаетъ къ домамъ Палецкаго и Доброгостовскаго; погость церковный со всѣхъ сторонъ обведенъ каменною стѣною и застроенъ нѣсколькими домами. Въ половинѣ XVII ст. мы встрѣчаемся съ печальнымъ фактомъ расхищенія имущества Воскресенской церкви, начавшагося, къ сожалѣнію, очень рано, почти сто лѣтъ тому назадъ. Еще въ половинѣ XVI ст. виленскіе бурмистры и радцы жаловались митрополиту Сильвестру между прочимъ и на воскресенскаго священника, что онъ беретъ деньги подъ залогъ церковныхъ домовъ. Причину такого явленія митрополитъ видѣлъ въ самихъ жалующихся: „бо ваши милости, писалъ митрополитъ, рачите поповъ обирати, а не мы“... Въ 1654 году состоялось рѣшеніе виленской уніатской консисторіи по дѣлу о присвоеніи церковныхъ вещей и денегъ священникомъ Воскресенской церкви Рыбинскимъ. Подобныя явленія въ церковной жизни вредно отзывались на внѣшнемъ благосостояніи церкви и отъ 1671 г. осталось намъ такое описаніе, что хотя Воскресенская церковь не разрушилась еще, но изъ притвора ея видны были въ погостной стѣнѣ ворота, совершенно задѣланныя кирпичомъ. Эти ворота вели въ каменный домъ, гдѣ съ согласія митрополита жилъ нѣкій Рогачевичъ; въ одной половинѣ его помѣщенія виднѣлась башня и лѣстница на церковную колокольню; одна половина этого дома была заново отдѣлана, а другая оставалась въ запустѣніи. Войны и пожары въ Вильнѣ во второй половинѣ XVII вѣка много содѣйствовали разрушенію и запустѣнію Воскресенской церкви. При всемъ томъ еще

въ 1705 году архіепископъ Смоленскій Гедeonъ Шумлянскій рукоположилъ „богобойнаго чelовѣка Якова Животкевича въ священники ко храму Воскресенія Христова во градѣ богоспасаемомъ Вильнѣ“. Въ 1776 году эта церковь находилась уже въ развалинахъ, какъ видно изъ контракта, по которому настоятель виленской Николаевской церкви отдавалъ въ арендное содержаніе квартиру въ церковномъ домѣ возлѣ Воскресенской церкви. Воскресенская церковь была одною изъ трехъ церквей, которыя уніаты обѣщали въ 1632 году возвратить православнымъ. Но это обѣщаніе не было приведено въ исполненіе.

Церковь св. Юрія на Росѣ.

И постройку этой церкви мы относимъ ко временамъ Ольгерда. О ней ясно говорится въ грамотѣ митрополита Іосифа Солтана 1511 года, которому попъ юрьевскій Матѳеѣй заявилъ, что ему „далъ эту церковь митрополитъ Іона и велѣлъ попу козьмо демьянскому увезати его въ тую церковь“. Отъ этого же „многогрѣшнаго раба Божія ерея Матѳея, служителя церкви святого славного великомученика Георгія“ осталось отъ 1522 года 9 мая духовное завѣщаніе, по которому онъ распределяетъ свое движимое имущество. Въ 1595 году 6 декабря „церковь русская на Росѣ, за Острою вежею, светого Юрья“ была запечатана на нѣкоторое время виленскими мѣщанами, вслѣдствіе растраты церковнаго имущества.

Нужно имѣть въ виду, что въ документахъ находятся указанія на существованіе якобы двухъ церквей на виленскомъ премѣстьѣ — Росѣ: одна Юрьевская, о которой мы только что говорили, а другая — Рождества Пресвятой Богородицы или просто Росская церковь. Подъ 1532 годомъ мы встрѣчаемъ даже королевскую грамоту виленскимъ мѣщанамъ на построеніе въ Вильнѣ Росской церкви. „Били намъ челомъ бурмистры и радцы мѣста нашего Виленскаго закону греческого о томъ, говорится въ грамотѣ: которыи церкви Божіи стоятъ у Вильни, а цвинтари при нихъ суть малыи, людей мертвыхъ ховати не мають гдѣ, и часу повѣтрея которое было з Божого допущенья, поховали людей мертвыхъ о колкосъ сотъ на предмѣстьи на Юрьевой Росѣ. И просили насъ абыхмо дозволили имъ тамъ на предмѣстьи церковь Божью русскую збудовати ку хвалѣ Божіей и для хованья мертвыхъ людей. Ино мы для тыхъ причинъ ку хвалѣ Божой дозволили есмо церковь Божью за мѣстомъ на Юрьевой Росѣ поставити...“ Понятно, что этой грамоты никакъ нельзя относить къ Юрьевской Росской церкви, о которой, какъ мы видѣли, ясно говорится уже въ грамотѣ 1511 года. Нужно думать, что съ 1532 года построена была при Юрьевской церкви особая часовня или даже предѣлъ во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, такъ какъ Росская церковь иногда въ одно и то же время и при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ называется церковью Юрьевскою, св. Георгія, и церковію „Рождества Пречистыя Богородицы“. Съ 1582 года Рождественская церковь на Росѣ (иначе церковь светое Пречистое, Нароженья светое Пречистое) дѣлается мѣстомъ братскихъ сходокъ и годовыхъ праздниковъ для цеховъ шапочниковъ, сермяжниковъ и ногавичниковъ. Съ половины XVII ст. Росская перковь пришла въ совершенный упадокъ, и осмотръ

церквей 1671 года свидетельствует, что Юрьевская церковь на Росѣ представляет собою однѣ развалины, уцѣлѣвшія отъ пожара; на ея погостѣ виднѣлись огороды и нѣсколько домовъ частныхъ лицъ.

Юрьевская церковь была деревянная и находилась на лѣвой сторонѣ Никодимовскаго переулка за полотномъ нынѣшней желѣзной дороги, сзади бывшихъ домовъ Зайцева, Соболевскаго, Лукомскаго, по сосѣдству съ домомъ Яржембскаго. Тутъ же кругомъ церкви простиралось обширное ея кладбище, церковные огороды, дома, госпиталь. Часть юрьевскихъ плацовъ до сихъ поръ находится во владѣніи Святодуховскаго монастыря, по обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги, недалеко отъ каменнаго моста.

Всѣ почти названныя церкви по времени ихъ постройки мы относимъ, ко временамъ Ольгерда — второй половины XIV столѣтія. Большинство изъ нихъ основано, по преданію, Іуліаніей Тверскою; а она вышла замужъ за великаго Литовскаго князя Ольгерда въ 1349 году. Только основаніе Пятницкой церкви принадлежит Маріи Витебской, первой супругѣ Ольгерда (скончалась около 1346 г.), а еще ранѣе того была несуществующая нынѣ Успенско-Николаевская церковь, гдѣ и были погребены первоначально свв. виленскіе мученики (1346—7 года).

Церковь св. Петра при Острой Брамѣ.

Къ первой половинѣ XVI ст. необходимо отнести постройку тоже несуществующей нынѣ церкви св. Петра при Острыхъ воротахъ на правой сторонѣ. Что она существовала, объ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, послѣ прямыхъ документальныхъ о ней упоминаній. Время основанія церкви св. Петра относимъ къ XVI вѣку, потому что только въ 1507 году была окончена постройкою каменная городская стѣна и сдѣлано нѣсколько главныхъ воротъ, въ томъ числѣ и Острыя. До того времени Троицкій монастырь находился за чертою города, слѣдовательно не можетъ быть рѣчи о существованіи церкви св. Петра при несуществовавшихъ воротахъ. Въ началѣ XVI столѣтія, когда Троицкій монастырь пользовался патронатствомъ Елены Іоанновны, великая княгиня могла указать расположить хранившуюся у нихъ святыню — икону Богоматери изъ Крыма отъ временъ Ольгерда — на Острыхъ воротахъ и тутъ же построить небольшой храмъ во имя Московскаго святителя Петра, въ которомъ желающіе могли бы помолиться Богу предъ чудотворнымъ ликомъ Богоматери-Заступницы и митрополита Петра. Съ постройкой въ 1626 году около Острыхъ воротъ кармелитскаго костела и монастыря, кармелиты присвоили себѣ Остробрамскую святую икону, и церковь св. Петра должна была прійти въ запустѣніе; въ 1701 году виднѣлись уже однѣ ея развалины.

Святодуховъ монастырь.

Въ концѣ XVI столѣтія положено основаніе и нынѣшнему *Святодухову монастырю*. Нѣкоторые члены Виленскаго братства, недовольные частыми столкновеніями въ Троицкомъ монастырѣ съ священниками, назначаемыми отъ магистрата, порѣшили

основать свою церковь и завести строгіе порядки какъ въ совершеніи богослуженія, такъ и въ расходованіи братскихъ суммъ. На помощь братству явились брестская воеводина Зеновичова и смоленская воеводина Абрамовичова. Въ 1597 году по ихъ распоряженію строилась уже новая церковь (въ предѣлахъ нынѣшняго Святодуховскаго монастыря, деревянная, на плацахъ, подаренныхъ братству Воловичами (въ одно и то же время Воловичи были: одни — православными, другіе — латинянами, третьи — кальвинистами). Къ новой церкви стали собираться всѣ, оставшіеся вѣрными православію. Такое явленіе не могло нравиться, конечно, ни уніатамъ-базилианамъ, ни іезуитамъ. По внушенію первыхъ, король писалъ, что братство „къ большому взрушенію покою посполитого, плаць въ мѣстѣ нашемъ Виленскомъ купивши, снать церковь не такъ для отправки въ ней хвалы Божее, яко наибольшей для большаго ереси и бунтовъ разширенья въ рѣчи посполитой, збудовати хочуть... ино тоей церкви будовати имъ не допускать и зборонить конечно, иначе того не чинечи“. Іезуиты съ своими школьниками въ 1588 году прямо сдѣлали нападеніе на Святодуховскую церковь и произвели тамъ страшныя безчинія. Тяжелое было положеніе Виленскаго братства; но оно продолжало строиться и успѣло возвести каменное зданіе для монастыря, госпиталь, братское училище или коллегію и приступило къ постройкѣ каменной монастырской церкви. Но случившееся въ 1624 году убійство въ Витебскѣ Іосафата Кунцевича навлекло гнѣвъ короля на всѣхъ православныхъ, и Виленскому братству рѣшительно запрещено было продолжать постройку каменной церкви; разрѣшеніе ее докончить послѣдовало въ 1632 году. Но въ такой значительный промежутокъ времени начатая прежде постройка сильно обветшала, какъ равно испортилось многое изъ заготовленнаго строительнаго матеріала. Разрушенію содѣйствовали постоянныя нападенія на Святодуховъ монастырь враговъ православія. Во всякомъ случаѣ въ 1634 году явился нынѣшній величественный Святодуховскій храмъ съ двумя предѣлами: св. Константина и Елены и св. Іоанна Богослова. Около 1656 года перенесена въ Святодуховъ монастырь дорогая мѣстная святыня — останки виленскихъ мучениковъ: Антонія, Іоанна и Евстафія.

При мужскомъ монастырѣ основанъ былъ и женскій — Благовѣщенскій. Возникновеніе его относятъ тоже къ концу XVI вѣка, когда, быть можетъ, и православныя Троицкія монахини, недовольныя порядками своего прежняго монастыря, послѣ введенія тамъ уніи, оставили его и съ Виленскимъ братствомъ заняли новыя мѣста, въ предѣлахъ нынѣшняго Святодухова монастыря. По правой его сторонѣ, гдѣ трапеза братіи, находилась церковь св. Благовѣщенія, и при ней женскій монастырь, частію деревянный, частію каменный. Отъ мужского монастыря его отдѣлялъ деревянный заборъ. Упадку Благовѣщенскаго монастыря много содѣйствовало то обстоятельство, что возникшій по сосѣдству кармелитскій костель съ монастыремъ стѣснилъ его и закрылъ отъ улицы. Съ половины XVIII вѣка монастырь женскій перестаетъ существовать, а на мѣстѣ Благовѣщенской церкви до послѣдняго времени находилась часовня того же имени. Мужской монастырь существуетъ и въ настоящее время.

Въ братскомъ училищѣ виленскаго Святодухова монастыря были такіе сильныя дѣятели, какъ Леонтій Карповичъ, Кирилль Лукарисъ, Мелетій Смотрицкій, Лаврен-

тій Зизаній и другіе. Отсюда вышелъ въ 1610 году знаменитый „Фринось“ (плачь западнорусской церкви), краснорѣчивое посланіе и апологія православной вѣры противъ униатовъ. Въ Святодуховской обители принялъ постриженіе въ иночество впоследствии исповѣдникъ и преподобно-мученикъ св. Аѳанасій Филипповичъ Берестейскій. Здѣсь же погребено было обезглавленное въ 1611 году на Виленской площади тѣло извѣстнаго московскаго воеводы князя Данила Мышенкаго, мужественно отстаивавшаго противъ Поляковъ въ Вильнѣ власть русскаго государя. Московскій бояринъ князь Голицынъ, вѣроломно захваченный королемъ Сигизмундомъ въ плѣнъ подъ Смоленскомъ и освобожденный изъ плѣна по Деулинскому договору, умеръ на пути въ родную землю и былъ похороненъ въ Святодуховской обители. Своды ея величественнаго храма неоднократно оглашались въ свое время вдохновенными бесѣдами славнаго церковнаго витія, угодника Божія, святаго митрополита ростовскаго. Въ монастырской ризницѣ до настоящаго времени хранится одно изъ собственноручныхъ писемъ этого великаго святителя къ нѣкому Грохольскому и его архіерейское облаченіе съ таковымъ же облаченіемъ священно-мученика Макарія, митрополита кіевскаго. Въ Святодуховомъ монастырѣ неоднократно проживалъ и бѣлорусскій святитель, архіепископъ Георгій Конисскій. Въ немъ почиваютъ нетлѣнныя мощи святыхъ виленскихъ мучениковъ: Антонія, Іоанна и Евстафія; подъ ракою святыхъ мучениковъ покоится прахъ незабвеннаго Іосифа, митрополита литовскаго и виленскаго.

Въ ризницѣ монастыря хранится, кромѣ указанныхъ драгоцѣнныхъ историческихъ памятниковъ, древняя чаша съ слѣдующей надписью: „Лѣта 7102 повелѣніемъ государя царя и великаго князя Θεодора Ивановича и его царицы и великіе княгини Прины, ихъ Богомъ дарованные дщери царевны Θεодосьи здѣланъ сей потиръ къ зачатію св. Анны, егда зачала св. Богородицю въ городъ въ Китай“. Здѣсь же хранится и крестъ съ надписью: „Лѣта 7198 сентября 2 день сей крестъ приложилъ къ церкви Сошествія Св. Духа, что за Пречистенскими вороты, на рву, Иванъ Ладыгинъ по обѣщанію своему и въ поминовеніе сродниковъ своихъ“. Сохранилось еще нѣсколько старопечатныхъ богослужебныхъ книгъ и старинныхъ документовъ.

Святодуховскій монастырь со времени своего основанія всегда оставался вѣрнымъ православію и остался таковымъ до послѣдняго времени.

Николаевскій кафедральный соборъ.

Кафедральный соборъ находится въ лучшей и красивѣйшей части города, почти въ самомъ его центрѣ, на площади, которая съ давнихъ временъ считалась главной въ Вильнѣ. На этой площади встарину правосудіе отправляло свою печальную обязанность, казня преступниковъ и злодѣевъ; тутъ же помещалась и ратуша — нынѣшнее зданіе театра. Въ настоящемъ своемъ видѣ соборъ представляетъ одно изъ красивѣйшихъ зданій г. Вильны.

Кафедральный соборъ передѣланъ изъ латинскаго костела. Въ концѣ XVI столѣтія, іезуиты, можетъ быть желая угодить королю Сигизмунду III, пропагандировали святость и славу королевича Казимира и необходимость создать храмъ его имени.

Виленскій епископъ Бенедиктъ Война, канцлеръ Левъ Сапѣга, Николай Радивилль и другіе охотно взяли за дѣло и въ 1604 году положено основаніе костела. Іезуиты немедленно выпросили у короля разрѣшеніе передать въ ихъ распоряженіе строящійся костель и начали строить около костела громадное помѣщеніе для монастыря и для своихъ клириковъ. Литовскіе магнаты не отказали имъ въ деньгахъ, а виленскій капитуль разрѣшилъ для построекъ пользоваться даромъ лѣснымъ матеріаломъ изъ Понарскихъ дачъ и копать на капитульныхъ земляхъ глину и известь. Черезъ два года были окончены постройки, и іезуиты свободно утвердились въ новомъ гнѣздѣ, существованіе котораго обезпечивалось многими домами и имѣніями. Здѣсь они учредили новую коллегію и домъ профессовъ.

Послѣ уничтоженія іезуитовъ, обширныя Казимировскія постройки съ костеломъ перешли въ распоряженіе эдукаціонной комиссіи и въ нихъ предполагалось помѣстить епархіальную латинскую семинарію, образовавъ при костелѣ отдѣльный самостоятельный приходъ для практики будущимъ ксендзамъ. Но этотъ проектъ не получилъ осуществленія, а вмѣсто того въ поіезуитскихъ Казимировскихъ зданіяхъ поселились эмериты — заслуженные престарѣлые или больные латинскіе священники. Съ тѣмъ вмѣстѣ назначено было помѣщать сюда и тѣхъ изъ священно-служителей, которые совершили какіе-нибудь проступки, подлежали запрещенію и наказанію. Эмериты переведены были въ новое помѣщеніе изъ стараго эмеритальнаго дома возлѣ каедральной латинской колокольни, который со время Ягайлы до 1530 года былъ мѣстопребываніемъ латинскаго епископа. Когда польская войсковая комиссія потребовала передачи на войсковые магазины и канцелярію поіезуитскихъ Казимировскихъ зданій, эмериты были возвращены, не надолго впрочемъ, на старое пепелище.

Всѣ эти перемѣны въ судьбѣ костела содѣйствовали его крайнему запустѣнію, и, чтобы сохранить его отъ окончательнаго разрушенія, правительство передало его въ 1839 году православному вѣдомству. Бывшій костель приспособленъ для православнаго каедральнаго собора и 8 сентября 1840 года состоялось его освященіе въ честь святителя Николая Чудотворца.

Видъ собора значительно измѣненъ въ 1864 году. Двѣ башни на переднемъ фасадѣ сбиты и весь фасадъ передѣланъ въ стилъ ренессансъ. На фронтонѣ масляными красками написаны изображенія св. Николая, св. Александра Невскаго, св. Иосифа Обручника. Внутри устроенъ подъ мраморъ новый иконостасъ, утвержденный на высокой, въ семь ступеней солеѣ. Полъ сдѣланъ изъ мозаики, стѣны украшены орнаментами. Въ боковыхъ нишахъ храма, въ которыхъ прежде помѣщались латинскіе алтари, развѣшаны образа; нѣкоторые изъ нихъ первоначально писаны для Исаакіевскаго собора въ Петербургѣ.

Въ задней части храма, за алтаремъ, устроена въ 1842 году церковь во имя преподобнаго Сергія; въ ней совершаются раннія литургіи.

Въ ризницѣ Николаевскаго собора сохраняются слѣдующія достопримѣчательности: 1) древняя плащаница изъ матеріи лазуреваго цвѣта. На ней изображено положеніе во гробъ Іисуса Христа. Лица, окружающія Спасителя, шиты шелкомъ, серебромъ и золотомъ. Греческія слова между этими лицами, поверхъ и внизу ихъ,

вышиты серебромъ, а греческій тропарь, расположенный вокругъ всей плащаницы — золотомъ; четвероконечный крестикъ, съ четырьмя серебряными лучами, обозначающій начало тропаря, вышитъ также золотомъ. Вся плащаница девять вершковъ длины и пятнадцать ширины; обложена нынѣ малиновымъ бархатомъ, кругомъ и по краямъ узкимъ половинчатымъ золотымъ гасомъ, съ золотою бахромою и четырьмя такими же кисточками; по угламъ вышиты золотомъ ангелы; подкладка изъ бѣлой тафты. Кругомъ плащаницы помѣщенъ на греческомъ языкѣ воскресный тропарь, который поется послѣ непорочныхъ. (Ангельскій соборъ удивися... *Των αγγελων ο δημος καταλλαγη...*). Въ срединѣ плащаницы встрѣчаются слѣдующія надписи на греческомъ языкѣ: *ο ελιταριος θρινος* (надгробное рыданіе); *μνησθητι Κυριε...* (Помяни Господи душу раба твоего Ману(ила) іерея грѣшнаго... 2) Старинный изъ дерева шестиконечный крестъ, обложенный позолоченнымъ серебромъ и мѣстами — листовою мѣдью. Въ срединѣ его, въ кругѣ, распятіе, а въ прочихъ мѣстахъ усажены натуральные и искусственные камни. Подъ хрустальнымъ камнемъ вложена частица Животворящаго древа Креста Господня и частицы мощей святыхъ, перечисленныхъ въ надписи на противоположной сторонѣ креста. На немъ надпись: „Въ лѣто 7003 индикта 3 милостію Божію и Пречистое Его матери, силою Честнаго и Животворящаго Креста, повелѣніемъ раба Божія Александра Васильевича, окольного Смоленскаго, скованъ бысть сій крестъ и исполненъ мощій святыхъ и положенъ въ церкви св. великомученика Георгія у Лазковичохъ для своего душевнаго спасенія и на память родителемъ его“. Этотъ крестъ сперва хранился въ Жировицахъ, а затѣмъ перенесенъ въ Вильну, въ Николаевскій соборъ, вмѣстѣ съ переводомъ изъ Жировиць архіерейской кафедрѣ. 3) Старинный изъ чернаго дерева восьмиконечный крестъ, съ вырѣзаннымъ изображеніемъ распятія, праздниковъ и нѣкоторыхъ святыхъ; по краямъ обложенъ позолоченнымъ серебромъ съ слѣдующею надписью: „Сей честный крестъ сотвори и окова Іоаронъ воевода, Божьею милостію Господарь земли Молдавской. Сіе серебро, еже плѣниша нѣкіа разбойника отъ Кипріанскаго монастыря. Паки мы дадохомъ я тамо въ тоя жь обитель быти господарству ми память. Въ лѣто 7102 мѣсяца марта 28 день“. 4) Древній саккосъ (табл. XIX), шитый по малиновому бархату сребро-позлащенной битью, которою изображены разнаго рода цвѣты и фигуры, а также двѣнадцать Господскихъ и Богородичныхъ праздниковъ въ лицахъ и съ надписями. 5) Древній саккосъ (табл. XX) такого же дѣла какъ и первый.

Женскій православный монастырь.

Женскій Маріинскій монастырь (табл. XVII, рис. 2, монастырь виденъ на горѣ) занимаетъ самое возвышенное и живописное мѣстоположеніе между святынями г. Вильны. Онъ находится на улицѣ Роса и съ трехъ сторонъ окруженъ роскошнымъ садомъ. Помѣщается монастырь въ зданіяхъ б. латинскаго женскаго монастыря Визитокъ (съ 1865 г.). Храмъ этого монастыря, пришедшій было въ значительный упадокъ, обновленъ; въ немъ устроенъ иконостасъ и престоль въ честь св. Маріи Магдалины. Освященіе храма совершено 31 дек. 1871 года. При монастырѣ устроено училище

для бѣдныхъ и сиротъ литовской епархіи. Храмъ въ высшей степени благолѣпенъ, а церковныя службы въ немъ и пѣніе отличаются особеннымъ благоговѣніемъ и молитвеннымъ настроеніемъ.

Упомянемъ еще и о слѣдующихъ церквахъ города Вильны.

Благовѣщенская церковь.

Она находится на улицѣ того же имени. На мѣстѣ этой церкви въ XVI столѣтіи существовалъ костель во имя Святой Троицы, приписной къ сосѣднему Доминиканскому монастырю, и при немъ госпиталь. Въ 1799 году госпиталь закрытъ, а фундуши его перешли къ госпиталю св. Іакова; костель былъ также въ скоромъ времени упраздненъ. Въ 1821 году въ этомъ зданіи устроенъ былъ госпиталь, а костель передѣланъ въ церковь специально для литовскаго почтамта, помѣщавшагося почти насупротивъ этой церкви, въ собственномъ домѣ. Въ 1838 году она обращена была въ церковь военнаго вѣдомства, каковое назначеніе сохраняетъ и теперь.

Михайловская госпитальная церковь.

При военномъ госпиталѣ, находящемся на Антоколѣ, въ такъ называемыхъ посапѣжинскихъ зданіяхъ, существуетъ церковь во имя Архангела Михаила, передѣланная въ шестидесятыхъ годахъ изъ костела. Освященіе этой церкви происходило 8 ноября 1865 года, когда бываетъ и храмовой праздникъ этой церкви. Въ 1866 году при этой церкви устроена и освящена домовая, теплая церковь во имя Страстей Христовыхъ.

Александро-Невская церковь во дворцѣ.

Во дворцѣ генераль-губернатора находится домовая церковь во имя св. Александра Невскаго, устроенная въ 1819 году. Церковь эта заслуживаетъ вниманія по своему иконостасу, который по Высочайшему указу былъ доставленъ изъ Петербурга; иконостасъ этотъ содѣлывалъ императору Александру I во всѣхъ походахъ 1812—1816 годовъ.

Кирилло-Меѳодіевская церковь виленскихъ учебныхъ заведеній М. Н. П.

Заботами и усердіемъ попечителя виленскаго учебнаго округа Н. А. Сергіевскаго устроена въ 1875 году домовая церковь въ зданіи первой виленской мужской гимназіи, предназначенная служить домомъ молитвы для всѣхъ учебныхъ заведеній города Вильны. Престоль освященъ въ ней въ честь св. просвѣтителей славянъ Кирилла и Меѳодія. Кромѣ того, 23 ноября 1880 года, освященъ въ ней приделъ во имя св. Александра Невскаго, въ память избавленія покойнаго государя императора Александра II отъ опасности 2 апрѣля 1879 года. Церковь эта внутри отдѣлана весьма изящно.

Церковь Маріинскаго высшаго женскаго училища.

Церковь эта устроена въ одной изъ обширныхъ залъ громаднаго зданія, бывшаго нѣкогда коллегіей піаровъ, а затѣмъ виленскимъ дворянскимъ институтомъ. Иконостасъ этой церкви, прекрасной италіанской живописи, принадлежалъ церкви Аракчеевскаго кадетскаго корпуса, а по упраздненіи послѣдняго, пожертвованъ въ эту церковь. Въ алтарѣ, на горнемъ мѣстѣ, помѣщена икона Воскресенія Христова, мастерское произведеніе кисти извѣстнаго художника Зичи. Престоль въ этой церкви освященъ 5 сентября 1871 года во имя св. равноапостольной Маріи Магдалины.

Покровскія церкви.

Въ зданіи женскаго духовнаго училища, въ которомъ нѣкогда находился монастырь кармелитовъ, устроена церковь въ честь Покрова Пресвятой Богородицы.

Покровская церковь при воспитательномъ домѣ Иисуса-Младенца. Устроена въ 1859 году; находится на Сиротской улицѣ.

Крестовая церковь.

Въ архіерейскомъ домѣ, подлѣ кафедральнаго собора, устроена и 11 сентября 1860 г. освящена небольшая домовая церковь во имя св. Іосифа Обручника, который былъ ангеломъ приснопамятнаго Литовскаго владыки Іосифа.

Кладбищенская церковь.

На православномъ кладбищѣ, живописно раскинутомъ на высокихъ холмахъ за городомъ, по людскому тракту, устроена въ 1838 году купцомъ Тимоѣемъ Зайцевымъ церковь въ память преподобной Евфросиніи, княжны Полоцкой. Церковь эта приписана къ кафедральному Николаевскому собору, причтъ которой завѣдываетъ и кладбищемъ.

Скорбященская тюремная церковь.

На берегу Виліи, въ бывшемъ прекрасномъ замкѣ Слушковъ, обращенномъ въ настоящее время въ тюрьму, въ 1870 году устроена церковь во имя Богородицы, Всѣхъ скорбящихъ Радости. Она имѣетъ своего священника и псаломщика.

Лукишская тюремная церковь.

Устроена въ честь святыхъ мучениковъ Виленскихъ: Антонія, Іоанна и Евстафія.

Тринопольская домовая церковь.

Устроена въ 1849 году во имя св. Іосифа Обручника.

Загородная кладбищенская въ Тринополѣ.

Тамъ же, въ Тринополѣ, устроена въ 1851 году церковь и освящена 12 августа, въ честь Успенія Божіей Матери. Иконостасъ для нея взятъ старый изъ св. Троицкаго монастыря.

Церковь въ Звѣринцѣ.

Въ такъ называемомъ Звѣринцѣ, насупротивъ Закрета, выстроена на средства генераль-губернатора Потапова небольшая церковь. Она освящена 3 августа 1871 года во имя св. великомученицы Екатерины. Приписана къ дворцовой церкви.

Церковь въ лагерѣ.

Въ 1882 году выстроена въ лагерѣ за Виліей деревянная церковь, во имя св. апостоловъ Петра и Павла.

Церковь въ юнкерскомъ училищѣ.

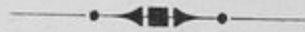
Устроена въ 1880 году. Престоль освященъ 21 марта 1881 года въ честь св. безсребрениковъ Козьмы и Даміана.

Военно-походная церковь.

Временно устроена во имя св. Александра Невскаго, въ Рафаиловскихъ казармахъ, за Зеленымъ мостомъ, на Снипишкахъ.

Церковь въ Игнатьевскихъ казармахъ.

Престоль въ ней освященъ въ честь св. апостоловъ Петра и Павла.

Ковчегъ Асторгскаго собора.

Барона I. де Бай.

Асторга (*Asturica Augusta, Asturea, Asturgia*)¹⁾ — городъ сѣверной Испаніи, по сосѣдству съ Кантабрійскими Пириньями. Она принадлежала въ 560 году царству Свевовъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя въ 456 г. Теодорихъ II отнялъ у свевскаго царя Рихіара²⁾ большую часть Испаніи, послѣ побѣды при Асторгѣ, которая такимъ образомъ сыграла видную роль въ борьбѣ между Свевами и Вестготами, — но сама Асторга осталась еще во власти Свевовъ, которые подъ державой Германриха владѣли въ Галиціи царствомъ, сведеннымъ въ 456 году въ тѣсныя границы Дура и океана. Эта маленькая монархія продолжала свое темное существованіе до 585 года, когда король вестготскій присоединилъ ее къ своему царству. Но кантабры признали власть готскихъ завоевателей лишь въ царствованіе Свинтилы³⁾. Его современникъ, Исидоръ Севильскій, прямо говоритъ, что онъ былъ первымъ готскимъ государемъ, подчинившимъ весь испанскій материкъ своему господству: *Totius Spaniae, intra Oceani fretum, monarchiam regni primus potitus, quod nulli retro principium est conlatum*⁴⁾.

Мы знаемъ, что перегородчатая отдѣлка золота камнями (*orfèvrerie à incrustations de pierreries cloisonnées*) была принесена въ Испанію Вестготами и была тамъ въ чести въ продолженіе двухъ съ половиною вѣковъ (456—711). Обѣтные вѣнцы, найденные въ окрестностяхъ Толедо, служатъ тому свидѣтельствомъ. Въ числѣ тѣхъ, что хранятся въ Парижѣ⁵⁾, одинъ датированъ своею надписью съ именемъ Реккесвинта⁶⁾. Въ Мадридѣ, въ *Armeria Real*, хранятся другіе такіе вѣнцы, и въ числѣ ихъ вѣнецъ короля Свинтилы⁷⁾, котораго мы только что назвали, какъ присоединившаго Асторгу и остальную Галицію къ своей державѣ. Итакъ, всѣ эти вѣнцы при-

1) *ASTORICA* на монетахъ Свинтилы; *ASTVRIE* на монетахъ Хиндасвинты.

2) Иорданъ, *Исторія Готовъ*, XIV, въ концѣ. — Эдрихъ, преемникъ Теодориха, подчиняетъ всю Испанію (462—467), кромѣ Галиціи, занятой Свевами.

3) 621—631.

4) *Isidori chronicon* (era aogusti sexcentesima quinquagesima nona). — Hugo Grotius, *Historia Gothorum, Prolegomena*, p. 50.

5) Музей Клюни.

6) Реккесвинтъ правилъ съ 649 по 672 годъ. Надпись гласитъ: *RECCESVINTHVS REX OFFERET*.

7) Свинтила правилъ съ 621 по 631 годъ.

надлежать VII вѣку. Намъ нѣтъ здѣсь времени ни описывать, ни отмѣчать въ общихъ чертахъ слѣды искусства, которое не было латино-византійскимъ, какъ побѣдоносно доказалъ графъ Ф. де Ластейри⁸⁾, но первыя проявленія котораго слѣдуетъ искать, какъ мнѣ уже случалось говорить и писать, въ вашей странѣ, мм. гг., которая является Востокомъ для насъ. Азіи, которая является Востокомъ для васъ, принадлежать, безъ сомнѣнія, первоначальныя основы этого искусства. Сѣгодня я имѣю въ виду не ту цѣль, чтобъ говорить вамъ о началѣ въ Европѣ золотыхъ издѣлій, убранныхъ гранатами, ни объ азіатскомъ происхожденіи этого дѣла, — но ту, чтобъ познакомить васъ съ однимъ изъ послѣднихъ его произведеній, указывающимъ на продолжительность этого искусства въ Испаніи послѣ паденія царства Вестготовъ.

Этимъ вступленіемъ я хотѣлъ перенести вашу мысль въ страну западную и указать вамъ, что вкусъ къ готскому восточному золотому дѣлу процвѣталъ тамъ все время царства Вестготовъ въ Испаніи⁹⁾. Этотъ періодъ начинается съ 526 года — годъ смерти Теодориха Великаго и годъ провозглашенія Алариха королемъ у испанскихъ Вестготовъ.

Теперь я хочу познакомить васъ съ памятникомъ, доказывающимъ, что эта характерная техника, что эта мода украшать металлъ шлифованными камнями или стеклами въ загородкахъ, пустила на сѣверѣ Испаніи, въ продолженіе владычества Вестготовъ, столь глубокіе корни, что не пропала и въ началѣ X вѣка. Память Готовъ выражалась не только въ переживаніи ремесленныхъ приемовъ и артистическихъ свѣдѣній, но и въ преданіяхъ, и даже въ алфавитѣ¹⁰⁾. Извѣстно, что испанскіе христіане, избѣгшіе ига невѣрныхъ, хвалились готскимъ происхожденіемъ и что долго въ этой сѣверной части Испаніи знать считалась особенно благородной, такъ какъ здѣсь больше и съ большей чистотой сохранилась кровь древнихъ *los Godos*¹¹⁾.

Въ 711 году арабскіе завоеватели идутъ на Толедо, чтобъ предупредить избраніе новаго короля, и овладѣваютъ этой столицей. Съ тѣхъ поръ могущество Готовъ было потрясено, — сокровища ихъ прячутся въ землю. Такъ объясняется зарытіе тѣхъ вѣнцовъ, о которыхъ мы только что говорили. Съ основаніемъ Овiedo (761 годъ) начинается величіе христіанской Испаніи. Въ VIII и IX вѣкахъ вся сѣверо-восточная Испанія образовала Овiedское царство.

Альфонсъ III, прозванный Великимъ, король астурийскій, наслѣдовалъ въ 866 году своему отцу Ордонью¹²⁾. Это царствованіе прославилось многочисленными побѣдами

⁸⁾ F. de Lasteyrie, *Description du trésor de Guarrazar*, Paris 1860. — *Histoire de l'orfèvrerie*, 2-me édition, p. 72. Paris 1877.

⁹⁾ Вестготы царили въ Испаніи съ 526 по 711 годъ.

¹⁰⁾ „Litterae quin etiam in Hispania Gothicae in publicis, sacris, privatis mansere ad tempora Ferdinandi primi Ferdinandorum, qui Legionis et Castellae rex fuit, tales quales Wulfhila episcopus, Valentis temporibus, Gothis tradiderat“. Hugo Grotius, *Hist. Gothorum*, p. 52.

¹¹⁾ D'Anville, *États formés en Europe après la chute de l'empire romain en Occident*, p. 164, Paris, 1771. — „Neque vero postquam in Hispaniam irrupere Sarraceni periit ibi omne Gothicum nomen, cum eo sanguine se ortum nunc etiam quod potissimum est per Hispaniam nobilitatis praedicet, testimonium origini nominibus quoque praebentibus, sunt enim gothica nomina Ferdinandi, Frederici, Roderici, Hermanni aliaque id genus“. Hugo Grotius, *Hist. Gothorum*, p. 52.

¹²⁾ Король Ордонью возстановилъ городъ Асторгу, опустошенную Альфонсомъ Баталкомъ. Послѣдній былъ зятемъ Пелагіи и вель родъ отъ королей Леувигильда и Рекареда. — Альфонсъ III царствовалъ

надъ Маврами¹³⁾ и присоединеніемъ королевства Леонскаго и нѣсколькихъ другихъ областей.

Этимъ государемъ былъ пожертвованъ въ Асторгскій соборъ ковчегъ, фотографіи съ коего я здѣсь имѣю честь представить вамъ (см. таблицу XXIX)¹⁴⁾. Этотъ ларець¹⁵⁾, деревянный, покрытый листовымъ золоченымъ серебромъ, носитъ на крышкѣ слѣдующую надпись:

+ ADEFONSVS. REX.

+ SCEMENA REGINA.

Буквы выпуклыя, героуссѣ; квадратная форма буквъ С и G характерна для палеографіи конца IX вѣка.

Пергаментъ, гораздо менѣе древній, чѣмъ самый ковчегъ, лежалъ въ немъ вмѣстѣ со святынею. На немъ написано: S.S. M̄ys Didoro y Deodato, Regalo de Alphonso III el magno y Echemena, Reyes de Leon ano 866 à 910. Въ 910 году Альфонсъ, побѣжденный собственнымъ сыномъ, Гарціей, былъ принужденъ отречься въ его пользу отъ престола. Онъ умеръ въ 912 году; королева Химена пережила его немногимъ, и оба были похоронены въ Асторгѣ¹⁶⁾. Итакъ дата ковчега вполне установлена: онъ принадлежитъ концу IX или первымъ годамъ X вѣка¹⁷⁾.

Разсматривая это произведеніе искусства въ его цѣломъ, мы невольно обратимъ вниманіе на его варварскій характеръ. Украшеніе изъ выпуклаго серебра (героуссѣ) обличаетъ неумѣніе изображать лица и животныхъ; стиль этой работы плохъ. Но остальное, или скорѣй дополненіе къ этому украшенію, заслуживаетъ особаго вниманія: это — припаянный уборъ, покрытый плоско отшлифованными камнями или стеклами, расположенными въ перегородкахъ, гдѣ гранатно-красный цвѣтъ сочетается съ голубымъ и оливково-зеленымъ. Эта техника, нѣкоторымъ образомъ, характеризуетъ ковчегъ, ибо она встрѣчается лишь въ странахъ, куда проникли Варвары*). Просіявъ яркимъ блескомъ во время господства Вестготовъ, техника эта остается затѣмъ переживаніемъ ихъ національнаго вкуса. Въ самомъ дѣлѣ, ничему не суждено было замѣнить собой первоначальныя артистическія знанія Варваровъ, пока преемники ихъ на почвѣ Испаніи не вступили на новый путь.

въ Галиціи при жизни отца, какъ многіе принцы и до, и послѣ него, при чемъ они носили имя короля въ этой провинціи прежде вступленія на тронъ въ Астуріяхъ и въ Леонѣ.

¹³⁾ Альфонсъ прогрессивно расширилъ свое господство, и Коимбра, которую мавры хотѣли обезпечить за собою, была отнята у нихъ. Арабское войско, двинувшееся изъ Кордовы и угрожавшее Леону и Асторгѣ, было разбито на рѣкѣ Urbictus, или Орбега. Нынешняя Tierra de Campos, на обонхъ берегахъ Дуро, называется у старинныхъ писателей Campi Gothorum.

¹⁴⁾ Я обязанъ этими фотографіями любезности г. Aureliano de Beruete, члену комитета Исторической Выставки, устроенной въ Мадридѣ въ 1892 г., по случаю 400-лѣтія открытія Америки.

¹⁵⁾ Ширина ларца 0,30 м., высота 0,17 м. Онъ только упомянутъ въ Bosquejo de la Exposición Historico-Europea, Мадридъ 1892, стр. 27, № 52 по каталогу, и маркизомъ Файолемъ (de Fayolles) въ его *Coup d'oeil sur l'Exposition rétrospective de Madrid* въ *Bulletin monumental*, 1893, № 3, p. 207.

¹⁶⁾ P. F. Henrique Florez, *Memorias de las Reynes catholicas*, tercera edicion, t. I, p. 79. Madrid 1740.

¹⁷⁾ Асторгскій ковчегъ упоминается въ сочиненіи: *Viage de Ambrosio de Morales, etc. Dale a luz te Rmo Henrique Florez*, p. 175. Madrid 1765.

*) Подъ „Варварами“ у французскихъ писателей разумѣются именно — варвары, разрушившіе Зап. Римскую Имперію; подъ „варварскимъ“ искусствомъ — искусство этихъ народовъ. *Примѣч. редакціи.*

Верхняя часть ларца образует усѣченную пирамиду и состоитъ изъ пяти частей, изъ коихъ четыре сильно наклонны, а пятая, горизонтальная, образуетъ верхъ крышки. Здѣсь помѣщаются, приведенныя уже нами, имена жертвователей, раздѣляемая стоящимъ агнцемъ; его голова, безъ нимба¹⁸⁾, повернута къ равноконечному кресту раструбомъ (la croix gresque) носимому на древкѣ. Мы видимъ, какъ плоха пластика этого изображенія и какъ непропорціонально удлиненіе тѣла. Этотъ образъ Мессіи сопровождается словами: AGNVS DEI.

Въ 692 г., при императорѣ Юстиніанѣ II, Константинопольскій соборъ постановилъ изображать Спасителя въ человѣческомъ видѣ, болѣе приличномъ чѣмъ видъ агнца. Но позднѣе Христосъ опять изображается въ Своемъ символѣ, о чемъ свидѣлствуютъ мозаики, заказанныя папой Пасхалиемъ I (817 — 824) для церквей: св. Праксиды и св. Цециліи. Итакъ, вотъ IX вѣкъ, почти та эпоха, когда былъ сдѣланъ асторгскій ковчегъ.

На задней сторонѣ крышки древняя металлическая подкладка снята и замѣнена картушью XVIII в. съ именами свв. мучениковъ Діодоро и Деодато. Нѣкогда это мѣсто, безъ сомнѣнія, занято было именами и эмблемами евангелистовъ Марка и Матѳея.

Наклонная передняя часть крышки сохранила свою древнюю обкладку, изображающую быка со словомъ LVCAS и орла со словомъ IOHAN. Этотъ орелъ имѣетъ видъ голубя; туловище, покрытое перьями, изображенными въ видѣ чешуи, оканчивается рыбимъ хвостомъ. Крылья, похожія на пальмовыя вѣтви, выходятъ отъ шеи быка и орла, наполняя пространство между этими изображеніями и надписями. Боковыя стороны, правая и лѣвая, заняты фигурами ангеловъ, развернутыя крылья которыхъ велики несоразмѣрно съ тѣломъ. На лѣво подписано: ANGELVS, а на право — GABRIEL.

Передняя и двѣ боковыя стороны ларца убраны такимъ же образомъ. Въ протяженіи длины, онѣ раздѣляются на два ряда, равной вышины, по обѣ стороны отверстія ларца. Въ каждомъ ряду по двѣнадцати арокъ съ полукруглымъ верхомъ. Верхній рядъ составляетъ одно съ крышкою. Уборъ замочной скважины прибавленъ въ новое время¹⁹⁾. Уборъ этой передней стѣнки и стѣнокъ боковыхъ состоитъ изъ двухъ полосъ листового серебра съ выпукло вытѣсненнымъ рисункомъ (geroussé). Вверху горизонтально чередуются оттиски двухъ различныхъ формъ, дающихъ шесть грубыхъ рисунковъ растений. Въ нижнемъ ряду шесть ангеловъ, не менѣе грубыхъ, слѣдуютъ другъ за другомъ на равныхъ промежуткахъ. Ихъ изображенія получены тѣмъ же способомъ. У всѣхъ одна рука поднята и направлена къ серединѣ полосы. Несовершенство пластики замѣчается здѣсь еще болѣе, и безобразіе лицъ чрезвычайно напоминаетъ нѣкоторые монетные типы XI вѣка.

Каждое изъ вышеописанныхъ изображеній, вытѣсненныхъ на обѣихъ полосахъ — вверху и внизу отверстія ларца — осянено аркой, обронно припаянной на полосу. Эти полукруглыя арки и пилястры, на которыхъ онѣ покоятся, образованы двумя

¹⁸⁾ Отсутствие нимба вокругъ главы божественнаго агнца есть вообще признакъ древности.

¹⁹⁾ Безъ сомнѣнія одновременно съ картушью, помѣщенной на той сторонѣ крышки, гдѣ не сохранилась древняя окладка.

толстыми серебряными проволоками, подражающими ниткѣ бусъ и очерчивающими это архитектурное украшеніе. Между этими двумя рядами скани находятся, припаянныя, какъ и скань, загородки, которыми образуются различные рисунки и переплетаются плоско отшлифованные каменья и стекла красныя и зеленыя. Пилястры — уже, чѣмъ поддерживаемыя ими арки, и убраны вдоль высоты тремя ячейками, одна надъ другой — ромбъ между квадратомъ и кругомъ. Исключеніе видно въ среднемъ пилястрѣ, закрытомъ отчасти скважиной замка: этотъ пилястръ убранъ сердечками, другъ надъ другомъ, — украшеніе довольно частое въ уборахъ варваровъ.

Въ верхнемъ ряду, въ шести полуокружностяхъ, перегородка между вставленными каменьями или стекломъ идетъ ломанной линіей.

Чтобъ заполнить треугольники между полукружьями, надъ пилястрами, употребленъ уборъ въ родѣ цвѣтковъ, въ нѣсколько лепестковъ-ячеекъ съ тѣми же каменьями или стеклами. Въ нижнемъ ряду цвѣтки и уборъ арокъ — иные, чѣмъ въ верхнемъ. Треугольники, украшающіе стоймя верхъ крышки ковчега и ясно видныя на таблицѣ, также убраны плоско сглаженными разноцвѣтными стеклами или каменьями. Изъ этихъ треугольниковъ сохранилась лишь часть. Вообще употребленіе перегородчатыхъ ячеекъ съ каменьями и стеклами, такимъ образомъ, очень значительно въ убранствѣ стѣнокъ ковчега.

Низъ ларца также интересенъ. На дерево набить серебряный листъ, пробитый, не извѣстно когда, четырьмя дырами, откуда выходили ножки. На этомъ листѣ вытѣсненъ (au geroussé) равноконечный крестъ. На обоихъ крылахъ креста нѣчто въ родѣ цвѣтка, отъ котораго спускается цѣпочка, кончающаяся: слѣва — альфой, а справа — омегой. По нѣкоторымъ писателямъ, A и Ω были приняты православными какъ знакъ общенія, въ странахъ, гдѣ царил аріанская ересь²⁰). Краусъ замѣчаетъ, что изъ двухсотъ восьмидесяти восьми христіанскихъ надписей, собранныхъ въ Испаніи Губнеромъ²¹), только въ сорока трехъ встрѣчаются A и Ω ²²). Ле-Бланъ отказывается видѣть въ A и Ω испанскихъ мраморовъ признакъ православія; онъ ставитъ на видъ, что на монетахъ Констанція, одного изъ покровителей аріанства, стоитъ этотъ символъ²³).

Я думалъ, мм. гг., что асторгскій ковчегъ въ нѣсколькихъ отношеніяхъ заслуживалъ вашего вниманія. Простите мнѣ нескромность, по которой я хотѣлъ раздѣлить съ вами интересъ, внушаемый имъ мнѣ, и смѣлость, съ какою я повелъ вашу мысль въ столь далекія страны.

Вы увидите, по крайней мѣрѣ, въ этомъ сообщеніи доказательство тому, что память о вашей странѣ и желаніе придавать матеріалъ вашимъ занятіямъ не покидало меня и тогда, когда, въ прошломъ году, мнѣ пришлось отдалиться отъ славянской почвы, чтобъ посѣтить послѣднюю стоянку Вестготовъ.

²⁰) *Revue de l'art chrétien*, январь 1883 года.

²¹) Häbner, *Inscriptones Hispaniae christianae*. Berlin 1871.

²²) Kraus, *Real Encycil.*, p. 61.

²³) E. Le Blanc, *Journal des Savants*, p. 360, июнь 1873.

Дьяково-городище, близъ Москвы.

В. И. Сизова.

Дьяково-городище находится въ 7—8 верстахъ отъ Москвы, на югъ, по теченію Москвы-рѣки, на ея правомъ, крутомъ берегу, и представляетъ формой своей высокій пирамидальный холмъ, высотой до 24 сажени надъ уровнемъ рѣки. Усѣченная вершина этой пирамиды, приближаясь формой къ треугольнику, обозначается по краямъ еще сохранившимся валомъ. Основаніе треугольника обращено на югъ, а вершина на сѣверной сторонѣ приходится по всходу, сохранившему весьма плохо свою первоначальную форму — его уступы сливаются постепенно съ прибрежной луговой низиной Москвы-рѣки, — низиной, занятой большею частью огородами. Стоя на этомъ городищѣ, легко замѣтить, что наиболѣе сильная сторона городища — фронтъ — обращена на югъ; съ этой южной стороны, а также и съ западной крутымъ и глубокимъ оврагомъ городище отдѣляется отъ сосѣднихъ высокихъ береговъ рѣки, представляя собою какъ бы оторванную часть ихъ, превышающую въ высотѣ эти берега только высоту своего культурнаго наслоенія, т.-е. около двухъ сажени. За оврагомъ, противъ западной стороны городища лежитъ село Дьяково, давшее свое имя и самому городищу. Въ народѣ однако это городище слыветъ также и „Чортовымъ“; послѣднее названіе, намъ кажется, выражаетъ древнее народное воззрѣніе на языческой и инородческой характеръ этого городища¹⁾. Крестьяне с. Дьякова съ давнихъ поръ зимою подкапываются въ глинистыхъ отложеніяхъ, составляющихъ основу городища для добыванія отсюда булыжника. Вслѣдствіе осыпей сверху въ ихъ руки попадаютъ и вещи.

Городище это давно уже привлекало и вниманіе археологовъ. Такъ, лѣтъ 25 назадъ Д. Я. Самоквасовъ производилъ раскопки въ этомъ городищѣ, и вещи, добытыя имъ и отчасти пріобрѣтенныя у мѣстныхъ крестьянъ находятся въ настоящее время въ Историческомъ Музеѣ. Наиболѣе характерныя изъ нихъ изображены на таблицѣ XXVII.

Ю. Д. Филимоновъ въ теченіе мѣсяца также занимался изслѣдованіями въ Дьяко-

¹⁾ „Чортовымъ городищемъ“ называется также оторванная отъ берега Москвы-рѣки глинистая возвышенность, изобилующая „чортовыми пальцами“ — белемнитами и находящаяся по сосѣдству съ Дьяковымъ городищемъ. Такъ какъ эта возвышенность не имѣетъ никакихъ признаковъ городища, то и названіе Чортова городища намъ кажется *позднимъ*, перенесеннымъ съ Дьякова-городища.

вомъ-городищѣ; описаніе его раскопокъ изложено въ его статьѣ, помѣщенной въ Вѣстникъ Общества Древне-русскаго Искусства за 1876 г.

Изъ числа вещей, добытыхъ этими раскопками и хранящихся въ Румянцевскомъ Музеѣ, — очень много найдено заостренныхъ костей отъ реберъ животныхъ; среди издѣлій изъ глины весьма интересны двѣ глиняныя фигуры, напоминающія грубо сдѣланныхъ идоловъ; но особенно интересна рѣзная изъ кости голова кабана со слѣдами бронзовыхъ колечекъ въ ушахъ. Что касается находокъ изразцовъ въ верхнихъ слояхъ, то они, быть можетъ, относясь къ XVII—XVIII в., связываются съ памятью о существованіи здѣсь бесѣдки, а быть можетъ и постройки съ печью; близость къ извѣстному с. Коломенскому этого городища дѣлаетъ правдоподобной такую память¹⁾.

Случайное посѣщеніе мною этого городища весной 1889 г. убѣдило меня въ томъ, что оно еще далеко не исчерпано и потому требуетъ дальнѣйшей разработки. Осенью того же года, по порученію Московскаго Археологическаго Общества, я уже приступилъ къ раскопкамъ, которыя возобновились и весной слѣдующаго года. Въ общемъ однако раскопки эти заняли не болѣе 10 дней. Онѣ производились мною при содѣйствіи Н. Н. Харузина, В. Н. Щепкина, А. А. Ивановскаго, П. М. Богаевскаго и г. Куликовскаго.

Раскопки наши были начаты траншеями съ противоположныхъ сторонъ городища; траншеи эти, встрѣчаясь посрединѣ, указали прежде всего на тотъ фактъ, что культурный слой городища не вездѣ былъ одинаковой толщины, а именно: наибольшей толщины онъ достигалъ по окраинамъ и въ особенности на западной окраинѣ, гдѣ толщина культурнаго слоя доходила до 2 сажень; наименьшая толщина встрѣчалась посрединѣ. На основаніи этихъ измѣреній должно предполагать, что плоскость, или вершина, городища представляла въ своемъ первоначальномъ видѣ не ровную, горизонтальную поверхность, а выпуклую, и только послѣ заселенія городища, благодаря образованію культурнаго слоя, поверхность городища уравнилась.

Разрѣзъ вала указалъ на составъ его изъ чистой глины, взятой, вѣроятно, у подошвы городища и насыпанной по окраинамъ уже на толстомъ культурномъ слоѣ. Такимъ образомъ и насыпка валовъ произошла, какъ можно предполагать, спустя долгое время послѣ первоначальнаго заселенія этого городища, на что и указываетъ толщина слоя подъ валомъ.

Вертикальный разрѣзъ культурнаго слоя въ этой части городища посредствомъ траншеи указалъ не только его глубину, но и составъ наслоеній. Такъ, верхній слой поверхности, глубиною приблизительно до одного аршина, состоялъ изъ чистаго чернозема, гдѣ на полуаршинной глубинѣ уже начинались находки вещей, а иногда и раньше. Особенно много вещей находилось на глубинѣ одного аршина. За этимъ слоемъ слѣдовали слои угля и золы съ пескомъ, гдѣ вещей почти не встрѣчалось, такъ же какъ и въ идущихъ ниже прослойкахъ чистаго бѣлаго песку; въ разрѣзѣ эти прослойки песку представляли волнистую линію, толщиной въ полъ-аршина и даже болѣе. Ниже

1) Геологи: проф. А. П. Павловъ, В. Д. Соколовъ, г. Христофовичъ посѣщали также это городище.

песку шель уже слой бураго, смѣшаннаго съ землей угля съ прослойками золы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Этотъ послѣдній слой лежалъ уже на природномъ глинистомъ грунтѣ и заключалъ въ себѣ вещи и черепки отъ сосудовъ, хотя и не въ большомъ количествѣ, сравнительно съ верхнимъ черноземнымъ слоемъ. Принимая верхней границей этого послѣдняго слоя прослойки чистаго песку, а нижней границей считая поверхность самаго грунта, — можно предположить, что весь этотъ слой, доходившій иногда толщиною до $1\frac{1}{2}$ арш., представляетъ древнѣйшее культурное наслоеніе, оставшееся отъ древнѣйшихъ обитателей Дьякова-городища.

Что же касается до вещей, найденныхъ въ этомъ слоѣ, то онѣ по характеру своему подтверждаютъ высказанное нами предположеніе въ пользу древности нижняго слоя; сравнивая вещи верхнихъ и нижнихъ слоевъ, можно замѣтить при общемъ этнографическомъ или культурномъ сходствѣ ихъ и нѣкоторыя особенности или отличія, происходящія, по всему вѣроятію, отъ промежутка времени между образованіемъ нижнихъ и верхнихъ культурныхъ наслоеній городища. Такъ, въ особенности слѣдуетъ замѣтить, что глиняные черепки отъ сосудовъ, найденные въ нижнемъ слоѣ, украшены единственно сѣтчатымъ орнаментомъ и отличаются красновато-бурымъ цвѣтомъ (№ 1, 2, 3, 4, табл. XXIV); орнаментъ этотъ воспроизведенъ механическимъ путемъ т.-е. чрезъ прижиманіе сѣтки къ стѣнкамъ сосуда, быть можетъ во время самой лѣпки сосуда. Характеръ и однообразіе этого орнамента уже указываютъ на его древность, которую можно смѣло приурочить къ началу металлическаго вѣка. Въ верхнихъ слояхъ хотя этотъ орнаментъ и встрѣчается, но въ незначительномъ количествѣ, а потому не можетъ служить характернымъ признакомъ верхнихъ слоевъ: наоборотъ, для верхнихъ слоевъ является характернымъ большое разнообразіе орнаментовъ и разнообразіе размѣровъ и формы сосудовъ, что можно замѣтить на таблицахъ XXIV и XXV.

Кромѣ черепковъ, можно отмѣтить еще нѣкоторыя изъ вещей, найденныхъ въ томъ же слоѣ вмѣстѣ съ черепками, а именно: желѣзныя стрѣлки (№ 4, 5, 6, т. XXVIII), плоскія съ плоскимъ стержнемъ для насадки на древко, весьма рѣзко удержавшія форму кремневыхъ стрѣлокъ, что и даетъ несомнѣнное право отнести ихъ къ началу металлическаго вѣка, т.-е. къ переходнымъ формамъ. Еще два предмета, найденные близко къ грунту и изображенные на т. XXIII, не противорѣчатъ, какъ намъ кажется, указанной нами древности слоя. Назначенія этихъ предметовъ мы, къ сожалѣнію, не беремся объяснить.

Указанными предметами мы и ограничиваемъ тотъ археологическій матеріалъ, который былъ найденъ въ самомъ нижнемъ слоѣ, лежащемъ непосредственно уже на самомъ глинистомъ грунтѣ городища и который несомнѣнно должно отнести къ древнѣйшему культурному наслоенію городища.

Весь этотъ матеріалъ, какъ было уже указано, найденъ исключительно въ западной траншеѣ, сохранившей въ совершенной цѣльности нараставшіе постепенно культурные слои; въ другихъ траншеяхъ городища слои не представляютъ такой опредѣленности, а въ иныхъ мѣстахъ, какъ напр. на сѣверной сторонѣ, у входа, слои сильно потревожены и спутаны; однако и въ найденныхъ здѣсь нѣкоторыхъ вещахъ безспорно можно замѣтить слѣды архаизма. Выдѣливъ такимъ образомъ, наи-

болѣе древнія вещи, принадлежащія несомнѣнно древнѣйшему слою, мы приступимъ теперь къ описанію остальныхъ находокъ городища, группируя ихъ уже не по слоямъ, а по тому матеріалу, изъ котораго онѣ изготовлены и который самъ по себѣ уже выражаетъ характеръ культуры древнихъ обитателей этого мѣста.

Среди массы добытыхъ вещей, рисующихъ довольно полную картину быта, нельзя не замѣтить въ значительной степени преобладающаго количества разнаго рода подѣлокъ изъ костей животныхъ, что и составляетъ, по нашему мнѣнію, прежде всего главную характерную черту изслѣдованнаго городища и даетъ право искать аналогію этого факта съ другими подобными фактами въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, не ограничивая однако въ данномъ случаѣ этой аналогіи однимъ количествомъ, а сравнивая также и самый характеръ костяныхъ издѣлій.

На первой таблицѣ, приложенной къ настоящей статьѣ (т. XXI) изображены заостренныя и иногда просверленныя ребра животныхъ, найденныя въ огромномъ количествѣ — находки этого рода можно считать сотнями. На таблицѣ можно ясно замѣтить, какъ натуральное закругленіе реберной кости предназначалось для рукояти, а противоположный конецъ стачивался въ остріе различнаго вида: въ однихъ случаяхъ кость сводилась къ острію ровно и постепенно, какъ на изображенныхъ экземплярахъ подъ №№ 7, 8, 9, 11, 12, 17, 18, 19; у другихъ утонченная кость на концѣ срѣзывалась уступомъ наискось, образуя этимъ уступомъ остріе — №№ 1, 3, 6; наконецъ, встрѣчаются кости съ затупленнымъ остріемъ — №№ 2, 16. Это различіе въ устройствѣ острія даетъ достаточный поводъ предполагать, что всѣ эти заостренныя кости служили для разнообразныхъ наколовъ на какой-либо мягкой поверхности, какъ напр. на поверхности необожженнаго изъ глины сосуда или горшка. Предположеніе это мы считаемъ тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что количество черепковъ и сосудиковъ указываетъ на большое гончарное производство въ городищѣ, а разнообразіе орнаментовъ предполагаетъ существованіе разнаго рода заостренныхъ орудій для ихъ производства. Напомнимъ, въ заключеніе, что изображенныя на первой таблицѣ заостренныя кости представляютъ лишь ничтожную часть всей добычи этого рода.

Переходя затѣмъ къ обзору костяныхъ подѣлокъ, изображенныхъ на таблицѣ XXII, прежде всего приходится обратить вниманіе на большое количество костяныхъ иглъ, обдѣланныхъ изъ мелкихъ прямыхъ косточекъ заостреніемъ одного конца и продѣлкой сверлины на другомъ, широкомъ концѣ (№№ 14—32); при чемъ можно замѣтить, что нѣкоторыя иглы въ своихъ широкихъ и плосковатыхъ концахъ остались еще не просверленными — №№ 16, 18, 28, 32. Такъ же какъ и заостренныя кости, эти иглы найдены въ большомъ количествѣ и также являются характернымъ признакомъ культуры городища.

Къ числу рѣжущихъ и колющихъ орудій можно отнести родъ ножей или неоконченныхъ наконечниковъ копій — изображенія подъ №№ 1, 2 и 33; послѣднее ясно представляетъ отломанный ножъ съ рукояткой, весьма правильно обдѣланной. Первые двѣ вещи могутъ быть и неоконченныя орудія, а рукояти лишь временно служили для удобства обдѣлки наконечника копья.

№ 7 представляетъ родъ долота, заостреннаго съ одной стороны. Подъ № 3

изображено орудіе, имѣющее съ одной стороны форму четырехгранной стрѣлки, а съ другой — плоской лопаточки; намъ кажется вѣроятнымъ, что это орудіе могло служить для производства наколовъ и черточекъ на поверхности сосудовъ: орнаментъ на граняхъ указываетъ на служебное назначеніе только острія; пригомъ же на стрѣлкахъ орнаментъ обыкновенно не встрѣчается. Костяной крюкъ, (№ 8), могъ служить для наматыванія леси¹⁾. Трехгранное остріе съ сверлиной (№ 9), напоминая челнокъ для ткацкаго станка, быть можетъ служилъ для вязанья рыболовныхъ сѣтей, такъ же какъ и кость съ четырьмя зубьями, изъ которыхъ сохранился одинъ (№ 13). Впрочемъ, мы не настаиваемъ на нашемъ объясненіи назначенія этихъ предметовъ. Подѣлки изъ кости, вѣроятно неоконченныя, изображенныя на таблицѣ подъ №№ 36, 37, 39, представляютъ намъ способы обработки костяныхъ предметовъ несомнѣнно желѣзнымъ орудіемъ, такъ какъ срѣзы опредѣленны и значительны.

На таблицѣ XXIII слѣдуетъ обратить вниманіе на три костяныя стрѣлки (№№ 2, 3, 4), весьма часто встрѣчаемыя въ городищахъ сѣверо-восточной Россіи. № 6 изображаетъ гарпунъ для багренія рыбы съ зарубкой на концѣ, вѣроятно, для укрѣпленія къ древку. Подъ № 7 изображено костяное орудіе въ родѣ ножа, служившее быть можетъ для обработки шкуръ животныхъ. Небольшой предметъ въ формѣ коромысла съ перехватами (№ 8) остается для насъ загадочнымъ, хотя онъ и встрѣчается въ другихъ городищахъ сѣверо-восточной Россіи²⁾. Весьма рѣдкимъ предметомъ можно считать рукоятку отъ меча или кинжала, весьма хорошо обработанную, съ цилиндрическимъ утолщеніемъ на одномъ концѣ и съ остатками желѣзнаго клинка на другомъ (№ 5); это утолщеніе представляетъ архаическую форму, уцѣлѣвшую отъ добныхъ рукоятокъ бронзоваго вѣка. Костяное перекрестіе (№ 9), по всему вѣроятію отъ меча, не принадлежащее однако упомянутой рукояткѣ и найденное вдали отъ нея, указываетъ на употребленіе мечей въ изслѣдованномъ городищѣ, удержавшихъ при этомъ архаическую форму, выраженную въ наклонѣ внизъ концовъ перекрестія³⁾. Наконецъ, весьма рѣдкой находкой можно считать рѣзное изъ кости изображеніе звѣря (№ 1), весьма характерное по стилю и способу самой обработки для изображеній этого рода, встрѣчаемыхъ въ сѣверо-восточной Россіи и Сибири. Способъ обработки является оригинальнымъ въ томъ смыслѣ, что мастеръ очевидно принаравливался къ размѣрамъ кости и достигъ обозначенія частей туловища звѣря посредствомъ полукруглыхъ выемокъ, при чемъ конечность морды, ноги и хвостъ помѣстилъ на одной линіи. Всѣ эти приемы, равно какъ и обработка уха, указываютъ на долговременную привычку и такъ сказать рутинность производства подобнаго рода изображеній. Что касается назначенія этого предмета и названія изображеннаго звѣря,

¹⁾ Подобный крюкъ, но только *двуперый* и съ сверлиной въ утолщенномъ перехватѣ, мы встрѣчаемъ въ коллекціи вещей скифскаго типа изъ раскопокъ г. Зарѣцкаго въ Харьковской губерніи, хранящихся въ Историческомъ музеѣ.

²⁾ Напр. мы встрѣчаемъ подобный предметъ, но большого размѣра, въ коллекціи издѣлій изъ кости, добытыхъ въ Пижмѣ (Вятской губ.) и присланныхъ въ Истор. музей Имп. Археолог. Комиссіей.

³⁾ Наклонныя перекрестія встрѣчаются у бронзовыхъ и желѣзныхъ кинжаловъ, найденныхъ въ Сибири.

то мы не рѣшаемся высказать опредѣленнаго мнѣнія въ данномъ случаѣ: удлиненная морда мѣшаетъ принять эту фигуру за изображеніе медвѣдя; точно такъ же остается для насъ неяснымъ, относился ли этотъ предметъ къ религіозному культу или служилъ дѣтской игрушкой. Замѣтимъ только, что характеръ морды этого звѣря напоминаетъ намъ многія изображенія звѣрей, встрѣчаемыхъ часто въ металлическихъ издѣліяхъ Перми и вообще сѣверо-восточной Сибири¹⁾. Этимъ предметомъ заканчивается серия издѣлій изъ кости, изображенія на нашихъ трехъ таблицахъ. На XXIII таблицѣ подь № 10 изображенъ обдѣланный изъ камня отрѣзокъ, со слѣдами пребыванія въ огнѣ, служившій быть можетъ брускомъ²⁾. № 11 — предметъ изъ камня неизвѣстнаго назначенія и наконецъ, подь № 12 кремневый кельтъ, желтаго цвѣта, представляющій по матеріалу и формѣ архаическій остатокъ временъ каменнаго вѣка. Замѣтимъ здѣсь, что весьма близкіе по формѣ и размѣрамъ предметы мы встрѣчаемъ въ коллекціи каменныхъ орудій изъ Казанской губерніи, находящихся въ Историческомъ Музеѣ.

Окончивъ обзоръ найденныхъ издѣлій изъ кости, какъ наиболѣе характерныхъ предметовъ быта этой мѣстности, намъ слѣдуетъ указать культурную связь или аналогію этого городища съ другими сходными по находкамъ предметамъ мѣстностями Россіи. Въ этомъ отношеніи особаго вниманія заслуживаетъ сравненіе описанныхъ нами предметовъ изъ Дьякова-городища съ костяными издѣліями, найденными г. Спицынымъ въ изслѣдованныхъ имъ Вятскихъ городищахъ такъ наз. „костеносныхъ“. Изображенія наши костяныхъ стрѣлокъ на табл. XXIII №№ 2, 3, 4, а также гарпуга и костяного орудія № 7 находятъ полную аналогію съ изображеніями, помѣщенными на фототипическихъ таблицахъ, приложенныхъ къ сочиненію г. Спицына „Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній Россіи, собранные и изданные Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ“, вып. I. Тамъ мы находимъ типы стрѣлокъ, совершенно подобныя упомянутымъ нашимъ. Заостренныя реберныя кости нашего городища совершенно совпадаютъ съ изображеніями тѣхъ же предметовъ на таблицѣ VI г. Спицына, а именно отъ 1—13. Точно такъ же иглы, изображенныя у насъ на табл. XXII, сходны съ иглами изъ Вятскихъ городищъ, изображенными на таблицѣ VI, хотя послѣднія большаго формата. На табл. XXII подь № 8 изображенный нами рѣзной изъ кости крюкъ съ утолщеніемъ посрединѣ совершенно сходенъ по своему характеру съ крюкомъ № 12 таблицы VI Вятскаго городища. Наконецъ, наше изображеніе загадочнаго звѣря можетъ найти нѣкоторую аналогію съ изображеніемъ звѣриной морды къ сожалѣнію безъ верхней части и ушей, которая помѣщена у Спицына на таблицѣ VIII. Въ этомъ послѣднемъ фрагментѣ сходство выражается въ удлиненности морды, и въ обработкѣ глаза; что изображенная морда не принадлежитъ лосю на это указываетъ фигура № 3 той же таблицы VIII, гдѣ изображеніе лося передано весьма характерно и глазъ имѣетъ овальную форму. Указанное нами сходство въ отдѣльныхъ предметахъ въ данномъ случаѣ получаетъ весьма большое значеніе по количеству однородныхъ и сход-

1) Подобной звѣриной мордой украшено рѣзное остріе изъ кости, добытое въ Пижмѣ и находящееся въ Истор. Музеѣ въ числѣ другихъ костяныхъ издѣлій, присланныхъ Археолог. Комиссіей.

2) Найденъ въ самомъ нижнемъ слое, вмѣстѣ съ желѣзными стрѣлками.

катнымъ. Намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что эти предметы могли служить для ткацкаго станка, разумѣется самаго примитивнаго характера. Всѣ они сдѣланы изъ темной чрезвычайно плотной глины, имѣющей часто мелкія блески кварца.

Окончивъ обзоръ глиняныхъ издѣлій, нельзя не замѣтить, что означенныя издѣлія послѣ костяныхъ, представляютъ наибольшія массы предметовъ, которые такимъ образомъ являются характерными культурными признаками для жителей означеннаго городища, тѣмъ болѣе, что въ этихъ издѣліяхъ, даже при бѣдности художественныхъ мотивовъ, сказывается весьма ясно долговременный техническій навыкъ и привычка пользоваться сподручнымъ матеріаломъ, какъ кость и глина.

Если въ этомъ обзорѣ предметовъ изъ кости и глины замѣчались сходственныя родовыя черты съ мѣстностями сѣверо-восточной Россіи, то обзоръ предметовъ позднѣйшаго производства, изъ бронзы, нисколько не нарушаетъ уже намѣченнаго нами родства. Такъ, на табл. XXVII подъ № 1 находится изображеніе въ натуральную величину массивной литой изъ бронзы пряжки въ формѣ подковы съ пустыми углубленными мѣстами для финифти. Пряжка эта можетъ быть отнесена къ V—VI в., представляя собою рѣдкій экземпляръ такъ наз. „готскаго“ стиля. Подобная пряжка находится въ коллекціи вещей мерянскаго типа изъ Муромъ, хранящихся въ Историческомъ Музеѣ, и въ коллекціи курганныхъ вещей изъ Ярославской губ. Бронзовая гривна, подъ № 2 той же таблицы, представляетъ собою совершенное подобіе гривнѣ, найденныхъ въ Курманскомъ могильникѣ гр. О. А. Уваровымъ. Точно такое же разительное сходство представляетъ и другая небольшая гривна (№ 6), витая, съ однимъ плоскимъ концомъ и сверлиной, — съ подобными предметами, найденными въ томъ же Курманскомъ могильникѣ. Ажурная круглая пряжка (№ 8) и украшеніе съ тремя привѣсками въ формѣ колокольцовъ (№ 7), а также и привѣска подъ № 3 относятся къ общеизвестному и распространенному типу вещей такъ наз. мерянскаго типа, встрѣчаемыхъ обыкновенно въ могильникахъ, или точнѣе — „похоронныхъ поляхъ“, въ сѣверо-восточной Россіи и Сибири, а въ особенности въ могильникахъ Владимирской, Рязанской и Тамбовской губерній. Къ той же категоріи можно отнести и остальные предметы этой таблицы. Такимъ образомъ металлическая поздняя культура, выраженная въ изображенныхъ вещахъ, вся цѣликомъ приходитъ въ близкую родственную связь съ культурой тѣхъ финскихъ народностей, которыя оставили похоронныя поля въ сѣверо-восточной Россіи. Подъ № 4 изображена матрица, или формочка для отливки изъ бронзы привѣсокъ, подобныхъ изображенной подъ № 3. Эта интересная находка указываетъ на тотъ фактъ, что изготовленіе этого рода украшеній происходило въ самомъ городищѣ. Можетъ быть въ связи съ этимъ фактомъ о которыхъ и находка г. Самоквасовымъ въ этомъ городищѣ изогнутыхъ и поломанныхъ бронзовыхъ вещей, какъ-то: гривнѣ браслетовъ, возможно предположить, что эти вещи предназначались для переливки. Слѣдуетъ также вспомнить, что въ городищѣ найдено весьма много тиглей, о чемъ нами и было уже упомянуто.

Наконецъ въ табл. XXVIII изображены желѣзныя вещи. Здѣсь рыболовные крючки (№ 1 и 2) указываютъ на существованіе рыбнаго промысла, также какъ и прежде упомянутый гарпунъ изъ кости или наконечникъ остроги. Удила (подъ № 3) пред-

ДЪЯКОВО ГОРОДИЩЕ.

БИБЛИОТЕКА
ИИИ им. К. С. Станиславского
и Музей в г. Омске

ДЪЯКОВО ГОРОДИЩЕ.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

БИБЛИОТЕКА
ИИ Ии-та Крашадчелов
и Музейной работы

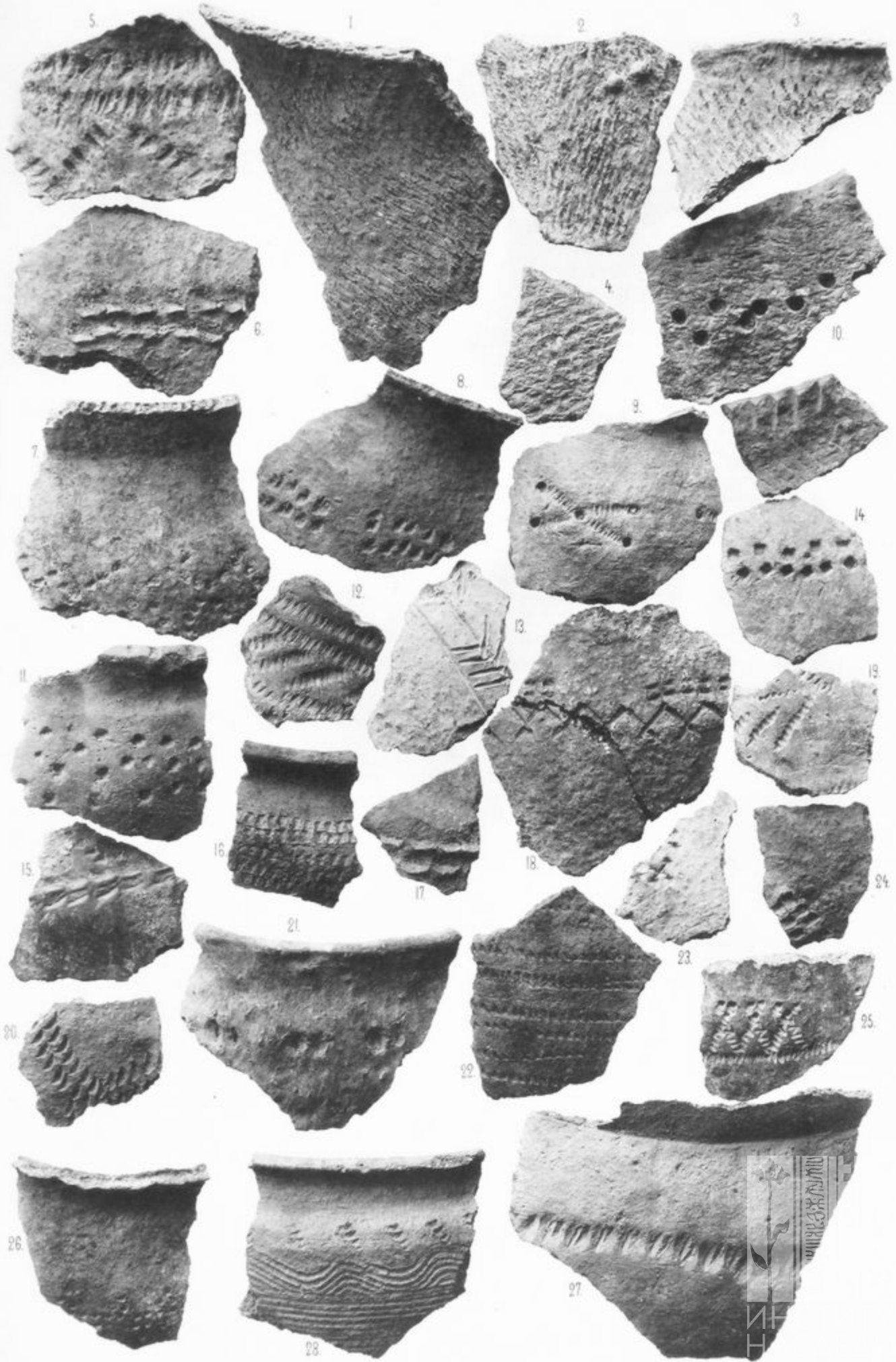

ДЪЯКОВО ГОРОДИЩЕ.

БИБЛИОТЕКА
Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

ДЪЯКОВО ГОРОДИЩЕ.

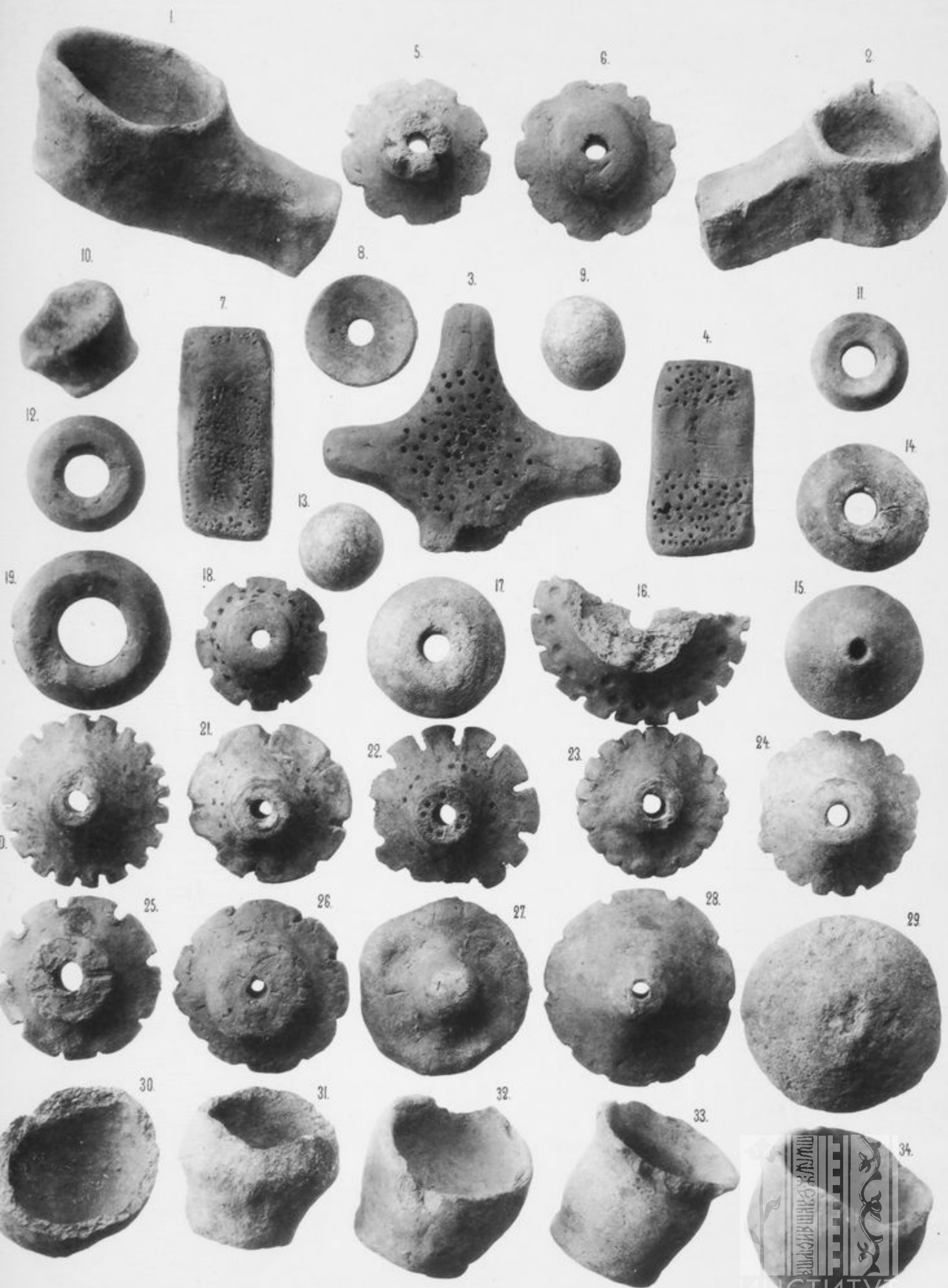
БИБЛИОТЕКА
Ин-та Кристаллической
и Музейной Рентгена

ДЪЯКОВО ГОРОДИЩЕ.

ДЪЯКОВО ГОРОДИЩЕ.

ДЪЯКОВО ГОРОДИЩЕ.

Библиотека
Музея
в г. Ленинград

ДЪЯКОВО ГОРОДИЩЕ.

БИБЛИОТЕКА
Ин-та Криминологии
и Музейной работы

ставляютъ обыкновенную форму удиль, встрѣчаемыхъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Желѣзные наконечники стрѣлъ (№№ 4, 5, 6), по нашему мнѣнію, представляютъ большой интересъ въ томъ смыслѣ, что своей формой напоминаютъ стрѣлки изъ кремня, относящіяся къ исторической эпохѣ; какъ было уже нами сообщено, эти стрѣлки найдены въ самомъ нижнемъ слоѣ городища. Такую же переходную форму представляетъ намъ топоръ или кельтъ (№ 15), сохранившій совершенно характерныя черты каменнаго орудія этого рода.

Наконечникъ стрѣлки подъ № 7 представляетъ поздній типъ этого оружія. Изображенный подъ № 8 ножикъ относится къ типу обычныхъ курганныхъ ножей; другой, широкій ножъ встрѣчается гораздо рѣже (№ 9).

Вещи подъ №№ 12, 13, 14 не представляютъ особеннаго интереса, а только дополняютъ коллекцію желѣзныхъ вещей. Орудія, изображенныя на таблицѣ подъ №№ 10 и 11, представляются намъ близкими къ серпамъ. Обычной формы серпъ найденъ также нами въ городищѣ, но не изображенъ на таблицѣ. Если находка серповъ даетъ право предполагать существованіе земледѣлія, то находка большого запаса какихъ-то зеренъ, частью обугленныхъ, а частью перегнившихъ, еще болѣе подтверждаетъ это предположеніе, такъ же какъ и находка ручного жернова, изготовленнаго изъ камня. Къ сожалѣнію, зерна, вслѣдствіе плохой сохранности, не поддаются опредѣленію.

Въ заключеніе описанія нашихъ находокъ, характеризующихъ бытъ и промыслы жителей Дьякова-городища, слѣдуетъ упомянуть также о найденныхъ здѣсь костяхъ животныхъ: кости лося, зубъ медвѣдя, рѣзцы бобровъ, кости лошади, кабаньи клыки, весьма большихъ размѣровъ, наконецъ, кости рыбы дополняютъ инвентарь этого рода предметовъ, указывая на тотъ фактъ, что жители городища занимались звѣриной охотой, рыбной ловлей и также были знакомы съ домашними животными.

Относительно времени, къ которому можно было бы приурочить прошедшую жизнь городища, слѣдуетъ замѣтить, что при отсутствіи монетныхъ находокъ рѣшеніе этого вопроса, хотя бы приблизительно, зависитъ въ данномъ случаѣ отъ опредѣленія хронологическаго тѣхъ найденныхъ вещей, съ которыми можно связать представленіе объ извѣстной эпохѣ, возможной для хронологическаго опредѣленія.

Судя по найденнымъ въ самомъ нижнемъ слоѣ вещамъ, упомянутымъ нами уже выше, можно, намъ кажется, предполагать, что о каменномъ вѣкѣ въ изслѣдованномъ городищѣ не можетъ быть и рѣчи: первые насельники пришли сюда уже знакомые съ желѣзомъ, хотя въ своихъ желѣзныхъ издѣліяхъ еще не освободились отъ формъ каменнаго вѣка. Однако эта стадія жизни городища характеризуется весьма незначительнымъ количествомъ предметовъ, а затѣмъ слѣдуетъ вспомнить, что упомянутый нижній слой прикрывается сверху слоемъ чистаго песку и песку съ золой и мелкимъ углемъ, и только выше этихъ слоевъ начинаются уже въ большемъ количествѣ находки вещей. Всѣ эти обстоятельства какъ будто указываютъ на совершившійся перерывъ въ жизни городища и, по сравненію съ количествомъ и разнообразнымъ характеромъ вещей верхнихъ слоевъ, намъ кажется возможнымъ думать, что жизнь древнѣйшихъ жителей городища была бѣдна въ культурномъ смыслѣ, при чемъ и количество жителей было не велико. Весьма вѣроятно, что городище не имѣло

тогда и валовъ. Наибольше интересная, другая стадія жизни характеризуется большимъ количествомъ и разнообразіемъ вещей и обширностью самыхъ слоевъ, при чемъ къ издѣліямъ изъ кости, желѣза присоединяются вещи изъ бронзы, уже болѣе опредѣленнаго типа.

Находка г. Самоквасовымъ толстой бронзовой гривны, а также и тонкой, витой, сходныхъ съ гривнами курманскаго могильника, и также находка пряжки подковообразной съ углубленіями для финифти обезпечиваются, по нашему мнѣнію, возможность приурочить начало этой стадіи жизни къ VI—VII вѣку по Р. Х. Но крайній, новѣйшій предѣлъ этой жизни указываютъ, по нашему мнѣнію, найденныя въ городищѣ *бусы*, изображенныя на таблицѣ XXIII. Крупныя бусы шарообразной формы изготовлены изъ стекла и покрыты позолотой, поверхъ которой наложенъ тонкій слой стекла. Мелкія бусы подобной же техники отличаются только размѣромъ и тѣмъ, что нѣсколько бусинъ слиты вмѣстѣ. Такого рода бусы находятся въ позднихъ могильникахъ Осетіи, относимыхъ его монетными находками къ VII—VIII вв. Въ курганахъ центральной Россіи ихъ можно отнести не позже начала X вѣка. Этой послѣдней датой т.-е. IX—X в., мы и можемъ опредѣлить позднѣйшую эпоху жизни Дьякова-городища.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о характерѣ культуры этого городища и національности его обитателей.

Мы уже имѣли случай указывать на точки соприкосновенія въ отношеніи сходства вещей нашего городища съ вещами другихъ мѣстностей и въ особенности съ вятскими городищами, изслѣдованными г. Спицынымъ. Отсутствіе въ Дьяковомъ-городищѣ нѣкоторыхъ костяныхъ орудій, какъ напр. орудій изъ большихъ костей и орудій въ формѣ лопатокъ, найденныхъ въ вятскихъ городищахъ, въ данномъ случаѣ нисколько не нарушаютъ *родового* сходства, выраженнаго массой костяныхъ подѣлокъ и самой ихъ техникой. Различія въ этомъ отношеніи могутъ всегда зависѣть отъ времени и новыхъ условій быта. Мы дополнимъ еще это сходство и расширимъ нашу аналогію и на Пермскій край. На археологической выставкѣ, устроенной въ Москвѣ во время Археолог. Съѣзда 1890 года, мы нашли на таблицѣ (№ 10) съ вещами изъ Пижемскаго городища, изслѣдованнаго г. Спицынымъ, — небольшую подѣлку изъ сѣроватой кости въ формѣ слегка изогнутой палочки съ двумя кольцеобразными перехватами, совершенно подобной найденной нами и изображенной на таб. XXIII.

Въ выставленной тамъ же коллекціи г. Теплоухова, относящейся къ Пермскому краю, мы находимъ золоченыя бусы, подобныя нашимъ и безъ сомнѣнія такъ же завезенныя съ Кавказа, какъ завозились оттуда и сассанидскія блюда. На таблицѣ XXIX его же коллекціи находимъ глиняныя узорныя пряслицы. Желѣзное остріе стрѣлы или дротика (изъ Рожевскаго городища, Соликамскаго уѣзда) — по технике и отчасти по формѣ сближается съ нашими стрѣлками изъ желѣза. Маленькіе глиняные сосудики мы нашли въ Горевскомъ городищѣ.

Въ коллекціи г. Первушина изъ Вятской губ. мы встрѣтили двѣ планшеты съ сосудиками для литья металла, совершенно сходными съ нашими. На таблицѣ XII мы замѣтили сходство съ орнаментомъ на черепкахъ. Если не ошибаемся, вещи эти

происходятъ изъ „Чортова городища“, Глазовскаго уѣзда. Въ коллекціи г. Анучина изъ *Сорочьей горы* на Камѣ мы замѣтили сходство нашихъ вещей съ вещами этой коллекціи, сдѣланными изъ кости, и съ черепками сосудовъ.

Наконецъ г. Мартьяновъ сообщилъ намъ, что въ Минусинскомъ музеѣ древностей находится костяная пряжка отъ пояса, совершенно сходная съ найденнымъ нами предметомъ, изображеннымъ на таблицѣ.

Такимъ образомъ, замѣченные нами аналогическіе факты приводятъ насъ въ мѣстность Касимова, въ Муромъ, Казань, мѣстность Вятки, Перми и даже Сибири. На этомъ основаніи, не находя въ нашемъ городищѣ культурнаго родства съ Западомъ, мы считаемъ себя въ правѣ высказать мнѣніе, что Дьяково-городище является пока самымъ крайнимъ западнымъ представителемъ древней культуры финскихъ народностей сѣверо восточной Россіи.

Вблизи Дьякова-городища, а именно въ $1\frac{1}{2}$ версты находится группа кургановъ, изъ которыхъ нѣсколько были раскопаны г. Ивановскимъ для сравненія вещей изъ кургановъ съ вещами изъ городища. Курганы оказались обычнаго т. н. московскаго типа съ обычными для этихъ кургановъ вещами, какъ напр. семилепестными височными кольцами, горшокъ и т. п. Всѣ эти вещи никакого сходства съ вещами городища не имѣютъ и очевидно относятся къ иной народности и къ иной культурѣ. Что же касается до погребенія жителей городища, то Москва-рѣка, измѣняя русло, могла смыть похоронное поле; возможность подобнаго факта подтверждается находкой женскаго скелета, почти обнаженнаго той же рѣкой, — въ имѣніи проф. А. Я. Кожевникова, въ Бронницкомъ уѣздѣ (См. Археологическія Извѣстія, 1893 г., 261). относящагося безъ всякаго сомнѣнія къ финской народности и къ финскому обряду погребенія.

Въ заключеніе мы должны замѣтить, что Дьяково-городище нельзя считать уже окончательно обслѣдованнымъ.

Черепъ изъ раскопокъ В. И. Сизова въ Московскомъ уѣздѣ¹⁾.

А. Н. Харузина.

В. И. Сизовымъ была предпринята лѣтомъ 1889 года и весною 1890 года раскопка большого городища, лежащаго непосредственно у села Дьякова, въ разстояніи версты отъ села Коломенскаго, Московскаго уѣзда. Весною 1890 года удалось В. И. Сизову найти въ одной изъ боковыхъ траншей мужской черепъ, переданный имъ въ Антропологическій отдѣлъ²⁾, мнѣ же было поручено редакціонною комиссіею описаніе этого черепа на ряду съ двумя другими, переданными В. И. Сизовымъ въ отдѣлъ и найденными имъ въ курганахъ, лежащихъ лишь въ разстояніи 1 1/2 версты отъ вышеупомянутаго городища у деревни Котлякова. Кромѣ обыденнаго интереса, который имѣютъ эти черепа, какъ матеріаль для пополненія свѣдѣній о курганномъ племени Московской губерніи, здѣсь есть еще интересъ иной: курганы, находящіеся въ столь близкомъ разстояніи отъ городища, не стоятъ ли съ послѣднимъ въ связи? Само собою разумѣется, что окончательно рѣшить этотъ вопросъ могутъ только археологическія данныя, обильно собранныя В. И. Сизовымъ, такъ какъ присутствіе череповъ разныхъ антропологическихъ группъ въ одной этнографической или политической народности и не ново, и не рѣдко; тѣмъ не менѣе, антропологическія данныя могутъ въ значительной степени способствовать къ освѣщенію этого вопроса, тѣмъ болѣе, что по краниологіи курганнаго племени Московской губерніи сдѣлано много³⁾ и типъ курганнаго населенія ея довольно таки характеренъ и строго очерченъ. Само собою разумѣется, что задача обостряется и затрудняется еще благодаря тому, что въ нашемъ распоряженіи находятся собственно только два черепа, изъ которыхъ одинъ найденъ на городищѣ, а другой въ курганѣ, (другого курганнаго черепа я не считаю, потому что онъ сильно поломанъ и старческій); при этомъ бѣдномъ матеріалѣ и всегда возможныхъ значительныхъ колебаніяхъ въ любой группѣ, задача опредѣлить взаимную близость упомянутыхъ череповъ весьма трудна, тѣмъ болѣе будемъ мы подробно останавливаться на отдѣльныхъ признакахъ, чтобы, по мѣрѣ силъ, ничего не упустить изъ виду. Чтобы облегчить себѣ задачу, я беру для сравненія съ этими двумя черепами: черепъ, найденный въ курганѣ села Троицкаго-

¹⁾ Перепечатано, въ дополненіе къ статьѣ В. И. Сизова, изъ Дневника Антропологическаго Отдѣла 1890 г. вып. 6 (Изв. Имп. Общ. Люб. Ест. Антр. и Этногр. т. LXVIII).

²⁾ См. Дневникъ Антроп. отдѣла 1890 г., в. V, стр. 198.

³⁾ А. П. Богдановъ. Матеріалы для антропологіи курганнаго періода въ Московской губ. М. 1867 г.

Кайнарджи, Московскаго же уѣзда, В. О. Миллеромъ въ 1889 г., описанный мною въ предыдущемъ выпускѣ „Дневника“ и обозначеннаго мною здѣсь подъ № IV. Что касается черепа изъ городища, то здѣсь онъ значитъ подъ № I, а № II означаетъ черепъ изъ кургана деревни Котляково; другой черепъ изъ кургана Котлякова значитъ подъ № III. Такъ какъ здѣсь идетъ вопросъ о взаимной близости череповъ, то я опишу на ряду черепъ № I, II и IV, а объ № III скажу отдѣльно ниже.

Возникаютъ собственно нѣсколько вопросовъ, а именно: 1) можно ли считать черепъ изъ кургана, т.-е. № II, принадлежащимъ къ группѣ череповъ обыденнаго московскаго типа, какимъ является, на примѣръ, черепъ № IV, какъ было сказано уже въ V выпускѣ „Дневника“; 2) если черепъ № II близокъ къ № IV, т.-е. включаетъ въ себѣ признаки череповъ московскаго курганнаго племени, то не принадлежитъ ли къ той же группѣ и черепъ изъ городища, т.-е. № I; 3) если черепъ № II не стоитъ въ близкой связи съ черепомъ № IV, то не стоитъ ли послѣдній близко къ городищенскому (№ I); 4) если черепа № I и II не принадлежатъ къ группѣ череповъ, къ которымъ относится черепъ № IV, то нѣтъ ли между ними своей собственной генетической, въ антропологическомъ смыслѣ, связи и 5) если связь существуетъ между этими тремя черепами, или если ея нѣтъ, то насколько они другъ отъ друга отличаются, чѣмъ собственно и въ чемъ другъ съ другомъ сходны?

Что касается собственно величины нашихъ трехъ череповъ, то по горизонтальной окружности они всѣ большіе, больше всѣхъ № I—539, меньше всѣхъ № II—527, между ними, и именно ближе къ № I, стоитъ черепъ № IV—538; по вертикальной дугѣ всѣ черепа также большіе, больше всѣхъ и по этой дугѣ № I—394, меньше всѣхъ № IV—385, при этомъ онъ близокъ къ № II, у котораго вертикальная дуга 385 мм.; относительный изгибъ вертикальной дуги всего больше у № I: хорда вертикальной дуги составляетъ у этого черепа 36,54% вертикальной дуги у № II—37,92%, а у № IV—37,86%, слѣдовательно, по вертикальной дугѣ и по отношенію къ ней хордѣ ея, стоятъ ближе другъ къ другу черепа № II и IV. Складывая вертикальную дугу съ ея хордой, мы получаемъ полную вертикальную окружность, которая у черепа № I—539, у № II—531 и у № IV—528, т.-е. № IV опять стоитъ ближе къ № II, чѣмъ къ № I. Полная вертикальная окружность составляетъ у № I—100% горизонтальной, т.-е. равна ей, у № II она немного больше горизонтальной и равна 100,75% послѣдней, а у № IV она составляетъ 98,14%; здѣсь, слѣдовательно, всего ближе стоятъ черепа № I и II другъ къ другу, между тѣмъ какъ № IV отклоняется отъ нихъ немного въ этомъ отношеніи. Наконецъ, по поперечной дугѣ черепа № II и IV средніе — 312 и 311, а № I большой — 325; ушной діаметръ, который можно считать хордою поперечной дуги, составляетъ 39,38% этой дуги у № I, а у № II и № IV только 36,85 и 36,65, такъ что у нихъ черепъ въ области ушного діаметра болѣе сжатъ по отношенію поперечной дугѣ, чѣмъ у № I; складывая поперечную дугу съ ушнымъ діаметромъ, мы получаемъ полную поперечную окружность, которая у черепа № I равна 453 мм. и 84,04% горизонтальной окружности, у № II—427 мм. и 81,04% горизонтальной, и № IV—425 мм. и 78,99% горизонтальной.

Суммируя теперь все то, что нами было сказано объ окружностяхъ трехъ череповъ, мы у всѣхъ находимъ ту общую черту, что они всѣ большихъ размѣровъ, всѣ развиты въ высшей степени по вертикальной дугѣ, а также значительно въ горизонтальной и отчасти по поперечной; всего ближе по окружностямъ и по ихъ отношеніямъ стоятъ другъ къ другу черепа № II и № IV, даже настолько близко, что ихъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ признать положительно тождественными, между тѣмъ какъ черепъ № I, во-первыхъ, больше ихъ, во-вторыхъ, значительно болѣе развитъ по поперечной дугѣ и, въ-третьихъ, по взаимному отношенію окружностей — вообще, отклоняется отъ двухъ остальныхъ.

Что касается отдѣльныхъ частей черепа, всего больше у всѣхъ трехъ череповъ развита темянная часть, всего менѣе затылочная, а лобная стоитъ на серединѣ; впрочемъ, переднюю, или лобную, часть нельзя считать сильно развитой, скорѣе напротивъ; такъ, передняя часть горизонтальной окружности равна у черепа № I—48,60% всей окружности, у № II—47,81%; и у № IV—48,14%, лобная же часть вертикальной дуги составляетъ у № I 34,77% всей дуги, у № II—34,80% и у № IV—33,94% всей дуги, а затылочная часть равна у № I 29,94% всей вертикальной дуги, у № II—28,57%, у № IV—31,07%; въ самой затылочной части значительно больше верхняя: она равна у черепа № I—19,79% всей вертикальной и 66,10% всей затылочной, у № II—17,66% и 41,09%, у № IV—17,23% и 43,44%; между тѣмъ какъ нижнезатылочная часть составляетъ у № I только 10,17% всей вертикальной и 33,89% затылочной, у № II—10,90% и 38,18%, у № IV—13,83% и 44,53%. Говоря вообще про отдѣльныя части собственно черепа, всѣ три наши черепа стоятъ другъ къ другу близко, но № IV отличается отъ остальныхъ бѣльшимъ развитіемъ затылочной и меньшимъ развитіемъ лобной части, во всемъ остальномъ онъ болѣе приближается къ черепу № II, чѣмъ къ № I, за исключеніемъ, впрочемъ, темянной части, которая ближе стоитъ по своей величинѣ къ № I, лобная же хорда, затылочная хорда и верхнезатылочная часть стоятъ положительно ближе къ № II, который, въ свою очередь, во многомъ болѣе сходенъ съ № I, чѣмъ съ № IV: такъ, лобная часть, затылочная вся, нижнезатылочная часть и темянная хорда у № I и II стоятъ другъ къ другу гораздо ближе, чѣмъ къ № IV; выражаясь кратко, всего ближе по отдѣльнымъ частямъ черепа стоятъ другъ къ другу № I и II, затѣмъ № II и IV, и всего дальше № I и IV.

Относительно величины діаметровъ мы говорить не будемъ, такъ какъ они вполне соотвѣтствуютъ дугамъ и окружностямъ, и мы остановимся на ихъ отношеніяхъ и указателяхъ. Что касается черепного указателя, то всѣ три черепа имѣютъ ту общую черту, что они всѣ длинноголовы, всего ближе по черепному указателю стоятъ другъ къ другу № II и IV (67,70 и 68,71), — они оба крайне долихоцефаличны; № I же отклоняется отъ нихъ тѣмъ, что его указатель много больше, хотя также длинноголовый: 72,39. По высотному указателю всего ближе другъ къ другу № II и IV — они оба средніе по высотѣ (72,39 и 74,35), между тѣмъ какъ черепъ № I высокъ: 75,52, хотя, впрочемъ, № IV клонится къ высокимъ черепамъ; по широтно-высотному указателю всѣ черепа высоко-узкие, но и здѣсь № II стоитъ ближе къ № IV

(106,92 и 108,20), чѣмъ № I (104,31); съ другой стороны, № I приближается къ № IV тѣмъ, что у обоихъ высотный и наибольшій высотный діаметры другъ другу равны, тогда какъ у № II послѣдній на 3 мм. больше перваго. Значительно отклоняется № I отъ череповъ № II и IV по ушному и височному діаметрамъ, какъ въ абсолютныхъ цифрахъ, такъ и въ отношеніяхъ къ продольному и поперечному діаметрамъ: такъ, между тѣмъ какъ у № II ушной діаметръ составляетъ 59,89% продольнаго и 88,46% поперечнаго, а у № IV онъ равенъ 53,33% продольнаго и 85,07% поперечнаго — у № I онъ значительно больше и составляетъ 66,66% продольнаго и 92,08% поперечнаго; височный составляетъ у № II 64,58% продольнаго и 95,38% поперечнаго, у № IV—63,58% продольнаго и 92,53 поперечнаго, а у № I—70,31% продольнаго и 97,12% поперечнаго; относительно этихъ указателей слѣдуетъ замѣтить, что всѣхъ ближе къ № IV стоитъ № II, къ которому приближается № I, въ свою очередь стоящей всего дальше отъ № IV.

Что касается лобныхъ діаметровъ, то и здѣсь № II стоитъ къ № IV гораздо ближе, чѣмъ № I, отклоняющійся, впрочемъ, говоря вообще, мало отъ № II: такъ, отношенія наименьшаго лобнаго къ продольному у № I—54,68, у № II—48,95, а у № IV—50,25, отношеніе того же діаметра къ поперечному у № I—75,53, у № II—72,30 и у № IV—73,13; наибольшій лобной составляетъ у № I—61,97% продольнаго и 85,61% поперечнаго, у № II—56,77 и 83,84 и у № IV—58,97 и 85,89; лобной указатель у № I большой (88,23), и у № II и IV средній (86,23 и 85,21). Что касается затылочныхъ діаметровъ, то отношеніе затылочнаго діаметра къ продольному у № I—56,77, у № II—52,60 и у № IV—53,84, т.-е., во-первыхъ, два послѣднихъ черепа стоятъ другъ къ другу очень близко, а во-вторыхъ, затылокъ наиболѣе широкъ у № I по отношенію продольнаго діаметра; по отношенію же затылочнаго указателя черепа № I и № IV широкозатылочные (78,41 и 78,35), а № II средне-широкозатылочный; отношенія наибольшей ширины затылка къ продольному и къ поперечному діаметрамъ у № I—64,58 и 89,20, у № II—66,14 и 97,69 и у № IV—66,66 и 97,01, т.-е. у № II и № IV, которые въ данномъ случаѣ стоятъ всего ближе другъ къ другу, область темянныхъ бугровъ относительно продольнаго и особенно поперечнаго діаметровъ развиты гораздо сильнѣе, чѣмъ у № I, далѣе у послѣдняго затылокъ гораздо болѣе равномерно расширенъ, чѣмъ у № II и IV, такъ какъ отношенія затылочнаго діаметра къ наибольшей ширинѣ черепа у № I—87,90, а у №№ II и IV только 79,52 и 80,76.

Суммируя все то, что было сказано относительно діаметровъ, мы получаемъ, что говорили вообще: № II и № IV стоятъ другъ къ другу очень близко, тогда какъ № I отклоняется отъ нихъ, впрочемъ отчасти, хотя и рѣдко, приближается довольно близко къ № II и въ нѣкоторыхъ единичныхъ случаяхъ къ № IV, такъ что и тутъ, какъ и въ окружностяхъ между № I и IV разстояніе всего больше, а между № II и IV всего меньше: № II и № IV болѣе длинноголовы, чѣмъ № I, менѣ развиты въ высоту по отношенію продольнаго діаметра, но болѣе всего по отношенію діаметра поперечнаго, менѣ развиты въ области височнаго и ушнаго діаметровъ, съ болѣе узкимъ лбомъ и съ менѣ широкимъ затылкомъ, который у нихъ суживается книзу,

тогда какъ у № I онъ равномерно широкъ и при этомъ шире, чѣмъ у № II и IV въ отношеніи продольнаго діаметра.

Относительно лица слѣдуетъ замѣтить то же, что мы говорили о черепѣ собственно, т.-е. что № II и IV другъ къ другу гораздо ближе, чѣмъ № I къ нимъ, такъ, межглазничное пространство у послѣдняго составляетъ 28,57% лицевой линіи, тогда какъ оно у № II и IV равно 37,70 и 32,87% послѣдней; носовой указатель у этихъ череповъ также больше (59,09 и 50,00), чѣмъ у № I, у котораго онъ 44,23, что показываетъ, что черепъ въ высшей степени узконосый; что касается скуль, то по лицевому длинотноскуловому указателю № I и IV узкоскулы (61,94 и 66,66), а № II средне-широкоскулый (57,54).

Что касается внѣшняго вида череповъ, то у всѣхъ трехъ надбровныя дуги выступаютъ сильно, glabella также значительно выдается, носовой шипъ хотя и не великъ, но у всѣхъ выступаетъ впередъ, и у всѣхъ нижній край носового отверстія слегка сглаженъ, но № II и IV гораздо болѣе вытянуты въ длину и сжаты съ боковъ, между тѣмъ какъ № I гораздо шире и круглѣе, задняя часть черепа у № II и IV гораздо болѣе развиты и вытянуты, чѣмъ у № I.

Отвѣчая теперь на поставленные нами выше вопросы, мы должны сказать, что черепа № II и IV принадлежатъ безусловно къ одному и тому же типу, т.-е. типу длинноголоваго населенія Московской губ., и даже больше: эти два черепа положительно (за исключеніемъ мелочей) тождественны. Но что касается черепа № I, то онъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ стоитъ отдѣльно, хотя и не особенно далеко отъ № II и IV, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ прямо приближается къ № IV, а именно въ отношеніяхъ высотнаго діаметра къ продольному, височнаго къ поперечному, наибольшаго лобнаго и затылочнаго къ поперечному, передней части горизонтальной окружности ко всей окружности, вертикальной окружности къ горизонтальной и темянной и затылочной части къ вертикальной дугѣ; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ № I стоитъ ближе къ № II, а именно въ отношеніяхъ лобной, верхне- и нижнезатылочной части къ вертикальной дугѣ. Въ виду смѣшанности этихъ признаковъ, трудно сказать, насколько имъ дѣйствительно можно придавать значеніе, тѣмъ болѣе, что, какъ я уже сказалъ, громадное большинство отношеній выдѣляетъ черепъ № I изъ группы, къ которой относятся черепа № II и IV; затрудненіе становится еще болѣе сильнымъ въ виду того, что черепъ одинъ. Если бы подобныхъ череповъ, какъ № I, было найдено до десятка въ другихъ условіяхъ, чѣмъ № II и IV, то ихъ слѣдовало бы признать, безъ сомнѣнія, принадлежащими къ особому племени, стоящему, впрочемъ, въ извѣстной родственной связи съ курганными, хотя это родство, судя по нашимъ тремъ черепамъ, не перваго порядка.

Черепъ № III. Этотъ черепъ сильно поломанъ (отсутствуетъ вся правая половина), онъ найденъ въ курганѣ, такъ же какъ № II, у деревни Котляково, онъ мужской и принадлежитъ старику: зубовъ нѣтъ совсѣмъ, и всѣ швы срослись. Надбровныя дуги выражены рѣзко, glabella выступаетъ, хотя и не особенно сильно. Этотъ черепъ, повидимому, длинноголовый, хотя его продольный діаметръ и не особенно великъ, лобная и особенно затылочная часть сильно развита, темянная же

мала. Въ общемъ этотъ черепъ, повидимому, стоитъ близко къ № IV, но отличается отъ него своею узконосостью (39,28), высокоорбитностью (92,50) и узкимъ между-глазничнымъ пространствомъ, которое составляетъ 24,28% лицевой линіи.

Черепъ переданы въ Антропологической музей.

Цифры размѣровъ и отношеній для всѣхъ четырехъ череповъ нижеслѣдующія:

	I.	II.	III.	IV.
L.				
Q.				
Q.100				
L.				
H.				
H ₁				
H.100				
L.				
H ₁ .100				
L.				
H.100				
Q.				
H ₁ .100				
Q.				
00				
00.100				
L.				
00.100				
Q.				
0 ₁ 0 ₁				
0 ₁ 0 ₁ .100				
L.				
0 ₁ 0 ₁ .100				
Q.				
F ₁ F ₁				
FF.				
F ₁ F ₁ .100				
L.				
F ₁ F ₁ .100				
Q.				
FF.100				
L.				
FF.100				
Q.				
F ₁ F ₁ .100				
FF.				
SS.				
S ₁ S ₁				
SS.100				
L.				
SS.100				
Q.				
S ₁ S ₁ .100				
L.				
S ₁ S ₁ .100				
Q.				

		I.	II.	III.	IV.
SS.100	Затылочный указатель 2-й	87,90	79,52	—	80,76
$\frac{S_1 S_1}{\theta \theta}$	Разстояніе сосцевидныхъ отростковъ	113	103	—	100
$\frac{\theta \theta}{SS.}$	Отношеніе разстоянія сосцевидныхъ отростковъ къ поперечному діаметру	103,66	101,98	—	95,23
A.	Горизонтальная окружность	539	527	—	538
$\alpha.$	Передняя часть горизонтальной	262	252	—	259
$\frac{\alpha}{\alpha.100}$	Отношеніе передней части горизонтальной окружности ко всей окружности	48,60	47,81	—	48,14
A.	Поперечная дуга	325	312	—	311
OP0.	Отношеніе ушного діаметра къ поперечной дугѣ	39,38	36,85	—	36,65
00.100	Поперечная окружность вся	453	427	—	425
OP0.	Отношеніе всей поперечной окружности къ горизонтальной	84,04	81,02	—	78,99
OP0 + 00	Вертикальная дуга	394	385	373	383
OP0 + 00.100	Хорда вертикальной дуги	145	146	131	145
A.	Отношеніе хорды вертикальной дуги къ вертикальной дугѣ	36,54	37,92	35,12	37,86
nclf	Вертикальная окружность вся	539	531	504	528
nclf	Отношеніе вертикальной окружности къ горизонтальной	100,00	100,75	—	98,14
nclf + pnf.	Лобная часть вертикальной дуги	137	134	133	130
nclf + pnf.100	Хорда лобной части вертикальной дуги	118	117	116	117
A.	Отношеніе лобной части вертикальной дуги ко всей дугѣ	34,77	34,80	35,65	33,94
nc.	Отношеніе хорды лобной части вертикальной дуги къ хордѣ всей дуги	81,37	80,13	88,54	80,68
$p_1 nc$	Темянная часть вертикальной дуги	159	141	118	134
$\frac{nc}{nc.100}$	Хорда темянной части вертикальной дуги	123	124	108	120
nclf.	Отношеніе темянной части вертикальной дуги ко всей дугѣ	35,27	36,62	31,63	34,98
$\frac{p_1 nc.100}{pnf.}$	Отношеніе хорды темянной части вертикальной дуги къ хордѣ всей дуги	84,82	84,93	82,44	82,75
cl.	Затылочная часть вертикальной дуги	118	110	122	119
$p_2 cl.$	Хорда затылочной части вертикальной дуги	107	94	99	100
$\frac{cl.100}{nclf.}$	Отношеніе затылочной части вертикальной дуги ко всей дугѣ	29,94	28,57	32,70	31,07
$\frac{p_2 cl.100}{pnf.}$	Отношеніе хорды затылочной части вертикальной дуги къ хордѣ всей дуги	73,79	64,38	75,57	68,96
lf.	Верхнезатылочная часть вертикальной дуги	78	68	70	66
$p_3 lf.$	Хорда верхнезатылочной части вертикальной дуги	74	60	66	68
$\frac{lf.100}{nclf.}$	Отношеніе верхнезатылочной части вертикальной дуги ко всей дугѣ	19,79	17,66	18,76	17,23
$\frac{p_3 lf.100}{pnf.}$	Отношеніе хорды верхнезатылочной части къ хордѣ всей вертикальной дуги	51,03	41,09	50,88	43,44
IT.	Отношеніе хорды верхнезатылочной части къ хордѣ всей затылочной	69,15	63,82	66,66	63,00
$p_4 IT.$	Нижнезатылочная часть вертикальной дуги	40	42	52	53
$\frac{IT.100}{nclf.}$	Хорда нижнезатылочной части вертикальной дуги	40	43	53	53
IT.100	Отношеніе нижнезатылочной части вертикальной дуги ко всей вертикальной дугѣ	10,17	10,90	13,94	13,83
lf.					
$\frac{p_4 IT.100}{pnf.}$					
$\frac{p_4 IT.100}{p_3 lf.}$					
Tf.					
$p_5 Tf.$					
$\frac{Tf.100}{nclf.}$					

	I.	II.	III.	IV.
Tf.100				
lf.				
$\frac{p_2 Tf}{100}$				
pnf.				
$\frac{p_2 Tf}{100}$				
$\frac{p_3 lf}{100}$				
ncif + bf.				
nb.100				
ncif + bf.				
nx ₁				
xx ₁				
j.				
j ₁ .				
j ₂ .				
j ₃ .				
j ₄ .				
j ₅ *)				
j ₆ **)				
$\frac{nx_1 \cdot 100}{j}$				
$\frac{nx_1 \cdot 100}{j_2}$				
$\frac{nx_1 \cdot 100}{j_3}$				
$\frac{nx_1 \cdot 100}{j_4}$				
$\frac{nx_1 \cdot 100}{j_6}$				
$\frac{j_3 \cdot 100}{j_6}$				
$\frac{j_3 \cdot 100}{j_2}$				
j ₅ —j.				
j—j ₁ .				
nx.				
г.				
г.100				
nx.				
M.				
M ₁ .				
$\frac{M_1 \cdot 100}{M}$				
M.				
bf.				
qq.				
$\frac{qq \cdot 100}{bf}$				
D ₁ .				
D.				
$\frac{D \cdot 100}{D_1}$				
T.				
Отношение нижнезатылочной части вертикальной дуги ко всей затылочной.....	33,89	38,18	42,62	44,53
Отношение хорды нижнезатылочной дуги къ хордѣ всей вертикальной.....	27,58	29,45	40,45	36,55
Отношение хорды нижнезатыл. дуги къ хордѣ всей затылочной.....	37,37	45,74	53,53	53,00
Вертикальная дуга полная.....	430	438	—	—
Отношение основной линии къ полной вертикальной дугѣ.....	25,58	23,55	—	—
Разстояніе носовой точки до челюстной (лицевая линия).....	70	61	70	73
Разстояніе подносовой точки отъ челюстной.....	18	16	14	—
Внѣшній глазничный діаметръ.....	111	101	—	105
Внутренній глазничный діаметръ.....	103	92	—	100
Щечный діаметръ.....	140	—	—	—
Скуловой діаметръ 1-й.....	113	106	—	109(?)
Наибольшій лицевой поперечный.....	95	89	—	—
Наибольшій внѣшній глазничный діаметръ.....	120	118	—	110
Скуловой діаметръ 2-й.....	120	110	—	112
Отношение лицевой линии къ внѣшнему глазничному діаметру.....	63,06	60,39	—	69,52
Лицевой длитно-наибольшій указатель.....	50,00	—	—	—
Лицевой длитно-скуловой указатель 1-й.....	61,94	57,54	—	66,66(?)
Лицевой указатель собственно.....	73,68	68,53	—	—
Лицевой длитно-скуловой указатель 2-й.....	58,33	55,45	—	65,17
Отношение 1-го скулового діаметра ко 2-му скуловому.....	94,16	95,45	—	97,32(?)
Отношение скулового діаметра къ щечному.....	80,71	—	—	—
Разность наибольшаго и простаго внѣшнихъ глазныхъ.....	9	7	—	5
Разность внѣшняго и внутренняго глазныхъ.....	8	9	—	5
Длина носа.....	52	44	56	56
Ширина носового отверстия.....	23	26	22	28
Носовой указатель.....	44,23	59,09	39,28	50,00
Длина неба.....	47	49	—	48
Ширина неба.....	35	38	—	44
Небный указатель.....	74,46	77,55	—	91,66
Длина затылочнаго отверстия.....	36	48	—	—
Ширина затылочнаго отверстия.....	29(?)	31	—	—
Хребетный указатель.....	80,55(?)	64,58	—	—
Ширина глазницы.....	43	34	40	39
Высота глазницы.....	33	29	37	31
Глазничный указатель.....	76,74	85,29	92,50	79,48
Межглазничное пространство.....	20	23	17	24

*) Наибольшее разстояніе между лобными отростками скуловыхъ костей.

***) Разстояніе внѣшнихъ угловъ скуловыхъ костей.

		I.	II.	III.	IV.
T_{100}	Отношеніе межглазничнаго пространства къ лицевой линіи ...	28,57	37,70	24,28	32,87
nx_1					
v	Высота скуловой кости	28	27	29	—
N	Разстояніе края нѣба отъ передняго края затылочн. отверстія.	51	47	—	—
OZ	Разстояніе отъ слухового отверстія до задняго края глазницы	68	75	70	—
m	Разстояніе между углами нижней челюсти	116	—	—	—
m_1	Разстояніе между вырѣзками ея.....	115	88	—	—
m_2	Длина крыла ея	87	81	74	—
m_3	Высота крыла ея.....	51	52	58	—
m_4	Высота тѣла ея	31	31	29	—
$m_{1.100}$	Отношеніе разстоянія между углами къ разстоянію между вы-				
m	рѣзками.....	99,18	—	—	—
$F_1F_{1.100}$	Отношеніе наименьшаго лобнаго діаметра къ разстоянію ме-				
m	жду углами	90,51	—	—	—
$j_3.100$	Отношеніе 1-го скуловаго діаметра къ разстоянію между углами.	97,41	—	—	—
m					
$m_{4.100}$	Отношеніе высоты тѣла къ длинѣ крыла (указатель нижней				
m_2	челюсти)	35,63	—	39,18	—

Волинскія рукописныя евангелія и апостолы.

Г. К. Бугославскаго.

1. Евангеліе Преображенскої церкви м. Турійска, Ковельскаго уѣзда Волинской губерніи.

Евангеліе въ бархатномъ переплетѣ. На передней доскѣ переплета находится пять металлическихъ вызолоченныхъ пластинокъ съ выгравированными на нихъ изображеніями: на средней пластинкѣ — Распятія съ предстоящими Богородицею и св. Иоанномъ Богословомъ, и на остальныхъ угловыхъ — четырехъ евангелистовъ. Рисункъ Распятія и евангелистовъ выполненъ грубо, некрасиво. Судя по знакамъ на бархатѣ, кромѣ означенныхъ украшеній, на немъ были и другія, какъ напримѣръ изображенія серафимовъ, но ихъ теперь нѣтъ, равно какъ нѣтъ и защепокъ, которыя ранѣе были. На задней доскѣ Евангелія, судя по знакамъ, было пять металлическихъ выпуклыхъ ножекъ (пуклей), но отъ нихъ уцѣлѣли только двѣ. Имѣющіяся на передней доскѣ Евангелія пластинки съ изображеніями евангелистовъ Марка, Луки и Иоанна окаймлены съ двухъ внутреннихъ сторонъ чеканнымъ, изъ бѣлаго металла, бордюромъ, довольно изящной работы и видимо болѣе древняго происхожденія, чѣмъ пластинки съ изображеніями Распятія и евангелистовъ.

Изображенія Распятія и евангелистовъ уніатскія: стопы Спасителя пригвождены ко кресту однимъ гвоздемъ; евангелисты изображены съ короткими волосами, хотя и съ бородой.

Евангеліе писано на рубчатой бумагѣ двухъ сортовъ, — первыя четыре тетради на болѣе плотной бумагѣ съ водянымъ знакомъ, изображающимъ дикаго кабана, а остальная часть Евангелія на бумагѣ менѣе плотной, съ водянымъ знакомъ, изображающимъ ангела съ щитомъ; уставомъ, двумя почерками: въ началѣ сжатымъ (на бумагѣ съ водянымъ знакомъ дикаго кабана), а далѣе рѣдкимъ, растянутымъ. Кромѣ четырехъ евангелій съ предисловіемъ и оглавленіемъ къ каждому изъ нихъ, здѣсь помещено начало „Сборника 12 мѣсяцемъ“ до февраля. Названіе мѣсяцевъ таково: Септемврій, Октябріе (праздникъ Покрова Пресвятой Богородицы не обозначенъ), Ноемвріе, Декавріе и Генварь. Въ началѣ cadaго евангелія (за исключеніемъ евангелія отъ Иоанна, начальнаго листа коего нѣтъ) имѣются заставки. Заставка къ евангелію отъ Маттея раскрашена разными красками (см. табл. XXVII), а остальные сдѣланы одной киноварью; всѣ онѣ состоятъ изъ перевитыхъ на разный манеръ линий.

Кромѣ того, первый листъ евангелія отъ Матѳея украшенъ по краямъ крупными раскрашенными цвѣтами, — начальная буква евангелія „К“ тоже раскрашена и состоитъ изъ перевитыхъ линій.

На первыхъ страницахъ евангелія, на бумагѣ съ водянымъ знакомъ дикаго кабана, внизу имѣется слѣдующая надпись: „я Якиме Савичъ священникъ спаски Турискіи надалемъ книгу сію рекомое евангеліе на престольное коу церкви соборной святого великаго Спаса Г̃а нашего иса х̃а въ Туриску своимъ накладомъ ко хвали Боже аще кто сію книгу отъ церкви отъ престола святого Спаса хотѣлъ бы отнати на томъ да будетъ .. (далѣе затерто) анафема. По лѣтѣхъ Божаго нарожденія *ѣф сем-десятаго“.

Въ текстѣ многихъ листовъ не хватаетъ. Въ настоящее время Евангеліе хранится въ Дрѣвлекранилищѣ Владиміръ-Волынскаго братства.

2. Евангеліе Загоровскаго православнаго Рождество-Богородичнаго монастыря, Волынской губ., Владиміръ-Волынскаго уѣзда.

Евангеліе въ деревянномъ переплетѣ, обтянутомъ недорогой парчей, отъ времени и употребленія потертой во многихъ мѣстахъ; безъ всякихъ металлическихъ украшеній, но судя по отверстіямъ отъ гвоздей, имѣющимся на лицевой сторонѣ Евангелія, таковыя были. Евангеліе писано на рубчатой бумагѣ, имѣющей водяной знакъ дикаго кабана, по линейкамъ, проведеннымъ какимъ-то остриемъ, крупнымъ, четкимъ и красивымъ уставомъ; состоитъ оно изъ 69 тетрадей, каждая въ 12 страницъ; длина страницы около 7 вершковъ, а ширина около 5 вершковъ. Страницы нумераціи не имѣютъ, перенумерованы только тетради. Въ началѣ cadaго евангелиста, а также предъ оглавленіями, предисловіями и мѣсяцесловомъ имѣются заставки, раскрашенныя, за исключеніемъ нѣкоторыхъ небольшихъ, зеленою, желтою, синею и красною красками; кромѣ того большія заставки, находящіяся въ началѣ текста евангелій, а также заглавныя буквы имѣютъ слѣды позолоты, сдѣланной по темно-красному грунту. Заставка, находящаяся въ началѣ текста евангелія отъ Матѳея (см. табл. XXV), имѣетъ боковое украшеніе во всю длину страницы, у наружнаго края ея, съ крестомъ на верху. Заставки вырисованы и раскрашены очень тщательно; изъ нихъ особенно оригинальна заставка предъ ев. отъ Іоанна (см. табл. XXVI).

Евангеліе начинается молитвою: Господи Іисусе Христе Сыне едиnorodный... За нею слѣдуетъ: 1) сказаніе преемлющее всего лѣта число евангельское...; 2) сказаніе еже на всякъ день длжное глаголатися евангеліе недѣлямъ всего лѣта...; 3) главы (оглавленіе) еже отъ Матѳея святое евангеліе... съ ссылкой на главы (сходныя по содержанию) другихъ евангелистовъ; 4) Оеофилакта архіепископа Болгарскаго пресловие и 5) наконецъ текстъ евангелія, еже отъ Матѳея. За симъ слѣдуютъ: 1) оглавленія евангелія отъ Марка съ ссылкой на параллельныя мѣста, 2) предисловіе къ этому евангелію и 3) самый текстъ евангелія отъ Марка. Тотъ же порядокъ соблюденъ и въ отношеніи евангелистовъ Луки и Іоанна. На оборотѣ послѣдней страницы евангелія отъ Іоанна

помѣщенъ „оуказъ како чтѣся тетраеѣліе, великыя неделя“... За этимъ наставленіемъ помѣщенъ: „Съборникъ всимъ мѣсяцемъ, сказуя главы коемѣждо евангелію, избраннымъ стѣмъ и праздникомъ“, при чемъ названія мѣсяцевъ обозначены такъ: 1) Септеврій; въ немъ слѣдующія числа обозначены киноварью, какъ дни праздничные: 8 — Рождество Пр. Богородицы, 14 — Воздвиженіе честнаго Креста; 2) Октебрій; праздникъ Покрова — 1-го числа, въ немъ вовсе не означенъ, и чисель, отмѣченныхъ киноварью, въ немъ нѣтъ; 3) Ноемврій — киноварью обозначено лишь 21 число „въведеніе въ церковь пресвятыя влаѣца наша Бѣа“; 4) Дек — врій, въ немъ киноварью обозначены: 6-е число: „иже во стѣхъ отца нашего Николы“ и 25-е число — Рождество Спасителя; 5) Іануарій киноварію обозначены 1-е число „иже по плоти обрѣзаніе Г̄а Б̄га и С̄ба нашего іс̄ ха“; и 6-е число; 6) Февр̄варь; 7) Мароть — 25-е число праздникъ Благовѣщенія хотя въ немъ и означенъ, но не киноварью, а просто чернилами; 8) Апрель; 9) Май; 10) Іюнь — киноварью обозначено въ немъ 24-е число — Рождество честнаго предтеча и крестителя Іоанна“, 11) Іоуль (въ немъ не обозначены ни память св. Владиміра 15 іюля, ни свв. Бориса и Глѣба — 25 числа), и 12) Августъ — въ немъ киноварью обозначены 6-е число — Преображеніе Господне и 15 число — Успеніе Пр. Богородицы. Заканчивается Евангеліе означеніемъ евангелій „на всяку потребу — на освященіе масла седмію поповъ, женамъ на освященіе маслу седми поповъ и евангелія различна въ память святымъ мученикомъ и безплотнымъ“; далѣе слѣдуетъ всего одна строка съ указаніемъ главъ, — тѣмъ Евангеліе и заканчивается. Знаки препинанія въ немъ употребляются слѣдующіе: точка, сдѣланная киноварью съ срединѣ текста, и точка съ двумя черточками вверху (—), сдѣланная чернилами, въ концѣ Евангелія или части его. Юсы въ текстѣ Евангелія встрѣчаются; слѣдуетъ отмѣтить правописаніе, „словъ“ вм. „слово“ на табл. XXVI, что даетъ поводъ заключить о мѣстѣ написанія Евангелія — въ Галиціи.

Начиная съ перваго листа текста евангелія отъ Матѣея, внизу по листамъ имѣется скорописная надпись, сдѣланная блѣдными чернилами „року Божаго жлѣг (1563) мѣсяца Генваря ҃і дня (я) рабъ божій Петръ Бгдановичъ Загоровскій маршалокъ краля полскаго и великаго князя литовскаго господара нашего Жикгимонта Августа и съ женою моею княжною Ѳедорою Ѳедоровною Сангушковною дали есмо евангеліе на престольное срѣбромъ оправленное до церкви монастыря моего отчизного въ Загорове въ церкви мурованное рождества пречистое Божіей матери. Тое евангеліе маеть на престолѣ въ той церкви быть, а отъ того святого мѣстца нигде его не рушить а естли бы хто по нашихъ животахъ або и дѣти наши хотѣли тое евангаліе (далѣе слѣдуетъ другими, рыжегато-блѣдными чернилами) такъ и всѣ добра наданымъ здавна отъ цркви Божей монастыря взяти а на свой пожитокъ оборочати на томъ клятба святыхъ отецъ иже въ Никеи и йша клятба моя отцовская и матчина хто... (не разборчиво) рушить зъ детей нашихъ або хто... (не разборчиво) тотъ каждый нехай будетъ прокляти въ сый вѣкъ и будущій таковой каждый будетъ проклятъ отъ Бога створителя и отъ мене отца ихъ Я Петръ Загоровскій маршалокъ... (не разборчиво) то писахъ рукою моею“.

Текстъ Евангелія писанъ чернилами, а всѣ вставки и дополненія киноварью. Евангеліе находится на храненіи въ Дрєвлехранищѣ Владимірѣ-Волинскаго православнаго Братства.

Примѣчаніе. Загоровскій Рождество-Богородичный православный третъеклассный монастырь находится въ Волинской губ., Владимірѣ-Волинскаго у., при селѣ Волицѣ-Загоровской, называемой также Новымъ Загоровымъ, въ отличіе отъ находящагося невдалекѣ села „Старый Загоровъ“, въ 30 верстахъ отъ уѣзднаго города Владимірѣ-Волинска и верстахъ въ 15 отъ австрійской границы. Онъ принадлежитъ къ числу двенѣднѣшнихъ монастырей Волини. Время основанія его относятъ къ XIII в., но первыя точныя свѣдѣнія о немъ появляются въ XV в.; отъ этого времени въ монастырѣ сохранился колоколъ съ рельефной надписью на немъ о томъ, что онъ въ 1492 году пожертвованъ въ Загоровскій монастырь „Олександромъ Юрьевичемъ Загоровскимъ съ женою Настасьей“. Основателями монастыря считаются мѣстные волинскіе землевладѣльцы (земяне) Загоровскіе, бывшіе долгое время и фундаторами его. Когда же фамилія Загоровскихъ угасла, фундаторство надъ монастыремъ перешло къ ихъ наслѣдникамъ Чацкимъ, которые послѣ перехода монастыря къ униатамъ (въ 1719 г.) много заботились объ украшеніи его; при нихъ же (при Ѡаддѣ Чацкомъ) въ концѣ прошлаго столѣтія выстроена была главная монастырская церковь и отдѣлана (въ римско-католическомъ духѣ). Въ 1839 году Загоровскій монастырь былъ воссоединенъ съ православіемъ. (Извлечено имъ „Девятисотлѣтія православія на Волини“, 1892 года).

3. Евангеліе Иваницкой (села Иваничъ, Владимірѣ-Волинскаго уѣзда Волинской губ.) православной церкви.

Евангеліе въ деревянномъ, обтянутомъ темной тисненой кожей, переплетѣ съ двумя защепками. На верхней доскѣ Евангелія имѣются въ двухъ верхнихъ и одномъ нижнемъ — правомъ — углахъ металлическіе изъ красной мѣди съ слѣдами посеребренія фигурной работы выпуклые наугольники съ выгравированными на нихъ изображеніями евангелистовъ: въ верхнемъ лѣвомъ углу — Матѳея, въ правомъ верхнемъ — Марка и въ нижнемъ — Іоанна. Евангелисты изображены сидящими и держащими въ рукахъ раскрытыя книги. Имена евангелистовъ означены славянскими буквами, при чемъ евангелиста Маркъ названъ: „Марко“. Четвертое угловое изображеніе св. Луки очевидно утеряно. По срединѣ верхней доски прикрѣплена овальная съ узорчатыми краями доска (тоже мѣдная со слѣдами посеребренія), середина коей выпукла. На выпуклой части ея выгравировано изображеніе деревяннаго креста съ распятымъ Спасителемъ и предстоящими по сторонамъ креста Божіей Матерью и Іоанномъ Богословомъ. Вдали видны постройки города. Внизу креста изображенъ человѣческой черепъ, лежащій на двухъ костяхъ, сложенныхъ накрестъ. Вверху креста прибита таблица съ буквами: *I. N. B. I.* Спаситель изображенъ съ склоненной на правую сторону головой въ терновомъ вѣницѣ, съ закрытыми очами съ выраженіемъ на лицѣ скорби; стопы упираются о перекладину, каждая стопа прибита особымъ гвоздемъ. Съ правой стороны верхней части на-

ходятся буквы $\Gamma\Sigma$, а съ лѣвой $X\Sigma$. Вокругъ головы Спасителя очерченъ кругъ, раздѣленный линіями на 3 части, въ срединѣ вѣнца находятся буквы — съ правой стороны о, вверху ш, съ лѣвой стороны буквы не видно. Предстоящіе Богоматерь и св. Іоаннъ изображены съ полуопущенными глазами, съ выраженіемъ скорби на лицѣ. Св. Іоаннъ изображенъ молодымъ съ открытой главой. Надъ главой Богоматери выгравированы буквы: „И ΘV“, а надъ главой Іоанна: „IΩANN“. Главы предстоящихъ очерчены кругами. Вверху креста выгравировано изображеніе серафима съ полуопущенными глазами, а внизу креста гербъ: щитъ съ четырехконечнымъ крестомъ въ срединѣ; въ верхней части креста трехугольникъ, подъ крестомъ звѣзда, а подъ звѣздой луна. По обѣимъ сторонамъ трехугольника изображены буквы, съ правой „И“ а съ лѣвой „В“. Въ боковыхъ частяхъ овала по узорчатымъ краямъ его выгравированъ узоръ изъ листьевъ. Гравировка на всѣхъ металлическихъ частяхъ довольно тонкая, изящная, мѣстами со штрихами; тщательно отдѣланы не только лица и тѣло Спасителя и предстоящихъ, но даже одежда ихъ. На нижней доскѣ переплета имѣются четыре, по угламъ, металлическія (изъ красной мѣди) со слѣдами посеребренія выпуклыя ножки (пукли), а въ срединѣ доски небольшой металлическій продолговатый четырехугольникъ, середина коего выпукла и на выпуклой части изображенъ тотъ же гербъ, что и на лицевой сторонѣ. На обрѣзахъ листовъ видны слѣды красной краски.

Евангеліе писано крупнымъ уставомъ на бумагѣ съ поперечными рубчиками, продольными полосами и водянымъ знакомъ въ видѣ четырехугольника, верхній край коего закругленъ; вверху закругленія имѣется какая-то фигура въ родѣ буквы „И“. Середина четырехугольника раздѣлена поперечной полосой на двѣ части — нижнюю меньшую съ изображеніемъ какихъ-то знаковъ, и верхнюю бѣльшую, въ которой изображены въ наклонномъ положеніи двѣ полосы съ какими-то неясными фигурами. Бумага спита тетрадами по 8 четвертушекъ въ каждой. Длина четвертушки 28 сант., ширина $20\frac{1}{2}$ сант. Всѣ тетради перенумерованы внизу славянскими цифрами, всѣхъ ихъ въ Евангеліи 69.

Евангеліе начинается общимъ введеніемъ ко всѣмъ 4-мъ евангелистамъ, изложеннымъ на трехъ страницахъ. Введеніе начинается словами: „Господи Іисусе Христе едиnorodнаго и безначальнаго ти Отца...“ Слово Іисусъ пишется большею частію такъ: „iv“. За общимъ введеніемъ находится оглавленіе, по главамъ, къ евангелію Маттея, за нимъ предисловіе Теофилакта, архіепископа Болгарскаго, и затѣмъ уже текстъ Евангелія. Въ концѣ оглавленія Евангелія имѣется скорописная польская надпись: *Ta xięga pazywaięsa się ewangelia iest cerkwi Iwanic „Л: I: П: Р: j:“* На первомъ листѣ текста Евангелія находится заставка, составленная изъ геометрическихъ фигуръ; линіи фигуръ вызолочены и самыя фигуры раскрашены розовою и голубою краскою, положенною довольно густымъ слоємъ; внутри фигуръ сдѣланъ мелкій узоръ, состоящій изъ листиковъ, цвѣтковъ и т. п., исполненный густоналоженною бѣлою краскою (гуашью); узоръ, несмотря на свою миниатюрность, выведенъ четко, красиво, видимо опытною рукой. Первая буква Евангелія „К“ фигурная, состоитъ изъ узорчатаго столба, возлѣ котораго извивается змѣя, держащая во рту листъ. Буква раскрашена желтою, сѣрою и синею краскою. Названіе Евангелія и нижнія двѣ строки страницы, за-

ключающія обозначеніе времени, когда читается Евангеліе отъ Матѳея, писаны киноварью. На лѣвой страницѣ Евангелія, неисписанной, въ мѣстѣ, соотвѣтствующемъ положенію заставки на правой страницѣ, вырѣзанъ четырехугольникъ, равный величинѣ заставки, и образовавшееся отъ этого пустое мѣсто заклеено кускомъ тонкой, отъ времени выцвѣтшей, шелковой матеріи, видимо въ предупрежденіе порчи заставки (такія же вставки имѣются и при остальныхъ заставкахъ Евангелія). На оборотѣ каждой страницы, въ наружномъ верхнемъ углу, имѣются сдѣланные киноварью инициалы Матѳея (то же и у другихъ евангелистовъ). На каждой страницѣ помѣщается 16 строкъ текста Евангелія, исписанныхъ чернилами, кромѣ текста на нѣкоторыхъ страницахъ внизу, а иногда съ боковъ и вверху помѣщены добавочныя строки, сдѣланныя киноварью, заключающія въ себѣ обозначеніе времени чтенія Евангелія и начальныя слова его. Текстъ какъ Евангелія, такъ и добавленій писанъ по линейкамъ, графленнымъ чѣмъ-то острымъ. Евангеліе Матѳея написано на 17 тетрадяхъ и одной страницѣ. Въ концѣ Евангелія находится такая приписка, сдѣланная уставомъ, киноварью: „конецъ еже отъ Матѳея святаго Евангелія стиховъ ѡѢХ . издается самымъ тѣмъ по лѣтѣхъ ѿ Христова вознесенія“. За Евангеліемъ отъ Матѳея находится оглавленіе Евангелія отъ Марка, за нимъ предисловіе, безъ означенія имени автора, начинающееся словами: „еже отъ Марка святое Евангеліе по десяти лѣтѣхъ Христова вознесенія“. На первой страницѣ текста Евангелія отъ Марка имѣется заставка, изображающаяся продолговатый четырехугольникъ, заключающій въ срединѣ два кружка съ узоромъ въ родѣ листьевъ; кружки соединены наискось двумя линіями, между кружками помѣщены фигуры, состоящія изъ листика, шести крыльевъ и другихъ изображеній. Отъ верхней и боковыхъ сторонъ четырехугольника заставки идутъ отъ верхней стороны вверху, а отъ боковыхъ въ соотвѣтствующую сторону вѣточки съ виноградными кистями и листиками на концахъ. Вверху четырехугольника по срединѣ надъ узорчатой фигурой помѣщена какая-то птица. Фонъ заставки вызолоченъ, а фигуры ея раскрашены голубой, красной и зеленоватой краской. Линіи заставки и круги выведены тщательно, видимо при помощи какихъ-либо инструментовъ. Внутри раскрашенныхъ фигуръ имѣется болѣе мелкій узоръ, сдѣланный бѣлою краской, густо наложенной; узоръ состоитъ изъ разныхъ завитушекъ и линій. Первая буква текста Евангелія „З“ состоитъ изъ изображенія изогнутой змѣи съ добавленіемъ листочка, цвѣточка, ягодъ и разныхъ линій; буква раскрашена желтою, сѣрою и синей краской и каймлена — киноварью. Заглавіе Евангелія и время чтенія перваго евангелія а также боковые знаки сдѣланы киноварью, — самый же текстъ писанъ чернилами. Евангеліе оканчивается на тридцатой страницѣ. Въ концѣ Евангелія находятся слѣдующія слова, сдѣланныя киноварью: „конецъ еже отъ Марка святаго евангелія издаеся по лѣтѣхъ Ѡ тѣхъ Христова вознесенія стиховъ ѡѢХ “. За евангеліемъ отъ Марка слѣдуетъ оглавленіе евангелія отъ Луки и предисловіе къ этому послѣднему. Заставка на первомъ листѣ Евангелія отъ Луки состоитъ изъ какихъ-то двухъ птицъ, помѣщенныхъ въ продолговатомъ четырехугольникѣ, нижній край котораго немного выгнутъ внутрь. Углы и края четырехугольника перевиты золочеными полосами, по угламъ и по срединѣ верхней стороны четырехугольника имѣются фигуры: въ верх-

нихъ углахъ геометрическія, а въ нижнихъ состояція изъ головъ змѣй, держащихъ во рту по длинному листу. Вверху заставки нарисована небольшая птичка. Туловище, головы и лапы птицъ вызолочены, крылья простыя, фонъ заставки частью красный, частью голубой; по голубому фону выведенъ бѣлою краскою мелкій узоръ. Первая буква Евангелія „П“ состоитъ изъ двухъ узорчатыхъ столбовъ, загнутыхъ въ верхнихъ краяхъ внутрь, а въ нижнихъ наружу. Раскрашена она желтою, сѣрою съ зеленоватымъ оттѣнкомъ и синею красками. Названіе Евангелія, обозначеніе времени чтенія перваго евангелія, а также боковые знаки сдѣланы киноварью. Молитва Господня имѣетъ слѣдующія отступленія отъ принятаго теперь текста: „Отче нашъ иже на небесѣхъ... да будетъ воля твоя. Хлѣбъ нашъ насущный подавай намъ на всякъ день и остави намъ грѣхи наша, ибо и сами оставляемъ всякому должнику нашему...“ Евангеліе оканчивается на 49-й тетради, въ концѣ его помѣщено слѣдующее: „конецъ еже отъ Луки святое евангеліе, стиховъ ѿѿ, издается по лѣтѣхъ ѿ Христова вознесенія“. За Евангеліемъ отъ Луки слѣдуетъ оглавленіе Евангелія отъ Іоанна, предисловіе къ нему и затѣмъ самый текстъ. На первомъ листѣ текста находится заставка, напоминающая въ общемъ верхнюю часть дверной драпировки въ складкахъ съ двумя подхватами; средняя часть узора заставки, состоящаго изъ завитушекъ съ двумя птичьими головами, держащими въ клювъ кольца, вызолочены, а остальная часть раскрашена красной, розовой, голубой и зеленой (мутнаго колорита) краскою; внутри заставки по фону выведенъ бѣлой и голубой краскою очень мелкій изящный узоръ, состоящій изъ листиковъ и цвѣтковъ; на фонѣ полосы, окаймляющей заставку, выведенъ мелкій геометрическій узоръ. Заглавную букву текста Евангелія „Ѳ“ изображаетъ лежащая птица о трехъ крыльяхъ съ змѣинымъ хвостомъ, держащая во рту вѣтку цвѣтовъ (см. таб. XXVIII). Названіе евангелія, боковые знаки и двѣ послѣднія строки первой страницы, заключающія въ себѣ обозначеніе времени чтенія перваго евангелія, сдѣланы киноварью. Текстъ Евангелія оканчивается на 64-й тетради; въ концѣ текста находится слѣдующее добавленіе: „конецъ еже отъ Іоанна благовѣтствованію, издѣ по лѣтѣхъ ѿ Христова вознесенія, стиховъ ѿѿ“. За Евангеліемъ отъ Іоанна помѣщенъ Сборникъ мѣсяцевъ, но перваго листа въ немъ недостаетъ, вслѣдствіе чего Сборникъ начинается съ 9-го сентября. Судя по тому, что на лѣвой чистой страницѣ Сборника имѣется такая же шелковая вставка, какія имѣются въ началѣ cadaго Евангелія, слѣдуетъ заключить, что въ началѣ Сборника имѣлась заставка. Названіе мѣсяцевъ таково: Октоврій, Ноемврій, Декамврій, Яннуарій, Февруарій, Марогъ, Апрѣль, Маи, Іунь, Іуль, Августъ. Дванадцатые праздники означены киноварью, а остальные числа чернилами, въ числѣ ихъ праздникъ Воздвиженія (14 сентября) обозначенъ тоже чернилами. Подъ 1-мъ октября праздникъ Покрова Пресв. Богородицы не значится. Подъ 3-мъ ноября означено празднованіе освященія церкви св. великомуч. Георгія, при чемъ первыя слова написаны киноварью. Подъ 6-мъ декабря означено чернилами: „иже во святыхъ отца нашего Николаѣ“. 1-е января праздникъ Обрѣзанія означенъ киноварью. Въ мартѣ отмѣчено всего три числа: 1-е — день празднованія 40 мучениковъ, иже въ Севастіи; 25-е — день Благовѣщенія и 26-е — соборъ арх. Гавріила. Русскихъ святыхъ — Бориса и Глѣба и св. Владиміра въ Сбор-

никѣ нѣтъ. — За Сборникомъ слѣдуетъ указаніе, какъ читаются евангелія въ передвижные праздники и великимъ постомъ; указаніе евангелій на всякіе случаи: надъ имущими духъ недужій, за болящихъ, на освященіе церкви, за „потруся“, за бездождіе, о побѣдѣ церкви, о нашествіи языки, о запалени, за вся прошенія, исповѣданію, женамъ, страха ради; за тѣмъ слѣдуетъ наставленіе, какъ читаются евангелія, т.-е. откуда слѣдуетъ ихъ начинать и гдѣ кончать и, наконецъ, означеніе евангелій на каждую недѣлю года.

Текстъ Евангелія писанъ буквами разной величины и видимо разными лицами, болѣе опытными и менѣе опытными въ письмѣ. — Юсы въ текстѣ Евангелія употребляются.

Когда и кѣмъ написано это Евангеліе, — свѣдѣній въ немъ не заключается, но можно думать, что написано оно не позже XVI вѣка: въ той же Иваницкой церкви, въ которой хранилось Евангеліе, имѣется рукописная Минея за нѣсколько мѣсяцевъ, письма XVI в., — въ ней по листамъ сдѣлана надпись о разныхъ предметахъ, пожертвованныхъ бывшими владѣльцами с. Иваничъ — Иваницкими въ концѣ XVI вѣка въ свою церковь, и въ числѣ этихъ предметовъ упоминается и рукописное Евангеліе, очевидно то, которое описано здѣсь.

Примѣчаніе. Село Иваничи расположено въ Владиміро-Волынскомъ уѣздѣ, на границѣ съ Австріей (Галиціей), въ 28 верстахъ отъ уѣзднаго города. Въ немъ въ 1887 году было 665 душъ обоюга пола. Въ XVI вѣкѣ оно принадлежало православнымъ помѣщикамъ Иваницкимъ, которые много заботились объ украшеніи церкви своего села и которые надѣлили ее многими предметами. Изъ числа этихъ предметовъ сохранились слѣдующіе: 1) кипарисный ручной крестъ въ серебряной оправѣ съ вырѣзанными, довольно тонко, изображеніями нѣкоторыхъ двунад. праздниковъ и святыхъ; на оправѣ вычеканена дата (XVI в.); 2) рукописныя минеи за нѣсколько мѣсяцевъ, и 3) образъ Благовѣщенія Пресв. Богородицы, писанной нѣкимъ Федоскомъ, изъ Самбора, по заказу Матрены Иваницкой въ 1579 году. То обстоятельство, что столько древнихъ предметовъ сохранилось въ Иваницкой церкви, объясняется тѣмъ, что въ селѣ Иваничахъ долгое время — въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній — священствовалъ одинъ и тотъ же родъ, ревниво относившійся къ святынямъ своего храма.

4. Евангеліе 1608 г. Архангело-Михайловской церкви села Омельно, Луцкаго уѣзда Волынской губерніи.

Евангеліе въ дощатомъ переплетѣ, обтянутомъ холстомъ, поверхъ котораго оно покрыто было малиновымъ сукномъ, остатки коего сохранились на верхней доскѣ Евангелія; металлическихъ украшеній не имѣется, но судя по отпечаткамъ на сукнѣ, они были и состояли изъ средняго, угловыхъ для изображеній евангелистовъ и четырехъ шестиконечныхъ звѣздочекъ, расположенныхъ вокругъ средняго изображенія. Текстъ Евангелія писанъ уставнымъ письмомъ на рубчатой бумагѣ съ водяными неясными знаками, часть его писана на бумагѣ съ знакомъ, изображающимъ овалъ съ разными наружными украшеніями; въ срединѣ овала изображенъ стоящій на заднихъ

лапахъ левъ съ короной о трехъ зубцахъ на головѣ, а часть также написана на бумагѣ съ водянымъ знакомъ, напоминающимъ щитъ, въ срединѣ коего помѣщенъ кувшинъ съ цвѣткомъ. Евангеліе украшено раскрашенными заставками, состоящими главнымъ образомъ изъ круговъ и перевитыхъ на разный ладъ линий; кромѣ того въ началѣ cadaго Евангелія имѣется по заглавному листу, украшенному по краямъ, въ видѣ каймы, рисунокъ, состоящимъ изъ перевитыхъ линий и раскрашеннымъ акварелью.

На первой страницѣ Евангелія, украшенной каймой, находится слѣдующая надпись, сдѣланная уставнымъ письмомъ: „Евангеліе тѣтръ первая часть Новаго Завѣта, еще есть, четыри бѣговѣстія. иже бесѣдуютъ о бѣжтвѣ хѣѣ, и о его вѣчлченіи и рѣжтвѣ, истраданіи, и вѣскрѣніи, и възнесеніи, и чудесехъ иже на земли створи:“ На оборотѣ этой страницы помѣщена слѣдующая молитва: „Гі Ісе Хѣ сѣ едиnorodный безначального отца, рекій прѣтими ти оусты. яко без мене не можете творити ниче-соже. но Гі мои Гі, вѣрою объемъ въ дѣиіи моей, и въ срѣци, тобой реченная. припадаю твоей бѣгости, помози ми грѣшному, сѣ желанное мною наченъ о тебѣ самомъ и навершити. Сицевыя ради надежды прочитати дѣиі. глеть бо Хѣ, огонь пріидохъ вѣрещи на землю, сѣдателей же сей вещи лукаваго естества. иже и вжещися вѣскрѣхочеть. сирѣчь, еѣльское проповѣданіе, еже образомъ огня очищаетъ, и погубляетъ согрѣшенія вѣрующѣ. аминь:“

Предъ Евангеліемъ отъ Марка помѣщена слѣдующая молитва: „Слава Тебѣ Гі цѣу сѣ Бѣа живаго иже глѣ Твоего Еѣлія слышати. мене недостойнаго сподобивый. Симъ влѣннымъ Твоимъ гласомъ оукрѣпи мене въ обращеніи и покаяніи препровождати ноцъ настоящая жизни. Отъ всякаго избавляй мя навѣта, и злобы видимыхъ и невидимыхъ врагѣ. Ты бо еси единъ сильный и царствующій во вѣки аминь:“

Предъ Евангеліемъ отъ Луки помѣщена молитва: „Вѣсіай въ сеѣца наша вѣко слѣде истинное, правды Твоея. Просвѣтити оумъ нашъ, и чювства вся соблюди. яко да въ дѣе бѣгообразно ходяще по пути еѣльскихъ заповѣдей Твоихъ, дойдемъ жизни вѣчныя, яко ѿ тебе есть источникъ животу. и въ наслажденіи, да сподобимъсѣ быти неприкосновенному Твоему свѣту. Яко Твое есть цѣтво, и сила, и слава ѿца, и сѣа и стѣго дѣа. и нѣѣ, и прѣно, и во вѣки вѣкомъ аминь“.

Въ началѣ евангелія отъ Іоанна помѣщена слѣдующая молитва: Вѣсіавый въ сеѣцахъ нашихъ чѣколюбче влѣко, нетлѣнный свѣтъ бѣгоразумія Твоего. и мысленныя наша ѿверзи очи; во еже разумѣти еѣльская Твоя проповѣданія. вѣложи же въ насъ, и страхъ бѣженныхъ Твоихъ заповѣдей. да плотскія похоти вся поправше, дѣховнымъ жительствомъ пройдемъ и мудрствующе и дѣюще. Ты бо еси просвѣщеніе дѣиі нашихъ хѣ Бѣ и Тебѣ славу възсылаемъ съ безначальнымъ ти оцѣмъ и прѣтымъ и бѣгымъ и животворящимъ ти дѣмъ и нѣѣ и прѣно и во вѣки вѣкомъ аминь:“

За приведенными молитвами помѣщены сначала оглавленіе cadaго евангелія съ ссылками на главы другихъ евангелистовъ, сходныя по содержанию, затѣмъ — предисловія (предъ Евангеліемъ отъ Матѣея — Теофилакта, архіепископа Болгарскаго) и, наконецъ, самый текстъ Евангелія. За Евангеліемъ отъ Іоанна помѣщено указаніе, какъ читаются евангелія вообще, когда и въ какомъ порядкѣ читаются евангелія (озаглавленъ этотъ отдѣлъ такъ: Сказаніе, пріемлющее всего лѣта число евангель-

ское...), затѣмъ слѣдуетъ указаніе евангелій: воскресныхъ, повседневныхъ, великопостныхъ, заупокойныхъ. Далѣе слѣдуетъ „Сборникъ 12 мѣмъ сказуя главы коемуждо евангелію, избраннымъ святымъ и праздникомъ гдскимъ“. Мѣсяцы названы такъ: 1) Септеврїе; въ немъ праздничные дни, отмѣченные киноварью; 8-е Рождество Пр. Богородицы, 14-е Воздвиженіе честнаго креста, 23-е Зачатіе Іоанна Крестителя, 26-е Преставленіе апостола Іоанна Богослова; 2) Октоврїй; праздничные дни: 26 память св. великомученика „Демитрія“; 1-е число — Покровъ Пр. Богородицы отмѣченъ черною краскою, какъ день неспраздничный; 3) Ноемврїй; киноварью отмѣченъ: 8 число — Соборъ св. архистратига Михаила, 13-е память св. Іоанна Златоустаго, и 21-е Введеніе въ цркви Пр. Владычица наша Бѣа; 4) Декемврїе; отмѣченъ киноварью: 6-е число „иже во стыхъ отца нашего Николы“, 25-е и 26-е числа; подъ 21 числомъ означены: „святая мчница Оуліаны и преставленіе стго Петра митрополита Московскаго; 5) Генварь; киноварью отмѣчено только 6-е число; 6) Февраль; киноварью означены 2-е число — Стрѣтеніе Господне и 24-е — Обрѣтеніе честныя главы св. Іоанна Крестителя; подъ 13-мъ числомъ значится: преподобн. отца Мартиніана и Семиона сѣбскаго новаго мротоцца; 7) Мароть; какъ праздничный день отмѣчено киноварью только 25-е число — день Благовѣщенія Пр. Богородицы; 8) Апрѣль; киноварью отмѣченъ 23-е число память „ св. Великомученика и побѣдоносца хва Геогія и 25-е число св. апостола и евангелиста Марка; 9) Май киноварью отмѣченъ 8 число — св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова, 21-е число память св. великихъ царей „Костантина и мре его Елены“ и 25-е третее обрѣтеніе честныя главы Іоанна Предтечи; 10) Іжнь; киноварью отмѣченъ: 24-е число — Рождество св. пророка Іоанна Крестителя и 29-е — день св. верховныхъ апостоловъ Петра и Павла; 11) Іюль дней отмѣченныхъ киноварью нѣтъ, подъ 15 числомъ означены только свв. мученики Кирикъ и Улита, подъ 24-мъ числомъ св. мученица Христина и св. мученики Борисъ и Глѣбъ, и 12) Августъ киноварью отмѣченъ 6 число — Преображеніе Спасителя 15-е Успеніе Пр. Богородицы и 29-е число Усѣкновение главы св. Іоанна Крестителя; подъ 31-мъ числомъ означено Положеніе честнаго пояса Пр. Богородицы въ халкопратіи

За Сборникомъ слѣдуютъ евангелія общія въ память святымъ и евангелія на всякую потребу (т.-е. означаніе евангелій): надъ имущимъ духъ недужъ, за болящихъ, на освященіе церкви, труса ради, о запаленіи, страха ради, за бездождіе, о побѣдѣ „церквѣ“, о нашествіи язвы, за всяко прошеніе, исповѣданію, исповѣданію женамъ, 7 евангелій на освященіе масла мужемъ, „а се на освященіе масла женамъ“.

На послѣдней страницѣ Евангелія имѣется слѣдующая надпись, сдѣланная чернилами, по цвѣту вполне сходными съ чернилами, которыми написанъ текстъ евангелія, и тоже уставнымъ письмомъ: „Похвально желаніе подвигнули есте о блгочестивіи въ члцѣ. якоже познаваеми отъ прежде бывшаго бесѣдованія оусты къ оустѣ. и о семъ велми блгодарѣ Бѣ, яко и еще обрѣтаются избраніи Бжїи, паче же въ нѣѣшнее время лукавое посредѣ рода строптива, и развращенна. Но понеже понудили есте мя недостойнаго выше моя мѣры на сіе дѣло. Азже есмь члкъ грѣшенъ, и немощенъ бояхся начати таковая, ктому же смотря свое неприлежаніе и лѣность и неразуміе, на мнозѣ отлагахъ. Тѣмже соуза ради дхвныя любви, и мы устремляеся нераз-

суднымъ послушаніемъ ваше заповѣданіе сѣтворити. поспѣшующимъ вамъ мѣтвомъ и вѣрою. яко всяко по вѣрѣ вашей къ Бѣ буди вамъ. Убѣдихжеса на се, помышляющу ми съкрывшаго талантъ. И начахъ сію стую книгу четыри благовѣстіа Матѣея. Марка. Луку. Іоан писати. Въ лѣто же отъ созданія миру *ѠРѠІ. а отъ воплощенія гнѣ *АХИ. мѣа юля ѿ дня. вселѣ Коршевѣ во имѣніи князя кошѣрскаго. При державѣ великаго короля пѣскаго Жикгимонта третаго докончахъ. Молю же вы любовію Гѣ нашего йса Хѣ, давшего себе о грѣсѣхъ нашихъ. аще когда прилучится кому во сію стую книгу евангельскую вникнути той прежде всѣхъ Бѣ блѣтъ да въздаваетъ. Потомъ же его мѣти пану Феодору Ковину Гребѣскому и съ подружіемъ его Феодосіея и съ бѣгородными его отрочати, и со всѣми бѣгопослушательными его домочѣцѣ, многолѣтнаго зѣавія да просить, отъ того же богатодавца Гѣ. Таже молю вы и мене не забудѣте трудившагося многогрѣшнаго Іоан но мещите ми оуломки дарованія дѣховны, и алчущи ми агглѣскаго хлѣба. и жаждущу дѣховнаго сего пива да получю прощеніе бесчисленны свѣ грѣховъ. Аминь". — Въ этой надписи тѣ строки, въ которыхъ говорится о мѣстѣ написанія Евангелія и о лицахъ, при коихъ оно написано, замараны чернилами по строкамъ, но тѣмъ не менѣе замаранныя строки читаются свободно.

Кромѣ приведенной надписи въ Евангеліи имѣются еще слѣдующія, сдѣланныя скорописью: снѣ книга Евѣе стое церкви Мельницкой храму Вознесенія Господа Бога нашего Гѣ Христа. На оборотѣ страницы находилась другая надпись, сдѣланная чернилами древнимъ скорописнымъ письмомъ, но большинство строкъ этой надписи замазано густо чернилами, кромѣ того самая страница съ этой стороны была заклеена чистымъ листомъ бумаги, особенно тѣательно были замазаны чернилами тѣ строки, въ которыхъ упоминались имена и фамиліи. Изъ первой строки надписи, перечеркнутой довольно слабо и потому доступной чтенію видно, что надпись сдѣлана была 4 сентября 1608 года, именно она читается такъ: „по лѣтѣхъ Божія народженія *АХИ мѣа септевриа ѿ дня...“ Затѣмъ изъ разобранныхъ отдѣльныхъ словъ надписи можно заключить, что въ этой надписи говорилось о покупкѣ настоящаго Евангелія и пожертвованіи за отпущеніе грѣховъ „ко храму святого архiereя чудотворца Николы“ — По нижнимъ полямъ первыхъ страницъ Евангелія отъ Матѣея идетъ слѣдующая надпись, сдѣланная скорописью, но другимъ почеркомъ и чернилами, чѣмъ предыдущая (заклеенная): „року Божія *АХИ мѣа септевриа ѿ дня продана (какъ будто: божественная) сия книга на имя Евангеліе тетръ до села (затертое чернилами слово) до храму чудотворца Николы ко чти и ко хвалѣ въ троицѣ Единому Богу а отмѣнилъ сию книзу рабъ Божій Феодоръ (далѣе, какъ будто: Цовуть)... (должно быть: съ женою) своею Феодосіей со отрочаты своими и купилемъ за свои властны пѣнязѣ для своего душевнаго спасенія и телеснаго... (далѣе не разборчиво и отпущеніе грѣховъ... (не разборчиво) будетъ отецъ Лука или сынъ его изъ сея книзи Гѣ Гѣ честь и хвалу отдавати повиненъ за нихъ вышемѣненныхъ Гѣ Гѣ просити (неразборчиво) поминати а продана сию книзу вѣчно и не порушена на вѣки вѣчны (неразборчиво) святыхъ отецъ тринадцать иже въ Никеи до храму святого архiereя чудотворца Николы и на честь единому Богу Отцу и снѣ и святому духу амѣнь. — Многія слова въ этой надписи зачеркнуты чернилами, въ особенности тамъ, гдѣ упоминаются имена и фамиліи, а потому трудно читаются.

Въ текстѣ Евангелія встрѣчаются юсы (ж) но очень рѣдко.

Изъ знаковъ препинанія употребляются точки, часто замѣняющія запятыя; запятыя; точки съ запятой, впрочемъ очень рѣдко и опредѣленнаго употребленія не имѣютъ; такъ, ставятся онѣ иногда вмѣсто восклицательнаго знака, а иногда вмѣсто запятой; вмѣсто знака вопросительнаго служитъ точка; выносный знакъ пишется такъ: ./.

Текстъ Евангелія дѣлится главнымъ образомъ на зачала, обозначаемыя словомъ за и славянской цыфрой, то и другое сдѣлано киноварью; кромѣ зачалъ текстъ имѣетъ еще какіе-то дѣленія, обозначенныя черною краскою; эти дѣленія больше дѣлений на зачала и не соотвѣтствуютъ главамъ, на примѣръ зачалу 63 отъ Луки соотвѣтствуютъ дѣленіе 44, а зачалу 65 — дѣленіе 45 и т. д. Кромѣ]того въ текстѣ Евангелія обозначены и главы, но самый текстъ не дѣлится на главы, а просто обозначаются онѣ на поляхъ полууставнымъ письмомъ.

Евангеліе не имѣетъ нумерацій по листамъ; перенумерованы только тетради, состоящія изъ 10 страницъ. Текстъ Евангелія писанъ чернилами, а вставки, не относящіяся къ тексту, киноварью. Въ молитвѣ Господней имѣется слѣдующее отступленіе отъ общепринятаго теперь текста ея: „хлѣбъ нашъ насущный подавай намъ на всякъ день и остави грѣхи наша ибо и сами оставляемъ всякому длъжнику нашему“.

Особенность Евангелія составляютъ поясненія или переводъ нѣкоторыхъ словъ текста, болѣе трудныхъ для пониманія, на современный написанію его южнорусскій языкъ; переводъ этотъ сдѣланъ въ видѣ выносокъ на внутреннихъ поляхъ Евангелія. Въ немъ переведены слѣдующія слова :

I. Въ Евангеліи отъ Матѳея.

Главы и зачала.	Подлинныя выраженія.	Переводъ ихъ.
гл. 1. зач. 1.	Отъ Оуріинны (Давидъ же царь роди Соломона отъ...)	Вирсавія
гл. 2. зач. 3.	влъсви	мудрцѣ
зач. 4. гл. 3.	поруганъ	зблазненъ
зач. 5.	отъ власъ вельбужъ	з шерсти верблюдови
зач. 6. гл. 4.	о немъ же благоволихъ	который ся ми подобалъ
зач. 10. гл. 5.	десятиградъ	Декаполіи
зач. 11.	дондеже	ажъ поки
зач. 12.	рака	трупѣ
	юрое	глуцѣ

Главы и зачала.	Подлинныя выраженія.	Переводъ ихъ.
зач. 12.	буди оувѣщеваяся съ соперни- комъ кодрантъ	будь доброй воли съ противни- комъ квартнѣй
зач. 15. гл. 6.	язычницы	погани
зач. 16.	лидемъры	соблудни
зач. 17. гл. 6.	съкровища ни червь ни тля	скарбовъ ни моль ни ржа
зач. 18. гл. 7.	тотма колми мамонѣ.	тая темность колкая есть брухови
зач. 20. гл. 9.	колми паче	яко болше
зач. 29.	ослаблена жилами власть	парализемъ зараженного моць
зач. 32. гл. 10.	кровоточива (жена)	кривавую бѣгунку
зач. 34.	на путь языкъ	на дорогу погановъ
зач. 35.	пиры цѣлуйте	тайстры поздоровляйте
зач. 37.	яссарию	пѣввязъ
зач. 43. гл. 11.	иго	ярмо
зач. 44.	оквозѣ сѣянїя	черезсѣвбу
зач. 48. гл. 13.	порожденїя ехиднова	племя гадинье
зач. 56.	тектоновѣ (сынѣ)	теслинѣ
зач. 59. гл. 15.	варити призракъ	упередити покуса
зач. 61.	афедрономъ исходитъ	задомъ выходитъ
зач. 64. гл. 17.	варѣ іюна сѣблзаниѣ	сыне іонинѣ погоршѣнемъ
зач. 73.	дидрахма кѣпсонѣ статирѣ	вортѣ чиншѣ польворта
зач. 74.	оуне ему есть	пожиточнѣй
зач. 75.	язычникѣ и митарѣ	поганїй и яввогрѣшнѣй
зач. 77.	клеверетѣ стязатися о словеси	з товаришовѣ личбу класги

Главы и зачала.	Подлинныя выраженія.	Переводъ ихъ.
гл. 20. зач. 80.	приставнику	шафиру
гл. 21. зач. 82.	оссанна яремнича	дай здоровье рабочей ослицѣ
гл. 24. зач. 103.	стражу и протегнетъ его полма	годину розотнетъ его на полы
зач. 105.	и стязася о словеси жестокъ	чинилъ личбу трудный
гл. 26. зач. 108.	негодовате труждаете	за зло мѣли працю задаете
гл. 27. зач. 111.	(предъ) игемономъ	старостюю.

II. Въ Евангеліи отъ Марка.

гл. 1. зач. 1.	оусмѣнъ	з невычаняной скоры
гл. 2. зач. 10.	сквозъ сѣянiя	черезъ сѣвбу
гл. 3. зач. 14.	и хулѣнiя	блюзнерства
гл. 4. зач. 17.	жатва	жнива
гл. 6. зач. 24.	спекулатора	ката
зач. 25.	на лѣхи	на части громадами
гл. 7. зач. 27.	и чваномъ	наливкамъ
зач. 28.	ползевался	подмогль
зач. 31.	злиха	збытне
гл. 12. зач. 55	кинсовъ	чиншъ
зач. 57.	кодрантъ	квартникъ
зач. 59.	помѣста	мѣсцами
зач. 60.	на кровѣ	на даху
зач. 62.	блюдѣте	стерезѣте
	бдите	чуйте

Главы и зачала.	Подлинныя выраженія.	Переводъ ихъ.
гл. 14. зач. 64.	виталица	домъ гостинный
зач. 65.	дреколми алекторъ пѣтель	кѣйми куръ пѣвень
гл. 15. зач. 67.	спиру	роту
гл. 15. зач. 67	прѣвируду	пурпуру
зач. 68.	есмирносменно	оцтяно.

III. Въ Евангеліи отъ Луки.

гл. 1. зач. 4.	цѣлова	поздоровила.
-------------------	--------	--------------

IV. Въ Евангеліи отъ Іоанна.

гл. 5. зач. 17.	на вы реку	вась оскаржилъ
зач. 23. гл. 7.	роптаху	шемрали
зач. 26.	необивуая	свободне
зач. 27. гл. 8.	распря	посварки
зач. 29. гл. 11.	въ газоэилакѣи	въ скарбицы
зач. 39.	прѣтя	въздхнулъ
зач. 40.	ощутить	вѣдалъ бы о немъ
зач. 41.	литру миру ване отъ фѣникъ	фунтъ водки (sic) розки палмовои
гл. 13. зач. 46. гл. 18.	поману	кивнулъ на него
зач. 58.	вертоградъ спира	огородъ рота
гл. 18. зач. 59.	въ преторъ	на ратушь
зач. 60. гл. 19.	Линостротонъ	каменное положеніе
зач. 62.	литръ вертъ	фунтъ огородъ
зач. 66.	епендитомъ	сукнею

Подлежащее переводу слово текста обозначено рядомъ красныхъ точекъ, переводъ слова помѣщенъ на поляхъ евангелія на одной линіи съ нимъ и означенъ тоже красными точками, вслѣдствіе чего не встрѣчается затрудненія при опредѣленіи, къ какому именно слову текста относится имѣющийся на поляхъ евангелія переводъ.

Примѣчаніе 1. Село Омельно — Волынской губ., Луцкаго уѣзда, Колковской волости, лежитъ въ 38 верстахъ отъ г. Луцка на сѣверъ отъ него; имѣетъ свыше 600 жителей обоого пола; въ немъ деревянная Михайловская церковь, построенная въ 1776 году помѣщикомъ Велигорскимъ и прихожанами.

Примѣчаніе 2. Село Коршевъ — Волынской губ., Луцкаго уѣзда, Чаруковской волости, лежитъ въ 16—18 верстахъ отъ г. Луцка на юго-западъ отъ него; имѣетъ свыше 600 жителей, въ немъ каменная Крестовоздвиженская церковь, построенная въ 1777 г. заботами помѣщика Людвика Подгороденскаго; нынѣ село Коршевъ принадлежитъ помѣщику Бѣляеву.

Примѣчаніе 3. Мѣстечко Мельница, Волынской губ. Ковельскаго уѣзда, лежитъ въ 28 верстахъ отъ г. Ковеля, имѣетъ свыше 700 жителей; въ немъ Михайловская церковь, каменная, передѣланная изъ упраздненнаго римско-католическаго костела; зданіе церкви древнее, обращено алтарною стороною на востокъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что это былъ издревле православный храмъ; къмъ построенъ — неизвѣстно.

(Свѣдѣнія эти позаимствованы изъ „Девятисотлѣтія православія на Волыни 992—1892 гг.“, юбилейнаго изданія 1892 г., и изъ „Списка населенныхъ мѣстъ Волынской губ.“, изд. 1887 г.).

5. Евангеліе 1611 г. Михайловской церкви, Луцкаго уѣзда Волынской губерніи, с. Костюхновки.

Евангеліе въ бархатномъ, отъ времени полинявшемъ, переплетѣ. На лицевой сторонѣ его имѣются: 1) въ срединѣ бѣлая металлическая пластинка съ выгравированнымъ распятіемъ Спасителя съ предстоящими Богоматерью и апостоломъ Іоанномъ, крестъ восьмиконечный; надписи — „І. Н. Ц. І. Іс. Хс.“ „Марія“ и „Іоаннъ“ сдѣланы славянскими буквами. Въ вѣнцѣ, окаймляющемъ главу Спасителя, греческія буквы: ѡ ѡ н. Ноги Спасителя пригвождены ко кресту двумя гвоздями, внизу креста черепъ; вдали видна крѣпостная стѣна съ тремя башенками. По угламъ оклада находятся такія металлическія пластинки съ выгравированными на нихъ изображеніями евангелистовъ. Гравировка всѣхъ изображеній довольно неискусна. На оборотной сторонѣ Евангелія имѣется пять металлическихъ изъ бѣлаго металла выпуклыхъ (въ формѣ полушарій) ножекъ (пуклей). Евангеліе писано крупнымъ уставнымъ письмомъ на бумагѣ съ водянымъ знакомъ, напоминающимъ нѣсколько букву „ж“, съ заставками большими въ началѣ cadaго евангелиста, и меньшими — предъ оглавленіями и предисловіями, а также въ началѣ „Сборника мѣсяцемъ“. Заставки состоятъ въ большинствѣ случаевъ изъ закругленныхъ перевитыхъ линій, въ основаніе коихъ взятъ кругъ, съ добавленіями, состоящими изъ довольно изящно сдѣланныхъ вѣточекъ, цвѣтовъ и листиковъ. Двѣ же заставки (изъ меньшихъ) составлены исключительно изъ

однихъ цвѣтовъ. Цвѣтками изукрашены названія Евангелій, начальныя буквы каждого евангелиста и многія начальныя буквы зачалъ. Узоръ заставокъ и цвѣтовъ выведенъ киноварью и раскрашенъ красками: зеленою, синею (съ лиловатымъ оттѣнкомъ) и желтою (охрой). Въ нѣкоторыхъ заставкахъ и буквахъ встрѣчается темнолиловая краска съ красноватымъ оттѣнкомъ.

Текстъ Евангелія начинается оглавленіемъ къ Ев. Матѳея, причемъ въ краткомъ изложеніи содержанія нѣкоторыхъ главъ сдѣлана ссылка на главы другихъ евангелистовъ, въ коихъ говорится о томъ же, напримѣръ, 5-я глава озаглавлена „о прокаженнѣмъ“ и за симъ ссылка на мѣ. д, лѣка вѣ... (тоже повторяется и въ оглавленіи другихъ евангелистовъ). За оглавленіемъ слѣдуетъ предисловіе Теофилакта архіепископа Болгарскаго, а за тѣмъ текстъ самаго Евангелія (тотъ же порядокъ соблюденъ и въ отношеніи другихъ евангелистовъ). Въ текстѣ евангелій находится много ошибокъ и пропусковъ, дополненныхъ и исправленныхъ въ выноскахъ на поляхъ листовъ, судя по цвѣту чернилъ и почерку, другимъ лицомъ. Между буквами встрѣчаются „юсы“ но опредѣленнаго употребленія не имѣютъ, пишутся какъ придется, напримѣръ пишется „Ловка“ и „Лжка“. За евангеліемъ отъ св. Іоанна помѣщенъ сборникъ зачалъ, избраннымъ святымъ и праздникамъ, при чемъ названія мѣсяцевъ таковы: Септеврій, Октоврій (праздникъ Покрова 1-го числа и память св. мученика Димитрія 26-го числа означены киноварью, какъ дни праздничныя), Ноеврій (1-е число св. Козмы и Даміана означены киноварью), Декаврій, Генуарій, Февруарій, Мароть, Апрель, Май, Іюнь, Іюль (1-е число память свв. Козмы и Даміана означены киноварью, подъ 15-мъ числомъ упоминаются только Кирикъ и Улита) и Августъ; за Сборникомъ слѣдуетъ означеніе евангелій святымъ общимъ, перечисленіе зачалъ Евангелія на весь годъ по недѣлямъ, втеченіе четыредесятницы, страстной недѣли и на „всякъ случай“. Въ сборникѣ славянскіе святые не упомянуты. — Изъ знаковъ препинанія въ Евангеліи встрѣчаются — запятая, точка и вопросительный въ видѣ точки съ запятой, а также переносный знакъ въ видѣ — тире и подстрочный выносный въ видѣ =+ сдѣланный киноварью. Текстъ Евангелія дѣлится только на зачала, но обозначены и главы. Дѣленій на стихи нѣтъ. — Листы Евангелія нумерацій не имѣютъ, перенумерованы лишь тетради, коихъ 44. Обрѣзъ Евангелія узорчатый съ слѣдами позолоты. Переплетъ подклеенъ бумагой съ водянымъ знакомъ въ видѣ овала, въ срединѣ коего одноглавый орелъ съ какимъ-то изображеніемъ, похожимъ на лѣстницу, вверху овала дворянская корона; въ сторонѣ отъ этого знака латинскія буквы: **I. B.**

Въ концѣ евангелія имѣются слѣдующія двѣ записи: 1-я, сдѣланная болѣе темными чернилами, небольшимъ уставнымъ письмомъ, слѣдующаго содержанія: „изволеніемъ отца, споспѣшеніемъ сына, и свершеніемъ Святаго Духа. Списася сія книга глаголемая евангеліе божественныхъ Матѳея. Марка. Лоуки. Іоанна. въ веси нарицаемой Коукляхъ. Повелѣніемъ Благочестиваго и христіюлюбиваго Пна Марка Жаровничкаго соуца сына святое соборное апостольское вѣсточное цѣрке. Въ лѣто отъ созданія миру седмъ тысуца сто девятого надесять. А отъ еже по плоти Рождества Гā Бā и спаса нашего Іс̄ Х̄а тысуца шесть сотъ перваго надесять мѣа Февруарія дня пятаго. Рукою многогрѣшнаго раба Божіа Андрея Іаковича родомъ съ мѣста Ста-

раго Самбора“. Вторая надпись, сдѣланная скорописью болѣе блѣдными чернилами, слѣдующаго содержанія: „все же сіе святое евангеліе въ средѣ (въ срединѣ) исправи хужшій въ еромонасѣхъ Филаретъ речено Городелскій. Року *āχλγ̄. Февраля 20 въ дому сѣн... (далѣе заклеено должно быть священника) вом. отца Грегор (конецъ слова заклеенъ) въ Воли Костию... (далѣе заклеено; должно быть: Костюховской) рука властна“.

Примѣчаніе. Село Костюховка — Луцкаго уѣзда Волынской губ., лежитъ на сѣверъ отъ г. Луцка въ 80 верстахъ отъ него, жителей въ немъ числится теперь немного свѣше 500 об. пола; въ немъ церковь Михайловская, деревянная съ такою же колокольнею, неизвѣстно когда и кѣмъ построена; исправлена она въ 1868—69 гг.

Село Куклы тѣхъ же уѣзда и губерніи расположено тоже на сѣверъ отъ г. Луцка въ 67 верстахъ отъ него; въ немъ нынѣ жителей около 400 об. п.; имѣется Михайловская деревянная съ такою же колокольней церковь, неизвѣстно кѣмъ и когда построенная, приписана приходомъ къ с. Оконску Луцкаго уѣзда.

Городъ Старый Самборъ лежитъ въ Галиціи.

6. Евангеліе Михайловской церкви с. Костюховки, Луцкаго уѣзда (с. Подцеревичъ, того же уѣзда, Николаевской церкви).

Евангеліе въ кожаномъ переплетѣ, на коемъ золотомъ вытѣснены изображенія Распятія, евангелистовъ, Спасителя и т. п. Переплетъ, видимо, когда-то обтянутъ былъ зеленою шелковою матеріей, отъ которой сохранились только небольшіе куски. Сверху матеріи на лицевой сторонѣ Евангелія прикрѣплено четырьмя гвоздями вытѣсненное на металлической доскѣ изображеніе святителя Николая съ восьмиконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ и Евангеліемъ въ лѣвой; святитель изображенъ съ бородой, въ омофорѣ и старинной фелони, но безъ митры.

Евангеліе писано крупнымъ уставнымъ письмомъ на плотной бумагѣ съ водянымъ знакомъ въ видѣ овала и съ звѣздой наверху, въ срединѣ овала двухглавый орелъ съ возвышеніемъ между главъ. Начинается это Евангеліе оглавленіемъ къ Ев. Маттея съ ссылкой на другихъ евангелистовъ, за нимъ слѣдуетъ предисловіе къ тому же евангелисту Теофилакта, архіепископа „Българскаго“, безъ окончанія, которое видимо утеряно, и, наконецъ, самое Евангеліе. Тотъ же порядокъ соблюденъ и въ отношеніи другихъ евангелистовъ. На первомъ листѣ каждаго Евангелія имѣются заставки, состоящія изъ линий, перевитыхъ разнымъ способомъ, и фигурныя начальныя большіхъ размѣровъ буквы. Какъ заставки, такъ и буквы выведены киноварью со слѣдами позолоты, а частью синей мутной краской. Кромѣ большіхъ заставокъ, въ началѣ каждаго Евангелія имѣется нѣсколько мелкихъ, изъ нихъ одна сдѣлана чернилами. Нѣкоторыя заставки красивы и оригинальны, напр. въ началѣ Евангелія отъ Маттея.

Евангеліе имѣетъ слѣдующія особенности: предисловіе къ Евангелію отъ Марка начинающееся словами: „еже отъ Марка святое евангеліе“, значительно длиннѣе обыкновеннаго; въ концѣ его помѣщено описаніе символическихъ изображеній евангелистовъ: ангела, тельца, льва и орла. Предисловіе къ Евангелію отъ Иоанна тоже гораздо

длиннѣе обыкновеннаго, въ немъ добавлено перечисленіе свойствъ Іоанна: „простъ и кротокъ, и благодѣятѣльши и яко чистъ сердцемъ, сирѣчь дѣствѣникъ“ и разъяснена близость родства его съ Іисусомъ Христомъ, именно сказано, что онъ сынъ Саломіи сводной сестры Спасителя (дочери Іосифа отъ первой жены его).

За Евангеліемъ отъ Іоанна означеніе евангелій на всякій день и на каждую недѣлю года и избраннымъ святымъ и праздникамъ, при чемъ названіе мѣсяцевъ таково: Септевріе, Октовріе (праздника Покрова Пресвятой Богородицы нѣтъ), Ноемвріе, Декевріе, Генуарь, Февруарь, Мартъ, Апрель, Май, Іунь, Іуль и Августъ. Славянскихъ святыхъ нѣтъ въ Сборникѣ. Подъ 15 іюля обозначены только св. Кирикъ и Улита. За симъ слѣдуетъ означеніе евангелій на недѣли великаго поста, на страстную недѣлю, общимъ святымъ, на всякіе случаи и означеніе прокимновъ воскресныхъ на литургіи. Оканчивается Евангеліе таблицей, озаглавленной: „Указаніе главомъ и утреннимъ евангеліямъ, воскреснымъ апостоломъ и евангеліямъ литургіямъ“. Листовыхъ нумерацій въ евангеліи нѣтъ, а есть только нумерація тетрадей, коихъ 51.

Когда и кѣмъ написано это Евангеліе, указаній въ немъ нѣтъ. Въ срединѣ его находятся лишь слѣдующія надписи: 1-я въ концѣ предисловія къ Евангелію отъ Марка: „азъ іерей Ілия Гликусевичъ священникъ Смѣнскій купилемъ сію евангелію за свою квоту власную за золотыхъ лд (34) въ року ххчѣ мѣа Февруарія дня ѿ (5)“ и 2-я, въ срединѣ Евангелія отъ Матѳея на нижнихъ поляхъ листовъ: „азъ іерей Константинъ Ненадкевичъ парохъ Пулцеревицкій за стараніемъ моимъ и за вѣчнымъ спасеніемъ раба Божія Катерины (далѣе неразборчиво) и азъ многогрѣшный же бракъ слѣпій то того святого евангелія та укладенъ за спасеніе насъ о Богѣ вѣчное Романа Іонака за которое (далѣе неразборчиво) квота злотыхъ кс (26) мѣсяца Апріля дня осмого року ххшд (1734) при свѣдѣтеляхъ чтирохъ (далѣе въ родѣ: іеромона...) Пулцеравицкой и Колодиской первѣшаго въ отца Смѣнскаго, у котораго евангеліе куплено, а другіи Леонтій обиватель Колодинскій, третій Василій обиватель Пулцеревицкій а четвертій Зиновій Баметіа“. Далѣе слѣдуетъ: А ріетуу осіес Копstantу Ніенадкewіз (и еще какія-то два слова), а куплено до церкви Пулцеревицкой вѣчными часы а ежели бы могль кто его продати або одати Анафема да будетъ проклятъ во вѣкъ сей и будущій“. Обѣ надписи сдѣланы скорописью разными чернилами и почерками. Евангеліе подержано, но сохранилось относительно хорошо. Въ правописаніи встрѣчаются юсы, изъ знаковъ препинанія употребляются только точки.

Упоминаемое въ надписи с. Пулцеревици, нынѣ с. Старые Подцеревици (или Подчеревици) — Луцкаго уѣзда, въ 79 верстахъ отъ г. Луцка на сѣверъ отъ него, имѣетъ 130 жителей и деревянную Николаевскую церковь, неизвѣстно кѣмъ и когда построенную. Село съ церковью приписаны приходомъ къ с. Костюхновкѣ Луцкаго уѣзда. Дер. Колодін — того же уѣзда возлѣ с. Костюхновки.

7. Евангеліе 1634 г. Омеляницкой Успенской, г. Ровна Волынской губ., церкви, 1-й половины XVII вѣка.

Означенное Евангеліе величиною въ $\frac{1}{2}$ листа обыкновенной писчей бумаги, въ темно-синемъ бархатномъ переплетѣ, на верхней доскѣ коего имѣются слѣдующія металлическія украшенія, частію изъ посеребренныхъ мѣдныхъ пластинокъ, а частію изъ какого-то бѣлаго металла въ родѣ низкопробнаго серебра: по срединѣ доски фигурная четырехугольная пластинка съ выгравированнымъ на ней Распятіемъ съ предстоящими Богородицею и св. Іоанномъ Богословомъ; Распятіе православное. Вокругъ этой пластинки расположены: вверху изображенія луны въ видѣ двухъ профилей человѣческой головы; немного ниже изображенія двухъ шестокрылыхъ серафимовъ, внизу пластинки расположены изображенія солнца въ видѣ человѣческихъ лицъ en face съ сіяніемъ вокругъ, а ниже двѣ пятиугольныя звѣзды. По угламъ доски прикрѣплены четыре фигурныя металлическія пластинки съ выгравированными изображеніями четырехъ евангелистовъ. По краямъ доски прикрѣпленъ металлическій довольно красиваго узора съ сквозными отверстіями бордюръ.

Изображеніе Распятія и евангелистовъ сдѣланы отъ руки, довольно грубо. Остальныя же украшенія довольно изящной работы; сдѣланы они изъ бѣлаго металла и по видимому болѣе древняго происхожденія, чѣмъ средняя и угловыя пластинки. По словамъ мѣстнаго священника-старика, священствующаго въ приходѣ около 50 лѣтъ, евангеліе переплетено при немъ, много лѣтъ тому назадъ, но всѣ украшенія, имѣющіяся на Евангеліи взяты со стараго оклада того же Евангелія.

Евангеліе писано крупнымъ сжатымъ уставомъ, на рубчатой довольно плохого качества бумагѣ съ водянымъ знакомъ, изображающимъ щитъ съ стоящимъ на заднихъ лапахъ львомъ; писано чернилами, оглавленія же евангелій и добавленія къ нему сдѣланы киноварью. Состоитъ оно изъ четырехъ Евангелій съ оглавленіемъ и предисловіемъ къ каждому изъ нихъ, „Сборника 12 мѣсяцемъ“ и отдѣла, обозначающаго когда и какія евангелія читаются. — Въ началѣ перваго предисловія и затѣмъ каждого Евангелія помѣщено по акварельной заставкѣ, состоящей изъ цвѣтовъ и листьевъ. Предъ каждымъ Евангеліемъ на особомъ листѣ имѣется по акварельному рисунку соотвѣтствующаго евангелиста. Евангелисты изображены сидящими и пишущими Евангеліе, при чемъ евангелисты Матѳей, Маркъ и Лука изображены сидящими на табуретахъ или креслахъ, съ комнатною обстановкою, евангелистъ же Іоаннъ изображенъ сидящимъ подъ деревомъ, какъ будто въ пустынѣ. У письменнаго столика каждого евангелиста имѣются символическія изображенія: у св. Матѳея — ангела, у св. Марка — льва, у св. Луки — тельца и у св. Іоанна — орла. Начальныя буквы каждого Евангелія выведены чернилами, отъ времени поружѣвшими, и между линій украшены листиками и цвѣтками. Въ начальной буквѣ Евангелія св. Іоанна „Ѳ“ въ срединѣ узора находится слѣдующая надпись, сдѣланная полууставомъ и составляющая какъ бы часть самаго узора: „помяни Господи многогрѣшнаго Захарія“, очевидно иллюстра-
тора Евангелія.

Въ концѣ Евангелія находится слѣдующая надпись, сдѣланная старинною красивою съ завитушками скорописью, съ фигурною, сдѣланною киноварью, начальною буквою:

„Изволеніемъ Отца и споспѣшеніемъ Сына и свершеніемъ Святаго Духа Аминь.

„Исписахъ сію книгу, нарѣченную самыми сладкоглаголевыми устами Спасителя Иисуса Христа, пронарѣченную Евангеліе, сиречь того Пресвятаго и животворящаго Святаго Духа авторовъ святыхъ евангелистовъ и божественныхъ апостоловъ Его Матѳея, Марка, Луки и Іоанна на свѣтъ выданную, Церкви Восточной, матце нашей на отданіе и христоименитому народу христіанскому яко тежъ и на отпушеніе грѣховъ исписахъ въ лѣто отъ созданія мира 7142, а ку плотскаго Его смотрѣнія 1634 мѣсяца Декемврія четвертаго въ маіетносци ясновельможнаго Его милости пана, пана христолюбиваго и вѣрѣ благочестіемъ вѣрна, яко лампадами сіяющаго, сына восточнаго, отъ Бога вѣнцомъ радци коронованнаго, намъ вельце милостиваго пана, а пана князя Стефана Четвертинскаго-Святополка подкомораго воеводства Брацлавскаго во градѣ его, называемомъ Новымъ Каменіи, а за благочестиваго отъ востока благословеннаго намъ зверхнѣйшаго пастыря господина отца киръ Петра Могилы, воеводича земель молдавскихъ, архимандрита святой великой Лавры Печерской и митрополита святѣйшею столицы Кіевской, Галицкой и всея Россіи и за того Боголюбиваго князя Стефана Четвертинскаго-Святополка ПВБ и княгини христолюбивой Евфиміи, паней благочестивой, паней и дѣтей христолюбивыхъ сыновъ его: князя Василя, князя Илиі, юнѣйшаго княжица Іоанна и дчери девицы кривнію сестры ихъ мосцей княжцовъ Реины Святополковъ-Четвертинскихъ, а на имя Евфросиніи ꙗ дару, дару имъ и хошу отъ рода въ родъ счастливе на томъ земномъ... (неразборчиво) пожиты съ тобою во вѣки крулевати.

„А за уряду того мѣста Новаго Камени Паны Старосты Стефана Флоровича благочестиваго и пана достойнаго Ивана Васильевича священниковъ и братіи моей на тотъ часъ бывшихъ въ томъ градѣ при Успеніи Пресвятой Богородицы Феодорѣ Чайковскомъ и Іоаннѣ, при его велебной милости Георгіи, а мнѣ грѣшнымъ писателемъ тоея святыя книги Георгіемъ Дашкевичемъ священникомъ Новаго мѣста, храму святого Архангела Христова Михаила.

Возлюбленные о Христѣ отцы и братья честніе... (неразборчиво) господіе: чтуще сію книгу, аще что погрѣшное обращете, молю добродіе покрыйте мудростію и исправляйте: яко бы научилъ Васъ Духъ Святой, мне же грѣшнаго благословите а не клените понеже человекъ грѣшный и... (неразборчиво) мы вчиняху: молю, молю да отъ васъ прощеніе и благословеніе сподобите отъ Христа Бога Аминь.

Finis

рукою власною“.

Въ концѣ предисловія къ Евангелію св. Луки наклеенъ продолговатый четырехугольный лоскутокъ рубчатой бумаги, исписанный старинною скорописью, отличающеюся отъ той, которою сдѣлана приведенная выше надпись; въ этой надписи упоминается тотъ же князь Стефанъ Святополкъ-Четвертинскій (содержаніе надписи не могъ разобрать вслѣдствіе нечеткости почерка и блѣдности чернилъ).

Какимъ образомъ это Евангеліе перешло въ Омеляницкую церковь, ни изъ Евангелія, ни изъ церковныхъ документовъ не видно. По словамъ мѣстнаго священника Евангеліе находится въ церкви съ давнихъ временъ.

Евангеліе содержится хорошо и употребляется только при похоронахъ.

8. Евангеліе Спасской церкви мѣстечка Александріи, Ровенскаго уѣзда.

Евангеліе величиною въ поллиста обыкновенной бумаги, въ деревянномъ переплетѣ, обтянутомъ кожей темнаго цвѣта. На верхней доскѣ переплета имѣются по угламъ изображенія четырехъ евангелистовъ, выгравированныя на бѣлыхъ металлическихъ пластинкахъ, а по срединѣ изображеніе распятаго Спасителя съ предстоящими двумя женами. Изображенія евангелистовъ поясныя, имѣютъ символическіе знаки: св. Матѳей — юношу, св. Маркъ — льва, св. Лука — быка, а св. Іоаннъ — орла, и сверху помѣщены имена ихъ сдѣланныя славянскими буквами. Распятіе выгравировано тоже на металлической пластинкѣ; надъ предстоящими у креста женами имѣются слѣдующія надписи: надъ женой, стоящей съ правой стороны креста, „А ВАР“, а надъ стоящей съ лѣвой стороны креста „ИИ“. Между изображеніемъ жены, стоящей съ лѣвой стороны креста, и крестомъ изображена чаша. Надъ главой Спасителя изображена таблица съ латинскими буквами „INRI“. Каждая нога Спасителя прибита особымъ гвоздемъ. Изображенія какъ Распятія, такъ и евангелистовъ выгравированы довольно плохо. По краямъ верхней доски переплета, съ трехъ сторонъ, прибита металлическая, изъ бѣлаго металла, узорчатая пластинка.

Евангеліе писано крупнымъ четкимъ уставомъ, съ юсами. Время и мѣсто написанія Евангелія въ немъ не обозначено. На послѣднемъ листѣ его имѣется лишь слѣдующая надпись, сдѣланная чернилами скорописью: „сие поминаніе раба Божаго Демяна Ворожчука и жены его Орины (далѣе какое-то слово умышленно затертое) пудверокъ за свою душу до храму Преображенія Господа Бога нашего Исуса Христа той пудверокъ за (далѣе неразборчиво) клупею а ежели хто мѣвъ (должно быть: отняти) да будетъ проклятъ“. За этою надписью слѣдуетъ: „зознане пуль. стужатей церковныхъ першая волока на выгони“ и т. д., идетъ перечисленіе церковныхъ полей, сѣнокосовъ и проч. съ указаніемъ мѣстонахожденія ихъ. Въ числѣ другихъ урочищъ упоминается урочище „замчиско“, которое и теперь имѣется среди луговъ, лежащихъ по рѣкѣ Горыни возлѣ м. Александріи. Время сдѣланія означенныхъ надписей не обозначено.

Къ каждому Евангелію присоединено предисловіе и оглавленіе, при чемъ предисловіе и оглавленіе къ Евангелію отъ Матѳея очевидно по ошибкѣ переплетчика помѣщены въ концѣ Евангелія и „Сборника 12 мѣсяцевъ“.

Названіе мѣсяцевъ въ сборникѣ таково: Семтебрій, Октоврій, Ноемврій, Декемврій, Генварь, Февраль, Мартъ, Апрѣль, Май, Іюнь, Іюль и Августъ. Въ числѣ праздниковъ, написанныхъ киноварью, значится 26 октября празднованіе св. великомученика Димитрія. Подъ 11 января означено: „преподобнаго отца нашего Феодосія Общежительнаго“, подъ 12 іюня — „преподобнаго отца нашего Ануфрія“, подъ 15

юля — „святыхъ мучениковъ Кирика и Улиты матери его. Въ той же день успение великаго самодержца русскаго Владимира, иже во святѣмъ крещеніи нареченъ Василиемъ“, подъ 24 іюля — „святая мученицы Христины и святыхъ правдивыхъ страсто-терщевъ Бориса и Глѣба“.

Предъ каждымъ Евангеліемъ и предисловіемъ находятся акварельныя заставки, состоящія изъ линій перевитыхъ на разный манеръ; кромѣ того въ началѣ каждаго Евангелія имѣется раскрашенная акварелью начальная буква.

Мѣстечко Александрія лежитъ въ 18 верстахъ отъ г. Ровна, Волинской губ., на сѣверъ отъ него, на правомъ берегу р. Горыни, имѣетъ около 2000 жителей, изъ нихъ наполовину евреевъ. Въ центрѣ мѣстечка находится костель, а на краю каменная церковь во имя Преображенія. Церковь постройки настоящаго столѣтія, и кромѣ описаннаго Евангелія ничего замѣчательнаго въ ней нѣтъ. Вокругъ центра мѣстечка видны слѣды рововъ и валовъ. М. Александрія въ настоящее время принадлежитъ владѣльцу гор. Ровно князю Любомирскому.

9. Евангеліе Свято-Троицкой церкви села Коростовой, Острожскаго уѣзда Волинской губерніи (находящееся нынѣ въ музеѣ Луцкаго братства).

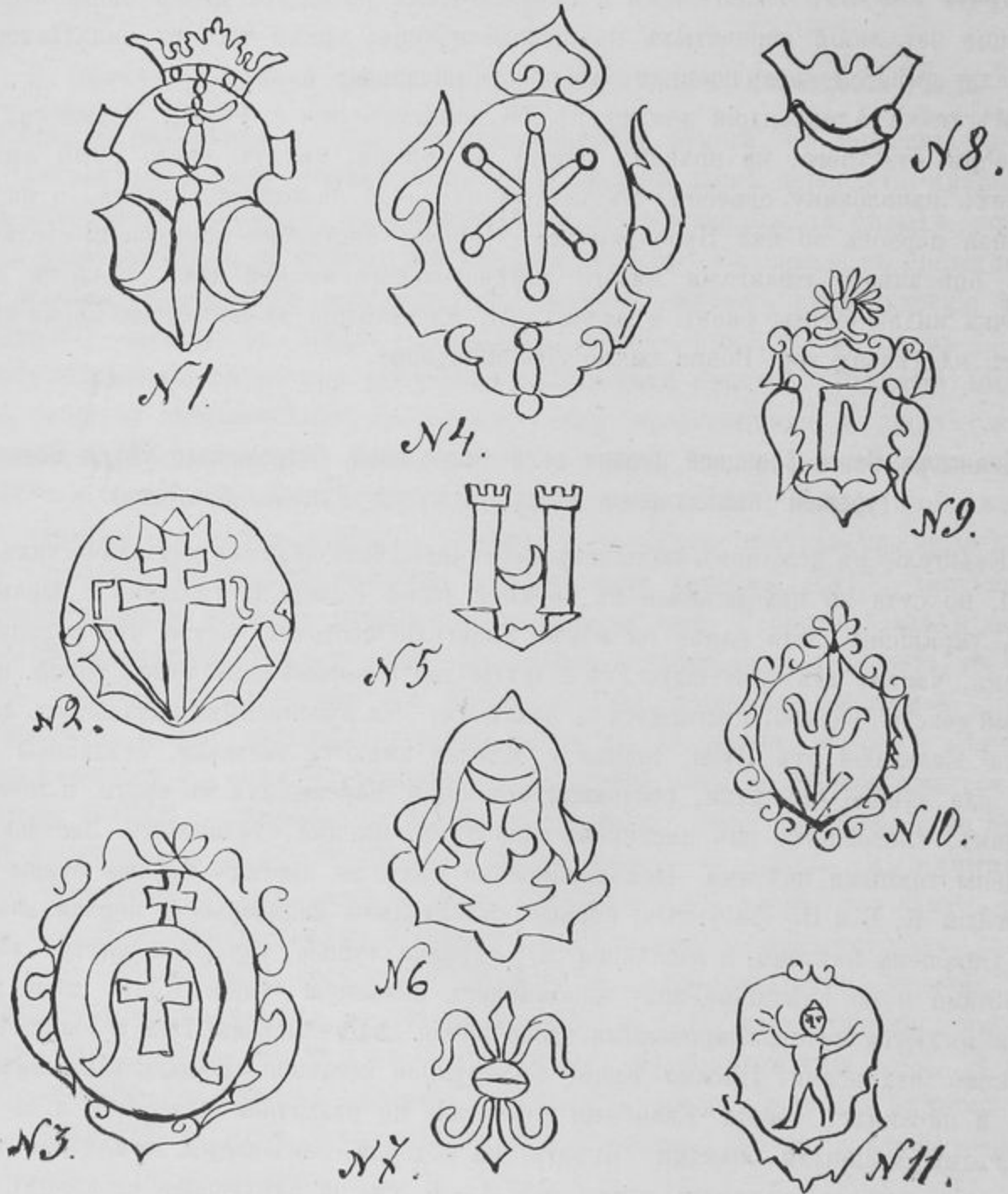
Евангеліе въ кожаномъ тисненомъ переплетѣ, безъ всякихъ металлическихъ украшеній, но судя по находящимся на верхней доскѣ Евангелія гвоздямъ и дырамъ отъ нихъ, украшенія были ранѣе на немъ. Евангеліе состоитъ частью изъ рукописныхъ листовъ, частью изъ печатныхъ, тѣ и другіе листы перемѣшаны между собой, и рукописный текстъ, видимо, подгонялся къ печатному. На рукописныхъ начальныхъ листахъ текста Евангелій отъ Луки, Іоанна и Матѳея имѣются заставки, сдѣланныя чернилами или тушью отъ руки, состоящія изъ линій, перевитыхъ въ круги, и добавленій къ нимъ, состоящихъ изъ листиковъ и цвѣтовъ, изящно сдѣланныхъ. Заставки раскрашены темными цвѣтами. Находящіяся на тѣхъ же листахъ первыя буквы текста Евангелій К, Б и В—фигурныя, первыя двѣ сдѣланы киноварью и первая изъ нихъ „К“ украшена цвѣтами, а послѣдняя „В“ сдѣлана тушью, украшена внутри листьями и цвѣтами и по внѣшнему виду напоминаетъ печатную букву. Предъ тѣми же листами имѣются литографированныя изображенія евангелистовъ Луки и Іоанна съ славянскими надписями. Письмо Евангелія крупное уставное. Бумага какъ печатнаго, такъ и писаннаго текста Евангелія рубчатая, но различной плотности и съ разнообразными водяными знаками. Бумага, на которой помѣщается печатный текстъ Евангелія, имѣетъ водяные знаки №№ 1—6 (см. на слѣдующей страницѣ).

Кромѣ того въ Ев. Марка встрѣчается большой крайне неясный знакъ вродѣ щита съ какими-то фигурами въ срединѣ, а въ Ев. Іоанна знакъ № 2 встрѣчается въ измѣненномъ видѣ: шестиконечный крестъ, стоящій въ угольникѣ, помѣщенъ не въ кругѣ, а въ овалѣ, съ наружными украшениями, безъ буквъ Г и S, а равно и безъ подобія буквы М, внутри овала.

Для писаннаго текста Евангелія употреблена бумага также съ водяными знаками, за исключеніемъ Ев. Матѳея и части Ев. Марка, которыя написаны на плотной

бумагъ безъ всякаго знака. Для остальной рукописи употреблена бумага со знаками №№ 7—11 (№ 8 — рогъ на щитѣ).

Что касается знака № 9, то надо замѣтить, что этотъ знакъ, повторяясь въ Евангелии, видоизмѣняется и не имѣетъ твердо очерченной формы*).

Начинается Евангеліе оглавленіемъ къ Евангелію отъ Матвея съ ссылкой на параллельныя мѣста другихъ евангелистовъ, за нимъ слѣдуетъ предисловіе къ тому же

*) Ср. любопытные варианты того же знака у Лаптева: „Опытъ въ старинной русской дипломатикѣ“, Сиб. 1824 г., №№ 43, 49, 50; затѣмъ на стр. 8, особенно на стр. 13 (1623—24 гг.) и наконецъ на стр. 15 (1627 г.) и 20 (1646). Другіе изъ приведенныхъ знаковъ указаны (въ вариантахъ же): № 3 — у Лихачева 510, у Лаптева № 45 и стр. 14 (1624 г.), сравни № 48 и стр. 8 (1594 г.); № 5 — у Лаптева стр. 8 и стр. 21 (1656); № 6 — Лаптевъ стр. 8; № 10 — Лаптевъ стр. 15 (1648 г.). Прим. редакціи.

Евангелію Теофилакта, архієпископа Болгарскаго, и наконецъ, самый текстъ Евангелія. Тотъ же порядокъ соблюденъ и относительно остальныхъ евангелистовъ. За Евангеліемъ отъ Іоанна слѣдуетъ „Сборникъ 12 мѣсяцемъ...“, а за нимъ „Сказаніе како чтутся евангелія воскресна и повседневнія“, въ концѣ коего помѣщено указаніе, что при рядовомъ каждодневномъ чтеніи евангелій на блаженныхъ и литургіяхъ читаются „точію рядовное, рекше столпъ през все годище и святымъ избраннымъ, коимъ есть писано апостоль и евангеліе“; далѣе находится означеніе евангелій въ память святыхъ и „на всякую потребу“, именно на освященіе маслу „семь поповъ“, „а се женамъ на освященіе маслу 3 поповъ“, „въ схимоѣ“ и т. д., о смертоносной язвѣ и т. д., заупокойныя евангелія; на послѣдней страницѣ Евангелія напечатанъ еще „Указъ, како чтутся евангелія великія недѣли на часовѣхъ“, безъ конца. Въ „Сборникѣ“ названіе мѣсяцевъ означено такъ: 1) Септеврїе (означены киноварью 8-е число — Рождество Пр. Богородицы и 14-е — „всемирное въздвиженіе честнаго и животворящаго креста“ и 26-е — преставленіе свят. апостола и евангелиста Іоанна Богослова); 2) Октоврїй (киноварью означено только 26-е число — память святаго великомуч. Димитрія. Подъ 1-мъ числомъ праздникъ Покрова Пр. Богородицы хотя и означенъ, но не киноварью, а чернилами, — мѣсяць октябрь помѣщенъ на печатныхъ листахъ); 3) Ноемврїй (киноварью отмѣчено только 21-е число — „введеніе въ церковь пресвятыя владыца нашея Богородицы“); 4) Декамврїй (киноварью отмѣчено 25-е число — „еже по плоти рождество Гда и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа“); 5) Генварь (киноварью отмѣчено 6-е число — „святое Богоявленіе Гда и Бога и Спаса нашего іс хс“); 6) Февраль (киноварью отмѣчено 2-е число — „срѣтеніе Гда нашего іс хс“); 7) Мартъ (киноварью отмѣчено 25-е число — „благовѣщеніе пресвятыя владыцица наша Бца“); 8) Апрѣль, 9) Май, 10) Іюнь (киноварью означены 24-е число — „Рождество честнаго прѣча и крѣля іѡ“ и 29-е — святыхъ врѣховныхъ аїлѣ Петра и Павла); 11) Іюль (подъ 15-мъ числомъ означено чернилами свят. мученика Кирика и Улиты матери его, втой же днѣ оупеніе великаго самодержца роускаго Владимирера, иже во стѣмъ крещеніи нареченнаго Василія“, а подъ 24-мъ числомъ — стѣя мѣицы Христини и стѣхъ правдивыхъ стратотерпецъ Бориса и Глѣба; мѣсяць іюль помѣщенъ на печатномъ листѣ), и 12) Августъ (киноварью отмѣчено 6-е число — стое преображеніе гдѣ нашего іс хс; 15-е — успеніе прѣя влца нашея Бца и 29-е — усѣкновеніе честныя главы святаго прѣка Іоанна“).

Тексты Евангелія печатнаго и писаннаго разнствуютъ между собою въ правописаніи, напримѣръ: въ печатномъ текстѣ „юсы“ встрѣчаются очень часто, въ писанномъ же очень рѣдко и притомъ безъ опредѣленнаго правила: такъ, слово „іудей“ пишется и съ юсомъ и безъ юса и это на одной и той же страницѣ. Молитва Господня (гл. 11 Еванг. отъ Луки), напечатанная, имѣетъ слѣдующія отличія отъ общепринятаго нынѣ текста ея: „...хлѣбъ нашъ насоущный подавай на всякъ днѣ и остави намъ грѣхи наша, ибо и сами оставляемъ всякому длѣжнику нашему...“

Текстъ евангелій дѣлится на главы и зачала; зачала означены киноварью, какъ и всѣ добавленія къ тексту, а главы чернилами. Внизу страницъ съ праваго угла имѣется нумерація ихъ, сдѣланная цифрами, на печатныхъ листахъ онѣ отие-

чатаны, а на писанныхъ написаны, всѣхъ страницъ въ Евангеліи 391. Съ первой страницы Евангелія отъ Матѳея по нижнимъ краямъ листовъ идетъ слѣдующая надпись, сдѣланная полууставомъ чернилами, а нѣкоторыя начальныя буквы сдѣланы киноварью: сію дѣшеполѣную книгу купили и заплатили люди добрые побойные. То е заповодо сщ҃еника и пѣска ѿца костѣтина и пана Ѳедора поповича пѣскаго Гоурина Маѣевича и сынами своими Васіѣ і манолѣ и коу тому хтосѣ моѣ приложитъ з громады пѣское што кому гѣ вѣзъ положилъ на сѣце за ѿпущѣ грехѣ свой до церкви пѣское стое мѣицы Парасковіе оу сщ҃еника Василіа Львовича пѣниѣаго за шемнацѣ ко гроше" литовскіи року ба *ахѣд мѣа іюля є дня". Надпись эта, сдѣланная одними и тѣми же чернилами и почеркомъ, проходитъ частью по печатнымъ листамъ, частью по писанымъ, чтѣ указываетъ на то, что Евангеліе переплетено было ранѣе сдѣланія той надписи. Съ оборота 30 страницы Евангелія идетъ слѣдующая надпись, сдѣланная тѣми же полууставомъ, но другими, болѣе темными чернилами: „сія бж҃твенная книга справлена естъ працею и влаиѣи накладѣ смиренаго въ іеревѣ Василіа Львовича іерея пятницкаго клирошанина Луцкаго. Року Бж҃го *ахѣд мѣа марта ка днѣа“. Эта надпись проходитъ только по рукописнымъ листамъ. Предъ мѣсяцесловомъ (Соборникомъ) на чистомъ, неисписанномъ листѣ нарисованы перомъ два небольшія поясныя изображенія евангелистовъ Луки и Марка съ евангеліями въ рукѣ, у Луки кромѣ того имѣется посохъ, надписи возлѣ нихъ славянскія.

Примѣчаніе. Упоминаемое въ первой надписи село Пьяне лежитъ въ Дубенскомъ уѣздѣ Волынской губ., въ 30 вер. отъ г. Дубна; въ немъ 512 жит., имѣется Параскевievская (Пятницкая) церковь.

Упоминаемая во второй надписи Пятницкая церковь находилась въ г. Луцкѣ; со введеніемъ на Волыни уніи она была закрыта уніатскимъ епископомъ Кирилломъ Терлецкимъ; затѣмъ переходила изъ рукъ православныхъ въ руки уніатовъ и, наконецъ, была упразднена. Отъ нея въ настоящее время въ г. Луцкѣ не сохранилось никакихъ слѣдовъ.

10. Евангеліе церкви села Теремно, Луцкаго уѣзда, Волынской губ.

Евангеліе въ кожанномъ съ золотыми тисненіями переплетѣ (вытѣснены золотомъ слѣдующія изображенія: въ срединѣ православное Распятіе, съ четырьмя предстоящими; по сторонамъ этого изображенія имѣются по два одинаковыхъ изображенія, расположенныхъ одно подъ другимъ, верхнее — съ изображеніемъ Распятія съ двумя предстоящими, нижнее — съ изображеніемъ благословляющаго Спасителя; по угламъ помѣщены изображенія четырехъ евангелистовъ, между двумя нижними евангелистами помѣщено какое-то съ неяснымъ оттискомъ изображеніемъ, фонъ между всѣми этими изображеніями покрытъ оттисками цвѣтовъ; встрѣчающіяся на изображеніяхъ буквы частью славянскія, частью греческія). Въ верхней части передней доски имѣется бумажная наклейка съ надписью: „Евангеліе села Подгаецъ, церкви Михайловской, № 21-й“. Почеркъ настоящаго столѣтія. Евангеліе написано на бумагѣ съ водянымъ знакомъ, изображающимъ кувшинъ съ цвѣтами. Начинается оно прямо съ текста Еван-

гелія отъ Матеея. Писано черниломъ, уставнымъ письмомъ; всѣ же вставки и заглавныя буквы писаны киноварью. Заставокъ, а также первыхъ начальныхъ буквъ текста евангелистовъ нѣтъ, для нихъ оставлены лишь мѣста. На первомъ листу Евангелія отъ Матеея вверху написано полууставомъ: „капитанъ Ѳеодоръ Уньковскій рабу свою Наталію М Патрикия М, Лукерію“; на нижнихъ поляхъ 1-го и 2-го листа имѣется слѣдующая надпись: „тоя парафіи (начало надписи, очевидно, находилось на предъидущихъ неохранившихся листахъ евангелія) Подгаецъ Малыхъ Кирилла (далѣе какое-то слово заклеено) и Іоанна Саценяти року 1629 мѣа апреля 13.“

За Евангелиемъ отъ Матеея находится предисловіе къ Евангелію отъ Марка, начинающееся словами: „еже отъ Марка святое евангеліе...“ затѣмъ оглавленіе и, наконецъ, текстъ Евангелія. Тотъ же порядокъ сохраненъ относительно и остальныхъ евангелистовъ. Въ молитвѣ Господней слѣдующія отступленія: ...Подавай намъ на всякъ день... ибо и сами оставляемъ всякому должнику нашему... въ словѣ Отче въ срединѣ буквы О находится точка. За текстомъ Евангелія отъ Іоанна помѣщены были святцы, но отъ нихъ сохранились лишь два листа, начало сентября и ноября, который названъ поемврій. Текстъ Евангелія дѣлится только на зачала. Юсовъ въ текстѣ не встрѣчается. Евангеліе очень подержано въ особенности въ началѣ, чернили мѣстами порыжѣли, частію отъ плохаго качества ихъ, частію же отъ содержанія Евангелія въ сырости. Кромѣ приведенныхъ выше подписей въ немъ имѣются и польскія надписи, ничего особеннаго не означающія.

Примѣчаніе 1. Село Теремно — Луцкаго уѣзда, въ 4 верстахъ отъ Луцка, имѣетъ 341 жителя, при немъ чешскій поселокъ въ 447 жителей; въ селѣ имѣется Крестовоздвиженская деревянная съ такою же колокольнею церковь; построена она въ началѣ XVIII вѣка.

Примѣчаніе 2. Село Большіе Подгайцы — того же уѣзда, въ 6 верстахъ отъ г. Луцка, имѣетъ 184 жителя, въ немъ Александро-Невская церковь, построенная прихожанами въ 1868 году.

Примѣчаніе 3. Село Малые Подгайцы — нынѣ деревня, того же уѣзда, въ 6 верстахъ отъ г. Луцка, имѣетъ 190 жителей.

II. Евангеліе с. Литовижа, Владиміръ-Волинскаго уѣзда, Волинской губерніи.

(Конца XVI или начала XVII вв.).

Евангеліе писано на бумагѣ съ водянымъ знакомъ дикаго кабана, уставнымъ почеркомъ малаго размѣра, въ кожаномъ тисненномъ переплетѣ; сверху коего набито пять металлическихъ, желтаго цвѣта накладокъ, четырехъ угловыхъ и пятаго срединнаго, съ чеканнымъ изображеніемъ четырехконечнаго креста. Рукопись ветка и во многихъ мѣстахъ подклеена. Начальнаго листа не сохранилось и теперь. Рукопись начинается окончаніемъ какой-то статьи: „слава Богу същему въ Троици, давшему начало и конецъ“. За симъ слѣдуетъ молитва, начинающаяся такъ: „Гдѣи Іу хѣ сїе едиnorodный безначальнаго отца, рекуй прчѣтѣма ти ѡусты, яко без мене“ и т. д.

Внизу страницы имѣется слѣдующая надпись, сдѣланная другою рукою: „раба Божія Іоанна Гайдука прѣстависѣ мѣа маіа рѣ бжѣго народж. *āχξī“ (1617). Далѣе слѣдуетъ наставленіе, какъ читать Евангеліе въ теченіе года; оглавленіе къ Евангелію отъ Матѣея, предисловіе полное — Теофилакта архіепископа болгарскаго и, наконецъ, самый текстъ Евангелія отъ Матѣея. Дѣленія на главы и стихи нѣтъ, а имѣется лишь дѣленіе на зачала, коихъ 116. Потомъ слѣдуетъ оглавленіе и предисловіе къ Евангелію Марка и самый текстъ Евангелія. Тотъ же порядокъ сохраненъ и относительно евангелистовъ Луки и Іоанна. Изъ предисловія къ Евангелію Луки имѣется только три начальныя строчки. Въ концѣ Евангелія отъ Іоанна находится слѣдующая приписка, сдѣланная, очевидно, переписчикомъ, уставнымъ письмомъ того же размѣра: „слова съврѣшителю Бжѣ и поспѣшителю сѣса и пречѣои егѣ Бгѣмѣрѣ и всѣ сѣѣ Бжѣтѣ в ѣѣкѣ аминѣ“.

За евангельскимъ текстомъ слѣдуютъ: указаніе евангелій „на всякъ день (по недѣлямъ)“; сборникъ мѣсяцамъ, названіе мѣсяцевъ слѣдующее: Септѣврїи, Октеврїи, (праздника Покрова 1-го числа нѣтъ), Ноемврїи, Декаврїи, Генварь, Февраарь, Мароть, Апрель, Май, Іюнь, Іюл (свв. Владиміра, Бориса и Глѣба нѣтъ), Авгоу (15-го числа праздникъ Успенія Богоматери не обозначенъ); указаніе евангелій въ недѣлю мытаря и фарисея, великопостныхъ, страстныхъ, на Пасху, воскресныхъ по Пасхѣ, на всяку потребу и, наконецъ, указаніе воскресныхъ евангелій и апостоловъ. Оканчивается Евангеліе статьей, начинающейся словами: „тридесатолѣтень оубо сы Гѣ кѣтисѣ понеж тѣ възрасть съврѣшенѣ въ нѣ чѣкъ ѣ ли искусень ли неискусень“... Имѣется только начало этой статьи, конца же нѣтъ.

Евангеліе украшено заставками, сдѣланными киноварью, за исключеніемъ заставки, помѣщенной предъ указаніемъ евангелій „на всякъ день“, которая раскрашена зеленой краской; рисунокъ заставокъ составленъ большею частію изъ перевитыхъ на разный манеръ линій, въ основѣ коихъ взяты кругъ.

Въ концѣ предисловія къ Евангелію отъ Іоанна находится польская надпись, сдѣланная черниломъ скорописью; изъ этой надписи видно, что это евангеліе пожертвовано въ церковь Николаемъ Киселемъ (братомъ Адама) въ 1643 году. Евангеліе находится въ Владиміро-Волынскомъ древнехранилищѣ.

Примѣчаніе. Село Летовижъ — Владиміръ-Волынскаго уѣзда, Волынской губ.; лежитъ въ 26 верстахъ отъ г. Владиміръ-Волынска, на р. Бугѣ (западномъ) на границѣ съ Австріей (Галиціей); очень древнее, на картѣ извѣстнаго инженера Боплана оно значится подъ именемъ Литовержа. Нынѣ въ немъ 1050 жителей обоего пола и двѣ церкви: Параскевїевская, построенная не позже 1689 г. прихожанами, перестроенная за тѣмъ въ 1741, 1784, 1848 и 1878 гг. съ пристроенною къ ней въ 1872 г. деревянной колокольней, и Введенская, приписная къ первой, деревянная съ такою же колокольней, построенная прихожанами въ 1791 году („Девятисотлѣтіе православнаго на Волыни“. „Списокъ населенныхъ мѣстъ Волынской губ. 1887 г.“ и др.).

Кромѣ описаннаго Евангелія въ церквахъ Литовижа имѣются: 1) другое рукописное Евангеліе тожественное съ описаннымъ, съ надписью по листамъ: „року Божого 1618 г. мѣсяца декамвря дня 24, сія книга рекома евангелія на престольная,

придана бысть ко храму великомученицы Христовы Парасковей до мѣста Литовижа, громадою Мелниковскою (должно быть Мольниковскою, села Мольниковъ, лежащаго вблизи г. Литовижа); далѣ надпись заклеена; 2) Евангеліе учительное, изданное въ 1606 г. во Львовѣ, пожертвовано въ церковь въ 1630 г.; 3) Евангеліе учительное, рукописное безъ начала и конца; 4) двѣ Тріоди цвѣтныя — одна изданная во Львовѣ въ 1664 г., Львовскимъ православнымъ братствомъ, пожертвована въ Введенскую церковь, с. Литовижа въ 1676 г., годъ изданія другой — неизвѣстенъ; 5) Анеологіонъ, изданіе того же Львовскаго православнаго братства 1643 г., пожертвовано въ ту же Введенскую церковь въ 1647 г.; 6) рукописный Октоихъ in 4°, писанъ мелкимъ полууставомъ XVI в.; 7) три нотныхъ рукописныхъ Ирмолая XVII или начала XVIII в.; 8) двѣ метрики — одна Введенской церкви съ 1746—1772 г., а другая Пятницкой церкви съ 1723—1779 г., до 1772 г. записи идутъ по славянски, а далѣ по польски. Всѣ эти книги хранятся въ Владимірѣ-Волинскомъ Древлехранилищѣ. (Извлечено изъ „Краткой описи предметовъ, находящихся въ Древлехранилищѣ православнаго св. Владимірскаго братства въ г. Владимірѣ-Волинскомъ 1892 г.).

12. Апостоль церкви с. Теремно, Луцкаго уѣзда, Волынской губерніи.

(Начала XVII в.).

Апостоль въ кожаномъ съ тисненіями переплетѣ, въ листъ бумаги величиной, писанъ полууставомъ на бумагѣ пяти сортовъ: въ началѣ на бумагѣ съ водянымъ знакомъ, изображающимъ стоящаго въ щитѣ на двухъ лапахъ льва (впрочемъ, такой бумаги немного), затѣмъ на бумагѣ съ водянымъ знакомъ — крестъ, водруженный на лунѣ со звѣздой, помѣщенномъ въ овальномъ щитѣ съ украшеніями, далѣ на бумагѣ съ знакомъ, изображающимъ одноглаваго орла, въ щитѣ съ украшеніями, на верху щита изображеніе вродѣ шлема съ перьями, потомъ слѣдуетъ бумага съ знакомъ въ видѣ буквы Ж, и, наконецъ, бумага съ знакомъ, изображающимъ два ключа въ щитѣ. Нумерацій ни по листамъ, ни по тетрадамъ нѣтъ. Апостоль сильно подержанъ отъ частаго употребленія. На первомъ листѣ Дѣяній имѣется небольшая заставка, сдѣланная чернилами довольно неискусно; рисунокъ составленъ изъ цвѣтовъ и разныхъ завитушекъ, при чемъ самый рисунокъ бѣлый, а фонъ черный. Названіе какъ Дѣяній, такъ и всѣхъ апостольскихъ посланій, начальныя буквы ихъ, а также и зачалъ, обозначенія — когда какое зачалъ читается, и цифры зачалъ (славянскія) сдѣланы кинварью. Дѣянія св. апостола дѣленія на главы и стихи не имѣютъ, а дѣлятся только на зачала, коихъ 51. Въ концѣ текста Дѣяній находятся слова, сдѣланныя тѣмъ же полууставомъ но кинварью: „конецъ субботѣ и дѣяній стыхъ апль, ихже спи Лука евангелистъ единъ сый отъ седмидесятихъ“. На послѣднихъ страницахъ Дѣяній на нижнихъ поляхъ листа имѣется слѣдующая надпись (начало ея немного стерто какъ будто соскоблено, но тѣмъ не менѣе въ ней можно прочитать нѣкоторыя мѣста): року Божого ^аѣ ^хи ^ѣ мѣа Октября дня сию книгу рекомую стый апото ^са ^а Нада рабъ Божій Тимофей Масимови Войтовичъ Торговицкій... (не разборчиво)

ку церкви сѣо" пречисто Рождества на честь и на фвалу Гѣу Бѣу въ тройцѣ единому...» (не разборчиво), заканчивается эта надпись обыкновеннымъ заклѣтиемъ (кто продасть эту книгу), послѣднїя слова заклѣтїа: „анафема, тераманафта“.

За Дѣянїями свв. апостоль слѣдуетъ оглавленїе къ посланїю св. апостола Іакова, „сказанїе“ заключающее въ себѣ обозначенїе лица, коему посланїе написано, повода, по которому оно написано, и изложенїе въ краткихъ словахъ содержанїя посланїя, а за тѣмъ уже текстъ самаго посланїя. Тотъ же порядокъ сохраненъ и въ отношенїи остальныхъ посланїй. Въ концѣ каждаго оглавленїя обозначено общее число главъ посланїя, хотя самыя посланїя дѣленїя на главы не имѣютъ, при чемъ нѣкоторыя цыфры главъ (славянскїя) означены чернилами, а другїя киноварью. Напримѣръ, подъ оглавленїемъ втораго посланїя ап. Петра имѣется слѣдующая приписка: „главъ убо вкупѣ всѣхъ $\bar{\text{S}}$ численныхъ. ихже $\bar{\text{D}}$ подъ черниломъ. а ихже двѣ. червеныхъ. меншимъ числомъ. главъ петровыхъ епистоли $\bar{\text{K}}$. знаменїа“.

Порядокъ посланїй, какъ соборныхъ, такъ и Павловыхъ, обычный. Въ концѣ посланїя къ Римлянамъ имѣется обычная приписка: „писано въ Коринѣѣ и послася Фивїею діаконосою, церкви сущей въ Кегхрехъ“; подобныя приписки имѣются и подъ другими посланїями св. апостола Павла; второе посланїе къ Солунянамъ названо въ концѣ посланїемъ къ Θεссалоникамъ; предъ 1-мъ посланїемъ къ Тимоѣею нѣтъ обычныхъ оглавленїя и сказанїя. Въ концѣ посл. къ Евреямъ обозначено: „написано бысть отъ Италиї Тимофеомъ. чтенїи $\bar{\text{Г}}$. глава $\bar{\text{K}}$. свидѣтель $\bar{\text{M}}$ $\bar{\text{S}}$ гранѣ $\bar{\text{Ф}}$ “. Подобныя приписки имѣются и подъ остальными посланїями, при чемъ число главъ увеличено вообще; такъ въ посланїи къ Филимону обозначено, что чтенїй въ немъ одно, а главъ двѣ, между тѣмъ ни Дѣянїя, ни посланїя, какъ сказано выше, на главы не раздѣлены, а подѣлены лишь на зачала, счетъ коимъ идетъ съ начала Апостола, т. е. съ Дѣянїй св. апостоль и всѣхъ ихъ въ Апостолѣ 335.

За посланїемъ къ Евреямъ помѣщены антифоны, а въ концѣ святцы; мѣсяцы въ нихъ обозначены такъ: Септеврїй, Октоврїй (1-го праздникъ Покрова), Ноемврїй, Декамврїй, Иануарїй, Февруарїй, Мартъ, Апрель, Май, Іюнїй, Іюлїй, Августъ. Изъ русскихъ святыхъ означены только свв. Борисъ и Глѣбъ (подъ 24 іюля), подъ 15 іюля значатся только свв. мученики Кирикъ и Улита, но затѣмъ въ перечисленїи чтимыхъ въ этотъ день апостоловъ сказано: „и Владимиру зач. $\bar{\rho}$ $\bar{\text{S}}$ или $\bar{\rho}$ $\bar{\text{O}}$ $\bar{\text{S}}$ “. Наконецъ, въ самомъ концѣ Апостола помѣщены: прокимны, апостолы и „аллилуїаре“ на всяку потребу“. Послѣдней страницы нѣтъ.

Кромѣ приведенной выше надписи другихъ нѣтъ. Юсовъ нѣтъ, титлъ мало, изъ знаковъ препинанїя только точки. Въ текстѣ встрѣчаются такїя выраженїя: постражите и слезите и плачитесь (посланїе св. апостола Іакова, гл. 4, ст. 9). Встрѣчаются случаи помѣщенїя предлога „ради“ послѣ слова, къ которому оно относится.

Въ концѣ Дѣянїй св. апостоль на чистой страницѣ находится сдѣланный отъ руки, впрочемъ довольно неискусно, рисунокъ, изображающїй кувшинъ съ воткнутымъ въ него большимъ цвѣткомъ, вверху цвѣтка нарисована какая-то птица. Рисунокъ сдѣланъ черниломъ и мѣстами раскрашенъ киноварью.

Примѣчаніе. Село Теремно — лежитъ возлѣ гор. Луцка, Волынской губ., верстахъ въ 3—4 отъ него. Довольно древнее. Имѣетъ 340 жителей обоого пола (за исключеніемъ проживающихъ въ немъ отдѣльнымъ поселкомъ Чеховъ). Въ немъ деревянная Крестовоздвиженская старая церковь, постройки начала XVIII в. Въ церкви кромѣ описаннаго Апостола имѣется еще рукописное Евангеліе, начала XVII в.

13. Апостоль, принадлежащій Загоровскому Привислянскому монастырю, Владиміръ-Волынскаго уѣзда, Волынской губ.

Апостоль въ кожаномъ переплетѣ, безъ всякихъ украшеній. Писанъ на бумагѣ съ водянымъ знакомъ, изображающимъ кабана. Уставное письмо средней величины; украшено многочисленными заставками, цвѣтными съ золотомъ и такими же заглавными буквами. Орнаментъ этого Апостола оригиналенъ и богатъ. Въ видѣ образца его при семъ прилагается палеографическій снимокъ, сдѣланный акварелью, перваго листа Дѣяній свв. апостоловъ. (См. табл. XXIV). Имѣется и остальной орнаментъ, но не раскрашенъ. Надписей, указывающихъ на время написанія Апостола, въ немъ нѣтъ. Имѣется лишь въ немъ приписка, неизвѣстно кѣмъ сдѣланная, указывающая на то, что онъ данъ въ Загоровскій монастырь въ 1563 году.

Новыя данныя для изученія литературной дѣятельности князя Андрея Курбскаго.

П. В. Владимірова.

Литературная дѣятельность князя Андрея Курбскаго еще ожидаетъ своего изслѣдователя, несмотря на извѣстное далеко неполное изданіе его сочиненій, вышедшее три раза подъ редакціей Устрялова, на описанія рукописей, заключающихъ переводы Курбскаго, на нѣкоторыя монографіи, посвященныя изученію личности и литературной дѣятельности знаменитаго и талантливаго писателя XVI в. Князь Курбскій, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ плодовитыхъ и популярныхъ писателей XVI в.: его Исторія Іоанна Грознаго, переписка съ царемъ, посланія къ разнымъ лицамъ, наконецъ обширные переводы были распространены въ многочисленныхъ спискахъ. Но личность писателя, по обычаю древнерусскихъ литераторовъ, по взглядамъ книжниковъ и переписчиковъ, не всегда выступаетъ въ спискахъ трудовъ Курбскаго: нѣкоторые списки заподлинно извѣстныхъ трудовъ Курбскаго являются безъ его имени; особенно это часто повторяется въ переводахъ. Въ бібліотекѣ Кіево-Софійскаго собора находятся два замѣчательныхъ списка XVI в. твореній Іоанна Дамаскина въ переводѣ Курбскаго*), и здѣсь мы находимъ или пропуски имени князя Курбскаго при извѣстныхъ сказахъ его: „сказъ Андрея Курбскаго“ или искаженія имени „Курбскаго“ въ „Критскаго“; такимъ образомъ выходитъ, что сказъ Андрея Критскаго — замѣчательный псевдонимъ, въ родѣ древнерусскихъ псевдонимовъ въ сборникахъ „Златоустахъ“, „Измарагдахъ“ и проч. Я не буду останавливаться на любопытныхъ разночтеніяхъ извѣстныхъ мнѣ списковъ переводовъ Курбскаго и остановлюсь только на одномъ новомъ, неизвѣстномъ доселѣ переводѣ Курбскаго, заключающемся въ сборникѣ XVI в. Москов. Синод. бібліотеки за № 219.

Предложу здѣсь только краткое описаніе сборника, его состава и приведу нѣсколько выдержекъ, показывающихъ отношеніе рассматриваемаго сборника къ переводамъ Курбскаго.

Синодальный сборникъ XVI в. въ листѣ имѣетъ подпись по листамъ: „Сія книга ст. Симеона Метафраста монастыра общежителнаго Кутеинскаго и буйницкаго“. Сбор-

*) Эти списки подробно разобралъ мною въ статьѣ: „Изъ исторіи древнерусской письменности“ въ „Чтеніяхъ Историч. Общ. Нестора лѣтописца“, кв. 9, 1895 г. Кіевъ, стр. 14 (Библиографія).

никъ состоитъ изъ 594 листовъ, въ которыхъ видны извѣстные бумажные знаки — кабана и воловьей головы, XVI в.; по письму можно замѣтить различіе нѣсколькихъ писцовъ, но всѣ они писали характернымъ почеркомъ XVI в., употребительнымъ съ юго-западной Руси. При переплетѣ сборника въ XVII в. листы были обрѣзаны, а примѣчанія на поляхъ вырѣзаны и сложены вровень съ обрѣзомъ. Эти примѣчанія, „сказы“, встрѣчаются въ такомъ же видѣ и въ другихъ спискахъ переводовъ Курбскаго. Рукопись наша не имѣетъ ни начала ни конца; переплетъ позднѣйшій. Въ началѣ рукописи сохранился одинъ листъ оглавленія, обнимавшаго содержаніе рукописи до 568-го листа. Послѣдняя статья, „Житіе папы римскаго Селивестра“, писанная на иной бумагѣ и инымъ почеркомъ, въ оглавленіи не помѣщена. Переходя къ составу сборника, я отмѣчу нѣкоторыя его части, при чемъ укажу и повторенія переводныхъ статей съ сказами Курбскаго, извѣстныхъ по другимъ спискамъ. Сборникъ открывается „Повестью краткой о Симионе Метофрасте, чего ради глѣются многіе Слова и повести, аще и не от него написаны в Симионе Метофрасте“. Вслѣдъ за этой повѣстью помѣщено „Пселово слово похвално на св. Симиона Метофраста“. Потомъ идутъ слова на Благовѣщеніе Пресв. Богородицы, на недѣлю цвѣтоносную, на Воскресеніе и проч. Здѣсь мы находимъ повтореніе слова Іоанна Златоуста „о Лазарю воскресномъ“ изъ „Новаго Маргарита“ кн. Курбскаго со всѣми замѣчаніями. На л. 67-мъ помѣщено „Георгія житіе“, которымъ пользовался уже проф. Кирпичниковъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи. Тутъ же помѣщена и похвала Георгію. Затѣмъ слѣдуютъ слова на Вознесеніе, Пентикостію, слово о Троицѣ съ сказами то же, что въ Новомъ Маргаритѣ. По Симеону Метафрасту слѣдуютъ похвалы апостоламъ о Преображеніи Господнемъ съ свидѣтельствами различныхъ отцовъ церкви. Кромѣ Метафрастовыхъ словъ и извлеченій здѣсь же встрѣчаются выдержки изъ хроникъ Евсевія Кессарійскаго и Никифора Калиста. Ограничиваемся этими краткими замѣчаніями о составѣ сборника, который подробнѣе опишемъ въ приложеніи къ настоящей статьѣ. Обращаемся теперь къ вопросу о принадлежности этого рѣдкаго, единственнаго до сихъ поръ извѣстнаго перевода Симеона Метафраста — Курбскому. Достаточно обратить вниманіе на слѣдующія выдержки изъ предисловія и сказовъ, чтобы отнести эти переводы къ трудамъ Курбскаго, даже безъ его имени.

„Повесть кратка о симионе метофрасте чего ради глѣются многіе слова и повести аще и не от него написаны, в Симионе Метофрасте. Не потреба было о томъ славномъ мужу воспоминати и изьявляти, егоже востокъ и западъ вѣдает и почитает, восточные глѣю, церкви всѣ яже подъ ѿ, патриархи, западные же яже подъ папою римскимъ. Но глубокаго ради варварства и неискущества языка нѣг(о), или свойственнѣйше рещи безпамятия ради и невѣданія, яже от лѣности чловѣкомъ приключаются: не неполезно мню мало изьявити о томъ блаженномъ симионе метофрасте: што он во свои времена цркви божию полезно есть принес, яко от еретическихъ замышленей обронил: яко о немъ свидѣтелствуетъ мужъ ученый псел житие его риторски прекрасне пишуще. Но мы дерзнухомъ изьявити вкратце вашей любви, яже слышахомъ и навыкохомъ о немъ:

Егда дьявол супостат рода члвчческаго истоциль тулы свои стреляюще на церковь различными ересьми и изпразнилъ мѣхи сѣюще плевелы между чистою пшеницею, обличенны бо быша ѿмышление его истинниковъ его на великихъ соборехъ нѣкими великими церковными ѿчительми, заградишася и затканны быша ѿста еретическіе. И благодатию бжїею преѿкрасилася црква хста бга нашег(о) и провозсияла пач(е) солнца во всей вселенной о пресущественномъ в трисианномъ божествѣ ѿеология, и пропоѿдано ясное правовѣріе о вочлчению хстоу, и не токмо о тѣхъ но и о всѣхъ догматахъ црквныхъ истинныя правила и законоположеніе написашася предреченными великими стѣми, понеже помагаша имъ животворящаго параклита сила яко самъ господъ рече не вы будете глѣюще но дхъ оца вишег(о) будетъ глѣти в васъ.

Онъ же презлыи драконъ или змии превеликии видѣвъ себя побежденна и отогнанна со стаинники или спомочниками своими сиреч, со различными еретиками: что начинаетъ и что зъ безчисленныя и презлыя зависти исполненныи замышляетъ? и по смерти ихъ презлою завистию своею движетъ. хитролесными злокозньствы славу стыхъ попрасти хотяще, здесна (?) на церковь находитъ. аки бы мирная и полезная приносити хотяща, и подъ сладкимъ медомъ ядъ сокрывати тщится, яко вдавуде речено о немъ благо же благо же дѣламъ виимъ будетъ? еретиковъ паче же манентовы ереси родъ подходитъ и научаетъ яже во всѣхъ скверныхъ догматахъ своихъ сносудно и мечтателно пишутъ и глѣють аки бы то похваляюще хъ и стыхъ его, а вселожное и развращенное наруганіе церковное дѣйствуетъ ими. Ктому и мужей тцеславия и сребролюбия исполненныхъ подходитъ, яже жалаютъ корыстоватьсѣ блгочестиемъ. И поучаетъ ихъ преподобныхъ житія и подвига (сыи иже в животѣ ихъ непримирителныя брани имѣлъ ажь до смерти ихъ) такоже и мученическія боренія и подвиги на нихъже мучителей научалъ различными муками; да крѣпостъ ума ихъ во хрестовѣ вѣре преломитъ. Егда же еще зритъ и прежде воскресенія и суда хва отъ небесныхъ и земныхъ прославляемыхъ и преѿдивляемыхъ ихъ, и чловѣковъ вѣрныхъ во всѣхъ ревнующихъ и подобяще*) (?) имъ. Тогда оныхъ предреченныхъ яко рѣхомъ научаетъ преизлишне хвалити преподобныхъ. такоже и о мученикахъ ложныя и развращенныя мечтанія и сномъ подобныя писати и замышляти, тако в нѣкоторыхъ црквахъ насѣялъ развращенныхъ словесъ и повестей множество, а сие все творять того ради иже тѣхъ ради ложныхъ и праведнымъ и истиннымъ не было вѣрено. Сие древле и при моисей сотворилъ егда чудодѣйствовалъ пророкъ предъ царемъ во египте за повелѣніемъ гнѣимъ онъ же анѣнія и амврия с ложными чудесы подвигъ: сие и при другихъ пророцехъ поставлялъ всескверныхъ. Сие и при стѣхъ апостолахъ чрезъ симона волхва противящася бгу и помрачающе ложными волхвованіи и мечтаніи истинныя чудодѣйствія и силы: Видѣвъ же црквныя епѣпы нѣи паче же искусныя и ѿченые сихъ развращенныхъ словесъ безчисленное множество во церквахъ бжїихъ насѣяно. Потщашася со ѿсердиемъ, како бы послѣдніе таковыя дьяволи плевелы отъ церкви отогнати и истребити, а вмѣсто тѣхъ церковь хву праведными и истинными преукрасити и ѿблголъпити. И заповѣдаютъ со цесарскимъ повелѣніемъ всѣ четыре великія архіепѣпы и посылаютъ посѣлания отъ своихъ патриаршескихъ престоловъ во всю вселенную заповѣдующа

*) Исправлено: „подобящихся“.

яко словеса всѣ на владычни праздници и богородичны и апостолские, тако и мученичские и преподобных подвиги и жития да отовсюду принесутся в константинов град:

И избирают соборне онаго предреченнаго преученнѣйшаго в жителстве и в добрых нравах просвещеннаго блгороднаго мужа на негоже в то время во всеи вселенной не обретес добрѣишъ и искуснѣишъ: подвижут же сего и молят соборне на сие достовхалное (sic) дѣло да прочтет и искусит вся сия. И еже согласные айтлом и пророком и сѣм оцем сия да примет и церкви хѣе в похвалу да возложить: развращенные же да отринет. Он яко христова ига послушник абие покорился повелѣнию их соборному сущих правовѣрных и от сѣих знаемыхъ, церковных Ѹчителей слова писаные на владычни праздници на богородичны и на апостолские приал.

Такоже и мѣническия многие и апостолские написаные похвалы, а которым же им же еще не были написаны или аще и обреталися яко прежде рѣхом от еретиков написаны развращенне, таковыя отринул. И аще нѣкоторые написаны были варварско и неискусно таковыя он сам написал и Ѹблаголѣпил и на славу и преукрашение церковное возложил и остил. А тог(о) ради часто глѣются в натписах сие и сие слово обретается в симионе метофрасте.

Тѣмъ же и нам подобает во истинну глѣю достоит таковым искуснымъ и свидѣтелствованным вѣрити и ревновати житием и подвигом ихъ сѣсенія ради нишего. А не бабским басням и еретическимъ брѣдням: или венским (поправлено: аренским) и спынским замышлением яже любят корыстоватися лицемѣрно или кормыхати благочестием, и яко же и в здѣшних земляхъ нѣгде удержался пач(е) же на подгору соборы их волочатся тако же и во оных рѣских предѣлах их же здѣ обykle нарицати (подскоблено; кажется, что было написано: литовскою) землею таковыя непохвальныя на прелест члком обретаются. Ихъ же и нас за молитвами сѣих да избавит гѣ исус хсѣ, емуже слава во веки векомъ аминь“.

Вся эта „Повѣсть“ и особенно отмѣченное въ ней нами разрядкой носить несомнѣнныя черты пера Курбскаго, который любилъ защищать религіозныя истины противъ еретическихъ мнѣній, любилъ сравнивать религіозно-нравственное состояніе юго-западной Руси XVI в. — своего времени — съ состояніемъ своей родины. Кто, какъ не опальный князь А. Курбскій, могъ сдѣлать слѣдующія объясненія (сказы) къ разсматриваемымъ переводамъ?

Приведемъ для примѣра слѣдующее объясненіе („сказъ“, помѣщающійся, какъ во всѣхъ переводныхъ трудахъ Курбскаго, на поляхъ противъ словъ поясняемыхъ въ переводѣ, л. 137 об.) къ статьѣ „Реченіе о рожествѣ сѣго пророка предтечи и крѣстителя. Написано симиономъ метофрастомъ“, къ слову „царь“: „Зрите послѣдныя(о) вѣка сег(о) царие (паче же прегордые и немлсердые ко своим подручнымъ) древнихъ царей блгочиние и любовь ко совѣтником, ихъ же дерзнулъ славный метофрасть блгочиние хѣу пришествию Ѹподобити, понеже зело любили яко чиновначальниковъ военныхъ, так и совѣтниковъ своихъ великихъ почитали, сами быша яко главою, гѣхъ же яко удовъ своихъ яко и гѣ на^м вс̄ хс̄ не постыдился апѣловъ своихъ не токмо друзи нарицати, но и братиею: аз, рече, не нарицаю вѣ раби, но друзи и прочіе,

а не так яко наши прелютые и прегордые рѹские цѣри, совѣтников своихъ холопми нарицают на свою ѿ срамоту. О беда, хто слышал от вѣка цареи христіяньских над холопми цѣрюющих кромѣ безбожныхъ измаильтянъ бусурманскихъ псовъ. (подобно у нихъ будучи в холопехъ нѣи рѹские кнѣзата навыкли тои презлости). А христіянские цѣрие нарицаются которые под собою имѣют в послушенстве великихъ княжат, и другихъ чиновниковъ свѣтлыхъ и свободныхъ а не холопеи, сіречь, невольниковъ, такоже и цесари тѣ нарицаются ѿ нихже цѣрие от бѣга помазанные венцоносные в послушенстве и в согласію с ними многомъ пребываютъ“.

Приведемъ еще нѣсколько объясненій и отрывокъ изъ одного предисловія, указывающаго на трудъ одного лица въ переводѣ, именно — Курбскаго.

Л. 53 об. „Трагедія ест игра знаменующая жалость, сиречь потребление цѣрствъ, або погибелъ цѣри, а слово тое грецкаго языка“. (Бесѣда 2 Іоанна Златоуста о крѣте и разбойнику).

Л. 56 „Финиксъ птица ест яже глѣютъ быти во индейскихъ высочайшихъ странахъ. Многолѣтну сущу, и егда уже состарееца, тогда сноситъ громаду великую древія цынамонова, и противъ горячести солнечные простертыми крылы своими паряще, егда возгорится огонь, тогда в него сама вметаеця и согоряеть, и от того попела паки зачинаеця бѣжимъ строениемъ ювѣйша и краснѣйша процвѣтаетъ, тѣмъ прикладомъ и їды нашъ їкъ разпростерши на древе крест... рудѣ свои“ и проч. Къ сожалѣнію листъ обрѣзанъ.

Л. 166 об. „Сіречь в нынѣшнее время в неже златоустый был, быша тогда хулницы мнишескаго чистаго жительствова яко и нѣѣ еретицы яже изыдоша от лютора и Ѹчениковъ его“.

Л. 404 „Свободные наѣки або позволенные нарицають грамотику, діалектику, реторику и обе двѣ философіи и прочихъ еще ктому двѣ“.

Л. 529 об. „Сие ново преведохъ от книги стѣго епифанія кѹпрьскаго(о), еже писалъ сопротивъ различныхъ еретиковъ доводяще аргументы или свидѣтельства зело твердыми и не пререкомыми: каждую вещь меновите выписующе откуды началася, и хто ея начальникъ былъ и на каждую особъ отвѣты на заграженіе незатворимыхъ и безстыдныхъ устъ ихъ полагающе. Азъ же сие яко рѣхъ и во другихъ моихъ предословіяхъ того ради преведохъ на словенско (едино ото многихъ) Аки бы скоштованія ради. Понеже книга тая не преложена от грецкаго языка на словенско, да прочетши сие едино со охотою и жаланиемъ презобилные в богатствахъ и велеможные да негли возревновавши по бѣзе ревностию сопротивъ звѣреи прелютыхъ и многоглавныхъ сіречь различныхъ еретиковъ потщатся и всю книгу сию превести многоблженную зело полезную ко оброну и твердому щиту церкви Христове“.

Какъ и въ другихъ переводахъ кн. Курбскаго, въ разсматриваемомъ переводѣ находимъ нерѣдкое упоминаніе о Максимѣ Грекѣ: „сии словеса прежде насъ преведены от максима философа новаго исповѣдника и страдалца“ (1 л. въ оглавленіи, киноварью). Замѣчательно еще слѣдующее совпаденіе перевода Житія св. Николая по разсматриваемой рукописи (л. 409 об.) съ выдержкой изъ него въ сочиненіяхъ Курбскаго, изданныхъ Устряловымъ (3-е изд., 1868 г., стр. 114): (въ послѣднихъ чи-

таемъ) „Понеже пустыня покой и ума почиваніе (варіанты: покоя и ума почиванія) наилучшая родительница и воспитательница, клеветъ (сіе вретъ) и тишина мысли, и Божественнаго зрѣнія плодovitый корень, истинная содружебница съ Богомъ сопряженія духовнаго“; (въ разсматриваемой рукописи:) „Понеже пустыня покоя и ума почиванія наилучшая родителница и воспитательница: а клевет (на полѣ: „а товарищ“) и тишина мысли, и бжественнаго зрѣнія плодovitый корень, и истинная содружебница (на полѣ: „бракообручительница або сваха“) со бгомъ сопряженія дховнаго“.

Приведа эти данныя для заключенія о личности переводчика, которымъ несомнѣнно былъ князь А. Курбскій, — я оставляю пока въ сторонѣ характеристику самаго перевода и его отношеній къ оригиналу. Позволю себѣ еще высказать пожеланіе, чтобы переводы кн. А. Курбскаго и вообще его разнообразная литературная дѣятельность подверглись всестороннему изученію, начало которому уже положили проф. Устряловъ, Иванишевъ, М. П. Петровскій, Ясинскій, Архангельскій. Къ сожалѣнію, какъ уже указано и въ упомянутыхъ трудахъ, нѣтъ въ литературѣ предмета сравненія трудовъ кн. Курбскаго по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ, находящимся въ извѣстныхъ книгохранилищахъ. Я могу, на примѣръ, указать на замѣчательные списки сочиненій и переводовъ кн. Курбскаго въ библиотекѣ Кіево-Софійскаго собора и въ собраніи рукописей гр. А. С. Уварова*), которые значительно дополняютъ пропуски въ напечатанныхъ текстахъ даже оригинальныхъ сочиненій кн. Курбскаго, не говоря о переводахъ. Такъ, напр., въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ 1863 г. (550 стр. и др.) напечатаны Посланія кн. Курбскаго по такимъ спискамъ, которые представляютъ многія мѣста или въ искаженіи или съ пропусками. По списку графини Уваровой (№ 346, бывшій Царскаго, № 461) всѣ эти мѣста читаются въ полномъ и исправномъ видѣ.

Обращаюсь теперь къ болѣе подробному описанію разсматриваемой рукописи, при чемъ укажу въ скобкахъ повторенія нѣкоторыхъ переводовъ по извѣстному уже описанію нѣкоторыхъ трудовъ кн. Курбскаго въ книгѣ проф. Архангельскаго: Очерки изъ исторіи западно-русской литературы. XVI—XVII вв., 1888 г., Приложенія.

Оставляя въ сторонѣ „Оглавленіе“ рукописи, не вполне сходное съ ея составомъ (очевидно, наша рукопись только списокъ съ болѣе полнаго перевода), приводимъ заглавія статей или ихъ начала прямо по сборнику:

2 л. Повесть кратка о Симионе Метофрасте... (Напечатана у насъ вполне выше).

5 л. Пселово слово похвално на св. Симиона Метофраста имѣется в самом Метофрасте.

12 л. Иже во стѣхъ оца нашего Андрея арх. Крицкаго ерусалимскаго Слово на благовѣщеніе Пресв. владычицы нашея Богородицы.

*) Считаю долгомъ принести глубокую благодарность графинѣ П. С. Уваровой за высылку этихъ рукописей на время, по моей просьбѣ, въ Императорскую Публичную Библиотечку, во время моихъ занятій въ Петербургѣ въ 1886—88 гг.

21 л. об. Иже во св. отца нашего Іоанна Златаустаго арх. Константи́на града Слово на благовѣщеніе Престыя Бга.

25 л. О Лазарю воскресшомъ бесѣда. Сіе слово нѣщы глѣютъ не быти Златаустово того ради, иже не во глубину духовнаго разума касаются, и проч. (то же, что напечатано у Архангельскаго, стр. 18—19).

26 л. Іоана Хрисостома бесѣда на недѣлю цветоносную.

31 л. об. Бжественнаго Іоана Хрисостома арх. Константинопольскаго о предателю и о тайнахъ вечери гдѣи. Начало: „До днешняго пи́рования“...

34 л. Слово второе. Начало: „Вторая повинност спасеннаго предложена“...

42 л. Іоана Хрисостома во великій четвертокъ о іюдинѣ преданію бесѣда.

49 об. Божественнаго Іоанна Хрисостома о разбойнику.

51 л. О кресте и разбойнику. Начало: „Днесъ начнемъ навозлюбленнѣйшіе“.

55 л. О воскресенію слово Хрисостома.

67 л. Еоргия великаго мученика житіе и мученіе изобрѣтателемъ Симиономъ Метофрастомъ написано.

79 л. Мученіе стго великаго мученика Еоргіа написано отъ слуги его Пасикрата.

105 л. О вознесенію Господнем.

111 об. О пентикостію.

116 об. Божественнаго Хрисостома слово на пентикостію и о св. духу.

124 л. Божественнаго Іоанна Хрисостома слово о святой и единосущной и животворящей и нераздѣльной Троице (то же, что у Архангельскаго, стр. 15, л. 141; съ тѣми же „сказами“ на поляхъ и объясненіями отдѣльныхъ словъ).

136 л. Реченіе о рожествѣ св. пророка Предтечи и Крестителя написано Симиономъ Метофрастомъ.

141 об. Стго отца нашего Іоанна арх. Константинопольскаго Хрисостома похвала о Рожествѣ честнаго Предтечи и бесѣда Захаріи со ангеломъ.

151 об. Житіе св. апостоловъ Петра и Павла (нѣсколько).

155 л. От Евсевія Кесарискаго церковнаго историка в книгахъ ѿ во главе кѣ (о Неронѣ).

156 л. (Симеона Метафраста о св. апостолахъ Петрѣ и Павлѣ).

167 об. Св. отца нашего Іоанна арх. Константинопольскаго Хрисостома Похвала св. и начальниковъ апостолскихъ Петра и Павла“.

171 л. Похвала св. начальниковъ апостольск. Петра и Павла от Симиона Метофраста.

173 об. О преображенію Господнемъ от Симиона Метафраста (выдержки изъ сочиненій многихъ отцовъ и учителей церкви).

200 л. (Свидѣтельства отцовъ в Симионѣ Метофрастѣ о честномъ зачатію и воспитанію Пресв. Богородицы)...

231 л. Св. отца нашего Іоанна мниха и презвитера Дамаскина слово о Успѣнію Пресв. Госпожи наше Богородицы иже имѣется въ Симеонѣ Метофрастѣ. Начало: „Нихтоже убо от члковъ есть, хто бы могъ сану ради восхваляти св. отшествіе божии матери“.

- 247 л. Св. отца нашего Андрѣя Критскаго похвала на успѣніе Пресв. Богородицы имѣется въ Симеонѣ Метофрастѣ.
- 255 л. Андрея Крицкаго арх. Ерусалимскаго другая похвала о успѣнію Пресв. Госпожи нашея Богородицы.
- 264 л. Иже во св. отца нашего арх. Іоанна Хрисостома похвала о св. дванадесяти апостолахъ.
- 280 л. Страданіе св. апостола Андрѣя написано презвитерми и диаконы церкви ахаитскихъ.
- 321 об. Исторія о св. Ѳекле двѣи от Адова Триверенскаго еѣпа...
- 324 л. Толкованіе вещей дѣянныхъ св. апостола Филиппа изобретателемъ Симиономъ Метофрастомъ.
- 329 л. Толкованіе вещей дѣянныхъ св. апостола Иакова.
- 337 л. Св. апостола Симиона брата Господня по плоти страданіе новопреведено отъ Исторіи Евсевія арх. Кесаріи Палестинскіе.
- 338 об. От кроники Грецкіе Никифора Калиста о св. Ѳомѣ дѣяніе.
- 356 л. Св. отца нашего Іоанна Златоустаго бесѣда о стѣхъ Петрѣ апстле и о Иліе пророце.
- 368 л. Бореніе св. прехвалнаго мученика Дмитрія изобретателемъ Симиономъ Метофрастомъ.
- 376 л. Св. отца нашего Егорія арх. Никомедійскаго слова о уведенію св. Госпожи нашея Богородицы Маріи... имѣется въ Симионѣ Метофрасте.
- 385 л. Мученіе святыя мѣницы Екатерины написано от Симиона Метофраста.
- 395 об. Страданіе св. Варвары изобрѣтателемъ Симиономъ Метофрастомъ.
- 403 л. Житіе св. Николы еп. Мирликійскаго от грецкихъ нарочитыхъ изобретателей. А наипаче же от Симиона Метофраста собрано и пописано Леонартомъ Устиніаномъ Патрѣкіемъ Венацкимъ еп., братомъ св. Лаврентія Устиніана.
- 429 л. Епистолия от Игнатія Богоносца ко Бѣгородице епископа антїохійскаго.
- 430 л. Житіе Климента мученика епископа Римскаго.
- 445 л. Блаженнаго Петра Дамьяна слово о Рожествѣ Спасовѣ.
- 472 л. Епистолии двѣ св. Анастасіи ко Хризогону.
- 474 л. Житіе и мученіе св. Анастасіи.
- 482 л. О св. Стефане первомученику блаженнаго Григорія еп. Нискаго реченіе.
- 491 л. О обрѣзанію Господа нашего Іисуса Христа, иже бѣ осмаго дня и краткая похвала великому Василию ото изобрѣтателя Симиона Метофраста.
- 496 л. Амфилофія Иконійскаго еп. слово на очищеніе Богородицы.
- 502 л. Св. отца нашего Іоанна арх. Константинопольскаго нареченіемъ Златоустаго о устрѣтенію Господа нашего Іисуса Христа (ν̄σα χ̄α).
- 506 об. Св. отца нашего Григорія еп. Нискаго реченіе о устрѣтенію Господнемъ и о Богородице и о праведномъ Симионе.
- 520 л. Кирилла арх. Ерусалимскаго слово на стретенье Господне.
- 523 об. От Тимоѣя презвитера Ерусалимскаго реченіе о пророку Симионе.

542 л. Епистоля Кирила Иерусалимскаго еп. сыну великаго Константина царю о знаменію креста, иже на небеси явился.

545 л. Слово воспоминательно о св. апостолѣ Ѳомѣ списано Методрастомъ Симиономъ...

551 л. Пѣснь на успѣніе Пресв. Богородицы.

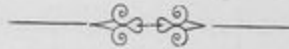
557 л. Св. великомученика Никиты.

561 л. Св. Дионисія ареопагита списано блаженнымъ Симеономъ Методрастомъ преведено из греческія книги Максимомъ инокомъ. Начало: „Древле убо во образѣхъ бѣша“.

568 л. Житіе св. отца нашего Силвестра папы Римскаго.

Въ концѣ рукописи слѣдуютъ добавленія, писанныя позднѣйшей рукой.

Разсмотрѣнный сборникъ, кромѣ значенія перевода кн. Курбскаго, имѣетъ еще другое значеніе — какъ единственный извѣстный, болѣе или менѣе полный переводъ твореній Симеона Методраста въ славяно-русской литературѣ XI—XVI вв.

Древнерусское Слово о лѣнивомъ и о сонливомъ.

П. В. Владимірова.

Печатаемое ниже „Слово о лѣнивомъ и о сонливомъ“, известное по рукописямъ XVII—XVIII вв., восходитъ къ болѣе древнему времени и относится къ числу немногочисленныхъ любопытныхъ памятниковъ древнерусской литературы, въ которыхъ народно-поэтическая форма, а отчасти и содержаніе народной словесности соединялись съ церковной письменностью. Древнерусская народная словесность въ ея разнообразныхъ видахъ и формахъ рѣдко отражалась въ древнерусской письменности. Последняя, съ преобладающимъ церковнымъ характеромъ, чаще схватывала нѣкоторыя стороны общаго содержанія народной словесности (напримѣръ, названія народныхъ повѣрій, праздниковъ, обрядовъ, старыхъ эпическихъ героев, сказочные мотивы, и т. под.) и какъ-то сторонилась отъ формы живого народно-поэтического выраженія. Народныя пѣсни почти не попадали въ письменность. На первый взглядъ кажется, что только любознательный иностранецъ, англичанинъ Ричардъ Джемсъ, въ началѣ XVII в., обратилъ вниманіе на русскія народныя пѣсни, записавъ ихъ въ Москвѣ, да чехъ Янъ Благославъ въ XVI в., въ своей грамматикѣ, по ошибкѣ напечаталъ малорусскую народную пѣсню, назвавъ ее словенской (изд. Потебней въ 1877 г. въ Филологич. Запискахъ); между тѣмъ какъ русскіе книжники — воспитанные на византійской литературѣ и послѣдователи ученой схоластики — помышляли только объ уничтоженіи русской народной поэзіи, или, по крайней мѣрѣ, старались не обращать на нее вниманія. Такъ кажется на первый взглядъ. Присматриваясь же ближе къ дошедшимъ до насъ памятникамъ древнерусской литературы, мы открываемъ точки соприкосновенія русской народной поэзіи не только съ такой свѣтской литературой, какъ Слово о Полку Игоревѣ и нѣкоторыя части древнихъ лѣтописей, но и съ литературой церковной, напр., съ поученіями, съ нравоучительными легендами и повѣстями.

Старинные русскіе сборники — эти журналы и альманахи до-петровской старины — оживляли свои страницы, наполненные высоко-поучительными, серьезными поученіями, житіями, нерѣдко апокрифами, — и произведеніями въ живомъ народномъ стилѣ. Быть можетъ, составители такихъ древнерусскихъ произведеній разчитывали на особенное вліяніе народной формы, народныхъ образовъ на широкій кругъ простыхъ, необразованныхъ читателей, — тѣмъ болѣе, что рядомъ съ такими книжными

произведеніями самъ народъ старался усвоить правоучительную церковную литературу въ народной формѣ духовныхъ стиховъ. Къ числу такихъ любопытныхъ немногочисленныхъ книжныхъ произведеній и относится слѣдующее Слово, которое мы издаемъ по „Измарагду“ (сборникъ у поученій, см. о нихъ изслѣдованіе проф. Яковлева: „Къ литературной исторіи древнерусскихъ сборниковъ“, 1893 г., стр. 297) Ундольскаго (№ 542, л. 288 об., глава 171). Ниже мы остановимся на литературной исторіи этого Слова въ XV—XVIII в. и на объясненіи народно-поэтическихъ и бытовыхъ подробностей этого замѣчательнаго Слова.

„Слово о ленивом и о сонливом*). — О ленивыи и о сонливыи. помяни бѣга на нѣихъ. смерть на земли. гдѣ ваши дѣды прадеды оѣи и мѣри. жив не жит а быв не быт. сѣнце и мѣць и звѣзды мимо идет а писане сѣво бѣіе не минет. всяк от своеи лѣности погыбаеъ потакаеъ лѣности своеи. какъ привееъся к чѣку жена от великіа любви такожъ привееъся к чѣку сон к лѣнивому болшая емоу погыбел во гдѣскыа завтрени просыпаеъ. а звона сѣго не служ(ш)ает отца дѣовнаг(о) не рядит. обламався от сна пытаеъ пива. а грѣховъ добываеъ черезъ всю ношь пиетъ а спитъ до полоудни. настопитъ емоу тоска на сѣце. очима свѣта не видить. тогда же томоу чѣвѣкоу приближаються злыдни да имоуть в очи за то вдавать. да обовьютъся емоу около головы. да простро(у)тъ емоу по хрептоу. да сядоуть оу него на порозѣ с веником сего дни положиль польдензи в калитоу. а на завтрея хватитъся злыдни вынели. тогда же того челоуѣка богъ не милоуетъ а господарь не жалоуетъ а бояре ся о немъ не печалоуют а дѣти боярскыа с нимъ не дружатся. а дворныа люди не слоужать. а християне чернокунци не имоуть над нимъ чти держати. а свещеникы не имоуть его за прѣтлом во молитвахъ поминати. ницата ж о немъ бѣга молить не имоуть. жена жъ его оучнет плакаться обинмая свои дѣти. чадо мое милое. оѣць вашъ чего дожилъ чего доспалъ чего доленилъся. а наши голавы выли а себѣ добра не доспѣли. лоутчи было не родитися. а творцоу нѣвномоу не гроубити. богу нашему слава всегда и нынѣ и присно и во вѣкы вѣкомъ аминь“.

Чтобы опредѣлить мѣсто и время происхожденія этого Слова, слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующія слова: „съ вѣнникомъ“, „калита“, „чернокунцы христіане“. Первые два слова (вѣникъ, калита) исключительно свойственны великоруссамъ, особенно въ томъ значеніи, какое имъ придано въ нашемъ Словѣ; аканье (голавы, обламався), сверхъ того, указываетъ на происхожденіе нашего Слова въ предѣлахъ южно-великорусскаго населенія, т.-е. около Москвы. Что касается слова „чернокунци“, то этотъ старинный терминъ встрѣчается въ лѣтописяхъ и актахъ отъ IX до XV в.: подъ 6391 г. Олегъ бралъ дань на Древлянахъ „по чернѣ кунѣ“; то же въ новгородскихъ грамотахъ XV в. Самый терминъ „чернокунецъ“ встрѣчается рѣдко (Даль, Словарь), чаще „черный челоуѣкъ“ (Дювернуа, Матеріалы для Словаря, 1894 г.).

Происхожденіе нашего Слова относится, по всей вѣроятности, къ XIV—XV вв., когда въ русской литературѣ развивались такіе сборники, какъ „Измарагдъ“, „Златая

*) Печатаемъ его съ удержаніемъ особенностей правописанія и пунктуаціи, во опускаемъ значки надстрочныя и ударенія.

Чепь“ и другіе, вносившіе въ свой составъ много любопытныхъ безымянныхъ, русскихъ или передѣланныхъ изъ переводныхъ, словъ, поученій, сказаній и пр. По крайней мѣрѣ, въ извѣстномъ „Словѣ о високоумномъ хмѣлю и о худыхъ пьяницахъ“, по списку XV в. („Описаніе сборника XV ст. Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря“, стр. 64—65 въ Ученыхъ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ, V т.), мы уже находимъ много тождественнаго какъ по содержанію, такъ и по формѣ съ нашимъ Словомъ: „не долго спите, не много лежите. вставайте рано, а ложитесь поздно... лежати долго не добыти добра, а горя не избыти. чти и славы не получитьи, а сладка куса не снѣсти. медовыя чаши не пити. а у князя въ нелюбви быти, а волости или града отъ него не видати. недостаткы у него дома сидять, а раны у него по плечамъ лежать. туга и скорбь по бедрамъ, голодомъ позванивается, оубожіе оу него в калитѣ гнѣздо свило, привязалася къ нему злая лѣньность, какъ милая жена. а сонъ какъ отецъ. а оханіе какъ любая чада а злыдни на го (на него) смотрятъ“ и т. д. Это Слово о хмѣльномъ питіи съ именемъ св. Кирилла Философа извѣстно въ различныхъ редакціяхъ (напр., проф. Пѣтуховъ, Къ вопросу о Кириллахъ-авторахъ, 1887 г., стр. 22—27, см. здѣсь литературу этого Слова; въ Памятникахъ Древней Письменности, 1878—1879 гг., стр. 91—92; въ Памятникахъ Старинной русской литературы II, 447—449 и др.). Въ этихъ редакціяхъ XVII—XVIII вв. Слова о хмѣлѣ форма народно-поэтической рѣчи уже стерта, хотя еще по изданію г. Пѣтухова замѣчается связь съ старой редакціей (злыдни наведу на него). Народно-поэтическую форму пословицы, присказки, пѣсни мы нашли еще въ Сборникѣ Румянцевскаго Музея (№ 363, л. 412, XVII в.) и еще въ болѣе интересной формѣ въ слѣдующихъ двухъ словахъ изъ того же „Измарагда“ Ундольскаго, XVI в. (№ 542, лл. 66 об. — 69 и лл. 240 об. — 241), которыя и приводимъ здѣсь цѣликомъ.

„Сл(о)во о високоумном хмелю и о хоудых пьяницах и неоустроеных“.

Тако глѣть хмел ко всякому члѣкоу и ко сѣеническоумоу чиноу и ко кнѣзем и бояром и къ слоугам и х коупцем и к богатым и ко оубогим и женам старым и младым: не освавайте мене аз есми силен боле всѣх плодовъ земных от корени есми силна и от племени велика и многогородна. мѣи моя сотворенна бгом а имѣю оу себя нози тонцѣ а оутробоу не обявчиноу. роуцѣ мои дрѣжатъ всю землю а главою имѣю оу себя високоумноу а оумом есми ровен ко всякому а языком многоглѣив а очима бесрамен. аще кто здружится со мною. имет мене осваивати первое dospѣю его блудника. и к бгоу не молебника. на мѣтвоу не встанлива. а в ноци не сонлива но и заспався стонет. наложю емоу печал на сѣдци воставшю ему с похмеліа голова болит очи свѣта не видят а оумъ его не идет ни на что ж на доброе ясти не требует гортан его присышет пити хочет испити чашоу и другоую с похмелія и потом иные многи и тако оупивается по вся дни. воздвигноу в нем похот плотскоую и во вся его помыслы злыя. и потом ввергоу ег(о) в болшоую погибел. аще познается со мною кнѣзь оучиноу его безоумна и люта на люди и не смыслена имет пити через ноцъ а спати до полоудни а людем оуправы нѣт а бояре оу сирот посоулы емлют сироты и вдовица обидимы восплачют. тогда людие оузрѣвше таковаго кнѣзя. то бгоу земля согрѣшила коего глѣрь бгѣ дал такова. аще познается со мною болярин dospѣю его злобива и не мѣсрда до

людеи и до сирот сребролюбива и оузрѣв его добрыи кнѣзь извержет его из саноу вон. аще познается со мною коупец dospѣю его скорбна во оутлом клобоцѣ во ветцѣ свитѣ во издранехъ сапозѣх а оу людеи имет коун заимовати а они емоу не дадут видя ег(о) опьянчива. аще познается со мною слоуга княжей dospѣю его от кнѣзя в ненависти боудет ни дворянин ни селянин в недозорѣ емоу оумрети. аще познается со мною селянинъ а имет ходити часто по пиром dospѣю село его поусто. а самог(о) его во злых днех а женоу и дѣти по работам. аще здружится со мною мастер каков бы ни был отимоу оу него оум dospѣю его лихою пьяницею горши всѣх. еше злыдни наведу на него дѣла своег(о) дѣлати не хочет но хочет пити не боудет емоу добра. аще познается со мною жена какова ни была а иметя оупивати до пияна оучиноу ея блоудницею воздвигноу в неи помыслы на блоуд и потом ввергоу ея в болшоую погибел и боудет от бѣга отлочена а людем в посмѣх се лутши быс(я) не род(и)ла. аще кто не лишится пьянства и злаг(о) запойства створю аки оканнаг(о) горѣ йдол йдоли бо не могут творити ни добра ни зла а пьяныи члкъ в добра мѣсто зло творит аще бы пил в мѣроу добро бы емоу было. пьянныи члкъ согрѣшив не кается а трезвы члкъ согрѣшив кается и сѣсенъ боудет. пьяный члкъ горѣ бѣснаг(о) бѣсный бо стражет неволею добоудет собѣ жизнь вѣчноую а пьяный члкъ стражет волею своею добоудетъ собѣ моукоу вѣчноую. пришедши ерей мѣтвоу сотворит над бѣсным сѣсен боудет. а над пьяным аще быс вся земля сошлася попове и мѣтвоу бы сотворили вѣм яко не прогнати пьянства самоволнаго бѣса сего ради лишимся пьянства пьяный члкъ горѣ бѣснаго. бѣсный бо на новый мѣъ блоудит а пьяный члкъ напиваяся по вся блоудит. пьяница бо ѣ приложен ест ко свийнѣ. свиня бо аще гдѣ ни внидет тоут рылом подкнет тако и пьяница аще в которой двор не поустят его. да оу тына послушивая. пьют во дворѣ сем а людей спрашивает в котором дворѣ пьют. а се вы повѣдаю братие. колико ес пагоуба родоу члческому во злом пьянствѣ. о сем бо бжественны айль реч(е). пьяници црства бжїа не оузрят но оуготованна им моука с прелюбодѣи и с татми и с разбойники во вѣки моучитис.

„Пооученіе стѣх оцѣ ко всѣм спящим и лежащим и не хотящим дѣлати своима роукама. блгсви“.

Друзи и братия і чада любимая не оуподобайтесь сном и непотребным рабом. Не долго лежите и не много спите. вставайте рано. ложитесь поздо и молитесь бѣгоу. да не внидете в напасть. якоже рече гь ншъ ісус хс. лежа добра не добыти. а горя не избыти. сѣсеня не полоучити. а бѣга не оумолити. грѣховъ не избыти чести и славы не добыти. красные ризы не носити. медвяны чаши не испити. слаткаг(о) коуса не съести безоумномуу и не оумномуу и не встанливомуу моужем не слыти. гсдрем в домоу не быти кнѣзя в волости не видати. бѣгоу не угодити. кнѣзю милоу не быти. аще беда ег(о) по голенем бьеться а долгъ в зашеекъ пехает. не дасть емоу дома посѣдѣти. и раны емоу по плещам лежат. а оунынье емоу на главѣ ег(о). а посмѣх на бородѣ. а помаз на оустѣх. а оскобина на зуубѣх. на чюжое добро смотрючи. горестъ на языцѣ. а полыни в гортани соухота въ печенех. а во чреве воркота и бѣрвота. недостатки оу него в домоу сѣдят. а оубожье въ калите оу него гнездо свилю. тоска в пазоухе. скорбь по бедрѣ. а тотъ члкъ лежливой и сонливой в домоу не гдѣрь (на

поляхъ поздней рукой XVII в.: не гдѣнь). а женѣ не мужь. а дѣтем не отец. а по оулицамъ люди его не знают. а по градуу ходит во срамотѣх не видит. аще оу него тощъ за пазоухою. а голодомъ позванивает. а привязалася к нему лѣность какъ милая і лихая жена к неумному мужю своему. часто воздыхает. а оканни бѣси емоу аки друзи мылые. огонь тяжкій аки оцѣ и мати бгбу ѿшему“.

Частныя подробности этихъ Словъ о русскомъ бытѣ заслуживаютъ вниманія. Нѣкоторыя черты, напр., о „добрыхъ князьяхъ“, отъ которыхъ получаютъ волости, восходятъ, быть можетъ, къ удѣльной эпохѣ.

Ө. И. Буслаевъ, разбирая извѣстную повѣсть XVII в. о Горѣ и Злосчастіи (въ Историческихъ Очеркахъ, 1861 г., I т., стр. 569 и далѣе), обратилъ вниманіе на стихотворную форму одной изъ редакцій XVII в. „Слова о лѣнливыхъ и о сонливыхъ и упіячивыхъ“ и высказалъ мнѣніе (стр. 570) о сложеніи стихотвореній о вредѣ пьянства въ XVII в., подобныхъ приведенному. Наше слово и сродныя съ нимъ редакціи показываютъ зарожденіе подобныхъ замѣчательныхъ Словъ еще въ XIV—XV вв. Для литературной исторіи народно-поэтической формы въ древнерусской литературѣ мы имѣемъ, такимъ образомъ, слѣдующій непрерывный рядъ памятниковъ: XII—XIII вв. Слово о Полку Игоревѣ (многое въ этомъ драгоценномъ памятникѣ должно быть отнесено къ болѣе древнему времени, по крайней мѣрѣ, въ устномъ обращеніи — со времени в. кн. Владиміра I); XIV—XV вв. Слово о гибели Русскія земли (открытое и изданное X. М. Лопаревымъ въ 1894 г.), Задонщина (особенно интересна древняя редакція, по списку XV в. въ упомянутомъ „Описаніи сборника XV ст. Кирилло-Бѣлоз. монастыря“, связанная не только съ Словомъ о Полку Игоревѣ, но и съ Словомъ о гибели Русскія земли, и представляющая въ то же время своеобразныя народно-поэтическія черты), слова о хмѣлѣ, лѣности и проч., входившія въ сборники поученій; XVI—XVII вв., когда являются уже записи былинъ, пѣсенъ, пословицъ, такія повѣсти, какъ Горе-Злосчастіе, и т. п.

Приведемъ Слово въ редакціи XVII в., разложенное на стихи Ө. И. Буслаевымъ:

О чадо мое любимое!
Размотрайтеса и разумѣйте истину.
Не долго спите, не долго лежите;
Якожь многажды спати имама безъ мѣры,
Добра не добыти, а лиха не избыти,
А славы добрые не получитьи,
А красныя ризы не носити,
А медвяны чаши не испивати,
А своего хлѣба не ѣдати,
А Богу и князю милу не бывати,
А сладости не видати.
А бѣда его по голенямъ бьетъ,
А недостатки дома живутъ,

А раны по плечамълежатъ,
А хула по ушима его,
А уныніе на главѣ его...
И убожіе у него въ калитѣ сѣдитъ,
А въ прикалиткѣ себѣ гнѣздо свило.

Точно такъ же можно бы разложить на стихи и все наше Слово.

Мы должны бы еще остановиться на интересныхъ мифологическихъ существахъ „злыдняхъ“, упоминаемыхъ въ приведенныхъ словахъ, но предметъ этотъ уже разсмотрѣнъ нами въ другомъ мѣстѣ: во „Введеніи къ исторіи русской словесности“ (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1895 г., январь, стр. 40 и въ отдѣльномъ изданіи 1896 г., Кіевъ). Приведемъ только нѣсколько пословицъ, въ которыхъ являются злыдни: „упросились злыдни на три дни, да чортъ ихъ выкуритъ въ три года“, „деньги идутъ къ богатому, злыдни къ убогому“, „злыдни скачутъ, неволя учить“, „всѣхъ злыдней злѣе злая жена“, и проч. Существа эти нерѣдко являются и въ сказкахъ, о чемъ говорится также у насъ въ упомянутомъ „Введеніи“ въ отдѣлѣ о сказкахъ и въ отд. изд. „Введенія“, стр. 168 и далѣе.

Рукопись „Апостола Толковаго“ 1500 г., принадлежащая И. Л. Силину.

П. В. Владимірова.

На Археологической Выставкѣ въ Москвѣ въ 1890 году среди рукописей изъ собранія московскаго купца И. Л. Силина обращала на себя особенное вниманіе рукопись, описанная въ печатномъ каталогѣ Выставки слѣдующимъ образомъ: „Апостоль толковый 1500 года съ лѣтописью и заставками, западно-русскаго письма. Заставки, исполненныя киноварью и черными (печатными) заставками краковскихъ первопечатныхъ изданій девяностыхъ годовъ XVI ст.“ Благодаря любезности самого И. Л. Силина, извѣстнаго въ Москвѣ среди антикварныхъ книгопродавцевъ, я могъ ознакомиться съ этой рукописью въ Москвѣ, во время лѣтнихъ вакаціонныхъ занятій 1890 года.

Рукопись Толковаго Апостола въ листъ, въ переплетѣ недавно сдѣланномъ, имѣетъ на нѣкоторыхъ листахъ водяной знакъ кабана, похожій на такіе же знаки XVI в., но съ оттѣнками какой-то грубости, расплывчатости. Листы рукописи во многихъ мѣстахъ оборваны и подклеены толстой современной бумагой. Одинъ листъ пропаленъ даже огнемъ. Какъ видно, время немного испортило эту любопытную рукопись! Что касается письма рукописи, то она большею частію писана одною рукою, но кое-гдѣ встрѣчаются и вставки иной руки. Письмо это напомнило мнѣ Погодинскую рукопись, въ листъ, № 85, XVI в., содержащую библейскія книги въ Скорининскомъ переводѣ съ дополненіями (см. объ этой рукописи въ моемъ изслѣдованіи „Докторъ Францискъ Скорина“, 1888 г., стр. 222 и далѣе).

Уже эти внѣшніе признаки рукописи указываютъ на ея сомнительное происхожденіе. Еще болѣе въ этомъ убѣждаютъ послѣсловіе съ годомъ 1500 и содержаніе Апостола, безъ всякаго сомнѣнія, списаннаго съ изданія Скорины 1525 г. Очевидно, новѣйшій авторъ слѣдующаго послѣсловія, не принявъ во вниманіе историко-литературныхъ отношеній разсматриваемой рукописи, выдалъ самъ свою поддѣлку. Вотъ это послѣсловіе: „Изволеніемъ оца, поспѣшеніемъ сѣа съврѣшеніемъ сто дѣа, съписасѣ сѣа книга рекомаа айль тльковыи лаврентіемъ ивановичемъ изъ маначина (ср. этотъ же городъ въ послѣсловіяхъ вышеупомянутой Погодинской рукописи № 85; изслѣдованіе о Скоринѣ I. с.) працею и накладомъ сѣенного іереа ефрема намѣстника

маначинскаго. При дрѣжавѣ великаго короля жикгимонта августа в богосїсаемѣмъ градѣ маначинѣ дрѣжавци княжати вышневецкого константина. и при панову иванакѣ дрѣжавы старостьства княжати вышневецкого рок. бѣж. а ф мѣа мая кд-го дня. Бѣу въ трѣци единому ку хвалѣ и прѣтѣи є бѣомѣри марїи всѣмъ сѣым и сѣцам. а людем добрымъ къ наоченїю аминь“.

Припомнимъ прежде всего извѣстныя уже поддѣльныя послѣловія на нѣкоторыхъ рукописяхъ. Извѣстный сборникъ повѣстей „Великое Зерцало“, переведенный въ 1677 году, имѣетъ слѣдующую подложную запись на одномъ изъ списковъ XVIII в.: „Писана року 7152 (т.-е. 1644 г.) друкарьщикомъ въ Москвѣ при царѣ Михаилѣ Ѳѣодоровычѣ при патриархѣ Іосифѣ“ (см. въ нашемъ изслѣдованїи о „Великомъ Зерцалѣ“, Москва 1884 г., стр. 46). Не приводя другихъ указанныхъ въ печати поддѣльныхъ записей (что, кстати замѣтимъ, мало еще вызываетъ у насъ вниманїя), упомянемъ о поддѣльной записи будто бы 1423 г. на рукописи Евангелїя, принадлежащаго Кїевской Десятинной церкви, XVI в. Запись эта 1423 г. сдѣлана на новой бумагѣ, которой оклеенъ новый переплетъ Евангелїя. Подобныя поддѣльныя записи въ русскихъ и славянскихъ рукописяхъ заслуживаютъ не меньшаго вниманїя, чѣмъ такія же поддѣлки въ вещественной археологїи. Опредѣленїе самой поддѣлки, иногда сдѣланной очень искусно, зависитъ прежде всего отъ историко-литературнаго изученїя всего памятника. Такъ и рассматриваемая рукопись при внимательномъ сличенїи ея состава и содержанїя съ извѣстнымъ намъ печатнымъ Апостоломъ Скорины 1525 г. убѣдило насъ въ томъ, что Апостоль этотъ составленъ на основанїи печатнаго текста Скорины со всѣми его особенностями: съ тѣми же глоссами на поляхъ, съ тѣми же предисловіями къ отдѣльнымъ частямъ Апостола; наконецъ, съ тѣми же краткими упоминанїями „Соборника“, какія находятся у Скорины.

Приведемъ заглавіе рассматриваемаго Апостола, повторяющее заглавіе Скоринскаго Апостола 1525 г. (см. о немъ вообще въ нашемъ изслѣдованїи о Скоринѣ, 1888 г., стр. 178—189): „Починається книга з божїею помощїю. Дѣянїя и посланїя аїлѣская зовемая аїлѣ. бгѣу въ троїци единому ку чти и православнымъ хрестїаномъ къ наученїю“ (л. 1). Не приводимъ другихъ упомянутыхъ повторенїй. На первомъ листѣ рассматриваемая рукопись имѣетъ еще слѣдующую скорописную подпись: „та многогрѣшнии Софронїи Подгаецкїй даю дарую на часи вѣчные фундацїи ихъ милостей пановъ Іаловицкихъ, а хто би мѣлъ отдалити тую книгу отъ того мѣсца святого не хай же отъ него отдалитъ хрїстосъ царство свое небесное. Амѣнь“. Не указываетъ ли эта подпись — тоже сомнительная, — на происхожденїе составителя вышеприведенной записи 1500 г.? Во всякомъ случаѣ, подобныя подложныя записи заслуживаютъ вниманїя, такъ какъ могутъ ввести въ заблужденїе интересующихся внутренней жизнью юго-западной Руси до XVIII в.

Еще нѣсколько словъ о дрогичинскихъ пломбахъ.

Н. Авенариуса.

Вопросъ о дрогичинскихъ пломбахъ, возбужденный въ 1864 г. графомъ К. Тышкевичемъ и возобновленный мною много лѣтъ спустя, остался нерѣшеннымъ до настоящаго времени.

Авторъ новѣйшей статьи объ этихъ пломбахъ, профессоръ университета св. Владимира г. Лучицкій, который видитъ въ нихъ торговыя марки ганзейскихъ городовъ, по моему мнѣнію столь же далекъ отъ истины, какъ и гр. Тышкевичъ, приписывавшій ихъ Ятвягамъ. Дрогичинскія пломбы даютъ такой богатый матеріалъ для всякаго рода предположеній, что споръ о нихъ можетъ затянуться до безконечности или, точнѣе, до истощенія интереса къ нимъ.

Мнѣ кажется, что, во избѣжаніе такого нежелательнаго исхода вопроса о дрогичинскихъ пломбахъ, нужно прежде всего установить нѣсколько общихъ положеній, которыя, по своей несомнѣнности, будутъ служить исходными точками для болѣе или менѣе спорныхъ предположеній. Такія общія положенія значительно сократятъ трудъ изслѣдователя, избавляя его отъ повтореній и многихъ ошибокъ.

Всѣ разсужденія о дрогичинскихъ пломбахъ сводятся къ тремъ вопросамъ: откуда происходятъ онѣ? Какому принадлежатъ онѣ вѣку? Какое было ихъ назначеніе?

Начну съ перваго вопроса. Происходятъ ли эти пломбы изъ одной страны или изъ нѣсколькихъ, а если изъ одной, то изъ какой именно?

Если мы для рѣшенія этого вопроса воспользуемся обычнымъ путемъ сравненія, то увидимъ, что изображенія, оттиснутыя на дрогичинскихъ пломбахъ, встрѣчаются у разныхъ народовъ, въ разное время и въ разнообразныхъ случаяхъ. Возьмемъ для примѣра нѣсколько такихъ изображеній.

Свастика , которая изображена на многихъ пломбахъ, встрѣчается какъ извѣстно, на донышкахъ доисторическихъ могильныхъ горшковъ, на египетскихъ и этрусскихъ памятникахъ, на средневѣковыхъ монетахъ, на западно-европейскихъ торговыхъ маркахъ и т. п.

Фигура , извѣстная въ Германіи подъ именемъ песочныхъ часовъ, служила маркою у разныхъ Нѣмцевъ, затѣмъ у Голландцевъ, Піемонтцевъ и Тирольцевъ*).

*) Homeyer, Die Haus- und Hofmarken. Табл. VIII, XXIX, XXXVI, XXXVII.

Повторяющийся на безчисленныхъ пломбахъ знакъ Ψ или Λ встрѣчается не только на швейцарскихъ и тирольскихъ маркахъ¹⁾, но и въ числѣ знаковъ, высѣченныхъ въ скалѣ на берегу Енисея²⁾.

Такихъ примѣровъ можно привести множество. Чѣмъ объяснить это сходство или совпаденіе знаковъ? Можетъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ случайностью, въ другихъ подражаніемъ или закономъ преемственности. Во всякомъ случаѣ способъ сравненія типовъ, весьма соблазнительный при громадномъ разнообразіи дрогичинскихъ изображеній, въ данномъ случаѣ непригоденъ.

Я предлагаю другой способъ, болѣе простой и, по моему мнѣнію, болѣе вѣрный, а именно сравненіе дрогичинскихъ пломбъ между собой.

Если разложить на столѣ горсть этихъ пломбъ, то немедленно бросится въ глаза цѣлый рядъ общихъ между ними признаковъ: величина, форма, пошибъ выдѣлки и проч. Положенная въ кучу этихъ пломбъ какая бы то ни было другая пломба или вообще вислая свинцовая печать сразу выдѣлится между ними. Отсюда ясно, что дрогичинскія пломбы, при всемъ разнообразіи изображеній, связаны между собой родствомъ, тѣмъ же отечествомъ и не очень большимъ промежуткомъ времени.

Затѣмъ, взглянувъ въ изображенія на этихъ пломбахъ, мы замѣчаемъ, что на значительномъ ихъ числѣ повторяется тотъ же признакъ: отдѣльная славянская буква, оттиснутая на одной или на обѣихъ сторонахъ. Нѣкоторыя буквы, напр. в, л, ж, и, с, т, ф, ш, ѣ, ѿ, встрѣчаются довольно часто, другія, напр. з, к, м, ц, ю гораздо рѣже. Я уже два раза имѣлъ случай говорить объ этихъ буквахъ на пломбахъ³⁾. Съ тѣхъ поръ число экземпляровъ съ славянскими буквами достигло многихъ сотенъ, если не цѣлой тысячи⁴⁾. Графъ Тышкевичъ не замѣтилъ этихъ буквъ на пломбахъ; г. Леопардовъ призналъ ихъ греческими; г. Лучицкій, защищая свою ганзейскую теорію, упомянулъ о нихъ лишь мимоходомъ. Я, съ своей стороны, считаю эти буквы самымъ важнымъ и существеннымъ признакомъ на дрогичинскихъ пломбахъ и полагаю возможнымъ основать на нихъ слѣдующій тезисъ: дрогичинскія пломбы могли быть выдѣланы только тамъ, гдѣ была въ употребленіи кирилица. Слѣдовательно, онѣ оттиснуты не въ Византіи, не въ ганзейскихъ городахъ и вообще не за границей, а на Руси.

Только согласившись съ этимъ общимъ положеніемъ можно перейти къ частнымъ вопросамъ: во-1-хъ, если онѣ оттиснуты на Руси, то въ какой именно: въ древней Кіевской или позднѣйшей литовской Руси; во-2-хъ, былъ ли Дрогичинъ въ числѣ другихъ городовъ только однимъ изъ мѣстъ назначенія этихъ пломбъ, или же онъ былъ одновременно мѣстомъ выдѣлки и назначенія? Оба эти вопроса, какъ частные, я оставляю пока открытыми и перехожу къ слѣдующему общему положенію.

1) Номеуер. Табл. XXXV и XXXVI.

2) Матеріалы по археологіи Россіи. Сибирскія древности, стр. 35, табл. VII.

3) Дрогичинъ Набужскій и его древности — въ Матеріалахъ по археологіи Россіи. Нѣсколько словъ о дрогичинскихъ пломбахъ — въ VI т. Записокъ Импер. Русск. Археолог. Общества.

4) Немногія дрогич. пломбы съ латинскими надписями будутъ изданы владѣльцемъ этихъ пломбъ, К. В. Болеуновскимъ.

Дрогичинскія пломбы были несомнѣнно вислыми печатями. Онѣ служили не для ношенія на шеѣ, какъ полагають нѣкоторые, а для запечатанія шнура, заключеннаго между двумя ихъ половинками. Это вопросъ рѣшенный, на которомъ нечего останавливаться. Если онѣ были вислыми печатями, то къ чему привѣшивались онѣ?

Изъ иностранныхъ ученыхъ, знакомыхъ съ дрогичинскими пломбами по таблицамъ гр. Тышкевича, чешскій археологъ Запъ полагаетъ, что эти пломбы могли изображать таможенные клейма или тамги. Англійскіе ученые приходятъ къ заключенію, что это могли быть клейма, прикладываемыя къ товарнымъ тюкамъ, и т. п.*). Г. Лучицкій выражается еще опредѣленнѣе и видитъ въ нихъ марки или юридическіе имущественные знаки ганзейскихъ купцовъ, прикладываемыя къ товарамъ**).

Такимъ образомъ всѣ эти лица считаютъ дрогичинскія вислыя печати пломбами въ нынѣшнемъ смыслѣ слова. Назвать ихъ пломбами можно по способу ихъ выдѣлки, но назначеніе ихъ было едва ли одинаковое съ нашими пломбами.

Наши пломбы, какія бы онѣ не были, казенныя или частныя, таможенныя, акцизныя, торговыя, фабричныя и т. п., имѣють одно общее назначеніе: онѣ привѣшиваются къ вещи, имѣющей извѣстную цѣнность или къ предмету, заключающему такія вещи; онѣ запечатываютъ предметъ, охраняя его неприкосновенность и гарантируя права фиска или же имущественныя права частнаго лица. Пломбы въ этомъ смыслѣ слова вошли въ употребленіе сравнительно очень недавно, если не ошибаюсь, не ранѣе XVII вѣка.

Юридическія права на какое-либо имущество обозначались въ средніе вѣка не вислыми свинцовыми или другими печатями, а клеймами, которыя (какъ отчасти практикуется и теперь) выжигались, вырѣзывались или же изображались краской на самомъ имуществѣ или на тюкѣ, товарномъ ящикѣ и т. п. Если же употреблялась печать, то не вислая, а клейменная, слѣдовательно во всякомъ случаѣ не свинцовая. Гомейеръ, извѣстный авторъ книги о домовыхъ и дворцовыхъ маркахъ, издавши нѣсколько тысячъ средневѣковыхъ имущественныхъ знаковъ, не привелъ между ними ни одной вислой свинцовой печати. Нельзя же предположить, что Дрогичинъ опередилъ всю Европу въ употребленіи свинцовыхъ имущественныхъ знаковъ.

Къ чему же могли служить дрогичинскія пломбы? Онѣ могли быть только тѣмъ, чѣмъ были всѣ дошедшія до насъ отъ древнѣйшихъ временъ свинцовыя и всякія другія вислыя печати.

Онѣ служили только для привѣшиванія къ документамъ. Слово это я употребляю въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, разумѣя подъ нимъ всякаго рода акты, требующіе подписи, удостовѣренія или скрѣпленія на законномъ основаніи. Дрогичинскія пломбы ни въ какомъ случаѣ не были таможенными, товарными или фабричными въ нынѣшнемъ смыслѣ слова. Но я признаю возможнымъ, что нѣкоторыя изъ нихъ привѣшивались къ таможеннымъ ярлыкамъ, другія къ свидѣтельствамъ происхожденія

*) Мнѣніе Запа и англійскихъ ученыхъ изложено въ статьѣ гр. Тышкевича: Свинцовыя оттиски, найденныя въ р. З. Бугѣ близъ г. Дрогичина.

***) По поводу дрогичин. древностей Н. Лучицкаго.

товаровъ, третьи къ документамъ, которые на нынѣшнемъ коммерческомъ языкѣ называются фактурой или письмомъ фабриканта. Можетъ быть эти пломбы принадлежали не только учрежденіямъ, но и частнымъ лицамъ разныхъ сословій. Замѣчательное разнообразіе дрогичинскихъ пломбъ свидѣтельствуеетъ объ очень большомъ числѣ ихъ прежнихъ владѣльцевъ.

Въ послѣдніе 6 лѣтъ сдѣлалось извѣстнымъ нѣсколько тысячъ дрогичинскихъ пломбъ. Всѣ онѣ, за исключеніемъ тверского экземпляра съ буквою *n* и сомнительнаго хіосскаго съ буквою *и*, найдены на песчаной отмели Зап. Буга въ старинномъ городкѣ Дрогичинѣ. Я пишу эти строки, такъ сказать, наканунѣ Виленскаго Археологическаго Съѣзда, гдѣ соберутся любители и знатоки родной старины, со всей Россіи и преимущественно сѣверо-западнаго края. Едва ли когда-нибудь въ другой разъ навернется такой удобный случай для возбужденія вопроса: не встрѣчались ли кому-нибудь и гдѣ-нибудь пломбы, одинаковыя съ дрогичинскими. Найденный гдѣ-либо единичный экземпляръ такой пломбы, въ родѣ тверского, не дастъ намъ желаннаго отвѣта; подобно арабской диргемѣ, случайно попавшей въ цѣлый кладъ средневѣковыхъ денаровъ, такой одинокой экземпляръ не позволитъ дѣлать никакихъ серьезныхъ выводовъ. Желательно услышать про находку такихъ пломбъ если не въ числѣ тысячъ экземпляровъ, подобно дрогичинской находкѣ, такъ хотя бы въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Замѣтимъ, что дрогичинскія пломбы оставались неизвѣстными только до тѣхъ поръ, пока о нихъ не знали археологи и пока никто не интересовался археологіей. Мѣстные жители, собирая эти пломбы на отмели Буга, выливали изъ нихъ ружейныя пули, привѣшивали ихъ въ видѣ грузилъ къ рыболовнымъ снарядамъ. Но, попавшись случайно въ руки знатока старины, гр. Тышкевича, онѣ немедленно сдѣлались предметомъ научнаго изслѣдованія. Изслѣдованіе это было забыто, когда мнѣ, благодаря такому же слѣпому случаю, пришлось открыть ихъ вторично. Но съ тѣхъ поръ о дрогичинскихъ пломбахъ написано чуть не десять статей; число любителей старины увеличивается съ каждымъ годомъ, и находки, подобныя дрогичинской, едва ли останутся теперь незамѣченными. Если никто изъ членовъ Виленскаго археологическаго съѣзда не укажетъ на слѣдъ такой находки, то придется склониться къ предположенію, что пломбы, о которыхъ идетъ рѣчь, выдѣланы въ самомъ Дрогичинѣ, для жителей этого города.

Но, сказавъ въ началѣ этой замѣтки, что для рѣшенія вопроса о дрогичинскихъ пломбахъ нужно прежде всего установить исходныя точки, я, не входя ни въ какія частности, ограничусь повтореніемъ полученныхъ мною общихъ выводовъ:

- 1) дрогичинскія пломбы выдѣлывались не гдѣ-нибудь за границую, а въ предѣлахъ Руси и
- 2) онѣ сужили для привѣшиванія къ документамъ.

ПРОТОКОЛЫ.

Протоколь засѣданія Совѣта IX Археологическаго Съѣзда въ г. Вильнѣ 31 іюля 1893 года.

Засѣданіе было открыто въ 12 час. дня, въ помѣщеніи Виленской Публичной Библіотеки, подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, при составѣ членовъ: секретаря засѣданія И. А. Линниченко, депутатовъ Московскаго Университета И. А. Линничевко, М. И. Соколова, С.-Петербургскаго Университета — С. Θ. Платонова, Н. И. Веселовскаго, Новороссійскаго Университета — А. И. Маркевича, Θ. И. Успенскаго, А. И. Кирпичникова, Университета св. Владимира — Ю. А. Кулаковскаго, Варшавскаго Университета — А. И. Павинскаго; Нѣжинскаго Историко-Филологическаго института — М. Н. Бережкова, Императорской Академіи Художествъ — В. В. Сулова, Кіевской Духовной Академіи — Н. И. Петрова и В. З. Завитневича, Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества — графини П. С. Уваровой, И. А. Линниченко, Д. И. Иловайскаго и М. И. Соколова, Одесскаго Общества Исторіи и Древностей — А. И. Маркевича, Х. П. Ящуржинскаго, Θ. И. Успенскаго и А. И. Кирпичникова, С.-Петербургскаго Археологическаго Общества — Н. И. Веселовскаго, Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи — Н. И. Петрова и В. З. Завитневича, Одесскаго Историко-Филологическаго Общества — Θ. И. Успенскаго, А. И. Кирпичникова и А. И. Маркевича, Литовской Духовной Семинаріи — Г. Я. Кипріяновича, Московскаго Главнаго Архива Министерства Юстиціи — В. Н. Сторожева и Н. Θ. Бѣляшевскаго, Императорской Археологической Комиссіи — А. А. Спицына, Тульскаго Древнехранилища — Н. И. Троицкаго, Археологическаго Института — С. М. Середонина и князя П. А. Путятина, Таврической Архивной Комиссіи — А. И. Маркевича, Минскаго Губернскаго Статистическаго Комитета — А. П. Смородскаго, Владимірскаго Статистическаго Комитета — Н. Г. Добрынкина, Волынскаго Статистическаго Комитета — И. Ф. Мацкевича, Московскаго Библиографическаго Кружка В. Н. Сторожева, Общества Антикваріевъ во Франціи и Французской Ассоціаціи для развитія наукъ — графа Флери, Московскаго Нумизматическаго Общества — Н. Θ. Бѣляшевскаго, членовъ Виленскаго Предварительнаго Комитета — Ю. Ф. Крачковскаго, И. Я. Спрогиса, К. И. Снитко, А. И. Шверубовича, В. В. Грязнова, В. С. Богоявленскаго, протоіерея Г. Котовича, П. Г. Бывалькевича и А. А. Ильина.

1. Доложены отношенія учреждений съ назначеніемъ гг. депутатовъ и провѣрены списки пріѣхавшихъ депутатовъ.

2. Прочитаны правила IX Археологического Съезда, утвержденныя г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 7 іюля 1891 года.

3. Въ предсѣдатели Съезда избранъ единогласно Предсѣдатель Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества графиня П. С. Уварова.

4. Въ секретари Съезда избраны: Ю. А. Кулаковскій и М. И. Соколовъ.

5. Въ предсѣдатели Распорядительнаго Комитета Съезда избранъ Ю. Ф. Крачковскій, въ члены Распорядительнаго Комитета Ф. Н. Добрянскій, А. С. Долинскій, Л. М. Слезкинъ, Ѳ. В. Покровскій, А. И. Маркевичъ, П. И. Яхонтовъ, М. А. Бржезинскій.

6. Въ Предсѣдатели Отдѣленій избраны:

I. В. Б. Антоновичъ.

II. А. И. Павинскій.

III. Н. В. Покровскій.

IV. Н. И. Веселовскій.

V. Н. И. Петровъ.

VI. А. И. Кирпичниковъ.

VII. Ѳ. И. Успенскій.

VIII и IX. Т. Д. Флоринскій.

X. В. Н. Сторожевъ.

Въ секретари Отдѣленій приглашены: II — М. Н. Бережковъ, IV — С. М. Середонинъ, V — В. З. Завитневичъ, V — IX. П. Ящуржинскій, VII — Ю. А. Кулаковскій, X — Н. Ѳ. Бѣляшевскій.

7. Казначеемъ Съезда избранъ К. И. Снитко.

8. Предсѣдателемъ Ученаго Комитета Съезда избранъ Ѳ. И. Успенскій,

9. Прочитана программа открытія Съезда 1 августа.

Засѣданіе закрыто въ 3 ч. пополудни.

Составъ Създа.

Августѣйшій Почетный Предсѣдатель Его Императорское Высочество
Великій Князь Сергій Александровичъ.

Должностныя лица:

Предсѣдатель Създа графиня Парасковія Сергѣевна Уварова.

Ученый Комитетъ:

Предсѣдатель Ѳедоръ Ивановичъ Успенскій.

По отдѣленіямъ: I. Древностей первобытныхъ — предсѣдатель Владиміръ Бонифатьевичъ Антоновичъ, секретарь Владиміръ Зеноновичъ Завитневичъ; II. Древностей историческихъ, географическихъ и этнографическихъ — предсѣдатель Адольфъ Ивановичъ Павинскій, секретарь Михаилъ Николаевичъ Березковъ; III. Памятниковъ искусства — предсѣдатель Николай Васильевичъ Покровскій, секретарь Ѳедоръ Васильевичъ Покровскій; IV. Быта юридическаго и общественнаго — предсѣдатель Николай Ивановичъ Веселовскій, секретарь Сергѣй Михайловичъ Середонинъ; V. Древностей церковныхъ — предсѣдатель Николай Ивановичъ Петровъ, секретарь Николай Ивановичъ Троицкій; VI. Памятниковъ языка и письма — предсѣдатель Александръ Ивановичъ Курпичниковъ, секретарь Хрисанъ Петровичъ Яцуржинскій; VII. Древностей классическихъ и византійскихъ — предсѣдатель Ѳедоръ Ивановичъ Успенскій, секретарь Юліанъ Андреевичъ Кулаковскій; VIII. Древностей литовскихъ и славянскихъ и IX. Древностей восточныхъ — предсѣдатель Тимоѳей Димитріевичъ Флоринскій, секретарь Иванъ Андреевичъ Линиченко; X. Памятниковъ археографическихъ — предсѣдатель Василій Николаевичъ Сторожевъ, секретарь Николай Ѳедотовичъ Бляшевскій.

Распорядительный Комитетъ.

Предсѣдатель Юліанъ Ѳедоровичъ Крачковскій.

Члены: М. А. Бржезинскій, Ф. Н. Добрянскій, А. С. Доминскій, Александръ Ивановичъ Маркевичъ, Ѳедоръ Васильевичъ Покровскій, Л. М. Слезкинъ и П. И. Яхонтовъ,

Секретари Създа.

Юліанъ Андреевичъ Кулаковскій и Матвѣй Ивановичъ Соколовъ.

Казначей Създа.

К. И. Снитко.

Депутаты IX Археологического Съезда.

- 1) Отъ Императорской Академіи Наукъ: Куникъ Аристъ Аристовичъ.
- 2) Отъ Императорскаго Московскаго Университета: Анучинъ Дмитрій Николаевичъ, Соколовъ Матвѣй Ивановичъ, Карелинъ Мих. Серг., Линниченко Иванъ Андреевичъ.
- 3) Отъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета: Хвольсонъ Даниль Абрамовичъ, Соболевскій Алексѣй Ивановичъ, Васильевскій Василій Григорьевичъ, Веселовскій Николай Ивановичъ, Платоновъ Сергѣй Ѳеодоровичъ.
- 4) Отъ Императорскаго Казанскаго Университета: Осокинъ, Нагуевскій Дарій Ильичъ, Смирновъ Иванъ Николаевичъ, Богородицкій, Александровъ.
- 5) Отъ Императорскаго Университета св.Владимира: Кулаковскій Юліанъ Андреевичъ, Флоринскій Тимоѳей Дмитріевичъ, Иконниковъ Владиміръ Степановичъ, Антоновичъ Владиміръ Бонифатіевичъ, Голубевъ Степанъ Тимоѳеевичъ, Романовичъ-Славатинскій Александръ Васильевичъ, Бѣлогриць-Котляревскій Леонидъ Сергѣевичъ, Владиміровъ Петръ Владиміровичъ.
- 6) Отъ Императорскаго Новороссійскаго Университета: Кочубинскій Александръ Александровичъ, Успенскій Ѳеодоръ Ивановичъ, Красносельцевъ Николай Ѳомичъ, Кирпичниковъ Александръ Ивановичъ, Штернъ Эрнестъ Романовичъ, Алмазовъ Александръ Ивановичъ, Чижевъ Николай Евфимовичъ.
- 7) Отъ Императорскаго Варшавскаго Университета: Созоновичъ Иванъ Петровичъ, Павинскій Адольфъ Ивановичъ, Филевичъ Иванъ Порфирьевичъ, Карскій Евфимій Ѳеодоровичъ.
- 8) Отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета: Будиловичъ Антонъ Семеновичъ, Висковатовъ Павелъ Александровичъ.
- 9) Отъ Историко-Филологическаго института князя Безбородко: Бережковъ Михаилъ Николаевичъ, Пѣтуховъ Евгений Вячеславовичъ.
- 10) Отъ Кіевской Духовной Академіи: Петровъ Николай Ивановичъ, Завитневичъ Владиміръ Зеноновичъ.
- 11) Отъ Московской Духовной Академіи: Каптеревъ Николай Ѳеодоровичъ, Бѣляевъ Александръ Дмитріевичъ, Голубцовъ Александръ Петровичъ.
- 12) Отъ С.-Петербургской Духовной Академіи: Покровскій Николай Васильевичъ.
- 13) Отъ Императорской Академіи Художествъ: Сусловъ Владиміръ Васильевичъ.
- 14) Отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества: Кобеко Дмитрій Ѳомичъ, Бокъ Владиміръ Георгіевичъ, Веселовскій Николай Ивановичъ.
- 15) Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Истории и Древностей: Лонгиновъ Аркадій Васильевичъ, Кочубинскій Александръ Александровичъ, Фонъ-Штернъ Эрнестъ Романовичъ, Маркевичъ Алексѣй Ивановичъ, Истоминъ Михаилъ Павловичъ, Ящуржинскій Хрисанъ Петровичъ.
- 16) Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: графиня Уварова Парасковія Сергѣевна, Анучинъ Дмитрій Николаевичъ, Трутовскій Владиміръ Константиновичъ, Слуцкій Сергѣй Сергѣевичъ, Быковскій Константинъ Михайловичъ,

Иловайскій Димитрій Ивановичъ, Линниченко Иванъ Андреевичъ, Милуковъ Павелъ Николаевичъ, Павлиновъ Андрей Михайловичъ, Соколовъ Матвѣй Ивановичъ, Сизовъ Владиміръ Ильичъ.

17) Отъ Императорской Археологической Комиссіи: Спицынъ Александръ Андреевичъ, Покровскій Николай Васильевичъ.

18) Отъ Императорскаго общества Историі и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ: Барсовъ Елпидифоръ Васильевичъ, Бѣлокуровъ Сергѣй Алексѣевичъ, Милуковъ Павелъ Николаевичъ, Уляницкій Владиміръ Антоновичъ, Соколовъ Матвѣй Ивановичъ.

19) Отъ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности: Лопаревъ Хрисанъ Меодіевичъ.

20) Отъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ: Анучинъ Димитрій Николаевичъ, Гондатти Николай Львовичъ, Янчукъ Николай Андреевичъ.

21) Отъ Историческаго Общества Нестора-Лѣтописца при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра: Праховъ Адрианъ Викторовичъ, Владиміровъ Петръ Владиміровичъ, Голубевъ Степанъ Тимоѣевичъ, Андріевскій Алексѣй Александровичъ, Науменко Владиміръ Павловичъ.

22) Отъ Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи: Петровъ Николай Ивановичъ, Завитневичъ Владиміръ Зеноновичъ.

23) Отъ Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ: Успенскій Ѳеодоръ Ивановичъ, Кирпичниковъ Александръ Ивановичъ, Штернъ Эрнестъ Романовичъ, Маркевичъ Алексѣй Ивановичъ.

24) Отъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія: Іосифъ епископъ Гродненскій, викарій Литовскій.

25) Отъ Московскаго Нумизматическаго Общества: Трутовскій Владиміръ Константиновичъ, Уляницкій Владиміръ Антоновичъ, Ушаковъ Димитрій Алексѣевичъ, Бѣляшевскій Николай Ѳеодотовичъ.

26) Отъ Императорскаго Московскаго Общества испытателей природы: Соколовъ Владиміръ Димитріевичъ.

27) Отъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Баронъ Бюлеръ Ѳеодоръ Андреевичъ, Бѣлокуровъ Сергѣй Алексѣевичъ, Трутовскій Владиміръ Константиновичъ.

28) Отъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи: Оглоблинъ Николай Николаевичъ, Сторожевъ Василій Николаевичъ, Бѣляшевскій Николай Ѳеодотовичъ.

29) Отъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея: Забѣлинъ Иванъ Егоровичъ, Сизовъ Владиміръ Ильичъ.

30) Отъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ: Долговъ Семенъ Осиповичъ.

31) Отъ Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей: Титовъ Андрей Александровичъ, Шляковъ Иванъ Александровичъ, Султановъ Николай Владиміровичъ.

32) Отъ Тульскаго Епархіальнаго Дрвлекранилища: Троицкій Николай Ивановичъ.

- 33) Отъ С.-Петербургскаго Археологическаго Института: Князь Путятинъ Павелъ Арсеньевичъ, Середонинъ Сергѣй Михайловичъ.
- 34) Отъ Рижской Александровской гимназіи: Милевскій Орестъ Николаевичъ.
- 35) Отъ Симферопольской гимназіи (Историко-Географическаго Музея при ней): Ребець Францъ Яковлевичъ.
- 36) Отъ Православнаго Свято-Владимірскаго Братства въ г. Владиміръ-Волинскомъ: Дверницкій Емельянъ Николаевичъ, князь Святополкъ Четвертинскій Сергѣй Владиміровичъ, протоіерей Левицкій о. Петръ.
- 37) Отъ Саратовской Ученой Архивной Комиссіи: Васильчиковъ Алексѣй Александровичъ, Медоксъ Константинъ Павловичъ.
- 38) Отъ Калужской Ученой Архивной Комиссіи: Четыркинъ Иванъ Даниловичъ, Ассоновъ Василій Ивановичъ.
- 39) Отъ Орловской Ученой Архивной Комиссіи: Иконниковъ Владиміръ Степановичъ, Звѣревъ Степанъ Георгіевичъ.
- 40) Отъ Тверской Ученой Архивной Комиссіи: Жизневскій Августъ Казиміровичъ.
- 41) Отъ Таврической Ученой Архивной Комиссіи: Маркевичъ Арсеній Ивановичъ.
- 42) Отъ Рязанской Ученой Архивной Комиссіи: Селивановъ Алексѣй Васильевичъ, священникъ Добролюбовъ Иванъ Васильевичъ.
- 43) Отъ Тамбовской Ученой Архивной Комиссіи: Дубасовъ Иванъ Ивановичъ.
- 44) Отъ Пермской Ученой Архивной Комиссіи: Дмитриевъ Александръ Алексѣевичъ.
- 45) Отъ Нижегородской Ученой Архивной Комиссіи: Миротворцевъ Аѳанасій Львовичъ, Ржига Ѳедоръ Вячеславовичъ, Меморскій, Мельниковъ.
- 46) Отъ Ковенскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Гуковскій Константинъ Павловичъ.
- 47) Отъ Новгородскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Ласковскій Василій Павловичъ, Лашковъ Николай Аполлоновичъ.
- 48) Отъ Минскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Татуръ Генрихъ Христофоровичъ, Смородскій Александръ Павловичъ.
- 49) Отъ Могилевскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Фурсовъ Матвѣй Васильевичъ.
- 50) Отъ Гродненскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Горбовъ Александръ Михайловичъ, Орловскій Евстаѣій Филаретовичъ.
- 51) Отъ Калужскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Четыркинъ Иванъ Даниловичъ.
- 52) Отъ Витебскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Сапуновъ Алексѣй Парѣновичъ.
- 53) Отъ Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Звѣревъ Степанъ Егоровичъ.
- 54) Отъ Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Голышевъ Иванъ Александровичъ, Стропиловъ Николай Семеновичъ, Добрынкинъ Николай Гавриловичъ.
- 55) Отъ Волынскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Мацкевичъ Иванъ Ѳедоровичъ, Дверницкій Емельянъ Николаевичъ.

- 56) Отъ Смоленскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Писаревъ Семень Петровичъ.
- 57) Отъ Донскаго Статистическаго Комитета: Поповъ Харитонъ Ивановичъ.
- 58) Отъ Общества Антикваріевъ во Франціи и Французской Ассоціаціи для развитія наукъ: Баронъ де Бай Іосифъ Августовичъ.
- 59) Отъ Археологическаго Общества въ Шарантѣ: графъ Людовикъ Флери.

Ч л е н ы .

1. Авенариусъ Николай Петровичъ.
2. Адамсонъ Антонъ Петровичъ.
3. Акуловъ Аѳанасій Ильичъ.
4. Антоновичъ Александръ Осиповичъ.
5. Проф. Антоновичъ Владиміръ Бонифатьевичъ.
6. Антоновичъ-Янушевская Жозефина Юліановна.
7. Проф. Анучинъ Дмитрій Николаевичъ.
8. Асоновъ Василій Ивановичъ.
9. Баверъ Шоломъ Мовшовичъ.
10. Проф. Багалъѣй Дмитрій Ивановичъ.
11. Баронъ де-Бай Жозефъ, изъ Парижа.
12. Баронъ Бюлеръ Ѳедоръ Андреевичъ.
13. Баронесса де-Бай.
14. Барсовъ Елпидифоръ Васильевичъ.
15. Барсовъ Ѳедоръ Матвѣевичъ.
16. Безсоновъ Николай Петровичъ.
17. Проф. Бережковъ Михаилъ Николаевичъ.
18. Бертгольдъ Павелъ Васильевичъ.
19. Проф. Беценбергеръ Альбертъ, изъ Кенигсберга.
20. Боасъ Викторъ Карловичъ.
21. Проф. Богородицкій Василій Алексѣевичъ.
22. Богоявленскій Всеволодъ Семеновичъ.
23. Бокъ Владиміръ Георгіевичъ.
24. Болсуновскій Карлъ Васильевичъ.
25. Бренштейнъ Михаилъ Евстаѣевичъ.
26. Бржезинскій Михаилъ Алексѣевичъ.
27. Бринкъ Іоаннъ Карловичъ.
28. Бугославскій Григорій Кирилловичъ.
29. Будзиловичъ Николай Ѳеофиловичъ.
30. Проф. Будиловичъ Антонъ Семеновичъ.
31. Букинъ Клементій Ѳомичъ.
32. Бывалькевичъ Поликарпъ Григорьевичъ.
33. Быковскій Александръ Андреевичъ.

34. Акад. Быковскій Константинъ Михайловичъ.
35. Бѣлецкій Алексѣй Викторовичъ.
36. Проф. Бѣлогриць-Котляревскій Леонидъ Сергѣевичъ.
37. Бѣлокуровъ Сергѣй Алексѣевичъ.
38. Проф. Бѣляевъ Александръ Дмитріевичъ.
39. Бѣляшевскій Николай Ѳедотовичъ.
40. Вагнеръ Витольдъ Ольгердовичъ.
41. Вагнеръ Генрихъ Ивановичъ.
42. Вакуловскій Николай Николаевичъ.
43. Василевъ Иванъ Ивановичъ.
44. Васильевскій Василій Григорьевичъ.
45. Васильевъ Аѳанасій Васильевичъ.
46. Васильевъ Евгенийъ Васильевичъ.
47. Васильчиковъ Алексѣй Александровичъ.
48. Вашкевичъ Владиславъ Васильевичъ.
49. Введенскій Иванъ Андреевичъ.
50. Веберъ Александръ.
51. Веневитиновъ Михаилъ Алексѣевичъ.
52. Проф. Веселовскій Николай Ивановичъ.
53. Проф. Висковатовъ Павелъ Александровичъ.
54. Виссендорфъ Генрихъ Андреевичъ.
55. Проф. Владиміровъ Петръ Владиміровичъ.
56. Волкова Анна Дмитріевна.
57. Свящ. Волочковичъ Іоаннъ.
58. Волянскій Станиславъ Адольфовичъ.
59. Вольтеръ Эдуардъ Александровичъ.
60. Вруцевичъ Александръ Софроновичъ.
61. Выслоухъ Антонъ Антоновичъ.
62. Высоцкій Станиславъ Осиповичъ.
63. Вышемірскій Антонъ Павловичъ.
64. Гаринъ Николай Васильевичъ.
65. Князь Гедройць Игнатій Казиміровичъ.
66. Гейденрейхъ Людвигъ Людвиговичъ.
67. Гиляровскій Василій Васильевичъ.
68. Гиршфельдъ Владиміръ Матвѣевичъ.
69. Голубевъ Иванъ Калининичъ.
70. Проф. Голубевъ Степанъ Тимоѳеевичъ.
71. Голубиновъ Константинъ Александровичъ.
72. Проф. Голубцовъ Александръ Петровичъ.
73. Голѣвскій Константинъ Константиновичъ.
74. Гондатти Николай Львовичъ.
75. Гораннъ Николай Ивановичъ.

76. Горбаневъ Александръ Васильевичъ.
77. Горбовъ Александръ Михайловичъ.
78. Городцевъ Василій Алексѣевичъ.
79. Горталовъ Николай Константиновичъ.
80. Баронесса Гревеницъ Елисавета Рудольфовна.
81. Баронъ Гревеницъ Николай Александровичъ.
82. Гринцевичъ Эдуардъ Осиповичъ.
83. Громачевскій Борисъ Семеновичъ.
84. Гротковскій Сигизмундъ Фердинандовичъ.
85. Грязновъ Василій Васильевичъ.
86. Гуковскій Константинъ Павловичъ.
87. Давидовичъ.
88. Дадыкинъ Иванъ Макаровичъ.
89. Данилевичъ Василій Ефимовичъ.
90. Даниловъ Иванъ Григорьевичъ.
91. Дверницкій Емельянъ Николаевичъ.
92. Дейша Софія Іустиновна.
93. Дмитріевъ Александръ Алексѣевичъ.
94. Свящ. Добролюбовъ Иванъ Васильевичъ.
95. Доброхотовъ Антонъ Ивановичъ.
96. Добрянскій Флавіанъ Николаевичъ.
97. Добрынина Елисавета Николаевна.
98. Добрынинъ Павелъ Петровичъ.
99. Добрынкинъ Николай Гавриловичъ.
100. Добужинскій Валеріанъ Петровичъ.
101. Довгирдъ Тадеушъ Михайловичъ.
102. Довнаръ-Запольскій Митрофанъ Викторовичъ.
103. Долговъ Семёнъ Осиповичъ.
104. Долинскій Артуръ Станиславовичъ.
105. Дубасовъ Иванъ Ивановичъ.
106. Графъ Дунинъ-Карвицкій Францъ Казиміровичъ.
107. Елагинъ Левъ Леонтьевичъ.
108. Еліасонъ Левъ Соломоновичъ.
109. Эліашевичъ Яковъ Самойловичъ.
110. Еремѣевъ Иванъ Васильевичъ.
111. Ермоловъ Викторъ Клавдіевичъ.
112. Ефименко Александра Яковлевна.
113. Эрнъ Марія Александровна.
114. Эйхе Георгій Оедоровичъ.
115. Жизневскій Августъ Казиміровичъ.
116. Жиркевичъ Александръ Владиміровичъ.
117. Житинскій Людвигъ Константиновичъ.

118. Жуковичъ Платонъ Николаевичъ.
119. Забѣлинъ Иванъ Егоровичъ.
120. Проф. Завитневичъ Владиміръ Зеноновичъ.
121. Залѣсскій Петръ Арсеньевичъ.
122. Звѣревъ Степанъ Егоровичъ.
123. Злотницкій Александръ Дмитріевичъ.
124. Графъ Зубовъ Николай Николаевичъ.
125. Епископъ Гродненскій Іосифъ.
126. Износковъ Іліодоръ Александровичъ.
127. Проф. Иконниковъ Владиміръ Степановичъ.
128. Иловайскій Дмитрій Ивановичъ.
129. Ильинъ Аркадій Александровичъ.
130. Истоминъ Михаилъ Павловичъ.
131. Истоминъ Ѳедоръ Павловичъ.
132. Каницъ-Каневичъ Константинъ Осиповичъ.
133. Каптеревъ Николай Ѳедоровичъ.
134. Карскій Евѣмій Ѳедоровичъ.
135. Кашпровскій Евменій Ивановичъ.
136. Кипріяновичъ Григорій Яковлевичъ.
137. Проф. Кирпичниковъ Александръ Ивановичъ.
138. Кичеева Елисавета Петровна.
139. Клоповъ Христофоръ Александровичъ.
140. Клячко Шефтель Іосифовичъ.
141. Кнорре Павелъ Карповичъ.
142. Кобеко Николай Ѳомичъ.
143. Кольнеръ Василій Григорьевичъ.
144. Проф. Корелинъ Михаилъ Сергѣевичъ.
145. Корсаковъ Андрей Николаевичъ.
146. Коссаковскій Максимилианъ Григорьевичъ.
147. Протоіерей Котовичъ Іоаннъ Антоновичъ.
148. Котовъ Григорій Ивановичъ.
149. Проф. Кочубинскій Александръ Александровичъ.
150. Красноженъ Елисавета Игнатъевна.
151. Проф. Красноженъ Михаилъ Егоровичъ.
152. Проф. Красносельцевъ Николай Ѳомичъ.
153. Крачковскій Юліанъ Ѳомичъ.
154. Крестинскій Пиколай Семеновичъ.
155. Крищукайтисъ Антонъ Казиміровичъ.
156. Крузе Александръ Александровичъ.
157. Крыжановскій Михаилъ Семеновичъ.
158. Кудринскій Ѳедоръ Андреевичъ.
159. Кузнецова Лидія Егоровна.

160. Кулаковская Наталія Андреевна.
161. Проф. Кулаковскій Юліанъ Андреевичъ.
162. Академикъ Куникъ Аристъ Аристовичъ.
163. Кусцинскій Михаилъ Францевичъ.
164. Лазаревъ Илья Исааковичъ.
165. Ласковскій Василій Павловичъ.
166. Лашковъ Николай Аполлоновичъ.
167. Левенецъ Владиміръ Васильевичъ.
168. Протоіерей Левицкій Петръ.
169. Леонтьевъ Иванъ Сергѣевичъ.
170. Ливень Александръ Ивановичъ.
171. Проф. Линниченко Иванъ Андреевичъ.
172. Липкинъ Леонтій Ксенофоновичъ.
173. Лихачевъ Иванъ Ѳедоровичъ.
174. Лихтаровичъ Владиміръ.
175. Баронъ де-Лое Альфредъ, изъ Чехіи.
176. Лонгиновъ Аркадій Васильевичъ.
177. Лопаревъ Хрисанфъ Меѳодіевичъ.
178. Лукашевичъ Евгенийъ Константиновичъ.
179. Лясковичъ Станиславъ Феликсовичъ.
180. Ляцкій Захарій Антоновичъ.
181. Люба-Радзиминскій Сигизмундъ Владиміровичъ.
182. Любимовъ Иванъ Петровичъ.
183. Львовъ Аполлинарій Николаевичъ.
184. Графиня Мавросъ Софья Іосифовна.
185. Графъ Мавросъ Дмитрій Николаевичъ.
186. Малафѣевъ Александръ Ясоновичъ.
187. Малецкій Финеесъ Аароновичъ.
188. Малиновскій Станиславъ Валеріановичъ.
189. Морачевскій Люціанъ Ѳеофиловичъ.
190. Мареничъ Станиславъ Титовичъ.
191. Проф. Маркевичъ Алексѣй Ивановичъ.
192. Маркевичъ Арсеній Ивановичъ.
193. Маркевичъ Любовь Семеновна.
194. Мартенсъ Василій.
195. Мацкевичъ Иванъ Ѳедоровичъ.
196. Маць Н.
197. Мачаловъ Николай Михайловичъ.
198. Медоксъ Константинъ Павловичъ.
199. Мельникъ Екатерина Николаевна.
200. Мейснеръ Яковъ Ивановичъ.
201. Миллеръ Ѳедоръ Ивановичъ.

202. Милевскій Орестъ Николаевичъ.
203. Миловидовъ Александръ Ивановичъ.
204. Проф. Милуковъ Павелъ Николаевичъ.
205. Миротворцевъ Аѳанасій Львовичъ.
206. Михайлова Марья Михайловна.
207. Свящ. Михайловскій Евстаѳій Іосифовичъ.
208. Проф. Мѣржинскій Антонъ Ѳаддеевичъ.
209. Нагуевскій Дарій Ильичъ.
210. Незабытовскій Эдмундъ Адольфовичъ.
211. Нейманъ Василій Ивановичъ.
212. Протоіерей Никифоровъ Василій.
213. Проф. протоіерей Николаевскій Павелъ Ѳедоровичъ.
214. Новицкій Ѳедоръ Людвиговичъ.
215. Ноневичъ Илья Александровичъ.
216. Огіевичъ Алексѣй Алексѣевичъ.
217. Огіевичъ Игнатій Алексѣевичъ.
218. Оглоблинъ Николай Николаевичъ.
219. Оржевская Наталія Ивановна.
220. Оржевская Софія Васильевна.
221. Орлова Вѣра Ѳедоровна.
222. Орловскій Евстаѳій Филаретовичъ.
223. Проф. Павинскій Адольфъ Ивановичъ.
224. Павловъ Н. С.
225. Свящ. Паевскій Левъ Семеновичъ.
226. Пантусовъ Николай Николаевичъ.
227. Проф. Пальмовъ Иванъ Саввичъ.
228. Пашкевичъ Антонъ Каѳтановичъ.
229. Пашкевичъ Михаилъ Михайловичъ.
230. Свящ. Пашкевичъ Н.
231. Перковскій Леонъ Осиповичъ.
232. Проф. Петровъ Николай Ивановичъ.
233. Писаревъ Семенъ Петровичъ.
234. Проф. Платоновъ Сергѣй Ѳедоровичъ.
235. Площанскій Венедиктъ Михайловичъ.
236. Графиня Плятеръ Геновефа Вандалиновна.
237. Графъ Плятеръ Адамъ Степановичъ.
238. Подерня Казиміръ Васильевичъ.
239. Пляшкевичъ Василій Аѳанасьевичъ.
240. Самсонъ-Подберескій Александръ Станиславовичъ.
241. Проф. Покровскій Николай Васильевичъ.
242. Покровскій Ѳедоръ Васильевичъ.
243. Поливанова Марія Николаевна.

244. Поливановъ Владиміръ Николаевичъ.
245. Полозовъ Алексѣй Александровичъ.
246. Свящ. Померанцевъ Митрофанъ.
247. Проф. Помяловскій Иванъ Васильевичъ.
248. Поповъ Харитонъ Ивановичъ.
249. Постникова Марія Алексѣевна.
250. Правосудовичъ Емельянъ Елевѣеровичъ.
251. Правосудовичъ Михаилъ Елевѣеровичъ.
252. Прозоровъ Михаилъ Михайловичъ.
253. Пташицкій Станиславъ Львовичъ.
254. Графъ Путкамеръ Станиславъ Лаврентьевичъ.
255. Князь Путятинъ Павелъ Арсеньевичъ.
256. Пѣвницкій Николай Викторовичъ.
257. Проф. Пѣтуховъ Евгенийъ Вячеславовичъ.
258. Раевскій Петръ Сергѣевичъ.
259. Ракъ Иванъ Григорьевичъ.
260. Рапопортъ Наталья Ѳедоровна.
261. Свящ. Раинскій Михаилъ.
262. Ребець Францъ Яковлевичъ.
263. Ревуцкій Леонидъ Гавриловичъ.
264. Рейтлингеръ Людвигъ Рудольфовичъ.
265. Ржига Ѳедоръ Вячеславовичъ.
266. Роговичъ Михаилъ Дмитріевичъ.
267. Рожанскій Леонтій Ильичъ.
268. Проф. Романовичъ-Славатинскій Александръ Васильевичъ.
269. Романовъ Евдокимъ Романовичъ.
270. Россетеръ Николай Ѳедоровичъ.
271. Рубинштейнъ Семень.
272. Садковскій Владиміръ Викторовичъ.
273. Саковичъ Анатолій Осиповичъ.
274. Проф. Самоквасовъ Дмитрій Яковлевичъ.
275. Самохваловъ Иванъ Васильевичъ.
276. Князь Сангушко Романъ.
277. Сапуновъ Алексѣй Парѣеновичъ.
278. Свидерскій Семень Онуфріевичъ.
279. Князь Святополкъ-Четвертинскій Сергѣй Владиміровичъ.
280. Селивановъ Алексѣй Васильевичъ.
281. Семеновъ Викторъ Александровичъ.
282. Сергіевская Елисавета Александровна.
283. Сергіевскій Николай Александровичъ.
284. Проф. Середонинъ Сергѣй Михайловичъ.
285. Сизовъ Владиміръ Ильичъ.

286. Скалонъ Евстаѳій Николаевичъ.
287. Славинскій Максимъ Антоновичъ.
288. Слезкинъ Левъ Михайловичъ.
289. Слизенъ Генрихъ Рафаиловичъ.
290. Слуцкій Сергѣй Сергѣевичъ.
291. Смирновъ Иванъ Николаевичъ.
292. Смородскій Александръ Павловичъ.
293. Снитко Андрей Константиновичъ.
294. Снитко Константинъ Ивановичъ.
295. Проф. Соболевскій Алексѣй Ивановичъ.
296. Свящ. Соболевскій Константинъ Ѳедоровичъ.
297. Соболевъ Леонидъ Николаевичъ.
298. Проф. Созоновичъ Иванъ Петровичъ.
299. Соколовъ Владиміръ Дмитріевичъ.
300. Проф. Соколовъ Матвѣй Ивановичъ.
301. Соловьевъ Дмитрій Васильевичъ.
302. Спасскій Василій Петровичъ.
303. Сперанскій Николай Васильевичъ.
304. Спицынъ Александръ Андреевичъ.
305. Спрогисъ Иванъ Яковлевичъ.
306. Стадольскій Александръ Андреевичъ.
307. Станевичъ Цезарій Карловичъ.
308. Станкевичъ Кириллъ Ѳедоровичъ.
309. Стембо Лазарь Соломоновичъ.
310. Страусъ Робертъ Мартиновичъ.
311. Сторожева Надежда Осиповна.
312. Сторожевъ Василій Николаевичъ.
313. Стромиловъ Николай Семеновичъ.
314. Стукаличъ Владиміръ Казиміровичъ.
315. Струковскій Антонъ Анастасіевичъ.
316. Струковъ Дмитрій Михайловичъ.
317. Султановъ Николай Владиміровичъ.
318. Сусловъ Владиміръ Васильевичъ.
319. Счастливецъ Николай Александровичъ.
320. Сыркинъ Юлій Альбертовичъ.
321. Свящ. Сѣцинскій Евѳимій.
322. Татуръ Генрихъ Христофоровичъ.
323. Баронъ Тейль, изъ Парижа.
324. Теодоровичъ Николай Ивановичъ.
325. Тепловъ Михаилъ Васильевичъ.
326. Прот. Тимковскій Константинъ.
327. Тимоѳеевъ Ермингильдъ Егоровичъ.

328. Титовъ Андрей Александровичъ.
329. Тиховскій Павелъ Ивановичъ.
330. Толмачевъ Николай Александровичъ.
331. Толстой Александръ Васильевичъ.
332. Проф. Траутфеттеръ Эрастъ Гугоновичъ.
333. Трайковичъ Осипъ Антоновичъ.
334. Троицкій Николай Ивановичъ.
335. Трутневъ Иванъ Петровичъ.
336. Трутовскій Владиміръ Константиновичъ.
337. Тупылевъ Николай Александровичъ.
338. Турцевичъ Арсеній Осиповичъ.
339. Тыминскій Владиміръ Александровичъ.
340. Графиня Уварова Екатерина Алексѣевна.
341. Графиня Уварова Прасковья Алексѣевна.
342. Графиня Уварова Прасковья Сергѣевна.
343. Уляницкій Владиміръ Антоновичъ.
344. Проф. Успенскій Ѳедоръ Ивановичъ.
345. Ушаковъ Дмитрій Алексѣевичъ.
346. Федоровичъ Вячеславъ Петровичъ.
347. Фельдманъ Осипъ Ильичъ.
348. Феодосьевъ Михаилъ Георгіевичъ.
349. Ферапонтовъ Сергѣй Николаевичъ.
350. Проф. Филевичъ Иванъ Порфирьевичъ.
351. Графиня Флери.
352. Графъ Флери Людовикъ.
353. Проф. Флоринскій Тимоѳей Дмитріевичъ.
354. Фотинскій Иванъ Петровичъ.
355. Фохтъ Василій Семеновичъ.
356. Французовичъ Людвигъ Валентиновичъ.
357. Фридлендеръ Іосифъ Марковичъ.
358. Фрумкинъ Самуиль.
359. Фурсовъ Матвѣй Васильевичъ.
360. Хвольсонъ Даніиль Абрамовичъ.
361. Хоецкая Ксаверина.
362. Хойновскій Іосифъ Адамовичъ.
363. Цыбышевъ Михаилъ Алексѣевичъ.
364. Чайковскій Николай Лукичъ.
365. Чепелевскій Иванъ Ильичъ.
366. Черкасовъ Леонидъ Ивановичъ.
367. Черноруцкій Іоанникій Григорьевичъ.
368. Четыркинъ Иванъ Даниловичъ.
369. Проф. Чижовъ Николай Евфимовичъ.

370. Чижъ.
371. Чудовскій Николай Ивановичъ.
372. Чулковъ Николай Петровичъ.
373. Шабадь Исидоръ Осиповичъ.
374. Шарскій Октавій Казиміровичъ.
375. Шверубовичъ Анастасій Ивановичъ.
376. Шеель Августъ.
377. Шефферъ Петръ Николаевичъ.
378. Шляковъ Иванъ Александровичъ.
379. Шмурло Викентій Бальтазаровичъ.
380. Проф. Шмурло Евгений Францевичъ.
381. Шнекъ Иванъ Михайловичъ.
382. Шпаковскій Александръ Исааковичъ.
383. Шпилевскій Густавъ Адольфовичъ.
384. Проф. Штернъ Эрнестъ Романовичъ.
385. Штейнбергъ Овсей Наумовичъ.
386. Проф. Штида Л., изъ Кенигсберга.
387. Шулицкій Исидоръ Кипріановичъ.
388. Яблонскій Иванъ Осиповичъ.
389. Яворовскій Николай Ивановичъ.
390. Яковлевъ Василій Васильевичъ.
391. Янушевскій Юліанъ Юліановичъ.
392. Янчукъ Николай Андреевичъ.
393. Ястребовъ Владиміръ Николаевичъ.
394. Яхонтовъ Павелъ Ивановичъ.
395. Ящуржинскій Хрисанъ Петровичъ.

Открытие Съезда.

1 августа 1893 года совершено въ 4 часа дня, въ домовой церкви виленскихъ среднеучебныхъ заведеній, торжественное молебствіе высокопреосвященнѣйшимъ Донатомъ, архіепископомъ Литовскимъ и Виленскимъ, въ сослуженіи съ оо. протоіереями: І. Котовичемъ и І. Шверубовичемъ. Затѣмъ въ актовомъ залѣ виленской 1-й гимназіи состоялось открытіе Съезда въ присутствіи высокопр. Доната, начальника края П. В. Оржевскаго, попечителя Виленскаго учебнаго округа Н. А. Сергіевскаго, Виленскаго губернскаго предводителя дворянства графа А. С. Платера и многочисленныхъ представителей мѣстной администраціи и общества.

Съездъ былъ открытъ слѣдующей рѣчью г. начальника края:

„ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, въ 30 день іюня 1891 года, Всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить созваніе въ г. Вильнѣ въ 1893 году IX Археологическаго Съезда.

„Мѣстныя ученые силы, подѣ Высокимъ покровительствомъ Августѣйшаго Почетнаго Предсѣдателя Съезда Государя Великаго Князя Сергія Александровича и просвѣщеннымъ руководствомъ Предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, графини Прасковьи Сергіевны Уваровой, въ теченіе трехъ лѣтъ много потрудились надѣ изготовленіемъ матеріала для предстоящихъ ученыхъ трудовъ Съезда.

„Въ настоящій торжественный день имѣю честь привѣтствовать знаменательное для г. Вильны ученое собраніе и объявить IX Археологическій Съездъ открытымъ. Боже, Царя храни!“

Хоръ полковой музыки, помѣщенный на хорахъ актовaго зала, исполнилъ народный гимнъ.

Предсѣдатель Съезда, графиня П. С. Уварова, доложила полученную на ея имя телеграмму отъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича съ извѣщеніемъ о томъ, что ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было пожертвовать на изданіе научныхъ трудовъ Съезда пять тысячъ рублей, а Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу — для той же цѣли двѣ тысячи рублей.

Высочайшая милость встрѣчена была громкимъ „ура“ собранія и народнымъ гимномъ. Предсѣдателемъ Съезда прочтено привѣтствіе Съезду Почетнаго Предсѣдателя Съезда Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича слѣдующаго содержания.

„Привѣтствую Виленскій Археологическій Съѣздъ съ его открытіемъ, отъ души желаю, чтобы Съѣздъ, впервые собирающійся въ нашемъ Сѣверо-Западномъ краѣ, увѣнчался въ своихъ трудахъ тѣмъ же успѣхомъ, какой имѣли предшествующіе Съѣзды на пользу нашей отечественной археологіи; глубоко скорблю, что по не зависящимъ отъ меня обстоятельствамъ не могу быть на открытіи, но надѣюсь черезъ нѣсколько дней пріѣхать въ Вильну и присутствовать при занятіяхъ Съѣзда“.

Съѣздомъ единогласно приняты слѣдующіе, предложенные Предсѣдателемъ, проекты благодарственныхъ депешъ:

Петергофъ. ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

Девятый Археологическій Съѣздъ, открываемый нынѣ въ Вильнѣ, получивъ извѣщеніе отъ Августѣйшаго своего Почетнаго Предсѣдателя, Великаго Князя Сергія Александровича, что Вашему Императорскому Величеству Всемилоостивѣйше благоугодно даровать на изданіе трудовъ Съѣзда пять тысячъ рублей, всеподданнѣйше повергаетъ къ Августѣйшимъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества выраженіе глубочайшей благодарности членовъ Съѣзда, собравшихся въ древней Вильнѣ для дальнѣйшаго развитія и преуспѣянія науки въ дорогомъ намъ отечествѣ.

Предсѣдатель Съѣзда графиня Уварова.

Петергофъ. Его Императорскому Высочеству Великому Князю Цесаревичу.

Девятый Археологическій Съѣздъ, открываемый нынѣ въ Вильнѣ, повергаетъ предъ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ выраженіе глубочайшей и всепреданнѣйшей благодарности за милостивое вниманіе къ нуждамъ Съѣзда и щедрыя пожертвованія на его изданія.

Предсѣдатель Съѣзда графиня Уварова.

Москва, Ильинское. Его Императорскому Высочеству Великому Князю Сергію Александровичу:

Открываемый нынѣ, Девятый Археологическій Съѣздъ, въ Вильнѣ, въ полномъ своемъ составѣ, принося глубокую признательность Вашему Императорскому Высочеству за теплое привѣтствіе и постоянное сердечное отношеніе къ занятіямъ по русской археологіи, повергаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ предъ Вашимъ Высочествомъ выраженіе глубочайшей благодарности за испрошеніе у Его Императорскаго Величества и у Великаго Князя Цесаревича денежныхъ средствъ по изданію трудовъ Съѣзда. Пріѣздъ Вашихъ Императорскихъ Высочествъ ожидается членами Съѣзда съ тѣмъ же сердечнымъ нетерпѣніемъ, какъ и всѣми остальными жителями города.

Предсѣдатель Съѣзда графиня Уварова.

Предсѣдатель Ученаго Комитета Успенскій.

Предсѣдатель Распорядительнаго Комитета Крачковскій.

Попечитель учебнаго округа, Н. А. Сергіевскій привѣтствовалъ Съѣздъ слѣдующею рѣчью:

„Три года тому назадъ, въ день прекраснаго московскаго торжества — когда чествовалось 25-лѣтіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, въ поздравительной телеграммѣ Обществу я, между прочимъ, выразилъ слѣдующее:

„Москвичъ по рожденію и воспитанію, горячо желаю Обществу дальнѣйшаго процвѣтанія, виленецъ по мѣсту службы, живу надеждой, не придетъ ли Общество со своимъ свѣточемъ знанія въ Сѣверо-Западную окраину Россіи, богатую сокровищами русской старины.

„Мысли сошлись: на бывшемъ тогда Археологическомъ Съѣздѣ постановлено было ходатайствовать о созывѣ слѣдующаго съѣзда въ Вильнѣ; Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества Государя Императора соизволеніе воспослѣдовало, и Съѣздъ, по счету уже IX, открывается нынѣ въ Вильнѣ.

„Открывается онъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ, во всеоружіи обширнаго опыта и глубокаго знанія. Предыдущими трудами Археологическихъ Съѣздовъ разработано и освѣщено давно забытое прошлое Крыма, Кавказа, древнихъ Болгаръ, нашихъ чудныхъ святынь древняго Ярославля, еще древнѣйшаго Кіева и памятниковъ такъ называемой Геродотовой Скиѣи. „Теперь передъ зоркія очи IX Археологическаго Съѣзда предстала разнообразная серіозная, знаменательная во многихъ отношеніяхъ сѣдая старина Западной окраины Россіи.

„Мой глубокій привѣтъ IX Археологическому Съѣзду и его достойной устроительницѣ и руководительницѣ, графинѣ П. С. Уваровой. Мое горячее желаніе блестящаго успѣха на почвѣ археологической и исторической правды“.

Графиня Уварова доложила слѣдующій:

Отчетъ Предварительнаго Комитета.

Обязанная, какъ Предсѣдатель Предварительнаго Комитета Съѣзда, отдать отчетъ въ дѣйствіяхъ Комитета о предварительныхъ работахъ по Съѣзду, я дозволю себѣ прежде всего напомнить вамъ, Милостивые Государи, что нашъ нынѣшній Виленскій Съѣздъ заканчиваетъ собой первое 25-лѣтіе русскихъ Археологическихъ Съѣздовъ. Вспоминаю объ этомъ съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ и гордостью, что основателями Съѣздовъ было Импер. Моск. Археол. Общество и его покойный предсѣдатель графъ А. С. Уваровъ, и что понынѣ, то-есть 25 лѣтъ послѣ открытія перваго Съѣзда, Моск. Археол. Общество осталось главнымъ устроителемъ и руководителемъ дѣла. „Полезность Съѣздовъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію“, гласитъ отношеніе Московскаго Арх. Общества, обращенное въ 1867 г. ко всѣмъ ученымъ обществамъ: „необходимы и желательны они ради успѣховъ русской науки; несомнѣнны и эти послѣдніе при дружномъ содѣйствіи и взаимной помощи лицъ, до сихъ поръ одиноко трудящихся по разнымъ мѣстностямъ Русской земли; потому цѣль Съѣзда состоитъ во взаимномъ соглашеніи и въ посильномъ рѣшеніи, сообразно требованіямъ современной науки, какъ вопросовъ, обновляющихъ всѣ отрасли отечественной археологіи и, стало-быть, *общихъ* для всей науки русской древности, такъ и болѣе важныхъ

частныхъ, которые могутъ быть рѣшены лишь совокупнымъ трудомъ многихъ специалистовъ-археологовъ“.

Тѣмъ же отношеніемъ 1867 г. были намѣчены и главныя задачи, которыя должны были лечь въ основаніе работъ будущихъ Съѣздовъ и стать какъ бы руководствомъ всѣхъ археологическихъ работъ и изслѣдованій въ Россіи; задачи эти резюмировались такъ: 1) сохраненіе и приведеніе въ извѣстность памятниковъ какъ языческой, такъ и христіанской древности; 2) точнѣйшее опредѣленіе метода и приѣма въ изслѣдованіи памятниковъ; 3) составленіе подробной и ясной инструкціи археологическихъ разысканій; 4) составленіе археологическихъ картъ и 5) составленіе росписи существующихъ памятниковъ мѣстной старины, какъ вещественныхъ такъ и писменныхъ.

За 25 лѣтъ существованія Съѣздовъ по археологіи Россіи сдѣлано много; горизонтъ нашей дѣятельности расширился, всякій новый Съѣздъ переноситъ нашу дѣятельность въ новый центръ, возбуждаетъ новые вопросы, вызываетъ новыя точки сравненія, желаніе совмѣстной работы съ остальными учеными Европы, — но въ общемъ задачи остаются неизмѣнными, какъ неизмѣнны чувства уваженія и доброй памяти къ основателю Съѣздовъ и ихъ первому, энергическому поборнику и руководителю, гр. А. С. Уварову.

Первый Съѣздъ состоялся въ Москвѣ въ мартѣ 1869 г.; послѣдующіе, какъ извѣстно, собирались всякіе два или три года въ разныхъ городахъ имперіи и по примѣру перваго устраивались и руководились графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ до шестого Одесскаго включительно, собраннаго въ 1884 г., лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины графа.

Кончина графа пугала многихъ, и дѣло Съѣздовъ нѣкоторое время казалось погибшимъ, но Моск. Археол. Общество не захотѣло оставить общаго и для насъ всѣхъ дорогого дѣла, и Съѣзды возобновились по разъ принятому порядку и собирались съ тѣхъ поръ въ Ярославлѣ, Москвѣ и нынѣ въ Вильнѣ. Спѣшу, впрочемъ, оговориться: было бы въ высшей степени несправедливо приписывать всю честь устройства и удачи Съѣздовъ одному Моск. Археол. Обществу. Общество это является только факторомъ большой всероссійской мастерской, куда стекаются всѣ заявленія, собираются отдѣльныя мнѣнія и лица, работающія на благо родного просвѣщенія, — мастерской, которой мы и обязаны продолженіемъ Съѣздовъ, печатаньемъ ихъ трудовъ, образованіемъ новыхъ ученыхъ Обществъ и вообще дальнѣйшею разработкой историческихъ, археологическихъ и антропологическихъ изысканій.

Что мнѣніе мое вѣрно, что мы имѣемъ дѣло съ мастерской, все болѣе и болѣе развивающейся, что дѣло растетъ и пускаетъ корни во всѣ стороны, можно доказать, перелистывая отчеты Предварительныхъ Комитетовъ Съѣздовъ и подводя итоги лицамъ и учрежденіямъ, принимавшимъ въ былое время и принимающихъ понынѣ въ нихъ участіе. Такъ, *Предварительный Комитетъ I Съѣзда* состоялъ всего изъ 15 лицъ, представителей пяти университетовъ, шести высшихъ столичныхъ ученыхъ учреждений (Академіи Наукъ, Петерб. Археографической Комиссіи, Петерб. и Москов. Археологическихъ Обществъ, Центрального Статист. Комитета и Археологической Комиссіи) и только одного провинціального (Нарвскаго Общества Исторіи и Древностей).

Комитетъ II Създа состоитъ уже изъ 31 члена, являющихся представителями какъ вышеприведенныхъ высшихъ столичныхъ учреждений, такъ и всѣхъ русскихъ Университетовъ, Академіи Художествъ, нѣсколькихъ столичныхъ Музеевъ, Общества Любителей Естествознанія и Духовнаго Просвѣщенія, петербургскихъ архивовъ и Петерб. Духовной Академіи.

Съ III Кіевскаго Създа число представителей увеличивается, а съ ними увеличивается и число провинціальныхъ Обществъ, Статистическихъ Комитетовъ, Музеевъ и публичныхъ Библіотекъ и отдѣльныхъ личностей, принимающихъ участіе въ трудахъ, изслѣдованіяхъ и преніяхъ Археологическихъ Създовъ. Такъ напр., въ трудахъ Предварительнаго Комитета послѣдняго VIII Московскаго Създа принимали участіе 53 члена и 29 ученыхъ учреждений, изъ которыхъ 8 провинціальныхъ; въ трудахъ же Предварительнаго Комитета нынѣшняго Виленскаго Създа (не считая мѣстнаго Отдѣленія Комитета) мы насчитываемъ уже 69 представителей 42 учреждений (число которыхъ на Създѣ возрастаетъ до 62), изъ которыхъ 16 провинціальныхъ.

Итоги эти ясно доказываютъ, что дѣло Създовъ въ Россіи стало на твердую ногу, что Създы эти заслужили довѣріе какъ Правительства, такъ и общества, какъ столичныхъ ученыхъ корпорацій, такъ и болѣ скромныхъ провинціальныхъ единицъ и „лицъ одиноко трудящихся по разнымъ мѣстностямъ Русской земли“, на которыхъ обращалъ вниманіе графъ Алексѣй Сергѣевичъ въ первомъ циркулярномъ воззваніи къ ученымъ обществамъ, о которомъ рѣчь была выше.

Не этому ли общему довѣрію, которое сдумѣли заслужить русскіе Археологическіе Създы, обязаны мы тѣми Царскими милостями, которыя оказаны Виленскому Създу, и той великой честью, которая выпадаетъ на долю уже третьяго Създа, — состоять подъ особымъ, непосредственнымъ покровительствомъ и Почетнымъ Предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича, милостиво пожелавшаго даже принять предсѣдательство и Предварительнаго Комитета Виленскаго Създа и обѣщающаго на дняхъ лично принять участіе въ работахъ Създа.

Думается, что милостивое покровительство, оказываемое Археологическимъ Създамъ и развитію археологическихъ изслѣдованій въ Россіи возлюбленнымъ Монархомъ нашимъ, Августѣйшимъ Сыномъ Его и Братомъ, должно оставить слѣдъ на страницахъ дорогихъ намъ Създовъ и во всякомъ случаѣ должно вызвать со стороны насъ, устроителей и членовъ Създа, выраженіе самой искреннѣйшей признательности и благодарности.

5 января 1891 г., ровно черезъ годъ послѣ Моск. Създа, въ Москвѣ, въ домѣ Московскаго Археол. Общества, собрался Предварительный Комитетъ нынѣшняго IX Виленскаго Създа. Комитетъ имѣлъ три засѣданія, во время которыхъ а) сформировался составъ Комитета при Моск. Археол. Обществѣ; б) призналась необходимость филиальныхъ отдѣленій онаго какъ въ самой Вильнѣ, такъ и по возможности въ остальныхъ губернскихъ городахъ Западнаго края; в) записаны вопросы и запросы, обсужденіе, разработка и рѣшеніе которыхъ признаны желательными во время Създа;

г) рѣшенъ вопросъ о выставкѣ при Съѣздѣ, на которую желательно привлечь не только частныя коллекціи края, но и тѣ находки изъ Западнаго края и сосѣднихъ съ нимъ славянскихъ земель, которыя имѣются въ Музеяхъ Кракова, Львова, Ольмюца, Кенигсберга, Брюнна, Праги и пр.; д) выслушаны *мнѣнія проф. Кояловича* — о предметахъ древности въ Западно-Русскомъ краѣ, *Өед. Вас. Покровскаго* — о разработкѣ древностей края, необходимости составленія археологической карты Виленской губ. и привлеченія мѣстной интеллигенціи къ работамъ Съѣзда, *Евдок. Ром. Романова* — о неудовлетворительности археологическихъ изслѣдованій, разработки и сохраненія древнихъ памятниковъ въ краѣ и желательныхъ мѣрахъ при составленіи выставки Съѣзда, *письмо проф. Влад. Зенон. Завитневича* о характерѣ могильниковъ края и необходимости въ немъ историческихъ и этнографическихъ изслѣдованій, могущихъ подтвердить данныя, собранныя путемъ раскопокъ, *заявленіе Уральскаго Общества Любителей Естествознанія* съ просьбой поставить на разсмотрѣніе Съѣзда вопросъ о сохраненіи древнихъ памятниковъ и объ облегченіи представителямъ ученыхъ обществъ производства археологическихъ изслѣдованій, *заявленіе проф. Алекс. Степ. Павлова* о необходимости вызвать мѣстныхъ ученыхъ къ составленію историческаго комментарія къ извѣстію русскаго хронографа, изданнаго кн. Оболенскимъ, о древней литовской миѳологіи.

Съѣздъ, предположенный въ Сѣверо-Западномъ краѣ, для котораго русской наукой и русскими учеными сдѣлано пока еще такъ мало, возбудилъ съ первыхъ засѣданій Предварительнаго Комитета живое участіе среди присутствующихъ и вызвалъ рядъ новыхъ постановленій, которыя Предварительный Комитетъ долженъ былъ принять въ руководство для дальнѣйшей своей дѣятельности.

На основаніи этихъ данныхъ Предварительному Комитету поручено: а) провѣрить собранныя до сихъ поръ свѣдѣнія о курганахъ, копцахъ, волотовкахъ, шведскихъ могилахъ, городищахъ и пр.; б) произвести провѣрочныя раскопки въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя могли бы пролить свѣтъ на жизнь прежнихъ насельниковъ края; в) на основаніи произведенныхъ раскопокъ и собранныхъ данныхъ провести грань между древними могилами и поселеніями и остатками новѣйшаго времени, нанести собранныя данныя на карту и такимъ образомъ подготовить матеріаль для болѣе правильнаго изученія западно Россіи въ археологическомъ отношеніи и г) собрать по возможности свѣдѣнія объ имѣющихся въ краѣ частныхъ коллекціяхъ; войти въ сношенія съ мѣстнымъ епархіальнымъ вѣдомствомъ для полученія имѣющихся у него матеріаловъ для археологической карты Виленской и Гродненской губерній, и принять мѣры къ тому, чтобы карта эта могла быть составлена ко времени Съѣзда; просить духовенство западной Россіи о возможной разработкѣ имѣющихся въ монастыряхъ и церквахъ этого края Диптиховъ и Синодиковъ въ историческомъ и генеалогическомъ отношеніяхъ.

Правила Съѣзда, выработанныя Предварительнымъ Комитетомъ, утверждены г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 7 іюля 1891 г. съ нѣкоторыми измѣненіями и сокращеніями, внесенными Министерствомъ по представленію и ходатайству бывшаго Виленскаго генерала-губернатора Каханова и попечителя округа Ник. Алекс. Сергіевскаго.

Къ осени того же года сформировалось Виленское Отдѣленіе Комитета подъ

предсѣдательствомъ Свѣнцианскаго предводителя дворянства Алексѣя Петр. Тыртова, его дѣятельнаго помощника предсѣд. Комиссіи по разбору актовъ, Юліана Ѳомича Крачковскаго, при сотрудничествѣ консерваторовъ Виленскаго музея, членовъ Архива и Комиссіи по разбору актовъ, учебнаго персонала и содѣйствіи г. Попечителя, озаботившагося не только привлеченіемъ и указаніемъ лицъ, могущихъ работать и принять участіе въ трудахъ Отдѣленія, но и въ пріисканіи денежныхъ средствъ, тѣмъ болѣе необходимыхъ для изслѣдованій, раскопокъ и печатанья трудовъ Отдѣленія, что весьма скоро выяснился вопросъ о томъ, что средствъ этихъ не слѣдуетъ ожидать ни отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ни отъ высшаго управленія края, ни изъ другихъ источниковъ, на которые понадѣялся Моск. Предварительный Комитетъ.

Къ содѣйствію Комитету Моск. Арх. Обществомъ приглашены всѣ мѣстные губернаторы, предводители дворянства, мѣстные епископы, какъ православные такъ и католическіе, при ихъ содѣйствіи все духовенство края и мѣстные помѣщики, которые, какъ князья Огинскіе, Сангушко и Радзивиль, графы Тышкевичи, Платель, Чапскіе и Замойскіе, должны были, по мнѣнію Комитета, владѣть богатыми архивами и собраніемъ древностей, весьма желательныхъ для выставки. Не оставлены безъ вниманія первыя указанія Комитета касательно коллекцій, сохраняемыхъ въ Галиціи, Богеміи и пограничныхъ прусскихъ провинціяхъ; составлены при содѣйствіи П. Н. Милюкова, И. А. Линниченка, Н. А. Явчука, В. И. Сизова и гр. Уваровой подробныя записки для руководства подготовительныхъ изслѣдованій и раскопокъ въ Западномъ краѣ и академика архитектора К. М. Быковскаго для изученія и обслѣдованія архитектурныхъ памятниковъ края; собраны свѣдѣнія о мѣстныхъ ученыхъ, собирателяхъ и знатокахъ древности, съ которыми Общество вошло въ сношеніе или письменно или при содѣйствіи своихъ членовъ; разосланы губернаторамъ, статистикамъ, помѣщикамъ, учителямъ, епископамъ, священникамъ и пр. до семи тысячъ экземпляровъ вопросныхъ пунктовъ по собиранію свѣдѣній о церквахъ, церковныхъ древностяхъ, памятникахъ каменнаго и бронзоваго вѣка, могильникахъ, городищахъ, валахъ и пр.; приглашены къ совмѣстному труду всѣ тѣ ученые, профессоры и даже любители (числомъ 172), которые извѣстны своими трудами или изслѣдованіями по изученію Западнаго края.

Не рассчитывая единственно на свои собственные силы и руководимое примѣромъ незабвеннаго создателя Съѣздовъ, вызвавшаго ими на общую, дружную работу по изученію Россіи до тѣхъ поръ разрозненныя и затеряныя силы нашего отечества, Моск. Археол. Общество считало необходимымъ привлечь и на этотъ разъ всѣ тѣ учрежденія, которыя могли бы принять участіе въ общемъ дѣлѣ изученія Западнаго края или сообщеніемъ свѣдѣній о памятникахъ древности, или совмѣстными изслѣдованіями, или изданіемъ собранныхъ уже матеріаловъ. На этомъ основаніи Общество вошло въ переговоры съ Императорскою Академіей Художествъ, Археологическою и Археографическою Комиссіями и Археологическимъ Институтомъ.

Общество обратило кромѣ того вниманіе: 1) на желательность изданія *библиографическаго указателя* какъ русскихъ, такъ и польскихъ источниковъ, касающихся до исторіи, археологіи и этнографіи западныхъ губерній; 2) на необходимость ближай-

шаго ознакомленія и изученія *лѣтописнаго списка*, сохраняемаго въ Варшавской библіотекѣ графовъ Замойскихъ; 3) на важное значеніе, которое могло бы представить для исторіи архитектуры вообще и исторіи края въ частности, ближайшее и болѣе строго-научное обследованіе, изученіе, изданіе и возобновленіе древнихъ храмовъ края съ ихъ архитектурными деталями и фресковою живописью.

Постараюсь нынѣ разобраться по всѣмъ этимъ вопросамъ и всѣмъ этимъ обращеніямъ и представить вамъ, Милостивые Государи, результаты многотомной переписки Предварительнаго Комитета, и такимъ образомъ познакомить васъ съ успѣхами и неудачами Предварительнаго Комитета по тѣмъ вопросамъ, на которыя обращены были его вниманіе и дѣятельность.

Начать ли прямо съ неудачъ — или точнѣе, не перечислить ли прямо лицъ, которые отказали Комитету въ содѣйствіи или оставили обращеніе его безъ отвѣта, что равносильно отказу?! — Думаю, что нѣтъ... ибо прихожу къ убѣжденію, что лица эти дѣйствовали часто по недоразумѣнію или непониманію цѣлей, преслѣдуемыхъ Археол. Обществомъ, или чаще по невозможности и нежеланію раздѣлить идеалы Общества, его любовь и стремленіе къ серіозному, *чисто-научному* изученію древности края... Думаю и надѣюсь, что правильная постановка нашихъ археологическихъ изслѣдованій, систематическая разработка ихъ, постоянное и твердое направленіе къ достиженію нашихъ цѣлей — скажу больше любовь наша къ дѣлу изученія *общей* и дорогой для насъ родины и самый Съѣздъ измѣнить взглядъ этихъ лицъ и обратятъ ихъ со временемъ въ нашихъ друзей и сотрудниковъ.

Замѣчу только для оправданія дѣйствій Предварительнаго Комитета, что *лѣтописный списокъ* варшавской библіотеки графа Замойскаго, который обратилъ на себя вниманіе нашихъ историковъ, — не могъ быть изученъ для Съѣзда потому что съ 1890 г., т. е. съ кончины стараго графа, майоратскими имѣніями управляетъ по малолѣтству наслѣдника, гр. Константинъ Замойскій который воспретилъ совершенно пользованіе библіотекой и рукописными сокровищами семьи и не отвѣчалъ даже на запросъ, обращенный къ нему Комитетомъ.

Что же касается до надеждъ Предварительнаго Комитета касательно изученія, изданія и возобновленія къ Съѣзду древнихъ церквей края и въ особенности древнѣйшей Витебской епархіи, — то надежды эти и по сіе время остаются *мечтой*, весьма желательной, но, вѣроятно, весьма трудно исполнимой. Губернаторъ Витебскій, князь Долгоруковъ, на запросъ Комитета касательно изученія и возобновленія Полоцкаго Спасо-Евфросиньевскаго монастыря отвѣчалъ, что „за неимѣніемъ въ губерніи среди православнаго населенія богатыхъ капиталистовъ“ дѣло это оказывается неисполнимымъ; Академія Художествъ отказалась также помочь дѣлу командированіемъ архитектора въ одну изъ намѣченныхъ губерній, и потому весь трудъ и расходы (за исключеніемъ работъ, которыя произвелъ въ Могилевской губ. Алек. Станис. Дембовецкій) пала на Моск. Археол. Общество, труды Членовъ котораго будутъ доложены въ числѣ другихъ рефератовъ Съѣзда.

Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что лицъ, не сочувствующихъ цѣлямъ Комитета, было сравнительно *гораздо меньше*, чѣмъ лицъ, откликнувшихся на запросы его и

предложившихъ ему свои услуги по той или другой части дѣла. Лицъ этихъ очень много по всѣмъ губерніямъ Западнаго края и между самыми разнородными слоями общества. Такъ, проф. Варшавскаго университета *Антонъ Фед. Мържинскій* предлагаетъ вопросы для Съѣзда; профессоръ того же университета *Ад. Из. Павинскій* въ подробномъ письмѣ разрабатываетъ взглядъ о составленіи археологической карты царства Польскаго и предлагаетъ мѣры къ систематизаціи библиографическихъ свѣдѣній по этой части Русскаго государства; *Авенариусъ* изъ Гродно резюмируетъ свои взгляды о дрогиченскихъ древностяхъ, оспариваетъ мнѣніе о передвиженіи Ятвяговъ съ юга на сѣверъ Гродненской губ., указываетъ на Музей въ Кенигсбергѣ и сравниваетъ предметы добытые въ могильникахъ юго-восточной Пруссіи съ надбужскими древностями; помѣщикъ Гродненской губ. *графъ Флери* указываетъ на лицъ, могущихъ помочь дѣлу, дѣлаетъ развѣдки, производитъ раскопки; землевладѣлецъ Острожскаго уѣзда Волынской губ. *Презе* присылаетъ отчетъ о своихъ раскопкахъ; помѣщикъ *Чудовскій* предлагаетъ раскопки въ своемъ имѣніи, князь *Радзивилъ*, *графъ Эмерикъ Чапскій* и князь *Сангушко* предлагаютъ Комитету прислать осмотрѣть для Съѣзда ихъ коллекціи въ Несвижѣ, Станковѣ и Славутѣ; *пасторъ Билештейнъ* изъ Курляндіи обращаетъ вниманіе на запросы прежнихъ съѣздовъ и предполагаетъ разработку нѣкоторыхъ изъ нихъ; *докторъ Ничъ* изъ Праги обѣщаетъ для выставки модели могилъ Чехіи и Моравіи; *Довнаръ-Запольскій* изъ Кіева поднимаетъ вопросъ о желательности и необходимости основанія Археологическаго Общества въ западныхъ губ., о систематизаціи и болѣе серіозномъ направленіи археологическихъ задачъ и изслѣдованій въ краѣ; проф. Кіевской дух. академіи *Влад. Зенон. Завитневичъ* развиваетъ инструкцію Москов. Археол. Общества, производитъ рядъ послѣдовательныхъ раскопокъ, излагаетъ результаты оныхъ въ двухъ подробныхъ брошюрахъ „Археологическія экскурсіи въ Припетскомъ Полѣсьѣ“, предлагаетъ рядъ систематическихъ развѣдокъ на пространствѣ отъ р. Роси до Западной Двины, отъ оз. Ильменя, Вислы и Нѣмана до Оки съ цѣлью выясненія характера и распространенія славяно-русскихъ поселеній, указываетъ на желательность систематизаціи раскопокъ и на необходимость спеціальной экспедиціи съ цѣлью серіознаго обслѣдованія мѣстности около Новгорода-Литовскаго съ цѣлью историческаго, этнографическаго и археологическаго обслѣдованія „этого древняго центра, гдѣ впервые занялась заря литовской гражданственности“, проситъ обратить вниманіе будущихъ изслѣдователей на характерныя разновидности приводимыхъ имъ курганныхъ построекъ: на деревянные срубы, провалы въ насыпяхъ, на слѣды столбовъ, находимыхъ въ курганахъ и пр. и пр.; проф. Кіев. университета *Влад. Бониф. Антоновичъ* относится къ дѣлу такъ же тепло и сочувственно и, пополняя инструкцію Моск. Археол. Общества, предлагаетъ для Съѣзда послѣдовательный рядъ раскопокъ: въ Ковенской губ. между рѣками Дубиссою и Святою (нынѣшній Ковенскій и частью Россіенскій и Вилькомирскій уѣзды), въ центрѣ древней Жмуди, бывшей въ XIII—XIV вв. центромъ религіозной жизни и всего литовскаго племени; въ Данабургскомъ уѣздѣ Витебской губ. и Якобштадтскомъ Курляндской губ. съ цѣлью установить похоронный типъ Жемгалы, къ которой, можетъ быть, принадлежитъ и столь извѣстный, за последнее время, Люцинскій могильникъ; въ сѣверо-западномъ углу Минской и сѣверо-восточномъ

Гродненской губ., т.-е. на пространствѣ древней Черной Руси, между Новогрудкомъ, Слонимомъ и Волковыскомъ — мѣстности древнѣйшаго столкновения славянской и литовской культуры; въ Гомельскомъ, Рогачевскомъ и Чириковскомъ уѣздахъ Могилевской и Новозыбковскомъ и Суражскомъ Черниговской губ. (при чемъ центральнымъ мѣстомъ слѣдовало бы признать гор. Гомель) для установления похороннаго типа Радимичей; многочисленныхъ кургановъ южной части Рѣчицкаго уѣзда Минской губ. (особенно окрестностей Хайнакъ и Брагиня), какъ мѣстность, гдѣ сталкивалась колонизація Сѣверянъ, Полянъ, Древлянъ и Дреговичей — съ надеждой разграничить названные погребальные типы...

Я кончаю съ этимъ спискомъ, чтобы не утруждать вниманіе присутствующихъ; но картина моя была бы неполна, если я не отдала бы дани справедливости и уваженія *тремъ* личностямъ, которыя поработали для нашего дѣла болѣе другихъ и изъ которыхъ *два*, не дожили до Съѣзда, заботамъ о которомъ отдались всѣми своими помышлениями и котораго ожидали какъ свѣтлаго праздника для нашей западной Руси.

Первый изъ нихъ — старѣйшій членъ Моск. Археол. Общества — старожилъ и знатокъ Витебской губ., *Алекс. Макс. Семеновскій-Курилло* не могъ не поднять въ Предвар. Комитетѣ вопроса объ археологическомъ изслѣдованіи Витебской губ., не могъ не указать на историческую важность древняго Полоцка и береговъ рѣки Полоты, на необходимость раскопокъ въ этой мѣстности, при чемъ предполагалъ представить на Съѣздѣ рисунки и надписи съ древнихъ колоколовъ Полоцкой епархіи. Второй — первый и въ высшей степени симпатичный предсѣдатель Виленскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета — *Алексій Петр. Тыртовъ* отдалъ заботамъ о Съѣздѣ все свое время, всѣ свои лучшія начинанія, мечталъ не только о систематизаціи трудовъ по разработкѣ древностей возлюбленной имъ Витебской губ. но и о возстановленіи величія древнихъ ея храмовъ и о перенесеніи мощей св. Евфросиніи въ ея древнюю Полоцкую обитель.

Третье лицо, которому Съѣздъ обязанъ, можетъ быть, болѣе чѣмъ кому, либо — *Юліанъ Ѳомицъ Крачковскій*, состоявшій съ самаго основанія Виленскаго Отдѣленія прямымъ помощникомъ предсѣдателя и замѣнившій его послѣ его кончины съ 8 февраля текущаго года, принявшій съ тѣхъ поръ на себя всѣ труды и заботы по устройству Съѣзда и сумѣвшій довести дѣло до счастливаго окончанія. — Ему, господа, благодарность и признательность всего Съѣзда и глубокое, сердечное спасибо отъ Москов. Предвар. Комитета и Моск. Археол. Общества!

Изъ лицъ официальныхъ и правительственныхъ учреждений (не считая г. Попечителя Вилен. учебнаго округа о заботахъ и трудахъ котораго говорили выше) оказали особое содѣйствіе Комитету: Могилев. губернаторъ, *Александръ Станисл. Дембовецкій*, пожелавшій заняться обслѣдованіемъ древностей губ., предпринявшій раскопки, собравшій планы и рисунки древнихъ церквей, старинныя гравюры, письменные документы и пр.

Импер. Археол. Комиссія, уступившая Предв. Комитету сохраняемыя у ней метрики церквей, собранныя Академіей Художествъ, и отпустившая нѣкоторыя денежныя средства на раскопки Романова, проф. Завитневича и Антоновича.

Археологическій Институтъ сообщилъ Комитету собранный имъ за разное время не особенно богатый библиографическій матеріаль.

Археографическая Комиссія пожелала принять участіе въ трудахъ по Съѣзду, печатавъ ко времени его открытія *Литовскія лѣтописи*, сохраняемыя какъ въ ея архивахъ, такъ и въ Сборникѣ Москов. Синодальной бібліотеки.

Переходя теперь къ литературной дѣятельности, вызванной вопросами и запросами Съѣзда, нахожу съ особымъ удовольствіемъ, что движеніе, которое зарождаетъ всякій Съѣздъ какъ въ ученomъ мірѣ, такъ и среди отдѣльныхъ личностей и ученыхъ, проявило на этотъ разъ особую дѣятельность и оставитъ послѣ себя значительные труды, на что не могу, хотя и вкратцѣ, не обратить вашего вниманія.

Тверская Архивная Комиссія, руководимая неутомимымъ дѣятелемъ по изученію мѣстныхъ древностей, Авг. Казим. Жизневскимъ, издала изслѣдованіе протоіерея Успенскаго „О литовскихъ пограничныхъ городахъ“ съ цѣлью опредѣленія мѣстъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ; пограничныхъ литовскихъ городковъ, какъ Селукъ, Горышинъ и др., и проведенія границы прежняго Ржевскаго уѣзда съ Литвою.

Археологическая Комиссія издала подъ видомъ „Матеріаловъ по археологіи Россіи“ рядъ краткихъ изслѣдованій и дневниковъ, касающихся Дрогичина и надбужскихъ древностей — Авенариуса, витебскихъ древностей, Люцинскаго могильника и раскопокъ въ странѣ Древлянъ — Антоновича.

Могилевскій губернаторъ издалъ дневникъ курганныхъ раскопокъ, произведенныхъ Фурсовымъ и Чолоковскимъ въ Рогачевскомъ, Пыховскомъ, Климовичскомъ, Черниковскомъ и Мстиславскомъ уѣздахъ равно какъ и изслѣдованій г. Фурсова о могильникахъ и городищахъ края.

Общество Нестора Лѣтописца, въ книгѣ 7-й своихъ чтеній, въ статьѣ Грушевскаго, разрабатываетъ вопросъ о Болоховѣ и Болоховцахъ, вопросъ настолько оригинально загадочный и выдѣляющийся изъ обычнаго древне-русскаго политико-общественнаго уклада, что несмотря на то, что былъ серіозно разработанъ проф. Н. П. Дашкевичемъ на Кіевскомъ Съѣздѣ и подвергался не разъ обсужденію и изслѣдованію нашими и иноземными учеными, требуетъ новой разработки и обслѣдованія и находится въ числѣ вопросовъ, поставленныхъ Предварительнымъ Комитетомъ нынѣшняго Съѣзда.

Довнаръ-Запольскій въ Кіевѣ издалъ „Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII ст.“, посвященный главнымъ образомъ опредѣленію географическаго положенія Туровскаго, Смоленскаго и Полоцкаго княжествъ и выясненію на основаніи лѣтописныхъ данныхъ политической ихъ жизни и тѣхъ разнородныхъ теченій, которыя позволили Смоленску создать болѣе самостоятельный центръ на западѣ Россіи, заставили древній православный Полоцкъ тяготѣть къ Нѣмцамъ и Литвѣ, даровали Турову на нѣкоторое время свою линію князей, перетянули его интересы къ Галичу и, наконецъ, перенесли княженіе изъ Турова въ Пинскъ.

Геррихъ Христовъ. Татуръ напечаталъ „Очеркъ археологическихъ памятниковъ на пространствѣ Минской губ.“, въ которомъ старается уяснить значеніе археологическихъ памятниковъ губерніи и установить систему ихъ подраздѣленія.

Свящ. Александръ Будилевичъ напечаталъ два изслѣдованія „О Холмской чудот. иконѣ Божіей Матери“ и „О Милеевской Св.-Параскевѣевской церкви въ связи съ историческимъ обзоромъ Завепрянской Руси“.

Преподаватель Волынской духовной семинаріи Н. И. Теодоровичъ приготовилъ серіозное и весьма подробное „Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи“, нѣсколько историческихъ очерковъ о городѣ Заславлѣ, мѣстечкѣ Грицевѣ Заславльскаго уѣзда и городѣ Кременцѣ и историческій очеркъ города Владиміра-Волынска въ связи съ исторіей Волынской епархіи.

Священникъ Θεод. Гербачевскій издалъ весьма изящно „Русскія древности Холмско-Подляшской Руси“, къ которымъ старался отнести критически и по возможности иллюстрировать множествомъ клише въ текстѣ и отдѣльными таблицами.

Учитель Гродненской гимназіи Е. Ф. Орловскій напечаталъ изслѣдованіе о городѣ Гродно.

Учитель Виленской гимн. Е. Θ. Карскій — изслѣдованіе о главнѣйшихъ чертахъ бѣлорусскаго нарѣчія, времени его образованія и значеніи для исторіи общерусскаго языка.

В. К. Стукалинъ издалъ историческіе очерки городовъ Бѣлоруссіи подъ названіемъ „Бѣлоруссія и Литва“.

Всего же серіознѣе отнеслась къ дѣлу Виленская Комиссія по разбору древнихъ актовъ, персоналъ которой, войдя въ составъ Виленскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета Съѣзда, или скорѣе — ставъ въ ея главѣ, направилъ свою архивную дѣятельность на разъясненія историческихъ и топографическихъ данныхъ, которыя могли бы послужить необходимымъ подспорьемъ для изученія края или служить продолженіемъ работъ, намѣченныхъ Съѣздомъ. Плодомъ такого направленія Комиссіи являются два тома Матеріаловъ: „О копныхъ судахъ“ и „О внутреннемъ бытѣ западно-руса XVI столѣтія“ и томъ изданныхъ „Актовъ, касающихся города Вильны“, представляющихъ самую подробную топографію Вильны, самую добросовѣстную археологическую картину города, гостями котораго мы считаемся нынѣ и который можемъ изучать благодаря трудамъ Комиссіи по четыремъ разновременнымъ планамъ (съ 1672 г. по 1890 г.) и тому историческому матеріалу (366 актовъ), который изъять Комиссіей въ Центральномъ Виленскомъ Архивѣ и рукописномъ отдѣленіи Виленской Публичной бібліотеки.

Та же Комиссія по разбору древнихъ актовъ, усиленная консерваторами Виленскаго Музея, учебнымъ персоналомъ, мѣстными статистиками и любителями, составила, какъ сказано выше, Виленское Отдѣленіе Предварительнаго Комитета Съѣзда, и издала отдѣльный томъ своихъ трудовъ (Труды Виленскаго Отдѣленія Московскаго Предварительнаго Комитета по устройству IX Археологическаго Съѣзда. Вильна, 104 стр. in 4°, съ археологическою картою Виленской губ. и тремя табл.). Труды эти, составляя весьма утѣшительное явленіе въ жизни губернскаго, не университетскаго города, должны радовать всякаго Русскаго, преданнаго и любящаго свою родину, и не могутъ, въ особенности, не быть пріятны намъ, Членамъ Московск. Археологическаго Общества, покойный Предсѣдатель котораго, начиная дѣло Съѣздовъ,

указывалъ на необходимость и желательность разбудить и объединить тѣ отдѣльныя научныя силы, которыя работаютъ въ разныхъ углахъ нашего обширнаго отечества безъ связи и помощи между собой. Томъ Трудовъ Виленскаго Отдѣленія, какъ, впрочемъ, и многія другія изданія самого Моск. Археологическаго Общества, являются блестящимъ доказательствомъ, что ожиданія и надежды покойнаго графа оправдываются и что провинція наша можетъ послужить наукѣ не только собираніемъ сырого матеріала, но и болѣе близкимъ обслѣдованіемъ и изученіемъ мѣстныхъ древностей.

Труды Виленскаго Отдѣленія раздѣляются на три отдѣла: 1) *Протоколы Отдѣленія и приложенія къ нимъ*, въ числѣ которыхъ находимъ инструкціи, выработанныя Московскимъ Предварительнымъ Комитетомъ для предполагаемыхъ раскопокъ и изслѣдованій края, библиографическія свѣдѣнія, сообщенія Авенаріуса, Романова, Покровскаго, Шулицкаго и Шукевича; 2) *Изслѣдованія*, къ которымъ причислены: *Археологическая карта Виленской губ.*, почтенный трудъ Оед. Вас. Покровскаго, съ объяснительною запискою и объяснительнымъ археологическимъ матеріаломъ, собраннымъ по губерніи при посредствѣ священниковъ, народныхъ учителей, волостныхъ писарей и любителей и составляющимъ отвѣты на подробную программу, изданную и разосланную по всѣмъ губерніямъ Россіи Моск. Археол. Обществомъ; *Археологическіе очерки Слонимскаго уѣзда Гродненской губ.* — свящ. Михайловскаго; *Записка объ археолог. памятникахъ Витебской губ.* (свѣдѣнья изъяты изъ древнихъ актовъ) — Веревкина; *Древніе копныя суды въ сѣверо-западной окраинѣ Россіи* — Спрогиса; *князь Феодоръ-Любартъ Ольгердовичъ и его потомки кн. Сангушко и Родственные связи Русскихъ князей съ Угорскимъ королевскимъ домомъ* — Лонгинова; *Значеніе археологій въ оцѣнкѣ историч. памятниковъ* — Леонардова; *Значеніе литовскаго языка* — Ляцкаго и *Коложская церковь въ Гроднѣ* — Грязнова.

Къ этому отдѣлу присоединены и изслѣдованія покойнаго *А. П. Тыртова*, служащія отвѣтомъ на нѣкоторые запросы, поставленные за разное время Русскими Археолог. Съѣздами: а) Городище Царьградъ (Герцике) въ Динабургскомъ уѣздѣ; б) Гдѣ можетъ быть указана рѣка Кегола или Кегора въ Эстляндской губ., на которой въ 1269 г. Новгородцы разбили Ливонскихъ рыцарей; в) Не есть ли мѣстечко Шкудской волости, Телешевскаго у. Ковенской губ., *Ароле* или *Ороле* древній городъ чудской Корси (Куровъ) *Arulia* 852 г.; г) Окончательное выясненіе вопроса о р. „Немизѣ“ или Немигѣ, на которой, по лѣтописи Нестора, происходило сраженіе трехъ Ярославичей съ Всеславомъ Минскимъ въ 1066 г.

Отдѣлъ III Трудовъ вмѣщаетъ библиографическій матеріалъ, который удалось Комитету собрать при помощи своихъ сотрудниковъ. Труды Виленскаго Отдѣленія завершаются роскошнымъ фотографическимъ альбомомъ подъ названіемъ „*Виленскій Музей древностей*“ съ 21 таблицей in folio и объяснительнымъ текстомъ, надъ которымъ не мало поработалъ *Ө. В. Покровскій*.

О *выставкѣ*, устроенной при Съѣздѣ, распространится болѣе подробно Юліанъ Өомичъ Крачковскій; я же позволю себѣ только замѣтить, что хотя Выставка эта не можетъ претендовать на представленіе полной картины развитія археологическихъ занятій въ нашихъ западныхъ губерніяхъ и вовсе не знакомитъ насъ съ частными

коллекціями края, она должна однакожь считаться весьма удачною и принесеть несомнѣнную пользу тѣмъ лицамъ, которыя пожелаютъ ознакомиться съ мѣстными могильниками и ихъ содержаніемъ.

Выставка нашла себѣ помѣщеніе въ залахъ 2-й гимназіи, установкой же ея и каталогизаціей завѣдывало также всецѣло Виленское Отдѣленіе Предварительнаго Комитета, энергіи и трудолюбію членовъ котораго позволяю себѣ, какъ предсѣдатель Предварительнаго Комитета, заканчивающаго нынѣ свою дѣятельность, высказать публично искреннюю и вполне ими заслуженную благодарность какъ всего Московскаго Комитета, такъ и свою лично, съ затаенною надеждою и впредь, въ подготовительныхъ работахъ будущихъ Съѣздовъ, находить такихъ же дѣятельныхъ и умѣлыхъ помощниковъ.

Ю. О. Крачковскій доложилъ:

Отчетъ о дѣятельности Виленскаго Отдѣленія Московскаго предварительнаго Комитета по устройству въ Вильнѣ IX Археологическаго Съѣзда.

5 января 1891 года, въ помѣщеніи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, состоялось, подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, первое засѣданіе Московскаго Предварительнаго Комитета по устройству въ Вильнѣ въ 1893 году IX Археологическаго Съѣзда. Въ числѣ многихъ депутатовъ отъ различныхъ ученыхъ обществъ и Императорскихъ университетовъ въ засѣданіяхъ Предварительнаго Комитета приняли участіе по распоряженію г. Попечителя Виленскаго учебнаго округа: предсѣдатель Виленской Комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ Ю. О. Крачковскій и инспекторъ народныхъ училищъ Витебской губеріи Е. Р. Романовъ. Этими представителями, на основаніи данныхъ имъ инструкцій г. Попечителемъ округа, внесены были въ Комитетъ заявленія относительно болѣе удобнаго времени для открытія въ Вильнѣ Съѣзда, поставлены различные вопросы и запросы и сдѣлано (г. Романовымъ) сообщеніе въ отвѣтъ на просьбу Московскаго Общества о тѣхъ археологическихъ изысканіяхъ и изслѣдованіяхъ, которыя желательно было бы предпринять ко времени Съѣзда. Всѣ эти заявленія и сообщенія напечатаны въ первомъ протоколѣ перваго засѣданія Предварительнаго Комитета Московскаго Археологическаго Общества. Тогда же выработаны были и правила предстоящаго Археологическаго Съѣзда въ Вильнѣ, утвржденные г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 7 іюля 1891 года. Для совмѣстныхъ подготовительныхъ работъ по Съѣзду въ помощь Московскому Предварительному Комитету открылось въ Вильнѣ его Отдѣленіе.

Глубоко интересуясь предстоящимъ Съѣздомъ, г. Попечитель округа сейчасъ же принялъ мѣры относительно фактическаго открытія въ Вильнѣ Отдѣленія Предварительнаго Московскаго Комитета, и на первыхъ порахъ оно образовалось изъ предсѣдателя и членовъ Комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ, членовъ Вилен-

скаго Центрального Архива, нѣкоторыхъ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній и другихъ лицъ. Труднѣе было найти предсѣдателя для вновь образовавшагося Отдѣленія. Но и это дѣло было улажено г. Попечителемъ. По его приглашенію, мѣсто предсѣдателя Отдѣленія занялъ генераль-лейтенантъ А. П. Тыртовъ. Сформировавшееся окончательно Отдѣленіе открыло свои засѣданія 26 октября 1891 года.

По избраніи въ засѣданіи секретаря и его помощниковъ и ознакомленіи съ задачами и характеромъ предстоящаго Съѣзда, члены Отдѣленія нашли необходимымъ прежде всего принять мѣры къ возможно широкому распространенію въ обществѣ правилъ Съѣзда и къ ознакомленію его съ тѣми вопросами и запросами, которые были поставлены въ засѣданіяхъ Предварительнаго въ Москвѣ Комитета. Отдѣленіе достигло этого печатаніемъ своихъ протоколовъ въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ и разсылкою отдѣльныхъ оттисковъ протоколовъ изъ „Виленскаго Вѣстника“ всѣмъ членамъ Отдѣленія и лицамъ, интересующимся дѣломъ западно-русской археологіи. Кромѣ того, правила Съѣзда были напечатаны въ „Памятной книжкѣ Виленской губерніи“ на 1893 годъ, въ „Памятной книжкѣ Минской губерніи“, въ Витебскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ и въ Виленскомъ календарѣ на 1893 годъ. Г. Попечитель округа распорядился напечатать правила Съѣзда въ Циркулярѣ по Виленскому учебному округу съ приглашеніемъ лицъ учебнаго вѣдомства принять участіе учеными работами въ предстоящимъ Съѣздѣ, и нѣсколько оттисковъ этихъ „Правилъ“ присланы были въ Отдѣленіе для раздачи желающимъ.

Тогда же для успѣха дѣла Отдѣленіе приняло двѣ главныя мѣры. Понимая громадность задачи предстоящаго Археологическаго Съѣзда и находя возможнымъ ея осуществленіе только объединенными силами возможно большаго числа лицъ, занимающихся учеными изслѣдованіями края въ томъ или другомъ отношеніи, Отдѣленіе постановило пригласить для совмѣстной работы въ свои сочлены различныхъ лицъ, мѣстныхъ и иногородныхъ, занимающихся археологіей и исторіей края. На призывъ Отдѣленія въ высшей степени сочувственно откликнулись ученые изъ различныхъ мѣстъ нашего обширнаго отечества: Одессы, Кіева, Харькова, Житомира, Кременца, Варшавы, изъ всѣхъ городовъ Сѣверо-Западнаго края, изъ Москвы, Петербурга.

Другая мѣра, принятая Отдѣленіемъ для успѣшнаго выполненія задачъ предстоящаго Съѣзда, состояла въ томъ, чтобы составить вполне подходящую къ Сѣверо-Западному краю программу для собиранія свѣдѣній о древностяхъ края, какъ-то: копчахъ, курганахъ, волотовкахъ и другихъ предметахъ. Составленная программа, при содѣйствіи г. Попечителя округа, была разслана болѣе нежели двумъ тысячамъ лицъ съ просьбою доставить требуемыя свѣдѣнія въ Виленское Отдѣленіе Московскаго Предварительнаго Комитета. Народные учителя Сѣверо-Западнаго края, священники, лѣсничіе и многія лица поспѣшили откликнуться на призывъ Отдѣленія и прислали сюда свои замѣтки и цѣлыя изслѣдованія. Въ Отдѣленіи, такимъ образомъ, получилось болѣе девятисотъ отзывовъ, иногда очень обстоятельныхъ и цѣнныхъ, съ подробнымъ указаніемъ мѣстныхъ замѣчательныхъ археологическихъ предметовъ. Самый богатый вкладъ принадлежитъ учителямъ народныхъ училищъ Виленскаго учебнаго округа, этимъ достойнѣйшимъ труженикамъ на тернистой нивѣ народнаго про-

свѣщеніи въ краѣ. Присланный матеріаль оказался очень пригоднымъ для составленія археологической карты Сѣверо-Западнаго края.

Занятія въ Отдѣленіи повлекли за собою неминуемые извѣстные расходы, и тутъ Отдѣленіе находилось въ безвыходномъ положеніи. Вполнѣ сочувствуя цѣлямъ Сѣзда, г. Попечитель округа поспѣшилъ на помощь Отдѣленію, и изъ скудныхъ средствъ округа въ томъ же 1891 году была выдѣлена значительная сумма въ 713 руб. 43 коп. на расходы по подготовительнымъ работамъ къ предстоящему Сѣзду. Въ прошломъ 1892 г. на тотъ же предметъ г. Попечитель перевелъ въ распоряженіе Отдѣленія еще болѣе крупную сумму въ 1000 руб. Такая же сумма дарована г. Попечителемъ округа и въ текущемъ 1893 году; всѣ эти средства израсходованы на нужды по канцеляріи и изданію „Трудовъ“ Отдѣленія.

Придавая большое значеніе систематическому производству нѣкоторыхъ повѣрочныхъ раскопокъ древнихъ кургановъ, могильниковъ и т. п., что указывается между прочимъ § 3 „Правилъ Сѣзда“, г. Попечитель округа неоднократно входилъ съ ходатайствомъ къ г. Министру Народнаго Просвѣщенія о предоставленіи Виленскому Отдѣленію потребныхъ денежныхъ средствъ на вышеупомянутый предметъ; но это ходатайство по независимымъ отъ Министерства обстоятельствамъ осталось безъ послѣдствій, и раскопки могли быть произведены только отрывочно, безъ опредѣленнаго плана и въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ.

Зато, согласно указанію г. Попечителя, положено прекрасное начало описанію и фотографированію болѣе рѣдкихъ въ археологическомъ отношеніи предметовъ Виленскаго музея древностей. Это опять-таки требуется § 3 Правилъ Сѣзда. На средства, предоставленныя Отдѣленію г. Попечителемъ округа, напечатанъ текстъ и сдѣланы фотографическіе снимки, иногда въ натуральную величину, двухсотъ семи предметовъ Виленскаго музея, расположенныхъ на двадцать одной таблицѣ.

Нѣкоторые изъ членовъ Отдѣленія, заявляя о своемъ сочувствіи цѣлямъ предстоящаго Сѣзда, обращались въ Отдѣленіе съ новыми вопросами и запросами. На первые они обязывались доставить рефераты и отвѣты, вторые предлагались для разрѣшенія желающимъ и интересующимся ими. Тѣхъ и другихъ въ общей сложности получено до двадцати, и чрезъ это значительно увеличился первоначальный матеріаль для ученой разработки, указанный въ „Правилахъ IX Археологическаго Сѣзда“. Но чѣмъ обширнѣе и разностороннѣе будетъ разработанъ матеріаль по западно-русскимъ вопросамъ, тѣмъ болѣе уяснится историческая истина, тѣмъ яснѣе явится предъ нами забытое прошлое нашего края. Нѣкоторые изъ членовъ Отдѣленія приняли на себя трудъ представить отвѣты на запросы и вопросы, поставленные въ засѣданіяхъ Предварительнаго въ Москвѣ Комитета 5—8 января 1891 года, а другіе доставили даже рефераты, которые и читались въ засѣданіяхъ Отдѣленія. Всѣхъ засѣданій Отдѣленія было 16.

Подводя итоги сказанному, найдемъ, что дѣйствительное положеніе Отдѣленія по подготовительнымъ работамъ къ предстоящему Археологическому Сѣзду описуется слѣдующимъ образомъ:

Отдѣленіе состояло изъ 14 почетныхъ членовъ и 94 дѣйствительныхъ.

Такъ какъ первоначально Виленское Отдѣленіе состояло только изъ предсѣдателя и членовъ Комиссіи для разбора древнихъ актовъ, то и работы свои это Отдѣленіе стало приурочивать къ задачамъ Московскаго Предварительнаго Комитета. Въ виду этого Виленскою Комиссіею издано два тома актовъ къ вопросамъ, поставленнымъ въ засѣданіи Московскаго Предварительнаго Комитета, именно: „О внутреннемъ домашнемъ бытѣ западно-руса XVI стол.“ и „О коповищахъ и копныхъ судахъ въ Западной Россіи“. По ближайшему отношенію названныхъ изданій къ предстоящему Археологическому Съѣзду, предсѣдательствующій исходатайствовалъ у г. Попечителя Виленскаго учебнаго округа разрѣшеніе на предоставленіе въ распоряженіе Отдѣленія по 100 экземпляровъ того и другого изданія, съ цѣлію раздать таковыя членамъ предстоящаго Съѣзда. Тою же Комиссіею подготовленъ еще одинъ новый трудъ, который тоже имѣетъ прямое и непосредственное отношеніе къ IX Съѣзду; это — XX томъ актовъ, относящихся къ городу Вильнѣ и касающихся, главнымъ образомъ, его топографіи. Въ этомъ новомъ изданіи, какъ и въ предыдущихъ двухъ, въ предисловіи разсматриваются указанные вопросы, на которые дается почти полный отвѣтъ, на основаніи какъ печатаемыхъ документовъ, такъ и другихъ изданій. Къ XX тому актовъ приложены три плана города Вильны, имѣющихъ большую цѣнность. 100 экземпляровъ и этого тома также съ разрѣшенія тайнаго совѣтника Н. А. Сергіевскаго предоставлено членамъ Съѣзда. Виленскій музей съ своей стороны сдѣлалъ важную подготовительную работу фотографированіемъ хранящихся въ немъ выдающихся археологическихъ предметовъ и напечатаніемъ къ нимъ подробнаго объяснительнаго текста. Далѣе Виленское Отдѣленіе къ настоящему времени выполнило очень важный для науки трудъ, а именно: издало археологическую карту Виленской губерніи. Надъ составленіемъ археологической карты Виленской губерніи очень много потрудился Ѳ. В. Покровскій, хранитель Виленскаго музея древностей. Онъ долженъ былъ пересмотрѣть массу въ буквальномъ смыслѣ рукописнаго матеріала, доставленнаго въ Отдѣленіе различными лицами, а также массу матеріала касающагося даннаго предмета и хранившагося въ Литовской духовной консисторіи. Такой трудъ далъ возможность г. Покровскому быть въ своей работѣ совершенно основательнымъ и положительнымъ. Одновременно Отдѣленіе напечатало особый томъ статей и изслѣдованій своихъ сочленовъ, подъ именемъ „Труды Виленскаго Отдѣленія Московскаго Предварительнаго Комитета“. „Труды“ состоятъ изъ трехъ различныхъ отдѣловъ, каждый съ особою пагинаціею. Первый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ протоколы засѣданій Виленскаго Отдѣленія, второй — изслѣдованія и третій — матеріалы для библиографическаго указателя историко-археологическихъ сочиненій, касающихся Западной Россіи. Въ первомъ отдѣлѣ, кромѣ административной, такъ сказать, стороны дѣла и текущихъ вопросовъ, помѣщено нѣсколько рефератовъ археологическаго характера, очень интересныхъ и важныхъ по своему содержанію. Читенія гр. Уваровой, программы проектируемыхъ раскопокъ съ подробными указаніями ихъ производства, рефераты Покровскаго, Шужевица и друг. надолго могутъ сохранить за собою научный интересъ. Во второмъ отдѣлѣ обращаетъ на себя вниманіе хорошо составленная и исполненная, какъ уже было замѣчено, археологическая карта Виленской губерніи съ подробнымъ и очень обстоя-

тельнымъ къ ней текстомъ г. Покровскаго. Статьи Лонгинова, Спрогиса, покойнаго Тыртова, важныя въ научномъ отношеніи сами по себѣ, являются отвѣтами на поставленные вопросы Московскаго Предварительнаго Комитета. Священникъ Михайловскій, В. В. Грязновъ, М. Л. Веревкинъ рисуютъ намъ (особенно послѣдній) документально археологическіе памятники давняго прошлаго той или другой мѣстности. По сдѣланнымъ указаніямъ уже легче будетъ дальнѣйшимъ изслѣдователямъ археологіи края углубляться въ изученіе памятниковъ и производить разысканія въ той или другой отрасли знанія. Наконецъ, статьи гг. Леопардова, Ляцкаго заставляютъ приздуматься надъ рѣшеніемъ очень важныхъ въ историческомъ отношеніи нѣкоторыхъ научныхъ положеній. Третій отдѣлъ представляетъ собою хотя небольшой, но значительный сборникъ матеріаловъ для западно-русской историко-археологической бібліографіи.

Кромѣ напечатаннаго, Виленское Отдѣленіе собрало очень много весьма важнаго рукописнаго актовaго матеріала къ вопросу о Евреяхъ въ Западной Россіи, Татарахъ и составило большой, хотя еще не совсѣмъ полный, бібліографическій указатель сочиненій, относящихся къ Западной Россіи. Изъ него напечатана въ „Трудахъ“ только очень незначительная доля. Всѣ названные матеріалы и другія статьи (отчетъ г. Романова о раскопкахъ въ г. Люцинѣ, сообщеніе г. Гуковскаго въ Московскій Предварительный Комитетъ о значеніи Ковенской губерніи въ археологическомъ отношеніи...) не могли быть напечатаны за совершеннымъ недостаткомъ въ Отдѣленіи матеріальныхъ средствъ. Съ грустію приходится свидѣтельствовать, что всѣ поиски Виленскаго Отдѣленія въ этомъ направленіи, всѣ его просьбы остались совершенно безуспѣшны... Только г. Попечитель учебнаго округа, тайный совѣтникъ Н. А. Сергіевскій находилъ возможнымъ изъ скудныхъ средствъ округа ежегодно переводить въ распоряженіе Отдѣленія по одной тысячѣ рублей, и только благодаря этимъ ассигновкамъ могли явиться названные изданія.

Вопросъ объ устройствѣ при Сѣздѣ археологической выставки обращалъ на себя серіозное вниманіе членовъ Отдѣленія. На всѣхъ бывшихъ сѣздахъ выставки всегда имѣли особенное значеніе. Это понятно. Здѣсь собравшіеся ученые вообще и археологи въ частности наглядно могутъ видѣть распространеніе по извѣстной территоріи того или другаго типа археологическихъ предметовъ, могутъ судить объ общности или оригинальности выставленныхъ предметовъ, дѣлать нѣкоторыя догадки о взаимномъ средствѣ насельниковъ извѣстной мѣстности или ихъ замкнутой обособленности, судить о развитіи у нихъ искусствъ, художествъ, богатства, сравнивать ихъ нравы, обычаи на пространствѣ цѣлыхъ столѣтій и т. п. Чѣмъ разнообразнѣе археологическая выставка, чѣмъ больше выставлено типовъ извѣстной мѣстности, съ обстоятельнымъ ихъ описаніемъ, тѣмъ многозначительнѣе польза ея изученія. Въ виду этого обращено вниманіе на сосредоточеніе на выставкѣ возможно большаго числа извѣстныхъ археологическихъ коллекцій. Въ устройствѣ выставки приняли участіе многія лица въ краѣ и учрежденія. Въ настоящую пору поступили для выставки коллекціи отъ слѣдующихъ лицъ и учреждений: отъ гг. Могилевскаго губернатора, Кусцинскаго, Авенаріуса, отъ Императорской Археологической Комиссіи (очень богатые, многочисленныя и разнообразныя экспонаты), отъ Ковенскаго и Волынскаго статисти-

ческих комитетовъ, отъ графа Плятера, тайн. сов. Стадольскаго, Болсуновскаго и др. Кромѣ коллекцій въ настоящее время для выставки въ Отдѣленіе поступилъ рукописный матеріалъ: отъ генераль-лейтенанта П. О. Бобровскаго и члена Смоленскаго окружнаго суда Бугославскаго; археологическіе рисунки присланы и изъ-за границы — изъ Праги, отъ профессора Пича. Много подготовлено старинныхъ мѣстныхъ плановъ, фотографій, видовъ и т. п. предметовъ. Экспонатамъ составленъ и почти оконченъ печатаніемъ каталогъ, и все это вмѣстѣ немедленно будетъ представлено милостивому вниманію настоящаго собранія.

Въ заключеніе графиней Уваровой доложены Съѣзду привѣтственныя телеграммы отъ барона Э. А. Бюлера, И. А. Голышева, Н. И. Каханова и Н. В. Султанова.

2 августа, утромъ.

Общее собраніе Съѣзда.

Почетный предсѣдатель Ю. Э. Крачковскій.

Предсѣдатель графиня П. С. Уварова.

Секретарь М. И. Соколовъ.

1. Почетный предсѣдатель собранія Ю. Э. Крачковскій прочелъ привѣтственную телеграмму Съѣзду отъ И. П. Корнилова.

2. Баронъ де-Бай, делегатъ Французской Ассоціаціи для развитія наукъ и Общества Французскихъ Антикваріевъ, произнесъ на французскомъ языкѣ рѣчь, въ которой привѣтствовалъ Съѣздъ отъ лица французскихъ археологовъ:

L'honneur qui m'est dévolu de venir encore une fois auprès de vous comme délégué de sociétés françaises à vos Congrès archéologiques est dû sans doute à la bienveillance que vous avez mise, Messieurs, en 1890 et en 1892 à faciliter mes missions, en me permettant de parler à mes compatriotes, avec une admiration sans borne et avec des connaissances que je vous dois, de vos travaux qui se multiplient avec un succès toujours croissant.

Les encouragements prodigués par le haut protecteur de cette réunion reflètent la paternelle sollicitude de S. M. l'Empereur et consacrent par un précieux concours votre œuvre éminemment nationale. En nommant respectueusement S. A. I. monseigneur le Grand Duc Serge Alexandrovitch je rends hommage non seulement au président honoraire de cette assemblée, mais encore au patron de l'archéologie russe.

Les félicitations que le délégué apporte aux membres dévoués du comité d'organisation seront empreintes à la fois d'un caractère officiel et d'un sentiment de confraternité; puisqu'en inscrivant son nom sur la liste des membres de vos sociétés scientifiques, vous avez bien voulu faire du délégué un de vos collègues. L'honneur qui se dégage de cette distinction flatteuse s'adresse aux Sociétés que je représente, vous avez fait de leur envoyé un dévoué collaborateur.

Le rôle de la Société impériale d'archéologie de Moscou dans l'organisation des assises qui s'ouvrent aujourd'hui atteste la vitalité et la puissance de cette compagnie,

il fait aussi ressortir le zèle de son président actuel, Madame la Comtesse Ouvarof en qui survivent le talent et les mérites de celui dont elle porte le nom illustre et dont elle perpétue la célébrité européenne.

Les savants étrangers à la Russie venus en trop petit nombre l'année dernière au Congrès international d'archéologie préhistorique ont pu constater avec admiration la grande impulsion donnée sur tous les points de votre territoire pour faire surgir du sol les matériaux innombrables qui constituent le domaine de votre archéologie nationale. Celle-ci, Messieurs, à cause de l'étendue de votre empire, sera un jour comme une encyclopédie des sources et des éléments révélant les origines des civilisations variées qui ont rayonné à travers l'Europe et l'Asie. L'exposition archéologique, que nous avons admirée à Moscou l'an dernier pendant le Congrès dont elle était le corollaire, possédait des richesses d'une telle éloquence et d'une telle abondance, que nous autres visiteurs passagers, nous avons eu à peine le temps de mesurer d'un regard trop rapide l'importance de vos dernières recherches, vous laissant le soin d'approfondir l'enseignement qui s'en dégage. Après avoir admiré de si précieux monuments de tous les âges, après avoir entendu de si remarquables discours, après avoir reçu une si somptueuse hospitalité, comment ne pas se sentir porté à revenir dans un pays où il reste tant de connaissances à acquérir et de si aimables collègues à retrouver!

Le Congrès international a certainement eu d'excellents résultats; mais les questions anthropologiques ont absorbé le majeure partie des séances. L'archéologie qui avait joué le rôle principal dans les sessions précédentes s'est vue réduite au rôle secondaire. L'anthropologie peut rendre assurément de grands services, mais cette science doit s'appuyer sur l'archéologie. Les squelettes exhumés des tombeaux n'ont souvent d'intérêt qu'à cause des monuments qui les contiennent et des objets qui les accompagnent. On risquerait fort de tomber dans l'erreur en attribuant une époque même approximative ou une valeur ethnographique à un crâne trouvé isolément en se basant uniquement sur sa mensuration.

Ce n'est point ici l'endroit de parler anthropologie. Mais permettez-moi de vous dire combien votre âge de la pierre mérite dans ses manifestations diverses une attention toute particulière. Il doit apporter une contribution, importante à l'étude de l'antiquité de l'homme sur une vaste surface du globe. Il semble se présenter dès les temps géologiques avec certaines nuances qui n'autorisent pas de lui appliquer les classifications proposées en Occident. Si les plus anciennes pierres taillées par l'homme que vous rencontrez sont réellement extraites d'alluvions datées par une faune ancienne, votre industrie paléolithique diffère essentiellement de la nôtre. Si ces pierres au contraire sont postérieures aux grands mammifères et aux anciennes formations géologiques, elles semblent antérieures à la période dite néolithique, caractérisée par les instruments polis en roches diverses et par les monuments mégalithiques. Dans tous les cas, je pense que l'homme contemporain du mammoth n'a pas habité le nord de la Russie d'Europe qui appartient sans doute à la zone glaciaire de la Scandinavie et de la moitié de l'Allemagne. C'est ainsi que s'explique l'absence d'objets paléolithiques en Danemark et en Suède et l'abondance d'objets paléolithiques en France contrastant avec la pauvreté de l'Allemagne à cet égard.

Nous connaissons le danger de généraliser les classifications et de les établir avant l'heure. Actuellement nous devons nous borner à réunir les matériaux pour l'étude de l'archéologie préhistorique, à les coordonner et à les examiner afin de fournir pour l'avenir les bases d'une édification solide qu'il serait téméraire d'entreprendre aujourd'hui. Vous l'avez compris, et la méthode que vous avez adoptée dans vos publications en est la preuve. Des découvertes importantes comme celles que Mr. Savenkof a faites en Sibérie sur les bords de l'Yénisséi sont de belles conquêtes scientifiques marquant un progrès accompli et indiquant ce qu'il y a d'imprévu et d'espoir dans ces terres inconnues qui renferment dans leurs entrailles des trésors et des lumières pour la science. Mr. de Quatrefages avait prédit ce que Mr. Savenkof a révélé, lorsqu'il écrivait: „le renne, le mammoth et son compagnon le rhinocéros tichorinus habitaient la Sibérie. L'homme même à ses débuts a donc pu vivre dans ces régions aujourd'hui glacées“¹⁾. La Sibérie n'est pas seule à receler la solution de plus d'un problème; l'archéologie attend bien plus encore de l'Asie centrale. Ici la science russe doit jouer un grand rôle, rôle de révélatrice de civilisations et de peuples ignorés.

L'avenir plein de promesses s'efface devant le présent si bien rempli. En effet, j'ai mauvaise grâce, Messieurs, à parler de l'horizon brillant qui s'ouvre aux futures investigations, en présence de hautes personnalités dont les explorations et les travaux archéologiques ont conquis une place d'honneur et un rang élevé, marquant les progrès modernes dans l'étude des antiquités. Tant de services rendus, tant de connaissances acquises à travers un si grand espace par un labeur incessant et malgré tant de difficultés, montrent ce que votre zèle éclairé peut accomplir. Nous disons: le mot impossible n'est pas français, n'avez-vous pas prouvé qu'il n'existe pas dans la langue russe.

En ma qualité de représentant de la Société nationale des Antiquaires de France et de la Société française pour l'avancement des sciences, je suis heureux de transmettre les souhaits et les félicitations de ces deux compagnies. Toutes deux étaient représentées aux Congrès de 1890 et de 1892. La première d'entre elles a voulu décerner à votre président le titre d'associé-correspondant honoraire dont elle est très avare et accueillir M-me la Comtesse Ouvarof l'année dernière au Palais du Louvre. Cette compagnie depuis trois ans a déjà entendu des communications de quelques uns de vos savants les plus distingués, de M-me Ouvarof et de MM. Soultanof, Jadrintzef, Kirpichtchnikof et Kharousine. Le souvenir de leur passage parmi nous et des intéressants sujets qu'ils ont traités à nos séances restent gravés dans nos cœurs et inscrits dans nos annales. Ceux d'entre vous qui seront amenés par leurs études dans notre capitale, peuvent être assurés d'y recevoir un accueil aussi cordial.

Les vœux de la science française pour la prospérité de la science russe que je vous transmets au nom des Sociétés qui m'ont délégué ici, sont l'expression de sentiments bien vifs et bien sincères. Vous y trouverez la preuve de notre désir d'entretenir des relations plus suivies et plus étroites avec vos foyers d'étude. Je termine par ces mots qui sont la devise des orientalistes et qui devraient être aussi celle des archéologues: *Ex oriente lux.*

¹⁾ de Quatrefages, Histoire générale des races humaines. Paris 1887, p. 133.

3. В. Н. Сторожевъ прочиталъ докладъ: *Московское управление въ Вильнѣ XVII вѣка*. (Т. I, стр. 131—141).

Флав. Ник. Добрянскій: Въ книгахъ Виленскаго Гродскаго суда, хранящихся въ Виленскомъ Центральномъ архивѣ, находятся документы, поясняющіе условія, при которыхъ мѣстные жители давали присягу на вѣрность Московскому царю. Повидимому, присяга большинства была лишь вынужденной и „притворной“ (выраженіе документа), въ чемъ поддерживали населеніе и агенты, разсылавшіеся польскимъ правительствомъ. Однимъ изъ такихъ агентовъ въ 1659 г. былъ „зацный панъ“ Деялтовскій, дѣятельность котораго была раскрыта доносомъ коменданту Вильны Мыщецкому; послѣдній и казнилъ Деялтовскаго. Въ тѣхъ же документахъ есть данныя, рисующія мирныя частныя отношенія между пришлыми московскими людьми и мѣстнымъ населеніемъ; въ примѣръ такихъ мирныхъ связей г. Добрянскій рассказалъ дѣло о женитьбѣ полковника Льва Сытина на полькѣ.

4. Адольфъ Ив. Павинскій сдѣлалъ докладъ „о Подляшскомъ воеводствѣ въ XVI в. въ географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ“.

Въ началѣ докладчикъ разъяснилъ значеніе географическаго элемента въ воспроизведеніи прошлаго и современное состояніе этого вопроса въ наукѣ, пробѣлы и недостатки географической программы. Далѣе, говоря о способахъ исчисленія площади геометрической фигуры территоріи по географической картѣ, референтъ подробно объяснялъ и демонстрировалъ употребленіе планиметра Амслера, которымъ онъ пользовался при своихъ работахъ. Для нанесенія политическихъ границъ Подляскаго воеводства въ XVI стол. ему служили главнымъ источникомъ подымные списки. Въ заключеніе географической части реферата сообщены были главные выводы относительно территоріи Подляскаго воеводства. Разъяснивъ значеніе статистическаго метода и оцѣнивъ труды другихъ ученыхъ, референтъ сообщилъ о народонаселеніи Подляшья и поземельной собственности въ этой землѣ, приведши числовыя данныя. Среднее число народонаселенія Подляшья въ XVI вѣкѣ простиралось до 164.000 душъ. Въ заключеніе докладчикъ сдѣлалъ общій выводъ, что, примѣняя между прочимъ методъ географическій и статистическій, историческая наука сумѣетъ отстоять за собой значеніе науки настоящей.

О. Левъ Паевскій: Нужны точныя и безпристрастныя изслѣдованія относительно Подляскаго воеводства, какъ важнаго боевого пункта въ національной и религіозной борьбѣ Западной Руси. По примѣру покойнаго Е. М. Крыжановскаго, правильнѣе называть эту „землю“ не *Подляшье*, а Подлясье, ставя это имя въ связь со словомъ лясъ — лѣсь, а не ляхъ — полякъ. Въ заключеніе О. Паевскій указалъ на найденной имъ въ старой бібліотекѣ Жировецкаго духовнаго училища рукопись „Opisanie królestwa Polskiego“ (т. I, стр. 304—305), гдѣ между прочимъ онъ отмѣчалъ употребленіе „излюбленнаго, древне-русскаго термина“ — *земля* (powiaty lub ziemie и т. д.).

Подполковникъ Гиршфельдъ, сотрудникъ по нѣкоторымъ работамъ ген. Стрѣльбицкаго, указалъ на примѣненіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ для вычисленія площади данной территоріи болѣе простаго инструмента, — такъ называемой планшетки, стеклянной пластинки, точно раздѣленной на квадратные сантиметры, которая накладывается на карту.

Проф. А. И. Маркевичъ указывалъ, въ интересахъ точности вычислений, на систему координатъ.

Ө. И. Успенскій сочувственно привѣтствовалъ примѣненіе къ славянской и русской исторіи того метода, который въ трудахъ Герара, Штернегга и др. привелъ къ замѣчательнымъ результатамъ по экономической и соціальной западно-европейской исторіи среднихъ вѣковъ.

Въ своемъ отвѣтѣ проф. Павинскій, поблагодаривъ оппонентовъ за вниманіе къ его докладу, сообщилъ болѣе полныя свѣдѣнія о разныхъ способахъ вычисленія площади известной территоріи по картѣ, объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ (при помощи простой планшетки, инструмента Амслера, вырѣзыванія геометрической фигуры территоріи изъ картона и взвѣшиванія). Его вычисленія территоріи при посредствѣ инструмента Амслера провѣрены вычисленіями инженера Мерчинга и математика Клима и оказались точными. Вопросъ о названіяхъ Подляшье и Подлясье, указанія о коихъ столь различны, докладчикъ предоставлялъ филологамъ. Матеріалы для географическихъ и статистическихъ выводовъ взяты имъ исключительно изъ официальныхъ документовъ (подробно имъ перечисленныхъ).

5. Профессоръ Новороссійскаго университета А. И. Маркевичъ сообщилъ докладъ: „*Къ вопросу о народахъ, жившихъ въ древнее время въ Черноморьѣ*“ (т. I, стр. 278—282).

Проф. А. А. Кочубинскій: Опредѣленіе тѣхъ или другихъ жителей южной Руси, какъ оракійцевъ, не имѣетъ значенія въ виду того, что національность оракійцевъ въ наукѣ не опредѣлена. Докладчикъ согласился съ этимъ.

Арсеній Ив. Маркевичъ: Изображеніе на томъ изъ разсмотрѣнныхъ проф. Маркевичемъ памятниковъ, который найденъ, по мнѣнію докладчика, вблизи Симферополя, имѣетъ мало сходства съ изображеніями на другихъ памятникахъ, найденныхъ въ окрестностяхъ Симферополя и имѣющихъ чисто скиѣскій характеръ.

Н. И. Петровъ указывалъ, какой осторожности требуютъ заключенія о древнихъ, неопредѣленныхъ по характеру памятникахъ: въ Кіевскомъ Церковно-Археологическомъ музеѣ есть слѣпки съ такъ называемыхъ „столовыхъ“ (скамьей) памятниковъ изъ-подъ Инкермана. Они считались кельтскими, но потомъ оказалось, что надписи на нихъ сиро-халдейскія и что, слѣдовательно, эти памятники — восточнаго происхожденія.

3 августа, утромъ.

ОТДѢЛЕНІЕ III. Памятники искусствъ и художествъ.

Почетный предсѣдатель Д. И. Иловайскій.

Предсѣдатель Н. В. Покровскій.

Секретарь Ө. В. Покровскій.

1. Академикъ-архитекторъ В. В. Сусловъ сдѣлалъ докладъ „*О Спасо-Преображенскомъ соборѣ въ Мирожскомъ монастырѣ въ г. Псковѣ*“.

В. В. Сусловъ, представивъ вниманію Съѣзда копіи (въ натуральную величину) съ открытыхъ имъ фресокъ Мирожскаго храма и архитектурныя чертежи храма, ознакомилъ собраніе прежде всего съ архитектурной стороною памятника. При выемкѣ позднѣйшихъ половъ, подъ ними былъ обнаруженъ г. Сусловымъ древній полъ и сѣдалище въ главной абсидѣ. Затѣмъ, при отбивкѣ виѣшной штукатурки, имъ найдены всѣ позднѣйшія надкладки, задѣлки древнихъ оконъ, очертанія первоначальныхъ архитектурныхъ формъ и масса другихъ данныхъ, по которымъ референтъ уяснилъ первоначальный видъ собора, относящагося къ XII ст. Типъ храма оказался совершенно сходнымъ съ греко-византійскими церквами IX—XI ст. — Переходя къ объясненію расположенія иконописныхъ сюжетовъ, докладчикъ сначала указалъ на современное ветхое положеніе какъ стѣнъ и сводовъ собора, такъ и фресковой живописи. Излагая перечень сюжетовъ, г. Сусловъ тутъ же указывалъ и на копіи съ фресокъ, сдѣланныя подъ его наблюденіемъ. Въ заключеніе имъ былъ высказанъ взглядъ на обстоятельства, при которыхъ вообще на Руси велось наше иконографическое дѣло. Затѣмъ, указавъ на характеръ западной живописи, докладчикъ отмѣтилъ нѣкоторые недостатки и указалъ на большія достоинства нашей древней религіозной иконописи.

В. В. Грязновъ, сравнивая мирожскія фрески съ древними изображеніями, сохранившимися на Западѣ, выразилъ мнѣніе, что мирожскія фрески относятся къ разнымъ временамъ. При этомъ г. Грязновъ обращалъ вниманіе на различіе въ отношеніи длины головы и туловища, принимая, впрочемъ, въ расчетъ мѣсто рисунка на стѣнѣ: нарисованная выше по стѣнѣ фигура должна была быть удлиненной, ибо зрителю снизу она видѣлась въ ракурсѣ. Послѣдняго замѣчанія акад. Сусловъ не призналъ точнымъ.

Д. И. Иловайскій поднялъ вопросъ, въ какомъ отношеніи къ византійскимъ образцамъ храмовъ были башни, встрѣчающіяся въ храмахъ XI и XII вѣка въ Кіевѣ, Черниговѣ, Новгородѣ, но неизвѣстныя храмамъ суздальскимъ. Съ мнѣніемъ Д. И., предполагавшаго, что башня эта заключала въ себѣ лѣстницу, ведущую на хоры, соглашался и докладчикъ, указавшій кромѣ того на существованіе этой лѣстницы въ храмахъ романскихъ.

2. Профессоръ Н. В. Покровскій представилъ оцѣнку того же памятника съ художественной стороны.

Построеніе Спасо-Преображенскаго собора въ Мирожскомъ монастырѣ относится къ XII в. Одновременны съ сооруженіемъ собора и находящіяся на его внутреннихъ стѣнахъ фрески. Сходныя и близкія по времени фрески наблюдаются также на стѣнахъ Кіево-Софійскаго собора (XI в.), въ Кіево-Кирилловомъ монастырѣ (XII в.), въ Спасо-Нередицкой церкви, близъ Новгорода, и въ Староладожской церкви св. Георгія, и изъ нихъ ближе всѣхъ, по археологической важности и художественному характеру, стоятъ къ мирожскимъ фрескамъ стѣнописи спасо-нередицкія. Сверхъ того, въ мирожскихъ фрескахъ есть не мало такихъ композицій, какихъ нѣтъ не только въ Нередицахъ, но и ни въ одномъ русскомъ памятникѣ, относящемся къ первымъ вѣкамъ христіанства въ Россіи.

Композиціи въ мирожскихъ фрескахъ представляютъ собою болѣе или менѣе

вѣрныя копіи съ греческихъ образцовъ: типы лицъ — греческіе, костюмы также традиціонныя — византійскіе, даже уцѣлѣвшія отчасти надписи сдѣланы, повидимому, съ греческихъ образцовъ. Стилъ фресокъ тотъ же самый, что въ фрескахъ передицкихъ и старолadoжскихъ; это — условный, іератическій стилъ мозаикъ Кахріе-Джами въ Константинополѣ, въ которомъ религіозная идея начинаетъ преобладать надъ свободою художественнаго творчества и личное религіозно-художественное воззрѣніе подчиняется установившемуся обще-церковному воззрѣнію на задачи религіознаго искусства. Всѣ композиціи вообще весьма удовлетворительны, типы величественны и превосходны, костюмы условны и нѣкоторые отличаются роскошью; постановка фигуръ по большей части нормальна. Самое размѣщеніе изображеній въ храмѣ носить на себѣ отпечатокъ византійскаго обычая, установившагося подѣ влияніемъ символическаго воззрѣнія на храмъ и его составныя части. Здѣсь различаются два цикла изображеній: въ алтарѣ и въ средней части храма.

Изъ изображеній въ алтарѣ должны быть отмѣчены: евхаристія, — въ формѣ такъ называемаго литургическаго перевода тайной вечери, „деисисъ“ и этимасія — уготованіе престола.

Росписи средней части храма, согласно византійскому и древне-русскому обычаю, выражаютъ идею торжествующей Церкви Христовой: въ зенитѣ купола — сидящій на тронѣ Спаситель, въ трибунѣ купола — апостолы и пророки, въ парусахъ сводовъ помѣщены изображенія четырехъ евангелистовъ, безъ символовъ; своды стѣнъ и арки расписаны сценами изъ евангельской исторіи, каковы, напр., Преображеніе, Распятіе, Положеніе Иисуса Христа во гробъ, Успеніе Богоматери (безъ чуда съ жидовиномъ), Крещеніе Иисуса Христа съ олицетвореніемъ Іордана въ формѣ обнаженной женщины съ опрокинутою урною, Рождество Христово, Тайная вечеря (сигматическая форма стола) и Сошествіе Св. Духа на апостоловъ. Но наибольшій интересъ, съ точки зрѣнія исторіи православной иконографіи, представляютъ изображенія, относящіяся къ дѣтству Богоматери, въ западной части южнаго нефа. Жаль, что нѣкоторые изъ изображеній этого цикла здѣсь погибли, но во всякомъ случаѣ уцѣлѣвшая часть доказываетъ съ очевидностью, что уже въ XII в. предки наши знали подробныя сказанія объ этомъ предметѣ и передали намъ въ видѣ опредѣленныхъ художественныхъ композицій.

Въ заключеніе референтъ коснулся вопроса о реставраціи Мирожскаго Спасо-Преображенскаго собора и вообще — о реставраціи древнихъ русскихъ церковныхъ стѣнописей.

В. В. Сусловъ. Въ данное время съемка ведется подѣ моимъ наблюденіемъ. Послѣ того какъ окраска была очищена, никакихъ дальнѣйшихъ работъ не дѣлалось. Теперь эти фрески промываются стекломъ и яичнымъ желткомъ. Послѣ этого фрески обнаруживаются чище, а тѣ, которыя незамѣтны, дѣлаются яснѣе. Въ южномъ абсидѣ обнаружилось принесеніе Исаака въ жертву; въ лѣвой сторонѣ — изображеніе Спасителя и нѣкоторыхъ событій изъ жизни Его. Я хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ относительно метода фресковой живописи. Эта фресковая живопись очень сходна по самому мастерству дѣла съ фресками Нередицкой церкви. Мною замѣчалось, что во многихъ фрескахъ дѣлались блики; въ Мирожскомъ монастырѣ этого нѣтъ: такъ

какъ фрески дѣланы на сырой штукатуркѣ, то ретушь незамѣтенъ и бликовъ нѣтъ. Въ Нередицкой церкви и въ Георгіевской въ Ладогѣ находятся блики, но можетъ быть это подправленные блики. Въ защиту противъ опасенія, что памятникъ могъ бы пострадать отъ реставраціи, я долженъ сказать, что къ этому вопросу я отношусь очень серьезно, и если бы реставрація предпринималась, то настоящее положеніе фресокъ было бы въ точности скопировано, прежде чѣмъ приступить къ реставраціи.

Н. И. Троицкій указывалъ на важность церковной символики при рѣшеніи вопросовъ о значеніи росписи храмовъ и не соглашался съ объясненіемъ одной изъ фресокъ, какъ изображенія Вознесенія. Послѣдній вопросъ признавалъ неяснымъ и Д. И. Иловайскій.

З. Проф. Н. И. Петровъ доложилъ „О монетахъ великаго князя Кіевского Ізяслава Ярославича“ (т. I, стр. 109—115).

С. П. Писаревъ указалъ на три свинцовые оттиска, недавно найденные въ Смоленскѣ и хранящіеся въ мѣстномъ музеѣ. Они величиной съ двухкопеечную монету. На одной четко стоитъ: „Гди помози рабу Твоему Димитрію“, буквами не позднѣе XIII вѣка; на другой сторонѣ изображеніе святого. На другомъ кружкѣ съ одной стороны — святой, какъ бы Николай Чудотворецъ, съ другой — князь въ вооруженіи; по краямъ, можетъ быть, есть надпись, но во всякомъ случаѣ трудно уловимая. На третьемъ кружкѣ — съ одной стороны изображеніе, съ другой — надпись, гдѣ, кажется, есть имя Петра. У одного изъ кружковъ есть маленькое ушко, въ другомъ сохранилась нитка, конецъ которой закрѣпленъ въ кружкѣ.

Н. И. Петровъ призналъ кружки — вислыми печатями и указалъ на крайнюю рѣдкость свинцовыхъ печатей и на большой интересъ, представляемый ими.

Ө. И. Успенскій, предполагалъ въ кружкахъ чиновничьи пломбы, обычныя и въ Византіи и именно съ этой надписью: „Господи помози рабу Твоему такому-то“.

Х. П. Ящуржинскій сближалъ ихъ со змѣвиками. С. П. Писаревъ пояснилъ, что змѣвики попадаются и въ Смоленскѣ, но они сдѣланы изъ смѣси серебра и мѣди, и ушки ихъ — большія. Пломбы также есть въ Смоленскомъ музеѣ, но то — совсѣмъ другой типъ и сейчасъ видно, что то — пломба; у тѣхъ пломбъ лишь одна сторона занята изображеніемъ, а на другой нѣтъ ничего. Данные же три кружка скорѣе всего — печати*).

*) Прилагаемъ изображеніе этихъ, несомнѣнно, *вислыхъ печатей*, любезно доставленныхъ въ редакціонный комитетъ Смоленскимъ Музеемъ, и даемъ описаніе ихъ:

1. На первомъ кружкѣ, обличающемъ хорошую работу самой печати (штемпеля), изображено съ одной стороны Знаменіе съ надписью **М** (едвали **МР**) и **ФУ**. Младенецъ (курчавый) держитъ въ десницѣ свернутый свитокъ. Сіяніе у Младенца и у Матери очерчено точками, а у Спасителя оно кромѣ того крещатое. Съ другой стороны святой съ длинными волнистыми волосами, съ бородой, держитъ Младенца, который возсѣдаетъ у груди его справа (бокѣмъ къ зрителю), выгнувъ ноги. Лѣвой рукой святой поддерживаетъ Младенца снизу (открытая ладонь обращена тыломъ къ зрителю), а правой, кажется, поддерживаетъ подъ-мышки. За Младенцемъ и подъ нимъ развѣваются складки пелены. Сіянія очерчены точками.

Надпись надъ лѣвымъ плечомъ святого **С**
Н (т.-е. св. Симеонъ Богопріимецъ?). Вокругъ съ той и съ другой стороны ободокъ точками. Связь оттискъ проходили нити. Наибольшій діаметръ оттиска 22 мм.

Всѣ подробности изображеній, а также буквы и точки (коими сдѣланъ кругъ сіянія и ободокъ печати) — исполнены выпукло, слѣдовательно были вырѣзаны вглубь на самой печати (штемпелѣ).

Почетный председатель засѣданія Д. И. Иловайскій прочелъ привѣтственную телеграмму Съѣзду отъ А. Н. Корсакова изъ Казани, сообщилъ о пожертвованіи барономъ Баемъ семи антропологическихъ трудовъ своихъ Съѣзду и отъ имени собранія выразилъ благодарность барону Баю.

3 августа, вечеромъ.

ОТДѢЛЕНІЕ II. Древности историческія, географическія и этнографическія.

Почетный председатель Д. Я. Самоквасовъ.

Председатель А. И. Павинскій.

Секретарь М. Н. Бережковъ.

1. Проф. Кенигсбергскаго университета Л. Х. Штида прочелъ „*О наименованіяхъ мѣховъ въ ганзейской торговлѣ*“ (т. II, стр. 45—52).

2. Съ одной стороны святой съ обликомъ Николая Чудотворца, съ короткими волосами и бородой, въ фелони. Съ другой — святой съ курчавой головой (или въ шапкѣ) и короткой курчавой бородой; въ лѣвой рукѣ, повидимому, жезлъ или крестъ, висть правой, кажется, поднята (благословляя или поучая).¹

1а.

2а.

3а.

1б.

2б.

3б.

Вокругъ того и другого изображенія ободокъ зернью. Надписей не видно. Сквозь оттискъ проходили нити. Наибольшій діаметръ 24 миллим.

3. На одной сторонѣ—или молодой святой, или святая; на главѣ шапка точками, подѣлами подвѣски зернью же, но очень мелкой (четыре точки крестообразно). Въ правой рукѣ, можетъ-быть, ящичекъ

или держава и т. п. Какъ бы виденъ прямой воротъ. Сіяніе зернью. Надпись **Н** **Н** На другой сторонѣ **М** **Т**.

надпись, въ которой буквы (и строки) обращены справа налѣво, т.-е. такъ, какъ онѣ должны бы были быть на самой печати (штемпелѣ), а не на оттискѣ. Приводимъ ихъ, ради типографскаго удобства, въ обычномъ направленіи: **ГН ПО || МОЗ. РА || ..Ъ СВОЕМЪ || .. НИМТ || РНЮ :-**, т.-е. „Господи, помози рабу своему, Димитрію!“

Отмѣчаемъ здѣсь форму буквы **Н** (*и*) — квадратную и **Ъ** въ словѣ **своемЪ** — кругъ, какъ **О**, съ небольшою лишь парой придатковъ вверху. Та же форма **Н** и въ остальныхъ надписяхъ на этихъ печатяхъ.

Вокругъ изображенія и вокругъ надписи ободокъ зернью. Сквозь оттискъ проходили нити. Наибольшій діаметръ 22 миллим. — Ушковъ вѣтъ ни при одномъ изъ кружковъ.

Примѣч. Редакціи.

Е. О. Карскій указаль на употребительность въ западно-русскомъ языкѣ названій: *попелица* (имя звѣрка), *беранъ* (рядомъ съ *баранъ*) и *бугай* (*быкъ*).

Э. Р. Штернъ предлагаль подъ *первачемъ* разумѣть мѣхъ звѣря, убитаго въ началѣ охоты, т.-е. осенью.

М. Н. Бережковъ указаль на выдающійся интересъ доклада г. Штида, на важное значеніе мѣхової торговли, мѣховыхъ денегъ, мѣхової казны въ Кіевскої Руси, въ Ганзейское время, во время Московскаго государства и на необходимость написанія у насъ исторіи мѣхової торговли. Отмѣчая важность попытки, сдѣланной г. Штида, разъяснить нѣкоторыя старыя названія мѣховъ, которыя употреблялись въ средневѣковыхъ нѣмецкихъ грамотахъ, разъяснить помощью большею частью русскаго словаря, — М. Н. Бережковъ напомнилъ, что и онъ, при своихъ работахъ въ этой области отмѣтилъ въ латинскихъ и нѣмецкихъ грамотахъ нѣсколько названій мѣховъ, въ которыхъ видѣлъ русскія слова, но не провелъ этого приѣма послѣдовательно. Сравненія проф. Штиды и поставлены широко, и проведены очень успѣшно. Но возразить можно на нѣкоторыя объясненія: слово *шевениса* — врядъ ли могло обозначать сшитый мѣхъ: для этого есть особое нѣмецкое слово *Tafel*, а по-русски *дска*; слово *выметкенъ* несомнѣнно русское; слова *дойниссенъ* и *тройниссенъ*, несомнѣнно, старо-русскія, ими обозначались не драгоцѣнные мѣха, а напротивъ, мѣха худшаго качества: встрѣчается совѣтъ — не покупать дойниссъ и тройписсъ, какъ мѣха худшаго.

В. Б. Шмурло отмѣтилъ и въ данномъ случаѣ свойственную вообще исторической филологіи шаткость, недоказанность выводовъ.

Д. Н. Анучинъ. Проф. Штида основывался не на однихъ филологическихъ доказательствахъ: онъ трудился, какъ натуралистъ. Онъ принималъ данныя филологическія и справлялся у современныхъ скорняковъ. Его заключенія заслуживаютъ особеннаго вниманія съ этой стороны. Я позволяю себѣ указать проф. Штида на цѣнный трудъ по этому вопросу русскаго изслѣдователя, А. С. Усова. („Замѣтки о древнерусскихъ деньгахъ по „Русской Правдѣ““ въ „Древностяхъ“ Имп. Моск. Археол. Общ. т. IX, стр. 89).

2. Г. А. Виссендорфъ сдѣлалъ докладъ: „*О мѣстоположеніи варяжской Руси*“. Докладчикъ, на основаніи извѣстій Адама Бременскаго, Дитмара Мерзебургскаго и Анналовъ Кведлинбургскихъ, полагаетъ, что первоначальное мѣстожителство варяжской Руси было на берегахъ рѣки Руси, притока Нѣмана, — Русь Жемойтская.

Ө. И. Успенскій. Въ докладѣ своемъ Г. А. Виссендорфъ открываетъ въ высшей степени интересный походъ противъ новѣйшихъ теорій о происхожденіи Руси. Онъ возбуждаетъ вопросъ о варяжской Руси, хотя тутъ рѣчь была и о литовской Руси, — и его безъ вниманія оставить нельзя. Вопросъ о происхожденіи Руси настолько важенъ и серіозенъ, что его касаться въ высшей степени трудно, и я съ сокрушеніемъ сердца рѣшаюсь возражать на этотъ докладъ. Въ сообщеніи Г. А. Виссендорфа было одно мѣсто, имѣющее характеръ вызова: будто мы въ настоящее время о происхожденіи Руси знаемъ меньше, чѣмъ авторъ 1810 года, т.-е. Фатеръ, на котораго соедался референтъ. Но развѣ можно это утверждать, когда извѣстно, что начиная съ 40—50-хъ

годовъ, со времени выхода книги Куника вопросъ о происхожденіи Руси породилъ обширную литературу, разбирались съ разныхъ сторонъ и теперь еще волнуетъ очень многихъ?

Сказать, что мы въ концѣ XIX столѣтія знаемъ меньше, чѣмъ знали въ началѣ, — несправедливо. Теперь мы знаемъ, что рѣшать вопросъ о происхожденіи Руси тѣмъ путемъ, который намъ нынѣ указанъ, больше нельзя. За истекшія 80 лѣтъ были указаны источники гораздо болѣе древніе, чѣмъ названные референтомъ, и они имѣютъ большее значеніе. Эти источники тянутъ насъ на югъ. Византійскіе источники говорятъ о Руси въ IX столѣтіи, а можетъ быть и ранѣе. И рѣшать вопросъ о происхожденіи какой бы то ни было Руси, не только варяжской, нужно на основаніи этихъ болѣе древнихъ источниковъ, которые сохранились на греческомъ языкѣ. Что касается положенія, которое отстаиваетъ референтъ, т.-е. чтобы мы возвратились къ источникамъ западнымъ, то оно не можетъ имѣть никакого серьезнаго значенія. Наука знаетъ эти источники, подвергала ихъ разбору, но изъ нихъ нельзя ничего вывести для объясненія Руси, которая дѣйствуетъ на Днѣпрѣ и въ Новгородѣ.

И. Я. Спрогисъ, указавъ на пробужденіе національныхъ силъ въ Прибалтійскомъ краѣ, начавшееся 25 лѣтъ тому назадъ, подъ вліяніемъ проникновенія русской жизни въ край, на стремленіе латышской просвѣщенной молодежи изучать древнія лѣтописныя сказанія, для того чтобы уяснить національныя свои отношенія къ великой русской народности, и отмѣтивъ далѣе тѣсную связь литовско-латышскаго племени съ русскимъ, сказавшуюся столь сильно въ языкахъ, — указывалъ на важность литовско-латышскаго языка для объясненія нѣкоторыхъ извѣстій и именъ русской лѣтописи. Такъ, названіе рѣки „Пина“ онъ объяснялъ созвучнымъ латышскимъ словомъ (*пирлянда*), имя полоцкой княжны *Рогнѣды* — уменьшительнымъ *раматыне*, отъ *рагана* — жрица, чародѣйка. Въ заключеніе И. Я. Спрогисъ тепло рекомендовалъ молодыя литовскія и латышскія силы вниманію и сочувствію представителей русской науки.

3. Х. Н. Ящуржинскій сдѣлалъ докладъ: „О превращеніяхъ въ бѣлорусскихъ сказкахъ“. Докладчикъ поставилъ два тезиса: 1) что къ превращеніямъ способны мифическія существа и 2) что этой же силой обладаютъ существа, имѣющія съ ними сношенія, какъ-то: колдуны и вѣдьмы. Въ подтвержденіе своихъ тезисовъ докладчикъ изложилъ нѣсколько бѣлорусскихъ сказокъ и обратилъ вниманіе на ихъ близость къ природѣ и на свѣжесть чувства въ нихъ. А. И. Кирпичниковъ обратилъ вниманіе на то, что нѣкоторыя сказки, изложенныя докладчикомъ какъ бѣлорусскія, имѣютъ происхожденіе другое — (арабской разсказъ, какъ, при вкушеніи яблока, выросли рога у человѣка; рыцарскій разсказъ, пришедшій къ намъ черезъ Польшу, о боѣ льва и змѣя). Затѣмъ и А. И. Кирпичниковъ, и П. В. Владиміровъ указывали на обильное накопленіе сырого этнологическаго матеріала и на необходимость сравнительнаго метода, для выдѣленія въ немъ разнообразныхъ заимствованій.

А. В. Лонгиновъ отмѣтилъ въ матеріалахъ докладчика черты глубокой русской старины (соколъ является символомъ молодечества, орелъ — символомъ пророчества) и сближалъ черты бѣлорусскихъ сказокъ съ образами Слова о полку Игоревѣ.

4 августа, утромъ.

ОТДѢЛЕНИЕ I. Древности первобытныя.

Почетный председатель Д. Н. Анучинъ.

Председатель отдѣленія В. Б. Антоновичъ.

Секретарь отдѣленія В. З. Завитневичъ.

1. В. З. Завитневичъ сдѣлалъ сообщеніе: „*Формы погребальнаго обряда въ Мозырскомъ, Речицкомъ и Бобруйскомъ уѣздахъ Минской губерніи*“ (т. I, стр. 221—235).

Председатель засѣданія Д. Н. Анучинъ, а равно и Д. Я. Самоквасовъ указали на полноту, обстоятельность и научную цѣнность доклада. Затѣмъ Д. Я. Самоквасовъ, основываясь на свидѣтельствахъ Геродота и Цезаря, на полномъ отсутствіи въ курганахъ данной мѣстности скискаго типа и на совершенномъ тождествѣ ихъ съ курганами сѣверянскими, — высказалъ мнѣніе, что вся данная область (на сѣверъ отъ Скиѳіи) во время Геродота и позднѣе (напр. при Цезарѣ) была незаселенной пустыней, которую впервые заняли Славяне, пришедшіе въ II вѣкѣ съ Дуная. Исслѣдованіе придунайской области необходимо для полноты освѣщенія нашего матеріала. — В. З. Завитневичъ, напомнивъ, что изслѣдованные имъ курганы относятся къ X вѣку, указалъ, что до занятія Славянами приднепровскихъ областей послѣднія были несомнѣнно заселены людьми каменной культуры, которыхъ нельзя смѣшать съ курганнымъ населеніемъ желѣзнаго вѣка; каменные орудія, въ громадномъ количествѣ встрѣчаясь въ изслѣдованной области, въ курганахъ не встрѣчаются. — Д. И. Иловайскій не признавалъ достовѣрнымъ свѣдѣнія нашей лѣтописи о расселеніи Славянъ съ Дуная: движеніе Славянъ съ Дуная во II в. было только однимъ моментомъ среди движеній Славянъ того времени взадъ и впередъ, въ предѣлы Римской имперіи и отъ нихъ. — На вопросъ Д. Н. Анучина, докладчикъ сообщилъ, что онъ производилъ измѣренія теперешняго мѣстнаго населенія и въ общемъ встрѣтилъ поразительную пестроту по поселкамъ. Что касается кургановъ, то въ нихъ были черепа громадные, а головы теперешняго населенія — маленькія.

2. Вторымъ сдѣлалъ докладъ В. Б. Антоновичъ: „*Погребальный типъ могилъ Радимичей*“.

Радимицкій похоронный типъ изслѣдованъ въ раскопкахъ гг. Фурсова, Ярменки и референта. Всего раскопано 262 кургана, въ томъ числѣ референтомъ 115.

Главныя черты похороннаго типа состоятъ въ слѣдующемъ: покойники были погребены выше горизонта (78%) на большей или меньшей возвышенности; средняя ея высота 0,53 метра; ложе, подосланное подъ ними, состоитъ изъ смѣси золы съ зернами угля и свѣтлаго песку безъ всякаго, впрочемъ, признака сожженія или обугленія костей. Дерево въ устройствѣ могилы встрѣчалось рѣдко (18%), чаще всего въ видѣ нѣсколькихъ досокъ или брусьевъ, положенныхъ сверху или по бокамъ скелета. Скелеты лежали головою къ западу, на спинѣ, руки были протянуты вдоль тѣла, ноги также протянуты. Измѣрено было 33 черепа, изъ нихъ 28 оказались длин-

ноголовыми; средній черепный указатель 75,09, т.-е. типъ черепа находится на границѣ долихоцефализма и субдолихоцефализма по схемѣ Брока. Ростъ измѣренъ въ 22 случаяхъ; средняя его цифра 1,66 метра, т.-е. ростъ выше средняго.

При покойникахъ ни разу не было найдено оружія. Сосуды — глиняные горшки двухъ типовъ, встрѣчались очень часто; они стояли у головы или у ногъ и были наполнены органическимъ перегноемъ. Горшки несимметрической формы, вѣроятно, сдѣланы безъ гончарнаго круга.

Украшенія одежды и бытовые предметы встрѣчались рѣже въ мужскихъ могилахъ; они здѣсь состояли изъ поясныхъ бронзовыхъ пряжекъ, литыхъ бронзовыхъ колецъ, привѣшивавшихся къ поясу, и желѣзныхъ ножиговъ съ деревянными или костяными рукоятками. Въ женскихъ могилахъ было гораздо болѣе украшеній: у головы встрѣчались украшавшія волосы височныя кольца семилопастныя, рѣже серьги. На шеѣ встрѣчались витыя бронзовыя гривны и многочисленныя ожерелья, состоящія или изъ крупныхъ бусъ, стеклянныхъ, глиняныхъ, сердоликовыхъ, аметистовыхъ и горнаго хрусталя, или изъ мелкихъ глиняныхъ и стеклянныхъ бусъ, нанизанныхъ въ два ряда и перехваченныхъ серебряными привѣсками, имѣвшими форму: ромбовъ, ажурныхъ розетокъ, полумѣсяцевъ, бубенчиковъ и крестообразныхъ фигуръ. На рукахъ встрѣчались браслеты изъ бронзовыхъ проволокъ и пластинокъ и перстни серебряные изъ проволокъ и пластинокъ, а также бронзовые литые. Въ двухъ случаяхъ встрѣчены фибулы дугообразныя: одна бронзовая и одна желѣзная. Металлическіе предметы всѣ безъ исключенія не были спаяны. Серебряные предметы были гораздо численнѣе бронзовыхъ.

Хронологическія данныя встрѣтились два раза: въ одномъ случаѣ найдены 5 медальоновъ, сдѣланныхъ изъ восточныхъ монетъ, которыя оказались саманидскими диргемами первой половины X ст., въ другомъ случаѣ найденъ былъ христіанскій крестикъ, съ изображеніемъ Распятія, привѣшенный, въ качествѣ украшенія, къ ожерелью, — по формѣ одѣянія относящійся не позже начала XI ст. Обѣ данныя указываютъ такимъ образомъ на X столѣтіе.

Д. Я. Самоквасовъ. Люди науки привыкли видѣть въ докладахъ В. Б—ча труды, удовлетворяющіе самымъ строгимъ научнымъ требованіямъ. И на этотъ разъ докладъ превосходенъ, и кромѣ „спасибо“, возраженій на него нѣтъ. — Д. И. Иловайскій отмѣтилъ обиліе серебряныхъ вещей въ курганахъ: этимъ подымается племя Радимичей, отмѣчается какъ торговое и промышленное; вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминается лѣтописецъ XII вѣка, упрекающій за требованіе золотыхъ украшеній и напоминающій прежнія времена, когда жены ходили въ серебрѣ.

С. П. Писаревъ, на основаніи смоленскихъ раскопокъ, указалъ, что культура Радимичей, какъ она очертилась въ раскопкахъ В. Б—ча, распространялась до Смоленска. — Предсѣдатель засѣданія Д. Н. Анучинъ, указывая среди замѣчательныхъ достоинствъ доклада въ особенности прекрасныя научныя приемы, выразилъ В. Б—чу отъ лица собранія глубокую благодарность.

З. М. В. Фурсовъ сообщилъ: „О курганныхъ раскопкахъ въ пяти уѣздахъ Могилевской губерніи въ 1892 г.“ (т. I, стр. 236—245).

Д. Н. Анучинъ обратилъ вниманіе особенно на новую подробность, сообщенную докладчикомъ, — обожженные кости скелета: повидимому, скелетъ клали на потухшіи костеръ.

4 августа, вечеромъ.

ОТДѢЛЕНІЕ V. Церковныя древности.

Почетный предсѣдатель прот. П. Ф. Николаевскій.

Предсѣдатель Н. И. Петровъ.

Секретарь Н. И. Троицкій.

1. М. П. Истомина прочелъ докладъ: „*Къ исторіи живописи въ Кіево-Печерской лаврѣ въ прошломъ столѣтіи*“.

Кіево-Печерская лавра имѣла громадное историческое значеніе, какъ хранительница завѣтовъ православія для Западной Руси — особенно въ эпоху отъ XVI до XVIII стол. Отсюда понятна и вся важность изученія этого грандіознаго памятника какъ въ историческомъ, такъ и въ археологическомъ отношеніи. Къ сожалѣнію, въ послѣднемъ отношеніи мы встрѣчаемъ непреодолимое препятствіе: рука времени изгладилла всѣ остатки древней старины, не сохранилось напр. и слѣдовъ (по крайней мѣрѣ не открыто до сихъ поръ) той мусійной живописи, которою, по извѣстіямъ Патерика и Синописиса, нѣкогда былъ украшенъ главный храмъ. Пожаръ 1718 г. былъ въ этомъ отношеніи послѣднимъ страшнымъ бѣдствіемъ въ ряду многихъ другихъ, предшествовавшихъ. Поэтому самая древняя иконопись въ великой церкви Кіево-Печерской лавры, и то лишь уцѣлѣвшая въ немногихъ мѣстахъ, не восходитъ раньше прошлаго столѣтія.

Въ прошломъ столѣтіи, по свидѣтельству надписи, находящейся на столпѣ у лѣваго крылоса, великая лаврская церковь была расписываема дважды: въ первый разъ въ 1730 г., а вторично въ четырехлѣтній промежутокъ отъ 1772 до 1776 гг. Въ описаніи лавры митрополита Евгенія эта послѣдняя иконопись именуется „превосходною греческою“. Это мнѣніе о греческомъ характерѣ лаврской живописи прошлаго столѣтія требуетъ тщательной провѣрки, насколько это возможно при наличности существующихъ данныхъ. Намъ извѣстны два документа: одинъ, хранящійся въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ, другой — въ архивѣ Кіево-Печерской лавры, изъ коихъ устанавливается фактъ почти трехлѣтняго пребыванія въ этомъ монастырѣ живописца-итальянца по имени Веніамина Фредериче. Послѣдній около 1758 г. перешелъ изъ Бердичевского кармелитскаго монастыря, гдѣ исполнялъ нѣкоторые заказы по украшенію его костела живописью, въ Кіево-Печерскую лавру. Его мы встрѣчаемъ здѣсь еще въ концѣ 1760 г. Изъ разобранныхъ нами дѣлъ очевидно, что ему поручаема была какая-то работа, которую администрація лавры разсматривала какъ нѣчто важное. Такъ какъ пребываніе Фредериче совпадаетъ съ тѣмъ почти пятидесятилѣтнимъ періодомъ, когда, послѣ упомянутаго пожара 1718 г., въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ происходила непрерывная реставрація для его полнаго обновленія, то мы полагаемъ, что пребываніе тутъ художника, пользовавшагося, очевидно, нѣко-

торою извѣстностью, не обошлось и безъ привлеченія его къ церковной живописи. Собранныя нами въ лаврскомъ же архивѣ свѣдѣнія относительно состоянія живописнаго искусства въ этомъ монастырѣ на протяженіи большей части минувшаго столѣтія еще болѣе укрѣпляютъ насъ въ высказанномъ мнѣніи.

Въ теченіе большей части XVIII в. Кіево-Печерская обитель разсматривалась какъ, повидимому, единственной на всю Западную Россію рассадникъ иконописнаго искусства. Сюда поступали заказы по написанію иконъ и священныхъ картинъ изъ различныхъ мѣстностей, точно такъ же сюда стекались обучаться иконописи не только свои изъ разныхъ мѣстъ Западной Россіи, но напр. и заѣзжіе Греки. Между тѣмъ есть факты, указывающіе на то, что состояніе иконописнаго искусства и въ самой лаврѣ не стояло на должной высотѣ. Тѣмъ не менѣе потребность въ этомъ искусствѣ и сознание необходимости его усовершенствованія давали себя чувствовать, повидимому, очень сильно. Прежде всего нужна была школа церковной живописи, а ея не было при лаврѣ, гдѣ обученіе желающихъ происходило приватно по кельямъ монаховъ-иконописцевъ. Такая школа была открыта при Кіево-Печерскомъ монастырѣ 17 мая 1763 г. Основаніе этой школы подвинуло дѣло, долго находившееся въ застоѣ: при выполненіи живописныхъ работъ въ великой лаврской церкви въ упомянутый промежутокъ отъ 1772 до 1776 г. участвовали исключительно ученики еще сравнительно недавно открытой школы.

Послѣ всего сказаннаго понятно, почему администрація Кіево-Печерской лавры привлекаетъ къ себѣ для живописныхъ работъ художника-итальянца и удерживаетъ его при монастырѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Къ исторической заслугѣ Кіево-Печерскаго монастыря нужно отнести, что онъ, какъ одинъ изъ передовыхъ постовъ національныхъ задачъ Западной Руси въ ту эпоху не прекращавшейся борьбы съ католичествомъ, взялъ на себя подъемъ въ дѣлѣ иконописнаго искусства.

Отрывочный фактъ, нами приведенный, о продолжительномъ пребываніи въ Кіево-Печерской лаврѣ живописца-итальянца свидѣтельствуетъ о томъ, что въ церковной иконописи Западной Руси просачивалось и западное вліяніе, которое должно было отразиться и на видоизмѣненіи прежнихъ образцовъ и композицій, унаслѣдованныхъ отъ Византіи. Съ этой точки зрѣнія получаетъ научный интересъ и изученіе того немногаго, что уцѣлѣло въ Кіево-Печерской лаврѣ отъ живописи прошлаго вѣка. При обзорѣ живописи въ боковыхъ предѣлахъ вел. лаврской церкви — особенно въ предѣлѣ св. первомученика Стефана — обращаютъ на себя вниманіе изображенія, которыя носятъ скорѣе отпечатокъ западно-европейскихъ, а не греческихъ композицій. Мы встрѣтили напр. въ одномъ изображеніи нимбъ въ видѣ короны, какъ рисуютъ обыкновенно изображенія святыхъ въ католическихъ церквахъ.

Поэтому едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что параллельное сравнительное изученіе живописи въ древнихъ храмахъ православныхъ и католическихъ въ Западной Руси дастъ богатый матеріалъ для исторіи искусства съ точки зрѣнія соприкосновенія двухъ культуръ: византійско-русской и западно-латинской.

Н. И. Петровъ сообщилъ, что въ лаврѣ сохранилось два дѣла и по первому, въ 1730 г., обновленію стѣнописи: они перемѣщены изъ архива лавры въ бібліотеку.

2. Н. И. Троицкій доложилъ Съѣзду сообщеніе: „*Пѣснь Пѣсней*“ въ фрескахъ Тульскаго Успенскаго собора.

Тульскій Успенскій каѳедральный соборъ обращающій на себя вниманіе своими архитектурными достоинствами, — въ отношеніи обширности, легкости и освѣщенія, — заслуживаетъ еще большаго вниманія по своему внутреннему убранству, и притомъ какъ въ художественномъ отношеніи, такъ въ особенности со стороны церковной символики. Въ этомъ отношеніи замѣчательна его стѣнная фресковая иконопись. Хотя этотъ храмъ построенъ отъ 1762 по 1764 г., а расписанъ *al-fresco* отъ 1765 по 1767 годъ, тѣмъ не менѣе эти фрески его замѣчательны въ высшей степени и по своей technikѣ, и по стилю, а главное — по своей полнотѣ и содержательности. Сколько извѣстно, эта роспись есть послѣднее и совершеннѣйшее созданіе русскаго фресковаго письма. Заполняя все пространство поверхности стѣнъ, столбовъ, сводовъ и куполовъ, она представляетъ въ прекрасныхъ образахъ и лицахъ всю перспективу тысячелѣтней жизни Царства Божія на землѣ. Размѣщеніе фресковыхъ изображеній, въ основныхъ чертахъ своего плана, имѣетъ, конечно, большое сходство съ извѣстными росписями храмовъ Владимірскихъ, Московскихъ и Ярославскихъ, а непосредственно примыкаетъ къ Ярославскимъ подлинникамъ. И это потому, что — по выраженію лѣтописной надписи на сѣверной двери собора — „трудившіеся о Бозѣ иконописцы“ были „града Ярославля посадскіе люди стѣннаго писанія“. Находясь въ такой зависимости отъ Ярославскихъ подлинниковъ, фрески Тульскаго Успенскаго собора имѣютъ, однако, свою весьма замѣчательную особенность и въ составѣ изображеній, и въ стилѣ писанія, и такимъ образомъ они служатъ и развитіемъ фресковаго дѣла, и дополненіемъ цикла изображеній, принятыхъ уже въ древнихъ храмахъ и въ частности въ Ярославскихъ. Выдающуюся особенность такого рода фресокъ представляютъ четыре, болѣе или менѣе обширныхъ, клейма, составляющихъ цѣлый рядъ или ярусъ и расположенныхъ на западной стѣнѣ храма, во всю ея длину — съ изображеніями, которыя стоятъ въ непосредственной связи съ текстомъ ветхозавѣтной канонической книги „*Пѣснь Пѣсней*“ Соломона.

Тульскія фрески представляютъ прежде всего особенность стиля, хотя она касается главнымъ образомъ декоративной стороны (костюмовъ лицъ, вида палатъ и ландшафта), — духъ и вкусъ эстетическій XVIII в. сказался въ этомъ вѣкѣ и во фресковой росписи (въ особенности — платьѣ широкое съ узкимъ лифомъ). Но главное отличіе тульскихъ фресокъ составляетъ сложность ихъ состава и полнота содержанія, ее обуславливающая: эти фрески воспроизводятъ *все* содержаніе книги „*Пѣснь Пѣсней*“ и даютъ свое особенное толкованіе основной ея идеѣ.

По толкованію фресковыхъ лицевыхъ изображеній, въ „*Пѣсни Пѣсней*“ воспріимается отношеніе не мудрости къ Соломону, на что указываетъ его „Книга Премудрости“, — не народа Израильскаго къ Іеговѣ, какъ училъ рабби Акиба, — не души христіанина ко Христу, какъ проповѣдывалъ Оригенъ и прочіе, — не благополучнаго государства Соломона къ нему — царю или къ Іеговѣ, какъ народному благодѣтелю, какъ соображалъ Лютеръ, — не отношеніе жены къ мужу, состоящихъ въ благословенномъ бракѣ, какъ думаетъ Деличъ, — и, наконецъ, не отношеніе Палестины къ

солнцу, какъ мудрствуетъ Тайярь; нѣтъ: „Пѣснь Пѣсней“ воспѣваетъ глубокую любовь Вѣтхо-завѣтной Церкви къ обѣтованному Искупителю, къ новому и вѣчному союзу съ Нимъ.

Такъ опредѣленная, идея книги „Пѣснь Пѣсней“ устраняетъ весьма многія недомѣнкія и затрудненія при послѣдовательномъ толкованіи всего текста этой превосходной поэтической книги Вѣтхаго Завѣта. И именно такому опредѣленію идеи книги „Пѣснь Пѣсней“ по фрескамъ соотвѣтствуетъ ихъ символика, т. е. размѣщеніе ихъ всѣхъ именно на западной стѣнѣ храма.

Церковное ученіе о символическомъ значеніи храма и его частей издревле и до днесь безспорное, незыблемое и совершенно опредѣленное: храмъ — это міръ, алтарь, высшее небо; средняя часть храма — земля; западная стѣна — нижняя область земли, даже адъ. И это символическое ученіе о храмѣ ставится въ неразрывную связь съ символическими богослужебными дѣйствіями епископа.

При этомъ символическомъ ученіи Церкви о храмѣ, совершенно понятно отношеніе фресокъ „Пѣсни Пѣсней“ именно къ западной стѣнѣ онаго. Западъ — страна мрака, область скорби, мѣсто томленія, воздыханія, надежды. И вотъ почему на западную сторону переносится и на западной стѣнѣ храма помѣщается изображеніе Вѣтхо-завѣтной Церкви, любящей своего Искупителя, но еще скорбящей о Немъ, ищущей Его, но еще не обрѣтающей, встрѣтившей Его, но нерѣшительно послѣдовавшей за Нимъ, — а вмѣстѣ и изображеніе Искупителя, любящаго свою Церковь, говорящаго ей о Себѣ, но еще страдающаго за нее. Это мѣсто томленія жениха и невѣсты, любящихъ другъ друга, но еще страдающихъ въ любви, не вошедшихъ еще въ брачный, свѣтлый, радостный и славный чертогъ. На семь-то мѣстѣ и переданы столь художественные образы „Пѣсни Пѣсней“ въ прекрасныхъ фрескахъ Тульского Успенскаго кафедральнаго собора.

Н. И. Троицкій закончилъ рефератъ слѣдующими словами:

„Мнѣ суждено было открыть вамъ, господа, только одну страницу величественной хартіи стѣнныхъ росписей православнаго храма, — и не очевидно ли, какъ величественъ православный храмъ по своему символическому значенію, какъ глубока его стѣнная иконопись по своимъ идеямъ. Безпредѣленъ онъ, какъ безпредѣленъ міръ Божій; глубокъ онъ по своей идеѣ, какъ глубокъ разумъ Божій; художествененъ онъ, какъ художественны картины историческихъ тысячелѣтій жизни церкви Божіей!“

З. Проф. Н. И. Петровъ доложилъ „О новыхъ археологическихъ открытіяхъ въ г. Кіевѣ и особенно о новооткрытыхъ фрескахъ Кіево-Софійскаго собора“. Референтъ коснулся двухъ предметовъ: древняго города Владимірова въ Кіевѣ и новооткрытыхъ фресокъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. При выемкѣ земли для прокладки канализаціонныхъ трубъ по Большой Владимірской улицѣ, открыта была древняя кладка изъ квадратныхъ тонкихъ кирпичей. Какое тутъ было въ древности зданіе — это объясняетъ планъ г. Кіева XVII в., хранящійся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностраннхъ Дѣлъ. На этомъ планѣ обозначено два крѣпостныхъ вала на Старомъ Кіевѣ — оба съ воротами. Ворота перваго вала обозначены приблизительно на томъ мѣстѣ, гдѣ открыта древняя кладка. Это — древній городъ св. Владиміра.

Далѣ, на планѣ обозначенъ городъ Ярославовъ со св. Софіею въ центрѣ. Очевидно, оба вала сохранялись до XVII в. и занесены были въ планъ.

Фрески въ Кіево-Софійскомъ соборѣ открыты двоякаго рода: однѣ на арочныхъ столбахъ алтаря, который, очевидно, не закрывался въ древности иконостасомъ, а другіе въ аркахъ притвора, облежавшаго соборъ съ трехъ сторонъ, и въ такъ называемой крещальнѣ, находящейся на правой сторонѣ отъ главнаго западнаго входа въ соборъ.

Г. А. Хойновскій сообщил о нѣкоторыхъ предметахъ древности, найденныхъ при упомянутыхъ въ докладѣ работахъ по канализаціи Кіева; такіе предметы по возможности и собирались г. Хойновскимъ. Тутъ есть гончарные жертвенные, по мнѣнію Г. А., сосуды, двойныя мисочки на столбикахъ; есть оружіе, съ одной стороны острое, съ другой — острое до половины. Интересна древняя мостовая, лежащая на 2 арш. ниже теперешней: изъ продольныхъ толстыхъ брусевъ, съ настилкой изъ дубовыхъ кругляковъ. Мостовая эта сдѣлана на самомъ высокомъ мѣстѣ Кіева, слѣдовательно не вслѣдствіе тонкости, грязи мѣста, — и Г. А., относя мостовую ко временамъ великокняжескимъ, полагаетъ, что то была улица, ведшая къ великокняжескому двору.

5 августа утромъ.

Доклады на иностранныхъ языкахъ.

Почетный предсѣдатель Л. Х. Штида.

Предсѣдатель графиня П. С. Уварова.

Секретарь Ю. А. Кулаковскій.

1. Графъ Л. Флери доложилъ „*О неолитической стоянкѣ въ Кемпъ*“. Мѣстность стоянки — пограничіе Гродненской губерніи въ разстояніи одного километра отъ слиянія Нарева и Бобра. Это островокъ кварцевыхъ песковъ, возвышающійся надъ окрестными заливными лугами; равнину обрамляютъ холмы, усѣянные гранитнымъ камнемъ ледниковаго происхожденія. Населеніе этой стоянки жило рыбной ловлей и охотой, не знало желѣза. Въ обилии были найдены кремневые орудія разныхъ типовъ, и лишь незначительное количество бронзовыхъ украшеній. Богатую коллекцію кремневыхъ орудій въ прекрасной сортировкѣ на таблицахъ докладчикъ предложилъ на разсмотрѣніе собранія. Указывая на то, что въ данной мѣстности была не только стоянка неолитической эпохи, но и мастерская кремневыхъ орудій, а также найдены были въ обилии фрагменты многочисленныхъ керамическихъ издѣлій, докладчикъ старался установить существованіе кладбища той же эпохи. Неолитическое происхожденіе стоянки доказывалось между проч. тѣмъ, что уровень рѣкъ Нарева и Бобра остается и теперь тотъ же, даже во время наводненія, каковъ онъ былъ въ неолитическую эпоху.

2. Баронъ Г. де-Бай представилъ докладъ „*Объ Асторскомъ ковчегѣ*“ (т. II, стр. 251 — 255).

3. Князь П. А. Путятинъ предложилъ нѣсколько замѣчаній „Къ вопросу о дѣленіяхъ предметовъ каменнаго вѣка въ Россіи“. По мнѣнію докладчика было бы весьма желательно, для успѣха изученія данныхъ доисторической археологіи на обширномъ пространствѣ Россіи, выработать нѣкоторыя общія рубрики для классификаціи относящихся сюда предметовъ. Въ виду разнообразія физическихъ условій отдѣльныхъ мѣстностей Россіи, все пространство нашего отечества можно было бы подраздѣлить на четыре пояса: 1) поясъ полярный съ населеніемъ, не восходящимъ къ очень давнему времени; 2) поясъ сѣверныхъ лѣсовъ съ нѣкоторыми характерными кремневыми орудіями (рѣзакі) и многочисленными образцами керамического дѣла; 3) поясъ центральный, гдѣ установлено присутствіе человѣка вмѣстѣ съ мамонтомъ, т.-е. находимы были орудія палеолитической эпохи; 4) степной поясъ, гдѣ несомнѣнно установлено присутствіе мамонта.

Баронъ де-Бай, въ отвѣтъ на предложеніе кн. Путятина, замѣтилъ, что онъ вообще противъ классификацій. Во Франціи, гдѣ классификаціи сдѣланы были преждевременно, онѣ отстранили и продолжаютъ отстранять отъ доисторической археологіи многихъ серьезныхъ историковъ. Коснувшись нѣкоторыхъ частныхъ, упоминавшихся въ докладѣ кн. Путятина, баронъ де-Бай замѣтилъ, что, по его мнѣнію, эра прирученія животныхъ совпадаетъ съ иммиграціей новой расы съ Востока; древности Ментоны принадлежатъ неолитической, а не палеолитической эпохѣ, хотя тамъ попадаются предметы этой послѣдней; объясняется это тѣмъ, что онѣ найдены въ ямѣ, сдѣланной въ палеолитическую эпоху.

Кн. Путятинъ замѣтилъ, что онъ считаетъ классификацію первымъ условіемъ каждой науки и въ данномъ вопросѣ солидаренъ во взглядахъ съ предсѣдателемъ Парижскаго Антропологическаго Общества, Сальмономъ.

4. Графъ Флери сдѣлалъ сообщеніе „О церкви св. Михаила въ Ломжѣ“. — Сооруженіе этой церкви относится къ 1520 г. и сдѣлано на средства старосты ломжинскаго Ивана Войславскаго съ пособіемъ отъ князя мазовецкаго Станислава съ сестрою. Широкій фасадъ съ разукрашеннымъ фронтономъ выведенъ въ томъ же стилѣ, что и Нюренбергскій соборъ. Позднѣйшая реставрація значительно измѣнила внѣшній видъ церкви, не коснувшись лишь колокольни. Внутри церковь меньше пострадала, нежели снаружи. Главный интересъ церкви составляютъ гробницы ломжинскихъ старостъ въ хорахъ капеллы и ихъ портреты, нарисованные на оловянныхъ доскахъ. Доски эти прибывались къ изголовію гроба и т. обр. портретъ служилъ вмѣсто надписанія имени, какъ дѣлается это теперь. Докладчикъ предложилъ на разсмотрѣніе собранія фотографіи колокольни и трехъ гробницъ, а также цѣлый рядъ досокъ съ портретами XVII и XVIII вв.

5 августа днемъ.

ОТДѢЛЕНЕ IV. Памятники быта.

Почетный предсѣдатель В. Г. Васильевскій.

Предсѣдатель Н. И. Веселовскій.

Секретарь С. М. Середонинъ.

Н. И. Веселовскій, указавъ, что почетный предсѣдатель засѣданія, В. Г. Васильевскій, съ именемъ котораго связана цѣлая школа въ изученіи Византіи, началъ свою ученую дѣятельность въ Вильнѣ, привѣтствовалъ появленіе его на Съѣздѣ.

В. Г. Васильевскій, отклоняя отъ себя привѣтствіе, привѣтствовалъ А. Я. Ефименко.

А. Я. Ефименко прочла докладъ: *О копныхъ судахъ*.

18-й томъ Актовъ Виленской Археографической комиссіи (о копныхъ судахъ) представляетъ собою совершенно исключительный по полнотѣ деталей матеріалъ, выясняющій архаическій судный процессъ.

Копный процессъ представляетъ въ своемъ полномъ развитіи три момента, которымъ соотвѣтствуютъ три типичныхъ копы: горячая — предварительное дознаніе; великая вальная — судебное слѣдствіе; завитая — судебное рѣшеніе вмѣстѣ съ приведеніемъ его въ исполненіе. Характеренъ для горячей копы обычай гнать слѣдъ. Великая копа — центръ суднаго процесса: присутствіе на ней обязательно для всѣхъ членовъ копнаго округа; она обставлялась особою торжественностью; главныя ея процессуальныя дѣйствія — „вольное правовое мовенье“ (состязательство сторонъ) и предъявленіе судебныхъ доказательствъ, между которыми первенствующее мѣсто принадлежитъ присягѣ очистительной и обвинительной. Великой же копой выяснялось, какой характеръ имѣетъ правонарушеніе: простой ли шкоды, допускающей матеріальное возмѣщеніе, или злодѣйства. Завитая копа собиралась только для злодія. Это пока позволяетъ заглянуть въ самый генезисъ понятія уголовной преступности. Злодій сохраняетъ свое частно-правовое отношеніе къ истцу; но и другіе члены копнаго округа могутъ предъявлять къ нему притязанія и пытаться „о свои шкоды“, буде таковыя бывали, а виновникъ ихъ не былъ найденъ. Обыкновенный конецъ завитой копы — повѣшеніе злодія.

Копный судъ есть судъ народной сходки, громады, вѣча. Какое же мѣсто онъ долженъ занимать въ исторіи суда вообще? Наука исторіи права, въ лицѣ авторитетнѣйшихъ представителей, утверждаетъ, что въ предѣлахъ исторіи судъ есть принадлежность государственной власти. Такое утверженіе ошибочно. Многія свидѣтельства памятниковъ, говорящія о великокняжескомъ судѣ, можно объяснить въ смыслѣ взиманія въ пользу князя пошлинъ при допущеніи народнаго суда. Не отвергая этого великокняжескаго суда, должно относительно позднихъ эпохъ признать за нимъ характеръ суда полюбовнаго: по крайней мѣрѣ авторъ въ этомъ смыслѣ толкуетъ выраженія уставныхъ грамотъ XVI в. о выдачѣ. Это утверженіе авторъ ставитъ въ зави-

симость отъ своего основного взгляда на развитіе права, заключающееся въ томъ, что право, какъ матеріальное такъ и формальное, шло въ своемъ развитіи первоначально по двумъ русламъ, по двумъ типамъ: правды для своихъ (внутри родовыхъ группъ) и правды для чужихъ (въ междугрупповыхъ отношеніяхъ). Первому типу соотвѣтствуетъ судъ народный, второму — великокняжескій, какъ разившійся изъ суда полюбовнаго.

И. Я. Спрогисъ: Копы — горячая, великая и завитая, не суть самостоятельныя юридическія ступени, изъ которыхъ на каждой дѣлается особое рѣшеніе: это — три переходныя ступени одной копы.

А. Я. Ефименко съ этимъ мнѣніемъ не согласилась, ссылаясь на смыслъ документовъ и указывая на ту важность устанавливаемаго ею раздѣленія, что черезъ него процессъ копнаго суда связывается съ процессами другихъ правъ: именно, въ славянскихъ статутахъ (вислицкіе, малопольскіе) постоянно говорится о трехъ рокахъ.

И. А. Линниченко: Позволю себѣ поблагодарить А. Я., указавшую намъ нѣсколько тонкихъ юридическихъ отличій въ копахъ. Я хотѣлъ указать Александрѣ Яковлевнѣ на матеріаль, которымъ она, вѣроятно, не воспользовалась, но который можетъ, надѣюсь, принести ей огромную пользу въ смыслѣ территориальнаго этнологическаго и хронологическаго расширенія ея изслѣдованія. Акты о копномъ судѣ относятся главнымъ образомъ къ XVI вѣку; естественно, интересно было бы знать, что же такое была копа въ болѣе раннее время. Архаическія черты должны были сохраниться раньше болѣе рѣзко. Мы застаемъ копу въ моментъ ея разложенія. Копа свидѣлствуетъ намъ о связи общинной нѣкоторыхъ селъ. Такая связь существовала у всѣхъ Славянъ: извѣстныя села соединялись вмѣстѣ для тѣхъ или другихъ цѣлей. Это мы находимъ и у Поляковъ, и у насъ, но когда усилилась княжеская власть и начали раздаваться земли отдѣльнымъ лицамъ, связь эта начала расторгаться. Получивъ земли, принадлежавшія къ копному округу, помѣщики не хотѣли пускать крестьянъ на собранія, потому что эти собранія направлялись иногда лично противъ нихъ и имъ было неудобно, чтобы крестьяне собирались вмѣстѣ. Затѣмъ я встрѣтилъ любопытный фактъ, гдѣ населеніе само начинаетъ тяготиться подобнаго рода собраніями: это отвлекало ихъ отъ занятій, и мы встрѣчаемъ такіе случаи, когда сами крестьяне откупались отъ права собираться на эти вѣча. Все это свидѣлствуетъ о томъ, что въ XVI стол. копа находится уже въ періодѣ разложенія. Я нашелъ цѣлый рядъ очень небольшихъ, правда, намековъ на копный судъ въ актахъ XV столѣтія. Если вы возьмете Галицкія судебныя книги XV вѣка, то тамъ вы найдете намеки на существованіе связи селъ и на горячій слѣдъ. Слова: *копа* или *вѣче* въ актахъ не встрѣчаются; но я нашелъ актъ, въ которомъ говорится о слѣдованіи „горячимъ копытомъ“. Въ актахъ XV столѣтія можно найти нѣкоторыя указанія на древнюю связь селъ между собой. Я отмѣтилъ 3—4 мѣста, гдѣ такія копы были. Это вы найдете въ изданныхъ въ Львовѣ *Akta grodzkie i ziemskie* (т. I—XVI). Недавно изданъ интересный матеріаль: Черныя книги гродскаго суда (*Rejestr złoczunczów*); здѣсь есть богатый матеріаль для поселеній на валашскомъ правѣ и копнаго суда начала XVI столѣтія. — Вы упомянули о присягѣ на кольцѣ: и тутъ въ актахъ XV

столѣтія есть цѣлый рядъ присягъ; дѣло идетъ несомнѣнно о русскомъ правѣ, потому что поляки присягаютъ на крестѣ. Формулу присяги можно найти въ нѣсколькихъ актахъ (при опредѣленіи границъ и т. под.). Что касается слова „судей“, то это надо понимать въ смыслѣ свидѣтелей.

Такъ какъ Вы столько уже сдѣлали, по исторіи обычнаго права, то слѣдуетъ просить Васъ не только продолжать изслѣдованія по копному суду, но захватить весь вопросъ о древне-русской общинѣ, который разработанъ мало.

Затѣмъ насчетъ слова „завитый рокъ“. Это значитъ окончательное рѣшеніе, но едва ли это имѣетъ отношеніе къ обычному праву. Интересно прослѣдить влияніе государственнаго суда на копу. Есть основаніе думать, что формы судопроизводства отразились отчасти на копѣ въ томъ различіи, которое Вы хотите сдѣлать между каждой копой; на это указываетъ самое названіе „завитой копы“, завитый рокъ, т. - е. окончательный срокъ.

А. В. Лонгиновъ, указавъ на блестящія изслѣдованія по копному суду И. Я. Спрогиса и затѣмъ проф. Ивашевского, остановился на обычаѣ „ставить голень къ голени“. Онъ привелъ изъ книги И. Я. Спрогиса примѣръ, гдѣ свидѣтельница, отрекшись, къ ущербу истцовъ, отъ своего прежняго показанія, должна была „ставить голень къ голени“ съ истцами: это вставленіе голени съ голенью есть не что иное, какъ очная ставка, а вовсе не равносильно выраженіе „даю ногу на отсѣченіе“, какъ это полагаетъ И. Я. Спрогисъ.

И. Я. Спрогисъ оспаривая это возраженіе, замѣтилъ, что акты не называли бы приставленія голени къ голени „смѣлымъ“, если бы дѣло шло о простой очной ставкѣ.

Д. Я. Самоквасовъ также видѣлъ въ обычаѣ голени судебный поединокъ, къ которому прибѣгали какъ къ крайнему средству.

А. Я. Ефименко указала на связь обычая голени съ обычаями чешскаго права: изъ очень стараго чешскаго документа, *Kniha Starego Pana Z. Rosenberga*, оказывается, что тамъ при приставленіи голени къ голени произносилась формула правового заклада. Шапка встрѣчается постоянно съ тѣмъ же самымъ характеромъ, въ связи съ обычаемъ правового заклада. Ставили шапку съ деньгами и приставляли голень. Обычай: „шапки“ и „голени“ между собой родственные обычаи, имѣютъ отношеніе къ судебнымъ закладамъ и принадлежатъ къ большой правовой древности.

Ө. И. Успенскій обращалъ вниманіе на необходимость изслѣдованія аналогіи копнаго суда съ германскими учрежденіями. Такъ, трудами *Sohm'a* по изученію германскихъ древностей выяснено, что древняя община участвовала въ такихъ актахъ государственнаго характера, которые послѣ перешли въ компетенцію королей. Это видно, напр., изъ глоссы къ *manu missio ante regem (ana theata)*, что значитъ — народъ).

В. З. Завитневичъ указалъ, что въ нашей ученой литературѣ (между прочимъ Владимірскимъ-Будановымъ) уже высказано мнѣніе, что дѣлить строго судъ на княжескій и народный нельзя: населеніе принимало значительное участіе и въ княжескомъ судѣ, княжескіе чиновники наблюдали за правильнымъ поступленіемъ судебныхъ пошлинъ въ княжескую казну.

В. Г. Васильевскій (отвѣчая Л. С. Бѣлогриць-Котляревскому). Вопросъ объ

участіи народа въ древне-германскомъ судѣ составляетъ, среди ученыхъ предметъ спора: такъ для меровингской эпохи Фюстель де-Куланжъ отрицаетъ участіе народа въ судѣ, Зомъ совершенно различаетъ судъ народа отъ суда княжескаго, Бруннеръ пытается согласить два эти мнѣнія.

2. П. А. Линиченко сдѣлалъ сообщеніе: „Общины на валашскомъ правѣ въ Юго-Западной Руси“.

По актамъ, поселенія на валашскомъ правѣ возникаютъ въ Галицкой Руси въ XIV в., но можно съ большою вѣроятностью предполагать, что они возникли еще въ XIII ст. Авторъ готовъ считать загадочныхъ Болоховскихъ князей за князей валашскихъ поселеній. Внутренній строй валашскихъ поселеній отличается общиннымъ характеромъ. Нѣсколько поселеній въ одной и той же мѣстности составляли *крайну*, во главѣ крайны стоялъ *крайникъ*; всѣ села одной и той же крайны собирались два раза въ годъ на вѣче, гдѣ происходилъ судъ; община отвѣчаетъ круговой порукой за своихъ сочленовъ, имѣетъ общественныя земли, распоряжается ими, несетъ сообщна повинности и отбываетъ извѣстныя работы. Значеніе крайника мало выясняется актами: онъ присутствуетъ въ судѣ съ офиціальными лицами, онъ присутствуетъ при исполненіи судебныхъ приговоровъ. Во главѣ cadaго села стоялъ князь (часто называемый *солтысъ*, такъ какъ роли ихъ почти одинаковы). Сначала князьями бывали и крестьяне, и священники, и шляхтичи; позднѣе князства скупались большею частью дворянствомъ. Князь получалъ земельный надѣлъ, но самую существенную часть дотаціи князя составляли его доходы съ крестьянъ: ему шла третья часть крестьянскихъ чиншевъ, третья часть судебныхъ пошлинъ, и т. д. Повинности князя состояли прежде всего въ военной службѣ, затѣмъ въ платежахъ въ пользу владѣльца. Князства обыкновенно уступались владѣльцами за услуги или продавались въ наследственную собственность; съ нашей точки зрѣнія князь въ князствѣ являлся только какъ *usufructor*, но сами князья смотрѣли на себя какъ на собственниковъ. Крестьяне въ валашскихъ общинахъ сидѣли на отмѣренныхъ земельныхъ участкахъ — дворищахъ; форма владѣнія дворищами — семейно-общинная, которая въ XVI вѣкѣ начинаетъ уже разлагаться; характерною особенностью валашскихъ поселеній слѣдуетъ считать уплату повинностей скотомъ, его продуктами и дичью. Особенность эта вытекала изъ спеціальнаго занятія Валаховъ-скотоводовъ. Первые поселенія на валашскомъ правѣ состояли изъ переселенцевъ — Валаховъ, но съ теченіемъ времени и многія русскія селенія переходили на это право, болѣе выгодное для населенія, чѣмъ право нѣмецкое, столь распространенное въ Западной Руси послѣ подчиненія ея литовско-польскому государству.

А. В. Лонгиновъ выразилъ сожалѣніе, что авторъ не остановился подробнѣе на тождествѣ Болоховскихъ князей съ Валашскими князьями. Около 1240 г. Болоховскіе князья перешли къ границамъ Мазовіи, тогда же могли появиться валашскія поселенія и на Волини; характерныя черты валашскаго права вытекаютъ изъ занятія Валаховъ скотоводствомъ вообще и овцеводствомъ въ частности. Затѣмъ оппонентъ привелъ соображенія въ доказательство того, что русское право, господствовавшее въ Червонной Руси со временъ Ярослава I, не могло подавить валашскаго права, вытекавшаго изъ бытовыхъ условій румынской народности.

В. Г. Васильевскій указалъ, что вопросъ о Болоховскихъ князьяхъ подробно разрабатывался на одномъ изъ предыдущихъ Съѣздовъ.

Въ заключеніе засѣданія доложено было письмо преосв. Іосифа, епископа гродненскаго, въ которомъ онъ привѣтствуетъ членовъ Съѣзда и выражаетъ глубокое сожалѣніе о томъ, что болѣзнь не позволяетъ ему принять участіе въ трудахъ Съѣзда; вмѣстѣ съ этимъ преосв. Іосифъ приноситъ въ даръ всѣмъ ученымъ учрежденіямъ, приславшимъ на Съѣздъ депутатовъ, по экземпляру своего сочиненія „Виленскій православный некрополь“.

Постановлено выразить преосвященному Іосифу глубокую благодарность.

7 августа, утромъ.

ОТДѢЛЕНІЕ II. Древности историческія, географическія и этнографическія.

Почетный предсѣдатель А. Ѳ. Мѣржинскій.

Предсѣдатель А. И. Павинскій.

Секретарь М. Н. Бережковъ.

1. А. В. Лонгиновъ прочелъ „О князь Любартъ-Теодоръ Ольгердовичъ и его потомкахъ, князьяхъ Сангушкахъ“ (Труды Виленскаго Отдѣленія Моск. Предвар. Комитета Съѣзда, стр. 275—311).

В. С. Люба-Радзиминскій представилъ возраженія на этотъ докладъ (т. II, стр. 201—203).

А. В. Лонгиновъ: Мой почтенный оппонентъ совершенно напрасно отвергаетъ значеніе церковныхъ помянниковъ. Они чрезвычайно важны. Если мы будемъ основываться на одномъ помянникѣ, который не дошелъ до насъ въ подлинникѣ, изъ котораго мы извлекаемъ свѣдѣнія на основаніи словъ писателя, то выводы были бы произвольны. Если же данныя подтверждаются другими помянниками, на примѣръ Кіевской лавры, въ подлинности котораго никто не сомнѣвается, то эти данныя становятся весьма твердыми. Съ другой стороны, и къ актамъ, которымъ такое предпочтеніе отдаетъ мой почтенный оппонентъ, слѣдуетъ относиться критически, не принимать ихъ безусловно на вѣру: сошлюсь на духовное завѣщаніе Константина Острожскаго, находящееся въ архивѣ Сангушковъ, которое носитъ признаки подложности.

2. А. И. Кирпичниковъ прочелъ „О палладіумъ Константинополя“. Сдѣлавъ историческія справки насчетъ обычая, распространеннаго въ городахъ Римской имперіи, ставить статуи Судьбы, покровительницы вновь строимыхъ городовъ, авторъ собралъ указанія источниковъ о таковой же статуѣ Судьбы въ Константинополѣ, при основаніи его поставленной императоромъ Константиномъ Великимъ и торжественно имъ освященной, равно о другихъ статуяхъ, въ томъ же значеніи позже воздвигавшихся. Къ обзору свѣдѣній по этому предмету (на основаніи статьи Стржиговскаго) референтъ присоединилъ народныя византійскія преданія разныхъ временъ о Константиновомъ

палладіумъ и показалъ, какъ постепенно значеніе прежнихъ статуй-покровительницъ Царяграда получили статуи императоровъ Константина и Юстиніана, о коихъ говорятъ съ удивленіемъ наши русскіе и западно-европейскіе путешественники, посѣщавшіе Царьградъ. Авторъ заключилъ обращеніемъ къ русскимъ ученымъ поискать, нѣтъ ли указаній въ русскихъ источникахъ на какой-нибудь подобный же обычай въ древней Руси.

Ө. И. Успенскій: Само собой разумѣется, въ политической жизни Византіи вопросъ о палладіумѣ игралъ важную роль. Референтъ замѣтилъ, что литературная связь этого палладіума съ монументальными памятниками не входитъ въ его изложеніе; между тѣмъ связь между монументальными памятниками и литературными такъ тѣсна, что литературные могутъ служить къ объясненію монументальныхъ и наоборотъ. Позволю себѣ иллюстрировать это примѣрами.

При императорѣ Теофилѣ Византіи причиняли много безпокойства военные успѣхи *трехъ варварскихъ князей*. Патріархъ Іоаннъ VII Грамматикъ, для успокоенія царя и въ предотвращеніе опасности, угрожавшей Константинополю, употребилъ слѣдующее средство. Разъ ночью онъ отправился на ипподромъ въ сопровожденіи людей, которыхъ снабдилъ сѣкирами, и приказалъ имъ разбить на ипподромѣ три статуи, существованіе которыхъ связано было съ судьбой тѣхъ варварскихъ князей. Но распоряженіе патріарха исполнено было не вполне точно и удачно. Двѣ статуи разбиты, а третьей, вслѣдствіе неудачнаго удара, только повреждена голова. Скоро послѣ того два варварскіе князя погибли, а третій продолжалъ вредить имперіи. Это преданіе интересно не только по своей связи съ монументальными памятниками, но можетъ имѣть значеніе при объясненіи первыхъ страницъ русской исторіи. Таково же преданіе о связи между одной статуей и судьбой Симеона, царя Болгарскаго.

У Никиты Акомината есть извѣстіе, что по взятіи Константинополя въ 1204 г. латиняне на Таврѣ нашли статую всадника, съ которой по общему вѣрованію соединена была судьба Константинополя. Когда уничтожили эту статую, то въ лѣвомъ копытѣ коня нашли статуэтку, изображающую болгарина. Всѣ эти указанія очень важны и связываютъ не только вопросы монументальные съ литературными, но даютъ матеріалъ для историческихъ выводовъ.

Д. И. Иловайскій: А. И. затронулъ вопросъ о палладіумѣ въ русскихъ городахъ. Въ этомъ отношеніи, сколько я могу судить, Русь поставила вопросъ самостоятельно, потому что непосредственной связи съ Византіей я по крайней мѣрѣ не замѣчаю. Тамъ, въ Византіи, палладіумъ былъ связанъ тѣсно съ языческой эпохой и выразился въ статуяхъ. Въ древней Руси, по всѣмъ признакамъ, такимъ палладіумомъ служили кааедральные соборы, напр. въ Кіевѣ — Софійскій, при чемъ наиболѣе важную роль играли также главныя иконы, какъ напр. Нерушимая Стѣна. На значеніе соборовъ и главныхъ иконъ, какъ палладіумовъ, особенно рельефно указываетъ новгородское преданіе, которое было связано съ иконой Спасителя, нарисованной въ куцолѣ. Спаситель былъ нарисованъ съ рукой, на половину сжатой, и преданіе говорило, что когда рука разожметъ, то придетъ конецъ Новгороду.

А. И. Кирпичниковъ: Такого рода палладіумъ находитъ свое выраженіе въ на-

родной поэзіи, именно въ былинѣ о томъ, какъ Татары осаждаютъ Кіевъ, и св. Софія, какъ эмблема, а по другимъ преданіямъ Нерушимая Стѣна, обходитъ кругомъ и плачетъ о судьбѣ города.

3. Н. П. Авенариусъ сообщилъ „*О дрогическихъ пломбахъ*“ (т. II, 325—328). Докладъ оживленно обсуждался. Между прочимъ В. Г. Васильевскій указывалъ на печати, или марки, византійскихъ таможенныхъ чиновниковъ, изданныя Шлумберже.

Н. П. Авенариусъ (въ отвѣтъ В. З. Завитневичу, ссылавшемуся на изслѣдованія г. Лучицкаго), пояснилъ: Лучицкій говоритъ о перегрузкѣ товаровъ у Дрогичина на основаніи свидѣтельства Гирша, который невѣрно приводитъ свой источникъ: въ прошеніи торнскихъ купцовъ къ гросмейстеру, на которое ссылается Гиршъ, купцы просятъ только о правѣ торговли по Вислѣ и по Бугу, мимо Дрогичина, въ Брестъ и обратно; о перегрузкѣ нѣтъ ни слова. Затѣмъ о торговлѣ Данцига съ Дрогичиномъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній во всемъ Данцигскимъ Архивѣ, по удостовѣренію завѣдывающего имъ.

И. Я. Спрогисъ предполагалъ въ „пломбахъ“ печать судей.

С. В. Люба-Радзиминскій предположилъ, что знаки на пломбахъ могутъ быть русскими гербами.

И. А. Линниченко считалъ такое мнѣніе непріемлемымъ, ибо русскіе не имѣли гербовъ; но находилъ въ знакахъ сходство съ польскими гербами.

В. И. Сизовъ высказалъ убѣжденіе, что это — семейные русскіе знаки, семейныя тамги примѣненныя къ кустарному промыслу (чѣмъ объясняется многочисленность и разнообразіе знаковъ). Графомъ Уваровымъ, при раскопкахъ въ Смоленскѣ, открыты кирпичи храма XI—XII в. съ подобными клеймами; такихъ знаковъ было много: можно предположить, что, напр., каждая мѣстность добродушно жертвовала и возила кирпичи своей фабрикаціи на постройку храма, и эта коллективная работа выразилась въ разнообразіи клеймъ. На курганныхъ сосудахъ X—XI вѣка мы встрѣчаемъ подобные же знаки. Все это заставляетъ предполагать, что въ данное время тамги, семейныя клейма были дѣломъ обычнымъ. Если сказать, что дрогичинскія пломбы — всія печати къ документамъ, то надо предположить громаднѣйшій архивъ въ Дрогичинѣ.

С. П. Писаревъ указалъ среди клеймъ дрогичинскихъ пломбъ одинъ знакъ, который онъ видѣлъ на одномъ старинномъ стаканѣ и на серебряномъ рублѣ, и подтверждалъ слова В. И. Сизова, сообщая, что во всѣхъ извѣстныхъ ему смоленскихъ развалинахъ церквей XII—XIV вѣка кирпичи снабжены клеймами. Кирпичи эти особенной формы: это изящно выдѣланныя плитки; на нихъ стоятъ знаки: русскія буквы л, м, и, ж, щ, юсь, крестъ въ кругѣ, лѣстница ступеней въ десять, повидимому глаголическія буквы.

Н. И. Петровъ: Въ Кіевскомъ музеѣ есть такіе кирпичи изъ Цымлянской станицы, изъ Переяслава (гдѣ была въ древности митрополичья каѳедрa), одинъ кирпичъ изъ Кіево-Печерской лавры. Остальные кирпичи болѣе грубой работы.

При дальнѣйшемъ обсужденіи клейма сближались и съ бортневыми знаками.

4. Е. Ф. Орловскій прочелъ „*О началъ города Гродна*“ (т. II, 197—200).

Н. П. Петровъ не призналъ убѣдительнымъ рѣшеніе докладчикомъ вопроса о

началъ Гродны; для рѣшенія же этого считалъ существенно нужнымъ произвести археологическое изслѣдованіе и раскопки въ мѣстности пинской Городни.

Е. О. Карскій: Два года тому назадъ я собиралъ данныя по языку и очутился въ этой мѣстности — въ Городнѣ Пинскаго уѣзда. Вспомнилъ я Слово о Полку Игоревѣ: „трубы трубятъ городенскія“, и обратился къ старикамъ съ вопросомъ, не было ли тутъ когда-нибудь княжества. Мѣсто это глухое: наука не проникаетъ туда, и предсѣдатель мѣщанской управы — лицо неграмотное. Тамъ мнѣ рассказали много интереснаго. Мнѣ указали одну мѣстность, говоря, что тутъ было княжество, замковище. Здѣсь были постройки княжескія, а по близости протекала рѣка, а теперь тамъ только болото. Въ доказательство, что тамъ была рѣка, мнѣ указали, что не особенно давно нашли здѣсь остатки судовъ, которыя останавливались возлѣ замка. Теперь тамъ одна церковь, но прежде были и другія: въ срединѣ этого мѣстечка есть озеро, очень большое, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ озера вытянули колоколь (къ сожалѣнію, я не навелъ справокъ, куда этотъ колоколь дѣвался); около озера возвышенная мѣстность, гдѣ, по словамъ крестьянъ, и были когда-то церкви.

Е. Ф. Орловскій: Позволю себѣ прежде всего сказать нѣсколько словъ въ отвѣтъ на замѣчаніе проф. Петрова. Дѣйствительно, съ моей стороны представляется промахомъ, что я не обслѣдовалъ лично эту мѣстность, а обратился письменно къ нѣкоторымъ учрежденіямъ въ Минскую губернію и въ Городню Черниговской губерніи и просилъ свѣдѣній. Изъ Городни я получилъ свѣдѣнія, послѣ которыхъ для меня не подлежало сомнѣнію, что тамъ не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ древній городъ Городень. Такія же свѣдѣнія я получилъ изъ Борисовскаго уѣзда. Что касается до Городной, то мѣстный священникъ мнѣ не отвѣтилъ. Что касается данныхъ моего второго оппонента, то мнѣ кажется, онѣ недостаточно убѣдительны. Въ этой мѣстности если есть легенды, то онѣ не представляются единичными. Свѣдѣніе о колоколѣ, безъ всякихъ подробностей, которыя доказывали бы желательную древность его, не есть доказательство.

А. В. Лонгиновъ: Пинскіе князья упоминаются очень часто въ XII — XIII столѣт. затѣмъ идетъ перерывъ, такъ что трудно возстановить генеалогію. Для XV вѣка мы имѣемъ цѣлые томы актовъ, изданныхъ Виленской Археографической Комиссіей, гдѣ встрѣчаются имена пинскихъ князей. Что касается замѣчанія г. Карскаго о „трубахъ городенскихъ“, то ихъ понимаютъ разно: это имя могло быть и нарицательнымъ.

Свящ. Л. Паевскій, признавая нынѣшній губернский городъ Гродно древнимъ достояніемъ русскихъ князей, упоминаемымъ въ лѣтописяхъ, указывалъ одно изъ созвучныхъ названій въ селѣ Городеѣ, на границѣ Минской и Гродненской губерній.

В. Г. Васильевскій: Разсужденіе о городѣ Гродно напомнило мнѣ другой вопросъ. Нѣмецкія хроники упоминаютъ въ началѣ XIV в. князя Давида von Garden и городъ Гарденъ. Мнѣ кажется, что выходитъ такимъ образомъ, что Давидъ Гарденскій будетъ одинъ изъ послѣднихъ князей исчезающаго рода, и такъ какъ этотъ Гарденъ находится въ связи съ литовскими князьями, то тамъ есть возможность опредѣлить мѣстность. Я бы обратилъ вниманіе на князя Давида въ связи съ происхожденіемъ Гродно.

Е. Ф. Орловскій: Нѣтъ сомнѣнія, что Гарденъ есть губернской городъ Гродно. Первое нападеніе крестоносцевъ относится къ концу XIII столѣтія, затѣмъ продолжается въ XIV столѣтіи и въ началѣ XV. Это подтверждаетъ мое мнѣніе.

А. И. Соболевскій: Въ Словѣ о Полку Игоревѣ говорится о князѣ Изяславѣ, слѣдовательно подъ словомъ „Городня“ нельзя разумѣть городка или поселка Пинскаго уѣзда. Передъ нами мѣстность изъ Полоцкой области. Выраженіе: „трубы трубятъ городенскія“ находится въ связи съ рассказомъ о смерти Изяслава въ битвѣ съ Литовцами. Мы имѣемъ дѣло съ пограничнымъ городомъ Литовской земли. Пинскій городъ былъ близокъ съ Ятвигами.

Кн. П. А. Путятинъ: Городна Пинскаго уѣзда — ничтожное мѣсто, и князья не могли тамъ сидѣть. Тамъ и теперь нѣтъ проѣздныхъ дорогъ. Эти князья устраивались въ Вильнѣ, Ковнѣ, Гроднѣ, на большихъ рѣкахъ. Городно къ Гроднѣ нельзя отнести, и такихъ Городней въ Минской губерніи есть до 15.

С. П. Писаревъ, на основаніи самаго имени, предполагалъ о доисторическомъ происхожденіи Гродна, и приводилъ въ сравненіе тѣ по мѣстному „городни“, т.-е. городища, которыя встрѣчаются въ Смоленской губерніи, среди лѣса, у берега болотъ, при устьѣ рѣчки или ручья, при чемъ со стороны материка „городни“ защищены валомъ и рвомъ.

Е. Ф. Орловскій: Возможности существованія на мѣстѣ Гродна доисторическаго поселенія не противорѣчитъ указаніе на построеніе историческаго Гродна Владиміромъ въ 927 г. или Ярославомъ, во время похода на Ятвиговъ.

7 августа, вечеромъ.

ОТДѢЛЕНІЯ VIII и IX. Древности литовскія, славянскія и восточныя.

Почетный предсѣдатель А. Беценбергеръ.

Предсѣдатель Т. Д. Флоринскій.

Секретарь И. А. Линниченко.

1. А. О. Мѣржинскій прочелъ „О надровскомъ жрецѣ огня Криве“ (т. I, стр. 246—259).

З. А. Ляцкій, изъ названія возвышенной части г. Вильны „кривымъ городомъ“, предполагалъ, что криве-кривейте могло обозначать „верховный изъ верховныхъ“.

В. Г. Васильевскій благодарилъ г. Мѣржинскаго за чрезвычайно поучительный докладъ, который, появившись въ печати, будетъ содѣйствовать искорененію многихъ ложныхъ мнѣній. Выраженія, которыми у Дюсбурга характеризуется значеніе Криве, не оттого ли оказываются преувеличенными, что онъ заимствовалъ ихъ готовыми у кого-нибудь изъ классическихъ писателей, служившаго ему источникомъ фразеологіи? Вопреки докладчику В. Г. думаетъ, что у Литовцевъ могло быть представленіе о верховномъ богѣ. Въ повѣствованіи о свиданіи Гедимина съ францисканскими монахами

Гедиминъ говоритъ: „католики почитаютъ своего Бога, русскіе своего, а мы тоже своего: у всѣхъ у насъ свой Богъ“. Если подлинность этого извѣстія можно заподозрить, то византійскій писатель Грегора влагаетъ ту же рѣчь въ уста Ольгерда, и это свидѣтельствуемъ о существованіи вообще такого воззрѣнія на религію Литовцевъ.

Д. И. Иловайскій, отмѣчая точность и убѣдительность анализа въ докладѣ, не соглашался съ крайними выводами его и указывалъ на возможные параллели: Криве—Кривичи, Ромове—Ромень (Ромны), Перкунасъ—Перунъ. И въ русской мифологіи были старшіе и младшіе боги, но Перунъ былъ верховнымъ богомъ. Очень возможно, что Дюсбургъ преувеличивалъ, но вполне отрицать его показанія едва ли возможно. Упорство, съ которымъ Жмудини отстаивали свою религію, свидѣтельствуемъ о значительномъ развитіи у нихъ религіознаго начала.

А. О. Мѣржинскій отвѣчалъ: Для этимологіи названій „Криве“ и „Ромове“ онъ не знаетъ дѣйствительныхъ данныхъ, хотя занимался довольно подробно этимъ вопросомъ. Дюсбургъ слѣдуетъ общей манерѣ нѣкоторыхъ писателей (Цезаря, Юстина), но ничего изъ нихъ не выписываетъ и пишетъ по-латыни чрезвычайно плохо. Извѣстіе о верховномъ богѣ въ Литвѣ есть у Ласицкаго, но относится ко времени, когда христіанство уже проникло въ Жмудь. Многочисленные данные показываютъ, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ Литовцы обращались къ отдѣльнымъ божествамъ, спеціальнымъ опекунамъ какого-либо занятія человѣка. Понятія о верховномъ божествѣ не могло выработаться у Литовцевъ уже и потому, что на землѣ, въ государственномъ устройствѣ Литовцевъ, для него не было аналогіи, а небесный Олимпъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ характеризуется чертами социальнаго-политическаго строя народа. До христіанства въ Литвѣ не было условія для выработки понятія о верховномъ божествѣ. Литовскую троицу Грунау выдумалъ.

2. А. А. Кочубинскій прочелъ докладъ: „Литовскій языкъ и наша старина (т. I, 92—108).

В. А. Богородицкій замѣтилъ, что слово *druska* могло быть заимствовано и у народовъ не-индоевропейскихъ, у племенъ неродственныхъ Литовцамъ: финскихъ, тюркскихъ.

А. А. Кочубинскій: Въ турецкомъ языкѣ для соли есть слово *тузла*. Что касается финскихъ языковъ, то я, хотя не знаю этихъ языковъ, но подходящаго къ литовскому термину въ доступныхъ словаряхъ не нашелъ. Обращаю вниманіе на то, что культура соли у Славянъ была до такой степени сильна, богато разработана, что не только, какъ я позволю себѣ утверждать, отъ насъ, Русскихъ, позаимствовали Латыши свое слово для *соли* (*sāls*), но Славяне познакомили съ солью и прибывшихъ въ IX стол. въ Паннонію Мадыаръ. Что касается литовскаго термина *druskà*, который, опять повторяю, темный терминъ, то я далеко отъ мысли положительно утверждать, что моя этимологія безусловно вѣрна, но дѣлаю только маленькую попытку въ этой темной области. Если Славяне были такъ богаты солью и распространяли соль повсюду; и на сѣверъ, и на западъ, — то естественно предположить, что отъ нихъ же соль прошла и къ Литовцамъ, послѣ чего уже и образовался въ языкѣ ихъ столь оригинальный терминъ для нея, что онъ ставитъ самый языкъ въ роли отщепенца среди

остальныхъ родственныхъ языковъ Европы. Повторяю — я вопроса окончательно не рѣшаю, а дѣлаю первую попытку для разъясненія этимологіи литовскаго термина, въ высшей степени важнаго для исторіи обще-славянской и славяно-литовской культуры.

И. О. Яблонскій: Сопоставленіе литовскаго druskà съ латышскимъ словомъ druska „мелочь“, болѣе возможно, чѣмъ сопоставленіе druskà съ собственнымъ именемъ Трусо. Относительно латышскаго слова sāls мнѣ кажется, что лингвистика не высказывается за заимствованіе этого слова. Я бы желалъ спросить мнѣніе проф. Беценбергера.

Проф. Беценбергеръ отвѣтилъ, что онъ раздѣляетъ мнѣніе докладчика, проф. Кочубинскаго, что латыши свое sāls заимствовали изъ русскаго языка.

А. А. Кочубинскій: Что касается заимствованія Латышами русскаго слова соль, то я бы могъ привести цѣлый рядъ культурныхъ займовъ изъ того же русскаго языка въ языкъ латышскомъ, и эти займы относятся къ очень давнему времени.

И. А. Линниченко указалъ на возможность болѣе прямого полученія соли Литовцами изъ Галиціи; путь черезъ Трусо—окольный.

И. П. Филевичъ указалъ на статью Пастернака (въ журналѣ Sl. Pohliady) о терминахъ горнаго дѣла въ Прикарпатской области. По изслѣдованію этого ученаго, всѣ термины эти славянскіе и указываютъ на очень древнюю разработку Славянами соляного промысла.

9 августа, утромъ.

ОТДѢЛЕНИЕ VI: Памятники языка и письма.

Почетный предсѣдатель А. А. Кочубинскій.

Предсѣдатель А. И. Соболевскій.

Секретарь Хр. П. Ящуржинскій.

1. И. П. Созоновичъ сдѣлалъ сообщеніе „Къ вопросу о происхожденіи великорусскихъ былинъ“.

Нашу духовную древность составляютъ былины, или поэмы о героическихъ подвигахъ преимущественно историческихъ лицъ.

Въ объясненіи русскаго былиннаго эпоса, какъ и народной поэзіи вообще, смѣнилось нѣсколько теорій, какъ: мифологическая, историко-бытовая, литературная. Въ этихъ направленіяхъ было написано значительное количество работъ, имѣвшихъ цѣлю разъяснить смыслъ и происхожденіе русскихъ былинъ; но тѣмъ не менѣе въ существенныхъ чертахъ вопросъ о происхожденіи былиннаго эпоса остается еще и донинѣ открытымъ и спорнымъ.

Подъ вліяніемъ опубликованныхъ въ послѣднее время новыхъ матеріаловъ, записанныхъ на юго-востокѣ Россіи, на Кавказѣ, а также среди тюрко-монгольскихъ народовъ, изъ старыхъ теорій получила нѣкоторое оживленіе теорія восточнаго происхожденія русскихъ былинъ, предполагающая, что пѣсенное эпическое творчество

въ своемъ содержаніи передано къ намъ съ Востока отъ ближайшихъ сосѣдей нашихъ, съ которыми съ давнихъ поръ приходилось сталкиваться русскому народу.

Такой взглядъ, примененный къ объясненію нѣкоторыхъ былинныхъ мотивовъ, оказывается вполне несостоятельнымъ, какъ это напр. съ особенной наглядностью можно видѣть при изученіи одного изъ эпизодовъ, вошедшихъ въ составъ былины про Добрыню Никитича. Я имѣю въ виду разсказъ о томъ, какъ другъ Добрыни, его названный братъ Алеша Поповичъ, пользуясь отсутствіемъ друга, принуждаетъ жену его Настасью Микуличну выйти за него замужъ. Обманомъ ему удается склонить къ этому жену Добрыни; но въ самый разгаръ свадебнаго пира, герой возвращается переодѣтымъ; происходитъ признаніе по кольцу, и вѣроломный Алеша Поповичъ несетъ наказаніе.

Изученіе этого мотива въ литературахъ Запада, какъ напр. литература скандинавская и точнѣе — Эдда, затѣмъ средневѣковыя литературы — англійская, французская, нѣмецкая, шведская, датская, испанская, итальянская, затѣмъ народная поэзія албанская, румынская, ново-греческая, юго-славянская, цыганская, не принятая до сихъ поръ къ сравненію русскими писателями, даютъ полное основаніе думать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ излюбленнымъ сюжетомъ средневѣковой рыцарской литературы, постепенно перешедшимъ изъ письменности въ устную поэзію, при чемъ распространялся онъ въ направленіи съ запада на востокъ; чрезъ посредство Славянъ, а можетъ быть, и чрезъ Скандинавію и Великій Новгородъ проникъ на Русь, а чрезъ посредство ново-греческой народности далѣе на востокъ, въ Малую Азію и Кавказъ.

Идя далѣе въ глубь вѣковъ, доступную для нашего изученія, мы можемъ возвести разбираемый сюжетъ къ его несомнѣнному прототипу, который открывается для насъ въ повѣствованіи Гомера о томъ, какъ Одиссей послѣ долгаго отсутствія возвращается въ Итаку, гдѣ его вѣрная жена Пенелопа, осаждаемая предложеніями жениховъ, все еще надѣялась дождаться мужа.

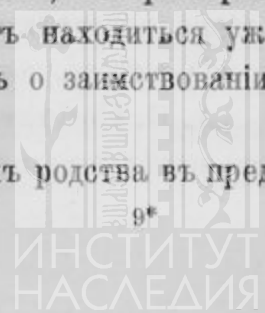
Такимъ образомъ, въ основы былиннаго мотива про Добрыню и его жену, обманомъ принуждаемую къ выходу замужъ за Алешу Поповича, лежитъ не разсказъ про невѣрность жены, какъ писалъ объ этомъ г. Халанскій, и не восточный разсказъ, какъ предполагаетъ Вс. Миллеръ, но классическій, прошедшій чрезъ западно-европейскія литературы, отразившійся въ западно-европейской народной поэзіи и нашедшій свое выраженіе въ русскомъ былинномъ эпосѣ.

Прочтенный докладъ возбудилъ продолжительныя пренія.

М. С. Карелинъ замѣтилъ, что докладъ касается какъ исторіи культуры, такъ и сравнительной мифологіи, и что одно сходство сюжета не можетъ служить доказательствомъ его чужеземнаго происхожденія, а часто указываетъ только на общность законовъ поэтическаго творчества у различныхъ народовъ.

А. И. Соболевскій: Мы имѣемъ дѣло со сказочнымъ сюжетомъ, который распространенъ у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ, и потому могъ находиться уже у предка ихъ — обще-индо-европейскаго народа, и нельзя говорить о заимствованіи, когда нѣтъ никакихъ слѣдовъ заимствованія.

П. В. Владиміровъ: Указанный мотивъ могъ возникнуть путемъ родства въ пред-

ставленіяхъ, бытѣ и психикѣ народовъ. Но, вообще говоря, такъ какъ большинство богатырей — личности историческія, упоминаемыя въ лѣтописи, то многія былины объ этихъ богатыряхъ могли сложиться по слѣдамъ историческихъ событій, которыя въ перепѣвахъ могли измѣниться.

И. П. Созоновичъ отвѣтилъ, что объ обще-индо-европейскомъ происхожденіи сюжета онъ не беретъ говорить; его задача — скромная: указать, какъ данный сюжетъ перешелъ къ намъ чрезъ западно-европейскія литературы; что у него нѣтъ восточныхъ сказаній съ этимъ сюжетомъ, и что вообще онъ не можетъ мѣряться съ Гриммомъ въ отношеніи полноты матеріала.

А. И. Кирпичниковъ: Не слѣдуетъ быть скромнымъ и ограничиваться однимъ индо-европейскимъ матеріаломъ, слѣдуетъ итти дальше Гримма: быть можетъ, этотъ сюжетъ — общечеловѣческой.

А. А. Кочубинскій: При изслѣдованіи литературныхъ сюжетовъ надо пользоваться методомъ сравнительнаго языкознанія; одно сходство сюжетовъ не даетъ права говорить о заимствованіи.

Д. И. Пловайскій выразилъ желаніе, чтобы указано было, какимъ путемъ перешли наши былины съ юга на сѣверъ.

2. П. В. Владиміровъ доложилъ „Новыя данныя къ изученію литературной дѣятельности кн. Курбскаго“ (т. II, стр. 308—316).

А. И. Соболевскій: Такъ какъ Курбскій трудился надъ переводами не одинъ, а во главѣ цѣлаго кружка, то лучше говорить не о переводахъ Курбскаго а о переводахъ подъ редакціей Курбскаго.

П. В. Владиміровъ: Переводы Курбскаго рѣзко отличаются отъ переводовъ его сотрудниковъ: 1) поясненіями (глоссами), касающимися отношеній Курбскаго къ царю Ивану Грозному, къ Максиму Греку, іосифлянамъ, боярамъ и др., 2) языкомъ, 3) выборомъ переводовъ (на что имѣются указанія въ письмахъ Курбскаго).

Н. И. Петровъ заявилъ, что одинъ его товарищъ ему сообщилъ, что въ Ковельскомъ уѣздѣ Вол. губ. у одного мирового посредника или помѣщика находится неизвѣстный еще списокъ переписки кн. Курбскаго.

С. П. Писаревъ сообщилъ, что въ Смоленскомъ Историческомъ Музеѣ есть списокъ сочиненій кн. Курбскаго, нѣсколько отличающійся отъ изданнаго.

3. А. И. Соболевскій прочелъ докладъ „Особенности русскихъ переводовъ домонгольскаго періода“ (т. II, 53—61).

П. В. Владиміровъ, выразивши глубокую признательность референту за удачный выборъ имъ темы, за его труды въ этой области, замѣтилъ, что предметъ этотъ отчасти уже намѣченъ въ трудахъ И. И. Срезневскаго; затѣмъ указалъ на отношеніе русскихъ и южно-славянскихъ списковъ Пандектовъ Никона Черногорца, и въ заключеніе указалъ, что по отмѣченному референтомъ методу, не всегда возможно вѣрно и точно опредѣлить происхожденіе переводовъ (переписчики могли подставлять слова русскія вмѣсто южно-славянскихъ и наоборотъ).

А. И. Соболевскій отвѣтилъ, что онъ имѣетъ въ виду цѣлыя группы словъ, а не отдѣльныя слова.

9 августа утромъ, (параллельное засѣданіе).

ОТДѢЛЕНИЕ I. Первобытныя древности.

Почетный предсѣдатель А. И. Маркевичъ.

Предсѣдатель В. Б. Антоновичъ.

Секретарь В. З. Завитневичъ.

1. С. В. Люба-Радзиминскій сдѣлалъ докладъ: „*Памятники каменнаго вѣка въ западной Волини*“ (т. II, 79—82).

А. К. Жизневскій добавилъ, что кривой кремневый ножъ того же типа найденъ былъ на Волгѣ въ Твери.

Баронъ де-Бай замѣтилъ, что коллекція, собранная г. Радзиминскимъ на Волини, свидѣтельствуетъ, что на Волини были мастерскія, гдѣ обрабатывали камень такъ же хорошо и изящно, какъ и въ Скандинавіи; но сверхъ кремневыхъ пилъ, тождественныхъ съ скандинавскими, въ коллекціи г. Радзиминскаго (которая тутъ же была выставлена) обращаетъ на себя вниманіе количество особыхъ кривыхъ ножей; до настоящаго времени баронъ де-Бай встрѣтилъ только два такіа орудія — въ сочиненіи Эванса и у графа Бобринскаго, въ окрестностяхъ Смѣлы, такъ что кривые ножи въ коллекціи г. Радзиминскаго составляютъ самую многочисленную коллекцію этихъ предметовъ.

В. Б. Антоновичъ добавилъ, что въ музеѣ Кіевскаго университета находится нѣсколько такихъ же кривыхъ ножей, найденныхъ въ мастерской орудій каменнаго вѣка у села Мощеницы, сосѣдней съ мѣстностью, описанною г. Радзиминскимъ.

2. Докладъ князя П. А. Путятина: „*Каменный ножъ и его измѣненія*“.

Въ процессѣ своего развитія каменный ножъ съ его видоизмѣненіями проходитъ слѣдующія формы:

Первообразъ. Миндалевидное орудіе съ остриемъ и рѣжущими боками, изъ которыхъ нижній составляетъ основаніе скоблиль и скребковъ. Его форма перешла въ наконечники кошій, дротиковъ и стрѣлъ. Способъ приготовленія этого орудія состоитъ въ удаленіи осколковъ посредствомъ ударовъ. Типъ этотъ носитъ названіе Сенташель.

Эволюція 1. Широкіе и длинные ножи съ остриемъ и безъ него, образовавшіеся путемъ удлиненія миндалевиднаго орудія, обитаго съ каждой стороны по одной плоскости, а не по двумъ. Орудіе это современно мамонту и носорогу; названіе этого типа — Демустье.

Эволюція 2. Ножи во многихъ мѣстностяхъ начинаютъ принимать миниатюрныя формы, что обуславливается какъ ихъ матеріаломъ, такъ и ихъ практическимъ назначеніемъ; тщательная отдѣлка ножей этого типа достигается обыкновеннымъ путемъ нажима; въ скребкахъ преобладаетъ удлиненная форма; остріе достигаетъ высокой степени отдѣлки; блестящіе образчики такой отдѣлки представляютъ наконечники кошій и лавролистныхъ ножей-кинжаловъ. Варіантомъ этого типа по мѣстамъ является такъ называемый „клювъ попугая“, имѣющій особое практическое значеніе буравчикъ и рѣзецъ, служащій для рѣзбы на кости. На ряду съ каменными орудіями этого типа

въ большомъ количествѣ встрѣчаются и костяныя, а равно и кости такихъ сѣверныхъ животныхъ, какъ сѣверный олень, лось и другія породы. Это типъ — Маделень.

Эволюція 3. Переходная ступень отъ палеолитическихъ къ неолитическимъ орудіямъ характеризуется рѣзаками; рѣзакъ — это видоизмѣненный клинъ съ поперечнымъ лезвіемъ, перешедшій потомъ въ долота, стамески, топоры, стрѣлы съ поперечнымъ остріемъ и др. Грубыя, первичныя формы орудій этой фазы находимы были въ датскихъ кухонныхъ отброскахъ, во многихъ мѣстностяхъ Франціи, Испаніи, Россіи. Форма позднѣе трансформируется въ соотвѣтствующія формы орудій Швеціи, Венгріи и др.

Эволюція 4. Полированные каменные орудія. Въ эту фазу, начиная съ отбивныхъ и кончая полированными, въ особенности происходило высшее развитіе наконечниковъ копій, дротиковъ и стрѣлъ самыхъ разнообразныхъ типовъ. Каменный ножъ магдаленовой фазы теперь тоже встрѣчается въ большомъ количествѣ. Продукты гончарнаго производства встрѣчаются въ большомъ количествѣ и самыхъ разнообразныхъ типовъ.

Эволюція 5. Переходная фаза отъ каменныхъ орудій къ металлическимъ. Многія изъ нарождающихся бронзовыхъ орудій по своей формѣ тождественны бывають съ отживающими каменными; сюда принадлежатъ: рѣзаки, наконечники копій, дротиковъ, стрѣлы, долотца и др. Форма ножей и стрѣлъ съ насадкой часто находитъ себѣ аналогію даже въ предметахъ желѣзной культуры.

3. Л. К. Житынской сдѣлалъ докладъ: *„Языческое кладбище въ селѣ Б. Рыкань Дубенскаго уѣзда“*.

Благодаря иниціативѣ и стараніямъ профессора Самоквасова, изданъ былъ въ Петербургѣ литографированный сборникъ топографическихъ свѣдѣній о курганахъ и городищахъ въ Россіи. Сборникъ такой для Волынской губ. вышелъ въ 1888 г. Въ немъ на стр. 37 сказано: „Дубенскій уѣздъ, Ярославичская волость, 200 древнихъ могилъ-кургановъ въ 1 верстѣ отъ с. Б. Рыкань, поросшія кустарникомъ. Мѣстный помѣщикъ кн. Любомірскій въ 1862 и 1872 гг. раскопалъ изъ любопытства 4 могилы и нашелъ въ нихъ человѣческіе кости, а въ одной, сверхъ того, четыре бѣло-красноватыя ожерелины (бусы), величиною въ лѣсной орѣхъ, и костяную рукоятку отъ сабли. Вещи взяты помѣщикомъ, а кости зарыты обратно въ землю“. Такъ какъ имѣніе Б. Рыкани 50 лѣтъ назадъ составляло уже собственность отца моего, а въ настоящее время часть его принадлежитъ мнѣ, и такъ какъ я вмѣстѣ съ кн. Любомірскимъ, а впослѣдствіи и самъ неоднократно раскапывалъ этотъ могильникъ, то считаю нелишнимъ къ этому краткому и неточному извѣстію изъ Ярославичской волости прибавить болѣе точныя и подробныя свѣдѣнія, тѣмъ болѣе, что безъ сомнѣнія рыканскія могилы составляютъ одно изъ самыхъ обширныхъ кладбищъ языческаго періода одного изъ славянскихъ племенъ, поселившихся у береговъ рѣкъ Стыра и его притока Иквы. Кладбище это, судя по его обширности и очевиднымъ признакамъ постепеннаго развитія и улучшенія быта племени, которое въ немъ хоронило своихъ покойниковъ, вѣроятно, существовало довольно продолжительное время, по крайней мѣрѣ два или три столѣтія. Оно расположено на возвышенности 150 саж. надъ уровнемъ моря, по указаніямъ геологической карты Волынской губ., составлен-

ной г. Осовскимъ, и въ настоящее еще время простирается на 40 десятинахъ, поросшихъ кустарникомъ, въ направленіи съ сѣвера къ югу, и представляетъ фигуру какъ бы треугольника, обращеннаго острымъ угломъ къ югу. Южная часть его принадлежитъ владѣльцу д. Баковецъ, сѣверная прежде принадлежала владѣльцу с. Б. Рыкань, а въ настоящее время принадлежитъ крестьянамъ. Отъ рѣки Стыра кладбище это находится на разстояніи 2 версты, а отъ м. Тарговицы въ 6 верстахъ. Окружено оно со всѣхъ сторонъ многочисленными селеніями и деревнями, какъ бы непрерывнымъ вѣнкомъ. Съ сѣвера ближайшія къ городищу селенія — Большія Рыкани, отдѣленные прудомъ отъ Малыхъ Рыкань; около самаго кладбища, съ запада, отдѣленный болотомъ, поселокъ Перепилки, въ которомъ, на одномъ гористомъ мѣстѣ, находятъ каменные шары, топорики, пряслицы. Перепилки составляютъ часть большого селенія Лаврова, которое включаетъ до 500 дворовъ. Другая часть его, вблизи Перепилокъ называется Городищикъ. На югѣ кладбища граничитъ съ нимъ деревня Баковцы и селеніе Радомысль. Къ нему прилегаютъ деревня Сухая Воля, почти соединяющаяся съ деревнею Кальнятичами, далѣе с. Ставровъ, Бильче, деревни Перекладовичи, Подлозцы, къ востоку деревня Топулье, селеніе Боржемецъ, Лучицы, Подлисы, отдѣленные рѣкою Стыромъ, за которымъ видны селенія: Чекно, Еловичи; къ сѣверу села: Метишинъ, Пулгановъ. Съ возвышенности, на которой находится кладбище, описываемое нами, виденъ городъ Луцкъ, несмотря на 15-верстное разстояніе. Къ сѣверу отъ с. Пулганова, вблизи его, одно урочище, на которомъ былъ прежде, выкорчеванный въ настоящее время, лѣсъ, называется Кривичи; вблизи же самаго кладбища другой небольшой лѣсъ носитъ такое же названіе. Мѣстечко Тарговицы, при которомъ Иква изливаетъ свои воды въ Стыръ, вмѣстѣ съ с. Волничи, находятся къ юго-востоку отъ кладбища. Могилы разсѣяны на всемъ пространствѣ, группами. По срединѣ такой отдѣльной группы обыкновенно находится одна большая могила, окруженная другими меньшими. По причинѣ густо заросшаго кустарника, точное количество могилъ не можетъ быть опредѣлено, но во всякомъ случаѣ, ихъ гораздо болѣе 200, показанныхъ волостью. Я насчиталъ ихъ болѣе 800. Къ югу, очевидно, значительная часть кладбища, окруженнаго пахатнымъ полемъ, уничтожена и распахана. Первые раскопки, дѣланныя мною вмѣстѣ съ владѣльцемъ с. Лаврова кн. Любомірскимъ, были произведены въ 1858 году. Раскопано было нѣсколько могилъ въ восточной части кладбища при самой дорогѣ въ Рыкани. Въ каждой раскопанной могилѣ находился одинъ только покойникъ, головой обращенный на западъ, лежащій на спинѣ, руки протянуты вдоль тѣла и кисти ихъ расположены у верхней части бедра костей. Могильная яма вырыта въ почвѣ не очень глубоко и выложена березовыми бревнами, какъ это видно изъ остатковъ березовой коры, и такими же бревнами прикрыта. Не во всѣхъ однакожъ курганахъ могилы были обставлены бревнами. Насыпь, иногда очень высокая, сдѣлана надъ могилою изъ земли, принесенной со стороны. Позднѣйшія мои раскопки убѣдили меня, что древнѣйшая часть кладбища — съ запада, гдѣ гробницы не были обложены бревнами и кромѣ горшка вверху, надъ головою покойника, ничего больше не заключали; притомъ и кости въ нихъ гораздо болѣе истлѣли. Въ южной сторонѣ кладбища, лежащей совсѣмъ

отдѣльно, среди пахатнаго поля, сохранилось еще нѣсколько могилъ. Въ одной изъ нихъ найдены были мною: остатки серебрянаго позумента, одна серьга, кольцо и маленькій ножикъ. Могилы восточной части кладбища, вѣроятно, самыя позднѣйшія. Въ мужскихъ гробницахъ большею частью не найдено ничего кромѣ кусковъ прожавленнаго желѣза. Въ гробницахъ женщинъ, кромѣ бусъ, очень разнообразныхъ: каменныхъ, стеклянныхъ, янтарныхъ и бронзовыхъ, найдены также разныя украшенія, какъ-то: серьги, кольца и браслеты серебряныя. У одной женщины между бусами было украшеніе формы полулуны; въ другомъ же гробѣ при бусахъ находился небольшой медальонъ, односторонній, съ изображеніемъ Матери Божіей съ Младенцемъ на лѣвой рукѣ и съ неясной славянской надписью. Одинъ край образка поврежденъ и недостаетъ трехъ буквъ. Можно предположить, что послѣднее слово, отъ котораго остались буквы, читалось: грѣшна. Въ самой южной части кладбища, распаханной такъ, что слѣдовъ могилъ не осталось, былъ выпаханъ небольшой стеклянный шаръ зеленоватаго цвѣта, безъ всякаго отверстія, но въ серединѣ пустой. Въ Львовѣ, въ музеѣ Дзедушицкихъ, я видѣлъ подобный стеклянный шаръ, и мнѣ объясняли, что въ первыхъ вѣкахъ христіанства въ такихъ шарахъ пилигримы приносили воду изъ р. Иордана, и что такіе стеклянные шары составляли родъ амулета.

Изъ фактовъ, перечисленныхъ кратко въ этой замѣткѣ, полагаю, можно сдѣлать слѣдующій общій выводъ: данная мѣстность представляетъ одинъ изъ пунктовъ западной Волыни, заселенный издавна и пережившій нѣсколько періодовъ доисторической эпохи. На ряду съ стоянкою каменнаго вѣка мы встрѣчаемъ древній славянской языческой могильникъ; возникши за нѣсколько столѣтій до введенія христіанства, могильникъ этотъ продолжалъ служить мѣстомъ погребенія туземныхъ Славянъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, и послѣднія насыпи его были сооружены уже на рубежѣ историческаго времени, о чемъ свидѣтельствуетъ какъ христіанскій медальонъ, такъ и амулетъ съ іорданскою водою, — конечно, если вѣрно данное мнѣ объясненіе относительно этого предмета.

В. Б. Антоновичъ, отмѣчая, что докладъ г. Житынскаго является одной изъ самыхъ цѣнныхъ иллюстрацій къ раскопкамъ на Волыни, указывалъ, что доселѣ, кромѣ сообщеній С. В. Любы-Радзиминскаго о памятникахъ каменнаго вѣка въ этомъ краѣ и кромѣ двухъ-трехъ случайныхъ раскопокъ, мы о доисторическихъ волынскихъ древностяхъ ничего не знаемъ. Въ докладѣ Л. К. Житынскаго мы впервые встрѣчаемъ свѣдѣнія, дающія черты для установленія типа волынскихъ кургановъ.

На вопросъ В. Б.—ча, докладчикъ пояснилъ, что погребальная яма доходила до подпочвеннаго слоя; среди другихъ разъясненій, данныхъ на вопросы присутствовавшихъ, г. Житынскій указалъ, что каменной настилки сверхъ насыпей онъ ни разу не встрѣчалъ на Волыни.

А. А. Спицынъ, желая сопоставить форму погребальнаго обряда даннаго могильника съ формами, обнаруженными раскопками гг. Антоновича и Завитневича, попросилъ отвѣтить на слѣдующіе вопросы: 1) не обнаружено ли каменныхъ прикрытій могилъ? 2) замѣченные въ могилахъ слѣды березовыхъ бревенъ не были ли остатками деревянныхъ срубовъ, обнаруженныхъ другими археологами? 3) не обнару-

жено ли въ данномъ могильникѣ слѣдовъ трупосожженія? На всѣ эти вопросы референтъ отвѣтилъ отрицательно. Въ виду важнаго значенія данной области въ археологическомъ отношеніи, г. Спицынъ, въ заключеніе, выразилъ желаніе, чтобы референтъ, не ограничиваясь добытыми результатами, направилъ свою дѣятельность на дальнѣйшія разысканія въ этомъ краѣ.

Въ 2¹/₂ часа дня Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Сергій Александровичъ съ Августѣйшей Супругой Великой Княгиней Елисаветой Ѳеодоровной изволили прибыть въ зданіе Виленской второй гимназіи для осмотра устроенной при Съѣздѣ выставки. Ихъ Императорскія Высочества встрѣчены были на подъѣздѣ председателемъ Съѣзда графиней П. С. Уваровой, председателемъ ученаго комитета проф. Ѳ. П. Успенскимъ и секретарями Съѣзда; Ея Императорскому Высочеству Великой Княгини секретаремъ Съѣзда проф. Ю. А. Кулаковскимъ былъ поднесенъ букетъ. На площадкѣ лѣстницы графиня Уварова представила Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Ученый Комитетъ Съѣзда. Вслѣдъ затѣмъ Ихъ Императорскія Высочества изволили обозрѣвать археологическую выставку, при чемъ экспоненты давали объясненія. Послѣ осмотра выставки былъ поданъ чай, во время котораго Ихъ Императорскія Высочества изволили знакомиться и милостиво бесѣдовать съ членами Съѣзда.

10 августа утромъ.

Общее собраніе въ присутствіи Почетнаго Предсѣдателя IX Археологическаго Съѣзда Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича.

Предсѣдатель графиня П. С. Уварова. — Секретарь Ю. А. Кулаковскій.

Въ 10 часовъ дня изволили прибыть въ зданіе Виленской первой гимназіи Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Сергій Александровичъ съ Августѣйшей Супругой Великой Княгиней Елисаветой Ѳеодоровной. На подъѣздѣ Ихъ Императорскія Высочества были встрѣчены попечителемъ Виленскаго учебнаго округа Н. А. Сергіевскимъ, председателемъ Съѣзда графиней П. С. Уваровой, председателемъ Ученаго Комитета Съѣзда проф. Ѳ. П. Успенскимъ, председателемъ Распорядительнаго Комитета Ю. Ѳ. Крачковскимъ, секретарями Съѣзда профессорами Ю. А. Кулаковскимъ и М. П. Соколовымъ, директорами виленскихъ гимназій П. П. Яхонтовымъ и М. А. Бржезинскимъ. Ихъ Императорскія Высочества изволили прослѣдовать въ гимназическую церковь и затѣмъ перейти въ залу засѣданій. По занятіи Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ предсѣдательскаго мѣста, засѣданіе было объявлено открытымъ.

1. Ю. О. Крачковскій сдѣлалъ сообщеніе: „*Къ исторіи старой Вильны*“.

Указавъ на связь, которую можно установить между движеніями религіозной мысли въ Вильнѣ и данными виленской топографіи въ извѣстныя эпохи многовѣковой жизни города, докладчикъ представилъ общій очеркъ религіозныхъ отношеній въ центрѣ Литвы въ XVI и XVII вѣкахъ. Въ пору начала реформаціи въ Германіи отчужденіе отъ Рима и папы выразилось вполне опредѣленно въ средѣ виленскаго общества и особенно литовской знати. Протестантскія идеи нашли въ Вильнѣ готовую почву и быстро тамъ распространились подѣ покровительствомъ Радзивилла, и съ его помощью кальвинисты утвердились въ мѣстности нынѣшняго Конвикта, по сосѣдству съ костеломъ Бернардиновъ. Рѣзкій переворотъ въ настроеніи руководящихъ сферъ того времени произошелъ вмѣстѣ съ призваніемъ іезуитовъ въ Вильну. Будучи вызваны епископомъ Протасевичемъ, они скоро сумѣли твердо устроиться на новомъ мѣстѣ. Завладѣвъ сначала однимъ домомъ, который пріобрѣлъ для нихъ епископъ Протасевичъ отъ нѣкоего Ясинскаго (нынѣшній домъ канцеляріи генералъ-губернатора), они вскорѣ оказались въ обладаніи значительной части тогдашней Вильны въ предѣлахъ улицъ: Дворцовой (бывшей Бискупской), Ивановской и Замковой. Костель св. Іоанна вмѣстѣ съ его фундашами вскорѣ также перешелъ въ ихъ руки, послѣ чего іезуиты вознамѣрились основать въ Вильнѣ академію по образцу краковской. Осуществилось это при Стефанѣ Баторіи въ 1579 году.

Втеченіе цѣлаго столѣтія шла затѣмъ ожесточенная борьба между іезуитами и кальвинистами, сопровождавшаяся съ обѣихъ сторонъ неправдами всякаго рода и всевозможными насиліями. Кальвинисты были побѣждены: уже въ половинѣ XVII вѣка они утратили свои прежнія владѣнія, были вытѣснены за предѣлы города и основались въ мѣстности нынѣшней реформатской церкви. Но побѣжденные тогда, реформаты сохранились однако и доселѣ, какъ стройное цѣлое въ гармоніи городской жизни. Что же касается до іезуитовъ, то они давно изгнаны, но почти всѣ ихъ старыя пріобрѣтенія продолжаютъ служить той же самой цѣли, для которой они основаны, а именно: дѣлу учебному и благотворительности. „Одинъ изъ такихъ домовъ, — закончилъ референтъ, — удостоился чести принять въ своихъ стѣнахъ настоящее высокопочтенное собраніе“.

2. В. Б. Антоновичъ доложилъ „*О бронзовомъ вѣкѣ въ бассейнѣ Днѣпра*“.

Классификація, установленная скандинавскими учеными относительно дѣленія доисторическаго времени на три эпохи: каменную, бронзовую и желѣзную, допускаетъ значительныя исключенія. Можно привести много примѣровъ, гдѣ въ цѣлой странѣ недостаетъ одного изъ членовъ упомянутой классификаціи.

Разсматривая памятники доисторической древности въ Россіи, мы полагаемъ, что на значительномъ пространствѣ ея отсутствуетъ бронзовый вѣкъ и что желѣзная культура прямо наслонилась на каменную. Для того, чтобы обосновать это положеніе, нужно установить тѣ признаки, по которымъ констатируется присутствіе въ данной странѣ бронзоваго вѣка. Такихъ признаковъ референтъ полагаетъ три: 1) Нахожденіе предметовъ бронзоваго вѣка такихъ именно, которые быстро исчезли при появленіи желѣза. Такими предметами могутъ считаться: оружіе (за исключеніемъ

стрѣль и булавъ) и нѣкоторыя орудія: топоры, ножи, серпы, бритвы. Но признакъ этотъ не вполне прочный; если указанные предметы находятся единично, рѣдко и разсѣяны спорадически, то происхожденіе ихъ можетъ быть отнесено или къ торговымъ сношеніямъ людей каменнаго вѣка, или къ случайнымъ иммиграціямъ людей бронзовой культуры уже въ желѣзномъ вѣкѣ. 2) Другой, болѣе прочный признакъ составляетъ присутствіе мастерскихъ бронзоваго вѣка, характеризуемыхъ формами для отливки бронзовыхъ предметовъ, шлаками, запасами металла и готовыхъ проволокъ различнаго размѣра, орудіями недоконченными, испорченными при отливкѣ или испорченными употребленіемъ и назначавшимися для починки или переплавки. 3) Третій признакъ, очень прочный, это — присутствіе въ странѣ гробницъ бронзоваго вѣка.

Если примѣнимъ эти признаки къ территоріи Россіи, то убѣдимся, что бронзовая культура надвигалась на Русскую территорію съ двухъ сторонъ и изъ двухъ самостоятельныхъ центровъ: 1) съ востока — культура центрально-азиатская, ходъ которой можно прослѣдить по чудскимъ косямъ и гробницамъ отъ Алтая до Урала — перешедши Уралъ, она охватила бассейнъ Камы, здѣсь достигла въ древней Біарміи высшаго своего развитія, но дальше не пошла; 2) другая бронзовая культура передне-азиатская, распространенная по всему бассейну Средиземнаго моря Финикіянами, проникла, видоизмѣняясь и совершенствуясь, на материкъ западной Европы и съ запада двигалась къ восточной равнинѣ. Предѣлами ея можно пока считать: Днѣстръ, Смотричъ и Западный Бугъ. На всемъ промежуткѣ между этими границами и бассейномъ Камы, какъ кажется, бронзовой культуры не было. Въ Финляндіи, Остзейскомъ краѣ, Литвѣ, Бѣлоруссіи, центральной Россіи и бассейнѣ средняго Днѣпра находятъ лишь немногочисленные спорадически разсѣянные бронзовые предметы, но вовсе нѣтъ ни мастерскихъ, ни гробницъ бронзоваго вѣка.

Исключеніе составляетъ лишь побережье Чернаго моря (Новороссійскій край), гдѣ присутствіе бронзовой культуры можно доказать, но невозможно указать ея происхожденіе, такъ какъ среди найденныхъ предметовъ нѣтъ такихъ, которые рѣзко, по формѣ или орнаменту, могли бы быть рѣшительно отнесены къ западной или восточной культурѣ. Трудность этого опредѣленія зависитъ также въ значительной мѣрѣ отъ того, что область Дона остается совсѣмъ не изслѣдованною въ археологическомъ отношеніи и потому мы лишены возможности прослѣдить эволюцію бронзовой культуры и сличить формы побережья Чернаго моря съ бронзою сибирскою или Кавказскою, такъ какъ переходныя формы, если таковыя окажутся, несомнѣнно явятся въ бассейнѣ Дона.

Д. Н. Анучинъ, указавъ на значеніе и интересъ доклада пр. Антоновича, замѣтилъ, что бронзовый (или мѣдный) вѣкъ въ предѣлахъ Россіи констатируется почти всюду при условіяхъ, указывающихъ уже на знакомство населенія съ желѣзомъ. Какъ въ Сибири, такъ и на Кавказѣ, равно какъ и въ южной и средней Россіи, типичныя мѣдныя орудія были находимы большею частью въ могильникахъ, кладахъ и т. д., съ примѣсью желѣзныхъ. Тѣмъ не менѣе и въ Россіи была эпоха, повидимому — слѣдовавшая непосредственно за каменною, когда, при нѣкоторомъ знакомствѣ съ же-

лѣзомъ, мѣдь (и бронза) играла преобладающую роль, какъ матеріаль для выдѣлки орудій и оружія. Распространеніе этой „бронзовой“ культуры въ предѣлахъ Россіи шло, дѣйствительно, какъ доказываетъ В. Б. Антоновичъ, съ востока (изъ Сибири и Средней Азіи) и съ запада; тѣмъ не менѣе, едва ли будетъ подходящимъ придавать этой западной культурѣ названіе „финикійской“. Финикіяне, конечно, принимали нѣкогда большое участіе въ переносѣ азіатской культуры въ Европу и въ фабрикаціи и распространеніи бронзовыхъ издѣлій, но преемниками и продолжателями ихъ явились Этруски и Греки, и послѣдніе имѣли для южной Россіи, несомнѣнно, наиболѣе важное значеніе. Съ другой стороны, бронзовая культура распространялась у насъ не только съ востока и съ запада, но и съ юга, съ Кавказа, бронзовая культура котораго, можетъ быть и нѣсколько болѣе поздняя, чѣмъ сибирская, отличающаяся отъ нея по многимъ признакамъ, но въ то же время и представляющая нѣкоторыя общія съ ней черты (напр. въ стремленіи къ украшенію орудій и др. предметовъ изображеніями животныхъ), можетъ быть констатирована (правда, еще въ слабыхъ слѣдахъ) и въ бассейнѣ Дона. Что касается до западной культуры, то въ Финляндіи, Польшѣ, Западномъ краѣ находимыя бронзовыя орудія сходны съ скандинавскими и средне-европейскими и указываютъ, очевидно, на занесеніе ихъ изъ этихъ странъ, тогда какъ въ Юго-западномъ краѣ, гдѣ былъ найденъ и рядъ формъ для отливки бронзовыхъ орудій, послѣднія были завезены сюда и изготовлялись здѣсь, по всей вѣроятности, Греками. Восточная (сибирская) „бронзовая“ культура захватывала и весь Приуральскій край; значительные слѣды ея мы встрѣчаемъ въ Вятской, Казанской, Уфимской и даже въ Самарской губ. Повидимому, она распространялась и далѣе на западъ, какъ то доказываетъ могильникъ близъ деревни Ефано, Муромскаго уѣзда, къ сожалѣнію оставшійся не обследованнымъ научно, но изъ котораго были добыты нѣсколько бронзовыхъ цельтовъ большихъ и малыхъ (послѣдніе, по словамъ крестьянъ, были надѣты на нижніе концы истлѣвшихъ, означавшихся только темными полосками, копейныхъ древковъ), а отчасти и нѣкоторыя находки бронзовыхъ цельтовъ въ Московской губ. Интересно, что и въ Новороссійскомъ краѣ (какъ то доказываетъ коллекція А. Н. Поля, въ Екатеринославѣ) были найдены бронзовые серпы типа, совершенно сходнаго съ тѣмъ, который былъ констатированъ неоднократно въ Приуральскомъ краѣ (такъ, проф. Марковниковъ представилъ въ Моск. Арх. Общ. кладъ, найденный въ Казанской губ. и состоящій изъ 24 такихъ же мѣдныхъ серповъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими топорами, долотами, наконечниками дротиковъ и двумя слитками мѣди). Любопытно, что здѣсь, кромѣ этихъ серповъ (распространенныхъ также въ Венгріи, но не попадающихся далѣе на Западѣ), встрѣчаются и другіе, меньшихъ размѣровъ, безъ крючка (на мѣсто рукоятки), но съ особымъ шипомъ (для насаживанія на ручку) и иногда съ 2—3 продольными валиками вдоль серпа, несомнѣнно западнаго происхожденія. — Какъ на существенную особенность восточно-русскаго бронзоваго вѣка (равно какъ и Кавказскаго), отличающую его отъ бронзоваго вѣка западной Европы, слѣдуетъ указать (кромѣ характерныхъ формъ нѣкоторыхъ орудій) на орнаментацию и украшеніе бронзовыхъ издѣлій изображеніями животныхъ, которыя встрѣчаются и въ формѣ от-

дѣльныхъ статуэтокъ, прорѣзныхъ бляхъ и т. д. Этотъ мотивъ украшеній совершенно отсутствуетъ на бронзовыхъ издѣляхъ западной Европы, гдѣ онъ замѣняется геометрическимъ орнаментомъ, знакомымъ, впрочемъ, и сибирско-кавказской бронзовой культурѣ. Этимъ стремленіемъ къ изображенію животныхъ формъ, искусство бронзоваго вѣка связывается у насъ съ болѣе древнею костяною и каменною промышленностью, тогда какъ на Западѣ — оно является рѣзко обособленнымъ отъ искусства неолитическаго вѣка. Съ другой стороны, культура „бронзовой“ эпохи у насъ представляетъ и болѣе явственные переходы (въ формахъ орудій) къ желѣзному вѣку, гораздо болѣе рѣзко обособленному отъ бронзоваго на Западѣ. Въ заключеніе проф. Анучинъ указалъ на существенную необходимость составленія объяснительныхъ каталоговъ типичныхъ предметовъ бронзовой эпохи, по возможности съ изображеніями ихъ, подобно тому, какъ это сдѣлано для Минусинскаго музея гг. Клеменцомъ и Мартиномъ, и въ недавнее время для новороссійской коллекціи А. Н. Поля, подъ руководствомъ проф. В. Б. Антоновича, г-жей Е. Н. Мельникъ.

Д. Я. Самоквасовъ указалъ на огромный прогрессъ археологическихъ изысканій въ Россіи, совершившійся за послѣдніе 30 лѣтъ, — во многомъ благодаря инициативѣ Московскаго Археологическаго Общества и археологическимъ създамъ, которые были имъ вызваны къ жизни. Въ недавнее еще время наша старина начиналась съ IX вѣка по Р. Х., а въ настоящее время наука находится въ обладаніи точно установленныхъ фактовъ за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. Что касается въ частности до бронзоваго вѣка въ предѣлахъ Россіи, то, повидимому, его можно датировать VII вѣкомъ до Р. Х. Изъ Геродота извѣстно, что въ VII вѣкѣ Массагеты вытѣснили Скиѳовъ изъ прикаспійскихъ степей въ бассейнъ рѣки Дона. Оба народа жили въ условіяхъ бронзовой культуры, которую и принесли съ собою Скиѳы на новое мѣсто жительства. Но вмѣстѣ съ основаніемъ скиѳской державы между Дономъ и Дунаемъ началась греческая колонизація на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря и принесла въ эти предѣлы знакомство съ желѣзной культурой. Краткостью бронзоваго вѣка на югѣ Россіи (не болѣе столѣтія) и можно объяснить скудость памятниковъ его здѣсь.

С. Е. Звѣревъ сообщилъ о находкахъ бронзовыхъ орудій въ предѣлахъ Воронежской губерніи, въ бассейнѣ рѣки Дона. Въ 1891 году найдены были два бронзовые топора, долото и ножъ. Императорская Археологическая Комиссія поручила г. Звѣреву произвести археологическія разысканія на мѣстѣ находки, при чемъ найдены были еще два бронзовыхъ топора, изъ которыхъ одинъ съ пояскомъ на ударной части, и одно долото. Подробный перечень всѣхъ подобнаго рода находокъ въ предѣлахъ Воронежской губерніи съ 1863 по 1893 годъ помѣщенъ былъ г. Звѣревымъ въ памятной книжкѣ Воронежской губерніи за 1893 годъ.

В. З. Завитневичъ замѣтилъ, что орудія бронзоваго вѣка, встрѣчающіяся на пространствѣ между Припетью и Зап. Двиной, съ одной стороны, Нѣманомъ и Днѣпромъ — съ другой, по своей формѣ тождественны съ аналогичными каменными орудіями, въ огромномъ количествѣ находимыми въ этой области, и притомъ находимыми (въ противоположность желѣзнымъ вещамъ) не въ могилахъ. Въ виду этого есте-

ственно возникает вопрос: не были ли и бронзовые предметы мѣстнаго происхожденія и не слѣдуетъ ли поэтому искать слѣдовъ бронзоваго вѣка и въ средней полосѣ Россіи? Сравнительно незначительное количество находимыхъ бронзовыхъ предметовъ легко объясняется тѣмъ, что позднѣе ихъ передѣлывали въ предметы украшенія, — количество которыхъ такъ огромно въ могилахъ. Указанные факты, не подрывая вывода референта, расширяютъ область бронзоваго вѣка, какъ предмета изслѣдованія. Пока это изслѣдованіе не будетъ произведено, весьма рискованно утверждать, что средняя полоса Россіи не знала культуры бронзоваго вѣка.

А. А. Кочубинскій прибавилъ слѣдующее замѣчаніе: языкъ, этотъ контроль для общихъ выводовъ въ области доисторической археологіи, какъ будто подтверждаетъ заключенія проф. Антоновича. Въ то время, какъ въ языкахъ Славянъ и Литовцевъ есть общій терминъ для желѣза: *желъзо* — *gelezis*, для мѣди слова отдѣльныя и оба темнаго происхожденія: *мѣдь* — *varys*. Но вмѣстѣ съ этимъ самый терминъ *желъзо* — *gelezis* одного происхожденія съ названіемъ для мѣди въ греческомъ — *χαλκός*, т.-е., повидимому, для славянскаго и литовскаго племени не существовало самостоятельной эпохи мѣдной или бронзовой, и слово, оказавшееся лишнимъ, получило новое значеніе — желѣза.

В. Б. Антоновичъ благодарилъ своихъ оппонентовъ за сдѣланныя ими замѣчанія и дополненія, а затѣмъ представилъ подробныя разъясненія по отдѣльнымъ частнымъ пунктамъ. Финикійская культура, конечно, могла прійти къ намъ не иначе, какъ въ греческой окраскѣ. Что касается до значенія Кавказа, на что указывалъ Д. Н. Анучинъ, то референтъ утверждалъ отсутствіе въ южной Россіи бронзовыхъ предметовъ съ опредѣленно выраженнымъ кавказскимъ характеромъ. На возраженіе В. З. Завитневича, докладчикъ замѣтилъ, что тождественность формъ каменныхъ и бронзовыхъ орудій указываетъ только, что форма бронзовыхъ орудій взята отъ каменныхъ, но *идѣ* произошло это заимствованіе? — на это отвѣта нѣтъ. Чтобъ принять мнѣніе В. З.—ча, нужно все тоже: доказать существованіе мастерскихъ бронзоваго вѣка.

По окончаніи засѣданія предсѣдатель Ученаго Комитета Съѣзда, проф. О. И. Успенскій, принесъ отъ имени Съѣзда благодарность Его Императорскому Высочеству Великому Князю Сергію Александровичу въ такихъ словахъ:

Ваше Императорское Высочество!

Девятый Археологическій Съѣздъ, глубоко тронутый милостивымъ вниманіемъ Вашего Высочества къ русской археологической наукѣ, поручилъ мнѣ выразить Вамъ чувства глубочайшей признательности, которыя одушевляють одинаково всѣхъ его членовъ. Ходатайству Вашего Высочества обязаны мы щедротамъ Государя Императора и Государя Наслѣдника Цесаревича, благоволившихъ обезпечить расходы по изданію трудовъ нашихъ. Археологическій Съѣздъ не можетъ не вспомнить съ благодарностью, что Ваше Высочество не въ первый уже разъ являетесь среди его членовъ. Несмотря на многотрудныя обязанности, соединенныя съ управленіемъ перво-

престольной столицей, Вы не оставили безъ поощренія и нынѣшній Археологическій Съѣздъ, собравшійся въ Вильнѣ, и личнымъ Своимъ присутствіемъ вдохнули энергію въ членовъ его и возвысили скромное дѣло науки въ глазахъ мѣстнаго общества. Виленскій Археологическій Съѣздъ имѣеть счастье привѣтствовать въ лицѣ Вашего Высочества покровителя науки русской археологіи. Да подастъ Богъ Вамъ и Августѣйшей Супругѣ Вашей, Великой Княгинѣ, многія лѣта на благо дорогой намъ всѣмъ науки!

10 августа, днемъ.

Общее собраніе.

За болѣзнію предсѣдателя Съезда предсѣдательствовалъ *Θ. П. Успенскій.*
Секретарь *М. П. Соколовъ.*

1. Д. Я. Самоквасовъ сдѣлалъ докладъ „*Объ организаціи и дѣятельности центральныхъ архивовъ древнихъ актовъ въ западныхъ губерніяхъ*“. Имѣя важное практическое значеніе, заключаая огромное количество историко-юридическихъ документовъ, правительственные архивы Кіевскій, Виленскій и Витебскій представляютъ собою лабиринты, въ которыхъ не могутъ найтись не только постороннія лица, но и сами архиваріусы. Для охраны и удобства пользованія документами съ научными и практическими цѣлями необходимо составленіе инвентарныхъ описей по отдѣламъ, послѣ чего должно приступить къ составленію систематическихъ описаній или обзорнѣй документовъ по отдѣленіямъ съ приложеніемъ къ инвентарямъ и описаніямъ алфавитныхъ указателей именъ личныхъ и географическихъ. Для систематизаціи по отдѣламъ содержанія правительственныхъ архивовъ древнихъ актовъ и для составленія инвентарныхъ описей, систематическихъ описаній и алфавитныхъ указателей одинаково необходимы штаты архивистовъ съ высшимъ образованіемъ и обезпеченныхъ средствами существованія, съ условіемъ, чтобы архивная служба не совмѣщалась съ другою службою.

Указавъ современное неудовлетворительное состояніе архивовъ Кіевского, Виленскаго и Витебскаго, и очертивъ исторію правительственныхъ мѣропріятій къ измѣненію и улучшенію устройства этихъ архивовъ, референтъ ознакомилъ Съѣздъ съ правилами, проектированными Высочайше утвержденною при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія Комиссіею 1892 г. по преобразованію дѣятельности центральныхъ архивовъ въ западныхъ губерніяхъ. Комиссія признала настоятельно необходимымъ соединеніе Витебскаго архива съ Виленскимъ и изданіе въ возможно скоромъ времени слѣдующихъ правилъ организаціи и дѣятельности центральныхъ архивовъ въ Кіевѣ и Вильнѣ:

1. Определить штатъ Кіевского центрального архива древнихъ актовъ состоящимъ изъ одного архиваріуса, трехъ помощниковъ архиваріуса и одного секретаря архива, исправляющаго и должности регистратора и казначея.

2. Определить штат Виленскаго центрального архива древнихъ актовъ состоящимъ изъ одного архиваріуса, пяти помощниковъ архиваріуса и одного секретаря архива, исправляющаго и должности регистратора и казначея.

3. Назначить архиваріусу двѣ тысячи рублей, помощнику архиваріуса тысячу пятьсотъ рублей и секретарю тысячу рублей годичнаго содержанія.

4. Должность архиваріуса положить въ VI, помощника архиваріуса въ VII и секретаря архива въ VIII классѣ.

5. Сравнить права по выслугѣ пенсіи архиваріуса, помощника архиваріуса и секретаря архива съ правами службы по учебному вѣдомству въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

6. Чиновники архива пользуются лѣтнимъ каникулярнымъ временемъ поочередно, каждый изъ нихъ въ размѣрѣ шести недѣль.

7. На должности архиваріуса и помощника архиваріуса опредѣляются лица, получившія высшее образованіе и преимущественно изъ окончившихъ послѣ того успѣшно курсъ въ Археологическомъ Институтѣ, а сверхъ того удовлетворяющихъ по своему происхожденію условіямъ службы въ западныхъ губерніяхъ.

8. Должность архивиста несомвѣстима съ другою службою внѣ архива, кромѣ службы въ мѣстныхъ археографическихъ комиссіяхъ.

9. Должностнымъ присутствіемъ въ архивѣ считается время съ 10 часовъ утра до 3 часовъ пополудни; внѣ присутственнаго времени архивъ долженъ быть закрытъ не только для постороннихъ лицъ, но и для служащихъ въ немъ.

10. На обязанности и отвѣтственности архиваріуса лежитъ строгое наблюденіе за тѣмъ, чтобы при занятіяхъ въ помѣщеніи архива не было употребляемо огня и чтобы ни одна рукопись не выносима была изъ зданія архива, за исключеніемъ требованій Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената по дѣламъ о дворянствѣ, основаннымъ на выпискахъ изъ документовъ, признанныхъ архивами подложными и сомнительными.

11. На обязанности архиваріусовъ и помощниковъ архиваріусовъ лежитъ пріемъ и храненіе въ порядкѣ документовъ архива, изготовленіе и выдача справокъ и выписей изъ документовъ архива, по требованіямъ правительственныхъ учреждений и по прошеніямъ частныхъ лицъ, составленіе и печатаніе инвентарной описи и систематическаго описанія документовъ, хранящихся въ архивѣ, съ личнымъ и географическимъ указателями къ нимъ, исполненіе другихъ порученій Министерства Народнаго Просвѣщенія, возлагаемыхъ на архивъ, соотвѣтственно его назначенію и обязанностямъ.

12. На канцелярскіе и хозяйственные расходы и на печатаніе инвентарной описи и систематическаго описанія, съ указателями къ нимъ, на архивы Кіевскій и Виленскій назначается по двѣ тысячи рублей.

13. Подробныя правила внутренняго распорядка и дѣлопроизводства въ Кіевскомъ и Виленскомъ центральныхъ архивахъ устанавливаются Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

При обсужденіи доклада И. Я. Спрогисъ очертилъ современное состояніе Центрального Виленскаго архива, „огромнаго, какъ море, и безпомощнаго, какъ ребенокъ“,

и высказался безусловно въ пользу проектированныхъ правилъ. Г. Истоминоу предлагалъ составлять въ архивахъ не инвентари и систематическія описанія, а систематическіе предметные указатели не столько съ практическими цѣлями, сколько съ научными.

Священ. Паевскій указалъ на необходимость позаботиться о судьбѣ мелкихъ провинціальныхъ архивовъ.

А. В. Лонгиновъ совѣтовалъ, при соединеніи архивовъ Виленскаго и Витебскаго, туда же помѣстить часть архива Варшавскаго, именно документы, относящіеся къ западно-русскимъ губерніямъ.

Арс. И. Маркевичъ указалъ на необходимость новаго, болѣе удобнаго и безопаснаго помѣщенія для Виленскаго архива и на примѣненіе проектированныхъ Комиссіею правилъ и къ имѣющему образоваться архиву Новороссійскаго края.

И. Я. Спрогисъ сообщилъ, что было сдѣлано настоящимъ управленіемъ Виленскаго архива по вопросу о новомъ изолированномъ помѣщеніи для архива.

С. Л. Пташицкій возражалъ противъ правила о несовмѣстимости архивной службы съ какою либо другою, указывая на ту пользу, какую въ провинціальныхъ архивахъ могли бы приносить преподаватели учебныхъ заведеній, и предлагалъ не ограничивать занятій въ архивѣ временемъ до 3 часовъ дня.

А. Н. Львовъ оспаривалъ пользу совмѣщенія архивной службы съ постороннею и предлагалъ для удержанія на архивной службѣ образованныхъ людей прогрессивное увеличеніе жалованья, какъ это дѣлается въ гимназіяхъ.

11 августа, утромъ.

Отдѣленіе X. Памятники археографическіе.

Почетный председатель И. Я. Спрогисъ.

Председатель В. Н. Сторожевъ.

Секретарь Н. О. Бѣляшевскій.

1. А. Н. Львовъ прочелъ докладъ: „*Архивъ греко-уніатскихъ митрополитовъ*“. Архивъ греко-уніатскихъ дѣлъ находится нынѣ въ архивѣ Св. Синода и заключаетъ въ себѣ дѣла, касающіяся управленія греко-уніатскими епархіями, монастырями и церквами со времени присоединенія Сѣверо-Западнаго края къ Россіи до присоединенія уніатовъ въ 1839 году. Кромѣ того, въ немъ есть особый отдѣлъ, извѣстный подъ именемъ „архива греко-уніатскихъ митрополитовъ“, заключающій въ себѣ бумаги, дѣла, акты, документы, письма и дневники греко-уніатскихъ митрополитовъ. Отдѣлъ этотъ начинается съ 1570 г. и оканчивается бумагами послѣдняго уніатскаго митрополита Іосифа Булгака. Содержаніе архива чрезвычайно разнообразно; здѣсь есть дѣла о монастырскихъ и церковныхъ имѣніяхъ, о церквахъ и монастыряхъ уніатскихъ и православныхъ съ инвентарями, дѣла объ уніатскомъ управленіи, о

столкновенияхъ между православными и уніатами, масса судебныхъ дѣлъ, церковно-практическихъ, церковно-административныхъ и т. п. Архивъ этотъ до послѣдняго времени не былъ не только описанъ, но даже и разобранъ. Два года тому назадъ оберъ-прокуроръ Св. Синода, вполне понимая историческую важность этого архива, далъ особыя средства на правильное, научное описаніе его, и въ настоящее время это описаніе приводится къ концу и пользование архивомъ для постороннихъ лицъ представляется уже возможнымъ. По окончаніи описанія предполагается приступить къ изданію его, причемъ тѣ акты и документы, которые нигдѣ еще не были напечатаны, будутъ изданы въ видѣ особыхъ приложений къ описанію.

Почетный предсѣдатель И. Я. Спрогисъ, поблагодаривъ референта за его интересный докладъ, сдѣлалъ замѣчаніе по поводу документовъ съ двуязычнымъ письмомъ, упомянутыхъ референтомъ. По Литовскому Статуту писарь гродскій обязанъ былъ писать по-русски, съ конца же XVI вѣка входитъ въ употребленіе польскій языкъ, и въ официальныхъ документахъ лишь для соблюденія формы вступительныя и заключительныя слова писались на русскомъ языкѣ; до 1697 г. русскій языкъ еще держался, но въ этомъ году официальнымъ распоряженіемъ употребленіе его въ актахъ было запрещено.

В. Н. Сторожевъ предложилъ вопросъ о характерѣ будущаго изданія архива греко-уніатскихъ митрополитовъ, высказавъ пожеланіе, чтобы при изданіи архива частная переписка и дневники были изданы цѣликомъ.

И. Я. Спрогисъ замѣтилъ, что задача архивовъ описаніе, а не изданіе; послѣднее есть дѣло археографическихъ комиссій. В. Н. Сторожевъ согласился съ тѣмъ, что главная задача архивовъ — описаніе, но настаивалъ, что они должны быть вмѣстѣ съ тѣмъ и учрежденіями археографическими.

С. Л. Пташицкій замѣтилъ, что на практикѣ обыкновенно и происходитъ соединеніе этихъ двухъ цѣлей, — примѣромъ можетъ служить Львовскій архивъ.

2. Предсѣдатель В. Н. Сторожевъ прочелъ докладъ И. И. Васильева: „*Архивъ упраздненнаго Рижскаго генералъ-губернаторства*“. Въ началѣ доклада помѣщенъ краткій историческій очеркъ Ливонскаго края съ 1710 г. и перечень генералъ-губернаторовъ по 1876 г. По упраздненіи генералъ-губернаторства назначена была особая ликвидационная комиссія, которая и отобрала дѣла для архива. Архивъ этотъ имѣетъ не только мѣстное, но и общегосударственное значеніе (въ немъ, между прочимъ, хранятся письма Петра I); доступъ въ архивъ до послѣдняго времени былъ затрудненъ, архивъ не имѣетъ ни устава, ни штата, а потому будущность его не обезпечена.

3. А. Д. Бѣляевъ сдѣлалъ докладъ „*Объ устройствѣ археологическо-этнографическихъ музеевъ*“.

Референтъ сначала указалъ причины недостатка строгой системы въ распорядкѣ археологическихъ памятниковъ въ музеяхъ, а именно: хотя археологическихъ памятниковъ собрано теперь довольно много, но для научной полноты ихъ все-таки слишкомъ недостаточно, а добытый археологическій матеріалъ мало описанъ и еще менѣе объясненъ; однородные археологическіе памятники разбросаны по разнымъ странамъ,

напр., памятники Египта разсѣяны, кромѣ Египта, почти по всеѣмъ столичнымъ музеямъ Европы; наконецъ, въ археологіи не выработана классификація и не установлено твердыхъ принциповъ для распредѣленія матеріала. Въ главнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ музеяхъ (изъ послѣднихъ референтъ ознакомился съ музеями Берлина, Дрездена, Праги и Парижа) археологическіе памятники распредѣляются преимущественно по культурнымъ и племеннымъ типамъ. Такъ напр., восточныя древности обыкновенно занимаютъ особое помѣщеніе, при чемъ вся масса ихъ раздѣляется на древности египетскія, вавилонско-ассирійскія, персидскія, финикійскія и т. д. Но этотъ принципъ не проводится послѣдовательно. Напр., церковныя христіанскія древности обыкновенно помѣщаются отдѣльно отъ бытовыхъ памятниковъ, т.-е. распредѣляются уже по существу своему и по назначенію ихъ въ жизни. Распредѣляются еще древности въ музеяхъ и по вѣкамъ или эпохамъ, т.-е. въ хронологическомъ порядкѣ. Хронологическій порядокъ примѣняется преимущественно при распредѣленіи первобытныхъ древностей, которыя принято дѣлить на орудія палеолитическія, неолитическія, орудія бронзовой эпохи и орудія эпохи желѣзной. Признавая распредѣленіе археологическихъ памятниковъ въ хронологическомъ порядкѣ желательнымъ, референтъ находитъ, что оно трудно исполнимо при настоящемъ состояніи археологіи и отдаетъ предпочтеніе дѣленію древностей по ступенямъ культуры. Онъ предлагаетъ строить музеи въ видѣ продолговато-широкихъ зданій, имѣющихъ въ основаніи правильный параллелограммъ. Долевая стѣна посрединѣ дѣлитъ зданіе на двѣ половины. Въ одномъ рядѣ комнатъ размѣщаются коллекціи археологическія, въ другомъ — этнографическія. Какъ археологическіе, такъ и этнографическіе памятники распредѣляются по степени совершенства въ ихъ обработкѣ. Простѣйшіе, самой грубой обработки, должны быть расположены такъ: этнографическіе въ комнатахъ или въ комнатахъ подъ № 1 этнографической половины, археологическіе въ комнатахъ подъ тѣмъ же № археологической половины. Въ комнатахъ подъ № 2 въ обѣихъ половинахъ должны быть размѣщены этнографическія и археологическія вещи нѣсколько болѣе совершенныя и т. д. При такомъ близкомъ сопоставленіи и параллелизмѣ памятниковъ этнографическихъ, значеніе которыхъ намъ всегда извѣстно, съ памятниками археологическими, часто непонятными, этнографія, по мнѣнію референта, пролетѣтъ въ мракъ прошедшихъ временъ гораздо болѣе свѣта, нежели сколько заимствуютъ его отъ нея археологи въ настоящее время.

11 августа, утромъ (параллельное засѣданіе).

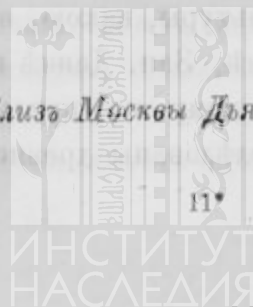
Отдѣленіе I. Древности первобытныя.

Почетный председатель А. К. Жизневскій.

Председатель В. Б. Антоновичъ.

Секретарь А. А. Спицынъ.

1. В. И. Сизовъ сдѣлалъ сообщеніе: „О расположенномъ близъ Москвы Дьяковомъ городищѣ“ (т. II, стр. 256—267).

А. А. Спицынъ, ознакомившись нынѣ съ вещами Дьякова городища, призналъ невозможнымъ сближать это городище съ костеносными прикамскими: въ немъ нѣтъ характерныхъ признаковъ культуры этихъ послѣднихъ (сближающихся и съ каменнымъ и съ бронзовымъ вѣками), а одно тожество стрѣлокъ, какъ изъ даннаго примѣра убѣждается г. Спицынъ, недостаточно, чтобъ засвидѣтельствовать тожественность культуры. Дьяково городище — моложе прикамскихъ костеносныхъ городищъ и, повидимому, вмѣстѣ съ другими городищами окскаго бассейна составляетъ группу, къ которой камскія городища не имѣютъ отношенія.

А. К. Жизневскій нашелъ много сходнаго между предметами Дьякова городища и нѣкоторыми случайными находками въ Тверскомъ краѣ, счелъ возможнымъ признавать культуру Дьякова городища смѣшанной по эпохамъ и народностямъ и поставилъ вопросъ, не могли ли служить маленькіе сосуды, встрѣчаемые на этомъ городищѣ, какою-нибудь принадлежностью жертвоприношеній. Н. И. Троицкій расширилъ районъ распространенія городищъ Дьяковского типа въ сторону юга, указавъ на существованіе совершенно аналогичнаго по находкамъ городища въ с. Гремящемъ, Перемышльскаго уѣзда Тульской губерніи, вещи изъ котораго хранятся въ Тульскомъ древнехранилищѣ.

Референтъ объяснилъ, что онъ не настаиваетъ на тожественности Дьякова городища въ частностяхъ съ костеносными городищами и указываетъ лишь на родовое сходство между ними; на опредѣленности указанныхъ имъ хронологическихъ датъ онъ продолжаетъ настаивать. Дьяковское городище, можетъ быть, въ послѣдствіи войдетъ въ особенную группу окскаго бассейна, но пока изслѣдованное городище съ такимъ количествомъ вещей представляетъ единичный примѣръ въ этой мѣстности.

2. А. В. Селивановъ прочелъ о произведенной имъ въ 1892 г., по порученію Импер. Археологической Комиссіи и при участіи А. И. Черепнина и В. А. Городцова, *раскопкѣ Борковского могильника*, находящагося въ 3 верст. отъ Рязани и открытаго еще въ 1874 г. при желѣзнодорожныхъ земляныхъ работахъ (при чемъ вмѣстѣ съ различными вещами найденъ былъ небольшой кладъ диргемовъ VIII и IX вв.). (Т. I, стр. 81—91).

А. А. Спицынъ обратилъ вниманіе на весьма замѣчательныя открытія могильниковъ въ послѣднее время въ бассейнахъ Оки и Зап. Двины, т.-е. въ области Мордвы и Мещеры, а съ другой стороны — Куровъ и Ливовъ (могильники: Курманскій, Борковский, Люцинскій). Весьма любопытно, что между древностями обоихъ районовъ замѣчается много точекъ соприкосновенія. При сравненіи указанныхъ могильниковъ, къ коимъ слѣдуетъ прибавить Ашераденскій, сходство наблюдается не только въ близости вещей (были указаны типичные примѣры), но и въ обрядѣ погребенія. Сходство это можетъ быть объяснено или совмѣстной жизнью основныхъ народныхъ группъ той и другой мѣстности, или заимствованіями отъ одной, богатой культуры, какою, напр., могла быть готская, которую приходится отыскивать на Нѣманѣ, Зап. Двинѣ и Донѣ. Г. Спицынъ, съ одной стороны, присоединяется къ выраженному на предыдущемъ засѣданіи В. Б. Антоновичемъ пожеланію, чтобы были изслѣдованы древности донскія, которыя богаты и имѣютъ соприкосновеніе съ древ-

ностями финскими приюкскими; а съ другой стороны, онъ обращаетъ вниманіе на своевременность и важность перейти отъ изученія кургановъ къ изученію могильниковъ.

Д. Я. Самоквасовъ: Богатый матеріалъ, добытый референтомъ, то вниманіе, съ какимъ онъ обращался съ цѣннымъ матеріаломъ, эта заботливость — сохранить каждый кусочекъ и распределить по могиламъ, — все это заслуживаетъ нашей глубокой признательности. Что касается выводовъ А. В., то первый изъ нихъ, т.-е. вопросъ о времени могильника мнѣ кажется еще недостаточно обоснованнымъ, а вопросъ о народности, именно сближеніе въ особенности этого могильника съ славянскими — заключеніе преждевременное и не оправдывается матеріаломъ и историческими свидѣтельствами. Я не нахожу ни въ положеніи покойника, ни въ вещахъ сходства съ могилами славянскими, открытыми въ предѣлахъ земли Сѣверянъ, Древлянъ, Радимичей. Я не нахожу здѣсь ничего общаго съ обрядомъ, о которомъ намъ говорилъ В. Б. Антоновичъ; тамъ имѣются курганы, а тутъ нѣтъ. Борковской могильникъ — не славянской, а инородческой могильникъ, принадлежащій одному изъ финскихъ племенъ, которыя были оттѣснены Славянами.

А. И. Селивановъ: Я не настаиваю на этнографическомъ, племенномъ сродствѣ или происхожденіи отъ Славянъ тѣхъ племенъ, которымъ принадлежитъ Борковской могильникъ. Если я дѣлалъ ссылки на Славянъ и на колонизацію гето-дакійскихъ племенъ, то чтобы объяснить хронологическую связь этого населенія со Славянами и выяснитъ вліяніе западной культуры въ этомъ могильникѣ.

Д. И. Иловайскій: Въ высшей степени интересное сообщеніе и такъ превосходно разработанное А. В. Селивановымъ, вызываетъ и историка, и археолога на размышленія. Я позволю себѣ привести только два соображенія: во-первыхъ, обратить ваше вниманіе на нахожденіе столбовъ въ борковскихъ могилахъ и сближить его съ извѣстіемъ лѣтописнымъ о Вятичахъ, которые пепель покойниковъ ставили въ урнахъ на „столпахъ“. Затѣмъ обращусь къ вопросу о томъ, какое значеніе имѣетъ этотъ могильникъ для данной мѣстности. Борки есть небольшой поселокъ на островѣ, образованномъ Окой и ея притокомъ Трубежомъ, — бѣдный поселокъ, жители котораго занимаются рыболовствомъ, и весной этотъ островъ покрывается водой за исключеніемъ возвышенной части, гдѣ находится поселокъ. Какое отношеніе имѣетъ этотъ могильникъ къ Боркамъ? Сколько мнѣ помнится, тамъ нѣтъ слѣдовъ какихъ-нибудь построекъ или укрѣпленій или чего бы то ни было, указывающаго на существованіе какого-нибудь города. Не есть ли этотъ могильникъ — некрополь города Переяслава Рязанскаго, т.-е. нынѣшней Рязани? Это предположеніе въ свою очередь ведетъ за собой опять другіе выводы. Мы привыкли считать начало городовъ по времени ихъ упоминанія въ лѣтописи: мы Москву считали съ 1147 года; Рязань упоминается первый разъ подъ 1095 годомъ, и Рязанцы собираются праздновать въ 1895 году 800-лѣтіе своего города. Но археологическія находки и разысканія заставляютъ перемѣнить прежній взглядъ на время древности нашихъ городовъ. Находки, сдѣланныя въ Москвѣ, даютъ возможность предполагать, что тутъ было поселеніе 5—6 вѣками ранѣе, чѣмъ упоминается о самой Москвѣ. Точно такъ же есть возможность пред-

полагать, что поселение, изъ котораго возникла Рязань, уже существовало съ VIII—VII в. Возвращаясь къ вопросу о народности, я думаю, что нѣтъ достаточныхъ основаній отвергать принадлежность даннаго поселенія Славянамъ. Раскопки послѣдняго времени убѣждаютъ насъ, что древняя Россія не была огромной пустыней. Я высказывалъ мнѣніе, что первобытнымъ мѣстопробываніемъ для Славянъ была именно восточная Европа, т.-е. Россія, и отсюда-то они пошли на западъ, на юго-западъ и поселились на Дунаѣ. Извѣстіе лѣтописное, что Славяне расселились съ Дуная, относится къ извѣстному историческому моменту, когда Римляне ихъ потѣснили и заставили отойти на сѣверъ.

В. З. Завитневичъ замѣтилъ, что имъ первымъ указаны случаи находенія въ курганахъ деревянныхъ столбовъ, объ отношеніи которыхъ къ упоминаемымъ въ лѣтописи „столпамъ“ онъ уже возбудилъ вопросъ къ Съѣзду; теперь онъ склоненъ видѣть въ подобныхъ столбахъ слѣды погребальнаго обряда Финновъ. Обративъ вниманіе на нѣкоторые предметы Борковскаго могильника, обработанные изъ спаянной проволоки, проф. Завитневичъ указалъ на совершенную несостоятельность одного изъ признаковъ, считавшагося чуть ли не по настоящее время весьма надежнымъ при опредѣленіи времени археологическихъ находокъ — спаянность и неспаянность металлическихъ издѣлій, при чемъ неспаянность считалась признакомъ древнѣйшихъ культуръ. А. К. Жизневскій, присоединяясь къ пожеланію А. А. Спицына о разработкѣ могильниковъ, высказалъ замѣчаніе, что при рѣшеніи сложнаго вопроса о томъ, какіе именно „столпы“ имѣлъ въ виду лѣтописецъ въ своемъ разсказѣ, надо принять во вниманіе существовавшій въ древности обычай ставить на могилахъ „боженки“ (часовни), позднѣе принявшій нѣсколько другія формы: такъ, можно полагать, что отсюда идетъ обыкновеніе ставить надъ могилами фонари съ иконами и лампадкою. Это замѣчаніе дало поводъ А. В. Селиванову сообщить краткія свѣдѣнія о найденномъ имъ деревянномъ столбѣ надъ пустой могилой въ Старой Рязани, на которомъ оказалось изображеніе головки изъ бронзы, и В. Н. Поливанову — передать свѣдѣнія о встрѣченныхъ имъ деревянныхъ столбахъ въ Муранскомъ могильникѣ, а проф. Завитневичу — напомнить о приведенномъ Котляревскимъ свидѣтельствѣ относительно обычая ставить на распустьяхъ, на столбахъ, фигуры, предъ которыми приносились жертвы.

А. А. Спицынъ признавалъ Борковской могильникъ финскимъ въ виду сходства его съ могильниками балтійскими. Вятчей слѣдуетъ искать выше, и В. И. Сизовъ указалъ характерныя для нихъ височныя кольца.

В. Б. Антоновичъ склонялся на сторону Д. Я. Самоквасова, не признавашаго Борковской могильникъ славянскимъ.

Замѣчанія Д. Н. Анучина относились не къ самому докладу, а къ тѣмъ общимъ заключеніямъ, которыя по поводу его были сдѣланы А. А. Спицынымъ. Проф. Анучинъ предостерегалъ отъ злоупотребленія въ археологіи приѣмомъ объясненія сходства простымъ заимствованіемъ изъ одного общаго источника и находилъ возможнымъ, что финская культура могла развиваться самостоятельно, безъ особенно замѣтнаго готскаго или иного вліянія. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ дополненіе къ аналогіямъ, прове-

деннымъ г. Спицынымъ между древностями западныхъ и восточныхъ финскихъ народностей, проф. Анучинъ далъ описаніе той пряжки-сустуга, какія до сихъ поръ въ ходу подъ этимъ названіемъ у нижегородской Мордвы.

А. К. Жизневскій заключилъ пренія выраженіемъ благодарности референту, закончившему свою дѣятельность въ Рязанской губерніи столь блестяще и съ такимъ успѣхомъ для науки.

3. Профессоръ Кенигсбергскаго университета Беценберггеръ сдѣлалъ на нѣмецкомъ языкѣ сообщеніе: „*О доисторическихъ древностяхъ Восточной Пруссіи*“. Прежде всего референтъ остановился на геологическихъ условіяхъ страны, бывшей покрытою въ предшествующую современной эпоху великимъ сѣвернымъ ледникомъ, и территорія которой значительно увеличилась въ послѣ-третичный періодъ, вслѣдствіе поднятія почвы въ Привислинской низменности на 18 футовъ. Это измѣненіе очертаній страны сопровождалось измѣненіемъ въ теченіи рѣкъ: Нѣмана, Вислы, Одера, направлявшихся прежде къ западу и стоявшихъ въ связи между собою, а послѣ отдѣлившихся и проложившихъ себѣ дорогу на сѣверъ. Человѣкъ еще засталъ въ данной области эти измѣненія, появившись здѣсь по окончаніи ледниковаго періода, — по всей вѣроятности съ В. и Ю.-В., изъ территоріи, входящей нынѣ въ составъ Россіи. Впрочемъ, отъ палеолитическаго періода извѣстно до настоящаго времени только двѣ находки человѣческихъ костяковъ съ долихоцефалическими и прогнатическими черепами. Большимъ числомъ находокъ представленъ неолитическій и древнѣйшій металлическій вѣкъ, и есть основанія думать, что населеніе этихъ эпохъ было тождественно литовско-латышскому племени. На это указываютъ названія нѣкоторыхъ мѣстностей, напр. одной, называемой еще и теперь по-литовски берегомъ, между тѣмъ какъ въ настоящее время берегъ моря отстоитъ отъ этой мѣстности на значительное разстояніе. Можно даже констатировать, что уже съ весьма отдаленной эпохи литовское племя было представлено въ этой территоріи двумя вѣтвями, прусскою и литовскою, и что граница между ними шла приблизительно тамъ же, гдѣ она проходитъ и теперь. Бронзовая эпоха въ краѣ представлена довольно явственными слѣдами, указывающими на два послѣдовательныхъ способа преданія умершихъ землѣ — трупосоженіе и погребеніе, и на культурную связь въ то время съ Помераніей и Шлезвигомъ. Желѣзный вѣкъ распадается на нѣсколько эпохъ, изъ коихъ древнѣйшая, около начала нашей эры (примѣрно со II вѣка до Р. Х.), характеризуется нѣкоторымъ вліяніемъ культуры La Tène и отсутствіемъ римскихъ монетъ. Есть основанія думать, что торговля янтаремъ, впослѣдствіи достигшая значительнаго процвѣтанія въ этой области, развивалась сначала медленно, и лишь по мѣрѣ того, какъ стали истощаться запасы янтаря на побережьѣ Нѣмецкаго и западной части Балтійскаго морей и какъ сталъ увеличиваться спросъ на этотъ продуктъ въ предѣлахъ Римской имперіи, — торговля имъ охватила и юго-восточную часть Балтики. Вторая эпоха желѣзнаго вѣка характеризуется слѣдами римскаго вліянія и находками римскихъ имперскихъ монетъ, особенно II—IV вѣковъ. Наконецъ, третья эпоха можетъ быть названа эпохой викинговъ и захватываетъ VI—VIII в. Она характеризуется, между прочимъ, нѣкоторыми спеціальными формами фибулы, которыя были

встрѣчены также и въ нѣкоторыхъ могильникахъ русскаго Прибалтійскаго края и вообще западной Россіи, между прочимъ и въ Люцинскомъ могильникѣ, древность котораго, по мнѣнію референта, можетъ быть удалена до VIII—VI вѣковъ.

В. И. Сизовъ: X—XI в. для Люцинскаго могильника русскими изслѣдователями принимаются по аналогіи этого могильника съ Ашераденскимъ, давшимъ монеты этого времени; Ливамъ же онъ приписывается на основаніи того, что въ это время Ашераденъ, какъ слѣдуетъ изъ указаній Генриха Латыша, заселенъ былъ именно этимъ племенемъ.

11 августа, днемъ.

Отдѣленіе IV. Памятники быта.

Почетный предсѣдатель А. В. Романовичъ-Славатинскій.

Предсѣдатель Н. И. Веселовскій.

Секретарь С. М. Середонинъ.

Почетный предсѣдатель А. В. Романовичъ-Славатинскій обратился къ собранію съ краткою рѣчью, въ которой указалъ связь археологіи съ юриспруденціей и выразилъ надежду, что на слѣдующихъ археологическихъ сѣздахъ отдѣленіе памятниковъ юридическаго быта получитъ еще большее развитіе.

1. А. Я. Ефименко прочла докладъ: „*Къ вопросу о феодализмѣ въ Западной Руси и Литвѣ*“.

Въ основаніи того комплекса явленій, который мы называемъ феодализмомъ, лежитъ феодализція земельной собственности. Сущность этого процесса въ слѣдующемъ. Земледѣльческіе народы Европы (съ увѣренностью говоримъ относительно германскихъ и славянскихъ) осѣли на свою территорію земледѣльческими клѣточками, извѣстными на средневѣковомъ латинскомъ языкѣ подъ именемъ mansus, — германское названіе huoba, западно-славянское tan, восточно-славянское село, деревня, дворище. Эта клѣточка заключала въ себѣ союзъ свободныхъ людей, связанныхъ родствомъ, и имѣла опредѣленный размѣръ воздѣланной земли съ неопредѣленнымъ, тянущимъ къ нему, количествомъ дикой земли, угодьевъ. Опредѣленность размѣра этой клѣточки констатируется точными свидѣтельствами и находится въ зависимости отъ естественныхъ условій роста этой клѣточки, отъ неудобствъ и невыгодъ, заключающихся въ чрезмѣрномъ расширеніи ея периферіи. Союзы, обнимаемые этими клѣточками, и есть до относительно позднихъ историческихъ временъ единственные безусловные или аллодіальные земельные собственники. Всякая иная земельная собственность есть собственность условная, имѣющая источникъ въ jus publicum, а не въ jus privatum, состоящая въ правѣ пользованія продуктомъ труда этихъ аллодіальныхъ собственниковъ. Оно вытекаетъ изъ потребностей складывающагося государства, которому необходимъ большой классъ лицъ, могущихъ служить органомъ государства, главнымъ образомъ по отношенію къ организациі военной защиты. Эта условная

собственность постепенно всасываетъ въ себя всѣ атрибуты собственности безусловной и становится на ея мѣсто. Есть и другой путь образованія условной собственности: это передача первоначальными собственниками своей земли безземельнымъ.

Весь этотъ процессъ феодализаціи земельной собственности можно наблюдать и въ Литовской Руси; процессъ этотъ шель, конечно, вполне самостоятельно. Но на ряду съ нимъ можно замѣтить нѣкоторые слѣды прямого заимствованія изъ Европы формъ феодальнаго строя. Слѣды эти сильнѣе на территоріи русско-польскихъ областей и слабѣе на территоріи собственной Литовской Руси.

В. Г. Васильевскій замѣтилъ, что выслушанное мнѣніе интересно, какъ принадлежащее такой значительной ученой силѣ, какъ А. Я. Ефименко. Но въ сжатомъ, категорическомъ изложеніи докладчицы затронуть рядъ очень спорныхъ вопросовъ. Вопросъ: „былъ ли феодализмъ въ Литвѣ“ поставленъ былъ еще Ярошевичемъ и занимаетъ историковъ и въ настоящее время. Если мы дадимъ феодализму то опредѣленіе, какое даютъ ему нѣкоторые англійскіе ученые (напр. Мэнъ), и какое, очевидно, лежитъ въ основѣ выводовъ референта, т.-е. смѣна общинныхъ отношеній частно-имущественными съ подчиненіемъ населенія владѣльцу въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, то придется признать, что феодализмъ въ Литвѣ былъ, какъ Мэнъ находитъ его, напр., и въ Индіи. Если же мы примемъ опредѣленіе феодализма, дѣлаемое нѣмецкими, по преимуществу, учеными (крупная земельная собственность, передача владѣльцу земли политическихъ правъ и вмѣсто союза подданчества по отношенію къ королю союзъ вассальности), то слѣдуетъ признать, что феодализма въ Литвѣ не было.

В. З. Завитневичъ присоединился къ В. Г. Васильевскому, полагая, что сжатая, блестяще выраженная мнѣнія автора остаются всецѣло проблематичными.

А. Я. Ефименко: И въ началѣ, и въ концѣ реферата ею было оговорено, что она не беретъ на себя задачи рѣшать, былъ ли въ Литвѣ феодализмъ, и тѣмъ болѣе — какой стадіи развитія западно-европейскаго феодализма онъ соотвѣтствовалъ; она хорошо сознаетъ, какія чрезвычайныя трудности заключаетъ въ себѣ этотъ вопросъ при громадности европейской литературы по этому предмету, и проситъ объ одномъ — обратить вниманіе на то, что она считаетъ центральнымъ пунктомъ какъ своего реферата, такъ и самаго предмета (не феодализма, а процесса феодализаціи земельной собственности), именно на тотъ фактъ, что понятіе земельной собственности въ историческую уже эпоху подверглось большому измѣненію, и значительное недоразумѣніе возникаетъ въ наукѣ именно изъ-за того, что опускаютъ это обстоятельство изъ виду и объясняютъ архаическія явленія, исходя изъ современныхъ понятій.

2. Н. Я. Чижовъ доложилъ собранію о „*Нѣкоторыхъ чертахъ брачно-юридическихъ символовъ Ярославской губ. (Ростовскаго и Угличскаго уѣздовъ)*“.

Символы — самыя древнія формы выраженія юридическихъ понятій и идей. Существованіе символовъ на первыхъ ступеняхъ развитія народной жизни обусловливается потребностью неразвитаго человѣка изображать свои мысли образно, наглядно. Въ символахъ воплощаются различныя стороны народнаго быта, и они принадлежатъ какъ къ публичному, такъ и къ частному праву. Изъ всѣхъ областей общественной жизни самое

широкое развитіе нашли символы въ области семейныхъ отношеній. Указавъ на символы, касающіеся похищенія, завладѣнія невѣстъ (вѣнокъ, кольцо, лента въ косѣ), референтъ перешелъ къ разсмотрѣнію символовъ, относящихся къ покупкѣ невѣстъ, въ которыхъ брачный договоръ отождествляется съ договоромъ купли-продажи. Существенными принадлежностями этого договора являются: купецъ (женихъ), товаръ (невѣста), передача товара (изъ полы въ полу), закрѣпленіе договора (литки). Одной изъ главныхъ цѣлей сообщенія было желаніе референта обратить вниманіе членовъ Съѣзда на важность изученія юридическихъ символовъ, какъ средства познанія брачно-юридическихъ отношеній древняго періода русской исторіи.

3. С. Θ. Платоновъ прочиталъ „Объ *огнищанахъ*“.

Указавъ на чрезвычайно большое количество объясненій, предложенныхъ учеными для того, чтобы опредѣлить смыслъ какъ самаго термина „огнищанинъ“, такъ и того общественнаго слоя, который былъ извѣстенъ подъ именемъ „огнищанъ“, докладчикъ пытался раздѣлить эти ученые мнѣнія на двѣ основныя группы: одна изъ нихъ полагаетъ, что словомъ, „огнищанинъ“ обозначались люди извѣстнаго соціального положенія; другая же видитъ въ этомъ словѣ только придворное званіе, означающее извѣстную степень приближенности къ князю или зависимости отъ князя. Принять первую точку зрѣнія значитъ связать вопросъ объ „огнищанахъ“ съ вопросомъ о такъ называемыхъ земскихъ боярахъ и придать ему несвойственный объемъ и значеніе. Самъ референтъ, на основаніи приведенныхъ имъ извѣстій Русской Правды и лѣтописей, высказался въ томъ смыслѣ, что подъ „тіуномъ огнищнымъ“ и „огнищаниномъ“ Русской Правды всего основательнѣе разумѣть то лицо княжеской администраціи, которое вѣдало княжескій дворъ и дворню, челядь, и которое позднѣе получило названіе дворскаго, дворецкаго. Новгородское употребленіе слова „огнищане“ охватывало этимъ словомъ большій кругъ лицъ, именно, всѣхъ людей, принадлежавшихъ къ княжескому двору, и, такимъ образомъ, отождествляло это слово со словомъ дворяне. Оговариваясь, что предлагаемое толкованіе имѣетъ въ его глазахъ силу лишь догадки, а не категорическаго вывода, докладчикъ видѣлъ почву для такой догадки въ древнемъ значеніи слова „огнище“ — *ἀνδράποδος* — въ славянскомъ переводѣ поученій Григорія Богослова и слова *ohniščenin — libertus* — въ *Mater verborum*, гдѣ эта глосса (*libertus, cui post servitium accedit libertas*) не могла быть, по внутреннему ея смыслу, плодомъ поздней фальсификаціи. Нисколько не противорѣчитъ предложенному толкованію и другое пониманіе слова „огнище“ въ смыслѣ очага или дома. Княжескій домочадецъ могъ быть граждански несвободнымъ лицомъ и въ то же время занимать высокое и важное положеніе въ княжескомъ дворцовомъ управленіи.

А. В. Лонгиновъ: Наибольшее значеніе въ этомъ вопросѣ имѣетъ этимологическое значеніе слова; несомнѣнно, что огнищане занимали высокое общественное положеніе, но сопоставленіе ихъ съ дворскимъ едва ли имѣетъ подъ собою надежную почву; объясненія этого слова слѣдуетъ искать въ языческой эпохѣ: быть можетъ оно связано съ культомъ огня.

А. П. Маркевичъ высказалъ предположеніе, не спуталъ ли неизвѣстный составитель глоссы въ „*Mater verborum*“ понятій „изгой“ и „огнищанинъ“.

А. И. Соболевскій полагалъ, что въ „Mater verborum“ слово „огнищанинъ“ передѣлано изъ какого-нибудь другого. Для доказательства предположенія референта слѣдовало бы указать употребленіе въ какомъ-нибудь русскомъ памятникѣ слова „огнище“ въ смыслѣ княжескаго двора; это слово встрѣчается въ древнихъ памятникахъ (житіе Андрея Юродиваго, толкованія Никиты Праклійскаго на Григорія Богослова) въ смыслѣ „очага“, „печи“.

М. Н. Бережковымъ указано было употребленіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи словъ: „огнище“ въ смыслѣ расчищеннаго огнемъ для пашни мѣста, „огнищанина“ — работника на такомъ мѣстѣ.

В. З. Завитневичъ указалъ на то, что „Русская Правда“ назначаетъ высшій размѣръ виры за княжихъ мужей; такъ какъ за убійство огнищанина назначенъ высшій размѣръ виры, то очевидно, что это былъ княжій чиновникъ.

С. Θ. Платоновъ отвѣтилъ, что для объясненія этого слова онъ не видитъ надобности обращаться къ языческой эпохѣ; должность дворскаго была сложна, ему потребовались помощники (бояре введенные?); дворскій предводительствовалъ войсками, какъ это прямо вытекаетъ изъ его обязанностей (начальствованіе надъ людьми „подъ дворскимъ“); огнищанинъ могъ также становиться во главѣ челяди; слово „огнище“ имѣетъ много значеній, очевидно, это былъ ходячій терминъ; въ „Mater verborum“ это слово (какъ и вся глосса) вписано на чистомъ мѣстѣ; наконецъ, С. Θ. Платоновъ вполне принялъ и дополнилъ толкованіе, приведенное во время преній г. Лонгиновымъ статьи „Русской Правды“ о убіеніи „во пса мѣсто“ головника, убившаго огнищанина на княжескомъ дворѣ.

12 августа, утромъ.

Отдѣленіе VII. Древности классическія и византійскія.

Почетный предсѣдатель А. В. Лонгиновъ.

Предсѣдатель В. Г. Васильевскій.

Секретарь Ю. А. Кулаковскій.

1. Баронъ де Бай поднесъ въ даръ Съѣзду труды обществъ, депутатомъ которыхъ онъ состоитъ, а именно: 1) Bulletin et Mémoires de la Société nationale des Antiquaires de France. 6-me série. Mémoires, за 1890—1891 годы; 2) Association française pour l'avancement des sciences. 20-me session. Marseille 1891 (два тома), 21-me session. 1892 (два тома), а также слѣдующіе труды отъ имени ихъ авторовъ: 1) Delamain, Le cimetièrre d'Herpes, 2) Barrière Flavy, Étude sur les sépultures Barbares du Midi et de l'Ouest de la France. Industrie Wisigothique, 3) Courajod, Origines de l'art gothique и лекцію того же автора изъ курса по исторіи скульптуры.

Остановившись сначала на дарахъ Національнаго Общества Французскихъ Аянтикваріевъ и Французскаго Научнаго Союза, бар. де Бай продолжалъ:

„Остальные труды прямо относятся къ работамъ, которыми и я занимаюсь: итакъ, позвольте мнѣ, поднося ихъ, побесѣдовать съ вами объ успѣхахъ, достигнутыхъ за послѣднее время въ этой области археологіи, относящейся къ нашимъ раннимъ среднимъ вѣкамъ и къ вашей эпохѣ переселенія народовъ. Взглядами, которые я буду имѣть честь изложить вамъ, захватываются, мнѣ кажется, вопросы, заслуживающіе одинаковаго вниманія и съ вашей и съ нашей стороны, — вопросы, соединяющіе въ общемъ усиліи разысканія, предпринятыя на двухъ разныхъ концахъ Европы. Не узнали ли мы изъ вашихъ музеевъ, что наши такъ называемыя *варварскія* древности — младшія сестры вашихъ древностей и что у васъ слѣдуетъ искать тайну ихъ происхожденія? Разъ точка отправленія этого художественнаго теченія находится въ вашей странѣ, какъ могутъ проявленія его не заслуживать вашего вниманія?

„Изученіе безчисленныхъ предметовъ погребальной обстановки, извлеченныхъ изъ могильниковъ, принадлежавшихъ тѣмъ народамъ, что, нахлынувъ на Римскую имперію, разрушили ее, — вызвало новыя направленія въ нѣсколькихъ вѣтвяхъ археологіи, и особенно въ археологіи монументальной. Эти предметы одежды и наряда, эти сосуды, это оружіе образуютъ цѣлое, столь значительное и столь краснорѣчивое, столь оригинальное и столь стройное, что неизбѣжно пришлось принять его въ расчетъ. Столь глубокое проникновеніе новаго вкуса, столь значительный привозъ вещей золотыхъ, серебряныхъ, бронзовыхъ, желѣзныхъ, обработанныхъ въ стилѣ дотолѣ неизвѣстномъ, не могли ограничиться однимъ вліяніемъ на измѣненіе одежды, но должны были отразиться и на архитектурѣ. Столь оригинальная орнаментация личнаго убора должна была послужить образцомъ для ваятелей или по крайней мѣрѣ повліять на ихъ работы. Художественное чувство, вдохновлявшее творцовъ этого множества личныхъ уборовъ — произведеній оригинальнаго искусства — перешло и на украшавшихъ зданія. Это — вліяніе малыхъ памятниковъ на большіе. Не разъ новыя знанія вносились такъ предметами, легко переносимыми, и проявлялись затѣмъ въ бѣльшихъ твореніяхъ. Усвоеніе новыхъ элементовъ архитектурой было предметомъ курса, блестяще прочитаннаго въ прошломъ году г. Куражо въ Луврской школѣ. Мой ученый собратъ поручилъ мнѣ поднести вамъ его вступительную лекцію, говорящую о началѣ готики.

„Прежде думали, что начало средневѣковой скульптуры и архитектуры пошло отъ основъ латинской и галло-римской. Такимъ образомъ имя римскаго стиля взяло верхъ надъ именемъ готскаго. Послѣднее названіе было осуждено лицами, отказывавшими во всякомъ художественномъ пониманіи этимъ Варварамъ, которыхъ нѣкогда представляли разрушителями, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности они были инициаторами.

„Въ составленіи національности, въ образованіи души народа, весьма важнымъ коэффиціентомъ является относительный темпераментъ различныхъ этнографическихъ элементовъ, образующихъ сообща эту народность“. Стоитъ привести эти слова г. Куражо. Онъ старался отыскивать въ образованіи средневѣковаго стиля отпечатокъ, оставленный присутствіемъ Варваровъ на нашей почвѣ. Черезъ изученіе археологическихъ свидѣтельствъ, накопившихся за 50 лѣтъ, онъ пришелъ къ выводамъ, аналогичнымъ съ нашими.

„Мы изучали исключительно могильный инвентарь и мы спрашивали себя, который именно изъ народовъ-завоевателей принесъ на Западъ и сообщилъ всѣмъ тотъ оригинальный вкусъ, о которомъ идетъ рѣчь. Мы стремились доказать удивительное единство и необыкновенное богатство этого искусства Варваровъ, слѣдить по всей Европѣ его столь широкое распространеніе, его столь опредѣленные принципы, его столь поразительную индивидуальность, его столь выдающіеся техническіе приемы, его столь восточное богатство; наконецъ, одинъ вопросъ занималъ насъ болѣе всего — вопросъ о происхожденіи. Увлекаемые разысканіемъ различныхъ проявленій этого искусства, мы подвигаемся все далѣе на Востокъ. Сначала Дунай казался намъ послѣднимъ предѣломъ его распространенія — мы отодвинули его въ Трансильванію, въ Румынію, другими словами — въ Дакию. Затѣмъ свѣтъ пришелъ къ намъ изъ вашихъ земель, омываемыхъ Понтійскимъ моремъ и Меотидскимъ озеромъ. Нынѣ дальнѣйшіе успѣхи науки сняли съ этого искусства имя германскаго (*germanique*), которое придавалось, было, ему, и являютъ намъ его на Сѣверномъ Кавказѣ. Болѣе того, мы провидимъ въ Азіи источникъ его декоративныхъ принциповъ и его техническихъ приемовъ“.

Отмѣтивъ мимоходомъ, что въ столь характерной, для золотого дѣла этого стиля, инкрустаціи плоско отдѣланныхъ красныхъ камней, матеріаломъ является болѣе всего гранатъ-альмандинъ, называемый у ювелировъ *сиріанскимъ* гранатомъ, по имени города Сиріана въ *Индіи*, докладчикъ продолжалъ:

„Оставимъ предположенія, чтобъ вновь перейти къ выводамъ, добытымъ за послѣднее время наукою. Наша старая галльская почва, въ пору освобожденія отъ владычества Римлянъ, была изборождена нахлынувшими народами, имена которыхъ долго было бы перечислять; но подъ конецъ она подѣлена была тремя племенами-завоевателями: Франками, Бургундами, Вестготами. Слѣды, оставленные двумя первыми, были уже предметами многихъ изданій, и ихъ число постоянно увеличивается. Мы скажемъ здѣсь особенно о древностяхъ вестготскихъ, которыя стали извѣстны съ недавняго времени. Какъ Франки и Бургунды, Вестготы зарывали со своими покойниками вещи, по которымъ можно оцѣнить искусство ихъ.“

„Изысканія г. Деламенъ были исходной точкой этихъ изученій: онъ былъ счастливымъ изслѣдователемъ перваго варварскаго могильника, извѣстнаго въ Аквитаніи, въ той части Галліи, которая была съ V в. во власти Вестготовъ и сохранила, даже послѣ франкскаго завоеванія, вестготскія колоніи. Этотъ археологъ поручилъ мнѣ поднести Вамъ его книгу о могильникѣ въ Эрпахъ (*Herpes*). Приложенныя къ ней таблицы съ выгодой замѣнятъ всякое описаніе и неопровержимо докажутъ вамъ, что искусство у этихъ трехъ варварскихъ народовъ было одно и то же. Археологъ, какъ воинъ, стоитъ въ проломѣ стѣны и стремится умножать свои подвиги: г. Деламенъ недавно открылъ въ томъ же департаментѣ, въ Шарантѣ, другіе варварскіе могильники. Онъ любезно сфотографировалъ для меня главные предметы своихъ послѣднихъ разысканій, чтобы я могъ выяснитъ вамъ интересъ, представляемый ими.“

„Одинъ изъ моихъ молодыхъ собратій, съ цѣлью пополнить указанный пробѣлъ, бодро предпринялъ изученіе варварскихъ древностей, найденныхъ въ той части Галліи,

что была занята Вестготами. Онъ осмотрѣлъ музеи, частныя собранія и собралъ драгоцѣнныя свѣдѣнія, которыя описалъ и изобразилъ въ книгѣ „*Études sur les sépultures barbares. Industrie Wisigothique*“. Я счастливъ, что могу отъ имени автора поднести Виленскому Съѣзду экземпляръ этого прекраснаго сборника. Здѣсь дѣло идетъ уже не объ изученіи одной мѣстности, но дается полная монографія того, что мы знаемъ нынѣ о древностяхъ, разсѣянныхъ на югѣ и на западѣ нашей страны, которыя могутъ быть приписаны Варварамъ. Совокупность столь драгоцѣннаго и столь важнаго собранія вещей наводитъ насъ на два соображенія.

„Во-первыхъ, мы отмѣчаемъ сходство этихъ вестготскихъ древностей Галліи съ подобными вещами, найденными въ земляхъ Франкской и Бургундской. Изъ этого сближенія вытекаетъ единство не только искусства Варваровъ въ Галліи, но и во всѣхъ частяхъ Европы, куда проникли они.

„Во-вторыхъ, мы стремимся уловить оттѣнки или индивидуальность въ вестготскихъ произведеніяхъ нашей страны и различіе ихъ отъ вещей франкскихъ и бургундскихъ. Это второе впечатлѣніе не столь отчетливо, какъ первое. Труднѣе отмѣтить отличительные оттѣнки вестготскихъ уборовъ, чѣмъ указать родство ихъ съ этимъ стройнымъ цѣлымъ, собравшимся со всѣхъ концовъ средней и западной Европы.

Не забудьте, что Вестготы въ Галліи тѣ же, что въ Россіи, въ Венгріи; но на переходѣ на матеріку Европы они испытали дѣйствіе соприкосновеній и вліяніе времени, — два великіе фактора, сила которыхъ чувствовалась достаточно, чтобъ оставить слѣды воздѣйствія, но недостаточно, чтобъ коснуться отличительныхъ принциповъ вкуса. Такъ сопротивляться разлагающему дѣйствію вѣковъ, такъ мало испытывать вліяніе среды, обыкновенно поглащающей, — есть свидѣтельство расы, постоянно вѣрной этническимъ преданіямъ и инстинктивно удаляющейся отъ того, что было чуждо ея національному характеру. Иначе римская цивилизація, хотя сама и въ періодѣ паденія, поглотила бы этотъ новый художественный элементъ, не давъ ему дойти вплоть до Атлантическаго океана. Слабость издыхающаго Рима и жизненность юныхъ народовъ, поселившихся на развалинахъ его имперіи, обезпечили царство этого стіля, плодovitость и основные принципы котораго открыты намъ въ могилахъ.

„Нашъ Музей Національныхъ Древностей обладаетъ нѣсколькими недавно пріобрѣтенными уборами, которыми поразительно ярко представляется оригинальность золотого дѣла у Варваровъ. Гранаты въ оправѣ (*cloisonnés*) перемѣшаны съ зернью и сканью, образуя работу съ гармоничнымъ и блестящимъ эффе́ктомъ. Кажется, въ лучшихъ произведеніяхъ своихъ, художники того времени старались совсѣмъ не оставлять поверхности безъ орнамента. На прекрасныхъ фибулахъ изъ Jouy le Comte (департ. Сены и Оазы) вы видите головы той птицы съ крючковатымъ носомъ, которая имѣетъ скиѣское происхожденіе, въ соединеніи съ рыбой, *ixθύς*, признаваемой христіанскимъ символомъ. Эта хищная птица встрѣчается опять, трижды повторенная и соединенная съ гранатными луночками, на фибулѣ найденной близъ Нанси и которую можно признать одной изъ красивѣйшихъ, доселѣ извѣстныхъ, вслѣдствіе ея изумительнаго убора сканью. Эти два примѣра, выбранные изъ тысячи, заслуживали упоминанія передъ вами.

„Такъ какъ я заговорилъ съ вами объ узахъ, тѣсно связующихъ варварскіе уборы Запада и Востока, то позвольте указать вамъ одно новое выраженіе этой связи, къ открытію котораго привели меня мои сравнительныя и, если можно такъ сказать, международныя разысканія.

„Вы знаете, что знаменитая гробница Хильдерика содержала, кромѣ извѣстнаго прекраснаго меча, и другіе предметы, и въ томъ числѣ значительное число пчелъ изъ золота съ гранатами. Аббатъ Коше, насчиталъ ихъ триста въ минуту открытія. Теперь осталось всего двѣ, хранимыя въ Парижской Національной Библіотекѣ (табл. XXIX, 1—2). Инвентаръ такъ называемой могилы Хильдерика состоитъ изъ золотыхъ вещей, покрытыхъ гранатами въ оправѣ (cloisonnés), а не стеклами; эти вещи, конечно, должны быть причислены къ превосходнѣйшимъ образцамъ готскаго дѣла. Пчелы оставались до сего дня какъ бы необъясненными, ибо не было точекъ сравненія. И вотъ я нашелъ эти точки соприкосновенія въ той части Задунайской Венгріи, которая соотвѣтствуетъ древней Дакии, гдѣ Вестготы оставались въ теченіе столѣтія и имѣли почти непосредственными преемниками Гепидовъ, народъ готскій. Имѣю честь представить вамъ дорогія украшенія въ формѣ мухъ или цикадъ, которыя найдены въ тѣхъ мѣстностяхъ и должны быть сближены съ пчелами изъ гробницы Хильдерика (табл. XXIX, 3—9).

„И Россія, роль которой такъ велика, когда требуется освѣтить ходъ этого искусства, дала намъ свой матеріалъ. Ваша страна, принося свою дань для этого сравнительнаго изслѣдованія, даетъ новое подтвержденіе высказанному нами положенію. Если украшенія въ видѣ мухи, найденныя въ Tournaу вмѣстѣ съ вещами готскаго дѣла, оказываются въ Венгріи въ эпоху ея занятія Готами и Гепидами, — то не предстояло ли намъ открыть ихъ и въ странахъ, откуда Готы вышли, чтобъ итти на Западъ?

Г. Новиковъ первый указалъ намъ пару пчеловидныхъ фибулъ, найденную имъ въ Крыму (ib. 10). Онѣ — серебряныя. Это — новое сближеніе между древностями готскими, разсѣянными по Зап. Европѣ, и аналогичными имъ на Херсонесѣ Таврическомъ. Но это сходство, это родство засвидѣтельствовано въ Херсонесскомъ могильникѣ: въ одной изъ его могилъ заключались двѣ фибулы въ видѣ мухъ вмѣстѣ съ брошкой готскаго типа. Вотъ фотографіи съ этихъ предметовъ, благосклонно доставленныя мнѣ бар. Тизенгаузенемъ (ib. 11).

„Графъ А. С. Уваровъ, въ своемъ обширномъ трудѣ о древностяхъ южной Россіи, издалъ двѣ вещицы изъ Ольвіи, кои я, не колеблясь, отношу къ той же серіи. Онѣ происходятъ отъ того же первоначальнаго типа, — правда, нѣсколько обезображеннаго, но очертаніе остается то же (ib. 12).

„Наконецъ на Сѣв. Кавказѣ есть нѣсколько мѣстностей, гдѣ это готское искусство оставило многочисленныя слѣды. И тамъ опять встрѣчаются вещицы убора въ видѣ мухи. Д-ръ Гремплеръ досталъ такой предметъ, — и вотъ великолѣпный fac-simile его (ib. 13).

Въ прекрасномъ изданіи матеріаловъ по археологіи Кавказа, собранныхъ экспедиціями Моск. Археол. Общ., изображены два такіе пчеловидные убора изъ Чегема

(Терской области) (ib. 14). Сходство находокъ этой мѣстности съ находками (въ Рутхѣ очень знаменательно. Цѣлая серія открытій, сдѣланныхъ на Кавказѣ, образуетъ группу, которая связывается съ находками, извѣстными намъ въ Южной Россіи*).

„Черезъ сравненіе соотвѣтствующихъ другъ другу фактовъ мы свидѣтельствуемъ проявленія искусства, которое доселѣ еще оставляется безъ вниманія. Насъ [привлекло въ вашу страну стремленіе опредѣлить эстетику этого искусства и искать происхожденія его“...

Д. Н. Анучинъ благодарилъ барона де-Бая за поднесенныя имъ изданія и сочиненія, а также сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о распространеніи и характерѣ предметовъ, составляющихъ спеціальныи научный интересъ докладчика, посвятившаго имъ цѣлый рядъ статей во французскихъ ученыхъ изданіяхъ. — Пожертвованныя Съѣзду книги и изданія рѣшено было передать въ Виленскую Публичную библіотеку.

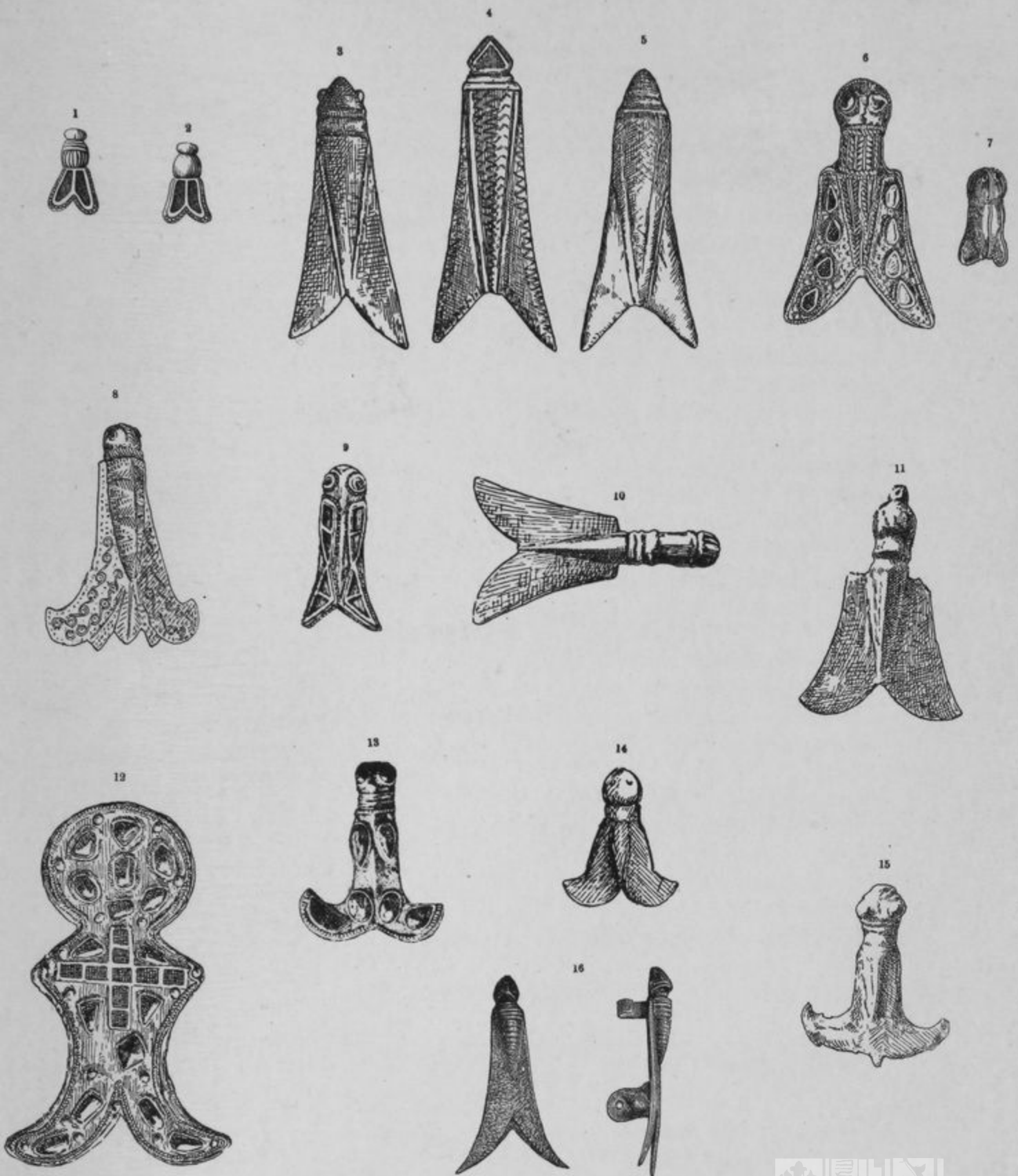
2. Э. Р. Штернъ прочелъ докладъ: „Замѣтки по исторіи Ольвіи“. Указавъ на печальное положеніе, въ которомъ находится территорія древней Ольвіи, и на эксплуатацію темными промышленниками древностей, которыя въ изобиліи хранитъ почва этого города, референтъ сообщилъ о трехъ вновь найденныхъ надписяхъ, относящихся къ разнымъ періодамъ исторіи города и дающихъ возможность возстановить нѣкоторые интересные факты изъ жизни Ольвіополитовъ. Первая надпись относится къ IV в. до Р. Х. и представляетъ почетный декретъ. Изъ ея текста явствуетъ, что Ольвіополиты называли себя Ворисѳенитами въ декретахъ, издаваемыхъ для иностранцевъ. Изъ той же надписи явствуетъ, что замѣчательная переменна во взглядахъ на значеніе права гражданства, возникшая впервые въ высокоразвитыхъ греческихъ государствахъ Малой Азіи, нашла себѣ воспріимчивую почву въ Ольвіи. Вторая надпись, копія письма или посланія къ царю Синтафарну въ Канкитъ, сообщаетъ важныя данныя какъ о топографіи Ольвіи, такъ и по исторіи зависимости города отъ царя Саевъ. Третья надпись, посвященный декретъ, изданный между 197 и 200 годами, заключаетъ въ себѣ весьма важныя свидѣтельства о гражданскихъ смутахъ, предшествовавшихъ признанію римской власти и упроченію болѣе аристократическаго образа правленія, о которомъ, между прочимъ, свидѣлствуютъ имена архонтовъ: эти послѣднія принадлежатъ всѣ извѣстнымъ и знатымъ ольвійскимъ фамиліямъ.

3. О. И. Успенскій сдѣлалъ сообщеніе: „Вопросъ о Готахъ“.

Въ виду безуспѣшности попытокъ разъясненія этнографіи южной Россіи и придунайскихъ областей съ точки зрѣнія изученія скиѳскаго вопроса, референтъ рассматриваетъ, какъ счастливый шагъ въ наукѣ, то обстоятельство, что въ послѣднее время сталъ выдвигаться съ особенной настойчивостью готскій вопросъ. Важность изученія Готовъ сознается археологами и филологами, къ готскому вопросу въ послѣдніе годы обратился знаменитый Моммзенъ, поставившій на очередь вопросъ о готскихъ военныхъ учрежденіяхъ. — Указавъ въ краткихъ чертахъ историческое значеніе Готовъ въ IV и V вв., особенно въ исторіи Восточной имперіи, референтъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что Готамъ нѣкогда принадлежала самая

*) № 15 — Озороковскій мог. (близъ Чегема), № 16 — Суффолькъ въ въ Англіи. См. Baron de Baye, Note sur les bijoux barbares en forme de mouches, Paris 1895.

Прим. Редакціи.

выдающаяся роль, что въ рукахъ ихъ были судьбы Востока и Запада. Императоръ Θεодосій I далъ имъ громадныя преимущества въ имперіи и думалъ создать въ нихъ оплотъ противъ новыхъ враговъ. Въ теченіе V вѣка высшія военныя и гражданскія мѣста принадлежали Готамъ (Аспаръ и Ардабурій). Съ этого времени Готы обнаруживаютъ вліяніе на учрежденія Византійской имперіи. Прежде всего важно выяснитъ ихъ военную роль. Здѣсь референтъ обращаетъ вниманіе на *готскую дружину* и въ извѣстіяхъ византійскихъ писателей усматриваетъ дополнителныя черты къ характеристикѣ германскаго *comitatus* (Германія Тацита, гл. XII и XIV); германскій дружинный бытъ выясняется широкими чертами у византійскихъ писателей (термины *φειδεράτος, δορυφόρος, ἐλασπιστής, παῖδες* и проч.); о громадномъ наплывѣ германскаго (готскаго) элемента въ Константинополь говорятъ I. Антиохійскій, Синезій и др. Характеризуя готскую дружину, референтъ разобралъ извѣстія о Θεодорикѣ, сынѣ Триарія. — Обращаясь къ главнымъ источникамъ для этнографіи IV и V вѣка, Марцеллину и Иорнанду, референтъ показалъ, что сообщаемыя у нихъ данныя по этнографіи находятъ себѣ объясненіе въ дружинномъ бытѣ, и именно въ сбродномъ, смѣшанномъ характерѣ дружины. — Готскія занятія могутъ пролить свѣтъ и на древности славянскія, а можетъ быть и русскія. Здѣсь референтъ 1) напомнилъ о теоріи готскаго происхожденія имени Русь и объ имени *Rossomanorum gens* у Иорнанда; 2) указалъ на проникновеніе восточныхъ обычаевъ къ Готамъ: *ὁ δὲ Ἀρκεοβίνδος ἐβάσταξε καὶ σπαράσσει κατὰ τὸ γοτθικὸν ἔτος*; 3) сослался на имя *Ὀστρου* или *Ὀστρου* (comes въ дружинѣ Аспара) и доказывалъ, что славяне вступали въ германскія дружины; наконецъ, 4) привелъ мѣсто изъ Теофана, изъ котораго видно, что *ὁδὸς Τριαννοῦ* есть реальный фактъ, и замѣтилъ, что древнія свѣдѣнія о Дунаѣ и Траяновомъ пути могли быть перенесены въ Россію дружинниками.

М. С. Карелинъ возразилъ противъ сравненія Готовъ съ Кельтами въ судьбахъ европейской исторіи. О Готахъ нельзя сказать того же, что о Кельтахъ. Послѣдніе дѣйствительно не создали ни одного государства; что же до Готовъ, то ихъ государства имѣли свою исторію въ древности, а въ Испаніи Готы были главнымъ элементомъ государственнаго единства.

Д. И. Иловайскій, по вопросу о дружинѣ, высказывался за однородность ея состава и возражалъ на замѣчаніе референта, будто каждый храбрый человекъ могъ собрать дружину и стать королемъ; аристократическое начало было гораздо сильнѣе во внутреннемъ строѣ готскаго племени, какъ и у другихъ германцевъ.

В. Г. Васильевскій соглашался во взглядѣ на дружину съ Д. И. Иловайскимъ, замѣтивъ, что дружины были немногочисленны и опредѣленной роли въ историческомъ развитіи имѣть не могли. Что касается до *gens Rossomanorum*, поминаемой у Иордана, то это было, по всей вѣроятности, кавказское племя. Одинъ изъ древнѣйшихъ армянскихъ историковъ знаетъ это имя.

А. И. Соболевскій замѣтилъ по поводу собственнаго имени *Ὀστρου* слѣдующее: отъ славянскаго имени „острый“ могло образоваться собственное имя на *мы* или *мысь*, такъ что возможно предположить имя „Острышь“ или „Острысь“.

Е. Θ. Карскій: Въ славянскомъ имени такого образованія удареніе должно бы

было быть на послѣднемъ слогѣ, а поэтому по-гречески было бы *᾽Οστροῦς*, а не *᾽Οστρους**).

Ө. И. Успенскій благодарилъ своихъ оппонентовъ за сдѣланныя ими замѣчанія и указаль въ частности, что замѣчаніе М. С. Карелина о неправильности приравненія Готовъ къ Кельтамъ онъ принимаетъ во всей силѣ; съ мнѣніемъ Д. И. Иловайскаго о дружинѣ онъ не соглашается и считаетъ дружинный бытъ весьма важнымъ моментомъ въ изученіи готскаго вопроса. На замѣчаніе В. Г. Васильевскаго референтъ отвѣчалъ, что вопросъ о дружинѣ долженъ быть изучаемъ на основаніи Прокопія, въ сочиненіяхъ котораго заключено множество указаній относительно характера и численности дружины.

12 августа, днемъ.

ОТДѢЛЕНИЕ I. Первобытныя древности.

Почетный предсѣдатель В. И. Сизовъ.

Предсѣдатель В. Б. Антоновичъ.

Секретарь В. З. Завитневичъ.

1. Д. Н. Анучинъ сдѣлалъ сообщеніе: „*О слѣдахъ трепанации черепа въ доисторическую эпоху въ Россіи*“ (т. I, стр. 283—298).

Н. Ө. Бѣляшевскій замѣтилъ, что демонстрированный черепъ, судя по нѣкоторымъ условіямъ его находенія, относится къ великокняжеской эпохѣ. Баронъ де Бай также выразилъ мнѣніе, что черепъ этотъ, по всей вѣроятности, относится къ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ неолитическій періодъ.

2. Е. Н. Мельникъ сдѣлала докладъ: „*О мастерскихъ каменнаго вѣка въ бассейнѣ Днѣпра*“. Докладчица представила свѣдѣнія о 40 мастерскихъ, которыя распредѣлила на 3 большія географическія группы. — *Первая* группа западно-волинская, для характеристики типическихъ особенностей которой описана мастерская у с. Мощаницы (Дубенскаго уѣзда). Это была мастерская полированныхъ орудій и отбивныхъ кремневыхъ, относящихся къ концу неолитическаго періода. *Вторую* группу представляютъ мастерскія по берегамъ р. Уши и Норини; это по преимуществу мастерскія, производившія кремневые отбивныя орудія. Типъ ихъ представляетъ мастерская между селами Збранки и Патугня, подробно охарактеризованная въ рефератѣ. Особое вниманіе обращено было на орудія производства и оригинальные типы отбойниковъ. Къ той же группѣ географически примыкаетъ нѣсколько мастерскихъ, въ которыхъ изготовлялись въ большомъ количествѣ пряслицы изъ краснаго шифера. Затѣмъ Е. Н., упомянувъ о мастерскихъ, разсѣянныхъ на площади Кіевской губерніи, перешла къ описанію *третьей* группы, расположенной, главнымъ образомъ, близъ Екатеринослава и днѣпрѣвскихъ пороговъ. Какъ наиболѣе типичная въ этомъ районѣ, охарактеризована была мастерская у с. Волошкаго (Екатеринославскаго уѣзда), гдѣ замѣчены четыре вида производства: отбивныя орудія изъ кремня, полированныя каменныя орудія, предметы изъ кости и гон-

*) Не предположить ли *Острошъ*, въ полную аналогію съ *Милошъ*, *Драгошъ*? *Прим. Ред.*

чарныя издѣлія. Перечисливъ подробно предметы производства, Е. Н. обратила особое вниманіе на орудія производства, преимущественно на весьма характерные для этой группы полированные камни.

3. Графъ де-Флери сдѣлалъ докладъ: „*О ятвяжскихъ кладбищахъ*“. Референтъ познакомилъ съ особымъ типомъ кладбищъ — съ перегородками, встрѣчающихся на пространствахъ между р. Наревомъ и г. Данцигомъ. Кладбище съ перегородками — это холмъ, усѣянный могилами, которыя обозначены находящимися на поверхности земли кругами и перегородками. Добытые изъ могилъ черепа мужскіе — длинноголовые, женскіе — короткоголовые, что даетъ поводъ референту сдѣлать предположеніе о похищеніи женщинъ у народа другого племенного типа. Гробницы изобилуютъ предметами: кольца, бусы, серьги славянскаго типа и другіе предметы украшеній, а также пряслицы и много желѣзныхъ предметовъ, составляющихъ военное оружіе и домашнія орудія; встрѣчаются обломки умышленно поломанныхъ бронзовыхъ чашъ; стрѣлы и цѣлыя горшки вовсе не встрѣчаются; но зато попадаетъ много черепковъ типа Бурггаль. Любопытно то, что предметы, добываемые изъ могилъ, тѣ же, какіе встрѣчаются и въ сосѣднихъ городищахъ, съ тою однакоже разницею, что въ городищахъ, просуществовавшихъ рядъ вѣковъ, встрѣчаются позднѣйшія наслоенія съ предметами новѣйшаго времени, каковы, напр., стрѣлы позднѣйшаго типа; а въ городищѣ въ Визнѣ находимы были монеты и другіе предметы Среднихъ Вѣковъ и даже кафли XVI вѣка и т. п. Гробницы, занимающія возвышенные пункты холма, принадлежатъ къ типу древнѣйшихъ; расположенныя еще ниже — позднѣйшія. Референтъ думаетъ, что гробницы эти принадлежатъ Ятвягамъ, что онъ доказывалъ свидѣтельствомъ письменныхъ источниковъ.

4. Секретарь отдѣленія передалъ въ извлеченіи содержаніе доклада С. С. Слущаго: „*Къ вопросу о каменныхъ бабахъ*“. Указавъ, что при опредѣленіи происхожденія кам. бабъ необходимо отличать въ нихъ различные типы, г. С. намѣчаетъ слѣдующіе четыре типа. 1) Типъ, преобладающій на югѣ Россіи, который характеризуется такъ: отдѣлка со *всѣхъ* сторонъ, *помочи* на мужскихъ бабахъ, полныя статуи держатъ *обѣими руками* подъ животомъ сосудъ въ родѣ *стакана*; у мужчинъ три косы, есть усы, но бороды нѣтъ; на головѣ шапка полушаромъ; у женщинъ остроконечная широкополая шляпа, на спинѣ платокъ; встрѣчаются богатые кафтаны; щиколотки весьма тонкія, а бедра очень толстыя. Это — надгробныя статуи половецкія, какъ слѣдуетъ заключить изъ прямого свидѣтельства Рубруквиса и изъ предѣловъ географическаго распространенія ихъ; съ этимъ опредѣленіемъ согласенъ и фактъ преобладанія женскихъ статуй надъ мужскими: историческія свидѣтельства указываютъ, какое множество половецкихъ князей гибло не дома, а на войнѣ. 2) Типъ, по преимуществу сибирскій (Алтай и Киргизская степь) и весьма рѣдкій въ Европейской Россіи; его характерныя черты: полурельефъ (изображеніе только спереди, а сзади и съ боковъ — плоскій камень); одна рука у груди, держитъ рогъ, другая лежитъ ниже, часто придерживая у пояса кинжалъ. О сибирскихъ бабахъ смотри любопытныя этнографическія свѣдѣнія въ докладѣ А. А. Ивановскаго на Московскомъ Съѣздѣ. 3) Полурельефныя плиты съ рельефнымъ изображеніемъ челоуѣка, который окруженъ бываетъ другими изображеніями. 4) Осетинскій христіанскій истуканъ (Матер. по Археол. Кавказа, т. III).

Кромѣ этихъ основныхъ типовъ, г. Слуцкій указываетъ еще исключенія, требующія внимательнаго изученія (половецкая статуя ребенка, въ атласѣ къ Трудамъ I Съѣзда, табл. III, 17; фаллическій характеръ двухъ бабъ сибирскаго типа, найденныхъ въ Елисаветградскомъ уѣздѣ (Древности, XI) и особенно случаи находки бабъ внутри кургановъ).

А. Н. Толмачовъ: Форма каменныхъ бабъ, при которой статуямъ придано сидячее, со сложенными на колѣняхъ руками, положеніе, могла бы вызвать вопросъ: не имѣлъ ли какого-либо, хотя бы самаго отдаленнаго, на происхожденіе ея вліянія буддизмъ, такъ какъ подобное положеніе придается обыкновенно статуямъ Будды.

Въ отвѣтъ на это Н. И. Веселовскій замѣтилъ, что каменные бабы у Половцевъ существовали въ эпоху Рубруквиса, когда вліяніе буддизма такъ далеко заходить не могло.

Э. Г. Штернъ указалъ, что районъ распространенія каменныхъ бабъ въ направленіи къ западу значительно расширяется и доходитъ до Бамберга (въ Данцигскомъ и Кенигсбергскомъ музеяхъ), и хотя эти статуи съ мужскими эмблемами, тѣмъ не менѣе народъ называетъ ихъ „бабами“. Извѣстно также изображеніе каменной бабы на золотомъ блюдѣ (въ Испаніи) готскаго происхожденія. Наконецъ, извѣстно, что каменные бабы встрѣчаются на греческихъ островахъ.

5. Предсѣдатель отдѣленія, за недостаткомъ времени, въ немногихъ словахъ передалъ содержаніе реферата проф. Пича: „*Замѣтки о чешской археологіи*“ (т. II, 83 — 88).

12 августа, днемъ (параллельное засѣданіе).

ОТДѢЛЕНІЕ II. Древности историко-географическія и этнографическія.

Почетный предсѣдатель С. Т. Голубевъ.

Предсѣдатель (за болѣзнію А. И. Павинскаго) графиня П. С. Уварова.

Секретарь М. Н. Бережковъ.

1. И. П. Филевичъ прочелъ докладъ „*Угорская Русь и научные вопросы, съ нею связанные*“. Описавъ нынѣшнія границы Угорской Руси, ея административное дѣленіе и количество народонаселенія въ ней, референтъ обратился къ вопросу о времени поселенія русскаго племени при Карпатахъ: на основаніи географической номенклатуры, въ особенности названій рѣкъ, на основаніи извѣстій начальной русской лѣтописи, а также византійскихъ и иныхъ источниковъ, авторъ, согласно съ Шафарикомъ и Надеждинымъ, предполагаетъ глубокую древность поселенія русскихъ по обѣимъ сторонамъ Карпатскихъ горъ, названіе которыхъ подобозвучно съ названіемъ „Горбаты“ и племеннымъ названіемъ „Хорваты“. Но трудно рѣшить вопросъ, какъ далеко простирались границы племени Хорватовъ въ начальную пору исторической жизни русскаго племени, гдѣ была его граница съ Дулебами съ одной стороны, и какъ далеко она доходила на западѣ съ другой. Относительно перваго референтъ замѣтилъ, что ближайшая къ горамъ территория западнаго ихъ склона однородна по географическимъ названіямъ (особенно рѣкъ) съ восточной территоріей, и что, принимая во вниманіе

обширность земель хорватской и дулебской, ихъ едва ли можно умѣстить на территории нынѣшняго этнографическаго распространенія русскаго племени на Карпатахъ. Относительно же западной границы референтъ обратилъ вниманіе на извѣстіе открытаго В. Кентржинскимъ новаго источника, говорящее о племени Хорватовъ на Дунаѣ въ Нижней Австріи. Это извѣстіе требуетъ дальнѣйшаго разъясненія, равно какъ и частные вопросы о Гуцулахъ, Лемкахъ, Бойкахъ и проч. Во всякомъ случаѣ нѣкоторыя указанія даютъ основаніе значительно раздвинуть древнюю хорватскую территорию на западъ.

А. И. Соболевскій: Названія рѣкъ въ Угорской и Галицкой Руси не должны быть толкуемы непременно изъ русскаго языка: несомнѣнно только одно, что эти названія суть славянскія. Неправильно сближеніе именъ: „Карпаты“, „Горбаты“ и „Хорваты“. Вообще, вопросы, затронутые референтомъ, не всегда правильно поставлены имъ, не столь новы и не столь пренебрегаемы были въ наукѣ, какъ ему это представляется. И. П. Филевичъ остался при своемъ утверженіи, что возбужденные имъ важные вопросы по исторіи и этнографіи Угорской Руси недостаточно еще изслѣдованы и заслуживаютъ полнаго вниманія русскихъ ученыхъ. Д. И. Иловайскій, соглашаясь съ референтомъ насчетъ важности поставленныхъ вопросовъ объ Угорской Руси, высказалъ соображеніе о племени Руговъ или Ругіевъ, упоминаемыхъ въ средневѣковыхъ источникахъ, указавъ, что мѣсто ихъ жительства можетъ быть приурочено къ прикарпатской странѣ, или къ подунайской области Нижней Австріи. По личнымъ наблюденіямъ г. Иловайскаго, самый языкъ угорскихъ Руссовъ представляется ему очень близкимъ къ великорусскому, — гораздо ближе къ нему, чѣмъ къ малорусскому языку. Ѳ. И. Успенскій обратилъ вниманіе на византійское извѣстіе о русскомъ племени „Вардонитовъ“, которые подали помощь Болгарамъ въ войну съ Греками, въ эпоху второго болгарскаго царства. Въ отношеніи метода г. референта Ѳ. И. Успенскій замѣтилъ, что его методъ изслѣдованія вполне правильный. Н. И. Петровъ высказалъ предположеніе, не суть ли эти Вардониты то же, что „бродники“, и не могутъ ли они быть отнесены къ пограничнымъ жителямъ Галицкой и Угорской Руси.

2. А. В. Лонгиновъ прочелъ „О родственныхъ связяхъ русскихъ князей съ угорскимъ королевскимъ домомъ“ (Труды Вилен. отдѣленія Московск. Предварит. Комитета по устройству IX Археолог. Съѣзда, стр. 313—328).

3. А. И. Соболевскій прочелъ замѣтку „О названіяхъ населенныхъ мѣстъ и ихъ значеніи для исторической этнографіи“. Главное положеніе его состоитъ въ томъ, что наука, пользуясь названіями населенныхъ мѣстъ для выводовъ историко-этнографическихъ, не всегда обращаетъ должное вниманіе на различіе названій по ихъ этимологическому строенію. Очень важны, конечно, названія поселеній, тождественныя съ названіями племенъ, въ родѣ: Меря, Поляки, Нѣмцы; очень вѣроятно, что подъ такими названіями разумѣтся населеніе, отличное отъ кореннаго русскаго. Важны въ томъ же смыслѣ названія съ окончаніями на *ское*, *ская*: Чудское, Мещерское и т. п. Но не имѣютъ значенія этнографическія названія на *ово*, *овка*, *ино*, напр. Мериново, Литвинено, Мещерино и проч. Такія названія произошли просто отъ именъ владѣльцевъ того или другаго поселка въ позднѣйшее время.

4. Х. И. Поповъ предложилъ докладъ о томъ, „Гдѣ находилась хозарская крѣпость Саркелъ“ (Т. I, стр. 265).

Н. И. Веселовскій сообщилъ нѣсколько личныхъ наблюдений надъ Цымлянскимъ городищемъ и археологическими находками въ немъ: до сихъ поръ тамъ ничего не найдено такого, что свидѣтельствовало бы собственно о Хозарахъ, какъ владѣтеляхъ города; проф. Веселовскій напомнилъ также о мнѣніи В. Б. Антоновича, высказанномъ на Одескомъ Археологическомъ съѣздѣ, что Цымлянское городище — христіанское. О. И. Успенскій утверждалъ свое прежнее возрѣніе, что Саркелъ есть крѣпость византійская, построенная византійскими инженерами отнюдь не въ пользу Хозаръ, а противъ нихъ самихъ, какъ враговъ Имперіи. Но Д. И. Иловайскій высказалъ рѣшительное убѣжденіе, что Саркелъ, по прямому извѣстію византійскихъ источниковъ, былъ построенъ византійскими инженерами, по просьбѣ Хозаръ, не всегда враговъ, но часто и союзниковъ греческой Имперіи; построение этого города было вызвано съ ихъ стороны стратегическими соображеніями, какъ крѣпости противъ кочевниковъ и противъ Русскихъ, ходившихъ изъ Кіева въ Прикаспійскій край какъ разъ по пути къ Саркелу, который и разрушенъ былъ ими, какъ препятствіе на ихъ пути въ восточныя страны. Нѣтъ нужды дѣлать натяжку, то-есть искать Саркела къ югу отъ переволоки между Дономъ и Волгой; что же касается Цымлянскаго городища, то оно представляетъ остатки какого-то другого, пока неизвѣстнаго по имени города. Въ заключеніе Д. И. Иловайскій высказалъ, что онъ не видитъ надобности въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи на счетъ мѣстоположенія Саркела: по всѣмъ историческимъ даннымъ и соображеніямъ, хозарская крѣпость Саркелъ находилась именно въ мѣстности переволоки на Дону, тамъ, гдѣ онъ всего больше сближается съ Волгой. Пренія закончились замѣчаніемъ С. Е. Звѣрева, который обратилъ вниманіе на обстоятельное разслѣдованіе М. А. Веневитинова, гдѣ хорошо разъясняется путь митрополита Пимена въ предѣлахъ воронежскаго края и его извѣстіе о видѣнныхъ имъ остаткахъ города Саркела.

13 августа, утромъ,

ОТДѢЛЕНІЕ VI. Памятники языка и письма.

Почетный предсѣдатель В. А. Богородицкій.

Предсѣдатель А. И. Соболевскій.

Секретарь Хр. П. Ящужинскій.

1. М. И. Соколовъ прочелъ докладъ: „Славянскіе тексты апокрифической книги Еноха“.

Книга Еноха пользовалась значительныхъ авторитетомъ въ древней русской литературѣ, но еще болѣе важное значеніе славянскіе тексты ея имѣютъ въ отношеніи къ вопросу объ оригиналѣ этого важнаго апокрифа, который не дошелъ до насъ, а сохранились лишь греческіе отрывочные тексты и большая эфиопская книга, но также

не полная и страдающая недостаткомъ плана. Полный и сравнительно исправный славянской текстъ книги Еноха сохранился въ бѣлградской рукописи болгарскаго письма, представляющей тотъ же переводъ, что и въ изданномъ А. Поповымъ хлудовскомъ текстѣ; но послѣдній не имѣетъ второй части, содержащей разсказъ о Меусалемѣ, Нирѣ, Мелхиседекѣ и Ноѣ. Полный текстъ перевода былъ сокращенъ; референтъ знаетъ три списка этой второй редакціи славянской книги Еноха: бѣлградскій-изданный Новаковичемъ, вѣнскій (оба сербскаго письма) и московскій (въ собраніи Е. В. Барсова). Отрывки въ „Мѣрилѣ Праведномъ“ (по рукоп. XIV в.), въ Посланіи архіеп. Геннадія (XV в.) и въ Хронографѣ взяты изъ краткой редакціи. Открытые референтомъ списки: полной редакціи — бѣлградскій и краткой — барсовскій, приготовлены имъ къ печати съ вариантами изъ прочихъ текстовъ.

А. И. Соболевскій: Еврейскія слова, находящіяся въ текстѣ Попова, — несомнѣнно еврейскія, въ обычной ихъ еврейской формѣ. Въ виду этого обстоятельства, мы можемъ предполагать, что текстъ книги Еноха, подобно многимъ другимъ текстамъ, напримѣръ Никодимова Евангелія, былъ въ рукахъ Евреевъ или людей, знакомыхъ съ еврейскимъ языкомъ, которые его просматривали, исправляли и пополняли. Быть можетъ, онъ побывалъ въ рукахъ жидовствующихъ, и это слѣды ихъ просмотра.

2. Е. О. Карскій прочелъ докладъ „Что такое древнее западнорусское нарѣчіе?“ (Т. II, 62—70).

Н. И. Петровъ заявилъ, что онъ настоящимъ лѣтомъ видѣлъ въ библиотекѣ Кіево-Печерской лавры Толковый Апостолъ, писанный на бѣлорусскомъ нарѣчьи въ Витебскѣ дьякомъ Симеономъ на 6000 году отъ с. м. Эта дата приводитъ въ недоумѣніе. Переписчикъ или опустилъ сотни, десятки и единицы, или поставилъ *зшло* вмѣсто *земля*, т.-е. надо читать въ семитысячномъ году (въ 1492 г.).

А. И. Соболевскій: Полонизмы являются въ западно-русскомъ нарѣчьи очень рано, съ XIV в., и это происходило отъ того, что въ канцеляріи литовскихъ великихъ князей были нерѣдко чиновники Поляки и нѣсколько ополячившіеся Русскіе. Галицкіе и западно-русскіе докѹменты имѣютъ формулы, заимствованныя изъ чешскихъ документовъ.

3. А. Е. Прѣсняковъ прочелъ докладъ: „Московскіе лѣтописные своды“.

Указавъ на необходимость пересмотра и переизданія московскихъ лѣтописныхъ сводовъ, референтъ доказывалъ, что представленіе о Воскресенскомъ и Никоновскомъ сводахъ, какъ отдѣльныхъ произведеній, было бы неточно. Это скорѣе двѣ редакціи одного историческаго труда: первая, болѣе простая по стилю, и вторая, приуроченная къ литературнымъ вкусамъ московской эпохи. Львовская лѣтопись, въ рукописи неизвѣстная, также только списокъ съ того же лѣтописнаго свода. Можно съ достаточнымъ основаніемъ настаивать на единствѣ оффиціознаго московскаго лѣтописнаго свода, рассматривая отдѣльныхъ лѣтописцевъ какъ его списки. Составленіе этого свода предшествовало составленію макарьевской Степенной книги. Наиболеѣ полный списокъ — лицевой, который, будучи разрозненъ по частямъ, хранится въ московскихъ и петербургскихъ книгохранилищахъ. Эти части: списки голицынскій, лаптевскій, шумиловскій, Древній Лѣтописецъ и синодальный. Текстъ утраченныхъ

листовъ можетъ быть возстановленъ по копіямъ съ лицевого свода, т.-е. по александроневской лѣтописи и рукописи, принадлежащей д-ру А. Н. Лебеву. Съ помощью этихъ рукописей можно возстановить непрерывный текстъ московскаго лѣтописнаго свода до 1567 г. Существуютъ указанія на то, что рассказъ шель дальше, но текстъ утраченъ. Цѣлью реферата было указать на затрудненія, возникающія при пользованіи лицевыми списками для возстановленія московскаго лѣтописнаго свода; затрудненія, происходящія отъ того, что нѣкоторые изъ нихъ: шумиловскій, а особенно — никоновскій съ рисунками и его двойникъ „Царственная книга“, носятъ слѣды позднѣйшей переработки. Для оцѣнки этого факта необходима твердо установленная датировка лицевыхъ рукописей. Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ вызвалъ разногласіе среди палеографовъ. Референтъ закончилъ пожеланіемъ, чтобы спеціалисты художественной археологіи обратили вниманіе на цѣнные рисунки лицевыхъ лѣтописей и изученіемъ ихъ оказали весьма существенную услугу какъ исторіи нашего стараго искусства, такъ и исторіи лѣтописнаго дѣла въ московскую эпоху.

4. П. В. Владиміровъ прочелъ докладъ: „*Два памятника русской литературы XVI вѣка*“ (Т. II, стр. 317 и 323).

5. Предсѣдатель Съѣзда, графиня П. С. Уварова доложила письма: священника О. Ѳ. Гербачевскаго, посылающаго на выставку Съѣзда свою книгу — „О русскихъ древностяхъ Холмско-Подляшской Руси“ и „Альбомъ древностей“; г. Грейма, посылающаго два альбома типовъ крестьянъ Подольской губ. и альбомъ вышивокъ; проф. Юрьевскаго университета П. А. Висковатова, приславшаго 6 фотографическихъ таблицъ раскопокъ Пюхтицкаго кладбища въ Эстляндіи. Раскопки произведены были проф. Висковатовымъ въ 1892 г.

13 августа, днемъ.

ОТДѢЛЕНІЕ V. Церковныя древности.

Почетный предсѣдатель протоіерей І. А. Котовичъ.

Предсѣдатель Н. И. Петровъ.

Секретарь Н. И. Троицкій.

1. В. Г. Васильевскій сдѣлалъ сообщеніе: „*Когда жилъ Романъ Сладкопѣвецъ?*“.

Романъ Сладкопѣвецъ — авторъ особыхъ пѣснопѣній, называемыхъ кондаками, которыя отчасти сохранились до сихъ поръ и употребляются въ православной Церкви. Ему принадлежитъ рождественскій кондакъ „*Два днесъ Пресущественнаго рождаетъ*“ и умилительныя строфы, которыя поются въ началѣ поста: „*Душе моя, душе моя, возстани*“ и т. д. Въ подлинникѣ на греческомъ языкѣ эти гимны имѣли особый стихотворный размѣръ, называемый тоническимъ и основанный на количествѣ слоговъ и удареніи, въ отличіе отъ метрическаго, который господствовалъ первоначально и въ христіанской гимнографіи, унаслѣдованъ отъ классической поэзіи и былъ осно-

ванъ на количествѣ слоговъ. Именно Романъ Сладкопѣвецъ былъ тѣмъ церковнымъ поэтомъ, который если не былъ изобрѣтателемъ, то доставилъ торжество новой формѣ стихосложенія. Законы этого стихосложенія впервые открыты были знаменитымъ кардиналомъ Питрою (Pitra), при помощи рукописей Московской Синодальной библіотеки и одного древняго сборника, которымъ онъ получилъ возможность пользоваться въ С.-Петербургѣ (кард. Питра былъ отправленъ папою на коронацію въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II). Съ тѣхъ поръ ученые нѣмецкіе, французскіе и англійскіе стали весьма усердно заниматься вопросомъ о происхожденіи и складѣ греческой церковной пѣсни. При этомъ имя Романа получило большую славу и въ западной наукѣ. Православная Церковь всегда высоко почитала его поэтическое одушевленіе и причислила его къ лику святыхъ. Въ настоящее время извѣстный нѣмецкій византинистъ, Крумбахеръ, авторъ недавно появившейся исторіи Византійской литературы, готовящій полное изданіе гимновъ Романа по рукописямъ острова Патмоса, болѣе полнымъ, чѣмъ тотъ сборникъ, которымъ прежде пользовался Питра, и который послѣ былъ палеографически изданъ архимандритомъ (впослѣдствіи епископомъ) Амфилохіемъ, — выражается о Романѣ такъ: „по поэтическому дарованію, жару, одушевленію, глубинѣ чувства и возвышенности языка онъ превосходитъ всѣхъ другихъ греческихъ пѣснопѣвцевъ. Исторія литературы въ будущемъ будетъ прославлять его, какъ величайшаго церковнаго поэта всѣхъ временъ“.

До сихъ поръ не рѣшеннымъ остается вопросъ о времени, когда жилъ Романъ. Мы имѣемъ только краткое сказаніе объ его жизни — въ формѣ синаксаря. Отсюда видно, что онъ былъ родомъ изъ Сиріи, былъ діакономъ въ Бейрутѣ, прибылъ въ Константинополь при императорѣ Анастасіи, поступилъ въ клиръ церкви Богоматери; сначала онъ ничѣмъ не выдавался, напротивъ, подвергался насмѣшкамъ и былъ въ пренебреженіи у товарищей; но однажды послѣ горячей молитвы онъ увидѣлъ во снѣ Богородицу, которая вручила ему *свитокъ* и велѣла проглотить его; проснувшись, онъ почувствовалъ въ себѣ вдохновеніе; когда дошла до него очередь пѣть, онъ вышелъ и пропѣлъ вмѣсто прежней обычной пѣсни новую, именно „Дѣва днесъ“, такъ какъ это былъ праздникъ Рождества. — Вопросъ въ томъ — какого нужно разумѣть Анастасія? Было два Анастасія — одинъ ранѣе Юстина и Юстиніана, отъ 491 по 518, другой незадолго до начала иконоборства, 713—716. Русскіе ученые, съ преосв. Филаретомъ во главѣ, безъ дальнихъ разсужденій принимали Анастасія перваго; за Анастасія перваго стоялъ и Питра, хотя не безъ колебаній; другіе склонялись въ сторону позднѣйшей даты: казалось неестественнымъ, чтобы тотъ родъ поэтическаго творчества, котораго лучшимъ и наиболѣе высокимъ представителемъ является Романъ, такъ рано и такъ внезапно достигъ самой совершенной формы. Съ этой точки зрѣнія удобнѣе было ставить Романа ближе къ эпохѣ иконоборства, послѣ патріарха Сергія, автора знаменитаго Акаѳиста Богоматери (составленнаго около 622 года) и другихъ представителей того же рода произведеній. Референтъ сообщилъ нѣсколько соображеній, высказанныхъ преимущественно Французомъ Bouvy (Буви), авторомъ книги: *Poètes et mélodes* 1883, Нѣмцемъ Якоби (Jakobi, zur Geschichte des griechischen Kirchenliedes), Англичаниномъ Стифенсономъ, библіоте-

каремъ Ватиканской бібліотеки, — въ пользу позднѣйшей даты, и показалъ слабость оснований, на которыхъ покоится аргументація этихъ ученыхъ. Впрочемъ, положеніе вопроса хорошо изложено у Крумбахера, который болѣе склоняется на сторону Анастасія I.

Референтъ полагаетъ, что ему удалось найти прямое и положительное свидѣтельство, рѣшающее вопросъ. Оно находится въ подробномъ сказаніи о чудесахъ св. Артемія, которое доселѣ не издано въ греческомъ подлинникѣ, но недавно напечатано Археографическою Комиссіею въ Макарьевскихъ Минеяхъ за *Октябрь*. Подробное сказаніе о чудесахъ при храмѣ Артемія въ Константинополѣ, весьма интересное по многимъ чертамъ быта и по даннымъ для топографіи Царьграда, носитъ явные признаки времени своего происхожденія. Оно написано было ранѣе иконоборства, но послѣ Маврикія и Ираклія. Объ одномъ изъ чудесъ прямо сказано, что оно совершилось въ такой-то годъ правленія Константина Погоната, годъ, соотвѣтствующій 685 году. Восемнадцатое чудо (всѣхъ 34) посвящено любопытной повѣсти объ одномъ юношѣ, который особенно почиталъ Іоанна Предтечу: „нѣкто пребывая во всеобщемъ пѣніи Предтечѣ отъ млада возраста, поя стихи иже во святыхъ мудраго Романа“ и т. д. Отсюда слѣдуетъ, что въ концѣ VII вѣка Романъ уже считался святымъ (ибо авторъ сказанія писалъ въ это время) и что въ царствованіе Ираклія, къ которому прямо отнесено событіе, его произведенія хорошо были извѣстны. Такъ какъ правленіе Ираклія относится къ началу VII вѣка, то очевидно, Романа нужно относить ко времени Анастасія I. Слѣдуетъ прибавить, что въ изданіи Амфилохія можно отыскать и самые кондаки Романа въ честь Предтечи.

Н. И. Троицкій: Слѣдуетъ обратить вниманіе на отношеніе языка и размѣра пѣснопѣній Романа Сладкопѣвца къ греческому переводу библейскихъ пѣсней, съ текстомъ которыхъ они имѣютъ очевидное сходство (пѣснь Анны, матери Самуила, и др.), дабы объяснить такое выдающееся явленіе, которое представляетъ поэзія гимновъ Романа Сладкопѣвца, не имѣвшего себѣ предшественниковъ въ ритмическомъ построеніи гимновъ.

2. Н. И. Петровъ прочелъ докладъ: „*О Купятицкой иконѣ Богородицы въ связи съ древними энколпіонами*“ (Т. II, 71—78).

П. И. Троицкій: По поводу сообщенія Н. И. Петрова я долженъ сдѣлать три замѣчанія. Когда рѣчь идетъ объ энколпіонахъ, то нѣтъ надобности останавливаться на одной формѣ, именно на формѣ креста. Если не будемъ останавливаться, то привлечемъ сюда образки въ видѣ позднѣйшихъ панагій, и затрудненія въ рѣшеніи вопроса, существовали ли русскаго происхожденія энколпіоны, не будетъ никакого. Что касается крестовъ, то на Куликовомъ полѣ 1380 года найдена масса разсѣянныхъ такихъ энколпіоновъ греческаго типа. Одинъ изъ нихъ изданъ въ моемъ рефератѣ въ трудахъ Ярославскаго Съѣзда. Изучая кресты, я ихъ много собралъ съ мѣстности отъ верховьевъ Дона до верховьевъ Оки — и византійскаго, и кіевскаго и чисто русскаго типовъ. Что типъ былъ русскій, на это указываютъ попадающееся порой на энколпіонахъ имя преп. Сергія.

3. Н. М. Бережковъ представилъ докладъ: „*Елена Ивановна, великая княгиня литовская и королева польская*“ (Т. I, стр. 1—44).

В. З. Завитневичъ указалъ на цѣнныя фактическія, сообщаемыя очевидцемъ, данныя о послѣднихъ дняхъ великой княгини Елены, хранящіяся въ Краковскомъ архивѣ.

13 августа, 2 часа дня.

Общее собраніе.

Почетный председатель Е. В. Пѣтуховъ.

Председатель графиня П. С. Уварова.

Секретарь М. И. Соколовъ.

1. Священникъ Л. Паевскій сдѣлалъ очеркъ „Исторіи города Бреста“ на основаніи главнымъ образомъ рукописной визитаціонной книги брестской каеэдры 1759 года, при чемъ объяснилъ старинный планъ города Бреста (Т. I, стр. 304—349).

2. П. И. Тиховскій прочелъ докладъ: „Паденіе народной пѣсни“.

Пѣсня падаетъ качественно, но не умираетъ. Вымираетъ пѣсня историческая, что естественно. Пѣсня обрядовая держится пока только силою народнаго консерватизма. Но пѣсня бытовая нѣсколько въ иномъ положеніи.

Бытовая пѣсня вытѣсняется новой, такъ называемой фабрично-заводской. Она падаетъ въ своемъ содержаніи. Съ другой стороны, крестьянинъ отрывается отъ преданія грамотностью, всеобщей воинской повинностью и т. п. и забываетъ пѣсню. Въ пѣсняхъ видимъ путаницу, находимъ только обрывки ихъ. Въ образованномъ классѣ знаютъ одни начальные куплеты и поютъ ихъ лишь изъ-за мотива. Пѣсня теряетъ свою цѣльность. Бытовая пѣсня падаетъ потому, что разрушился самый патріархальный бытъ подъ такимъ или инымъ вліяніемъ культуры. Но у той же культуры есть такія средства, какъ народная книга. Давно пора издавать научно обработанные пѣсенники (съ голосомъ, нотами передъ каждой пѣсней въ самомъ текстѣ).

Сила пѣсни въ томъ, что она выражаетъ душевное состояніе пѣвца. Пѣсня пѣлась ради словъ и мотива вмѣстѣ, вся, до полнаго раскрытія сюжета. Въ образованномъ классѣ любимые стихи тоже становятся романсами. Остаться въ устахъ народа можетъ лишь та пѣсня, содержаніе которой онъ и нынѣ переживаетъ. Только она и должна входить въ пѣсенники. Поддержать въ народѣ можно многое изъ пѣсни лирической. Дать полезные пѣсенники можетъ только этнографъ, вникнувшій въ то, почему именно поетъ пѣвецъ данную пѣсню, какъ онъ ее понимаетъ. Въ пѣсенникѣ пѣсня для грамотнаго станетъ какъ бы фактомъ искусственной литературы. Пѣсенники могутъ поддержать, въ указанныхъ предѣлахъ, пѣсню въ устахъ народа и предохранить ее отъ путаницы. Вліяніе народной книги несомнѣнно. Въ народной пѣснѣ (особенно малорусской) много искусственныхъ произведеній. Чрезвычайно важна помощь книгѣ со стороны школы и пѣвческихъ обществъ (С. Миропольскій).

Гораздо труднѣе борьба съ пѣсней фабричной. Каковъ бытъ, такова и пѣсня. Народъ самъ слагаетъ сатирическія пародіи на „питерскія“ пѣсни. При всеобщей

грамотности народный пѣсенникъ еще болѣе показалъ бы ему безобразность этихъ пѣсенъ. Есть даже мнѣніе, что у насъ выработается новая пѣсня съ размѣромъ литературнаго стиха (*Львовъ*, Новое время — новыя пѣсни. Устюгъ). Въ теперешнемъ кризисѣ народной жизни повторяется, говорятъ, кризисъ эпохи петровскихъ реформъ. Въ пѣсенники можно, пожалуй, помѣщать искусственныя произведенія, но въ видѣ отдѣла „стиховъ“. Въ народныхъ пѣсенникахъ должны помѣщаться пѣсни великорусскія, малорусскія и бѣлорусскія въ подлинномъ видѣ; народъ усваиваетъ даже болгарскую „Шуми Марица“. Желательны также особые сборники пѣсенъ, отжившихъ свой вѣкъ, историческихъ, обрядовыхъ, бытовыхъ, для цѣлей воспитательныхъ.

Если дѣло будетъ итти и впредь такъ, какъ нынѣ, то нашъ народъ разучится пѣть. Этнографамъ надо спѣшить организовать дѣло, записывать народную пѣсню.

А. И. Соболевскій замѣтилъ, что историческая пѣсня всегда живетъ недолго, лѣтъ сто, уступая мѣсто новой. Варианты той же пѣсни лирической встрѣчаемъ въ старыхъ сборникахъ Прача, Сахарова и въ новѣйшихъ записяхъ. Новые варианты бываютъ хуже, но бываютъ и лучше. Въ современной пѣснѣ является рѣзма, чего не было въ старой. Пошлыя пѣсни представляютъ временное наслоеніе. Основная народная старая пѣсня переживаетъ ихъ. Думать, что она падаетъ, нѣтъ основанія. Народные пѣсенники, какъ и хрестоматіи стиховъ, могутъ имѣть самое незначительное вліяніе. Скорѣе можетъ повліять школа и пѣвческія общества.

М. И. Соколовъ указалъ, что напрасно всю вину взваливаютъ на фабрики и заводы. Большинство отхожаго деревенскаго люда живетъ въ столицахъ на службѣ, при лавкахъ и проч. Пошлая пѣсня идетъ изъ увеселительныхъ заведеній, часто бываетъ такъ называемой цыганской. Это тѣ же шансонетки, только болѣе низкаго разбора. Народъ откровеннѣе поетъ ихъ, чѣмъ люди образованные. Питерщики и москвичи только перенимаютъ ихъ. Въ деревнѣ онѣ распространяются очень быстро, потому что прїѣзжій изъ столицы — лицо очень интересное, завидный женихъ и т. п. Въ Ярославской губерніи вездѣ носятъ модное платьѣ. Описаніе его въ пѣснѣ: „Какъ подь деревомъ такимъ красна дѣвица сидитъ...“ такъ же обстоятельно, какъ былинное изображеніе стараго наряда. Это говоритъ о силѣ народнаго поэтическаго таланта. Народъ вовсе не усваиваетъ той грязи, какую поетъ въ заносныхъ пѣсняхъ полусознательно. Онѣ скоро выходятъ изъ моды, и народъ возвращается къ старой пѣснѣ.

П. И. Тиховскій заявилъ, что мнѣнія эти очень оптимистичны и тѣмъ опасны. Новыя условія жизни, грамотность и пр. сильнѣе измѣняютъ народный бытъ, чѣмъ опустошительныя войны прошлаго. Недорогой народный пѣсенникъ будетъ руководствомъ для народнаго учителя и другихъ. Пѣсня изъ книги проникнетъ въ народъ. Референтъ указалъ нѣкоторыя искусственныя малороссійскія пѣсни („Кармелюкъ“ и др.), сослался на пѣсню „Проснется день“ — отрывокъ прощальной пѣсни Чайльдъ-Гарольда въ переводѣ И. Козлова. Фабрично-заводская, точнѣе — городская пѣсня, является уже самостоятельнымъ видомъ народной пѣсни.

А. И. Соболевскій замѣтилъ, что въ старые печатные пѣсенники пѣсни попадали отъ хоровъ, напр. цыганскихъ, гдѣ и явились выраженія: „милашка“, „миленокъ“ и проч. Обратившись къ М. И. Соколову, какъ къ эксперту, онъ предложилъ

ему вопросъ: успѣшно ли проникають въ народъ стихотворенія нашихъ поэтовъ (Кольцова и др.), а также, не является ли заносная городская пѣсня явленіемъ очень эфемернымъ?

М. И. Соколовъ пояснилъ, что въ Ярославской губ. Некрасовское „Хорошо было дѣтинушкѣ“ стало пѣсней, но его занесли семинаристы. Модныя новѣйшія пѣсни мѣняются ежегодно. Изданіе народныхъ пѣсенниковъ желательно. Они не поддерживаютъ народнаго творчества, но могутъ сохранять пѣсни.

И. Я. Спрогисъ выразилъ свое убѣжденіе, что народная пѣсня, созданная вѣками и отличающаяся такими достоинствами, не можетъ исчезнуть. У Латышей съ ихъ народнымъ пробужденіемъ возродилась и пѣсня, и теперь проявляютъ самую живую дѣятельность пѣвческаго общества.

З. В. А. Богородицкій доложилъ: „Къ вопросу о смѣшанныхъ языкахъ“.

При соприкосновеніи языковъ получаются два явленія: 1) заимствованныя слова и 2) смѣшанныя нарѣчія.

Русскій лингвистъ находится въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для изученія смѣшанныхъ нарѣчій. Уже съ перваго взгляда на этнографическую карту Россіи видно, съ какимъ разнообразіемъ народностей соприкасается русское населеніе. Что касается *процесса* образованія смѣшанныхъ нарѣчій, то таковой можно наблюдать въ случаяхъ изученія чужого языка. При этомъ представляются два наиболѣе характерные типа ошибочныхъ выраженій: 1) ошибочныя образованія по аналогіи къ тому, что имѣется въ языкѣ своемъ, природномъ (если, напр., Нѣмецъ, плохо еще говоря по-русски, о собакѣ скажетъ „онъ“, то это потому, что въ его родномъ языкѣ говорится *der Hund*; еще примѣры изъ того же смѣшаннаго русско-нѣмецкаго нарѣчія: мало вода ср. *wenig Wasser*, брать часы вм. уроки и т. п.); 2) ошибочныя образованія по аналогіи къ тому, что имѣется въ языкѣ изучаемомъ (ср. выраженія въ неправильной русской рѣчи Нѣмца: *симпатическій* человѣкъ, т.-е. неправильная постановка суффикса, существующаго въ языкѣ изучаемомъ; или: *лѣнивость*, не ѣдите вм. не ѣшьте и т. п.).

Смѣшанныя нарѣчія референтъ раздѣляетъ на три класса:

I. Смѣшанныя нарѣчія, возникающія при соприкосновеніи двухъ разныхъ языковъ, при чемъ языки эти могутъ быть родственны между собою* (напр. русскій и нѣмецкій и т. п.), или же не родственны (напр. русскій и чувашскій и т. п.). Наблюденія референта производились надъ русской рѣчью двухъ тюркскихъ народностей: Чувашъ и Татаръ (напр. Чувашинъ говоритъ: „время-то прошелъ ужъ“, т.-е. смѣшеніе родовъ; „училъ своя теревня“, т.-е. перенесеніе функціи предлоговъ на окончаніе, и т. п.).

II. Смѣшанныя нарѣчія, возникающія при соприкосновеніи двухъ близко родственныхъ языковъ, напр. русскаго и польскаго, русскаго и чешскаго и т. п. Вслѣдствіе присутствія въ такихъ языкахъ массы сходныхъ въ звуковомъ отношеніи словъ, но выработавшихъ разное значеніе (ср. рус. милость и польское *miłość* и т. п.), въ смѣшанной рѣчи этого типа будутъ встрѣчаться ошибки въ семасіологическомъ употребленіи словъ.

III. Смѣшанныя нарѣчія, возникающія въ томъ случаѣ, когда соприкасаются нарѣчія одного и того же языка. Таковы переходные говоры отъ малорусскаго къ бѣлорусскому, отъ малорусскаго къ великорусскому и т. п.

Что касается *характера* смѣшанности, то нужно различать два главныхъ случая: 1) одно соприкасающееся нарѣчіе имѣетъ тенденцію ассимилироваться съ другимъ, уступать мѣсто другому; 2) ни одно изъ соприкасающихся нарѣчій не проявляетъ особенной склонности къ ассимиляціи, и только въ случаѣ разговора между лицами двухъ разныхъ нарѣчій дѣлаются попытки приспособить свою рѣчь къ лучшему пониманію другого.

Смѣшанныя нарѣчія требуютъ всесторонняго изученія, т.-е. въ отношеніяхъ фонетическомъ, морфологическомъ и синтаксическомъ. При этомъ фонетическое изученіе должно стремиться представить соотношеніе звуковыхъ системъ въ соприкасающихся нарѣчіяхъ, а также и то, какъ звуки одной системы подмѣняются звуками другой системы.

Матеріалъ для изученія смѣшанныхъ нарѣчій долженъ почерпаться изъ непосредственныхъ наблюденій; художественныя пародіи смѣшанной рѣчи (напр. рѣчь Карла Ивановича въ „Дѣтствѣ, отрочествѣ и юности“ гр. Л. Толстого, или еврейскій жаргонъ въ повѣсти „Жидъ“ Тургенева и т. п.) должны составлять хотя и важный, но лишь дополнительный источникъ; онѣ могутъ обратить вниманіе на такія типическія черты, которыя могли ускользнуть при непосредственныхъ наблюденіяхъ.

Изученіе смѣшанныхъ русско-инородческихъ нарѣчій будетъ способствовать уясненію историческаго процесса ассимиляціи инородцевъ при поступательномъ колонизаціонномъ движеніи русскаго племени. Въ самомъ русскомъ языкѣ на такихъ смѣшанныхъ территоріяхъ могутъ быть явленія, обусловленныя существованіемъ той или другой инородческой подпочвы. Такія явленія будутъ выражаться, по мнѣнію референта, въ томъ или другомъ характерѣ вокализма (напр. „низкомъ“ и пр.), въ характерѣ мелодическаго и ритмическаго строенія словъ и фразъ, въ порядкѣ словъ въ предложеніи и др.

А. И. Соболевскій не соглашался съ тѣмъ положеніемъ референта, что русскій литературный языкъ, принявшій много элементовъ языка церковно-славянскаго, относится къ числу смѣшанныхъ.

4. В. М. Площанскій сдѣлалъ докладъ о древнѣйшихъ актовыхъ книгахъ Виленскаго Центральнаго архива, относящихся къ Люблинской губерніи, именно о *городскихъ книгахъ гор. Холма* съ XV в. до половины XVII. (Т. I, стр. 154).

13 августа, вечеромъ.

ОТДѢЛЕНІЕ IV. Памятники быта.

Почетный председатель Арс. И. Маркевичъ.

Председатель Н. И. Веселовскій.

Секретарь С. М. Середонинъ.

1. К. П. Гуковскій познакомилъ членовъ Съѣзда, въ виду предстоявшей имъ экскурсіи въ Ковно, съ древностями этого города и его уѣзда.

2. Ю. А. Кулаковскій сдѣлалъ сообщеніе: „*О керченскихъ катакомбахъ съ фресками*“.

Указавъ на давность археологическаго изслѣдованія на почвѣ древней Пантикапеи (нынѣ Керчь) и на обиліе добытаго на этой территоріи матеріала, референтъ далъ опредѣленіе того типа погребальныхъ сооружений, который извѣстенъ подъ терминомъ „катакомбъ“. Упомянувъ затѣмъ о катакомбахъ съ фресками, найденныхъ въ прежнее время, онъ перешелъ къ отчету о двухъ памятникахъ того же рода, открытыхъ въ 1890 и 1891 году. Отмѣтивъ общую хронологію этого типа погребенія (первыя вѣка по Р. Х.) и послѣдовательно останавливаясь затѣмъ на отдѣльныхъ мотивахъ декораціи (поскольку позволяли то имѣвшіеся налицо рисунки), референтъ доказывалъ, что всѣ они принадлежать греко-римскому искусству и отрицають присутствіе восточнаго элемента (на чемъ настаивалъ по отношенію къ такой же катакомбѣ, открытой въ 1872 году, г. Стасовъ). Съ большей подробностью референтъ разсмотрѣлъ сцену такъ называемой „семейной трапезы“ и указалъ на смѣну въ археологической наукѣ воззрѣній въ ея изъясненіи. Въ заключеніе онъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о надписи, которая выведена красной и черной красками на столбѣ въ катакомбѣ, открытой въ 1890 году. Надпись эта даетъ имя и званіе лица (Соракъ, сынъ Сорака, взыскатель штрафовъ), содержитъ указаніе на сооруженіе катакомбы (при чемъ интересно отмѣтить то, что она названа *ἱερόιον*, и заканчивается закличаніемъ нарушителю могильнаго покоя почившаго).

Свой докладъ проф. Кулаковскій закончилъ слѣдующимъ обращеніемъ къ Съѣзду: „Если въ Керчи и не идетъ теперь непрерывная и живая работа по изслѣдованію древностей, какъ то было раньше, то тѣмъ не менѣе эта территорія находится подъ охраной подлежащей власти и продолжаетъ давать время отъ времени важныя и цѣнныя находки. Но есть другое мѣсто на побережьи Чернаго моря, мѣсто забытое и заброшенное, по разнымъ условіямъ недоступное для научнаго изслѣдованія, это — Ольвія. О печальномъ положеніи дѣла науки въ этихъ предѣлахъ сообщалъ въ своемъ недавнемъ докладѣ профессоръ Штернъ. Въ Ольвіи идутъ раскопки, но тайныя и хищническія. Добываемыя такимъ путемъ вещи или безслѣдно исчезаютъ для науки, или, въ рѣдкихъ случаяхъ, попадая иной разъ въ руки ученыхъ специалистовъ и въ ученыя учрежденія, онѣ изучаютъ насъ гораздо меньше, чѣмъ какъ то могло бы быть при иныхъ условіяхъ находки. Территорія Ольвіи находится въ частномъ владѣніи. Не оказалось ли бы поэтому возможнымъ обратиться отъ имени

Съѣзда къ собственницѣ, графинѣ Мусиной-Пушкиной, съ просьбой открыть доступъ въ эти предѣлы людямъ ученаго интереса“.

Ө. И. Успенскій: Ольвія представляетъ собой вопросъ, крайне нуждающійся во вниманіи Археологическаго Съѣзда. Я не знаю, многіе ли изъ членовъ бывали въ Ольвіи, но намъ недавно случилось быть въ Ольвіи. Положеніе Ольвіи печальное, и тамъ хладнокровно быть нельзя. Въ Одессѣ мы давно привыкли видѣть, получать и слышать о памятникахъ, которые находятся въ Ольвіи. Ихъ привозятъ въ Одессу, и если найдутъ покупателей, то продаютъ; если не найдутъ, то сбываютъ за границу. Въ послѣднее время была масса такихъ предметовъ въ Одессѣ и въ ближайшихъ городахъ, какъ напр. Кишиневѣ. Вещи приходилось видѣть чрезвычайно цѣнныя (нѣкоторыя были приобрѣтены Одесскимъ Обществомъ Древностей) на примѣръ, жертвенное блюдо громадной величины съ подписью имени. Циркуляція памятниковъ заставила меня отправиться въ Ольвію и посмотрѣть на мѣстѣ. Безъ содроганія объ этомъ нельзя говорить и вспоминать. Ольвія недоступна ученымъ, она составляетъ частное владѣніе, но предметы древности оттуда постоянно выкапываются. Ольвія предоставлена въ настоящее время частной инициативѣ, и мѣстное населеніе употребляетъ всѣ средства, чтобы добывать предметы, которые такимъ образомъ пропадаютъ для науки. Эти люди, добывающіе древности, не смѣютъ открыто продавать ихъ, потому что за этимъ слѣдитъ херсонскій губернаторъ. Крестьяне ихъ добываютъ на своихъ собственныхъ земляхъ: роютъ канавы, погребя и находятъ предметы древности. Такъ какъ они не смѣютъ сбывать ихъ открыто, то появилась масса посредниковъ. Мѣстные евреи скупаютъ эти предметы, и они приходятъ въ Одессу изъ третьихъ рукъ и по дорогой цѣнѣ. Кромѣ того, тамъ дѣлается еще худшее: появилось общество фальсификаторовъ. Въ Парутинѣ мужики научились поддѣлывать надписи на мраморѣ; найдутъ предметъ, мраморъ или вазу, и не покажутъ въ томъ видѣ, какъ нашли, а разобьютъ на кусочки и продаютъ по кусочкамъ, или разобьютъ и склеятъ, чтобы предметъ приобрѣлъ больше значенія. Я прошу Археологическій Съѣздъ поднять вопросъ объ охраненіи ольвійскихъ древностей.

Графиня П. С. Уварова предложила Съѣзду обратиться къ гр. Мусиной-Пушкиной, которой принадлежитъ эта мѣстность, съ ходатайствомъ — дать Одесскому Обществу Исторіи и Древностей право производить тамъ раскопки. Съѣздъ вполне присоединился къ этому предложенію предсѣдателя.

З. А. И. Соболевскій доложилъ собранію рефератъ М. В. Довнара-Запольскаго: „*Къ вопросу о Лель*“. Въ настоящее время существованіе божества „Лель“ у Славянъ отрицается наукой на томъ основаніи, что имя этого божества встрѣчается только у хронистовъ, и притомъ извѣстіе Стрыйковскаго объ этомъ божествѣ передано въ такой формѣ, что само извѣстіе кажется очень сомнительнымъ. Въ текстахъ пѣсенъ этого имени до сихъ поръ не встрѣчали; но автору удалось найти одну пѣсню, въ самомъ текстѣ которой оно есть; поэтому онъ думаетъ, что найденная имъ пѣсня даетъ нѣкоторую надежду, при дальнѣйшихъ поискахъ, приблизить сомнительный вопросъ о существованіи этого божества къ положительному рѣшенію.

Прочитавъ рефератъ, А. И. Соболевскій замѣтилъ, что эта пѣсня свадебная, выдернутая изъ ряда пѣсенъ свадебнаго обряда; имя невѣсты въ пѣснѣ упомянуто, а имени жениха, которое въ свадебныхъ пѣсняхъ вродѣ приведенной обыкновенно также упоминается, въ этой пѣснѣ нѣтъ; по этому самому является возможнымъ предположеніе, что „Лелей“ пѣсни есть сокращенное имя жениха; въ частности А. И. Соболевскій полагалъ, что это сокращеніе имени „Фалелей“ и привелъ велико-русскую фамилію „Лелеевъ“.

А. В. Лонгиновъ полагалъ, что у славянъ была богиня Леля, имѣвшая близкое отношеніе къ водѣ и морю.

З. Н. И. Веселовскій сдѣлалъ сообщеніе: *„О татарскомъ вліяніи на русскій посольскій церемоніаль до Петра Великаго“*.

Прежніе изслѣдователи не видѣли здѣсь ничего татарскаго: Лешковъ считалъ приемы московской Руси въ этомъ случаѣ продолженіемъ тѣхъ, которые существовали въ удѣльный періодъ; Сахаровъ призналъ ихъ заимствованными изъ Византіи. Референтъ старался доказать, что у насъ посольскій этикетъ цѣликомъ былъ принятъ татарскій. Высказавъ положеніе, что во время господства Татаръ мы должны были принимать татарскихъ пословъ и отправлять своихъ къ ханамъ такъ, какъ этого требовали послѣдніе, референтъ разобралъ отдѣльныя явленія въ посольскомъ обиходѣ и сравнилъ ихъ съ подобными же, существовавшими у Татаръ, а отчасти существующими на Востокѣ и теперь. Подробности касались встрѣчи иностранныхъ пословъ, ихъ содержанія, аудіенці, подарковъ, а равно и наказовъ нашимъ посламъ, какъ вести себя за границей. Здѣсь формальность была развита въ высшей степени, и за нарушеніе ея посоль, по возвращеніи, подвергался осужденію и опалѣ. Заимствованный нами отъ Татаръ церемоніаль съ теченіемъ времени нѣсколько измѣнился. Такъ, у насъ были отмѣнены земные поклоны (бить челомъ), отмѣнено цѣлованіе ноги и замѣнено цѣлованіемъ руки.

Ю. А. Кулаковскій замѣтилъ, что нѣкоторые изъ перечисленныхъ референтомъ обрядовъ (челобитіе, цѣлованіе ногъ и др.) соблюдались уже при дворѣ римскихъ императоровъ, а позднѣе введены были въ церемоніаль, дѣйствовавшій при византійскомъ дворѣ, откуда они могли проникнуть въ московскую Русь. По вопросу о костюмѣ византійскаго императора, г. Кулаковскій напомнилъ о новѣйшей ученой разработкѣ этого вопроса въ изслѣдованіи проф. Д. Θ. Бѣляева. Что касается до значенія коня, какъ атрибута благороднаго происхожденія, то такое значеніе конь имѣлъ во всѣ вѣка европейской исторіи. Такъ, на греческихъ рельефахъ конь (или только голова коня) подлѣ мужской фигуры является атрибутомъ или символомъ „героя“, а по мнѣнію многихъ археологовъ, вообще всякаго человѣка благороднаго происхожденія.

Н. И. Веселовскій отвѣтилъ, что указанныя оппонентомъ подробности придворнаго церемониала и къ Римлянамъ проникли съ Востока, а къ намъ отъ Татаръ, а до Татаръ отсутствовали на Руси.

4. С. Θ. Платоновъ прочиталъ рефератъ М. В. Фурсова: *„По поводу бѣло-русскаго праздника „Свѣча“*.

Сообщивъ по статьѣ г. Жудро (Могилев. Епарх. Вѣдомости 1893 г., № 13) описаніе праздника въ уѣздахъ: Гомельскомъ, Быховскомъ и Климовичскомъ, М. В. Фурсовъ остановился на значеніи этого праздника. По его мнѣнію, праздникъ „Свѣча“ дошелъ до насъ, какъ наслѣдіе отъ временъ языческихъ: это — остатокъ культа огня. Можно допустить, далѣе, что праздникъ „Свѣча“ былъ зерномъ, изъ котораго впоследствии выросли и развились подъ нѣкоторымъ вліяніемъ церкви въ XVI ст. медовыя братства. Хр. П. Ящуржинскій и А. Н. Толмачовъ указали на то, что обычай этотъ сохранился и въ другихъ мѣстахъ Россіи.

А. Н. Толмачовъ прибавилъ, что въ его проживаніе съ 1846 по 1849 годъ въ Козмодемьянскѣ ему приходилось не разъ слышать, что нѣкоторые изъ простолюдиновъ имѣли обыкновение отправляться въ сосѣднее село Нижегородской губ. (Пальцево) „на свѣчу“. Докладъ М. В. Фурсова вызываетъ желаніе, чтобы собраны были кѣмъ-либо изъ любителей древности свѣдѣнія, продолжаютъ ли эти паломничества и донинѣ и не представляютъ ли какого-либо сходства происходящія во время ихъ собранія съ описанными г. Фурсовымъ бѣлорусскими.

А. И. Миловидовъ не согласился видѣть въ этомъ обрядѣ отголосокъ языческой эпохи.

14 августа, утромъ.

ОТДѢЛЕНІЕ I. Первобытныя древности.

Почетный председатель С. Ѳ. Платоновъ.

Председатель Б. В. Антоновичъ.

Секретарь А. А. Спицынъ.

1. А. А. Спицынъ доложилъ: „*Общій обзоръ восточно-славянскихъ курганныхъ древностей*“, на основаніи новыхъ данныхъ и матеріала, уже извѣстнаго въ археологической литературѣ, дѣлая характеристику древностей, находимыхъ въ каменныхъ могилахъ Западнаго края и въ курганахъ Древлянъ, Дреговичей, Кривичей, Полочанъ, новгородскихъ Славянъ, Вятичей, Радимичей и Сѣверянъ.

В. И. Сизовъ дополнилъ это сообщеніе болѣе детальнымъ описаніемъ смоленскихъ древностей. Между прочимъ г. Сизовъ сообщилъ, что у Кривичей встрѣчаются курганы, обложенные камнями, и есть курганныя поля, заключающія по нѣсколько рядовъ параллельно расположенныхъ валовъ со слѣдами трупосожженія; онъ указалъ, далѣе, на то, что въ кривичскихъ древностяхъ необходимо отмѣчать вещи скандинавскаго происхожденія, и высказалъ убѣжденіе, что височныя кольца въ финскихъ курганахъ встрѣчаются лишь спорадически и не характерны для нихъ.

Референтъ, выразивъ благодарность г. Сизову за сообщенныя имъ новыя и очень интересныя свѣдѣнія, счелъ однако возможнымъ допустить сомнѣніе, чтобы скандинавскій элементъ среди кривичскихъ древностей могъ имѣть какое-либо серьезное

значеніе, и находилъ, что случайность находокъ въ финскихъ могильникахъ предметовъ славянскаго типа не легко доказать.

В. Б. Антоновичъ высказался противъ выраженнаго въ рефератѣ мнѣнія, что каменные могилы, расположенныя по Зап. Бугу, принадлежатъ Бужанамъ; онъ готовъ охотнѣе приписать ихъ Ятвягамъ, племени еще неопредѣленнаго происхожденія. Референтъ отвѣтилъ, что слово „Бужане“ онъ употребилъ въ видѣ географическаго, а не этнографическаго термина. На замѣчаніе Н. Ф. Бѣляшевскаго о томъ, что референтъ въ своемъ обзорѣ совершенно не затронулъ древностей Полянъ, послѣдній отозвался, что онъ сдѣлалъ это преднамѣренно, такъ какъ лѣтопись очень неопредѣленно говоритъ о Полянахъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ то, что извѣстно въ литературѣ подъ именемъ полянскихъ древностей, столь не подходитъ къ общему типу другихъ славянскихъ древностей, что ихъ приходится пока обходить молчаніемъ. Съ этимъ мнѣніемъ согласился В. З. Завитневичъ.

Д. Н. Анучинъ выразилъ пожеланіе, чтобы референтъ полнѣе развилъ и обработалъ затронутую имъ тему, и напомнилъ, что при подобной работѣ невозможно обойтись безъ сравненій, безъ изслѣдованія степени и характера иноземнаго вліянія на славянскую культуру, для чего, между прочимъ, рекомендовалъ обратиться къ пособию статистическаго метода, который долженъ опредѣлить пути развитія и распространенія наиболѣе характерныхъ отдѣльныхъ предметовъ. В. З. Завитневичъ, упомянувъ, что силъ одного человѣка для такой задачи недостаточно, напомнилъ, что очень многія цѣнныя археологическія коллекціи до сихъ поръ остаются неизданными, что о многихъ раскопкахъ совершенно ничего не извѣстно, и выразилъ пожеланіе, чтобы описанія такихъ раскопокъ появились возможно скорѣе.

2. Г. Х. Татуръ прочелъ: „О курганахъ Минской губерніи“.

По собраннымъ въ разное время свѣдѣніямъ, въ Минской губерніи считается около 30.000 кургановъ и около 1.000 городищъ, замковищъ и окопищъ; но на основаніи опыта можно утверждать, что на самомъ дѣлѣ кургановъ здѣсь имѣется до 60.000 и городищъ до 1.200. Пространство губерніи заключаетъ памятники періодовъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго, и отъ cadaго изъ нихъ остались свои курганы. Докладчикъ раздѣлилъ курганы Минской губерніи на слѣдующіе разряды:

а) Памятные: они бывають особо поставлены на открытыхъ возвышенностяхъ, среди болѣе населенныхъ въ доисторическое время мѣстъ, обыкновенно значительныхъ размѣровъ; человѣческихъ остатковъ не заключаютъ, но во всѣхъ ихъ можно найти черепки отъ сосудовъ (иногда цѣлые сосуды), каменные и металлическія орудія и остатки отъ жертвоприношеній.

б) Военные, расположены разнообразно, означаютъ военныя побоища; встрѣчаются часто при укрѣпленіяхъ, городищахъ и окопищахъ. Такіе курганы содержатъ въ себѣ обыкновенно значительное количество остововъ: они разнородныхъ размѣровъ.

в) Гробовые, группами установленные (до 600 кургановъ въ группѣ), составляютъ кладбища племенъ, въ данной мѣстности проживавшихъ.

г) Сторожевые, размѣровъ значительныхъ, рѣдко встрѣчаются уединенно, иногда

сопутствуютъ укрѣпленіямъ; расположены по нѣскольку, въ извѣстномъ одинъ отъ другого разстояніи и различномъ направленіи.

д) Путьевые, т.-е. указывавшіе путь среди лѣсовъ, болотъ, озеръ и рѣкъ; расположены обыкновенно вдали отъ другихъ археологическихъ памятниковъ, такъ какъ ихъ соорудили большею частью тамъ, гдѣ населеніе было рѣже, или въ необитаемыхъ мѣстахъ. Такіе курганы человѣческихъ остатковъ не заключаютъ, но между ними встрѣчаются курганы, составляющіе могилы людей, умершихъ на пути.

е) Валики — составляютъ небольшія, продолговатыя возвышенія, иногда перемѣшаны съ курганами. Замѣчены только въ Борисовскомъ уѣздѣ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ курганамъ и этимъ валикамъ даютъ особое названіе „волотовки“.

Ограничиваясь обзорѣніемъ кургановъ съ погребеніемъ (кургановъ съ трупосоженіемъ въ Минской губерніи мало), докладчикъ описалъ устройство такихъ кургановъ, отмѣтилъ, что покойники часто обкладывались досками и берестой, и доказывалъ (психологическими соображеніями и ссылаясь на фактъ глубокаго уваженія къ покойнику, сказавшійся въ самомъ устройствѣ кургановъ, въ снаряженіи покойника, въ обычаѣ поминокъ), что трупъ клали на *потухшемъ* уже кострищѣ и что если встрѣчаются скелеты, обложенные обожженными досками, то доски эти обожжены были не при покойникѣ, а вѣроятно раньше и въ сторонѣ.

Для насыпи кургана, за рѣдкими исключеніями, землю брали вокругъ него, отъ чего кругомъ образовались рвы, которые имѣютъ между собою промежутки. Въ виду того, что въ не нарушенныхъ курганахъ (напр. среди лѣсовъ) эти промежутки между рвами находятся всегда въ одинаковомъ расположеніи относительно скелета, т.-е. что два изъ нихъ лежатъ по сторонамъ головы и два по сторонамъ ногъ, — докладчикъ объясняетъ происхожденіе ихъ ритуаломъ погребенія: можетъ быть, напр., на этихъ промежуткахъ во время насыпки кургана стояли духовныя лица или родственники покойнаго, которые пѣніемъ, звукомъ трубъ и т. п. отгоняли злыхъ духовъ.

Замѣчаемая въ курганахъ прослойка пепла и совершенно мелкаго угля (слѣдовательно отъ совершенно прогорѣвшихъ костровъ), числомъ отъ 2 до 9, въ среднемъ пять слоевъ, — удобно объясняются обычаемъ творить по усопшемъ чрезъ извѣстные промежутки времени поминки. Составные курганы представляютъ собою, вѣроятно, гробницы членовъ одного рода, а можетъ быть одного званія, и образовались постепенными досыпками, сдѣланными рядомъ, числомъ до 5, при чемъ курганъ получалъ форму вала, — а также (когда курганъ уже слишкомъ расширенъ боковыми досыпками) сдѣланными на верху, числомъ до трехъ. Большая часть кургановъ насыпана на поверхности земли. Но иногда яма вырыта въ землѣ (и тогда курганъ ниже). Последнее устройство докладчикъ считаетъ болѣе свойственнымъ тѣмъ курганамъ, которые онъ относитъ къ бронзовому вѣку. Имъ были представлены двѣ таблицы съ вещами изъ кургановъ этого типа, расположенныхъ близъ м. Полелѣвки Борисовскаго уѣзда; изъ вещей этихъ особенно любопытны: головной уборъ изъ парчевой ленты (на бѣломъ тонкомъ полотнѣ, отъ коего есть остатки) съ серебряными золочеными, украшенными разноцвѣтною пастою, бляшками и съ бубенчиками; серьги, костяной гребень, позолоченныя бляшки, нашиваемыя на одеждѣ, нагрудное украшеніе изъ парчевой ленты,

височныя кольца, перстни (серебряный и изъ сѣрватаго неокисляющагося металла легче мѣди).

В. З. Завитневичъ отрицалъ принадлежность представленныхъ докладчикомъ предметовъ къ бронзовому вѣку и указывалъ сходство ихъ съ вещами изъ дреговичскихъ кургановъ; расположеніе всходовъ при окружающихъ курганы рвахъ онъ, по собственному опыту, считалъ случайнымъ и утверждалъ, что гробы, обитые берестой, обжигались въ самой могилѣ (можетъ быть съ цѣлью предохранить скелетъ и вещи въ гробу отъ сырости), при чемъ иногда огонь проникалъ внутрь гроба и повреждалъ помѣщенный тамъ трупъ: иногда кости бывають въ особенномъ состояніи, т.-е. болѣе хрупкія, бѣловатыя, какъ бы обожженные.

Докладчикъ остался при своемъ мнѣніи и относительно промежутковъ и относительно помѣщенія труповъ на потухшемъ кострищѣ. Слабое состояніе костей должно объяснить вліяніемъ почвы, насыпи и т. п. Признакомъ, что скелеты съ такого вида костями не подвергались обожженію, можетъ служить то обстоятельство, что въ этихъ скелетахъ всѣ кости имѣють такой же, казалось бы, обожженный видъ, — какъ самыя крупныя, такъ и самыя мелкія, напр. кости таза, бедра и оконечности рукъ и ногъ, что не могло бы имѣть мѣста въ случаѣ обожженія, такъ какъ, пока успѣли бы обгорѣть кости таза и бедра, покрытыя много тѣломъ, — оконечности рукъ и ногъ истлѣли бы безслѣдно. Притомъ, кости не могутъ имѣть признаковъ обожженія вслѣдствіе обжиганія гроба, какъ предполагаетъ г. оппонентъ, потому что если бы при этомъ огонь былъ такъ силенъ, что, обугливъ тѣло, дошелъ до костей, то до того времени отъ досокъ, составлявшихъ гробъ, остался бы только пепель.

В. Б. Антоновичъ, привѣтствуя раздѣленіе кургановъ, сдѣланное докладчикомъ, а особенно отличное объясненіе строенія составныхъ кургановъ, заявилъ, что онъ присоединяется къ мнѣнію референта о томъ, что курганъ не могъ быть устроенъ одновременно и что въ сроки поминокъ каждый разъ на курганѣ дѣлалась досыпь; но выразилъ сомнѣніе, чтобы демонстрированныя вещи принадлежали къ бронзовому вѣку, потому что между ними нѣтъ массивныхъ, крупныхъ предметовъ, составляющихъ принадлежность бронзоваго вѣка, какъ напр. браслетовъ, колець и т. п., и что фиксированныя украшенія на серьгахъ скорѣе указываютъ на желѣзный вѣкъ. — Докладчикъ пояснилъ, что съ представленными предметами найдены и массивныя предметы, о какихъ упоминаетъ В. Б., но эта раскопка была произведена 17 лѣтъ тому назадъ и вслѣдствіе разныхъ причинъ часть предметовъ изъ нея утеряна. Фиксированныя украшенія на серьгахъ могли бы указывать отчасти на желѣзный вѣкъ только тогда, если бы взять ихъ отдѣльно отъ другихъ, найденныхъ вмѣстѣ предметовъ, но такъ какъ невозможно установить строгой демаркаціонной линіи между предметами бронзоваго и желѣзнаго періода, то нѣкоторые типы, являющіеся въ желѣзномъ вѣкѣ, могли имѣть свое начало и существовать уже въ бронзовомъ. Признакомъ принадлежности описанныхъ кургановъ къ бронзовому вѣку докладчикъ между прочимъ считаетъ присутствіе въ нихъ золотомъ тканаго позумента и отсутствіе среди украшеній бусъ и ожерелій; на мѣсто послѣднихъ здѣсь являються грудныя украшенія изъ позументовъ, а также изъ бляшекъ, которыми вышивали платье подъ шею.

З. В. Б. Антоновичъ сдѣлалъ докладъ: „Замѣтка о крашеныхъ скелетахъ“.

Курганы съ окрашенными костями встрѣчены уже въ значительномъ количествѣ на весьма обширномъ пространствѣ, именно въ границахъ Бессарабіи, Новороссіи, Кіевской и Полтавской губ. и Кубанской области. Находки предметовъ въ нихъ самыя незначительныя: глиняные горшки, каменные орудія и слѣды бронзы. Скелеты лежатъ на спинѣ, а часто также на боку, съ нѣскольکو поджатыми ногами. Окрашенъ бываетъ не весь костякъ, а лишь черепъ, первые шейные позвонки и частью ключицы, а также кости рукъ и ногъ. Мнѣніе о томъ, что кости окрашивались уже послѣ того, какъ отъ трупа оставался одинъ скелетъ, проф. Антоновичъ признаетъ вполне недопустимымъ и высказалъ съ своей стороны предположеніе, что трупы при погребеніи въ курганѣ покрывались поверхъ одежды толстымъ слоємъ охры, которою и окрашивались части скелета, не покрытыя одеждой и обнажившіяся, при разложеніи трупа, прежде другихъ. Предположеніе это основывается между прочимъ на любопытной находкѣ въ одномъ курганѣ окрашенныхъ сверху наглазницъ.

По поводу реферата проф. Антоновича, А. И. Маркевичъ сообщилъ, что въ недавнихъ раскопкахъ г. Скадовскаго встрѣтился довольно большой, но низкій курганъ съ тремя окрашенными костяками, изъ которыхъ одинъ, дѣтскій, былъ покрытъ краскою весьма густо и замѣчательно ровно. Внутри кургана оказалась большая каменная кладка. Костяки лежали головою на сѣверъ; вещей при нихъ, кромѣ глиняныхъ горшковъ, никакихъ не найдено. Весьма любопытнымъ представляется то обстоятельство, что въ насыпи кургана найдено огромное количество кусковъ охры въ величину большого орѣха, расположенныхъ гнѣздами. Д. Н. Анучинъ, убѣдившись помощью переспроса, что В. Б. Антоновичъ не находилъ слѣдовъ цѣлаго краснаго слоя въ курганахъ съ окрашенными костями, въ видѣ особой подстилки подъ трупомъ (кн. Путятинъ и графъ Флери говорятъ, что такой слой замѣчается), — напомнилъ о раскопкахъ г. Витковскимъ въ долину р. Ангары могилъ каменнаго вѣка, обнаружившихъ красныя прослойки во всю ширину погребенія, и объ обычаѣ, наблюдаемомъ до сихъ поръ у нѣкоторыхъ финскихъ народностей, отыскивать для погребенія покойника мѣсто съ глиною опредѣленнаго цвѣта въ почвѣ или привозить хоть горсть извѣстнаго рода земли для могилы. Для рѣшенія вопроса объ окрашиваніи костей проф. Анучинъ считалъ бы не излишнимъ сдѣлать опытъ надъ какимъ-нибудь животнымъ. На положительное утвержденіе Д. Н. Анучина и А. И. Маркевича, что кости въ курганахъ встрѣчаются окрашенными сплошь, со всѣхъ сторонъ, а не сверху только, референтъ отвѣтилъ, что онъ наблюдалъ лишь легкую окраску въ видѣ полосъ. Н. И. Веселовскій, сводя результаты своихъ раскопокъ 1887—1893 гг. въ курганахъ съ окрашенными костями, составляющихъ въ нѣкоторыхъ южныхъ губерніяхъ преобладающую массу кургановъ, сообщилъ, что ему приходилось вообще наблюдать сплошную окраску всего костяка, и что подстилка изъ слоя охры въ изслѣдованныхъ имъ курганахъ — самое обычное явленіе. Въ Симферопольскомъ уѣздѣ часто охра лежитъ въ видѣ бруска у изголовья, и въ такихъ случаяхъ бываетъ окрашена лишь часть черепа. Несомнѣнныхъ признаковъ насыпанія или наложенія поверхъ трупа слоя охры проф. Веселовскій не наблюдалъ. Изрѣдка, въ очень незначительномъ количествѣ, въ курганахъ съ окра-

шенными костями встрѣчаются вещи изъ бронзы (айцо, стержень въ родѣ иглы). Г. А. Хойновскій сообщилъ, что при своихъ раскопкахъ онъ не замѣчалъ слѣдовъ подстилки подъ скелетами изъ охры, которая чаще всего лежала комьями въ головахъ покойника (иногда даже въ горшечкѣ). Г. Хойновскій полагаетъ, что курганы съ окрашенными костями принадлежатъ людямъ первобытной культуры, носившимъ одежды изъ мѣха, который они имѣли обыкновеніе окрашивать водной окисью желѣза, равно какъ лицо и волосы.

4. И. А. Линниченко сдѣлалъ сообщеніе: „*О городѣ Глинскѣ и его древности*“, въ которомъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на характеристикѣ расположенныхъ около Глинска (Полтавской губ.) кургановъ, ближе всего подходящихъ по типу къ группѣ суджанскихъ кургановъ, раскопанныхъ проф. Самоквасовымъ. По находкамъ въ этихъ курганахъ референтъ считаетъ возможнымъ сдѣлать предположеніе, что они принадлежатъ не Славянамъ, а какому-то кочевому племени, быть можетъ Половцамъ. Возражая на такое заключеніе, А. А. Спицынъ выразилъ сожалѣніе, что члены Съѣзда лишены возможности непосредственно ознакомиться съ коллекціей предметовъ, добытыхъ изъ раскопанныхъ г. Линниченко кургановъ, и утверждалъ, что предметы, указанные докладчикомъ въ качествѣ присущихъ только курганамъ этой мѣстности, именно мѣдныя спирали и головные обручи, встрѣчены какъ въ курганахъ несомнѣнно славянскихъ, такъ и въ кладахъ съ славянскими вещами.

Засѣданіе Совѣта Съѣзда

11 августа, утромъ.

1) Докладъ Предсѣдателя Съѣзда о выборѣ мѣста будущаго X Археологическаго Съѣзда.

Въ виду того, что Императорское Русское Археологическое Общество (въ С.-Петербургѣ) будетъ черезъ три года праздновать пятидесятилѣтній юбилей своего существованія, Императорское Московское Археологическое Общество обращалось къ нему съ предложеніемъ соединить празднованіе предстоящаго юбилея съ созваніемъ въ Петербургѣ очереднаго Археологическаго Съѣзда. Предложеніе это было отклонено отношеніемъ отъ 5 мая сего года, за № 86, которое и было прочитано для всеобщаго свѣдѣнія Совѣта Съѣзда. Въ самомъ началѣ Виленскаго Съѣзда нѣкоторыми его членами возбужденъ былъ вопросъ о созваніи будущаго Съѣзда на Волыни въ г. Луцкѣ. По этому вопросу Предсѣдатель Съѣзда графиня Уварова обращалась съ запросомъ къ г. Генераль-Губернатору Юго-Западнаго края и Волынскому губернатору. Отъ обоихъ лицъ получены были вполнѣ сочувственные отзывы, которые и были доложены Совѣту. Но въ бытность въ Вильнѣ Его Императорскаго Высочества Почетнаго Предсѣдателя Виленскаго Съѣзда Великаго Князя Сергія Александровича Предсѣдателю Съѣзда графинѣ Уваровой стало извѣстно, что Его Императорскому Величеству

Государю Императору благоугодно было указать на Балтійскій край, какъ на мѣсто будущаго Съѣзда.

Совѣтъ Съѣзда единогласно постановилъ назначить мѣстомъ будущаго очереднаго X Съѣзда городъ Ригу и просить Предсѣдателя снестись по этому вопросу съ представителями администраціи и учебнаго дѣла въ Балтійскомъ краѣ.

2) Предсѣдатель графиня Уварова поставила вопросъ о времени и мѣстѣ организаціи Предварительнаго Комитета. Было рѣшено ходатайствовать предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о разрѣшеніи созвать Комитетъ въ Москвѣ въ январѣ мѣсяцѣ 1894 года съ 4 по 7 число.

3) Предсѣдателемъ былъ поставленъ вопросъ о мѣстѣ изданія трудовъ Виленскаго Съѣзда.

Было рѣшено поручить дѣло изданія Императорскому Московскому Археологическому Обществу.

4) Предсѣдателемъ внесено было на разсмотрѣніе Совѣта ходатайство Уральскаго Общества Любителей Естествознанія, — „поставить на разсмотрѣніе IX Археологическаго Съѣзда вопросъ о сохраненіи древнихъ памятниковъ отъ уничтоженія и объ облегченіи представителямъ ученыхъ обществъ производства археологическихъ изслѣдованій и о предоставленіи имъ права преслѣдованія хищниковъ законнымъ порядкомъ“.

Было рѣшено: въ виду многообразныхъ трудностей общаго вопроса, а равно неизвѣстности о тѣхъ препятствіяхъ, какія встрѣчаетъ въ своихъ благихъ начинаніяхъ Уральское Общество на мѣстѣ своей дѣятельности, просить Общество доставить болѣе обстоятельный матеріаль по вопросу въ Предварительный Комитетъ будущаго X Съѣзда, а также поручить Предварительному Комитету разработать этотъ вопросъ для будущаго Съѣзда.

5) Предложеніе профессора Д. Н. Анучина о томъ, чтобы было предпринято описаніе виленскихъ памятниковъ старины и храмовъ, при чемъ было бы обращено равное вниманіе какъ на православныя, такъ и на римско-католическія святыни.

Было рѣшено просить Московское Археологическое Общество при изданіи Трудовъ Виленскаго Съѣзда обратить вниманіе на это предложеніе, какъ единогласно принятое всѣмъ Совѣтомъ Съѣзда.

14 августа, днемъ.

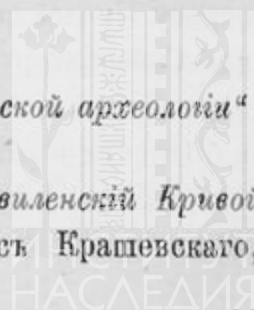
Заключительное собраніе.

Предсѣдатель графиня П. С. Уварова.

Секретарь Ю. А. Кулаковскій.

1. М. С. Карелинъ прочелъ докладъ: „*Первые шаги классической археологіи*“ (Т. I, 116—130).

2. В. Г. Васильевскій сдѣлалъ сообщеніе: „*Гдѣ находился виленскій Кривой замокъ*“.— Историки Литвы и Вильны, какъ польскіе, начиная съ Крапчевскаго,

такъ и русскіе (Д. П. Шловайскій и новѣйшій изслѣдователь виленской топографіи, Ю. О. Крачковскій), признають существованіе въ Вильнѣ въ XIV вѣкѣ двухъ замковъ: верхняго и нижняго. Первый изъ нихъ находился на нынѣшней Замковой горѣ, и развалины его существуютъ и доселѣ; второй лежалъ подъ горой, охватывая мѣстность отъ кафедральнаго костела св. Станислава и до костела св. Анны. Къ этому нижнему замку и приурочиваютъ изслѣдователи названіе „Кривой замокъ“, сохранный въ нѣкоторыхъ историческихъ свидѣтельствахъ. Референтъ долго и самъ раздѣлялъ это воззрѣніе; но изученіе источниковъ, свидѣтельствующихъ объ осадѣ Вильны крестоносцами въ 1390 и 1394 годахъ, привело его къ иному взгляду. О походахъ крестоносцевъ подъ Вильну есть у насъ цѣлый рядъ современныхъ свидѣтельствъ. Таковы: 1) подлинныя донесенія, отчеты и посланія магистровъ ордена; 2) анналы Торнскія, Іоанна Позильгенскаго и Виганда Марбургскаго; 3) документы, относящіеся къ преширательству между рыцарями и польскимъ правительствомъ на Констанцкомъ соборѣ; 4) счетная книга Генриха IV Ланкастерскаго, который былъ среди крестоносцевъ подъ Вильной съ апрѣля 1390 года и по май 1391 года съ 300 рыцарями, и наконецъ 5) сюда можно присоединить Длугоша, хотя въ этомъ послѣднемъ источникѣ многое перепутано и смѣшаны факты первой и второй осады. Изъ сопоставленія свидѣтельствъ перечисленныхъ источниковъ оказывается, что крестоносцы въ первую осаду взяли *деревянный* замокъ, при взятіи котораго и былъ убитъ командовавший тамъ братъ короля Ягайлы, Каригайло. Въ Lites и у Длугоша взятый замокъ называется *castellum curvum*, въ Торнскихъ анналахъ *non muratum*, у Іоанна Позильгенскаго — верхній (*das obirste Hus*), у Виганда Марбургскаго, въ описаніи осады 1394 г., сообщается между прочимъ, что осажденные сдѣлали вылазку и расположились на мѣстѣ древняго верхняго замка (*in loco antiqui castris in monte*), наконецъ, въ счетной книгѣ Генриха IV сообщается о суммѣ, уплаченной въ награду за труды при взятіи замка инженерамъ и минерамъ. Итакъ, замокъ, взятый въ 1390 году крестоносцами, былъ деревянный, стоялъ на возвышенности и былъ по своему времени достаточно укрѣпленъ, если для его взятія нужна была помощь и искусство инженеровъ. Этому деревянному замку, который и носитъ названіе Кривого, противопоставляются *два* другіе, окруженные каменными стѣнами, которыхъ не удалось взять крестоносцамъ, несмотря на продолжительную осаду. Итакъ, общепринятое отождествленіе Кривого замка съ нижнимъ есть ошибка изслѣдователей виленской старины. — Возникаетъ вопросъ: гдѣ же находился этотъ третій виленскій замокъ, взятый и разрушенный рыцарями въ первую осаду Вильны? Основываясь на нѣкоторыхъ мѣстныхъ сказаніяхъ о существованіи подземнаго хода съ Бакшты на Замковую гору, референтъ высказалъ предположеніе, что на Бакштѣ и слѣдуетъ искать мѣсто Кривого замка. Окончательное рѣшеніе вопроса проф. Васильевскій предоставлялъ мѣстнымъ изслѣдователямъ, которые могутъ располагать болѣе обильными и разнообразными средствами для топографическихъ разысканій.

По поводу этого сообщенія Н. И. Петровъ сообщил нѣсколько добытыхъ имъ данныхъ, имѣющихъ цѣлью опредѣлять хронологію построекъ путемъ измѣренія размѣра кирпичей, изъ которыхъ сложено зданіе. Н. И. измѣрялъ кирпичи древнихъ

зданий въ Ковнѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ, Оршѣ (въ Оршѣ оказалась система особая) и пришелъ, вообще говоря, къ выводу, что квадратный кирпичъ великокняжеской эпохи, расколовшись послѣ Татаръ надвое, былъ первоначально длиною въ двѣ четверти, а затѣмъ, ради легкости, сталъ укорачиваться: чѣмъ короче кирпичъ, тѣмъ новѣе зданіе. Попадавшіеся ему кирпичи въ Ботаническомъ саду заставляютъ предполагать, что сооруженіе замка на горѣ относится къ XVI вѣку.

3. Н. Ѳ. Бѣляшевскій обратился отъ имени Московскаго Нумизматическаго Общества къ Съѣзду съ просьбой доставлять точныя свѣдѣнія о находимыхъ въ разныхъ мѣстахъ монетныхъ кладахъ. Желая содѣйствовать выясненію вопроса о топографическомъ распредѣленіи монетныхъ кладовъ, Общество заготовило бланки для такихъ сообщеній и надѣется путемъ собранія въ одинъ центръ подобнаго рода свѣдѣній и своевременной ихъ публикаціи содѣйствовать развитію нумизматическихъ свѣдѣній въ предѣлахъ Россіи.

4. Предсѣдатель Съѣзда, графиня П. С. Уварова заявила о поднесеніи въ даръ Съѣзду слѣдующихъ изданій:

1. Г. Х. Татуръ, *„Очеркъ археологическихъ памятниковъ на пространствѣ Минской губерніи и ея археологическое значеніе“*. Минскъ 1892.

2. І. А. Хойновскій, *„Раскопки великокняжескаго двора древняго града Кіева“*. Кіевъ 1893.

3. П. В. Владимировъ, *„Докторъ Францискъ Скорина“*. С.-Петербургъ 1888.

4. Карасевъ и Поповъ, *„Краткое историческое и статистическое описаніе войска Донскаго“*. Новороссійскъ 1887.

5. *„Акты, относящіеся къ исторіи войска Донскаго“*, собранные ген.-лейт. Лишинымъ. Томъ І. Новороссійскъ 1891.

6. А. К. Жизневскій поднесъ брошюру протоіерея Вл. Успенскаго, *„Литовскіе пограничные городки: Селукъ, Горышинъ и др.“*. Тверь 1892.

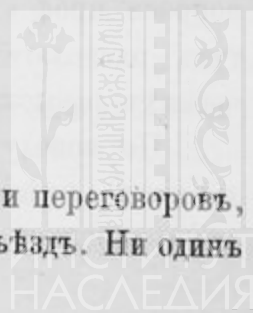
По установившемуся на прежнихъ Съѣздахъ обычаю, было рѣшено передать означенные труды въ Виленскую Публичную бібліотеку, а брошюру протоіерея Успенскаго, доставленную въ количествѣ 225 экземпляровъ раздавать депутатамъ и другимъ членамъ Съѣзда.

5. Предсѣдатель Ученаго Комитета Съѣзда Ѳ. И. Успенскій прочелъ отчетъ объ ученой дѣятельности Съѣзда. Представивъ перечисленіе докладовъ по группамъ, онъ сдѣлалъ общую характеристику направленія, взаимной связи и значенія заслушанныхъ на Съѣздѣ ученыхъ сообщеній и закончилъ отчетъ общимъ обзоромъ состоявшей при Съѣздѣ Археологической Выставки.

6. Предсѣдатель Съѣзда, графиня П. С. Уварова обратилась къ собранію со слѣдующимъ заключительнымъ словомъ:

Милостивые Государи!

Ни одинъ Съѣздъ не возбуждалъ такъ много толковъ, докладовъ и переговоровъ, какъ нынѣ заканчивающій свою дѣятельность IX Археологическій Съѣздъ. Ни одинъ

Съѣздъ не возбуждалъ такъ много опасеній, ни объ одномъ не распространялось такъ много разсказовъ, предположеній и пр.

Слухамъ этимъ мы обязаны тѣмъ, что: а) предполагаемая Московскимъ Предварительнымъ Комитетомъ филиальная отдѣленія въ разныхъ городахъ Западнаго края не могли основаться; б) описаніе церквей, какъ православныхъ, такъ и католическихъ, не состоялось; в) содѣйствіе иностранныхъ славянскихъ музеевъ не было достигнуто; г) на выставку не только не поступило ни одной мѣстной коллекціи, но почти нѣтъ заявленій о существующихъ въ краѣ коллекціяхъ; д) многіе собиратели предъявили свои коллекціи только тогда, когда на Съѣздъ пріѣхали представители Московскаго Предварительнаго Комитета, и е) что къ членамъ Съѣзда и его засѣданіямъ на первыхъ порахъ относились съ нѣкоторымъ недоверіемъ и даже страхомъ.

Несмотря однакожь на эти неблагоприятныя условія, несмотря на то, что за недостаткомъ денежныхъ средствъ Предварительный Комитетъ не могъ исполнить начерченной имъ программы систематическаго обслѣдованія края, Съѣздъ собрался въ назначенное время, оказался очень многолюднымъ (пріѣхавшихъ 161, изъ нихъ 51 профессоровъ, всѣхъ же 411 чел.) и съ первыхъ же засѣданій пріобрѣлъ расположеніе публики и сталъ ею посѣщаться весьма послѣдовательно и доброжелательно. Пріѣхали на Съѣздъ и посѣтители прежнихъ съѣздовъ, какъ Дм. Ив. Иловайскій, проф.: Павинскій, Мѣржинскій, Анучинъ, Веселовскій, Васильевскій, Кирпичниковъ, Успенскій и др., и болѣе молодыя силы, какъ Соболевскій, Богородицкій, Карелинъ, Пѣтуховъ, Филевичъ, Прѣсняковъ и др. Привезли доклады мѣстные собиратели и изслѣдователи: съ Волыни — Люба-Радзиминскій, изъ Гродно — гр. Флери, изъ Минска — Татуръ, изъ Могилева — Фурсовъ, изъ Ковно — Гуковскій и пр.

Въ толпѣ, между публикой, присматриваясь и прислушиваясь къ трудамъ болѣе заслуженныхъ членовъ Съѣзда, и вѣроятно съ цѣлью впослѣдствіи заполнить ихъ ряды — находимъ молодыхъ мѣстныхъ помѣщиковъ, изъ которыхъ Снитко — уже поработалъ для Предварительнаго Комитета, а Вислоухъ, Миловидовъ и др. по заявленію знающихъ ихъ людей науки — готовы работать, собираютъ свѣдѣнія, занимаются исторіей края...

Явилось на Съѣздъ и много священниковъ, которые весьма усердно посѣщаютъ засѣданія, осматриваютъ выставку и знакомятся съ изданіями, поднесенными Съѣзду. Да позволено мнѣ высказать надежду, что подобное общеніе мѣстнаго духовенства съ людьми науки и ознакомленіе его съ желаніями и требованіями современной археологіи принесетъ пользу серьезному, научному изученію древностей края и дастъ, можетъ быть, возможность включить въ Труды Съѣзда описаніе мѣстныхъ церквей, замковищъ и пр.

Исполненіе этихъ пожеланій тѣмъ болѣе необходимо, что описаніе церковныхъ и архитектурныхъ памятниковъ края представлено на Съѣздѣ весьма слабо и состоитъ исключительно изъ докладовъ московскаго архитектора А. М. Павлинова — о витебскихъ церквахъ и архитектора Неймана изъ Динабурга — о мѣстныхъ рыцарскихъ замкахъ.

Правда католическое духовенство совершенно отсутствовало на Съѣздѣ, но

мѣстный Архіепископъ обѣщалъ мнѣ, что описаніе костеловъ подвигается и что оно будетъ со временемъ доставлено Московскому Археологическому Обществу. Гродненскій же помѣщикъ гр. Флери представилъ на Съѣздѣ описаніе храмовъ въ Ломжѣ и Визнѣ и обѣщаетъ свое дальнѣйшее содѣйствіе въ этомъ направленіи, что, можетъ быть, послужитъ примѣромъ и стимуломъ для остальныхъ его соотечественниковъ.

Итакъ, Съѣздъ состоялся, посѣщался и занимался своимъ дѣломъ серьезно, какъ о томъ свидѣтельствуется только что выслушанный докладъ почтеннаго Предсѣдателя Ученаго Комитета, Ѳ. П. Успенскаго. Серьезно-научная постановка дѣла и такое же отношеніе къ возбужденнымъ на Съѣздѣ вопросамъ и интересамъ, кажется, совершенно измѣнили въ пользу Съѣзда и его членовъ взгляды мѣстныхъ жителей и ихъ отношенія къ тѣмъ задачамъ и пожеланіямъ, которыя высказывались Предварительнымъ Комитетомъ.

Въ сущности же недоброжелательность оказанная Съѣзду въ его подготовительныхъ работахъ и слухи распускаемые о его направленіи меня *не очень* беспокоятъ, такъ какъ милости Царскія, оказанныя Виленскому Съѣзду, и посѣщеніе его Ихъ Императорскими Высочествами, Почетнымъ Предсѣдателемъ Съѣзда, Великимъ Княземъ Сергіемъ и Его Августѣйшею Супругою — достаточно свидѣлствуютъ о милостивомъ расположеніи Съѣздамъ вообще и Державнаго Повелителя земли Русской къ Археологическимъ къ представителямъ русской науки въ частности.

Будущій очередной Съѣздъ 1896 года назначенъ въ г. Ригѣ, при чемъ Совѣтомъ Съѣзда единогласно было постановлено просить Его Императорское Высочество Великаго Князя Сергія Александровича благоволить принять снова его Предсѣдательство и вмѣстѣ съ тѣмъ поручено Императорскому Московскому Археологическому Обществу испросить Высочайшее соизволеніе на созваніе Предварительнаго Комитета для устроенія Съѣзда, въ Москвѣ, при Обществѣ, въ январѣ будущаго 1894 года (отъ 4-го по 7-е января). Печатаніе Трудовъ Виленскаго Съѣзда возложено также на Московское Археологическое Общество, на основаніи чего, и въ виду совершенно обезпеченныхъ денежныхъ средствъ на это дѣло, имѣю честь покорнѣйше просить гг. референтовъ, поспѣшить доставленіемъ въ Москву своихъ рефератовъ, такъ какъ отсутствіе ихъ невольно заставитъ насъ отсрочить весьма желательное быстрое печатаніе Трудовъ.

Совѣтомъ Съѣзда было высказано пожеланіе, въ виду въ особенности денежныхъ суммъ Всемиловѣйше пожалованныхъ Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ Цесаревичемъ, чтобы въ Трудахъ Съѣзда былъ отведенъ отдѣлъ для описанія мѣстныхъ памятниковъ старины, на что Московское Археологическое Общество имѣетъ обратить особое вниманіе и стараніе.

Въ Трудахъ будутъ также помѣщены и тѣ рефераты, которые были представлены на Съѣздѣ, но не могли быть доложены за недостаткомъ времени*).

*) См. статьи: А. М. Павлинова, В. И. Неймана, наст. Буленштейна, В. С. Дамьлевича, о. Л. Павскаго — въ I томѣ. Кромѣ того не успѣли быть доложенными на Съѣздѣ, но появились съ тѣхъ поръ въ другихъ изданіяхъ, взяты обратно авторами, вошли въ составъ матеріаловъ по археологической картѣ Россіи и т. п. слѣдующія статьи и замѣтки: статьи: г. Гуковскаго — „Семейно имущественныя отношенія литовскихъ крестьянъ Ковенской губ.“; В. В. Грязнова — „О Коложской церкви“; М. В. Довнар-За-

Совѣтомъ Съѣзда постановлено вмѣстѣ съ тѣмъ: а) просить Предварительный Комитетъ будущаго Съѣзда выработать правила о сохраненіи древнихъ памятниковъ на Руси и права ихъ обслѣдованія, болѣе удовлетворяющія требованіямъ науки, чѣмъ тѣ, которыя находятся въ употребленіи до сего времени, и б) поручить Предсѣдателю Съѣзда, графинѣ Уваровой, войти въ сношеніе съ мѣстной владѣлицей древней Ольвиі, графиней Музиной-Пушкиной для испрошенія у нея Императорскому Одесскому Обществу Исторіи и Древностей дозволенія заняться систематическимъ изученіемъ Ольвиі.

Мѣстные же ученые и изслѣдователи, какъ сѣверо, такъ и юго-западныхъ губерній, высказываютъ серьезное желаніе основать въ Вильнѣ Археологическое Общество, которое имѣло бы задачей послѣдовательно и научно заняться разслѣдованіемъ и изданіемъ древностей края, мысль, которой мы не можемъ не сочувствовать и исполненію которой намѣрены усердно поработать.

Но, господа, какъ ни хорошо намъ было въ Вильнѣ, какъ ни внимательны и добры были къ намъ его жители и власти, — но настала минута разставанья, и я предлагаю вамъ въ эту минуту дозволить мнѣ, какъ вашему бывшему Предсѣдателю, выразить отъ лица всего Съѣзда нашу искреннюю благодарность за ихъ любезное къ намъ отношеніе, за ихъ пріемъ и привѣтъ, за ихъ хлопоты въ нашемъ размѣщеніи и поѣздкахъ:

г. Генераль-Губернатору Петру Вас. Оржевскому; его предупредительной и любезной супругѣ; барону Гревеницу; г. Попечителю, который съ такимъ интересомъ слѣдилъ за нашими обсужденіями; г. Городскому Головѣ и представителю города Артуру Стан. Долинскому и въ ихъ лицѣ всѣмъ представителямъ города Вильны; директорамъ гимназій, которыя насъ пріютили, Пав. Ив. Яхонтову и Мих. Ал. Бжезинскому, и директорамъ учительскаго института Всевол. Сем. Богоявленскому, у котораго жили и благодумствовали многіе члены нашего Съѣзда.

Мы были бы не справедливы если, заканчивая наши труды, не выразили бы также нашей признательности и благодарности тому, который руководилъ всей ученой стороной дѣла, любезному и предупредительному Предсѣдателю Ученаго Комитета Съѣзда, Ѳ. И. Успенскому.

Кончая, имѣю честь заявить, что Почетный Предсѣдатель Съѣзда, Его Императорское Высочество Великій Князь Сергій Александровичъ, покидая Вильну, заявилъ мнѣ, что Его Высочеству угодно также прибавить и свою денежную лепту къ уже дарованнымъ Высочайше суммамъ, отпущеннымъ на изданіе Трудовъ Съѣзда.

польскаго — „Археологическая карта Гродненской губ. съ объяснительною запиской“; *С. С. Слуцкаго* — „Кресты въ прибалтійскихъ раскопкахъ“; *В. Н. Сторожева* — „Къ вопросу о практикѣ помѣстнаго права“; *о. Шверубовича* — „Святѣни и памятники христіанства въ Вильнѣ съ XIV в.“; краткія замѣтки: *И. А. Голышева* — „Рукописная повѣсть о видѣвіи Козмы игумена, XVII в.“ и замѣтка о желательности изданія „Памятной археологической книжки“; *С. С. Слуцкаго* — „Le cardinal Humbert et les crois gresques du XI siècle“ и *бар. Д. О. Шептима*: „Замѣтка о литовской миеологии“ *Д. А. Висковатова* прислалъ шесть таблицъ раскопокъ, произведенныхъ имъ въ Пюхтицѣ Эстляндской губерніи (самый отчетъ о раскопкахъ предназначался для „Временика Эстляндской губ.“, гдѣ и появился).

Прим. Редакціи.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ

